

И.С. ТУРГЕНЕВ

Записки охотника

Записки охотника

Иван Сергеевич Тургенев

Аннотация
И. С. Тургенев. Записки охотника
ЗАПИСКИ ОХОТНИКА
ДОПОЛНЕНИЯ
ПРИЛОЖЕНИЯ
А. Л. ГРИШУНИН. О ТЕКСТЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»
ПРИМЕЧАНИЯ
ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ К ЧЕРНОВЫМ РЕДАКЦИЯМ
УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

Аннотация

В книгу вошли рассказы И. С. Тургенева — знаменитые "Записки охотника", принесшие писателю широкую известность.

[Внимание! Раздел "Черновые редакции" не вычитывался.]

И. С. Тургенев
Записки охотника

И. С. ТУРГЕНЕВ
Фотография А. И. Деньера. Петербург

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

ИВАН СЕРГЕЕВИЧ ТУРГЕНЕВ

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ А, Л. ГРИШУНИН, В. А. ГРОМОВ, А. М, ДОЛОТОВА, Л. Н. СМИРНОВА

МОСКВА «НАУКА» 1991

Редакционная коллегия серии «литературные памятники»

В. Е. Багно, Н. И. Балашов (заместитель председателя), *Г. П. Бердников, В. Э. Вацуро, М. Л. Гаспаров, А. Л. Гришунин, Л. А. Дмитриев, Н. Я. Дьяконова, Б. Ф. Егоров* (заместитель председателя), *Н. А. Жирмунская, А. В. Лавров, Д. С. Лихачев* (председатель), *А. Д. Михайлов, Д. В. Ознобишин, И. Г. Птушкина* (ученый секретарь), *А. М. Самсонов* (заместитель председателя), *Я. М. Стеблин-Каменский, С. О. Шмидт*

Ответственный редактор Н. М. ЧЕРНОВ

Издательство «Наука», 1991 г. (Составление, статьи, примечания)

ЗАПИСКИ ОХОТНИКА

ЗАПИСКИ
ОХОТНИКА.

СОЧИНЕНІЕ

ИВАНА ТУРГЕНЕВА.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.
ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.
1852.

Титульный лист первого издания «Записок охотника»

ХОРЬ И КАЛИНЫЧ

Кому случалось из Болховского уезда перебираться в Жиздринский, того, вероятно, поражала резкая разница между породой людей в Орловской губернии и калужской породой. Орловский мужик невелик ростом, сутуловат, угрюм, глядит исподлобья, живет в дрянных осиновых избенках, ходит на барщину, торговлей не занимается, ест плохо, носит лапти; калужский оброчный мужик обитает в просторных сосновых избах, высок ростом, глядит смело и весело, лицом чист и бел, торгует маслом и дегтем и по праздникам ходит в сапогах. Орловская деревня (мы говорим о восточной части Орловской губернии) обыкновенно расположена среди распаханных полей, близ оврага, кое-как превращенного в грязный пруд. Кроме немногих ракит, всегда готовых к услугам, да двух-трех тощих берез, деревца на версту кругом не увидишь; изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой… Калужская деревня, напротив, большею частью окружена лесом; избы стоят вольней и прямей, крыты тесом; ворота плотно запираются, плетень на

задворке не разметан и не вывалился наружу, не зовет в гости всякую прохожую свинью... И для охотника в Калужской губернии лучше. В Орловской губернии последние леса и площадя[*] исчезнут лет через пять, а болот и в помине нет; в Калужской, напротив, засеки тянутся на сотни, болота на десятки верст, и не перевелась еще благородная птица тетерев, водится добродушный дупель, и хлопотунья куропатка своим порывистым взлетом веселит и пугает стрелка и собаку.

В качестве охотника посещая Жиздринский уезд[1] сошелся я в поле и познакомился с одним калужским мелким помещиком, Полутыкиным, страстным охотником и, следовательно, отличным человеком. Водились за ним, правда, некоторые слабости: он, например, сватался за

*** Примечания: ~ note_001 ~**

1

«Площадями» называются в Орловской губернии большие сплошные массы кустов; орловское наречие отличается вообще множеством своебытных, иногда весьма метких, иногда довольно безобразных слов и оборотов.

1 Примечания: 53

В качестве охотника посещая Жиздринский уезд... — В Жиздринском уезде Калужской губ. находились семь деревень Тургенева с населением более 450 ревизских душ, перешедших к нему по наследству после смерти матери и раздела со братом. Крестьяне этих деревень были отпущены Тургеневым на оброк за плату, вдвое меньшую принятой за норму в уезде. См.: *Малинин Д. И.* Жиздринские деревни Тургенева // Известия Калужской ученой архивной комиссии. Калуга, 1914. Вып. XXII, разд. 9.

всех богатых невест в губернии и, получив отказ от руки и от дому, с сокрушенным сердцем доверял свое горе всем друзьям и знакомым, а родителям невест продолжал посылать в подарок кислые персики и другие сырые произведения своего сада; любил повторять один и тот же анекдот, который, несмотря на уважение г-на Полутыкина к его достоинствам, решительно никогда никого не смешил; хвалил сочинения Акима Нахимова и повесть *Пинну*;[2] заикался; называл свою собаку Астрономом; вместо *однако* говорил *одначе* и завел у себя в доме французскую кухню, тайна которой, по понятиям его повара, состояла в полном изменении естественного вкуса каждою кушанья: мясо у этого искусника отзывалось рыбой, рыба — грибами, макароны

---

2 Примечания: 54

…хвалил сочинения Акима Нахимова и повесть Пинну… — А. Н. Нахимов (1783-1815) — поэт-сатирик, автор эпиграмм, басен, сатир на взяточничество, ябедничество, галломанию. «Сочинения в стихах и прозе» А. Нахимова в начале XIX в. издавались несколько раз. Вероятнее всего, Тургенев был знаком с сочинениями Нахимова, вышедшими в Москве в 1842 г. «Пинна» — одна из повестей М. А. Маркова (1810-1876), вошедшая в сборник «Сто русских литераторов» (СПб., 1845. Т. III). Повести Маркова, писавшего в духе Марлютского, по определению Белинского, «забывались в ту же минуту, как прочитывались» (*Белинский.* Т. 9. С. 267). Иронически пересказывая в рецензии на названный сборник содержание «Пинны», Белинский писал, что со смертью героя «на свете стало одним глупцом меньше — единственная отрадная мысль, которую читатель может вынести из этой галиматьи» (там же. С. 269-270).

— порохом; зато ни одна морковка не попадала в суп, не приняв вида ромба или трапеции. Но, за исключением этих немногих и незначительных недостатков, г-н Полутыкин был, как уже сказано, отличный человек.

В первый же день моего знакомства с г. Полутыкиным он пригласил меня на ночь к себе.

— До меня верст пять будет, — прибавил он, — пешком идти далеко; зайдемте сперва к Хорю. (Читатель позволит мне не передавать его заиканья.)

— А кто такой Хорь?

— А мой мужик… Он отсюда близехонько.

Мы отправились к нему. Посреди леса, на расчищенной и разработанной поляне, возвышалась одинокая усадьба Хоря. Она состояла из нескольких сосновых срубов, соединенных заборами; перед главной избой тянулся навес, подпертый тоненькими столбиками. Мы вошли. Нас встретил молодой парень, лет двадцати, высокий и красивый.

— А, Федя! Дома Хорь? — спросил его г-н Полутыкин.

— Нет, Хорь в город уехал, — отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов. — Тележку заложить прикажете?

— Да, брат, тележку. Да принеси нам квасу.

Мы вошли в избу. Ни одна суздальская картина не залепляла чистых бревенчатых стен; в углу, перед тяжелым образом в серебряном окладе, теплилась лампадка; липовый стол недавно был выскоблен и вымыт; между бревнами и по косякам окон не скиталось резвых прусаков, не скрывалось задумчивых тараканов. Молодой парень скоро появился с большой белой кружкой, наполненной хорошим квасом, с огромным ломтем пшеничного хлеба и с дюжиной соленых огурцов в деревянной миске. Он поставил все эти припасы на стол, прислонился к двери и начал с улыбкой на нас поглядывать. Не успели мы доесть нашей закуски, как уже телега застучала перед крыльцом. Мы вышли. Мальчик лет пятнадцати, кудрявый и краснощекий, сидел кучером и с трудом удерживал сытого пегого жеребца. Кругом телеги стояло человек шесть молодых великанов, очень похожих друг на друга и на Федю. «Всё дети Хоря!» — заметил Полутыкин. «Всё Хорьки, — подхватил Федя, который вышел вслед за нами на крыльцо, — да еще не все: Потап в лесу, а Сидор уехал со старым Хорем в город… Смотри же, Вася, — продолжал он, обращаясь к кучеру, — духом сомчи: барина везешь. Только на толч-

ках-то, смотри, потише: и телегу-то попортишь, да и барское черево обеспокоишь!» Остальные Хорьки усмехнулись от выходки Феди. «Подсадить Астронома!» — торжественно воскликнул г-н Полутыкин. Федя, не без удовольствия, поднял на воздух принужденно улыбавшуюся собаку и положил ее на дно телеги. Вася дал вожжи лошади. Мы покатили. «А вот это моя контора, — сказал мне вдруг г-н Полутыкин, указывая на небольшой низенький домик, — хотите зайти?» — «Извольте». — «Она теперь упразднена, — заметил он, слезая, — а всё посмотреть стоит». Контора состояла из двух пустых комнат. Сторож, кривой старик, прибежал с задворья. «Здравствуй, Миняич, — проговорил г-н Полутыкин, — а где же вода?» Кривой старик исчез и тотчас вернулся с бутылкой воды и двумя стаканами. «Отведайте, — сказал мне Полутыкин, — это у меня хорошая, ключевая вода». Мы выпили по стакану, причем старик нам кланялся в пояс. «Ну, теперь, кажется, мы можем ехать, — заметил мой новый приятель. — В этой конторе я продал купцу Аллилуеву четыре десятины лесу за выгодную цену». Мы сели в телегу и через полчаса уже въезжали на двор господского дома.

— Скажите, пожалуйста, — спросил я Полу-

тыкина за ужином, — «отчего у вас Хорь живет отдельно от прочих ваших мужиков?

— А вот отчего: он у меня мужик умный. Лет двадцать пять тому назад изба у него сгорела; вот и пришел он к моему покойному батюшке ж говорит: дескать, позвольте мне, Николай Кузьмич, поселиться у вас в лесу на болоте. Я вам стану оброк платить хороший. — «Да зачем тебе селиться на болоте?» — «Да уж так; только вы, батюшка, Николай Кузьмич, ни в какую работу употреблять меня уж не извольте, а оброк положите, какой сами знаете». — «Пятьдесят рублев в год!» — «Извольте». — «Да без недоимок у меня, смотри!» — «Известно, без недоимок...» Вот он и поселился на болоте. С тех пор Хорем его и прозвали.

— Ну, и разбогател? — спросил я.

— Разбогател. Теперь он мне сто целковых оброка платит, да еще я, пожалуй, накину. Я уж ему не раз говорил: «Откупись, Хорь, эй, откупись!..» А он, бестия, меня уверяет, что нечем; денег, дескать нету... Да, как бы не так!..

На другой день мы тотчас после чаю опять отправились на охоту. Проезжая через деревню, г-н Полутыкин велел кучеру остановиться у низенькой избы и звучно воскликнул: «Калиныч!»

— «Сейчас, батюшка, сейчас, — раздался голос со двора, — лапоть подвязываю». Мы поехали шагом; за деревней догнал нас человек лет сорока, высокого роста, худой, с небольшой загнутой назад головкой. Это был Калиныч. Его добродушное смуглое лицо, кое-где отмеченное рябинами, мне понравилось с первого взгляда. Калиныч (как узнал я после) каждый день ходил с барином на охоту, носил его сумку, иногда и ружье, замечал, где садится птица, доставал воды, набирал земляники, устроивал шалаши, бегал за дрожками; без него г-н Полутыкин шагу ступить не мог. Калиныч был человек самого веселого, самого кроткого нрава, беспрестанно попевал вполголоса, беззаботно поглядывал во все стороны, говорил немного в нос, улыбаясь, прищуривал свои светло-голубые глаза и часто брался рукою за свою жидкую, клиновидную бороду. Ходил он нескоро, но большими шагами, слегка подпираясь длинной и тонкой палкой. В течение дня он не раз заговаривал со мною, услуживал мне без раболепства, но за барином наблюдал, как за ребенком. Когда невыносимый полуденный зной заставил нас искать убежища, он свел нас на свою пасеку, в самую глушь леса. Калиныч отворил нам избушку, увешанную пучками сухих

душистых трав, уложил нас на свежем сене, а сам надел на голову род мешка с сеткой, взял нож, горшок и головешку и отправился на насеку вырезать нам сот. Мы запили прозрачный теплый мед ключевой водой и заснули под однообразное жужжанье пчел и болтливый лепет листьев.

Легкий порыв ветерка разбудил меня… Я открыл глаза и увидел Калиныча: он сидел на пороге полураскрытой двери и ножом вырезывал ложку. Я долго любовался его лицом, кротким и ясным, как вечернее небо. Г-н Полутыкин тоже проснулся. Мы не тотчас встали. Приятно после долгой ходьбы и глубокого сна лежать неподвижно на сене: тело нежится и томится, легким жаром пышет лицо, сладкая лень смыкает глаза. Наконец мы встали и опять пошли бродить до вечера. За ужином я заговорил опять о Хоре да о Калиныче. «Калиныч — добрый мужик, — сказал мне г. Полутыкин, — усердный и услужливый мужик; хозяйство в исправности, одначе, содержать не может: я его всё оттягиваю. Каждый день со мной на охоту ходит… Какое уж тут хозяйство, — посудите сами». Я с ним согласился, и мы легли спать.

На другой день г-н Полутыкин принужден был отправиться в город, по делу с соседом Пичуко-

вым. Сосед Пичуков запахал у него землю и на запаханной земле высек его же бабу. На охоту поехал я один и перед вечером завернул к Хорю. На пороге избы встретил меня старик — лысый, низкого роста, плечистый и плотный — сам Хорь. Я с любопытством посмотрел на этого Хоря. Склад его лица напоминал Сократа: такой же высокий, шишковатый лоб, такие же маленькие глазки, такой же курносый нос. Мы вошли вместе в избу. Тот же Федя принес мне молока с черным хлебом. Хорь присел на скамью и, преспокойно поглаживая свою курчавую бороду, вступил со мною в разговор. Он, казалось, чувствовал свое достоинство, говорил и двигался медленно, изредка посмеивался из-под длинных своих усов.

Мы с ним толковали о посеве, об урожае, о крестьянском быте… Он со мной всё как будто соглашался; только потом мне становилось совестно, и я чувствовал, что говорю не то… Так оно как-то странно выходило. Хорь выражался иногда мудрено, должно быть, из осторожности… Вот вам образчик нашего разговора:

— Послушай-ка, Хорь, — говорил я ему, — отчего ты не откупишься от своего барина?

— А для чего мне откупаться? Теперь я своего барина знаю и оброк свой знаю… барин у нас

хороший.

— Всё же лучше на свободе, — заметил я.

Хорь посмотрел на меня сбоку.

— Вестимо, — проговорил он.

— Ну, так отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутил головой.

— Чем, батюшка, откупиться прикажешь?

— Ну, полно, старина…

— Попал Хорь в вольные люди, — продолжал он вполголоса, как будто про себя, — кто без бороды живет, тот Хорю и на́больший.[3]

— А ты сам бороду сбрей.

— Что борода? борода — трава: скосить можно.

— Ну, так что ж?

— А, знать, Хорь прямо в купцы попадет; купцам-то жизнь хорошая, и те в бородах.

— А что, ведь ты тоже торговлей занимаешься? — спросил я его.

— Торгуем помаленьку маслишком да дегтишком… Что же, тележку, батюшка, прикажешь заложить?

---

3 Примечания: 55

…кто без бороды живет, тот Хорю и набольший — Хорь имеет в виду многочисленный аппарат царских чиновников. В зависимость от любого из них он рисковал попасть, освободившись от крепостной зависимости. По указу Николая I от 2 апреля 1837 г. чиновникам запрещалось носить усы и бороду (подробнее см. примеч. 2 к рассказу «Гамлет Щигровского уезда»).

«Крепок ты на язык и человек себе на уме», — подумал я.

— Нет, — сказал я вслух, — тележки мне не надо; я завтра около твоей усадьбы похожу и, если позволишь, останусь ночевать у тебя в сенном сарае.

— Милости просим. Да покойно ли тебе будет в сарае? Я прикажу бабам постлать тебе простыню и положить подушку. Эй, бабы! — вскричал он, поднимаясь с места, — сюда, бабы!.. А ты, Федя, поди с ними. Бабы ведь народ глупый.

Четверть часа спустя Федя с фонарем проводил меня в сарай. Я бросился на душистое сено, собака свернулась у ног моих; Федя пожелал мне доброй ночи, дверь заскрипела и захлопнулась. Я довольно долго не мог заснуть. Корова подошла к двери, шумно дохнула раза два; собака с достоинством на нее зарычала; свинья прошла мимо, задумчиво хрюкая; лошадь где-то в близости стала жевать сено и фыркать… Я, наконец, задремал.

На заре Федя разбудил меня. Этот веселый, бойкий парень очень мне нравился; да и, сколько я мог заметить, у старого Хоря он тоже был любимцем. Они оба весьма любезно друг над другом подтрунивали. Старик вышел ко мне навстречу. Оттого ли, что я провел ночь под его кровом, по

другой ли какой причине, только Хорь гораздо ласковее вчерашнего обошелся со мной.

— Самовар тебе готов, — сказал он мне с улыбкой, — пойдем чай пить.

Мы уселись около стола. Здоровая баба, одна из его невесток принесла горшок с молоком. Все его сыновья поочередно входили в избу.

— Что у тебя за рослый народ! — заметил я старику.

— Да, — промолвил он, откусывая крошечный кусок сахару, — на меня да на мою старуху жаловаться, кажись, им нечего.

— И все с тобой живут?

— Все. Сами хотят, так и живут.

— И все женаты?

— Вон один, пострел, не женится, — отвечал он, указывая на Федю, который по-прежнему прислонился к двери. — Васька, тот еще молод, тому погодить можно.

— А что мне жениться? — возразил Федя, — мне и так хорошо. На что мне жена? Лаяться с ней, что ли?

— Ну, уж ты… уж я тебя знаю! кольца серебряные носишь… Тебе бы всё с дворовыми девками нюхаться… «Полноте, бесстыдники!» — продолжал старик, передразнивая горничных. — Уж я

тебя знаю, белоручка ты этакой!

— А в бабе-то что хорошего?

— Баба — работница, — важно заметил Хорь. — Баба мужику слуга.

— Да на что мне работница?

— То-то, чужими руками жар загребать любишь. Знаем мы вашего брата.

— Ну, жени меня, коли так. А? что! Что ж ты молчишь?

— Ну, полно, полно, балагур. Вишь, барина мы с тобой беспокоим. Женю, небось… А ты, батюшка, не гневись: дитятко, видишь, малое, разуму не успело набраться.

Федя покачал головой…

— Дома Хорь? — раздался за дверью знакомый голос, — и Калиныч вошел в избу с пучком полевой земляники в руках, которую нарвал он для своего друга, Хоря. Старик радушно его приветствовал. Я с изумлением поглядел на Калиныча: признаюсь, я не ожидал таких «нежностей» от мужика.

Я в этот день пошел на охоту часами четырьмя позднее обыкновенного и следующие три дня провел у Хоря. Меня занимали новые мои знакомцы. Не знаю, чем я заслужил их доверие, но они непринужденно разговаривали со мной. Я с

удовольствием слушал их и наблюдал за ними. Оба приятеля нисколько не походили друг на друга. Хорь был человек положительный, практический, административная голова, рационалист; Калиныч, напротив, принадлежал к числу идеалистов, романтиков, людей восторженных и мечтательных. Хорь понимал действительность, то есть: обстроился, накопил деньжонку, ладил с барином и с прочими властями; Калиныч ходил в лаптях и перебивался кое-как. Хорь расплодил большое семейство, покорное и единодушное; у Калиныча была когда-то жена, которой он боялся, а детей и не бывало вовсе. Хорь насквозь видел г-на Полутыкина; Калиныч благоговел перед своим господином. Хорь любил Калиныча и оказывал ему покровительство; Калиныч любил и уважал Хоря. Хорь говорил мало, посмеивался и разумел про себя; Калиныч объяснялся с жаром, хотя и не пел соловьем, как бойкий фабричный человек… Но Калиныч был одарен преимуществами, которые признавал сам Хорь, например: он заговаривал кровь, испуг, бешенство, выгонял червей; пчелы ему дались, рука у него была легкая. Хорь при мне попросил его ввести в конюшню новокупленную лошадь, и Калиныч с добросовестною важностью исполнил

просьбу старого скептика. Калиныч стоял ближе к природе; Хорь же — к людям, к обществу; Калиныч не любил рассуждать и всему верил слепо; Хорь возвышался даже до иронической точки зрения на жизнь. Он много видел, много знал, и от него я многому научился. Например, из его рассказов узнал я, что каждое лето, перед покосом, появляется в деревнях небольшая тележка особенного вида. В этой тележке сидит человек в кафтане и продает косы. На наличные деньги он берет рубль двадцать пять копеек — полтора рубля ассигнациями; в долг — три рубля и целковый. Все мужики, разумеется, берут у него в долг. Через две-три недели он появляется снова и требует денег. У мужика овес только что скошен, стало быть, заплатить есть чем; он идет с купцом в кабак и там уже расплачивается. Иные помещики вздумали было покупать сами косы на наличные деньги и раздавать в долг мужикам по той же цене; но мужики оказались недовольными и даже впали в уныние; их лишали удовольствия щелкать по косе, прислушиваться, перевертывать ее в руках и раз двадцать спросить у плутоватого мещанина-продавца: «А что, малый, коса-то не больно того?» Те же самые проделки происходят и при покупке серпов, с

тою только разницей, что тут бабы вмешиваются в дело и доводят иногда самого продавца до необходимости, для их же пользы, поколотить их. Но более всего страдают бабы вот при каком случае. Поставщики материала на бумажные фабрики поручают закупку тряпья особенного рода людям, которые в иных уездах называются «орлами». Такой «орел» получает от купца рублей двести ассигнациями и отправляется на добычу. Но, в противность благородной птице, от которой он получил свое имя, он не нападает открыто и смело: напротив, «орел» прибегает к хитрости и лукавству. Он оставляет свою тележку где-нибудь в кустах около деревни, а сам отправляется по задворьям да по задам, словно прохожий какой-нибудь или просто праздношатающийся. Бабы чутьем угадывают его приближенье и крадутся к нему навстречу. Второпях совершается торговая сделка. За несколько медных грошей баба отдает «орлу» не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную паневу. В последнее время бабы нашли выгодным красть у самих себя и сбывать таким образом

пеньку, в особенности «замашки»[4] — важное распространение и усовершенствование промышленности «орлов»! Но зато мужики, в свою очередь, навострились и при малейшем подозрении, при одном отдаленном слухе о появлении «орла» быстро и живо приступают к исправительным и предохранительным мерам. И в самом деле, не обидно ли? Пеньку продавать их дело, и они ее точно продают, не в городе, — в город надо самим тащиться, — а приезжим торгашам, которые, за неимением безмена, считают пуд в сорок горстей — а вы знаете, что за горсть и что за ладонь у русского человека, особенно когда он «усердствует»!

Таких рассказов я, человек неопытный и в деревне не «живалый» (как у нас в Орле говорится), наслушался вдоволь. Но Хорь не всё рассказывал, он сам меня расспрашивал о многом. Узнал он, что я бывал за границей, и любопытство его разгорелось… Калиныч от него не отставал; но Калиныча более трогали описания природы, гор, водопадов, необыкновенных зданий, больших

4 Примечания: 56

«Замашки» — или посконь — волокно из мужских стеблей конопли, в отличие от пеньки, получаемой из конопляной «матерки». Замашки употреблялись для изготовления пряжи, из которой ткут холст, или посконную ткань.

городов; Хоря занимали вопросы административные и государственные. Он перебирал всё по порядку: «Что, у них это там есть так же, как у нас, аль иначе?.. Ну, говори, батюшка, — как же?..» — «А! ах, господи, твоя воля!» — восклицал Калиныч во время моего рассказа; Хорь молчал, хмурил густые брови и лишь изредка замечал, что, «дескать, это у нас не шло бы, а вот это хорошо — это порядок». Всех его расспросов я передать вам не могу, да и незачем; но из наших разговоров я вынес одно убежденье, которого, вероятно, никак не ожидают читатели, — убежденье, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо — то ему и нравится, что разумно — того ему и подавай, а откуда оно идет, — ему всё равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов. Благодаря исключительности своего положенья, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не вы-

воротишь, как выражаются мужики, жерновом не вымелешь. Он действительно понимал свое положенье. Толкуя с Хорем, я в первый раз услышал простую, умную речь русского мужика. Его познанья были довольно, по-своему, обширны, но читать он не умел; Калиныч — умел. «Этому шалопаю грамота далась, — заметил Хорь, — у него и пчелы отродясь не мерли». — «А детей ты своих выучил грамоте?» Хорь помолчал. «Федя знает». — «А другие?» — «Другие не знают». — «А что?» Старик не отвечал и переменил разговор. Впрочем, как он умен ни был, водились и за ним многие предрассудки и предубеждения. Баб он, например, презирал от глубины души, а в веселый час тешился и издевался над ними. Жена его, старая и сварливая, целый день не сходила с печи и беспрестанно ворчала и бранилась; сыновья не обращали на нее внимания, но невесток она содержала в страхе божием. Недаром в русской песенке свекровь поет: «Какой ты мне сын, какой семьянин! Не бьешь ты жены, не бьешь

молодой...»[5] Я раз было вздумал заступиться за невесток, попытался возбудить сострадание Хоря; но он спокойно возразил мне, что «охота-де вам такими... пустяками заниматься, — пускай бабы ссорятся... Их что разнимать — то хуже, да и рук марать не стоит». Иногда злая старуха слезала с печи, вызывала из сеней дворовую собаку, приговаривая: «Сюды, сюды, собачка!» — и била ее по худой спине кочергой или становилась под навес и «лаялась», как выражался Хорь, со всеми проходящими. Мужа своего она, однако же, боялась и, по его приказанию, убиралась к себе на печь. Но особенно любопытно было послушать спор Калиныча с Хорем, когда дело доходило до г-на Полутыкина. «Уж ты, Хорь, у меня его не трогай», — говорил Калиныч. «А что ж он тебе сапогов не сошьет?» — возражал тот. «Эка, сапоги!.. на что мне сапоги? Я мужик...» — «Да вот и я мужик, а вишь...» При этом слове Хорь поднимал свою ногу и показывал Калинычу сапог, скроенный, вероятно, из мамонтовой кожи. «Эх, да ты разве

5 Примечания: 57

«Какой ты мне сын, какой семьянин! Не бьешь ты жены, не бьешь молодой!.. — Слова русской народной песни. К варианту, приведенному Тургеневым, наиболее близки стихи, записанные в южных областях: «Ой, сын, ты мой сын! Что за семьянин? Жену ты не учишь, молоду не журишь!» (*Соболевский.* Т. III. С. 474. Курск. губ., конец 1850-х годов); «Что же ты за сын, что за семьянин? Что не бьешь жену, не учишь добру?» (Там же. Т. II. С. 464-465. Дон, начало 1870-х годов).

наш брат!» — отвечал Калиныч. «Ну, хоть бы на лапти дал: ведь ты с ним на охоту ходишь; чай, что день, то лапти». — «Он мне дает на лапти». — «Да, в прошлом году гривенник пожаловал». Калиныч с досадой отворачивался, а Хорь заливался смехом, причем его маленькие глазки исчезали совершенно.

Калиныч пел довольно приятно и поигрывал на балалайке. Хорь слушал, слушал его, загибал вдруг голову набок и начинал подтягивать жалобным голосом. Особенно любил он песню: «Доля ты моя, доля!»[6] Федя не упускал случая подтрунить над отцом. «Чего, старик, разжалобился?» Но Хорь подпирал щеку рукой, закрывал глаза и продолжал жаловаться на свою долю… Зато, в другое время, не было человека деятельнее его: вечно над чем-нибудь копается — телегу чинит, забор подпирает, сбрую пересматривает. Особенной чистоты он, однако, не придерживался и на мои замечания отвечал мне однажды, что «надо-де избе жильем пахнуть».

— Посмотрика-ка, — возразил я ему, — как у Калиныча на пасеке чисто.

---

6 Примечания: 58

«Доля ты моя, доля!» — буквального совпадения (по первой строке) с известными записями песен нет. Запись песни со сходным стихом «Уж доля моя, доля!» сделана в Рязанской губернии (Там же. С. 409).

— Пчелы бы жить не стали, батюшка, — сказал он со вздохом.

«А что, — спросил он меня в другой раз, — у тебя своя вотчина есть?» — «Есть». — «Далеко отсюда?» — «Верст сто». — «Что же ты, батюшка, живешь в своей вотчине?» — «Живу». — «А больше, чай, ружьем пробавляешься?» — «Признаться, да». — «И хорошо, батюшка, делаешь; стреляй себе на здоровье тетеревов да старосту меняй почаще».

На четвертый день, вечером, г. Полутыкин прислал за мной. Жаль мне было расставаться с стариком. Вместе с Калинычем сел я в телегу, «Ну, прощай, Хорь, будь здоров, — сказал я… — Прощай, Федя». — «Прощай, батюшка, прощай, не забывай нас». Мы поехали; заря только что разгоралась. «Славная погода завтра будет», — заметил я, глядя на светлое небо. «Нет, дождь пойдет, — возразил мне Калиныч, — утки вон плещутся, да и трава больно сильно пахнет». Мы въехали в кусты. Калиныч запел вполголоса, подпрыгивая на облучке, и всё глядел да глядел на зарю…

На другой день я покинул гостеприимный кров г-на Полутыкина.

ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА

Вечером мы с охотником Ермолаем отпра-

вились на «тягу»… Но, может быть, не все мои читатели знают, что такое тяга. Слушайте же, господа.

За четверть часа до захождения солнца, весной, вы входите в рощу, с ружьем, без собаки. Вы отыскиваете себе место где-нибудь подле опушки, оглядываетесь, осматриваете пистон, перемигиваетесь с товарищем. Четверть часа прошло. Солнце село, но в лесу еще светло; воздух чист и прозрачен; птицы болтливо лепечут; молодая трава блестит веселым блеском изумруда… Вы ждете. Внутренность леса постепенно темнеет; алый свет вечерней зари медленно скользит по корням и стволам деревьев, поднимается все выше и выше, переходит от нижних, почти еще голых, веток к неподвижным, засыпающим верхушкам… Вот и самые верхушки потускнели; румяное небо синеет. Лесной запах усиливается, слегка повеяло теплой сыростью; влетевший ветер около вас замирает. Птицы засыпают — не все вдруг — по породам: вот затихли зяблики, через несколько мгновений малиновки, за ними овсянки. В лесу всё темней да темней. Деревья сливаются в большие чернеющие массы; на синем небе робко выступают первые звездочки. Все птицы спят. Горихвостки, маленькие дятли

одни еще сонливо посвистывают… Вот и они умолкли. Еще раз прозвенел над вами звонкий голос пеночки; где-то печально прокричала иволга, соловей щелкнул в первый раз. Сердце ваше томится ожиданьем, и вдруг — но одни охотники поймут меня, — вдруг в глубокой тишине раздается особого рода карканье и шипенье, слышится мерный взмах проворных крыл, — и вальдшнеп, красиво наклонив свой длинный нос, плавно вылетает из-за темной березы навстречу вашему выстрелу.

Вот что значит «стоять на тяге».

Итак, мы с Ермолаем отправились на тягу; но извините, господа: я должен вас сперва познакомить с Ермолаем.

Вообразите себе человека лет сорока пяти, высокого, худого, с длинным и тонким носом, узким лбом, серыми глазками, взъерошенными волосами и широкими насмешливыми губами. Этот человек ходил и зиму и лето в желтоватом нанковом кафтане немецкого покроя,[7] но подпоясывался кушаком; носил синие шаровары и

7 Примечания: 59

… нанковом кафтане немецкого покроя… — Кафтан из грубой бумажной ткани, обычно буро-желтого цвета — нанки. Название происходит от города Нанкина (Китай), где впервые начала производиться эта ткань. «Немецкой» в простонародье называли любую барскую одежду.

шапку со смушками, подаренную ему, в веселый час, разорившимся помещиком. К кушаку привязывались два мешка, один спереди, искусно перекрученный на две половины, для пороху и для дроби, другой сзади — для дичи; хло́пки[8] же Ермолай доставал из собственной, по-видимому, неистощимой, шапки. Он бы легко мог на деньги, вырученные им за проданную дичь, купить себе патронташ и суму, но ни разу даже не подумал о подобной покупке и продолжал заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумление зрителей искусством, с каким он избегал опасности просыпать или смешать дробь и порох. Ружье у него было одноствольное, с кремнем, одаренное притом скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлее левой. Как он попадал из этого ружья — и хитрому человеку не придумать, но попадал. Была у него и легавая собака, по прозванью Валетка, преудивительное созданье. Ермолай никогда ее не кормил. «Стану я пса кормить, — рассуждал он, — притом пес — животное умное, сам найдет себе пропитанье». И действительно: хотя Валетка поражал даже равнодушного прохожего своей

8 Примечания: 60

Хло́пки — род ваты, вычески, оставшиеся после подготовки волокна замашек к прядению.

чрезмерной худобой, но жил, и долго жил; даже, несмотря на свое бедственное положенье, ни разу не пропадал и не изъявлял желанья покинуть своего хозяина. Раз как-то, в юные годы, он отлучился на два дня, увлеченной любовью; но эта дурь скоро с него соскочила. Замечательнейшим свойством Валетки было его непостижимое равнодушие ко всему на свете… Если б речь шла не о собаке, я бы употребил слово: разочарованность. Он обыкновенно сидел, подвернувши под себя свой куцый хвост, хмурился, вздрагивал по временам и никогда не улыбался. (Известно, что собаки имеют способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться.) Он был крайне безобразен, и ни один праздный дворовый человек не упускал случая ядовито насмеяться над его наружностью; но все эти насмешки и даже удары Валегка переносил с удивительным хладнокровием. Особенное удовольствие доставлял он поварам, которые тотчас отрывались от дела и с криком и бранью пускались за ним в погоню, когда он, по слабости, свойственной не одним собакам, просовывал свое голодное рыло в полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовонной кухни. На охоте он отличался неутомимостью и чутье имел порядочное; но

если случайно догонял подраненного зайца, то уж и съедал его с наслажденьем всего, до последней косточки, где-нибудь в прохладной тени, под зеленым кустом, в почтительном отдалении от Ермолая, ругавшегося на всех известных и неизвестных диалектах.

Ермолай принадлежал одному из моих соседей, помещику старинного покроя. Помещики старинного покроя не любят «куликов» и придерживаются домашней живности. Разве только в необыкновенных случаях, как-то: во дни рождений, именин и выборов, повара старинных помещиков приступают к изготовлению долгоносых птиц и, войдя в азарт, свойственный русскому человеку, когда он сам хорошенько не знает, что делает, придумывают к ним такие мудреные приправы, что гости большей частью с любопытством и вниманием рассматривают поданные яства, но отведать их никак не решаются. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню раз в месяц пары две тетеревей и куропаток, а в прочем позволялось ему жить где хочет и чем хочет. От него отказались, как от человека ни на какую работу не годного — «лядащего», как говорится у нас в Орле. Пороху и дроби, разумеется, ему не выдавали, следуя точно

тем же правилам, в силу которых и он не кормил своей собаки. Ермолай был человек престранного рода: беззаботен, как птица, довольно говорлив, рассеян и неловок с виду; сильно любил выпить, не уживался на месте, на ходу шмыгал ногами и переваливался с боку на бок — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывал верст шестьдесят в сутки. Он подвергался самым разнообразным приключениям: ночевал в болотах, на деревьях, на крышах, под мостами, сиживал не раз взаперти на чердаках, в погребах и сараях, лишался ружья, собаки, самых необходимых одеяний, бывал бит сильно и долго — и всё-таки, через несколько времени, возвращался домой, одетый, с ружьем и с собакой. Нельзя было назвать его человеком веселым, хотя он почти всегда находился в довольно изрядном расположении духа; он вообще смотрел чудаком. Ермолай любил покалякать с хорошим человеком, особенно за чаркой, но и то недолго: встанет, бывало, и пойдет. «Да куда ты, чёрт, идешь? Ночь на дворе». — «А в Чаплино». — «Да на что тебе тащиться в Чаплино, за десять верст?» — «А там у Софрона-мужичка переночевать». — «Да ночуй здесь». — «Нет уж, нельзя». И пойдет Ермолай с своим Валеткой в темную ночь, через кусты да водомоины, а мужичок Софрон его,

пожалуй, к себе на двор не пустит, да еще, чего доброго, шею ему намнет: не беспокой-де честных людей. Зато никто не мог сравниться с Ермолаем в искусстве ловить весной, в полую воду, рыбу, доставать руками раков, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепелов, вынашивать яств-ребов, добывать соловьев с «лешевой дудкой», с «кукушкиным перелетом»...*9 Одного он не умел: дрессировать собак; терпенья недоставало. Была у него и жена. Он ходил к ней раз в неделю. Жила она в дрянной, полуразвалившейся избенке, перебивалась кое-как и кое-чем, никогда не знала накануне, будет ли сыта завтра, и вообще терпела участь горькую. Ермолай, этот беззаботный и добродушный человек, обходился с ней жестко и грубо, принимал у себя дома грозный и суровый вид, — и бедная его жена не знала, чем угодить ему, трепетала от его взгляда, на последнюю копейку покупала ему вина и подобострастно покрывала его своим тулупом, когда он, величе-

---

*** Примечания: ~ note_002 ~**

2

Охотникам до соловьев эти названья знакомы: так обозначаются лучшие «колена» в соловьином пенье.

9 Примечания: 61

... с «лешевой дудкой», с «кукушкиным перелетом». — Названия «колен» соловьиного пения. Тургенев подробно писал об этом в очерке 1854 г. «О соловьях» (см.: *Сочинения* //. Т. 11. С. 152-156).

ственно развалясь на печи, засыпал богатырским сном. Мне самому не раз случалось подмечать в нем невольные проявления какой-то угрюмой свирепости: мне не нравилось выражение его лица, когда он прикусывал подстреленную птицу. Но Ермолай никогда больше дня не оставался дома; а на чужой стороне превращался опять в «Ермолку», как его прозвали на сто верст кругом и как он сам себя называл подчас. Последний дворовый человек чувствовал свое превосходство над этим бродягой — и, может быть, потому именно и обращался с ним дружелюбно; а мужики сначала с удовольствием загоняли и ловили его, как зайца в поле, но потом отпускали с богом и, раз узнавши чудака, уже не трогали его, даже давали ему хлеба и вступали с ним в разговоры… Этого-то человека я взял к себе в охотники, и с ним-то я отправился на тягу в большую березовую рощу, на берегу Исты.[10]

У многих русских рек, наподобие Волги, один берег горный, другой луговой; у Исты тоже. Эта небольшая речка вьется чрезвычайно прихотливо, ползет змеей, ни на полверсты не течет прямо, и в ином месте, с высоты крутого холма,

---

10 Примечания: 62

…на берегу Исты. — Приток Оки, река Иста протекает в бывшем Белевском уезде Тульской губ.

видна верст на десять с своими плотинами, прудами, мельницами, огородами, окруженными ракитником и гусиными стадами. Рыбы в Исте бездна, особливо головлей (мужики достают их в жар из-под кустов руками). Маленькие кулички-песочники со свистом перелетывают вдоль каменистых берегов, испещренных холодными и светлыми ключами; дикие утки выплывают на середину прудов и осторожно озираются; цапли торчат в тени, в заливах, под обрывами… Мы стояли на тяге около часу, убили две пары вальдшнепов и, желая до восхода солнца опять попытать нашего счастия (на тягу можно также ходить поутру), решились переночевать в ближайшей мельнице. Мы вышли из рощи, спустились с холма. Река катила темно-синие волны; воздух густел, отягченный ночной влагой. Мы постучались в ворота. Собаки залились на дворе. «Кто тут?» — раздался сиплый и заспанный голос. «Охотники, пусти переночевать». Ответа не было. «Мы заплатим». — «Пойду скажу хозяину… Цыц, проклятые!.. Эк на вас погибели нет!» Мы слышали, как работник вошел в избу; он скоро вернулся к воротам. «Нет, говорит, хозяин не велит пускать». — «Отчего не велит?» — «Да боится, вы охотники: чего доброго, мельницу зажжете;

вишь, у вас снаряды какие». — «Да что за вздор!» — «У нас и так в запрошлом году мельница сгорела: прасолы переночевали, да, знать, как-нибудь и подожгли». — «Да как же, брат, не ночевать же нам на дворе!» — «Как знаете...» Он ушел, стуча сапогами.

Ермолай посулил ему разных неприятностей. «Пойдемте в деревню», — произнес он, наконец, со вздохом. Но до деревни было версты две... «Ночуем здесь, — сказал я, — на дворе ночь теплая; мельник за деньги нам вышлет соломы». Ермолай беспрекословно согласился. Мы опять стали стучаться. «Да что вам надобно? — раздался снова голос работника, — сказано, нельзя». Мы растолковали ему, чего мы хотели. Он пошел посоветоваться с хозяином и вместе с ним вернулся. Калитка заскрипела. Появился мельник, человек высокого роста, с жирным лицом, бычачьим затылком, круглым и большим животом. Он согласился на мое предложение. Во ста шагах от мельницы находился маленький, со всех сторон открытый, навес. Нам принесли туда соломы, сена; работник на траве подле реки наставил самовар и, присев на корточки, начал усердно дуть в трубу... Уголья, вспыхивая, ярко освещали его молодое лицо. Мельник побежал будить же-

ну, предложил мне сам, наконец, переночевать в избе; но я предпочел остаться на открытом воздухе. Мельничиха принесла нам молока, яиц, картофелю, хлеба. Скоро закипел самовар, и мы принялись пить чай. С реки поднимались пары, ветру не было; кругом кричали коростели; около мельничных колес раздавались слабые звуки: то капли падали с лопат, сочилась вода сквозь засовы плотины. Мы разложили небольшой огонек. Пока Ермолай жарил в золе картофель, я успел задремать… Легкий сдержанный шёпот разбудил меня. Я поднял голову: перед огнем, на опрокинутой кадке, сидела мельничиха и разговаривала с моим охотником. Я уже прежде, по ее платью, телодвижениям и выговору, узнал в ней дворовую женщину — не бабу и не мещанку; но только теперь я рассмотрел хорошенько ее черты. Ей было на вид лет тридцать; худое и бледное лицо еще хранило следы красоты замечательной; особенно понравились мне глаза, большие и грустные. Она оперла локти на колени, положила лицо на руки. Ермолай сидел ко мне спиною и подкладывал щепки в огонь.

— В Желтухиной опять падеж, — говорила мельничиха, — у отца Ивана обе коровы свалились… Господи помилуй!

— А что ваши свиньи? — спросил, помолчав, Ермолай.

— Живут.

— Хоть бы поросеночка мне подарили.

Мельничиха помолчала, потом вздохнула.

— С кем вы это? — спросила она.

— С барином — с костомаровским.

Ермолай бросил несколько еловых веток на огонь; ветки тотчас дружно затрещали, густой белый дым повалил ему прямо в лицо.

— Чего твой муж нас в избу не пустил?

— Боится.

— Вишь, толстый брюхач… Голубушка, Арина Тимофеевна, вынеси мне стаканчик винца!

Мельничиха встала и исчезла во мраке. Ермолай запел вполголоса:

Как к любезной я ходил,[11]

Все сапожки обносил…

Арина вернулась с небольшим графинчиком и стаканом. Ермолай привстал, перекрестился и выпил духом. «Люблю!» — прибавил он.

Мельничиха опять присела на кадку.

---

11 Примечания: 63

Как к любезной я ходил… — Слова русской народной песни, по-видимому плясовой. В печатных источниках не удалось найти записи, близкой к приводимому тексту.

— А что, Арина Тимофеевна, чай, всё хвораешь?

— Хвораю.

— Что так?

— Кашель по ночам мучит.

— Барин-то, кажется, заснул, — промолвил Ермолай после небольшого молчания. — Ты к лекарю не ходи, Арина: хуже будет.

— Я и то не хожу.

— А ко мне зайди погостить.

Арина потупила голову.

— Я свою-то, жену-то, прогоню на тот случай, — продолжал Ермолай… — Право-ся.

— Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович: видите, картофель испекся.

— А пусть дрыхнет, — равнодушно заметил мой верный слуга, — набегался, так и спит.

Я заворочался на сене. Ермолай встал и подошел ко мне.

— Картофель готов-с, извольте кушать.

Я вышел из-под навеса; мельничиха поднялась с кадки и хотела уйти. Я заговорил с нею.

— Давно вы эту мельницу сняли?

— Второй год пошел с троицына дня.

— А твой муж откуда?

Арина не расслушала моего вопроса.

— Откелева твой муж? — повторил Ермолай, возвыся голос.

— Из Белева. Он белевский мещанин.

— А ты тоже из Белева?

— Нет, я господская… была господская.

— Чья?

— Зверкова господина. Теперь я вольная.

— Какого Зверкова?

— Александра Силыча.

— Не была ли ты у его жены горничной?

— А вы почему знаете? — Была.

Я с удвоенным любопытством и участьем посмотрел на Арину.

— Я твоего барина знаю, — продолжал я.

— Знаете? — отвечала она вполголоса — и потупилась.

Надобно сказать читателю, почему я с таким участьем посмотрел на Арину. Во время моего пребывания в Петербурге я случайным образом познакомился с г-м Зверковым. Он занимал довольно важное место, слыл человеком знающим и дельным. У него была жена, пухлая, чувствительная, слезливая и злая — дюжинное и тяжелое созданье; был и сынок, настоящий барчонок, избалованный и глупый. Наружность самого г. Зверкова мало располагала в его поль-

зу: из широкого, почти четвероугольного лица лукаво выглядывали мышиные глазки, торчал нос, большой и острый, с открытыми ноздрями; стриженые седые волосы, поднимались щетиной над морщинистым лбом, тонкие губы беспрестанно шевелились и приторно улыбались. Г-н Зверков стоял обыкновенно, растопырив ножки и заложив толстые ручки в карманы. Раз как-то пришлось мне ехать с ним вдвоем в карете за город. Мы разговорились. Как человек опытный, дельный, г. Зверков начал наставлять меня на «путь истины».

— Позвольте мне вам заметить, — пропищал он наконец, — вы все, молодые люди, судите и толкуете обо всех вещах наобум; вы мало знаете собственное свое отечество; Россия вам, господа, незнакома, вот что!.. Вы всё только немецкие книги читаете. Вот, например, вы мне говорите теперь и то, и то насчет того, ну, то есть, насчет дворовых людей… Хорошо, я не спорю, всё это хорошо; но вы их не знаете, не знаете, что это за народ. (Г-н Зверков громко высморкался и понюхал табаку.) Дозвольте мне вам рассказать, например, один маленький анекдотец: вас это может заинтересовать. (Г-н Зверков откашлянулся.) Вы ведь знаете, что у меня за жена; кажется,

женщину добрее ее найти трудно, согласитесь сами. Горничным ее девушкам не житье, — просто рай воочию совершается… Но моя жена положила себе за правило: замужних горничных не держать. Оно и точно не годится: пойдут дети, то, се, — ну, где ж тут горничной присмотреть за барыней как следует, наблюдать за ее привычками: ей уж не до того, у ней уж не то да уме. Надо по человечеству судить. Вот-с проезжаем мы раз через нашу деревню, лет тому будет — как бы вам сказать, не солгать, — лет пятнадцать. Смотрим, у старосты девочка, дочь, прехорошенькая; такое даже, знаете, подобострастное что-то в манерах. Жена моя и говорит мне: «Коко, — то есть, вы понимаете, она меня так называет, — возьмем эту девочку в Петербург; она мне нравится, Коко…» Я говорю: «Возьмем, с удовольствием». Староста, разумеется, нам в ноги; он такого счастья, вы понимаете, и ожидать не мог… Ну, девочка, конечно, поплакала сдуру. Оно действительно жутко сначала: родительский дом… вообще… удивительного тут ничего нет. Однако она скоро к нам привыкла; сперва ее отдали в девичью; учили ее, конечно. Что ж вы думаете?.. Девочка оказывает удивительные успехи; жена моя просто к ней пристращивается, жалует ее, наконец,

помимо других, в горничные к своей особе… замечайте!.. И надобно было отдать ей справедливость: не было еще такой горничной у моей жены, решительно не было; услужлива, скромна, послушна — просто всё, что требуется. Зато уж и жена ее даже, признаться, слишком баловала; одевала отлично, кормила с господского стола, чаем поила… ну, что только можно себе представить! Вот этак она лет десять у моей жены служила. Вдруг, в одно прекрасное утро, вообразите себе, входит Арина — ее Ариной звали — без доклада ко мне в кабинет — и бух мне в ноги… Я этого, скажу вам откровенно, терпеть не могу. Человек никогда не должен забывать свое достоинство, не правда ли? «Чего тебе?» — «Батюшка, Александр Силыч, милости прошу». — «Какой?» — «Позвольте выйти замуж». Я, признаюсь вам, изумился. «Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нету?» — «Я буду служить барыне по-прежнему». — «Вздор! вздор! барыня замужних горничных не держит». — «Маланья на мое место поступить может». — «Прошу не рассуждать!» — «Воля ваша…» Я, признаюсь, так и обомлел. Доложу вам, я такой человек: ничто меня так не оскорбляет, смею сказать, так сильно не оскорбляет, как неблагодарность,.. Ведь вам

говорить нечего — вы знаете, что у меня за жена: ангел во плоти, доброта неизъяснимая… Кажется, злодей — и тот бы ее пожалел. Я прогнал Арину. Думаю, авось опомнится; не хочется, знаете ли, верить злу, черной неблагодарности в человеке. Что ж вы думаете? Через полгода опять она изволит жаловать ко мне с тою же самою просьбой. Тут я, признаюсь, ее с сердцем прогнал и погрозил ей, и сказать жене обещался. Я был возмущен… Но представьте себе мое изумление: несколько времени спустя приходит ко мне жена, в слезах, взволнована так, что я даже испугался. «Что такое случилось?» — «Арина…» Вы понимаете… я стыжусь выговорить. «Быть не может!.. кто же?» — «Петрушка лакей». Меня взорвало. Я такой человек… полумер не люблю!.. Петрушка… не виноват. Наказать его можно, но он, по-моему, не виноват. Арина… ну, что ж, ну, ну, что ж тут еще говорить? Я, разумеется, тотчас же приказал ее остричь, одеть в затрапез и сослать в деревню. Жена моя лишилась отличной горничной, но делать было нечего: беспорядок в доме терпеть, однако же, нельзя. Больной член лучше отсечь разом… Ну, ну, теперь посудите сами, — ну, ведь вы знаете мою жену, ведь это, это, это… наконец, ангел!.. Ведь она привязалась к Арине, — и Арина

это знала и не постыдилась… А? нет, скажите… а? Да что тут толковать! Во всяком случае, делать было нечего. Меня же, собственно меня, надолго огорчила, обидела неблагодарность этой девушки. Что ни говорите… сердца, чувства — в этих людях не ищите! Как волка ни корми, он всё в лес смотрит… Вперед наука! Но я желал только доказать вам…

И г. Зверков, не докончив речи, отворотил голову и завернулся плотнее в свой плащ, мужественно подавляя невольное волнение.

Читатель теперь, вероятно, понимает, почему я с участием посмотрел на Арину.

— Давно ты замужем за мельником? — спросил я ее наконец.

— Два года.

— Что ж, разве тебе барин позволил?

— Меня откупили.

— Кто?

— Савелий Алексеевич.

— Кто такой?

— Муж мой. (Ермолай улыбнулся про себя.)

— А разве вам барин говорил обо мне? — прибавила Арина после небольшого молчанья.

Я не знал, что отвечать на ее вопрос. «Арина!» — закричал издали мельник. Она встала и ушла.

— Хороший человек ее муж? — спросил я Ермолая.

— Ништо.

— А дети у них есть?

— Был один, да помер.

— Что ж, она понравилась мельнику, что ли?.. Много ли он за нее дал выкупу?

— А не знаю. Она грамоте разумеет; в их деле оно... того... хорошо бывает. Стало быть, понравилась.

— А ты с ней давно знаком?

— Давно. Я к ее господам прежде хаживал. Их усадьба отселева недалече.

— И Петрушку лакея знаешь?

— Петра Васильевича? Как же, знал.

— Где он теперь?

— А в солдаты поступил.

Мы помолчали.

— Что она, кажется, нездорова? — спросил я, наконец, Ермолая.

— Какое здоровье!.. А завтра, чай, тяга хороша будет. Вам теперь соснуть не худо.

Стадо диких уток со свистом промчалось над нами, и мы слышали, как оно спустилось на реку недалеко от нас. Уже совсем стемнело и начинало холодать; в роще звучно щелкал соловей. Мы

зарылись в сено и заснули.

МАЛИНОВАЯ ВОДА[12]

В начале августа жары часто стоят нестерпимые. В это время, от двенадцати до трех часов, самый решительный и сосредоточенный человек не в состоянии охотиться и самая преданная собака начинает «чистить охотнику шпоры», то есть идет за ним шагом, болезненно прищурив глаза и преувеличенно высунув язык, а в ответ на укоризны своего господина униженно виляет хвостом и выражает смущение на лице, но вперед не подвигается. Именно в такой день случилось мне быть на охоте. Долго противился я искушению прилечь где-нибудь в тени, хоть на мгновение; долго моя неутомимая собака продолжала рыскать по кустам, хотя сама, видимо, ничего не ожидала путного от своей лихорадочной деятельности. Удушливый зной принудил меня, наконец, подумать о сбережении последних наших сил и способностей. Кое-как дотащился я до речки Исты, уже знакомой моим снисходительным читателям, спустился с кручи

---

12 Примечания: 64

Малиновая вода. — Описанный Тургеневым ключ и теперь носит название Малиновая вода; он впадает в реку Исту в Арсеньевском районе Тульской обл. См.: *Богдановы.* С. 11.

и пошел по желтому и сырому песку в направлении ключа, известного во всем околотке под названием «Малиновой воды». Ключ этот бьет из расселины берега, превратившейся мало-помалу в небольшой, но глубокий овраг, и в двадцати шагах оттуда с веселым и болтливым шумом впадает в реку. Дубовые кусты разрослись по скатам оврага; около родника зеленеет короткая, бархатная травка; солнечные лучи почти никогда не касаются его холодной, серебристой влаги. Я добрался до ключа, на траве лежала черпалка из бересты, оставленная прохожим мужиком на пользу общую. Я напился, прилег в тень и взглянул кругом. У залива, образованного впадением источника в реку и оттого вечно покрытого мелкой рябью, сидели ко мне спиной два старика. Один, довольно плотный и высокого роста, в темно-зеленом опрятном кафтане и пуховом картузе, удил рыбу; другой, худенький и маленький, в мухояровом заплатанном сюртучке и без шапки, держал на коленях горшок с червями и изредка проводил рукой по седой своей головке, как бы желая предохранить ее от солнца. Я вгляделся в него попристальнее и узнал в нем шумихинского Степушку. Прошу позволения читателя представить ему этого человека.

В нескольких верстах от моей деревни находится большое село Шумихино, с каменною церковью, воздвигнутой во имя преподобных Козьмы и Дамиана. Напротив этой церкви некогда красовались обширные господские хоромы, окруженные разными пристройками, службами, мастерскими, конюшнями, грунтовыми и каретными сараями,[13] банями и временными кухнями, флигелями для гостей и для управляющих, цветочными оранжереями, качелями для народа и другими, более или менее полезными, зданиями. В этих хоромах жили богатые помещики, и всё у них шло своим порядком, как вдруг, в одно прекрасное утро, вся эта благодать сгорела дотла. Господа перебрались в другое гнездо; усадьба запустела. Обширное пепелище превратилось в огород, кое-где загроможденный грудами кирпичей, остатками прежних фундаментов. Из уцелевших бревен на скорую руку сколотили избенку, покрыли ее барочным те-

13 Примечания: 65

…грунтовыми ∞ сараями… — Сараи без пола, в которых прямо в грунте выращиваются плодовые деревья и другие растения, боящиеся морозов.

сом,[14] купленным лет за десять для построения павильона на готический манер, и поселили в ней садовника Митрофана с женой Аксиньей и семью детьми. Митрофану приказали поставлять на господский стол, за полтораста верст, зелень и овощи; Аксинье поручили надзор за тирольской коровой, купленной в Москве за большие деньги, но, к сожалению, лишенной всякой способности воспроизведения и потому со времени приобретения не дававшей молока; ей же на руки отдали хохлатого дымчатого селезня, единственную «господскую» птицу; детям, по причине малолетства, не определили никаких должностей, что, впрочем, нисколько не помешало им совершенно облениться. У этого садовника мне случилось раза два переночевать; мимоходом забирал я у него огурцы, которые, бог ведает почему, даже летом отличались величиной, дрянным водянистым вкусом и толстой желтой кожей. У него-то увидал я впервые Степушку. Кроме Митрофана

14 Примечания: 66

...барочным тесом... — Доски от барки, сплавного грузового судна, построенного без гвоздей. Такие барки шли с грузом лишь один раз в весеннюю путину, а затем разбирались. Доски использовались как дешевый строительный материал.

с его семьей да старого глухого ктитора[15] Герасима, проживавшего Христа ради в каморочке у кривой солдатки, ни одного дворового человека не осталось в Шумихине, потому что Степушку, с которым я намерен познакомить читателя, нельзя было считать ни за человека вообще, ни за дворового в особенности.

Всякий человек имеет хоть какое бы то ни было положение в обществе, хоть какие-нибудь да связи; всякому дворовому выдается если не жалованье, то по крайней мере так называемое «отвесное»: Степушка не получал решительно никаких пособий, не состоял в родстве ни с кем, никто не знал о его существовании. У этого человека даже прошедшего не было; о нем не говорили; он и по ревизии едва ли числился.[16] Ходили темные слухи, что состоял он когда-то у кого-то в камердинерах; но кто он, откуда он, чей сын, как попал в число шумихинских подданных, каким образом добыл мухояровый, с

---

15 Примечания: 67

Ктитор — церковный староста, в применении к крепостному человеку слово употреблено, по-видимому, в значении: церковный сторож.

16 Примечания: 68

...по ревизии едва ли числился. — В XVIII — первой половине XIX в. в России через определенное время проводилась перепись (ревизия) сельского и городского податного населения. При этом составлялись именные списки мужского населения — ревизские сказки.

незапамятных времен носимый им кафтан, где живет, чем живет, — об этом решительно никто не имел ни малейшего понятия, да и, правду сказать, никого не занимали эти вопросы. Дедушка Трофимыч, который знал родословную всех дворовых в восходящей линии до четвертого колена, и тот раз только сказал, что, дескать, помнится, Степану приходится родственницей турчанка, которую покойный барин, бригадир[17] Алексей Романыч, из похода в обозе изволил привезти. Даже, бывало, в праздничные дни, дни всеобщего жалованья и угощения хлебом-солью, гречишными пирогами и зеленым вином, по старинному русскому обычаю, — даже и в эти дни Степушка не являлся к выставленным столам и бочкам, не кланялся, не подходил к барской руке, не выпивал духом стакана под господским взглядом и за господское здоровье, — стакана, наполненного жирною рукою приказчика; разве какая добрая душа, проходя мимо, уделит бедняге недоеденный кусок пирога. В светлое воскресенье с ним христосовались, но он не подворачивал замасленного рукава, не доставал из заднего кармана своего красного яичка, не подносил его,

17 Примечания: 69

Бригадир — русский военный чин, средний между полковником и генералом, Звание существовало в XVIII в., отменено Павлом I.

задыхаясь и моргая, молодым господам или даже самой барыне. Проживал он летом в клети, позади курятника, а зимой в предбаннике; в сильные морозы ночевал на сеновале. Его привыкли видеть, иногда даже давали ему пинка, но никто с ним не заговаривал, и он сам, кажется, отроду рта не разинул. После пожара этот заброшенный человек приютился, или, как говорят орловцы, «притулился» у садовника Митрофана. Садовник не тронул его, не сказал ему: живи у меня — да и не прогнал его. Степушка и не жил у садовника: он обитал, витал на огороде. Ходил он и двигался без всякого шуму; чихал и кашлял в руку, не без страха; вечно хлопотал и возился втихомолку, словно муравей и всё для еды, для одной еды. И точно, не заботься он с утра до вечера о своем пропитании, — умер бы мой Степушка с голоду. Плохое дело не знать поутру, чем к вечеру сыт будешь! То под забором Степушка сидит и редьку гложет, или морковь сосет, или грязный кочан капусты под себя крошит; то ведро с водой куда-то тащит и кряхтит; то под горшочком огонек раскладывает и какие-то черные кусочки из-за пазухи в горшок бросает; то у себя в чуланчике деревяшкой постукивает, гвоздик приколачивает, полочку для хлебца устроивает. И всё это

он делает молча, словно из-за угла: глядь, уж и спрятался. А то вдруг отлучится дня на два; его отсутствия, разумеется, никто не замечает… Смотришь, уж он опять тут, опять где-нибудь около забора под таганчик щепочки украдкой подкладывает. Лицо у него маленькое, глазки желтенькие, волосы вплоть до бровей, носик остренький, уши пребольшие, прозрачные, как у летучей мыши, борода словно две недели тому назад выбрита, и никогда ни меньше не бывает, ни больше. Вот этого-то Степушку я встретил на берегу Исты в обществе другого старика.

Я подошел к ним, поздоровался и присел с ними рядом. В товарище Степушки я узнал тоже знакомого: это был вольноотпущенный человек графа Петра Ильича ***, Михайло Савельев, по прозвищу Туман[18]. Он проживал у болховского чахоточного мещанина, содержателя постоялого двора, где я довольно часто останавливался. Проезжающие по большой орловской дороге молодые чиновники и другие незанятые люди (купцам, погруженным в свои полосатые перины, не до

18 Примечания: 70

…по прозвищу Туман Среди дворовых имения Спасское-Лутовиново был крепостной человек по прозвищу Туман. О нем В. П. Тургенева писала сыну 30 июля 1838 г.: «Туман — известный дурак и грубиян». Вероятно, отсюда писатель заимствовал прозвище для своего героя.

того) до сих пор еще могут заметить в недальнем расстоянии от большого села Троицкого огромный деревянный дом в два этажа, совершенно заброшенный,[19] с провалившейся крышей и наглухо забитыми окнами, выдвинутый на самую дорогу. В полдень, в ясную, солнечную погоду, ничего нельзя вообразить печальнее этой развалины. Здесь некогда жил граф Петр Ильич, известный хлебосол, богатый вельможа старого века. Бывало, вся губерния съезжалась у него, плясала и веселилась на славу, при оглушительном громе доморощенной музыки, трескотне бураков и римских свечей; и, вероятно, не одна старушка, проезжая теперь мимо запустелых боярских палат, вздохнет и вспомянет минувшие времена и минувшую молодость. Долго пировал граф, долго расхаживал, приветливо улыбаясь, в толпе подобострастных гостей; но именья его, к несчастию, не хватило на целую жизнь. Разорившись кругом, отправился он в Петербург

19 Примечания: 71

...в недальнем расстоянии от большого села Троицкого огромный деревянный дом ∞ совершенно заброшенный... — Во времена Тургенева в селе Троицком, и ныне стоящем на большой дороге между Орлом и Белевым, возвышался запущенный старый дом, оставшийся после смерти самодура-владельца В. И. Протасова. Краеведы до сих пор указывают этот адрес как предполагаемое место действия рассказа «Малиновая вода». См.: *Новиков В. А.* По тургеневским местам. Тула, 1971. С. 155-156.

искать себе места и умер в нумере гостиницы, не дождавшись никакого решения. Туман служил у него дворецким и еще при жизни графа получил отпускную. Это был человек лет семидесяти, с лицом правильным и приятным. Улыбался он почти постоянно, как улыбаются теперь одни люди екатерининского времени: добродушно и величаво; разговаривая, медленно выдвигал и сжимал губы, ласково щурил глаза и произносил слова несколько в нос. Сморкался и нюхал табак он тоже не торопясь, словно дело делал.

— Ну, что, Михайло Савельич, — начал я, — наловил рыбы?

— А вот извольте в плетушку[20] заглянуть: двух окуньков залучил да головликов штук пять… Покажь, Степа.

Степушка протянул ко мне плетушку.

— Как ты поживаешь, Степан? — спросил я его.

— И… и… и… ни… ничего-о, батюшка, помаленьку, — отвечал Степан, запинаясь, словно пуды языком ворочал.

— А Митрофан здоров?

— Здоров, ка… как же, батюшка.

Бедняк отвернулся.

---

20 Примечания: 72

Плетушка — род корзины из ракитовой лозы.

— Да плохо что-то клюет, — заговорил Туман, — жарко больно; рыба-то вся под кусты забилась, спит… Надень-ка червяка, Степа. (Степушка достал червяка, положил на ладонь, хлопнул по нем раза два, надел на крючок, поплевал и подал Туману.) Спасибо, Степа… А вы, батюшка, — продолжал он, обращаясь ко мне, — охотиться изволите?

— Как видишь.

— Так-с… А что это у вас песик аглицкий али фурлянский[21] какой?

Старик любил при случае показать себя: дескать, и мы живали в свете!

— Не знаю, какой он породы, а хорош.

— Так-с… А с собаками изволите ездить?

— Своры две у меня есть.

Туман улыбнулся и покачал головой.

— Оно точно: иной до собак охотник, а иному их даром не нужно. Я так думаю, по простому моему разуму: собак больше для важности, так сказать, держать следует… И чтобы всё уж и было в порядке: и лошади чтоб были в порядке, и псари как следует, в порядке, и всё. Покойный граф — царство ему небесное! — охотником отро-

---

21 Примечания: 73

…песик ∞ фурлянский… — Курляндский: некогда знаменитая порода охотничьих собак.

дясь, признаться, не бывал, а собак держал и раза два в год выезжать изволил. Соберутся псари на дворе в красных кафтанах с галунами и в трубу протрубят; их сиятельство выйти изволят, и коня их сиятельству подведут; их сиятельство сядут, а главный ловчий им ножки в стремена вденет, шапку с головы снимет и поводья в шапке подаст. Их сиятельство арапельником этак изволят щелкнуть, а псари загогочут, да и двинутся со двора долой. Стремянный-то за графом поедет, а сам на шелковой сворке двух любимых барских собачек держит и этак наблюдает, знаете… И сидит-то он, стремянный-то, высоко, высоко, на казацком седле, краснощекий такой, глазищами так и водит… Ну, и гости, разумеется, при этом случае бывают. И забава, и почет соблюден… Ах, сорвался, азиятец! — прибавил он вдруг, дернув удочкой.

— А что, говорят, граф-таки пожил на своем веку? — спросил я.

Старик поплевал на червяка и закинул удочку.

— Вельможественный был человек, известно-с. К нему, бывало, первые, можно сказать, особы из Петербурга заезжали. В голубых лентах, бывало, за столом сидят и кушают. Ну, да уж и угощать был мастер. Призовет, бывало, меня: «Туман,

говорит, мне к завтрешнему числу живых стерлядей требуется: прикажи достать, слышишь?» — «Слушаю, ваше сиятельство». Кафтаны шитые, парики, трости, духи, ладеколон первого сорта, табакерки, картины этакие большущие, из самого Парижа выписывал. Задаст банкет, — господи, владыко живота моего! фейвирки пойдут, катанья! Даже из пушек палят. Музыкантов одних сорок человек налицо состояло. Кампельмейстера из немцев держал, да зазнался больно немец; с господами за одним столом кушать захотел; так и велели их сиятельство прогнать его с богом: у меня и так, говорит, музыканты свое дело понимают. Известно: господская власть. Плясать пустятся — до зари пляшут, и всё больше лакосез-матрадура...[22] Э... э... э... попался, брат! (Старик вытащил из воды небольшого окуня.) На-ко, Степа. — Барин был, как следует, барин, — продолжал старик, закинув опять удочку, — и душа была тоже добрая. Побьет, бывало, тебя, — смотришь, уж и позабыл. Одно: матресок держал.[23] Ох, уж эти

22 Примечания: 74

Лакосез-матрадура — произвольное название, составленное из названий двух танцев; экосез — бальный танец (шотландский); матрадура (или матрадур) — устаревшая пляска.

23 Примечания: 75

...матресок держал. — От фр. maitresse — любовница.

матрески, прости господи! Оне-то его и разорили. И ведь всё больше из низкого сословия выбирал. Кажись, чего бы им еще? Так нет, подавай им что ни на есть самого дорогого в целой Европии! И то сказать: почему не пожить в свое удовольствие, — дело господское… да разоряться-то не след. Особенно одна: Акулиной ее называли; теперь она покойница, — царство ей небесное! Девка была простая, ситовского десятского дочь,[24] да такая злющая! По щекам, бывало, графа бьет. Околдовала его совсем. Племяннику моему лоб забрила: на новое платье щеколат ей обронил… и не одному ему забрила лоб. Да… А всё-таки хорошее было времечко! — прибавил старик с глубоким вздохом, потупился и умолк.

— А барин-то, я вижу, у вас был строг? — начал я после небольшого молчания.

— Тогда это было во вкусе, батюшка, — возразил старик, качнув головой.

— Теперь уж этого не делается, — заметил я, не спуская с него глаз.

Он посмотрел на меня сбоку.

---

24 Примечания: 76

…ситовского десятского дочь… — Ситово — имение В.П. Тургеневой в Ефремовском уезде Тульской губ. Десятский — избираемый крестьянами из своей среды человек, который исполнял мелкие общественные (в основном полицейские) обязанности.

— Теперь, вестимо, лучше, — пробормотал он — и далеко закинул удочку.

Мы сидели в тени; но и в тени было душно. Тяжелый, знойный воздух словно замер; горячее лицо с тоской искало ветра, да ветра-то не было. Солнце так и било с синего, потемневшего неба; прямо перед нами, на другом берегу, желтело овсяное поле, кое-где проросшее полынью, и хоть бы один колос пошевельнулся. Немного пониже крестьянская лошадь стояла в реке по колени и лениво обмахивалась мокрым хвостом; изредка под нависшим кустом всплывала большая рыба, пускала пузыри и тихо погружалась на дно, оставив за собою легкую зыбь. Кузнечики трещали в порыжелой траве; перепела кричали как бы нехотя; ястреба плавно носились над полями и часто останавливались на месте, быстро махая крылами и распустив хвост веером. Мы сидели неподвижно, подавленные жаром. Вдруг, позади нас, в овраге раздался шум: кто-то спускался к источнику. Я оглянулся и увидал мужика лет пятидесяти, запыленного, в рубашке, в лаптях, с плетеной котомкой и армяком за плечами. Он подошел к ключу, с жадностию напился и приподнялся.

— Э, Влас? — вскрикнул Туман, вглядевшись в

него. — Здорово, брат. Откуда бог принес?

— Здорово, Михайла Савельич, — проговорил мужик, подходя к нам, — издалеча.

— Где пропадал? — спросил его Туман.

— А в Москву сходил, к барину.

— Зачем?

— Просить его ходил.

— О чем просить?

— Да чтоб оброку сбавил аль на барщину посадил, переселил, что ли. Сын у меня умер, — так мне одному теперь не справиться.

— Умер твой сын?

— Умер. Покойник, — прибавил мужик, помолчав, — у меня в Москве в извозчиках жил; за меня, признаться, и оброк взносил.

— Да разве вы теперь на оброке?

— На оброке.

— Что ж твой барин?

— Что барин? Прогнал меня. Говорит, как смеешь прямо ко мне идти: на то есть приказчик; ты, говорит, сперва приказчику обязан донести… да и куда я тебя переселю? Ты, говорит, сперва недоимку за себя взнеси. Осерчал вовсе.

— Ну, что ж, ты и пошел назад?

— И пошел. Хотел было справиться, не оставил ли покойник какого по себе добра, да толку не до-

бился. Я хозяину-то его говорю: «Я, мол, Филиппов отец»; а он мне говорит: «А я почем знаю? Да и сын твой ничего, говорит, не оставил; еще у меня в долгу». Ну, я и пошел.

Мужик рассказывал нам всё это с усмешкой, словно о другом речь шла; но на маленькие и съеженные его глазки навертывалась слезинка, губы его подергивало.

— Что ж ты, теперь домой идешь?

— А то куда? Известно, домой. Жена, чай, теперь с голоду в кулак свистит.

— Да ты бы… того… — заговорил внезапно Степушка, смешался, замолчал и принялся копаться в горшке.

— А к приказчику пойдешь? — продолжал Туман, не без удивления взглянув на Степу.

— Зачем я к нему пойду?.. За мной и так недоимка. Сын-то у меня перед смертию с год хворал, так и за себя оброку не взнес… Да мне с полугоря: взять-то с меня нечего… Уж, брат, как ты там ни хитри, — шалишь: безответная моя голова! (Мужик рассмеялся.) Уж он там как ни мудри, Кинтильян-то Семеныч, а уж…

Влас опять засмеялся.

— Что ж? Это плохо, брат Влас, — с расстановкой произнес Туман.

— А чем плохо? Не… (У Власа голос прервался.) Эка жара стоит, — продолжал он, утирая лицо рукавом.

— Кто ваш барин? — спросил я.

— Граф ***, Валериан Петрович.

— Сын Петра Ильича?

— Петра Ильича сын, — отвечал Туман, — Петр Ильич, покойник, Власову-то деревню ему при жизни уделил.

— Что, он здоров?

— Здоров, слава богу, — возразил Влас. — Красный такой стал, лицо словно обложилось.

— Вот, батюшка, — продолжал Туман, обращаясь ко мне, — добро бы под Москвой, а то здесь на оброк посадил.

— А почем с тягла?

— Девяносто пять рублев с тягла, — пробормотал Влас.

— Ну вот, видите; а земли самая малость, только и есть что господский лес.

— Да и тот, говорят, продали, — заметил мужик.

— Ну, вот видите… Степа, дай-ка червяка… А, Степа? Что ты, заснул, что ли?

Степушка встрепенулся. Мужик подсел к нам. Мы опять приумолкли. На другом берегу кто-то

затянул песню, да такую унылую… Пригорюнился мой бедный Влас…

Через полчаса мы разошлись.

УЕЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ

Однажды осенью, на возвратном пути с отъезжего поля,[25] я простудился и занемог. К счастью, лихорадка застигла меня в уездном городе, в гостинице; я послал за доктором. Через полчаса явился уездный лекарь, человек небольшого роста, худенький и черноволосый. Он прописал мне обычное потогонное, велел приставить горчичник, весьма ловко запустил к себе под обшлаг пятирублевую бумажку, причем, однако, сухо кашлянул и глянул в сторону, и уже совсем было собрался отправиться восвояси, да как-то разговорился и остался. Жар меня томил; я предвидел бессонную ночь и рад был поболтать с добрым человеком. Подали чай. Пустился мой доктор в разговоры. Малый он был неглупый, выражался бойко и довольно забавно. Странные дела случаются на свете: с иным человеком и долго живешь вместе и в дружественных отношениях

---

25 Примечания: 77

…с отъезжего поля… — Дальнее охотничье угодье, куда выезжали на несколько дней, располагаясь там станом.

находишься, а ни разу не заговоришь с ним откровенно, от души; с другим же едва познакомиться успеешь — глядь, либо ты ему, либо он тебе, словно на исповеди, всю подноготную и проболтал. Не знаю, чем я заслужил доверенность моего нового приятеля, — только он, ни с того, ни с сего, как говорится, «взял» да и рассказал мне довольно замечательный случай; а я вот и довожу теперь его рассказ до сведения благосклонного читателя. Я постараюсь выражаться словами лекаря.

— Вы не изволите знать, — начал он расслабленным и дрожащим голосом (таково действие беспримесного березовского табаку), — вы не изволите знать здешнего судью, Мылова, Павла Лукича?.. Не знаете… Ну, всё равно. (Он откашлялся и протер глаза.) Вот, изволите видеть, дело было этак, как бы вам сказать — не солгать, в великий пост, в самую ростепель. Сижу я у него, у нашего судьи, и играю в преферанс. Судья у нас хороший человек и в преферанс играть охотник. Вдруг (мой лекарь часто употреблял слово: вдруг) говорят мне: человек ваш вас спрашивает. Я говорю: что ему надобно? Говорят, записку принес, — должно быть, от больного. Подай, говорю, записку. Так и есть: от больного… Ну, хорошо, — это, понимаете, наш хлеб… Да вот в чем дело:

пишет ко мне помещица, вдова; говорит, дескать, дочь умирает, приезжайте, ради самого господа бога нашего, и лошади, дескать, за вами присланы. Ну, это еще всё ничего… Да живет-то она в двадцати верстах от города, а ночь на дворе, и дороги такие, что фа! Да и сама беднеющая, больше двух целковых ожидать тоже нельзя, и то еще сумнительно, а разве холстом придется попользоваться да крупицами какими-нибудь. Однако долг, вы понимаете, прежде всего: человек умирает. Передаю вдруг карты непременному члену[26] Каллиопину и отправляюсь домой. Гляжу: стоит тележчонка перед крыльцом; лошади крестьянские, — пузатые-препузатые, шерсть на них — войлоко настоящее, и кучер, ради уваженья, без шапки сидит. Ну, думаю, видно, брат, господа-то твои не на золоте едят… Вы изволите смеяться, а я вам скажу: наш брат, бедный человек, всё в соображенье принимай… Коли кучер сидит князем, да шапки не ломает, да еще посмеивается из-под бороды, да кнутиком шевелит

26 Примечания: 78

…непременному члену… — т. е. постоянному члену какого-либо комитета, совета и тому подобного административного или общественного учреждения.

— смело бей на две депозитки![27] А тут, вижу, дело-то не тем пахнет. Однако, думаю, делать нечего: долг прежде всего. Захватываю самонужнейшие лекарства и отправляюсь. Поверите ли, едва дотащился. Дорога адская: ручьи, снег, грязь, водомоины, а там вдруг плотину прорвало — беда! Однако приезжаю. Домик маленький, соломой крыт. В окнах свет: знать, ждут. Вхожу. Навстречу мне старушка, почтенная такая, в чепце. «Спасите, говорит, умирает». Я говорю: «Не извольте беспокоиться. Где больная?» — «Вот сюда пожалуйте». Смотрю: комнатка чистенькая, в углу лампада, на постеле девица лет двадцати, в беспамятстве. Жаром от нее так и пышет, дышит тяжело — горячка. Тут же другие две девицы, сестры, — перепуганы, в слезах. «Вот, говорят, вчера была совершенно здорова и кушала с аппетитом; поутру сегодня жаловалась на голову, а к вечеру вдруг вот в каком положении.» Я опять-таки говорю: «Не извольте беспокоиться», — докторская, знаете, обязанность, — и приступил. Кровь ей пустил, горчичники поставить велел, микстур-

---

27 Примечания: 79

Депозитки — так назывались в просторечии бумажные денежные знаки, ассигнации; здесь, вероятно, в значении: ассигнации десятирублевого достоинства. В первом слое черновой рукописи было: «смело бей на двадцать». Слова «две депозитки» появились вместо зачеркнутого «двадцать».

ку прописал. Между тем я гляжу на нее, гляжу, знаете, — ну, ей-богу, не видал еще такого лица… красавица, одним словом! Жалость меня так и разбирает. Черты такие приятные, глаза… Вот, слава богу, успокоилась; пот выступил, словно опомнилась; кругом поглядела, улыбнулась, рукой по лицу провела… Сестры к ней нагнулись, спрашивают: «Что с тобою?» — «Ничего», — говорит, да и отворотилась… Гляжу — заснула. Ну, говорю, теперь следует больную в покое оставить. Вот мы все на цыпочках и вышли вон; горничная одна осталась на всякий случай. А в гостиной уж самовар на столе, и ямайский[28] тут же стоит: в нашем деле без этого нельзя. Подали мне чай, просят остаться ночевать… Я согласился: куда теперь ехать! Старушка всё охает. «Чего вы? — говорю. — Будет жива, не извольте беспокоиться, а лучше отдохните-ка сами: второй час». — «Да вы меня прикажете разбудить, коли что случится?» — «Прикажу, прикажу». Старушка отправилась, и девицы также пошли к себе в комнату; мне постель в гостиной постлали. Вот я лег, — только не могу заснуть, — что за чудеса! Уж на что, кажется, намучился. Всё моя больная

---

28 Примечания: 80

Ямайский — сорт рома.

у меня с ума нейдет. Наконец не вытерпел, вдруг встал; думаю, пойду посмотрю, что делает пациент? А спальня-то ее с гостиной рядом. Ну, встал, растворил тихонько дверь, а сердце так и бьется. Гляжу: горничная спит, рот раскрыла и храпит даже, бестия! а больная лицом ко мне лежит и руки разметала, бедняжка! Я подошел… Как она вдруг раскроет глаза и уставится на меня!.. «Кто это? кто это?» Я сконфузился. «Не пугайтесь, говорю, сударыня: я доктор, пришел посмотреть, как вы себя чувствуете». — «Вы доктор?» — «Доктор, доктор… Матушка ваша за мною в город посылали; мы вам кровь пустили, сударыня; теперь извольте почивать, а дня этак через два мы вас, даст бог, на ноги поставим». — «Ах, да, да, доктор, не дайте мне умереть… пожалуйста, пожалуйста». — «Что вы это, бог с вами!» А у ней опять жар, думаю я про себя; пощупал пульс: точно, жар. Она посмотрела на меня — да как возьмет меня вдруг за руку. «Я вам скажу, почему мне не хочется умереть, я вам скажу, я вам скажу… теперь мы одни; только вы, пожалуйста, никому… послушайте…» Я нагнулся; придвинула она губы к самому моему уху, волосами щеку мою трогает, — признаюсь, у меня самого кругом пошла голова, — и начала шептать… Ничего не понимаю…

Ах, да это она бредит… Шептала, шептала, да так проворно и словно не по-русски, кончила, вздрогнула, уронила голову на подушку и пальцем мне погрозилась. «Смотрите же, доктор, никому…» Кое-как я ее успокоил, дал ей напиться, разбудил горничную и вышел.

Тут лекарь опять с ожесточеньем понюхал табаку и на мгновение оцепенел.

— Однако, — продолжал он, — на другой день больной, в противность моим ожиданиям, не полегчило. Я подумал, подумал и вдруг решился остаться, хотя меня другие пациенты ожидали. А вы знаете, этим неглижировать нельзя: практика от этого страдает. Но, во-первых, больная действительно находилась в отчаянии; а во-вторых, надо правду сказать, я сам чувствовал сильное к ней расположение. Притом же и всё семейство мне нравилось. Люди они были хоть и неимущие, но образованные, можно сказать, на редкость… Отец-то у них был человек ученый, сочинитель; умер, конечно, в бедности, но воспитание детям успел сообщить отличное; книг тоже много оставил. Потому ли, что хлопотал-то я усердно около больной, по другим ли каким-либо причинам, только меня, смею сказать, полюбили в доме, как родного… Между тем распутица сделалась

страшная: все сообщения, так сказать, прекратились совершенно; даже лекарство с трудом из города доставлялось… Больная не поправлялась… День за день, день за день… Но вот-с… тут-с… (Лекарь помолчал.) Право, не знаю, как бы вам изложить-с… (Он снова понюхал табаку, крякнул и хлебнул глоток чаю.) Скажу вам без обиняков, больная моя… как бы это того… ну, полюбила, что ли, меня, или нет, не то чтобы полюбила… а, впрочем… право, как это, того-с… (Лекарь потупился и покраснел.)

— Нет, — продолжал он с живостью, — какое полюбила! Надо себе, наконец, цену знать. Девица она была образованная, умная, начитанная, а я даже латынь-то свою позабыл, можно сказать, совершенно. Насчет фигуры (лекарь с улыбкой взглянул на себя) также, кажется, нечем хвастаться. Но дураком господь бог тоже меня не уродил: я белое черным не назову; я кое-что тоже смекаю. Я, например, очень хорошо понял, что Александра Андреевна — ее Александрой Андреевной звали — не любовь ко мне почувствовала, а дружеское, так сказать, расположение, уважение, что ли. Хотя она сама, может быть, в этом отношении ошибалась, да ведь положение ее было какое, вы сами рассудите… Впрочем, — прибавил лекарь,

который все эти отрывистые речи произнес, не переводя духа и с явным замешательством, — я, кажется, немного зарапортовался… Этак вы ничего не поймете… а вот, позвольте, я вам всё по порядку расскажу.

Он допил стакан чаю и заговорил голосом более спокойным.

— Так, так-то-с. Моей больной всё хуже становилось, хуже, хуже. Вы не медик, милостивый государь; вы понять не можете, что происходит в душе нашего брата, особенно на первых порах, когда он начинает догадываться, что болезнь-то его одолевает. Куда денется самоуверенность! Оробеешь вдруг так, что и сказать нельзя. Так тебе и кажется, что и позабыл-то ты всё, что знал, и что больной-то тебе больше не доверяет, и что другие уже начинают замечать, что ты потерялся, и неохотно симптомы тебе сообщают, исподлобья глядят, шепчутся… э, скверно! Ведь есть же лекарство, думаешь, против этой болезни, стоит только найти. Вот не оно ли? Попробуешь — нет, не оно! Не даешь времени лекарству как следует подействовать… то за то хватишься, то за то. Возьмешь, бывало, рецептурную книгу… ведь тут оно, думаешь, тут! Право слово, иногда наобум раскроешь: авось, думаешь, судьба… А

человек меж тем умирает; а другой бы его лекарь спас. Консилиум, говоришь, нужен; я на себя ответственности не беру. А уж каким дураком в таких случаях глядишь! Ну, со временем обтерпишься, ничего. Умер человек — не твоя вина: ты по правилам поступал. А то вот что еще мучительно бывает: видишь доверие к тебе слепое, а сам чувствуешь, что не в состоянии помочь. Вот именно такое доверие всё семейство Александры Андреевны ко мне возымело: и думать позабыли, что у них дочь в опасности. Я их тоже, с своей стороны, уверяю, что ничего, дескать, а у самого душа в пятки уходит. К довершению несчастия, такая подошла распутица, что за лекарством по целым дням, бывало, кучер ездит. А я из комнаты больной не выхожу, оторваться не могу, разные, знаете, смешные анекдотцы рассказываю, в карты с ней играю. Ночи просиживаю. Старушка меня со слезами благодарит; а я про себя думаю: «Не стою я твоей благодарности». Признаюсь вам откровенно — теперь не для чего скрываться — влюбился я в мою больную. И Александра Андреевна ко мне привязалась: никого, бывало, к себе в комнату, кроме меня, не пускает. Начнет со мной разговаривать, — расспрашивает меня, где я учился, как живу, кто мои родные, к кому я ез-

жу? И чувствую я, что не след ей разговаривать; а запретить ей, решительно этак, знаете, запретить — не могу. Схвачу, бывало, себя за голову: «Что ты делаешь, разбойник?..» А то возьмет меня за руку и держит, глядит на меня, долго, долго глядит, отвернется, вздохнет и скажет: «Какой вы добрый!» Руки у ней такие горячие, глаза большие, томные. «Да, говорит, вы добрый, вы хороший человек, вы не то, что наши соседи… нет, вы не такой, вы не такой… Как это я до сих пор вас не знала!» — «Александра Андреевна, успокойтесь, говорю… я, поверьте, чувствую, я не знаю, чем заслужил… только вы успокойтесь, ради бога, успокойтесь… всё хорошо будет, вы будете здоровы». А между тем, должен я вам сказать, — прибавил лекарь, нагнувшись вперед и подняв кверху брови, — что с соседями они мало водились оттого, что мелкие им не под стать приходились, а с богатыми гордость запрещала знаться. Я вам говорю: чрезвычайно образованное было семейство, — так мне, знаете, и лестно было. Из одних моих рук лекарство принимала… приподнимется, бедняжка, с моею помощью, примет и взглянет на меня… сердце у меня так и покатится. А между тем ей всё хуже становилось, всё хуже: умрет, думаю, непременно умрет. Поверите ли, хоть самому в

гроб ложиться; а тут мать, сестры наблюдают, в глаза мне смотрят… и доверие проходит. «Что? Как?» — «Ничего-с, ничего-с!» А какое ничего-с, ум мешается. Вот-с, сижу я однажды ночью, один опять, возле больной. Девка тут же сидит и храпит во всю ивановскую… Ну, с несчастной девки взыскать нельзя: затормошилась и она. Александра-то Андреевна весьма нехорошо себя весь вечер чувствовала; жар ее замучил. До самой полуночи всё металась; наконец словно заснула; по крайней мере не шевелится, лежит. Лампада в углу перед образом горит. Я сижу, знаете, потупился, дремлю тоже. Вдруг, словно меня кто под бок толкнул, обернулся я… Господи, боже мой! Александра Андреевна во все глаза на меня глядит… губы раскрыты, щеки так и горят. «Что с вами?» — «Доктор, ведь я умру?» — «Помилуй бог!» — «Нет, доктор, нет, пожалуйста, не говорите мне, что я буду жива… не говорите… если б вы знали… послушайте, ради бога не скрывайте от меня моего положения! — А сама так скоро дышит. — Если я буду знать наверное, что я умереть должна… я вам тогда всё скажу, всё!» — «Александра Андреевна, помилуйте!» — «Послушайте, ведь я не спала, нисколько, я давно на вас гляжу… ради бога… я вам верю, вы человек добрый, вы

честный человек, заклинаю вас всем, что есть святого на свете, — скажите мне правду! Если б вы знали, как это для меня важно… Доктор, ради бога скажите, я в опасности?» — «Что я вам скажу, Александра Андреевна, — помилуйте!» — «Ради бога, умоляю вас!» — «Не могу скрыть от вас, Александра Андреевна, — вы точно в опасности, но бог милостив…» — «Я умру, я умру…» И она словно обрадовалась, лицо такое веселое стало; я испугался. «Да не бойтесь, не бойтесь, меня смерть нисколько не стращает». Она вдруг приподнялась и оперлась на локоть. «Теперь… ну, теперь я могу вам сказать, что я благодарна вам от всей души, что вы добрый, хороший человек, что я вас люблю…» Я гляжу на нее, как шальной; жутко мне, знаете… «Слышите ли, я люблю вас…» — «Александра Андреевна, чем же я заслужил!» — «Нет, нет, вы меня не понимаете… ты меня не понимаешь…» И вдруг она протянула руки, схватила меня за голову и поцеловала… Поверите ли, я чуть-чуть не закричал… бросился на колени и голову в подушки спрятал. Она молчит; пальцы ее у меня на волосах дрожат; слышу: плачет. Я начал ее утешать, уверять… я уж, право, не знаю, что я такое ей говорил. «Девку, говорю, разбудите, Александра Андреевна… благодарю

вас… верьте… успокойтесь». — «Да полно же, полно, — твердила она. — Бог с ними со всеми; ну, проснутся, ну, придут — всё равно: ведь умру же я… Да и ты чего робеешь, чего боишься? Подними голову… Или вы, может быть, меня не любите, может быть, я обманулась… в таком случае извините меня». — «Александра Андреевна, что вы говорите? я люблю вас, Александра Андреевна». Она взглянула мне прямо в глаза, раскрыла руки. «Так обними же меня…» Скажу вам откровенно: я не понимаю, как я в ту ночь с ума не сошел. Чувствую я, что больная моя себя губит; вижу, что не совсем она в памяти; понимаю также и то, что не почитай она себя при смерти, — не подумала бы она обо мне; а то ведь, как хотите, жутко умирать в двадцать пять лет, никого не любивши: ведь вот что ее мучило, вот отчего она, с отчаянья, хоть за меня ухватилась, — понимаете теперь? Ну не выпускает она меня из своих рук. «Пощадите меня, Александра Андреевна, да и себя пощадите, говорю». — «К чему, говорит, чего жалеть? Ведь должна же я умереть…» Это она беспрестанно повторяла. «Вот если бы я знала, что я в живых останусь и опять в порядочные барышни попаду, мне бы стыдно было, точно стыдно… а то что?» — «Да кто вам сказал, что вы умрете?» — «Э, нет,

полно, ты меня не обманешь, ты лгать не умеешь, посмотри на себя». — «Вы будете живы, Александра Андреевна, я вас вылечу; мы испросим у вашей матушки благословение… мы соединимся узами, мы будем счастливы». — «Нет, нет, я с вас слово взяла, я должна умереть… ты мне обещал… ты мне сказал…» Горько было мне, по многим причинам горько. И посудите, вот какие иногда приключаются вещицы: кажется, ничего, а больно. Вздумалось ей спросить меня, как мое имя, то есть не фамилия, а имя. Надо же несчастье такое, что меня Трифоном зовут. Да-с, да-с; Трифоном, Трифоном Иванычем. В доме-то меня все доктором звали. Я, делать нечего, говорю: «Трифон, сударыня». Она прищурилась, покачала головой и прошептала что-то по-французски, — ох, да недоброе что-то, — и засмеялась потом, нехорошо тоже. Вот этак-то я почти всю ночь провел с ней. Поутру вышел, словно угорелый; вошел к ней опять в комнату уже днем, после чаю. Боже мой, боже мой! Узнать ее нельзя: краше в гроб кладут. Честью вам клянусь, не понимаю теперь, не понимаю решительно, как я эту пытку выдержал. Три дня, три ночи еще проскрыпела моя больная… и какие ночи! Что она мне говорила!.. А в последнюю-то ночь, вообразите вы себе,

— сижу я подле нее и уж об одном бога прошу: прибери, дескать, ее поскорей, да и меня тут же… Вдруг старушка мать — шасть в комнату… Уж я ей накануне сказал, матери-то, что мало, дескать, надежды, плохо, и священника не худо бы. Больная, как увидела мать, и говорит: «Ну вот, хорошо, что пришла… посмотри-ка на нас, мы друг друга любим, мы друг другу слово дали». — «Что это она, доктор, что она?» Я помертвел. «Бредит-с, говорю, жар…» А она-то: «Полно, полно, ты мне сейчас совсем другое говорил, и кольцо от меня принял… что притворяешься? Мать моя добрая, она простит, она поймет, а я умираю — мне не к чему лгать; дай мне руку…» Я вскочил и вон выбежал. Старушка, разумеется, догадалась.

— Не стану я вас, однако, долее томить, да и мне самому, признаться, тяжело всё это припоминать. Моя больная на другой же день скончалась. Царство ей небесное (прибавил лекарь скороговоркой и со вздохом)! Перед смертью попросила она своих выйти и меня наедине с ней оставить. «Простите меня, говорит, я, может быть, виновата перед вами… болезнь… но, поверьте, я никого не любила более вас… не забывайте же меня… берегите мое кольцо…»

Лекарь отвернулся; я взял его за руку.

— Эх! — сказал он, — давайте-ка о чем-нибудь другом говорить, или не хотите ли в преферансик по маленькой? Нашему брату, знаете ли, не след таким возвышенным чувствованиям предаваться. Наш брат думай об одном: как бы дети не пищали да жена не бранилась. Ведь я с тех пор в законный, как говорится, брак вступить успел… Как же… Купеческую дочь взял: семь тысяч приданого. Зовут ее Акулиной; Трифону-то под стать. Баба, должен я вам сказать, злая, да благо спит целый день… А что ж преферанс?

Мы сели в преферанс по копейке. Трифон Иваныч выиграл у меня два рубля с полтиной — и ушел поздно, весьма довольный своей победой.

МОЙ СОСЕД РАДИЛОВ

…Осенью вальдшнепы часто держатся в старинных липовых садах. Таких садов у нас в Орловской губернии довольно много. Прадеды наши, при выборе места для жительства, непременно отбивали десятины две хорошей земли под фруктовый сад с липовыми аллеями. Лет через пятьдесят, много семьдесят, эти усадьбы, «дворянские гнезда», понемногу исчезали с лица земли, дома сгнивали или продавались на своз, каменные службы превращались в груды разва-

лин, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись. Одни липы по-прежнему росли себе на славу и теперь, окруженные распаханными полями, гласят нашему ветреному племени о «прежде почивших отцах и братиях».[29] Прекрасное дерево — такая старая липа… Не щадит даже безжалостный топор русского мужика. Лист на ней мелкий, могучие сучья широко раскинулись во все стороны, вечная тень под ними.

Однажды, скитаясь с Ермолаем по полям за куропатками, завидел я в стороне заброшенный сад и отправился туда. Только что я вошел в опушку, вальдшнеп со стуком поднялся из куста, — я выстрелил, и в то же мгновенье, в нескольких шагах от меня, раздался крик: испуганное лицо молодой девушки выглянуло из-за деревьев и тотчас скрылось. Ермолай подбежал ко мне. «Что вы здесь стреляете: здесь живет помещик».

Не успел я ему ответить, не успела собака моя с благородной важностью донести до меня убитую птицу, как послышались проворные шаги, и человек высокого росту, с усами, вышел из чащи и с недовольным видом остановился передо мной. Я извинился, как мог, назвал себя и предложил ему

---

29 Примечания: 81

…о «прежде почивших отцах и братиях». — Слова из ектеньи об умерших.

птицу, застреленную в его владениях.

— Извольте, — сказал он мне с улыбкой, — я приму вашу дичь, но только с условием: вы у нас останетесь обедать.

Признаться, я не очень обрадовался его предложению, но отказаться было невозможно.

— Я здешний помещик и ваш сосед, Радилов, может слыхали, — продолжал мой новый знакомый. — Сегодня воскресенье, и обед у меня, должно быть, будет порядочный, а то бы я вас не пригласил.

Я отвечал, что отвечают в таких случаях, и отправился вслед за ним. Недавно расчищенная дорожка скоро вывела нас из липовой рощи; мы вошли в огород. Между старыми яблонями и разросшимися кустами крыжовника пестрели круглые бледно-зеленые кочаны капусты; хмель винтами обвивал высокие тычинки; тесно торчали на грядах бурые прутья, перепутанные засохшим горохом; большие плоские тыквы словно валялись на земле; огурцы желтели из-под запыленных угловатых листьев; вдоль плетня качалась высокая крапива; в двух или трех местах кучами росли: татарская жимолость, бузина, шиповник — остатки прежних «клумб».

Возле небольшой са́жалки,[30] наполненной красноватой и слизистой водой, виднелся колодезь, окруженный лужицами. Утки хлопотливо плескались и ковыляли в этих лужицах; собака, дрожа всем телом и жмурясь, грызла кость на поляне; пегая корова тут же лениво щипала траву, изредка закидывая хвост на худую спину. Дорожка повернула в сторону; из-за толстых ракит и берез глянул на нас старенький, серый домик с тесовой крышей и кривым крылечком. Радилов остановился.

— Впрочем, — сказал он добродушно и прямо посмотрев мне в лицо, — я теперь раздумал; может быть, вам вовсе не хочется заходить ко мне: в таком случае…

Я не дал ему договорить и уверил его, что мне, напротив, очень приятно будет у него отобедать.

— Ну, как знаете.

Мы вошли в дом. Молодой малый, в длинном кафтане из синего толстого сукна, встретил нас на крыльце. Радилов тотчас приказал ему поднести водки Ермолаю; мой охотник почтительно поклонился спине великодушного дателя. Из передней, заклеенной разными пестрыми

---

30 Примечания: 82

Сажалка — колдобина, наполненная водой, или небольшой искусственный прудик.

картинами, завешенной клетками, вошли мы в небольшую комнатку — кабинет Радилова. Я снял свои охотничьи доспехи, поставил ружье в угол; малый в длиннополом сюртуке хлопотливо обчистил меня.

— Ну, теперь пойдемте в гостиную, — ласково проговорил Радилов, — я вас познакомлю с моей матушкой.

Я пошел за ним. В гостиной, на середнем диване, сидела старушка небольшого росту, в коричневом платье и белом чепце, с добреньким и худеньким лицом, робким и печальным взглядом.

— Вот, матушка, рекомендую: сосед наш ***.

Старушка привстала и поклонилась мне, не выпуская из сухощавых рук толстого гарусного радиктоля в виде мешка.

— Давно вы пожаловали в нашу сторону? — спросила она слабым и тихим голосом, помаргивая глазами.

— Нет-с, недавно.

— Долго намерены здесь остаться?

— Думаю, до зимы.

Старушка замолчала.

— А вот это, — подхватил Радилов, указывая мне на человека высокого и худого, которого я при входе в гостиную не заметил, — это Федор

Михеич… Ну-ка, Федя, покажи свое искусство гостю. Что ты забился в угол-то?

Федор Михеич тотчас поднялся со стула, достал с окна дрянненькую скрыпку, взял смычок — не за конец, как следует, а за середину, прислонил скрыпку к груди, закрыл глаза и пустился в пляс, напевая песенку и пиликая по струнам. Ему на вид было лет семьдесят; длинный нанковый сюртук печально болтался на сухих и костлявых его членах. Он плясал; то с удальством потряхивал, то, словно замирая, поводил маленькой лысой головкой, вытягивал жилистую шею, топотал ногами на месте, иногда, с заметным трудом, сгибал колени. Его беззубый рот издавал дряхлый голос. Радилов, должно быть, догадался по выражению моего лица, что мне «искусство» Феди не доставляло большого удовольствия.

— Ну, хорошо, старина, полно, — проговорил он, — можешь пойти наградить себя.

Федор Михеич тотчас положил скрыпку на окно, поклонился сперва мне, как гостю, потом старушке, потом Радилову и вышел вон.

— Тоже был помещик, — продолжал мой новый приятель, — и богатый, да разорился — и вот проживает теперь у меня… А в свое время считался первым по губернии хватом; двух жен от мужей

увез, песельников держал, сам певал и плясал мастерски… Но не прикажете ли водки? Ведь уж обед на столе.

Молодая девушка, та самая, которую я мельком видел в саду, вошла в комнату.

— А вот и Оля! — заметил Радилов, слегка отвернув голову, — прошу любить и жаловать… Ну, пойдемте обедать.

Мы отправились в столовую, сели. Пока мы шли из гостиной и садились, Федор Михеич, у которого от «награды» глазки засияли и нос слегка покраснел, пел: «Гром победы раздавайся!»[31] Ему поставили особый прибор в углу на маленьком столике без салфетки. Бедный старик не мог похвалиться опрятностью, и потому его постоянно держали в некотором отдалении от общества. Он перекрестился, вздохнул и начал есть, как акула. Обед был действительно недурен и, в качестве воскресного, не обошелся без трепещущего желе и испанских ветров (пирожного). За столом Радилов, который лет десять служил в армейском пехотном полку и в Турцию ходил, пустился в

---

31 Примечания: 83

«Гром победы раздавайся!» — популярный в свое время полонез для оркестра и хора композитора И. А. Козловского (1757-1831) на слова Г. Р. Державина, получивший значение национального гимна. Известен также под названием «Славься сим Екатерина» — по начальным строкам припева.

рассказы; я слушал его со вниманием и украдкой наблюдал за Ольгой. Она не очень была хороша собой; но решительное и спокойное выражение ее лица, ее широкий белый лоб, густые волосы и, в особенности, карие глаза, небольшие, но умные, ясные и живые, поразили бы и всякого другого на моем месте. Она как будто следила за каждым словом Радилова; не участие, — страстное внимание изображалось на ее лице. Радилов, по летам, мог бы быть ее отцом; он говорил ей «ты», но я тотчас догадался, что она не была его дочерью. В течение разговора он упомянул о своей покойной жене — «ее сестра», — прибавил он, указав на Ольгу. Она быстро покраснела и опустила глаза. Радилов помолчал и переменил разговор. Старушка во весь обед не произнесла слова, сама почти ничего не ела и меня не потчевала. Ее черты дышали каким-то боязливым и безнадежным ожиданьем, той старческой грустью, от которой так мучительно сжимается сердце зрителя. К концу обеда Федор Михеич начал было «славить» хозяев и гостя, но Радилов взглянул на меня и попросил его замолчать; старик провел рукой по губам, заморгал глазами, поклонился и присел опять, но уже на самый край стула. После обеда мы с Радиловым отправились в его кабинет.

В людях, которых сильно и постоянно занимает одна мысль или одна страсть, заметно что-то общее, какое-то внешнее сходство в обращенье, как бы ни были, впрочем, различны их качества, способности, положение в свете и воспитание. Чем более я наблюдал за Радиловым, тем более мне казалось, что он принадлежал к числу таких людей. Он говорил о хозяйстве, об урожае, покосе, о войне, уездных сплетнях и близких выборах, говорил без принужденья, даже с участьем, но вдруг вздыхал и опускался в кресла, как человек, утомленный тяжкой работой, проводил рукой по лицу. Вся душа его, добрая и теплая, казалось, была проникнута, насквозь пресыщена одним чувством. Меня поражало уже то, что я не мог в нем открыть страсти ни к еде, ни к вину, ни к охоте, ни к курским соловьям, ни к голубям, страдающим падучей болезнью, ни к русской литературе, ни к иноходцам, ни к венгеркам, ни к карточной и биллиардной игре, ни к танцевальным вечерам, ни к поездкам в губернские и столичные города, ни к бумажным фабрикам и свеклосахарным заводам, ни к раскрашенным беседкам, ни к чаю, ни к доведенным до разврата пристяжным, ни даже к толстым кучерам, подпоясанным под самыми мышками,

к тем великолепным кучерам, у которых, бог знает почему, от каждого движения шеи глаза косятся и лезут вон… «Что ж это за помещик, наконец!» — думал я. А между тем он вовсе не прикидывался человеком мрачным и своею судьбою недовольным; напротив, от него так и веяло неразборчивым благоволеньем, радушьем и почти обидной готовностью сближенья с каждым встречным и поперечным. Правда, вы в то же самое время чувствовали, что подружиться, действительно сблизиться он ни с кем не мог, и не мог не оттого, что вообще не нуждался в других людях, а оттого, что вся жизнь его ушла на время внутрь. Вглядываясь в Радилова, я никак не мог себе представить его счастливым ни теперь, ни когда-нибудь. Красавцем он тоже не был; но в его взоре, в улыбке, во всем его существе таилось что-то чрезвычайно привлекательное, — именно таилось. Так, кажется, и хотелось бы узнать его получше, полюбить его. Конечно, в нем иногда высказывался помещик и степняк; но человек он все-таки был славный.

Мы начали было толковать с ним о новом уездном предводителе, как вдруг у двери раздался голос Ольги: «Чай готов». Мы пошли в гостиную. Федор Михеич по-прежнему сидел в своем уголку,

между окошком и дверью, скромно подобрав ноги. Мать Радилова вязала чулок. Сквозь открытые окна из саду веяло осенней свежестью и запахом яблоков. Ольга хлопотливо разливала чай. Я с большим вниманием смотрел на нее теперь, чем за обедом. Она говорила очень мало, как вообще все уездные девицы, но в ней, по крайней мере, я не замечал желанья сказать что-нибудь хорошее, вместе с мучительным чувством пустоты и бессилия; она не вздыхала, словно от избытка неизъяснимых ощущений, не закатывала глаза под лоб, не улыбалась мечтательно и неопределенно. Она глядела спокойно и равнодушно, как человек, который отдыхает от большого счастья или от большой тревоги. Ее походка, ее движенья были решительны и свободны. Она мне очень нравилась.

Мы с Радиловым опять разговорились. Я уже не помню, каким путем мы дошли до известного замечанья: как часто самые ничтожные вещи: производят большее впечатление на людей, чем самые важные.

— Да, — промолвил Радилов, — это я испытал на себе. Я, вы знаете, был женат. Не долго… три года; моя жена умерла от родов. Я думал, что не переживу ее; я был огорчен страшно, убит, но

плакать не мог — ходил словно шальной. Ее, как следует, одели, положили на стол — вот в этой комнате. Пришел священник; дьячки пришли, стали петь, молиться, курить ладаном; я клал земные поклоны и хоть бы слезинку выронил. Сердце у меня словно окаменело и голова тоже — и весь я отяжелел. Так прошел первый день, Верите ли? ночью я заснул даже. На другое утро вошел я к жене, — дело было летом, солнце освещало ее с ног до головы, да так ярко. — Вдруг я увидел… (Здесь Радилов невольно вздрогнул.) Что вы думаете? Глаз у нее не совсем был закрыт, и по этому глазу ходила муха… Я повалился, как сноп, и, как опомнился, стал плакать, плакать — унять себя не мог…

Радилов замолчал. Я посмотрел на него, потом на Ольгу… Ввек мне не забыть выражения ее лица. Старушка положила чулок на колени, достала из ридикюля платок и украдкой утерла слезу. Федор Михеич вдруг поднялся, схватил свою скрыпку и хриплым и диким голосом затянул песенку. Он желал, вероятно, развеселить нас; но мы все вздрогнули от его первого звука, и Радилов попросил его успокоиться.

— Впрочем, — продолжал он, — что было, то было; прошлого не воротишь, да и наконец… всё

к лучшему в здешнем мире, как сказал, кажется, Во́лтер,[32] — прибавил он поспешно.

— Да, — возразил я, — конечно. Притом всякое несчастье можно перенести, и нет такого скверного положения, из которого нельзя было бы выйти.

— Вы думаете? — заметил Радилов. — Что ж, может быть, вы правы. Я, помнится, в Турции лежал в госпитале, полумертвый:[33] у меня была гнилая горячка. Ну, помещением мы похвалиться не могли, — разумеется, дело военное, — и то еще славу богу! Вдруг к нам еще приводят больных, — куда их положить? Лекарь туда, сюда, — нет места. Вот подошел он ко мне, спрашивает фельдшера: «Жив?» Тот отвечает: «Утром был жив». Лекарь нагнулся, слышит: дышу. Не вытерпел приятель. «Ведь экая натура-то дура, говорит, ведь вот умрет человек, ведь непременно умрет, а все скрипит, тянет, только место занимает да

---

32 Примечания: 84

…все к лучшему в здешнем мире, как сказал, кажется, Во́лтер… — Изречение одного из героев повести Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759), философа Панглоса, которое повторяется и варьируется на протяжении всей повести.

33 Примечания: 85

Я, помнится, в Турции лежал в госпитале, полумертвый… — Радилов рассказывает о своем участии в русско-турецкой войне 1828-1829 гг. Русская армия несла в этой кампании большие потери от эпидемических заболеваний.

другим мешает». — «Ну, — подумал я про себя, — плохо тебе, Михайло Михайлыч...» А вот выздоровел и жив до сих пор, как изволите видеть. Стало быть, вы правы.

— Во всяком случае я прав, — отвечал я. — Если б вы даже и умерли, вы всё-таки вышли бы из вашего скверного положения.

— Разумеется, разумеется, — прибавил он, внезапно и сильно ударив рукою по столу... — Стоит только решиться... Что толку в скверном положении?.. К чему медлить, тянуть...

Ольга быстро встала и вышла в сад.

— Ну-ка, Федя, плясовую! — воскликнул Радилов.

Федя вскочил, пошел по комнате той щеголеватой, особенной поступью, какою выступает известная «коза» около ручного медведя[34] и запел: «Как у наших у ворот...»[35]

---

34 Примечания: 86

...известная «коза» около ручного медведя... — В наряд «козы» одевали обычно мальчика, который ходил с поводырем ручного медведя. Исследователь устной народной драмы в России В. Д. Кузьмина писала: «Медвежья „потеха“ в виде пляски дрессированного медведя и козы под прибаутки поводыря была известна в XVIII веке от царского дворца до деревень» (*Кузьмина В. Д.* Русский демократический театр XVIII века. М., 1958. С. 46).

35 Примечания: 87

«Как у наших у ворот...» — Популярная плясовая песня, известная с конца XVIII в.

У подъезда раздался стук беговых дрожек, и через несколько мгновений вошел в комнату старик высокого росту, плечистый и плотный, однодворец Овсяников… Но Овсяников такое замечательное и оригинальное лицо, что мы, с позволения читателя, поговорим о нем в другом отрывке. А теперь я от себя прибавлю только то, что на другой же день мы с Ермолаем чем свет отправились на охоту, а с охоты домой, что через неделю я опять зашел к Радилову, но не застал ни его, ни Ольги дома, а через две недели узнал, что он внезапно исчез, бросил мать, уехал куда-то с своей золовкой.[36] Вся губерния взволновалась и заговорила об этом происшествии, и я только тогда окончательно понял выражение Ольгина лица во время рассказа Радилова. Не одним состраданием дышало оно тогда: оно пылало также ревностью.

Перед моим отъездом из деревни я посетил старушку Радилову. Я нашел ее в гостиной; она играла с Федором Михеичем в дурачки.

— Имеете вы известие от вашего сына? — спросил я ее наконец.

Старушка заплакала. Я уже более не расспра-

---

36 Примечания: 88

…уехал ∞ с своей золовкой. — По принятой в России степени родства Ольга приходилась Радилову свояченицей. Золовка — это сестра мужа.

шивал ее о Радилове.

ОДНОДВОРЕЦ[37] ОВСЯНИКОВ

37 Примечания: 89

Однодворец — категория государственных крестьян. Обладали собственным наделом земли (на потребу одного двора, т. е. одной семьи), пожалованным в начале XVIII в, государством за сторожевую службу на окраинах России. Надел этот переходил по наследству. Однодворцы имели также право покупать землю на свое имя. Они были свободны от крепостной зависимости, но облагались подушной податью и оброком в пользу государства. В 30-х годах прошлого века в России было более миллиона однодворцев (мужского пола), и они владели 11000 крестьян, которые, как правило, жили в том же дворе и несли перед государством такие же повинности, что и их владельцы.

«Однодворец Овсяников» Рис. И. С. Тургенева. ИРЛИ

Представьте себе, любезные читатели, человека полного, высокого, лег семидесяти, с лицом, напоминающим несколько лицо Крылова, с ясным и умным взором под нависшей бровью, с важной осанкой, мерной речью, медлительной походкой: вот вам Овсяников. Носил он просторный синий

сюртук с длинными рукавами, застегнутый доверху, шелковый лиловый платок на шее, ярко вычищенные сапоги с кистями и вообще с виду походил на зажиточного купца. Руки у него были прекрасные, мягкие и белые, он часто в течение разговора брался за пуговицы своего сюртука. Овсяников своею важностью и неподвижностью, смышленостью и ленью, своим прямодушием и упорством напоминал мне русских бояр допетровских времен... Ферязь[38] бы к нему пристала. Это был один из последних людей старого века. Все соседи его чрезвычайно уважали и почитали за честь знаться с ним. Его братья, однодворцы, только что не молились на него, шапки перед ним издали ломали, гордились им. Говоря вообще, у нас до сих пор однодворца трудно отличить от мужика: хозяйство у него едва ли не хуже мужицкого, телята не выходят из гречихи, лошади чуть живы, упряжь веревочная. Овсяников был исключением из общего правила, хоть и не слыл за богача. Жил он один с своей женой в уютном, опрятном домике, прислугу держал небольшую, одевал людей своих по-русски и называл работниками. Они же у него и землю пахали. Он и

38 Примечания: 90

Ферязь — старинная русская одежда с длинными рукавами без воротника и перехвата.

себя не выдавал за дворянина, не прикидывался помещиком, никогда, как говорится, «не забывался», не по первому приглашению садился и при входе нового гостя непременно поднимался с места, но с таким достоинством, с такой величавой приветливостью, что гость невольно ему кланялся пониже. Овсяников придерживался старинных обычаев не из суеверия (душа в нем была довольно свободная), а по привычке. Он, например, не любил рессорных экипажей, потому что не находил их покойными, и разъезжал либо в беговых дрожках, либо в небольшой красивой тележке с кожаной подушкой, и сам правил своим добрым гнедым рысаком. (Он держал одних гнедых лошадей.) Кучер, молодой краснощекий парень, остриженный в скобку, в синеватом армяке и низкой бараньей шапке, подпоясанный ремнем, почтительно сидел с ним рядом. Овсяников всегда спал после обеда, ходил в баню по субботам, читал одни духовные книги (причем с важностью надевал на нос круглые серебряные очки), вставал и ложился рано. Бороду, однако же, он брил и волосы носил по-немецки. Гостей он принимал весьма ласково и радушно, но не кланялся им в пояс, не суетился, не потчевал их всяким сушеньем и соленьем. «Жена! — говорил

он медленно, не вставая с места и слегка повернув к ней голову. — Принесу господам чего-нибудь полакомиться». Он почитал за грех продавать хлеб — божий дар, и в 40-м году, во время всеобщего голода[39] и страшной дороговизны, роздал окрестным помещикам и мужикам весь свой запас; они ему на следующий год с благодарностью взнесли свой долг натурой. К Овсяникову часто прибегали соседи с просьбой рассудить, помирить их и почти всегда покорялись его приговору, слушались его совета. Многие, по его милости, окончательно размежевались… Но после двух или трех сшибок с помещицами он объявил, что отказывается от всякого посредничества между особами женского пола. Терпеть он не мог поспешности, тревожной торопливости, бабьей болтовни и «суеты». Раз как-то у него дом загорелся. Работник впопыхах вбежал к нему с криком: «Пожар! пожар!» — «Ну, чего же ты кричишь? — спокойно сказал Овсяников. — Подай мне шапку и костыль…» Он

39 Примечания: 91

…в 40-м году, во время всеобщего голода… — «…Голод, голод такой, какого нигде не было слышно в России. — Писала В. П. Тургенева сыну 16 июня 1840 г. из Спасского. — Ты знаешь, что и прошлый год был уж очень плох. — Но! — нынче ничего не родилось, то есть ничего, ничего, ни единого колоса на всем поле» (*ГИБ*. Ф. 795. Ед. хр. 91-97). Бедствие было настолько значительным, что крестьянам официально рекомендовалось добавлять в муку кору дуба, жолуди, свекловицу и даже глину (см.: *Брокгауз и Ефрон*. Энциклопедический словарь. Т. 9. С. 104).

сам любил выезжать лошадей. Однажды рьяный битюк[*] помчал его под гору к оврагу. «Ну, полно, полно, жеребенок малолетний, — убьешься», — добродушно замечал ему Овсяников и через мгновенье полетел в овраг вместе с беговыми дрожками, мальчиком, сидевшим сзади, и лошадью. К счастью, на дне оврага грудами лежал песок. Никто не ушибся, один битюк вывихнул себе ногу. «Ну вот, видишь, — продолжал спокойным голосом Овсяников, поднимаясь с земли, — я тебе говорил». И жену он сыскал по себе. Татьяна Ильинична Овсяникова была женщина высокого росту, важная и молчаливая, вечно повязанная коричневым шелковым платком. От нее веяло холодом, хотя не только никто не жаловался на ее строгость, но, напротив, многие бедняки называли ее матушкой и благодетельницей. Правильные черты лица, большие темные глаза, тонкие губы и теперь еще свидетельствовали о некогда знаменитой ее красоте. Детей у Овсяникова не было.

Я с ним познакомился, как уже известно чита-

*** Примечания: ~ note_003 ~**

Битюками, или с битюка, называются особенной породы лошади, которые развелись в Воронежской губернии, около известного «Хренового» (бывшего конного завода гр. Орловой).

телю, у Радилова и дня через два поехал к нему. Я застал его дома. Он сидел в больших кожаных креслах и читал четьи-минеи.[40] Серая кошка мурлыкала у него на плече. Он меня принял, по своему обыкновенью, ласково и величаво. Мы пустились в разговор.

— А скажите-ка, Лука Петрович, правду, — сказал я между прочим, — ведь прежде, в ваше-то время, лучше было?

— Иное точно лучше было, скажу вам, — возразил Овсяников, — спокойнее мы жили; довольства больше было, точно... А всё-таки теперь лучше; а вашим деткам еще лучше будет, бог даст.

— А я так ожидал, Лука Петрович, что вы мне старое время хвалить станете.

— Нет, старого времени мне особенно хвалить не из чего. Вот хоть бы, примером сказать, вы помещик теперь, такой же помещик, как ваш покойный дедушка, а уж власти вам такой не будет! Да и вы сами не такой человек. Нас и теперь другие господа притесняют; но без этого обойтись, видно, нельзя. Перемелется — авось

---

40 Примечания: 92

Четьи-минеи — сборник жизнеописаний святых православной церкви, где материал расположен в соответствии с календарем, т. е. по месяцам и дням чествования памяти каждого святого.

мука будет. Нет, уж я теперь не увижу, чего в молодости насмотрелся.

— А чего бы, например?

— А хоть бы, например, опять-таки скажу про вашего дедушку. Властный был человек! Обижал нашего брата. Ведь вот вы, может, знаете, — да как вам своей земли не знать, — клин-то, что идет от Чаплыгина к Малинину?.. Он у вас под овсом теперь… Ну, ведь он наш, — весь как есть наш. Ваш дедушка у нас его отнял; выехал верхом, показал рукой, говорит: «Мое владенье» — и завладел. Отец-то мой, покойник (царство ему небесное!), человек был справедливый, горячий был тоже человек, не вытерпел, — да и кому охота свое доброе терять? — и в суд просьбу подал. Да один подал, другие-то не пошли — побоялись. Вот вашему дедушке и донесли, что Петр Овсяников, мол, на вас жалуется: землю, вишь, отнять изволили… Дедушка ваш к нам тотчас и прислал своего ловчего Бауша с командой… Вот и взяли моего отца и в вашу вотчину повели. Я тогда был мальчишка маленький, босиком за ними побежал. Что ж?.. Привели его к вашему дому да под окнами и высекли. А ваш-то дедушка стоит на балконе да посматривает; а бабушка под окном сидит и тоже глядит. Отец мой кричит: «Матушка, Марья

Васильевна, заступитесь, пощадите хоть вы!» А она только знай приподнимается да поглядывает. Вот и взяли с отца слово отступиться от земли и благодарить еще велели, что живого отпустили. Так она и осталась за вами. Подите-ка, спросите у своих мужиков: как, мол, эта земля прозывается? Дубовщиной она прозывается, потому что дубьем отнята. Так вот от этого и нельзя нам, маленьким людям, очень-то жалеть о старых порядках.

Я не знал, что отвечать Овсяникову, и не смел взглянуть ему в лицо.

— А то другой сосед у нас в те поры завелся, Комов, Степан Никтополионыч. Замучил было отца совсем: не мытьем, так катаньем. Пьяный был человек и любил угощать, и как подопьет да скажет по-французски «се бон», да облизнется — хоть святых вон неси! По всем соседям шлет просить пожаловать. Тройки так у него наготове и стояли; а не поедешь — тотчас сам нагрянет… И такой странный был человек! В «тверёзом» виде не лгал; а как выпьет — и начнет рассказывать, что у него в Питере три дома на Фонтанке: один красный с одной трубой, другой — желтый с двумя трубами, а третий — синий без труб, — и три сына (а он и женат-то не бывал): один в инфантерии, другой в кавалерии, третий сам по себе…

И говорит, что в каждом доме живет у него по сыну, что к старшему ездят адмиралы, ко второму — генералы, а к младшему — всё англичане! Вот и поднимется и говорит: «За здравие моего старшего сына, он у меня самый почтительный!» — и заплачет. И беда, коли кто отказываться станет. «Застрелю! говорит, и хоронить не позволю!..» А то вскочит и закричит: «Пляши, народ божий, на свою потеху и мое утешение!» Ну, ты и пляши, хоть умирай, а пляши. Девок своих крепостных вовсе замучил. Бывало, всю ночь как есть, до утра хором поют, и какая выше голосом забирает, той и награда. А станут уставать — голову на руки положит и загорюет: «Ох, сирота я сиротливая! Покидают меня, голубчика!» Конюха тотчас девок и приободрят. Отец-то мой ему, и полюбись: что прикажешь делать? Ведь чуть в гроб отца моего не вогнал, и точно вогнал бы, да сам, спасибо, умер: с голубятни в пьяном виде свалился… Так вот какие у нас соседушки бывали!

— Как времена-то изменились! — заметил я.

— Да, да, — подтвердил Овсяников. — Ну, и то сказать: в старые-то тоды дворяне живали пышнее. Уж нечего и говорить про вельмож: я в Москве на них насмотрелся. Говорят, они и там перевелись теперь.

— Вы были в Москве?

— Был, давно, очень давно. Мне вот теперь семьдесят третий год, пошел, а в Москву я ездил на шестнадцатом году.

Овсяников вздохнул.

— Кого ж вы там видали?

— А многих вельмож видел, и всяк их видел; жили открыто, на славу и удивление. Только до покойного графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского не доходил ни один.[41] Алексея-то Григорьевича я видал часто; дядя мой у него дворецким служил. Изволил граф жить у Калужских ворот, на Шаболовке. Вот был вельможа! Такой осанки, такого привета милостивого вообразить невозможно и рассказать нельзя. Рост один чего стоил, сила, взгляд! Пока не знаешь его, не войдешь к нему — боишься точно, робеешь; а войдешь — словно солнышко тебя пригреет, и весь повеселеешь. Каждого человека до своей особы допускал и до всего охотник был. На бегу сам правил и со всяким гонялся; и никогда не обгонит сразу, не обидит, не оборвет, а разве под самый

---

41 Примечания: 93

Только до покойного графа Алексея Григорьевича Орлова-Чесменского не доводил ни один. — А. Г. Орлов (1737-1807), военный и государственный деятель; за разгром турецкого флота в Чесменской бухте (1770) получил почетное добавление к фамилии: Чесменский.

конец переедет; и такой ласковый — противника утешит, коня его похвалит. Голубей-турманов держал первейшего сорта. Выйдет, бывало, на двор, сядет в кресла и прикажет голубков поднять; а кругом, на крышах, люди стоят с ружьями против ястребов. К ногам графа большой серебряный таз поставят с водой; он и смотрит в воду на голубков. Убогие, нищие сотнями на его хлебе живали… и сколько денег он передавал! А рассердится — словно гром прогремит. Страху много, а плакаться не на что: смотришь; — уж и улыбается. Пир задаст — Москву споит!.. И ведь умница был какой! Ведь турку-то он побил. Бороться тоже любил; силачей к нему из Тулы возили, из Харькова, из Тамбова, отовсюду. Кого поборет — наградит; а коли кто его поборет — задарит вовсе и в губы поцелует… А то, в бытность мою в Москве, затеял садку такую, какой на Руси не бывало: всех как есть охотников со всего царства к себе в гости пригласил и день назначил, и три месяца сроку дал. Вот и собрались. Навезли собак, егерей — ну, войско наехало, как есть войско! Сперва попировали как следует, а там и отправились за заставу. Народу сбежалось тьма-тьмущая!.. И что вы думаете?.. Ведь вашего дедушки собака всех обскакала.

— Не Миловидка ли? — спросил я.

— Миловидка, Миловидка… Вот граф его и начал упрашивать: «Продай мне, дескать, твою собаку: возьми что хочешь». — «Нет, граф, говорит, я не купец: тряпицы ненужной не продам, а из чести хоть жену готов уступить, только не Миловидку… Скорее себя самого в полон отдам». И Алексей Григорьевич его похвалил: «Люблю», — говорит. Дедушка-то ваш ее назад в карете повез; а как умерла Миловидка, с музыкой в саду ее похоронил — псицу похоронил и камень с надписью над псицей поставил.

— Ведь вот Алексей Григорьевич не обижал же никого, — заметил я.

— Да оно всегда так бывает: кто сам мелко плавает, тот и задирает.

— А что за человек был этот Бауш? — спросил я после некоторого молчания.

— Как же это вы про Миловидку слыхали, а про Бауша нет?.. Это был главный ловчий и доезжачий вашего дедушки. Дедушка-то ваш его любил не меньше Миловидки. Отчаянный был человек, и что бы ваш дед ни приказал — мигом исполнит, хоть на нож полезет… И как порскал — так стон в лесу, бывало, и стоит. А то вдруг заупрямится, слезет с коня и ляжет… И как только перестали

собаки слышать его голос — кончено! Горячий след бросят, не погонят ни за какие благи. И-их, ваш дедушка рассердится! «Жив быть не хочу, коли не повешу бездельника! Наизнанку антихриста выворочу! Пятки душегубцу сквозь горло протащу!» А кончится тем, что пошлет узнать, чего ему надобно, отчего не порскает? И Бауш в таких случаях обыкновенно потребует вина, выпьет, поднимется и загогочет опять на славу.

— Вы, кажется, также любите охоту, Лука Петрович?

— Любил бы… точно, — не теперь: теперь моя пора прошла — а в молодых годах… да знаете, неловко, по причине звания. За дворянами нашему брату не приходится тянуться. Точно: и из нашего сословия иной, пьющий и неспособный, бывало, присоседится к господам… да что за радость! Только себя срамит. Дадут ему лошадь дрянную, спотыкливую; то и дело шапку с него наземь бросают; арапником, будто по лошади, по нем задевают, а он всё смейся да других смеши. Нет, скажу вам: чем мельче звание, тем строже себя держи, а то как раз себя замараешь.

— Да, — продолжал Овсяников со вздохом, — много воды утекло с тех пор, как я на свете живу: времена подошли другие. Особенно в дворянах

вижу я перемену большую. Мелкопоместные — все либо на службе побывали, либо на месте не сидят; а что покрупней — тех и узнать нельзя. Насмотрелся я на них, на крупных-то, вот по случаю размежевания.[42] И должен я вам сказать: сердце радуется, на них глядя: обходительны, вежливы. Только вот что мне удивительно: всем наукам они научились, говорят так складно, что душа умиляется, а дела-то настоящего не смыслят, даже собственной пользы не чувствуют: их же крепостной человек, приказчик, гнет их куда хочет, словно дугу. Ведь вот вы, может, знаете Королева, Александра Владимирыча, — чем не дворянин? Собой красавец, богат, в университетах обучался, кажись, и за границей побывал, говорит плавно, скромно, всем нам руки жмет. Знаете?.. Ну, так слушайте. На прошлой неделе съехались

42 Примечания: 94

…по случаю размежевания — В 1836 г. в России были учреждены особые посреднические комиссии, имевшие задачей склонить помещиков к «полюбовным соглашениям» о размежевании их земель и крестьянских наделов. При этом имелось в виду устранить чересполосицу и собрать воедино разрозненные и разбросанные на далекие расстояния наделы крестьян, чтобы приблизить их к деревням. Размежевание затянулось на многие десятилетия и не обходилось без резких столкновений между землевладельцами. В 1846 г., менее чем за год до создания рассказа, в третий раз были продлены сроки окончания «полюбовного» размежевания. Особенно плохо шло дело в Орловской губернии, где последняя в России посредническая комиссия была закрыта лишь в 1884 г.

мы в Березовку, по приглашению посредника, Никифора Ильича. И говорит нам посредник, Никифор Ильич: «Надо, господа, размежеваться; это срам, наш участок ото всех других отстал: приступимте к делу». Вот и приступили. Пошли толки, споры, как водится; поверенный наш ломаться стал. Но первый забуянил Овчинников Порфирий… И из чего буянит человек?.. У самого вершка земли нету: по поручению брата распоряжается. Кричит: «Нет! меня вам не провести! нет, не на того наткнулись! Планы сюда! землемера мне подайте, христопродавца подайте сюда!» — «Да какое, наконец, ваше требование?» — «Вот дурака нашли! эка! Вы думаете: я вам так-таки сейчас мое требование и объявлю?.. Нет, вы планы сюда подайте, — вот что!» А сам рукой стучит по планам. Марфу Дмитриевну обидел кровно. Та кричит: «Как вы смеете мою репутацию позорить?» — «Я, говорит, вашей репутации моей бурой кобыле не желаю». Насилу мадерой отпоили. Его успокоили, — другие забунтовали. Королев-то, Александр Владимирыч, сидит, мой голубчик, в углу, набалдашник на палке покусывает да только головой качает. Совестно мне стало, мочи нет, хоть вон бежать. Что, мол, об нас подумает человек? Глядь, поднялся мой Алек-

сандр Владимирыч, показывает вид, что говорить желает. Посредник засуетился, говорит: «Господа, господа, Александр Владимирыч говорить желает». И нельзя не похвалить дворян: все тотчас замолчали. Вот и начал Александр Владимирыч, и говорит: что мы, дескать, кажется, забыли, для чего мы собрались; что хотя размежевание, бесспорно, выгодно для владельцев, но в сущности оно введено для чего? — для того, чтоб крестьянину было легче, чтоб ему работать сподручнее было, повинности справлять; а то теперь он сам своей земли не знает и нередко за пять верст пахать едет, — и взыскать с него нельзя. Потом сказал Александр Владимирыч, что помещику грешно не заботиться о благосостоянии крестьян, что крестьяне от бога поручены, что, наконец, если здраво рассудить, их выгоды и наши выгоды — всё едино: им хорошо — нам хорошо, им худо — нам худо… и что, следовательно, грешно и нерассудительно не соглашаться из пустяков… И пошел, и пошел… Да ведь как говорил! за душу так и забирает… Дворяне-то все носы повесили; я сам, ей-ей, чуть не прослезился. Право слово, в старинных книгах таких речей не бывает… А чем кончилось? Сам четырех десятин мохового болота не уступил и продать не захотел. Говорит:

«Я это болото своими людьми высушу и суконную фабрику на нем заведу, с усовершенствованиями. Я, говорит, уж это место выбрал: у меня на этот счет свои соображения...» И хоть бы это было справедливо, а то просто сосед Александра Владимирыча, Карасиков Антон, поскупился королёвскому приказчику сто рублев ассигнациями взнести. Так мы и разъехались, не сделавши дела. А Александр Владимирыч до сих пор себя правым почитает и всё о суконной фабрике толкует, только к осушке болота не приступает.

— А как он в своем именье распоряжается?

— Всё новые порядки вводит. Мужики не хвалят, — да их слушать нечего. Хорошо поступает Александр Владимирыч.

— Как же это, Лука Петрович? Я думал, что вы придерживаетесь старины?

— Я — другое дело. Я ведь не дворянин и не помещик. Что мое за хозяйство?.. Да я иначе и не умею. Стараюсь поступать по справедливости и по закону — и то слава богу! Молодые господа прежних порядков не любят: я их хвалю... Пора за ум взяться. Только вот что горе: молодые господа больно мудрят. С мужиком, как с куклой, поступают: повертят, повертят, поломают да и бросят. И приказчик, крепостной человек, или управи-

тель, из немецких уроженцев, опять крестьянина в лапы заберет. И хотя бы один из молодых-то господ пример подал, показал: вот, мол, как надо распоряжаться!.. Чем же это кончится? Неужто ж я так и умру и новых порядков не увижу?.. Что за притча? — Старое вымерло, а молодое не нарождается!

Я не знал, что отвечать Овсяникову. Он оглянулся, придвинулся ко мне поближе и продолжал вполголоса:

— А слыхали про Василья Николаича Любозвонова?

— Нет, не слыхал.

— Растолкуйте мне, пожалуйста, что за чудеса такие? Ума не приложу. Его же мужики рассказывали, да я их речей в толк не возьму. Человек он, вы знаете, молодой, недавно после матери наследство получил. Вот приезжает к себе в вотчину. Собрались мужички поглазеть на своего барина. Вышел к ним Василий Николаич. Смотрят мужики — что за диво! — Ходит барин в плисовых панталонах, словно кучер, а сапожки обул с оторочкой; рубаху красную надел и кафтан тоже кучерской; бороду отпустил, а на

голове така шапонька мудреная,[43] и лицо такое мудреное, — пьян, не пьян, а и не в своем уме. «Здорово, говорит, ребята! бог вам в помощь». Мужики ему в пояс, — только молча: заробели, знаете. И он словно сам робеет. Стал он им речь держать: «Я-де русский, говорит, и вы русские, я русское всё люблю… русская, дескать, у меня душа и кровь тоже русская…» Да вдруг как скомандует: «А ну, детки, спойте-ка русскую, народственную песню!» У мужиков поджилки затряслись; вовсе одурели. Один было смельчак запел, да и присел тотчас к земле, за других спрятался… И вот чему удивляться надо: бывали у нас и такие помещики, отчаянные господа, гуляки записные, точно; одевались почитай что кучерами и! сами плясали, на гитаре играли, пели и пили с дворовыми людишками, с крестьянами пировали; а ведь этот-то, Василий-то Николаич, словно красная девушка: всё книги читает али пишет, а не то вслух

---

43 Примечания: 95

Ходит барин в плисовых панталонах ∞ а на голове така шапонька мудреная… — Попытки некоторых славянофилов возродить давно исчезнувшие в быту старинные русские одеяния (например, мурмолку — «шапоньку мудреную») служили предметом насмешек для многих современников. Герцен передает шутку Чаадаева, которую повторяла вся Москва: «К. Аксаков оделся так национально, что народ на улицах принимал его за персианина…» (*Герцен*. Т. 9. С. 148).

канты[44] произносит, — ни с кем не разговаривает, дичится, знай себе по саду гуляет, словно скучает или грустит. Прежний-то приказчик на первых порах вовсе перетрусился: перед приездом Василья Николаича дворы крестьянские обегал, всем кланялся, — видно, чуяла кошка, чье мясо съела! И мужики надеялись, думали: «Шалишь, брат! Ужо тебя к ответу потянут, голубчика; вот ты ужо напляшешься, жила ты этакой!..» А вместо того вышло — как вам доложить? сам господь не разберет, что такое вышло! Позвал его к себе Василий Николаич и говорит, а сам краснеет, и так, знаете, дышит скоро: «Будь справедлив у меня, не притесняй никого, слышишь?» Да с тех пор его к своей особе и не требовал! В собственной вотчине живет, словно чужой. Ну, приказчик и отдохнул; а мужики к Василью Николаичу подступиться не смеют: боятся. И ведь вот опять что удивления достойно: и кланяется им барин, и смотрит приветливо, — а животы у них от страху так и подводит. Что за чудеса такие, батюшка, скажите?.. Или я глуп стал, состарелся, что ли, — не понимаю.

Я отвечал Овсяникову, что, вероятно, господин

---

44 Примечания: 96

Канты — здесь в значении: стихотворения.

Любозвонов болен.

— Какое болен! Поперек себя толще, и лицо такое, бог с ним, окладистое, даром что молод… А впрочем, господь ведает! (И Овсяников глубоко вздохнул.)

— Ну, в сторону дворян, — начал я, — что вы мне об однодворцах скажете, Лука Петрович?

— Нет, уж вот от этого увольте, — поспешно проговорил он, — право… и сказал бы вам… да что! (Овсяников рукой махнул.) Станемте лучше чай кушать… Мужики, как есть мужики; а впрочем, правду сказать, как же и быть-то нам?

Он замолчал. Подали чай. Татьяна Ильинична встала с своего места и села поближе к нам. В течение вечера она несколько раз без шума выходила и так же тихо возвращалась. В комнате воцарилось молчание. Овсяников важно и медленно выпивал чашку за чашкой.

— Митя был сегодня у нас, — вполголоса заметила Татьяна Ильинична.

Овсяников нахмурился.

— Чего ему надобно?

— Приходил прощенья просить.

Овсяников покачал головою.

— Ну, подите вы, — продолжал он, обращаясь ко мне, — что прикажете делать с сродственни-

ками? И отказаться от них невозможно… Вот и меня тоже бог наградил племянничком. Малый он с головой, бойкий малый, спору нет; учился хорошо, только проку мне от него не дождаться. На службе казенной состоял — бросил службу: вишь, ему ходу не было… Да разве он дворянин? И дворян-то не сейчас в генералы жалуют. Вот теперь и живет без дела… Да это бы еще куда ни шло, — а то в ябедники пустился! Крестьянам просьбы сочиняет, доклады пишет, сотских научает, землемеров на чистую воду выводит, по питейным домам таскается, с бессрочными,[45] с мещанами городскими да с дворниками на постоялых дворах знается. Долго ли тут до беды? Уж и становые и исправники ему не раз грозились. Да он, благо, балагурить умеет: их же рассмешит, да им же потом и наварит кашу… Да полно, не сидит ли он у тебя в каморке? — прибавил он, обращаясь к жене. — Я ведь тебя знаю: ты ведь сердобольная такая, — покровительство ему оказываешь.

Татьяна Ильинична потупилась, улыбнулась и покраснела.

---

45 Примечания: 97

Бессрочные — солдаты, по болезни или иной причине состоящие в отпуску от военной службы на неопределенный срок, до специального призыва.

— Ну, так и есть, — продолжал Овсяников… — Ох ты, баловница! Ну, вели ему войти, — уж так и быть, ради дорогого гостя, прощу глупца… Ну, вели, вели…

Татьяна Ильинична подошла к двери и крикнула: «Митя!»

Митя, малый лет двадцати восьми, высокий, стройный и кудрявый, вошел в комнату и, увидев меня, остановился у порога. Одежда на нем была немецкая, но одни неестественной величины буфы на плечах служили явным доказательством тому, что кроил ее не только русский — российский портной.

— Ну, подойти, подойди, — заговорил старик, — чего стыдишься? Благодари тетку: прощен… Вот, батюшка, рекомендую, — продолжал он, показывая на Митю, — и родной племянник, а не слажу никак. Пришли последние времена! (Мы друг другу поклонились.) Ну, говори, что ты там такое напутал? За что на тебя жалуются, сказывай.

Мите, видимо, не хотелось объясняться и оправдываться при мне.

— После, дядюшка, — пробормотал он.

— Нет, не после, а теперь, — продолжал старик… — Тебе, я знаю, при господине помещике совестно: тем лучше — казнись. Изволь, изволь-

ка говорить… Мы послушаем.

— Мне нечего стыдиться, — с живостью начал Митя и тряхнул головой. — Извольте сами, дядюшка, рассудить. Приходят ко мне решетиловские однодворцы и говорят: «Заступись, брат». — «Что такое?» — «А вот что: магазины хлебные у нас в исправности, то есть лучше быть не может; вдруг приезжает к нам чиновник: приказано-де осмотреть магазины. Осмотрел и говорит: «В беспорядке ваши магазины, упущенья важные, начальству обязан донести». — «Да в чем упущенья?» — «А уж про это я знаю», говорит… Мы было собрались и решили: чиновника как следует отблагодарить, — да старик Прохорыч помешал; говорит: этак их только разлакомишь. Что, в самом деле? или уж нет нам расправы никакой?.. Мы старика-то и послушались, а чиновник-то осерчал и жалобу подал, донесение написал. Вот теперь и требуют нас к ответу». — «Да точно ли у вас магазины в исправности?» — спрашиваю я. «Видит бог, в исправности, и законное количество хлеба имеется…» — «Ну, говорю, так вам робеть нечего», — и написал им бумагу… И еще неизвестно, в чью пользу дело решится… А что вам на меня по этому случаю нажаловались, — дело понятное: всякому своя рубашка к телу ближе.

— Всякому, да, видно, не тебе, — сказал старик вполголоса… — А что у тебя там за каверзы с шутоломовскими крестьянами?

— А вы почему знаете?

— Стало быть, знаю.

— И тут я прав, — опять-таки извольте рассудить. У шутоломовских крестьян сосед Беспандин четыре десятины земли запахал. Моя, говорит, земля. Шутоломовцы-то на оброке, помещик их за границу уехал — кому за них заступиться, сами посудите? А земля их бесспорная, крепостная, испокон веку. Вот и пришли ко мне, говорят: напиши просьбу. Я и написал. А Беспандин узнал и грозиться начал: «Я, говорит, этому Митьке задние лопатки из вертлюгов повыдергаю, а не то и совсем голову с плеч снесу…» Посмотрим, как-то он ее снесет: до сих пор цела.

— Ну, не хвастайся: несдобровать ей, твоей голове — промолвил старик, — человек-то ты сумасшедший вовсе!

— А что ж, дядюшка, не вы ли сами мне говорить изволили…

— Знаю, знаю, что ты мне скажешь, — перебил его Овсяников, — точно: по справедливости должен человек жить и ближнему помогать обязан есть. Бывает, что и себя жалеть не должен… Да

ты разве всё так поступаешь? Не водят тебя в кабак, что ли? не поят тебя, не кланяются, что ли: «Дмитрий Алексеич, — дескать, — батюшка, помоги, а благодарность мы уж тебе предъявим», — да целковенький или синенькую из-под полы в руку? А? не бывает этого? сказывай, не бывает?

— В этом я точно виноват, — отвечал, потупившись, Митя, — но с бедных я не беру и душой не кривлю.

— Теперь не берешь, а самому придется плохо — будешь брать. Душой не кривишь… эх, ты! Знать, за святых все заступаешься!.. А Борьку Переходова забыл?.. Кто за него хлопотал? кто покровительство ему оказывал? а?

— Переходов по своей вине пострадал, точно…

— Казенные деньги потратил… Шутка!

— Да вы, дядюшка, сообразите: бедность, семейство…

— Бедность, бедность… Человек он пьющий, азартный — вот что!

— Пить он с горя начал, — заметил Митя, понизив голос.

— С горя! Ну, помог бы ему, коли сердце в тебе такое ретивое, а не сидел бы с пьяным человеком в кабаках сам. Что он красно говорит, — вишь невидаль какая!

— Человек-то он добрейший…

— У тебя все добрые… А что, — продолжал Овсяников, обращаясь к жене, — послали ему… ну, там, ты знаешь…

Татьяна Ильинична кивнула головой.

— Где ты эти дни пропадал? — заговорил опять старик.

— В городе был.

— Небось все на биллиарде играл да чайничал, на гитаре бренчал, по присутственным местам шмыгал, в задних комнатках просьбы сочинял, с купецкими сынками щеголял? Так ведь?.. Сказывай!

— Оно, пожалуй, что так, — с улыбкой сказал Митя… — Ах, да! чуть было не забыл: Фунтиков, Антон Парфеныч, к себе вас в воскресенье просит откушать.

— Не поеду я к этому брюхачу. Рыбу даст сотенную, а масло положит тухлое. Бог с ним совсем!

— А то я Федосью Михайловну встретил.

— Какую это Федосью?

— А Гарпенченки помещика, вот что Микулино сукциону купил. Федосья-то из Микулина. В Москве на оброке жила в швеях и оброк платила исправно, сто восемьдесят два рубля с полтиной в год… И дело свое знает: в Москве заказы получала

хорошие. А теперь Гарпенченко ее выписал, да вот и держит так, должности ей не определяет. Она бы и откупиться готова, и барину говорила, да он никакого решенья не объявляет. Вы, дядюшка, с Гарпенченкой-то знакомы, — так не можете ли вы замолвить ему словечко?.. А Федосья выкуп за себя даст хороший.

— Не на твои ли деньги? ась? Ну, ну, хорошо, скажу ему, скажу. Только не знаю, — продолжал старик с недовольным лицом, — этот Гарпенченко, прости господи, жила: векселя скупает, деньги в рост отдает, именья с молотка приобретает… И кто его в нашу сторону занес? Ох, уж эти мне заезжие! Не скоро от него толку добьешься, — а впрочем, посмотрим.

— Похлопочите, дядюшка.

— Хорошо, похлопочу. Только ты смотри, смотри у меня! Ну, ну, не оправдывайся… Бог с тобой, бог с тобой!.. Только вперед смотри, а то, ей-богу, Митя, несдобровать тебе, — ей-богу, пропадешь. Не всё же мне тебя на плечах выносить… я и сам человек не властный. Ну, ступай теперь с богом.

Митя вышел. Татьяна Ильинична отправилась за ним.

— Напой его чаем, баловница, — закричал ей вслед Овсяников… — Неглупый малый, — про-

должал он, — и душа добрая, только я боюсь за него... А впрочем, извините, что так долго вас пустяками занимал.

Дверь из передней отворилась. Вошел низенький, седенький человек в бархатном сюртучке.

— А, Франц Иваныч! — вскрикнул Овсяников. — Здравствуйте! как вас бог милует?

Позвольте, любезный читатель, познакомить вас и с этим господином.

Франц Иваныч Лежёнь (Lejeune), мой сосед и орловский помещик, не совсем обыкновенным образом достиг почетного звания русского дворянина. Родился он в Орлеане, от французских родителей, и вместе с Наполеоном отправился на завоевание России, в качестве барабанщика. Сначала всё шло как по маслу, и наш француз вошел в Москву с поднятой головой. Но на возвратном пути бедный m-r Lejeune, полузамерзший и без барабана, попался в руки смоленским мужичкам. Смоленские мужички заперли его на ночь в пустую сукновальню, а на другое утро привели к проруби, возле плотины, и начали просить барабанщика «de la grrrrande armée»* – уважать их, то есть нырнуть под лед. M-r Lejeune не мог

*** Примечания: ~ note_004 ~**

ввввеликой армии (фр.). — Ред.

согласиться на их предложение и в свою очередь начал убеждать смоленских мужичков, на французском диалекте, отпустить его в Орлеан. «Там, messieurs, — говорит он, — мать у меня живет, une tendre mèere.»* Но мужички, вероятно по незнанию географического положения города Орлеана, продолжали предлагать ему подводное путешествие вниз по течению извилистой речки Гнилотерки и уже стали поощрять его легкими толчками в шейные и спинные позвонки, как вдруг, к неописанной радости Лежёня, раздался звук колокольчика и на плотину взъехали огромные сани с пестрейшим ковром на преувеличенно-возвышенном задке, запряженные тройкой саврасых вяток. В санях сидел толстый и румяный помещик в волчьей шубе.

— Что вы там такое делаете? — спросил он мужиков.

— А француюзя топим, батюшка.

— А! — равнодушно возразил помещик и отвернулся.

— Monsieur! Monsieur! — закричал бедняк.

— А, а! — с укоризной заговорила волчья шуба, — с двунадесятью язык на Россию шел, Москву

*** Примечания: ~ note_005 ~**

нежная мать (фр.). — Ред.

сжег, окаянный, крест с Ивана Великого стащил, а теперь — мусье, мусье! а теперь и хвост поджал! По делам вору и мука… Пошел, Филька-а!

Лошади тронулись.

— А, впрочем, стой! — прибавил помещик… — Эй ты, мусье, умеешь ты музыке?

— Sauvez moi, sauvez moi, mon bon monsieur![*] — твердил Лежёнь.

— Ведь вишь народец! и по-русски-то ни один из них не знает! Мюзик, мюзик, савэ мюзик ву? савэ? Ну, говори же! Компренэ? савэ мюзик ву? на фортепьяно жуэ савэ?

Лежёнь понял, наконец, чего добивается помещик, и утвердительно закивал головой.

— Oui, monsieur oui, oui, je suis musicien; je joue de tous les instruments possibles! Oui, monsieur… Sauvez moi, monsieur![*]

— Ну, счастлив твой бог, — возразил помещик…

*** Примечания: ~ note_006 ~**

6

Спасите меня, спасите меня, добрый сударь! (фр.). — Ред.

*** Примечания: ~ note_007 ~**

7

Да, сударь, да, да, я музыкант; я играю на всевозможных инструментах. Да, сударь… Спасите меня, сударь! (фр.) — Ред.

— Ребята, отпустите его;[46] вот вам двугривенный на водку.

— Спасибо, батюшка, спасибо. Извольте, возьмите его.

Лежёня посадили в сани. Он задыхался от радости, плакал, дрожал, кланялся, благодарил помещика, кучера, мужиков. На нем была одна зеленая фуфайка с розовыми лентами, а мороз трещал на славу. Помещик молча глянул на его посиневшие и окоченелые члены, завернул несчастного в свою шубу и привез его домой. Дворня сбежалась. Француза наскоро отогрели, накормили, и одели. Помещик повел его к своим дочерям.

— Вот, дети, — сказал он им, — учитель вам сыскан. Вы всё приставали ко мне: выучи-де нас музыке и французскому диалекту: вот вам и француз, и на фортепьянах играет… Ну, мусье, — продолжал он, указывая на дрянные форте-

---

46 Примечания: 98

Ну, счастлив твой бог ∞ *Ребята, отпустите его* — Рассказы о чудесном избавлении пленных французов в 1812 г., принимаемых простым народом за шпионов, по всей видимости имеют много вариантов. Один из них записан, например, в неопубликованном дневнике сестер Протасовых (см.: *ГБЛ.* Ф. 99 Елагиных. Запись от 15 окт. 1812 г.): орловские крестьяне услышали на дороге нерусскую речь человека, похожего на иноземца; несчастный — им оказался француз Моро — был избит и сдан квартальному; дело выяснилось лишь благодаря вмешательству губернатора.

пьянщики, купленные им за пять лет у жида, который, впрочем, торговал одеколоном, — покажи нам свое искусство: жуэ!

Лежёнь с замирающим сердцем сел на стул: он отроду и не касался фортепьян.

— Жуэ же, жуэ же! — повторял помещик.

С отчаяньем ударил бедняк по клавишам, словно по барабану, заиграл как попало… «Я так и думал, — рассказывал он потом, — что мой спаситель схватит меня за ворот и выбросит вон из дому». Но, к крайнему изумлению невольного импровизатора, помещик, погодя немного, одобрительно потрепал его по плечу. «Хорошо, хорошо, — промолвил он, — вижу, что знаешь; поди теперь отдохни».

Недели через две от этого помещика Лежёнь переехал к другому, человеку богатому и образованному, полюбился ему за веселый и кроткий нрав, женился на его воспитаннице, поступил на службу, вышел в дворяне, выдал свою дочь за орловского помещика Лобызаньева, отставного драгуна и стихотворца, и переселился сам на жительство в Орел.

Вот это-то самый Лежёнь, или, как теперь его называют, Франц Иваныч, и вошел при мне в комнату Овсяникова, с которым он состоял в

дружественных отношениях…

Но, быть может, читателю уже наскучило сидеть со мною у однодворца Овсяникова, и потому я красноречиво умолкаю.

ЛЬГОВ

Село Льгово. Фотография В. С. Молчанова. 1956. Гос. Литературный музей. Москва

— Поедемте-ка, в Льгов, — сказал мне однажды уже известный читателям Ермолай, — мы там уток настреляем вдоволь.

Хотя для настоящего охотника дикая утка не представляет ничего особенно пленительного, но, за неименьем пока другой дичи (дело было в начале сентября: вальдшнепы еще не прилетали, а бегать по полям за куропатками мне надоело), я послушался моего охотника и отправился в Льгов.

Льгов — большое степное село с весьма древней каменной одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой речке Росоте. Эта речка верст за пять от Льгова превращается в широкий пруд, по краям и кое-где посередине заросший густым тростником, по-орловскому — майером. На этом-то пруде, в заводях или затишьях между тростниками, выводилось и держалось бесчисленное множество уток всех возможных пород: кряковых, полукряковых, шилохвостых, чирков, нырков и пр. Небольшие стаи то и дело перелетывали и носились над водою, а от выстрела поднимались такие тучи, что охотник невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорил: фу-у! Мы пошли было с Ермолаем вдоль пруда, но, во-первых, у самого берега утка, птица осторожная, не держится; во-вторых, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирок и подвергался нашим выстрелам и лишался жизни,

то достать его из сплошного майера наши собаки не были в состоянии: несмотря на самое благородное самоотвержение, они не могли ни плавать, ни ступать по дну и только даром резали свои драгоценные носы об острые края тростников.

— Нет, — промолвил, наконец, Ермолай, — дело неладно: надо достать лодку… Пойдемте назад в Льгов.

Мы пошли. Не успели мы ступить несколько шагов, как нам навстречу из-за густой ракиты выбежала довольно дрянная легавая собака, и вслед за ней появился человек среднего роста, в синем сильно потертом сюртуке, желтоватом жилете, панталонах цвета гри-де-лень или блё-д-амур,[47] наскоро засунутых в дырявые сапоги, с красным платком на шее и одноствольным ружьем за плечами. Пока наши собаки, с обычным, их породе свойственным, китайским церемониалом, снюхивались с новой для них личностью, которая, видимо, трусила, поджимала хвост, закидывала уши и быстро перевертывалась всем телом, не сгибая коленей и скаля зубы, незнакомец подошел к нам и чрезвычайно вежливо поклонился.

---

47 Примечания: 99

…панталонах цвета гри-де-лень или блё-д-амур… — Французские обозначения различных оттенков серого цвета: grisdelin — розовато-серый; bleud'amour — нежно-голубой.

Ему на вид было лет двадцать пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасом, торчали неподвижными косицами, — небольшие карие глазки приветливо моргали, — всё лицо, повязанное черным платком, словно от зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, — начал он мягким и вкрадчивым голосом, — я здешний охотник Владимир… Услышав о вашем прибытии и узнав, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, решился, если вам не будет противно, предложить вам свои услуги.

Охотник Владимир говорил, ни дать ни взять, как провинциальный молодой актер, занимающий роли первых любовников. Я согласился на его предложение и, не дойдя еще до Льгова, уже успел узнать его историю. Он был вольноотпущенный дворовый человек; в нежной юности обучался музыке, потом служил камердинером, знал грамоте, почитывал, сколько я мог заметить, кое-какие книжонки и, живя теперь, как многие живут на Руси, без гроша наличного, без постоянного занятия, питался только что не манной небесной. Выражался он необыкновенно изящно и, видимо, щеголял своими манерами: волокита тоже, должно быть, был страшный и, по всем

вероятиям, успевал: русские девушки любят красноречие. Между прочим, он мне дал заметить, что посещает иногда соседних помещиков, и в город ездит в гости, и в преферанс играет, и с столичными людьми знается. Улыбался он мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла к нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губах, когда он внимал чужим речам. Он вас выслушивал, он соглашался с вами совершенно, но все-таки не терял чувства собственного достоинства и как будто хотел вам дать знать, что и он может, при случае, изъявить свое мнение. Ермолай, как человек не слишком образованный и уже вовсе не «субтильный», начал было его «тыкать». Надо было видеть, с какой усмешкой Владимир говорил ему: «Вы-с…»

— Зачем вы повязаны платком? — спросил я его. — Зубы болят?

— Нет-с, — возразил он, — это более пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший человек-с, но вовсе не охотник, как это бывает-с. Вот-с, в один день говорит он мне: «Любезный друг мой, возьми меня на охоту: я любопытствую узнать — в чем состоит эта забава». Я, разумеется, не захотел отказать товарищу; достал ему, с своей стороны, ружье-с и взял его

на охоту-с. Вот-с мы как следует поохотились; наконец вздумалось нам отдохнуть-с. Я сел под деревом; он же, напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьем артикул-с, причем целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не послушался-с. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владимир, и Ермолай, оба решили, что без лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаник,* — заметил Владимир, — да я не знаю, куда он его спрятал. Надобно сбегать к нему.

— К кому? — спросил я.

— А здесь человек живет, прозвище ему Сучок.

Владимир отправился к Сучку с Ермолаем. Я сказал им, что буду ждать их у церкви. Рассматривая могилы на кладбище, наткнулся я на почерневшую четырехугольную урну с следующими надписями: на одной стороне французскими бук-

*** Примечания: ~ note_008 ~**

Плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок.

вами: «Ci git Theophile Henri, vicomte de Blangy»;* – на другой: «Под сим камнем погребено тело французского подданного, графа Бланжия; родился 1737, умре 1799 года, всего жития его было 62 года»; на третьей: «Мир его праху», а на четвертой:

Под камнем сим лежит французский эмигрант;
Породу знатную имел он и талант,
Супругу и семью оплакав избиянну,
Покинул родину, тиранами попранну;
Российский страны достигнув берегов,
Обрел на старости гостеприемный кров;
Учил детей, родителей покоил…
Всевышний судия его здесь успокоил…

Приход Ермолая, Владимира и человека с странным прозвищем Сучок прервал мои размышления.

Босоногий, оборванный и взъерошенный Сучок казался с виду отставным дворовым, лет шестидесяти.

*** Примечания: ~ note_009 ~**

Здесь покоится Теофиль Анри, граф Бланжи (фр.). — Ред.

— Есть у тебя лодка? — спросил я.

— Лодка есть, — отвечал он глухим и разбитым голосом, — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась; да из дырьев клепки повывалились.

— Велика беда! — подхватил Ермолай. — Паклей заткнуть можно.

— Известно, можно, — подтвердил Сучок.

— Да ты кто?

— Господский рыболов.

— Как же это ты рыболов, а лодка у тебя в такой неисправности?

— Да в нашей реке и рыбы-то нету.

— Рыба не любит ржавчины болотной, — с важностью заметил мой охотник.

— Ну, — сказал я Ермолаю, — поди достань пакли и справь нам лодку, да поскорей.

Ермолай ушел.

— А ведь этак мы, пожалуй, и ко дну пойдем? — сказал я Владимиру.

— Бог милостив, — отвечал он. — Во всяком случае должно предполагать, что пруд не глубок.

— Да, он не глубок, — заметил Сучок, который говорил как-то странно, словно спросонья, — да на дне тина и трава, и весь он травой зарос. Впро-

чем, есть тоже и колдобины.*

— Однако же, если трава так сильна, — заметил Владимир, — так и грести нельзя будет.

— Да кто ж на дощаниках гребет? Надо пихаться. Я с вами поеду; у меня там есть шестик, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко, до дна в ином месте, пожалуй, не достанешь, — сказал Владимир.

— Оно правда, что неловко.

Я присел на могилу в ожидании Ермолая. Владимир отошел, для приличия, несколько в сторону и тоже сел. Сучок продолжал стоять на месте, повеся голову и сложив, по старой привычке, руки за спиной.

— Скажи, пожалуйста, — начал я, — давно ты здесь рыбаком?

— Седьмой год пошел, — отвечал он, встрепенувшись.

— А прежде чем ты занимался?

— Прежде ездил кучером.

— Кто ж тебя из кучеров разжаловал?

— А новая барыня.

— Какая барыня?

— А что нас-то купила. Вы не изволите знать:

*** Примечания: ~ note_010 ~**

Глубокое место, яма в пруде или реке.

Алена Тимофевна, толстая такая… немолодая.

— С чего ж она вздумала тебя в рыболовы произвести?

— А бог ее знает. Приехала к нам из своей вотчины, из Тамбова, велела всю дворню собрать, да и вышла к нам. Мы сперва к ручке, и она ничего: не серчает… А потом и стала по порядку нас расспрашивать: чем занимался, в какой должности состоял? Дошла очередь до меня; вот и спрашивает: «Ты чем был?» Говорю: «Кучером». — «Кучером? Ну, какой ты кучер, посмотри на себя: какой ты кучер? Не след тебе быть кучером, а будь у меня рыболовом и бороду сбрей. На случай моего приезда к господскому столу рыбу поставляй, слышишь?..» С тех пор вот я в рыболовах и числюсь. «Да пруд у меня, смотри, содержать в порядке…» А как его содержать в порядке?

— Чьи же вы прежде были?

— А Сергея Сергеича Пехтерева. По наследствию ему достались. Да и он нами недолго владел, всего шесть годов. У него-то вот я кучером и ездил… да не в городе — там у него другие были, а в деревне.

— И ты смолоду всё был кучером?

— Какое всё кучером! В кучера-то я попал при Сергее Сергеиче, а прежде поваром был, — но не

городским тоже поваром, а так, в деревне.

— У кого ж ты был поваром?

— А у прежнего барина, у Афанасия Нефедыча, у Сергея Сергеичива дяди. Льгов-то он купил, Афанасий Нефедыч купил, а Сергею Сергеичу именье-то по наследствию досталось.

— У кого купил?

— А у Татьяны Васильевны.

— У какой Татьяны Васильевны?

— А вот, что в запрошлом году умерла, под Болховым… то бишь под Карачевым, в девках… И замужем не бывала. Не изволите знать? Мы к ней поступили от ее батюшки, от Василья Семеныча. Она-таки долгонько нами владела… годиков двадцать.

— Что ж, ты и у ней был поваром?

— Сперва точно был поваром, а то и в кофи́шенки попал.[48]

— Во что?

— В кофишенки.

---

48 Примечания: 100

…а то и в кофи́шенки попал. — Кофише́нком (от нем. Kaffeeschenk) назывался придворный чин смотрителя за кофе, чаем, шоколадом и пр. Французский комментатор «Записок охотника» Анри Монго указывал, что Kaffeeschenk является немецкой калькой турецкого Kafetgi. Монго сообщает о полемике, возникшей по поводу этого слова между Проспером Мериме и Эрнестом Шарьером, первым переводчиком «Записок охотника» на французский язык (1854). См.: Mémoirs d'un chasseur… / Trad. par H. Mongault. P., 1929. Vol. 1. P. 180.

— Это что за должность такая?

— А не знаю, батюшка. При буфете состоял и Антоном назывался, а не Кузьмой. Так барыня приказать изволила.

— Твое настоящее имя Кузьма?

— Кузьма.

— И ты всё время был кофише́нком?

— Нет, не всё время: был и ахтером.

— Неужели?

— Как же, был… на кеятре играл. Барыня наша кеятр у себя завела.[49]

— Какие же ты роли занимал?

— Чего изволите-с?

— Что ты делал на театре?

— А вы не знаете? Вот меня возьмут и нарядят; я так и хожу наряженный, или стою, или сижу, как там придется. Говорят: вот что говори, — я и говорю. Раз слепого представлял… Под каждую веку мне по горошине положили… Как же!

— А потом чем был?

— А потом опять в повара поступил.

---

49 Примечания: 101

Барыня наша кеятр у себя завела. — Очень близкие по смыслу и характеру рассказы о крепостном самодурстве прежних времен приведены в книге «Былые чудаки в Орловской губернии» (Изд. 2-е. Орел, 1909). В частности, о помещице-меломанке, полусумасшедшей старой деве А. Д. Юрасовской, чье имение находилось буквально рядом со Льговом. См.: Былые чудаки в Орловской губернии. С. 29-46.

— За что же тебя опять в повара разжаловали?

— А брат у меня сбежал.

— Ну, а у отца твоей первой барыни чем ты был?

— А в разных должностях состоял: сперва в казачках находился, фалетором был, садовником, а то и доезжачим.[50]

— Доезжачим?.. И с собаками ездил?

— Ездил и с собаками, да убился: с лошадью упал и лошадь зашиб. Старый-то барин у нас был престрогий; велел меня выпороть да в ученье отдать в Москву, к сапожнику.

— Как в ученье? Да ты чай, не ребенком в доезжачие попал?

— Да лет, этак, мне было двадцать с лишком.

— Какое ж тут ученье в двадцать лет?

— Стало быть, ничего, можно, коли барин приказал. Да он, благо, скоро умер, — меня в деревню и вернули.

— Когда же ты поварскому-то мастерству обучился?

Сучок приподнял свое худенькое и желтенькое

---

50 Примечания: 102

...фалетором был ∞ а то и доезжачим. — Форейтор — при езде цугом верховой, сидящий на одной из передних (выносных) лошадей. Доезжачий — старший псарь, распоряжавшийся борзыми и гончими на псовой охоте.

лицо и усмехнулся.

— Да разве этому учатся?.. Стряпают же бабы!

— Ну, — промолвил я, — видал ты, Кузьма, виды на своем веку! Что ж ты теперь в рыболовах делаешь, коль у вас рыбы нету?

— А я, батюшка, не жалуюсь. И слава богу, что в рыболовы произвели. А то вот другого, такого же, как я, старика — Андрея Пупыря — в бумажную фабрику, в черпальную, барыня приказала поставить. Грешно, говорит, даром хлеб есть... А Пупырь-то еще на милость надеялся: у него двоюродный племянник в барской конторе сидит конторщиком: доложить обещался об нем барыне, напомнить. Вот те и напомнил!.. А Пупырь в моих глазах племяннику-то в ножки кланялся.

— Есть у тебя семейство? Был женат?

— Нет, батюшка, не был. Татьяна Васильевна покойница — царство ей небесное! — никому не позволяла жениться. Сохрани бог! Бывало, говорит: «Ведь живу же я так, в девках, что за баловство! чего им надо?»

— Чем же ты живешь теперь? Жалованье получаешь?

— Какое, батюшка, жалованье!.. Харчи выдаются — и то слава тебе, господи! много доволен. Продли бог века нашей госпоже!

Ермолай вернулся.

— Справлена лодка, — произнес он сурово. — Ступай за шестом — ты!..

Сучок побежал за шестом. Во всё время моего разговора с бедным стариком охотник Владимир поглядывал на него с презрительной улыбкой.

— Глупый человек-с, — промолвил он, когда тот ушел, — совершенно необразованный человек, мужик-с, больше ничего-с. Дворовым человеком его назвать нельзя-с… и всё хвастал-с… Где ж ему быть актером-с, сами извольте рассудить-с! Напрасно изволили беспокоиться, изволили с ним разговаривать-с!

Через четверть часа мы уже сидели в дощанике Сучка. (Собак мы оставили в избе под надзором кучера Иегудиила.) Нам не очень было ловко, но охотники народ неразборчивый. У тупого, заднего конца стоял Сучок и «пихался»; мы с Владимиром сидели на перекладине лодки; Ермолай поместился спереди, у самого носа. Несмотря на паклю, вода скоро появилась у нас под ногами. К счастью, погода была тихая, и пруд словно заснул.

Мы плыли довольно медленно. Старик с трудом выдергивал из вязкой тины свой длинный шест, весь перепутанный зелеными нитями подвод-

ных трав; сплошные круглые листья болотных лилий тоже мешали ходу нашей лодки. Наконец мы добрались до тростников, и пошла потеха. Утки шумно поднимались, «срывались» с пруда, испуганные нашим неожиданным появлением в их владениях, выстрелы дружно раздавались вслед за ними, и весело было видеть, как эти кургузые птицы кувыркались на воздухе, тяжко шлепались об воду. Всех подстреленных уток мы, конечно, не достали: легко подраненные ныряли; иные, убитые наповал, падали в такой густой майер, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть их; но всё-таки к обеду лодка наша через край наполнилась дичью.

Владимир, к великому утешению Ермолая, стрелял вовсе не отлично и после каждого неудачного выстрела удивлялся, осматривал и продувал ружье, недоумевал и, наконец, излагал нам причину, почему он промахнулся. Ермолай стрелял, как всегда, победоносно, я — довольно плохо, по обыкновению. Сучок посматривал на нас глазами человека, смолоду состоявшего на барской службе, изредка кричал: «Вон, вон еще утица!» — и то и дело почесывал спину — не руками, а приведенными в движение плечами. Погода стояла прекрасная: белые круглые облака

высоко и тихо неслись над нами, ясно отражаясь в воде; тростник шушукал кругом; пруд местами, как сталь, сверкал на солнце. Мы собирались вернуться в село, как вдруг с нами случилось довольно неприятное происшествие.

Мы уже давно могли заметить, что вода к нам понемногу всё набиралась в дощаник. Владимиру было поручено выбрасывать ее вон посредством ковша, похищенного, на всякий случай, моим предусмотрительным охотником у зазевавшейся бабы. Дело шло как следовало, пока Владимир не забывал своей обязанности. Но к концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успевали заряжать ружья. В пылу перестрелки мы не обращали внимания на состояние нашего дощаника, — как вдруг, от сильного движения Ермолая (он старался достать убитую птицу и всем телом налег на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко дну, к счастью, не на глубоком месте. Мы вскрикнули, но уже было поздно: через мгновенье мы стояли в воде по горло, окруженные всплывшими телами мертвых уток. Теперь я без хохота вспомнить не могу испуганных и бледных лиц моих товарищей (вероятно, и мое лицо не отличалось тогда румян-

цем); но в ту минуту, признаюсь, мне и в голову не приходило смеяться. Каждый из нас держал свое ружье над головой, и Сучок, должно быть, по привычке подражать господам, поднял шест свой кверху. Первый нарушил молчание Ермолай.

— Тьфу ты, пропасть! — пробормотал он, плюнув в воду, — какая оказия! А всё ты, старый чёрт! — прибавил он с сердцем, обращаясь к Сучку. — Что это у тебя за лодка?

— Виноват, — пролепетал старик.

— Да и ты хорош, — продолжал мой охотник, повернув голову в направлении Владимира, — чего смотрел? чего не черпал? ты, ты, ты…

Но Владимиру было уж не до возражений: он дрожал, как лист, зуб на зуб не попадал, и совершенно бессмысленно улыбался. Куда девалось его красноречие, его чувство тонкого приличия и собственного достоинства!

Проклятый дощаник слабо колыхался под нашими ногами… В миг кораблекрушения вода нам показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпелись. Когда первый страх прошел, я оглянулся; кругом, в десяти шагах от нас, росли тростники; вдали, над их верхушками, виднелся берег. «Плохо!» — подумал я.

— Как нам быть? — спросил я Ермолая.

— А вот посмотрим: не ночевать же здесь, — ответил он. — На, ты, держи ружье, — сказал он Владимиру.

Владимир беспрекословно повиновался.

— Пойду сыщу брод, — продолжал Ермолай с уверенностью, как будто во всяком пруде непременно должен существовать брод, — взял у Сучка шест и отправился в направлении берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умеешь ли плавать? — спросил я его.

— Нет, не умею, — раздался его голос из-за тростника.

— Ну, так утонет, — равнодушно заметил Сучок, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнева, и теперь, совершенно успокоенный, только изредка отдувался и, казалось, не чувствовал никакой надобности переменить свое положение.

— И без всякой пользы пропадет-с, — жалобно прибавил Владимир.

Ермолай не возвращался более часу. Этот час нам показался вечностью. Сперва мы переклинивались с ним очень усердно; потом он стал реже отвечать на наши возгласы, наконец умолк совершенно. В селе зазвонили к вечерне. Меж собой мы не разговаривали, даже старались не глядеть

друг на друга. Утки носились над нашими головами; иные собирались сесть подле нас, но вдруг поднимались кверху, как говорится, «колом», и с криком улетали. Мы начинали костенеть. Сучок хлопал глазами, словно спать располагался.

Наконец, к неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Был на берегу; брод нашел… Пойдемте.

Мы хотели было тотчас же отправиться; но он сперва достал под водой из кармана веревку, привязал убитых уток за лапки, взял оба конца в зубы и побрел вперед; Владимир за ним, я за Владимиром. Сучок замыкал шествие. До берега было около двухсот шагов, Ермолай шел смело и безостановочно (так хорошо заметил он дорогу), лишь изредка покрикивая: «Левей, — тут направо колдобина!» или: «Правей, — тут налево завязнешь…» Иногда вода доходила нам до горла, и раза два бедный Сучок, будучи ниже всех нас ростом, захлебывался и пускал пузыри: «Ну, ну, ну!» — грозно кричал на него Ермолай, — и Сучок карабкался, болтал ногами, прыгал и таки выбирался на более мелкое место, но даже в крайности не решался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы до-

стигли, наконец, берега.

Часа два спустя мы уже все сидели, по мере возможности обсушенные, в большом сенном сарае и собирались ужинать. Кучер Иегудиил, человек чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъем, рассудительный и заспанный, стоял у ворот и усердно потчевал табаком Сучка. (Я заметил, что кучера в России очень скоро дружатся.) Сучок нюхал с остервенением, до тошноты: плевал, кашлял и, по-видимому, чувствовал большое удовольствие. Владимир принимал томный вид, наклонял головку набок и говорил мало. Ермолай вытирал наши ружья. Собаки с преувеличенной быстротой вертели хвостами в ожидании овсянки; лошади топали и ржали под навесом… Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбегались его последние лучи; золотые тучки расстилались по небу всё мельче и мельче, словно вымытая, расчесанная волна… На селе раздавались песни.

БЕЖИН ЛУГ

«Бежин луг». Рис. В. Е. Маковского. ИРЛИ

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной туч-

кой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра… Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей

землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «парит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты — несомненный признак постоянной плоды — высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой; даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба…

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашел и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, еще светлом, хотя не озаренном более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился, наконец, вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошел я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожиданной знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой

церковью в отдалении, увидал совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся… «Эге! — подумал я, — да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошел в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошел, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в свое гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мною, а за ними, далёко-далёко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил

в течение дня… «Э! да это Парахинские кусты! — воскликнул я наконец, — точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща… Да как же это я сюда зашел? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошел вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед. Всё кругом быстро чернело и утихало, — одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с трудом различал отдаленные предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть — но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем.

Что я было принял за рощу, оказалось темным

и круглым бугром. «Да где же это я?» — повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую желто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую изо всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших белых камней, — казалось, они сползлись туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо,

по звездам — наудалую… Около получаса шел я так, с трудом переставляя ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я всё шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая обозначали ее теченье. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы…

Я узнал, наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга...[51] Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков, дождаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошел к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьян-

---

51 Примечания: 103

Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... — В литературе о «Записках охотника» высказывались разные предположения по поводу названия (см. свод данных в книге В. А. Громова «Предания „Бежина луга“». Тула, 1969). Более всего вероятно, что местность эта сохранила память о прежних владельцах. Есть документ 1791 г., в котором говорится, что за «мещанином Михайлой Ивановым сыном Бежиным написано поместье деда его Якова Никитина сына Бежина, что в Мценском уезде, в Чернском стану, в деревне Намиткове селище, на Каменном верху, на реке Черни, что ныне деревня Гревцова» *(ЦГИАЛ.* Ф. 1343. Оп. 17. Ед. хр. 1855. Л. 3).

ские ребятишки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днем мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун — большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с веселым гиканьем й криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Легкая пыль желтым столбом поднимается и несется по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, навострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилег под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнет голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени,

врываясь на мгновенье, в свою очередь, добегали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещенного места трудно разглядеть, что делается в потемках, и потому вблизи всё казалось задернутым почти черной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах — запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума… Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной… Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг их; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня

съесть. Они еще долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить свое желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему изо всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувеселой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нем была пестрая ситцевая рубаха с желтой каемкой; небольшой новый армичок, надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги — не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот боль-

шой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котел, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый — что и говорить! — а все-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной рубахи[52] да из заплатанных портов. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились — он словно всё щурился от огня. Его желтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нем были новые лапти и онучи; толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвертый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором. Всё лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как

52 Примечания: 104

…из простой замашной рубахи… — См. примеч. 4 к рассказу «Хорь и Калиныч».

у белки: губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, черные, жидким блеском блестевшие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, — на его языке по крайней мере, — не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирнехонько прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под нее свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котельчик висел над одним из огней; в нем варились «картошки». Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Ильюша сидел рядом с Костей и всё так же напряженно щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль. Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том и сем, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы возобновляя прерванный

разговор, спросил его:

— Ну, и что ж ты, так и видел домового?

— Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, — отвечал Ильюша сиплым и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, — а слышал… Да и не я один.

— А он у вас где водится? — спросил Павлуша.

— В старой рольне.[*]

— А разве вы на фабрику ходите?

— Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках состоим.[*]

— Вишь ты — фабричные!..

— Ну, так как же ты его слышал? — просил Федя.

— А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Федором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да еще с Ивашкой Сухоруковым, да еще были там другие ребятишки; всех было нас ребяток человек десять — как есть вся смена; но а пришлось

*** Примечания: ~ note_011 ~**

11

«Рольней» или «черпальней» на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом.

*** Примечания: ~ note_012 ~**

12

«Лисовщики» гладят, скоблят бумагу.

нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил; говорит: «Что, мол, вам, ребяткам, домой таскаться; завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придет?.. И не успел он, Авдей-от, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошел он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а за́ставки у дворца-то* спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось да и стало. Пошел тот опять к двери наверху да по лестнице спущаться стал, и этак спущается, словно не торопится; ступеньки под ним так

*** Примечания: ~ note_013 ~**

«Дворцом» называется у нас место, по которому вода бежит на колесо.

даже и стонут...[53] Ну, подошел тот к нашей двери, подождал, подождал — дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим — ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма* зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошел да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напужались о ту пору!

— Вишь как! — промолвил Павел. — Чего ж он раскашлялся?

— Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

— А что, — спросил Федя, — картошки сварились?

---

53 Примечания: 105

...ступеньки под ним так даже и стонут... — Первоначальный вариант, печатавшийся в «Современнике»: «...так даже стонут ажно». В цензурной рукописи и в издании 1852 г. Тургенев изменил это место — возможно, имея в виду замечание Ап. Григорьева: «№. *Ажно* и *даже*, как частицы равнозначительные, едва ли употребляются вместе в русской народной речи» (Москвитянин. 1851. № 6. С. 281).

*** Примечания: ~ note_014 ~**

Сетка, которой бумагу черпают.

Павлуша пощупал их.

— Нет, еще сыры… Вишь, плеснула, — прибавил он, повернув лицо в направлении реки, — должно быть, щука… А вон звездочка покатилась.

— Нет, я вам что, братцы, расскажу, — заговорил Костя тонким голоском, — послушайте-ка, намеднись что тятя при мне рассказывал.

— Ну, слушаем, — с покровительствующим видом сказал Федя.

— Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

— Ну да; знаем.

— А знаете ли, отчего он такой всё невеселый, всё молчит, знаете? Вот отчего он такой невеселый. Пошел он раз, тятенька говорил, — пошел он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошел он в лес по орехи да и заблудился; зашел — бог знает куды зашел. Уж он ходил, ходил, братцы мои, — нет! не может найти дороги; а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево; давай, мол, дождусь утра, — присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовет. Смотрит — никого. Он опять задремал — опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама помирает со смеху, смеется… А месяц-то светит сильно, так сильно,

явственно светит месяц — всё, братцы мои, видно. Вот зовет она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, — а то вот еще карась бывает такой белесоватый, серебряный… Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его все к себе этак рукой зовет. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, знать, господь его надоумил: положил-таки на себя крест… А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои; говорит, рука просто как каменная, не ворочается… Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет… Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волоса у нее зеленые, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на нее Гаврила, да и стал ее спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человече, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти… А только с тех пор вот он все невеселый ходит.

— Эка! — проговорил Федя после недолгого молчанья, — да как же это может этакая лесная нечисть хрестиянскую душу спортить, — он же ее не послушался?

— Да вот поди ты! — сказал Костя. — И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

— Твой батька сам это рассказывал? — продолжал Федя.

— Сам. Я лежал на полатях, всё слышал.

— Чудно́е дело! Чего ему быть невеселым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

— Да, понравился! — подхватил Ильюша. — Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

— А ведь вот и здесь должны быть русалки, — заметил Федя.

— Нет, — отвечал Костя, — здесь место чистое, вольное. Одно — река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься-и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то

долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули…

— С нами крестная сила! — шепнул Илья.

— Эх вы, вороны! — крикнул Павел, — чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? — сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

— А слыхали вы, ребятки, — начал Ильюша, — что намеднись у нас на Варнавицах приключилось?

— На плотине-то? — спросил Федя.

— Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом всё такие буераки, овраги, а в оврагах всё казюли* водятся.

— Ну, что такое случилось? сказывай…

— А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похо-

*** Примечания: ~ note_015 ~**

По-орловскому: змеи.

ронен; а утопился он давным-давно, как пруд еще был глубок; только могилка его еще видна, да и та чуть видна: так — бугорочек… Вот, на днях, зовет приказчик псаря Ермила; говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмелён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит… Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький, похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, — что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки… Но а барашек — ничего. Вот идет Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, храпит, головой трясет; однако он ее отпрукал, сел на нее с барашком и поехал опять: барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего; стал он его этак по шерсти гладить, — говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже:

«Бяша, бяша…»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся… Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принесся уже издалека… Прошло еще немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет… Внезапно раздался топот скачущей лошади; круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с нее Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

— Что там? что такое? — спросили мальчики.

— Ничего, — отвечал Павел, махнув рукой на лошадь, — так, что-то собаки зачуяли. Я думал, волк, — прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой

удалью и твердой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка… «Что за славный мальчик!» — думал я, глядя на него.

— А видали их, что ли, волков-то? — спросил трусишка Костя.

— Их всегда здесь много, — отвечал Павел, — да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнем. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

— А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, — заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить свое достоинство). — Да и собак тут нелегкая дернула залаять… А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

— Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали — покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и всё это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал:

«Что, мол, батюшка, Иван Иваныч, изволишь искать на земле?»

— Он его спросил? — перебил изумленный Федя.

— Да, спросил.

— Ну, молодец же после этого Трофимыч… Ну, и что ж тот?

— Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: разрыв-травы. — А на что тебе, батюшка Иван Иваныч, разрыв-травы? — Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон…

— Вишь какой! — заметил Федя, — мало, знать, пожил.

— Экое диво! — промолвил Костя. — Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

— Покойников во всяк час видеть можно, — с уверенностью подхватил Ильюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья… — Но а в родительскую субботу ты можешь и живого увидать, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть на церковную на всё на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом

году баба Ульяна на паперть ходила.

— Ну, и видела она кого-нибудь? — с любопытством спросил Костя

— Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала… только все как будто собачка этак залает, залает где-то… Вдруг, смотрит: идет по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась — Ивашка Федосеев идет…

— Тот, что умер весной? — перебил Федя.

— Тот самый. Идет и головушки не подымает… А узнала его Ульяна… Но а потом смотрит: баба идет. Она вглядываться, вглядываться — ах ты, господи! — сама идет по дороге, сама Ульяна.

— Неужто сама? — спросил Федя.

— Ей-богу, сама.

— Ну что ж, ведь она еще не умерла?

— Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее: в чем душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымились и пошли коробиться, приподнимая обожженные концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок,

— налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

— Знать, от дому отбился, — заметил Павел. — Теперь будет лететь, покуда на что наткнется, и где ткнет, там и ночует до зари.

— А что, Павлуша, — промолвил Костя, — не праведная ли эта душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

— Может быть, — проговорил он наконец.

— А скажи, пожалуй, Павлуша, — начал Федя, — что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиде́нье-то* небесное?[54]

— Как солнца-то не стало видно? Как же.

— Чай, напугались и вы?

— Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напредки, что, дескать, будет вам

*** Примечания: ~ note_016 ~**

16

Так мужики называют у нас солнечное затмение.

54 Примечания: 106

…у вас тоже в Шаламове было видать предвиде́нье-то небесное? — В разговоре мальчиков о солнечном затмении автор отразил, по-видимому, реальное событие, памятное для этих мест. В журнале «Отечественные записки» (1843. № 5) был напечатан «Отчет о полном солнечном затмении по Орловской губернии 26 июня 1842 года». В этом же номере журнала — рецензия В. Г. Белинского на поэму «Параша», так что Тургенев, конечно, видел публикацию, в которой рассказывалось о случившейся панике, о страхе перед «начавшимся светопреставлением» и т. д.

предвиде́нье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что на́-поди. А на дворовой избе баба стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопрестановление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку[*] увидят.

— Какого это Тришку? — спросил Костя.

— А ты не знаешь? — с жаром подхватил Ильюша, — ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка — эвто будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена.[55] И будет он такой удивительный человек, что его и взять

*** Примечания: ~ note_017 ~**

17

В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об антихристе.

55 Примечания: 107

Тришка — эвто будет такой человек удивительный, который придет; а придет ону когда наступят последние времена. — Легенда о благородном разбойнике Тришке имела хождение во многих местах, включая Мценскую округу. В 1839 г. В. П. Тургенева писала Ивану в Берлин из Спасского-Лутовинова: «Тришка у нас проявился вроде Пугачева, — то есть он в Смоленске, а мы трусим в Волхове». «Тришку поймали, и слухов о нем более нет» *(Громов В. А.* Предания «Бежина луга». С. 42).

нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне; выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет — так отведет им глаза, что они же сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, — он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется — они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по селам да по городам; и будет этот Тришка, лукавый человек, соблазнять народ хрестиянский… ну, а сделать ему нельзя будет ничего… Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

— Ну да, — продолжал Павел своим неторопливым голосом, — такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнется, так Тришка и придет. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждет, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят — вдруг от слободки с горы идет какой-то человек, такой мудреный, голова такая удивительная… Все как крикнут: «Ой, Тришка идет! ой, Тришка идет!» — да кто куды! Староста наш в канаву залез;

старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворную собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овес, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет». Таково-то все переполошились!.. А человек-то это шел наш бочар, Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчики засмеялись и опять приумолкли на мгновенье, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе; она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли…

Странный, резкий, болезненный крик раздался

вдруг два раза сряду над рекой и, спустя несколько мгновений, повторился уже далее…

Костя вздрогнул. «Что это?»

— Это цапля кричит, — спокойно возразил Павел.

— Цапля, — повторил Костя… — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, — прибавил он, помолчав немного, — ты, может быть, знаешь…

— Что ты слышал?

— А вот что я слышал. Шел я из Каменной Гряды в Шашкино;[56] а шел сперва всё нашим орешником, а потом лужком пошел — знаешь, там, где он сугибелью[*] выходит, — там ведь есть бучило[*]; знаешь, оно еще всё камышом заросло; вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у… у-у… у-у! Страх

---

56 Примечания: 108

Шел я из Каменной Гряды в Шашкино… — Названы села близ Спасского, отстоящие друг от друга верст на 30, соединенные глухими лесными дорогами.

*** Примечания: ~ note_018 ~**

18

Сугибель — крутой поворот в овраге.

*** Примечания: ~ note_019 ~**

19

Бучило — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом.

такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал… Что бы это такое было? ась?

— В этом бучиле в запрошлом лете Акима лесника утопили воры, — заметил Павлуша, — так, может быть, его душа жалобится.

— А ведь и то, братцы мои, — возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза… — Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы еще не так напужался.

— А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, — продолжал Павел, — которые так жалобно кричат,

— Лягушки? Ну, нет, это не лягушки… какие это… (Цапля опять прокричала над рекой.) — Эк ее! — невольно произнес Костя, — словно леший кричит.

— Леший не кричит, он немой, — подхватил Ильюша, — он только в ладоши хлопает да трещит…

— А ты его видал, лешего-то, что ли? — насмешливо перебил его Федя.

— Нет, не видал, и сохрани бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошел: водил, водил его по лесу, и всё вокруг одной поляны… Едва-те к свету домой добился.

— Ну, и видел он его?

— Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, темный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберешь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает…

— Эх ты! — воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передернув плечами, — пфу!..

— И зачем эта пóгань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю, право!

— Не бранись: смотри, услышит, — заметил Илья.

Настало опять молчание.

— Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, — раздался вдруг детский голос Вани, — гляньте на божьи звездочки, — что пчелки роятся!

Он выставил свое свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

— А что, Ваня, — ласково заговорил Федя, — что, твоя сестра Анютка здорова?

— Здорова — отвечал Ваня, слегка картавя.

— Ты ей скажи — чтó она к нам, отчего не ходит?..

— Не знаю.

— Ты ей скажи, чтобы она ходила.

— Скажу.

— Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.

— А мне дашь.

— И тебе дам.

Ваня вздохнул.

— Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руку пустой котельчик.

— Куда ты? — спросил его Федя.

— К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить.

Собаки поднялись и пошли за ним.

— Смотри, не упади в реку! — крикнул ему вслед Ильюша.

— Отчего ему упасть? — сказал Федя, — он остережется.

— Да, остережется. Всяко бывает: он вот нагнется, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду… А какое упал?.. Во-вон, в камыши полез, — прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

— А правда ли, — спросил Костя, — что Акулина дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

— С тех пор… Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной ее испортил. Знать, не ожидал, что ее скоро вытащут. Вот он ее, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с черным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

— А говорят, — продолжал Костя, — Акулина оттого в реку и кинулась, что ее полюбовник обманул.

— От того самого.

— А помнишь Васю? — печально прибавил Костя.

— Какого Васю? — спросил Федя.

— А вот того, что утонул, — отвечал Костя, — в этой вот в самой реке. Уж какой же мальчик был! м-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста,

уж как же она его любила, Васю-то! И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды погибель произойдет. Бывало, пойдет-от Вася с нами, с ребятками, летом в речку купаться, — она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул, господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, — глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывет. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своем уме: придет да и ляжет на том месте, где он утоп; ляжет, братцы мои, да и затянет песенку, — помните, Вася-то всё такую песенку певал, — вот ее-то она и затянет, а сама плачет, плачет, горько богу жалится…

— А вот Павлуша идет, — молвил Федя.

Павел подошел к огню с полным котельчиком в руке.

— Что, ребята, — начал он, помолчав, — нелад-но дело.

— А что? — торопливо спросил Костя.

— Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

— Что ты, что ты? — пролепетал Костя.

— Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голоском и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю; а тот опять зовет: «Павлуша, подь сюда». Я отошел. Однако воды зачерпнул.

— Ах ты, господи! ах ты, господи! — проговорили мальчики, крестясь.

— Ведь это тебя водяной звал, Павел, — прибавил Федя... — А мы только что о нем, о Васе-то, говорили.

— Ах, это примета дурная, — с расстановкой проговорил Ильюша.

— Ну, ничего, пущай! — произнес Павел решительно и сел опять, — своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнем, как бы собираясь спать.

— Что это? — спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

— Это кулички летят, посвистывают.

— Куда ж они летят?

— А туда, где, говорят, зимы не бывает.

— А разве есть такая земля?

— Есть.

— Далеко?

— Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трех часов протекло с тех пор, как я присоседился к мальчикам. Месяц взошел наконец; я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была всё так же великолепна, как и прежде… Но уже склонились к темному краю земли многие звезды, еще недавно высоко стоявшие на небе; всё совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает всё только к утру: всё спало крепким, неподвижным, передрассветным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, — в нем снова как будто разливалась сырость… Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями… Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звезд, тоже лежали, понурив головы… Сладкое забытье напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Еще нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Всё стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды

то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землею. Тело мое ответило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно встал и подошел к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошел восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обагренным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редеющего тумана, — полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света… Всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принеслись звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун…

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том

же году Павла не стало. Он не утонул: он убился, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

КАСЬЯН С КРАСИВОЙ МЕЧИ

«Касьян с Красивой Мечи». Рис. И. С. Тургенева. ИРЛИ

Я возвращался с охоты в тряской тележке и, подавленный душным зноем летнего облачного дня (известно, что в такие дни жара бывает иногда еще несноснее, чем в ясные, особенно когда нет ветра), дремал и покачивался, с угрюмым терпением предавая всего себя на съедение мелкой белой пыли, беспрестанно поднимавшейся с выбитой дороги из-под рассохшихся и дребезжавших колес, — как вдруг внимание мое было возбуждено необыкновенным беспокойством и тревожными телодвижениями моего кучера, до этого мгновения еще крепче дремавшего, чем я. Он задергал вожжами, завозился на облучке и начал покрикивать на лошадей, то и дело поглядывая куда-то в сторону. Я осмотрелся. Мы ехали по широкой распаханной равнине; чрезвычайно пологими, волнообразными раскатами сбегали в нее невысокие, тоже распаханные холмы; взор обнимал всего каких-нибудь пять верст пустынного пространства; вдали небольшие березовые рощи своими округленно-зубчатыми верхушками одни нарушали почти прямую черту небосклона. Узкие тропинки тянулись по полям, пропадали в лощинках, вились по пригоркам,

и на одной из них, которой в пятистах шагах впереди от нас приходилось пересекать нашу дорогу, различил я какой-то поезд. На него-то поглядывал мой кучер.

Это были похороны. Впереди, в телеге, запряженной одной лошадкой, шагом ехал священник; дьячок сидел возле него и правил; за телегой четыре мужика, с обнаженными головами, несли гроб, покрытый белым полотном; две бабы шли за гробом. Тонкий, жалобный голосок одной из них вдруг долетел до моего слуха; я прислушался; она голосила. Уныло раздавался среди пустых полей этот переливчатый, однообразный, безнадежно-скорбный напев. Кучер погнал лошадей: он желал предупредить этот поезд. Встретить на дороге покойника — дурная примета. Ему действительно удалось проскакать по дороге прежде, чем покойник успел добраться до нее; но мы еще не отъехали и ста шагов, как вдруг нашу телегу сильно толкнуло, она накренилась, чуть не завалилась. Кучер остановил разбежавшихся лошадей, нагнулся с облучка, посмотрел, махнул рукой и плюнул.

— Что там такое? — спросил я.

Кучер мой слез молча и не торопясь.

— Да что такое?

— Ось сломалась… перегорела, — мрачно отвечал он и с таким негодованием поправил вдруг шлею на пристяжной, что та совсем покачнулась было набок, однако устояла, фыркнула, встряхнулась и преспокойно начала чесать себе зубом ниже колена передней ноги.

Я слез и постоял некоторое время на дороге, смутно предаваясь чувству неприятного недоумения. Правое колесо почти совершенно подвернулось под телегу и, казалось, с немым отчаянием поднимало кверху свою ступицу.

— Что теперь делать? — спросил я наконец.

— Вон кто виноват! — сказал мой кучер, указывая кнутом на поезд, который успел уже свернуть на дорогу и приближался к нам, — уж я всегда это замечал, — продолжал он, — это примета верная — встретить покойника… Да.

И он опять обеспокоил пристяжную, которая, видя его нерасположение и суровость, решилась остаться неподвижною и только изредка и скромно помахивала хвостом. Я походил немного взад и вперед и опять остановился перед колесом.

Между тем покойник нагнал нас. Тихо свернув с дороги на траву, потянулось мимо нашей телеги печальное шествие. Мы с кучером сняли шапки, раскланялись с священником, переглянулись

с носильщиками. Они выступали с трудом; высоко поднимались их широкие груди. Из двух баб, шедших за гробом, одна была очень стара и бледна; неподвижные ее черты, жестоко искаженные горестью, хранили выражение строгой, торжественной важности. Она шла молча, изредка поднося худую руку к тонким, ввалившимся губам. У другой бабы, молодой женщины лет двадцати пяти, глаза были красны и влажны, и всё лицо опухло от плача; поравнявшись с нами, она перестала голосить и закрылась рукавом… Но вот покойник миновал нас, выбрался опять на дорогу, и опять раздалось ее жалобное, надрывающее душу пение. Безмолвно проводив глазами мерно колыхавшийся гроб, кучер мой обратился ко мне.

— Это Мартына-плотника хоронят, — заговорил он, — что с Рябой.

— А ты почему знаешь?

— Я по бабам узнал. Старая-то — его мать, а молодая — жена.

— Он болен был, что ли?

— Да… горячка… Третьего дня за дохтуром посылал управляющий, да дома дохтура не застали… А плотник был хороший; зашибал маненько, а хороший был плотник. Вишь, баба-то его как

убивается… Ну, да ведь известно: у баб слезы-то некупленные. Бабьи слезы та же вода… Да.

И он нагнулся, пролез под поводом пристяжной и ухватился обеими руками за дугу.

— Однако, — заметил я, — что ж нам делать?

Кучер мой сперва уперся коленом в плечо коренной, тряхнул раза два дугой, поправил седёлку, потом опять пролез под поводом пристяжной и, толкнув ее мимоходом в морду, подошел к колесу — подошел и, не спуская с него взора, медленно достал из-под полы кафтана тавлинку, медленно вытащил за ремешок крышку, медленно всунул в тавлинку своих два толстых пальца (и два то едва в ней уместились), помял-помял табак, перекосил заранее нос, понюхал с расстановкой, сопровождая каждый прием продолжительным кряхтением, и, болезненно щурясь и моргая прослезившимися глазами, погрузился в глубокое раздумье.

— Ну, что? — проговорил я наконец.

Кучер мой бережно вложил тавлинку в карман, надвинул шляпу себе на брови, без помощи рук, одним движением головы, и задумчиво полез на облучок.

— Куда же ты? — спросил я его не без изумления.

— Извольте садиться, — спокойно отвечал он и подобрал вожжи.

— Да как же мы поедем?

— Уж поедем-с.

— Да ось…

— Извольте садиться.

— Да ось сломалась…

— Сломалась-то она сломалась; ну, а до выселок доберемся… шагом, то есть. Тут вот за рощей направо есть выселки, Юдиными прозываются.

— И ты думаешь, мы доедем?

Кучер мой не удостоил меня ответом.

— Я лучше пешком пойду, — сказал я.

— Как угодно е…

И он махнул кнутом. Лошади тронулись.

Мы действительно добрались до выселков, хотя правое переднее колесо едва держалось и необыкновенно странно вертелось. На одном пригорке оно чуть-чуть не слетело; но кучер мой закричал на него озлобленным голосом, и мы благополучно спустились.

Юдины выселки состояли из шести низеньких и маленьких избушек, уже успевших скривиться набок, хотя их, вероятно, поставили недавно: дворы не у всех были обнесены плетнем. Въезжая в эти выселки, мы не встретили ни одной живой

души; даже куриц не было видно на улице, даже собак; только одна, черная, с куцым хвостом, торопливо выскочила при нас из совершенно высохшего корыта, куда ее, должно быть, загнала жажда, и тотчас, без лая, опрометью бросилась под ворота. Я зашел в первую избу, отворил дверь в сени, окликнул хозяев — никто не отвечал мне. Я кликнул еще раз: голодное мяуканье раздалось за другой дверью. Я толкнул ее ногой; худая кошка шмыгнула мимо меня, сверкнув во тьме зелеными глазами. Я всунул голову в комнату, посмотрел: темно, дымно и пусто. Я отправился на двор, и там никого не было… В загородке теленок промычал; хромой серый гусь отковылял немного в сторону. Я перешел во вторую избу — и во второй избе ни души. Я на двор…

По самой середине ярко освещенного двора, на самом, как говорится, припеке, лежал, лицом к земле и накрывши голову армяком, как мне показалось, мальчик. В нескольких шагах от него, возле плохой тележонки, стояла, под соломенным навесом, худая лошаденка в оборванной сбруе. Солнечный свет, падая струями сквозь узкие отверстия обветшалого намета, пестрил небольшими светлыми пятнами ее косматую красно-гнедую шерсть. Тут же, в высокой

скворечнице, болтали скворцы, с спокойным любопытством поглядывая вниз из своего воздушного домика. Я подошел к спящему, начал его будить…

Он поднял голову, увидал меня и тотчас вскочил на ноги… «Что, что надо? что такое?» — забормотал он спросонья.

Я не тотчас ему ответил: до того поразила меня его наружность. Вообразите себе карлика лет пятидесяти с маленьким, смуглым и сморщенным лицом, острым носиком, карими, едва заметными глазками и курчавыми, густыми черными волосами, которые, как шляпка на грибе, широко сидели на крошечной его головке. Всё тело его было чрезвычайно тщедушно и худо, и решительно нельзя передать словами, до чего был необыкновенен и странен его взгляд.

— Что надо? — спросил он меня опять.

Я объяснил ему, в чем было дело, он слушал меня, не спуская с меня своих медленно моргавших глаз.

— Так нельзя ли нам новую ось достать? — сказал я наконец, — я бы с удовольствием заплатил.

— А вы кто такие? Охотники, что ли? — спросил он, окинув меня взором с ног до головы.

— Охотники.

— Пташек небесных стреляете, небось?.. зверей лесных?.. И не грех вам божьих пташек убивать, кровь проливать неповинную?

Странный старичок говорил очень протяжно. Звук его голоса также изумил меня. В нем не только не слышалось ничего дряхлого, — он был удивительно сладок, молод и почти женски нежен.

— Оси у меня нет, — прибавил он после небольшого молчания, — эта вот не годится (он указал на свою тележку), у вас, чай, телега большая.

— А в деревне найти можно?

— Какая тут деревня!.. Здесь ни у кого нет… Да и дома нет никого: все на работе. Ступайте, — промолвил он вдруг и лег опять на землю.

Я никак не ожидал этого заключения.

— Послушай, старик, — заговорил я, коснувшись до его плеча, — сделай одолжение, помоги.

— Ступайте с богом! Я устал: в город ездил, — сказал он мне и потащил себе армяк на голову.

— Да сделай же одолжение, — продолжал я, — я… я заплачу.

— Не надо мне твоей платы.

— Да пожалуйста, старик…

Он приподнялся до половины и сел, скрестив свои тонкие ножки.

— Я бы тебя свел, пожалуй, на ссечки.* Тут у нас купцы рощу купили, — бог им судья, сводят рощу-то, и контору выстроили, бог им судья. Там бы ты у них ось и заказал или готовую купил.

— И прекрасно! — радостно воскликнул я. — Прекрасно!.. пойдем.

— Дубовую ось, хорошую, — продолжал он, не поднимаясь с места.

— А далеко до тех ссечек?

— Три версты.

— Ну что ж! Мы можем на твоей тележке доехать.

— Да нет…

— Ну, пойдем, — сказал я, — пойдем, старик! Кучер нас на улице дожидается.

Старик неохотно встал и вышел за мной на улицу. Кучер мой находился в раздраженном состоянии духа: он собрался было попоить лошадей, но воды в колодце оказалось чрезвычайно мало, и вкус ее был нехороший, а это, как говорят кучерá, первое дело… Однако при виде старика он осклабился, закивал головой и воскликнул:

— А, Касьянушка! здорово!

— Здорово, Ерофей, справедливый человек!

*** Примечания: ~ note_020 ~**

Срубленное место в лесу.

— отвечал Касьян унылым голосом.

Я тотчас сообщил кучеру его предложение; Ерофей объявил свое согласие и въехал на двор. Пока он с обдуманной хлопотливостью отпрягал лошадей, старик стоял, прислонясь плечом к воротам, и невесело посматривал то на него, то на меня. Он как будто недоумевал: его, сколько я мог заметить, не слишком радовало наше внезапное посещение.

— А разве и тебя переселили? — спросил его вдруг Ерофей, снимая дугу.

— И меня.

— Эк! — проговорил мой кучер сквозь зубы. — Знаешь, Мартын-то, плотник… ты ведь рябовского Мартына знаешь?

— Знаю.

— Ну, он умер. Мы сейчас ею гроб повстречали.

Касьян вздрогнул.

— Умер? — проговорил он и потупился.

— Да, умер. Что ж ты его не вылечил, а? Ведь ты, говорят, лечишь, ты лекарка.

Мой кучер видимо потешался, глумился над стариком.

— А это твоя телега, что ли? — прибавил он, указывая на нее плечом.

— Моя.

— Ну, телега… телега! — повторил он и, взяв ее за оглобли, чуть не опрокинул кверху дном… — Телега!.. А на чем же вы на ссечки поедете?.. В эти оглобли нашу лошадь не впряжешь: наши лошади большие, а это что такое?

— А не знаю, — отвечал Касьян, — на чем вы поедете; разве вот на этом животике, — прибавил он со вздохом.

— На этом-то? — подхватил Ерофей и, подойдя к Касьяновой клячонке, презрительно ткнул ее третьим пальцем правой руки в шею. — Ишь, — прибавил он с укоризной, — заснула, ворона!

Я попросил Ерофея заложить ее поскорей. Мне самому захотелось съездить с Касьяном на ссечки: там часто водятся тетерева. Когда уже тележка была совсем готова, и я кое-как вместе с своей собакой уже уместился на ее покоробленном лубочном дне, и Касьян, сжавшись в комочек и с прежним унылым выражением на лице, тоже сидел на передней грядке,[57] — Ерофей подошел ко мне и с таинственным видом прошептал:

— И хорошо сделали, батюшка, что с ним поехали. Ведь он такой, ведь он юродивец, и прозвище-то ему: Блоха. Я не знаю, как вы понять-то

---

57 Примечания: 109

Грядки — здесь: продольные брусья, образующие края кузова у телеги.

его могли.

Я хотел было заметить Ерофею, что до сих пор Касьян мне казался весьма рассудительным человеком, но кучер мой тотчас продолжал тем же голосом:

— Вы только смотрите, того, туда ли он вас привезет. Да ось-то сами извольте выбрать: поздоровее ось извольте взять… А что, Блоха, — прибавил он громко, — что, у вас хлебушком можно разжиться?

— Поищи, может найдется, — отвечал Касьян, дернул вожжами, и мы покатили.

Лошадка его, к истинному моему удивлению, бежала очень недурно. В течение всей дороги Касьян сохранял упорное молчание и на мои вопросы отвечал отрывисто и нехотя. Мы скоро доехали до ссечек, а там добрались и до конторы, высокой избы, одиноко стоявшей над небольшим оврагом, на скорую руку перехваченным плотиной и превращенным в пруд. Я нашел в этой конторе двух молодых купеческих приказчиков с белыми, как снег, зубами, сладкими глазами, сладкой и бойкой речью и сладко-плутоватой улыбочкой, сторговал у них ось и отправился на ссечки. Я думал, что Касьян останется при лошади, будет дожидаться меня, но он вдруг подошел

ко мне.

— А что, пташек стрелять идешь? — заговорил он, — а?

— Да, если найду.

— Я пойду с тобой… Можно?

— Можно, можно.

И мы пошли. Вырубленного места было всего с версту. Я, признаюсь, больше глядел на Касьяна, чем на свою собаку. Недаром его прозвали Блохой. Его черная, ничем не прикрытая головка (впрочем, его волосы могли заменить любую шапку) так и мелькала в кустах. Он ходил необыкновенно проворно и словно всё подпрыгивал на ходу, беспрестанно нагибался, срывал какие-то травки, совал их за пазуху, бормотал себе что-то под нос и всё поглядывал на меня и на мою собаку, да таким пытливым, странным взглядом. В низких кустах, «в мелочах», и на ссечках часто держатся маленькие серые птички, которые то и дело перемещаются с деревца на деревцо и посвистывают, внезапно ныряя на лету. Касьян их передразнивал, перекликался с ними; поршок* полетел, чиликая, у него из-под ног — он зачиликал ему вслед; жаворонок стал спускаться

*** Примечания: ~ note_021 ~**

Молодой перепел.

над ним, трепеща крылами и звонко распевая, — Касьян подхватил его песенку. Со мной он всё не заговаривал…

Погода была прекрасная, еще прекраснее, чем прежде; но жара всё не унималась. По ясному небу едва-едва неслись высокие и редкие облака, изжелта-белые, как весенний запоздалый снег, плоские и продолговатые, как опустившиеся паруса. Их узорчатые края, пушистые и легкие, как хлопчатая бумага, медленно, но видимо изменялись с каждым мгновением; они таяли, эти облака, и от них не падало тени. Мы долго бродили с Касьяном по ссечкам. Молодые отпрыски, еще не успевшие вытянуться выше аршина, окружали своими тонкими, гладкими стебельками почерневшие, низкие пни; круглые губчатые наросты с серыми каймами, те самые наросты, из которых вываривают трут, лепились к этим пням; земляника пускала по ним свои розовые усики; грибы тут же тесно сидели семьями. Ноги беспрестанно путались и цеплялись в длинной траве, пресыщенной горячим солнцем; всюду рябило в глазах от резкого металлического сверкания молодых, красноватых листьев на деревцах; всюду пестрели голубые гроздья журавлиного гороху, золотые чашечки куриной слепоты, на-

половину лиловые, наполовину желтые цветы Ивана-да-Марьи; кое-где, возле заброшенных дорожек, на которых следы колес обозначались полосами красной мелкой травки, возвышались кучки дров, потемневших от ветра и дождя, сложенные саженями; слабая тень падала от них косыми четвероугольниками, — другой тени не было нигде. Легкий ветерок то просыпался, то утихал: подует вдруг прямо в лицо и как будто разыграется, — всё весело зашумит, закивает и задвижется кругом, грациозно закачаются гибкие концы папоротников, — обрадуешься ему… но вот уж он опять замер, и всё опять стихло. Одни кузнечики дружно трещат, словно озлобленные, — и утомителен этот непрестанный, кислый и сухой звук. Он идет к неотступному жару полудня; он словно рожден им, словно вызван им из раскаленной земли.

Не наткнувшись ни на один выводок, дошли мы, наконец, до новых ссечек. Там недавно срубленные осины печально тянулись по земле, придавив собою и траву и мелкий кустарник; на иных листья, еще зеленые, но уже мертвые, вяло свешивались с неподвижных веток; на других они уже засохли и покоробились. От свежих золотисто-белых щепок, грудами лежавших около

ярко-влажных пней, веяло особенным, чрезвычайно приятным, горьким запахом. Вдали, ближе к роще, глухо стучали топоры, и по временам, торжественно и тихо, словно кланяясь и расширяя руки, спускалось кудрявое дерево.

Долго не находил я никакой дичи; наконец из широкого дубового куста, насквозь проросшего полынью, полетел коростель. Я ударил; он перевернулся на воздухе и упал. Услышав выстрел, Касьян быстро закрыл глаза рукой и не шевельнулся, пока я не зарядил ружья и не поднял коростеля. Когда же я отправился далее, он подошел к месту, где упала убитая птица, нагнулся к траве, на которую брызнуло несколько капель крови, покачав головой, пугливо взглянул на меня… Я слышал после, как он шептал: «Грех! Ах,… вот это грех!»

Жара заставила нас, наконец, войти в рощу. Я бросился под высокий куст орешника, над которым молодой, стройный клен красиво раскинул свои легкие ветки. Касьян присел на толстый конец срубленной березы. Я глядел на него. Листья слабо колебались в вышине, и их жидко-зеленоватые тени тихо скользили взад и вперед по его тщедушному телу, кое-как закутанному в темный армяк, по его маленькому лицу. Он не поднимал

головы. Наскучив его безмолвием, я лег на спину и начал любоваться мирной игрой перепутанных листьев на далеком светлом небе. Удивительно приятное занятие лежать на спине в лесу и глядеть вверх! Вам кажется, что вы смотрите в бездонное море, что оно широко расстилается *под* вами, что деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются,[58] отвесно падают в те стеклянно ясные волны; листья на деревьях то сквозят изумрудами, то сгущаются в золотистую, почти черную зелень. Где-нибудь далеко-далеко, оканчивая собою тонкую ветку, неподвижно стоит отдельный листок на голубом клочке прозрачного неба, и рядом с ним качается другой, напоминая своим движением игру рыбьего плёса, как будто движение то самовольное и не производится ветром. Волшебными подводными островами тихо наплывают и тихо проходят белые круглые облака, и вот вдруг всё это море, этот лучезарный воздух, эти ветки и листья, облитые солнцем, — всё заструится, задрожит беглым блеском, и поднимется свежее,

58 Примечания: 110

Вам кажется, что ∞ деревья не поднимаются от земли, но, словно корни огромных растений, спускаются… — 13(25) октября 1852 г. Тургенев писал П. Виардо: «Известно ли вам, что в одном месте моей книги <…> я, как и вы, говорю о деревьях, которые словно *опускаются* в небо?» (*Письма II*. Т. 2. С. 395; ср.: Там же. Т. 1, С. 391).

трепещущее лепетанье, похожее на бесконечный мелкий плеск внезапно набежавшей зыби. Вы не двигаетесь — вы глядите: и нельзя выразить словами, как радостно, и тихо, и сладко становится на сердце. Вы глядите: та глубокая, чистая лазурь возбуждает на устах ваших улыбку, невинную, как она сама, как облака по небу, и как будто вместе с ними медлительной вереницей проходят по душе счастливые воспоминания, и всё вам кажется, что взор ваш уходит дальше и дальше и тянет вас самих за собой в ту спокойную, сияющую бездну, и невозможно оторваться от этой вышины, от этой глубины…

— Барин, а барин! — промолвил вдруг Касьян своим звучным голосом.

Я с удивлением приподнялся; до сих пор он едва отвечал на мои вопросы, а то вдруг сам заговорил.

— Что тебе? — спросил я.

— Ну, для чего ты пташку убил? — начал он, глядя мне прямо в лицо.

— Как для чего?.. Коростель — это дичь: его есть можно.

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил.

— Да ведь ты сам небось гусей или куриц, на-

пример, ешь?

— Та птица богом определенная для человека, а коростель — птица вольная, лесная. И не он один: много ее, всякой лесной твари, и полевой, и речной твари, и болотной, и луговой, и верховой, и низовой — и грех ее убивать, и пускай она живет на земле до своего предела… А человеку пища положена другая; пища ему другая и другое питье: хлеб — божья благодать, да воды небесные, да тварь ручная от древних отцов.

Я с удивлением поглядел на Касьяна. Слова его лились свободно; он не искал их, он говорил с тихим одушевлением и кроткою важностию, изредка закрывая глаза.

— Так и рыбу, по-твоему, грешно убивать? — спросил я.

— У рыбы кровь холодная, — возразил он с уверенностию, — рыба тварь немая. Она не боится, не веселится: рыба тварь бессловесная. Рыба не чувствует, в ней и кровь не живая… Кровь, — продолжал он, помолчав, — святое дело кровь! Кровь солнышка божия не видит, кровь от свету прячется… великий грех показать свету кровь, великий грех и страх… Ох, великий!

Он вздохнул и потупился. Я, признаюсь, с совершенным изумлением посмотрел на странного

старика. Его речь звучала не мужичьей речью: так не говорят простолюдины, и краснобаи так не говорят. Этот язык, обдуманно-торжественный и странный… Я не слыхал ничего подобного.

— Скажи, пожалуйста, Касьян, — начал я, не спуская глаз с его слегка раскрасневшегося лица, — чем ты промышляешь?

Он не тотчас ответил на мой вопрос. Его взгляд беспокойно забегал на мгновение.

— Живу, как господь велит, — промолвил он наконец, — а чтобы, то есть, промышлять — нет, ничем не промышляю. Неразумен я больно, с мальства; работаю пока мочно, — работник-то я плохой… где мне! Здоровья нет, и руки глупы. Ну, весной соловьев ловлю.

— Соловьев ловишь?.. А как же ты говорил, что всякую лесную, и полевую, и прочую там тварь не надо трогать?

— Убивать ее не надо, точно; смерть и так свое возьмет. Вот хоть бы Мартын-плотник: жил Мартын-плотник, и не долго жил и помер; жена его теперь убивается о муже, о детках малых… Против смерти ни человеку, ни твари не слукавить. Смерть и не бежит, да и от нее не убежишь; да помогать ей не должно… А я соловушек не убиваю, — сохрани господи! Я их не на муку ловлю,

не на погибель их живота, а для удовольствия человеческого, на утешение и веселье.

— Ты в Курск их ловить ходишь?

— Хожу я и в Курск и подале хожу, как случится. В болотах ночую да в залесьях, в поле ночую один, во глуши: тут кулички рассвистятся, тут зайцы кричат, тут селезни стрекочут… По вечеркам замечаю, по утренничкам выслушиваю, по зарям обсыпаю сеткой кусты… Иной соловушко так жалостно поет, сладко… жалостно даже.

— И продаешь ты их?

— Отдаю добрым людям.

— А что ж ты еще делаешь?

— Как делаю?

— Чем ты занят?

Старик помолчал.

— Ничем я этак не занят… Работник я плохой. Грамоте, однако, разумею.

— Ты грамотный?

— Разумею грамоте. Помог господь да добрые люди.

— Что, ты семейный человек?

— Нетути, бессемейный.

— Что так?.. Перемерли, что ли?

— Нет, а так: задачи в жизни не вышло. Да это всё под богом, все мы под богом ходим; а справед-

лив должен быть человек — вот что! Богу угоден, то есть.

— И родни у тебя нет?

— Есть… да… так…

Старик замялся.

— Скажи, пожалуйста, — начал я, — мне послышалось, мой кучер у тебя спрашивал, что, дескать, отчего ты не вылечил Мартына? Разве ты умеешь лечить?

— Кучер твой справедливый человек, — задумчиво отвечал мне Касьян, — а тоже не без греха. Лекаркой меня называют… Какая я лекарка!.. и кто может лечить? Это всё от бога. А есть… есть травы, цветы есть: помогают, точно. Вот хоть череда, например, трава добрая для человека; вот подорожник тоже; об них и говорить не зазорно: чистые травки — божии. Ну, а другие не так: и помогают-то они, а грех; и говорить о них грех. Еще с молитвой разве… Ну, конечно, есть и слова такие… А кто верует — спасется, — прибавил он, понизив голос.

— Ты ничего Мартыну не давал? — спросил я.

— Поздно узнал, — отвечал старик. — Да что! Кому как на роду написано. Не жилец был плотник Мартын, не жилец на земле: уж это так. Нет, уж какому человеку не жить на земле, того и

солнышко не греет, как другого, и хлебушек тому не впрок, — словно что его отзывает… Да; упокой господь его душу!

— Давно вас переселили к нам? — спросил я после небольшого молчания.

Касьян встрепенулся.

— Нет, недавно: года четыре. При старом барине мы всё жили на своих прежних местах, а вот опека переселила. Старый барин у нас был крепкая душа, смиренник, — царство ему небесное! Ну, опека, конечно справедливо рассудила; видно, уж так пришлось.

— А вы где прежде жили?

— Мы с Красивой Мечи.[59]

— Далеко это отсюда?

— Верст сто.

— Что ж, там лучше было?

— Лучше… лучше. Там места привольные, речные, гнездо наше; а здесь теснота, сухмень… Здесь мы осиротели. Там у нас, на Красивой-то на Мечи,

---

59 Примечания: 111

Красивая Мечь (или Красивая Меча) — река в бывшей Тульской губернии, правый приток Дона. Протекая в зеленых, извилистых берегах, Красивая Мечь считалась одним из красивейших мест Европейской России. В повести Н. Ф. Павлова «Ятаган», которая была хорошо известна Тургеневу, этой реке посвящена пространная лирическая характеристика и рассказывается предание о ней (см.: Три повести Н. Павлова. М., 1835. С. 177-183). Матери Тургенева, а потом ему самому, принадлежало на Красивой Мечи село Кадное Меньшое.

взойдешь ты на холм, взойдешь — и, господи боже мой, что это? а?.. И река-то, и луга, и лес; а там церковь, а там опять пошли луга. Далече видно, далече. Вот как далеко видно… Смотришь, смотришь, ах ты, право! Ну, здесь, точно, земля лучше: суглинок, хороший суглинок, говорят крестьяне; да с меня хлебушка-то всюду вдоволь народится.

— А что, старик, скажи правду, тебе, чай, хочется на родине-то побывать?

— Да, посмотрел бы. А впрочем, везде хорошо. Человек я бессемейный, непосед. Да и что! много, что ли, дома-то высидишь? А вот как пойдешь, как пойдешь, — подхватил он, возвысив голос, — и полегчит, право. И солнышко на тебя светит, и богу-то ты видней, и поется-то ладнее. Тут, смотришь, трава какая растет; ну, заметишь — сорвешь. Вода тут бежит, например, ключевая, родник, святая вода; ну, напьешься — заметишь тоже. Птицы поют небесные… А то за Курском пойдут степи, этакие степные места, вот удивленье, вот удовольствие человеку, вот раздолье-то, вот божия-то благодать! И идут они, люди сказывают, до самых теплых морей, где живет птица

Гамаюн[60] сладкогласная, и с дерев лист ни зимой не сыплется, ни осенью, и яблоке растут золотые на серебряных ветках, и живет всяк человек в довольстве и справедливости… И вот уж я бы туда пошел… Ведь я мало ли куда ходил! И в Ромён ходил, и в Синбирск — славный град, и в самую Москву — золотые маковки; ходил на Оку-кормилицу, и на Цну-голубку, и на Волгу-матушку, и много людей видал, добрых хрестьян, и в городах побывал честных… Ну, вот пошел бы я туда… и вот… и уж и… И не один я, грешный… много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут… да!.. А то что дома-то, а? Справедливости в человеке нет, — вот оно что…

Эти последние слова Касьян произнес скороговоркой, почти невнятно; потом он еще что-то сказал, чего я даже расслышать не мог, а лицо его такое странное приняло выражение, что мне невольно вспомнилось название «юродивца», данное ему Ерофеем. Он потупился, откашлянулся и как будто пришел в себя.

---

60 Примечания: 112

Гамаюн — легендарная птица, изображение которой украшало мундиры царских сокольничих. Упоминается в изданной при царе Алексее Михайловиче книге «Новое уложение и устроение чина сокольничия пути», которую Тургенев хорошо знал и любил (см. эпиграф и упоминание о ней в рецензии Тургенева из «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова, 1852 г. (*Сочинения II.* Т. 4. С. 509, 515). Ср. этот образ в живописи В. М. Васнецова и в поэзии Александра Блока.

— Это солнышко! — промолвил он вполголоса, — эка благодать, господи! эка теплынь в лесу!

Он повел плечами, помолчал, рассеянно глянул и запел потихоньку, Я не мог уловить всех слов его протяжной песенки; следующие послышались мне:

А зовут меня Касьяном,

А по прозвищу Блоха…

«Э! — подумал я, — да он сочиняет…»

Вдруг он вздрогнул и умолк, пристально всматриваясь в чащу леса. Я обернулся и увидел маленькую крестьянскую девочку, лет восьми, в синем сарафанчике, с клетчатым платком на голове и плетеным кузовком на загорелой голенькой руке. Она, вероятно, никак не ожидала нас встретить; как говорится, наткнулась на нас, и стояла неподвижно в зеленой чаще орешника, на тенистой лужайке, пугливо посматривая на меня своими черными глазами. Я едва успел разглядеть ее: она тотчас нырнула за дерево.

— Аннушка! Аннушка! подь сюда, не бойся, — кликнул старик ласково.

— Боюсь, — раздался тонкий голосок.

— Не бойся, не бойся, поди ко мне.

Аннушка молча покинула свою засаду, тихо

обошла кругом, — ее детские ножки едва шумели по густой траве, — и вышла из чащи подле самого старика. Это была девушка не восьми лет, как мне показалось сначала, по небольшому ее росту, — но тринадцати или четырнадцати. Все ее тело было мало и худо, но очень стройно и ловко, а красивое личико поразительно сходно с лицом самого Касьяна, хотя Касьян красавцем не был. Те же острые черты, тот же странный взгляд, лукавый и доверчивый, задумчивый и проницательный, и движенья те же… Касьян окинул ее глазами; она стояла к нему боком.

— Что, грибы собирала? — спросил он.

— Да, грибы, — отвечала она с робкой улыбкой.

— И много нашла?

— Много. (Она быстро глянула на него и опять улыбнулась.)

— И белые есть?

— Есть и белые.

— Покажь-ка, покажь… (Она спустила кузов с руки и приподняла до половины широкий лист лопуха, которым грибы были покрыты.) Э! — сказал Касьян, нагнувшись над кузовом, — да какие славные! Ай да Аннушка!

— Это твоя дочка, Касьян, что ли? — спросил я. (Лицо Аннушки слабо вспыхнуло.)

— Нет, так, сродственница, — проговорил Касьян с притворной небрежностью. — Ну, Аннушка, ступай, — прибавил он тотчас, — ступай с богом. Да смотри…

— Да зачем же ей пешком идти? — прервал я его. — Мы бы ее довезли…

Аннушка загорелась, как маков цвет, ухватилась обеими руками за веревочку кузовка и тревожно поглядела на старика.

— Нет, дойдет, — возразил он тем же равнодушно-ленивым голосом. — Что ей?.. Дойдет и так… Ступай.

Аннушка проворно ушла в лес. Касьян поглядел за нею вслед, потом потупился и усмехнулся. В этой долгой усмешке, в немногих словах, сказанных им Аннушке, в самом звуке его голоса, когда он говорил с ней, была неизъяснимая, страстная любовь и нежность. Он опять поглядел в сторону, куда она пошла, опять улыбнулся и, потирая себе лицо, несколько раз покачал головой.

— Зачем ты ее так скоро отослал? — спросил я его. — Я бы у нее грибы купил…

— Да вы там, всё равно, дома купите, когда захотите, — отвечал он мне, в первый раз употребляя слово «вы».

— А она у тебя прехорошенькая.

— Нет… какое… так… — ответил он, как бы нехотя, и с того же мгновенья впал в прежнюю молчаливость.

Видя, что все мои усилия заставить его опять разговориться оставались тщетными, я отправился на ссечки. Притом же и жара немного спала; но неудача, или, как говорят у нас, незадача моя продолжалась, и я с одним коростелем и с новой осью вернулся в выселки. Уже подъезжая ко двору, Касьян вдруг обернулся ко мне.

— Барин, а барин, — заговорил он, — ведь я виноват перед тобой; ведь это я тебе дичь-то всю отвел.

— Как так?

— Да уж это я знаю. А вот и ученый пес у тебя и хороший, а ничего не смог. Подумаешь, люди-то, люди, а? Вот и зверь, а что из него сделали?

Я бы напрасно стал убеждать Касьяна в невозможности «заговорить» дичь и потому ничего не отвечал ему. Притом же мы тотчас повернули в ворота.

В избе Аннушки не было; она уже успела прийти и оставить кузов с грибами. Ерофей приладил новую ось, подвергнув ее сперва строгой и несправедливой оценке; а через час я выехал, оставив Касьяну немного денег, которые он сперва было

не принял, но потом, подумав и подержав их на ладони, положил за пазуху. В течение этого часа он не произнес почти ни одного слова; он по-прежнему стоял, прислонясь к воротам, не отвечал на укоризны моего кучера и весьма холодно простился со мной.

Я, как только вернулся, успел заметить, что Ерофей мой снова находился в сумрачном расположении духа… И в самом деле, ничего съестного он в деревне не нашел, водопой для лошадей был плохой. Мы выехали. С неудовольствием, выражавшимся даже на его затылке, сидел он на козлах и страх желал заговорить со мной, но, в ожидании первого моего вопроса, ограничивался легким ворчаньем вполголоса и поучительными, а иногда язвительными речами, обращенными к лошадям. «Деревня! — бормотал он, — а еще деревня! Спросил хошь квасу — и квасу нет… Ах ты, господи! А вода — просто тьфу! (Он плюнул вслух.) Ни огурцов, ни квасу — ничего. Ну ты, — прибавил он громко, обращаясь к правой пристяжной, — я тебя знаю, потворница этакая! Любишь себе потворствовать, небось… (И он ударил ее кнутом.) Совсем отлукавилась лошадь, а ведь какой прежде согласный был живот… Ну-ну, оглядывайся!..»

— Скажи, пожалуйста, Ерофей, — заговорил я, — что за человек этот Касьян?

Ерофей не скоро мне отвечал: он вообще человек был обдумывающий и неторопливый; но я тотчас мог догадаться, что мой вопрос его развеселил и успокоил.

— Блоха-то? — заговорил он наконец, передернув вожжами. — Чудной человек: как есть юродивец, такого чудно́го человека и нескоро найдешь другого. Ведь, например, ведь он ни дать ни взять наш вот саврасый: от рук отбился тоже… от работы, то есть. Ну, конечно, что он за работник, — в чем душа держится, — ну, а все-таки… Ведь он сызмальства так. Сперва, он со дядьями со своими в извоз ходил: они у него были троечные; ну, а потом, знать, наскучило — бросил. Стал дома жить, да и дома-то не усиживался: такой беспокойный, — уж точно блоха. Барин ему попался, спасибо, добрый — не принуждал. Вот он так с тех пор всё и болтается, что овца беспредельная. И ведь такой удивительный, бог его знает: то молчит, как пень, то вдруг заговорит, — а что заговорит, бог его знает. Разве это манер? Это не манер. Несообразный человек, как есть. Поет, однако, хорошо! Этак важно — ничего, ничего.

— А что, он лечит, точно?

— Какое лечит!.. Ну, где ему! Таковский он человек. Меня, однако, от золотухи вылечил… Где ему! глупый человек, как есть, — прибавил он, помолчав.

— Ты его давно знаешь?

— Давно. Мы им по Сычовке соседи, на Красивой-то на Мечи.

— А что эта, нам в лесу попалась девушка, Аннушка, что, она ему родня?

Ерофей посмотрел на меня через плечо и осклабился во весь рот.

— Хе!.. да, сродни. Она сирота; матери у ней нету, да и неизвестно, кто ее мать-то была. Ну, а должно быть, что сродственница: больно на него смахивает… Ну, живет у меня. Вострая девка, неча сказать; хорошая девка, и он, старый, в ней души не чает: девка хорошая. Да ведь он, вы вот не поверите, а ведь он, пожалуй, Аннушку-то свою грамоте учить вздумает. Ей-ей, от него это станется: уж такой он человек неабнакавенный. Непостоянный такой, несоразмерный даже… Э-э-э! — вдруг перервал самого себя мой кучер и, остановив лошадей, нагнулся набок и принялся нюхать воздух. — Никак гарью пахнет? Так и есть! Уж эти мне новые оси… А, кажется, на что мазал… Пойти водицы добыть: вот кстати и прудик.

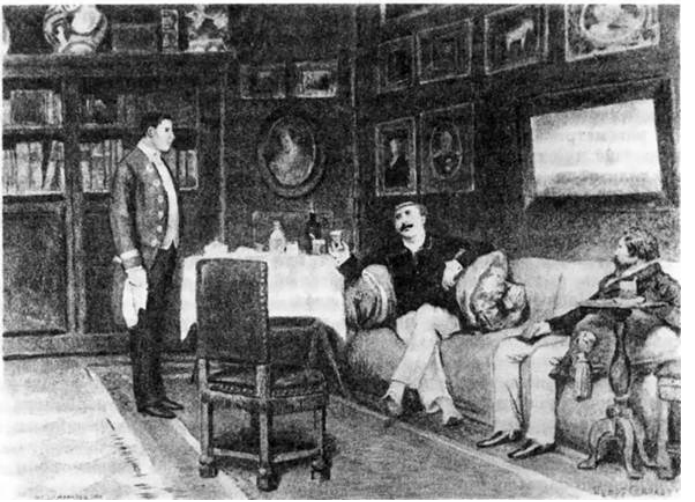
И Ерофей медлительно слез с облучка, отвязал ведерку, пошел к пруду и, вернувшись, не без удовольствия слушал, как шипела втулка колеса, внезапно охваченная водою… Раз шесть приходилось ему на каких-нибудь десяти верстах обливать разгоряченную ось, и уже совсем завечерело, когда мы возвратились домой.

БУРМИСТР[61]

---

61 Примечания: 113

Бурмистр — назначенный помещиком староста (приказчик) из дворовых или крестьян. Обычно — в отдаленном, «заглазном» имении. Управляющий, или управитель, в отличие от бурмистра, ведал всеми имениями, всей экономической частью хозяйства своего доверителя. В поместьях В. П. Тургеневой в разное время было несколько бурмистров. О некоторых она упоминает в письмах к Ивану Сергеевичу. Например, о том, что их «богатый козельский бурмистр погорел, все имущество на 10 000» (1840, письмо от 24 авг.). В одном из писем Варвара Петровна рассказывает, какое богатое и зажиточное имение Семеновка Щигровского уезда, «потому что управлял доселе Василий Кудинович, бурмистр» (1842, 12 июля). Кстати, владелица побывала там *впервые* в своей жизни. Или о том, как разорены Топки, потому что тамошний приказчик Афанасий «был музыкантом и ему дали в управление 600 душ лучшего нашего имения» (1842, 12 авг.) См.: *ГПБ.* Ф. 795. Ед. хр. 91. В Спасском-Лутовинове в последние годы жизни Тургеневой бурмистром был крепостной человек Иосиф Григорьевич Горбылев, которого крестьяне звали «главным министром». По воспоминаниям современников, Горбылев получил однажды с лутовиновских крестьян в свою пользу несколько тысяч рублей недоимки, хотя помещица простила им долг. Мошенничество раскрылось, но изворотливый бурмистр после недолгой опалы вновь вошел в доверие к барыне. См.: *Рында.* С. 21.



«Бурмистр». Рис. П. П. Соколова. 1891-1892. ИРЛИ

Верстах в пятнадцати от моего именья живет один мне знакомый человек, молодой помещик, гвардейский офицер в отставке, Аркадий Павлыч Пеночкин. Дичи у него в поместье водится много, дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски, обеды задает он отличные, принимает гостей ласково, а все-таки неохотно к нему едешь. Он человек рассудительный и положительный, воспитанье получил,

как водится, отличное, служил, в высшем обществе потерся, а теперь хозяйством занимается с большим успехом. Аркадий Павлыч, говоря собственными его словами, строг, но справедлив, о благе подданных своих печется и наказывает их — для их же блага. «С ними надобно обращаться, как с детьми, — говорит он в таком случае, — невежество, mon cher; il faut prendre cela en considération»*. Сам же, в случае так называемой печальной необходимости, резких и порывистых движений избегает и голоса возвышать не любит, но более тычет рукою прямо, спокойна приговаривая: «Ведь я тебя просил, любезный мой», или: «Что с тобою, друг мой, опомнись», — причем только слегка стискивает зубы и кривит рот. Роста он небольшого, сложен щеголевато, собою весьма недурен, руки и ногти в большой опрятности содержит; с его румяных губ и щек так и пышет здоровьем. Смеется он звучно и беззаботно, приветливо щурит светлые, карие глаза. Одевается он отлично и со вкусом; выписывает французские книги, рисунки и газеты, но до чтения небольшой охотник: «Вечного жида»

*** Примечания: ~ note_022 ~**

дорогой мой; надо принять это во внимание (фр.). — Ред.

едва осилил.[62] В карты играет мастерски. Вообще Аркадий Павлыч считается одним из образованнейших дворян и завиднейших женихов нашей губернии; дамы от него без ума и в особенности хвалят его манеры. Он удивительно хорошо себя держит, осторожен, как кошка, и ни в какую историю замешан отроду не бывал, хотя при случае дать себя знать и робкого человека озадачить и срезать любит. Дурным обществом решительно брезгает — скомпрометироваться боится; зато в веселый час объявляет себя поклонником Эпикура, хотя вообще о философии отзывается дурно, называя ее туманной пищей германских умов, а иногда и просто чепухой. Музыку он тоже любит; за картами поет сквозь зубы, но с чувством; из Лючии и Сомнабулы тоже иное помнит,[63] но что-то всё высоко забирает. По зимам он ездит в Петербург. Дом у него в порядке необыкновенном; даже кучера подчинились его влиянию и каждый день

---

62 Примечания: 114

…«Вечного жида» едва осилил. — «Вечный жид» («Le Juif errant») — роман французского писателя Эжена Сю. Выходил отдельными томами в 1844-1845 гг. Имел огромный успех у современников.

63 Примечания: 115

…из Лючии и Сомнамбулы тоже иное помнит… — «Лючия ди Ламмермур» (1831) и «Сомнамбула» (1835) — оперы выдающихся итальянских композиторов; первая — Гаэтано Доницетти, вторая — Винченцо Беллини. Обе оперы были очень популярны в России 40-х годов, входили в репертуар итальянской оперной труппы в Петербурге.

не только вытирают хомуты и армяки чистят, но и самим себе лицо моют. Дворовые люди Аркадия Павлыча посматривают, правда, что-то исподлобья, — но у нас на Руси угрюмого от заспанного не отличишь. Аркадий Павлыч говорит голосом мягким и приятным, с расстановкой и как бы с удовольствием пропуская каждое слово сквозь свои прекрасные, раздушенные усы; также употребляет много французских выражений, как-то: «Mais c'est impayable!»,[*] «Mais comment donc!»[*] и пр. Со всем тем я, по крайней мере, не слишком охотно что посещаю, и если бы не тетерева и не куропатки, вероятно, совершенно бы с ним раззнакомился. Странное какое-то беспокойство овладевает нами в его доме; даже комфорт вас не радует, и всякий раз, вечером, когда появится перед вами завитый камердинер в голубой ливрее с гербовыми пуговицами и начнет подобострастно стягивать с вас сапоги, вы чувствуете, что если бы вместо его бледной и сухопарой фигуры внезапно предстали перед вами изумительно широкие

*** Примечания: ~ note_023 ~**

23

Забавно! (фр.) — Ред.

*** Примечания: ~ note_024 ~**

24

Как же (фр.) — Ред.

скулы и невероятно тупой нос молодого дюжего парня, только что взятого барином от сохи, но уже успевшего в десяти местах распороть по швам недавно пожалованный нанковый кафтан, — вы бы обрадовались несказанно и охотно бы подверглись опасности лишиться вместе с сапогом и собственной вашей ноги вплоть до самого вертлюга…

Несмотря на мое нерасположение к Аркадию Павлычу, пришлось мне однажды провести у него ночь. На другой день я рано поутру велел заложить свою коляску, но он не хотел меня отпустить без завтрака на английский манер и повел к себе в кабинет. Вместе с чаем подали нам котлеты, яйца всмятку, масло, мед, сыр и пр. Два камердинера, в чистых белых перчатках, быстро и молча предупреждали наши малейшие желания. Мы сидели на персидском диване. На Аркадии Павлыче были широкие шелковые шаровары, черная бархатная куртка, красивый фес с синей кистью и китайские желтые туфли без задков. Он пил чай, смеялся, рассматривал свои ногти, курил, подкладывал себе подушки под бок и вообще чувствовал себя в отличном расположении духа. Позавтракавши плотно и с видимым удовольствием, Аркадий Павлыч на-

лил себе рюмку красного вина, поднес ее к губам и вдруг нахмурился.

— Отчего вино не нагрето? — спросил он довольно резким голосом одного из камердинеров.

Камердинер смешался, остановился, как вкопанный, и побледнел.

— Ведь я тебя спрашиваю, любезный мой? — спокойно продолжал Аркадий Павлыч, не спуская с него глаз.

Несчастный камердинер помялся на месте, покрутил салфеткой и не сказал ни слова. Аркадий Павлыч потупил голову и задумчиво посмотрел на него исподлобья.

— Pardon, mon cher, — промолвил он с приятной улыбкой, дружески коснувшись рукой до моего колена, и снова уставился на камердинера. — Ну, ступай, — прибавил он после небольшого молчания, поднял брови и позвонил.

Вошел человек, толстый, смуглый, черноволосый, с низким лбом и совершенно заплывшими глазами.

— Насчет Федора… распорядиться, — проговорил Аркадий Павлыч вполголоса и с совершенным самообладанием.

— Слушаю-с, — отвечал толстый и вышел.

— Voilà, mon cher, les désagréments de la

campagne,[*] — весело заметил Аркадий Павлыч. — Да куда же вы? Останьтесь, посидите еще немного.

— Нет, — отвечал я, — мне пора.

— Всё на охоту! Ох, уж эти мне охотники! Да вы куда теперь едете?

— За сорок верст отсюда, в Рябово.

— В Рябово? Ах, боже мой, да в таком случае я с вами поеду. Рябово всего в пяти верстах от моей Шипиловки, а я таки давно в Шипиловке не бывал: всё времени улучить не мог. Вот как кстати пришлось: вы сегодня в Рябове поохотитесь, а вечером ко мне. Ce sera charmant.[*] Мы вместе поужинаем, — мы возьмем с собою повара, — вы у меня переночуете. Прекрасно! прекрасно! — прибавил он, не дождавшись моего ответа. C'est arrangé...[*] Эй, кто там? Коляску нам велите заложить, да поскорей. Вы в Шипиловке не бывали? Я бы посовестился предложить вам

*** Примечания: ~ note_025 ~**

25

Вот, дорогой мой, неприятности деревенской жизни (фр.) — Ред.

*** Примечания: ~ note_026 ~**

26

Это будет прелестно (фр.) — Ред.

*** Примечания: ~ note_027 ~**

27

Всё устроено... (фр.) — Ред.

провести ночь в избе моего бурмистра, да вы, я знаю, неприхотливы и в Рябове в сенном бы сарае ночевали… Едем, едем!

И Аркадий Павлыч запел какой-то французский романс.

— Ведь вы, может быть, не знаете, — продолжал он, покачиваясь на обеих ногах, — у меня там мужики на оброке. Конституция — что будешь делать? Однако оброк мне платят исправно. Я бы их, признаться, давно на барщину ссадил, да земли мало! Я и так удивляюсь, как они концы с концами сводят. Впрочем, c'est leur affaire.* Бурмистр у меня там молодец, une forte tête,* государственный человек![64] Вы увидите… Как, право, это хорошо пришлось!

Делать было нечего. Вместо девяти часов утра

*** Примечания: ~ note_028 ~**

28

это их дело (фр.). — Ред.

*** Примечания: ~ note_029 ~**

29

умная голова (фр.). — Ред.

64 Примечания: 116

Бурмистр у меня ∞ государственный человек! — В 1846-1847 гг. в официальных изданиях обсуждался вопрос об идеальном управляющем имением. Реакционные литераторы соглашались, что хороший управляющий приносит государственную пользу. В книге «Управитель русского имения» (СПб., 1847) барон А. Воде прямо назвал управляющих «государственными людьми». Тургенев включился в полемику и в художественной форме высказал свою точку зрения, нарисовав

образ такого «государственного» человека и его «государственную» деятельность.

мы выехали в два. Охотники поймут мое нетерпенье. Аркадий Павлыч любил, как он выражался, при случае побаловать себя и забрал с собою такую бездну белья, припасов, платья, духов, подушек и разных несессеров, что иному бережливому и владеющему собою немцу хватило бы всей этой благодати на год. При каждом спуске с горы Аркадий Павлыч держал краткую, но сильную речь кучеру, из чего я мог заключить, что мой знакомец порядочный трус. Впрочем, путешествие совершилось весьма благополучно; только на одном недавно починенном мостике телега с поваром завалилась, и задним колесом ему придавило желудок.

Аркадий Павлыч, при виде падения доморощенного Карема,[65] испугался не на шутку и тотчас велел спросить: целы ли у него руки? Получив же ответ утвердительный, немедленно успокоился. Со всем тем, ехали мы довольно долго; я сидел в одной коляске с Аркадием Павлычем и под конец путешествия почувствовал тоску смертельную, тем более, что в течение нескольких часов мой знакомец совершенно выдохся и начинал уже

---

65 Примечания: 117

...доморощенного Карема... — Карем, знаменитый французский повар (Marie Antoine Carême); служил у Талейрана, а затем при русском и австрийском императорских дворах.

либеральничать. Наконец мы приехали, только не в Рябово, а прямо в Шипиловку; как-то оно так вышло. В тот день я и без того уже поохотиться не мог и потому скрепя сердце покорился своей участи.

Повар приехал несколькими минутами ранее нас и, по-видимому, уже успел распорядиться и предупредить кого следовало, потому что при самом въезде в околицу встретил нас староста (сын бурмистра), дюжий и рыжий мужик в косую сажень ростом, верхом и без шапки, в новом армяке нараспашку. «А где же Софрон?» — спросил его Аркадий Павлыч. Староста сперва проворно соскочил с лошади, поклонился барину в пояс, промолвил: «Здравствуйте, батюшка Аркадий Павлыч», — потом приподнял голову, встряхнулся и доложил, что Софрон отправился в Перов, но что за ним уже послали. «Ну, ступай за нами», — сказал Аркадий Павлыч. Староста отвел из приличия лошадь в сторону, взвалился на нее и пустился рысцой за коляской, держа шапку в руке. Мы поехали по деревне. Несколько мужиков в пустых телегах попались нам навстречу; они ехали с гумна и пели песни, подпрыгивая всем телом и болтая ногами на воздухе; но при виде нашей коляски и старосты внезапно умолкли, сняли

свои зимние шапки (дело было летом) и приподнялись, как бы ожидая приказаний. Аркадий Павлыч милостиво им поклонился. Тревожное волнение видимо распространялось по селу. Бабы в клетчатых паневах швыряли щепками в недогадливых или слишком усердных собак; хромой старик с бородой, начинавшейся под самыми глазами, оторвал недопоенную лошадь от колодезя, ударил ее неизвестно за что по боку, а там уже поклонился. Мальчишки в длинных рубашонках с воплем бежали в избы, ложились брюхом на высокий порог, свешивали головы, закидывали ноги кверху и таким образом весьма проворно перекатывались за дверь, в темные сени, откуда уже и не показывались. Даже курицы стремились ускоренной рысью в подворотню; один бойкий петух с черной грудью, похожей на атласный жилет, и красным хвостом, закрученным на самый гребень, остался было на дороге и уже совсем собрался кричать, да вдруг сконфузился и тоже побежал. Изба бурмистра стояла в стороне от других, посреди густого зеленого конопляника. Мы остановились перед воротами. Г-н Пеночкин встал, живописно сбросил с себя плащ и вышел из коляски, приветливо озираясь кругом. Бурмистрова жена встретила нас с низкими поклонами

и подошла к барской ручке. Аркадий Павлыч дал ей нацеловаться вволю и взошел на крыльцо. В сенях, в темном углу, стояла старостиха и тоже поклонилась, но к руке подойти не дерзнула. В так называемой холодной избе — из сеней направо — уже возились две другие бабы; они выносили оттуда всякую дрянь, пустые жбаны, одеревенелые тулупы, масленые горшки, люльку с кучей тряпок и пестрым ребенком, подметали банными вениками сор. Аркадий Павлыч выслал их вон и поместился на лавке под образами. Кучера начали вносить сундуки, ларцы и прочие удобства, всячески стараясь умерить стук своих тяжелых сапогов.

Между тем Аркадий Павлыч расспрашивал старосту об урожае, посеве и других хозяйственных предметах. Староста отвечал удовлетворительно, но как-то вяло и неловко, словно замороженными пальцами кафтан застегивал. Он стоял у дверей й то и дело сторонился и оглядывался, давая дорогу проворному камердинеру. Из-за его могущественных плеч удалось мне увидеть, как бурмистрова жена в сенях втихомолку колотила какую-то другую бабу. Вдруг застучала телега и остановилась перед крыльцом: вошел бурмистр.

Этот, по словам Аркадия Павлыча, государствен-

ный человек был роста небольшого, плечист, сед и плотен, с красным носом, маленькими голубыми глазами и бородой в виде веера. Заметим кстати, что с тех пор, как Русь стоит, не бывало еще на ней примера раздобревшего и разбогатевшего человека без окладистой бороды; иной весь свой век носил бородку жидкую, клином, — вдруг, смотришь, обложился кругом словно сияньем, — откуда волос берется! Бурмистр, должно быть, в Перове подгулял: и лицо-то у него отекло порядком, да и вином от него попахивало.

— Ах вы, отцы наши, милостивцы вы наши, — заговорил он нараспев и с таким умилением на лице, что вот-вот, казалось, слезы брызнут, — насилу-то изволили пожаловать!.. Ручку, батюшка, ручку, — прибавил он, уже загодя протягивая губы,

Аркадий Павлыч удовлетворил его желание.

— Ну, что, брат Софрон, каково у тебя дела идут? — спросил он ласковым голосом.

— Ах вы, отцы наши, — воскликнул Софрон, — да как же им худо идти, делам-то! Да ведь вы, наши отцы, вы, милостивцы, деревеньку нашу просветить изволили приездом-то своим, осчастливили по гроб дней. Слава тебе, господи, Аркадий Павлыч, слава тебе, господи! Благопо-

лучно обстоит всё милостью вашей.

Тут Софрон помолчал, поглядел на барина и, как бы снова увлеченный порывом чувства (притом же и хмель брал свое), в другой раз попросил руки и запел пуще прежнего:

— Ах вы, отцы наши, милостивцы… и… уж что! Ей-богу, совсем дураком от радости стал… Ей-богу, смотрю да не верю… Ах вы, отцы наши!..

Аркадий Павлыч глянул на меня, усмехнулся и спросил: «N'est-ce pas que c'est touchant?»*

— Да, батюшка, Аркадий Павлыч, — продолжал неугомонный бурмистр, — как же вы это? Сокрушаете вы меня совсем, батюшка; известить меня не изволили о вашем приезде-то. Где же вы ночку-то проведете? Ведь тут нечистота, сор…

— Ничего, Софрон, ничего, — с улыбкой отвечал Аркадий Павлыч, — здесь хорошо.

— Да ведь, отцы вы наши, — для кого хорошо? Для нашего брата, мужика, хорошо; а ведь вы… ах вы, отцы мои, милостивцы, ах вы, отцы мои!.. Простите меня, дурака, с ума спятил, ей-богу одурел вовсе.

Между тем подали ужин; Аркадий Павлыч начал кушать. Сына своего старик прогнал — де-

---

*** Примечания: ~ note_030 ~**

Не правда ли, это трогательно? (фр.) — Ред.

скать, духоты напущаешь.

— Ну, что, размежевался, старина? — спросил г-н Пеночкин, который явно желал подделаться под мужицкую речь и мне подмигивал.

— Размежевались, батюшка, всё твоею милостью. Третьего дня сказку подписали.[66] Хлыновские-то сначала поломались… поломались, отец, точно. Требовали… требовали… и бог знает, чего требовали; да ведь дурачье, батюшка, народ глупый. А мы, батюшка, милостью твоею благодарность заявили и Миколая Миколаича посредственника удовлетворили: всё по твоему приказу действовали, батюшка; как ты изволил приказать, так мы и действовали, и с ведома Егора Дмитрича всё действовали.

— Егор мне докладывал, — важно заметил Аркадий Павлыч.

— Как же, батюшка, Егор Дмитрич, как же.

— Ну, и стало быть, вы теперь довольны?

Софрон только того и ждал.

— Ах вы, отцы наши, милостивцы наши! — запел он опять… — Да помилуйте вы меня… да ведь мы за вас, отцы наши, денно и нощно господу богу молимся… Земли, конечно, маловато…

---

66 Примечания: 118

Третьего дня сказку подписали — Сказка — список, реестр, опись. Здесь: документ о проведении размежевания.

Пеночкин перебил его:

— Ну, хорошо, хорошо, Софрон, знаю, ты мне усердный слуга… А что, как умолот?

Софрон вздохнул.

— Ну, отцы вы наши, умолот-то не больно хорош. Да что, батюшка Аркадий Павлыч, позвольте вам доложить, дельце какое вышло. (Тут он приблизился, разводя руками, к господину Пеночкину, нагнулся и прищурил один глаз.) Мертвое тело на нашей земле оказалось.

— Как так?

— И сам ума не приложу, батюшка, отцы вы наши: видно, враг попутал. Да, благо, подле чужой межи оказалось; а только, что греха таить, на нашей земле. Я его тотчас на чужой-то клин и приказал стащить, пока можно было, да караул приставил и своим заказал: молчать! — говорю. А становому на всякой случай объяснил: вот какие порядки, говорю; да чайком его, да благодарность… Ведь что, батюшка, думаете? Ведь осталось у чужаков на шее; а ведь мертвое тело, что двести рублев — как калач.

Г-н Пеночкин много смеялся уловке своего бурмистра и несколько раз сказал мне, указывая на

него головой: «Quel gaillard, а?»*

Между тем на дворе совсем стемнело; Аркадий Павлыч велел со стола прибирать и сена принести. Камердинер постлал нам простыни, разложил подушки; мы легли. Софрон ушел к себе, получив приказание на следующий день. Аркадий Павлыч, засыпая, еще потолковал немного отличных качествах русского мужика и тут же заметил мне, что со времени управления Софрона за шипиловскими крестьянами не водится ни гроша недоимки… Сторож заколотил в доску; ребенок, видно, еще не успевший проникнуться чувством должного самоотверженья, запищал где-то в избе… Мы заснули.

На другой день утром мы встали довольно рано. Я было собрался ехать в Рябово, но Аркадий Павлыч желал показать мне свое именье и упросил меня остаться. Я и сам был не прочь убедиться на деле в отличных качествах государственного человека — Софрона. Явился бурмистр. На нем был синий армяк, подпоясанный красным кушаком. Говорил он гораздо меньше вчерашнего, глядел зорко и пристально в глаза барину, отвечал складно и дельно. Мы вместе с ним отправились

*** Примечания: ~ note_031 ~**

Каков молодец, а? (фр.) — Ред.

на гумно. Софронов сын, трехаршинный староста, по всем признакам человек весьма глупый, также пошел за нами, да еще присоединился к нам земский Федосеич, отставной солдат с огромными усами и престранным выражением лица: точно он весьма давно тому назад чему-то необыкновенно удивился да с тех пор уж и не пришел в себя. Мы осмотрели гумно, ригу, овины, сараи, ветряную мельницу, скотный двор, зеленя, конопляники; всё было действительно в отличном порядке, одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое недоумение. Кроме полезного, Софрон заботился еще о приятном: все канавы обсадил ракитником, между скирдами на гумне дорожки провел и песочком посыпал, на ветряной мельнице устроил флюгер в виде медведя с разинутой пастью и красным языком, к кирпичному скотному двору прилепил нечто вроде греческого фронтона и под фронтоном белилами надписал: «Настроен вселе Шипилофке втысеча восем Сод саракавом году. Сей скотный дфор». — Аркадий Павлыч разнежился совершенно, пустился излагать мне на французском языке выгоды оброчного состоянья, причем, однако, заметил, что барщина для помещиков выгоднее, — да мало ли чего нет!.. Начал давать бурмистру

советы, как сажать картофель, как для скотины корм заготовлять и пр. Софрон выслушивал барскую речь со вниманием, иногда возражал, но уже не величал Аркадия Павлыча ни отцом, ни милостивцем и всё напирал на то, что земли-де у них маловато, прикупить бы не мешало. «Что ж, купите, — говорил Аркадий Павлыч, — на мое имя,[67] я не прочь». На эти слова Софрон не отвечал ничего, только бороду поглаживал. «Однако теперь бы не мешало съездить в лес», — заметил г-н Пеночкин. Тотчас привели нам верховых лошадей; мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в «заказ». В этом «заказе» нашли мы глушь и дичь страшную, за что Аркадий Павлыч похвалил Софрона и потрепал его по плечу, Г-н Пеночкин придерживался насчет лесоводства русских понятий и тут же рассказал мне презабавный, по его словам, случай, как один шутник-помещик вразумил своего лесника, выдрав у него около половины бороды, в доказательство того, что от подрубки лес гуще не вырастает… Впрочем, в других отношениях и Софрон и Аркадий Павлыч

---

67 Примечания: 119

Что ж, купите ∞ на мое имя… — Крепостные крестьяне не имели права собственности на землю, покупка могла быть оформлена только на имя помещика или совершена самим помещиком. Разрешая крестьянам купить землю на его имя, Пеночкин фактически «разрешал» увеличение своих владений за их счет.

— оба не чуждались нововведений. По возвращении в деревню бурмистр повел нас посмотреть веялку, недавно выписанную им из Москвы. Веялка, точно, действовала хорошо, но если бы Софрон знал, какая неприятность ожидала и его и барина на этой последней прогулке, он, вероятно, остался бы с нами дома.

Вот что случилось. Выходя из сарая, увидали мы следующее зрелище. В нескольких шагах от двери, подле грязной лужи, в которой беззаботно плескались три утки, стояло на коленках два мужика: один — старик лет шестидесяти, другой — малый лет двадцати, оба в замашных заплатанных рубахах, на босу ногу и подпоясанные веревками. Земский[68] Федосеич усердно хлопотал около них и, вероятно, успел бы уговорить их удалиться, если б мы замешкались в сарае, но, увидев нас, он вытянулся в струнку и замер на месте. Тут же стоял староста с разинутым ртом и недоумевающими кулаками. Аркадий Павлыч нахмурился, закусил губу и подошел к просителям. Оба молча поклонились ему в ноги.

— Что вам надобно? о чем вы просите? — спросил он строгим голосом и несколько в нос.

---

68 Примечания: 120

Земский — здесь: писарь или помощник при бурмистре.

(Мужики взглянули друг на друга и словечка не промолвили, только прищурились, словно от солнца, да поскорей дышать стали.)

— Ну, что же? — продолжал Аркадий Павлыч и тотчас же обратился к Софрону. — Из какой семьи?

— Из Тободеевой семьи, — медленно отвечал бурмистр.

— Ну, что же вы? — заговорил опять г. Пеночкин, — языков у вас нет, что ли? Сказывай ты, чего тебе надобно? — прибавил он, качнув головой на старика. — Да не бойся, дурак.

Старик вытянул свою темно-бурую, сморщенную шею, криво разинул посиневшие губы, сиплым голосом произнес: «Заступись, государь!» — и снова стукнул лбом в землю. Молодой мужик тоже поклонился. Аркадий Павлыч с достоинством посмотрел на их затылки, закинул голову и расставил немного ноги.

— Что такое? На кого ты жалуешься?

— Помилуй, государь! Дай вздохнуть… Замучены совсем. (Старик говорил с трудом.)

— Кто тебя замучил?

— Да Софрон Яковлич, батюшка.

Аркадий Павлыч помолчал.

— Как тебя зовут?

— Антипом, батюшка.

— А это кто?

— А сынок мой, батюшка.

Аркадий Павлыч помолчал опять и усами повел.

— Ну, так чем же он тебя замучил? — заговорил он, глядя на старика сквозь усы.

— Батюшка, разорил вконец. Двух сыновей, батюшка, без очереди в некруты отдал, а теперя и третьего отнимает. Вчера, батюшка, последнюю коровушку со двора свел и хозяйку мою избил — вон его милость. (Он указал на старосту.)

— Гм! — произнес Аркадий Павлыч.

— Не дай вконец разориться, кормилец.

Г-н Пеночкин нахмурился.

— Что же это, однако, значит? — спросил он бурмистра вполголоса и с недовольным видом.

— Пьяный человек-с, — отвечал бурмистр, в первый раз употребляя «слово-ер», — неработящий. Из недоимки не выходит вот уже пятый год-с.

— Софрон Яковлич за меня недоимку взнес, батюшка, — продолжал старик, — вот пятый годочек пошел, как взнес, а как взнес — в кабалу меня и забрал, батюшка, да вот и…

— А отчего недоимка за тобой завелась? — гроз-

но спросил г. Пеночкин. (Старик понурил голову.) — Чай, пьянствовать любишь, по кабакам шататься? (Старик разинул было рот.) Знаю я вас, — с запальчивостью продолжал Аркадий Павлыч, — ваше дело пить да на печи лежать, а хороший мужик за вас отвечай.

— И грубиян тоже, — ввернул бурмистр в господскую речь.

— Ну, уж это само собою разумеется. Это всегда так бывает; это уж я не раз заметил. Целый год распутствует, грубит, а теперь в ногах валяется.

— Батюшка, Аркадий Павлыч, — с отчаяньем заговорил старик, — помилуй, заступись, — какой я грубиян? Как перед господом богом говорю, невмоготу приходится. Невзлюбил меня Софрон Яковлич, за что невзлюбил — господь ему судья! Разоряет вконец, батюшка… Последнего вот сыночка… и того… (На желтых и сморщенных глазах старика сверкнула слезинка.) Помилуй, государь, заступись…

— Да и не нас одних, — начал было молодой мужик…

Аркадий Павлыч вдруг вспыхнул:

— А тебя кто спрашивает, а? Тебя не спрашивают, так ты молчи… Это что такое? Молчать, говорят тебе! молчать!.. Ах, боже мой! да это

просто бунт. Нет, брат, у меня бунтовать не советую… у меня… (Аркадий Павлыч шагнул вперед, да, вероятно, вспомнил о моем присутствии, отвернулся и положил руки в карманы.) Je vous demande bien pardon, mon cher,[*32] сказал он с принужденной улыбкой, значительно понизив голос. — C'est le mauvais côté de la médaille…[*33] Ну, хорошо, хорошо, — продолжал он, не глядя на мужиков, — я прикажу… хорошо, ступайте. (Мужики не поднимались.) Ну, да ведь я сказал вам… хорошо. Ступайте же, я прикажу, говорят вам.

Аркадий Павлыч обернулся к ним спиной. «Вечно неудовольствия», — проговорил он сквозь зубы и пошел большими шагами домой. Софрон отправился вслед за ним. Земский выпучил глаза, словно куда-то очень далеко прыгнуть собирался. Староста выпугнул уток из лужи. Просители постояли еще немного на месте, посмотрели друг на друга и поплелись, не оглядываясь, восвояси.

Часа два спустя я уже был в Рябове и вместе с Анпадистом, знакомым мне мужиком, собирался

*** Примечания: ~ note_032 ~**

32

Прошу извинить, меня дорогой мой (фр.). — Ред.

*** Примечания: ~ note_033 ~**

33

Это оборотная сторона медали… (фр.) — Ред.

на охоту. До самого моего отъезда Пеночкин дулся на Софрона. Заговорил я с Анпадистом о Шипиловских крестьянах, о г. Пеночкине, спросил его, не знает ли он тамошнего бурмистра.

— Софрона-то Яковлича?.. вона!

— А что он за человек?

— Собака, а не человек: такой собаки до самого Курска не найдешь.

— А что?

— Да ведь Шипиловка только что числится за тем, как бишь его, за Пенкиным-то; ведь не он ей владеет: Софрон владеет.

— Неужто?

— Как своим добром владеет. Крестьяне ему кругом должны; работают на него словно батраки: кого с обозом посылает, кого куды… затормошил совсем.

— Земли у них, кажется, немного?

— Немного? Он у одних хлыновских восемьдесят десятин нанимает да у наших сто двадцать; вот те и целых полтораста десятин. Да он не одной землей промышляет: и лошадьми промышляет, и скотом, и дегтем, и маслом, и пенькой, и чем-чем… Умен, больно умен, и богат же, бестия! Да вот чем плох — дерется. Зверь — не человек; сказано: собака, пес, как есть пес.

— Да что ж они на него не жалуются?

— Экста! Барину-то что за нужда! недоимок не бывает, так ему что? Да, поди ты, — прибавил он после небольшого молчания, — пожалуйся. Нет, он тебя… да, поди-ка… Нет уж, он тебя вот как, того…

Я вспомнил про Антипа и рассказал ему, что видел.

— Ну, — промолвил Анпадист, — заест он его теперь; заест человека совсем. Староста теперь его забьет. Экой бесталанный, подумаешь, бедняга! И за что терпит… На сходке с ним повздорил, с бурмистром-то, невтерпеж, знать, пришлось. Велико дело! Вот он его, Антипа-то, клевать и начал. Теперь доедет. Ведь он такой пес, собака, прости, господи, мое прегрешенье, знает, на кого налечь. Стариков-то, что побогаче да посемейнее, не трогает, лысый чёрт, а тут вот и расходился! Ведь он Антиповых-то сыновей без очереди в некруты отдал, мошенник беспардонный, пес, прости, господи, мое прегрешенье!

Мы отправились на охоту.

Зальцбрунн, в Силезии,
июль, 1847 г.

КОНТОРА

Дело было осенью. Уже несколько часов бродил я с ружьем по полям и, вероятно, прежде вечера не вернулся бы в постоялый двор на большой Курской дороге, где ожидала меня моя тройка, если б чрезвычайно мелкий и холодный дождь, который с самого утра, не хуже старой девки, неугомонно и безжалостно приставал ко мне,[69] не заставил меня, наконец, искать где-нибудь поблизости хотя временного убежища. Пока я еще соображал, в какую сторону пойти, глазам моим внезапно представился низкий шалаш возле поля, засеянного горохом. Я подошел к шалашу, заглянул под соломенный намет и увидал старика до того дряхлого, что мне тотчас

---

69 Примечания: 121

…чрезвычайно мелкий и холодный дождь, который с самого утра, не хуже старой девки, неугомонно и безжалостно приставал ко мне… — Эти строки вызвали резкие критические замечания братьев Аксаковых, которые в общем весьма скептически отнеслись к «Запискам охотника» в 1852 г. (по выходе отдельного издания). Иван Аксаков писал Тургеневу 4 октября 1852 г. в Спасское: «В „Записках охотника“ встречаются очень часто такие натянутые сравнения, такие претенциозные остроты <…> что я удивляюсь, как ваш строгий и разборчивый вкус допустил всё это. К чему все эти шуточки и остроты, часто ни к селу ни к городу, на счет старых девок, кислых фортепьян (слово *кислый* у вас в большом ходу), рыхлых купчих, дряблых грудей и проч., и проч.? Нападения на старых девушек напоминают мне нападения г. Вонлярлярского на единственные сапоги у бедняка. На этот счет так остроумно острятся водевильные писатели, что вы могли бы не оспаривать у них первен-

ства в этом отношении» (Рус. обозрение. 1894. № 8. С. 476). В том же духе высказался и Константин Аксаков, отметивший в «Записках охотника» «кроме общего неясного достоинства» «общие же, ясные недостатки. Первый недостаток: это постоянное *усилие*, которое сопровождает всякое описание, всякий разговор, всякое изображение <…> Потом: есть любимые выражения, часто неуместные, есть старые насмешки над старыми девами, которые пора бы уже кинуть серьезным людям» (Там же. С. 481-482).

же вспомнился тот умирающий козел, которого Робинзон нашел в одной из пещер своего острова. Старик сидел на корточках, жмурил свои потемневшие маленькие глаза и торопливо, но осторожно, наподобие зайца (у бедняка не было ни одного зуба), жевал сухую и твердую горошину, беспрестанно перекатывая ее со стороны на сторону. Он до того погрузился в свое занятие, что не заметил моего прихода.

— Дедушка! а дедушка! — проговорил я.

Он перестал жевать, высоко поднял брови и с усилием открыл глаза.

— Чего? — прошамшил он сиплым голосом.

— Где тут деревня близко? — спросил я.

Старик опять пустился жевать. Он меня не расслушал. Я повторил свой вопрос громче прежнего.

— Деревня?.. да тебе что надо?

— А вот от дождя укрыться.

— Чего?

— От дождя укрыться.

— Да! (Он почесал свой загорелый затылок.) Ну, ты, тово, ступай, — заговорил он вдруг, беспорядочно размахивая руками, — во… вот, как мимо леска пойдешь, — вот как пойдешь — тут те и будет дорога; ты ее-то брось, дорогу-то, да всё

направо забирай, всё забирай, всё забирай, всё забирай… Ну, там те и будет Ананьево. А то и в Ситовку пройдешь.

Я с трудом понимал старика. Усы ему мешали, да и язык плохо повиновался.

— Да ты откуда? — спросил я его.

— Чего?

— Откуда ты?

— Из Ананьева.

— Что ж ты тут делаешь?

— Чего?

— Что ты делаешь тут?

— А сторожем сижу.

— Да что ты стережешь?

— А горох.

Я не мог не рассмеяться.

— Да помилуй, сколько тебе лет?

— А бог знает.

— Чай, ты плохо видишь?

— Чего?

— Видишь плохо, чай?

— Плохо. Бывает так, что ничего не слышу.

— Так где ж тебе сторожем-то быть, помилуй?

— А про то старшие знают.

«Старшие!» — подумал я и не без сожаления поглядел на бедного старика. Он ощупался, достал

из-за пазухи кусок черствого хлеба и принялся сосать, как дитя с усилием втягивая и без того впалые щеки.

Я пошел в направлении леска, повернул направо, забирал, всё забирал, как мне советовал старик, и добрался, наконец, до большого села с каменной церковью в новом вкусе, то есть с колоннами, и обширным господским домом, тоже с колоннами. Еще издали, сквозь частую сетку дождя, заметил я избу с тесовой крышей и двумя трубами, повыше других, по всей вероятности, жилище старосты, куда я и направил шаги свои, в надежде найти у него самовар, чай, сахар и не совершенно кислые сливки. В сопровождении моей продрогшей собаки взошел я на крылечко, в сени, отворил дверь, но, вместо обыкновенных принадлежностей избы, увидал несколько столов, заваленных бумагами, два красных шкафа, забрызганные чернильницы, оловянные песочницы в пуд весу, длиннейшие перья и прочее. На одном из столов сидел малый лет двадцати с пухлым и болезненным лицом, крошечными глазками, жирным лбом и бесконечными виска-

ми.[70] Одет он был как следует, в серый нанковый кафтан с глянцем на воротнике и на желудке.

— Чего вам надобно? — спросил он меня, дернув кверху головою, как лошадь, которая не ожидала, что ее возьмут за морду.

— Здесь приказчик живет… или…

— Здесь главная господская контора, — перебил он меня. — Я вот дежурным сижу… Разве вы вывеску не видали? На то вывеска прибита.

— А где бы тут обсушиться? Самовар у кого-нибудь на деревне есть?

— Как не быть самоваров, — с важностью возразил малый в сером кафтане, — ступайте к отцу Тимофею, а не то в дворовую избу, а не то к Назару Тарасычу, а не то к Аграфене-птишнице.

— С кем ты это говоришь, болван ты этакой? спать не даешь, болван! — раздался голос из соседней комнаты.

— А вот господин какой-то зашел, спрашивает, где бы обсушиться.

— Какой там господин?

---

70 Примечания: 122

…малый лет двадцати ∞ жирным лбом и бесконечными висками. — Таким мог быть Левон Лобанов (1819-1888), дядя которого был не дворецким, а камердинером и буфетчиком, т. е. занимал довольно высокий «пост» в дворовой иерархии. Впоследствии Л. И. Лобанов сам занял место «управляющего Спасской домовой господ Тургеневых конторой» (ГАОО. Ф. 303. Ед. хр. 1. Л. 5 об.).

— А не знаю. С собакой и ружьем.

В соседней комнате заскрипела кровать. Дверь отворилась, и вошел человек лет пятидесяти, толстый, низкого росту, с бычачьей шеей, глазами навыкате, необыкновенно круглыми щеками и с лоском по всему лицу.[71]

— Чего вам угодно? — спросил он меня.

— Обсушиться.

— Здесь не место.

— Я не знал, что здесь контора; а впрочем, я готов заплатить…

— Оно, пожалуй, можно и здесь, — возразил толстяк, — вот, не угодно ли сюда. (Он повел меня в другую комнату, только не в ту, из которой вышел.) Хорошо ли здесь вам будет?

— Хорошо… А нельзя ли чаю со сливками?

— Извольте, сейчас. Вы пока извольте раздеться и отдохнуть, а чай сею минутою будет готов.

— А чье это именье?

— Госпожи Лосняковой, Елены Николаевны.

Он вышел. Я оглянулся. Вдоль перегородки,

---

71 Примечания: 123

…вошел человек лет пятидесяти, толстый, низкого росту ∞ с лоском по всему лицу — Тургенев представил в этом рассказе нескольких реальных лиц из числа дворовых людей своей матери. В образе главного конторщика Николая Еремеевича угадывается очень влиятельный конторщик Спасской домовой конторы Николай Яковлевич Серебряков (р. 1797), «пузатый, настоящий конторщик в форме», — писала о нем В. П. Тургенева сыну (ГПБ. Ф. 795. Ед. хр. 98. А. 117).

отделявшей мою комнату от конторы, стоял огромный кожаный диван; два стула, тоже кожаных, с высочайшими спинками, торчали по обеим сторонам единственного окна, выходившего на улицу. На стенах, оклеенных зелеными обоями с розовыми разводами, висели три огромные картины, писанные масляными красками. На одной изображена была легавая собака с голубым ошейником и надписью: «Вот моя отрада»; у ног собаки текла река, а на противоположном берегу реки под сосною сидел заяц непомерной величины, с приподнятым ухом. На другой картине два старика ели арбуз;[72] из-за арбуза виднелся в отдалении греческий портик с надписью: «Храм Удовлетворенья». На третьей картине представлена была полунагая женщина в лежачем положении en raccourci,* с красными коленями и очень толстыми пятками. Собака моя, нимало не медля, с сверхъестественными усилиями залезла под диван и, по-видимому,

---

72 Примечания: 124

На другой картине два старика ели арбуз… — Картина с изображением двух стариков, которые едят арбуз, висела в доме В. П. Тургеневой. В настоящее время находится в Государственном заповеднике Спасское-Лутовиново.

*** Примечания: ~ note_034 ~**

в уменьшенном виде (фр.). — Ред.

нашла там много пыли, потому что расчихалась страшно. Я подошел к окну. Через улицу от господского дома до конторы, в косвенном направлении, лежали доски: предосторожность весьма полезная, потому что кругом, благодаря нашей черноземной почве и продолжительному дождю, грязь была страшная. Около господской усадьбы, стоявшей к улице задом, происходило, что обыкновенно происходит около господских усадеб: девки в полинялых ситцевых платьях шныряли взад и вперед; дворовые люди брели по грязи, останавливались и задумчиво чесали свои спины; привязанная лошадь десятского лениво махала хвостом и, высоко задравши морду, глодала забор; курицы кудахтали; чахоточные индейки беспрестанно переклинивались. На крылечке темного и гнилого строения, вероятно, бани, сидел дюжий парень с гитарой и не без удали напевал известный романс:

Э-я фа пасатыню удаляюсь[73]
Ата прекарасаных седешенеха мест…
и проч.

---

73 Примечания: 125

…Э — я фа пасатыню удаляюсь… — Начальные слова романса «Я в пустыню удаляюсь». Текст приписывается М. В. Зубовой. Впервые опубликован в сборнике XVIII в. «Песенник, или Полное собрание старых и новых российских народных и прочих песен…». СПб., 1798. Ч. 2. № 6.

Толстяк вошел ко мне в комнату.

— Вот вам чай несут, — сказал он мне с приятной улыбкой.

Малый в сером кафтане, конторский дежурный, расположил на старом ломберном столе самовар, чайник, стакан с разбитым блюдечком, горшок сливок и связку болховских котелок,[74] твердых, как кремень. Толстяк вышел.

— Что это, — спросил я дежурного, — приказчик?

— Никак нет-с: был главным кассиром-с, а теперь в главные конторщики произведен.

— Да разве у вас нет приказчиков?

— Никак нет-с. Есть бурмистер, Михайла Викулов, а приказчика нету.

— Так управляющий есть?

— Как же, есть: немец, Линдамандол, Карло Карлыч — только он не распоряжается.

— Кто ж у вас распоряжается?

— Сама барыня.

— Вот как!.. Что ж, у вас в конторе много народу сидит?

Малый задумался.

---

74 Примечания: 126

...связку волховских котелок... — Волхов (известен с XVIII в.) — б. уездный город Орловской губ., ныне райцентр; котелки — крендели, сваренные в котле.

— Шесть человек сидит.

— Кто да кто? — спросил я.

— А вот кто: сначала будет Василий Николаевич, главный кассир; а то Петр конторщик, Петров брат Иван конторщик, другой Иван конторщик; Коскенкин[75] Наркизов, тоже конторщик, я вот, — да всех и не перечтешь.

— Чай, у вашей барыни дворни много?

— Нет, не то чтобы много…

— Однако сколько?

— Человек, пожалуй что, полтораста набежит.

Мы оба помолчали.

— Ну что ж, ты хорошо пишешь? — начал я опять.

Малый улыбнулся во весь рот, кивнул головой, сходил в контору и принес исписанный листок.

— Вот мое писанье, — промолвил он, не переставая улыбаться.

Я посмотрел; на четвертушке сероватой бумаги красивым и крупным почерком был написан следующий

ПРИКАЗ
ОТ ГЛАВНОЙ ГОСПОДСКОЙ ДОМОВОЙ АНАНЬЕВСКОЙ КОНТОРЫ

---

75 Примечания: 127
Коскенкин — старая народная форма имени Константин.

БУРМИСТРУ МИХАИЛЕ ВИКУЛОВУ, № 209.

К приказу была приложена огромная гербовая печать с надписью: «Печать главной господской ананьевской конторы», а внизу стояла приписка: «В точности исполнить. Елена Лоснякова».

— Это сама барыня приписала, что ли? — спросил я.

— Как же-с, сами: оне всегда сами. А то и приказ девствовать не может.

— Ну, что ж, вы бурмистру пошлете этот приказ?

— Нет-с. Сам придет да прочитает. То есть ему прочтут; он ведь грамоте у нас не знает. (Дежурный опять помолчал.) А что-с, — прибавил он, ухмыляясь, — ведь хорошо написано-с?

— Хорошо.

— Сочинял-то, признаться, не я. На то Коскенкин мастер.

— Как?.. Разве у вас приказы сперва сочиняются?

— А то как же-с? Не прямо же набело писать.

— А сколько ты жалованья получаешь? — спросил я.

— Тридцать пять рублев и пять рублев на сапоги.

— И ты доволен?

— Известно, доволен. В контору-то у нас не всякий попадает. Мне-то, признаться, сам бог велел: у меня дядюшка дворецким служит.

— И хорошо тебе?

— Хорошо-с. Правду сказать, — продолжал он со вздохом, — у купцов, например, то есть, нашему брату лучше. У купцов нашему брату оченно хорошо. Вот к нам вечор приехал купец из Венёва, — так мне его работник сказывал… Хорошо, неча сказать, хорошо.

— А что, разве купцы жалованья больше назначают?

— Сохрани бог! Да он тебя в шею прогонит, коли ты у него жалованья запросишь. Нет, ты у купца живи на веру да на страх. Он тебя и кормит, и поит, и одевает, и всё. Угодишь ему — еще больше даст..» Что твое жалованье! не надо его совсем… И живет-то купец по простоте, по-русскому, по-нашинскому: поедешь с ним в дорогу, — он пьет чай, и ты пей чай; что он кушает, то и ты кушай. Купец… как можно: купец не то, что барин. Купец не блажит; ну, осерчает — побьет, да и дело с концом. Не мозжит, не шпыняет… А с барином беда! Всё не по нем: и то нехорошо, и тем не угодил. Подашь ему стакан с водой или кушанье — «Ах, вода воняет! ах, кушанье воняет!» Вынесешь, за

дверью постоишь да принесешь опять — «Ну вот, теперь хорошо, ну вот, теперь не воняет». А уж барыни, скажу вам, а уж барыни что!.. или вот еще барышни!..

— Федюшка! — раздался голос толстяка в конторе.

Дежурный проворно вышел. Я допил стакан чаю, лег на диван и заснул. Я спал часа два.

Проснувшись, я хотел было подняться, да лень одолела; я закрыл глаза, но не заснул опять. За перегородкой в конторе тихонько разговаривали. Я невольно стал прислушиваться.

— Тэк-с, тэк-с, Николай Еремеич, — говорил один голос, — тэк-с. Эвтого нельзя в расчет не принять-с; нельзя-с, точно… Гм! (Говорящий кашлянул.)

— Уж поверьте мне, Гаврила Антоныч, — возразил голос толстяка, — уж мне ли не знать здешних порядков, сами посудите.

— Кому же и знать, Николай Еремеич: вы здесь, можно сказать, первое лицо-с. Ну, так как же-с? — продолжал незнакомый мне голос, — чем же мы порешим, Николай Еремеич? Позвольте полюбопытствовать.

— Да чем порешим, Гаврила Антоныч? От вас, так сказать, дело зависит: вы, кажется, не охот-

ствуете.

— Помилуйте, Николай Еремеич, что вы-с? Наше дело торговое, купецкое; наше дело купить. Мы на том стоим, Николай Еремеич, можно сказать.

— Восемь рублей, — проговорил с расстановкою толстяк.

Послышался вздох.

— Николай Еремеич, больно много просить изволите.

— Нельзя, Гаврила Антоныч, иначе поступить; как перед господом богом говорю, нельзя.

Наступило молчание.

Я тихонько приподнялся и посмотрел сквозь трещину в перегородке. Толстяк сидел ко мне спиной. К нему лицом сидел купец, лет сорока, сухощавый и бледный, словно вымазанный постным маслом. Он беспрестанно шевелил у себя в бороде и очень проворно моргал глазами и губами подергивал.

— Удивительные, можно сказать, зеленя в нынешнем году-с, — заговорил он опять, — я всё ехал да любовался. От самого Воронежа удивительные пошли, первый сорт-с, можно сказать.

— Точно, зеленя недурны, — отвечал главный конторщик, — да ведь вы знаете, Гаврила Анто-

ныч, осень всклочет, а как весна захочет.

— Действительно так, Николай Еремеич: всё в божьей воле; совершенную истину изволили сказать… А никак ваш гость-то проснулся-с.

Толстяк обернулся… прислушался…

— Нет, спит. А впрочем, можно, того…

Он подошел к двери.

— Нет, спит, — повторил он и вернулся на место.

— Ну, так как же, Николай Еремеич? — начал опять купец, — надо дельце-то покончить… Так уж и быть, Николай Еремеич, так уж и быть, — продолжал он, беспрерывно моргая, — две сереньких и беленькую вашей милости,[76] а там (он кивнул головой на барский двор) шесть с полтиною. По рукам, что ли?

— Четыре сереньких, — отвечал приказчик.

— Ну, три!

— Четыре сереньких без беленькой.

— Три, Николай Еремеич.

— С половиной три и уж ни копейки меньше.

— Три, Николай Еремеич.

— И не говорите, Гаврила Антоныч.

— Экой несговорчивый какой, — пробормотал

---

76 Примечания: 128

…две сереньких и беленькую вашей милости… — Бытовые названия ассигнаций по их цвету: серенькая — 50 рублей; беленькая — 25 рублей.

купец. — Этак я лучше сам с барыней покончу.

— Как хотите, — отвечал толстяк, — давно бы так. Что, в самом деле, вам беспокоиться?.. И гораздо лучше!

— Ну, полно, полно, Николай Еремеич. Уж сейчас и рассердился! Я ведь эфто так сказал.

— Нет, что ж в самом деле…

— Полно же, говорят… Говорят, пошутил. Ну, возьми свои три с половиной, что с тобой будешь делать.

— Четыре бы взять следовало, да я, дурак, поторопился, — проворчал толстяк.

— Так там, в доме-то, шесть с половиною-с, Николай Еремеич, — за шесть с половиной хлеб отдается?

— Шесть с половиной, уж сказано.

— Ну, так по рукам, Николай Еремеич (купец ударил своими растопыренными пальцами по ладони конторщика). И с богом! (Купец встал.) Так я, батюшка Николай Еремеич, теперь пойду к барыне-с и об себе доложить велю-с, и так уж я и скажу: Николай Еремеич, дескать, за шесть с полтиною-с порешили-с.

— Так и скажите, Гаврила Антоныч.

— А теперь извольте получить.

Купец вручил приказчику небольшую пачку

бумаги, поклонился, тряхнул головой, взял свою шляпу двумя пальчиками, передернул плечами, придал своему стану волнообразное движение и вышел, прилично поскрипывая сапожками. Николай Еремеич подошел к стене и, сколько я мог заметить, начал разбирать бумаги, врученные купцом. Из двери высунулась рыжая голова с густыми бакенбардами.

— Ну, что? — спросила голова, — всё как следует?

— Всё как следует.

— Сколько?

Толстяк с досадой махнул рукой и указал на мою комнату.

— А, хорошо! — возразила голова и скрылась.

Толстяк подошел к столу, сел, раскрыл книгу, достал счеты и начал откидывать и прикидывать костяшки, действуя не указательным, но третьим пальцем правой руки: оно приличнее.

Вошел дежурный.

— Что тебе?

— Сидор приехал из Голоплёк.

— А! ну, позови его. Постой, постой… Поди сперва посмотри, что тоту чужой-то барин, спит всё или проснулся.

Дежурный осторожно вошел ко мне в комнату.

Я положил голову на ягдташ, заменявший мне подушку, и закрыл глаза.

— Спит, — прошептал дежурный, вернувшись в контору.

Толстяк поворчал сквозь зубы.

— Ну, позови Сидора, — промолвил он наконец.

Я снова приподнялся. Вошел мужик огромного роста, лет тридцати, здоровый, краснощекий, с русыми волосами и небольшой курчавой бородой. Он помолился на образ, поклонился главному конторщику, взял свою шляпу в обе руки и выпрямился.

— Здравствуй, Сидор, — проговорил толстяк, постукивая счетами.

— Здравствуйте, Николай Еремеич.

— Ну, что, какова дорога?

— Хороша, Николай Еремеич. Грязновата маленько. (Мужик говорил нескоро и негромко.)

— Жена здорова?

— Что ей деется!

Мужик вздохнул и ногу выставил. Николай Еремеич заложил перо за ухо и высморкнулся.

— Что ж, зачем приехал? — продолжал он спрашивать, укладывая клетчатый платок в карман.

— Да слышь, Николай Еремеич, с нас плотни-

ков требуют.

— Ну, что ж, нет их у вас, что ли?

— Как им не быть у нас, Николай Еремеич: дача лесная — известно. Да пора-то рабочая, Николай Еремеич.

— Рабочая пора! То-то, вы охотники на чужих работать, а на свою госпожу работать не любите… Всё едино!

— Работа-то всё едино, точно, Николай Еремеич… да что…

— Ну?

— Плата больно… того…

— Мало чего нет! Вишь, как вы избаловались. Поди ты!

— Да и то сказать, Николай Еремеич, работы-то всего на неделю будет, а продержат месяц. То материалу не хватит, а то и в сад пошлют дорожки чистить.

— Мало ли чего нет! Сама барыня приказать изволила, так тут нам с тобой рассуждать нечего.

Сидор замолчал и начал переступать с ноги на ногу.

Николай Еремеич скрутил голову набок и усердно застучал костяшками.

— Наши… мужики… Николай Еремеич… — заговорил, наконец, Сидор, запинаясь на каждом

слове, — приказали вашей милости… вот тут… будет… (Он запустил свою ручищу за пазуху армяка и начал вытаскивать оттуда свернутое полотенце с красными разводами.)

— Что ты, что ты, дурак, с ума сошел, что ли? — поспешно перебил его толстяк. — Ступай, ступай ко мне в избу, — продолжал он, почти выталкивая изумленного мужика, — там спроси жену… она тебе чаю даст, я сейчас приду, ступай. Да, небось, говорят, ступай.

Сидор вышел вон.

— Экой… медведь! — пробормотал ему вслед главный конторщик, покачал головой и снова принялся за счеты.

Вдруг крики: «Купря! Купря! Купрю не сшибешь!» — раздались на улице и на крыльце, и немного спустя вошел в контору человек низенького роста, чахоточный на вид, с необыкновенно длинным носом, большими неподвижными глазами и весьма горделивой осанкой. Одет он был в старенький, изорванный сюртук цвета аделаида,[77] или, как у нас говорится, оделлоида, с плисовым воротником и крошечными пугов-

---

77 Примечания: 129

…цвета аделаида… — т. е. темно-синего цвета. Об этом и других случаях употребления в русской литературе такого обозначения для темно-синего цвета пишет М. П. Алексеев. См.: *Т. сб. III.* С. 169-170.

ками. Он нес связку дров за плечами. Около него толпилось человек пять дворовых людей, и все кричали: «Купря! Купрю не сшибешь! В истопники Купрю произвели, в истопники!» Но человек в сюртуке с плисовым воротником не обращал ни малейшего внимания на буйство своих товарищей и нисколько не изменялся в лице. Мерными шагами дошел он до печки, сбросил свою ношу, приподнялся, достал из заднего кармана табакерку, вытаращил глаза и начал набивать себе в нос тертый донник, смешанный с золой.

При входе шумливой ватаги толстяк нахмурил было брови и поднялся с места; но, увидав в чем дело, улыбнулся и только велел не кричать: в соседней, дескать, комнате охотник спит.

— Какой охотник? — спросили человека два в один голос.

— Помещик.

— А!

— Пускай шумят, — заговорил, растопыря руки, человек с плисовым воротником, — мне что за дело! Лишь бы меня не трогали. В истопники меня произвели…

— В истопники! в истопники! — радостно подхватила толпа.

— Барыня приказала, — продолжал он, пожав

плечами, — а вы погодите… вас еще в свинопасы произведут. А что я портной, и хороший портной, у первых мастеров в Москве обучался и на енаралов шил… этого у меня никто не отнимет. А вы чего храбритесь?.. чего? Из господской власти вышли, что ли? Вы дармоеды, тунеядцы, больше ничего. Меня отпусти на волю — я с голоду не умру, я не пропаду; дай мне пашпорт — я оброк хороший взнесу и господ удовлетворю. А вы что? Пропадете, пропадете, словно мухи, вот и всё!

— Вот и соврал, — перебил его парень, рябой и белобрысый, с красным галстухом и разорванными локтями, — ты и по пашпорту ходил, да от тебя копейки оброку господа не видали, и себе гроша не заработал: насилу ноги домой приволок, да с тех пор всё в одном кафтанишке живешь.

— А что будешь делать, Константин Наркизыч! — возразил Куприян, — влюбился человек — и пропал, и погиб человек. Ты сперва с мое поживи, Константин Наркизыч, а тогда уже и осуждай меня.

— И в кого нашел влюбиться! в урода сущего!

— Нет, этого ты не говори. Константин Наркизыч.

— Да кого ты уверяешь? Ведь я ее видел; в прошлом году, в Москве, своими глазами видел.

— В прошлом году она действительно попортилась маленько, — заметил Куприян.

— Нет, господа, что, — заговорил презрительным и небрежным голосом человек высокого роста, худощавый, с лицом, усеянным прыщами, завитый и намасленный, должно быть, камердинер,[78] — вот пускай нам Куприян Афанасьич свою песенку споет. Нут-ка, начните, Куприян Афанасьич!

— Да, да! — подхватили другие. — Ай да Александра! подкузьмила Купрю, неча сказать… Пой, Купря!.. Молодца, Александра! (Дворовые люди часто, для большей нежности, говоря о мужчине, употребляют женские окончания.) Пой!

— Здесь не место петь, — с твердостию возразил Куприян, — здесь господская контора.

— Да тебе-то что за дело? Чай, в конторщики сам метишь! — с грубым смехом отвечал Константин. — Должно быть!

---

78 Примечания: 130

…человек высокого роста, худощавый ∞ должно быть, камердинер… — По всей вероятности, прототип этого персонажа — известный в Спасском Алексашка Серебряков, сын конторщика Н. Я. Серебрякова. По многим признакам его можно считать и прототипом героя рассказа «Свидание». Некоторое время Алексашка был камердинером у Тургенева. В. П. Тургенева писала сыну: «…тебе Алексашка не нужен. Отец его думал, что он у дяди будет наследником (т. е. «секретарем» у барыни, как его дядя Л. Я. Серебряков, первый учитель прусской грамоты Ивана Тургенева. — *Ред.*). Все вышло вздор. И он, будучи на свободе, будет болтаться с места в место» *(ГПБ.* Ф. 795. Ед. хр. 91. Л. 392).

— Всё в господской власти состоит, — заметил бедняк.

— Вишь, вишь, куда метит, вишь, каков? у! у! а!

И все расхохотались, иные запрыгали. Громче всех заливался один мальчишка лет пятнадцати, вероятно, сын аристократа между дворней: он носил жилет с бронзовыми пуговицами, галстух лилового цвета и брюшко уже успел отрастить.

— А послушай-ка, признайся, Купря, — самодовольно заговорил Николай Еремеич, видимо распотешенный и разнеженный, — ведь плохо в истопниках-то? Пустое, чай, дело вовсе?

— Да что, Николай Еремеич. — заговорил Куприян, — вот вы теперь главным у нас конторщиком, точно; спору в том, точно, нету; а ведь и вы под опалой находились и в мужицкой избе тоже пожили.

— Ты смотри у меня, однако, не забывайся, — с запальчивостью перебил его толстяк, — с тобой, дураком, шутят; тебе бы, дураку, чувствовать следовало и благодарить, что с тобой, дураком, занимаются.

— К слову пришлось, Николай Еремеич, извините…

— То-то же к слову.

Дверь растворилась, и вбежал казачок.

— Николай Еремеич, барыня вас к себе требует.

— Кто у барыни? — спросил он казачка.

— Аксинья Никитишна и купец из Венёва.

— Сею минутою явлюся. А вы, братцы, — продолжал он убедительным голосом, — ступайте-ка лучше отсюда вон с новопожалованным истопником-то: неравно немец забежит, как раз нажалуется.

Толстяк поправил у себя на голове волосы, кашлянул в руку, почти совершенно закрытую рукавом сюртука, застегнулся и отправился к барыне, широко расставляя на ходу ноги. Погодя немного и вся ватага поплелась за ним вместе с Купрей. Остался один мой старый знакомый, дежурный. Он принялся было чинить перья, да сидя и заснул. Несколько мух тотчас воспользовались счастливым случаем и облепили ему рот. Комар сел ему на лоб, правильно расставил свои ножки и медленно погрузил в его мягкое тело всё свое жало. Прежняя рыжая голова с бакенбардами снова показалась из-за двери, поглядела, поглядела и вошла в контору вместе с своим довольно некрасивым туловищем.

— Федюшка! а Федюшка! вечно спишь! — про-

говорила голова.

Дежурный открыл глаза и встал со стула.

— Николай Еремеич к барыне пошел?

— К барыне пошел, Василий Николаич.

«А! а! — подумал я, — вот он — главный кассир».

Главный кассир начал ходить по комнате. Впрочем, он более крался, чем ходил, и таки вообще смахивал на кошку. На плечах его болтался старый черный фрак, с очень узкими фалдами; одну руку он держал на груди, а другой беспрестанно брался за свой высокий и тесный галстух из конского волоса и с напряжением вертел головой. Сапоги носил он козловые, без скрыпу, и выступал очень мягко.

— Сегодня Ягушкин помещик вас спрашивал, — прибавил дежурный.

— Гм, спрашивал? Что ж он такое говорил?

— Говорил, что, дескать, к Тютюреву вечером заедет и вас будет ждать. Нужно, дескать, мне с Васильем Николаичем об одном деле переговорить, а о каком деле — не сказывал: уж Василий Николаич, говорит, знает.

— Гм! — возразил главный кассир и подошел к окну.

— Что, Николай Еремеев в конторе? — раздался

в сенях громкий голос, и человек высокого роста, видимо рассерженный, с лицом неправильным, но выразительным и смелым, довольно опрятно одетый, шагнул через порог.

— Нет его здесь? — спросил он, быстро глянув кругом.

— Николай Еремеич у барыни, — отвечал кассир. — Что вам надобно, скажите мне, Павел Андреич: вы мне можете сказать… Вы чего хотите?

— Чего я хочу? Вы хотите знать, чего я хочу? (Кассир болезненно кивнул головой.) Проучить я его хочу, брюхача негодного, наушника подлого… Я ему дам наушничать!

Павел бросился на стул.

— Что вы, что вы, Павел Андреич? Успокойтесь… Как вам не стыдно? Вы не забудьте, про кого вы говорите, Павел Андреич! — залепетал кассир.

— Про кого? А мне что за дело, что его в главные конторщики пожаловали! Вот, нечего сказать, нашли кого пожаловать. Вот уж точно, можно сказать, пустили козла в огород!

— Полноте, полноте, Павел Андреич, полноте! Бросьте это… что за пустяки такие?

— Ну, Лиса Патрикевна, пошла хвостом ви-

лять!.. Я его дождусь, — с сердцем проговорил Павел и ударил рукой по столу. — А, да вот он и жалует, — прибавил он, взглянув в окошко, — легок на помине. Милости просим! (Он встал.)

Николай Еремеев вошел в контору. Лицо его сияло удовольствием, но при виде Павла он несколько смутился.

— Здравствуйте, Николай Еремеич, — значительно проговорил Павел, медленно подвигаясь к нему навстречу, — здравствуйте.

Главный конторщик не отвечал ничего. В дверях показалось лицо купца.

— Что ж вы мне не изволите отвечать? — продолжал Павел. — Впрочем, нет… нет, — прибавил он, — этак не дело; криком да бранью ничего не возьмешь. Нет, вы мне лучше добром скажите, Николай Еремеич, за что вы меня преследуете? за что вы меня погубить хотите? Ну, говорите же, говорите.

— Здесь не место с вами объясняться, — не без волнения возразил главный конторщик, — да и не время. Только я, признаюсь, одному удивляюсь: с чего вы взяли, что я вас погубить желаю или преследую? Да и как, наконец, могу я вас преследовать? Вы не у меня в конторе состоите.

— Еще бы, — отвечал Павел, — этого бы только

недоставало. Но зачем же вы притворяетесь, Николай Еремеич?.. Ведь вы меня понимаете.

— Нет, не понимаю.

— Нет, понимаете.

— Нет, ей-богу, не понимаю.

— Еще божитесь! Да уж коли на то пошло, скажите: ну, не боитесь вы бога! Ну, за что вы бедной девке жить не даете?[79] Что вам надобно от нее?

— Вы о ком говорите, Павел Андреич? — с притворным изумлением спросил толстяк.

— Эка! не знает небось? Я об Татьяне говорю. Побойтесь бога, — за что мстите? Стыдитесь: вы человек женатый, дети у вас с меня уже ростом, а я не что другое... я жениться хочу: я по чести поступаю.

— Чем же я тут виноват, Павел Андреич? Ба-

---

79 Примечания: 131

...вы мне лучше добром скажите ∞ за что вы меня преследуете? ∞ за что вы бедной девке жить не даете? — Павел — обобщенный образ крепостного интеллигента, подвергавшегося издевательствам барыни и ее приспешников. Одним из прототипов его послужил спасский слуга-интеллигент (с тем же именем — Павел Андреевич), бывший дядька Тургенева, грамотный человек, побывавший за границей. Но основным прототипом героя из рассказа «Контора» был Порфирий Кудряшов, в жизни которого случилось нечто похожее. 11 июня 1843 г. В. П. Тургенева писала сыну в Петербург: «Ты знаешь, что Порфирий имел связь с костеляншей <...> Наконец это стало выходить из благопристойности, скандалезно стало. А как я ему говорю, что не отдам ее за него, она ему не невеста, дурища. Наконец, при одной мне жалобе от начальства, я его призываю, говорю ему, что ежели он меня не слушается, то верно мне служить не хочет, что я принуждена буду его лишиться <...> Два дня спустя входит он бледен, с письмом в руках.

Положил и вышел. Что же? Пишет, что он не хочет мне служить, потому что я неблагодарна за его 15-летние услуги. Что он хочет переменить род жизни; чтобы я его отпустила на волю. Что — ему дурно у меня; он читал Пушкина, видно. Письмо полетело ему в рожу» (Там же, Л. 303).

рыня вам жениться не позволяет: ее господская воля? Я-то тут что?

— Вы что? А вы с этой старой ведьмой, с ключницей, не стакнулись небось? Небось не наушничаете, а? Скажите, не взводите на беззащитную девку всякую небылицу? Небось не по вашей милости ее из прачек в судомойки произвели! И бьют-то ее и в затрапезе держат не по вашей милости?.. Стыдитесь, стыдитесь, старый вы человек! Ведь вас паралич того и гляди разобьет… Богу отвечать придется.

— Ругайтесь, Павел Андреич, ругайтесь… Долго ли вам придется ругаться-то!

Павел вспыхнул.

— Что? грозить мне вздумал? — с сердцем заговорил он. — Ты думаешь, я тебя боюсь? Нет, брат, не на того наткнулся! Чего мне бояться?.. Я везде себе хлеб сыщу. Вот ты — другое дело! Тебе только здесь и жить, да наушничать, да воровать…

— Ведь вот как зазнался, — перебил его конторщик, который тоже начинал терять терпение, — фершел, просто фершел, лекаришка пустой; а послушай-ка его, — фу ты, какая важная особа!

— Да, фершел, а без этого фершела ваша милость теперь бы на кладбище гнила… И дернула же меня нелегкая его вылечить, — прибавил он

сквозь зубы.

— Ты меня вылечил?.. Нет, ты меня отравить хотел; ты меня сабуром опоил,[80] — подхватил конторщик.

— Что ж, коли на тебя, кроме сабура, ничего действовать не могло?

— Сабур врачебной управой запрещен, — продолжал Николай, — я еще на тебя пожалуюсь. Ты уморить меня хотел — вот что! Да господь не допустил.

— Полно вам, полно, господа… — начал было кассир.

— Отстань! — крикнул конторщик. — Он меня отравить хотел! Понимаешь ты эфто?

— Очень нужно мне… Слушай, Николай Еремеев, — заговорил Павел с отчаянием, — в последний раз тебя прошу… вынудил ты меня — невтерпеж мне становится. Оставь нас в покое, понимаешь? А то, ей-богу, несдобровать кому-нибудь из нас, я тебе говорю.

Толстяк расходился.

— Я тебя не боюсь, — закричал он, — слышишь ли ты, молокосос! Я и с отцом твоим справился, я и ему рога сломил, — тебе пример, смотри!

---

80 Примечания: 132

…ты меня сабуром опоил… — Сабур — растение алоэ. Его сгущенный сок употребляется как лекарство. В больших дозах ядовит.

— Не напоминай мне про отца, Николай Еремеев, не напоминай!

— Вона! ты что мне за уставщик?

— Говорят тебе, не напоминай!

— А тебе говорят, не забывайся… Как ты там барыне, по-твоему, ни нужен, а коли из нас двух ей придется выбирать, — не удержишься ты, голубчик! Бунтовать никому не позволяется, смотри! (Павел дрожал от бешенства.) А девке Татьяне поделом… Погоди, не то ей еще будет!

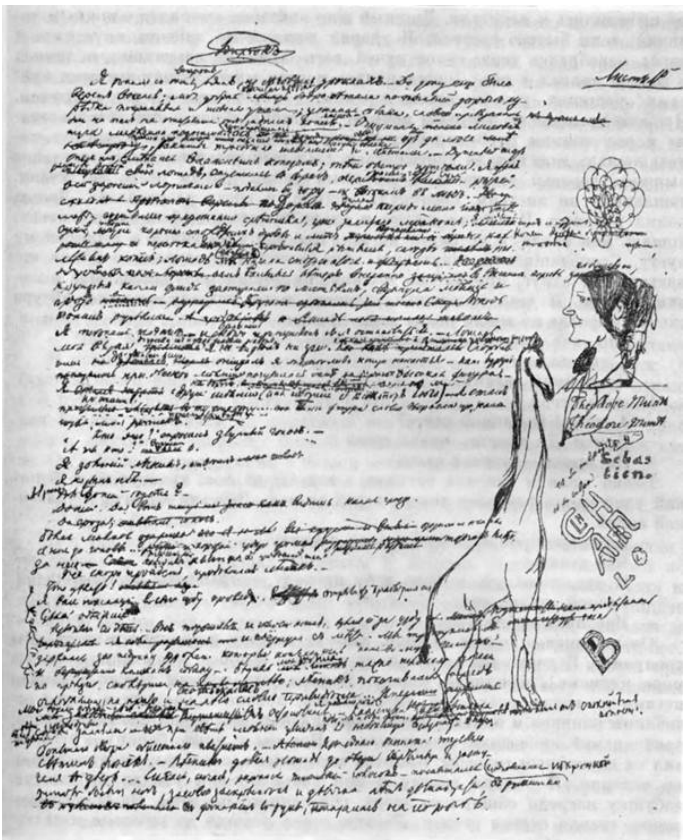
Павел кинулся вперед с поднятыми руками, а конторщик тяжко покатился на пол.

— В кандалы его, в кандалы, — застонал Николай Еремеев…

Конца этой сцены я не берусь описывать; я и так боюсь, не оскорбил ли я чувства читателя.

В тот же день я вернулся домой. Неделю спустя я узнал, что госпожа Лоснякова оставила и Павла и Николая у себя в услужении, а девку Татьяну сослала: видно, не понадобилась.

БИРЮК


The More Must Know
Sebastiano

«Бирюк».
Черновой автограф

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому еще было верст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колес. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперед с трудом. Дрожки прыгали по твердым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рытвины — следы тележных колес; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась.

Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принужден был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! Вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза…

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдет, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошел к голове лошади, взял ее за узду

и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок»,[81] и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжко шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрыпела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидал небольшую избушку посреди обширного двора, обнесенного плетнем. Из одного окошечка тускло светил огонек. Лесник довел лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сичас, сичас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрыпел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покромкой,[82] с фонарем в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

---

81 Примечания: 133

…«как в море челнок»… — Цитата из стихотворения Лермонтова «Три пальмы».

82 Примечания: 134

…девочка ∞ оподпоясанная покромкой… — Покромка — кромка, крайняя полоса, продольный край ткани.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружье, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребенок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошел к столу и зажег светильню.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось ви-

деть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядели небольшие карие глаза. Он слегка уперся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк.*

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись как огня. По их словам, не бывало еще на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силен, дескать, и ловок как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идет. Уж не раз добрые люди его

*** Примечания: ~ note_035 ~**

Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый.

сжить со свету собирались, да нет — не дается».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слыхал про тебя. Говорят, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет… да… умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнес он с жестокой улыбкой. Девочка потупилась; ребенок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке. — На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку запачканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребенка. Он подошел к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — нашего хлеба

есть не станете, а у меня окромя хлеба…

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету… Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне еще печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; ее голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, еще более понурив свое печальное личико.

Лесник вошел и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчанья, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружье и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят… У Кобыльего Верху* дерево рубят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

*** Примечания: ~ note_036 ~**

«Ве́рхом» называется в Орловской губернии овраг.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении еще толпились тяжелые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где темно-синее небо, звездочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождем и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во… вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — вишь какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листьев. Бирюк вывел лошадь из-под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду… хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдемте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушиваться к стуку топора. «Вишь, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновенье — мерные удары ясно

достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался…

— Повалил… — пробормотал Бирюк.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались, наконец, из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружье кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки: топор осторожно стучал по сучьям, колеса скрыпели, лошадь фыркала… «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи… Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдешь…» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошел. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидал мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным

ходом.[83] Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс. «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. «Зачем ему пропадать!» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились, Я шел позади… Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошаденку посреди двора, ввел мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эк его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придется. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да вишь, засов…

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Би-

---

83 Примечания: 135

Дрянная лошаденка ∞ вместе с тележным ходом. — Тележный ход — телега со снятым кузовом (при перевозке длинномерных грузов).

рюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово, во что бы то ни стало, освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие желтые брови, беспокойные глаза, худые члены… Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу… дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а, Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти… с голодухи… отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик, — приказчик… разорены, во как… отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич… не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал

головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаяньем, — отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи… детки пищат, сам знаешь. Круто, во как, приходится,

— А ты всё-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, — продолжал мужик, — лошаденку-то, хоть ее-то… один живот и есть… отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того… отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился… Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищурив глаза и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей…»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошел, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, вверь!

— Ах ты… да я тебя!..

— А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети — околевай всё… А до тебя, погоди, доберемся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей… (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я, — оставь его… бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Всё едино — околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету… Да постой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо… Я бросился на

помощь мужику…

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдернул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своей лошадью! — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня…

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

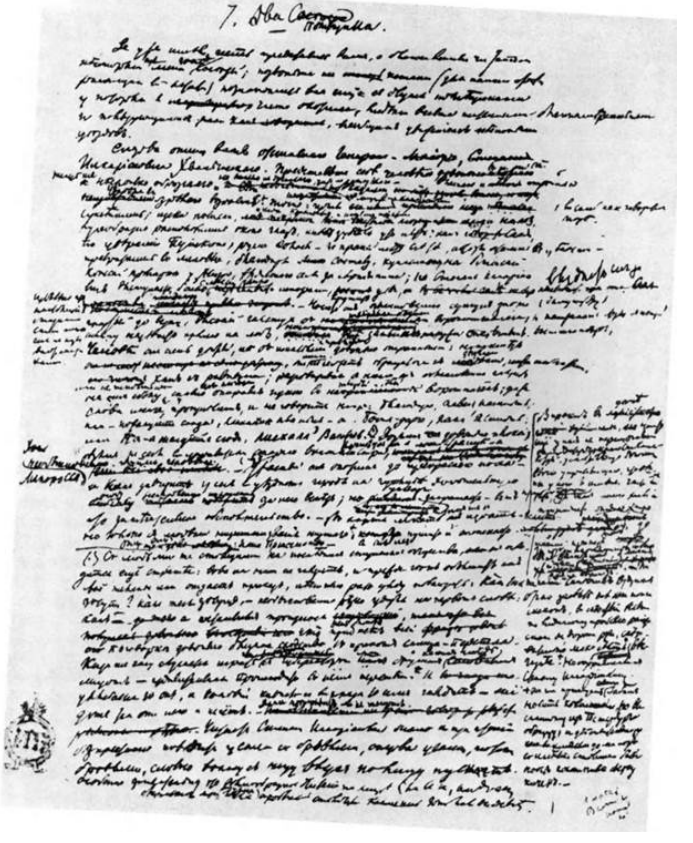
— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать, дождика-то вам не переждать…

На дворе застучали колеса мужицкой телеги.

— Вишь, поплелся! — пробормотал он, — да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

ДВА ПОМЕЩИКА



«Два помещика».
Черновой автограф. ГПБ

Я уже имел честь представить вам, благосклонные читатели, некоторых моих господ соседей; позвольте же мне теперь, кстати (для нашего брата писателя всё кстати), познакомить вас еще с двумя помещиками, у которых я часто охотился, с людьми весьма почтенными, благонамеренными и пользующимися всеобщим уважением нескольких уездов.

Сперва опишу вам отставного генерал-майора Вячеслава Илларионовича Хвалынского. Представьте себе человека высокого и когда-то стройного, теперь же несколько обрюзглого, но вовсе не дряхлого, даже не устарелого, человека в зрелом возрасте, в самой, как говорится, поре. Правда, некогда правильные и теперь еще приятные черты лица его немного изменились, щеки повисли, частые морщины лучеобразно расположились около глаз, иных зубов уже нет, как сказал Саади, по уверению Пушкина[84] русые волосы, по крайней мере все те, которые остались в целости, превратились в лиловые благодаря со-

84 Примечания: 136
…иных зубов уже нет, как сказал Саади, по уверению Пушкина… — Тургенев перефразирует строки из последней строфы восьмой главы «Евгения Онегина».

ставу, купленному на Роменской конной ярмарке у жида, выдававшего себя за армянина; но Вячеслав Илларионович выступает бойко, смеется звонко, позвякивает шпорами, крутит усы, наконец называет себя старым кавалеристом, между тем как известно, что настоящие старики сами никогда себя не называют стариками. Носит он обыкновенно сюртук, застегнутый доверху, высокий галстух с накрахмаленными воротничками и панталоны серые с искрой, военного покроя; шляпу же надевает прямо на лоб, оставляя весь затылок наружи. Человек он очень добрый, но с понятиями и привычками довольно странными. Например: он никак не может обращаться с дворянами небогатыми или нечиновными, как с равными себе людьми. Разговаривая с ними, он обыкновенно глядит на них сбоку, сильно опираясь щекою в твердый и 6елый воротник, или вдруг возьмет да озарит их ясным и неподвижным взором, помолчит и двинет всею кожей под волосами на голове; даже слова иначе произносит и не говорит, например: «Благодарю, Павел Васильич», или: «Пожалуйте сюда, Михайло Иваныч», а: «Боллдарю, Палл Асилич», или: «Па-ажалте сюда, Михал Ваныч». С людьми же, стоящими на низших ступенях общества, он обходится еще

страннее: вовсе на них не глядит и, прежде чем объяснит им свое желание или отдаст приказ, несколько раз сряду, с озабоченным и мечтательным видом, повторит: «Как тебя зовут?.. как тебя зовут?», ударяя необыкновенно резко на первом слове «как», а остальные произнося очень быстро, что придает всей поговорке довольно близкое сходство с криком самца-перепела. Хлопотун он и жила страшный, а хозяин плохой: взял к себе в управители отставного вахмистра, малоросса, необыкновенно глупого человека. Впрочем, в деле хозяйничества никто у нас еще не перещеголял одного петербургского важного чиновника, который, усмотрев из донесений своего приказчика, что овины у него в имении часто подвергаются пожарам, отчего много хлеба пропадает, — отдал строжайший приказ: вперед до тех пор не сажать снопов в овин, пока огонь совершенно не погаснет. Тот же самый сановник вздумал было засеять все свои поля маком, вследствие весьма, по-видимому, простого расчета: мак, дескать, дороже ржи, следовательно сеять мак выгоднее. Он же приказал своим крепостным бабам носить кокошники по высланному из Петербурга образцу; и действительно, до сих пор в имениях его бабы носят кокошники…

только сверху кичек... Но возвратимся к Вячеславу Илларионовичу. Вячеслав Илларионович ужасный охотник до прекрасного пола и, как только увидит у себя в уездном городе на бульваре хорошенькую особу, немедленно пустится за нею вслед, но тотчас же и захромает, — вот что замечательное обстоятельство. В карты играть он любит, но только с людьми звания низшего; они-то ему: «Ваше превосходительство», а он-то их пушит и распекает, сколько душе его угодно. Когда ж ему случится играть с губернатором или с каким-нибудь чиновным лицом — удивительная происходит в нем перемена: и улыбается-то он, и головой кивает, и в глаза-то им глядит — медом так от него и несет... Даже проигрывает и не жалуется. Читает Вячеслав Илларионыч мало, при чтении беспрестанно поводит усами и бровями, сперва усами, потом бровями, словно волну снизу вверх по лицу пускает. Особенно замечательно это волнообразное движение на лице Вячеслава Илларионыча, когда ему случается (при гостях, разумеется) пробегать столбцы «Journal des Debats».[85] На выборах играет он роль довольно значительную, но от почетного звания

85 Примечания: 137

«*Journal des Debats*» — ежедневная парижская газета, выходившая в 1780-1895 гг.

предводителя по скупости отказывается. «Господа, — говорит он обыкновенно приступающим к нему дворянам, и говорит голосом, исполненным покровительства и самостоятельности, — много благодарен за честь; но я решился посвятить свой досуг уединению». И, сказавши эти слова, поведет головой несколько раз направо и налево, а потом с достоинством наляжет подбородком и щеками на галстух. Состоял он в молодые годы адъютантом у какого-то значительного лица, которого иначе и не называет как по имени и по отчеству; говорят, будто бы он принимал на себя не одни адъютантские обязанности, будто бы, например, облачившись в полную парадную форму и даже застегнув крючки, парил своего начальника в бане — да не всякому слуху можно верить. Впрочем, и сам генерал Хвалынский о своем служебном поприще не любит говорить, что вообще довольно странно; на войне он тоже, кажется, не бывал. Живет генерал Хвалынский в небольшом домике, один; супружеского счастья он в своей жизни не испытал и потому до сих пор еще считается женихом, и даже выгодным женихом. Зато ключница у него, женщина лет тридцати пяти, черноглазая, чернобровая, полная, свежая и с усами, но буднишним дням ходит

в накрахмаленных платьях, а по воскресеньям и кисейные рукава надевает. Хорош бывает Вячеслав Илларионович на больших званых обедах, даваемых помещиками в честь губернаторов и других властей: тут он, можно сказать, совершенно в своей тарелке. Сидит он обыкновенно в таких случаях если не по правую руку губернатора, то и не в далеком от него расстоянии; в начале обеда более придерживается чувства собственного достоинства и, закинувшись назад, но не оборачивая головы, сбоку пускает взор вниз по круглым затылкам и стоячим воротникам гостей; зато к концу стола развеселяется, начинает улыбаться во все стороны (в направлении губернатора он с начала обеда улыбался), а иногда даже предлагает тост в честь прекрасного пола, украшения нашей планеты, по его словам. Также недурен генерал Хвалынский на всех торжественных и публичных актах, экзаменах, собраньях и выставках; под благословение тоже подходить мастер. На разъездах, переправах и в других тому подобных местах люди Вячеслава Илларионыча не шумят и не кричат; напротив, раздвигая народ или вызывая карету, говорят приятным горловым баритоном: «Позвольте, позвольте, дайте генералу Хвалынскому пройти», или: «Генерала

Хвалынского экипаж...» Экипаж, правда, у Хвалынского формы довольно старинной; на лакеях ливрея довольно потертая (о том, что она серая с красными выпушками, кажется, едва ли нужно упомянуть); лошади тоже довольно пожили и послужили на своем веку, но на щегольство Вячеслав Илларионыч притязаний не имеет и не считает даже званию своему приличным пускать пыль в глаза. Особенным даром слова Хвалынский не владеет или, может быть, не имеет случая выказать свое красноречие, потому что не только спора, но вообще возраженья не терпит и всяких длинных разговоров, особенно с молодыми людьми, тщательно избегает. Оно действительно вернее; а то с нынешним народом беда: как раз из повиновения выйдет и уважение потеряет. Перед лицами высшими Хвалынский большей частью безмолвствует, а к лицам низшим, которых, по-видимому, презирает, но с которыми только и знается, держит речи отрывистые и резкие, беспрестанно употребляя выраженья, подобные следующим. «Это, однако, вы пус-тяки говорите»; или; «Я наконец вынужденным нахожусь, милосвый сдарь мой, вам поставить на вид»; или: «Наконец вы должны, однако же, знать, с кем имеете дело», и пр. Особенно боятся

его почтмейстеры, непременные заседатели и станционные смотрители. Дома он у себя никого не принимает и живет, как слышно, скрягой. Со всем тем он прекрасный помещик. «Старый служака, человек бескорыстный, с правилами, vienx grognard»,* — говорят про него соседи. Один прокурор губернский позволяет себе улыбаться, когда при нем упоминают об отличных и солидных качествах генерала Хвалынского, — да чего не делает зависть!..

А впрочем, перейдем теперь к другому помещику.

Мардарий Аполлоныч Стегунов ни в чем не походил на Хвалынского; он едва ли где-нибудь служил и никогда красавцем не почитался. Мардарий Аполлоныч старичок низенький, пухленький, лысый, с двойным подбородком, мягкими ручками и порядочным брюшком. Он большой хлебосол и балагур; живет, как говорится, в свое удовольствие; зиму и лето ходит в полосатом шлафроке на вате. В одном он только сошелся с генералом Хвалынским: он тоже холостяк. У него пятьсот душ. Мардарий Аполлоныч занимается своим именьем довольно поверхностно; купил,

*** Примечания: ~ note_037 ~**

старый ворчун (фр.) — Ред.

чтобы не отстать от века, лет десять тому назад, у Бутенона в Москве молотильную машину,[86] запер ее в сарай да и успокоился. Разве в хороший летний день велит заложить беговые дрожки и съездит в поле на хлеба посмотреть да васильков нарвать. Живет Мардарий Аполлоныч совершенно на старый лад. И дом у него старинной постройки: в передней. как следует, пахнет квасом, сальными свечами и кожей; тут же направо буфет с трубками и утиральниками; в столовой фамильные портреты, мухи, большой горшок ерани и кислые фортепьяны;[87] в гостиной три дивана, три стола, два зеркала и сиплые часы, с почерневшей эмалью и бронзовыми, резными стрелками; в кабинете стол с бумагами, ширмы синеватого цвета с наклеенными картинками, вырезанными из разных сочинений прошедшего столетия, шкапы с вонючими книгами, пауками и черной пылью, пухлое кресло, итальянское окно да наглухо заколоченная дверь в сад… Словом,

86 Примечания: 138

…купил ∞ у Бутенона в Москве молотильную машину… — Завод земледельческих орудий и машин был устроен братьями Бутенон в Москве в 1832 г.

87 Примечания: 139

…кислые фортепьяны… — Эпитет «кислые» применительно к «фортепьянам», как и вообще частое употребление этого слова Тургеневым, вызвал возражение И. С. Аксакова (см. примеч. 1 к рассказу «Контора»). Однако Тургенев сохранил этот эпитет.

всё как водится. Людей у Мардария Аполлоныча множество, и все одеты по-старинному: в длинные синие кафтаны с высокими воротниками, панталоны мутного колорита и коротенькие желтоватые жилетцы. Гостям они говорят: «батюшка». Хозяйством у него заведывает бурмистр из мужиков, с бородой во весь тулуп; домом — старуха, повязанная коричневым платком, сморщенная и скупая. На конюшне у Мардария Аполлоныча стоит тридцать разнокалиберных лошадей; выезжает он в домоделанной коляске в полтораста пуд. Гостей принимает он очень радушно и угощает на славу, то есть, благодаря одуряющим свойствам русской кухни, лишает их вплоть до самого вечера всякой возможности заняться чем-нибудь, кроме преферанса. Сам, же никогда ничем не занимается и даже «Сонник» перестал читать. Но таких помещиков у нас на Руси еще довольно много: спрашивается: с какой стати я заговорил о нем и зачем?.. А вот позвольте вместо ответа рассказать вам одно из моих посещений у Мардария Аполлоныча.

Приехал я к нему летом, часов в семь вечера. У него только что отошла всенощная, и священник, молодой человек, по-видимому, весьма робкий и недавно вышедший из семинарии, сидел в

гостиной возле двери, на самом краюшке стула. Мардарий Аполлоныч, по обыкновению, чрезвычайно ласково меня принял: он непритворно радовался каждому гостю, да и человек он был вообще предобрый. Священник встал и взялся за шляпу.

— Погоди, погоди, батюшка, — заговорил Мардарий Аполлоныч, не выпуская моей руки, — не уходи… Я велел тебе водки принести.

— Я не пью-с, — с замешательством пробормотал священник и покраснел до ушей.

— Что за пустяки! Как в вашем званье не пить! — отвечал Мардарий Аполлоныч. — Мишка! Юшка! водки батюшке!

Юшка, высокий и худощавый старик лет восьмидесяти, вошел с рюмкой водки на темном крашеном подносе, испещренном пятнами телесного цвета.

Священник начал отказываться.

— Пей, батюшка, не ломайся, нехорошо, — заметил помещик с укоризной.

Бедный молодой человек повиновался.

— Ну, теперь, батюшка, можешь идти.

Священник начал кланяться.

— Ну, хорошо, хорошо, ступай… Прекрасный человек, — продолжал Мардарий Аполлоныч,

глядя ему вслед, — очень я им доволен; одно — молод еще. Всё проповеди держит, да вот вина не пьет. Но вы-то как, мой батюшка?.. Что вы, как вы? Пойдемте-ка на балкон — вишь, вечер какой славный.

Мы вышли на балкон, сели и начали разговаривать. Мардарий Аполлоныч взглянул вниз и вдруг пришел в ужасное волненье.

— Чьи это куры? чьи это куры? — закричал он, — чьи это куры по саду ходят?.. Юшка! Юшка! поди узнай сейчас, чьи это куры по саду ходят?.. Чьи это куры? Сколько раз я запрещал, сколько раз говорил!

Юшка побежал.

— Что за беспорядки! — твердил Мардарий Аполлоныч, — это ужас!

Несчастные куры, как теперь помню, две крапчатые и одна белая с хохлом, преспокойно продолжали ходить под яблонями, изредка выражая свои чувства продолжительным крехтаньем, как вдруг Юшка, без шапки, с палкой в руке, и трое других совершеннолетних дворовых, все вместе дружно ринулись на них. Пошла потеха. Курицы кричали, хлопали крыльями, прыгали, оглушительно кудахтали; дворовые люди бегали, спотыкались, падали; барин с балкона кричал,

как исступленный: «Лови, лови! лови, лови! лови, лови, лови!.. Чьи это куры, чьи это куры?» Наконец одному дворовому человеку удалось поймать хохлатую курицу, придавив ее грудью к земле, и в то же самое время через плетень сада, с улицы, перескочила девочка лет одиннадцати, вся растрепанная и с хворостиной в руке.

— А, вот чьи куры! — с торжеством воскликнул помещик. — Ермила-кучера куры! Вон он свою Наталку загнать их выслал… Небось Параши не выслал, — присовокупил помещик вполголоса и значительно ухмыльнулся. — Эй, Юшка! брось куриц-то: поймай-ка мне Наталку.

Но прежде чем запыхавшийся Юшка успел добежать до перепуганной девчонки — откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и несколько раз шлепнула бедняжку по спине…

— Вот тэк, э вот тэк, — подхватил помещик, — те, те, те! те, те, те!.. А кур-то отбери, Авдотья, — прибавил он громким голосом и с светлым лицом обратился ко мне: — Какова, батюшка, травля была, ась? Вспотел даже, посмотрите.

И Мардарий Аполлоныч расхохотался.

Мы остались на балконе. Вечер был действительно необыкновенно хорош.

Нам подали чай.

— Скажите-ка, — начал я, — Мардарий Аполлоныч, ваши это дворы выселены, вон там, на дороге, за оврагом?

— Мои… а что?

— Как же это вы, Мардарий Аполлоныч? Ведь это грешно. Избенки отведены мужикам скверные, тесные; деревца кругом не увидишь; сажалки даже нету;[88] колодезь один, да и тот никуда не годится. Неужели вы другого места найти не могли?.. И, говорят, вы у них даже старые конопляники отняли?

— А что будешь делать с размежеваньем?[89] — отвечал мне Мардарий Аполлоныч. — У меня это размежевание вот где сидит. (Он указал на свой затылок.) И никакой пользы я от этого размежевания не предвижу. А что я конопляники у них отнял и сажалки, что ли, там у них не выкопал, — уж про это, батюшка, я сам знаю. Я человек простой — по-старому поступаю. По-моему: коли барин — так барин, а коли мужик — так мужик… Вот что.

---

88 Примечания: 140

…сажалки даже нету… — См. примеч. 2 к рассказу «Мой сосед Радилов».

89 Примечания: 141

А что будешь делать с размежеванием? — См. примеч. 6 к рассказу «Однодворец Овсяников».

На такой ясный и убедительный довод отвечать, разумеется, было нечего.

— Да притом, — продолжал он, — и мужики-то плохие, опальные, Особенно там две семьи; еще батюшка покойный, дай бог ему царство небесное, их не жаловал, больно не жаловал. А у меня, скажу вам, такая примета: коли отец вор, то и сын вор; уж там как хотите… О, кровь, кровь — великое дело! Я, признаться вам откровенно, из тех-то двух семей и без очереди в солдаты отдавал и так рассовывал кой-куды; да не переводятся, что будешь делать? Плодущи, проклятые.

Между тем воздух затих совершенно. Лишь изредка ветер набегал струями и, в последний раз замирая около дома, донес до нашего слуха звук мерных и частых ударов, раздававшихся в направлении конюшни. Мардарий Аполлоныч только что донес к губам налитое блюдечко и уже расширил было ноздри, без чего, как известно, ни один коренной русак не втягивает в себя чая, — но остановился, прислушался, кивнул головой, хлебнул и, ставя блюдечко на стол, произнес с добрейшей улыбкой и как бы невольно вторя ударам: «Чюки-чюки-чюк! Чюки-чюк! Чюки-чюк!»

— Это что такое? — спросил я с изумлением.

— А там, по моему приказу, шалунишку нака-

зывают… Васю-буфетчика изволите знать?

— Какого Васю?

— Да вот что намедни за обедом нам служил. Еще с такими большими бакенбардами ходит.

Самое лютое негодование не устояло бы против ясного и кроткого взора Мардария Аполлоныча.

— Что вы, молодой человек, что вы? — заговорил он, качая головой. — Что я, злодей, что ли, что вы на меня так уставились? Любяй да наказует:[90] вы сами знаете.

Через четверть часа я простился с Мардарием Аполлонычем. Проезжая через деревню, увидел я буфетчика Васю. Он шел по улице и грыз орехи. Я велел кучеру остановить лошадей и подозвал его.

— Что, брат, тебя сегодня наказали? — спросил я его.

— А вы почем знаете? — отвечал Вася.

— Мне твой барин сказывал.

— Сам барин?

— За что ж он тебя велел наказать?

— А поделом, батюшка, поделом. У нас по пустякам не наказывают; такого заведенья у нас

---

90 Примечания: 142

Любяй да наказует… — Восходит к библейскому: «Ибо кого любит господь, того наказывает, и благоволит к тому, как отец к сыну своему» (Книга притчей Соломоновых. Гл. 3. Ст. 12).

нету — ни, ни. У нас барин не такой; у нас барин… такого барина в целой губернии не сыщешь.

— Пошел! — сказал я кучеру. «Вот она, старая-то Русь!» — думал я на возвратном пути.

ЛЕБЕДЯНЬ

Одна из главных выгод охоты, любезные мои читатели, состоит в том, что она заставляет вас беспрестанно переезжать с места на место, что для человека незанятого весьма приятно. Правда, иногда (особенно в дождливое время) не слишком весело скитаться по проселочным дорогам, брать «целиком»,[91] останавливать всякого встречного мужика вопросом: «Эй, любезный! как бы нам проехать в Мордовку?», а в Мордовке выпытывать у тупоумной бабы (работники-то все в поле): далеко ли до постоялых двориков на большой дороге, и как до них добраться, и, проехав верст десять, вместо постоялых двориков очутиться в помещичьем сильно разоренном сельце Худобубнове, к крайнему изумлению целого стада свиней, погруженных по уши в темно-бурую грязь на самой середине улицы и нисколько не

---

91 Примечания: 143

…брать «целиком»… — т. е. пробираться по непаханому полю, по бездорожью («целик», по Далю, — синоним целины).

ожидавших, что их обеспокоят. Не весело также переправляться через животрепещущие мостики, спускаться в овраги, перебираться вброд через болотистые ручьи; не весело ехать целые сутки, ехать по зеленоватому морю больших дорог или, чего боже сохрани, загрязнуть на несколько часов перед пестрым верстовым столбом с цифрами; 22 на одной стороне и 23 на другой; не весело по неделям питаться яйцами, молоком и хваленым ржаным хлебом… Но все эти неудобства и неудачи выкупаются другого рода выгодами и удовольствиями. Впрочем, приступим к самому рассказу.

Вследствие всего вышесказанного мне не для чего толковать читателю, каким образом, лет пять тому назад, я попал в Лебедянь в самый развал ярмарки. Наш брат охотник может в одно прекрасное утро выехать из своего более или менее родового поместья с намереньем вернуться на другой же день вечером и понемногу, понемногу, не переставая стрелять по бекасам, достигнуть, наконец, благословенных берегов Печоры; притом всякий охотник до ружья и до собаки — страстный почитатель благороднейшего животного в мире: лошади. Итак, я прибыл в Лебедянь, остановился в гостинице, переоделся

и отправился на ярмарку. (Половой, длинный и сухопарый малый лет двадцати, со сладким носовым тенором, уже успел мне сообщить, что их сиятельство, князь Н., ремонтер ***го полка, остановился у них в трактире, что много других господ наехало, что по вечерам цыгане поют и пана Твардовского дают на театре,[92] что кони, дескать, в цене, — впрочем, хорошие приведены кони.)

На ярмарочной площади бесконечными рядами тянулись телеги, за телегами лошади всех возможных родов: рысистые, заводские, битюки, возовые, ямские и простые крестьянские. Иные, сытые и гладкие, подобранные по мастям, покрытые разноцветными попонами, коротко привязанные к высоким кряквам,[93] боязливо косились назад, на слишком знакомые им кнуты своих владельцев-барышников; помещичьи

---

92 Примечания: 144

…пана Твардовского дают на театре… — Имеется в виду опера А. Н. Верстовского «Пан Твардовский» (либретто М. Н. Загоскина; 1828 г.). Лебедянская ярмарка славилась цыганскими хорами. Поэтому можно предположить, что речь идет об исполнении отдельных цыганских эпизодов, имеющих в опере Верстовского самостоятельное значение, или об инсценировке песни «Мы живем среди полей», которая ко времени действия рассказа приобрела широкую популярность.

93 Примечания: 145

…к высоким кряквам… — Кряква — задняя поперечная перекладина у саней или телеги.

кони, высланные степными дворянами за сто, за двести верст, под надзором какого-нибудь дряхлого кучера и двух или трех крепкоголовых конюхов, махали своими длинными шеями, топали ногами, грызли со скуки надолбы; саврасые вятки плотно прижимались друг к дружке; в величавой неподвижности, словно львы, стояли широкозадые рысаки с волнистыми хвостами и косматыми лапами, серые в яблоках, вороные, гнедые. Знатоки почтительно останавливались перед ними. В улицах, образованных телегами, толпились люди всякого звания, возраста и вида: барышники, в синих кафтанах и высоких шапках, лукаво высматривали и выжидали покупщиков; лупоглазые, кудрявые цыганы метались взад и вперед, как угорелые, глядели лошадям в зубы, поднимали им ноги и хвосты, кричали, бранились, служили посредниками, метали жребий или, увивались около какого-нибудь ремонтера в фуражке и военной шинели с бобром. Дюжий казак торчал верхом на тощем мерине с оленьей шеей и продавал его «со всим», то есть с седлом и уздечкой. Мужики, в изорванных под мышками тулупах, отчаянно продирались сквозь толпу, наваливались десятками на телегу, запряженную лошадью, которую следовало «спробовать»,

или, где-нибудь в стороне, при помощи увертливого цыгана, торговались до изнеможения, сто раз сряду хлопали друг друга по рукам, настаивая каждый на своей цене, между тем как предмет их спора, дрянная лошаденка, покрытая покоробленной рогожей, только что глазами помаргивала, как будто дело шло не о ней… И в самом деле, не всё ли ей равно, кто ее бить будет! Широколобые помещики с крашеными усами и выражением достоинства на лице, в конфедератках и камлотовых чуйках, надетых на один рукав, снисходительно заговаривали с пузатыми купцами в пуховых шляпах и зеленых перчатках. Офицеры различных полков толкались тут же; необыкновенно длинный кирасир, немецкого происхождения, хладнокровно спрашивал у хромого барышника: сколько он желает получить за сию рыжую лошадь? Белокурый гусарчик, лет девятнадцати, подбирал пристяжную к поджарому иноходцу; ямщик в низкой шляпе, обвитой павлиньим пером, в буром армяке и с кожаными рукавицами, засунутыми за узкий зелененький кушак, искал коренника. Кучера заплетали лошадям своим хвосты, мочили гривы и давали почтительные советы господам. Окончившие сделку спешили в трактир или в кабак, смотря

по состоянию… И всё это возилось, кричало, копошилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смеялось в грязи по колени. Мне хотелось купить тройку сносных лошадей для своей брички: мои начинали отказываться. Я нашел двух, а третью не успел подобрать. После обеда, которого описывать я не берусь (уже Эней знал, как неприятно припоминать минувшее горе)[94], отправился я в так называемую кофейную, куда каждый вечер собирались ремонтеры, заводчики и другие приезжие. В биллиардной комнате, затопленной свинцовыми волнами табачного дыма, находилось человек двадцать. Тут были развязные молодые помещики в венгерках и серых панталонах, с длинными висками и намасленными усиками, благородно и смело взиравшие кругом;

---

94 Примечания: 146

…уже Эней знал, как неприятно припоминать минувшее горе… — Имеются в виду стихи 10-13-й песни второй «Энеиды» Вергилия.

> *Sed, si tantus amor casus cognoscere nostros,*
> *Ed breviter Troiae suprerrmra audire laborem,*
> *Quamquam animus meminisse horret, luctuque refugit,*
> *Incipiam.*

(P. Virgilii Maronis Opera. Ad optimorum librorum fidem accurate edita. Editio stereotypa. Lipsiae, 1829. P. 119).

> *Если ж так жадно хотите узнать приключения наши*
> *Или услышать вкратце последние бедствия Трои,*
> *Страшно, как вспомню, что было; от горести дух замирает,*

Но начинаю.

(Пер. И. Шершеневича. Варшава, 1868. С. 39.)

В переводе В. Брюсова, более точном, цитированная Тургеневым строка читается так:

«Хоть ужасается дух вспоминать и бежит от печали».

Тургенев, перечитывавший Вергилия в подлиннике и в 1870-х годах, цитировал его обычно по-латыни.

другие дворяне в казакинах, с необыкновенно короткими шеями и заплывшими глазками, тут же мучительно сопели; купчики сидели в стороне, как говорится, «на чуку»;[95] офицеры свободно разговаривали друг с другом. На биллиарде играл князь Н., молодой человек лет двадцати двух, с веселым и несколько презрительным лицом, в сюртуке нараспашку, красной шелковой рубахе и широких бархатных шароварах; играл он с отставным поручиком Виктором Хлопаковым.

Отставной поручик Виктор Хлопаков, маленький, смугленький и худенький человек лет тридцати, с черными волосиками, карими глазами и тупым вздернутым носом, прилежно посещает выборы и ярмарки. Он подпрыгивает на ходу, ухарски разводит округленными руками, шапку носит набекрень и заворачивает рукава своего военного сюртука, подбитого сизым коленкором. Господин Хлопаков обладает уменьем подделываться к богатым петербургским шалунам, курит, пьет и в карты играет с ними, говорит им «ты». За что они его жалуют, понять довольно мудрено. Он не умен, он даже не смешон: в шуты

---

95 Примечания: 147

...купчики сидели в стороне, как говорится, «на чуку»... — В орловских говорах это выражение означает: ждать, наблюдать, быть предельно внимательным (сообщено Н. М. Черновым).

он тоже не годится. Правда, с ним обращаются дружески-небрежно, как с добрым, но пустым малым; якшаются с ним в течение двух-трех недель, а потом вдруг и не кланяются с ним, и он сам уж не кланяется. Особенность поручика Хлопакова состоит в том, что он в продолжение года, иногда двух, употребляет постоянно одно и то же выражение, кстати и некстати, выражение нисколько не забавное, но которое, бог знает почему, всех смешит. Лет восемь тому назад он на каждом шагу говорил: «Мое вам почитание, покорнейше благодарствую», и тогдашние его покровители всякий раз помирали со смеху и заставляли его повторять «мое почитание»; потом он стал употреблять довольно сложное выражение: «Нет, уж это вы того, кескесэ, — это вышло выходит», и с тем же блистательным успехом; года два спустя придумал новую прибаутку: «Не ву горяче па, человек божий, обшит бараньей кожей» и т. д. И что же! эти, как видите, вовсе незатейливые словечки его кормят, поят и одевают. (Именье он свое давным-давно промотал и живет единственно на счет приятелей.) Заметьте, что решительно никаких других любезностей за ним (не водится; правда, он выкуривает сто трубок Жукова в день, а играя на биллиарде, поднимает правую ногу

выше головы и, прицеливаясь, неистово ерзает кием по руке, — ну, да ведь до таких достоинств не всякий охотник. Пьет он тоже хорошо… да на Руси этим отличиться мудрено… Словом, успех его — совершенная для меня загадка… Одно разве: осторожен он, сору из избы не выносит, ни о ком дурного словечка не скажет…

«Ну, — подумал я при виде Хлопакова, — какая-то его нынешняя поговорка?»

Князь сделал белого.

— Тридцать и никого, — возопил чахоточный маркер с темным лицом и свинцом под глазами.

Князь с треском положил желтого в крайнюю лузу.

— Эк! — одобрительно крякнул всем животом толстенький купец, сидевший в уголку за шатким столиком на одной ножке, крякнул и оробел. Но, к счастью, никто его не заметил. Он отдохнул и погладил бородку.

— Тридцать шесть и очень мало! — закричал маркер в нос.

— Что, каково, брат? — спросил князь Хлопакова.

— Что ж? известно, рррракалиооон, как есть рррракалиооон!

Князь прыснул со смеху.

— Как, как? повтори!

— Рррракалиооон! — самодовольно повторил отставной поручик.

«Вот оно, слово-то!» — подумал я.

Князь положил красного в лузу.

— Эх! не так, князь, не так, — залепетал вдруг белокурый офицерик с покрасневшими глазками, крошечным носиком и младенчески заспанным лицом. — Не так играете… надо было… не так!

— Как же? — спросил его князь через плечо.

— Надо было… того… триплетом.

— В самом деле? — пробормотал князь сквозь зубы.

— А что, князь, сегодня вечером к цыганам? — поспешно подхватил сконфуженный молодой человек. — Стешка петь будет… Ильюшка…

Князь не отвечал ему.

— Рррракалиооон, братец, — проговорил Хлопаков, лукаво прищурив левый глаз.

И князь расхохотался.

— Тридцать девять и никого, — провозгласил маркер.

— Никого… посмотри-ка, как я вот этого желтого…

Хлопаков заерзал кием по руке, прицелился и скиксовал.

— Э, ррракалиоон, — закричал он с досадой.

Князь опять рассмеялся.

— Как, как, как?

Но Хлопаков своего слова повторить не захотел: надо же пококетничать.

— Стикс изволили дать, — заметил маркер. — Позвольте помелить… Сорок и очень мало!

— Да, господа, — заговорил князь, обращаясь ко всему собранию и не глядя, впрочем, ни на кого в особенности, — вы знаете, сегодня в театре Вержембицкую вызывать.

— Как же, как же, непременно, — воскликнуло наперерыв несколько господ, удивительно польщенных возможностью отвечать на княжескую речь, — Вержембицкую…

— Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой, — пропищал из угла плюгавенький человек с усиками и в очках. Несчастный! он втайне сильно вздыхал по Сопняковой, а князь не удостоил его даже взглядом.

— Че-о-эк, э, трубку! — произнес в галстух какой-то господин высокого роста, с правильным лицом и благороднейшей осанкой — по всем признакам шулер.

Человек побежал за трубкой и, вернувшись, доложил его сиятельству, что, дескать, ямщик

Баклага их спрашивают-с.

— А! ну, вели ему подождать да водки ему поднеси.

— Слушаю-с.

Баклагой, как мне потом сказали, прозывался молодой, красивый й чрезвычайно избалованный ямщик; князь его любил, дарил ему лошадей, гонялся с ним, проводил с ним целые ночи… Этого самого князя, бывшего шалуна и мота, вы бы теперь не узнали… Как он раздушен, затянут, горд! Как занят службой, а главное — как рассудителен!

Однако табачный дым начинал выедать мне глаза. В последний раз выслушав восклицание Хлопакова и хохот князя, я отправился в свой нумер, где на волосяном, узком и продавленном диване, с высокой выгнутой спинкой, мой человек уже постлал мне постель.

На другой день пошел я смотреть лошадей по дворам и начал с известного барышника Ситникова. Через калитку вошел я на двор, посыпанный песочком. Перед настежь раскрытою дверью конюшни стоял сам хозяин, человек уже не молодой, высокий и толстый, в заячьем тулупчике, с поднятым и подвернутым воротником. Увидав меня, он медленно двинулся ко мне навстречу,

подержал обеими руками шапку над головой и нараспев произнес:

— А, наше вам почтение. Чай, лошадок угодно посмотреть?

— Да, пришел лошадок посмотреть.

— А каких именно, смею спросить?

— Покажите, что у вас есть.

— С нашим удовольствием.

Мы вошли в конюшню. Несколько белых шавок поднялось с сена и подбежало к нам, виляя хвостами; длиннобородый старый козел с неудовольствием отошел в сторону; три конюха, в крепких, но засаленных тулупах, молча нам поклонились. Направо и налево, в искусственно возвышенных стойлах, стояло около тридцати лошадей, выхоленных и вычищенных на славу. По перекладинам перелетывали и ворковали голуби.

— Вам, то есть, для чего требуется лошадка: для езды или для завода? — спросил меня Ситников.

— И для езды и для завода.

— Понимаем-с, понимаем-с, понимаем-с, — с расстановкою произнес барышник. — Петя, покажи господину Горностая.

Мы вышли на двор.

— Да не прикажете ли лавочку из избы выне-

сти?.. Не требуется?.. Как угодно.

Копыта загремели по доскам, щелкнул кнут, и Петя, малый лет сорока, рябой и смуглый, выскочил из конюшни вместе с серым, довольно статным жеребцом, дал ему подняться на дыбы, пробежал с ним раза два кругом двора и ловко осадил его на показном месте. Горностай вытянулся, со свистом фыркнул, закинул хвост, повел мордой и покосился на нас.

«Ученая птица!» — подумал я.

— Дай волю, дай волю, — проговорил Ситников и уставился на меня.

— Как, по-вашему, будет-с? — спросил он наконец.

— Лошадь недурна, — передние ноги не совсем надежны.

— Ноги отличные! — с убеждением возразил Ситников: — а зад-то… извольте посмотреть… печь печью, хоть выспись.

— Бабки длинны.

— Что за длинны — помилосердуйте! Пробегика, Петя, пробеги, да рысью, рысью, рысью… не давай скакать.

Петя опять пробежал по двору с Горностаем. Мы все помолчали.

— Ну, поставь его на место, — проговорил Сит-

ников, — да Сокола нам подай.

Сокол, вороной, как жук, жеребец голландской породы, со свислым задом и поджарый, оказался немного получше Горностая. Он принадлежал к числу лошадей, о которых говорят охотники, что «они секут и рубят, и в полон берут», то есть на ходу вывертывают и выкидывают передними ногами направо и налево, а вперед мало подвигаются. Купцы средних лет подлюбливают таких лошадей: побежка их напоминает ухарскую походку бойкого полового; они хороши в одиночку, для гулянья после обеда: выступая фертом и скрутив шею, усердно везут они аляповатые дрожки, нагруженные наевшимся до онеменья кучером, придавленным купцом, страдающим изжогой, и рыхлой купчихой в голубом шелковом салопе и лиловом платочке на голове. Я отказался и от Сокола. Ситников показал мне еще несколько лошадей… Одна, наконец, серый в яблоках жеребец воейковской породы,[96] мне понравилась. Я не мог удержаться и с удовольствием потрепал ее по холке. Ситников тотчас прикинулся равнодушным.

— А что, он едет хорошо? — спросил я. (О рысаке

96 Примечания: 148

…жеребец воейковской породы… — т. е. с конного завода Д. П. Воейкова. См.: Подробные сведения о конских заводах в России… СПб., 1839.

не говорят: бежит.)

— Едет, — спокойно ответил барышник.

— Нельзя ли посмотреть?..

— Отчего же, можно-с. Эй, Кузя, Догоняя в дрожки заложить.

Кузя, наездник, мастер своего дела, проехал раза три мимо нас по улице. Хорошо бежит лошадь, не сбивается, задом не подбрасывает, ногу выносит свободно, хвост отделяет и «держит», редкомах.

— А что вы за него просите?

Ситников заломил цену небывалую. Мы начали торговаться тут же на улице, как вдруг из-за угла с громом вылетела мастерски подобранная ямская тройка и лихо остановилась перед воротами Ситникова дома. На охотницкой, щегольской тележке сидел князь Н.; возле него торчал Хлопаков. Баклага правил лошадьми… и как правил! сквозь сережку бы проехал, разбойник! Гнедые пристяжные, маленькие, живые, черноглазые, черноногие, так и горят, так и поджимаются; свистни только — пропали! Караковая коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь, грудь вперед, ноги как стрелы, знай головой помахивает да гордо щурится… Хорошо! Хоть бы царю Ивану Васильевичу в светлый праздник прока-

титься!

— Ваше сиятельство! милости просим! — закричал Ситников.

Князь соскочил с телеги. Хлопаков медленно слез с другой стороны.

— Здравствуй, брат… Есть лошади?

— Как не быть для вашего сиятельства! Пожалуйте, войдите… Петя, Павлина подай! да Похвального чтоб готовили. А с вами, батюшка, — продолжал он, обращаясь ко мне, — мы в другое время покончим… Фомка, лавку его сиятельству.

Из особенной, мною сперва не замеченной, конюшни вывели Павлина. Могучий темно-гнедой конь так и взвился всеми ногами на воздух. Ситников даже голову отвернул и зажмурился.

— У, рракалион! — провозгласил Хлопаков. — Жэмса.

Князь засмеялся.

Павлина остановили не без труда; он таки повозил конюха по двору; наконец его прижали к стене. Он храпел, вздрагивал и поджимался, а Ситников еще дразнил его, замахиваясь на него кнутом.

— Куда глядишь? вот я те! у! — говорил барышник с ласковой угрозой, сам невольно любуясь своим конем.

— Сколько? — спросил князь.

— Для вашего сиятельства пять тысяч.

— Три.

— Нельзя-с, ваше сиятельство, помилуйте…

— Говорят, три, рракалион, — подхватил Хлопаков.

Я не дождался конца сделки и ушел. У крайнего угла улицы заметил я на воротах сероватого домика приклеенный большой лист бумаги. Наверху был нарисован пером конь с хвостом в виде трубы и нескончаемой шеей, а под копытами коня стояли следующие слова, написанные старинным почерком.

«Здесь продаются разных мастей лошади, приведенные на Лебедянскую ярмарку с известного степного завода Анастасея Иваныча Черновая, тамбовского помещика. Лошади сии отличных статей; выезжены в совершенстве и кроткого нрава. Господа покупатели благоволят спросить самого Анастасея Иваныча; буде же Анастасей Иваныч в отсутствии, то спросить кучера Назара Кубышкина. Господа покупатели, милости просим почтить старичка!»

Я остановился. Дай, думаю, посмотрю лошадей известного степного заводчика г-на Чернобая.

Я хотел было войти в калитку, но, против обык-

новения, нашел ее запертой. Я постучался.

— Кто там?.. Покупатель? — пропищал женский голос.

— Покупатель.

— Сейчас, батюшка, сейчас.

Калитка растворилась. Я увидал бабу лет пятидесяти, простоволосую в сапогах и в тулупе нараспашку.

— Извольте, кормилец, войти, а я сейчас пойду Анастасею Иванычу доложу… Назар, а Назар!

— Чего? — прошамшил из конюшни голос семидесятилетнего старца.

— Лошадок приготовь; покупатель пришел.

Старуха побежала в дом.

— Покупатель, покупатель, — проворчал ей в ответ Назар. — Я им еще не всем хвосты подмыл.

«О, Аркадия!» — подумал я.

— Здравствуй, батюшка, милости просим, — медленно раздался за моей спиной сочный и приятный голос. Я оглянулся: передо мною, в синей долгополой шинели, стоял старик среднего роста, с белыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами.

— Лошадок тебе? Изволь, батюшка, изволь… Да не хочешь ли ко мне сперва чайку зайти напиться?

Я отказался и поблагодарил.

— Ну, как тебе угодно. Ты меня, батюшка, извини: ведь я по старине. (Г-н Чернобай говорил не спеша и на о.) У меня всё по простоте, знаешь… Назар, а Назар, — прибавил он протяжно и не возвышая голоса.

Назар, сморщенный старичишка, с ястребиным носиком и клиновидной бородкой, показался на пороге конюшни.

— Каких тебе, батюшка, лошадей требуется? — продолжал г-н Чернобай.

— Не слишком дорогих, езжалых, в кибитку.

— Изволь… и такие есть, изволь… Назар, Назар, покажи барину серенького меринка, знаешь, что с краю-то стоит, да гнедую с лысиной, а не то — другую гнедую, что от Красотки, знаешь?

Назар вернулся в конюшню.

— Да ты на недоуздках так их и выведи! — закричал ему вслед г-н Чернобай. — У меня, батюшка, — продолжал он, ясно и кротко глядя мне в лицо, — не то, что у барышников, чтоб им пусто было! У них там имбири разные пойдут, соль, барда,* бог с ними совсем!.. А у меня, изволишь видеть, всё на ладони, без хитростей.

*** Примечания: ~ note_038 ~**

От барды и соли лошадь скоро тучнеет.

Вывели лошадей. Не понравились они мне.

— Ну, поставь их с богом на место, — проговорил Анастасей Иваныч. — Других нам покажи.

Показали других. Я, наконец, выбрал одну, подешевле. Начали мы торговаться. Г-н Чернобай не горячился, говорил так рассудительно, с такою важностью призывал господа бога во свидетели, что я не мог не «почтить старичка»: дал задаток.

— Ну, теперь, — промолвил Анастасей Иваныч, — позволь мне, по старому обычаю, тебе лошадку из полы в полу передать… Будешь за нее меня благодарить… Ведь свеженькая! словно орешек… нетронутая… степнячо-ок! Во всякую упряжь ходит.

Он перекрестился, положил полу своей шинели себе на руку, взял недоуздок и передал мне лошадь.

— Владей с богом теперь… А чайку всё не хочешь?

— Нет, покорно вас благодарю: мне домой пора.

— Как угодно… А мой кучерок теперь за тобой лошадку поведет?

— Да, теперь, если позволите.

— Изволь, голубчик, изволь… Василий, а Василий, ступай с барином; лошадку сведи и деньги

получи. Ну, прощай, батюшка, с богом.

— Прощайте, Анастасей Иваныч.

Привели мне лошадь на дом. На другой же день она оказалась запаленной и хромой. Вздумал я было ее заложить: пятится моя лошадь назад, а ударишь ее кнутом — зартачится, побрыкает, да и ляжет. Я тотчас отправился к г-ну Чернобаю. Спрашиваю:

— Дома?

— Дома.

— Что ж это вы, — говорю, — ведь вы мне запаленную лошадь продали.

— Запаленную?.. Сохрани бог!

— Да она еще и хромая, притом и с норовом.

— Хромая? Не знаю, видно твой кучерок ее как-нибудь попортил… а я, как перед богом…

— Вы, по-настоящему, Анастасей Иваныч, ее назад взять должны.

— Нет, батюшка, не прогневайся: уж коли со двора долой — кончено. Прежде бы изволил смотреть.

Я понял, в чем дело, покорился своей участи, рассмеялся и ушел. К счастью, я за урок не слишком дорого заплатил.

Дня через два я уехал, а через неделю опять завернул в Лебедянь на возвратном пути. В ко-

фейной я нашел почти те же лица и опять застал князя Н. за биллиардом. Но в судьбе господина Хлопакова уже успела произойти обычная перемена. Белокурый офицерик сменил его в милостях князя. Бедный отставной поручик попытался еще раз при мне пустить в ход свое словечко — авось, дескать, понравится по-прежнему, — но князь не только не улыбнулся, даже нахмурился и пожал плечом. Господин Хлопаков потупился, съежился, пробрался в уголок и начал втихомолку набивать себе трубочку…

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА И ЕЕ ПЛЕМЯННИК

Дайте мне руку, любезный читатель, и поедемте вместе со мной. Погода прекрасная; кротко синеет майское небо; гладкие молодые листья ракит блестят, словно вымытые; широкая, ровная дорога вся покрыта той мелкой травой с красноватым стебельком, которую так охотно щиплют овцы; направо и налево, по длинным скатам пологих холмов, тихо зыблется зеленая рожь; жидкими пятнами скользят по ней тени небольших тучек. В отдаленье темнеют леса, сверкают пруды, желтеют деревни; жаворонки сотнями поднимаются, поют, падают стремглав, вытянув шейки торчат на глыбочках; грачи на

дороге останавливаются, глядят на вас, приникают к земле, дают вам проехать и, подпрыгнув раза два, тяжко отлетают в сторону; на горе за оврагом мужик пашет; пегий жеребенок, с куцым хвостиком и взъерошенной гривкой, бежит на неверных ножках вслед за матерью: слышится его тонкое ржанье. Мы въезжаем в березовую рощу; крепкий, свежий запах приятно стесняет дыхание. Вот околица. Кучер слезает, лошади фыркают, пристяжные оглядываются, коренная помахивает хвостом и прислоняет голову к дуге… со скрыпом отворяется воротище. Кучер садится… Трогай! Перед нами деревня. Миновав дворов пять, мы сворачиваем вправо, спускаемся в лощинку, въезжаем на плотину. За небольшим прудом, из-за круглых вершин яблонь и сиреней, виднеется тесовая крыша, некогда красная, с двумя трубами; кучер берет вдоль забора налево и при визгливом и сиплом лае трех престарелых шавок въезжает в настежь раскрытые ворота, лихо мчится кругом по широкому двору мимо конюшни и сарая, молодецки кланяется старухе ключнице, шагнувшей боком через высокий порог в раскрытую дверь кладовой, и останавливается наконец перед крылечком темного домика с светлыми окнами… Мы у Татьяны Борисовны.

Да вот и она сама отворяет форточку и кивает нам головой… Здравствуйте, матушка!

Татьяна Борисовна — женщина лет пятидесяти, с большими серыми глазами навыкате, несколько тупым носом, румяными щеками и двойным подбородком. Лицо ее дышит приветом и лаской. Она когда-то была замужем, но скоро овдовела. Татьяна Борисовна весьма замечательная женщина. Живет она безвыездно в своем маленьком поместье, с соседями мало знается, принимает и любит одних молодых людей. Родилась она от весьма бедных помещиков и не получила никакого воспитания, то есть не говорит по-французски; в Москве даже никогда не бывала — и, несмотря на все эти недостатки, так просто и хорошо себя держит, так свободно чувствует и мыслит, так мало заражена обыкновенными недугами мелкопоместной барыни, что поистине невозможно ей не удивляться… И в самом деле: женщина круглый год живет в деревне, в глуши — и не сплетничает, не пищит, не приседает, не волнуется, не давится, не дрожит от любопытства… чудеса! Ходит она обыкновенно в сером тафтяном платье и белом чепце с висячими лиловыми лентами; любит покушать, но без излишества; варенье, сушенье и соленье

предоставляет ключнице. Чем же она занимается целый день? — спросите вы… Читает? — Нет, не читает; да и, правду сказать, книги не для нее печатаются… Если нет у ней гостя, сидит себе моя Татьяна Борисовна под окном и чулок вяжет — зимой; летом в сад ходит, цветы сажает и поливает, с котятами играет по целым часам, голубей кормит… Хозяйством она мало занимается. Но если заедет к ней гость, молодой какой-нибудь сосед, которого она жалует, — Татьяна Борисовна вся оживится; усадит его, напоит чаем, слушает его рассказы, смеется, изредка его по щеке потреплет, но сама говорит мало; в беде, в горе утешит, добрый совет подаст. Сколько людей поверили ей свои домашние, задушевные тайны, плакали у ней на руках! Бывало, сядет она против гостя, обопрется тихонько на локоть и с таким участием смотрит ему в глаза, так дружелюбно улыбается, что гостю невольно в голову придет мысль: «Какая же ты славная женщина, Татьяна Борисовна! Дай-ка я тебе расскажу, что у меня на сердце». В ее небольших, уютных комнатках хорошо, тепло человеку; у ней всегда в доме прекрасная погода, если можно так выразиться. Удивительная женщина Татьяна Борисовна, а никто ей не удивляется: ее здравый смысл, твердость и сво-

бода, горячее участие в чужих бедах и радостях, словом, все ее достоинства точно родились с ней, никаких трудов и хлопот ей не стоили… Ее иначе и вообразить невозможно; стало быть, и не за что ее благодарить. Особенно любит она глядеть на игры и шалости молодежи; сложит руки под грудью, закинет голову, прищурит глаза и сидит улыбаясь, да вдруг вздохнет и скажет: «Ах вы, детки мои, детки!..» Так, бывало, и хочется подойти к ней, взять ее за руку и сказать: «Послушайте, Татьяна Борисовна, вы себе цены не знаете, ведь вы, при всей вашей простоте и неучености, — необыкновенное существо!» Одно имя ее звучит чем-то знакомым, приветным, охотно произносится, возбуждает дружелюбную улыбку. Сколько раз мне, например, случалось спросить у встречного мужика: как, братец, проехать, положим, в Грачовку? «А вы, батюшка, ступайте сперва на Вязовое, а оттоле на Татьяну Борисовну, а от Татьяны Борисовны всяк вам укажет». И при имени Татьяны Борисовны мужик как-то особенно головой тряхнет. Прислугу она держит небольшую, по состоянью. Домом, прачечной, кладовой и кухней, заведывает у нее ключница Агафья, бывшая ее няня, добрейшее, слезливое и беззубое существо; две здоровые девки, с крепкими сизыми

щеками, вроде антоновских яблок, состоят под ее начальством. Должность камердинера, дворецкого и буфетчика занимает семидесятилетний слуга Поликарп, чудак необыкновенный, человек начитанный, отставной скрипач и поклонник Виотти,[97] личный враг Наполеона, или, как он говорит, Бонапартишки, и страстный охотник до соловьев. Он их всегда держит пять или шесть у себя в комнате; ранней весной по целым дням сидит возле клеток, выжидая первого «рокотанья», и, дождавшись, закроет лицо руками и застонет: «Ох, жалко, жалко!» — и в три ручья зарыдает. К Поликарпу на подмогу приставлен его же внук, Вася, мальчик лет двенадцати, кудрявый и быстроглазый; Поликарп любит его без памяти и ворчит на него с утра до вечера. Он же занимается и его воспитанием. «Вася, — говорит, — скажи: Бонапартишка разбойник». — «А что дашь, тятя?» — «Что дам?.. ничего я тебе не дам… Ведь ты кто? Русский ты?» — «Я амчанин, тятя: в

97 Примечания: 149

…семидесятилетний слуга Поликарпов от ставной скрипач и поклонник Виотти… — В чертах этого персонажа обнаружены черты сходства с Кириллом Софроновичем Тоболеевым, человеком уважаемым среди спасской дворни. Бывший скрипач крепостного оркестра, в зрелых годах он служил дворецким в московском доме Тургеневых (см.: *Письма II*. Т. 1. С. 155, 590).

Амченске[*] родился». — «О, глупая голова! да Амченск-то где?» — «А я почем знаю?» — «В России Амченск, глупый». — «Так что ж что в России?» — «Как что? Бонапартишку-то его светлейшество покойный князь Михайло Илларионович Голенищев-Кутузов Смоленский, с божиею помощью, из российских пределов выгнать изволил. По эвтому случаю и песня сочинена: Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки...[98] Понимаешь: отечество освободил твое». — «А мне что за дело?» — «Ах ты, глупый мальчик, глупый! Ведь если бы светлейший князь Михайло Илларионович не выгнал Бонапартишки, ведь тебя бы теперь какой-нибудь мусье палкой по маковке колотил. Подошел бы этак к тебе, сказал бы: коман ву порте ву?[99] — да и стук, стук». — «А я бы его в

*** Примечания: ~ note_039 ~**

39

В простонародье город Мценск называется Амченском, а жители амчанами. Амчане ребята бойкие; недаром у нас недругу сулят «амчанина на двор».

98 Примечания: 150

...Бонапарту не до пляски, растерял свои подвязки... — 11-й куплет песни «За долами, за горами», широко популярной в начале XIX в.; далее: «Хоть кричать пардон! Хоть кричать пардон!» (Собрание стихотворений, относящихся к незабвенному 1812 году. М., 1814. Ч. II. С. 230-234); для нее был использован мотив песни XVIII в. «За горами, за долами» (см.: Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб., 1806. № 40). И. Н. Розанов указывает в качестве автора текста И. М. Коваленского. См.: Русские песни XIX века / Сост.

проф. И. Н. Розанов. М., 1944. С. 111.

99 Примечания: 151

…коман ву порте ву? — Как вы поживаете? (*фр.*: Comment vous portez-vous?)

пузо кулаком». — «А он бы тебе: бонжур, бонжур, вене иси[100] — да за хохол, за хохол». — «А я бы его по ногам, по ногам, по цибулястым-то».[101] — «Оно точно, ноги у них цибулястые… Ну, а как он бы руки тебе стал вязать?» — «А я бы не дался; Михея-кучера на помощь бы позвал». — «А что, Вася, ведь французу с Михеем не сладить?» — «Где сладить! Михей-то во как здоров!» — «Ну, и что ж бы вы его?» — «Мы бы его по спине, да по спине». — «А он бы пардон закричал: пардон, пардон, севуплей!»[102] — «А мы бы ему: нет тебе севуплея, француз ты этакой!..» — «Молодец, Вася!.. Ну, так кричи же: разбойник Бонапартишка!» — «А ты мне сахару дай!» — «Экой!..»

С помещицами Татьяна Борисовна мало водится; они неохотно к ней ездят, и она не умеет их занимать, засыпает под шумок их речей, вздрагивает, силится раскрыть глаза и снова засыпает. Татьяна Борисовна вообще не любит

---

100 Примечания: 152

…бонжур, бонжур, вене иси… — Здравствуйте, здравствуйте, идите сюда *(фр:* Bonjour, bonjour, venez ici).

101 Примечания: 153

…по ногам, по цибулястым-то… — Слово «цибулястый» в орловских говорах означает высокий, тонконогий, жидконогий человек.

102 Примечания: 154

…пардон, пардон, севуплей! — Простите, простите, пожалуйста! *(фр.:* Pardon, pardon, s'il vous plait).

женщин. У одного из ее приятелей, хорошего и смирного молодого человека, была сестра, старая девица лет тридцати восьми с половиной, существо добрейшее, но исковерканное, натянутое и восторженное. Брат ей часто рассказывал о своей соседке. В одно прекрасное утро моя старая девица, не говоря худого слова, велела оседлать себе лошадь и отправилась к Татьяне Борисовне. В длинном своем платье, со шляпой на голове, зеленым вуалем и распущенными кудрями, вошла она в переднюю и, минуя оторопелого Васю, принявшего ее за русалку, вбежала в гостиную. Татьяна Борисовна испугалась, хотела было приподняться, да ноги подкосились. «Татьяна Борисовна, — заговорила умоляющим голосом гостья, — извините мою смелость; я сестра вашего приятеля Алексея Николаевича К***, и столько наслышалась от него об вас, что решилась познакомиться с вами». — «Много чести», — пробормотала изумленная хозяйка. Гостья сбросила с себя шляпу, тряхнула кудрями, уселась подле Татьяны Борисовны, взяла ее за руку… «Итак, вот она, — начала она голосом задумчивым и тронутым, — вот это доброе, ясное, благородное, святое существо! Вот она, эта простая и вместе с тем глубокая женщина! Как я рада, как я рада!

Как мы будем любить друг друга! Я отдохну наконец… Я ее себе именно такою воображала», — прибавила она шёпотом, упираясь глазами в глаза Татьяны Борисовны. «Не правда ли, вы не сердитесь на меня, добрая моя, хорошая моя?» — «Помилуйте, я очень рада… Не хотите ли вы чаю?» Гостья снисходительно улыбнулась. «Wie wahr, wie unrellektiert»,* — прошептала она словно про себя. — «Позвольте обнять вас, моя милая!»

Старая девица высидела у Татьяны Борисовны три часа, не умолкая ни на мгновенье. Она старалась растолковать новой своей знакомой собственное ее значенье. Тотчас после ухода нежданной гостьи бедная помещица отправилась в баню, напилась липового чаю и легла в постель. Но на другой же день старая девица вернулась, просидела четыре часа и удалилась с обещаньем посещать Татьяну Борисовну ежедневно. Она, изволите видеть, вздумала окончательно развить, довоспитать такую, как она выражалась, богатую природу и, вероятно, уходила бы ее наконец совершенно, если бы, во-первых, недели через две не разочаровалась «вполне» насчет приятельницы своего брата, а во-вторых, если

*** Примечания: ~ note_040 ~**

Как правдива, как непосредственна *(нем.) — Ред.*

бы не влюбилась в молодого проезжего студента, с которым тотчас же вступила в деятельную и жаркую переписку; в посланиях своих она, как водится, благословляла его на святую и прекрасную жизнь, приносила «всю себя» в жертву, требовала одного имени сестры, вдавалась в описания природы, упоминала о Гёте, Шиллере, Беттине и немецкой философии — и довела, наконец, бедного юношу до мрачного отчаяния. Но молодость взяла свое: в одно прекрасное утро проснулся он с такой остервенелой ненавистью к своей «сестре и лучшему другу», что едва сгоряча не прибил своего камердинера и долгое время чуть не кусался при малейшем намеке на возвышенную и бескорыстную любовь… Но с тех пор Татьяна Борисовна стала еще более прежнего избегать сближения с своими соседками.

Увы! ничто не прочно на земле. Всё, что я вам рассказал о житье-бытье моей доброй помещицы, — дело прошедшее; тишина, господствовавшая в ее доме, нарушена навеки. У ней теперь, вот уж более года, живет племянник, художник из Петербурга. Вот как это случилось.

Лет восемь тому назад проживал у Татьяны Борисовны мальчик лет двенадцати, круглый сирота, сын ее покойного брата, Андрюша. У Ан-

дрюши были большие светлые, влажные глаза, маленький ротик, правильный нос и прекрасный возвышенный лоб. Он говорил тихим и сладким голосом, держал себя опрятно и чинно, ласкался и прислуживался к гостям, с сиротливой чувствительностью целовал ручку у тетушки. Бывало, не успеете вы показаться — глядь, уж он несет вам кресла. Шалостей за ним не водилось никаких: не стукнет, бывало; сидят себе в уголку за книжечкой, и так скромно и смирно, даже к спинке стула не прислоняется. Гость войдет — мой Андрюша приподнимется, прилично улыбнется и покраснеет; гость выйдет — он сядет опять, достанет из кармашика щеточку с зеркальцем и волосики себе причешет. С самых ранних лет почувствовал он охоту к рисованью. Попадался ли ему клочок бумаги, он тотчас выпрашивал у Агафьи-ключницы ножницы, тщательно выкраивал из бумажки правильный четвероугольник, проводил кругом каемочку и принимался за работу: нарисует глаз с огромным зрачком, или греческий нос, или дом с трубой и дымом в виде винта, собаку «en face», похожую на скамью, деревцо с двумя голубками и подпишет: «Рисовал Андрей Беловзоров, такого-то числа, такого-то года, село Малые Брыки». С особенным усердием трудился он недели за две

до именин Татьяны Борисовны: являлся первый с поздравлением и подносил свиток, повязанный розовой ленточкой. Татьяна Борисовна целовала племянника в лоб и распутывала узелок: свиток раскрывался и представлял любопытному взору зрителя круглый, бойко оттушеванный храм с колоннами и алтарем посередине; на алтаре пылало сердце и лежал венок, а вверху, на извилистой бандероле, четкими буквами стояло: «Тетушке и благодетельнице Татьяне Борисовне Богдановой от почтительного и любящего племянника, в знак глубочайшей привязанности». Татьяна Борисовна снова его целовала и дарила ему целковый. Большой, однако, привязанности она к нему не чувствовала: подобострастие Андрюши ей не совсем нравилось. Между тем Андрюша подрастал; Татьяна Борисовна начинала, беспокоиться о его будущности. Неожиданный случай вывел ее из затруднения…

А именно: однажды, лет восемь тому назад, заехал к ней некто г. Беневоленский, Петр Михайлыч, коллежский советник и кавалер. Г-н Беневоленский некогда состоял на службе в ближайшем уездном городе и прилежно посещал Татьяну Борисовну; потом переехал в Петербург, вступил в министерство, достиг довольно важ-

ного места и в одну из частых своих поездок по казенной надобности вспомнил о своей старинной знакомой и завернул к ней, с намерением отдохнуть дня два от забот служебных «на лоне сельской тишины».[103] Татьяна Борисовна приняла его с обыкновенным своим радушием, и г. Беневоленский… Но прежде чем мы приступим к продолжению рассказа, позвольте, любезный читатель, познакомить вас с этим новым лицом.

Г-н Беневоленский был человек толстоватый, среднего роста, мягкий на вид, с коротенькими ножками и пухленькими ручками; носил он просторный и чрезвычайно опрятный фрак, высокий и широкий галстух, белое, как снег, белье, золотую цепочку на шелковом жилете, перстень с камеем на указательном пальце и белокурый парик; говорил убедительно и кротко, выступал без шуму, приятно улыбался, приятно поводил глазами, приятно погружал подбородок в галстух: вообще приятный был человек. Сердцем его тоже господь наделил добрейшим: плакал он и восторгался легко; сверх того, пылал бескорыстной страстью к искусству, и уж подлинно бескорыстной, потому что именно в искусстве г.

---

103 Примечания: 155

«…на лоне сельской тишины». — Строка из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. VII, строфа 2-я).

Беневоленский, коли правду сказать, решительно ничего не смыслил. Даже удивительно, откуда, в силу каких таинственных и непонятных законов взялась у него эта страсть? Кажется, человек он был положительный, даже дюжинный… Впрочем, у нас на Руси таких людей довольно много.

Любовь к художеству и художникам придает этим людям приторность неизъяснимую; знаться с ними, с ними разговаривать — мучительно: настоящие дубины, вымазанные медом. Они, например, никогда не называют Рафаэля — Рафаэлем, Корреджио — Корреджием: «Божественный Санцио, неподражаемый де Аллегрис», — говорят они, и говорят непременно на ó. Всякий доморощенный, самолюбивый, перехитренный и посредственный талант величают они гением, или, правильнее, «хэнием»; синее небо Италии, южный лимон, душистые пары берегов Бренты не сходят у них с языка. «Эх, Ваня, Ваня» или «Эх, Саша, Саша, — с чувством говорят они друг другу, — на юг бы нам, на юг… ведь мы с тобою греки душою, древние греки!» Наблюдать их можно на выставках, перед иными произведениями иных российских живописцев. (Должно заметить, что по большей части все эти господа патриоты страшные.) То отступят они шага на два и закинут

голову, то снова придвинутся к картине; глазки их покрываются маслянистою влагой… «Фу ты, боже мой, — говорят они наконец разбитым от волнения голосом, — души-то, души-то что! эка, сердца-то, сердца! эка души-то напустил! тьма души!.. А задумано-то как! мастерски задумано!» А что у них самих в гостиных за картины! Что за художники ходят к ним по вечерам, пьют у них чай, слушают их разговоры! Какие они им подносят перспективные виды собственных комнат с щеткой на правом плане, грядкой сору на вылощенном полу, желтым самоваром на столе возле окна и самим хозяином, в халате и ермолке, с ярким бликом света на щеке! Что за длинноволосые питомцы муз, с лихорадочно-презрительной улыбкой, их посещают! Что за бледно-зеленые барышни взвизгивают у них за фортепьянами! Ибо у нас уже так на Руси заведено: одному искусству человек предаваться не может — подавай ему все. И потому нисколько не удивительно, что эти господа любители также оказывают сильное покровительство русской литературе, особенно драматической… «Джакобы Саназары» писаны

для них:[104] тысячи раз изображенная борьба непризнанного таланта с людьми, с целым миром потрясает их до дна души,..

На другой же день после приезда г. Беневоленского Татьяна Борисовна, за чаем, велела племяннику показать гостю свои рисунки. «А он у вас рисует?» — не без удивления произнес г. Беневоленский и с участием обратился к Андрюше. «Как же, рисует, — сказала Татьяна Борисовна. — Такой охотник! и ведь один, без учителя». — «Ах, покажите, покажите, — подхватил г. Беневоленский, Андрюша, краснея и улыбаясь, поднес гостю свою тетрадку. Г-н Беневоленский начал, с видом знатока, ее перелистывать. «Хорошо, молодой человек, — промолвил он наконец, — хорошо, очень хорошо». И он погладил Андрюшу по головке. Андрюша на лету поцеловал его руку. «Скажите, какой талант!.. Поздравляю вас, Татьяна Борисовна, поздравляю». — «Да что, Петр Михайлыч, здесь учителя не могу ему сыскать. Из города — дорог; у соседей, у Артамоновых, есть

---

104 Примечания: 156

«Джакобы Санназары» писаны для них... — Ироническая оценка драматической фантазии Н. В. Кукольника «Джакобо Санназар» (1834) как произведения, написанного по шаблонам ходульного романтизма, соответствует общей характеристике его драматургии, данной Тургеневым незадолго до этого в рецензии на трагедию Кукольника «Генерал-поручик Паткуль». См.: Современник. 1847. № 1. Отд. I. С. 59-81.

живописец и, говорят, отличный, да барыня ему запрещает чужим людям уроки давать. Говорит, вкус себе испортит». — «Гм, — произнес г. Беневоленский, задумался и поглядел исподлобья на Андрюшу. — Ну, мы об этом потолкуем», — прибавил он вдруг и потер себе руки. В тот же день он попросил у Татьяны Борисовны позволения поговорить с ней наедине. Они заперлись. Через полчаса кликнули Андрюшу. Андрюша вошел. Г-н Беневоленский стоял у окна с легкой краской на лице и сияющими глазами. Татьяна Борисовна сидела в углу и утирала слезы. «Ну, Андрюша, — заговорила она наконец, — благодари Петра Михайлыча; он берет тебя на свое попечение, увозит тебя в Петербург». Андрюша так и замер на месте. «Вы мне скажите откровенно, — начал г. Беневоленский голосом, исполненным достоинства и снисходительности, — желаете ли вы быть художником, молодой человек, чувствуете ли вы священное призвание к искусству?» — «Я желаю быть художником, Петр Михайлыч», — трепетно подтвердил Андрюша. «В таком случае я очень рад. Вам, конечно, — продолжал г. Беневоленский, — тяжко будет расстаться с вашей почтенной тетушкой; вы должны чувствовать к ней живейшую благодарность». — «Я обожаю мою

тетушку», — прервал его Андрюша и заморгал глазами. «Конечно, конечно, это весьма понятно и делает вам много чести; но зато, вообразите, какую радость со временем… ваши успехи…» — «Обними меня, Андрюша», — пробормотала добрая помещица. Андрюша бросился ей на шею. «Ну, а теперь поблагодари своего благодетеля…» Андрюша обнял живот г. Беневоленского, поднялся на цыпочки и достал-таки его руку, которую благодетель, правда, принимал, но не слишком спешил принять… Надо ж потешить, удовлетворить ребенка, ну и себя можно побаловать. Дня через два г. Беневоленский уехал и увез своего нового питомца.

В течение первых трех лет разлуки Андрюша писал довольно часто, прилагал иногда к письмам рисунки. Г-н Беневоленский изредка прибавлял также несколько слов от себя, большей частью одобрительных; потом письма реже стали, реже, наконец совсем прекратились. Целый год безмолвствовал племянник; Татьяна Борисовна начинала уже беспокоиться, как вдруг получила записочку следующего содержания:

Татьяна Борисовна отправила к племяннику 250 рублей. Через два месяца он потребовал еще; она собрала последнее и выслала еще. Не прошло

шести недель после вторичной присылки, он попросил в третий раз, будто на краски для портрета, заказанного ему княгиней Тертерешеневой. Татьяна Борисовна отказала. «В таком случае, — написал он ей, — я намерен приехать к вам в деревню для поправления моего здоровья». И действительно, в мае месяце того же года Андрюша вернулся в Малые Брыки.

Татьяна Борисовна сначала его не узнала. По письму его она ждала человека болезненного и худого, а увидела малого плечистого, толстого, с лицом широким и красным, с курчавыми и жирными волосами. Тоненький и бледненький Андрюша превратился в дюжего Андрея Иванова Беловзорова. Не одна наружность в нем изменилась. Щепетильную застенчивость, осторожность и опрятность прежних лет заменило небрежное молодечество, неряшество нестерпимое; он на ходу качался вправо и влево, бросался в кресла, обрушался на стол, разваливался, зевал во всё горло; с теткой, с людьми обращался дерзко. Я, дескать, художник, вольный казак! Знай наших! Бывало, по целым дням кисти в руки не берет; найдет на него так называемое вдохновенье — ломается словно с похмелья, тяжело, неловко, шумно; грубой краской разгорятся щеки, глаза

посоловеют; пустится толковать о своем таланте, о своих успехах, о том, как он развивается, идет вперед… На деле же оказалось, что способностей его чуть-чуть хватало на сносные портретики. Невежда он был круглый, ничего не читал, да и на что художнику читать? Природа, свобода, поэзия — вот его стихии. Знай потряхивай кудрями да заливайся соловьем, да затягивайся Жуковым взасос! Хороша русская удаль, да немногим она к лицу; а бездарные Полежаевы второй руки невыносимы. Зажился наш Андрей Иваныч у тетушки: даровой хлеб, видно, по вкусу пришелся. На гостей нагонял он тоску смертельную. Сядет, бывало, за фортепьяны (у Татьяны Борисовны и фортепьяны водились), и начнет одним пальцем отыскивать «Тройку удалую»;[105] аккорды берет, стучит по клавишам; по целым часам мучительно завывает романсы Варламова: «У-единенная сосна» или: «Нет, доктор, нет, не приходи»,[106] а

---

105 Примечания: 157

…начнет одним пальцем отыскивать «Тройку удалую»… — Популярная песня «Вот мчится тройка удалая…», сочиненная неизвестным композитором на слова Ф. Н. Глинки (часть его стихотворения 1825 г. «Сон русского на чужбине»).

106 Примечания: 158

…романсы Варламова: «У-единенная сосна» или: «Нет, доктор, нет, не приходи»… — А. Е. Варламову принадлежит лишь второй из названных романсов — «Доктор» на слова Ф. Н. Глинки. «Уединенная сосна» — романс композитора Н. А. Титова на слова М. А. Офросимова.

у самого глаза заплыли жиром и щеки лоснятся, как барабан… А то вдруг грянет: «Уймитесь, волнения страсти»…[107] Татьяна Борисовна так и вздрогнет.

— Удивительное дело, — заметила она мне однажды, — какие нынче всё песни сочиняют, отчаянные какие-то; в мое время иначе сочиняли: и печальные песни были, а всё приятно было слушать… Например:

Приди, приди ко мне на луг,[108]
Где жду тебя напрасно;
Приди, приди ко мне на луг,
Где слезы лью всечасно…
Увы, придешь ко мне на луг,
Но будет поздно, милый друг!

Татьяна Борисовна лукаво улыбнулась.

«Я стра-ажду, я стра-ажду», — завыл в соседней

---

107 Примечания: 159

…«Уймитесь, волнения страсти»… — Начальные слова романса М. И. Глинки «Сомнение» (1838) на слова Н. В. Кукольника.

108 Примечания: 160

…«Приди, приди ко мне на луг…» — Цитата из песни неизвестного автора, входившей во многие песенники начиная с 1820-х годов; текст ее несколько варьировался. Первые четыре стиха в цитате относятся к начальной строфе (всего их в песне 5), последние два — заключительные (см.: Песни для русского народа <…> собранные Михаилом Смирдиным. СПб., 1859. Ч. I. С. 485-486. Без подписи).

комнате племянник.

— Полно тебе, Андрюша.

«Душа изнывает в разлу-уке», — продолжал неугомонный певец.

Татьяна Борисовна покачала головой. — Ох, уж эти мне художники!..

С того времени прошел год. Беловзоров до сих пор живет у тетушки и всё собирается в Петербург. Он в деревне стал поперек себя толще. Тетка — кто бы мог это подумать — в нем души не чает, а окрестные девицы в него влюбляются…

Много прежних знакомых перестало ездить к Татьяне Борисовне.

СМЕРТЬ

У меня есть сосед, молодой хозяин и молодой охотник. В одно прекрасное июльское утро заехал я к нему верхом с предложением отправиться вместе на тетеревов. Он согласился. «Только, — говорит, — поедемте по моим мелочам, к Зуше; я кстати посмотрю Чаплыгино; вы знаете, мой дубовый лес? у меня его рубят». — «Поедемте» Он велел оседлать лошадь, надел зеленый сюртучок с бронзовыми пуговицами, изображавшими кабаньи головы, вышитый гарусом ягдташ, серебряную флягу, накинул на плечо новенькое

французское ружье, не без удовольствия повертелся перед зеркалом и кликнул свою собаку Эсперанс, подаренную ему кузиной, старой девицей с отличным сердцем, но без волос. Мы отправились. Мой сосед взял с собою десятского Архипа, толстого и приземистого мужика с четвероугольным лицом и допотопно развитыми скулами, да недавно нанятого управителя из остзейских губерний, юношу лет девятнадцати, худого, белокурого, подслеповатого, со свислыми плечами и длинной шеей, г. Готлиба фон-дер-Кока. Мой сосед сам недавно вступил во владение имением. Оно досталось ему в наследство от тетки, статской советницы Кардон-Катаевой, необыкновенно толстой женщины, которая, даже лежа в постеле, продолжительно и жалобно кряхтела. Мы въехали в «мелочá». «Вы меня здесь подождите на полянке», — промолвил Ардалион Михайлыч (мой сосед), обратившись к своим спутникам. Немец поклонился, слез с лошади, достал из кармана книжку, кажется, роман Иоганны Шопенгауэр,[109] и присел под кустик; Архип остался на солнце и в течение часа не шевель-

109 Примечания: 161

…роман Иоганны Шопенгауэр… — Сочинения немецкой романистки, матери известного философа, вышли в 1830-1831 гг. в 24 томах в Лейпциге-Франкфурте.

нулся. Мы покружили по кустам и не нашли ни одного выводка. Ардалион Михайлыч объявил, что он намерен отправиться в лес. Мне самому в тот день что-то не верилось в успех охоты: я тоже поплелся вслед за ним. Мы вернулись на полянку. Немец заметил страницу, встал, положил книгу в карман и сел, не без труда, на свою куцую, бракованную кобылу, которая визжала и подбрыкивала от малейшего прикосновения; Архип встрепенулся, задергал разом обоими поводьями, заболтал ногами и сдвинул наконец с места свою ошеломленную и придавленную лошаденку. Мы поехали.

Лес Ардалиона Михайлыча с детства был мне знаком. Вместе с моим французским гувернером m-r Desire Fleury, добрейшим человеком (который, впрочем, чуть было навсегда не испортил моего здоровья, заставляя меня по вечерам пить лекарство Леруа[110]), часто хаживал я в Чаплыгино. Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух- или трехсот огромных дубов и ясеней. Их статные, могучие стволы великолепно чернели на золотисто-прозрачной зелени орешников и

110 Примечания: 162

…лекарство Леруа… — Слабительное питье; ввел в употребление французский врач Жан-Жак Ле-Руа д'Этиоль. С его сыном Тургенев был близок в Париже. См.: *Письма II.* Т. 1. С. 237, 249, 373, 382.

рябин; поднимаясь выше, стройно рисовались на ясной лазури и там уже раскидывали шатром свои широкие узловатые сучья; ястреба, кобчики, пустельги со свистом носились над неподвижными верхушками, пестрые дятлы крепко стучали по толстой коре; звучный напев черного дрозда внезапно раздавался в густой листве вслед за переливчатым криком иволги; внизу, в кустах, чирикали и пели малиновки, чижи и пеночки; зяблики проворно бегали по дорожкам; беляк прокрадывался вдоль опушки, осторожно «костыляя»; красно-бурая белка резво прыгала от дерева к дереву и вдруг садилась, поднявши хвост над головой. В траве, около высоких муравейников, под легкой тенью вырезных красивых листьев папоротника, цвели фиалки и ландыши, росли сыроежки, волвянки, грузди, дубовики, красные мухоморы; на лужайках, между широкими кустами, алела земляника… А что за тень в лесу была! В самый жар, в полдень — ночь настоящая: тишина, запах, свежесть… Весело проводил я время в Чаплыгине, и оттого, признаюсь, не без грустного чувства въехал я теперь в слишком знакомый мне лес. Губительная, бесснежная зима 40-го года не пощадила старых моих друзей — дубов и ясеней; засохшие, обнаженные, кое-где покры-

тые чахоточной зеленью, печально высились они над молодой рощей, которая сменила их, не заменив»...[*111] Иные, еще обросшие листьями внизу, словно с упреком и отчаянием поднимали кверху свои безжизненные, обломанные ветви; у других из листвы, еще довольно густой, хотя не обильной, не избыточной по-прежнему, торчали толстые, сухие, мертвые сучья; с иных уже кора долой спадала; иные, наконец, вовсе повалились и гнили, словно трупы на земле. Кто бы мог это предвидеть — тени в Чаплыгине, тени нигде нельзя было найти! Что, думал я, глядя на умирающие деревья: чай, стыдно и горько вам?.. Вспомнился мне Кольцов:

Где ж девалася
Речь высокая,

*** Примечания: ~ note_041 ~**

41

В 40-м году, при жесточайших морозах, до самого конца декабря не выпало снегу; зеленя все вымерзли,[172] к много прекрасных дубовых лесов погубила эта безжалостная зима. Заменить их трудно: производительная сила земли видимо скудеет; на «заказанных» (с образами обойденных) пустырях, вместо прежних благородных деревьев, сами собою вырастают березы да осины; а иначе разводить рощи у нас не умеют.

111 Примечания: 163

...«сменила их, не заменив»... — Перифраза стиха из «Евгения Онегина» Пушкина (гл. 1, строфа 19).

172 Примечания: 224

…зеленя все вымерзли… — Белинский по поводу этого места заметил, что Тургенев «пересаливает в употреблении слов орловского языка, даже от себя употребляя слово зеленя, которое так же бессмысленно, как лесеня и хлебеня, вместо леса и хлеба» (письмо П. В. Анненкову от 15 февраля 1848 г. // Белинский. Т. 12. С. 467). Слово «зеленя», однако, прошло через все издания «Записок охотника», кончая последним прижизненным.

Сила гордая,
Доблесть царская?
Где ж теперь твоя
Мочь зеленая?..

— Как же это, Ардалион Михайлыч, — начал я, — отчего ж эти деревья на другой же год не срубили? Ведь за них теперь против прежнего десятой доли не дадут.

Он только плечами пожал.

— Спросили бы тетушку, — а купцы приходили, деньги приносили, приставали.

— Mein Gott! Mein Gott! — восклицал на каждом шагу фон-дер-Кок. — Што са шалость! што са шалость!

— Какая шалость? — с улыбкой заметил мой сосед.

— То ист как шалко, я скасать хотеллл. (Известно, что все немцы, одолевшие наконец нашу букву «люди», удивительно на нее напирают).

Особенно возбуждали его сожаление лежавшие на земле дубы — и действительно: иной бы мельник дорого за них заплатил. Зато десятский Архип сохранял спокойствие невозмутимое и не горевал нисколько; напротив, он даже не без удовольствия через них перескакивал и кнутиком

по ним постегивал.

Мы пробирались на место рубки, как вдруг, вслед за шумом упавшего дерева, раздался крик и говор, и через несколько мгновений нам навстречу из чащи выскочил молодой мужик, бледный и растрепанный.

— Что такое? куда ты бежишь? — спросил его Ардалион Михайлыч.

Он тотчас остановился.

— Ах батюшка, Ардалион Михайлыч, беда!

— Что такое?

— Максима, батюшка, деревом пришибло.

— Каким это образом?.. Подрядчика Максима?

— Подрядчика, батюшка. Стали мы ясень рубить, а он стоит да смотрит… Стоял, стоял, да и пойди за водой к колодцу: слышь, пить захотелось. Как вдруг ясень затрещит да прямо на него. Мы кричим ему: беги, беги, беги… Ему бы в сторону броситься, а он возьми да прямо и побеги… заробел, знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрыл. И отчего так скоро повалился, — господь его знает… Разве сердцевина гнила была.

— Ну, и убило Максима?

— Убило, батюшка.

— До смерти?

— Нет, батюшка, еще жив, — да что: ноги и руки

ему перешибло. Я вот за Селиверстычем бежал, за лекарем.

Ардалион Михайлыч приказал десятскому скакать в деревню за Селиверстычем, а сам крупной рысью поехал вперед на ссечки… Я за ним.

Мы нашли бедного Максима на земле. Человек десять мужиков стояло около него. Мы слезли с лошадей. Он почти не стонал, изредка раскрывал и расширял глаза, словно с удивлением глядел кругом и покусывал посиневшие губы… Подбородок у него дрожал, волосы прилипли ко лбу, грудь поднималась неровно: он умирал. Легкая тень молодой липы тихо скользила по его лицу.

Мы нагнулись к нему. Он узнал Ардалиона Михайлыча.

— Батюшка, — заговорил он едва внятно, — за попом… послать… прикажите… Господь… меня наказал… ноги, руки, всё перебито… сегодня… воскресенье… а я… а я… вот… ребят-то не распустил.

Он помолчал. Дыханье ему спирало.

— Да деньги мои… жене… жене дайте… за вычетом… вот Онисим знает… кому я… что должен…

— Мы за лекарем послали, Максим, — заговорил мой сосед, — может быть, ты еще и не умрешь.

Он раскрыл было глаза и с усилием поднял брови и веки.

— Нет, умру. Вот… вот подступает, вот она, вот… Простите мне, ребята, коли в чем…

— Бог тебя простит, Максим Андреич, — глухо заговорили мужики в один голос и шапки сняли, — прости ты нас.

Он вдруг отчаянно потряс головой, тоскливо выпятил грудь и опустился опять.

— Нельзя же ему, однако, тут умирать, — воскликнул Ардалион Михайлыч, — ребята, давайте-ка вон с телеги рогожку, снесемте его в больницу.

Человека два бросились к телеге.

— Я у Ефима… сычовского… — залепетал умирающий, — лошадь вчера купил… задаток дал… так лошадь-то моя… жене ее… тоже…

Стали его класть на рогожу… Он затрепетал весь, как застреленная птица, и выпрямился.

— Умер, — пробормотали мужики.

Мы молча сели на лошадей и отъехали.

Смерть бедного Максима заставила меня призадуматься. Удивительно умирает русский мужик! Состоянье его перед кончиной нельзя назвать ни равнодушием, ни тупостью; он умирает, словно обряд совершает: холодно и просто.

Несколько лет тому назад у другого моего соседа в деревне мужик в овине обгорел. (Он так

бы и остался в овине, да заезжий мещанин его полуживого вытащил: окунулся в кадку с водой, да с разбега и вышиб дверь под пылавшим навесом.) Я зашел к нему в избу. Темно в избе, душно, дымно. Спрашиваю: где больной? «А вон, батюшка, на лежанке», — отвечает мне нараспев подгорюнившаяся баба. Подхожу — лежит мужик, тулупом покрылся, дышит тяжко. «Что, как ты себя чувствуешь?» Завозился больной на печи, подняться хочет, а весь в ранах, при смерти. «Лежи, лежи, лежи… Ну, что? как?» — «Вестимо, плохо», — говорит. «Больно тебе?» Молчит. «Не нужно ли чего?» Молчит. «Не прислать ли тебе чаю, что ли?» — «Не надо». Я отошел от него, присел на лавку. Сижу четверть часа, сижу полчаса — гробовое молчание в избе. В углу, за столом под образами, прячется девочка лет пяти, хлеб ест. Мать изредка грозится на нее. В сенях ходят, стучат, разговаривают: братнина жена капусту рубит. «А, Аксинья!» — проговорил, наконец, больной. «Чего?» — «Квасу дай». Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. Спрашиваю шёпотом: «Причастили его?» — «Причастили». Ну, стало быть, и всё в порядке: ждет смерти, да и только. Я не вытерпел и вышел…

А то, помнится, завернул я однажды в больницу

села Красногорья к знакомому мне фельдшеру Капитону, страстному охотнику.

Больница эта состояла из бывшего господского флигеля; устроила ее сама помещица, то есть велела прибить над дверью голубую доску с надписью белыми буквами: «Красногорская больница», и сама вручила Капитону красивый альбом для записывания имен больных. На первом листке этого альбома один из лизоблюдов и прислужников благодетельной помещицы начертал следующие стишки:

Dans ces beaux lieux, où règne l'allégresse,
Ce temple Jut oil vert par la Beauté;
De vos seigneurs admirez la tendresse,
Bons habitants de Krasnogorié![*]

а другой господин внизу приписал:

Et moi aussi j'aime la nature!

*** Примечания: ~ note_042 ~**

В прекрасных местах, где царствует веселье, Сама красота воздвигла этот храм; Восхищайтесь щедростью ваших господ, Добрые обитатели Красногорья! (фр.) — Ред.

Jean Kobyliatnikoff.*

Фельдшер купил на свои деньги шесть кроватей и пустился, благословись, лечить народ божий. Кроме его, при больнице состояло два человека: подверженный сумасшествию резчик Павел и сухорукая баба Меликитриса, занимавшая должность кухарки. Они оба приготовляли лекарства, сушили и настаивали травы; они же укрощали горячечных больных. Сумасшедший резчик был на вид угрюм и скуп на слова; по ночам пел песню «о прекрасной Венере» и к каждому проезжему подходил с просьбой позволить ему жениться на какой-то девке Маланье, давно уже умершей. Сухорукая баба била его и заставляла стеречь индюшек. Вот, сижу я однажды у фельдшера Капитона. Начали мы было разговаривать о последней нашей охоте, как вдруг на двор въехала телега, запряженная необыкновенно толстой сивой лошадью, какие бывают только у мельников. В телеге сидел плотный мужик в новом армяке, с разноцветной бородой. — «А, Василий Дмитрич, — закричал из окна Капитон, — милости про-

*** Примечания: ~ note_043 ~**

И я тоже люблю природу!
Иван Кобылятников (фр.) — Ред.

сим… Лыбовшинский мельник», — шепнул он мне. Мужик, покряхтывая, слез с телеги, вошел в фельдшерову комнату, поискал глазами образа и перекрестился. «Ну что, Василий Дмитрич, что новенького?.. Да вы, должно быть, нездоровы: лицо у вас нехорошо». — «Да, Капитон Тимофеич, неладно что-то». — «Что с вами?» — «Да вот что, Капитон Тимофеич. Недавно купил я в городе жернова; ну, привез их домой, да как стал их с телеги-то выкладывать, понатужился, знать, что ли, в череве-то у меня так ёкнуло, словно оборвалось что… да вот с тех пор всё и нездоровится. Сегодня даже больно неладно». — «Гм, — промолвил Капитон и понюхал табаку, — значит, грыжа. А давно с вами это приключилось?» — «Да десятый денек пошел». — «Десятый? (Фельдшер потянул в себя сквозь зубы воздух н головой покачал.) Позволь-ка себя пощупать. Ну, Василий Дмитрич, — проговорил он наконец, — жаль мне тебя, сердечного, а ведь дело-то твое неладно; ты болен не на шутку; оставайся-ка здесь у меня; я с своей стороны всё старание приложу, а впрочем, ни за что не ручаюсь». — «Будто так худо?» — пробормотал изумленный мельник. «Да, Василий Дмитрич, худо; пришли бы вы ко мне деньками двумя пораньше — и ничего бы, как рукой бы

снял; а теперь у вас воспаление, вон что; того и гляди антонов огонь сделается». — «Да быть не может, Капитон Тимофеич». — «Уж я вам говорю». — «Да как же это! (Фельдшер плечами пожал.) И умирать мне из-за этакой дряни?» — «Этого я не говорю… а только оставайтесь здесь». Мужик подумал, подумал, посмотрел на пол, потом на нас взглянул, почесал в затылке да за шапку. «Куда же вы, Василий Дмитрич?» — «Куда? вестимо куда — домой, коли так плохо. Распорядиться следует, коли так». — «Да вы себе беды наделаете, Василий Дмитрич, помилуйте; я и так удивляюсь, как вы доехали? останьтесь». — «Нет, брат Капитон Тимофеич, уж умирать, так дома умирать; а то что ж я здесь умру, — у меня дома и господь знает что приключится». — «Еще неизвестно, Василий Дмитрич, как дело-то пойдет… Конечно, опасно, очень опасно, спору нет… да оттого-то и следует вам остаться». (Мужик головой покачал.) «Нет, Капитон Тимофеич, не останусь… а лекарствицо разве пропишите». — «Лекарство одно не поможет». — «Не останусь, говорят». — «Ну, как хочешь… чур потом не пенять!»

Фельдшер вырвал страничку из альбома и, прописав рецепт, посоветовал, что еще делать. Мужик взял бумажку, дал Капитону полтинник,

вышел из комнаты и сел на телегу. «Ну, прощайте, Капитон Тимофеич, не поминайте лихом да сироток не забывайте, коли что...» — «Эй, останься, Василий!» Мужик только головой тряхнул, ударил вожжой по лошади и съехал со двора. Я вышел на улицу и поглядел ему вслед. Дорога была грязная и ухабистая; мельник ехал осторожно, не торопясь, ловко правил лошадью и со встречными раскланивался... На четвертый день он умер.

Вообще удивительно умирают русские люди. Много покойников приходит мне теперь на память. Вспоминаю я тебя, старинный мой приятель, недоучившийся студент Авенир Сорокоумов, прекрасный, благороднейший человек! Вижу снова твое чахоточное зеленоватое лицо, твои жидкие русые волосики, твою кроткую улыбку, твой восторженный взгляд, твои длинные члены; слышу твой слабый, ласковый голос. Жил ты у великороссийского помещика Гура Крупяникова, учил его детей Фофу и Зёзю русской грамоте, географии и истории, терпеливо сносил тяжелые шутки самого Гура, грубые любезности дворецкого, пошлые шалости злых мальчишек, не без горькой улыбки, но и без ропота исполнял прихотливые требования скучающей барыни;

зато, бывало, как ты отдыхал, как ты блаженствовал вечером, после ужина, когда, отделавшись наконец от всех обязанностей и занятий, ты садился перед окном, задумчиво закуривал трубку или с жадностью перелистывал изуродованный и засаленный нумер толстого журнала, занесенный из города землемером, таким же бездомным горемыкою, как ты! Как нравились тебе тогда всякие стихи и всякие повести, как легко навертывались слезы на твои глаза, с каким удовольствием ты смеялся, какою искреннею любовью к людям, каким благородным сочувствием ко всему доброму и прекрасному проникалась твоя младенчески чистая душа! Должно сказать правду: не отличался ты излишним остроумием; природа не одарила тебя ни памятью, ни прилежанием; в университете считался ты одним из самых плохих студентов; на лекциях ты спал, на экзаменах — молчал торжественно; но у кого сияли радостью глаза, у кого захватывало дыхание от успеха, от удачи товарища? У Авенира… Кто слепо веровал в высокое призвание друзей своих, кто превозносил их с гордостью, защищал их с ожесточением? Кто не знал ни зависти, ни самолюбия, кто бескорыстно жертвовал собою, кто охотно подчинялся людям, не стоившим

развязать ремень от сапог его?..[112] Всё ты, всё ты, наш добрый Авенир! Помню: с сокрушенным сердцем расставался ты с товарищами, уезжая на «кондицию»; злые предчувствия тебя мучили… И точно: в деревне плохо тебе пришлось; в деревне тебе некого было благоговейно выслушивать, некому удивляться, некого любить… И степняки и образованные помещики обходились с тобою, как с учителем: одни — грубо, другие — небрежно. Притом же ты и фигурой не брал; робел, краснел, потел, заикался… Даже здоровья твоего не поправил сельский воздух: истаял ты, как свечка, бедняк! Правда: комнатка твоя выходила в сад; черемухи, яблони, липы сыпали тебе на стол, на чернильницу, на книги свои легкие цветки; на стене висела голубая шёлковая подушечка для часов, подаренная тебе в прощальный час добренькой чувствительной немочкой, гувернанткой с белокурыми кудрями и синими глазками; иногда заезжал к тебе старый друг из Москвы и приводил тебя в восторг чужими или даже своими стихами; но одиночество, но невыносимое рабство учительского звания, невозможность освобождения, но бесконечные

112 Примечания: 164

…людям, не стоившим развязать ремень от сапог его? — Цитата из Евангелия от Марка, гл. I, ст. 7.

осени и зимы, но болезнь неотступная… Бедный, бедный Авенир!

Я посетил Сорокоумова незадолго до его смерти. Он уже почти ходить не мог. Помещик Гур Крупяников не выгонял его из дому, но жалованье перестал ему выдавать и другого учителя нанял Зёзе… Фофу отдали в кадетский корпус. Авенир сидел возле окна в старых вольтеровских креслах. Погода была чудная. Светлое осеннее небо весело синело над темно-бурою грядой обнаженных лип; кое-где шевелились и лепетали на них последние, ярко-золотые листья. Прохваченная морозом земля потела и оттаивала на солнце; его косые румяные лучи били вскользь по бледной траве; в воздухе чудился легкий треск; ясно и внятно звучали в саду голоса работников. На Авенире был ветхий бухарский халат; зеленый шейный платок бросал мертвенный оттенок на его страшно исхудавшее лицо. Он весьма мне обрадовался, протянул руку, заговорил и закашлялся. Я дал ему успокоиться, подсел к нему… На коленях у Авенира лежала тетрадка стихотворений Кольцова, тщательно переписанных; он с улыбкой постучал по ней рукой. «Вот поэт», — пролепетал он, с усилием сдерживая кашель, и пустился было декламировать едва слышным

голосом:

Аль у сокола
Крылья связаны?
Аль пути ему
Все заказаны?[113]

Я остановил его: лекарь запретил ему разговаривать. Я знал, чем ему угодить. Сорокоумов никогда, как говорится, не «следил» за наукой, но любопытствовал знать, что, дескать, до чего дошли теперь великие умы? Бывало, поймает товарища где-нибудь в углу и начнет его расспрашивать: слушает, удивляется, верит ему на слово и уж так потом за ним и повторяет. Особенно немецкая философия его сильно занимала. Я начал толковать ему о Гегеле (дела давно минувших дней, как видите).[114] Авенир качал утвердитель-

---

113 Примечания: 165

…Аль у сокола… (и далее) — Цитата из стихотворения Кольцова «Дума сокола» (1842), строфа 3.

114 Примечания: 166

Я начал толковать ему о Гегеле (дела давно минувших дней, как видите). — Тургенев цитирует строки из первой песни поэмы Пушкина «Руслан и Людмила», идущие вслед за прологом. Относя увлечение философией Гегеля к прошлому, Тургенев фиксирует новый этап в развитии русской передовой мысли, которая обратилась с начала 1840-х годов к проблемам общественного переустройства, к учениям французских социалистов-утопистов и материалистической философии Фейербаха (ср. оценки Тургеневым Фейербаха в письме к П. Виардо от 26 ноября (8 дек.) 1847 г. *Письма II.* Т. 1. С. 239, 374. См. также «Письма из Берлина»).

но головой, поднимал брови, улыбался, шептал: «Понимаю, понимаю!.. а! хорошо, хорошо!..» Детская любознательность умирающего, бесприютного и заброшенного бедняка, признаюсь, до слез меня трогала. Должно заметить, что Авенир, в противность всем чахоточным, нисколько не обманывал себя насчет своей болезни… и что ж? — он не вздыхал, не сокрушался, даже ни разу не намекнул на свое положение…

Собравшись с силами, заговорил он о Москве, о товарищах, о Пушкине, о театре, о русской литературе; вспоминал наши пирушки, жаркие прения нашего кружка, с сожалением произнес имена двух-трех умерших приятелей…

— Помнишь Дашу? — прибавил он наконец, — вот золотая была душа! вот было сердце! И как она меня любила!.. Что с ней теперь? Чай, иссохла, исчахла, бедняжка?

Я не посмел разочаровать больного — и в самом деле, зачем ему было знать, что Даша его теперь поперек себя толще, водится с купцами — братьями Кондачковыми, белится и румянится, пищит и бранится.

Однако, подумал я, глядя на его изнеможенное лицо, нельзя ли его вытащить отсюда? Может быть, еще есть возможность его вылечить… Но

Авенир не дал мне докончить мое предложение.

— Нет, брат, спасибо, — промолвил он, — всё равно где умереть. Я ведь до зимы не доживу… К чему понапрасну людей беспокоить? Я к здешнему дому привык. Правда, господа-то здешние…

— Злые, что ли? — подхватил я.

— Нет, не злые: деревяшки какие-то. А впрочем, я не могу на них пожаловаться. Соседи есть: у помещика Касаткина дочь, образованная, любезная, добрейшая девица… не гордая…

Сорокоумов опять раскашлялся.

— Всё бы ничего, — продолжал он, отдохнувши, — кабы трубочку вы курить позволили!.. А уж я так не умру, выкурю трубочку! — прибавил он, лукаво подмигнув глазом. Слава богу, пожил довольно; с хорошими людьми знался…

— Да ты бы хоть к родным написал, перебил я его.

— Что к родным писать? Помочь — они мне не помогут; умру — узнают. Да что об этом говорить… Расскажи-ка мне лучше, что ты за границей видел?

Я начал рассказывать. Он так и впился в меня. К вечеру я уехал, а дней через десять получил следующее письмо от г. Крупяникова:

«Сим честь имею известить вас, милостивый

государь мой, что приятель ваш, у меня в доме проживавший студент, г. Авенир Сорокоумов, четвертого дня в два часа пополудни скончался и сегодня на мой счет в приходской моей церкви похоронен. Просил он меня переслать к вам приложенные при сем книги и тетради. Денег у него оказалось 22 рубля с полтиной, которые, вместе с прочими его вещами, доставятся по принадлежности родственникам. Скончался ваш друг в совершенной памяти и, можно сказать, с таковою же бесчувственностию, не изъявляя никаких знаков сожаления, даже когда мы целым семейством с ним прощались. Супруга моя Клеопатра Александровна вам кланяется. Смерть вашего приятеля не могла не подействовать на ее нервы; что же до меня касается, то я, слава богу, здоров и честь имею пребыть

Вашим покорнейшим слугою.

Г. Крупяников».

Много других еще примеров в голову приходит, — да всего не перескажешь. Ограничусь одним.

Старушка помещица при мне умирала. Священник стал читать над ней отходную, да вдруг заметил, что больная-то действительно отходит, и поскорее подал ей крест. Помещица с неудовольствием отодвинулась. «Куда спешишь,

батюшка, — проговорила она коснеющим языком, — успеешь...» Она приложилась, засунула было руку под подушку и испустила последний вздох. Под подушкой лежал целковый: она хотела заплатить священнику за свою собственную отходную...

Да, удивительно умирают русские люди!

ПЕВЦЫ

«Певцы». Рис. П. П. Соколова. 1891-1892. ИРЛИ

Небольшое сельцо Колотовка,[115] принадлежавшее некогда помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в околотке Стрыганихой[116] (настоящее имя ее осталось неизвестным), а ныне состоящее за каким-то петербургским немцем, лежит на скате голого холма, сверху донизу рассеченного страшным оврагом, который, зияя как бездна, вьется, разрытый и размытый, по самой середине улицы и пуще реки, — через реку можно по крайней мере навести мост, — разделяет обе стороны бедной деревушки. Несколько тощих ракит боязливо спускаются по песчаным его бокам; на самом дне, сухом и желтом, как медь, лежат огромные плиты глинистого камня. Невеселый вид, нечего сказать, — а между тем всем окрестным жителям хорошо известна дорога в Колотовку: они ездят туда охотно и часто.

У самой головы оврага, в нескольких шагах от

---

115 Примечания: 167

Колотовка — село с таким названием находилось в двух верстах от с. Тургенева. См.: *Рында.* С. 74.

116 Примечания: 168

...помещице, за лихой и бойкий нрав прозванной в околотке Стрыганихой... — Прозвище «Стрыганиха», в основе которого лежат понятия «строгать» и «стричь» (отдавать в солдаты), в сочетании с экспрессивным суффиксом создавало образ ярой крепостницы и напоминало о свирепой Салтычихе, памятной в то время еще многим читателям. Вся характеристика Стрыганихи не была пропущена в «Современник» цензурой.

той точки, где он начинается узкой трещиной, стоит небольшая четвероугольная избушка, стоит одна, отдельно от других. Она крыта соломой, с трубой; одно окно, словно зоркий глаз, обращено к оврагу и в зимние вечера, освещенное изнутри, далеко виднеется в тусклом тумане мороза и не одному проезжему мужичку мерцает путеводной звездою. Над дверью избушки прибита голубая дощечка: эта избушка — кабак, прозванный «Притынным».* В этом кабаке вино продается, вероятно, не дешевле положенной цены, но посещается он гораздо прилежнее, чем все окрестные заведения такого же рода. Причиной этому целовальник Николай Иваныч.

Николай Иваныч — некогда стройный, кудрявый и румяный парень, теперь же необычайно толстый, уже поседевший мужчина с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазками и жирным лбом, перетянутым морщинами, словно нитками, — уже более двадцати лет проживает в Колотовке. Николай Иваныч человек расторопный и сметливый, как большая часть целовальников. Не отличаясь ни особенной лю-

*** Примечания: ~ note_044 ~**

Притынным называется всякое место, куда охотно сходятся, всякое приютное место.

безностью, ни говорливостью, он обладает даром привлекать и удерживать у себя гостей, которым как-то весело сидеть перед его стойкой, под спокойным и приветливым, хотя зорким взглядом флегматического хозяина. У него много здравого смысла; ему хорошо знаком и помещичий быт, и крестьянский, и мещанский; в трудных случаях он мог бы подать неглупый совет, но, как человек осторожный и эгоист, предпочитает оставаться в стороне и разве только отдаленными, словно без всякого намерения произнесенными намеками наводит своих посетителей — и то любимых им посетителей — на путь истины. Он знает толк во всем, что важно или занимательно для русского человека: в лошадях и в скотине, в лесе, в кирпичах, в посуде, в красном товаре[117] и в кожевенном, в песнях и в плясках. Когда у него нет посещения, он обыкновенно сидит, как мешок, на земле перед дверью своей избы, подвернув под себя свои тонкие ножки, и перекидывается ласковыми словцами со всеми прохожими. Много видал он на своем веку, пережил не один десяток мелких дворян, заезжавших к нему за «очищенным», знает всё, что делается на сто верст кругом,

117 Примечания: 169

...в красном товаре... — Красный товар — аршинный, продаваемый в линейных мерах, а не поштучно.

и никогда не пробалтывается, не показывает даже виду, что ему и то известно, чего не подозревает самый проницательный становой. Знай себе помалчивает, да посмеивается, да стаканчиками пошевеливает. Его соседи уважают: штатский генерал Щерепетенко, первый по чину владелец в уезде, всякий раз снисходительно ему кланяется, когда проезжает мимо его домика. Николай Иваныч человек со влиянием: он известного конокрада заставил возвратить лошадь, которую тот свел со двора у одного из его знакомых, образумил мужиков соседней деревни, не хотевших принять нового управляющего, и т. д. Впрочем, не должно думать, чтобы он это делал из любви к справедливости, из усердия к ближним — нет! Он просто старается предупредить всё то, что может как-нибудь нарушить его спокойствие. Николай Иваныч женат, и дети у него есть. Жена его, бойкая, востроносая и быстроглазая мещанка, в последнее время тоже несколько отяжелела телом, подобно своему мужу. Он во всем на нее полагается, и деньги у ней под ключом. Пьяницы-крикуны ее боятся; она их не любит: выгоды от них мало, а шуму много; молчаливые, угрюмые ей скорее по сердцу. Дети Николая Иваныча еще малы; первые все перемерли, но оставшиеся

пошли в родителей: весело глядеть на умные личики этих здоровых ребят.

Был невыносимо жаркий июльский день, когда я, медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой поднимался вдоль Колотовского оврага в направлении Притынного кабачка. Солнце разгоралось на небе, как бы свирепея; парило и пекло неотступно; воздух был весь пропитан душной пылью. Покрытые лоском грачи и вороны, разинув носы, жалобно глядели на проходящих, словно прося их участья; одни воробьи не горевали и, распуша перышки, еще яростнее прежнего чирикали и дрались по заборам, дружно взлетали с пыльной дороги, серыми тучками носились над зелеными конопляниками. Жажда меня мучила. Воды не было близко: в Колотовке, как и во многих других степных деревнях, мужики, за неименьем ключей и колодцев, пьют какую-то жидкую грязцу из пруда… Но кто же назовет это отвратительное пойло водою? Я хотел спросить у Николая Иваныча стакан пива или квасу.

Признаться сказать, ни в какое время года Колотовка не представляет отрадного зрелища; но особенно грустное чувство возбуждает она, когда июльское сверкающее солнце своими неумолимыми лучами затопляет и бурые по-

луразметанные крыши домов, и этот глубокий овраг, и выжженный, запыленный выгон, по которому безнадежно скитаются худые, длинноногие курицы, и серый осиновый сруб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший крапивой, бурьяном и полынью, и покрытый гусиным пухом, черный, словно раскаленный пруд, с каймой из полувысохшей грязи и сбитой набок плотиной, возле которой на мелко истоптанной, пепеловидной земле овцы, едва дыша и чихая от жара, печально теснятся друг к дружке и с унылым терпеньем наклоняют головы как можно ниже, как будто выжидая, когда ж пройдет, наконец, этот невыносимый зной. Усталыми шагами приближался я к жилищу Николая Иваныча, возбуждая, как водится, в ребятишках изумление, доходившее до напряженно-бессмысленного созерцания, в собаках — негодование, выражавшееся лаем, до того хриплым и злобным, что, казалось, у них отрывалась вся внутренность, и они сами потом кашляли и задыхались, — как вдруг на пороге кабачка показался мужчина высокого роста, без шапки, во фризовой шинели, низко подпоясанной голубым кушачком. На вид он казался дворовым; густые седые волосы в беспорядке

вздымались над сухим и сморщенным его лицом. Он звал кого-то, торопливо действуя руками, которые, очевидно, размахивались гораздо далее, чем он сам того желал, Заметно было, что он уже успел выпить.

— Иди, иди же! — залепетал он, с усилием поднимая густые брови, — иди, Моргач, иди! Экой ты, братец, ползешь, право слово. Это нехорошо, братец. Тут ждут тебя, а ты вот ползешь… Иди.

— Ну, иду, иду, — раздался дребезжащий голос, и из-за избы направо показался человек низенький, толстый и хромой. На нем была довольно опрятная суконная чуйка, вдетая на один рукав; высокая остроконечная шапка, прямо надвинутая на брови, придавала его круглому, пухлому лицу выражение лукавое и насмешливое. Его маленькие желтые глазки так и бегали, с тонких губ не сходила сдержанная, напряженная улыбка, а нос, острый и длинный, нахально выдвигался вперед, как руль. — Иду, любезный, — продолжал он, ковыляя в направлении питейного заведенья, — зачем ты меня зовешь?.. Кто меня ждет?

— Зачем я тебя зову? — сказал с укоризной человек во фризовой шинели. — Экой ты, Моргач, чудной, братец: тебя зовут в кабак, а ты еще спрашиваешь, зачем. А ждут тебя всё люди доб-

рые: Турок-Яшка, да Дикий-Барин, да рядчик[118] с Жиздры. Яшка-то с рядчиком об заклад побились: осьмуху пива поставили — кто кого одолеет, лучше споет то есть, понимаешь?

— Яшка петь будет? — с живостью проговорил человек, прозванный Моргачом. — И ты не врешь, Обалдуй?

— Я не вру, — с достоинством отвечал Обалдуй, — а ты брешешь. Стало быть, будет петь, коли об заклад побился, божья коровка ты этакая, плут ты этакой, Моргач!

— Ну, пойдем, простота, — возразил Моргач.

— Ну, поцелуй же меня по крайней мере, душа ты моя, — залепетал Обалдуй, широко раскрыв объятия.

— Вишь, Езоп изнеженный, — презрительно ответил Моргач, отталкивая его локтем, и оба, нагнувшись, вошли в низенькую дверь.

Слышанный мною разговор сильно возбудил мое любопытство. Уже не раз доходили до меня слухи об Яшке-Турке как о лучшем певце в околотке, и вдруг мне представился случай услышать его в состязании с другим мастером. Я

---

118 Примечания: 170

Рядчик — в середине прошлого века этим словом обозначали мелкого подрядчика, который набирал артель мастеровых, брал на себя организацию работ и руководил ее исполнением.

удвоил шаги и вошел в заведение.

Вероятно, не многие из моих читателей имели случай заглядывать в деревенские кабаки; но наш брат, охотник, куда не заходит! Устройство их чрезвычайно просто. Они состоят обыкновенно из темных сеней и белой избы, разделенной надвое перегородкой, за которую никто из посетителей не имеет права заходить. В этой перегородке, над широким дубовым столом, проделано большое продольное отверстие. На этом столе, или стойке продается вино. Запечатанные штофы разной величины рядком стоят на полках, прямо против отверстия. В передней части избы предоставленной посетителям, находятся лавки, две-три пустые бочки, угловой стол. Деревенские кабаки большей частью довольно темны, и почти никогда не увидите вы на их бревенчатых стенах каких-нибудь ярко раскрашенных лубочных картин, без которых редкая изба обходится.

Когда я вошел в Притынный кабачок, в нем уже собралось довольно многочисленное общество.

За стойкой, как водится, почти во всю ширину отверстия, стоял Николай Иваныч, в пестрой ситцевой рубахе, и, с ленивой усмешкой на пухлых щеках, наливал своей полной и белой рукой два стакана вина вошедшим приятелям, Моргачу и

Обалдую; а за ним, в углу, возле окна, виднелась его востроглазая жена. Посередине комнаты стоял Яшка-Турок, худой и стройный человек лет двадцати трех, одетый в долгополый нанковый кафтан голубого цвета. Он смотрел удалым фабричным малым и, казалось, не мог похвастаться отличным здоровьем. Его впалые щеки, большие беспокойные серые глаза, прямой нос с тонкими подвижными ноздрями, белый покатый лоб с закинутыми назад светло-русыми кудрями, крупные, но красивые, выразительные губы — всё его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного. Он был в большом волненье: мигал глазами, неровно дышал, руки его дрожали, как в лихорадке, — да у него и точно была лихорадка, та тревожная, внезапная лихорадка, которая так знакома всем людям, говорящим или поющим перед собранием. Подле него стоял мужчина лет сорока, широкоплечий, широкоскулый, с низким лбом, узкими татарскими глазами, коротким и плоским носом, четвероугольным подбородком и черными блестящими волосами, жесткими, как щетина. Выражение его смуглого с свинцовым отливом лица, особенно его бледных губ, можно было бы назвать почти свирепым, если б оно не было так спокойно-задумчиво. Он почти не шеве-

лился и только медленно поглядывал кругом, как бык из-под ярма. Одет он был в какой-то поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами; старый черный шёлковый платок окутывал его огромную шею. Звали его Диким-Барином. Прямо против него, на лавке под образами, сидел соперник Яшки — рядчик из Жиздры. Это был невысокого роста плотный мужчина лет тридцати, рябой и курчавый, с тупым вздернутым носом, живыми карими глазками и жидкой бородкой. Он бойко поглядывал кругом, подсунув под себя руки, беспечно болтал и постукивал ногами, обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. На нем был новый тонкий армяк из серого сукна с плисовым воротником, от которого резко отделялся край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла. В противоположном углу, направо от двери, сидел за столом какой-то мужичок в узкой изношенной свите, с огромной дырой на плече. Солнечный свет струился жидким желтоватым потоком сквозь запыленные стекла двух небольших окошек и, казалось, не мог победить обычной темноты комнаты: все предметы были освещены скупо, словно пятнами. Зато в ней было почти прохладно, и чувство духоты и зноя, словно бремя, свалилось у меня с плеч, как только

я переступил порог.

Мой приход — я это мог заметить — сначала несколько смутил гостей Николая Иваныча; но, увидев, что он поклонился мне, как знакомому человеку, они успокоились и уже более не обращали на меня внимания. Я спросил себе пива и сел в уголок, возле мужичка в изорванной свите.

— Ну, что ж! — возопил вдруг Обалдуй, выпив духом стакан вина и сопровождая свое восклицание теми странными размахиваниями рук, без которых он, по-видимому, не произносил ни одного слова. — Чего еще ждать? Начинать так начинать. А? Яша?..

— Начинать, начинать, — одобрительно подхватил Николай Иваныч.

— Начнем, пожалуй, — хладнокровно и с самоуверенной улыбкой промолвил рядчик, — я готов.

— И я готов, — с волнением произнес Яков.

— Ну, начинайте, ребятки, начинайте, — пропищал Моргач.

Но, несмотря на единодушно изъявленное желание, никто не начинал; рядчик даже не приподнялся с лавки, — все словно ждали чего-то.

— Начинай! — угрюмо и резко проговорил Дикий-Барин.

Яков вздрогнул. Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся.

— А кому начать? — спросил он слегка изменившимся голосом у Дикого-Барина, который всё продолжал стоять неподвижно посередине комнаты, широко расставив толстые ноги и почти по локоть засунув могучие руки в карманы шаровар.

— Тебе, тебе, рядчик, — залепетал Обалдуй, — тебе, братец.

Дикий-Барин посмотрел на него исподлобья. Обалдуй слабо пискнул, замялся, глянул куда-то в потолок, повел плечами и умолк.

— Жеребий кинуть, — с расстановкой произнес Дикий-Барин, — да осьмуху на стойку.

Николай Иваныч нагнулся, достал, кряхтя, с полу осьмуху и поставил ее на стол.

Дикий Барин глянул на Якова и промолвил: «Ну!»

Яков зарылся у себя в карманах, достал грош и наметил его зубом. Рядчик вынул из-под полы кафтана новый кожаный кошелек, не торопясь распутал шнурок и, насыпав множество мелочи на руку, выбрал новенький грош. Обалдуй подставил свой затасканный картуз с обломанным и отставшим козырьком; Яков кинул в него свой

грош, рядчик — свой.

— Тебе выбирать, — проговорил Дикий-Барин, обратившись к Моргачу.

Моргач самодовольно усмехнулся, взял картуз в обе руки и начал его встряхивать.

Мгновенно воцарилась глубокая тишина: гроши слабо звякали, ударяясь друг о друга, Я внимательно поглядел кругом: все лица выражали напряженное ожидание; сам Дикий-Барин прищурился; мой сосед, мужичок в изорванной свитке, и тот даже с любопытством вытянул шею. Моргач запустил руку в картуз и достал рядчиков грош; все вздохнули. Яков покраснел, а рядчик провел рукой по волосам.

— Ведь я же говорил, что тебе, — воскликнул Обалдуй, — я ведь говорил.

— Ну, ну, не «циркай»![*] — презрительно заметил Дикий-Барин. Начинай, — продолжал он, качнув головой на рядчика.

— Какую же мне песню петь? — спросил рядчик, приходя в волненье.

— Какую хочешь, — отвечал Моргач. — Какую вздумается, ту и пой.

— Конечно, какую хочешь, — прибавил Нико-

*** Примечания: ~ note_045 ~**

Циркают ястреба, когда они чего-нибудь испугаются.

лай Иваныч, медленно складывая руки на груди, — В этом тебе указу нету. Пой какую хочешь; да только пой хорошо; а мы уж потом решим по совести.

— Разумеется, по совести, — подхватил Обалдуй и полизал край пустого стакана.

— Дайте, братцы, откашляться маленько, — заговорил рядчик, перебирая пальцами вдоль воротника кафтана.

— Ну, ну, не прохлаждайся — начинай! — решил Дикий-Барин и потупился.

Рядчик подумал немного, встряхнул головой и выступил вперед. Яков впился в него глазами…

Но прежде чем я приступлю к описанию самого состязания, считаю не лишним сказать несколько слов о каждом из действующих лиц моего рассказа. Жизнь некоторых из них была уже мне известна, когда я встретился с ними в Притынном кабачке; о других я собрал сведения впоследствии.

Начнем с Обалдуя. Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов; но никто во всем околотке не звал его иначе как Обалдуем, и он сам величал себя тем же прозвищем: так хорошо оно к нему пристало. И действительно, оно как нельзя лучше шло к его незначительным, вечно

встревоженным чертам. Это был загулявший, холостой дворовый человек, от которого собственные господа давным-давно отступились и который, не имея никакой должности, не получая ни гроша жалованья, находил, однако, средство каждый день покутить на чужой счет. У него было множество знакомых, которые поили его вином и чаем, сами не зная зачем, потому что он не только не был в обществе забавен, но даже, напротив, надоедал всем своей бессмысленной болтовней, несносной навязчивостью, лихорадочными телодвижениями и беспрестанным неестественным хохотом. Он не умел ни петь, ни плясать; отроду не сказал не только умного, даже путного слова: все «лотошил» да врал что ни попало — прямой Обалдуй! И между тем ни одной попойки на сорок верст кругом не обходилось без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась тут же между гостями, — так уж к нему привыкли и переносили его присутствие как неизбежное зло. Правда, обходились с ним презрительно, но укрощать его нелепые порывы умел один Дикий-Барин.

Моргач нисколько не походил на Обалдуя. К нему тоже шло названье Моргача, хотя он глазами не моргал более других людей; известное

дело: русский народ на прозвища мастер. Несмотря на мое старанье выведать пообстоятельнее прошедшее этого человека, в жизни его остались для меня — и, вероятно, для многих других — темные пятна, места, как выражаются книжники, покрытые глубоким мраком неизвестности. Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни, бежал со вверенной ему тройкой лошадей, пропадал целый год и, должно быть, убедившись на деле в невыгодах и бедствиях бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромой, бросился в ноги своей госпоже и, в течение нескольких лет примерным поведеньем загладив свое преступленье, понемногу вошел к ней в милость, заслужил наконец ее полную доверенность, попал в приказчики, а по смерти барыни, неизвестно каким образом, оказался отпущенным на волю, приписался в мещане, начал снимать у соседей бакши, разбогател и живет теперь припеваючи. Это человек опытный, себе на уме, не злой и не добрый, а более расчетливый; это тертый калач, который знает людей и умеет ими пользоваться. Он осторожен и в то же время предприимчив, как лисица; болтлив, как старая женщина, и никогда не проговаривается, а всякого другого заставит высказаться; впрочем, не

прикидывается простачком, как это делают иные хитрецы того же десятка, да ему и трудно было бы притворяться: я никогда не видывал более проницательных и умных глаз, как его крошечные, лукавые «гляделки».* Они никогда не смотрят просто — всё высматривают да подсматривают. Моргач иногда по целым неделям обдумывает какое-нибудь, по-видимому, простое предприятие, а то вдруг решится на отчаянно смелое дело; кажется, тут ему и голову сломить... смотришь-всё удалось, всё как по маслу пошло. Он счастлив и верит в свое счастье, верит приметам. Он вообще очень суеверен. Его не любят, потому что ему самому ни до кого дела нет, но уважают. Всё его семейство состоит из одного сынишки, в котором он души не чает и который, воспитанный таким отцом, вероятно, пойдет далеко. «А Моргачонок в отца вышел», — уже и теперь говорят о нем вполголоса старики, сидя на завалинках и толкуя меж собой в летние вечера; и все понимают, что это значит, и уже не прибавляют ни слова.

Об Якове-Турке и рядчике нечего долго распространяться. Яков, призванный Турком, потому что действительно происходил от пленной тур-

*** Примечания: ~ note_046 ~**

Орловцы называют глаза гляделками, так же как рот едалом.

чанки, был по душе — художник во всех смыслах этого слова, а по званию — черпальщик на бумажной фабрике у купца; что же касается до рядчика, судьба которого, признаюсь, мне осталась неизвестной, то он показался мне изворотливым и бойким городским мещанином. Но о Диком-Барине стоит поговорить несколько поподробнее.

Первое впечатление, которое производил на вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложен он был неуклюже, «сбитнем», как говорят у нас, но от него так и несло несокрушимым здоровьем, и — странное дело — его медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, происходившей, может быть, от совершенно спокойной уверенности в собственном могуществе. Трудно было решить с первого разу, к какому сословию принадлежал этот Геркулес; он не походил ни на дворового, ни на мещанина, ни на обеднявшего подьячего в отставке, ни на мелкопоместного разорившегося дворянина — псаря и драчуна: он был уж точно сам по себе. Никто не знал, откуда он свалился к нам в уезд; поговаривали, что происходил он от однодворцев[119] и

119 Примечания: 171

...от однодворцев... — См. примеч. 1 к рассказу «Однодворец Овсяников»

состоял будто где-то прежде на службе; но ничего положительного об этом не знали; да и от кого было и узнавать, — не от него же самого: не было человека более молчаливого и угрюмого. Также никто не мог положительно сказать, чем он живет; он никаким ремеслом не занимался, ни к кому не ездил, не знался почти ни с кем, а деньги у него водились; правда, небольшие, но водились. Вел он себя не то что скромно, — в нем вообще не было ничего скромного, — но тихо; он жил, словно никого вокруг себя не замечал и решительно ни в ком не нуждался. Дикий-Барин (так его прозвали; настоящее же его имя было Перевлесов) пользовался огромным влиянием во всем округе; ему повиновались тотчас и с охотой, хотя он не только не имел никакого права приказывать кому бы то ни было, но даже сам не изъявлял малейшего притязания на послушание людей, с которыми случайно сталкивался. Он говорил — ему покорялись; сила всегда свое возьмет. Он почти не пил вина, не знался с женщинами и страстно любил пение. В этом человеке было много загадочного; казалось, какие-то громадные силы угрюмо покоились в нем, как бы зная, что раз поднявшись, что сорвавшись раз на волю, они должны разрушить и себя и всё, до чего ни кос-

нутся; и я жестоко ошибаюсь, если в жизни этого человека не случилось уже подобного взрыва, если он, наученный опытом и едва спасшись от гибели, неумолимо не держал теперь самого себя в ежовых рукавицах. Особенно поражала меня в нем смесь какой-то врожденной, природной свирепости. Я такого же врожденного благородства, — смесь, которой я не встречал ни в ком другом.

Итак, рядчик выступил вперед, закрыл до половины глаза и запел высочайшим фальцетом. Голос у него был довольно приятный и сладкий, хотя несколько сиплый; он играл и вилял этим голосом, как юлою, беспрестанно заливался и переливался сверху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенным стараньем, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской, заносистой удалью. Его переходы были иногда довольно смелы, иногда довольно забавны: знатоку они бы много доставили удовольствия; немец пришел бы от них в негодование. Это был русский tenore di grazia, ténor legér.* Пел он веселую, плясовую песню, слова которой, сколько я мог уловить сквозь бес-

*** Примечания: ~ note_047 ~**

лирический тенор (ит. и фр.). — Ред.

конечные украшения, прибавленные согласные и восклицания, были следующие:

Распашу я, молода-молоденька,
Землицы маленько;
Я посею, молода-молоденька,
Цветика аленька.[120]

Он пел; все слушали его с большим вниманьем. Он, видимо, чувствовал, что имеет дело с людьми сведущими, и потому, как говорится, просто лез из кожи. Действительно, в наших краях знают толк в пении, и недаром село Сергиевское,[121] на большой орловской дороге, славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом. Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях; ему недоставало поддержки, хора; наконец, при одном особенно удачном переходе, заставившем улыбнуться самого Дикого-Барина, Обалдуй

---

120 Примечания: 172

Распашу я, молода-молоденька… (и далее) — Широко распространенная русская народная лирическая песня с плясовым напевом, известная более с зачином «Я посею, млада-младенька…» Опубликована впервые М. Д. Чулковым в 1770 г. Другой вариант, записанный в г. Орле, см.: *Киреевский.* Вып. II, ч. 2. С. 82. Мелодия этой песни положена П. И. Чайковским в основу финала его Первой симфонии.

121 Примечания: 173

Село Сергиевское — (ныне г. Плавск) находилось в пределах б. Тульской губ., на пути из Тулы в Орел.

не выдержал и вскрикнул от удовольствия. Все встрепенулись. Обалдуй с Моргачом начали вполголоса подхватывать, подтягивать, покрикивать: «Лихо!.. Забирай, шельмец!.. Забирай, вытягивай, аспид! Вытягивай еще! Накаливай еще, собака ты этакая, пес!.. Погуби Ирод твою душу!» и пр. Николай Иваныч из-за стойки одобрительно закачал головой направо и налево. Обалдуй, наконец, затопал, засеменил ногами и задергал плечиком, а у Якова глаза так и разгорелись, как уголья, и он весь дрожал как лист и беспорядочно улыбался. Один Дикий-Барин не изменился в лице и по-прежнему не двигался с места; но взгляд его, устремленный на рядчика, несколько смягчился, хотя выражение губ оставалось презрительным. Ободренный знаками всеобщего удовольствия, рядчик совсем завихрился, и уж такие начал отделывать завитушки, так защелкал и забарабанил языком, так неистово заиграл горлом, что, когда, наконец, утомленный, бледный и облитый горячим потом, он пустил, перекинувшись назад всем телом, последний замирающий возглас, — общий, слитный крик ответил ему неистовым взрывом. Обалдуй бросился ему на шею и начал душить его своими длинными, костлявыми руками; на жирном лице Николая Иваныча вы-

ступила краска, и он словно помолодел; Яков, как сумасшедший, закричал: «Молодец, молодец!» Даже мой сосед, мужик в изорванной свите, не вытерпел и, ударив кулаком по столу, воскликнул: «А-га! хорошо, чёрт побери, хорошо!» — и с решительностью плюнул в сторону.

— Ну, брат, потешил! — кричал Обалдуй, не выпуская изнеможенного рядчика из своих объятий, — потешил, нечего сказать! Выиграл, брат, выиграл! Поздравляю — осьмуха твоя! Яшке до тебя далеко… Уж я тебе говорю: далеко… А ты мне верь! (И он снова прижал рядчика к своей груди.)

— Да пусти же его; пусти, неотвязная… — с досадой заговорил Моргач, — дай ему присесть на лавку-то; вишь, он устал… Экой ты фофан,[122] братец, право, фофан! Что пристал, словно банный лист?

— Ну что ж, пусть садится, а я за его здоровье выпью, — сказал Обалдуй и подошел к стойке. — На твой счет, брат, — прибавил он, обращаясь к рядчику.

Тот кивнул головой, сел на лавку, достал из шапки полотенце и начал утирать лицо; а Обал-

---

122 Примечания: 174

…фофан… — простофиля, глупец.

дуй с торопливой жадностью выпил стакан и, по привычке горьких пьяниц, крякая, принял грустно-озабоченный вид.

— Хорошо поешь, брат, хорошо, — ласково заметил Николай Иваныч. — А теперь за тобой очередь, Яша: смотри, не сробей. Посмотрим, кто кого, посмотрим… А хорошо поет рядчик, ей-богу хорошо.

— Очинна хорошо, — заметила Николай Иванычева жена и с улыбкой поглядела на Якова.

— Хорошо-га! — повторил вполголоса мой сосед.

— А, заворотень-полеха![*] — завопил вдруг Обалдуй и, подойдя к мужичку с дырой на плече, уставился на него пальцем, запрыгал и залился дребезжащим хохотом. — Полеха! полеха! Га,

---

*** Примечания: ~ note_048 ~**

Полехами называются обитатели южного Полесья,[173] длинной лесной полосы, начинающейся на границе Волховского и Жиздринского уездов. Они отличаются многими особенностями в образе жизни, нравах и языке. Заворотнями же их зовут за подозрительный и тугой нрав.

173 Примечания: 225

Полехами называются обитатели южного Полесья… — В первоначальной редакции этой сноски Тургенев обещал «когда-нибудь» подробнее поговорить о полесских селах. Частичной реализацией этого намерения была, очевидно, его «Поездка в Полесье» (1857).

баде паняй,* заворотень! Зачем пожаловал, заворотень? — кричал он сквозь смех.

Бедный мужик смутился и уже собрался было встать да уйти поскорей, как вдруг раздался медный голос Дикого-Барина:

— Да что ж это за несносное животное такое? — произнес он, скрыпнув зубами.

— Я ничего, — забормотал Обалдуй, — я ничего… я так…

— Ну, хорошо, молчать же! — возразил Дикий-Барин. — Яков, начинай!

Яков взялся рукой за горло.

— Что, брат, того… что-то… Гм… Не знаю, право, что-то того…

— Ну, полно, не робей. Стыдись!, чего вертишься?.. Пой, как бог тебе велит.

И Дикий-Барин потупился, выжидая.

Яков помолчал, взглянул кругом и закрылся рукой. Все так и впились в него глазами, особенно рядчик, у которого на лице, сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха, проступило невольное, легкое беспокойство. Он прислонился к стене и опять положил под себя обе руки,

---

*** Примечания: ~ note_049 ~**

Полехи прибавляют почти к каждому слову восклицания: «га!» и «баде!». «Паняй» вместо погоняй.

но уже не болтал ногами. Когда же, наконец, Яков открыл свое лицо — оно было бледно, как у мертвого; глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел… Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди, но принесся откуда-то издалека, словно залетел случайно в комнату. Странно подействовал этот трепещущий, звенящий звук на всех нас; мы взглянули друг на друга, а жена Николая Иваныча так и выпрямилась. За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный, но всё еще видимо дрожащий, как струна, когда, внезапно прозвенев под сильным пальцем, она колеблется последним, быстро замирающим колебаньем, за вторым — третий, и, понемногу разгорячаясь и расширяясь, полилась заунывная песня. «Не одна во поле

дороженька пролегала»,[123] — пел он, и всем нам сладко становилось и жутко. Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос: он был слегка разбит и звенел, как надтреснутый; он даже сначала отзывался чем-то болезненным; но в нем была и неподдельная глубокая страсть, и молодость, и сила, и сладость, и какая-то увлекательно-беспечная, грустная скорбь. Русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, разливалась. Яковом, видимо, овладевало упоение: он уже не робел, он отдавался весь своему счастью; голос его не трепетал более — он дрожал, но той едва заметной внутренней дрожью страсти, которая стрелой вонзается в душу слушателя, и беспрестанно крепчал, твер-

---

123 Примечания: 175

«Не одна во поле дороженька пролегала...» — В первоначальных рукописях и в «Современнике» герой рассказа выступал с другой песней:

При долинушке стояла,
Калинушку ломала...

Полный текст ее, записанный в Малоархангельском уезде Орловской губ., см. в сб.: *Киреевский.* Вып. II, ч. 2. С. 119-120.

Но вскоре В. А. Инсарский заметил Тургеневу, что эта веселая, почти плясовая песня, каким бы певцом она ни была исполнена, не могла возбудить в слушателях грустных и томительных чувств и тронуть их до слез, как это представлено в рассказе, и рекомендовал заменить ее более содержательной и глубокой «Дороженькой», которую тут же и спел (см.: *Инсарский В. А.* Половодье. СПб, 1875. С. 139-140. См. также: Записки В. А. Инсарского. СПб., 1898. Ч. 2. С. 309). Свидетельство

Инсарского появилось в печати еще при жизни Тургенева и не вызвало с его стороны возражений. В цензурной рукописи Тургенев заменил песню «Дороженькой», вполне соответствующей его замыслу и гораздо лучше, чем прежняя, контрастирующей с песней рядчика. В мемуарах Л. А. Жемчужникова сохранился рассказ о том, как Тургенев устроил у себя в петербургской квартире состязание певцов — художника К. А. Горбунова, исполнявшего русские песни, в том числе «Дороженьку», и автора мемуаров, исполнявшего украинские песни (см.: *Жемчужников Л.* От кадетского корпуса к Академии художеств. 1828-1852. М., 1926. С. 101-102). Такое состязание могло быть устроено Тургеневым специально для проверки указаний Инсарского в связи с текстом «Певцов», готовившимся тогда для отдельного издания «Записок охотника».

Протяжная любовная песня «Дороженька» в печатные сборники входила с 30-х годов XIX в. и пользовалась исключительной популярностью. Один из вариантов ее, записанный в Ржевском уезде Тверской губ., см. в сб.: *Киреевский.* Вып. II, ч. 1. С. 69.

дел и расширялся. Помнится, я видел однажды, вечером, во время отлива, на плоском песчаном берегу моря, грозно и тяжко шумевшего вдали, большую белую чайку: она сидела неподвижно, подставив шелковистую грудь алому сиянью зари, и только изредка медленно расширяла свои длинные крылья навстречу знакомому морю, навстречу низкому, багровому солнцу: я вспомнил о ней, слушая Якова. Он пел, совершенно позабыв и своего соперника, и всех нас, но, видимо, поднимаемый, как бодрый пловец волнами, нашим молчаливым, страстным участьем. Он пел, и от каждого звука его голоса веяло чем-то родным и необозримо широким, словно знакомая степь раскрывалась перед вами, уходя в бесконечную даль. У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы; глухие, сдержанные рыданья внезапно поразили меня… Я оглянулся — жена целовальника плакала, припав грудью к окну. Яков бросил на нее быстрый взгляд и залился еще звонче, еще слаще прежнего; Николай Иваныч потупился, Моргач отвернулся; Обалдуй, весь разнеженный, стоял, глупо разинув рот; серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку, с горьким шёпотом покачивая головой; и по железному лицу Дикого-Барина, из-под совершенно

надвинувшихся бровей, медленно прокатилась тяжелая слеза; рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился… Не знаю, чем бы разрешилось всеобщее томленье, если б Яков вдруг не кончил на высоком, необыкновенно тонком звуке — словно голос у него оборвался. Никто не крикнул, даже не шевельнулся; все как будто ждали, не будет ли он еще петь; но он раскрыл глаза, словно удивленный нашим молчаньем, вопрошающим взором обвел всех кругом и увидал, что победа была его…

— Яша, — проговорил Дикий-Барин, положил ему руку на плечо и — смолк.

Мы все стояли как оцепенелые. Рядчик тихо встал и подошел к Якову. «Ты… твоя… ты выиграл», — произнес он наконец с трудом и бросился вон из комнаты.

Его быстрое, решительное движение как будто нарушило очарованье: все вдруг заговорили шумно, радостно. Обалдуй подпрыгнул кверху, залепетал, замахал руками, как мельница крыльями; Моргач, ковыляя, подошел к Якову и стал с ним целоваться; Николай Иваныч приподнялся и торжественно объявил, что прибавляет от себя еще осьмуху пива; Дикий-Барин посмеивался каким-то добрым смехом, которого я никак не

ожидал встретить на его лице; серый мужичок то и дело твердил в своем уголку, утирая обоими рукавами глаза, щеки, нос и бороду: «А хорошо, ей-богу хорошо, ну, вот будь я собачий сын, хорошо!», а жена Николая Иваныча, вся раскрасневшаяся, быстро встала и удалилась. Яков наслаждался своей победой, как дитя; всё его лицо преобразилось; особенно его глаза так и засияли счастьем. Его потащили к стойке; он подозвал к ней расплакавшегося серого мужичка, послал целовальникова сынишку за рядчиком, которого, однако, тот не сыскал, и начался пир. «Ты еще нам споешь, ты до вечера нам петь будешь», — твердил Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я еще раз взглянул на Якова и вышел. Я не хотел остаться — я боялся испортить свое впечатление. Но зной был нестерпим по-прежнему. Он как будто висел над самой землей густым тяжелым слоем; на темно-синем небе, казалось, крутились какие-то мелкие, светлые огоньки сквозь тончайшую, почти черную пыль. Всё молчало; было что-то безнадежное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы. Я добрался до сеновала и лег на только что скошенную, но уже почти высохшую траву. Долго я не мог задре-

мать; долго звучал у меня в ушах неотразимый голос Якова… Наконец жара и усталость взяли, однако ж, свое, и я заснул мертвым сном. Когда я проснулся, — всё уже потемнело; вокруг разбросанная трава сильно пахла и чуть-чуть отсырела; сквозь тонкие жерди полураскрытой крыши слабо мигали бледные звездочки. Я вышел. Заря уже давно погасла, и едва белел на небосклоне ее последний след; но в недавно раскаленном воздухе сквозь ночную свежесть чувствовалась еще теплота, и грудь всё еще жаждала холодного дуновенья. Ветра не было, не было и туч; небо стояло кругом всё чистое и прозрачно-темное, тихо мерцая бесчисленными, но чуть видными звездами. По деревне мелькали огоньки; из недалекого, ярко освещенного кабака несся нестройный, смутный гам, среди которого, мне казалось, я узнавал голос Якова. Ярый смех по временам поднимался оттуда взрывом. Я подошел к окошку и приложился лицом к стеклу. Я увидел невеселую, хотя пеструю и живую картину: всё было пьяно — всё, начиная с Якова. С обнаженной грудью сидел он на лавке и, напевая осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песню, лениво перебирал и щипал струны гитары. Мокрые волосы клочьями висели над его страшно

побледневшим лицом. Посередине кабака Обалдуй, совершенно «развинченный» и без кафтана, выплясывал вперепрыжку перед мужиком в сероватом армяке; мужичок, в свою очередь, с трудом топотал и шаркал ослабевшими ногами и, бессмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду, изредка помахивал одной рукой, как бы желая сказать: «куда ни шло!» Ничего не могло быть смешней его лица; как он ни вздергивал кверху свои брови, отяжелевшие веки не хотели подняться, а так и лежали на едва заметных, посоловелых, но сладчайших глазках. Он находился в том милом состоянии окончательно подгулявшего человека, когда всякий прохожий, заглянув ему в лицо, непременно скажет: «Хорош, брат, хорош!» Моргач, весь красный, как рак, и широко раздув ноздри, язвительно посмеивался из угла; один Николай Иваныч, как и следует истинному целовальнику, сохранял свое неизменное хладнокровие. В комнату набралось много новых лиц; но Дикого-Барина я в ней не видал.

Я отвернулся и быстрыми шагами стал спускаться с холма, на котором лежит Колотовка. У подошвы этого холма расстилается широкая равнина; затопленная мглистыми волнами вечернего тумана, она казалась еще необъятней и

как будто сливалась с потемневшим небом. Я сходил большими шагами по дороге вдоль оврага, как вдруг где-то далеко в равнине раздался звонкий голос мальчика. «Антропка! Антропка-а-а!..» — кричал он с упорным и слезливым отчаянием, долго, долго вытягивая последний слог.

Он умолкал на несколько мгновений и снова принимался кричать. Голос его звонко разносился в неподвижном, чутко дремлющем воздухе. Тридцать раз по крайней мере прокричал он имя Антропки, как вдруг с противоположного конца поляны, словно с другого света, принесся едва слышный ответ:

— Чего-о-о-о-о?

Голос мальчика тотчас с радостным озлоблением закричал:

— Иди сюда, чёрт леши-и-и-ий!

— Заче-е-е-ем? — ответил тот спустя долгое время.

— А затем, что тебя тятя высечь хочи-и-и-т, — поспешно прокричал первый голос.

Второй голос более не откликнулся, и мальчик снова принялся взывать к Антропке. Возгласы его, более и более редкие и слабые, долетали еще до моего слуха, когда уже стало совсем темно и я огибал край леса, окружающего мою деревеньку

и лежащего в четырех верстах от Колотовки..,

«Антропка-а-а!» — всё еще чудилось в воздухе, наполненном тенями ночи.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ КАРАТАЕВ

Лет пять тому назад, осенью, на дороге из Москвы в Тулу, пришлось мне просидеть почти целый день в почтовом доме за недостатком лошадей. Я возвращался с охоты и имел неосторожность отправить свою тройку вперед. Смотритель, человек уже старый, угрюмый, с волосами, нависшими над самым носом, с маленькими заспанными глазами, на все мои жалобы и просьбы отвечал отрывистым ворчаньем, в сердцах хлопал дверью, как будто сам проклинал свою должность, и, выходя на крыльцо, бранил ямщиков, которые медленно брели по грязи с пудовыми дугами на руках или сидели на лавке, позевывая и почесываясь, и не обращали особенного внимания на гневные восклицания своего начальника. Я раза три уже принимался пить чай, несколько раз напрасно пытался заснуть, прочел все надписи на окнах и на стенах: скука меня томила страшная. С холодным и безнадежным отчаянием глядел я на приподнятые оглобли своего тарантаса, как вдруг зазвенел колокольчик и небольшая телега,

запряженная тройкой измученных лошадей, остановилась перед крыльцом. Приезжий соскочил с телеги и с криком «Живее лошадей!» вошел в комнату. Пока он, с обычным странным изумлением, выслушивал ответ смотрителя, что лошадей-де нету, я успел, со всем жадным любопытством скучающего человека, окинуть взором с ног до головы моего нового товарища. На вид ему было лет под тридцать. Оспа оставила неизгладимые следы на его лице, сухом и желтоватом, с неприятным медным отблеском; иссиня-черные длинные волосы лежали сзади кольцами на воротнике, спереди закручивались в ухарские виски; небольшие опухшие глазки глядели — и только; на верхней губе торчало несколько волосков. Одет он был забубённым помещиком, посетителем конных ярмарок, в пестрый, довольно засаленный архалук, полинявший шёлковый галстух лилового цвета, жилет с медными пуговками и серые панталоны с огромными раструбами, из-под которых едва выглядывали кончики нечищенных сапог. От него сильно несло табаком и водкой; на красных и толстых его пальцах, почти закрытых рукавами архалука, виднелись серебряные и тульские кольца. Такие фигуры встречаются на Руси не дю-

жинами, а сотнями; знакомство с ними, надобно правду сказать, не доставляет никакого удовольствия; но, несмотря на предубеждение, с которым я глядел на приезжего, я не мог не заметить беспечно доброго и страстного выраженья его лица.

— Вот и они ждут здесь более часу-с, — промолвил смотритель, указывая на меня.

«Более часу!» — Злодей смеялся надо мной.

— Да им, может быть, не так нужно, — отвечал приезжий.

— Уж этого-с мы не можем знать-с, — угрюмо сказал смотритель.

— Так неужели нельзя никак? Нет лошадей решительно?

— Нельзя-с. Ни одной лошади не имеется.

— Ну, так велите же мне самовар поставить. Подождем, делать нечего.

Приезжий сел на лавку, бросил картуз на стол и провел рукой по волосам.

— А вы уж пили чай? — спросил он меня.

— Пил.

— А еще раз для компании не угодно?

Я согласился. Толстый рыжий самовар в четвертый раз появился на столе. Я достал бутылку рому. Я не ошибся, приняв моего собеседника за мелкопоместного дворянина. Звали его Петром

Петровичем Каратаевым.

Мы разговорились. Не прошло и получаса с его приезда, как уж он с самой добродушной откровенностью рассказывал мне свою жизнь.

— Теперь я еду в Москву, — говорил он мне, допивая четвертый стакан, — в деревне мне уж теперь нечего делать.

— Отчего же нечего?

— Да так-таки — нечего. Хозяйство порасстроилось, мужиков поразорил, признаться; подошли годы плохие: неурожаи, разные, знаете, несчастия… Да, впрочем, — прибавил он, уныло глянув в сторону, — какой я хозяин!

— Почему же?

— Да нет, — перебил он меня, — такие ли бывают хозяева! Вот видите ли, — продолжал он, скрутив голову набок и прилежно насасывая трубку, — вы, так, глядя на меня, можете подумать, что я и того… а ведь я, должен вам признаться, воспитанье получил средственное; достатков не было. Вы меня извините, я человек откровенный, да и наконец…

Он не договорил своей речи и махнул рукой. Я начал уверять его, что он ошибается, что я очень рад нашей встрече и проч., а потом заметил, что для управления именьем, кажется, не нужно

слишком сильного образования.

— Согласен, — отвечал он, — я с вами согласен. Да всё же нужно такое, особенное расположение! Иной мужика дерет как липку, и ничего! а я… Позвольте узнать, вы сами из Питера или из Москвы?

— Я из Петербурга.

Он пустил ноздрями долгую струю дыма.

— А я в Москву еду служить.

— Куда же вы намерены определиться?

— А не знаю; как там придется. Признаться вам, боюсь я службы: как раз под ответственность попадешь. Жил всё в деревне; привык, знаете… да уж делать нечего… нужда! Ох, уж эта мне нужда!

— Зато вы будете жить в столице.

— В столице… ну, я не знаю, что там в столице хорошего. Посмотрим, может быть, оно и хорошо… А уж лучше деревни, кажется, и быть ничего не может.

— Да разве вам уже невозможно более жить в деревне?

Он вздохнул.

— Невозможно. Она уж теперь почитай что и не моя.

— А что?

— Да там добрый человек — сосед завелся…

вексель…

Бедный Петр Петрович провел рукой по лицу, подумал и тряхнул головою.

— Ну да уж что!.. Да признаться, — прибавил он после небольшого молчанья, — мне не на кого пенять, сам виноват. Любил покуражиться!.. Люблю, чёрт возьми, покуражиться!

— Вы весело жили в деревне? — спросил я его.

— У меня, сударь, — отвечал он с расстановкой и глядя мне прямо в глаза, — было двенадцать смычков гончих,[124] таких гончих, каких, скажу вам, немного. (Он это последнее слово произнес нараспев.) Русака как раз замотают, а уж на красного зверя — змеи, просто аспиды. И борзыми похвастаться я мог. Теперь же дело прошлое, лгать не для чего. Охотился я и с ружьем. Была у меня собака Контеска; стойка необыкновенная, верхним чутьем всё брала. Бывало, подойду к болоту, скажу: шарш! — как искать не станет, так хоть с дюжиной собак пройди — шалишь, ничего не найдешь! а как станет — просто рада умереть на месте!.. И в комнате такая вежливая. Дашь ей хлеб из левой руки да скажешь: жид ел, — ведь не

---

124 Примечания: 176

…двенадцать смычков гончих… — Гончих собак соединяют попарно особой короткой цепью — смычком. Поэтому двух сомкнутых гончих называют «смычком».

возьмет, а дашь из правой да скажешь: барышня кушала, — тотчас возьмет и съест. Был у меня и щенок от нее, отличный щенок, и в Москву везти хотел, да приятель выпросил вместе с ружьем; говорит: в Москве тебе, брат, будет не до того; там уж пойдет совсем, брат, другое. Я и отдал ему щенка, да уж и ружье; уж оно всё там, знаете, осталось.

— Да вы и в Москве могли бы охотиться.

— Нет уж, к чему? не сумел удержаться, так и терпи теперь. А вот лучше позвольте узнать, что жизнь в Москве — дорога?

— Нет, не слишком.

— Не слишком?.. А скажите, пожалуйста, ведь цыгане в Москве живут?

— Какие цыгане?

— А вот что по ярмаркам ездят?

— Да, в Москве…

— Ну, это хорошо. Люблю цыган, чёрт возьми, люблю…

И глаза Петра Петровича сверкнули удалой веселостью. Но вдруг он завертелся на лавке, потом задумался, потупил голову и протянул ко мне пустой стакан.

— Дайте-ка мне вашего рому, — проговорил он.

— Да чай весь вышел.

— Ничего, так, без чаю… Эх!

Каратаев положил голову на руки и оперся локтями на стол. Я молча глядел на него и ожидал уже тех чувствительных восклицаний, пожалуй, даже тех слез, на которые так щедр подгулявший человек, но когда он поднял голову, меня, признаюсь, поразило глубоко грустное выражение его лица.

— Что с вами?

— Ничего-с… старину вспомнил. Такой анекдот-с… Рассказал бы вам, да мне совестно вас беспокоить…

— Помилуйте!

— Да, — продолжал он со вздохом, — бывают случаи… хотя, например, и со мной. Вот, если хотите, я вам расскажу. Впрочем, не знаю…

— Рассказывайте, любезный Петр Петрович.

— Пожалуй, хоша оно того… Вот видите ли, — начал он, — но я, право — не знаю…

— Ну, полноте, любезный Петр Петрович.

— Ну, пожалуй. Так вот что со мной, так сказать, случилось. Жил я-с в деревне… Вдруг приглянись мне девушка, ах, да какая же девушка была… красавица, умница, а уж добрая какая! Звали ее Матреной-с. А девка она была простая, то есть, вы понимаете, крепостная, просто — холопка-

с. Да не моя девка, а чужая, — вот в чем беда. Ну, вот я ее полюбил, — такой, право, анекдот-с — ну, и она. Вот и стала Матрена меня просить: выкупи ее, дескать, от госпожи; да и я сам уже об эфтом подумывал... А госпожа-то у ней была богатая, старушенция страшная; жила от меня верстах в пятнадцати. Ну, вот в один, как говорится, прекрасный день я и велел заложить себе дрожки тройкой, — в корню ходил у меня иноходец, азиятец необыкновенный, зато и назывался Лампурдос, — оделся получше и поехал к Матрениной барыне. Приезжаю: дом большой, с флигелями, с садом... У повертка Матрена меня ждала, хотела было заговорить со мной, да только руку поцеловала и отошла в сторону. Вот вхожу я в переднюю, спрашиваю: «Дома?..» А мне высокий такой лакей говорит: «Как об вас доложить прикажете?» Я говорю: «Доложи, братец, дескать, помещик Каратаев приехал о деле переговорить». Лакей ушел; я жду себе и думаю: что-то будет? чай, заломит, бестия, цену страшную, даром что богата. Рублей пятьсот, пожалуй, запросит. Вот, наконец, вернулся лакей, говорит: «Пожалуйте». Я вхожу за ним в гостиную. Сидит на креслах маленькая желтенькая старушонка и глазами моргает. «Что вам угодно?» Я сперва, зна-

ете ли, почел за нужное объявить, что, дескать, рад знакомству. «Вы ошибаетесь, я не здешняя хозяйка, а ее родственница… Что вам угодно?» Я заметил ей тут же, что мне с хозяйкой-то и нужно переговорить. «Марья Ильинична не принимает сегодня: она нездорова… Что вам угодно?» Делать нечего, подумал я про себя, объясню ей мое обстоятельство. Старуха меня выслушала. «Матрена? какая Матрена?» — «Матрена Федорова, Куликова дочь». — «Федора Кулика дочь… да как вы ее знаете?» — «Случайным манером». — «А известно ей ваше намерение?» — «Известно». Старуха помолчала. «Да я ее, негодную!..» Я, признаюсь, удивился. «За что же, помилуйте!.. Я за нее готов внести сумму, только извольте назначить». Старая хрычовка так и зашипела. «Вот вздумали чем удивить: нужны нам очень ваши деньги!.. а вот я ее ужо, вот я ее… Дурь-то я из нее выбью». Раскашлялась старуха со злости. «Нехорошо ей у нас, что ли?.. Ах, она чертовка, прости, господи, мое согрешенье!» Я, признаюсь, вспыхнул. «За что же вы грозите бедной девке? чем она, то есть, виновата?» Старуха перекрестилась. «Ах ты, мой господи, Иисусе Христе! Да разве я в своих холопьях не вольна?» — «Да ведь она не ваша!» — «Ну, уж про это Марья Ильинична знает; не

ваше, батюшка, дело; а вот я ужо Матрешке-то покажу, чья она холопка». Я, признаюсь, чуть не бросился на проклятую старуху, да вспомнил о Матрене, и руки опустились. Заробел так, что пересказать невозможно; начал упрашивать старуху: «Возьмите, дескать, что хотите». — «Да на что она вам?» — «Понравилась, матушка; войдите в мое положенье… Позвольте поцеловать у вас ручку». И таки поцеловал у шельмы руку! «Ну, — прошамшила ведьма, — я скажу Марье Ильиничне; как она прикажет; а вы заезжайте дня через два». Я уехал домой в большом беспокойстве. Начинал я догадываться, что дело неладно повел, напрасно дал свое расположенье заметить, да хватился-то я поздно. Дня через два отправился я к барыне. Привели меня в кабинет. Цветов пропасть, убранство отличное, сама сидит в таких мудреных креслах и голову назад завалила на подушки; и родственница прежняя тут сидит, да еще какая-то барышня белобрысая, в зеленом платье, криворотая, компаньонка, должно быть. Старуха загнусила: «Прошу садиться». Я сел. Стала меня расспрашивать о том, сколько мне лет, да где я служил, да что намерен делать, и так всё свысока, важно. Я отвечал подробно. Старуха взяла со стола платок, помахала, помахала

на себя… «Мне, говорит, докладывала Катерина Карповна об вашем намерении, докладывала, говорит; но я себе, говорит, положила за правило: людей в услужение не отпускать. Оно и неприлично, да и не годится в порядочном доме: это непорядок. Я уже распорядилась, говорит, вам уже более беспокоиться, говорит, нечего». — «Какое беспокойство, помилуйте… А может, вам Матрена Федорова нужна?» — «Нет, говорит, не нужна». — «Так отчего же вы мне ее уступить не хотите?» — «Оттого, что мне не угодно; не угодно, да и всё тут. Я уж, говорит, распорядилась: она в степную деревню посылается». Меня как громом хлопнуло. Старуха сказала слова два по-французски зеленой барышне: та вышла. «Я, говорит, женщина правил строгих, да и здоровье мое слабое; беспокойства переносить не могу. Вы еще молодой человек, а я уж старая женщина и вправе вам давать советы. Не лучше ли вам пристроиться, жениться, поискать хорошей партии; богатые невесты редки, но девицу бедную, зато хорошей нравственности, найти можно». Я, знаете, гляжу на старуху и ничего не понимаю, что она там такое мелет; слышу, что толкует о женитьбе, а у меня степная деревня всё в ушах звенит. Жениться!.. какой чёрт…

Тут рассказчик внезапно остановился и поглядел на меня.

— Ведь вы не женаты?

— Нет.

— Ну, конечно, дело известное. Я не вытерпел: «Да помилуйте, матушка, что вы за ахинею порете? Какая тут женитьба? Я просто желаю узнать от вас, уступаете вы вашу девку Матрену или нет?» Старуха заохала. «Ах, он меня обеспокоил! ах, велите ему уйти! ах!..» Родственница к ней подскочила и раскричалась на меня. А старуха всё стонет: «Чем это я заслужила?.. Стало быть, я уж в своем доме не госпожа? ах, ах!» Я схватил шляпу и, как сумасшедший, выбежал вон.

— Может быть, — продолжал рассказчик, — вы осудите меня за то, что я так сильно привязался к девушке из низкого сословия; я и не намерен себя, то есть, оправдывать… так уж оно пришлось!.. Верите ли, ни днем, ни ночью покоя мне не было… Мучусь! За что, думал я, погубил несчастную девку! Как только, бывало, вспомню, что она в зипуне гусей гоняет, да в черном теле, по барскому приказу, содержится, да староста, мужик в дегтярных сапогах, ее ругательски ругает — холодный пот так с меня и закапает. Ну, не вытерпел, проведал, в какую деревню ее сослали, сел верхом и поехал

туда. На другой день под вечер только приехал. Видно, от меня такого пассажа не ожидали и никакого на мой счет приказания не дали. Я прямо к старосте, будто сосед; вхожу на двор, гляжу: Матрена сидит на крылечке и рукой подперлась. Она было вскрикнула, да я ей погрозил и показал на задворье, в поле. Вошел в избу, со старостой покалякал, наврал ему Чертову тьму, улучил минутку и вышел к Матрене. Она, бедняжка, так у меня на шее и повисла. Побледнела, похудела, моя голубушка. Я, знаете ли, говорю ей: «Ничего, Матрена; ничего, не плачь», а у самого слезы так и бегут и бегут… Ну, однако ж, наконец, мне стыдно стало; говорю ей: «Матрена, слезами горю не пособить, а вот что: надобно действовать, как говорится, решительно; надобно тебе бежать со мной; вот как надобно действовать». Матрена так и обмерла… «Как можно! да я пропаду, да они меня заедят совсем!» — «Глупая ты, кто тебя сыщет?» — «Сыщут, непременно сыщут. Спасибо вам, Петр Петрович, век не забуду вашей ласки, но уж вы меня теперь предоставьте; уж, видно, такова моя судьба». — «Эх, Матрена, Матрена, а я тебя считал за девку с карахтером». И точно, карахтеру у ней было много… душа была, золотая душа! «Что ж тебе здесь оставаться! все равно; хуже не будет.

Ну, вот сказывай: старостиных кулаков отведывала, а?» Матрена так и вспыхнула, и губы у ней задрожали. «Да из-за меня семье моей житья не будет». — «Ну ее, твою семью… Сошлют ее, что ли?» — «Сошлют; брата-то наверное сошлют». — «А отца?» — «Ну, отца не сошлют; он у нас один хороший портной и есть». — «Ну вот, видишь; а брат твой от этого не пропадет». Поверите ли, насилу уломал ее; вздумала еще толковать о том, что, дескать, вы за это отвечать будете… «Да уж это, говорю я, не твое дело…» Однако я таки ее увез… не в этот раз, а в другой: ночью, на телеге приехал — и увез.

— Увезли?

— Увез… Ну, вот она и поселилась у меня. Домик у меня был небольшой, прислуги мало. Люди мои, без обиняков скажу, меня уважали; не выдали бы ни за какие благополучия. Стал я поживать припеваючи. Матренушка отдохнула, поправилась; вот я к ней и привязался… Да и что за девка была! Откуда что бралось? И петь-то она умела, и плясать, и на гитаре играть… Соседям я ее не показывал, чего доброго, разболтают! А был у меня приятель, друг закадычный, Горностаев Пантелей, вы не изволите знать? Тот в ней просто души не чаял: как у барыни, руки у ней целовал, право.

И скажу вам, Горностаев не мне чета: человек он образованный, всего Пушкина прочел; станет, бывало, с Матреной да со мной разговаривать, так мы и уши развесим. Писать ее выучил, такой чудак! А уж как я одевал ее — просто лучше губернаторши; сшил ей шубку из малинового бархата с меховой опушкой… Уж как эта шубка на ней сидела! Шубку-то эту московская мадам шила по новому манеру, с перехватом. И уж какая чудная эта Матрена была! Бывало, задумается да и сидит по часам, на пол глядит, бровью не шевельнет; и я тоже сижу да на нее смотрю, да насмотреться не могу, словно никогда не видал… Она улыбнется, а у меня сердце так и дрогнет, словно кто пощекотит. А то вдруг примется смеяться, шутить, плясать; обнимет меня так жарко, так крепко, что голова кругом пойдет. С утра до вечера, бывало, только и думаю: чем бы мне ее порадовать? И верите ли, ведь только для того ее дарил, чтобы посмотреть, как она, душа моя, обрадуется, вся покраснеет от радости, как станет мой подарок примерять, как ко мне в обновке подойдет и поцелует. Неизвестно, каким образом отец ее Кулик пронюхал дело; пришел старик поглядеть на нас, да как заплачет… Да ведь с радости заплакал, а вы что подумали? Мы Кулика задарили. Она

ему, голубушка, сама пятирублевую ассигнацию под конец вынесла, — а он ей как бухнет в ноги — такой чудной! Таким-то мы образом месяцев пять прожили; а я бы не прочь и весь век с ней так прожить, да судьба моя такая окаянная!

Петр Петрович остановился.

— Что ж такое сделалось? — спросил я его с участьем.

Он махнул рукой.

— Все к чёрту пошло. Я же ее и погубил. Матренушка у меня смерть любила кататься в санках, и сама, бывало, правит; наденет свою шубку, шитые рукавицы торжковские да только покрикивает. Катались-то мы всегда вечером, чтобы, знаете, кого-нибудь не встретить. Вот как-то раз выбрался день такой, знаете, славный; морозно, ясно, ветра нету… мы и поехали. Матрена взяла вожжи. Вот я и смотрю, куда это она едет? Неужели в Кукуевку, в деревню своей барыни? Точно, в Кукуевку. Я ей и говорю: «Сумасшедшая, куда ты едешь?» Она глянула ко мне через плечо да усмехнулася. Дай, дескать, покуражиться. А! — подумал я, — была не была!.. Мимо господского дома прокатиться ведь хорошо? ведь хорошо — скажите сами? Вот мы и едем. Иноходец мой так и плывет, пристяжные совершенно, скажу вам, завихрились — вот

уж и кукуевскую церковь видно; глядь, ползет по дороге старый зеленый возок и лакей на запятках торчит… Барыня, барыня едет! Я было струсил, а Матрена-то как ударит вожжами по лошадям да как помчится прямо на возок! Кучер, тот-то, вы понимаете, видит: летит навстречу Алхимерэс какой-то, хотел, знаете, посторониться, да круто взял, да в сугруб возок-то и опрокинул. Стекло разбилось — барыня кричит: «Ай, ай, ай! ай, ай, ай!» Компаньонка пищит: «Держи, держи!» А мы, давай бог ноги, мимо. Скачем мы, а я думаю: худо будет, напрасно я ей позволил ехать в Кукуевку. Что же вы думаете? Ведь узнала барыня Матрену и меня узнала, старая, да жалобу на меня и подай: беглая, дескать, моя девка у дворянина Каратаева проживает; да тут же и благодарность, как следует, предъявила. Смотрю, едет ко мне исправник; а исправник-то был мне человек знакомый, Степан Сергеич Кузовкин, хороший человек, то есть, в сущности человек не хороший. Вот, приезжает и говорит: так и так, Петр Петрович, — как же вы это так?.. Ответственность сильная, и законы на этот счет ясные. Я ему говорю: «Ну, об этом мы, разумеется, с вами побеседуем, а вот не хотите ли перекусить с дороги?» Перекусить-то он согласился, но говорит: «Правосудие требует,

Петр Петрович, сами посудите». — «Оно конечно, правосудие, — говорю я, — оно, конечно… а вот, я слышал, у вас лошадка есть вороненькая, так не хотите ли поменяться на моего Лампурдоса?.. А девки Матрены Федоровой у меня не имеется». — «Ну, — говорит он, — Петр Петрович, девка-то у вас, мы ведь не в Швейцарии живем… а на Лампурдоса поменяться лошадкой можно; можно, пожалуй, его и так взять». Однако на этот раз я его кое-как спровадил. Но старая барыня завозилась пуще прежнего; десяти тысяч, говорит, не пожалею. Видите ли, ей, глядя на меня, вдруг в голову пришло женить меня на своей зеленой компаньонке, — это я после узнал: оттого-то она так и разозлилась. Чего только эти барыни не придумают!.. Со скуки, должно быть. Плохо мне пришлось: и денег-то я не жалел, и Матрену-то прятал, — нет! Затормошили меня, завертели совсем. В долги влез, здоровья лишился… Вот лежу однажды ночью у себя на постели и думаю: «Господи боже мой, за что терплю? Что ж мне делать, коли я ее разлюбить не могу?.. Ну, не могу, да и только!» Шасть ко мне в комнату Матрена. Я на это время спрятал ее было у себя на хуторе, верстах в двух от своего дома. Я испугался. «Что? аль и там тебя открыли?» — «Нет, Петр Петрович,

— говорит она, — никто меня не беспокоит в Бубнове; да долго ли это продолжится? Сердце мое, говорит, надрывается, Петр Петрович; вас мне жаль, моего голубчика; век не забуду ласки вашей, Петр Петрович, а теперь пришла с вами проститься». — «Что ты, что, ты, сумасшедшая?.. Как проститься? как проститься?» — «А так… пойду да себя и выдам». — «Да я тебя, сумасшедшую, на чердак запру… Иль ты погубить меня вздумала? уморить меня желаешь, что ли?» Молчит себе девка да глядит на пол. «Ну, да говори же, говори!» — «Не хочу вам больше беспокойства причинять, Петр Петрович». Ну, поди, толкуй с ней… «Да ты знаешь ли, дура, ты знаешь ли, сума… сумасшедшая…»

И Петр Петрович горько зарыдал.

— Ведь что вы думаете? — продолжал он, ударив кулаком по столу и стараясь нахмурить брови, меж тем как слезы всё еще бежали по его разгоряченным щекам, — ведь выдала себя девка, пошла да и выдала себя…

— Лошади готовы-с! — торжественно воскликнул смотритель, входя в комнату.

Мы оба встали.

— Что же сделалось с Матреной? — спросил я.

Каратаев махнул рукой.

Спустя год после моей встречи с Каратаевым случилось мне заехать в Москву. Раз как-то, перед обедом, зашел я в кофейную,[125] находящуюся за Охотным рядом, — оригинальную, московскую кофейную. В бильярдной, сквозь волны дыма, мелькали раскрасневшиеся лица, усы, хохлы, старомодные венгерки и новейшие святославки. Худые старички в скромных сюртуках читали русские газеты. Прислуга резво мелькала с подносами, мягко ступая по зеленым коврикам. Купцы с мучительным напряжением пили чай. Вдруг из бильярдной вышел человек, несколько растрепанный и не совсем твердый на ногах. Он положил руки в карманы, спустил голову и бессмысленно посмотрел кругом.

— Ба, ба, ба! Петр Петрович!.. Как поживаете?

Петр Петрович чуть не бросился ко мне на шею и потащил меня, слегка качаясь, в маленькую особенную комнату.

— Вот здесь, — говорил он, заботливо усаживая

---

125 Примечания: 177

…зашел я в кофейную… — Речь идет, по всей вероятности, о кофейне Баженова; помещалась на Воскресенской площади в Москве (ныне площадь Революции), по соседству с трактиром Печкина, с которым имела общий вход; пользовалась большой популярностью в 30-40-е годы прошлого века; см. о ней у Герцена в «Былом и думах» (ч. IV, гл. «Н. Х. Кетчер») и в воспоминаниях А. Д. Галахова «Литературная кофейня в Москве в 1830-1840 гг.». См.: *Герцен.* Т. 9. С. 223; Рус. старина. 1886. № 4, 6.

меня в кресла, — здесь вам будет хорошо. Человек, пива! нет, то есть шампанского! Ну, признаюсь, не ожидал, не ожидал… Давно ли? надолго ли? Вот, привел бог, как говорится, того…

— Да, помните…

— Как не помнить, как не помнить, — торопливо перервал он меня, — дело прошлое… дело прошлое…

— Ну, что вы здесь поделываете, любезный Петр Петрович?

— Живу, как изволите видеть. Здесь житье хорошее, народ здесь радушный. Здесь я успокоился.

И он вздохнул и поднял глаза к небу.

— Служите?

— Нет-с, еще не служу, а думаю скоро определиться. Да что служба?.. — Люди — вот главное. С какими я здесь людьми познакомился!..

Мальчик вошел с бутылкой шампанского на черном подносе.

— Вот и это хороший человек… Не правда ли, Вася, ты хороший человек? На твое здоровье!

Мальчик постоял, прилично тряхнул головкой, улыбнулся и вышел.

— Да, хорошие здесь люди, — продолжал Петр Петрович, — с чувством, с душой… Хотите, я вас познакомлю? Такие славные ребята… Они все

вам будут рады. Я скажу… Бобров умер, вот горе.

— Какой Бобров?

— Сергей Бобров. Славный был человек; призрел было меня, невежу, степняка. И Горностаев Пантелей умер. Все умерли, все!

— Вы всё время в Москве прожили? Не съездили в деревню?

— В деревню… мою деревню продали.

— Продали?

— Сукциона… Вот, напрасно вы не купили!

— Чем же вы жить будете, Петр Петрович?

— А не умру с голоду, бог даст! Денег не будет, друзья будут. Да что деньги? — прах! Золото — прах!

Он зажмурился, пошарил рукой в кармане и поднес ко мне на ладони два пятиалтынных и гривенник.

— Что это? ведь прах! (И деньги полетели на пол.) А вы лучше скажите мне, читали ли вы Полежаева?

— Читал.

— Видали ли Мочалова в Гамлете?[126]

— Нет, не видал.

— Не видали, не видали… (И лицо Каратаева побледнело, глаза беспокойно забегали; он отвернулся; легкие судороги пробежали по его губам.) Ах, Мочалов, Мочалов! «Окончить жизнь — уснуть», — проговорил он глухим голосом.

Не более! и знать, что этот сон[127]
Окончит грусть и тысячи ударов,
Удел живых… Такой конец достоин
Желаний жарких! Умереть… уснуть…

— Уснуть, уснуть! — пробормотал он несколько раз.

— Скажите, пожалуйста, — начал было я; но он продолжал с жаром:

---

126 Примечания: 178

…читали ли вы Полежаева? ∞ Видали ли Мочалова в Гамлете? — В этих словах Каратаева слышны отзвуки оппозиционных настроений русской интеллигенции конца 1830-х годов. В борьбе Гамлета-Мочалова за идеалы добра и справедливости, в бунтарском пафосе стихотворений Полежаева тургеневский герой ищет созвучия своему неосознанному протесту против насилия и произвола. Вопрос Каратаева о Полежаеве относится скорее всего к нелегальным произведениям поэта, которые, по выражению Белинского, «ходили по рукам в тетрадках» (*Белинский.* Т. 6. С. 121; см. также: *Герцен.* Т. 8. С. 166).

127 Примечания: 179

Не более! и знать, что этот сон… — Каратаев декламирует отрывки из монологов Гамлета в переводе А. Кронеберга (Гамлет. Харьков, 1844. д. III, сц. 1; д. I, сц. 2; д. II, сц. 2. С. 97, 98, 23, 92). Тургенев допускает

здесь некоторую историческую неточность: он цитирует последний из существовавших к тому времени русских переводов трагедии, в то время как успех Мочалова в роли Гамлета был связан с переводом Н. Полевого (М., 1837).

Кто снес бы бич и посмеянье века,
Бессилье прав, тиранов притесненье,
Обиды гордого, забытую любовь,
Презренных душ презрение к заслугам,
Когда бы мог нас подарить покоем
Один удар… О, помяни
Мои грехи в твоей святой молитве!

И он уронил голову на стол. Он начинал заикаться и завираться.

— «И через месяц!» — произнес он с новой силой.

Один короткий, быстротечный месяц!
И башмаков еще не износила,
В которых шла, в слезах,
За бедным прахом моего отца!
О небо! Зверь без разума, без слова
Грустил бы долее…

Он поднес рюмку шампанского к губам, но не выпил вина и продолжал:

Из-за Гекубы?
Что он Гекубе, что она ему,
Что плачет он об ней?..

А я… презренный, малодушный раб, —
Я трус! Кто назовет меня негодным?
Кто скажет мне: ты лжешь?
А я обиду перенес бы… Да!
Я голубь мужеством: во мне нет желчи,
И мне обида не горька…

Каратаев уронил рюмку и схватил себя за голову. Мне показалось, что я его понял.

— Ну, да что, — проговорил он наконец, — кто старое помянет, тому глаз вон… Не правда ли? (И он засмеялся.) На ваше здоровье!

— Вы останетесь в Москве? — спросил я его.

— Умру в Москве!

— Каратаев! — раздалось в соседней комнате. — Каратаев, где ты? Поди сюда, любезный че-а-эк!

— Меня зовут, — проговорил он, тяжело поднимаясь с места. — Прощайте; зайдите ко мне, если можете, я живу в ***.

Но на другой же день, по непредвиденным обстоятельствам, я должен был выехать из Москвы и не видался более с Петром Петровичем Каратаевым.

СВИДАНИЕ

«Свидание». Гравюра А. Малиновского по рисунку Н. П. Загорского. 1876. ИРЛИ

Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября. С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сиянием; была непостоянная погода. Небо то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками, то вдруг местами расчищалось на мгновенье,

и тогда из-за раздвинутых туч показывалась лазурь, ясная и ласковая, как прекрасный глаз. Я сидел и глядел кругом, и слушал. Листья чуть шумели над моей головой; по одному их шуму можно было узнать, какое тогда стояло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета, не робкое и холодное лепетанье поздней осени, а едва слышная, дремотная болтовня. Слабый ветер чуть-чуть тянул по верхушкам. Внутренность рощи, влажной от дождя, беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она то озарялась вся, словно вдруг в ней всё улыбнулось: тонкие стволы не слишком частых берез внезапно принимали нежный отблеск белого шёлка, лежавшие на земле мелкие листья вдруг пестрели и загорались червонным золотом, а красивые стебли высоких кудрявых папоротников, уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету переспелого винограда, так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять всё кругом слегка синело: яркие краски мгновенно гасли, березы стояли все белые, без блеску, белые, как только что выпавший снег, до которого еще не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца;

и украдкой, лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь. Листва на березах была еще почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кое-где стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая, и надобно было видеть, как она ярко вспыхивала на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождем. Ни одной птицы не было слышно: все приютились и замолкли; лишь изредка звенел стальным колокольчиком насмешливый голосок синицы. Прежде чем я остановился в этом березовом леску, я с своей собакой прошел через высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, металлической листвой, которую она вздымает как можно выше и дрожащим веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам. Она бывает хороша только в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, приходится в упор рдеющим лучам заходящего солнца и блестит и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым желтым багрянцем, — или,

когда, в ясный ветреный день, она вся шумно струится и лепечет на синем небе, и каждый лист ее, подхваченный стремленьем, как будто хочет сорваться, слететь и умчаться вдаль. Но вообще я не люблю этого дерева и потому, не остановясь в осиновой роще для отдыха, добрался до березового леска, угнездился под одним деревцом, у которого сучья начинались низко над землей и, следовательно, могли защитить меня от дождя, и, полюбовавшись окрестным видом, заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам.

Не могу сказать, сколько я времени проспал, но когда я открыл глаза — вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направленья, сквозь радостно шумевшую листву, сквозило и как бы искрилось ярко-голубое небо; облака скрылись, разогнанные взыгравшим ветром; погода расчистилась, и в воздухе чувствовалась та особенная, сухая свежесть, которая, наполняя сердце каким-то бодрым ощущеньем, почти всегда предсказывает мирный и ясный вечер после ненастного дня. Я собрался было встать и снова попытать счастья, как вдруг глаза мои остановились на неподвижном человеческом образе. Я вгляделся: то была молодая крестьян-

ская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня, задумчиво потупив голову и уронив обе руки, на колени; на одной из них, до половины раскрытой, лежал густой пучок полевых цветов и при каждом ее дыханье тихо скользил на клетчатую юбку. Чистая белая рубаха, застегнутая у горла и кистей, ложилась короткими мягкими складками около ее стана; крупные желтые бусы в два ряда спускались с шеи на грудь. Она была очень недурна собою. Густые белокурые волосы прекрасного пепельного цвета расходились двумя тщательно причесанными полукругами из-под узкой алой повязки, надвинутой почти на самый лоб, белый, как слоновая кость; остальная часть ее лица едва загорела тем золотистым загаром, который принимает одна тонкая кожа. Я не мог видеть ее глаз — она их не поднимала; но я ясно видел ее тонкие, высокие брови, ее длинные ресницы: они были влажны, и на одной из ее щек блистал на солнце высохший след слезы, остановившейся у самых губ, слегка побледневших. Вся ее головка была очень мила; даже немного толстый и круглый нос ее не портил. Мне особенно нравилось выражение ее лица: так оно было просто и кротко, так грустно и так полно детского недоуменья перед собственной грустью. Она,

видимо, ждала кого-то; в лесу что-то слабо хрустнуло: она тотчас подняла голову и оглянулась; в прозрачной тени быстро блеснули передо мной ее глаза, большие, светлые и пугливые, как у лани. Несколько мгновений прислушивалась она, не сводя широко раскрытых глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову, еще ниже наклонилась и принялась медленно перебирать цветы. Веки ее покраснели, горько шевельнулись губы, и новая слеза прокатилась из-под густых ресниц, останавливаясь и лучисто сверкая на щеке. Так прошло довольно много времени; бедная девушка не шевелилась, — лишь изредка тоскливо поводила руками и слушала, всё слушала… Снова что-то зашумело по лесу, — она встрепенулась. Шум не переставал, становился явственней, приближался, послышались наконец решительные, проворные шаги. Она выпрямилась и как будто оробела; ее внимательный взор задрожал, зажегся ожиданьем. Сквозь чащу быстро замелькала фигура мужчины. Она вгляделась, вспыхнула вдруг, радостно и счастливо улыбнулась, хотела было встать и тотчас опять поникла вся, побледнела, смутилась — и только тогда подняла трепещущий, почти молящий взгляд на пришедшего человека, когда

тот остановился рядом с ней.

Я с любопытством посмотрел на него из своей засады. Признаюсь, он не произвел на меня приятного впечатления. Это был, по всем признакам, избалованный камердинер молодого, богатого барина. Его одежда изобличала притязание на вкус и щегольскую небрежность: на нем было коротенькое пальто бронзового цвета, вероятно, с барского плеча, застегнутое доверху, розовый галстучек с лиловыми кончиками и бархатный черный картуз с золотым галуном, надвинутый на самые брови. Круглые воротнички его белой рубашки немилосердно подпирали ему уши и резали щеки, а накрахмаленные рукавчики закрывали всю руку вплоть до красных и кривых пальцев, украшенных серебряными и золотыми кольцами с незабудками из бирюзы. Лицо его, румяное, свежее, нахальное, принадлежало к числу лиц, которые, сколько я мог заметить, почти всегда возмущают мужчин и, к сожалению, очень часто нравятся женщинам. Он, видимо, старался придать своим грубоватым чертам выражение презрительное и скучающее; беспрестанно щурил свои и без того крошечные молочно-серые глазки, морщился, опускал углы губ, принужденно зевал и с небрежной, хотя не совсем ловкой

развязностью то поправлял рукою рыжеватые, ухарски закрученные виски, то щипал желтые волосики, торчавшие на толстой верхней губе, — словом, ломался нестерпимо. Начал он ломаться, как только увидал молодую крестьянку, его ожидавшую; медленно, развалистым шагом подошел он к ней, постоял, передернул плечами, засунул обе руки в карманы пальто и, едва удостоив бедную девушку беглым и равнодушным взглядом, опустился на землю.

— А что, — начал он, продолжая глядеть куда-то в сторону, качая ногою и зевая, — давно ты здесь?

Девушка не могла тотчас ему отвечать.

— Давно-с, Виктор Александрыч, — проговорила она наконец едва слышным голосом.

— А! (Он снял картуз, величественно провел рукою по густым, туго завитым волосам, начинавшимся почти у самых бровей, и, с достоинством посмотрев кругом, бережно прикрыл опять свою драгоценную голову.) А я было совсем и позабыл. Притом, вишь, дождик! (Он опять зевнул.) Дела пропасть: за всем не усмотришь, а тот еще бранится. Мы завтра едем…

— Завтра? — произнесла девушка и устремила на него испуганный взор.

— Завтра… Ну, ну, ну, пожалуйста, — подхватил он поспешно и с досадой, увидев, что она затрепетала вся и тихо наклонила голову, — пожалуйста, Акулина, не плачь. Ты знаешь, я этого терпеть не могу. (И он наморщил свой тупой нос.) А то я сейчас уйду… Что за глупости — хныкать!

— Ну, не буду, не буду, — торопливо произнесла Акулина, с усилием глотая слезы. — Так вы завтра едете? — прибавила она после небольшого молчанья. — Когда-то бог приведет опять увидеться с вами, Виктор Александрыч?

— Увидимся, увидимся. Не в будущем году — так после. Барин-то, кажется, в Петербурге на службу поступить желает, — продолжал он, выговаривая слова небрежно и несколько в нос, — а может быть, и за границу уедем.

— Вы меня забудете, Виктор Александрыч, — печально промолвила Акулина.

— Нет, отчего же? Я тебя не забуду: только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца… А я тебя не забуду — не-ет. (И он спокойно потянулся и опять зевнул.)

— Не забывайте меня, Виктор Александрыч, — продолжала она умоляющим голосом. — Уж, кажется, я на что вас любила, всё, кажется, для вас… Вы говорите, отца мне слушаться, Виктор

Александрыч… Да как же мне отца-то слушаться…

— А что? (Он произнес эти слова как бы из желудка, лежа на спине и подложив руки под голову.)

— Да как же, Виктор Александрыч, — вы сами знаете…

Она умолкла. Виктор поиграл стальной цепочкой своих часов.

— Ты, Акулина, девка неглупая, — заговорил он наконец, — потому вздору не говори. Я твоего же добра желаю, понимаешь ты меня? Конечно, ты не глупа, не совсем мужичка, так сказать; и твоя мать тоже не всегда мужичкой была. Всё же ты без образованья, — стало быть, должна слушаться, когда тебе говорят.

— Да страшно, Виктор Александрыч.

— И-и, какой вздор, моя любезная: в чем нашла страх! Что это у тебя, — прибавил он, подвинувшись к ней, — цветы?

— Цветы, — уныло отвечала Акулина. — Это я полевой рябинки нарвала, — продолжала она, несколько оживившись, — это для телят хорошо. А это вот череда — против золотухи. Вот поглядите-ка, какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала. Вот незабудки,

а вот маткина-душка… А вот это я для вас, — прибавила она, доставая из-под желтой рябинки небольшой пучок голубеньких васильков, перевязанных тоненькой травкой, — хотите?

Виктор лениво протянул руку, взял, небрежно понюхал цветы и начал вертеть их в пальцах, с задумчивой важностью посматривая вверх. Акулина глядела на него… В ее грустном взоре было столько нежной преданности, благоговейной покорности и любви. Она и боялась-то его, и не смела плакать, и прощалась с ним, и любовалась им в последний раз; а он лежал, развалясь, как султан, и с великодушным терпеньем и снисходительностию сносил ее обожанье. Я, признаюсь, с негодованьем рассматривал его красное лицо, на котором сквозь притворно презрительное равнодушие проглядывало удовлетворенное, пресыщенное самолюбие. Акулина была так хороша в это мгновение: вся душа ее доверчиво, страстно раскрывалась перед ним, тянулась и ластилась к нему, а он… он уронил васильки на траву, достал из бокового кармана пальто круглое стеклышко в бронзовой оправе и принялся втискивать его в глаз; но, как он ни старался удержать его нахмуренной бровью, приподнятой щекой и даже носом — стеклышко всё вываливалось и

падало ему в руку.

— Что это? — спросила, наконец, изумленная Акулина.

— Лорнет, — отвечал он с важностью.

— Для чего?

— А чтоб лучше видеть.

— Покажите-ка.

Виктор поморщился, но дал ей стеклышко.

— Не разбей, смотри.

— Небось, не разобью. (Она робко поднесла его к глазу.) Я ничего не вижу, — невинно проговорила она.

— Да ты глаз-то, глаз-то зажмурь, — возразил он голосом недовольного наставника. (Она зажмурила глаз, перед которым держала стеклышко.) Да не тот, не тот, глупая! Другой! — воскликнул Виктор и, не давши ей исправить свою ошибку, отнял у ней лорнет.

Акулина покраснела, чуть-чуть засмеялась и отвернулась.

— Видно, нам не годится, — промолвила она.

— Еще бы!

Бедняжка помолчала и глубоко вздохнула.

— Ах, Виктор Александрыч, как это будет нам быть без вас! — сказала она вдруг.

Виктор вытер лорнет полой и положил его

обратно в карман.

— Да, да, — заговорил он наконец, — тебе сначала будет тяжело, точно. (Он снисходительно потрепал ее по плечу; она тихонько достала с своего плеча его руку и робко ее поцеловала.) Ну, да, да, ты точно девка добрая, — продолжал он, самодовольно улыбнувшись, — но что же делать? Ты сама посуди! Нам с барином нельзя же здесь остаться; теперь скоро зима, а в деревне зимой — ты сама знаешь — просто скверность. То ли дело в Петербурге! Там, просто, такие чудеса, каких ты, глупая, и во сне себе представить не можешь. Дома какие, улицы, а обчество, образованье — просто удивленье!.. (Акулина слушала его с пожирающим вниманьем, слегка раскрыв губы, как ребенок.) Впрочем, — прибавил он, заворочавшись на земле, — к чему я тебе это все говорю? Ведь ты этого понять не можешь.

— Отчего же, Виктор Александрыч? Я поняла; я всё поняла.

— Вишь какая!

Акулина потупилась.

— Прежде вы со мной не так говаривали, Виктор Александрыч, проговорила она, не поднимая глаз.

— Прежде?.. прежде! Вишь ты!.. Прежде! — за-

метил он, как бы негодуя.

Они оба помолчали.

— Однако мне пора идти, — проговорил Виктор и уже оперся было на локоть…

— Подождите еще немножко, — умоляющим голосом произнесла Акулина,

— Чего ждать?.. Ведь уж я простился с тобой.

— Подождите, — повторила Акулина.

Виктор опять улегся и принялся посвистывать. Акулина всё не спускала с него глаз. Я мог заметить, что она понемногу приходила в волненье: ее губы подергивало, бледные ее щеки слабо заалелись…

— Виктор Александрыч, — заговорила она, наконец, прерывающимся голосом, — вам грешно… вам грешно, Виктор Александрыч, ей-богу!

— Что такое грешно? — спросил он, нахмурив брови, и слегка приподнял и повернул к ней голову.

— Грешно, Виктор Александрыч. Хоть бы доброе словечко мне сказали на прощанье; хоть бы словечко мне сказали, горемычной сиротинушке…

— Да что я тебе скажу?

— Я не знаю; вы это лучше знаете, Виктор Александрыч. Вот вы едете, и хоть бы словечко… Чем я заслужила?

— Какая же ты странная! Что ж я могу?

— Хоть бы словечко…

— Ну, зарядила одно и то же, — промолвил он с досадой и встал.

— Не сердитесь, Виктор Александрыч, — поспешно прибавила она, едва сдерживая слезы.

— Я не сержусь, а только ты глупа… Чего ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу? ведь не могу? Ну, так чего ж ты хочешь? чего? (Он уткнулся лицом, как бы ожидая ответа, и растопырил пальцы.)

— Я ничего… ничего не хочу, — отвечала она, заикаясь и едва осмеливаясь простирать к нему трепещущие руки, — а так хоть бы словечко, на прощанье…

И слезы полились у ней ручьем.

— Ну, так и есть, пошла плакать, — хладнокровно промолвил Виктор, надвигая сзади картуз на глаза.

— Я ничего не хочу, — продолжала она, всхлипывая и закрыв лицо обеими руками, — но каково же мне теперь в семье, каково же мне? И что же со мной будет, что станется со мной, горемычной? За немилого выдадут сиротиночку… Бедная моя головушка!

— Припевай, припевай, — вполголоса пробор-

мотал Виктор, переминаясь на месте.

— А он хоть бы словечко, хоть бы одно… Дескать, Акулина, дескать, я…

Внезапные, надрывающие грудь рыданья не дали ей докончить речи — она повалилась лицом на траву и горько, горько заплакала… Всё ее тело судорожно волновалось, затылок так и поднимался у ней… Долго сдержанное горе хлынуло наконец потоком. Виктор постоял над нею, постоял, пожал плечами, повернулся и ушел большими шагами.

Прошло несколько мгновений… Она притихла, подняла голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками; хотела было бежать за ним, но ноги у ней подкосились — она упала на колени. Я не выдержал и бросился к ней; но едва успела она вглядеться в меня, как откуда взялись силы — она с слабым криком поднялась и исчезла за деревьями, оставив разбросанные цветы на земле.

Я постоял, поднял пучок васильков и вышел из рощи в поле. Солнце стояло низко на бледно-ясном небе, лучи его тоже как будто поблекли ж похолодели: они не сияли, они разливались ровным, почти водянистым светом. До вечера оставалось не более получаса, а заря едва-едва зажигалась. Порывистый ветер быстро мчался

мне навстречу через желтое, высохшее жнивье; торопливо вздымаясь перед ним, стремились мимо, через дорогу, вдоль опушки, маленькие, покоробленные листья; сторона рощи, обращенная стеною в поле, вся дрожала и сверкала мелким сверканьем, четко, но не ярко; на красноватой траве, на былинках, на соломинках — всюду блестели и волновались бесчисленные нити осенних паутин. Я остановился… Мне стало грустно; сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалекой зимы. Высоко надо мной, тяжело и резко рассекая воздух крылами, пролетел осторожный ворон, повернул голову, посмотрел на меня сбоку, взмыл и, отрывисто каркая, скрылся за лесом; большое стадо голубей резво пронеслось с гумна и, внезапно закружившись столбом, хлопотливо расселось по полю — признак осени! Кто-то проехал за обнаженным холмом, громко стуча пустой телегой…

Я вернулся домой; но образ бедной Акулины долго не выходил из моей головы, и васильки ее, давно увядшие, до сих пор хранятся у меня…

Свидание

стихи 1ое

Я сидела в молодой березовой роще осенью около полудня. Накануне со всего утра моросил мелкий дождик, оставляя по березовым листьям светящиеся капельки; обычно неприветливая в это время года роща стояла вся обвеянная легкими отблесками, как будто кто-то невидимый осторожно расчищал для ненастья то, что еще утром оставалось радостью, жутью, тайной, ласковой лаской красоты, уныния, глаз. Я сидела и слушала тишину и слушала: "Смерть-скульптор, скарб мой - голова", - но о чем мне петь, чтобы тебе услышать голос тогда, сейчас, здесь? Ты была за весенью, сентябрем, временем весны, не ближе и не дальше - говорю летом - не "потом" и "теперь" вещей, осени-то есть сегодня, сейчас, здесь, вот - Слава - Второго куда-то вокруг не вокруг - внутрь - внутренность рощи, отвернувшаяся от дождя, обращенная ко мне, ближе, чем ты, сокровенно ко мне, ближе, чем я, - и ты оглянулась на слово "вокруг" и "внутрь" - и ближе, чем ты, - и ближе, чем я, - и ближе, чем мы, - и ближе, чем все, - и ближе, чем ничто, - и ближе, чем ближе, - и ближе, чем ближе, - и ближе, чем ближе

«Свидание».
Черновой автограф, ГПВ

ГАМЛЕТ ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА

«Гамлет Щигровского уезда». Рис. И. С. Тургенева. ИРЛИ

На одной из моих поездок получил я приглашение отобедать у богатого помещика и охотника,

Александра Михайлыча Г***.[128] Его село находилось верстах в пяти от небольшой деревеньки, где я на ту пору поселился. Я надел фрак, без которого не советую никому выезжать даже на охоту, и отправился к Александру Михайлычу. Обед был назначен к шести часам; я приехал в пять и застал уже великое множество дворян в мундирах, в партикулярных платьях и других, менее определительных одеждах. Хозяин встретил меня ласково, но тотчас же побежал в официантскую. Он ожидал важного сановника и чувствовал некоторое волнение, вовсе несообразное с его независимым положением в свете и богатством. Александр Михайлыч никогда женатым не был и не любил женщин; общество у него собиралось холостое. Он жил на большую ногу, увеличил и отделал дедовские хоромы великолепно, выписывал ежегодно из Москвы тысяч на пятнадцать вина и вообще пользовался величайшим ува-

---

128 Примечания: 180

*...у богатого помещика и охотника, Александра Михайлыча Г***.* — Прототипом этого персонажа послужило реально существовавшее лицо, сведения о котором приводил М. И. Пыляев в своей книге «Замечательные чудаки и оригиналы» (СПб., 1898, С. 260-266), где это лицо выведено под инициалами «Н.К-ий». Этот сказочно богатый орловский помещик один из домов своей усадьбы превратил в гостиницу для своих друзей-охотников, которые съезжались к нему сотнями. М. И. Пыляев несомненно имел в виду Николая Васильевича Киреевского. См.: *Т. сб. 1.* С. 284-292.

жением. Александр Михайлыч давным-давно вышел в отставку и никаких почестей не добивался… Что же заставляло его напрашиваться на посещение сановного гостя и волноваться с самого утра в день торжественного обеда? Это остается покрыто мраком неизвестности, как говаривал один мой знакомый стряпчий, когда его спрашивали: берет ли он взятки с доброхотных дателей?

Расставшись с хозяином, я начал расхаживать по комнатам. Почти все гости были мне совершенно незнакомы; человек двадцать уже сидело за карточными столами. В числе этих любителей преферанса было: два военных с благородными, но слегка изношенными лицами, несколько штатских особ, в тесных, высоких галстухах и с висячими, крашеными усами, какие только бывают у людей решительных, но благонамеренных (эти благонамеренные люди с важностью подбирали карты и, не поворачивая головы, вскидывали сбоку глазами на подходивших); пять или шесть уездных чиновников с круглыми брюшками, пухлыми и потными ручками и скромно-неподвижными ножками (эти господа говорили мягким голосом, кротко улыбались на все стороны, держали свои игры у самой маниш-

ки и, козыряя, не стучали по столу, а, напротив, волнообразно роняли карты на зеленое сукно и, складывая взятки, производили легкий, весьма учтивый и приличный скрып). Прочие дворяне сидели на диванах, кучками жались к дверям и подле окон; один, уже немолодой, но женоподобный по наружности помещик стоял в уголку, вздрагивал, краснел и с замешательством вертел у себя на желудке печаткою своих часов, хотя никто не обращал на него внимания; иные господа, в круглых фраках и клетчатых панталонах работы московского портного, вечного цехового мастера иностранца Фирса Клюхина, рассуждали необыкновенно развязно и бойко, свободно поворачивая своими жирными и голыми затылками; молодой человек лет двадцати, подслеповатый и белокурый, с ног до головы одетый в черную одежду, видимо робел, но язвительно улыбался…

Однако я начинал несколько скучать, как вдруг ко мне присоседился некто Войницын, недоучившийся молодой человек, проживавший в доме Александра Михайлыча в качестве… мудрено сказать, в каком именно качестве. Он стрелял отлично и умел дрессировать собак. Я его знавал еще в Москве. Он принадлежал к числу молодых людей, которые, бывало, на всяком экзамене

«играли столбняка», то есть не отвечали ни слова на вопросы профессора. Этих господ, для красоты слога, называли также бакенбардистами. (Дела давно минувших дней, как изволите видеть.)[129] Вот как это делалось: вызывали, например, Войницына. Войницын, который до того времени неподвижно и прямо сидел на своей лавке, с ног до головы обливаясь горячей испариной и медленно, но бессмысленно поводя кругом глазами, — вставал, торопливо застегивал свой вицмундир доверху и пробирался боком к экзаменаторскому столу. «Извольте взять билет», — с приятностью говорил ему профессор. Войницын протягивал руку и трепетно прикасался пальцами кучки билетов. «Да не извольте выбирать», — замечал дребезжащим голосом какой-нибудь посторонний, но раздражительный старичок, профессор из другого факультета, внезапно возненавидевший несчастного бакенбардиста. Войницын покорялся своей участи, брал билет, показывал нумер и шел садиться к окну, пока

129 Примечания: 181

Этих господ, для красоты слога, называли также бакенбардистами. (Дела давно минувших дней, как изволите видеть.) — Указом от 2 апр. 1837 г. Николай I запретил ношение бороды и усов гражданскими чиновниками (см.: Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1838. Т. XII. с. 206). Это запрещение распространилось и на студенчество, вследствие чего ко времени написания рассказа бакенбарды у студентов давно уже вышли из употребления.

предшественник его отвечал на свой вопрос. У окна Войницын не спускал глаз с билета, разве только для того, чтобы по-прежнему медленно посмотреть кругом, а впрочем, не шевелился ни одним членом. Вот, однако, предшественник его кончил; говорят ему: «Хорошо, ступайте», или даже: «Хорошо-с, очень хорошо-с», смотря по его способностям. Вот вызывают Войницына; Войницын встает и твердым шагом приближается к столу. «Прочтите билет», — говорят ему. Войницын подносит обеими руками билет к самому своему носу, медленно читает и медленно опускает руки. «Ну-с, извольте отвечать», — лениво произносит тот же профессор, закидывая туловище назад и скрещивая на груди руки. Воцаряется гробовое молчание. «Что же вы?» Войницын молчит. Постороннего старичка начинает дергать. «Да скажите же что-нибудь!» Молчит мой Войницын, словно замер. Стриженый его затылок круто и неподвижно торчит навстречу любопытным взорам всех товарищей. У постороннего старичка глаза готовы выскочить: он окончательно ненавидит Войницына. «Однако ж это странно, — замечает другой экзаменатор, — что же вы, как немой, стоите? ну, не знаете, что ли? Так так и скажите». — «Позвольте другой билет взять»,

— глухо произносит несчастный. Профессора переглядываются. «Ну, извольте», — махнув рукой, отвечает главный экзаменатор, Войницын снова берет билет, снова идет к окну, снова возвращается к столу и снова молчит, как убитый. Посторонний старичок в состоянии съесть его живого. Наконец его прогоняют и ставят нуль. Вы думаете: теперь он, по крайней мере, уйдет? Как бы не так! Он возвращается на свое место, так же неподвижно сидит до конца экзамена, а уходя восклицает: «Ну баня! экая задача!» И ходит он целый тот день по Москве, изредка хватаясь за голову и горько проклиная свою бесталанную участь. За книгу он, разумеется, не берется, и на другое утро та же повторяется история.

Вот этот-то Войницын присоседился ко мне. Мы с ним говорили о Москве, об охоте.

— Не хотите ли, — шепнул он мне вдруг, — я познакомлю вас с первым здешним остряком?

— Сделайте одолжение.

Войницын подвел меня к человеку маленького роста, с высоким хохлом и усами, в коричневом фраке и пестром галстухе. Его желчные, подвижные черты действительно дышали умом и злостью. Беглая, едкая улыбка беспрестанно кривила его губы; черные, прищуренные глазки

дерзко выглядывали из-под неровных ресниц. Подле него стоял помещик, широкий, мягкий, сладкий — настоящий Сахар-Медович — и кривой. Он заранее смеялся остротам маленького человека и словно таял от удовольствия. Войницын представил меня остряку, которого звали Петром Петровичем Лупихиным. Мы познакомились, обменялись первыми приветствиями.

— А позвольте представить вам моего лучшего приятеля, — заговорил вдруг Лупихин резким голосом, схватив сладкого помещика за руку. — Да не упирайтесь же, Кирила Селифаныч, — прибавил он, — вас не укусят. Вот-с, — продолжал он, между тем как смущенный Кирила Селифаныч так неловко раскланивался, как будто у него отваливался живот, — вот-с, рекомендую-с, превосходный дворянин. Пользовался отличным здоровьем до пятидесятилетнего возраста, да вдруг вздумал лечить себе глаза, вследствие чего и окривел. С тех пор лечит своих крестьян с таковым же успехом… Ну а они, разумеется, с таковою же преданностию…

— Ведь этакой, — пробормотал Кирила Селифаныч и засмеялся.

— Договаривайте, друг мой, эх, договаривайте, — подхватил Лупихин. — Ведь вас, чего доброго, в

судьи могут избрать, и изберут, посмотрите. Ну, за вас, конечно, будут думать заседатели, положим; да ведь надобно ж на всякий случай хоть чужую-то мысль уметь выговорить. Неравно заедет губернатор — спросит: отчего судья заикается? Ну, положим, скажут: паралич приключился; так бросьте ему, скажет кровь, А оно в вашем положении, согласитесь сами, неприлично.

Сладкий помещик так и покатился.

— Ведь вишь смеется, — продолжал Лупихин, злобно глядя на колыхающийся живот Кирилы Селифаныча. — И отчего ему не смеяться? — прибавил он, обращаясь ко мне, — сыт, здоров, детей нет, мужики не заложены — он же их лечит — жена с придурью. (Кирила Селифаныч немножко отвернулся в сторону, будто не расслыхал, и всё продолжал хохотать.) Смеюсь же я, а у меня жена с землемером убежала. (Он оскалился.) А вы этого не знали? Как же! Так-таки взяла да и убежала и письмо мне оставила: любезный, дескать, Петр Петрович, извини; увлеченная страстью, удаляюсь с другом моего сердца… А землемер только тем и взял, что не стриг ногтей да панталоны носил в обтяжку. Вы удивляетесь? Вот, дескать, откровенный человек… И, боже мой! наш брат-степняк так правду-матку и режет.

Однако отойдемте-ка в сторону… Что нам подле будущего судьи стоять-то…

Он взял меня под руку, и мы отошли к окну.

— Я слыву здесь за остряка, — сказал он мне в течение разговора, — вы этому не верьте. Я просто озлобленный человек и ругаюсь вслух: оттого я так и развязен. И зачем мне церемониться, в самом деле? Я ничье мнение в грош не ставлю и ничего не добиваюсь; я зол — что ж такое? Злому человеку, по крайней мере, ума не нужно. А как оно освежительно, вы не поверите… Ну вот, например, ну вот посмотрите на нашего хозяина! Ну из чего он бегает, помилуйте, то и дело на часы смотрит, улыбается, потеет, важный вид принимает, нас с голоду морит? Эка невидаль — сановное лицо! Вот, вот, опять побежал — заковылял даже, посмотрите,

И Лупихин визгливо засмеялся.

— Одна беда, барынь нету, — продолжал он с глубоким вздохом, — холостой обед, — а то вот где нашему брату пожива. Посмотрите, посмотрите, — воскликнул он вдруг, — идет князь Козельский — вон этот высокий мужчина с бородой, в желтых перчатках. Сейчас видно, что за границей побывал… И всегда так поздно приезжает. Глуп, скажу я вам, один, как пара купеческих лошадей,

а изволили бы вы поглядеть, как снисходительно он с нашим братом заговаривает, как великодушно изволит улыбаться на любезности наших голодных матушек и дочек!.. И сам иногда острит, даром что проездом здесь живет; зато как и острит! Ни дать ни взять тупым ножом бечевку пилит. Он меня терпеть не может… Пойду поклонюсь ему.

И Лупихин побежал навстречу князю.

— А вот мой личный враг идет, — промолвил он, вдруг вернувшись ко мне, — видите этого толстого человека с бурым лицом и щетиной на голове, — вон, что шапку сгреб в руку да по стенке пробирается и на все стороны озирается, как волк? Я ему продал за 400 рублей лошадь, которая стоила 1000, и это бессловесное существо имеет теперь полное право презирать меня; а между тем сам до того лишен способности соображенья, особенно утром, до чаю, или тотчас после обеда, что ему скажешь: здравствуйте, а он отвечает: чего-с? А вот генерал идет, — продолжал Лупихин, — штатский генерал в отставке, разоренный генерал. У него дочь из свекловичного сахару и завод в золотухе… Виноват, не так сказал… ну, да вы понимаете. А! и архитектор сюда попал! Немец, а с усами и дела своего не знает, — чудеса!.. А

впрочем, на что ему и знать свое дело-то; лишь бы взятки брал да колонн, столбов то есть, побольше ставил для наших столбовых дворян![130]

Лупихин опять захохотал… Но вдруг тревожное волнение распространилось по всему дому. Сановник приехал.[131] Хозяин так и хлынул в переднюю. За ним устремились несколько приверженных домочадцев и усердных гостей… Шумный разговор превратился в мягкий, приятный говор, подобный весеннему жужжанью пчел в родимых ульях. Одна неугомонная оса — Лупихин и великолепный трутень — Козельский не понизили голоса… И вот вошла наконец матка — вошел сановник. Сердца понеслись к нему навстречу, сидящие туловища приподнялись; даже помещик, дешево купивший у Лупихина ло-

---

130 Примечания: 182

…лишь бы взятки брал да колонн, столбов то есть, побольше ставил для наших столбовых дворян! — Пошлый каламбур Лупихина основан на ложной связи понятия «столбовой дворянин» со «столбами», «колоннами». Столбовой дворянин — потомственный дворянин старинного рода.

131 Примечания: 183

Сановник приехал — И. Делаво, пользовавшийся при переводе «Записок охотника» на французский язык консультацией Тургенева, поместил к этому месту примечание: «Эта внушительная фигура была, вероятно, губернатором» (*Delaveau.* P. 371). На полях чернового автографа против описания встречи сановника Тургенев записал имена: «Кн. Васильчиков, граф Блудов, граф Уваров». Эта запись — прямое свидетельство тому, что прототипами тургеневского «сановника» были виднейшие представители николаевской бюрократии.

шадь, даже тот помещик уткнул себе подбородок в грудь. Сановник поддержал свое достоинство как нельзя лучше: покачивая головой назад, будто кланяясь, он выговорил несколько одобрительных слов, из которых каждое начиналось буквою а, произнесенною протяжно и в нос, — с негодованием, доходившим до голода, посмотрел на бороду князя Козельского[132] и подал разоренному штатскому генералу с заводом и дочерью указательный палец левой руки. Через несколько минут, в течение которых сановник успел заметить два раза, что он очень рад, что не опоздал к обеду, всё общество отправилось в столовую, тузами вперед.

Нужно ли рассказывать читателю, как посадили сановника на первом месте между штатским

---

132 Примечания: 184

…с негодованием, доходившим до голода, посмотрел на бороду князя Козельского… — В указе от 2 апреля 1837 г. «О воспрещении гражданским чиновникам носить усы и бороду» говорилось, что «государь император, сверх доходящих до его величества из разных мест сведений, сам изволил заметить, что многие гражданские чиновники, в особенности вне столицы, дозволяют себе носить усы и не брить бороды <…>. Его императорское величество изволит находить сие совершенно неприличным…» (Полное собрание законов Российской империи. Собр. второе. СПб., 1838. Т. XII. С. 206). Французский посол де Барант в официальной депеше из Петербурга от 6 апреля 1837 г. объяснил издание этого указа личным раздражением Николая по поводу брака Елены Макленбургской с ненавистным ему герцогом Орлеанским, носившим бороду (Souvenirs du baron de Barante. P., 1895. T. V. P. 557-558). Толкование этого места см.: *Рейсер С. А.* К истолкованию одного «темного места» у Тургенева // Теория и история литературы:

К 100-летию со дня рождения академика А. И. Белецкого. Киев, 1985. С. 123-129.

генералом и губернским предводителем, человеком с свободным и достойным выражением лица, совершенно соответствовавшим его накрахмаленной манишке, необъятному жилету и круглой табакерке с французским табаком, — как хозяин хлопотал, бегал, суетился, потчевал гостей, мимоходом улыбался спине сановника и, стоя в углу, как школьник, наскоро перехватывал тарелочку супу или кусочек говядины, — как дворецкий подал рыбу в полтора аршина длины и с букетом во рту, — как слуги, в ливреях, суровые на вид, угрюмо приставали к каждому дворянину то с малагой, то с дрей-мадерой и как почти все дворяне, особенно пожилые, словно нехотя покоряясь чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой, — как, наконец, захлопали бутылки шампанского и начали провозглашаться заздравные тосты: всё это, вероятно, слишком известно читателю. Но особенно замечательным показался мне анекдот, рассказанный самим сановником среди всеобщего радостного молчанья. Кто-то, кажется, разоренный генерал, человек, ознакомленный с новейшей словесностью, упомянул о влиянии женщин вообще и на молодых людей в особенности. «Да, да, — подхватил сановник, — это правда; но молодых людей должно в строгом повинове-

нии держать, а то они, пожалуй, от всякой юбки с ума сходят». (Детски веселая улыбка промчалась по лицам всех гостей; у одного помещика даже благодарность заиграла во взоре.) «Ибо́ молодые люди глупы». (Сановник, вероятно, ради важности, иногда изменял общепринятые ударения слов.) «Вот хоть бы у меня, сын Иван, — продолжал он, — двадцатый год всего дураку пошел, а он вдруг мне и говорит: «Позвольте, батюшка, жениться». Я ему говорю: «Дурак, послужи сперва…» Ну, отчаянье, слезы… но у меня… того…» (Слово «того» сановник произнес более животом, чем губами; помолчал и величаво взглянул на своего соседа, генерала, причем гораздо более поднял брови, чем бы следовало ожидать. Штатский генерал приятно наклонил голову несколько набок и чрезвычайно быстро заморгал глазом, обращенным к сановнику.) «И что ж, — заговорил сановник опять, — теперь он сам мне пишет, что спасибо, дескать, батюшка, что дурака научил… Так вот как надобно поступать». Все гости, разумеется, вполне согласились с рассказчиком и как будто оживились от полученного удовольствия и наставления… После обеда всё общество поднялось и двинулось в гостиную с большим, но все же приличным и словно на этот случай

разрешенным шумом… Сели за карты.

Кое-как дождался я вечера и, поручив своему кучеру заложить мою коляску на другой день в пять часов утра, отправился на покой. Но мне предстояло еще в течение того же самого дня познакомиться с одним замечательным человеком.

Вследствие множества наехавших гостей никто не спал в одиночку. В небольшой, зеленоватой и сыроватой комнате, куда привел меня дворецкий Александра Михайлыча, уже находился другой гость, совершенно раздетый. Увидев меня, он проворно нырнул под одеяло, закрылся им до самого носа, повозился немного на рыхлом пуховике и притих, зорко выглядывая из-под круглой каймы своего бумажного колпака. Я подошел к другой кровати (их всего было две в комнате), разделся и лег в сырые простыни. Мой сосед заворочался на своей постели… Я пожелал ему доброй ночи.

Прошло полчаса. Несмотря на все мои старания, я никак не мог заснуть: бесконечной вереницей тянулись друг за другом ненужные и неясные мысли, упорно и однообразно, словно ведра водоподъемной машины.

— А вы, кажется, не спите? — проговорил мой сосед.

— Как видите, — отвечал я. — Да и вам не спится?

— Мне никогда не спится.

— Как же так?

— Да так. Я засыпаю сам не знаю отчего; лежу, лежу, да и засну.

— Зачем же вы ложитесь в постель, прежде чем вам спать захочется?

— А что ж прикажете делать?

Я не отвечал на вопрос моего соседа.

— Удивляюсь я, — продолжал он после небольшого молчания, — отчего здесь блох нету. Кажется, где бы им и быть?

— Вы словно о них сожалеете, — заметил я.

— Нет, не сожалею; но я во всем люблю последовательность.

«Вот как, — подумал я, — какие слова употребляет».

Сосед опять помолчал.

— Хотите со мной об заклад побиться? — заговорил он вдруг довольно громко.

— О чем?

Меня мой сосед начинал забавлять.

— Гм… о чем? А вот о чем: я уверен, что вы меня принимаете за дурака.

— Помилуйте, — пробормотал я с изумлением.

— За степняка, за невежу… Сознайтесь…

— Я вас не имею удовольствия знать, — возразил я. — Почему вы могли заключить…

— Почему! Да по одному звуку вашего голоса: вы так небрежно мне отвечаете… А я совсем не то, что вы думаете…

— Позвольте…

— Нет, *вы* позвольте. Во-первых, я говорю по-французски не хуже вас, а по-немецки даже лучше; во вторых, я три года провел за границей: в одном Берлине прожил восемь месяцев. Я Гегеля изучил, милостивый государь, знаю Гёте наизусть; сверх того, я долго был влюблен в дочь германского профессора и женился дома на чахоточной барышне, лысой, но весьма замечательной личности. Стало быть, я вашего поля ягода; я не степняк, как вы полагаете… Я тоже заеден рефлексией, и непосредственного нет во мне ничего.

Я поднял голову и с удвоенным вниманием посмотрел на чудака. При тусклом свете ночника я едва мог разглядеть его черты.

— Вот вы теперь смотрите на меня, — продолжал он, поправив свой колпак, — и, вероятно, самих себя спрашиваете: как же это я не заметил его сегодня? Я вам скажу, отчего вы меня не заме-

тили, — оттого, что я не возвышаю голоса; оттого, что я прячусь за других, стою за дверьми, ни с кем не разговариваю; оттого, что дворецкий с подносом, проходя мимо меня, заранее возвышает свой локоть в уровень моей груди… А отчего всё это происходит? От двух причин: во-первых, я беден, а во-вторых, я смирился… Скажите правду, ведь вы меня не заметили?

— Я действительно не имел удовольствия…

— Ну да, ну да, — перебил он меня, — я это знал.

Он приподнялся и скрестил руки; длинная тень его колпака перегнулась со стены на потолок.

— А признайтесь-ка, — прибавил он, вдруг взглянув на меня сбоку, — я должен вам казаться большим чудаком, как говорится, оригиналом, или, может быть, пожалуй, еще чем-нибудь похуже: может быть, вы думаете, что я прикидываюсь чудаком?

— Я вам опять-таки должен повторить, что я вас не знаю…

Он на мгновение потупился.

— Почему я с вами, вовсе мне незнакомым человеком, так неожиданно разговорился — господь, господь один ведает! (Он вздохнул.) Не вследствие же родства наших душ! И вы, и я, мы оба порядоч-

ные люди, то есть эгоисты: ни вам до меня, ни мне до вас нет ни малейшего дела; не так ли? Но нам обоим не спится… Отчего ж не поболтать? Я же в ударе, а это со мной редко случается. Я, видите ли, робок, и робок не в ту силу, что я провинциал, нечиновный, бедняк, а в ту силу, что я страшно самолюбивый человек. Но иногда, под влиянием благодатных обстоятельств, случайностей, которых я, впрочем, ни определить, ни предвидеть не в состоянии, робость моя исчезает совершенно, как вот теперь, например. Теперь поставьте меня лицом к лицу хоть с самим Далай-Ламой, — я и у него табачку попрошу понюхать. Но, может быть, вам спать хочется?

— Напротив, — поспешно возразил я, — мне очень приятно с вами разговаривать.

— То есть я вас потешаю, хотите вы сказать… Тем лучше… Итак-с, доложу вам, меня здесь величают оригиналом, то есть величают те, которым случайным образом, между прочей дребеденью, придет и мое имя на язык. «Моей судьбою очень никто не озабочен».[133] Они думают уязвить меня… О боже мой! если б они знали… да я именно и

133 Примечания: 185

«Моей судьбою очень никто не озабочен». — Цитата из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Завещание» (1840): «Моей судьбою, сказать по правде, очень никто не озабочен».

гибну оттого, что во мне решительно нет ничего оригинального, ничего, кроме таких выходок, как, например, мой теперешний разговор с вами; но ведь эти выходки гроша медного не стоят. Это самый дешевый и самый низменный род оригинальности.

Он повернулся ко мне лицом и взмахнул руками.

— Милостивый государь! — воскликнул он. — Я того мнения, что вообще одним оригиналам житье на земле; они одни имеют право жить. Mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre,* сказал кто-то.[134] Видите ли, — прибавил он вполголоса, — как я чисто выговариваю французский язык. Что мне в том, что у тебя голова велика и уместительна и что понимаешь ты всё, много знаешь, за веком следишь, — да своего-то, особенного, собственного, у тебя ничего нету! Одним складочным местом общих мест на свете больше, — да какое кому от этого удовольствие? Нет, ты будь хоть глуп, да по-своему! Запах свой

*** Примечания: ~ note_050 ~**

50

Мой стакан невелик, но я пью из своего стакана (фр.). — Ред.

134 Примечания: 186

Mon verre nest pas grand, mais je bois dans mon verre, сказал кто-то. — Из «Посвящения Альфреду Т.» драматической поэмы «Coupe et les livres» («Чаша и уста») А. Мюссе (1832).

имей, свой собственный запах, вот что! И не думайте, чтобы требования мои насчет этого запаха были велики… Сохрани бог! Таких оригиналов пропасть: куда ни погляди — оригинал; всякий живой человек оригинал, да я-то в их число не попал!

— А между тем, — продолжал он после небольшого молчания, — в молодости моей какие возбуждал я ожидания! Какое высокое мнение я сам питал о своей особе перед отъездом за границу, да и в первое время после возвращения! Ну, за границей я держал ухо востро, всё особнячком пробирался, как оно и следует нашему брату, который всё смекает себе, смекает, а под конец, смотришь, — ни аза не смекнул!

— Оригинал, оригинал! — подхватил он, с укоризной качая головой… — Зовут меня оригиналом… А на деле-то оказывается, что нет на свете человека менее оригинального, чем ваш покорнейший слуга. Я, должно быть, и родился-то в подражание другому… Ей-богу! Живу я тоже словно в подражание разным мною изученным сочинителям, в поте лица живу; и учился-то я, и влюбился, и женился, наконец, словно не по собственной охоте, словно исполняя какой-то не то долг, не то урок, — кто его разберет!

Он сорвал колпак с головы и бросил его на постель.

— Хотите, я вам расскажу жизнь мою, — спросил он меня отрывистым голосом, — или, лучше, несколько черт из моей жизни?

— Сделайте одолжение.

— Или нет, расскажу-ка я вам лучше, как я женился. Ведь женитьба дело важное, пробный камень всего человека; в ней, как в зеркале, отражается… Да это сравнение слишком избито… Позвольте, я понюхаю табачку.

Он достал из-под подушки табакерку, раскрыл ее и заговорил опять, размахивая раскрытой табакеркой.

— Вы, милостивый государь, войдите в мое положение… Посудите сами, какую, ну, какую, скажите на милость, какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля?[135] Что общего, скажите, между этой энциклопедией и русской жизнью? И как прикажете применить ее к нашему быту, да не ее одну, энциклопедию, а вообще немецкую философию… скажу более — науку?

---

135 Примечания: 187

…какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля? — «Энциклопедия философских наук» (1817) — одно из главных произведений Гегеля, усиленно штудировавшееся в московских философских кружках 1830-х годов.

Он подпрыгнул на постели и забормотал вполголоса, злобно стиснув зубы:

— А, вот как, вот как!.. Так зачем же ты таскался за границу? Зачем не сидел дома да не изучал окружающей тебя жизни на месте? Ты бы и потребности ее узнал, и будущность, и насчет своего, так сказать, призвания тоже в ясность бы пришел… Да помилуйте, — продолжал он, опять переменив голос, словно оправдываясь и робея, — где же нашему брату изучать то, чего еще ни один умница в книгу не вписал! Я бы и рад был брать у ней уроки, у русской жизни-то, — да молчит она, моя голубушка. Пойми меня, дескать, так; а мне это не под силу: мне вы подайте вывод, заключенье мне представьте… Заключенье? — Вот тебе, говорят, и заключенье: послушай-ка наших московских — не соловьи, что ли? — Да в том-то и беда, что они курскими соловьями свищут, а не по-людскому говорят…[136] Вот я подумал,

---

136 Примечания: 188

…послушай-ка наших московских — не соловьи, что ли? — Да в том-то и беда, что они курскими соловьями свищут, а не по-людскому говорят… — А. Е. Грузинский полагал, что здесь имелся в виду М. А. Бакунин, ко времени публикации рассказа бывший уже политическим эмигрантом, вследствие чего выписанные слова не были допущены в «Современнике» цензурой (см.: *Грузинский А. Е.* М., 1903. С. 240). Однако с гораздо большим основанием в упоминании «наших московских» следует видеть намек на славянофилов, с их отвлеченным философствованием, с их искусственным, далеким от живой народной речи языком.

подумал — ведь наука-то, кажись, везде одна, и истина одна, — взял да и пустился, с богом, в чужую сторону, к нехристям… Что прикажете! — молодость, гордость обуяла. Не хотелось, знаете, до времени заплыть жиром, хоть оно, говорят, и здорово. Да, впрочем, кому природа не дала мяса, не видать тому у себя на теле и жиру!

— Однако, — прибавил он, подумав немного, — я, кажется, обещал вам рассказать, каким образом я женился. Слушайте же. Во-первых, доложу вам, что жены моей уже более на свете не имеется, во-вторых… а во-вторых, я вижу, что мне придется рассказать вам мою молодость, а то вы ничего не поймете… Ведь вам не хочется спать?

— Нет, не хочется.

— И прекрасно. Вы послушайте-ка… вот в соседней комнате господин Кантагрюхин храпит как неблагородно! Родился я от небогатых родителей — говорю родителей, потому что, по преданью, кроме матери, был у меня и отец. Я его не помню; сказывают, недалекий был человек, с большим носом и веснушками, рыжий и в одну ноздрю табак нюхал; в спальне у матушки висел его портрет, в красном мундире с черным воротником по уши, чрезвычайно безобразный. Мимо его меня, бывало, сечь водили, и матушка моя

мне в таких случаях всегда на него показывала, приговаривая: он бы еще тебя не так. Можете себе представить, как это меня поощряло. Ни брата у меня не было, ни сестры; то есть по правде сказать, был какой-то братишка завалящий, с английской болезнью на затылке, да что-то скоро больно умер… И зачем, кажись, английской болезни забраться Курской губернии в Щигровский уезд? Но дело не в том. Воспитанием моим занималась матушка со всем стремительным рвением степной помещицы: занималась она им с самого великолепного дня моего рождения до тех пор, пока мне стукнуло шестнадцать лет… Вы следите за ходом моего рассказа?

— Как же, продолжайте.

— Ну, хорошо. Вот, как стукнуло мне шестнадцать лет, матушка моя, нимало не медля, взяла да прогнала моего французского гувернера, немца Филипо́вича из нежинских греков; свезла меня в Москву, записала в университет, да и отдала всемогущему свою душу, оставив меня на руки родному дяде моему, стряпчему Колтуну-Бабуре, птице, не одному Щигровскому уезду известной. Родной дядя мой, стряпчий Колтун-Бабура, ограбил меня, как водится, дочиста… Но дело опять-таки не в том. В университет вступил я

— должно отдать справедливость моей родительнице — довольно хорошо подготовленный; но недостаток оригинальности уже и тогда во мне замечался. Детство мое нисколько ее отличалось от детства других юношей: я так же глупо и вяло рос, словно под периной, так же рано начал твердить стихи наизусть и киснуть, под предлогом мечтательной наклонности… к чему бишь? — да, к прекрасному… и прочая. В университете я не пошел другой дорогой: я тотчас попал в кружок. Тогда времена были другие… Но вы, может быть, не знаете, что такое кружок? Помнится, Шиллер сказал где-то:

Gefährlich ist's den Leu zu wecken,[137]
Und schreklich ist des Tigers Zahn,
Doch das schrecklichste der Schrecken —
Das ist der Mensch in semem Wahn![*]

---

137 Примечания: 189

Помнится, Шиллер сказал где-то: Gefährlich ist's den Leu zu wecken ∞ in seinem Wahn! — Не вполне точная цитата из «Песни колокола» («Das Lied von der Glocke») Ф. Шиллера.

*** Примечания: ~ note_051 ~**

51

Опасно будить льва,
И страшен зуб тигра,
Но самое ужасное из всех ужасов —
Это человек в его безумии (нем.). — Ред.

Он, уверяю вас, он не то хотел сказать; он хотел сказать: Dais ist ein «кружок»... in der Stadt Moskau!

— Да что ж вы находите ужасного в кружке? — спросил я.

Мой сосед схватил свой колпак и надвинул его себе на нос.

— Что я нахожу ужасного? — вскрикнул он. — А вот что: кружок — да это гибель всякого самобытного развития; кружок — это безобразная замена общества, женщины, жизни; кружок... о, да постойте; я вам скажу, что такое кружок! Кружок — это ленивое и вялое житье вместе и рядом, которому придают значение и вид разумного дела; кружок заменяет разговор рассуждениями, приучает к бесплодной болтовне, отвлекает вас от уединенной, благодатной работы, прививает вам литературную чесотку; лишает вас, наконец, свежести и девственной крепости души. Кружок — да это пошлость и скука под именем братства и дружбы, сцепление недоразумений и притязаний под предлогом откровенности и участия; в кружке, благодаря праву каждого приятеля во всякое время и во всякий час запускать свои неумытые пальцы прямо во внутренность товарища, ни у кого нет чистого, нетронутого места

на душе; в кружке поклоняются пустому краснобаю, самолюбивому умнику, довременному старику, носят на руках стихотворца бездарного, но с «затаенными» мыслями; в кружке молодые, семнадцатилетние малые хитро и мудрено толкуют о женщинах и любви, а перед женщинами молчат или говорят с ними, словно с книгой, — да и о чем говорят! В кружке процветает хитростное красноречие; в кружке наблюдают друг за другом не хуже полицейских чиновников… О кружок! ты не кружок: ты заколдованный круг, в котором погиб не один порядочный человек!

— Ну, это вы преувеличиваете, позвольте вам заметить, — прервал я его.

Мой сосед молча посмотрел на меня.

— Может быть, господь меня знает, может быть. Да ведь нашему брату только одно удовольствие и осталось — преувеличивать. Вот-с таким-то образом прожил я четыре года в Москве. Не в состоянии я описать вам, милостивый государь, как скоро, как страшно скоро прошло это время; даже грустно и досадно вспомнить. Встанешь, бывало, поутру, и словно с горы на салазках покатишься… Смотришь, уж и примчался к концу; вот уж и вечер; вот уж заспанный слуга и натягивает на тебя сюртук — оденешься и поплетешься к прия-

телю и давай трубочку курить, пить жидкий чай стаканами да толковать о немецкой философии, любви, вечном солнце духа и прочих отдаленных предметах. Но и тут встречал я оригинальных, самобытных людей: иной, как себя ни ломал, как ни гнул себя в дугу, а всё природа брала свое; один я, несчастный, лепил самого себя, словно мягкий воск, и жалкая моя природа ни малейшего не оказывала сопротивления! Между тем мне стукнуло двадцать один год. Я вступил во владение своим наследством, или, правильнее, тою частью своего наследства, которую мой опекун заблагорассудил мне оставить, дал доверенность на управление всеми вотчинами вольноотпущенному дворовому человеку Василью Кудряшеву и уехал за границу, в Берлин. За границей пробыл я, как я уже имел удовольствие вам донести, три года. И что ж? И там, и за границей, я остался тем же неоригинальным существом. Во-первых, нечего и говорить, что собственно Европы, европейского быта я не узнал ни на волос; я слушал немецких профессоров и читал немецкие книги на самом месте рождения их… вот в чем состояла вся разница. Жизнь вел я уединенную, словно монах

какой; снюхивался с отставными поручиками[138] и, удрученными, подобно мне, жаждой знанья, весьма, впрочем, тугими на понимание и не одаренными даром слова; якшался с тупоумными семействами из Пензы и других хлебородных губерний; таскался по кофейным, читал журналы, по вечерам ходил в театр. С туземцами знался я мало, разговаривал с ними как-то напряженно и никого из них у себя не видал, исключая двух или трех навязчивых молодчиков еврейского происхождения, которые то и дело забегали ко мне да занимали у меня деньги, — благо der Russe верит. Странная игра случая занесла меня наконец в дом одного из моих профессоров; а именно вот как: я пришел к нему записаться на курс, а он вдруг возьми да и пригласи меня к себе на вечер. У этого профессора было две дочери, лет двадцати семи, коренастые такие — бог с ними — носы такие великолепные, кудри в завитках и глаза бледно-голубые, а руки красные с белыми ногтями. Одну звали Линхен, другую Минхен. На-

138 Примечания: 190

...снюхивался с отставными поручиками... — По свидетельству Е. М. Феоктистова, под «отставными поручиками» имелся в виду член кружка Станкевича Н. Г. Фролов (1812-1855) (см.: *Т. сб. (Кони).* С. 164). Из пажеского корпуса Фролов был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Семеновский полк, откуда вышел в отставку, почувствовав влечение к научным занятиям. См. характеристику его в кн.: *Панаев И. И.* Литературные воспоминания. Л., 1950. С. 215-224.

чал я ходить к профессору. Надобно вам сказать, что этот профессор был не то что глуп, а словно ушибен: с кафедры говорил довольно связно, а дома картавил и очки всё на лбу держал; притом ученейший был человек… И что же? Вдруг мне показалось, что я влюбился в Линхен, — да целых шесть месяцев этак всё казалось. Разговаривал я с ней, правда, мало, — больше так на нее смотрел; но читал ей вслух разные трогательные сочинения, пожимал ей украдкой руки, а по вечерам мечтал с ней рядом, упорно глядя на луну, а не то просто вверх. Притом она так отлично варила кофе!.. Кажется, чего бы еще? Одно меня смущало: в самые, как говорится, мгновения неизъяснимого блаженства у меня отчего-то всё под ложечкой сосало и тоскливая, холодная дрожь пробегала по желудку. Я наконец не выдержал такого счастья и убежал. Целых два года я провел еще после того за границей: был в Италии, постоял в Риме перед Преображением, и перед Венерой во Флоренции постоял;[139] внезапно повергался в преувеличенный восторг, словно злость на меня находила;

139 Примечания: 191

…постоял в Риме перед Преображением, и перед Венерой во Флоренции постоял… — «Преображение» — картина Рафаэля в Ватикане; «Венера во Флоренции» — так называемая Венера Медицейская работы неизвестного скульптора во флорентийском музее Уффици.

по вечерам пописывал стишки, начинал дневник; словом, и тут вел себя, как все. А между тем, посмотрите, как легко быть оригинальным. Я, например, ничего не смыслю в живописи и ваянии… Сказать бы мне это просто вслух… нет, как можно! Бери чичерона, беги смотреть фрески…

Он опять потупился и опять скинул колпак.

— Вот вернулся я, наконец, на родину, — продолжал он усталым голосом, — приехал в Москву. В Москве удивительная произошла со мною перемена. За границей я больше молчал, а тут вдруг заговорил неожиданно бойко и в то же самое время возмечтал о себе бог ведает что. Нашлись снисходительные люди, которым я показался чуть не гением; дамы с участием выслушивали мои разглагольствования; но я не сумел удержаться на высоте своей славы. В одно прекрасное утро родилась на мой счет сплетня (кто ее произвел на свет божий, не знаю: должно быть, какая-нибудь старая дева мужеского пола, — таких старых дев в Москве пропасть), родилась и принялась пускать отпрыски и усики, словно земляника. Я запутался, хотел выскочить, разорвать прилипчивые нити, — не тут-то было… Я уехал. Вот и тут я оказался вздорным человеком; мне бы преспокойно переждать эту напасть, вот

как выжидают конца крапивной лихорадки, и те же снисходительные люди снова раскрыли бы мне свои объятия, те же дамы снова улыбнулись бы на мои речи… Да вот в чем беда: не оригинальный человек. Добросовестность вдруг, изволите видеть, во мне проснулась: мне что-то стыдно стало болтать, болтать без умолку, болтать — вчера на Арбате, сегодня на Трубе, завтра на Сивцевом-Вражке, и всё о том же… Да коли этого требуют? Посмотрите-ка на настоящих ратоборцев на этом поприще: им это нипочем; напротив, только этого им и нужно; иной двадцатый год работает языком и всё в одном направлении… Что значит уверенность в самом себе и самолюбие! И у меня оно было, самолюбие, да и теперь еще не совсем угомонилось… Да тем-то и плохо, что я, опять-таки скажу, не оригинальный человек, на серединке остановился: природе следовало бы гораздо больше самолюбия мне отпустить либо вовсе его не дать. Но на первых порах мне действительно круто пришлось; притом и поездка за границу окончательно истощила мои средства, а на купчихе с молодым, но уже дряблым телом, вроде желе, я жениться не хотел, — и удалился к себе в деревню. Кажется, — прибавил мой сосед, опять взглянув на меня сбоку, — я могу пройти

молчанием первые впечатления деревенской жизни, намеки на красоту природы, тихую прелесть одиночества и прочее…

— Можете, можете, — возразил я.

— Тем более, — продолжал рассказчик, — что это всё вздор, по крайней мере что до меня касается. Я в деревне скучал, как щенок взаперти, хотя, признаюсь, проезжая на возвратном пути в первый раз весною знакомую березовую рощу, у меня голова закружилась и забилось сердце от смутного сладкого ожидания. Но эти смутные ожидания, вы сами знаете, никогда не сбываются, а напротив, сбываются другие вещи, которых вовсе не ожидаешь, как-то: падежи, недоимки, продажи с публичного торгу и прочая, и прочая. Перебиваясь кое-как со дня на день при помощи бурмистра Якова, заменившего прежнего управляющего и оказавшегося впоследствии времени таким же, если не большим, грабителем да сверх того отравлявшего мое существование запахом своих дегтярных сапогов, вспомнил я однажды об одном знакомом соседнем семействе, состоявшем из отставной полковницы и двух дочерей, велел заложить дрожки и поехал к соседям. Этот день должен навсегда остаться мне памятным: шесть месяцев спустя женился я на второй дочери пол-

ковницы!..

Рассказчик опустил голову и поднял руки к небу.

— И между тем, — продолжал он с жаром, — я бы не желал внушить вам дурное мнение о покойнице. Сохрани бог! Это было существо благороднейшее, добрейшее, существо любящее и способное на всякие жертвы, хотя я должен, между нами, сознаться, что, если бы я не имел несчастия ее лишиться, я бы, вероятно, не был в состоянии разговаривать сегодня с вами, ибо еще до сих пор цела балка в грунтовом моем сарае, на которой я неоднократно собирался повеситься!

— Иным грушам, — начал он опять после небольшого молчания, — нужно некоторое время полежать под землей в подвале, для того чтобы войти, как говорится, в настоящий свой вкус; моя покойница, видно, тоже принадлежала к подобным произведениям природы. Только теперь отдаю я ей полную справедливость. Только теперь, например, воспоминания об иных вечерах, проведенных мною с ней до свадьбы, не только не возбуждают во мне ни малейшей горечи, но, напротив, трогают меня чуть не до слез. Люди они были небогатые; дом их, весьма старинный, деревянный, но удобный, стоял на горе, между

заглохшим садом и заросшим двором. Под горой текла река и едва виднелась сквозь густую листву. Большая терраса вела из дому в сад, перед террасой красовалась продолговатая клумба, покрытая розами; на каждом конце клумбы росли две акации, еще в молодости переплетенные в виде винта покойным хозяином. Немного подальше, в самой глуши заброшенного и одичалого малинника, стояла беседка, прехитро раскрашенная внутри, но до того ветхая и дряхлая снаружи, что, глядя на нее, становилось жутко. С террасы стеклянная дверь вела в гостиную; а в гостиной вот что представлялось любопытному взору наблюдателя: по углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо, заваленное рукописными нотами, диван, обитый полинялым голубым штофом с беловатыми разводами, круглый стол, две горки с фарфоровыми и бисерными игрушками екатерининского времени, на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами,[140] на столе

140 Примечания: 192

…на стене известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами… — В ту пору широкой известностью пользовались картины французского живописца Ж.-Б. Грёза (1725-1805), создавшего целую серию слащаво-сентиментальных «головок», часто дополненных изображением сидящих на груди «птичек». Одна такая «Грёзова головка: девушка с голубем» висела среди фамильных портретов в имении В. П. Тургеневой — с. Холодове. См.: *Жигова.* С. 82.

ваза с свежими розами… Видите, как я подробно описываю. В этой-то гостиной, на этой-то террасе и разыгралась вся трагикомедия моей любви. Сама соседка была скверная баба, с постоянной хрипотой злобы в горле, притеснительное и сварливое существо; из дочерей одна — Вера, ничем не отличалась от обыкновенных уездных барышень, другая — Софья, — я в Софью влюбился. У обеих сестер была еще другая комнатка, общая их спальня, с двумя невинными деревянными кроватками, желтоватыми альбомцами, резедой, с портретами приятелей и приятельниц, рисованных карандашом довольно плохо (между ними отличался один господин с необыкновенно энергическим выражением лица и еще более энергическою подписью, в юности своей возбудивший несоразмерные ожидания, а кончивший, как все мы — ничем), с бюстами Гёте и Шиллера, немецкими книгами, высохшими венками и другими предметами, оставленными на память. Но в эту комнату я ходил редко и неохотно: мне там отчего-то дыхание сдавливало. Притом — странное дело! Софья мне более всего нравилась, когда я сидел к ней спиной или еще, пожалуй, когда я думал или более мечтал о ней, особенно вечером, на террасе. Я глядел тогда на зарю, на деревья,

на зеленые мелкие листья, уже потемневшие, но еще резко отделявшиеся от розового неба; в гостиной, за фортепьянами, сидела Софья и беспрестанно наигрывала какую-нибудь любимую, страстно задумчивую фразу из Бетховена; злая старуха мирно похрапывала, сидя на диване; в столовой, залитой потоком алого света, Вера хлопотала за чаем; самовар затейливо шипел, словно чему-то радовался; с веселым треском ломались крендельки, ложечки звонко стучали по чашкам; канарейка, немилосердно трещавшая целый день, внезапно утихала и только изредка чирикала, как будто о чем-то спрашивала; из прозрачного, легкого облачка мимоходом падали редкие капли… А я сидел, сидел, слушал, слушал, глядел, сердце у меня расширялось, и мне опять казалось, что я любил. Вот, под влиянием такого-то вечера я однажды спросил у старухи руку ее дочери и месяца через два женился. Мне казалось, что я ее любил… Да и теперь — пора бы знать, а я, ей-богу, и теперь не знаю, любил ли я Софью. Это было существо доброе, умное, молчаливое, с теплым сердцем; но, бог знает отчего, от долгого ли житья в деревне, от других ли каких причин, у ней на дне души (если только есть дно у души) таилась рана, или, лучше сказать, сочилась ран-

ка, которую ничем невозможно было излечить, да и назвать ее ни она не умела, ни я не мог. О существовании этой раны я, разумеется, догадался только после брака. Уж я ли не бился над ней — ничто не помогало! У меня в детстве был чиж, которого кошка раз подержала в лапах; его спасли, вылечили, но не исправился мой бедный чиж; дулся, чах, перестал петь… Кончилось тем, что однажды ночью в открытую клетку забралась к нему крыса и откусила ему нос, вследствие чего он, наконец, решился умереть. Не знаю, какая кошка подержала жену мою в своих лапах, только и она так же дулась и чахла, как мой несчастный чиж. Иногда ей самой, видимо, хотелось встрепенуться, взыграть на свежем воздухе, на солнце да на воле: попробует — и свернется в клубочек. И ведь она меня любила: сколько раз уверяла меня, что ничего более ей не остается желать, — тьфу, чёрт возьми! — а у самой глаза так и меркнут. Думал я, нет ли чего в прошедшем? Собрал справки: ничего не оказалось. Ну вот, теперь посудите сами: оригинальный человек пожал бы плечом, может быть, вздохнул бы раза два да и принялся бы жить по-своему; а я, неоригинальное существо, начал заглядываться на балки. В жену мою до того въелись все привычки старой девицы

— Бетховен, ночные прогулки, резеда, переписка с друзьями, альбомы и прочее, — что ко всякому другому образу жизни, особенно к жизни хозяйки дома, она никак привыкнуть не могла; а между тем смешно же замужней женщине томиться безымённой тоской и петь по вечерам: «Не буди ты ее на заре».[141]

Вот-с, таким-то образом-с мы блаженствовали три года; на четвертый Софья умерла от первых родов, и — странное дело — мне словно заранее сдавалось, что она не будет в состоянии подарить меня дочерью или сыном, землю — новым обитателем. Помню я, как ее хоронили. Дело было весной. Приходская наша церковь невелика, стара, иконостас почернел, стены голые, кирпичный пол местами выбит; на каждом клиросе большой старинный образ. Внесли гроб, поместили на самой середине, пред царскими дверями, одели полинялым покровом, поставили кругом три подсвечника. Служба началась. Дряхлый дьячок, с маленькой косичкой сзади, низко подпоясанный зеленым кушаком, печально шамшил перед налоем; священник, тоже старый, с добреньким

141 Примечания: 193

...«Не буди ты ее на заре», — Неточно цитируемое начало романса «На заре ты ее не буди» на слова А. А. Фета. Музыка приписывается А. Е. Варламову.

и слепеньким лицом, в лиловой рясе с желтыми разводами, служил за себя и за дьякона. Во всю ширину раскрытых окон шевелились и лепетали молодые, свежие листья плакучих берез; со двора несло травяным запахом; красное пламя восковых свечей бледнело в веселом свете весеннего дня; воробьи так и чирикали на всю церковь, и изредка раздавалось под куполом звонкое восклицание влетевшей ласточки. В золотой пыли солнечного луча проворно опускались и поднимались русые головы немногочисленных мужиков, усердно молившихся за покойницу; тонкой голубоватой струйкой бежал дым из отверстий кадила. Я глядел на мертвое лицо моей жены… Боже мой! и смерть, сама смерть не освободила ее, не излечила ее раны: то же болезненное, робкое, немое выражение, — ей словно и в гробу неловко… Горько во мне шевельнулась кровь. Доброе, доброе было существо, а для себя же хорошо сделала, что умерла!

У рассказчика раскраснелись щеки и потускнели глаза.

— Отделавшись наконец, — заговорил он опять, — от тяжелого унынья, которое овладело мною после смерти моей жены, я вздумал было приняться, как говорится, за дело. Вступил в службу

в губернском городе; но в больших комнатах казенного заведения у меня голова разбаливалась, глаза тоже плохо действовали; другие кстати подошли причины… я вышел в отставку. Хотел было съездить в Москву, да, во-первых, денег недостало, а во-вторых… я вам уже сказывал, что я смирился. Смирение это нашло на меня и вдруг и не вдруг. Духом-то я уже давно смирился, да голове моей всё еще не хотелось нагнуться. Я приписывал скромное настроение моих чувств и мыслей влиянию деревенской жизни, несчастья… С другой стороны, я уже давно замечал, что почти все мои соседи, молодые и старые, запуганные сначала моей ученостию, заграничной поездкой и прочими удобствами моего воспитания, не только успели совершенно ко мне привыкнуть, но даже начали обращаться со мной не то грубовато, не то с кондачка, не дослушивали моих рассуждений и, говоря со мной, уже «слово-ерика» более не употребляли. Я вам также забыл сказать, что в течение первого года после моего брака я от скуки попытался было пуститься в литературу и даже послал статейку в журнал, если не ошибаюсь, повесть; но через несколько времени получил от редактора учтивое письмо, в котором, между прочим, было сказано, что мне

в уме невозможно отказать, но в таланте должно, а что в литературе только талант и нужен. Сверх того, дошло до моего сведения, что один проезжий москвич, добрейший, впрочем, юноша, мимоходом отозвался обо мне на вечере у губернатора как о человеке выдохшемся и пустом. Но мое полудобровольное ослепление всё еще продолжалось: не хотелось, знаете, самого себя «заушить»; наконец в одно прекрасное утро я открыл глаза. Вот как это случилось. Ко мне заехал исправник с намерением обратить мое внимание на провалившийся мост в моих владениях, который мне решительно не на что было починить. Заедая рюмку водки куском балыка, этот снисходительный блюститель порядка отечески попенял мне за мою неосмотрительность, впрочем, вошел в мое положение и посоветовал только велеть мужичкам понакидать навозцу, закурил трубочку и принялся говорить о предстоящих выборах. Почетного звания губернского предводителя в то время добивался некто Орбассанов, пустой крикун да еще и взяточник в придачу. Притом же он не отличался ни богатством, ни знатностию. Я высказал свое мнение на его счет, и довольно даже небрежно: я, признаюсь, глядел на г. Орбассанова свысока. Исправник посмотрел на меня,

ласково потрепал меня по плечу и добродушно промолвил: «Эх, Василий Васильич, не нам бы с вами о таких людях рассуждать, — где нам?.. Знай сверчок свой шесток». — «Да помилуйте, — возразил я с досадой, — какая же разница между мною и г. Орбассановым?» Исправник вынул трубку изо рта, вытаращил глаза — и так и прыснул. «Ну, потешник, — проговорил он, наконец, сквозь слезы, — ведь экую штуку выкинул… а! каков?» — и до самого отъезда он не переставал глумиться надо мною, изредка поталкивая меня локтем под бок и говоря мне уже «ты». Он уехал наконец. Этой капли только недоставало; чаша перелилась. Я прошелся несколько раз по комнате, остановился перед зеркалом, долго, долго смотрел на свое сконфуженное лицо и, медлительно высунув язык, с горькой насмешкой покачал головой. Завеса спала с глаз моих: я увидел ясно, яснее, чем лицо свое в зеркале, какой я был пустой, ничтожный и ненужный, неоригинальный человек!

Рассказчик помолчал.

— В одной трагедии Вольтера, — уныло продолжал он, — какой-то барин радуется тому,

что дошел до крайней границы несчастья.[142] Хотя в судьбе моей нет ничего трагического, но я, признаюсь, изведал нечто в этом роде. Я узнал ядовитые восторги холодного отчаяния; я испытал, как сладко, в течение целого утра, не торопясь и лежа на своей постели, проклинать день и час своего рождения, — я не мог смириться разом. Да и в самом деле, вы посудите: безденежье меня приковывало к ненавистной мне деревне; ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничто ко мне не пристало; помещиков я чуждался, книги мне опротивели; для водянисто-пухлых и болезненно-чувствительных барышень, встряхивающих кудрями и лихорадочно твердящих слово жызнь»,[143] — я не представлял ничего занимательного с тех пор, как перестал болтать и

---

142 Примечания: 194

В одной трагедии Вольтера, — уныло продолжал он, — какой-то барин радуется тому, что дошел до крайней границы несчастья — Возможно, здесь имеется в виду не «трагедия», а повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм» (1759), где носителем идеи «оптимизма» выступает доктор Панглосс. Французские комментаторы «Записок охотника» Л. Жуссерандо и А. Монго не дают этому месту удовлетворительного объяснения. По мнению Л. Жуссерандо (см.: *Tourgueniev.* Recits d'un chasseur: Recueil complet des esquises et recits publiees de 1847 a 1876 / Traduction nouvelle et integrate avec commentaire par Louis Jousserandot. P., 1929. P. 379), в комментируемом тексте содержится, возможно, намек на известные стихи из трагедии Вольтера «Меропа» (акт II, сц. 7).

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir
La vie est un fardeau et la mort un devoir.[375]

Со своей стороны, А. Монго полагал (см.: *Tourguenieu, Ivan.* Memoires d'un chasseur (Zapiski okotnika), 1952 / Trad, du russe avec une introduction et des notes par Henri Mongault. P., 1929. Vol. II. P. 491), что «рассказчик» весьма смутно вспоминает тут не Вольтера, а Расина, а именно отчаяние Ореста в конце трагедии «Андромаха» (акт V, сц. 5):

Grâce aux Dieux! Mon malheur passe mon ésperance
Oui, je te loue, ô Ciel! de ta perseverance…
Au comble les douleurs tu m as fait parvenir…
Hè bien, je meurs content, et mon sort est rempli.[376]

143 Примечания: 195

…лихорадочно твердящих слово «жызнь»… — В черновом автографе вместо «жызнь» значится «свобода!».

375 Примечания: 427

Если все погибло, если нет больше надежды, // Жизнь становится бременем, а смерть — долгом *(фр.)*.

376 Примечания: 428

Слава богам! Мое несчастье превосходит мое ожидание // Да, я шлю хвалу тебе, Небо, за твое постоянство… // Ты довело меня до предела страданья… // Что же, я умираю довольным, судьба моя свершилась *(фр.)*.

восторгаться; уединиться совершенно я не умел и не мог… Я стал, что вы думаете? я стал таскаться по соседям. Словно опьяненный презреньем к самому себе, я нарочно подвергался всяким мелочным унижениям. Меня обносили за столом, холодно и надменно встречали, наконец не замечали вовсе; мне не давали даже вмешиваться в общий разговор, и я сам, бывало, нарочно поддакивал из угла какому-нибудь глупейшему говоруну, который во время оно, в Москве, с восхищением облобызал бы прах ног моих, край моей шинели… Я даже не позволял самому себе думать, что я предаюсь горькому удовольствию иронии… Помилуйте, что за ирония в одиночку! Вот-с как я поступал несколько лет сряду и как поступаю еще до сих пор…

— Однако это ни на что не похоже, — проворчал из соседней комнаты заспанный голос г. Кантагрюхина, — какой там дурак вздумал ночью разговаривать?

Рассказчик проворно нырнул под одеяло и, робко выглядывая, погрозил мне пальцем.

— Тс… тс… — прошептал он, — и, словно извиняясь и кланяясь в направлении кантагрюхинского голоса, почтительно промолвил: — Слушаю-с, слушаю-с, извините-с… Ему позволительно спать,

ему следует спать, — продолжал он снова шёпотом, — ему должно набраться новых сил, ну хоть бы для того, чтобы с тем же удовольствием покушать завтра. Мы не имеем права его беспокоить. Притом же я, кажется, вам всё сказал, что хотел; вероятно, и вам хочется спать. Желаю вам доброй ночи.

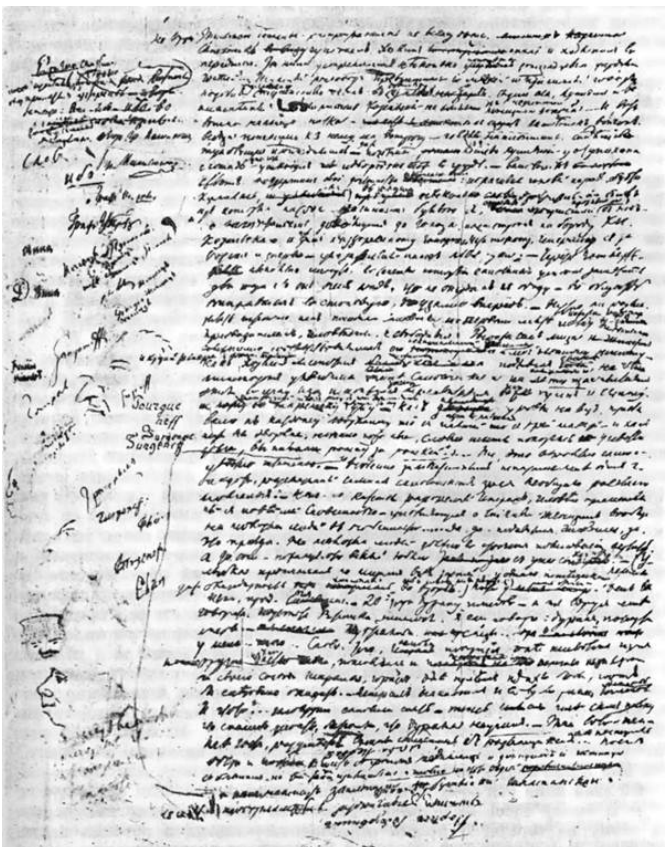
Рассказчик с лихорадочной быстротой отвернулся и зарыл голову в подушки.

— Позвольте по крайней мере узнать, — спросил я, — с кем я имел удовольствие…

Он проворно поднял голову.

— Нет, ради бога, — прервал он меня, — не спрашивайте моего имени ни у меня, ни у других. Пусть я останусь для вас неизвестным существом, пришибленным судьбою Васильем Васильевичем. Притом же я, как человек неоригинальный, и не заслуживаю особенного имени… А уж если вы непременно хотите мне дать какую-нибудь кличку, так назовите… назовите меня Гамлетом Щигровского уезда. Таких Гамлетов во всяком уезде много, но, может быть, вы с другими не сталкивались… Засим прощайте.

Он опять зарылся в свой пуховик, а на другое утро, когда пришли будить меня, его уж не было в комнате. Он уехал до зари.



«Гамлет Щигровского уезда». Черновой автограф. ГПБ

ЧЕРТОПХАНОВ[144] И НЕДОПЮСКИН

В жаркий летний день возвращался я однажды с охоты на телеге; Ермолай дремал, сидя возле меня, и клевал носом. Заснувшие собаки подпрыгивали, словно мертвые, у нас под ногами. Кучер то и дело сгонял кнутом оводов с лошадей. Белая пыль легким облаком неслась вслед за телегой. Мы въехали в кусты. Дорога стала ухабистее, колеса начали задевать за сучья. Ермолай встрепенулся и глянул кругом… «Э! — заговорил он, — да здесь должны быть тетерева. Слеземте-ка». Мы остановились и вошли в «площадь». Собака моя наткнулась на выводок. Я выстрелил и начал

---

144 Примечания: 196

Чертопханов — в письме к П. В. Анненкову 25 октября (6 нояб.) 1872 г. *(Письма I.* т. 10. С. 15) Тургенев признавался, что настоящее имя Чертопхановых — Че́ртовы, его соседи по Спасскому. В «Записках охотника», несомненно, так или иначе отражены легенды о Чертовых, бытовавшие в Мценской округе в течение многих десятилетий. Писатель обработал их с непревзойденным артистизмом и типологической точностью. Чертовы — ближайшие соседи Лутовиновых едва ли не с XVI в. Были времена, когда они считались родственниками. Соперничали друг с другом в своем уезде по степени влияния. Поневоле общались в храме, будучи прихожанами Спасской церкви.

Тургенев хорошо знал трех братьев Чертовых одного с ним поколения: Ивана Ивановича, с которым, как уверял писатель, произошла история, рассказанная им в «Конце Чертопханова»; рано умершего Федора Ивановича из сельца Шеламова и молодого канцеляриста Петра

Ивановича, прославившегося в уезде дерзостью и буйством. Впрочем, в художественном сознании автора могли соединиться и похожие черты мелкопоместных дворянчиков, равно как и однотипные события. В 1780 г. родной дядя вышепоименованных Чертовых, поручик Петр Федорович тирански обращался с собственной женой только потому, что она отказывалась ухаживать за детьми двух его сожительниц. Он, пишет жена в официальной жалобе, «руками прежде за волосы и успетками бил, а напоследок вырывал зубами тело, которого при сем засохшую часть представляю» (Архив Н. М. Чернова. Указатель. *ИРЛИ.* Р. I. Оп. 29. Х. 1430).

Еще более дерзки проделки канцеляриста Петра Чертова. Он, как доносил в 1839 г. мценский предводитель дворянства, «ведет жизнь несвойственную дворянину, разоряет крестьян и обращается с ними жестоко. Состоящий при нем попечитель хотя и старался обуздать роскошь и опасные поступки его, но неоднократно и сам делался жертвой обид Чертова, часто даже подвергался опасности лишиться жизни» (Гос. архив Орловской обл. Ф. 580. Ед. хр. 551. Л. 2-3).

было заряжать ружье, как вдруг позади меня поднялся громкий треск, и, раздвигая кусты руками, подъехал ко мне верховой. «А паазвольте узнать, — заговорил он надменным голосом, — по какому праву вы здесь а-ахотитесь, мюлсвый сдарь?» Незнакомец говорил необыкновенно быстро, отрывочно и в нос. Я посмотрел ему в лицо: отроду не видал я ничего подобного. Вообразите себе, любезные читатели, маленького человека, белокурого, с красным вздернутым носиком и длиннейшими рыжими усами. Остроконечная персидская шапка с малиновым суконным верхом закрывала ему лоб по самые брови. Одет он был в желтый, истасканный архалук с черными плисовыми патронами на груди и полинялыми серебряными галунами по всем швам; через плечо висел у него рог, за поясом торчал кинжал. Чахлая горбоносая рыжая лошадь металась под ним, как угорелая; две борзые собаки, худые и криволапые, тут же вертелись у ней под ногами. Лицо, взгляд, голос, каждое движенье, всё существо незнакомца дышало сумасбродной отвагой и гордостью непомерной, небывалой; его бледно-голубые, стеклянные глаза разбегались и косились, как у пьяного; он закидывал голову назад, надувал щеки, фыркал и вздрагивал всем

телом, словно из избытка достоинства, — ни дать ни взять, как индейский петух. Он повторил свой вопрос.

— Я не знал, что здесь запрещено стрелять, — отвечал я.

— Вы здесь, милостивый государь, — продолжал он, — на моей земле.

— Извольте, я уйду.

— А па-азвольте узнать, — возразил он, — я с дворянином имею честь объясняться?

Я назвал себя.

— В таком случае извольте охотиться. Я сам дворянин и очень рад услужить дворянину… А зовут меня Чер-топ-хановым, Пантелеем.

Он нагнулся, гикнул, вытянул лошадь по шее; лошадь замотала головой, взвилась на дыбы, бросилась в сторону и отдавила одной собаке лапу. Собака пронзительно завизжала. Чертопханов закипел, зашипел, ударил лошадь кулаком по голове между ушами, быстрее молнии соскочил наземь, осмотрел лапу у собаки, поплевал на рану, пихнул ее ногою в бок, чтобы она не пищала, уцепился за холку и вдел ногу в стремя. Лошадь задрала морду, подняла хвост и бросилась боком в кусты; он за ней на одной ноге впрыпрыжку, однако наконец-таки попал в седло;

как исступленный, завертел нагайкой, затрубил в рог и поскакал. Не успел я еще прийти в себя от неожиданного появления Чертопханова, как вдруг, почти безо всякого шуму, выехал из кустов толстенький человек лет сорока, на маленькой вороненькой лошаденке. Он остановился, снял с головы зеленый кожаный картуз и тоненьким и мягким голосом спросил меня, не видал ли я верхового на рыжей лошади? Я отвечал, что видел.

— В какую сторону они изволили поехать? — продолжал он тем же голосом и не надевая картуза.

— Туда-с.

— Покорнейше вас благодарю-с.

Он чмокнул губами, заболтал ногами по бокам лошаденки и поплелся рысцой — трюхи, трюхи, — по указанному направлению. Я посмотрел ему вслед, пока его рогатый картуз не скрылся за ветвями. Этот новый незнакомец наружностью нисколько не походил на своего предшественника. Лицо его, пухлое и круглое, как шар, выражало застенчивость, добродушие и кроткое смирение; нос, тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками, изобличал сластолюбца. На голове его спереди не оставалось ни одного волосика, сзади торчали жиденькие русые косицы; глазки,

словно осокой прорезанные, ласково мигали; сладко улыбались красные и сочные губки. На нем был сюртук с стоячим воротником и медными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; суконные его панталончики высоко вздернулись; над желтыми оторочками сапогов виднелись жирненькие икры.

— Кто это? — спросил я Ермолая.

— Это? Недопюскин, Тихон Иваныч. У Чертопханова живет.

— Что он, бедный человек?

— Небогатый; да ведь и у Чертопханова-то гроша нет медного.

— Так зачем же он у него поселился?

— А, вишь, подружились. Друг без дружки никуда… Вот уж подлинно: куда конь с копытом, туда и рак с клешней…

Мы вышли из кустов; вдруг подле нас «затякали» две гончие,[145] и матерой беляк покатил по овсам, уже довольно высоким. Вслед за ним выскочили из опушки собаки, гончие и борзые, а вслед за собаками вылетел сам Чертопханов. Он не кричал, не травил, не атукал: он задыхался,

---

145 Примечания: 197

…«затякали» две гончие… — По недосмотру в издании 1859 г. и в последующих печаталось «затявкали», что делало бессмысленным употребление здесь кавычек. «Затякать» — слово охотничьего жаргона.

захлебывался; из разинутого рта изредка вырывались отрывистые, бессмысленные звуки; он мчался, выпуча глаза, и бешено сек нагайкой несчастную лошадь. Борзые «приспели»… беляк присел, круто повернул назад и ринулся, мимо Ермолая, в кусты… Борзые пронеслись. «Бе-е-ги! бе-е-ги! — с усилием, словно косноязычный, залепетал замиравший охотник, — родимый, береги!» Ермолай выстрелил… раненый беляк покатился кубарем по гладкой и сухой траве, подпрыгнул кверху и жалобно закричал в зубах рассовавшегося пса. Гончие тотчас подвалились.

Турманом слетел Чертопханов с коня, выхватил кинжал, подбежал, растопыря ноги, к собакам, с яростными заклинаниями вырвал у них истерзанного зайца и, перекосясь всем лицом, погрузил ему в горло кинжал по самую рукоятку… погрузил и загоготал. Тихон Иваныч показался в опушке. «Го-го-го-го-го-го-го-го!» — завопил вторично Чертопханов. — «Го-го-го-го», — спокойно повторил его товарищ.

— А ведь, по настоящему, летом охотиться не следует, — заметил я, указывая Чертопханову на измятый овес.

— Мое поле, — отвечал, едва дыша, Чертопханов.

Он отпазончил, второчил зайца и роздал собакам лапки.[146]

— За мною заряд, любезный, по охотничьим правилам, — проговорил он, обращаясь к Ермолаю. — А вас, милостивый государь, — прибавил он тем же отрывистым и резким голосом, — благодарю.

Он сел на лошадь.

— Па-азвольте узнать… забыл… имя и фамилию?

Я опять назвал себя.

— Очень рад с вами познакомиться. Коли случится, милости просим ко мне… Да где же этот Фомка, Тихон Иваныч? — с сердцем продолжал: он, — без него беляка затравили.

— А под ним лошадь пала, — с улыбкой отвечал Тихон Иваныч.

— Как пала? Орбассан пал?[147] Пфу, пфить!.. Где

---

146 Примечания: 198

Он отпазончил, второчил зайца и роздал собакам лапки — «Отпазончить» — отрезать лапы убитого зайца; «вторачивать» — прикреплять что-либо к седлу тороками (ремнями седла).

147 Примечания: 199

Орбассан пал! — Здесь, как и в других случаях, Чертопханов называет домашних животных именами литературных героев. Орбассан — персонаж трагедии Вольтера «Танкред», переведенной на русский язык Н. И. Гнедичем в 1816 г. Трагедия была популярна в России благодаря игре знаменитого трагика В. А. Каратыгина (1802-1853), а также опере Д. Россини «Танкред» (1813).

он, где?

— Там, за лесом.

Чертопханов ударил лошадь нагайкой по морде и поскакал сломя голову. Тихон Иваныч поклонился мне два раза — за себя и за товарища, и опять поплелся рысцой в кусты.

Эти два господина сильно возбудили мое любопытство… Что могло связать узами неразрывной дружбы два существа, столь разнородные? Я начал наводить справки. Вот что я узнал.

Чертопханов, Пантелей Еремеич, слыл во всем околотке человеком опасным и сумасбродным, гордецом и забиякой первой руки. Служил он весьма недолгое время в армии и вышел в отставку «по неприятности», тем чином, по поводу которого распространилось мнение, будто курица не птица.[148] Происходил он от старинного дома, некогда богатого;[149] деды его жили пышно, по-степному, то есть принимали званых и незваных,

---

148 Примечания: 200

…тем чином, по поводу которого распространилось мнение, будто курица не птица. — Чином прапорщика — первым военным обер-офицерским чином; имела хождение шуточная пословица: «Курица не птица, прапорщик не офицер».

149 Примечания: 201

Происходил он от старинного дома, некогда богатого… — В Мценском уезде Чертовым принадлежали имения Гнеушево, Катушищи, Гущино и Шеламово. Дело о причислении их рода к древнему дворянству см.: *ЦГИАЛ.* Ф. 68. Ч. VI. Л. 439; Ф. 1343. Оп. 32. Ед. хр. 2024.

кормили их на убой, отпускали по четверти овса чужим кучерам на тройку, держали музыкантов, песельников, гаеров и собак, в торжественные дни поили народ вином и брагой, по зимам ездили в Москву на своих, в тяжелых колымагах, а иногда по целым месяцам сидели без гроша и питались домашней живностью. Отцу Пантелея Еремеича досталось имение уже разоренное; он в свою очередь тоже сильно «пожуировал» и, умирая, оставил единственному своему наследнику, Пантелею, заложенное сельцо Бессоново, с тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола да четырнадцать десятин с осьминником неудобной земли в пустоши Колобродовой, на которые, впрочем, никаких крепостей в бумагах покойника не оказалось. Покойник, должно сознаться, престранным образом разорился: «хозяйственный расчет» его сгубил. По его понятиям, дворянину не следовало зависеть от купцов, горожан и тому подобных «разбойников», как он выражался; он завел у себя всевозможные ремесла и мастерские: «И приличнее и дешевле, — говаривал он, — хозяйственный расчет!». С этой пагубной мыслью он до конца жизни не расстался; она-то его и разорила. Зато потешился! Ни в одной прихоти себе не отказы-

вал. Между прочими выдумками соорудил он однажды, по собственным соображениям, такую огромную семейственную карету, что, несмотря на дружные усилия согнанных со всего села крестьянских лошадей вместе с их владельцами, она на первом же косогоре завалилась и рассыпалась. Еремей Лукич (Пантелеева отца звали Еремеем Лукичом) приказал памятник поставить на косогоре, а впрочем, нисколько не смутился. Вздумал он также построить церковь, разумеется, сам, без помощи архитектора. Сжег целый лес на кирпичи, заложил фундамент огромный, хоть бы под губернский собор, вывел стены, начал сводить купол: купол упал. Он опять — купол опять обрушился; он третий раз — купол рухнул в третий раз. Призадумался мой Еремей Лукич: дело, думает, не ладно… колдовство проклятое замешалось… да вдруг и прикажи перепороть всех старых баб на деревне. Баб перепороли — а купол всё-таки не свели. Избы крестьянам по новому плану перестраивать начал, и всё из хозяйственного расчета; по три двора вместе ставил треугольником, а на середине воздвигал шест с раскрашенной скворечницей и флагом. Каждый день, бывало, новую затею придумывал: то из лопуха суп варил, то лошадям хвосты стриг

на картузы дворовым людям, то лен собирался крапивой заменить, свиней кормить грибами… Вычитал он однажды в «Московских ведомостях» статейку харьковского помещика Хряка-Хрупёрского о пользе нравственности в крестьянском быту[150] и на другой же день отдал приказ всем крестьянам немедленно выучить статью харьковского помещика наизусть. Крестьяне выучили статью; барин спросил их: понимают ли они, что там написано? Приказчик отвечал, что как, мол, не понять! Около того же времени повелел он всех подданных своих, для порядка и хозяйственного расчета, перенумеровать и каждому на воротнике нашить его нумер. При встрече с барином всяк, бывало, так уж и кричит: такой-то нумер идет! а барин отвечает ласково: ступай с богом!

Однако, несмотря на порядок и хозяйственный расчет, Еремей Лукич понемногу пришел в весь-

---

150 Примечания: 202

Вычитал он однажды в «Московских ведомостях» статейку харьковского помещика Хряка-Хрупёрского о пользе нравственности в крестьянском быту… — Вместе с приводившимся в автографах началом статьи «Хряка-Хруперского» упоминание ее в этом контексте представляет собой пародирование духа и стиля официозной газеты «Московские ведомости», помещавшей подобные статьи в отделе «Смесь». С 1813 по 1836 г. редактором «Московских ведомостей» был эпигон сентиментализма кн. П. И. Шаликов (1768-1852), деятельность которого служила предметом постоянных насмешек и эпиграмм.

ма затруднительное положение: начал сперва закладывать свои деревеньки, а там и к продаже приступил; последнее прадедовское гнездо, село с недостроенною церковью, продала уже казна, к счастью, не при жизни Еремея Лукича, — он бы не вынес этого удара, — а две недели после его кончины. Он успел умереть у себя в доме, на своей постели, окруженный своими людьми и под надзором своего лекаря; но бедному Пантелею досталось одно Бессоново.

Пантелей узнал о болезни отца уже на службе, в самом разгаре вышеупомянутой «неприятности». Ему только что пошел девятнадцатый год. С самого детства не покидал он родительского дома и под руководством своей матери, добрейшей, но совершенно тупоумной женщины, Василисы Васильевны, вырос баловнем и барчуком. Она одна занималась его воспитанием; Еремею Лукичу, погруженному в свои хозяйственные соображения, было не до того. Правда, он однажды собственноручно наказал своего сына за то, что он букву «рцы» выговаривал: «арцы», но в тот день Еремей Лукич скорбел глубоко и тайно: лучшая его собака убилась об дерево. Впрочем, хлопоты Василисы Васильевны насчет воспитания Пантюши ограничились одним мучительным усилием: в

поте лица наняла она ему в гувернеры отставного солдата из эльзасцев, некоего Биркопфа, и до самой смерти трепетала как лист перед ним: ну, думала она, коли откажется — пропала я! куда я денусь? Где другого учителя найду? Уж и этого насилу-насилу у соседки сманила! И Биркопф, как человек сметливый, тотчас воспользовался исключительностью своего положения: пил мертвую и спал с утра до вечера. По окончании «курса наук» Пантелей поступил на службу. Василисы Васильевны уже не было на свете. Она скончалась за полгода до этого важного события, от испуга: ей во сне привиделся белый человек верхом на медведе. Еремей Лукич вскоре последовал за своей половиной.

Пантелей, при первом известии о его нездоровье, прискакал сломя голову, однако не застал уже родителя в живых. Но каково было удивление почтительного сына, когда он совершенно неожиданно из богатого наследника превратился в бедняка! Немногие в состоянии вынести такой крутой перелом. Пантелей одичал, ожесточился. Из человека честного, щедрого и доброго, хотя взбалмошного и горячего, он превратился в гордеца и забияку, перестал знаться с соседями, — богатых он стыдился, бедных гнушался, — и

неслыханно дерзко обращался со всеми, даже с установленными властями: я, мол, столбовой дворянин. Раз чуть-чуть не застрелил станового, вошедшего к нему в комнату с картузом на голове. Разумеется, власти, с своей стороны, ему тоже не спускали[151] и при случае давали себя знать; но все-таки его побаивались, потому что горячка он был страшная и со второго слова предлагал резаться на ножах. От малейшего возражения глаза Чертопханова разбегались, голос прерывался… «А ва-ва-ва-ва-ва, — лепетал он, — пропадай моя голова!»… и хоть на стену! Да и сверх того, человек он был чистый, не замешанный ни в чем. Никто к нему, разумеется, не ездил… И при всем том душа в нем была добрая, даже великая по-своему: несправедливости, притеснения он вчуже не выносил; за мужиков своих стоял горой. «Как? — говорил он, неистово стуча по собственной голове, — моих трогать, моих? Да не будь я Чертопханов…»

Тихон Иваныч Недопюскин не мог, подобно

---

151 Примечания: 203

Разумеется, власти, с своей стороны, ему тоже не спускали… — В ответ на донесение предводителя дворянства орловский губернатор сообщил, что «если сии меры в отношении к помещику Чертову не имели желаемого успеха, то от Вас, м.г., будет зависеть сделать распоряжение согласно 333 ст. XIV тома Свода Законов» (Гос. архив Орловской обл. Ф. 580. Ед. хр. 551. Л. 4-5).

Пантелею Еремеичу, гордиться своим происхождением. Родитель его вышел из однодворцев и только сорокалетней службой добился дворянства. Г-н Недопюскин-отец принадлежал к числу людей, которых несчастие преследует с ожесточением неослабным, неутомимым, с ожесточением, похожим на личную ненависть. В течение целых шестидесяти лет, с самого рождения до самой кончины, бедняк боролся со всеми нуждами, недугами и бедствиями, свойственными маленьким людям; бился как рыба об лед, недоедал, недосыпал, кланялся, хлопотал, унывал и томился, дрожал над каждой копейкой, действительно «невинно» пострадал по службе и умер наконец не то на чердаке, не то в погребе, не успев заработать ни себе, ни детям куска насущного хлеба. Судьба замотала его, словно зайца на угонках. Человек он был добрый и честный, а брал взятки — «по чину»[152] — от гривенника до двух целковых включительно. Была у Недопюскина жена, худая и чахоточная; были и дети; к счастию, они все скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Митродоры, по прозванию «купецкая щеголиха», вышедшей, после многих печальных и смеш-

152 Примечания: 204

…брал взятки — «по чину»… — Ср. в «Ревизоре» Н. В. Гоголя — Д. I, явл. 4: «Смотри! не по чину берешь!»

ных приключений, за отставного стряпчего. Г-н Недопюскин-отец успел было еще при жизни поместить Тихона заштатным чиновником в канцелярию; но тотчас после смерти родителя Тихон вышел в отставку. Вечные тревоги, мучительная борьба с холодом и голодом, тоскливое уныние матери, хлопотливое отчаяние отца, грубые притеснения хозяев и лавочника — всё это ежедневное, непрерывное горе развило в Тихоне робость неизъяснимую: при одном виде начальника он трепетал и замирал, как пойманная птичка. Он бросил службу. Равнодушная, а может быть и насмешливая природа влагает в людей разные способности и наклонности, нисколько не соображаясь с их положением в обществе и средствами; с свойственною ей заботливостию и любовию вылепила она из Тихона, сына бедного чиновника, существо чувствительное, ленивое, мягкое, восприимчивое — существо, исключительно обращенное к наслаждению, одаренное чрезвычайно тонким обонянием и вкусом… вылепила, тщательно отделала и — предоставила своему произведению вырастать на кислой капусте и тухлой рыбе. И вот оно выросло, это произведение, начало, как говорится, «жить». Пошла потеха. Судьба, неотступно терзавшая

Недопюскина-отца, принялась и за сына: видно, разлакомилась. Но с Тихоном она поступила иначе; она не мучила его — она им забавлялась. Она ни разу не доводила его до отчаяния, не заставляла испытать постыдных мук голода, но мыкала им по всей России, из Великого Устюга в Царево-Кокшайск, из одной унизительной и смешной должности в другую: то жаловала его в «мажордомы» к сварливой и жёлчной барыне-благодетельнице, то помещала в нахлебники к богатому скряге-купцу, то определяла в начальники домашней канцелярии лупоглазого барина, стриженного на английский манер, то производила в полудворецкие, полушуты к псовому охотнику… Словом, судьба заставила бедного Тихона выпить по капле и до капли весь горький и ядовитый напиток подчиненного существования. Послужил он на своем веку тяжелой прихоти, заспанной и злобной скуке праздного барства… Сколько раз, наедине, в своей комнатке, отпущенный наконец «с богом» натешившейся всласть ватагою гостей, клялся он, весь пылая стыдом, с холодными слезами отчаяния на глазах, на другой же день убежать тайком, попытать своего счастия в городе, сыскать себе хоть писарское местечко или уж за один раз умереть с

голоду на улице. Да, во-первых, силы бог не дал; во-вторых, робость разбирала, а в-третьих, наконец, как себе место выхлопотать, кого просить? «Не дадут, — шептал, бывало, несчастный, уныло переворачиваясь на постели, — не дадут!» И на другой день снова принимался тянуть лямку. Тем мучительнее было его положение, что та же заботливая природа не потрудилась наделить его хоть малой толикой тех способностей и дарований, без которых ремесло забавника почти невозможно. Он, например, не умел ни плясать до упаду в медвежьей шубе навыворот, ни балагурить и любезничать в непосредственном соседстве расходившихся арапников; выставленный нагишом на двадцатиградусный мороз, он иногда простужался, желудок его не варил ни вина, смешанного с чернилами и прочей дрянью, ни крошеных мухоморов и сыроежек с уксусом. Господь ведает, что бы сталось с Тихоном, если бы последний из его благодетелей, разбогатевший откупщик, не вздумал в веселый час приписать в своем завещании: а Зёзе (Тихону тож) Недопюскину предоставляю в вечное и потомственное владение благоприобретенную мною деревню Бесселендеевку со всеми угодьями. Несколько дней спустя благодетеля, за стерляжьей ухой,

прихлопнул паралич. Поднялся гвалт, суд нагрянул, опечатал имущество, как следует. Съехались родные; раскрыли завещание; прочли, потребовали Недопюскина. Явился Недопюскин. Большая часть собранья знала, какую должность Тихон Иваныч занимал при благодетеле: оглушительные восклицания, насмешливые поздравления посыпались ему навстречу. «Помещик, вот он, новый помещик!» — кричали прочие наследники. «Вот уж того, — подхватил один, известный шутник и остряк, — вот уж точно, можно сказать… вот уж действительно… того… что называется… того… наследник». И все так и прыснули. Недопюскин долго не хотел верить своему счастию. Ему показали завещание — он покраснел, зажмурился, начал отмахиваться руками и зарыдал в три ручья. Хохот собранья превратился в густой и слитный рев. Деревня Бесселендеевка состояла всего из двадцати двух душ крестьян; никто о ней не сожалел сильно, так почему же, при случае, не потешиться? Один только наследник из Петербурга, важный мужчина с греческим носом и благороднейшим выражением лица, Ростислав Адамыч Штоппель, не вытерпел, пододвинулся бойком к Недопюскину и надменно глянул на него через плечо. «Вы, сколько я могу заметить,

милостивый государь, — заговорил он презрительно-небрежно, — состояли у почтенного Феодора Феодорыча в должности потешного, так сказать, прислужника?» Господин из Петербурга выражался языком нестерпимо чистым, бойким и правильным. Расстроенный, взволнованный Недопюскин не расслышал слов незнакомого ему господина, но прочие тотчас все замолкли; остряк снисходительно улыбнулся. Г-н Штоппель потер себе руки и повторил свой вопрос. Недопюскин с изумлением поднял глаза и раскрыл рот. Ростислав Адамыч язвительно прищурился.

— Поздравляю вас, милостивый государь, поздравляю, — продолжал он, — правда, не всякий, можно сказать, согласился бы таким образом зарррабатывать себе насущный хлеб; но не de gustibus non est disputandum, то есть у всякого свой вкус… Не правда ли?

Кто-то в задних рядах быстро, но прилично взвизгнул от удивления и восторга.

— Скажите, — подхватил г. Штоппель, сильно поощренный улыбками всего собрания, — какому таланту в особенности вы обязаны своим счастием? Нет, не стыдитесь, скажите; мы все здесь, так сказать, свои, en famille. Но правда ли, господа, мы здесь en famille?

Наследник, к которому Ростислав Адамыч случайно обратился с этим вопросом, к сожалению, не знал по-французски и потому ограничился одним одобрительным и легким кряхтением. Зато другой наследник, молодой человек с желтоватыми пятнами на лбу, поспешно подхватил: «Вуй, вуй, разумеется».

— Может быть, — снова заговорил г. Штоппель, — вы умеете ходить на руках, поднявши ноги, так сказать, кверху?

Недопюскин с тоской поглядел кругом — все лица злобно усмехались, все глаза покрылись влагой удовольствия.

— Или, может быть, вы умеете петь, как петух?

Взрыв хохота раздался кругом и стих тотчас, заглушённый ожиданием.

— Или, может быть, вы на носу…

— Перестаньте! — перебил вдруг Ростислава Адамыча резкий и громкий голос. — Как вам не стыдно мучить бедного человека!

Все оглянулись. В дверях стоял Чертопханов. В качестве четвероюродного племянника покойного откупщика он тоже получил пригласительное письмо на родственный съезд. Во всё время чтения он, как всегда, держался в гордом отдалении от прочих.

— Перестаньте, — повторил он, гордо закинув голову.

Г-н Штоппель быстро обернулся и, увидав человека бедно одетого, неказистого, вполголоса спросил у соседа (осторожность никогда не мешает):

— Кто это?

— Чертопханов, не важная птица, — отвечал ему тот на ухо.

Ростислав Адамыч принял надменный вид.

— А вы что за командир? — проговорил он в нос и прищурил глава. — Вы что за птица, позвольте спросить?

Чертопханов вспыхнул, как порох от искры. Бешенство захватило ему дыханье.

— Дз-дз-дз-дз, — зашипел он, словно удавленный, и вдруг загремел: — кто я? кто я? Я Пантелей Чертопханов, столбовой дворянин, мой прапращур царю служил,[153] а ты кто?

Ростислав Адамыч побледнел и шагнул назад. Он не ожидал такого отпора.

— Я птица, я, я птица… О, о, о!..

Чертопханов ринулся вперед; Штоппель от-

---

153 Примечания: 205

…мой прапращур царю служил… — К грамоте об избрании на царство Михаила Романова руку приложил «из Мценска выборный человек Ондрей Васильев сын Чортов» («Неделя». 1983. № 22).

скочил в большом волнении, гости бросились навстречу раздраженному помещику.

— Стреляться, стреляться, сейчас стреляться через платок! — кричал рассвирепевший Пантелей, — или проси извинения у меня, да и у него…

— Просите, просите извинения. — бормотали вокруг Штоппеля встревоженные наследники, — он ведь такой сумасшедший, готов зарезать.

— Извините, извините, я не знал, — залепетал Штоппель, — я не знал…

— И у него проси! — возопил неугомонный Пантелей.

— Извините и вы, — прибавил Ростислав Адамыч, обращаясь к Недопюскину, который сам дрожал, как в лихорадке.

Чертопханов успокоился, подошел к Тихону Иванычу, взял его за руку, дерзко глянул кругом и, не встречая ни одного взора, торжественно, среди глубокого молчания, вышел из комнаты вместе с новым владельцем благоприобретенной деревни Бесселендеевки.

С того самого дня они уже более не расставались, (Деревня Бесселендеевка отстояла всего на восемь верст от Бессонова.) Неограниченная благодарность Недопюскина скоро перешла в подобострастное благоговение. Слабый, мягкий

и не совсем чистый Тихон склонялся во прах перед безбоязненным и бескорыстным Пантелеем. «Легкое ли дело! — думал он иногда про себя, — с губернатором говорит, прямо в глаза ему смотрит… вот те Христос, — так и смотрит!»

Он удивлялся ему до недоумения, до изнеможения душевных сил, почитал его человеком необыкновенным, умным, ученым. И то сказать, как ни было худо воспитание Чертопханова, всё же, в сравнении с воспитанием Тихона, оно могло показаться блестящим. Чертопханов, правда, по-русски читал мало, по-французски понимал плохо, до того плохо, что однажды на вопрос гувернера из швейцарцев: «Vous parlez français, monsieur?»* отвечал: «Жэ не разумею, — и, подумав немного, прибавил: — па»; но все-таки он помнил, что был на свете Вольтер, преострый сочинитель, что французы с англичанами много воевали и что Фридрих Великий, прусский король, на военном поприще тоже отличался. Из русских писателей уважал он Державина, а любил Марлинского и лучшего кобеля прозвал

*** Примечания: ~ note_052 ~**

Вы говорите по-французски, сударь? *(фр.) — Ред.*

Аммалат-Беком...[154]

Несколько дней спустя после первой моей встречи с обоими приятелями отправился я в сельцо Бессоново к Пантелею Еремеичу. Издали виднелся небольшой его домик; он торчал на голом месте, в полуверсте от деревни, как говорится, «на юру», словно ястреб на пашне. Вся усадьба Чертопханова состояла из четырех ветхих срубов разной величины, а именно: из флигеля, конюшни, сарая и бани. Каждый сруб сидел отдельно, сам по себе: ни забора кругом, ни ворот не замечалось. Кучер мой остановился в недоумении у полусгнившего и засоренного колодца. Возле сарая несколько худых и взъерошенных борзых щенков терзали дохлую лошадь, вероятно Орбассана; один из них поднял было окровавленную морду, полаял торопливо и снова принялся глодать обнаженные ребра. Подле лошади стоял малый лет семнадцати, с пухлым и желтым лицом, одетый казачком и босоногий; он с важностью посматривал на собак, порученных

154 Примечания: 206

...любил Марлинского и лучшего кобеля прозвал Аммалат-Беком... — Аммалат-Бек — персонаж одноименной повести А. Марлинского (1831), романтическая фигура «кавказского» героя. Об отношении Тургенева к творчеству Марлинского см. его письмо к Л. Н. Толстому от 16(28) дек. 1856 г. (*Письма II.* Т. 3. С. 167) и статью М. П. Алексеева «Тургенев и Марлинский» в сб. «Творческий путь Тургенева» (Пг., 1923. С. 167-201).

его надзору, и изредка постегивал арапником самых алчных.

— Дома барин? — спросил я.

— А господь его знает! — отвечал малый. — Постучитесь.

Я соскочил с дрожек и подошел к крыльцу флигеля.

Жилище господина Чертопханова являло вид весьма печальный: бревна почернели и высунулись вперед «брюхом», труба обвалилась, углы подопрели и покачнулись, небольшие тускло-сизые окошечки невыразимо кисло поглядывали из-под косматой, нахлобученной крыши: у иных старух-потаскушек бывают такие глаза. Я постучался; никто не откликнулся. Однако мне за дверью слышались резко произносимые слова:

— Аз, буки, веди; да ну же, дурак, — говорил сиплый голос, — аз, буки, веди, глаголь… да нет! глаголь, добро, есть! есть!.. Ну же, дурак!

Я постучался в другой раз.

Тот же голос закричал:

— Войди, — кто там…

Я вошел в пустую маленькую переднюю и сквозь растворенную дверь увидал самого Чертопханова. В засаленном бухарском халате, широких шароварах и красной ермолке сидел

он на стуле, одной рукой стискивал он молодому пуделю морду, а в другой держал кусок хлеба над самым его носом.

— А! — проговорил он с достоинством и не трогаясь с места, — очень рад вашему посещенью. Милости прошу садиться. А я вот с Вензором вожусь… Тихон Иваныч, — прибавил он, возвысив голос, — пожалуй-ка сюда. Гость приехал.

— Сейчас, сейчас, — отвечал из соседней комнаты Тихон Иваныч. — Маша, подай галстух.

Чертопханов снова обратился к Вензору и положил ему кусок хлеба на нос. Я посмотрел кругом. В комнате, кроме раздвижного покоробленного стола на тринадцати ножках неравной длины[155] да четырех продавленных соломенных стульев, не было никакой мебели; давным-давно выбеленные стены, с синими пятнами в виде звезд, во многих местах облупились; между окнами висело разбитое и тусклое зеркальце в огромной раме под красное дерево. По углам стояли чубуки да ружья; с потолка спускались толстые и черные нити паутин.

---

155 Примечания: 207

…стола на тринадцати ножках неравной длины… — В черновом автографе вместо «тринадцати» — «шестнадцати». Замена диктовалась, вероятно, типичной для обстановки чертопхановского дома асимметричностью и разрушением.

— Аз, буки, веди, глаголь, добро, — медленно произносил Чертопханов и вдруг неистово воскликнул: — Есть! есть! есть!.. Экое глупое животное!.. есть!..

Но злополучный пудель только вздрагивал и не решался разинуть рот; он продолжал сидеть, поджавши болезненно хвост, и, скривив морду, уныло моргал и щурился, словно говорил про себя: известно, воля ваша!

— Да ешь, на! пиль! — повторял неугомонный помещик.

— Вы его запугали, — заметил я.

— Ну, так прочь его!

Он пихнул его ногой. Бедняк поднялся тихо, сронил хлеб долой с носа и пошел, словно на цыпочках, в переднюю, глубоко оскорбленный. И действительно: чужой человек в первый раз приехал, а с ним вот как поступают.

Дверь из другой комнаты осторожно скрипнула, и г. Недопюскин вошел, приятно раскланиваясь и улыбаясь.

Я встал и поклонился.

— Не беспокойтесь, не беспокойтесь, — залепетал он.

Мы уселись. Чертопханов вышел в соседнюю комнату.

— Давно вы пожаловали в наши Палестины? — заговорил Недопюскин мягким голосом, осторожно кашлянув в руку и, для приличья, подержав пальцы перед губами.

— Другой месяц пошел.

— Вот как-с.

Мы помолчали.

— Приятная нонеча стоит погода, — продолжал Недопюскин и с благодарностию посмотрел на меня, как будто бы погода от меня зависела, — хлеба, можно сказать, удивительные.

Я наклонил голову в знак согласия. Мы опять помолчали.

— Пантелей Еремеич вчера двух русаков изволили затравить, — не без усилия заговорил Недопюскин, явно желавший оживить разговор, — да-с, пребольших-с русаков-с.

— Хорошие у г. Чертопханова собаки?

— Преудивительные-с! — с удовольствием возразил Недопюскин, — можно сказать, первые по губернии. (Он пододвинулся ко мне.) Да что-с! Пантелей Еремеич такой человек! Что только пожелает, вот что только вздумает — глядишь, уж и готово, всё уж так и кипит-с. Пантелей Еремеич, скажу вам…

Чертопханов вошел в комнату. Недопюскин

усмехнулся, умолк и по казал мне на него глазами, как бы желая сказать: вот вы сами убедитесь. Мы пустились толковать об охоте.

— Хотите, я вам покажу свою свору? — спросил меня Чертопханов и, не дождавшись ответа, позвал Карпа.

Вошел дюжий парень в нанковом кафтане зеленого цвета с голубым воротником и ливрейными пуговицами.

— Прикажи Фомке, — отрывисто проговорил Чертопханов, — привести Аммалата и Сайгу, да в порядке, понимаешь?

Карп улыбнулся во весь рот, издал неопределенный звук и вышел. Явился Фомка, причесанный, затянутый, в сапогах и с собаками. Я, ради приличия, полюбовался глупыми животными (борзые все чрезвычайно глупы). Чертопханов поплевал Аммалату в самые ноздри, что, впрочем, по-видимому, не доставило этому псу ни малейшего удовольствия. Недопюскин также сзади поласкал Аммалата. Мы опять принялись болтать. Чертопханов понемногу смягчился совершенно, перестал петушиться и фыркать; выраженье лица его изменилось. Он глянул на меня и на Недопюскина…

— Э! — воскликнул он вдруг, — что ей там си-

деть одной? Маша! а Маша! поди-ка сюда.

Кто-то зашевелился в соседней комнате, но ответа не было.

— Ма-а-ша, — ласково повторил Чертопханов, — поди сюда. Ничего не бойся.

Дверь тихонько растворилась, и я увидал женщину лет двадцати, высокую и стройную, с цыганским смуглым лицом, изжелта-карими глазами и черною как смоль косою; большие белые зубы так и сверкали из-под полных и красных губ. На ней было белое платье; голубая шаль, заколотая у самого горла золотой булавкой, прикрывала до половины ее тонкие, породистые руки. Она шагнула раза два с застенчивой неловкостью дикарки, остановилась и потупилась.

Вот, рекомендую, — промолвил Пантелей Еремеич: — жена не жена, а почитай что жена.

Маша слегка вспыхнула и с замешательством улыбнулась. Я поклонился ей пониже. Очень она мне нравилась. Тоненький орлиный нос с открытыми полупрозрачными ноздрями, смелый очерк высоких бровей, бледные, чуть-чуть впалые щеки — все черты ее лица выражали своенравную страсть и беззаботную удаль. Из-под закрученной косы вниз по широкой шее шли две прядки блестящих волосиков — признак крови и силы.

Она подошла к окну и села. Я не хотел увеличить ее смущенья и заговорил с Чертопхановым. Маша легонько повернула голову и начала исподлобья на меня поглядывать, украдкой, дико, быстро. Взор ее так и мелькал, словно змеиное жало. Недопюскин подсел к ней и шепнул ей что-то на ухо. Она опять улыбнулась. Улыбаясь, она слегка морщила нос и приподнимала верхнюю губу, что придавало ее лицу не то кошачье, не то львиное выражение.

«О, да ты „не тронь меня“», — подумал я, в свою очередь украдкой посматривая на ее гибкий стан, впалую грудь и угловатые, проворные движения.

— А что, Маша, — спросил Чертопханов, — надобно бы гостя чем-нибудь и попотчевать, а?

— У нас есть варенье, — отвечала она.

— Ну, подай сюда варенье, да уж и водку кстати. Да послушай, Маша, — закричал он ей вслед, — принеси тоже гитару.

— Для чего гитару? Я петь не стану.

— Отчего?

— Не хочется.

— Э, пустяки, захочется, коли…

— Что? — спросила Маша, быстро наморщив брови.

— Коли попросят, — договорил Чертопханов не без смущения.

— А!

Она вышла, скоро вернулась с вареньем и водкой и опять села у окна. На лбу ее еще виднелась морщинка; обе брови поднимались и опускались, как усики у осы… Заметили ли вы, читатель, какое злое лицо у осы? Ну, подумал я, быть грозе. Разговор не клеился. Недопюскин притих совершенно и напряженно улыбался; Чертопханов пыхтел, краснел и выпучивал глаза; я уже собирался уехать… Маша вдруг приподнялась, разом отворила окно, высунула голову и с сердцем закричала проходившей бабе: «Аксинья!» Баба вздрогнула, хотела было повернуться, да поскользнулась и тяжко шлепнулась наземь. Маша опрокинулась назад и звонко захохотала; Чертопханов тоже засмеялся, Недопюскин запищал от восторга. Мы все встрепенулись. Гроза разразилась одной молнией… воздух очистился.

Полчаса спустя нас бы никто не узнал: мы болтали и шалили, как дети. Маша резвилась пуще всех, — Чертопханов так и пожирал ее глазами. Лицо у ней побледнело, ноздри расширились, взор запылал и потемнел в одно и то же время. Дикарка разыгралась, Недопюскин ковылял за

ней на своих толстых и коротких ножках, как селезень за уткой. Даже Вензор выполз из-под прилавка в передней, постоял на пороге, поглядел на нас и вдруг принялся прыгать и лаять. Маша выпорхнула в другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль с плеч долой, проворно села, подняла голову и запела цаганскую песню. Ее голос звенел и дрожал, как надтреснутый стеклянный колокольчик, вспыхивал и замирал… Любо и жутко становилось на сердце. «Ай жги, говори!..»[156] Чертопханов пустился в пляс. Недопюскин затопал и засеменил ногами. Машу всю поводило, как бересту на огне: тонкие пальцы резво бегали по гитаре, смуглое горло медленно приподнималось под двойным янтарным ожерельем. То вдруг она умолкала, опускалась в изнеможенье, словно неохотно щипала струны, и Чертопханов останавливался, только плечиком подергивал да

---

156 Примечания: 208

«Ай жги, говори…» — Слова припева одной из «цыганских» песен:

Вдоль по ярмарке купчик идет,
По Макарьевской удаленькой!
Ай жги, говори, говори…
По Макарьевской удаленькой.

См.: Чудеса в решете, или Похождение купеческих сынков с купеческими приказчиками на Нижегородской ярмарке: Русские народные сцены. Соч. В. Ф. Потапова. С десятью новыми, цыганскими и хоровыми песнями. М., 1846. С. 120-123.

на месте переминался, а Недопюскин покачивал головой, как фарфоровый китаец; то снова заливалась она как безумная, выпрямливала стан и выставляла грудь, и Чертопханов опять приседал до земли, подскакивал под самый потолок, вертелся юлой, вскрикивал: «Жива!»…

— Живо, живо, живо, живо! — скороговоркой подхватывал Недопюскин.

Поздно вечером уехал я из Бессонова…

КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА

I

«Конец Чертопханова».
Литография Т. И. Дмоховского. 1881. ИРЛИ

Года два спустя после моего посещения у Пантелея Еремеича начались его бедствия — именно бедствия. Неудовольствия, неудачи и даже несчастия случались с ним и до того времени, но он не обращал на них внимания и «царствовал» по-прежнему. Первое бедствие, поразившее его, было для него самое чувствительное: Маша рассталась с ним.

Что заставило ее покинуть его кров, с которым она, казалось, так хорошо свыклась, — сказать трудно. Чертопханов до конца дней своих держался того убеждения, что виною Машиной измены был некий молодой сосед, отставной уланский ротмистр, по прозвищу Яфф, который, по словам Пантелея Еремеича, только тем и брал, что беспрерывно крутил усы, чрезвычайно сильно помадился и значительно хмыкал; но, полагать надо, тут скорее воздействовала бродячая цаганская кровь, которая текла в жилах Маши. Как бы то ни было, только в один прекрасный летний вечер Маша, завязав кое-какие тряпки в небольшой узелок, отправилась вон из чертопхановского дома.

Она перед тем просидела дня три в уголку,

скорчившись и прижавшись к стенке, как раненая лисица, — и хоть бы слово кому промолвила — всё только глазами поводила, да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила, да руками перебирала, словно куталась. Этакой «стих» и прежде на нее находил, но никогда долго не продолжался; Чертопханов это знал, — а потому и сам не беспокоился и ее не беспокоил. Но когда, вернувшись с псарного двора, где, по словам его доезжачего, последние две гончие «окочурились», он встретил служанку, которая трепетным голосом доложила ему, что Мария, мол, Акинфиевна велели им кланяться, велели сказать, что желают им всего хорошего, а уж больше к ним не вернутся, — Чертопханов, покружившись раза два на месте и издав хриплое рычание, тотчас бросился вслед за беглянкой — да кстати захватил с собой пистолет.

Он нагнал ее в двух верстах от своего дома, возле березовой рощицы, на большой дороге в уездный город. Солнце стояло низко над небосклоном — и всё кругом внезапно побагровело: деревья, травы и земля.

— К Яффу! к Яффу! — простонал Чертопханов, как только завидел Машу, — к Яффу! — повторил он, подбегая к ней и чуть не спотыкаясь на

каждом шаге.

Маша остановилась и обернулась к нему лицом. Она стояла спиною к свету — и казалась вся черная, словно из темного дерева вырезанная. Одни белки глаз выделялись серебряными миндалинами, а сами глаза — зрачки — еще более потемнели.

Она бросила свой узелок в сторону и скрестила руки.

— К Яффу отправилась, негодница! — повторил Чертопханов и хотел было схватить ее за плечо, но, встреченный ее взглядом, опешил и замялся на месте.

— Не к г. Яффу я пошла, Пантелей Еремеич, — ответила Маша ровно и тихо, — а только с вами я уже больше жить не могу.

— Как не можешь жить? Это отчего? Я разве чем тебя обидел?

Маша покачала головою.

— Не обидели вы меня ничем, Пантелей Еремеич, а только стосковалась я у вас… За прошлое спасибо, а остаться не могу — нет!

Чертопханов изумился; он даже руками себя по ляжкам хлопнул и подпрыгнул.

— Как же это так? Жила, жила, кроме удовольствия и спокойствия ничего не видала — и вдруг:

стосковалась! Сём-мол, брошу я его! Взяла, платок на голову накинула — да и пошла. Всякое уважение получала не хуже барыни…

— Этого мне хоть бы и не надо, — перебила Маша.

— Как не надо? Из цыганки-проходимицы в барыни попала — да не надо? Как не надо, хамово ты отродье? Разве этому можно поверить? Тут измена кроется, измена!

Он опять зашипел.

— Никакой измены у меня в мыслях нету и не было, — проговорила Маша своим певучим и четким голосом, — а я уж вам сказывала: тоска меня взяла.

— Маша! — воскликнул Чертопханов и ударил себя в грудь кулаком, — ну, перестань, полно, помучила… ну, довольно! Ей-богу же! подумай только, что Тиша скажет; ты бы хоть его пожалела!

— Тихону Ивановичу поклонитесь от меня и скажите ему…

Чертопханов взмахнул руками.

— Да нет, врешь же — не уйдешь! Не дождется тебя твой Яфф!

— Господин Яфф, — начала было Маша…

— Какой он *гас-па-дин* Яфф, — передразнил ее

Чертопханов. — Он самый, как есть, выжига, пройдоха, — и рожа у него, как у обезьяны!

Целых полчаса бился Чертопханов с Машей. Он то подходил к ней близко, то отскакивал, то замахивался на нее, то кланялся ей в пояс, плакал, бранился…

— Не могу, — твердила Маша, — грустно мне таково… Тоска замучит. — Понемногу ее лицо приняло такое равнодушное, почти сонливое выражение, что Чертопханов спросил ее, уж не опоили ли ее дурманом?

— Тоска, — проговорила она в десятый раз.

— А ну как я тебя убью? — крикнул он вдруг и выхватил пистолет из кармана.

Маша улыбнулась; ее лицо оживилось.

— Что ж? убейте, Пантелей Еремеич: в вашей воле; а вернуться я не вернусь.

— Не вернешься? — Чертопханов взвел курок.

— Не вернусь, голубчик. Ни в жизнь не вернусь. Слово мое крепко. Чертопханов внезапно сунул ей пистолет в руку и присел на землю.

— Ну, так убей *ты* меня! Без тебя я жить не желаю. Опостылел я тебе — и всё мне стало постыло.

Маша нагнулась, подняла свой узелок, положила пистолет на траву, дулом прочь от

Чертопханова, и пододвинулась к нему.

— Эх, голубчик, чего ты убиваешься? Али наших сестер цыганок не ведаешь? Нрав наш таков, обычай. Коли завелась тоска-разлучница, отзывает душеньку во чужу-дальню сторонушку — где уж тут оставаться? Ты Машу свою помни — другой такой подруги тебе не найти — и я тебя не забуду, сокола моего; а жизнь наша с тобой кончена!

— Я тебя любил Маша, — пробормотал Чертопханов в пальцы, которыми он охватил лицо…

— И я вас любила, дружочек Пантелей Еремеич!

— Я тебя любил, я люблю тебя без ума, без памяти — и как подумаю я теперь, что ты этак, ни с того ни с сего, здорово живешь, меня покидаешь да по свету скитаться станешь — ну, и представляется мне, что не будь я голяк горемычный, не бросила ты бы меня!

На эти слова Маша только усмехнулась.

— А еще бессеребреницей меня звал! — промолвила она и с размаху ударила Чертопханова по плечу.

Он вскочил на ноги.

— Ну, хоть денег у меня возьми — а то как же так без гроша? Но лучше всего: убей ты меня! Сказываю я тебе толком: убей ты меня зараз!

Маша опять головою покачала.

— Убить тебя? А в Сибирь-то, голубчик, за что ссылают?

Чертопханов дрогнул.

— Так ты только из-за этого, из-за страха каторги…

Он опять повалился на траву.

Маша молча постояла над ним.

— Жаль мне тебя, Пантелей Еремеич, — сказала она со вздохом, — человек ты хороший… а делать нечего: прощай!

Она повернулась прочь и шагнула раза два. Ночь уже наступила, и отовсюду наплывали тусклые тени. Чертопханов проворно поднялся и схватил Машу сзади за оба локтя.

— Так ты уходишь, змея? К Яффу!

— Прощай! — выразительно и резко повторила Маша, вырвалась и пошла.

Чертопханов посмотрел ей вслед, подбежал к месту, где лежал пистолет, схватил его, прицелился, выстрелил… Но прежде чем пожать пружинку курка, он дернул рукою кверху: пуля прожужжала над головою Маши. Она на ходу посмотрела на него через плечо — и отправилась дальше, вразвалочку, словно дразня его.

Он закрыл лицо — и бросился бежать…

Но он не отбежал еще пятидесяти шагов, как вдруг остановился, словно вкопанный. Знакомый, слишком знакомый голос долетел до него. Маша пела. «Век юный, прелестный»[157] пела она; каждый звук так и расстилался в вечернем воздухе — жалобно и знойно. Чертопханов приник ухом. Голос уходил да уходил; то замирал, то опять набегал чуть слышной, но всё еще жгучей струйкой…

«Это мне она в пику, — подумал Чертопханов; но тут же простонал: — Ох, нет! это она со мною прощается навеки», — и залился слезами.

На следующий день он явился в квартиру г-на Яффа, который, как истый светский человек, не жалуя деревенского одиночества, поселился в уездном городе, «поближе к барышням», как он выражался. Чертопханов не застал Яффа: он, по словам камердинера, накануне уехал в Москву.

— Так и есть! — яростно воскликнул Чертопханов, — у них стачка была; она с ним бежала… но постой!

Он ворвался в кабинет молодого ротмистра, несмотря на сопротивление камердинера. В

---

157 Примечания: 209

«Век юный, прелестный — Популярная песня из репертуара московских цыган: «Век юный, прелестный, друзья, улетит». Музыка А. Л. Гурилева на стихи Н. М. Коншина.

кабинете над диваном висел портрет хозяина в уланском мундире, писанный масляными красками. «А, вот где ты, обезьяна бесхвостая!», — прогремел Чертопханов, вскочил на диван — и, ударив кулаком по натянутому холсту, пробил в нем большую дыру.

— Скажи твоему бездельнику барину, — обратился он к камердинеру, — что, за неименьем его собственной гнусной рожи, дворянин Чертопханов изуродовал его писанную; и коль он желает от меня удовлетворенья, он знает, где найти дворянина Чертопханова! А то я сам его найду! На дне моря сыщу подлую обезьяну!

Сказав эти слова, Чертопханов соскочил с дивана и торжественно удалился.

Но ротмистр Яфф никакого удовлетворения от него не потребовал — он даже не встретился нигде с ним, — и Чертопханов не думал отыскивать своего врага, и никакой истории у них не вышло. Сама Маша скоро после того пропала без вести. Чертопханов запил было; однако «очувствовался». Но тут постигло его второе бедствие.

II

А именно: закадычный его приятель Тихон Иванович Недопюскин скончался. Года за два

до кончины здоровье стало изменять ему: он начал страдать одышкой, беспрестанно засыпал и, проснувшись, не скоро мог прийти в себя; уездный врач уверял, что это с ним происходили «ударчики». В течение трех дней, предшествовавших удалению Маши, этих трех дней, когда она «затосковала», Недопюскин пролежал у себя в Бесселендеевке: он сильно простудился. Тем неожиданнее поразил его поступок Маши: он поразил его едва ли не глубже, чем самого Чертопханова. По кротости и робости своего нрава он, кроме самого нежного сожаления о своем приятеле да болезненного недоумения, ничего не выказал… но всё в нем лопнуло и опустилось. «Вынула она из меня душу», — шептал он самому себе, сидя на своем любимом клеенчатом диванчике и вертя пальцем около пальца. Даже когда Чертопханов оправился, он, Недопюскин, не оправился — и продолжал чувствовать, что «пусто у него внутри». «Вот тут», — говаривал он, показывая на середину груди, повыше желудка. Таким образом протянул он до зимы. От первых морозов его одышке полегчило, но зато посетил его уже не ударчик, а удар настоящий. Он не тотчас лишился памяти; он мог еще признать Чертопханова и даже на отчаянное восклицание

своего друга: «Что, мол, как это ты, Тиша, без моего разрешения оставляешь меня, не хуже Маши?» — ответил коснеющим языком: «А я П…а…сей Е…е…еич, се…да ад вас су… ша…ся». Это, однако, не помешало ему умереть в тот же день, не дождавшись уездного врача, которому при виде его едва остывшего тела осталось только с грустным сознаньем бренности всего земного потребовать «водочки с балычком». Имение свое Тихон Иванович завещал, как и следовало ожидать, своему почтеннейшему благодетелю и великодушному покровителю, «Пантелею Еремеичу Чертопханову»; но почтеннейшему благодетелю оно большой пользы не принесло, ибо вскорости было продано с публичного торга — частью для того, чтобы покрыть издержки надгробного монумента, статуи, которую Чертопханов (а в нем, видно, отозвалась отцовская жилка!) вздумал воздвигнуть над прахом своего приятеля. Статую эту, долженствовавшую представить молящегося ангела, он выписал из Москвы; но отрекомендованный ему комиссионер, сообразив, что в провинции знатоки скульптуры встречаются редко, вместо ангела прислал ему богиню Флору, много лет украшавшую один из заброшенных подмосковных садов екатерининского времени,

— благо эта статуя, весьма, впрочем, изящная, во вкусе рококо, с пухлыми ручками, взбитыми пуклями, гирляндой роз на обнаженной груди и изогнутым станом, досталась ему, комиссионеру, даром. Так и до сих пор стоит мифологическая богиня, грациозно приподняв одну ножку, над могилой Тихона Ивановича и с истинно помпадурской ужимкой посматривает на разгуливающих вокруг нее телят и овец, этих неизменных посетителей наших сельских кладбищ.

III

Лишившись своего верного друга, Чертопханов опять запил, и на этот раз уже гораздо посерьезнее. Дела его вовсе под гору пошли. Охотиться стало не на что, последние денежки перевелись, последние людишки поразбежались. Одиночество для Пантелея Еремеича наступило совершенное: не с кем было слово перемолвить, не то что душу отвести. Одна лишь гордость в нем не умалилась. Напротив: чем хуже становились его обстоятельства, тем надменнее, и высокомернее, и неприступнее становился он сам. Он совсем одичал под конец. Одна утеха, одна радость осталась у него: удивительный верховой конь, серой масти, донской породы, прозванный

им Малек-Аделем,[158] действительно замечательное животное.

Достался ему этот конь следующим образом.

Проезжая однажды верхом по соседней деревне, Чертопханов услыхал мужичий гам и крик толпы около кабака. Посреди этой толпы, на одном и том же месте, беспрестанно поднимались и опускались дюжие руки.

— Что там такое происходит? — спросил он свойственным ему начальственным тоном у старой бабы, стоявшей у порога своей избы.

Опершись о притолоку и как бы дремля, посматривала баба в направлении кабака. Белоголовый мальчишка в ситцевой рубашонке, с кипарисным крестиком на голой грудке, сидел, растопыря ножки и сжав кулачонки, между ее лаптями; цыпленок тут же долбил задеревенелую корку ржаного хлеба.

---

158 Примечания: 210

Малек-Адель — герой романа французской писательницы Софи Коттен (Cottin, 1770-1807) «Матильда, или Воспоминания из времен крестовых походов» («Mathilde ou Memoires tires de Thistoire des Croisades», 1805), благородный и храбрый предводитель мусульман в борьбе с крестоносцами. Роман пользовался большой популярностью, переведен на многие языки, в том числе на русский, на котором он неоднократно издавался начиная с 1806 г. Малек-Адель упомянут в пушкинском «Евгении Онегине» (гл. III, строфа 9); по свидетельству Загоскина, русские дамы «бредили Малек-Аделем, искали его везде» («Рославлев», ч. I, гл. 1). См. упоминание о Малек-Аделе в повести Тургенева «Первая любовь» (гл. XIV).

— А господь ведает, батюшка, — отвечала старуха, — и, наклонившись вперед, положила свою сморщенную темную руку на голову мальчишки, — слышно, наши ребята жида бьют.

— Как жида? какого жида?

— А господь его ведает, батюшка. Проявился у нас жид какой-то; и отколе его принесло — кто его знает? Вася, иди, сударик, к маме; кш, кш, поскудный!

Баба спугнула цыпленка, а Вася ухватился за ее паневу.

— Так вот его и бьют, сударь ты мой.

— Как бьют? за что?

— А не знаю, батюшка, Стало, за дело. Да и как не бить? Ведь он, батюшка, Христа распял!

Чертопханов гикнул, вытянул лошадь нагайкой по шее, помчался прямо на толпу — и, ворвавшись в нее, начал той же самой нагайкой без разбору лупить мужиков направо и налево, приговаривая прерывистым голосом:

— Само…управство! Само…у…правство! Закон должен наказывать, а не част…ны…е ли…ца! Закон! Закон!! За…ко…он!!!

Двух минут не прошло, как уже вся толпа отхлынула в разные стороны — и на земле, перед дверью кабака, оказалось небольшое, худоща-

вое черномазое существо в нанковом кафтане, растрепанное и истерзанное… Бледное лицо, закатившиеся глаза, раскрытый рот… Что это? замирание ужаса или уже самая смерть?

— Это вы зачем жида убили? — громогласно воскликнул Чертопханов, грозно потрясая нагайкой.

Толпа слабо загудела в ответ. Иной мужик держался за плечо, другой за бок, третий за нос.

— Здоров драться-то! — послышалось в задних рядах.

— С нагайкой-то! этак-то всякий! промолвил другой голос.

— Жида зачем убили? — спрашиваю я вас, азиаты оглашенные! — повторил Чертопханов.

Но тут лежавшее на земле существо проворно вскочило на ноги и, забежав за Чертопханова, судорожно ухватилось за край его седла.

Дружный хохот грянул среди толпы.

— Живуч! — послышалось опять в задних рядах. — Та же кошка!

— Васе высокоблагоуродие, заступитесь, спасите! — лепетал между тем несчастный жид, всею грудью прижимаясь к ноге Чертопханова, — а то они убьют, убьют меня, васе высокоблагоуродие!

— За что они тебя? — спросил Чертопханов.

— Да ей зе богу не могу сказать! Тут вот у них скотинка помирать стала… так они и подозревают… а я зе…

— Ну, это мы разберем после! — перебил Чертопханов, — а теперь ты держись за седло да ступай за мною. А вы! — прибавил он, обернувшись к толпе, — вы знаете меня? Я помещик Пантелей Чертопханов, живу в сельце Бессонове, — ну, и, значит, жалуйтесь на меня, когда заблагорассудится, да и на жида кстати!

— Зачем жаловаться? — проговорил с низким поклоном седобородый, степенный мужик, ни дать ни взять древний патриарх. (Жида он, впрочем, тузил не хуже других.) Мы, батюшка Пантелей Еремеич, твою милость знаем хорошо; много твоей милостью довольны, что поучил нас!

— Зачем жаловаться! — подхватили другие. — А с нехриста того мы свое возьмем! Он от нас не уйдет! Мы его, значит, как зайца в поле…

Чертопханов повел усами, фыркнул — и поехал шагом к себе в деревню, сопровождаемый жидом, которого он освободил таким же образом от его притеснителей, как некогда освободил Тихона Недопюскина.

IV

Несколько дней спустя единственный уцелевший у Чертопханова казачок доложил ему, что к нему прибыл какой-то верховой и желает поговорить с ним. Чертопханов вышел на крыльцо и увидал своего знакомого жидка, верхом на прекрасном донском коне, неподвижно и гордо стоявшем посреди двора. На жидке не было шапки: он держал ее под мышкой, ноги он вдел не в самые стремена, а в ремни стремян; разорванные полы его кафтана висели с обеих сторон седла. Увидав Чертопханова, он зачмокал губами, и локтями задергал, и ногами заболтал. Но Чертопханов не только не отвечал на его привет, а даже рассердился; так весь и вспыхнул вдруг: паршивый жид смеет сидеть на такой прекрасной лошади… какое неприличие!

— Эй ты, эфиопская рожа! — закричал он, — сейчас слезай, если не хочешь, чтобы тебя стащили в грязь!

Жид немедленно повиновался, свалился мешком с седла и, придерживая одной рукою повод, улыбаясь и кланяясь, подвинулся к Чертопханову.

— Чего тебе? — с достоинством спросил Панте-

лей Еремеич.

— Васе благородие, извольте посмотреть, каков конек? — промолвил жид, не переставая кланяться.

— Н…да… лошадь добрая. Ты откуда ее достал? Украл, должно быть?

— Как зе мозно, васе благородие! Я цестный зид, я не украл, а для васего благородия достал, точно! И уз старался я, старался! Зато и конь! Такого коня по всему Дону другого найти никак невозможно. Посмотрите, васе благородие, что это за конь такой! Вот позалуйте, сюда! Тпру… тпру… повернись, стань зе боком! А мы седло снимем. Каков! Васе благородие?

— Лошадь добрая, — повторил Чертопханов с притворным равнодушием, а у самого сердце так и заколотилось в груди. Очень уж он был страстный охотник до «конского мяса» и знал в нем толк.

— Да вы, васе благородие, его погладьте! По сейке его погладьте, хи-хи-хи! Вот так.

Чертопханов, словно нехотя, положил руку на шею коня, хлопнул по ней раза два, потом провел пальцами от холки по спине и, дойдя до известного местечка над почками, слегка, по-охотницки, подавил это местечко. Конь немедленно выгнул

хребет и, оглянувшись искоса на Чертопханова своим надменным черным глазом, фукнул и переступил передними ногами.

Жид засмеялся и в ладоши слегка захлопал.

— Хозяина признает, васе благородие, хозяина!

— Ну, не ври, — с досадой перебил Чертопханов. — Купить мне у тебя этого коня… не на что, а подарков я еще не то что от жида, а от самого господа бога не принимал!

— И как зе я смею вам что-нибудь дарить, помилосердуйте! — воскликнул жид. — Вы купите, васе благородие… а денезек — я подозду.

Чертопханов задумался,

— Ты что возьмешь? — промолвил он наконец сквозь зубы.

Жид пожал плечами.

— А что сам заплатил. Двести рублей.

Лошадь стоила вдвое — а пожалуй, что и втрое против этой суммы.

Чертопханов отвернулся в сторону и зевнул лихорадочно.

— А когда… деньги? — спросил он, насильственно нахмурив брови и не глядя на жида.

— А когда будет васему благородию угодно.

Чертопханов голову назад закинул, но глаз не поднял.

— Это не ответ. Ты говори толком, иродово племя! Одолжаться я у тебя стану, что ли?

— Ну, сказем так, — поспешно проговорил жид, — через шесть месяцев… согласны?

Чертопханов ничего не отвечал.

Жид старался заглянуть ему в глаза.

— Согласны? Приказете на конюшню поставить?

— Седло мне не нужно, — произнес отрывисто Чертопханов, — Возьми седло — слышишь?

— Как зе, как зе, возьму, возьму, — залепетал обрадованный жид и взвалил седло себе на плечо.

— А деньги, — продолжал Чертопханов… — через шесть месяцев. И не двести, а двести пятьдесят. Молчать! Двести пятьдесят, говорю тебе! За мною.

Чертопханов всё не мог решиться поднять глаза. Никогда так сильно в нем не страдала гордость. «Явно, что подарок, — думалось ему, — из благодарности, чёрт, подносит!» И обнял бы он этого жида, и побил бы его…

— Васе благородие, — начал жид, приободрившись и осклабясь, — надо бы, по русскому обычаю, из полы в полу…

— Вот еще что вздумал? Еврей… а русские обычаи! Эй! кто там? Возьми лошадь, сведи на ко-

нюшню. Да овса ему засыпь. Я сейчас сам приду, посмотрю. И знай: имя ему — Малек-Адель!

Чертопханов взобрался было на крыльцо, но круто повернул на каблуках и, подбежав к жиду, крепко стиснул ему руку. Тот наклонился и губы уже протянул, но Чертопханов отскочил назад и, промолвив вполголоса: «Никому не сказывай!» — исчез за дверью.

V

С самого того дня главным делом, главной заботой, радостью в жизни Чертопханова стал Малек-Адель. Он полюбил его так, как не любил самой Маши, привязался к нему больше, чем к Недопюскину. Да и конь же был! Огонь, как есть огонь, просто порох — а степенство, как у боярина! Неутомимый, выносливый, куда хошь его поверни, безответный; а прокормить его ничего не стоит: коли нет ничего другого, землю под собой глодает. Шагом идет — как в руках несет; рысью — что в зыбке качает, а поскачет, так и ветру за ним не угнаться! Никогда-то он не запыхается: потому — отдушин много. Ноги — стальные; чтобы он когда спотыкнулся — и в помине этого не бывало! Перескочить ров ли, тын ли — это ему нипочем; а уж умница какая! На

голос так и бежит, задравши голову; прикажешь ему стоять и сам уйдешь — он не ворохнется; только когда станешь возвращаться, чуть-чуть заржет: «Здесь, мол, я». И ничего-то он не боится: в самую тёмять, в метель дорогу сыщет; а чужому ни за что не дастся: зубами загрызет! И собака не суйся к нему: сейчас передней ножкой ее по лбу — тюк! только она и жила. С амбицией конь: плеткой разве что для красы над ним помахивай — а сохрани бог его тронуть! Да что тут долго толковать: сокровище, а не лощадь!

Примется Чертопханов расписывать своего Малек-Аделя — откуда речи берутся! А уж как он его холил и лелеял! Шерсть на нем отливала серебром — да не старым, а новым, что с темным глянцем; повести по ней ладонью — тот же бархат! Седло, чепрачок, уздечка — вся как есть сбруя до того была ладно пригнана, в порядке, вычищена — бери карандаш и рисуй! Чертопханов — чего больше? — сам, собственноручно, и челку заплетал своему любимцу, и гриву и хвост мыл пивом, и даже копыта не раз мазью смазывал…

Бывало, сядет он на Малек-Аделя и поедет — не по соседям, — он с ними по-прежнему не знался, — а через их поля, мимо усадеб… Полюбуйтесь, мол, издали, дураки! А то прослышит, что где-

нибудь охота проявилась — в отъезжее поле богатый барин собрался, — он сейчас туда — и гарцует в отдалении, на горизонте, удивляя всех зрителей красотой и быстротою своего коня и близко никого к себе не подпуская. Раз какой-то охотник даже погнался за ним со всей свитой; видит, что уходит от него Чертопханов, и начал он ему кричать изо всей мочи, на всём скаку: «Эй, ты! Слушай! Бери что хочешь за свою лошадь! Тысячи не пожалею! Жену отдам, детей! Бери последнее!»

Чертопханов вдруг осадил Малек-Аделя. Охотник подлетел к нему.

— Батюшка! — кричит, — говори: чего желаешь? Отец родной!

— Коли ты царь, — промолвил с расстановкой Чертопханов (а он отроду и не слыхивал о Шекспире),[159] — подай мне всё твое царство за моего коня — так и того не возьму! — Сказал, захохотал, поднял Малек-Аделя на дыбы, повернул им на воздухе, на одних задних ногах, словно волчком или юлою — и марш-марш! Так и засверкал по

---

159 Примечания: 211

Коли ты царь, — промолвил с расстановкой Чертопханов (а он отроду и не слыхивал о Шекспире)… — Имеется в виду восклицание короля Ричарда в трагедии Шекспира «Ричард III»: «A horse! a horse! my kingdom for a horse!» («Коня! коня! полцарства за коня!» — в популярном, но не вполне точном переводе Я. Г. Брянского). Акт V, сц. 4.

жнивью. А охотник (князь, говорят, был богатейший) шапку оземь — да как грянется лицом в шапку! С полчаса так пролежал.

И как было Чертопханову не дорожить своим конем? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство несомненное, последнее превосходство над всеми его соседями?

VI

Между тем время шло, срок платежа приближался, а у Чертопханова не только двухсот пятидесяти рублей, не было и пятидесяти. Что было делать, чем помочь? «Что ж? — решил он наконец, — коли не смилостивится жид, не захочет еще подождать — отдам я ему дом и землю, а сам на коня, куда глаза глядят! С голоду умру — а Малек-Аделя не отдам!» Волновался он очень и даже задумывался; но тут судьба — в первый и в последний раз — сжалилась над ним, улыбнулась ему: какая-то дальняя тетка, самое имя которой было неизвестно Чертопханову, оставила ему по духовному завещанию сумму, огромную в его глазах, целых две тысячи рублей! И получил он эти деньги в самую, как говорится, пору: за день до прибытия жида. Чертопханов чуть не обезумел от радости — но и не подумал о водке:

с самого того дня, как Малек-Адель поступил к нему, он капли в рот не брал. Он побежал в конюшню и облобызал своего друга с обеих сторон морды над ноздрями, там, где кожа так нежна бывает у лошадей. «Теперь уж не расстанемся!» — восклицал он, хлопая Малек-Аделя по шее, под расчесанной гривой. Вернувшись домой, он отсчитал и запечатал в пакет двести пятьдесят рублей. Потом помечтал, лежа на спине и покуривая трубочку, о том, как он распорядится с остальными деньгами, — а именно, каких он раздобудет собак: настоящих костромских и непременно краснопегих! Побеседовал даже с Перфишкой, которому обещал новый казакин с желтыми по всем швам басонами, и лег спать в блаженнейшем настроении духа.

Ему привиделся нехороший сон. Будто он выехал на охоту, только не на Малек-Аделе, а на каком-то странном животном вроде верблюда; навстречу ему бежит белая-белая, как снег, лиса… Он хочет взмахнуть арапником, хочет натравить на нее собак — а вместо арапника у него в руках мочалка, и лиса бегает перед ним и дразнит его языком. Он соскакивает с своего верблюда, спотыкается, падает… и падает прямо в руки жандарму, который зовет его к генерал-губернатору и в ко-

тором он узнает Яффа…

Чертопханов проснулся. В комнате было темно; вторые петухи только что пропели…

Где-то далеко-далеко проржала лошадь.

Чертопханов приподнял голову… Еще раз послышалось тонкое-тонкое ржание.

«Это Малек-Адель ржет! — подумалось ему… — Это его ржание! Но отчего же так далеко? Батюшки мои… Не может быть…»

Чертопханов вдруг весь похолодел, мгновенно спрыгнул с постели, ощупью отыскал сапоги, платье, оделся и, захватив из-под изголовья ключ от конюшни, выскочил на двор.

VII

Конюшня находилась на самом конце двора; одной стеной она выходила в поле. Чертопханов не сразу вложил ключ в замок — руки у него дрожали — и не тотчас повернул ключ… Он постоял неподвижно, притаив дыхание: хоть бы что шевельнулось за дверью! «Малешка! Малец!» — крикнул он вполголоса: тишина мертвая! Чертопханов невольно дернул ключом: дверь скрыпнула и отворилась… Стало быть, не была заперта. Он шагнул через порог и снова кликнул своего коня, на этот раз полным именем: «Ма-

лек-Адель!» Но не отозвался верный товарищ, только мышь прошуршала по соломе. Тогда Чертопханов бросился, в то из трех стойл конюшни, в котором помещался Малек-Адель. Он попал прямо в это стойло, хотя кругом такая стояла тьма, что хоть глаз выколи… Пусто! Голова закружилась у Чертопханова; словно колокол загудел у него под черепом. Он хотел сказать что-то, но только зашипел и, шаря руками вверху, внизу, по бокам, задыхаясь, с подгибавшимися коленками, перебрался из одного стойла в другое… в третье, почти доверху набитое сеном, толкнулся в одну стену, в другую, упал, перекатился через голову, приподнялся и вдруг опрометью выбежал через полураскрытую дверь на двор…

— Украли! Перфишка! Перфишка! Украли! — заревел он благим матом.

Казачок Перфишка кубарем, в одной рубашке, вылетел из чулана, в котором спал…

Словно пьяные столкнулись оба — и барин, и единственный его слуга — посреди двора; словно угорелые, завертелись они друг перед другом. Ни барин не мог растолковать, в чем было дело, ни слуга не мог понять, чего требовалось от него. «Беда! беда!» — лепетал Чертопханов. «Беда! беда!» — повторял за ним казачок. «Фонарь! Подай,

зажги фонарь! Огня! Огня!» — вырвалось наконец из замиравшей груди Чертопханова. Перфишка бросился в дом.

Но зажечь фонарь, добыть огня было нелегко: серные спички в то время считались редкостью на Руси; в кухне давно погасли последние уголья — огниво и кремень не скоро нашлись и плохо действовали. С зубовным скрежетом вырвал их Чертопханов из рук оторопелого Перфишки, стал высекать огонь сам: искры сыпались обильно, еще обильнее сыпались проклятия и даже стоны, — но трут либо не загорался, либо погасал, несмотря на дружные усилия четырех напряженных щек и губ! Наконец, минут через пять, не раньше, затеплился сальный огарок на дне разбитого фонаря, и Чертопханов, в сопровождении Перфишки, ринулся в конюшню, поднял фонарь над головою, оглянулся…

Всё пусто!

Он выскочил на двор, обежал его во всех направлениях — нет коня нигде! Плетень, окружавший усадьбу Пантелея Еремеича, давно пришел в ветхость и во многих местах накренился и приникал к земле… Рядом с конюшней он совсем повалился, на целый аршин в ширину. Перфишка указал на это место Чертопханову.

— Барин! посмотрите-ка сюда; этого сегодня не было. Вон и колья торчат из земли: знать, их кто вывернул.

Чертопханов подскочил с фонарем, повел им по земле…

— Копыта, копыта, следы подков, следы, свежие следы! — забормотал он скороговоркой. — Тут его перевели, тут, тут!

Он мгновенно перепрыгнул через плетень и с криком: «Малек-Адель! Малек-Адель!» — побежал прямо в поле.

Перфишка остался в недоуменье у плетня. Светлый кружок от фонаря скоро исчез в его глазах, поглощенный густым мраком беззвездной и безлунной ночи.

Все слабей и слабей раздавались отчаянные возгласы Чертопханова…

VIII

Заря уже занялась, когда он возвратился домой. Образа человеческого не было на нем, грязь покрывала всё платье, лицо приняло дикий и страшный вид, угрюмо и тупо глядели глаза. Сиплым шёпотом прогнал он от себя Перфишку и заперся в своей комнате. Он едва держался на ногах от усталости — но он не лег в постель, а

присел на стул у двери и схватился за голову.

— Украли!.. украли!

Но каким образом умудрился вор украсть ночью, из запертой конюшни, Малек-Аделя? Малек-Аделя, который и днем никого чужого к себе не подпускал, — украсть его без шума, без стука? И как растолковать, что ни одна дворняжка не пролаяла? Правда, их было всего две, два молодых щенка, и те от холоду и голоду в землю зарывались — но все-таки!

«И что я стану теперь делать без Малек-Аделя? — думалось Чертопханову. — Последней радости я теперь лишился — настала пора умирать. Другую лошадь купить, благо деньги завелись? Да где такую другую лошадь найти?»

— Пантелей Еремеич! Пантелей Еремеич! — послышался робкий возглас за дверью.

Чертопханов вскочил на ноги.

— Кто это? — закричал он не своим голосом.

— Это я, казачок ваш, Перфишка.

— Чего тебе? Аль нашелся, домой прибежал?

— Никак нет-с, Пантелей Еремеич; а тот жидовин, что его продал…

— Ну?

— Он приехал.

— Го-го-го-го-го! — захолкал Чертопханов — и

разом распахнул дверь. — Тащи его сюда, тащи! тащи!

При виде внезапно появившейся всклокоченной, одичалой фигуры своего «благодетеля» жид, стоявший за спиною Перфишки, хотел было дать стречка; но Чертопханов в два прыжка настиг его и, как тигр, вцепился ему в горло.

— А! за деньгами пришел! за деньгами! — захрипел он, словно не *он* душил, а *его* душили. — Ночью украл, а днем за деньгами пришел? А? А?

— Помилуйте, ва…се благо…родие, — застонал было жид.

— Сказывай, где моя лошадь? Куда ты ее дел? Кому сбыл? Сказывай, сказывай, сказывай же!

Жид уже и стонать не мог; на посиневшем его лице исчезло даже выражение испуга. Руки опустились и повисли; всё его тело, яростно встряхиваемое Чертопхановым, качалось взад и вперед, как тростник.

— Деньги я тебе заплачу, я тебе заплачу, сполна, до последней копейки, — кричал Чертопханов, — а только я задушу тебя, как последнего цыпленка, если ты сейчас не скажешь мне…

— Да вы уже задушили его, барин, — смиренно заметил казачок Перфишка.

Тут только опомнился Чертопханов.

Он выпустил шею жида; тот так и грохнулся на пол. Чертопханов подхватил его, усадил на скамью, влил ему в горло стакан водки — привел его в чувство. И, приведши его в чувство, вступил с ним в разговор.

Оказалось, что жид о краже Малек-Аделя не имел ни малейшего понятия. Да и с какой стати было ему красть лошадь, которую он же сам достал для «почтеннейшего Пантелея Еремеича»?

Тогда Чертопханов повел его в конюшню.

Вдвоем они осмотрели стойла, ясли, замок на двери, перерыли сено, солому, перешли потом на двор; Чертопханов указал жиду следы копыт у плетня — и вдруг ударил себя по ляжкам.

— Стой! — воскликнул он. — Ты где лошадь купил?

— В Малоархангельском уезде, на Верхосенской ярмарке, — отвечал жид.

— У кого?

— У казака.

— Стой! Казак этот из молодых был или старый?

— Средних лет, степенный человек.

— А из себя каков? На вид каков? Небось, плут продувной?

— Должно быть, плут, васе благородие.

— И что, как он тебе говорил, плут-то этот, — лошадью он владел давно?

— Помнится, говорил, что давно.

— Ну, так и некому было украсть, как именно ему. Ты посуди, слушай, стань сюда… как тебя зовут?

Жид встрепенулся и вскинул своими черными глазенками на Чертопханова.

— Как *меня* зовут?

— Ну, да: как твоя кличка?

— Мошель Лейба.

— Ну, посуди, Лейба, друг мой, — ты умный человек: кому, как не старому хозяину, дался бы Малек-Адель в руки! Ведь он и оседлал его, и взнуздал, и попону с него снял — вон она на сене лежит!.. Просто как дома распоряжался! Ведь всякого другого, не хозяина, Малек-Адель под ноги бы смял! Гвалт поднял бы такой, всю деревню бы переполошил! Согласен ты со мною?

— Согласен-то согласен, васе благородие…

— Ну и, значит, надо прежде всего отыскать казака того!

— Да как зе отыскать его, васе благородие? Я его всего только разочек видел — и где зе он теперь — и как его зовут? Ай, вай, вай! — прибавил жид,

горестно потрясая пейсиками.

— Лейба! — закричал вдруг Чертопханов, — Лейба, посмотри на меня! Ведь я рассудка лишился, я сам не свой!.. Я руки на себя наложу, если ты мне не поможешь!

— Да как зе я могу…

— Поедем со мною и станем вора того разыскивать!

— Да куда зе мы поедем?

— По ярмаркам, по большим трахтам, по малым трахтам, по конокрадам, по городам, по деревням, но хуторам — всюду, всюду! А насчет денег ты не беспокойся: я, брат, наследство получил! Последнюю копейку просажу — а уж добуду своего друга! И не уйдет от нас казак, наш лиходей! Куда он — туда и мы! Он под землю — и мы под землю! Он к дьяволу — а мы к самому сатане!

— Ну, зацем зе к сатане, — заметил жид, — можно и без него.

— Лейба! — подхватил Чертопханов, — Лейба, ты хотя еврей и вера твоя поганая, а душа у тебя лучше иной христианской! Сжалься ты надо мною! Одному мне ехать незачем, один я этого дела не обломаю. Я горячка — а ты голова, золотая голова! Племя ваше уж такое: без науки всё постигло! Ты, может, сомневаешься: откуда, мол,

у него деньги? Пойдем ко мне в комнату, я тебе и деньги все покажу. Возьми их, крест с шеи возьми — только отдай мне Малек-Аделя, отдай, отдай!

Чертопханов дрожал, как в лихорадке; пот градом катился с его лица и, мешаясь со слезами, терялся в его усах. Он пожимал руки Лейбе, он умолял, он чуть не целовал его… Он пришел в исступление. Жид попытался было возражать, уверять, что ему никак невозможно отлучиться, что у него дела… Куда! Чертопханов и слышать ничего не хотел. Нечего было делать: согласился бедный Лейба.

На другой день Чертопханов вместе с Лейбой выехал из Бессонова на крестьянской телеге. Жид являл вид несколько смущенный, держался одной рукой за грядку[160] и подпрыгивал всем своим дряблым телом на тряском сиденье; другую руку он прижимал к пазухе, где у него лежала пачка ассигнаций, завернутых в газетную бумагу; Чертопханов сидел, как истукан, только глазами поводил кругом и дышал полной грудью; за поясом у него торчал кинжал.

— Ну, злодей-разлучник, берегись теперь! — пробормотал он, выезжая на большую дорогу.

---

160 Примечания: 212

…держался одной рукой за грядку… — См. примеч. 1 к рассказу «Касьян с Красивой Мечи».

Дом он свой поручил казачку Перфишке и бабе-стряпухе, глухой и старой женщине, которую он призрел у себя из сострадания.

— Я к вам вернусь на Малек-Аделе, — крикнул он им на прощанье, — или уж вовсе не вернусь!

— Ты бы хоть замуж за меня пошла, что ли! — сострил Перфишка, толкнув стряпуху локтем в бок. — Всё равно нам барина не дождаться, а то ведь со скуки пропадешь!

IX

Минул год… целый год: никакой вести о Пантелее Еремеиче не доходило. Стряпуха умерла; сам Перфишка собирался уже бросить дом да отправиться в город, куда его сманивал двоюродный брат, живший подмастерьем у парикмахера, — как вдруг распространился слух, что барин возвращается! Приходский дьякон получил от самого Пантелея Еремеича письмо, в котором тот извещал его о своем намерении прибыть в Бессоново и просил его предуведомить прислугу — для устроения надлежащей встречи. Слова эти Перфишка понял так, что надо, мол, хоть пыль немножечко постереть — впрочем, большой веры в справедливость известия он не возымел; пришлось ему, однако, убедиться, что дьякон-то

сказал правду, когда, несколько дней спустя, Пантелей Еремеич сам, собственной особой, появился на дворе усадьбы, верхом на Малек-Аделе.

Перфишка бросился к барину — и, придерживая стремя, хотел было помочь ему слезть с коня; но тот соскочил сам и, кинув вокруг торжествующий взгляд, громко воскликнул: «Я сказал, что отыщу Малек-Аделя, — и отыскал его, назло врагам и самой судьбе!» Перфишка подошел к нему к ручке, но Чертопханов не обратил внимания на усердие своего слуги. Ведя за собою Малек-Аделя в поводу, он направился большими шагами к конюшне. Перфишка попристальнее посмотрел на своего барина — и заробел: «Ох, как он похудел и постарел в течение года — и лицо какое стало строгое и суровое!» А кажется, следовало бы Пантелею Еремеичу радоваться, что, вот, мол, достиг-таки своего; да он и радовался, точно… и все-таки Перфишка заробел, даже жутко ему стало. Чертопханов поставил коня в прежнее его стойло, слегка хлопнул его по крупу и промолвил: «Ну, вот ты и дома опять! Смотри же!..» В тот же день он нанял надежного сторожа из бестяголь-ных бобылей, поместился снова в своих комнатах и зажил по-прежнему…

Не совсем, однако, по-прежнему… Но об этом

впереди.

На другой день после своего возвращения Пантелей Еремеич призвал к себе Перфишку и, за неимением другого собеседника, принялся рассказывать ему — не теряя, конечно, чувства собственного достоинства и басом, — каким образом ему удалось отыскать Малек-Аделя. В течение рассказа Чертопханов сидел лицом к окну и курил трубку из длинного чубука; а Перфишка стоял на пороге двери, заложив руки за спину и, почтительно взирая на затылок своего господина, слушал повесть о том, как после многих тщетных попыток и разъездов Пантелей Еремеич наконец попал в Ромны на ярмарку, уже один, без жида Лейбы, который, по слабости характера, не вытерпел и бежал от него; как на пятый день, уже собираясь уехать, он в последний раз пошел по рядам телег и вдруг увидал, между тремя другими лошадьми, привязанного к хребтуку, — увидал Малек-Аделя! Как он тотчас его узнал и как Малек-Адель его узнал, стал ржать, и рваться, и копытом рыть землю.

— И не у казака он был, — продолжал Чертопханов, всё не поворачивая головы и тем же басовым голосом, — а у цагана-барышника; я, разумеется, тотчас вклепался в свою лошадь и пожелал на-

сильно ее возвратить; но бестия цыган заорал, как ошпаренный, на всю площадь, стал божиться, что купил лошадь у другого цыгана, и свидетелей хотел представить… Я плюнул и заплатил ему деньги: чёрт с ним совсем! Мне главное то дорого, что друга я своего отыскал и покой душевный получил. А то вот я в Карачевском уезде, по словам жида Лейбы, вклепался было в казака — за моего вора его принял, всю рожу ему избил; а казак-то оказался поповичем и бесчестия с меня содрал — сто двадцать рублев. Ну, деньги дело наживное, а главное: Малек-Адель опять у меня! Я теперь счастлив — и буду наслаждаться спокойствием. А для тебя, Порфирий, одна инструкция: как только ты, чего боже оборони, завидишь к окрестностях казака, так сию же секунду, ни слова не говоря, беги и неси мне ружье, а я уж буду знать, как мне поступить!

Так говорил Пантелей Еремеич Перфишке; так выражались его уста; но на сердце у него не было так спокойно, как он уверял.

Увы! в глубине души своей он не совсем был уверен, что приведенный им конь был действительно Малек-Адель!

X

Настало трудное время для Пантелея Еремеича. Именно спокойствием-то он наслаждался меньше всего. Правда, выпадали хорошие дни: возникшее в нем сомнение казалось ему чепухой; он отгонял нелепую мысль, как назойливую муху, и даже смеялся на самим собою; но выпадали также дни дурные: неотступная мысль снова принималась исподтишка точить и скрести его сердце, как подпольная мышь, — и он мучился едко и тайно. В течение памятного дня, когда он отыскал Малек-Аделя, Чертопханов чувствовал одну лишь блаженную радость… но на другое утро, когда он под низким навесом постоялого дворика стал седлать свою находку, близ которой провел всю ночь, что-то в первый раз его кольнуло… Он только головой мотнул — однако семя было заброшено. В течение обратного путешествия домой (оно продолжалось с неделю) сомнения в нем возбуждались редко: они стали сильней и явственней, как только он вернулся в свое Бессоново, как только очутился в том месте, где жил прежний, несомненный Малек-Адель… Дорогой он ехал больше шагом, враскачку, глядел по сторонам, покуривал табак из коротенького

чубучка и ни о чем не размышлял; разве возьмет да подумает про себя: «Чертопхановы чего захотят — уж добьются! шалишь!» — и ухмыльнется; ну, а с прибытием домой пошла статья другая. Всё это он берег, конечно, про себя; одно уж самолюбие не позволило бы ему выказать свою внутреннюю тревогу. Он бы «перервал пополам» всякого, кто бы хоть отдаленно намекнул на то, что новый Малек-Адель, кажись, не старый; он принимал поздравления с «благополучной находкой» от немногих лиц, с которыми ему приходилось сталкиваться; но он не искал этих поздравлений, он пуще прежнего избегал столкновений с людьми — знак плохой! Он почти постоянно, если можно так выразиться, экзаменовал Малек-Аделя; уезжал на нем куда-нибудь подальше в поле и ставил его на пробу; или уходил украдкой в конюшню, запирал за собою дверь и, ставши перед самой головой коня, заглядывал ему в глаза, спрашивал шёпотом: «Ты ли это? Ты ли? Ты ли?..» — а не то молча его рассматривал, да так пристально, по целым часам, то радуясь и бормоча: «Да! он! конечно он!» — то недоумевая и даже смущаясь.

И не столько смущали Чертопханова физические несходства *этого* Малек-Аделя с *тем*... впрочем, их насчитывалось немного: у *того*

хвост и грива словно были пожиже, и уши острей, и бабки короче, и глаза светлей — но это могло только так казаться; а смущали Чертопханова несходства, так сказать, нравственные. Привычки у *того* были другие, вся повадка была не та. Например: *тот* Малек-Адель всякий раз оглядывался и легонько ржал, как только Чертопханов входил в конюшню; а *этот* жевал себе сено как ни в чем не бывало или дремал, понурив голову. Оба не двигались с места, когда хозяин соскакивал с седла; но *тот*, когда его звали, тотчас шел на голос, а *этот* продолжал стоять, как пень. *Тот* скакал так же быстро, но прыгал выше и дальше; *этот* шагом шел вольнее, а рысью трясче и «хлябал» иногда подковами, то есть стучал задней о переднюю: за тем никогда такого сраму не водилось — сохрани бог! *Этот*, думалось Чертопханову, всё ушами прядет, глупо так, — а *тот* напротив: заложил одно ухо назад да так и держит — хозяина наблюдает! *Тот*, бывало, как увидит, что около него нечисто, — сейчас задней ногой стук в стенку стойла; а *этому* ничего — хоть по самое брюхо навали ему навозу. *Тот*, если, например, против ветра его поставить, — сейчас всеми легкими вздохнет и встряхнется, а *этот* знай пофыркивает; *того* сырость дожде-

вая беспокоила — *этому* она нипочем… Грубее этот, грубее! И приятности нет как у того, и туг на поводу — что и говорить! Та была лошадь милая — а эта…

Вот что думалось иногда Чертопханову, и горечью отзывались в нем эти думы. Зато в другое время — пустит он своего коня во всю прыть по только что вспаханному полю или заставит его соскочить на самое дно размытого оврага и по самой круче выскочить опять, и замирает в нем сердце от восторга, громкое гикание вырывается из уст, и знает он, знает наверное, что это под ним настоящий, несомненный Малек-Адель, ибо какая другая лошадь в состоянии сделать то, что делает эта?

Однако и тут не обходилось без греха и беды. Продолжительные поиски за Малек-Аделем стоили Чертопханову много денег; о костромских собаках он уже не помышлял и разъезжал по окрестностям в одиночку, по-прежнему. Вот в одно утро Чертопханов верстах в пяти от Бессонова наткнулся на ту самую княжескую охоту, перед которой он так молодецки гарцевал года полтора тому назад. И надо ж было случиться такому обстоятельству: как и в тот день, так и теперь — русак возьми да вскочи перед собака-

ми из-под межи на косогоре! «Ату его, ату!» Вся охота так и понеслась, и Чертопханов понесся тоже, только не вместе с нею, а шагов от нее на двести в сторону, — точно так же, как и тогда. Громадная водомоина криво прорезала косогор и, поднимаясь всё выше и выше, постепенно суживаясь, пересекала путь Чертопханову. Там, где ему приходилось перескочить ее — и где он полтора года тому назад действительно перескочил ее, — в ней всё еще было шагов восемь ширины да сажени две глубины. В предчувствии торжества, столь чудным образом повторенного торжества, Чертопханов загоготал победоносно, потряс нагайкой — охотники сами скакали, а сами не спускали глаз с лихого наездника, — конь его летел стрелою — вот уже водомоина перед самым носом — ну, ну, разом, как тогда!..

Но Малек-Адель круто уперся, вильнул налево и поскакал *вдоль* обрыва, как ни дергал ему Чертопханов голову набок, к водомоине.

Струсил, значит, не понадеялся на себя!

Тогда Чертопханов, весь пылая стыдом и гневом, чуть не плача, опустил поводья и погнал коня прямо вперед, в гору, прочь, прочь от тех охотников, чтобы только не слышать, как они издеваются над ним, чтобы только исчезнуть

поскорее с их проклятых глаз!

С иссеченными боками, весь облитый мыльной пеной, прискакал домой Малек-Адель, и Чертопханов тотчас заперся у себя в комнате.

«Нет, это не он, это не друг мой! Тот бы шею сломил — а меня бы не выдал!»

XI

Окончательно «доехал», как говорится, Чертопханова следующий случай. Верхом на Малек-Аделе пробирался он однажды по задворкам поповской слободки, окружавшей церковь, в приходе которой состояло сельцо Бессоново. Нахлобучив на глаза папаху, сгорбившись и уронив на луку седла обе руки, он медленно подвигался вперед; на душе у него было нерадостно и смутно. Вдруг его кто-то окликнул.

Он остановил коня, поднял голову и увидал своего корреспондента, дьякона. С бурым треухом на бурых, в косичку заплетенных волосах, облеченный в желтоватый нанковый кафтан, подпоясанный гораздо ниже тальи голубеньким обрывочком, служитель алтаря вышел свое «одóньишко» проведать — и, улицезрев Пантелея Еремеича, почел долгом выразить ему свое почтение — да кстати хоть что-нибудь у него

выпросить. Без такого рода задней мысли, как известно, духовные лица со светскими не заговаривают.

Но Чертопханову было не до дьякона; он едва отвечал на его поклон и, промычав что-то сквозь зубы, уже взмахнул нагайкой…

— А какой у вас конь богатейший! — поспешил прибавить дьякон, — вот уж точно можно чести приписать. Истинно: вы муж ума чудного, просто аки лев! — Отец дьякон славился красноречием, чем сильно досаждал отцу попу, которому дар слова присущ не был: даже водка не развязывала ему язык. — Однако живота, по навету злых людей, лишились, — продолжал дьякон, — и, нимало не унывая, а, напротив, более надеясь на божественный промысл, приобрели себе другого, нисколько не худшего, а почитай даже что и лучшего… потому…

— Что ты врешь? — сумрачно перебил Чертопханов, — какой такой другой конь? Это тот же самый; это Малек-Адель… Я его отыскал. Болтает зря…

— Э! э! э! э! — промолвил с расстановкой, как бы с оттяжкой, дьякон, играя перстами в бороде и озирая Чертопханова своими светлыми жадными глазами. — Как же так, господин? Ко-

ня-то вашего, дай бог памяти, в минувшем году недельки две после покрова украли, а теперь у нас ноябрь на исходе.

— Ну да, что же из этого?

Дьякон всё продолжал играть перстами в бороде.

— Значит, с лишком год с тех пор протек, а конь ваш, как тогда был серый в яблоках, так и теперь; даже словно темнее стал. Как же так? Серые-то лошади в один год много белеют.

Чертопханов дрогнул… словно кто рогатиной толкнул его против сердца. И в самом деле: серая масть-то ведь меняется! Как ему такая простая мысль до сих пор в голову не пришла?

— Пучóк анафемский! отвяжись! — гаркнул он вдруг, бешено сверкнув глазами, и мгновенно скрылся из виду у изумленного дьякона.

— Ну! всё кончено!

Вот когда действительно всё кончено, всё лопнуло, последняя карта убита! Всё разом рухнуло от одного этого слова: «белеют»!

Серые лошади белеют!

Скачи, скачи, проклятый! Не ускачешь от этого слова!

Чертопханов примчался домой и опять заперся на ключ.

XII

Что эта дрянная кляча не Малек-Адель, что между ею и Малек-Аделем не существовало ни малейшего сходства, что всякий мало-мальски путный человек должен был с первого разу это увидеть, что он, Пантелей Чертопханов, самым пошлым образом обманулся — нет! что он нарочно, преднамеренно надул самого себя, напустил на себя этот туман, — во всём этом теперь уже не оставалось ни малейшего сомнения! Чертопханов ходил взад и вперед по комнате, одинаковым образом поворачиваясь на пятках у каждой стены, как зверь в клетке. Самолюбие его страдало невыносимо; но не одна боль уязвленного самолюбия терзала его: отчаяние овладело им, злоба душила его, жажда мести в нем загоралась. Но против кого? Кому отмстить? Жиду, Яффу, Маше, дьякону, вору казаку, всем соседям, всему свету, самому себе наконец? Ум в нем мешался. Последняя карта убита! (Это сравнение ему нравилось.) И он опять ничтожнейший, презреннейший из людей, общее посмешище, шут гороховый, зарезанный дурак, предмет насмешки — для дьякона!!.. Он воображал, он ясно представлял себе, как этот мерзкий пучок станет рассказывать

про серую лошадь, про глупого барина… О проклятие!!.. Напрасно Чертопханов старался унять расходившуюся желчь; напрасно он пытался уверить себя, что эта… лошадь хотя и не Малек-Адель, однако всё же… добра и может много лет прослужить ему: он тут же с яростью отталкивал от себя прочь эту мысль, точно в ней заключалось новое оскорбление для *того* Малек-Аделя, перед которым он уж и без того считал себя виноватым… Еще бы! Этот одёр, эту клячу он, как слепой, как олух, приравнял ему, Малек-Аделю! А что насчет службы, которую эта кляча могла еще сослужить ему… да разве он когда-нибудь удостоит сесть на нее верхом? Ни за что! Никогда!!.. Татарину ее отдать, собакам на снедь — другого она не стоит… Да! Этак лучше всего!

Часа два с лишком бродил Чертопханов по своей комнате.

— Перфишка! — скомандовал он вдруг. — Сию минуту ступай в кабак; полведра водки притащи! Слышишь? Полведра, да живо! Чтобы водка сию секунду тут у меня на столе стояла.

Водка не замедлила появиться на столе Пантелея Еремеича, и он начал пить.

XIII

Кто бы тогда посмотрел на Чертопханова, кто бы мог быть свидетелем того угрюмого озлобления, с которым он осушал стакан за стаканом, — тот наверное почувствовал бы невольный страх. Ночь наступила; сальная свечка тускло горела на столе. Чертопханов перестал скитаться из угла в угол; он сидел весь красный, с помутившимися глазами, которые он то опускал на пол, то упорно устремлял в темное окно; вставал, наливал себе водки, выпивал ее, опять садился, опять уставлял глаза в одну точку и не шевелился — только дыхание его учащалось и лицо всё более краснело. Казалось, в нем созревало какое-то решение, которое его самого смущало, но к которому он постепенно привыкал; одна и та же мысль неотступно и безостановочно надвигалась всё ближе и ближе, один и тот же образ рисовался всё яснее и яснее впереди, а в сердце, под раскаляющим напором тяжелого хмеля, раздражение злобы уже сменялось чувством зверства, и зловещая усмешка появлялась на губах…

— Ну, однако пора! — промолвил он каким-то деловым, почти скучливым тоном, — будет прохлаждаться-то!

Он выпил последний стакан водки, достал над кроватью пистолет — тот самый пистолет, из которого выстрелил в Машу, зарядил его, положил на «всякий случай» несколько пистонов в карман — и отправился на конюшню.

Сторож побежал было к нему, когда он стал отворять дверь, но он крикнул на него: «Это я! Аль не видишь? Отправляйся!» Сторож отступил немного в сторону. «Спать отправляйся! — опять крикнул на него Чертопханов, — нечего тебе тут стеречь! Эку невидаль, сокровище какое!» Он вошел в конюшню. Малек-Адель… ложный Малек-Адель лежал на постилке. Чертопханов толкнул его ногою, примолвив: «Вставай, ворона!» Потом отвязал недоуздок от яслей, снял и сбросил на землю попону — и, грубо повернув в стойле послушную лошадь, вывел ее вон на двор, а со двора в поле, к крайнему изумлению сторожа, который никак не мог понять, куда это барин отправляется ночью, с невзнузданною лошадью в поводу? Спросить его — он, разумеется, побоялся, а только проводил его глазами, пока он не исчез на повороте дороги, ведущей к соседнему лесу.

XIV

Чертопханов шел большими шагами, не оста-

навливаясь и не оглядываясь; Малек-Адель — будем называть его этим именем до конца — покорно выступал за ним следом. Ночь была довольно светлая; Чертопханов мог различить зубчатый очерк леса, черневшего впереди сплошным пятном. Охваченный ночным холодом, он бы, наверное, захмелел от выпитой им водки, если бы… если бы не другой, более сильный хмель, который обуял его всего. Голова его отяжелела, кровь раскатисто стучала в горло и в уши, но он шел твердо и знал, куда шел.

Он решился убить Малек-Аделя; целый день он только об этом думал… Теперь он решился!

Он шел на это дело не то чтобы спокойно, а самоуверенно, бесповоротно, как идет человек, повинующийся чувству долга. Ему эта «штука» казалась очень «простою»: уничтожив самозванца, он разом поквитается со «всем» — и самого себя казнит за свою глупость, и перед настоящим своим другом оправдается, и целому свету докажет (Чертопханов очень заботился о «целом свете»), что с ним шутить нельзя… А главное: самого себя он уничтожит вместе с самозванцем, ибо на что ему еще жить? Как это всё укладывалось в его голове и почему это казалось ему так просто — объяснить не легко, хотя и не совсем

невозможно: обиженный, одинокий, без близкой души человеческой, без гроша медного, да еще с кровью, зажженной вином, он находился в состоянии, близком к помешательству, а нет сомнения в том, что в самых нелепых выходках людей помешанных есть, на их глаза, своего рода логика и даже право. В праве своем Чертопханов был во всяком случае вполне уверен; он не колебался, он спешил исполнить приговор над виновным, не отдавая себе, впрочем, ясного отчета: кого он собственно обзывал этим именем?.. Правду говоря, он размышлял мало о том, что собирался сделать. «Надо, надо кончить, — вот что он твердил самому себе, тупо и строго, — кончить надо!»

А безвинный виновный трусил покорной рысцой за его спиною… Но в сердце Чертопханова не было жалости.

XV

Недалеко от опушки леса, куда он привел свою лошадь, тянулся небольшой овраг, до половины заросший дубовым кустарником. Чертопханов спустился туда… Малек-Адель спотыкнулся и чуть не упал на него.

— Аль задавить меня хочешь, проклятый! — вскрикнул Чертопханов и, словно защищаясь,

выхватил пистолет из кармана. Уже не ожесточение испытывал он, а ту особенную одеревенелость чувства, которая, говорят, овладевает человеком перед совершением преступления. Но собственный голос испугал его — так дико прозвучал он под навесом темных ветвей, в гнилой и спертой сырости лесного оврага! К тому же, в ответ на его восклицание, какая-то большая птица внезапно затрепыхалась в верхушке дерева над его головою… Чертопханов дрогнул. Точно он разбудил свидетеля своему делу — и где же? в этом глухом месте, где он не должен был встретить ни одного живого существа…

— Ступай, чёрт, на все четыре стороны! — проговорил он сквозь зубы и, выпустив повод Малек-Аделя, с размаху ударил его по плечу прикладом пистолета. Малек-Адель немедленно повернулся назад, выкарабкался вон из оврага… и побежал. Но недолго слышался стук его копыт. Поднявшийся ветер мешал и застилал все звуки.

В свою очередь Чертопханов медленно выбрался из оврага, достиг опушки и поплелся по дороге домой. Он был недоволен собою; тяжесть, которую он чувствовал в голове, в сердце, распространилась по всем членам; он шел сердитый, темный, неудовлетворенный, голодный, словно

кто обидел его, отнял у него добычу, пищу…

Самоубийце, которому помешали исполнить его намерение, знакомы подобные ощущения.

Вдруг что-то толкнуло его сзади, между плеч. Он оглянулся… Малек-Адель стоял посреди дороги. Он пришел следом за своим хозяином, он тронул его мордой… доложил о себе…

— А! закричал Чертопханов, — ты сам, сам за смертью пришел! Так на же!

В мгновенье ока он выхватил пистолет, взвел курок, приставил дуло ко лбу Малек-Аделя, выстрелил…

Бедная лошадь шарахнулась в сторону, взвилась на дыбы, отскочила шагов на десять и вдруг грузно рухнула и захрипела, судорожно валяясь по земле…

Чертопханов зажал себе уши обеими руками и побежал. Колени подгибались под ним. И хмель, и злоба, я тупая самоуверенность — всё вылетело разом. Осталось одно чувство стыда и безобразия — да сознание, сознание несомненное, что на этот раз он и с собой покончил.

XVI

Недель шесть спустя казачок Перфишка почел долгом остановить проезжавшего мимо бессо-

новской усадьбы станового пристава.

— Чего тебе? — спросил блюститель порядка.

— Пожалуйте, ваше благородие, к нам в дом, — ответил казачок с низким поклоном, — Пантелей Еремеич, кажись, умирать собираются; так вот я и боюсь.

— Как? умирать? — переспросил становой.

— Точно так-с. Сперва они кажинный день водку кушали, а теперь вот в постель слегли, и уж оченно они худы стали. Я так полагаю, они теперь и понимать-то ничего не понимают. Без языка совсем.

Становой слез с телеги.

— Что же ты, за священником, по крайней мере, сходил? Исповедался твой барин? Причастился?

— Никак нет-с.

Становой нахмурился.

— Как же ты это так, братец? Разве этак можно, а? Иль ты не знаешь, что за это… ответственность бывает большая, а?

— Да я их и третьего дня и вчерась спрашивал, — подхватил оробевший казачок, — не прикажете ли, говорю, Пантелей Еремеич, за священником сбегать? «Молчи, говорит, дурак. Не в свое дело не суйся». А сегодня, как я стал докладывать, — только посмотрели на меня да усом повели.

— И много он пил водки? — спросил становой.

— Дюже много! Да вы уж сделайте милость, ваше благородие, пожалуйте к ним в комнату.

— Ну, веди! — проворчал становой и последовал за Перфишкой.

Удивительное зрелище его ожидало.

В задней комнате дома, сырой и томной, на убогой кровати, покрытой конскою попоной, с лохматой буркой вместо подушки, лежал Чертопханов, уже не бледный, а изжелта-зеленый, как бывают мертвецы, со ввалившимися глазами под глянцевитыми веками, с заостренным, но всё еще красноватым носом над взъерошенными усами. Лежал он одетый в неизменный свой архалук с патронами на груди и в черкесские синие шаровары. Папаха с малиновым верхом закрывала ему лоб до самых бровей. В одной руке Чертопханов держал охотничью нагайку, в другой — шитый кисет, последний подарок Маши. На столе возле кровати стоял пустой штоф; а в головах, пришпиленные булавками к стене, виднелись два акварельных рисунка: на одном, сколько можно было понять, был представлен толстый человек с гитарой в руках — вероятно, Недопюскин; другой изображал скачущего всадника… Лошадь походила на тех сказочных животных, которых рисуют

дети на стенах и заборах; но старательно оттушеванные яблоки ее масти и патроны на груди всадника, острые носки его сапогов и громадные усы не оставляли места сомнению: этот рисунок долженствовал изобразить Пантелея Еремеича верхом на Малек-Аделе.

Изумленный становой не знал, что предпринять. Мертвая тишина царствовала в комнате. «Да уж он скончался», — подумал он и, возвысив голос, промолвил: — Пантелей Еремеич! А, Пантелей Еремеич!

Тогда произошло нечто необыкновенное. Глаза Чертопханова медленно раскрылись, потухшие зрачки двинулись сперва справа налево, потом слева направо, остановились на посетителе, увидали его… Что-то замерцало в их тусклой белизне, подобие взора в них проявилось; посиневшие губы постепенно расклеились, и послышался сиплый, уж точно гробовой голос:

— Столбовой дворянин Пантелей Чертопханов умирает; кто может ему препятствовать? Он никому не должен, ничего не требует… Оставьте его, люди! Идите!

Рука с нагайкой попыталась приподняться… Напрасно! Губы опять склеились, глаза закрылись — и по-прежнему лежал Чертопханов на

своей жесткой кровати, вытянувшись как пласт и сдвинув подошвы.

— Дай знать, когда скончается, — шепнул, выходя из комнаты, становой Перфишке, — а за попом, я полагаю, сходить и теперь можно. Надо ж порядок соблюсти, особоровать его.

Перфишка в тот же день сходил за попом; а на следующее утро ему пришлось дать знать становому: Пантелей Еремеич скончался в ту же ночь.

Когда его хоронили, гроб его провожали два человека: казачок Перфишка да Мошель Лейба. Весть о кончине Чертопханова каким-то образом дошла до жида — и он не преминул отдать последний долг своему благодетелю.

ЖИВЫЕ МОЩИ

Край родной долготерпенья —
Край ты русского народа![161]

Ф. Тютчев

Французская поговорка гласит: «Сухой рыбак и мокрый охотник являют вид печальный».[162] Не имея никогда пристрастия к рыбной ловле, я не могу судить о том, что испытывает рыбак в хорошую, ясную погоду и насколько в ненастное время удовольствие, доставляемое ему обильной добычей, перевешивает неприятность быть мокрым. Но для охотника дождь — сущее бедствие. Именно такому бедствию подверглись мы с Ермолаем в одну из наших поездок за тетеревами в Белевский уезд. С самой утренней зари дождь не переставал. Уж чего-чего мы не делали, чтобы от него избавиться! И резинковые плащики чуть не на самую голову надевали, и под

---

161 Примечания: 213

Край родной долготерпенья, // Край ты русского народа! — строки из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья…» (1857).

162 Примечания: 214

«Сухой рыбак и мокрый охотник являют вид печальный». — Это изречение не вошло в основные сборники французских пословиц. Во французском переводе «Записок охотника» под редакцией А. Монго оно переведено следующим образом: «Pêcheur à sec. chasseur mouillé ont également piteuse mine» — и оставлено без комментария (Tourgueniev I. Memoires d'un chasseur. (Zapiski okhotnika.) 1852 / Traduits du russe avec une introduction et des notes par Henri Mongault. Seconde vol. P., 1929. P. 570).

деревья становились, чтобы поменьше капало… Непромокаемые плащики, не говоря уже о том, что мешали стрелять, пропускали воду самым бесстыдным образом; а под деревьями — точно, на первых порах, как будто и не капало, но потом вдруг накопившаяся в листве влага прорывалась, каждая ветка обдавала нас, как из дождевой трубы, холодная струйка забиралась под галстух и текла вдоль спинного хребта… А уж это последнее дело, как выражался Ермолай.

— Нет, Петр Петрович, — воскликнул он наконец. — Этак нельзя!.. Нельзя сегодня охотиться. Собакам *чучье* заливает; ружья осекаются… Тьфу! Задача!

— Что же делать? — спросил я.

— А вот что. Поедемте в Алексеевку. Вы, может, не знаете — хуторок такой есть, матушке вашей принадлежит; отсюда верст восемь. Переночуем там, а завтра…

— Сюда вернемся?

— Нет, не сюда… Мне за Алексеевкой места известны… многим лучше здешних для тетеревов!

Я не стал расспрашивать моего верного спутника, зачем он не повез меня прямо в те места, и в тот же день мы добрались до матушкина хуторка, существования которого я, признаться сказать,

и не подозревал до тех пор. При этом хуторке оказался флигелек, очень ветхий, но нежилой и потому чистый; я провел в нем довольно спокойную ночь.

На следующий день я проснулся ранехонько. Солнце только что встало; на небе не было ни одного облачка; всё кругом блестело сильным двойным блеском: блеском молодых утренних лучей и вчерашнего ливня. Пока мне закладывали таратайку, я пошел побродить по небольшому, некогда фруктовому, теперь одичалому саду, со всех сторон обступившему флигелек своей пахучей, сочной глушью. Ах, как было хорошо на вольном воздухе, под ясным небом, где трепетали жаворонки, откуда сыпался серебряный бисер их звонких голосов! На крыльях своих они наверно унесли капли росы, и песни их казались орошенными росою. Я даже шапку снял с головы и дышал радостно — всею грудью… На склоне неглубокого оврага, возле самого плетня, виднелась пасека; узенькая тропинка вела к ней, извиваясь змейкой между сплошными стенами бурьяна и крапивы, над которыми высились, бог ведает откуда занесенные, остроконечные стебли темно-зеленой конопли.

Я отправился по этой тропинке; дошел до па-

секи. Рядом с нею стоял плетеный сарайчик, так называемый амшаник, куда ставят улья на зиму. Я заглянул в полуоткрытую дверь: темно, тихо, сухо; пахнет мятой, мелиссой. В углу приспособлены подмостки, и на них, прикрытая одеялом, какая-то маленькая фигура… Я пошел было прочь…

— Барин, а барин! Петр Петрович! — послышался мне голос, слабый, медленный и сиплый, как шелест болотной осоки.

Я остановился.

— Петр Петрович! Подойдите, пожалуйста! — повторил голос. Он доносился до меня из угла с тех, замеченных мною, подмостков.

Я приблизился — и остолбенел от удивления. Передо мною лежало живое человеческое существо, но что это было такое?

Голова совершенно высохшая, одноцветная, бронзовая — ни дать ни взять икона старинного письма; нос узкий, как лезвие ножа; губ почти не видать — только зубы белеют и глаза, да из-под платка выбиваются на лоб жидкие пряди желтых волос. У подбородка, на складке одеяла, движутся, медленно перебирая пальцами, как палочками, две крошечных руки тоже бронзового цвета. Я вглядываюсь попристальнее: лицо не только

не безобразное, даже красивое, — но страшное, необычайное. И тем страшнее кажется мне это лицо, что по нем, по металлическим его щекам, я вижу — силится… силится и не может расплыться улыбка.

— Вы меня не узнаете, барин? — прошептал опять голос; он словно испарялся из едва шевелившихся губ. — Да и где узнать! Я Лукерья… Помните, что хороводы у матушки у вашей в Спасском водила… помните, я еще запевалой была?

— Лукерья! — воскликнул я. — Ты ли это? Возможно ли?

— Я, да, барин, — я. Я — Лукерья.

Я не знал, что сказать, и как ошеломленный глядел на это темное, неподвижное лицо с устремленными на меня светлыми и мертвенными глазами. Возможно ли? Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая, румяная, хохотунья, плясунья, певунья! Лукерья, умница Лукерья, за которою ухаживали все наши молодые парни, по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!

— Помилуй, Лукерья, — проговорил я наконец, — что это с тобой случилось?

— А беда такая стряслась! Да вы не побрезгуйте, барин, не погнушайтесь несчастием моим, — сядьте вон на кадушечку, поближе, а то вам меня не слышно будет… вишь я какая голосистая стала!.. Ну, уж и рада же я, что увидала вас! Как это вы в Алексеевку попали?

Лукерья говорила очень тихо и слабо, но без остановки.

— Меня Ермолай-охотник сюда завез. Но расскажи же ты мне…

— Про беду-то мою рассказать? Извольте, барин. Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь. Меня тогда только что помолвили за Василья Полякова — помните, такой из себя статный был, кудрявый, еще буфетчиком у матушки у вашей служил? Да вас уже тогда в деревне не было; в Москву уехали учиться. Очень мы с Василием слюбились; из головы он у меня не выходил; а дело было весною. Вот раз ночью… уж и до зари недалеко… а мне не спится: соловей в саду таково удивительно поет сладко!.. Не вытерпела я, встала и вышла на крыльцо его послушать. Заливается он, заливается… и вдруг мне почудилось: зовет меня кто-то Васиным голосом, тихо так: «Луша!..» Я глядь в сторону, да, знать, спросонья оступилась, так прямо с рундучка и

полетела вниз — да о́ землю хлоп! И, кажись, не сильно я расшиблась, потому — скоро поднялась и к себе в комнату вернулась. Только словно у меня что внутри — в утробе — порвалось… Дайте дух перевести… с минуточку… барин.

Лукерья умолкла, а я с изумлением глядел на нее. Изумляло меня собственно то, что она рассказ свой вела почти весело, без охов и вздохов, нисколько не жалуясь и не напрашиваясь на участие.

— С самого того случая, — продолжала Лукерья, — стала я сохнуть, чахнуть; чернота на меня нашла; трудно мне стало ходить, а там уже — и полно ногами владеть; ни стоять, ни сидеть не могу; всё бы лежала. И ни пить, ни есть не хочется: всё хуже да хуже. Матушка ваша по доброте своей и лекарям меня показывала, и в больницу посылала. Однако облегченья мне никакого не вышло. И ни один лекарь даже сказать не мог, что за болезнь у меня за такая. Чего они со мной только не делали: железом раскаленным спину жгли, в колотый лед сажали — и всё ничего. Совсем я окостенела под конец… Вот и порешили господа, что лечить меня больше нечего, а в барском доме держать калек неспособно… ну, и переслали меня сюда — потому тут у меня родственники есть. Вот

я и живу, как видите.

Лукерья опять умолкла и опять усилилась улыбнуться.

— Это однако же ужасно, твое положение! — воскликнул я… и, не зная, что прибавить, спросил: — А что же Поляков Василий? — Очень глуп был этот вопрос.

Лукерья отвела глаза немного в сторону.

— Что Поляков? Потужил, потужил — да и женился на другой, на девушке из Глинного. Знаете Глинное? От нас недалече. Аграфеной ее звали. Очень он меня любил, да ведь человек молодой — не оставаться же ему холостым. И какая уж я ему могла быть подруга? А жену он нашел себе хорошую, добрую, и детки у них есть. Он тут у соседа в приказчиках живет: матушка ваша по пачпорту его отпустила, и очень ему, слава богу, хорошо.

— И так ты всё лежишь да лежишь? — спросил я опять.

— Вот так и лежу, барин, седьмой годок. Летомто я здесь лежу, в этой плетушке, а как холодно станет — меня в предбанник перенесут. Там лежу.

— Кто же за тобой ходит? Присматривает кто?

— А добрые люди здесь есть тоже. Меня не

оставляют. Да и ходьбы за мной немного. Есть-то почитай что не ем ничего, а вода — вон она в кружке-то: всегда стоит припасенная, чистая, ключевая вода. До кружки-то я сама дотянуться могу: одна рука у меня еще действовать может. Ну, девочка тут есть, сиротка; нет, нет — да и наведается, спасибо ей. Сейчас тут была… Вы ее не встретили? Хорошенькая такая, беленькая. Она цветы мне носит; большая я до них охотница, до цветов-то. Садовых у нас нет, — были, да перевелись. Но ведь и полевые цветы хороши, пахнут еще лучше садовых. Вот хоть бы ландыш… на что приятнее!

— И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

— А что будешь делать? Лгать не хочу — сперва очень томно было; а потом привыкла, обтерпелась — ничего; иным еще хуже бывает.

— Это каким же образом?

— А у иного и пристанища нет! А иной — слепой или глухой! А я, слава богу, вижу прекрасно и всё слышу, всё. Крот под землею роется — я и то слышу. И запах я всякий чувствовать могу, самый какой ни на есть слабый! Гречиха в поле зацветет или липа в саду — мне и сказывать не надо: я первая сейчас слышу. Лишь бы ветерком

оттуда потянуло. Нет, что бога гневить? — многим хуже моего бывает. Хоть бы то взять: иной здоровый человек очень легко согрешить может; а от меня сам грех отошел. Намеднись отец Алексей, священник, стал меня причащать да и говорит: «Тебя, мол, исповедовать нечего: разве ты в твоем состоянии согрешить можешь?» Но я ему ответила: «А мысленный грех, батюшка?» — «Ну, — говорит, а сам смеется, — это грех не великий».

— Да я, должно быть, и этим самым, мысленным грехом не больно грешна, — продолжала Лукерья, — потому я так себя приучила: не думать, а пуще того — не вспоминать. Время скорей проходит.

Я, признаюсь, удивился.

— Ты всё одна да одна, Лукерья; как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? Или ты всё спишь?

— Ой, нет, барин! Спать-то я не всегда могу. Хоть и больших болей у меня нет, а ноет у меня там, в самом нутре, и в костях тоже; не дает спать как следует. Нет… а так лежу я себе, лежу-полеживаю — и не думаю; чую, что жива, дышу — и вся я тут. Смотрю, слушаю. Пчелы на пасеке жужжат да гудят; голубь на крышу сядет и заворкует; курочка-наседочка зайдет с цыплятами крошек

поклевать; а то воробей залетит или бабочка — мне очень приятно. В позапрошлом году так даже ласточки вон там в углу гнездо себе свили и детей вывели. Уж как же оно было занятно! Одна влетит, к гнездышку припадет, деток накормит — и вон. Глядишь — уж на смену ей другая. Иногда не влетит, только мимо раскрытой двери пронесется, а детки тотчас — ну пищать да клювы разевать… Я их и на следующий год поджидала, да их, говорят, один здешний охотник из ружья застрелил. И на что покорыстился? Вся-то она, ласточка, не больше жука… Какие вы, господа охотники, злые!

— Я ласточек не стреляю, — поспешил я заметить.

— А то раз, — начала опять Лукерья, — вот смеху-то было! Заяц забежал, право! Собаки, что ли, за ним гнались, только он прямо в дверь как прикатит!.. Сел близехонько и долго таки сидел, всё носом водил и усами дергал — настоящий офицер! И на меня смотрел. Понял, значит, что я ему не страшна. Наконец, встал, прыг-прыг к двери, на пороге оглянулся — да и был таков! Смешной такой!

Лукерья взглянула на меня… аль, мол, не забавно? Я, в угоду ей, посмеялся. Она покусала

пересохшие губы.

— Ну, зимою, конечно, мне хуже: потому — темно; свечку зажечь жалко, да и к чему? Я хоть грамоте знаю и читать завсегда охоча была, но что читать? Книг здесь нет никаких, да хоть бы и были, как я буду держать ее, книгу-то? Отец Алексей мне, для рассеянности, принес календарь; да видит, что пользы нет, взял да унес опять. Однако хоть и темно, а всё слушать есть что: сверчок затрещит али мышь где скрестись станет. Вот тут-то хорошо: не думать!

— А то я молитвы читаю, — продолжала, отдохнув немного, Лукерья. — Только немного я знаю их, этих самых молитв. Да и на что я стану господу богу наскучать? О чем я его просить могу? Он лучше меня знает, чего мне надобно. Послал он мне крест — значит, меня он любит. Так нам велено это понимать. Прочту Отче наш, Богородицу, акафист Всем скорбящим — да и опять полеживаю себе безо всякой думочки. И ничего!

Прошло минуты две. Я не нарушал молчанья и не шевелился на узенькой кадушке, служившей мне сиденьем. Жестокая, каменная неподвижность лежавшего передо мною живого, несчастного существа сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел.

— Послушай, Лукерья, — начал я наконец. — Послушай, какое я тебе предложение сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую городскую больницу? Кто знает, быть может, тебя еще вылечат? Во всяком случае ты одна не будешь…

Лукерья чуть-чуть двинула бровями.

— Ох, нет, барин, — промолвила она озабоченным шёпотам, — не переводите меня в больницу, не трогайте меня. Я там только больше муки приму. Уж куда меня лечить!.. Вот так-то раз доктор сюда приезжал: осматривать меня захотел. Я его прошу: «Не тревожьте вы меня, Христа ради». Куда! переворачивать меня стал, руки, ноги разминал, разгинал; говорит: «Это я для учености делаю; на то я служащий человек, ученый! Й ты, говорит, не моги мне противиться, потому что мне за мои труды орден на шею дан, и я для вас же, дураков, стараюсь». Потормошил, потормошил меня, назвал мне мою болезнь — мудрено таково — да с тем и уехал. А у меня потом целую неделю все косточки ныли. Вы говорите: я одна бываю, всегда одна. Нет, не всегда. Ко мне ходят. Я смирная — не мешаю. Девушки крестьянские зайдут, погуторят; странница забредет, станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святые

города. Да мне и не страшно одной быть. Даже лучше, ей-ей!.. Барин, не трогайте меня, не возите в больницу… Спасибо вам, вы добрый, только не трогайте меня, голубчик.

— Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоей же пользы полагал…

— Знаю, барин, что для моей пользы. Да, барин, милый, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдет? Сам себе человек помогай! Вы вот не поверите — а лежу я иногда так-то одна… и словно никого в целом свете, кроме меня, нету. Только одна я — живая! И чудится мне, будто что меня осенит… Возьмет меня размышление — даже удивительно.[163]

— О чем же ты тогда размышляешь, Лукерья?

— Этого, барин, тоже никак нельзя сказать: не

---

163 Примечания: 215

Возьмет меня размышление — даже удивительно. — Употребление слова «удивительно» в речи крестьян вызвало еще при выходе в свет первого издания «Записок охотника» критическое замечание И. С. Аксакова. Он вообще не одобрил приемы имитации крестьянской речи у Тургенева; И. С. Аксакову казалось, что Тургенев злоупотребляет буквализмом, вставляя в речь крестьян искаженные выражения, диалектизмы, и вместе с тем привносит слова и выражения иной социальной среды. «Мне кажется, — писал он Тургеневу 4 октября 1852 г., — можно вложить в уста русскому мужику русскую крестьянскую речь без этого жалкого коверканья слов, без разных ужимок, составляющих особенность местную, а иногда и личную, и не одинаковых в каждом месте. Видно, что вы копируете и к тому же частехонько не доглядываете; у нас, например, мужик беспрестанно говорит: *удивительно*. Вы могли, конечно, услыхать это слово от *одного* мужика, но вообще крестьяне этого выражения не употребляют» (Письма С. Т.,

К. С. и И. С. Аксаковых к И. С. Тургеневу. М., 1894. С. 31). Возможно, что И. С. Аксаков имел в виду рассказ «Бежин луг», где это слово употреблено трижды подряд в рассказе Ильюши о Тришке (см. с. 71 наст изд.). Тургенев, по-видимому, не согласился с И. С. Аксаковым, потому что не только оставил без изменения текст «Бежина луга», но 22 года спустя употребил это слово в речи Лукерьи, и не один раз; ниже: «Такие-то у меня бывают сны удивительные!»

растолкуешь. Да и забывается оно потом. Придет, словно как тучка, прольется, свежо так, хорошо станет, а что такое было — не поймешь! Только думается мне: будь около меня люди — ничего бы этого не было и ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья.

Лукерья вздохнула с трудом. Грудь ей не повиновалась — так же, как и остальные члены.

— Как погляжу я, барин, на вас, — начала она снова, — очень вам меня жалко. А вы меня не слишком жалейте, право! Я вам, например, что скажу: я иногда и теперь… Вы ведь помните, какая я была в свое время веселая? Бой-девка!.. так знаете что? Я и теперь песни пою.

— Песни?.. Ты?

— Да, песни, старые песни, хороводные, подблюдные, святочные, всякие! Много я их ведь знала и не забыла. Только вот плясовых не пою. В теперешнем моем звании оно не годится.

— Как же ты поешь их… про себя?

— И про себя и голосом. Громко-то не могу, а всё — понять можно. Вот я вам сказывала — девочка ко мне ходит. Сиротка, значит, понятливая. Так вот я ее выучила; четыре песни она уже у меня переняла. Аль не верите? Постойте, я вам сейчас…

Лукерья собралась с духом… Мысль, что это

полумертвое существо готовится запеть, возбудила во мне невольный ужас. Но прежде чем я мог промолвить слово — в ушах моих задрожал протяжный, едва слышный, но чистый и верный звук… за ним последовал другой, третий. «Во лузях» пела Лукерья.[164] Она пела, не изменив выражения своего окаменелого лица, уставив даже глаза. Но так трогательно звенел этот бедный, усиленный, как струйка дыма колебавшийся голосок, так хотелось ей всю душу вылить… Уже не ужас чувствовал я: жалость несказанная стиснула мне сердце.

— Ох, не могу! — проговорила она вдруг, — силушки не хватает… Очень уж я вам обрадовалась.

Она закрыла глаза.

Я положил руку на ее крошечные холодные пальчики… Она взглянула на меня — и ее темные веки, опушенные золотистыми ресницами,

---

164 Примечания: 216

«Во лузях» пела Лукерья. — Известны две песни с таким зачином: «Во лузях я ходила, в зеленых горе мыкала» и «Во лузях, во лузях, еще во лузях, зеленых лузях» (Собрание народных песен с их голосами, положенных на музыку Иваном Прачем, вновь изданное с прибавлением к оным второй части. СПб, 1806. № 4. С. 27-28; № 14. С. 37-38). Тургенев, вероятно, имел в виду первую из них: хотя обе песни отнесены в сборнике к «плясовым или скорым», песня «Во лузях я ходила, в зеленых горе мыкала» отличается от второй, типично хороводной песни, более плавным, протяжным напевом, менее быстрым темпом; содержание ее также больше отвечает настроению Лукерьи.

как у древних статуй, закрылись снова. Спустя мгновенье они заблистали в полутьме… Слеза их смочила.

Я не шевелился по-прежнему.

— Экая я! — проговорила вдруг Лукерья с неожиданной силой и, раскрыв широко глаза, постаралась смигнуть с них слезу. — Не стыдно ли? Чего я? Давно этого со мной не случалось… с самого того дня, как Поляков Вася у меня был прошлой весной. Пока он со мной сидел да разговаривал — ну, ничего; а как ушел он — поплакала я таки в одиночку! Откуда бралось!.. Да ведь у нашей сестры слезы некупленные. Барин, — прибавила Лукерья, — чай, у вас платочек есть… Не побрезгуйте, утрите мне глаза.

Я поспешил исполнить ее желание — и платок ей оставил. Она сперва отказывалась… на что, мол, мне такой подарок? Платок был очень простой, но чистый и белый. Потом она схватила его своими слабыми пальцами и уже не разжала их более. Привыкнув к темноте, в которой мы оба находились, я мог ясно различить ее черты, мог даже заметить тонкий румянец, проступивший сквозь бронзу ее лица, мог открыть в этом лице — так, по крайней мере, мне казалось — следы его бывалой красоты.

— Вот вы, барин, спрашивали меня, — заговорила опять Лукерья, — сплю ли я? Сплю я, точно, редко, но всякий раз сны вижу, — хорошие сны! Никогда я больной себя не вижу: такая я всегда во сне здоровая да молодая… Одно горе: проснусь я — потянуться хочу хорошенько — ан я вся, как скованная. Раз мне какой чудный сон приснился! Хотите, расскажу вам? — Ну, слушайте. — Вижу я, будто стою я в поле, а кругом рожь, такая высокая, спелая, как золотая!.. И будто со мной собачка рыженькая, злющая-презлющая — всё укусить меня хочет. И будто в руках у меня серп, и не простой серп, а самый как есть месяц, вот когда он на серп похож бывает. И этим самым месяцем должна я эту самую рожь сжать до́чиста. Только очень меня от жары растомило, и месяц меня слепит, и лень на меня нашла; а кругом васильки растут, да такие крупные! И все ко мне головками повернулись. И думаю я: нарву я этих васильков; Вася прийти обещался — так вот я себе венок сперва совью; жать-то я еще успею. Начинаю я рвать васильки, а они у меня промеж пальцев тают да тают, хоть ты что! И не могу я себе венок свить. А между тем я слышу — кто-то уж идет ко мне, близко таково, и зовет: Луша! Луша!.. Ай, думаю, беда — не успела! Всё равно, надену я себе

на голову этот месяц заместо васильков. Надеваю я месяц, ровно как кокошник, и так сама сейчас вся засияла, всё поле кругом осветила. Глядь — по самым верхушкам колосьев катит ко мне скорехонько — только не Вася, а сам Христос! И почему я узнала, что это Христос, сказать не могу, — таким его не пишут, — а только он! Безбородый, высокий, молодой, весь в белом, — только пояс золотой, — и ручку мне протягивает. «Не бойся, говорит, невеста моя разубранная, ступай за мною; ты у меня в царстве небесном хороводы водить будешь и песни играть райские». И я к его ручке как прильну! Собачка моя сейчас меня за ноги… но тут мы взвились! Он впереди… Крылья у него по всему небу развернулись, длинные, как у чайки, — и я за ним! И собачка должна отстать от меня. Тут только я поняла, что эта собачка — болезнь моя и что в царстве небесном ей уже места не будет.

Лукерья умолкла на минуту.

— А то еще видела я сон, — начала она снова, — а быть может, это было мне видение — я уж и не знаю. Почудилось мне, будто я в самой этой плетушке лежу и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне низко, а сами ничего не говорят. И спраши-

ваю я их: зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? А затем говорят, что так как ты на сем свете много мучишься, то не одну ты свою душеньку облегчила, но и с нас большую тягу сняла. И нам на том свете стало много способнее. Со своими грехами ты уже покончила; теперь наши грехи побеждаешь. И, сказавши это, родители мне опять поклонились — и не стало их видно: одни стены видны. Очень я потом сомневалась, что это такое со мною было. Даже батюшке на духу рассказала. Только он так полагает, что это было не видение, потому что видения бывают одному духовному чину.

— А то вот еще какой мне был сон, — продолжала Лукерья. — Вижу я, что сижу я этак будто на большой дороге под ракитой, палочку держу остроганную, котомка за плечами и голова платком окутана — как есть странница! И идти мне куда-то далеко-далеко на богомолье. И проходят мимо меня всё странники; идут они тихо, словно нехотя, всё в одну сторону; лица у всех унылые и друг на дружку все очень похожи. И вижу я: вьется, мечется между ними одна женщина, целой головой выше других, и платье на ней особенное, словно не наше, не русское. И лицо тоже особенное, постное лицо, строгое. И будто все другие от

нее сторонятся; а она вдруг верть — да прямо ко мне. Остановилась и смотрит; а глаза у ней, как у сокола, желтые, большие и светлые-пресветлые. И спрашиваю я ее: «Кто ты?» А она мне говорит: «Я смерть твоя». Мне чтобы испугаться, а я напротив — рада-радехонька, крещусь! И говорит мне та женщина, смерть моя: «Жаль мне тебя, Лукерья, но взять я тебя с собою не могу. Прощай!» Господи! как мне тут грустно стало!.. «Возьми меня, говорю, матушка, голубушка, возьми!» И смерть моя обернулась ко мне, стала мне выговаривать... Понимаю я, что назначает она мне мой час, да непонятно так, неявственно... После, мол, петровок...[165] С этим я проснулась... Такие-то у меня бывают сны удивительные!

Лукерья подняла глаза кверху... задумалась...

— Только вот беда моя: случается, целая неделя пройдет, а я не засну ни разу. В прошлом году барыня одна проезжала, увидела меня да и дала мне скляночку с лекарством против бессонницы; по десяти капель приказала принимать. Очень мне помогало, и я спала; только теперь давно та скляночка выпита... Не знаете ли, что это было за лекарство и как его получить?

---

165 Примечания: 217

После, мол, петровок,.. — Петровки у православных — пост, предшествующий дню апостолов Петра и Павла — 29 июня (ст. ст.).

Проезжавшая барыня, очевидно, дала Лукерье опиума. Я обещался доставить ей такую скляночку и опять-таки не мог не подивиться вслух ее терпенью.

— Эх, барин! — возразила она. — Что вы это? Какое такое терпение? Вот Симеона Столпника терпение было точно великое:[166] тридцать лет на столбу простоял! А другой угодник себя в землю зарыть велел[167] по самую грудь, и муравьи ему лицо ели… А то вот еще мне сказывал один начетчик:[168] была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех жителев они мучили и убивали; и что ни делали жители, освободить себя никак не могли. И проявись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя возложила двухпудовые, пошла на

---

166 Примечания: 218

Вот Симеона Столпника терпение было точно великое… — Переводное житие Симеона Столпника было известно на Руси с XIII в. и входило в состав прологов, четьи-миней и многих рукописных книг.

167 Примечания: 219

А другой угодник себя в землю зарыть велел… — Очевидно, имеется в виду рассказ «многотерпеливого Иоанна Затворника» о его борьбе с искушениями, вошедший в состав «Киево-Печерского патерика».

168 Примечания: 220

А то вот еще мне сказывал один начетчик… — В основе русского фольклорного варианта легенды о Жанне д'Арк мог лежать вольный пересказ драматической поэмы В. А. Жуковского «Орлеанская дева» (1821) или одно из популярных жизнеописаний вроде неоднократно переиздававшегося сборника «Плутарх для прекрасного пола, или

Жизнеописания великих и славных жен всех наций, древних и новых времен. Соч. Г. Бланшарда и Пропиака» Шер. Ф. Глинки.) (М., 1816. Ч. I. С. 116-153). Об источниках легенды на русской почве и о связи ее с русской житийной традицией см.: *Дробленкова Н. Ф.* Живые мощи: Житийная традиция и «легенда» о Жанне д'Арк в рассказе Тургенева // *Т. сб. V.* С. 289-302.

агарян и всех их прогнала за море. А только прогнавши их, говорит им: «Теперь вы меня сожгите, потому что такое было мое обещание, чтобы мне огненною смертью за свой народ помереть». И агаряне ее взяли и сожгли, а народ с той поры навсегда освободился! Вот это подвиг! А я что!

Подивился я тут про себя, куда и в каком виде зашла легенда об Иоанне д'Арк, и, помолчав немного, спросил Лукерью: сколько ей лет?

— Двадцать восемь… али девять… Тридцати не будет. Да что их считать, года-то! Я вам еще вот что доложу…

Лукерья вдруг как-то глухо кашлянула, охнула…

— Ты много говоришь, — заметил я ей, — это может тебе повредить.

— Правда, — прошептала она едва слышно, — разговорке нашей конец; да куда ни шло! Теперь, как вы уедете, намолчусь я вволю. По крайности душу отвела…

Я стал прощаться с нею, повторил ей мое обещание прислать ей лекарство, попросил ее еще раз хорошенько подумать и сказать мне — не нужно ли ей чего?

— Ничего мне не нужно; всем довольна, слава богу, — с величайшим усилием, но умиленно про-

изнесла она. — Дай бог всем здоровья! А вот вам бы, барин, матушку вашу уговорить — крестьяне здешние бедные — хоть бы малость оброку с них она сбавила! Земли у них недостаточно, угодий нет… Они бы за вас богу помолились… А мне ничего не нужно — всем довольна.

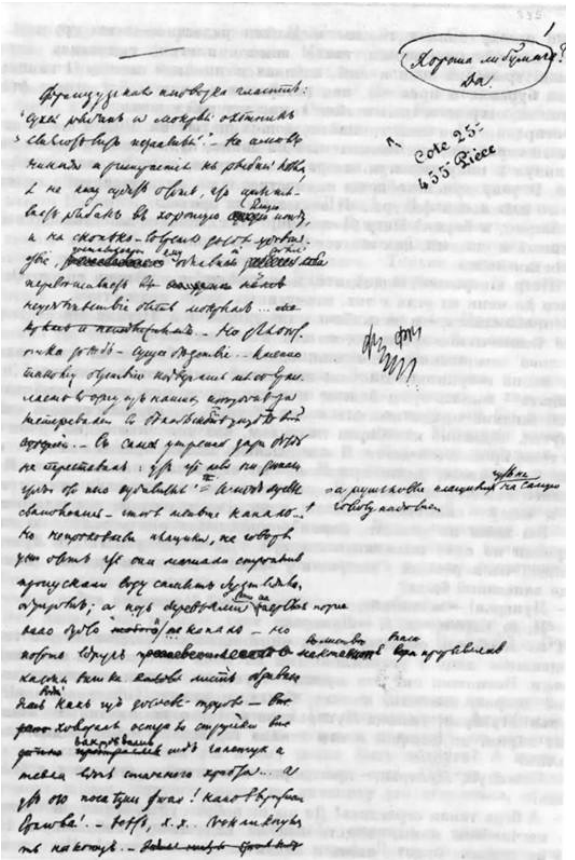
Я дал Лукерье слово исполнить ее просьбу и подходил уже к дверям… она подозвала меня опять.

— Помните, барин, — сказала она, и чудное что-то мелькнуло в ее глазах и на губах, — какая у меня была коса? Помните — до самых колен! Я долго не решалась… Этакие волосы!.. Но где же их было расчесывать? В моем-то положении!.. Так уж я их и обрезала… Да… Ну, простите, барин! Больше не могу…

В тот же день, прежде чем отправиться на охоту, был у меня разговор о Лукерье с хуторским десятским. Я узнал от него, что ее в деревне прозывали «Живые мощи», что, впрочем, от нее никакого не видать беспокойства; ни ропота от нее не слыхать, ни жалоб. «Сама ничего не требует, а напротив — за всё благодарна; тихоня, как есть тихоня, так сказать надо. Богом убитая, — так заключил десятский, — стало быть, за грехи; но мы в это не входим. А чтобы, например, осуждать

ее — нет, мы ее не осуждаем. Пущай ее!»

Несколько недель спустя я узнал, что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней… и «после петровок». Рассказывали, что в самый день кончины она всё слышала колокольный звон, хотя от Алексеевки до церкви считают пять верст с лишком и день был будничный. Впрочем, Лукерья говорила, что звон шел не от церкви, а «сверху». Вероятно, она не посмела сказать: с неба.



«Живые мощи».
Черновой автограф. ВN

СТУЧИТ!

— Что я вам доложу, — промолвил Ермолай, входя ко мне в избу, — а я только что пообедал и прилег на походную кроватку, чтоб отдохнуть немного после довольно удачной, но утомительной охоты на тетеревов — дело было в десятых числах июля и жары стояли страшные, — что я вам доложу: у нас вся дробь вышла.

Я вскочил с кроватки.

— Вышла дробь! Как же так! Ведь мы с собой из деревни почитай что фунтов тридцать взяли! целый мешок!

— Оно точно; и мешок был большой: на две недели бы хватило. Да кто его знает! Прореха, что ль, в нем произошла, — а только, как есть, нету дроби… так, зарядов на десять осталось.

— Что же мы станем теперь делать? Самые лучшие места впереди — на завтрешний день нам обещали шесть выводков…

— А пошлите меня в Тулу. Тут недалече: всего сорок пять верст. Духом слетаю и дроби привезу, коли прикажете, целый пуд.

— Да когда же ты поедешь?

— А хоть сейчас. Чего мешкать? Только вот что: надо будет лошадей нанять.

— Как лошадей нанять! А свои-то на что?

— На своих ехать нельзя. Коренник захромал… страсть!

— Это с каких пор?

— А вот намеднись, — кучер его ковать водил. Ну и заковал. Кузнец, должно́, попался неладный. Теперь даже на ногу ступить не может. Передняя нога. Так и несет ее… как собака.

— Что ж? расковали его, по крайней мере?

— Нет, не расковали; а непременно расковать его следует. Гвоздь-то ему, чай, в самое мясо во́гнат.

Я велел позвать кучера. Оказалось, что Ермолай не солгал: коренник действительно не ступал на ногу. Я немедленно распорядился, чтобы его расковали и поставили на сырую глину.

— Что ж? Лошадей нанять в Тулу прикажете? — пристал ко мне Ермолай.

— Да разве можно в этом захолустье найти лошадей? — воскликнул я с невольной досадой…

Деревня, в которой мы находились, была заглазная, глухая; все ее обитатели казались голышами; мы с трудом отыскали одну — не то что белую, а мало-мальски просторную избу.

— Можно, — ответил Ермолай с обычной своей невозмутимостью. — Вы про здешнюю деревню сказали верно; а только в этом самом месте проживал один крестьянин. Умнеющий! богатый! Девять лошадей имел. Сам-то он помер, и старший сын теперь всем орудует. Человек — из глупых глупый, ну, однако отцовское добро протрясти еще не успел. Мы у него лошадьми раздобудемся. Прикажите, я его приведу. Братья у него, слышно, ребята шустрые… а все-таки он им голова.

— Почему же это так?

— А потому — старшой! Значит, младшие — покоряйся! — Тут Ермолай сильно и непечатно отозвался о младших братьях вообще. — Я его приведу. Он простой. С ним — да не сговориться?

Пока Ермолай ходил за «простым» человеком, мне пришло в голову: не лучше ли мне самому съездить в Тулу? Во-первых, я, наученный опытом, плохо надеялся на Ермолая; я послал его однажды в город за покупками, он обещался исполнить все мои поручения в течение одного дня — и пропадал целую неделю, пропил все деньги и вернулся пеший — а поехал на беговых дрожках. Во-вторых, у меня был в Туле барышник знакомый; я мог купить у него лошадь на место

охромевшего коренника.

«Решенное дело! — подумал я. — Съезжу сам; а спать можно и в дороге — благо тарантас покойный».

— Привел! — воскликнул четверть часа спустя Ермолай, вваливаясь в избу. Вслед за ним вошел рослый мужик в белой рубахе, синих портах и лаптях, белобрысый, подслеповатый, с рыжей бородкой клинушком, длинным пухлым носом и разинутым ртом. Он, точно, смотрел «простецом».

— Вот извольте, — промолвил Ермолай, — лошади у него есть, и он согласен.

— То ись, значит, я… — заговорил мужик сиповатым голосом и с запинкой, встряхивая свои жидкие волосы и перебирая пальцами околыш шапки, которую держал в руках. — Я, значит…

— Как тебя зовут? — спросил я.

Мужик потупился и словно задумался.

— Как меня зовут-то?

— Да; как твое имя?

— А имя мне будет — Филофей.

— Ну, вот что, братец Филофей; у тебя, я слышал, есть лошади. Приведи-ка сюда тройку, мы их заложим в мой тарантас, — он у меня легкий, — и свези ты меня в Тулу. Теперь ночь лунная, светло

и ехать прохладно. Дорога у вас тут какова?

— Дорога? Дорога — ничего. До большака верст двадцать будет всего. Одно есть местечко… неладное; а то ничего.

— Какое такое местечко неладное?

— А речку вброд переезжать надоть.

— Да разве вы сами в Тулу поедете? — осведомился Ермолай.

— Да, сам.

— Ну! — промолвил мой верный слуга и тряхнул головою. — Н-н-у! — повторил он, сплюнул и вышел вон.

Поездка в Тулу, очевидно, уже не представляла ему ничего привлекательного; она стала для него пустым и незанимательным делом.

— Ты дорогу хорошо знаешь? — обратился я к Филофею.

— Как нам дороги не знать! Только я, значит, воля ваша, не могу, потому как же этак вдруг…

Оказалось, что Ермолай, нанимая Филофея, заявил ему, чтобы он не сомневался, что ему, дураку, заплатят… и только! Филофей, хотя и дурак, — по словам Ермолая, — не удовлетворился одним этим заявлением. Он запросил с меня пятьдесят рублей ассигнациями — цену громадную; я предложил ему десять рублей — цену

низкую. Принялись мы торговаться; Филофей сперва упорствовал, потом стал сдаваться, но туго. Вошедший на минутку Ермолай начал меня уверять, что «этот дурак» (вишь, полюбилось слово! — заметил вполголоса Филофей), «этот дурак совсем счету деньгам не знает», — и кстати напомнил мне, как лет двадцать тому назад постоялый двор, устроенный моей матушкой на бойком месте, на перекрестке двух больших дорог, пришел в совершенный упадок оттого, что старый дворовый, которого посадили туда хозяйничать, действительно не знал счета деньгам, а ценил их по количеству — то есть отдавал, например, серебряный четвертак за шесть медных пятаков, причем, однако, сильно ругался.

— Эх ты, Филофей, прямой Филофей! — воскликнул, наконец, Ермолай и, уходя, в сердцах хлопнул дверью.

Филофей ничего ему не возразил, как бы сознавая, что называться Филофеем, точно, не совсем ловко и что за такое имя даже упрекать можно человека, хотя собственно виноват тут поп, которого при крещении не ублаготворили как следует.

Наконец мы, однако, сошлись с ним на двадцати рублях. Он отправился за лошадьми и чрез час

привел их целых пять на выбор. Лошади оказались порядочные, хотя гривы и хвосты у них были спутанные и животы — большие, растянутые, как барабан. С Филофеем пришло двое его братьев, нисколько на него не похожих. Маленькие, черноглазые, востроносые, они, точно, производили впечатление ребят «шустрых», говорили много и скоро — «лопотали», как выразился Ермолай, — но старшому покорялись.

Они выкатили тарантас из-под навеса да часа полтора возились с ним и с лошадьми; то отпускали веревочные постромки, то прикручивали их туго-натуго! Обоим братьям непременно хотелось запречь в корень «чалого», потому «ён с горы спущать могит», — но Филофей решил: кудластого! Так кудластого и заложили в корень.

Тарантас набили сеном, подсунули под сиденье хомут с хромого коренника — в случае, если б пришлось пригонять его в Туле на новокупленную лошадь… Филофей, успевший сбегать домой и возвратившийся оттуда в длинном белом отцовском балахоне, высоком гречневике и смазных сапогах, взобрался торжественно на козла. Я сел, посмотрев на часы: четверть одиннадцатого. Ермолай даже не простился со мною, он принялся бить своего Валетку; Филофей задергал

вожжами, закричал тонким-тонким голосом: «Эх вы, махонькие!» — братья его подскочили с обеих сторон, подстегнули под брюхо пристяжных — и тарантас тронулся, свернул из ворот на улицу; кудластый хотел было махнуть к себе на двор, но Филофей образумил его несколькими ударами кнута — и вот мы уже выскочили из деревни и покатили по довольно ровной дороге, между сплошными кустами густого орешника.

Ночь была тихая, славная, самая удобная для езды. Ветер то прошелестит в кустах, закачает ветки, то совсем замрет; на небе кое-где виднелись неподвижные серебристые облачка; месяц стоял высоко и ясно озарял окрестность. Я растянулся на сене и уже вздремнул было… да вспомнил о «неладном месте» и встрепенулся.

— А что, Филофей? До брода далеко?

— До броду-то? Верст восемь будет.

«Восемь верст, — подумалось мне. — Раньше часу не доедем. Соснуть пока можно».

— Ты, Филофей, дорогу хорошо знаешь? — спросил я опять.

— Да как *ее* не знать-то, дорогу-то? Не впервой едем…

Он еще что-то прибавил, но я уже не расслушал его… Я спал.

Разбудило меня не собственное намерение проснуться ровно через час. как это часто случается, а какое-то странное, хоть и слабое, хлюпанье и бульканье под самым моим ухом. Я поднял голову…

Что за чудеса? Лежу я в тарантасе по-прежнему, а вокруг тарантаса — и на пол-аршина, не более, от его края — водная гладь, освещенная луною, дробится и дрожит мелкой, четкой рябью. Я — глядь вперед: на козлах, понурив голову, согнув спину, сидит, как истукан, Филофей, а еще подальше — над журчащею водою — кривая линия дуги и лошадиные головы и спины. И всё так неподвижно, так бесшумно — словно в заколдованном царстве, во сне, в сказочном сне… Что за притча? Я — глядь назад из-под балчука тарантаса… Да мы на самой середине реки… берег от нас шагов за тридцать!

— Филофей! — воскликнул я.

— Чего? — возразил он.

— Как чего? Помилуй! Где же это мы?

— В реке.

— Я вижу, что в реке. Да мы этак сейчас потонем. Так-то ты в брод переезжаешь? А? Да ты спишь, Филофей! Отвечай же!

— Маленечко ошибся, — промолвил мой воз-

ница, — в сторону, знать, взял грешным делом, а теперь подождать надоть.

— Как ждать *надоть*! Чего же мы будем ждать?

— А вот пущай кудластый оглядится: куда он ворохнется, туда, значит, и ехать надоть.

Я приподнялся на сене. Голова коренника не шевелилась над водою. Только и можно было видеть при ясном свете месяца, как одно его ухо чуть-чуть двигалось то взад, то вперед.

— Да он тоже спит, твой кудластый!

— Нет, — отвечал Филофей, — он теперь воду нюхает.

И всё опять замолкло, только по-прежнему слабо хлюпала вода. Я тоже оцепенел.

Лунный свет, да ночь, да река, да мы в ней…

— Это что такое сипит? — спросил я Филофея.

— Это? Утята в камыше… а не то змеи.

Вдруг голова коренника замоталась, уши навострились, он зафыркал, заворошился.

— Но-но-но-ноо! — внезапно заорал во всё горло Филофей, и приподнялся, и замахал кнутом. Тарантас тотчас сдернуло с места, он рванулся вперед наперерез речной волне — и пошел, дрыгая и колыхаясь… Сперва мне показалось, что мы погружаемся, идем вглубь, однако после двух-трех толчков и нырков водная гладь как будто

вдруг понизилась... Она понижалась всё больше и больше, тарантас вырастал из нее, — вот уже показались колеса и конские хвосты и вот, вздымая сильные и крупные брызги, алмазными — нет, не алмазными — сапфирными снопами разлетавшиеся в матовом блеске луны, — весело и дружно выхватили нас лошади на песчаный берег и пошли по дороге в гору, вперебивку переступая глянцевитыми мокрыми ногами.

«Что, — пришло мне в голову, — скажет теперь Филофей: а ведь я был прав! или что-нибудь в этом роде?» Но он ничего не сказал. Потому и я не почел за нужное упрекнуть его в неосторожности и, уложившись спать на сене, опять попытался заснуть.

Но я не мог заснуть, — не потому, что не устал от охоты, и не потому, что испытанная мною тревога разогнала мой сон, — а уж очень красивыми местами нам приходилось ехать. То были раздольные, пространные, поемные, травянистые луга, со множеством небольших лужаек, озёрец, ручейков, заводей, заросших по концам ивняком и лозами, прямо русские, русским людом любимые места, подобные тем, куда езживали богатыри наших древних былин стрелять белых лебедей и серых утиц. Желтоватой лентой вилась

наезженная дорога, лошади бежали легко, и я не мог сомкнуть глаза — любовался! И всё это так мягко и стройно плыло мимо, под дружелюбной луной. Филофея — и того проняло.

— Эти у нас луга Святоегорьевскими прозываются, — обратился он ко мне. — А за ними — так Великокняжеские пойдут; других таких лугов по всей Расеи нету… Уж на что красиво! — Коренник фыркнул и встряхнулся… — Господь с тобою!.. — промолвил Филофей степенно и вполголоса. — На что красиво! — повторил он и вздохнул, а потом протяжно крякнул. — Вот скоро сенокосы начнутся, и что тут этого самого сена нагребут — беда! А в заводях рыбы тоже много. Лещи такие! — прибавил он нараспев. — Одно слово: умирать не надо.

Он вдруг поднял руку.

— Эва! глянь-ка! над озером-то… аль чапля стоит? Неужели она и ночью рыбу ловит? Эх-ма! сук это — не чапля. Вот маху-то дал! а всё месяц обманывает.

Так мы ехали, ехали… Но вот уж и конец подошел лугам, показались лесочки, распаханные поля; деревушка в стороне мигнула двумя-тремя огоньками, — до большой дороги оставалось всего верст пять. Я заснул.

Снова я не сам собой проснулся. На этот раз меня разбудил голос Филофея.

— Барин… а барин!

Я приподнялся. Тарантас стоял на ровном месте по самой середине большой дороги; обернувшись с козел ко мне лицом, широко раскрыв глаза (я даже удивился, я не воображал, что они у него такие большие), Филофей значительно и таинственно шептал:

— Стучит!.. Стучит!

— Что ты говоришь?

— Я говорю: стучит! Нагнитесь-ка и послухайте. Слышите?

Я высунул голову из тарантаса, притаил дыхание — и действительно услыхал где-то далеко-далеко за нами слабый прерывистый стук, как бы от катившихся колес.

— Слышите? — повторил Филофей.

— Ну да, — ответил я. — Едет какой-то экипаж.

— А не слышите… чу! Во… бубенцы… и свист тоже… Слышите? Да шапку-то снимите… слышней будет.

Я шапки не снял, но приник ухом.

— Ну, да… может быть. Да что ж из этого?

Филофей повернулся лицом к лошадям.

— Телега катит… налегке, колеса кованые, —

промолвил он и подобрал вожжи. — Это, барин, недобрые люди едут; здесь ведь, под Тулой, шалят… много.

— Какой вздор! Почему ты полагаешь, что это непременно недобрые люди?

— Верно говорю. С бубенцами… да в пустой телеге… Кому быть?

— А что — до Тулы еще далеко?

— Да верст еще пятнадцать будет, и жилья тут никакого нету.

— Ну, так ступай живее, нечего мешкать-то.

Филофей взмахнул кнутом, и тарантас опять покатился.

Хотя я не дал веры Филофею, однако заснуть уже не мог. А что, если в самом деле? Неприятное чувство шевельнулось во мне. Я сел в тарантасе — до тех пор я лежал — и стал глядеть по сторонам. Пока я спал, тонкий туман набежал — не на землю, на небо; он стоял высоко, месяц в нем повис беловатым пятном, как бы в дыме. Всё потускнело и смешалось, хотя книзу было виднее. Кругом — плоские, унылые места: поля, всё поля, кое-где кустики, овраги — и опять поля, и больше всё пар, с редкой сорной травою. Пусто… мертво! Хоть бы перепел где крикнул.

Ехали мы с полчаса. Филофей то и дело пома-

хивал кнутом и чмокал губами, но ни он, ни я, мы не говорили ни слова. Вот взобрались мы на пригорок… Филофей остановил тройку и тотчас же промолвил:

— Стучит… Стучи-ит, барин!

Я опять высунулся из тарантаса; но я бы мог остаться под навесом балчука, до того теперь явственно, хотя еще издалека, доносился до слуха моего стук тележных колес, людской посвист, бряцанье бубенчиков и даже топот конских ног; даже пенье и смех почудились мне. Ветер, правда, тянул оттуда, но не было сомненья в том, что незнакомые проезжие на целую версту, а может и на две, стали к нам ближе.

Мы с Филофеем переглянулись — он только шляпу сдвинул с затылка на лоб и тотчас же, нагнувшись над вожжами, принялся стегать лошадей. Они пустились вскачь, но долго скакать не могли и опять побежали рысью. Филофей продолжал стегать их. Надо ж было уходить!

Я не мог себе дать отчета, почему в этот раз я, сначала не разделявший подозрений Филофея, вдруг получил убеждение, что следом за нами ехали точно недобрые люди… Ничего нового не услыхал я: те же бубенцы, тот же стук ненагруженной телеги, то же посвистывание, тот же

смутный гам… Но я теперь уже не сомневался. Филофей не мог ошибиться!

И вот опять прошло минут двадцать… В течение последних из этих двадцати минут сквозь стук и грохот собственного экипажа нам уже слышался другой стук и другой грохот…

— Остановись, Филофей, — сказал я, — всё равно — один конец!

Филофей трусливо тпрукнул. Лошади мгновенно стали, как бы обрадовавшись возможности отдохнуть.

Батюшки! бубенцы просто ревут за самой нашей спиною, телега гремит с дребезгом, люди свистят, кричат и поют, лошади фыркают и бьют копытами землю…

Нагнали!

— Би-и-да, — с расстановкой, вполголоса, промолвил Филофей и, нерешительно чмокнув, стал понукать лошадей. Но в это самое мгновенье что-то вдруг словно сорвалось, рявкнуло, ухнуло — и большущая развалистая телега, запряженная тройкой поджарых коней, круто, вихрем обогнула нас, заскакала вперед и тотчас пошла шагом, загораживая дорогу.

— Самая разбойничья повадка, — прошептал Филофей.

Признаться, у меня на сердце захолонуло… Принялся я глядеть с напряженьем в полумрак лунного, парами застланного света. В телеге перед нами не то сидело, не то лежало человек шесть в рубахах, в армяках нараспашку; у двоих на головах не было шапок; большие ноги в сапогах болтались, свесившись через грядку, руки поднимались, падали зря… тела тряслись… Явное дело: пьяный народ. Иные горланили — так, что ни попало; один свистал очень пронзительно и чисто, другой ругался; на облучке сидел какой-то великан в полушубке и правил. Ехали они шагом, как будто не обращая на нас внимания.

Что было делать? Мы поехали за ними тоже шагом… поневоле.

С четверть версты двигались мы таким манером. Ожидание мучительное… Спасаться, защищаться… где уж тут! Их шестеро, а у меня хоть бы палка! Повернуть оглоблями назад? но они тотчас догонят. Вспомнился мне стих Жуковского (там, где он говорит об убийстве фельдмаршала Каменского):

Топор разбойника презренный…[169]

---

169 Примечания: 221

Топор разбойника презренный… — Строка из стихотворения В. А. Жуковского «На смерть фельдмаршала графа Каменского».

А не то — горло сдавят грязной веревкой… да в канаву… хрипи там да бейся, как заяц в силке…

Эх, скверно!

А они по-прежнему едут шагом и не обращают на нас внимания.

— Филофей, — шепнул я, — попробуй-ка, возьми правее, ступай будто мимо.

Филофей попробовал — взял вправо… но те тотчас тоже взяли вправо… проехать стало невозможно.

Филофей попытался еще: взял налево… Но и тут ему не дали миновать телегу. Даже засмеялись. Значит, не пропускают.

— Как есть разбойники, — шепнул мне Филофей через плечо.

— Да чего же они ждут? — спросил я тоже шёпотом.

— А вон там впереди, в ложбине, над ручьем, мостик… Они нас там! Они всегда этак… возле мостов. Наше дело, барин, чисто! — прибавил он вздохом, — вряд ли живых отпустят; потому им главное: концы в воду. Одного мне жаль, барин: пропала моя троечка, — и братьям-то она не достанется.

Подивился бы я тут, как это Филофей в подобную минуту может еще о своих лошадях

заботиться, да, признаюсь, мне самому было не до него… «Неужто же убьют? — твердил я мысленно. — За что? Ведь я им всё отдам, что у меня есть».

А мостик всё приближался, всё становился видней да видней.

Вдруг раздалось резкое гиканье, тройка перед нами словно взвилась, понеслась и, доскакав до мостика, разом остановилась как вкопанная немного сбоку дороги. Сердце во мне так и упало.

— Ох, брат Филофей, — промолвил я, — едем мы с тобою на смерть. Прости меня, коли я тебя загубил.

— Какая твоя вина, барин! Своей судьбы не минуешь! Ну, кудластый, лошадушка моя верная, — обратился Филофей к кореннику, — ступай, брат, вперед! Сослужи последнюю службу! Всё едино… Господи, бо-слови!

И он пустил свою тройку рысцой.

Стали мы приближаться к мостику, к той неподвижной, грозной телеге… На ней, как нарочно, всё затихло. Ни гу-гу! Так затихает щука, ястреб, всякий хищный зверь, когда приближается добыча. Вот поравнялись мы с телегой… вдруг великан в полушубке прыг с нее долой — и прямо к нам!

Ничего-то он не сказал Филофею, но тот сам

тотчас натянул вожжи… Тарантас остановился.

Великан положил обе руки на дверцы и, наклонив вперед свою мохнатую голову и осклабясь, произнес тихим, ровным голосом и фабричным говорком следующее:

— Господин почтенный, едем мы с честного пирка, со свадебки; нашего молодца, значит, женили; как есть, уложили; ребята у нас всё молодые, головы удалые — выпито было много, а опохмелиться нечем; то не будет ли ваша такая милость, не пожалуете ли нам деньжонок самую чуточку, — так, чтобы по косушке на брата? Выпили бы мы за ваше здоровье, помянули бы ваше степенство; а не будет вашей к нам милости — ну, просим не осерчать!

«Что это такое? — подумалось мне… — Насмешка?.. Глумление?»

Великан продолжал стоять, понурив голову. В самый этот миг месяц выбрался из тумана и осветил ему лицо. Оно ухмылялось, это лицо — и глазами и губами. А угрозы на нем не видать… только словно всё оно насторожилось… и зубы такие белые да большие…

— Я с удовольствием… возьмите… — поспешно проговорил я и, достав кошелек из кармана, вынул оттуда два целковых; в то время серебряные

деньги еще водились на Руси. — Вот, коли этого довольно.

— Много благодарны! — гаркнул по-солдатски великан, и толстые его пальцы мигом выхватили у меня — не весь кошелек, а только те два рубля. — Много благодарны! — Он встряхнул волосами, подбежал к телеге.

— Ребята! — крикнул он, — два целковых жалует нам господин проезжий! — Те все вдруг как загогочут… Великан взвалился на облучок…

— Счастливо оставаться!

И только мы их и видели! Лошади подхватили, телега загремела в гору, — вот еще раз мелькнула она на темной черте, отделявшей землю от неба, завалилась и пропала.

Вот уж и стука, и крика, и бубенцов не слыхать…

Стала тишина мертвая.

Мы с Филофеем не вдруг опомнились.

— Ах ты, шут этакой! — промолвил он наконец и, сняв шляпу, начал окреститься. — Право, шут, — прибавил он и обернулся ко мне, весь радостный. — А хороший должен быть человек — право. Но-но-но, махонькие! поворачивайтесь! Целы будете! Все целы будем! Ведь это он проехать не давал; он лошадьми-то правил. Экой шут парень!

Но-но-но-ноо! С бо-га́м!

Я молчал — но и у меня хорошо стало на душе. «Целы будем! — повторил я про себя и разлегся на сене. — Дешево отделались!»

Мне даже несколько совестно стало, зачем это я стих Жуковского вспомнил.

Вдруг пришла мне в голову мысль:

— Филофей!

— Чего?

— Ты женат?

— Женат.

— И дети есть?

— Есть и дети.

— Как же ты об них не вспомнил? О лошадях пожалел — а о жене, о детях?

— Да чего их жалеть-то? Ведь ворам в руки они бы не попались. А в уме я их всё время держал — и теперь держу… во как. — Филофей помолчал. — Может… из-за них господь бог нас с тобой помиловал.

— Да коли то не были разбойники?

— А почем знать? В чужую душу разве влезешь? Чужая душа — известно — потемки. А с богом-то завсегда лучше. Не… я свою семью навсегда… Но-но-но, махонькие, с бо-га́м!

Уже почти рассвело, когда мы стали подъез-

жать к Туле. Я лежал в забытьи полусна…

— Барин, — сказал мне вдруг Филофей, — посмотрите-ка; вон они стоят у кабака… ихняя телега-то.

Я поднял голову… точно, они: и телега их, и лошади. На пороге питейного заведения внезапно показался знакомый великан в полушубке.

— Господин! — воскликнул он, помахивая шапкой, — ваши денежки пропиваем! А что, кучер, — прибавил он, качнув головой на Филофея, — чай, заробел этта-ась?

— Превеселый человек, — заметил Филофей, отъехавши сажен на двадцать от кабака.

Прибыли мы, наконец, в Тулу; купил я дроби, да кстати чаю, да вина, и даже лошадь у барышника взял. В полдень мы отправились обратно. Проезжая тем местом, где в первый раз мы услыхали за собою стук телеги, Филофей, который, подвыпив в Туле, оказался весьма разговорчивым человеком, — он мне даже сказки рассказывал, — проезжая тем местом, Филофей вдруг засмеялся.

— А помнишь, барин, как я тебе всё говорил: стучит… стучит, мол, стучит!

Он несколько раз повел рукою наотмашь… Очень уж ему это слово казалось забавным.

В тот же вечер мы вернулись в его деревню.

Я сообщил бывший с нами случай Ермолаю. Будучи трезвым, он не высказал никакого сочувствия и только хмыкнул — одобрительно или укоризненно, — этого, я полагаю, он сам не ведал. Но дня два спустя он с удовольствием известил меня, что в ту самую ночь, когда мы с Филофеем ездили в Тулу, — и на той же самой дороге — какого-то купца ограбили и убили. Я сперва не поверил этому известию; но потом пришлось поверить; справедливость его мне подтвердил проскакавший на следствие становой. Уж не с этой ли «свадьбы» возвращались наши удальцы и не этого ли «молодца» они, по выражению шутника-великана, уложили? Я в деревне Филофея оставался еще дней пять. Бывало, как только встречу его, всякий раз говорю ему: «А? стучит?»

— Веселый человек, — ответит он мне всякий раз и сам засмеется.

ЛЕС И СТЕПЬ

...И понемногу начало назад
Его тянуть: в деревню, в темный сад,
Где липы так огромны, так тенисты,
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растет над тучной нивой,
Где пахнет кононелью да крапивой...
Туда, туда, в раздольные поля,
Где бархатом чернеется земля,
Где рожь, куда ни киньте вы глазами,
Струится тихо мягкими волнами.
И падает тяжелый желтый луч
Из-за прозрачных, белых, круглых туч;
Там хорошо...

(Из поэмы, преданной сожжению.)

Читателю, может быть, уже наскучили мои записки; спешу успокоить его обещанием ограничиться напечатанными отрывками; но, расставаясь с ним, не могу не сказать несколько слов об охоте.

Охота с ружьем и собакой прекрасна сама по себе, fur sich, как говаривали в старину; но, положим, вы не родились охотником: вы всё-таки

любите природу; вы, следовательно, не можете не завидовать нашему брату… Слушайте.

Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо… На темно-сером небе кое-где мигают звезды; влажный ветерок изредка набегает легкой волной; слышится сдержанный, неясный шёпот ночи; деревья слабо шумят, облитые тенью. Вот кладут ковер на телегу, ставят в ноги ящик с самоваром. Пристяжные ежатся, фыркают и щеголевато переступают ногами; пара только что проснувшихся белых гусей молча и медленно перебирается через дорогу. За плетнем, в саду, мирно похрапывает сторож; каждый звук словно стоит в застывшем воздухе, стоит и не проходит. Вот вы сели; лошади разом тронулись, громко застучала телега… Вы едете — едете мимо церкви, с горы направо, через плотину… Пруд едва начинает дымиться. Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлется. Лошади звучно шлепают ногами по лужам; кучер посвистывает. Но вот вы отъехали версты четыре… Край неба алеет; в березах просыпаются, неловко перелетывают галки; воробьи чирикают около темных скирд. Светлеет воздух, видней дорога, яснеет небо, белеют тучки, зеле-

неют поля. В избах красным огнем горят лучины, за воротами слышны заспанные голоса. А между тем заря разгорается; вот уже золотые полосы протянулись по небу, в оврагах клубятся пары; жаворонки звонко поют, предрассветный ветер подул — и тихо всплывает багровое солнце. Свет так и хлынет потоком; сердце в вас встрепенется, как птица. Свежо, весело, любо! Далеко видно кругом. Вон за рощей деревня; вон подальше другая с белой церковью, вон березовый лесок на горе; за ним болото, куда вы едете… Живее, кони, живее! Крупной рысью вперед!.. Версты три осталось, не больше. Солнце быстро поднимается; небо чисто… Погода будет славная. Стадо потянулось из деревни к вам навстречу. Вы взобрались на гору… Какой вид! Река вьется верст на десять, тускло синея сквозь туман; за ней водянисто-зеленые луга; за лугами пологие холмы; вдали чибисы с криком вьются над болотом; сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль… не то, что летом. Как вольно дышит грудь, как бодро движутся члены, как крепнет весь человек, охваченный свежим дыханьем весны!..

А летнее, июльское утро! Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустам? Зеленой чертой ложится след ваших ног по роси-

стой, побелевшей траве. Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся теплым запахом ночи; воздух весь напоен свежей горечью полыни, медом гречихи и «кашки»; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце; еще свежо, но уже чувствуется близость жары. Голова томно кружится от избытка благоуханий. Кустарнику нет конца… Кое-где разве вдали желтеет поспевающая рожь, узкими полосками краснеет гречиха. Вот заскрипела телега; шагом пробирается мужик, ставит заранее лошадь в тень… Вы поздоровались с ним, отошли — звучный лязг косы раздается за вами. Солнце всё выше и выше. Быстро сохнет трава. Вот уже жарко стало. Проходит час, другой… Небо темнеет по краям; колючим зноем пышет неподвижный воздух.

— Где бы, брат, тут напиться? — спрашиваете вы у косаря.

— А вон, в овраге, колодезь.

Сквозь густые кусты орешника, перепутанные цепкой травой, спускаетесь вы на дно оврага. Точно: под самым обрывом таится источник; дубовый куст жадно раскинул над водою свои лапчатые сучья; большие серебристые пузыри, колыхаясь, поднимаются со дна, покрытого мел-

ким, бархатным мхом. Вы бросаетесь на землю, вы напились, но вам лень пошевельнуться. Вы в тени, вы дышите пахучей сыростью; вам хорошо, а против вас кусты раскаляются и словно желтеют на солнце. Но что это? Ветер внезапно налетел и промчался; воздух дрогнул кругом: уж не гром ли? Вы выходите из оврага… что за свинцовая полоса на небосклоне? Зной ли густеет? туча ли надвигается?.. Но вот слабо сверкнула молния… Э, да это гроза! Кругом еще ярко светит солнце: охотиться еще можно. Но туча растет: передний ее край вытягивается рукавом, наклоняется сводом. Трава, кусты, всё вдруг потемнело… Скорей! вон, кажется, виднеется сенной сарай… скорее!.. Вы добежали, вошли… Каков дождик? каковы молнии? Кое-где сквозь соломенную крышу закапала вода на душистое сено… Но вот солнце опять заиграло. Гроза прошла; вы выходите. Боже мой, как весело сверкает всё кругом, как воздух свеж и жидок, как пахнет земляникой и грибами!..

Но вот наступает вечер. Заря запылала пожаром и обхватила полнеба. Солнце садится. Воздух вблизи как-то особенно прозрачен, словно стеклянный; вдали ложится мягкий пар, теплый на вид; вместе с росой падает алый блеск на поляны, еще недавно облитые потоками жидкого золота;

от деревьев, от кустов, от высоких стогов сена побежали длинные тени… Солнце село; звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката… Вот оно бледнеет; синеет небо; отдельные тени исчезают, воздух наливается мглою. Пора домой, в деревню, в избу, где вы ночуете. Закинув ружье за плечи, быстро идете вы, несмотря на усталость… А между тем наступает ночь; за двадцать шагов уже не видно; собаки едва белеют во мраке. Вон над черными кустами край неба смутно яснеет… Что это? пожар?.. Нет, это восходит луна. А вон внизу, направо, уже мелькают огоньки деревни… Вот наконец и ваша изба. Сквозь окошко видите вы стол, покрытый белой скатертью, горящую свечу, ужин…

А то велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес на рябчиков. Весело пробираться по узкой дорожке, между двумя стенами высокой ржи. Колосья тихо бьют вас по лицу, васильки цепляются за ноги, перепела кричат кругом, лошадь бежит ленивой рысью. Вот и лес. Тень и тишина. Статные осины высоко лепечут над вами; длинные, висячие ветки берез едва шевелятся; могучий дуб стоит, как боец, подле красивой липы. Вы едете по зеленой, испещренной тенями дорожке; большие желтые мухи

неподвижно висят в золотистом воздухе и вдруг отлетают; мошки вьются столбом, светлея в тени, темнея на солнце; птицы мирно поют. Золотой голосок малиновки звучит невинной, болтливой радостью: он идет к запаху ландышей. Далее, далее, глубже в лес… Лес глохнет… Неизъяснимая тишина западает в душу; да и кругом так дремотно и тихо. Но вот ветер набежал, и зашумели верхушки, словно падающие волны. Сквозь прошлогоднюю бурую листву кое-где растут высокие травы; грибы стоят отдельно под своими шляпками. Беляк вдруг выскочит, собака с звонким лаем помчится вслед…

И как этот же самый лес хорош поздней осенью, когда прилетают вальдшнепы! Они не держатся в самой глуши: их надобно искать вдоль опушки. Ветра нет, и нет ни солнца, ни света, ни тени, ни движенья, ни шума; в мягком воздухе разлит осенний запах, подобный запаху вина; тонкий туман стоит вдали над желтыми полями. Сквозь обнаженные, бурые сучья деревьев мирно белеет неподвижное небо; кое-где на липах висят последние золотые листья. Сырая земля упруга под ногами; высокие сухие былинки не шевелятся; длинные нити блестят на побледневшей траве. Спокойно дышит грудь, а на душу находит стран-

ная тревога. Идешь вдоль опушки, глядишь за собакой, а между тем любимые образы, любимые лица, мертвые и живые, приходят на память, давным-давно заснувшие впечатления неожиданно просыпаются; воображенье реет и носится, как птица, и всё так ясно движется и стоит перед глазами. Сердце то вдруг задрожит и забьется, страстно бросится вперед, то безвозвратно потонет в воспоминаниях. Вся жизнь развертывается легко и быстро, как свиток; всем своим прошедшим, всеми чувствами, силами, всею своею душою владеет человек. И ничего кругом ему не мешает — ни солнца нет, ни ветра, ни шуму…

А осенний, ясный, немножко холодный, утром морозный день, когда береза, словно сказочное дерево, вся золотая, красиво рисуется на бледно-голубом небе, когда низкое солнце уж не греет, но блестит ярче летнего, небольшая осиновая роща вся сверкает насквозь, словно ей весело и легко стоять голой, изморозь еще белеет на дне долин, а свежий ветер тихонько шевелит и гонит упавшие покоробленные листья, — когда по реке радостно мчатся синие волны, мерно вздымая рассеянных гусей и уток; вдали мельница стучит, полузакрытая вербами, и, пестрея в светлом воздухе, голуби быстро кружатся над ней…

Хороши также летние туманные дни, хотя охотники их и не любят. В такие дни нельзя стрелять: птица, выпорхнув у вас из-под ног, тотчас же исчезает в беловатой мгле неподвижного тумана. Но как тихо, как невыразимо тихо всё кругом! Всё проснулось, и всё молчит. Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется: оно нежится. Сквозь тонкий пар, ровно разлитый в воздухе, чернеется перед вами длинная полоса. Вы принимаете ее за близкий лес; вы подходите — лес превращается в высокую грядку полыни на меже. Над вами, кругом вас — всюду туман… Но вот ветер слегка шевельнется — клочок бледно-голубого неба смутно выступит сквозь редеющий, словно задымившийся пар, золотисто-желтый луч ворвется вдруг, заструится длинным потоком, ударит по полям, упрется в рощу — и вот опять всё заволоклось. Долго продолжается эта борьба; но как несказанно великолепен и ясен становится день, когда свет наконец восторжествует и последние волны согретого тумана то скатываются и расстилаются скатертями, то взвиваются и исчезают в глубокой, нежно сияющей вышине…

Но вот вы собрались в отъезжее поле,[170] в степь.

---

170 Примечания: 222

…отъезжее поле… — См. примеч. 1 к рассказу «Уездный лекарь».

Верст десять пробирались вы по проселочным дорогам — вот, наконец, большая. Мимо бесконечных обозов, мимо постоялых двориков с шипящим самоваром под навесом, раскрытыми настежь воротами и колодезем, от одного села до другого, через необозримые поля, вдоль зеленых конопляников, долго, долго едете вы. Сороки перелетают с ракиты на ракиту; бабы, с длинными граблями в руках, бредут в поле; прохожий человек в поношенном нанковом кафтане, с котомкой за плечами, плетется усталым шагом; грузная помещичья карета, запряженная шестериком рослых и разбитых лошадей, плывет вам навстречу. Из окна торчит угол подушки, а на запятках, на кульке, придерживаясь за веревочку, сидит боком лакей в шинели, забрызганный до самых бровей. Вот уездный городок с деревянными кривыми домишками, бесконечными заборами, купеческими необитаемыми каменными строениями, старинным мостом над глубоким оврагом… Далее, далее!.. Пошли степные места. Глянешь с горы — какой вид! Круглые, низкие холмы, распаханные и засеянные доверху, разбегаются широкими волнами; заросшие кустами овраги вьются между ними; продолговатыми островами разбросаны небольшие рощи; от де-

ревни до деревни бегут узкие дорожки; церкви белеют; между лозниками сверкает речка, в четырех местах перехваченная плотинами; далеко в поле гуськом торчат драхвы;[171] старенький господский дом со своими службами, фруктовым садом и гумном приютился к небольшому пруду. Но далее, далее едете вы. Холмы всё мельче и мельче, дерева почти не видать. Вот она, наконец, — безграничная, необозримая степь!

А в зимний день ходить по высоким сугробам за зайцами, дышать морозным, острым воздухом, невольно щуриться от ослепительного мелкого сверканья мягкого снега, любоваться зеленым цветом неба над красноватым лесом!.. А первые весенние дни, когда кругом всё блестит и обрушается, сквозь тяжелый пар талого снега уже пахнет согретой землей, на проталинках, под косым лучом солнца, доверчиво поют жаворонки, и, с веселым шумом и ревом, из оврага в овраг клубятся потоки…

Однако пора кончить. Кстати заговорил я о весне: весной легко расставаться, весной и счастливых тянет вдаль… Прощайте, читатель; желаю вам постоянного благополучия.

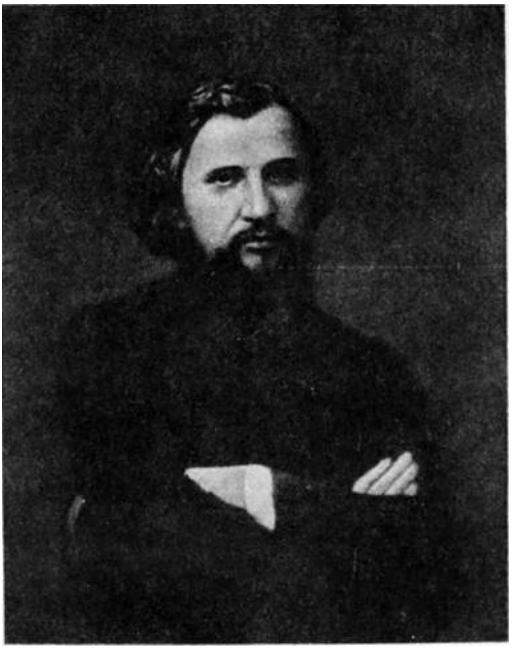
---

171 Примечания: 223

Драхва (дрофа) — степная птица семейства журавлиных.

ДОПОЛНЕНИЯ

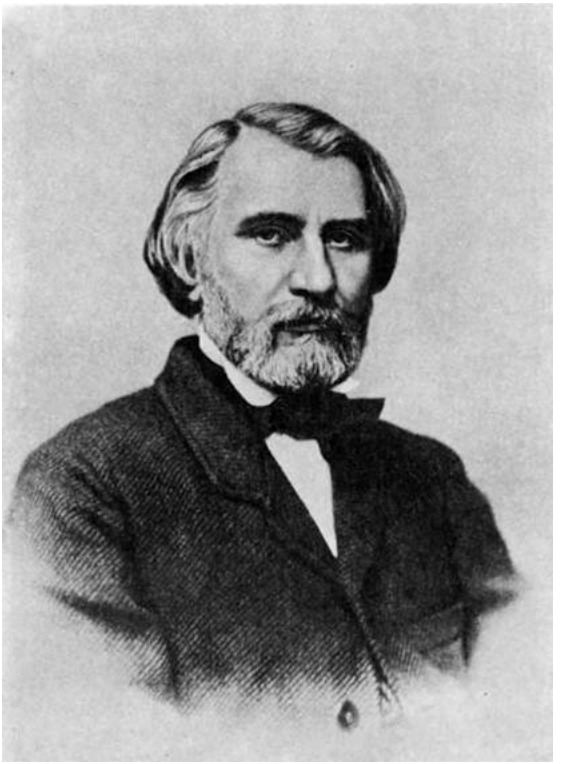
И. С. ТУРГЕНЕВ.
С акварели неизвестного художника. 1838-1839 г. Гос. Литературный музей. Москва



И. С. ТУРГЕНЕВ.
С дагерротипа 1848

И. С. ТУРГЕНЕВ. Рис. Н. Д. Дмитриева-Оренбург-

ского. 1879. ИРЛИ



И. С. ТУРГЕНЕВ.
Фотография А. И. Деньера. 1865. Гос. Литера-

турный музей. Москва

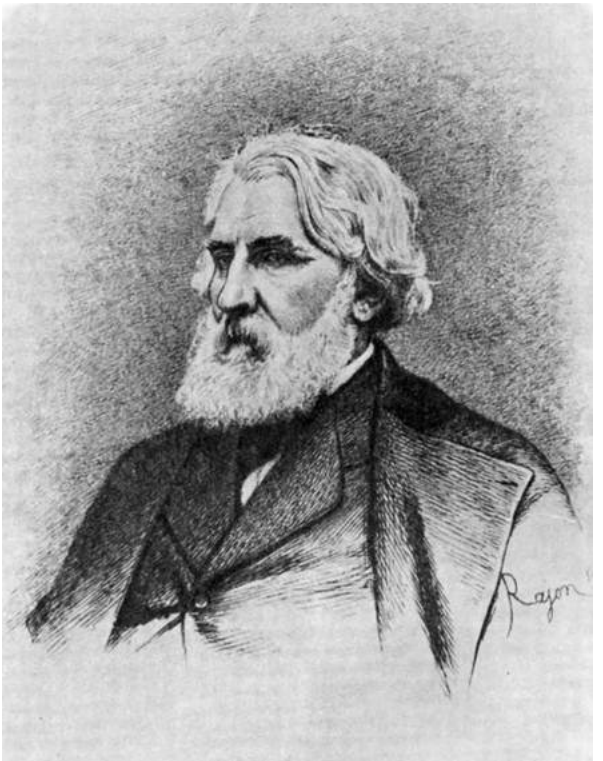
Полина ВИАРДО.

Рис. П. Ф. Соколова. Середина 1840-х годов

В. Г. БЕЛИНСКИЙ.
Рис. Е. А. Языковой. 1848. ГТГ

Н. В. ГОГОЛЬ.
Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонова. 1852

Писатель и цензор В. В. Львов.
Фотография с живописного портрета



И. С. ТУРГЕНЕВ.

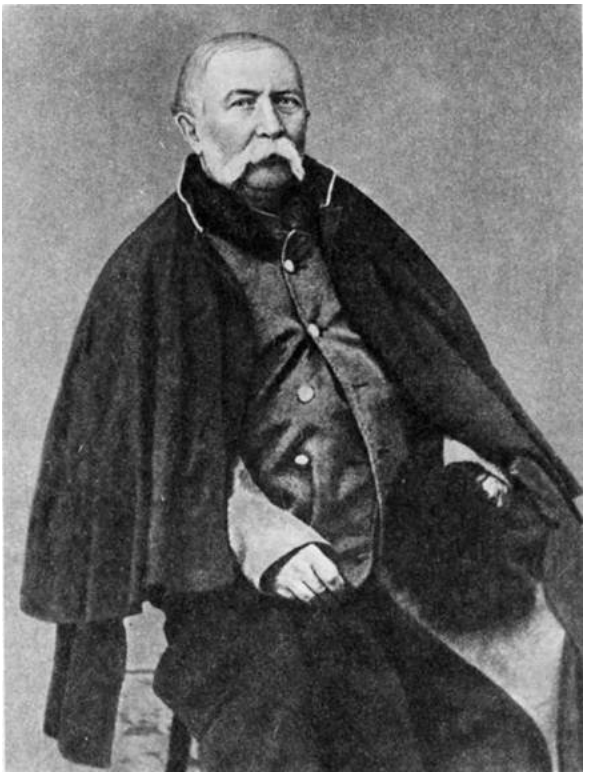
Гравюра П. Реджона. 1874. Гос. Литературный музей. Москва

И. С. ТУРГЕНЕВ.

Автор рисунка неизвестен. 1875(?). Из архива П. Виардо

Миценская помещица.
Фотография. 1870-е годы. Собрание Н. М. Чер-

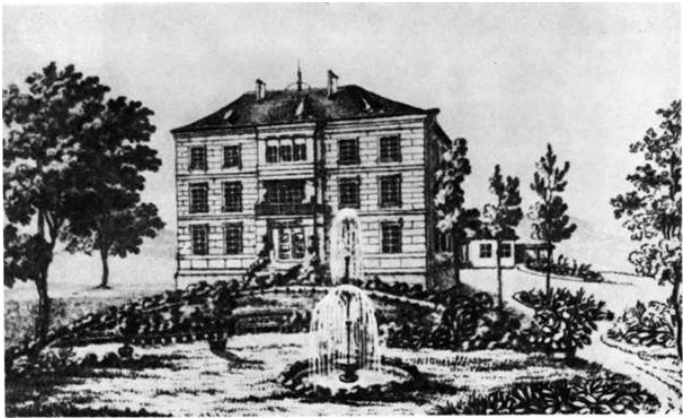
нова. Москва



Миценский помещик. Фотография. 1860-е годы. Собрание Н. М. Чернова. Москва

Мценск.

Фотография. Начало 1900-х годов. Гос. Литературный музей. Москва

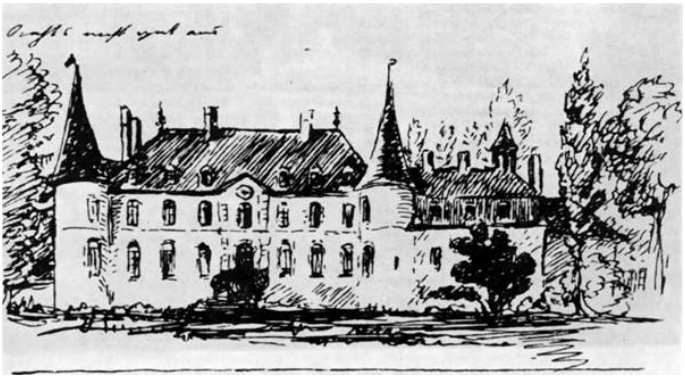


Зальцбрунн в Силезии.

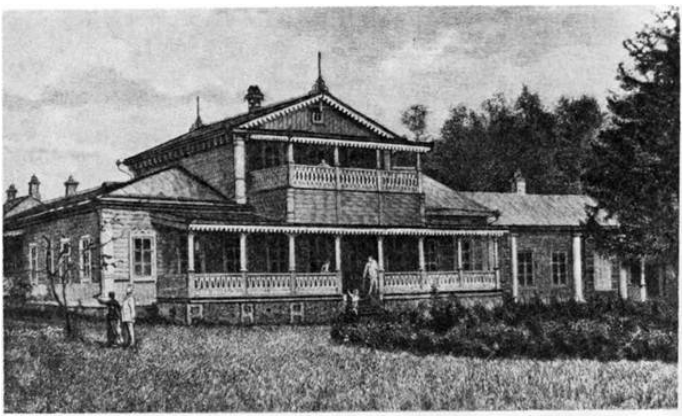
Гравюра. 2-я половина XIX в. Гостиница, в которой в 1847 г. жили И. С. Тургенев и В. Г. Белинский

Попечитель санктпетербургского учебного округа М. Н. Мусин-Пушкин сжигает «Записки охотника» И. С. Тургенева.

Карикатура Л Н. Вакселя. 1852. ИРЛИ



Дом Виардо в Куртавнеле (Франция).
Рис. П. Виардо. 1859



Усадебный дом в Спасском-Лутовинове.
Гравюра М. В. Рашевского с фотографии В. А. Каррика. 1883. ИРЛИ

Флигель изгнанника.
Здесь И. С. Тургенев жил во время ссылки в 1852-1853 гг. Фотография 1970-х годов

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ

ТУМАН И СТЕПУШКА 1

[Я проходил] В начале августа [около Спажинок] жары часто стоят нестерпимые. — Самый отчаянный охотник2 не в состоянии [охотиться)]

[преследовать?)> охотиться [до] от двенадцати до трех часов. — и самая3 преданная собака начинает чистить ему4 шпоры, т. е.: [открывает)] [выс<овывает)] [откр<ывает>] идет шагом за своим господи* ном 5 прищурив6 глаза и высунув7 язык [не] а [на] в ответ на [его] укоризны [своего владел<ьца>] своего господина униженно виляет хвостом и [так] выражает смущение на лице. — Именно в такой день случилось мне быть на охоте… [Наконец] Удушливый зной принудил меня наконец подумать8 <…) о сбережении последних наших сил и способностей.

Долго противился я искушению [удалить<ся>] [удалиться в тень] прилечь в тени [на] хоть на мгновенье; долго моя [благородная] благородная собака [припав] [самоотвер<женно>] [с самоотвер<женностыо>] продолжала рыскать по кустам хотя в лихорадочной деятельности не замечалось более следа [обычного] привычного соображенья9. [В полуверсте] Кое-как дотащился я до речки Исты [возле которой] уже знакомой моим добрым читателям — спустился с обрывистого берега1С и пошел [вдоль мелких] [к] по желтому [песку] и сырому песку [к источнику известному] [к берегу] [изв<естному>] в направлении ключа, известного во всем околотке под названием:

Малиновой воды. — Ключ этот бьет из [под самой кручи] [самого берега] [обрыва кручи] расселены берега, превратившейся мало по малу в небольшой, но глубокий овраг — и тут

— ———————————

1 *а.* Туман и Степушка б* Туман *в.* Малиновая вода

2 *а.* отчаянный охотник б. отчаянный человек *в.* решительный и сосредоточенный человек

3 — а. и самая б. в это время и самая

4 а. ему б. стрелку в. охотнику

5 а. идет шагом за своим господином б. идет за ним шагом

6 а. прищурив б. болезненно прищурив

7 а. высунув б. преувеличенно высунув

8 *Конец этой фразы написан тремя строчками ниже и значком отнесен к слову* подумать

9 а. хотя в лихорадочной деятельности не замечалось более следа [обычного] привычного соображенья, б. хотя в лихорадочной деятельности не замечалось более следа [обычного] [привычного] [обыкновенной] свойственной ей рассудительности. хотя сама видимо ничего не ожидала путного от собственной лихорадочной деятельности.

10 а. обрывистого берега б. крутого берега в.

кручи

— ———————————

же 11 с веселым и болтливым шумом впадает в реку. — [Орешник] Дубовые кусты разрослись по скатам оврага; около самого ключа12 зеленеет короткий бархатный мох 13; солнечные лучи почти никогда н_е касаются холодной [серебристой] [темно-серебряной] серебристой влаги. [На траве] На траве лежит 14 [черп<алка>] [бе<рестяная>] черпалка из бересты, оставленная прохожим мужиком на пользу общую. — [На самом месте, где ключ впадает в [р<еку>] Я добрался до кустика15. Я напился, прилег в тень, [потих<оньку>] глянул кругом [и увидал двух стариков, одетых в долгополые кафтаны] У залива, образованного впадением [источника)] [ручья] источника в реку и потому 16 вечно покрытого свежею 17 рябью сидело два старика 18:

Один19 в темно-синем [каф<тане>] [довольно] опрятном кафтане20 в зимней пуховой шапке 21 — удил рыбу; другой худенький и маленький, в мухояровом22 сюртуке и [старых брюках и] и без шапки держал на коленях горшок с червями и изредка проводил рукой по седой [голове] своей головке, как бы желая предохранить ее от солнца. Я вгляделся в него попристальнее и узнал в

нем Шумихинского Стёпушку… [Лицо довольно замечательное, с которым] Прошу позволения у читателя в нескольких словах познакомить его с этим человеком 23.

В нескольких верстах от моей дер<евни> наход<ится> большое село Шумихино с каменной церковью, воздвигнутой во имя [Пятницы<?>] [Боже <…)] Преподобных Козьмы и Дамияна. Напротив этой церкви некогда красовались обширные господские хоромы с [разными флигелями], окруженные разными пристройками, службами, мастерскими, [сара<я- ми>] конюшнями и каретными24 сараями, банями и временными кухнями, флигерями для гостей и для управляющих [оранж<ереями>] цветочными оранжереями [и] качелями для народа и [прочими удобствами)], другими удобствами 25 — В один прекрасный день 26 эта благодать сгорела до тла; Господа27 перебрались в другое гнездо; — пепели

— ———————————

12 а. самого ключа б. самого источника, *в.* родника

13 а. короткий бархатный мох *б.* короткая бархатная травка

16 а. потому б. оттого

17 а. свежею, б. мелкой

18 а. два старика б. два ко мне спиной старика

19 а. Один б. Один, человек довольно плотный и высокого росту

20 я. опрятном кафтане б. опрятном долгопол (ом) кафтане *в.* опрятном кафтане

21 а. в зимней пуховой шапке б. в зимнем пуховом картузе

22 а. в мухояровом б. в мухояровом [заплатанном] *в.* в мухояровом [засаленном] *25 а.* в нескольких словах познакомить его с этим человеком б. представить ему

этого человека

24 а. каретными б. грунтовыми и каретными

25 другими удобствами, б. другими зданиями, *в.* другими строеньями *г.* многими другими более или менее полезными зданиями.

26 а. В один прекрасный день *б.* [Вне(запно)] вдруг совершенно неожиданно *в.* вдруг совершенно неожиданно в один прекрасный день *г.* Все шло своим порядком, как вдруг совершенно неожиданно в один прекрасный день вся

27 а. Господа б. Господа со всей своей дворней

— ———————————

ще28 превратилось в огород, кой-где загроможденный грудами кирпичей, остатками прежних

фундаментов; Усадьба запустела из уцелевших 29 бревен, кой-как30 сколотили избенку, крытую [ба<рочным>] не то тесом не то соломой — и поселили в ней садовника с женой коровницей и птичницей31 и детьми32 пока33 еще не состоявшими в должностях, но уже успевшими34 совершенно облениться. [Кроме садовника] [конюха] У этого садовника мне случилось [несколько] раза два переночевать; [Охотник мой] Мимоходом покупал у него с его бакчи огурцы, которые 35 Бог ведает почему даже [весной] летом отличались [жолтиз- ной и довол<ьно>] [толстой кожей] дрянным вкусом30 и желтой37 кожей 38. [Кроме этого садовника, во всей Шумихинской усадьбе проживал] [Садовнику пр<иказали> отдали приказ поставлять] Митрофану [отдали] приказали поставлять на господский стол за 150 верст — зелень и овощи; Аксинье поручили надзор за Тирольской коровой, купленной в Москве за большие деньги, но лишенной [по-видимому] всякой способности воспроизведения и потому с незапамятных времен39 не дававшей молока; ей же на руки отдали [господского] хохлатого селезня40, единственную господскую птицу; [а] детям — по причине малолетства не определили никаких должностей что41 нисколько не

помешало им совершенно облениться. Кроме садовника 42 с его семьей да старого <к>титора Герасима проживавшего43 в коморочке у [десятского] [глухого десятского] [вдовы] солдатки44 — ни одного дворового человека не осталось в Шумихине, потому что Стёпушку, с которым я намерен теперь познакомить читателя — нельзя было считать ни за человека вообще ни за дворового в особенности…

Каждый45 человек [не может существовать [питать?] без известного] имеет хоть какое [нибудь] бы то ни было положение в обществе, хоть какие нибудь да связи

— ———————————

28 а. пепелище б. обширное пепелище *в.* Усадьба запустела обширное пепелище

29 а. Усадьба запустела из уцелевших б. из уцелевших

30 а. кой-как б. на скорую руку

31 а. садовника с женой коровницей и птичницей б. садовника Митрофана с женой Аксиньей

32 а. детьми б. семью детьми

33 конец фразы начиная с этого слова зачеркнут после нескольких исправлений, не доведенных до конца.

34 а, пока еще не состоявшими в должностях,

но уже успевшими совершенно облениться б. [по малолетству] хотя не состояли по малолетству еще в должностях, но уже успели

35 Слова: покупал60которые *зачеркнуты.*

30 а. вкусом б. водянистым вкусом

39 а. с незапамятных времен б. со времен приобретения

40 а. селезня б. старого селезня

41 а. что б. что впрочем

42 а. садовника б. Митрофана

43 а. проживавшего б. проживавшего Христаради

44 а. солдатки б. кривой солдатки

45 а. Каждый б. Всякой

— ———————————

[Нет дворового который бы не получал] [Ни один] [Никакой] Всякому дворовому выдается если не жалованье, то по крайней мере так называемое отвесное; — Степушка не *получал* решительно никаких вспомоществований 46 не состоял в родстве им с кем, никто не знал об его существованье. У этого человека даже прошедшего не было; [на вряд] об нем не говорили; он и по ревизии едва ли числился. [Правда] Ходили темные слухи, что состоял он когда то у кого то в каммердинерах… [да ос<…>] но кто он и откуда

он, и как попал в число шумихинских подданных откуда " добыл мухояровый с незапамятных времен носимый им кафтан чем живет48 — об этом49 никто не имел ни малейшего понятия, да и никого не занимали эти вопросы.

Даже бывало в праздничные дни 50 (ее] Степушка не являлся к столам 51 не кланялся, не подходил к господской52 руке не выпивал духом стакана под барским 53 взглядом и за господское здоровье» стакана наполненного [рукою] жирною рукою прикащика Разве какая добрая душа проходя мимо уделит ему 54 кусок5Ь пирога В Светлое Воскресенье с ним христосовались — но [яичка своего он не доставал из задняго кармана, не клал его прилично стряхнув и завернув замаслянный рукав] не подворачивал замаслянного рукава [перед с, не клал] не доставал из [своего] задняго кармана [спрятанного] [своего красного яичка] и, не подносил [прилично моргая] [своего красного яичка] [молодым барчукам] [барину] барыне [не подносил] задыхаясь и моргая молодым господам или даже своей барыне55 — Проживал он в [пустом сарае] [в разных] [клети] [в какой-то] летом клети позади курятника, а зимой в чулане57; [иногда ночевал] в сильные морозы ночевал на конюшне 58 — Его привыкли

видеть — но никто с ним не заговаривал; и он сам кажется отроду рта не разинул. После пожара, приютился он 59 или как у нас говорят 60 притулился у садовника Митрофана. — Садовник не тронул его; не сказал ему: живи у меня — да и не прогнал его. — И Степушка не жил у садовника; он проживал на огороде. Ходил ое и двигался безо всякого шума; [случалось ли вам видеть муравья, хлопотливо заня

— ———————————

46 а. вспомоществований б. пособий

47 а. откуда, б. каким образом.

48 а, чем. живет *б.* чем живет где живет

а. об этом никто б. об этом решительно никто

50 а. дни б. [дни] дни всеобщего угощения гречишными пирогами *ж* зеленым вином *в.* [дни] дни всеобщего жалованья угощение хлебом, солью гречишными пирогами ш зеленым вином, по старинному jбарскому] русскому обычаю

51 а. к столам *б.* к выставленным столам [а *к* выкаченным] и бочкам

52 а. к господской б. к барской

55 а. барским б. господским

54 а. ему б. бедняге

а5 а. кусок *б.* кусок недоеденного

58 Фраза В Светлое Воскресенье своей барыне-

подверглась многослойной правка, не доведенной до конца. Она не имеет связного чтения ни в первом ни в последнем слое.

57 а. чулане б. предбаннике

58 а. на конюшне б. на сеновале

59 а. ое б. этот заброшенный человек

60 а. или как у нас говорят *б.* или как говорят орловцы

— ———————————

того перенесением какой-нибудь мертвой букашки] [в травке] [в лесу] (так и Степуш(ка) вечно] вечно хлопотал и [сует<ился>] возился в ти- хомолку, словно муравей; и все [с одной целью] для еды, для одной еды. (Но ему едва хватало целого дня на тот чтобы иск<ать?>] [Он только и думал об еде не думай] И точно не заботься63 [об ней] [он об еде целый день] о своем пропитаньи с утра [позволь он себе подумать о] до р^ечера умер бы62 с голода63. [Плохо не знать постоянных] [Неуверенность и непостоянство в деле пропитания — хуже всякогоромантизма] [решительно никуда не годится]" [Словом разгул личной прихоти, романтизм] Плохое дело не знать поутру, чем к вечеру будешь сыт?'5.

[- Бывало] — То под забором Стеиуигка сидит и редьку гложет или морковь сосет — или [под

себя] кочаник66 капусты под себя крошит; [а] то, ведро с водой куда то тащит и кряхтит; то под горшечком огонек раскладывает и какие то черные кусочки67 в горшок бросает; то у себя в чуланчике деревяшкой постукивает, [словно гвоздики приколачивает] — и все68 он делает молча, словно из-за угла; глядь, уж и спрятался. [Спрос<ишь>] кликнешь его — он [вытя<нется>] подойдет, вытя= нется и молчит; [спросмшь его] станешь его расспрашивать, [словно] отвечает словно немой А то вдруг отлучится дня на два; никто не замечает его отсутствия 70… Смотришь, уж он опять тут, опять где ни- будь около забора над чем то хлопочет 7\.. Лицо у него маленькое глазки жолтенькие, волосы [падают] вплоть до бровей; [борода] носик остренький, уши пребольшие и прозрачные; борода словно две недели тому назад выбрита — и никогда не меньше72 ни больше… [Вот каков] Вот этого то Степушку и встрет<ил> на берегу Исты в обществе другого старика. [Товарищ его] Я подошел к ним поздоров<ался> и присел с ними рядом. [Товарищ Степушки был человек] В товарище Степушки я узнал тоже знакомого: это был вольно отпущенный человек графа Петра Ильича *** Михайло13 по прозвищу Туман. Он проживал74

у [знакомого мне священника] Волховского мещан<ина> содержателя постоялого двора. где я довольно часто останавливался. Все проезжающие по [Мцен- <ской>] [Волхов<ской>] Большой Орловской дороге [лица] молодые чи—

— ———————————

61 а. не заботься б. мой Степушка *в.* не заботься

62 а. умер бы б. умер бы мой Степушка

65 На полях записан еще один вариант с неоконченной правкой, зачеркнутый автором: не посвяти он [этой едн-нствемеой] этому всех своих душев<ных сил…) и а. всякого б. другого

Фраза записана на полях вместо зачеркнутых в тексте предыдущих вариантов

6Й а. кочаник б. грязный кочаник

87 а. кусочки б. кусочки из за пазухи

68 а. все б. все это

69 а. словно немой б. точно языком пуды ворочает

72 а. не меньше б. ее меньше не бывает

73 а. Михайло б. Михайло Савельев

74 а. проживал б. проживал теперь *в* проживал

— ———————————

новники и другие незанятые люди (купцам погруженным в свои полосатые перины не до

того) — могут 75 заметить в недальнем разстоянии от большого села Троицкого огромный деревянный дом в два этажа, заброшенный 78 =- с провалившейся крышей и пустыми77 окнами, выдвинутый на самую дорогу. Особенно унылое впечатление произв<одит> этот дом в полд<ень> в ясный солнечный день78 Здесь некогда жил граф Петр Ильич79, богатый вельможа старого веку. [Жил шумно, [отк.] и открыто]. Бывало вся губерния съезжалась у него веселилась плясала [при громе и под гул своего доморощенного оркестра] на славу [и вероятно не одна старушка] при громе80 музыки81, трескотне бураков и Римских свечей — и вероятно не одна старушка, проезжая теперь мимо запустелых хором82 вздохнет и вспомянет был<ые>83 времена и свою84 молодость — Долго жил 85 граф; долго [принимал гостей] расхаживал [с лентой через плечо приветливо] [величав<о>] улыбаясь, в толпе подобострастных гостей; [рук?] но [именья] [поместья] именья его8® не хватило на целую жизнь. Раззорившись87 уехал 88 он в Петербург выхлопотать себе место и умер в номере гостиницы не дождавшись никакого решения. Туман состоял89 у него в камердинерах90 и [по] еще при жизни графа получил отпускную. — Это был,

[как я уже сказал] человек высок<ого> роста91 с лицом правильным и приятным. —Улыбался он [видно по старой привычке] — как улыбаются теперь одни люди Екатерининского времени — добродушно и величаво; разговаривая частооz выдвигал93 губы [вперед], щурил94 глаза и произносил слова несколько в нос. Сморкался95 он тоже неторопясь, [и] словно дело делал. — [Вообще голову держал прямо и]

Ну что, начал я, Михайла Савельич, наловил рыбы?

А вот извольте в плетушку заглянуть… двух окуньков залучил да головликов штук пять. — Покаж, Степа.

— ———————————

75 а. могут б. до сих пор еще могут

76 а. заброшенный б. совершенно заброшенный

77 а. пустыми б. на глухо забитыми

78 а. особенносодень б. *в* полд(ень) в ясный солнечный день ничего нельзя вообразить печальнее этой развалины

79 а. Ильич б. Ильич богатый хлебосол

80 а. громе б. оглушительном громе

81 а. музыке б. доморощенной музыке

82 а. хором б. палат *в.* боярских палат

83 а. былые б. минувшие
84 а. свою б. минувшую
85 а. жил б. пировал
87 а. раззорившись б. раззорившись кругом
88 а. уехал б. отправился
89 а. состоял б. служил
90 а. в камердинерах б. дворецким
91 а. роста б. роста лет 70
92 а. часто б. медленно
99 а. выдвигал б. выдвигал и сжимал
94 а. щурил б. ласково щурил
95 а. сморкался б. сморкался и нюхал табак
— ———————————

Степушка протянул мне плетушку.

Как ты поживаешь, Степан, [прогов<орил>] спросил я его. И… и… и… ни… ни… ничего, о, батюшка, по-маленьку.

А Митрофан здоров?

— [Степушка] Здоров, ка..какже, батюшка

Да плохо что-то клюет, заговорил Туман. Жарко больно. Под кустами 9в забилась, спит. — Дай,7-ка червячка, Сте на —

Степушка достал червяка, положил на ладонь хлопнул [по] [что<?>] по нем раза два, надел на крючек, поплевал и подал Туману.

Спасибо Степа. — А вы, батюшка, продолжал он

обращаясь ко мне охотиться изволите

[Да] Как видишь.

[Гм] Так-с. А что это у вас пёсик Англицкий али Фурлянский какой? Старик любил при случае показать себя — [что] дескать и мы живали в свете.

Не знаю, какой он породы; а хорош. Так-с, А с собаками изволите ездить?

У меня своей стаи нет 98

Оно точно; иной до собак охотник — а иному их и даром не нужно. Я так думаю по простому моему разуму: собак больше для важности так сказать держать следует. — И чтобы все уж и было в порядке: и лошади чтоб были в порядке, и псари [и всё] как следует в порядке и всё. Покойный граф — Царство ему небесное [охоты то собачьей] охотником отродясь" не бывал, [нечего сказать], а собак держал и раза два в год [с собаками] в поле выезжать изволил. — [Подъедут] Соберуться [бывало] бывало псари на дворе в красных кафтанах с галунами и [пр<отрубят>] в трубу протрубят; их сиятельство [возле] выдти изволит и коня [его] их сиятельству подведут; [его сиятель<ство>] Их сиятельство сядут — а главный ловчий [ему] им ножки в стремя вденет шапку с головы снимет и поводья в шапке подаст. Их Сиятельство арапельни- ком эдак щелкнут 100 — а псари загогочут

да и двинутся все со двора долой. А стремянный-то за графом поедет — а 101 на шолков[ом шнуре] ой сворке двух любимых барских собачек [пов<едет>] держит и102 наблюдает, знаете. — Ну и гости, разумеется при этом случае бывают 103 — Ах сорвался шельмец 104 прибавил он вдруг, дернув удочкой.

А что, говорят граф таки пожил на своем веку — [а]? начал я 105.

— ———————————

96 а. Под кустами б. рыба-то вся под кусты

97 *а.* Дай б. Надень

98 *а.* У меня своей стаи нет б. Своры две у меня есть. Туман улыбнулся и покачал головой

99 а. отродясь б. отродясь признаться

100 а. щелкнут б. изволят щелкнуть

101 а. а б. а сам

102 а. и б. и эдак

103 а. бывают б. бывают-дело почетное

104 а. шельмец б. азиатец

105 а. начал я б. начал я *Вставлено между строк:* Старик поплевал на червяка и закинул удочку

Вельможественный был человек, известно-съ. — К нему бывало, [какие тузы] первые, можно сказать, особы из Петербурха [наедут] заезжали.

В голубых лентах, бывало, за столом сидят 40в. Ну да уж он и угощать был мастер. Призовет, бывало, меня. Туман, говорит мне к завтрашнему дню живых стерлядей требуетсяS07. Прикажи достать, слышишь? — Слушаю, Ваше Сиятельство. — [И- достанут]. —Кафтаны себе, парики трости [с золот]; табакерки, картины эдакие большущие — из [за моря вып<исывают>] самого Парижа выписывал. — Задаст банкет — всю губернию назовет 108 — Фейверки пойдут, катанья! — [Пороху од- ного] Даже из пушек палят. Музыкантов однех сорок чел<овек> на лицо состояло. Капельмейстера из немцев держал; да больно зазнался — так и прогнал его с богом. У меня и так, говорит, музыканты свое дело [зна<ют>] понимают: а то я и сам понаслушил40. [Как] — Пустятся плясать 118 — [та<к>] до зари пляшут… и все больше лакосез — матра- дура. Э..э..э..э [про<молвил>] окунек, окунек, промолвил И2 старик вытаскивая из воды [окунька] небольшого окуня. — На ка, Степа. [Одно] Барип был, как следует [быть], барин продолжал старик, закинув опять удочку — и [челов] душа тоже была добрая, — побьет тебя, смотришь, уж и позабыл. Одно: матресок держал. Ох уж эти [мне] матрески. Прости господи! Оне то его и раззорили. И ведь все больше из иизкого

сословья выбирал; кажись, чего бы им еще? Так нет — подавай им нарядов [да] разных да ожерелий из [Опять таки скажу] почему не пожить в свое удовольствие: дело Господское… да раззоряться то не след. — Особенно одна: Акулиной ее прозывали; теперь она покойница — царство ей небесное; [баба] девка была простая. [Жам.| [То<?>] Ситовского [пр] десятского дочь — да такая злущая. —По щекам, бывало [сам<ого>] графа бьет: околдовала его совсем. — Брату моему лоб забрила… на новое платье щеколат ей обронил… да не ему. — А все таки хорошее было времячко! прибавил старик с глубоким вздохом.,. [Эка жара] потупился и умолк.

[Хо] Мы сидели в тени; но и в тени было душно [тяжелый зной неподвижно] [от жары] знойный воздух словно замерт; солнце било нестерпимым блескомИ5 передпв нами на другой стороне реки 117

— ———————————

108 а. сидят б. сидят и кушают

1*07 а.* требуется б. требуется говорит

108 *а.* всю губернию назовет б. Господи владыко!

110 а. а то я и сам понаслушил б. Известно, Господская власть

111 *а.* пустятся плясать б. плясать пустятся.

112 *а.* окунек, окунек, промолвил б. попался брат, проговорил

113 *а.* нарядов [да] разных да ожерелий б. что ей есть [на] самого дорого в целой Европии

114 а. замер б. Замер; горячее [вет] лицо невольно искало ветра-да ветра то- не было;

115 а. било нестерпимым блеском б. так и било с [ясного] [не] [безоблачного] синего потемневшего неба

116 *а.,* перед б. прямо перед

147 а. другой стороне реки б. другому берегу

— ———————————

желтело овсяное поле 118 — и хоть бы один колос [шепну<л>] шевельнулся, кузнечики трещали в сухойи® траве; изредка [всплывала] под нависшим кустом всплывала большая рыба, [и] пускала пузыри и тихо погружалась на дно, — оставив за собою легкую зыбь. — Перепела кричали как бы нехотя ([лошадь] крестьянская120 лошадь стояла в реке поколена и лениво обмахивалась мокрым хвостом;) Ястреба кружились ш над полями, то и дело 122 останавливались на месте, быстро махая крылами [и распустив веером] Мы сидели, пораженные жаром. Вдруг позади нас, в овраге, раздался шум… Кто то спускался к источнику.

[Мы] Я оглянулся и увидел мужика лет 50, лысого 423 в рубашке [с] в лаптях, с котомкой 424 и армяком за плечами. Он подошел к ключу [и жадно] с жадностью напился и приподнялся

Э! [да это же] Влас! закричал125 Туман, вглядевшись в него!2в; Откуда Бог принес — А.

[Здорово, А Са] Здорово, Михайло Савельич, проговорил мужик, подходя к нам. — [Я посмотрел на него прямо прямо] попристальнее; на вид ему было лет пятьдесят;

Где пропадал? спросил его Туман

А в Москву [сбе<гал>] [«пешкурой»] сходил, к барину 427

[Зачем?] [Пош<то>] Зачем?

Просить его ходил.

О чем просить. Да чтоб оброку сбавил]2в. Сын у меня умер. Так мне одномуш не справиться.

Умер твой сын

Умер. Мужик помолчал. — Покойник [то] у меня в Москве в извощиках жил. За меня, признаться, и деньги то взносил. Да разве вы теперь на оброке.

На оброке.

Чтож твой барин?

Что барин? прогнал меня. Говорит — как смеешь прямо ко мне идти? На то [прик<азчик>] есть

приказчик. — Ты, говорит, поди, приказчику доложи. Да и куда я тебя переселю? — [А] Ты сперва недоимку заплати. — Осерчал вовсе.

— ———————————

118 а. поле б. поле, кое-где проросшее полыпыо m а. сухой б. порыжелой

120 а. крестьянская б. немного пониже крестьянская iZi а. кружились б. [тихо] плавно кружили

122 а. то и дело б. ш часто

i2S а. лысого б. запыленного

524 е. с котомкой б. с плетеной котомкой

125 *а.* закричал *б.* вскрикнул

82в а. него; б. него; Здорово, брат

т Против этой строки на полях вписано: [ты его давно знаешь, спросил я Тум(а- яа>?] i2ft о. сбавил, *б.* сбавмл. Аль на барщину посадил, переселил, что ли m (ir одному б. одному теперь

— ———————————

[Ну чтож] [Я?] [Так. Ничего] И пошел [Мне что] [Сход] Хотел было справиться, не оставил ли покойник какого по себе добра; да толку не добился Я хозяину то его говорю, я, мол, Филиппов отец; а он мне говорит: а я почем знаю? Да и сын твой ничего не оставил 130.

Мужик [гов<орил>] нам все это рассказывал с улыбкой, словно о другом говорил131. Но в маленьких и съеженных его глазках таилось горе 132

Что ты теперь домой идешь?

[Домой] А то куда? Известно домой. — Жена, чай, теперь с голоду в кулак свистит.

А к прикащику пойдешь?

Зачем я к нему пойду. — За мной и так недоимка.* — Да мне с полугоря. Взять то с меня нечего. Уж [там] брат как [там то] ты не того — шалишь! — [Вот как сын]+ Сын то у меня перед смертью с год хворал- так и за себя оброку не взнес 133 —

Так и безответа 134 — Мужик рассмеялся… Уж он там как ни мудри — Кинтильян то Андреич — а уж… Влас отвернулся и почесал себе грудь всей ладонью

Что ж это плохо, брат Влас… заговорил Туман и покачал головой.

А чем плохо… не… У Власа голос прервался… Эка жара стоит, продолжал он, утирая [полой] лицо, [полой] рукавом.

Кто ваш барин, спросил я…

Граф*** Валериан [Николаич] Петрович

[Родственник] Сын Петра Ильича?

Петра Ильича сын135 — Петр Ильич покойник

Власову то деревню ему при жизни [отде<лил>] уделил. Что он здоров?

Здоров, слава Богу, возразил Влас. Красный такой стал.

Вот, батюшка, продолжал Туман, обращаясь ко мне — добро бы подмосковную деревню 136 — а то здесь на оброк посадил. 95 руб. с тягла; а земли самая малость. Только и есть, что Господский лес. — [Дай] Степа, проснись 137.

Мы опять приумолкли Влас подсел к нам13®. [<2 нрзб>] [Вдруг] На другом берегу кто-то затянул песню139 [Влас] [Пригорюнился мой бедный Влас.]

[Однако пора, заговорил вдруг]

— ———————————

130 *а.* не оставил б. не оставил еще в долгу у меня *в.* не оставил еще в долгу у меня. Ну я н пошел

131 а. о другом говорил б. речь о другом шла

132 *а.* Но<*>горе б. Но еа маленькие и.съеженные его глазки словно проступала слезинка. Губы его подергивало.

— *Фраза* Сын взнес *знаком * отнесена к слову* недоимка.

— *а.* Так и безответа б. безответная моя голова

— *а.* сын б. сын — отвечал Туман

130 а. подмосковную деревню б. жили под

Москвой

137 а. проснись б. дай червяка *в.* дай червяка А Стена? Что ты заснул что ли? Степушка встрепенулся

13S а. Мы~к нам б. Влас подсел к нам. Мы опять приумолкли

139 а. песню б. песню грустную прегрустную *в.* песню да такую унылую

— ———————————

Через пол-часа мы разошлись… Туман поплелся вместе с Власом 140; Степушка потащился вслед за ними.

— ———————————

140 а. Власом б. мужиком

УЕЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ

……

……

……

На возвратном2 пути с отъезжего поля я простудился и занемог. К счастью, лихорадка [застигла] [схватила] застигла меня в уездном городе, в Номере гостиницы; я послал за [лекарем] [Через пол часа] доктором. Через пол часа явился уездный лекарь, человек небольшого роста, худенький3, черноволосый. Он прописал мне

обычное потогонное, велел приставить горчицу4 — [и собирался] [хотел было] и уже совсем было собрался отправиться во свояси <…> ловко 5 запустил к себе под обшлаг пятирублевую бумажку — [да] (при чем однако сухо кашлянул к глянул в сторону) в — да как то разговорился и остался. — Жар меня томил; я предвидел бессонную ночь — и [потому] рад был поболтать с [лек<арем>] [моим] добрым человеком. [А тем] Подали чай. Пустился мой доктор в разговоры. Человек7 он был не глупый, говорил ® бойко и довольно забавно. — [(Звали его Поливильновым)]. Странные дела делаются на земле С одним человеком и давно10 живешь вместе и в приятельских11 отношениях находишься — а ни разу не придется поговорить 12 откровенно, от души; с иным13 едва успел14 познакомиться* глядь — либо ты ему, либо он тебе — словно на исповеди, всю подноготную [выбол<тал>] и проболтал. — Не знаю чем я заслужил доверенность моего пового знакомого |5, только он как говорится ни с того ни с сего взял да рассказал мне довольно замечательный случай, [который я

— ———————————

*1 Первый вариант начала (3 строчки) густо зачеркнут и не поддается прочтению**

2 а. На возвратном б. Однажды осенью на возвратном

— *а.* худенький б. худенький и

4 а. горчицу б. горчишник

5 а. ловко б. весьма ловко

8 Часть фразы весьма ловко«>в сторону *штрихами отнесена к словам* приставить горчишник

7 а. человек б. малый

— *а.* говорил б. выражался

— *а.* делаются на земле б. случаются на свете

10 а. давно б. долго

II а. приятельских б. дружественных

12 а. не придется поговорить б. не заговоришь с ним

" а. иным б. другим

14 а. успел б. успеешь

15 а. знакомого б. приятеля

— ———————————

на<мерен>] [и доводится мною] [а я вот и довожу] а я вот довожу теперь до сведения благосклонного читателя. — Я постараюсь выражаться [его] словами лекаря. Вы не изволите знать начал он [голосом] [моргая] [голосом не без перхоты], [сип<льш>] [расслаб<ленньш>] голосом17, [с тр] (таково действие [чистого] [настоящего] костромского й8 табаку!) — Вы не изволите знать

здешнего судью? [Не] — Нет? — Ну все равно. — Он откашлял- ся и протер глаза. — Вот-с 19, сижу я у него 20 и играю в преферанс. — Судья у нас хороший человек и в преферанс играть любит 2\- Вдруг ([мой] мой лекарь часто употреблял слово вдруг) [является] говорят мне: человек ваш вас спрашивает. Я говорю: что ему надобно? Говорят: записку принес*2. Подай23 записку. Так и есть от больного. [Да вот] [Я у] Ну хорошо, — Это, понимаете наш хлеб. — Да вот в чем дело. Пишет ко мне помещица вдова; [Наталья Се<меновна>] [Наталья Ильи- нишна] говорит — дескать, дочь умирает; приезжайте ради самого Господа 2/4 и лошади, дескать за вами присланы. [Это] Ну это ещё всё ничего. — Да живет то она в пятнадцати верстах<от> [уезда] города и ночь на дворе — а дороги такие что вообразить нет возможности 25; да и [бед<ная>] сама беднейшая, [чай] больше красненькой 29 ожидать тоже нельзя — [да] и то ещё су мнительно а [знаю] разве холстом придется попользоваться да крупицами какими нибудь. — Однако [дела] долг [как] вы понимаете, прежде всего… Человек умирает. — Передаю карты Непременному члену — отправляюсь домой — гляжу: стоит тележчепка парой27; лошади крестьянские, пузатые перепузатые, шерсть на

них [клоч<ьямн>] [еа<...>] войлоко настоящее — и кучер [без шапки], ради уваженья, без шапки [так] сидит. — Ну, думаю, видно, брат, господа [тв(ои>] то твои не на золоте едят. — [Должен вам заметить богатых то господ кучер князем] [тут ведь] [Доложу вам] наш брат20 [человек] бедный человек28 в соображенье30 принимай: Коли князем кучер сидит, да шапки на голове не трогает31, [или] [только разве] да еще посмеивается 32 и кнутиком шевелит — смело [двад<...>] бей на [двадцать] две депозитки! — А тут вижу — дело не тем пахнет. Однако — думаю де

— ———————————

а. теперь б. теперь его рассказ

17 а. голосом б. расслабленным и страждущим голосом

18 а. костромского б. беспримесного березовского

19 а. Вот-с б. Вот-с» изволите видеть в. Вот-с„ изволите видеть дело было этак^ как бы вам сказать не соврать, в великий пост, в самую ростепель

t(i у него б. у него — у нашего судьи —

2S а. любит б. охотник

22 а. принес б. принес должно быть от больного

25 а. подай б. подай говорю

24 а. Господа б. Господа бога нашего

25 а. вообразить нет возможности б. фа

2® я. красненькой б. двух целковых

27 а. парой 6. перед крыльцом

а. наш брат б. вы изволите смеяться; а я вам скажу: наш брат

28 а. бедеый б. семейный бедный

30 а. в соображенье б. все в соображенье

58 а. на голове не трогает б. *те* ломает

g, посмеивается б. посмеивается из под бороды

— ———————————

лать нечего — долг прежде всего; захватываю самонужнейшие лекарства, отправляюсь. — Поверители, едва дотащился. [Ад] Дорога — ад как есть 33; ручьи 34, водомоины — там вдруг плотину прорвало — беда! Однако приезжаю. Домик бедный35 [а в окне] соломой крыт; [а] в окнах свет. [Ждут] Знать ждут. Вхожу. — На встречу мее старушка почтенная такая в чепце; Спасите, говорит, умирает. — Я творю: не извольте беспокоиться. [Покаж<ите>] — Где больная? Вот извольте сюда пожаловать. — Смотрю: комнатка чистенькая; в углу лампадка; еа постеле [лежит] девица лет двадцати, в беспамятстве; жаром от нее так и пышет, — дышит тяжело. [видно<?>] Горячка. — [Подле ее кровати сидят] Тут же дру-

гие две девицы, сестры; перепуганы в слезах. Вот — говорят — вчера была совершенно здорова и кушала с аппетитом; [а] по утру сегодня жаловалась на голову — а [теперь] к вечеру вдруг вот в каком подо- женьи. Я [при] [немедленно] опять таки говорю: ее извольте беспокоиться; докторская, знаете, обязанность — И приступил. Кровь ей пустил, горчишники поставить велелг микстурку прописал. Между |про<чим>} тем я гляжу на нее, гляжу, знаете: [ну, ей Богу не] ну, ей Богу не видывал ещё такого лица. И не то, чтобы красавица была; а жалость- меня так и разбирает. Лицо такое приятное, глаза,.» [Во<т>] [Просят- меня остаться ночевать.] Вот, слава Богу, успокоилась; пот выступил [на лице] словно опомиилась; кругом поглядела, улыбнулась, *рукой* по лицу провелазв… отворотилась, гляжу, заснула. — [Вот мы все на цыпочках вышли вон] Ну, говорю, теперь [надо оставить] следует больную в покое оставить. Вот мы все на цыпочках и вышли вон [с] [на] горничная одна осталась на всякий случай, — А в гостиной уж самовар на столе; [без] известно докторское делоПодали мне чаю; просят остаться ночевать. —Я согласился. — [Старушка всё] Старушка всё охает. — Чего вы, говорю, будет жива; не извольте беспокоиться,

— [Между тем должен] а лучше извольте сами лечь отдохнуть20 [Кой] [Дело] [Скоро све<тает>] [Долж<но?>] Третий час39 — Старушка [наконец] [согласилась наконец] отправилась и девицы тоже пошли к себе в комнату; мне постель постелили в гостиной40. [Чудное дело ее] Вот я лёг — только не могу заснуть — что за чудеса! Уж на что, кажется, намучился. {Всё мне] Моя больная все на ум приходит44. — [Почти] наконец не вытерпел, встал, думаю, пойду посмотрю, что делает? 42 А спальня то ее

— ———————————

33 а. ад как есть б. адская

n а. ручьи б. ручьи, снег, грязь

35 а, бедный б. маленький

se а. провела б. провела Сестры к ней [было заговорили; только я запретил — да она сама] нагнулись спрашивают, что с тобой?

?7 а. известно докторское дело б. [без этого не] как следует… нельзя без этого в нашем деле *в.* докторское дело известно… нельзя без этого в нашем деяе

э а.* извольте сами лечь отдохнуть б. отдохните *т сшш*

** д. час б. час — Да вы меня [доктор велите] прикажите разбудить коли что»' случится. —

Прикажу, прикажу.

40 а. постелили в гостиной б. в гостиной постелили

и а. Моя больная все яа ум приходит б. больная моя [все у меня] все с ума т суодит

42 а. делает? б. делает пациент?

— ———————————

рядом дверьми то в гостиную выходит43. Вот вхожу44 — а сердце так и бьётся [так и бьется…] Гляжу: горнишная спит и [даже] храпит даже — бестия! больная моя лежит ко мне лицом45 и руки разметала бедняжка! [я подо<шел)] [дохожу] подошел к постели… как она вдруг раскроет глаза и уставилась 46 на меня… Кто это? Кто это? — Я сконфузился. Не извольте, говорю, беспокоиться47; я доктор: пришел посмотреть как вы себя чувствуете? — Вы — доктор?.. Доктор, доктор: матушка ваша за мною [послала] в город посылала: мы вам кровь пустили, сударыня; теперь извольте почивать — а [через неделю] дня [через] эдак через два мы вас, даст бог, на ноги поставим. — [Ох] Ах да, да [да] доктор — не дайте мне умереть, не дайте мне умереть… [-А у ней жар] пожалуйста, пожалуйста. А у ней48 жар, думаю я про себя; пощупал руками: точно жар. — «Какое умереть». [Что в] Что за пустяки 49! Она посмотре-

ла на меня… [Жгут меня ее глаза] да как возьмет меня вдруг за руку. — [Ведь ах доктор!] Я вам скажу, почему мне не хочется умереть — Я вам скажу, я вам скажу; теперь мы одни; только вы пожалуйста никому… Послушайте… Я нагнулся. Придвинула она [свои] губы к самому моему уху… признаюсь у меня самого кругом пошла голова… Начала [она мне говор<ить>] шептать… Ничего не понимаю… Ах да это она бредит!50 [Намочил] [Вдруг она меня потяну<ла>] Кое как я ее успокоил, дал51 напиться. Она отодвинуласьуронила голову на подушку и погрозилась мне пальцем53. — Смотрите же доктор — никому… Разбудил горничную и [отправил к себе на кровать] [наказал] вышел [вон].

Тут лекарь опять понюхал табаку и на мгновенье оцепенел. — [На другой день следовало [должное] мне] Однако на другой день больной в противность моим ожиданиям не полегчело54 — решил остаться, хотя меня другие [больные ждали, между пр<очим>] пациенты ожидали [ме- <ня>] [и даже один опасный пол<ковник> богатый]. —А вы знаете этим не-гле-жировать нельзя [(я ведь)] практика от этого страдает. — Но во первых 55 — [д] больная действительно находилась в опасности, [с другой точ<но>] во вторых

надо правду сказать я56 чувствовал сильное57

— ———————————

43 а. рядом дверьми то в гостиную выходит б. с гостиной рядом

44 а. Вот вхожу б. Ну встал, тихонько растворил дверь

45 а. больная моя лежит ко мне лицом б. а больная ко мне лицом лежит

4в а. уставилась б. уставится

47 а. Не извольте, говорю, беспокоиться б. Не пугайтесь, говорю

48 а. у ней б. у ней опять

49 а. Что за пустяки б. Что вы это говорите *в. с* чего это вы вздумали *г.* Что вы, что вы, бог с вами?

50 а. бредит! б. бредит! шептала, шептала — да так проворно [и] словно не по русски…

51 а. дал. б. дал ей

52 а. Она отодвинулась б. кончила вздрогнула

53 а, погрозилась мне пальцем б. пальцем мне погрозилась

54 а. полегчило б. полегчнло. — Я подумал, подумал и

" а. во первых б. с своей стороны

5в а. я б. я сам

17 а. сильное б. сильнейшее к ней

— ———————————

расположение… Притом и все семейство мне нравилось… Люди они были хотя и бедные58, но образованные, можно сказать, на редкость… Отец то у них был человек ученый-с, сочинитель; умер конечно в бедности — но воспитание детям сообщить успел отличное; книг тоже много оставил. — Потому ли, что хлопотал [я около бо] то 59 усердно около больной, по другим каким либо причинам — только [до] [с] меня, смею сказать, полюбили®0 как родного… [целые две недели я у них выжил… Больная всё]

Притомв! распутица сделалась страшная; [проезда не было] сооб- щенья62 так сказать прекратилисьвз, даже [на счет доставки ле- <карств>] лекарства®4 [большие] с трудом [добывались] доставлялись 65… день за день, день за день… — Но вот-с тут… лекарь помолчал… право не знаю, как бы вам изложить-с… Он опять ®® понюхал табаку и хлебнул глоток чаю.

Скажу вам без обиняков — [начал он] продолжал он ®7 — больная моя… как бы это того- ну полюбила меня. Или нет, нет… Не то, чтобы полюбила… так это ®8 право как это того-с…

Лекарь мой [сму<тился>] потупился и покраснел. Нет, продолжал он с живостью — какое полюбила! Надо себе наконец цену знать. Девица

она была образованная, умная, начитанная; а я [коли и знал что в кои то веки] что, я и латынь-то ®9 позабыл, надо сказать, совершенно. А что до чтения касается, [и] не стоит и говорить 70 Но дураком Господь бог тоже меня не уродил. — Я белого черным не назову. — Я кое что тоже [пон<имаю>] смекаю. Я например очень хорошо понял, что Александра Андреев<на> (ее А-й А-й звали) — не любовь ко мне почувствовала, а71 расположение, уважение что ли… Она72 сама может быть в этом отношении ошибалась — да ведь положение ее было какое — вы сами рассудите… Впрочем, прибавил лекарь, который [все эти нач говорил] все эти отрывистые речи говорил не переводя духа и с явным замешательством — я [кажется73 рассказываю] [признаться слегка]

— ———————————

5S а. бедные б. неимущие *5* а.* то б. то я

в0 а. полюбили б. полюбили они

ei а. Притом б. Между тем

[1] а. сообщенья б. все сообщенья

" а. прекратились б. прекратились совершенно

в4 а. лекарства б. лекарство

в5 а. доставлялись б. доставлялось *в.* доставлялось… больная не поправлялась

вв а. опять б. снова

[1] а. продолжал он б. начал он опять

м а. так это б. впрочем вы не подумайте

[1] а. латынь то б. латынь то свою

— *а.* А что ^говорить б. На счет фигуры [тоже] [такова] также кажется нельзя похвастаться *в.* На счет фигуры (лекарь с улыбкой взглянул на себя) также кажется нельзя похвастаться

— а. а б. а дружеское, так сказать

— *а.* Она б. Хотя она

— *а.* кажется б. кажется бестолково

— ———————————

кажется, как говорится зарапортовался — эдак вы ничего не поймете… [стану] А вот я позвольте 75 вам все по порядку расскажу.

Он допил стакан чаю и заговорил голосом более спокойным76; Так так-то-с. Моей больной все хуже становилось хуже, хуже. — Вы не медик МКилостивый) Г<осударь>, вы77 понять не можете, что происходит в душе нашего брата особенно на первых порах, когда он [чу<вствует>] начинает догадываться, что болезнь-то его одолевает, — Куда денется самоуверенность! [Только о том и думаешь как бы] Оробеешь так, что и сказать нельзя. — [Пе] [дро] [скаж] Так тебе и кажется, что и позабыл то ты всё, и что не знал никогда ничего78 и что другие уже замечают что ты потерялся,

[и что больной то [тебе] больше ее доверяет] и неохотно [тебе] симптомы сообщают и шепчутся за твоею спиною80. Э! Скверно! Ведь есть же лекарство думаешь — против этой болезни! Стоит8* найти — Вот не оно ли? Попробуешь — нет, не оно. Времени ему как следует подействовать не даешь02 — То за то хватишься, то за то… Возьмешь бывало рецептурную книгу — ведь тут оно [думаешь] думаешь тут? Право слово — иногда на обум откроешь — авось [судьба] думаешь судьба… А человек то умирает83: а другой бы его лекарь спас; [а] [говор<ю>] Консилиум, говоришь [требуется] нужен, на84 себя ответственность не беру Ну со временем обтерпишься, ничего. — Умер человек — не твоя вина. Ты по правилам поступал… [А] [Коли] А то *что* еще мучительно бывает: видишь доверие к себе слепое — а сам чувствуешь, что не в состоянии помочь. — Вот<?> именно такое доверие всё семейство [Наде<жды>] А<лександр>м А<пдреевны> ко мне почувствовало 86; и думать позабыли, что дочь у них в опасности. Я их тоже с своей стороны уверяю что ничего дескать — а у самого душа в пятки уходит. К несчастью — подошла такая распутица 87, что за лекарством по целым дням бывало кучер ездит. А я из комнаты больной не выхожу — оторваться

не могу8а. Ночи просиживаю. Старушка меня с слезами благодарит: а я про себя думаю: не стою я твоей благодарности.

— ———————————

74 а. как говорится б. немного

75 а. я позвольте б. позвольте п

76 а. голосом более спокойным б. более спокойным голосом

77 а. вы б. вы стало быть

78 а. и что не знал никогда ничего *б.* что больной то [тебе] тебе больше ее доверяет

79 а. замечают б. начинают замечать

80 а. шепчутся за твоею спиною *б.* у тебя за спиною нзподлобья глядят и шепчутся

81 а, Стоит б. стоит только

83 а. А человек то умирает б. А человек то [по моей милости] межь тем умирает

84 *а.* на б, я на

85 а. не беру б. не беру, А уж каким дураком в таких случаях глядишь!

86 а. почувствовало б. возымело

87 *а.* К несчастью — подошла такая распутица *б.* к довершению несчастья такав распутица подошла

88 *а.* ее могу б, не могу, рассказываю, в карты с еей играю, *в.* ее могу рассказываю разные, знаете,

смешные анекдотцы, в карты с ней играю

— ———————————

Признаюсь вам откровенно — теперь не для чего скрывать: полюбил я свою больную И Александра Андреевна ко мне привязалась; (как] это бывает [с больными]. Никого к себе в комнату кроме меня не пускает. [У больных часто такие прихоти бывают] [бывало лежит бед- ня<жка>] начнет со мною разговаривать; расспрашивает меня, где я учился, как [я] живу; кто мои родные, к кому я езжу? [- Эх, Александра Андреевна — говорю я ей — вы много изволите]

И чувствую я, что не след ей разговаривать; а запретить ей решительно 90 не могу91. — Схвачу, бывало, себя за голову — что ты делаешь, разбойник? — А то возьмет меня за руку и держит, глядит на меня долго, долго глядит, отвернется, вздохнет, скажет: Какой вы добрый! Руки у ней [горячие] потные горячие, глаза большие, так и следят. —Да, говорит, вы добрый, вы [прост<ой>] хороший человек; вы не то, что наши соседи; нет, вы не такой, вы не такой. [И] [Я] Как это я до сих пор вас не знала! [Помилуй<те>] Александра Андреевна, успокойтесь говорю… 52 я чувствую; я не знаю, чем я заслужил только вы успокойтесь, ради бога, успокойтесь. Все хорошо

будет; вы будете здоровыИз94 моих рук лекарство принимала — приподнимется, бывало, с моею помощью, [проглотит ложечку] примет, и взглянет на меня [а у меня бы<вало>] — сердце у меня так и покатится.™ А меж тем, ей всё хуже становилось, всё хуже, умрет, думаю, непременно умрет. Поверите ли, хоть самому в гроб ложиться, — А тут мать, сестры; наблюдают зв мною, в глаза мне смотрят… Что? Как? Ничего-с, ничего-с — а какое ничего-сI Ум за разум заходит. Вот-с сижу я однажды ночыо-с, один возле больной… девка тут тоже сидит — [как бы] [нельзя же] [Ламп<адка>]. fДевка] и храпит96. [Ну] [С] Ну с несчастной девки взыскать ее льзя. Замучилась 97 и она Я [так таки задумался], сижу знаете, потупился [и сон словно меня одолевать начал] Дремлю тоже. Вдруг чувствую я — не могу сказать вам именно, что такое я почувствовал — а так вздрогнул Обернулся я — Господи боже мой! Александра Андреевна во *все* глаза на меня глядит… Губы раскрыты, щеки бледные Что с вами? — Доктор, ведь я умру?.. Помилуй бог… Нет, [нет] доктор, нет, по

— ———————————

89 *а9 а.* полюбил я свою больную б. влюбился я в мою больную

90 а. решительно б. этак знаете решительно

запретить

91 е. не могу б. не могу ну не могу — да и совестно

а, говорю… б. говорю… поверьте

95 а. здоровы б. здоровы… А между тем должен я вам сказать, что с соседями они не [знались] водились, оттого, что мелкие мм не под стать *(вписано:* преходи лись), а с богатыми гордость запрещала знаться [Пре] |Пре] Я вам говорю: чрезвычайно образованное *(вписано:* было) семейство! Так мне, знаете, и лестно

94 а. Из б. Из одних

95 а. один *б,* один, опять

96 а. хранит б. храпит во всю ивановскую

97 *а.* замучилась б. затормошилась

а. она б. она. Лам на в углу перед образом горет *в.* она. Александра то Андреевна весьма нехорошо себя весь вечер чувствовала, — жар ее замучил. — [Лежит бедняжка] До самой полуночи все металась; наконец словно заснула. — [Лежит] по- крайней мере не шевелится, лежит. Лам на в углу оеред образом горит а, чувствуюсовздрогнул б. словно кто под бок толкнул

100 а. бледные б. так ш горят

— ———————————

жалуйста не говорите мне, что я буду жива…

Не говорите… еслиб вы знали. Послушайте, [скаж<ите>] [не скр<ывайте>] ради бога, не скрывайте мне моего положенья — а сама так тяжело дышет — если я буду знать… что я умереть должна 10!.. я вам тогда всё скажу… всё… [только в таком случае…] Алекс<андра> [Анд<реевна> помил<уйте>… Послушайте, я [давно и] ведь не спасла нисколько — я давно на вас гляжу… Ради бога… я вам верю вы человек добрый 102. [не] Заклинаю вас всем, что [есть святого на свете] [вам дорого] 103…! скажите мне правду?.. Если б вы знали как это для меня важно, как это для меня важно 104 Скажите — я в опасности? [Не могу скр<ыть>] Что я вам скажу, Александра > Андр<еевна>?*05 Ради бога [Ради бога — скажите] Умоляю вас. — Не могу скрыть от вас, Алек<сандра> Анд<реевна>, вы точно в опасности… Но бог милостив?.. Я умру, я умру 108 [Да не бойтесь, я] [И лицо у ней просветлело] Да не бойтесь, не бойтесь меня это нисколько не пугает,07… Слава богу10в… Она [знаете эдак припо<днялась>] вдруг приподнялась, на локоть оперлась… Теперь109, теперь я могу тебе 110 сказать — что [я вас люблю] благодарна я вам ото всей души, что вы добрый, хороший111 человек, что я вас люблю… Я гляжу на неё как шальной… Глаза у ней знаете… горят

112… Ал<ександра> Андреевна), поверьте, я чувствую 113… Ах нет, нет — вы меня не понимаете, ты меня не понимаешь — она114 протянула руки, схватила меня за голову — и поцаловала…

[Не могу вам сказать, что со мной произ<ошло>]

Поверите ли, я чуть чуть не закричал… Бросился на колени и голову в подушку [ткн<ул>] спрятал… Она мне на голову руки положила415. [Чув<ствую>] Пальцы ее у меня дрожат на волосах116 — Слышу: плачет. Я начал ее… утешать что ли… уж я право не [помню] знаю, что я такое ей говорил… [К] Девку, говорю, разбудите, Ал<ександра> Ан<дре- евн>а; успокойтесь 117. — Да полно же, полно, твердила она… бог с ним<и> совсем — ну проснутся, ну придут — все равно ведь я же

— ———————————

101 а. знать*0должна б. знать… наверное… что я должна, умереть

102 а. добрый… б. добрый… вы честный человек

103 Правка не окончена.

104 а. как это для меня важно б. Доктор, ради бога

105 а. Андр(еевна)? б. Андр(еевна)? поми-

луй(те>

10в а. умру б. умру. И она словно обрадовалась. Лицо такое стало веселое. Я испугался

107 а. пугает б. стращает

108 а. слава богу б. нисколько

110 а. тебе б. вам

111 а. хороший б. хороший прекрасный

112 а. Глаза у ней знаете… горят б. Жутко мне знаете *в.* Жутко мне знаете. Слышите ли, я люблю пас

11 s я. Поверьте, я чувствую б. Чем я заслужил

114 а. она б. и вдруг она

1,5 а. Она мне на голову руки положила б. Она молчит

118 а. дрожат на волосах б. на волосах дрожат

117 а. успокойтесь б. благодарю вас… но успокойтесь

— ———————————

умру118… Да и ты — чего ты робеешь, чего ты боишься — или вы может быть меня не любите, может быть я обманулась… в таком случае извините меня… Александра Андреевна119. Я вас люблюі20… Она [опять схватила меня за голову,] взглянула мне прямо в глаза, раскрыла руки,.. Так обними же меня!21…

Откровенно вам признаюсь 122, я не понимаю,

как я в ту ночь с ума не сошел — Чувствую я, что она123 себя губит; чувствую, что она не совсем в своем уме124 — Понимаю тоже125 и то, что не почитай она себя в опасности 126, и не подумала 127 она обо мне… а то ведь, как хотите, жутко умирать в 25 лет, никого не любивши. — Не 128 выпускает она меня из своих рук… Ты меня жалеешь?.. Не жалей меня, говорит 129. К чему? Чего жалеть? Ведь должна же я умереть. Эти слова 130 она безпрестанно повторяла. Вот если бы я знала что я в живых останусь и опять в порядочные барышни попаду — мне бы стыдно было, точно стыдно… а то что?.. Да кто вам сказал, что вы умрете… Э нет — полно — не обманешь131. Ты лгать не умеешь… Посмотри на себя… [А то вдруг отвернется и рукой глаза закроет.] Горько было мне… по многим причинам горько. [Как вы] [И тут приключилась вещица… кажется ничего] И [вообразите] посудите вот, какие [бывают] иногда [странные случаи] приключаются вещицы… Кажется ничего… а нехорошо 132… Вздумалось ей спросить меня как мое имя, то есть не фами- лие — а имя? Надо же несчастье такое что меня Трифоном зовут! [Я признаться не мог не улыбнуться] — Да-с, да-с — Трифоном, Трифоном Иванычем. — В доме то все меня Доктором звали. — Я, делать

нечего, говорю: Трифоном меня зовут,33. Она прищурилась, покачала головой и прошептала что то по французски — ох да не доброе что-то —

— ———————————

118 а. я же умру б. умру же я

119 а. Андреевна б. Андреевна. Что вы говорите

120 а. люблю б. люблю Ал(лександра) Ан(дреевна)

121 а. меня б. меня, говорит

122 а. вам признаюсь б. скажу вам

123 а. она б. больная моя

124 а чувствую, что она не совсем в своем уме б. вижу, что она не совсем в памяти

126 а. в опасности б. при смерти

127 а. не подумала б. не подумала бы

128 а. не б. Но не

129 а. Ты меня жалеешь?.. Не жалей меня, говорит б. Пощадите меня Александра) Ан(дреевна) да и себя [пожалейте] пощадите — говорю *в.* Пощадите меня Александра) Ан(дреевна) да и себя [пожалейте] пощадите, говорю. Вы будете живы, Ал(ександра) Ан(дреевна)… (*Вписано*; Я вас вылечу.) Мы испросим у вашей матушки благословения… Мы [вступим в брак] [поженимся] соединимся узами. Мы будем счастливы… Э нет. — [ты мне] Нет, я с [тебя] вас слово ваяла; я

должна умереть… ты мне обещал, ты мне сказал

130 а. Эти слова б. Это

131 а. не обманешь б. ты меня не обманешь

132 а. нехорошо б. больно

133 а. Трифоном меня зовут б. Трифон, сударыня

— ———————————

и засмеялась потом — не хорошо тоже. — Вот эдак-то я почти всю ночь провел с ней. По утру вышел словно угорелый… вошел опять к ней в комнату уже днем, после чаю: Боже мой! Боже мой! узнать ее нельзя… Краше в гроб кладут. —Я [ей], честью вам клянусь не понимаю теперь, не понимаю решительно, как я эту пытку выдержал… Три дня — три ночи еще больная моя проскрыпела — Какие ночи! Что она мне говорила! как я это 534 вынес! А [каково мне было] в последнюю-то ночь — вообразите вы себе — [я] сижу я подле нее и уж об одном бога прошу — как бы нас он поскорее прибрал обоих S3®.„. вдруг старушка мать*37 в комнату… Уж я ей накануне [сказал] должен былі3s сказать, что мало дескать, плохо S39.„0 А больная [моя] моя, как увидела мать и говорит: Ну — вот хорошо, что пришла… благослови пас… мы друг друга любим… мы друг другу слово дали… Что это она, доктор, что <она?

Я помертвел… бредит-с, говорю 140 — жар-с… 141 Полно — полно, ты мне сейчас совсем другое говорил i42\ что притворяешься? 143 Мать моя добрая… [она умолкла] а я умираю… Мне [нечего] не к чему притворяться,44… Она простит она поймет i45,.u Я вскочил и [из комнаты выбежал] вот… [чувствую] выбежал. Старушка, разумеется, догадалась.

[Что вас] Не стану я846 вас долее томить — [и мне самому признаться тяжело всё] [себя то мучить всё] и мне самому признаться тяжело все это припоминать… Моя больная на другой же день скончалась… Перед смертью попросила она своих выдти — [и оставить меня с] и меня с ней наедине оставить… Те видят, что умирает 147 Простите меня, говорит, я [вас], может быть, виновата перед вами… [я больна] [б] болезнь… Но поверьте — я никого не любила более вас… не забывайте же меня… Берегите мое кольцо…

Лекарь отвернулся… Я взял его за руку… Эх! начал он — давайте ка о чем нибудь другом говорить… или не хотите ли в преферанс по маленькой?

— ———————————

а. это 6. все это

135 а. вынес! б. вынес! Господь ведает!

136 *а как* бы нас он поскорее прибрал обоих *б.* прибрал бы господь поскорее нас «обоих в. прибери господь поскорее обоих

137 е. мать *б.* мать — шасть… а. должен был б. вынужден с. плохо… б. плохо… И священника ее худо бы

240 а. говорю б. говорю — должно быть

а, жар-с… б. жар-с… А сша то:

142 а, говорил *б.* говорил; [Я весь (2 *нрзб) вь* говорил: и кольцо [еще взял] от меня принял

141 *а.* притворяешься? *б.* притворяешься? Пожалуйста, кольцо… *в.* притворяешь

ся? Я не брежу. Пожалуйста кольцо…

— а. притворяться *б.* лгать

— *а.* поймет *6.* поймет,.* Дай мне руку

14в а. я б. я оде ко

147 а. Те видят, что умирает б. сестры то ее тоже знали в чем дело — сами [как] словно мертвые, ходили

— ———————————

Мы сели в преферанс по копейке. Лекарь148 выиграл 149 2 рубля [и копей<ку>] с полтиной, [и ушел весьма довольный] и ушел130 весьма довольный своей победой.

— ———————————

148 а. Лекарь 6. Триф(ое) Ив<анович)

149 е. выиграл 6. выиграл у меня
150 а. ушел б. ушел поздно

БЕЖИН ЛУГ

Первому, старшему изо всех, Феде — казалось на вид1 лет тринадцать2. Это был стройный [<1 *нрзб.*>] мальчик с красивым и [веселым лицом] тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми кудрями3, [томными] [по] [чорньши] светлыми глазами и постоянной, полу-веселой4 [спокон]. улыбкой 5. — На нем были ® сапоги \ небольшой новый армячок 8 чуть держался на его узеньких плечиках, на поясе s висел гребешок. — [Федин отец]

[Лишь] второй, Павлуша v\ был [одет очень просто — в рубаху и портков] [некрасиво] очень неказист собой 11 — волосы [у него] были всклочепые, чорные [широкая] [голова широкая — как говорится, с пивн] глаза [пеболь] [кр] кариекрошечные, скулы [широкие] [на], лицо рябое*3, но 14 вся голова огромная, как говорится, с пивной котел — [сам он был] тело приземистое, неуклюжее...15 — но 16 все-таки он мне понравился [в выражении] [в его голосе] [что] [было в его движениях] взгляд у него был очень умен и спокоен i8 — [и говорил он] [да] и в голосе [было] [у него]

звучала [решит] сила. Одет он был

— ———————————

— *а.* казалось на вид б. [можно было] Вы бы дали

— тринадцать б. 14

— *а.* кудрями б. волосами

— я. полу-веселой б. полу-веселой, полу-рассеянной

— *Вписано:* [По всем] Федя принадлежал, но всем приметам, к богатой семье.

— *а.* были б. была пестрая рубжа с жолтой каемкой *в.* была пестрая ситцев<ая) рубаха с жолтой каемкой

— а. сапоги б. сапоги [его, а не отцовские, небольшие, дов] с низкими [широкими] голенищами [приходились на его ногу -не с] *в.* да и сапоги его низкие, с широкими) голе(нищами) были его-не отцовские [по всему было заметно что] он [был баловень по] и выехал-то в поле [дл(я>] так для забавы- не по нужде:-[Он беспечно оглядываясь]

® а. армячок б. армячок надетый в накидку

9 а. поясе б. голубеньком поясе

40 а. Павлуша б. Павлушка

— *а.* очень неказист собой б. [весьма собою неказистый]

— *а.* карме 6. серые

— а. рябое б. бледное, рябое в. бледное и рябое

— *а.* но б. рот |широ<кнй>] большой *в.* рот большой, но правильный

— *Вписано:* малый неказистый.

36 я. но б. а

57 а. он мне понравился б. его наружность мне понравилась *в.* мне понравилась

18 ае взгляд у него был очень умен и спокоен б. но глядел он очень умно и прямо в, взгляд у него был очень умен

— _____

очень бедно 19 — кроме20 простой замашной рубахи да из [изорва] заплатанных портов — ничего 21. [Илюша был казалось ровесником им обоим] Лицо третьего Илюши было довольно незначительно — худое 22, вытянутое подслеповатое, оно выражало какую-то тупую23 заботливость24 — из-под низенькой старой 25 шапочки, [надвинутой на самый лоб] — [его] [выбива] почти белые 26 [его жолтые вол о] [почти] которую он беспрестанно 27 обеими руками надвигал себе на уши. — На нем была худенькая свитка 28, подпоясанная веревкой29. [И ему и Павлуше казало<сь>] 30 [Он казался ровесник

Павл.] — [Им об<оим>] И ему и Павлуше на вид [было лет] было не более лет 12-и. — Четвертый Костя, [лет] мальчику лет 93t поразил меня особенно 32 задушевным и печальным выражением своего.лица33; — [небольшое] всё лицо его было невелико, худо34, к низу заострено35 — губы едва можно было различить но [глаза] большие» черные [сиявш] его глаза невольно привлекали внимание 36 — они, казалось 37, хотели что-то высказать, [чего] для чего в языке — в его языке по крайней мере — не было слов. — Он весь был маленького росту, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню — я сперва было38 не заметил — он лежал39 прекорнув под угловатую рогожку — и только полчаса спустя 40 выставлял [свою] из-под нее свою русую и круглую головку [с добродушными]. Этому41 было всего лет 7.

— ———————————

19 а. Одет он был очень бедно б. Одет он был уж учень бедно *в.* Одежда [его] он [не и] пощеголять не мог

20 а. кроме б. она вся состояла из

21 а. ничего б. решительно ничего

22 а. худое б. горбоносое

23 а. тупую б. тупую, болезненную

24 Вписано: [особенно] [он] сжатые губы его не шевелились; не расходились сдвинутые брови; он словно все щурился от огня.

25 а. старый б. войлочной

26 Вписано: а. волосы торчали косицами б. волосы торчали острыми косицами

27 а. беспрестанно б. то и дело поправлял н

28 а. На нем была худенькая свитка б. На нем были лапти, худенькая свитка в. На нем были новые лапти и онучи, худенькая свитка

29 а. подпоясанная веревкой б. тщательно подпоясанная веревкой *в.* толстая веревка три раза перевитая тщательно стягивала его худенькую свитку *г.* толстая веревка три раза перевитая тщательно стягивала чорную свитку

30 Вписано неск. слов — нрзб.

32 а. поразил меня особенно б. [(1 нрзб.>] [привле<к>] [возбудил мое] возбуждал особенное любопытство *в.* возбуждал особенное любопытство своим

3,5 а. выражением своего лица б. взором

34 а. худо *б.* худо, в веснушках

35 а. заострено б. заострено как у белки

s® а. большие, чорные [сиявш] его глаза невольно привлекали внимание б. странное впечатление производили его большие, чорные жидким

блеском блестевшие глаза

37 Вписано <1 нрзб.)

n а. сперва было б. долго *в.* сперва и

39 а. лежал б. смирнехонь<ко> лежал на земле

40 а. полчаса спустя *б.* изредка

4Е а. Этому б. Этому мальчику

— ———————————

И так я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков, — Небольшой котёльчик висел [у них] над [ого] одним из огней — в нём варились «картошки». — Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал в [них] [и болтал] [в них] щепкой в воду 42. — Федя лежал, опершись на локоть и раскинув свой армяк43. Илюша сидел рядом с Кос- тей44 и по-прежнему щурился 45; Костя [понурил голову] потупил голову 4в. — Ваня не шевелился под своей рогожей. Понемногу они опять разговорились. — Я не шевелился притворился спящим..47 — [Ну так] Сперва они покалякали48 о т<ом> о с<ем> — о завтрашних работах, о лошадях — но вдруг Федя [как] обратился к Ил<юше> и как бы возобновляя прерванный разговор, с [своей со] спокой<ной> улыбкой спросил его: Ну так 49 что ж — ты — так и видел домового?

Нет — я50 не видалм, отвечал Илюша сиплым

и глухим52 голосом — звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица — а слышал. — Да и не я один.

А он у вас где водится? резко спросил Павлуша.

В старой рольне 53.

А разве вы на фабрику ходите.

Как же; ходим. — Мы с братом, с Авдюшкой в лисовщиках состоим 54. Ну так какоже ты его слыхал, спросил Федя. А вот как. — Пришлось нам с братом Авдюшей да с Федором Михеев- ским, да с Ивашкой [Карн] Косым, да с [Ива] другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да еще с Ивашкой с Сухоруковым — да еще были там ребятки55 — всех было нас ребят человек 10 — как есть вся смена — пришлось56 нам здесь в рольне заночевать — то есть не то чтобы этак пришлось — а Назаров [кот] фабричный запретил — говорит что

— ———————————

[1] а. воду б. закипавшую воду

45 а. свой армяк б. полы своего армяка

[1] а. Илюша сидел рядом с Костей б. Илюша с Костей… оба сидели рядом *е.* Илюша с Костей

[1] а. по-прежнему щурился *б.* щурился

[1] а. потупил голову б. потупил немного голову и глядел куда-то в даль. —

[1] а. Понемногу они опять разговорились. — Я не шевелился притворился спящим… б. Я притворялся спящим… Понемногу они опять разговорились.

4в а. покалякали б. как говорится покалякали в [так] немного покалякали

4 а.* так б. и

[1] а. я б. я его

[1] Вписано: да его и видеть нельзя

32 а. глухим б. спертым *е.* глухим слабым

[1] К этому месту на поле сделано примечание: а. Рольней (или черпальней) называется [она] комната где в чанах вычерпывают [вое] бумагу, б. Рольней в бумажных фабриках (или черпальней) называется стро(ение) где в чанах вычерпывают бумагу. — Оно находится у самой плотины под колесом.

[1] Примечание на поле: [Лисовщиками назы] Лисовщики глядят, скоблят бумаги.

[1] а. ребятки, б. другие ребятки.

5в а. пришлось б. а пришлось е. но а пришлось

— ———————————

вам57 ребятам 58 домой таскаться — завтра работы много50 — вот мы и остались и лежим:60 все вместе и зачал Авдюшка [эдак] говорить — что мол — ребята — [неладно] ну как домовой

(опя<ть>] придёт — И не успел ой эдак61 проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил — а02 лежали-то мы в низу — а заходил он на верху, у колеса, — Слышим мы: ходит — доски под ним так и гнутся так и скрицят83 — вот нрошол он через наши головы64 — да к двери — да по лестнице спустился ®5. — И эдакв6 словно не торопится67 — [Вдруг наша дверь — дверь проскрыпела настежь] ®8. Переполошились мы — глядим — ничего. — [А лунно -аж светло о] [ночь месячн] [всё] видно все. Ночь-то месячная69. Смотрим мы70 -у одного чана [вдруг] сетка71 зашевелился72- поднялся73, окунулся74, походил походил75 на воздухе, словно кто им7в [зачерпнул] полоскал — да бряк77 опять на место.

Смотрим мы78 — [а] у другого чана [вдруг] крюк снялся с гвоздя79 — потом к двери пошол — тот-то8а да вдруг как закашляет — как заперхает, [да81 не по-человечьи] словно овца какая, да сильно так82 — мы все так ворохом83 все друг под дружку полезли84 — смерть наша ~~пришл~~а 85.

— ———————————

57 а. вам б. мол вам

54 а. ребятам *б.* ребяткам

5® Вписано: так вы ребяткн домой не ходите

ett а. лежим *6.* лежим эдак

в а.* эдак *б.* Авдей-он *в.* Авдей-то

с. а б. но а

[1] а. скрыпят б. [трясутс<я>]

— Вписано: а. вот вдруг по колесу как зашумит, застучит колесо завертится, удивляемся мы кто ж б. вот вдруг по колесу как зашумит, застучит колесо завертится, по а застав<ки> у дворца спущены кто их поднял, что вода пошла однако колесо скоро остановилось удивляемся мы кто ж

— а. спустился б. и спустился

88 е. эдак б. эдак спущается

— Вписано: ступеньки под ним так даже стонут ажио

— Вписано: а. Ну — подошел к нашей двери — она вдруг, наша дверь — скрып — да и распахнулась б. Ну — подошел к нашей двери — [дверь] подождал, подождал, да н распахнул ее

— а. Ночь-то месячная б. Ночь-то вокруг месячная е. Лунно все

[1] а. Смотрим мы б; И вот вдруг

[1] о. сетка б. форма *На полях к этому слову сделано примечание:* Сетка, которой бумаги черпают

[1] а. зашевелился б. зашевелилась сетка

— е. подеялся б. поднялась

[1] о. окунулся б. окунулась

74 а. походил походил б. походила походила эдак

78 а. им б. его

[1] а. да бряк б. да и

[1] а. Смотрим мы б. Потом смотрим

а. снялся с гвоздя б. снялся с гвоздя да опять на гвоздь

[1] а. к двери пошол — тот-то б. к двери тот-то пошел *в.* будто к другой двер» кто-то пошол —

[1] а. да б. и

[1] а. сильно так б. так зычно

[1] Вписано: н свалились

[1] а. все друг под дружку полезли

[1] а. смерть паша пришла *б.* Уж как мы папу жались о ту пору

— ———————————

Вишь как, промолвил Павел 8в. — Да-да, возразил Федя 87. Все помолчали8в. [А что картошки? — J Еще сыры89.

Нет — я вам что братцы расскажу, заговорил Костя Послушайте-ка 91. — [Мне] намедни сь батька92 при мне рассказывал. — [Вот] Вы вот знаете Петра93 плотника? — [знает]

Ну да знаем — [возразил] [у] возразил Павел.

А знаете ли от чего он такой всё невеселый

— все молчит — знаете? Вот отчего он такой невеселый…94 Пошол он раз, {мне] тятенька говорил — [еще] [а был он ещё парнишка] пошел он в лес по орехи. Вот пошол он в лес по орехи, б<ратцы> м<ои>, да и заблудился — зашел — Бог знает куда зашол. — Уж он ходил, ходил, нет — не может найти дороги95 — вот и присел он под дерево — дай-мол дождусь утра — присел и задремал. — Вот задремал и слышит вдруг — кто-то его зовет. — Смотрит — никого. — Он опять задремал. — Опять зовут. — Он [поднял] опять глядит. — Глядит он — а перед ним на ветке русалка сидит качается-и [н] его к себе зовет и сама смеется9®. —А луна-то97 светит сильно сильно98, всё братцы мои видно. — Вот зовет она его и такая вся она беленькая99 сидит на ветке словно плотичка какая или пескарь 100 — Гаврила-то101 (как глянул] так и обмер, братцы мои -а она, знай, хохочет, — да его [эдак] всё к себе эдак рукой — аовет. Уж Гаврила- было и встал — [да ви] 102t послушался103 Русалки [б] — да знать Господь104 се спас105… Наложил106 на себя крест. — А уж как ему

— ———————————

[1] Вписано: Чегож он раскашлялся?

[1] а. Да-да, возразил Федя. б. Да, да, возразил Илья. А что картошки? — *в.* Не знаю, возразил

Илья. Может от сырости.

[1] Вписано: А что, спросил Федя картошки сварились?

[1] а. Еще сыры б. Нет еще сыры *в.* Павел пощупал их. Нет еще сыры. Вишь как плесиула прибавил он, повернув лицо в направлении реки. Должно быть щука? Бон звездочка покатилась.

9П а. Костя б. Костя тоненьким голоском

[1] Вписано: Ну слушаем — возр(азил) Федя.

[1] а. батька б. тятя *в.* что тятя

а. Петра б. Гаврилу в. хлоповского Гаврилу

[1] Вписано: слушайте

[1] Вписано: а уж ночь на дворе

98 а. смеется б. помирает со смеху смеется

07 а. луна-то б. месяц-то

[1] а. сильно б. сильно — так явственно

[1] а. беленькая б. светленькая бег энькая

!0° Вписано: а. а тот вот ещё карась бывает не то белый не то золотой. Так на луне [< 1 *нрзб.у]* и светился, б. а то вот ещё карась бывает такой белесоватый, серебряный.

[1] а. Гаврила-то б. Гаврила-то плотник

[1] а. [да ви] б. [б<ратцы) мои]

105 а. послушался б. нослушался-было

[1] а. Господь б. сам Господь

[1] а. спас б. надоумил

108 а. Наложил б. Наложил-таки

— ———————————

трудно было крест-то класть, братцы мои — говорит [просто] рука просто как каменная, не ворочается, Ах ты боже мой! 107 Вот как положил он крест, б<ратцы> м<ои> — Русалка-то [вдруг] и смеяться перестала да., вдруг как заплачет — Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает — а волосы у ней зеленые, что твоя конопля — вот поглядел, поглядел на нее Гаврила да и спрашивать её108 — чего ты, лесная109 зелье, плачешь. — А Русалка-то как взговорит ему не креститься бы тебе, человече. жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь, оттого что ты крестился; да не я одна убиваться буду — убивайся же и ты до конца дней. — [Тут] 110 [она пропала -] Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле [понятно] тотчас и попятно111 стало как ему из лесу, то-есть, выйти. — А только с тех пор вот он всё невеселый ходит. — Эка! проговорил Федя после недолгого молчания — да как же это может эдакая лесная нечисть человеческую 112 душу загубить из, он же ее не послушался? —

Да вот поди-ты! — возразил Илюша.

Твой батька сам это [говори<л>] рассказывал! продолжал Федя, Сам, отвечал Илюша. — Я лежал

на палатях — всё слышал. Чудное дело m — знать, он ей понравился, что она позвала её. — Да, понравилась, перебил его [Федя] Ил<юша> какже. — Защекотать его хотела — вот что И5. — [Ихо] Это ихнее дело, этих русалок-то. А ведь и здесь должны быть русалки, заметил Федя. Нет, отв. Костя. — Здесь место чистое, вольное. — Одно: река близка.

Все смолкли. — Вдруг где-то в отдалении раздался один из тех [з] [странных ночных непо] [стеня] протяжных звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных116 ночных звуков, которые частоП1 словно [поднимаются где-то и] возникают 118 среди глубокой тишины и словно как будто поднимаются119 и стоят120 в воздухе… [Мальчики] [Другой, более слабый] [и] [<1 *нрзб.У]* [медленно исчезают] [разносится] — [словно кто-то] и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Казалось кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном… [за лесом ему] [другой, более] [потом] 121 кто-то другой отозвался ему в лесу

— ———————————

[1] а. Ах ты боже мой! б. Ах ты эдакой — а!
[1] а. спрашивать её б. стал её опрашивать
|0® а. лесная б. лесное

[1] е. [Тут] б. (1 *прзб.)*

Ий а. понятно б. понятственно

И2 а. человеческую б. христианскую

[1] а. загубить б. спортить

[1] Вписано: И чего ему быть невеселым. А

145 а. вот что б. вот что она хотела

пв а. непонятных б. непонятных смутных *в.* непонятных

[1] а. часто б. [иногда]

[1] а. возникают б. возникают иногда

n® а. и словно как будто поднимаются б. внезапно поднимаются в. поднимаются

[1] а. стоят б. долго стоят *в.* стоят

[1] а. потом б. [потом как будто]

— ———————————

тонким, слабым122 хохотом ш — и слабый124 свист промчался 425 по реке. — Мальчики переглянулись, вздрогнули.. С нами крестная сила, прошептал Ил<юша>.

Эх вы вороны, крикнул Павел! — чего всполохнулись — посмотрите- ка — картошки сварились, Все пододвинулись к котёльчику и начали і26 есть дымящийся картофель. Один Ваня ее шевельнулся. — Что же ты? сказал ему Павел. — Но он не вылез из-под своей рогожки. — 127

А слыхали вы, начал 128 Илюша, что намеднись

у нас на Варнавицах приключилось? —

На плотине-то? — спросил Федя.

Да — на плотине 120. — Вот уж нечистое место, так нечистое. — Да и глухое такое. — Кругом всё такие буераки. — Ну чтож такое случилось, сказывай.

А вот что случилось. — Ты может быть Федя не знаешь а только там у нас утопленник похоронен — а утопился он давным-давно 130 — только могилка его ещё видна да и та чуть видна — так бугорочек. — Вот [на днях] [недавно] 131

Он [уселся пере] [бросил на землю] опять уселся132 перед огнем. — Садясь133 он уронил руку на голову134 одной из собак — и долго не шевелилось135 обрадованное животное, [гордо] с пронзительной гордостью [нака] посматривая сбоку на [него] своего хозяина.

А какие ты 136 нам страхи рассказывал, заговорил опять Федя, которому [его явное преимущество надо всеми] 137 как [сыну] [определяло] сыну богатого [мужика] крестьянина — [([его] отец его был бурмистром)] приходилось быть запевалой, — [Надобно же так, чтобы] (Сам же он говорил мало, как бы боясь уронить своё достоинство) Да и собаки тут кстати138 залаяли.., А точно я слышал, это место у вас нечистое.

Варнавицы? — ещё [было] бы, — Ещё какое нечистое. — [Говорите] Там не раз, говорят старого13* барина видалиио. — Ходит [в] говорят.

— ———————————

*22 я, слабым б. острым

[1] а. хохотом *б.* хохотом — как будто *в.* хохотом

[1] а. слабый б. слабый шипящий *в.* слабый как будто шипящий

я. промчался б. отчетливо промчался в. промчался

[1] а. начали б. принялись

[1] Вписано: Котельчик скоро весь опорожнился

123 а, начал б. начал [<i нрзб.)]

[1] а, на плотине б. на плотине на прорванной

[1] а. давным-давно *б,* давным-давно кап пруд еще был глубок

UI Далее в автографе недостает одного листа.

[1] а. уселся б. прикорнул

[1] а. Садясь *б.* Садясь на землю

,п ft. голову б. шею *в.* затылок

[1] а. не шевелилось б. не поворачивало головы

[1] а. ты б. ты Илюшка

197 Вписано: [его] [про] [богатство па]

13S а. кстати б. дернула нелегкая
[1] а. старого *б.* покойного старого *в.* старого
[1] а. видали б. видали покойника
— ———————————

в долгополом сюртуке 141 [и руки назад держит и] все эдак охает, слов но чего-то ищет[. Ему как-то раз стар] на земле. —Его раз [ста] дедушка Назар142 повстречал… Что мол — батюшка Ив<ан> Ив<аныч>ь изволишь искать на земле?

[1] [Ах душа] — Это однако 144 молодец 145 Трофимыч? — заметил Федя. — Ну и чтож тот. Разрыв-травы, говорит, ищу — да так глухо 14в, глухо. — Разрыв- травы.

А на что тебе, И<ван> И<ваныч> разрыв-трава? — говорит ему Тр<офимыч>.

Давит, говорит, [Трофимыч], могила давит. — Вон хочется, [вон…]

Вишь как, [заметил] проговорил Федя. [Не] Мало знать пошил.

147 Экое диво! заметил Костя — Я думал покойников можно только в Родительскую субботу видеть. Покойников во всяк час видеть можно, подхватил148 Илюша, который, [по всему заметить] 149 лучше других знал все сельские [суев] преданья какие случа<лось> видеть. А в родительскую субботу150 можно [себя] и живого

увидеть, коли151 в том году [кому] [за кем придет помирать] за тобой 152 очередь помирать. — Стоит только ночью сесть на церковную паперть153 — да154 на дорогу глядеть. — Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому то есть помирать в том году. — Вот у нас в запрошлом году Ульяна пошла ночью 155 на паперть

— Ну и видела она кого-нибудь, с любопытством спросил Костя.

Как же. Пёрво наперво она сидела долго, долго, никого не видала 15в… вдруг смотрит идет по дорожке мальчик 157 она приглянулась — Ивашка Федосеев идет…

Тот, что умер весной, перебил Федя.

Тот самый. — Идёт и головы не поднимает. А узнала его Ульяна. — Но а потом смотрит — баба идет. — Она вглядывается — Ах ты господи, сама идет 158 Ульяна.

— ———————————

— а. в долгополом сюртуке б. в кафтане в долгополом

— а. Назар б. Трофимыч

145 Вписано: Он его спросил? Да, спросил.

[1] а. Это однако б. Ну и *в.* Ну

[1] а. молодец б. молодец же он после этого

148 а. глухо б. глухо говорит

[1] Слова: Экое диво! <ч> В чем душа держится. — *вписаны на полях.*

[1] а. подхватил б. с уверенностью подхватил

[1] Вписано: словно в нем

[1] Вписано: [ты мо(жешь)]

[1] а. коли б. за кем то есть

[1] а. за тобой б. за ним

15S а. паперть б. на паперть

[1] а. да б. да все

[1] а. пошла ночью б. ходила

[1] а. не видала б. не видала и не слыхала *в.* не видала и не слыхала, только собачка как будто все эдак где-то залает, залает г. не видала и не слыхала, только юсе как будто собачка эдак залает, залает

[1] а. мальчик *б.* мальчик в одной рубашонке

[1] а. идет б. идет по дороге. Сама

— ———————————

Неужто сама?

— Ей богу сама.

Ну чтож — ведь она еще не умерла?

— Да году-то ещё прошло. А ты посмотри на неё. — В чем душа держится.

Все опять притихли. — Павел бросил [сучья] сухие сучья на огонь. — [Пламя их весел] Резко зачернелись она на вспыхнувшем159 пламени

— затрещали, задымились и пошли коробиться. Отраженье света ударило широко 160 во все стороны — особенно кверху. [Вдруг над самым] Вдруг — откуда ни возьмись, белый голубок — налетел 181 подвертел- ся182 над нами163, весь [озаряясь] облитый184 алым отблеском,85, и исчез, звеня крылами. Знать от дому отбился, заметил188 Павел. — Теперь будет лететь, покуда не наткнется-и где ткнет, там и проночует до зари. А что Павлушка, [пром] [воз] промолвил Костя, не праведная ли это душа летит на небо? — ась? —

Павел бросил опять горсть сучьев на огонь, — Может быть, проговорил он наконец. А что Павлушка, начал Федя, что у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то небесное?*167

Как солнца-то не стало видно? [И ноченька сдела] как же.

Чай, напужались я вы? —

Да. — Темно-то «друг как стало 18\- Барин-то наш и говорил189 нам напередки 170 что дескать [вот в такой-то день] будет 171 [сегод<ня>] предвиденье — а как [ст] затемнело 172, сам, говорят, так [перепугался] перетрусил, что ria поди 173. А у нас на деревне, такие, брат слухи ходили. — Что, мол, белые волки по земле побегут., людей есть будут — [что прилетит] [полетит] хичная птица

полетит — а то и самого Тришку увидят.

— ———————

— а. вспыхнувшем б. внезапно вспыхнувшем

— е. широко б. дрожа в. порывисто дрожа

[1] а. налетел б. налетел прямо в это отраженье

[1] а. повертелся б. пугливо повертелся

[1] а. над нами б. на одном месте

[1] а. облитмй б. обливаясь

[1] а. отблеском б. блеском

188 а. замет ил б. промолвил

*[1] К этому месту на полях сделано примечание: а.** Так мужики называют у нас затмение 1843-го года. б.* Так мужики называют у нас солнечное затмение.

[1] а. Темпо-то вдруг как стало б. Да не мы одни

[1] а. и творил б. хочь и говорил *в.* хоша н говорил

— е. нашзредки б. напредки

— *а. будет б. будет вам*

— *а. затемнело б. затемнело вдруг*

— Вписано: *а.* На дворовой избе баба стряпуха, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила — [а только п] [посадила их в печь] [в печь их посадила] а посадила только что в печь — кому теперь есть, говорит — наступило светопрес тановление. Так шти и потекли

[по пол], *б.* А на дворовой избе баба стряпуха, как. только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила — кому теперь есть, говорит — наступило светопрестановление. Так шти и потекли.

— ———————————

Какого этого Тришку — спросил Костя, — а? —

А ты не знаешь? s74 — Ну брат откелева175 ты, что [ты] Тришки не знаешь? Видно 176 у вас в деревне сидят! Тришка*т — эвто будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет; такой уж будет удивительный [всп] человек. [Посадят его в о] Захотят еть взять178 [доб] хрестьяне — выдут на него с дубьем*79, а он им глаза отведёт; так отведет180 — что они же сами 581 друг друга побьют. — В острог его посадят, например; он попросит водицы испить в ковше 182 — ему принесут ковшик — а он нырнет туда — да и поминай как звали. Цепи183 на него наденут — а он в ладошки затрепещется цепи с него так и по- сыпются!8\- Ну и будет ходить этот Тришка по селам да по городам — и будет этот Тришка смущать 185 но а сделать ему нельзя будет ничего. Вот какой

186 он будет 187,

Ну да, продолжал Павелі88. — Такой. Вот его-то и ждали у нас. — Говорили [м] старики что вот мол как 189 предвиденье небесное зачнется — так Тришка и придет. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу — в поле — ждёт, что будет. — А у нас вы знаете, место видное привольное. — Смотрят 190, от Слободки с горы идет как-то человек да такой мудреный, голова така удивительная — все как крикнут — Ой Тришка идет! Ой Тришка идет! — Да кто куда — Староста наш в канаву залез — старостиха в подворотне застряла, благим-матом кричит — а Кузькин отец191 [присел] вскочил в овёс присел да и ну кричать перепелом авось мол птицу-то пожалеет!92 — таково-то все переполошились — а человек-то это шёл наш бочар, Вавило жбан себе новый купил, да на голову пустой жбан и падел…

[Все] мальчики засмеялись. —и опять приумолкли, [<1 *нрзб.]* на мгновенье, как это [опять] обыкновенно случается с людьми разговари

— ———————————

Вписано: с жаром подхватил Илюша.

[1] а. откелева. б. откелева же

[1] а. Видно б. Сидни же

*[1] К этому месту на полях сделано примечание: а.** Поверье о «Тришке» [должно быть], [происходит] [имеет очень общее с ска] [от] вероятно отозвалось сказание об Антихристе б. В поверье о «Тришке» вероятно отозвалось сказание об Антихристе

[1] а. взять б. например взять

[1] Вписано: оцепят его, — но

*80 а. отведет б. отведет им глаза

[1] Вписано: <1 нрзб.)

[1] а. в ковше б. в ковшике

185 а. Цепи б. Например, цепи е. Цепи

[1] а. посыпются б. попадают

[1] а. смущать б. лукавый человек, соблазнять народ хрестиян(ский)

[1] а. Вот какой б. Уж такой

[1] а. будет б. будет человек в. будет лукавый удивительный человек

[1] а. Навел б. Павел своим нетороиливьш голосом

**8 а,* как б. как только

[1] а. Смотрят б. Смотрят, вдруг

[1] а, Кузькин отец б. Кузькин ояец Дорофеич

892 а. пожалеет б. враг пожалеет

— ———————————

вающими [<1 *нрзб.У]* на открытом воздухе i9\-

Торжественно и царственно стояла ночь- [до утра было еще далеко] — вечернюю 194 свежесть 195 сменила полуночная сухая теплынь — и долго было ещё195 ей лежать мягким покровомm на заснувшей землеi98 — ещё не один час оставался199 [до первых шелестов,] до первого лепета [и шороха] до первых шорохов и шелестов утра 200. — Бесчисленные, золотые звезды — казалось, стремились все2(Н по направлению млечного пути [особенно] и право, глядя на них, вы как будто чувствовали 202 стремительный [и], безостановочный бег земли..

Странный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой — и через 203 несколько мгновений — повторился уже далее…

Костя вздрогнул.с Что это?

Это цапля кричит — спокойно возразил Павел.

Цапля., повторил Костя. — А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером — прибавил он помолчав немного. Ты может быть знаешь. Что [такое] ты слышал?

А вот что я слышал. — Шел я [мимо] из Каменной Гряды к себе домой в Шашкиио — а шел 204 сперва все нашим орешником а потом лугом 205 пошел — знаешь там где он сугибелыо*206 выходит — там ведь207 бучило**208 знаешь — и оно

209 всё камышом заросло — пошел 210 я мимо этого бучила, братцы мои — и вдруг из того-то бучила как застонет кто-то — да так жалобно жалобно 2И — у-у… у~у… у-у.» Страх такой меня взял — [дело] братцы мои — время-то позднее — да и голосок 212 такой болезный…2i3 Что бы это такое было, ась? —

— ———————————

493 Вписано: Я поглядел кругом.

[1] а. вечернюю б. сырую

**95 а.* свежесть б. свежесть позднего вечера

19й ff. долго было ещё б, ещё долго было

[1] а. покровом б. пологом

[1] а. на заснувшей земле б. на заснувших полях

[1] а. не один час оставался 6\ много времени оставалось

[1] а. шелестов утра б. шелестов, до первых росинок утра *Далее вписано: ас* Луны не было — [в то] она [поздно] к ту [вре] пору поздно всходила, б. Луны не было на небе ~ она в ту пору поздно всходила.

[1] а. стремились все б. все тихо текли все. наперерыв мерцая

[1] а. чувствовали б. смутно чувствовали сами

[1] а. через б. спустя

[1] а«шол б. шол я

[1] а. лугом б. лужком

*[1] Вписано на поле:** Сугибель — крутой поворот в овраге

[1] а. ведь б. ведь есть

*[1] Вписано на поле: а.*** глубокая яма с водой, которая не пересыхает даже летом, б. глубокая яма с весенней водой> оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом.

2(f9 а. и оно б. оно еще

2t0 а. пошел б. вот пошел

2И а. жалобно жалобно б. жалостливо жалостливо

[1] а. голосок б. голос

253 Вписано: *а.* Так вот кажется бы и заплакал б. Так вот кажется сам бы заплакал

— ———————————

В этом бучиле в позапрошлом лете Акима лесника утопили воры ~ возразил214 Павел — так может быть его душа жалобится.

А ведь и то, братцы мои, его душа 21\- Я и не знал, что Акима-то в том бучиле утопили-[а то бы еще] я218 не так ещё напу- жался. А то, говорят, есть такие лягушки небольшие 217, продолжал Павел, которые так жалобно кричат.

Лягушки — ну нет это не лягушки. — Какие

это…

Цапля опять прокричала над рекой..

Эк её — невольно воскликнул Костя. — Словно леший кричит.

[1] Леший не кричит — он немой, подхватил Федя — он только в ладоши хлопает да трещит — —

А ты его видал, что ли,219 {что] насмешливо перебил его Федя. — Нет не видал — и сохрани бог его видеть — но а другие его видели. — Ещё 220 на днях он [Федора нашего] [Федора Антипова] у нас мужичка обошел. — [Присоседился к нему словно сосед какой] Водил его, водил по лесу и всё вокруг одной поляны… Едва те к свету домой добился.

Ну и видел он его?

Видел.. Говорит — такой стоит большой, большой, темный, эдак словно за деревом 221 — а глядит, глядит глазищами-то 222 —

Эт ты — воскликнул Федя [и как бы], слегка вздрогнув и передернув плечами. — Пфу! —

И зачем эта погань в свете развелась, [не по] заметил Павел 223.

Не бранись, смотри, услышит, возр<азил> Илья.

Настало опять молчанье. А глянте-ка 224, глянте-ка, ребятки, раздался вдруг детский голосок

Вани — глянте на Божьи звездочки — что пчёлки, роятся. — Он выставил своё круглое 225 личико из-под [своей] рогожки226 и медленно поднял к верху свои большие 227 [пр] глаза.

Глаза всех мальчиков поднялись к небу… и нескоро опустились.

А что, Ваня, ласково заговорил Федя — что твоя сестра Анютка, здорова?

— ———————————

2,4 а. возразил б. заметил

— а. его душа б. его душа, возразил Костя, расширив свои без того большие глаза в. его душа, возразил Костя, расширив свои без того огромные глаза

— а. я б. я б

— *а. небольшие б. маленькие в. махевькне*

— *Слова: Леший не кричит <ч> Настало опять молчанье. — вписаны на полях.*

[1] Вписано: лешаго-то

[1] е. Ещё б. Вот

[1] а. за деревом б. за деревом хорошенько не разберешь его

[1] а. глазищами-то — *б.* глазищами-то — моргает эдак, моргает е. глазищами-то — моргает ими, моргает

[1] Вписано: не иоиимаю

[1] а. А глянте-ка б. Глянте-ка

[1] е. круглое б. круглое русское *в.* милое круглое

[1] Вписано: оперся на кулачок

[1] а. большие б. большие тихие

— ———————————

Здорова, отвечал Ваня, слегка картавя. — [з]

Ты ей скажи, что [-то] она к нам — отчего не ходит?

Не знаю. Ты ей скажи, чтоб она ходила.

Скажу. Ты ей скажи, что я ей гостинца дам. А мне дашь?

И тебе дам.

Ваня вздохнул. — Ну нет — мне не надо. Дай уж лучше ей. [А она мне] Она такая у меня 228 добренькая. — И Ваня опять положил свою головку на землю. Павел встал [и] взял в руку котельчик 229…

Куда ты, спросил его Федя.

К реке — водицы зачерпнуть. — Захотелось 230 испить. — Собаки поднялись и пошли за ним.

Смотри, не упади 231 — крикнул ему вслед Илюша.

Отчего упасть 232? возразил Федя. — Он остережется.

[Отчего упасть? — А что ж это лежит зи] 233

водяной его за руку схватит и потащит 234…235 Ну и будут238 говорить — упал [мол] дескать, малый в воду. — А какое упал? — Во — вон, полез в камыши, прибавил он, прислушиваясь. А правда ли, проговорил Костя, — что Акулина дурочка с тех пор и [с ума] рехнулась как в воде побывала

С тех пор. — Какова теперь? А говорят прежде, красавица была23Т. (Я сам не раз встречал эту Акулину… [Худая,] покрытая лохмотьями, страшно-худая, с черным "38 лицом23а [и везд] вечно оскаленными зубами, топчется она по це лым 240 часам не сходя с места241 где-нибудь на дороге, прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с поги на ногу — словно зверь 242 в клетке. Она ничего не понимает что бы ей ни говорили — и только изредка хохочет. [Говорят она от л])

— ———————————

[1] а. у меня б. у нас

[1] а. котельчик б. пустой котельчик

[1] а. Захотелось б. Водицы захотелось

[1] а. не упади б. не упади в реку

[1] а. упасть б. ему упасть

[1] Вписано: а. Да остережется — всяко бывает. Он вот нагнется, б. Да остережется — Он вот нагнется зачерпнуть, а *в.* Да остережется — вся-

ко бывает. Он вот нагнется, станет [за] черпать воду, а

[1] а. потащит б. потащит к себе

234 Вписано: Разве это не бывает

238 а. Ну и будут б. Ну и станут *в.* Ну и станут потом

[1] Вписано: а. Водяной ее [знать] испортил. Знать не ожидал, что ее выта- щут.~ Да и испортил вот б. Водяной ее испортил. Зпать не ожидал, что её скоро вытащу т. ~ Да и испортил вот

[1] а. черным б. черным как уголь

[1] Вписано: помутившимся взором и

[1] а. топчется она п<о целым б. по целым топчется она

[1] а. не сходя с места б. на одном месте

[1] а. зверь б. дикий зверь

— ———————————

А говорят, продолжал Костя, {она от любви от] Акулина-то от того в реку 243 кинулась, что её обманул 24\ От того самого. А помнишь Васю? прибавил Кости. Какого Васю? — спросил Федя. А вот того, что утонул 245. — Уж какой же мальчик был! — Эх246 какой мальчик был! — Мать-то его, Феклиста- как 247 его любила! 248 — И словно чуяла она, Феклиста-то, что ему от воды [и] погибель [-то] произойдет. Бывало, пойдет 249 с нами

250 в речку купаться летом — она вся251 и встрепещется. — И как утонул, господь знает. — Играл на лужку 252 — и мать тут же была, сено сгребала — вдруг слышит — словно кто пузыри пускает 253 — [буль буль] глядь — а [уж его] только уж одна Васина шапонька по воде плывёт… Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своём уме- все [на] придёт придёт, да ляжет на то место, где он утоп, и начнетИ54 песенку помните, [братцы мои] — он ещё255 всё таку песенку пел — вот её-то она и затянет и затянет 256… А вот и Павлуша 257 идёт.

Павел подошел к огню с котельчиком в руке… Что братцы 258, начал он 259, неладно дело.

А что? [быст<ро>] торопливо спросил Костя. Васин 260 голос слышал.

Все так и вздрогнули. Что ты, что ты, проговорил Костя.

Ей богу. — [Вот на] только стал я к воде нагинаться, слышуш вдруг — зовёг 262 меня эдак Васиным голосом и словно из-под воды: Павлуша — а Павлуша! — Я слушаю — а тот опять зовет: Павлуша, подь сюда! — Я [и] отошел. — Однако воды зачерпнул.

— ———————————

[1] а. в реку б. в реку-то

[1] а. обманул б. полюбовник обманул *в.* об-

манул

[1] д. утонул б. утонул отв<етил) Костя. В этой вот самой реке в. утонул ответил) Костя. В этой вот в самой реке

[1] а. Эх б. Их

[1] а. как б. уж как она

[1] Вписано: Васю-то этого

[1] а. пойдет б. ззойдет-от Вася

[1] а. с нами б. с нами с ребятками

[1] д. вся б. так вся

[1] а. на лужку б. на бережку

[1] б. пускает б. по воде пускает

[1] а. и начнет б. и затянет *в.* ляжет да затянет *г.* ляжет, б(ратцы> м<ои) да затянет

[1] а, он ещё б. Вася-то

[1] а. и затянет б. помните — к Костя запел-было тоненьк(им) голоском…

[1] а. А вот и Павлуша б. Вот Павлушка

[1] а. братцы *б.* ребята

25 а. начал он б. начал он, помолчав

[1] а. Васин б. Я Васин

[1] Слова: вдруг зовёт меня со Костя вздохнул и закрыл глаза, — *вписаны на полях.*

[1] е. зовёт б. зовут

— ———————————

Ах ты господи! Ах ты господи! проговорили

все мальчики, крестясь. Это 263 тебя водяной звал, Павел 26\ А мы только что об нем, об Васе-то говорили 265.

Ничего 266… чему быть, тому не ми<новать> 267 произнес Павел реши тельно и сел опять. [Своей судьбы не минуешь.]

Мальчики замолкли 26ё. Видно было что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться [на земле] перед огнём — скоро сон их начал одолевать 269.

Что это? спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался, Это кулички летят, посвистывают. Куда же они летят.

А туда где, говорят, зимы не бывает.

А разве есть такая земля?

Есть. Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трёх часов прошло 270 с тех пор, как я присоседился к мальчикам. —Ночь 271, казалось, была также великолепна как и прежде. — Месяц взошол наконец [но его почти нельзя] он нисколько не изменил картины 272, — так он был мал и узок. [<1 *нрзб.*)] Но [<1 *нрзб.У]* уже склонились 273 к небосклону274 многие 275 звезды 276, еще недавно стоявшие m высоко 273- всё совершенно затихло кругом 279- всё спало [тем]

крепким, неподвижным [сном, котор] предрассветным сном 280< Разговор мальчиков угасал вместе с огнями — собаки даже дремали — Лошади, сколько я мог заметить при чуть брезжущем [свете] слабо лихо щемся свете звезд [и месяца] тоже лежали понурив головы… Сладкое забытьё напало на меня, не перешедшее даже в дремоту 281 — [Каз мне]

— ———————————

[1] а. Это б. Ведь это

[1] Вписано: а. прибавил он б. прибавил Ф(едя)

[1] Вписано: *а,* А ведь это примета дурная с расстановкой проговорил Илюша.

б. А и это примета дурная с расстановкой проговорил Илюша.

[1] а. Ничего б.,Ну ничего

[1] а. чему быть, тому не ми(новать) б. [что буде(т) Пущай! *в.* Пущай! Своей судьбы не минуешь.

[1] а. замолкли б. примолкли

263 а. скоро сон их начал одолевать б. [скоро сон их начинал одолевать]

[1] а. прошло б. протекло

[1] а. Ночь *б.* Эта безлунная ночь

[1] а. он нисколько не изменил картины б. он нисколько не изменил общий вид

в. [его почти] Я его не тотчас заметил —

[1] а. склонились б. склонилось

[1] а. к небосклону *б.* к темному краю земли [<1 *крзб.У]*

215 а. многие б. *{1 нрзб.)*

[1] Вписано: <1 *нрзб.У]*

[1] а. стоявшие *б.* стоявшее

[1] а. высоко б. высоко на небе

[1] Вписано: как затихает всё только к утру —

[1] Вписано: а. Воздух уже ее так сильно пахнул… [Звезды гасли]. [Не долго оставалось] [Но летние ночи] Недолги летние ночи. б. Воздух уже не так сильно пахнул… в нем снова разливалась как будто сырость. Недолги летние ночи.

[1] а. не перешедшее даже в дремоту б. оно перешло в дремоту

— ———————————

Свежая 282 струя -пробежала [мне] по моему лицу. — Я открыл глаза — Утро зачиналось, — Ещё нигде не румянилась заря — но уже забелелось на востоке -7;83 Небо стало светло 284 все серым 285 [становилось] небо288 — отсырела земля., ветерок трава запотели 287 листья, [и] ветерок начался 288 словно [вверх уходили<?>] ходить бродить и порхать над землей…28® Всё мое тело ответило ему легкой290 [слабо<й>] дрожью. Я

проворно встал и подошел к мальчикам. Они все крепко спали 291 вокруг тлеющих угольев 292… Один Павел поднялся и пристально поглядел на меня…

Я кивнул ему головой, и пошел не спеша [да весело в нап] во своя- си 29\- Не успел я отойти двух верст, как уже [табус с] полились [во всю] кругом меня во всю ширину 294 впереди 295 [и] [сбоку и] по холмам298 и сбоку 297 до лесу и сзади и вдоль 298 по [берегам] реки299 [золотые] бледно-золотые 300 потоки света301 всё зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, закричало 302-303 и мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками промчался 304 отдохнувший30S табун…

Ив. Тургенев

— ———————————

[1] а. Свежая б. Вокруг свежая

[1] Вписано: Все стало видно, хотя смутно, но [всё стало] видно кругом.

[1] а. Небо стало светло б. светлело, холод.<ело* синело

[1] а. серым б. бледно серое

288 Вписано: а. Звезды [почти] уменьшались б. Звезды исчезали

[1] а. запотели б. отпотели *в.* запотели

[1] а. начался б. пошол

т Вписано: вверх — [скоро-скоро роса затопит всё] кой-где [возникали]! стали [подниматься] раздаваться живые звуки, голоса [птиц, зверей и насекомых]

7-90 а. легкой б. веселой легкой

[1] а. крепко спали *б.* спали как убитые

[1] а. тлеющих угольев б. тлеющих под пеплом угольев *в.* тлеющего костра

[1] а. во свояси б. во свояси вдоль уже задымившейся реки

[1] а. во всю ширину б. по лугу *в.* но широкому мокрому лугу

[1] а. впереди б. там впереди

[1] а. по холмам б. по зеленеющим холмам

[1] а. и сбоку б. от лесу

[1] *а.* вдоль б. <1 *нрзб.) Далее вписано:* а. [с] [через] по кустам б. *т*ь намокшим кустам *в.* по сверкающим кустам *г.* по сверкающим ооагренным кустам

[1] Вписано: а. и по взыгравшим волнам б. и по весело синевшим мз-под рдеющего тумана е. и по <1 *нрзб.)* реке стыдливо [заст] синевшей из-под рдеющего тумана

[1] а. бледно-золотые б. сперва алые, потом золотые е. сперва светло-алые, потом красные, золотые

[1] а. света б. веселого света *в.* молодого, горячего света

[1] а. закричало б. заговорило

[1] Вписано: а. [Они зажглись] [весело зажигая] алмазные капли росы и словно мне навстречу, словно тоже обмытые утренним воздухом ирилетели звуки колокола б. лучистые алмазные крупные калли росы мне навстречу, 'чистые и ясные, словно тоже обмытые утренним воздухом принеслись [чистые] звуки колокола [(2 *нрзб.)]*

[1] а. промчался б. промчался вдруг

[1] а. отдохнувший б. отдохнувший, освежившийся

— ———————————

ПОРОДА1

Верстах в 150 от моего именьица2 живет один мой3 знакомый4 молодой помещик, гвардейский офицер в отставке, Аркадий Павлович Ласкин 5. — Дичи у него в поместьи водится много, принимает (он] гостей ласково, дом построен по плану [петербургского] английского 6 архитектора, 7 обеды задает он отличные8, — а все-таки неохотно к нему едешь. Он человек рассудительный и практический хвалит le gros bon sens 10, [усовер] хозяйством занимается с11 успехом [и

рвением] 12 и наказывает 13 [своих подданных из добра], [желая им добра], [с совершенным хладнокровием] С ними надобно обращаться как с детьми, говорит он|5; невежество, ш он cher; il faut prendre cela en consideration46. [В редких случаях, когда необходимость заставляет] Сам же в случае [нужды], и необходимости наставленья немедленного17 резких18 движений [не употребляет] [избе] избегает [тщательно] и голоса |9, но [напротив] но более тычет рукою прямо, спокойно приговаривая: ведь я тебя просил, любезный мой — или: что с тобою, друг мой; 20 при чем только слегка стискивает зубы [и] 21 Роста он небольшого, сложен щеголевато, собою весьма недурен, руки и ногти в большой чистоте содержит; с его румяных губ и щек так и пышет здоровьем;22 светлые карие глаза [смотрят удивительно приветливо], одевается он отлично и со вкусом, выписывает французские книги23 и газеты — но [читать не] до чтения

— ———————————

* а. Порода б. 6. Бурмистр 2 а. именьица б. именья *9 а.* мой б. мне [знак<омый>] *4 Вписано*: человек *5 а.* Ласкин б. Пеночкин 8 а. английского б. французского *7 Вписано*: люди одеты по-английски *8 К этому месту автографа знаком*

— *перенесен текст:* принимает он гостей ласково *9* а. практический б. положительный *10* а. хвалит le gros bon sens б. воспит[ы»ался]ание получил, как водится отличное, служил, в высшем обществе потерся, а теперь *11 Вписано*: большим *12 Вписано*: Он, говоря собственными его словами, строг, но справедлив, о благе подданных своих печется. *Промежуточный вариант: вместо*: Он — стало: А<ркадий) П(авлович) *13 а.* их с самосознанием и обдуманностью б. их, для их же блага. *14 а.* с совершенным хладнокровием б. с невозмутимым хладнокровием *в.* и совершенным самосознанием, доходящим до снисходительности. *15 Вписано*: в таком случае *16 Вписано*: [А впрочем] *17* а. нужды и необходимости наставленья немедленного б. так называемой печальной необходимости *18 Вписано*: и порывистых *19 Вписано*: возвышать не любит *20 Вписано*: опомнись *21 Вписано*: и кривит рот *гг Вписано на полях*: смеется он звучно и беззаботно, приветливо щурит *23 Вписано:* рисунки — -—- —

не большой охотник; Вечного Жида едва осилил. — В карты [любит] играет [охотно и] мастерски. Вообще Аркадий Павлович считается одним из образованнейших дворян и [лу] завиднейших женихов нашей губернии; дамы от него без ума

— и сам губернатор 24 хвалит 25 его манеры. Он удивительно хорошо себя держит, осторожен как кошка и ни в какую не только скандальную26, но даже11 скандалящую историю замешан не бывал28; хотя при 29 случае дает30 себя знать и робкого человека забитьJi и срезать32 любит3?. [И] 34 Дурным обществомзг' брезгает 36; а37 в веселый час называет 38 себя поклонником Эпикура, хотя вообще о философии отзывается дурно, называя ее туманной зэ, [и сове] а иногда и просто чепухой40. Резких выражений употребляет мало, исключая весьма немногих, в хозяйстве44 совершенно необходимых. Музыку он тоже любит 42 романсы Варламова [с чувством поет в] [но особенного значения им не придавал 4\ и сам сочинил] из Нормы 44 и Сомнамбулы тоже иногда арии45 напевал46 но что-то все высоко заби рал 47... — По зимам он ездит в Петербург 48

[Именье] Дом у него в порядке необыкновенном; даже49 кучера подчинились его влиянию и каждый день не только вытирают хомуты и армяки чистят, но даже50 самим себе лица моют. [Люди, правда, [у] Дворовые люди Аркадия Павловича, правда, посматривают на него51 изподлобья; но у нас на Руси угрюмого от заспанного не отличишь.

— ———————————

24 а. сам губернатор б. в особенности

25 а. хвалит б. хвалят

26 а. не только со скандалящую б, нехорошую

21 Вписано: [так называемую]

28 а. замешан не бывал б. не попадал и до конца жизни не попадет *в,* замешав отроду не бывал.

29 Вписано: [удобном]

30 а. дает б. дать

31 а. забить б. озадачить

32 Срезать: *зачеркнуто и восстановлено,*

33 а. любит б. не прочь *в.* любит

34 Вписано: [Но впрочем]

35 Вписано: решительно

36 Вписано: скомпрометироваться боится;

37 а. а б. зато

38 а. называет б. объявляет

39 Вписано: пищей германских умов,

40 Далее вписано: впрочем

41 Вписано: уже

42 Вписано: за картами поет сквозь зубы, во с чувством; *Промежуточный вариант: после:* сквозь зубы — *вставлено:* фальшиво

43 а. придавал *б.* придает

44 а. Нормы б. Лучин

45 а. иногда арии *б.* иное помнит

46 а. Напевал б. [напевает]

47 а. забирал б. забирает

48 Дурным обществом со ездит в Петербург — *писано на полях.*

49 а. даже б. сами *в.* даже

50 а. даже б. и

51 а. на него б. что-то

— ———————————

Аркадий Павлович [любит] говорит52 с расстановкой [и как бы] 53 [словно]5'4 с удовольствием, пропуская слова55 сквозь56 прекрасные русые57 у сы; также употребляет много французских выражений, особенно восклицаний, как-то: rnais c'est delicieiix!58 Mais comment done! и пр. — Совсем тем — я, по крайней мере, не слишком охотно59 его по сещаю и если б не охота60, вероятно совершенно бы с ним раззнакомился, — Странное какое-то чувство64 овладевает вами®2 в его доме; даже комфорт63 вас64 не радует... и65 [к собственному вашему изумлению, вечером]65, когда появляется67 перед вами88 [молчаливый и] завитой каммердинер в чистой 69 ливрее с гербовыми пуговицами и начнет 70 подобострастно71 стаскивать 72 с вас 73 сапоги — [вам бы хотелосьj Вы чувствуете желаньеп вместо его бледной-75 [физиономии] лица ™ увидав77 [широкую]

тупоносое и красное невероятно тупой нос и78 широкие скулы какого-нибудь краснощекого Ваньки7Э, облеченного в серый демикотоновый кафтан домашнего изделья в нескольких 80 местах распороть по швам недавно пожалованный [<1 *нрзб.У)* нанковый кафтан хоть [бы вы] [я бы несказанном образовался) почувствовал нелицемерную радость хотя я 82 бы с радостью подвергнулся 83 опасности вве

— ———————————

52 Вписано: говорит голосом мягким и [сочным] приятным

55 Вписано: [как бы]

— *Зачеркнуто и восстановлено:* и как бы словно

56 *а.* слова: *б.* каждое слово *в.* каждый звук г. каждую букву *д.* каждое слово *5® Вписано:* свои

57 а. русые *б.* раздушенные

118 a. delicieux! б. impay;able!

— охотно — *зачеркнуто, затем восстановлено*

60 а. охота б. тетерева в' не куропатки es о. чувство б. беспокойство

62 а. вами б. мною *в.* вами

®s Далее вписано: [каким он хвастается по-праву]

64 а. вас б. меня *в.* вас

в5 Вписано: всякий раз

66 Вписано: вечером

67 а. появляется б. появится

Г, а. вами б. мною *в.* вами

г,а а. чистой б. зеленой в. голубой

70 начнёт — *зачеркнуто и вос становлено. Далее вписано:* [начинал]

7 Вписано:* [начин.] и [молчш]

72 а. стаскивать б. стягивать

73 а. с вас б. с меня *в.* с вас

74 а. Вы со желание б. [Вы] [Я7] Вы чувствуете, что если бы

75 а. бледной б. бледного [пухлого] и сухого лица *в.* сурового лица

76 а. лица б. фигуры *в.* лица

77 а. увидав б. появилась передо мною *в.* внезапно предстали перед Вами

78 Вписано: [необыкновенно] изумительно

79 а. какого-нибудь сч) Ваньки б„ дюжего е. молодого дюжего парня, только что взятого барином от сохи. *Промежуточный вариант: вместо:* барином — *было:* мелко поместным

60 а. облегченного со нескольких б., но уже успевшего [распо<роть>] в десяти

Bi а. несказанно б. [истинно] в. [не.ли<цемерно>] *2 а. Я б. Вы

85 Вписано: обрадовались несказанно и охотно бы подверглись

— ———————————

рил бы84 мою ногу85 [его] могучим рукам молодого парня хоть бы8® и с опасностью 87 лишиться 8ft [бы ноги до самого] вертлюга…

Несмотря на мое нерасположение к Аркадию Павловичу [случилось] пришлось мне однажды-89 провести у него ночь. На другой день я рано по-утру велел [было себе подать] заложить90 коляску, но он меня не от<пускал> хотел отпустить без завтрака 91. Вместе с чаем подали ',2 нам котлет, яиц93, масло, мед, сыр94 и других явств 9\ [Все эти явства подавались96 людьми одетыми] [людьми] двумя камердинерами97 в [белых] чистых белых перчатках9в, [с намерением говорю чистых, потому что] 99 <На> Аркадии П<авлови>че были [щегольская] черная бархатная куртка, широкие шелковые [панта] шаровары 10°, красивый фес с синей кистью и небольшие красные 101 туфли без задков. — Он поглаживал свои усы102, смеялся, рассматривал свои ногти, курил [и был са…] подкла- дывал себе подушки под бок 103. [Вдруг он] Он налил себе рюмку красного вина, поднес ее к губам и вдруг нахмурился. — «Отчего [это] вино не нагрето?»

спросил он довольно резким голосом одного из каммердине- ров… Тот смешался, остановился как вкопанный и побледнел…

Ну 1а\ любезный мой105 продолжал А<ркадий> П<авлович> не спуская с него глаза. Несчастный каммердинер помялся на месте, покрутил сал-феткой и не сказал!0в ни слова.

А<ркадий> П<авлович> потупил голову и107 посмотрел на него из- под л обья. Pardon, mon cher, промолвил он с приятной улыбкой, обра

— ———————————

84 Вписано: судьбу

85 а. мою ногу б. сапог *в.* моей ноги

88 а. хоть бы *б.* [несмотря на]

87 е. и с опасностью б. опасность

88 Далее вписано: вместе [вслед] за сапогом и собственной вашей ноги вплоть до самого

89 Вписано: [осенью]

90 Вписано: свою

91 Далее вписано: [Мы пошли в его кабинет.] и говел [мег/я] к себе в кабинет. *К этому месту автографа знаком-* перенесена часть следующей фразы*: На английский манер

92 Вписано: а. на серебряных подносах б. на больших серебряных блюдах

93 Вписано: всмятку

94 Первоначально было: котлеты, яйца, масла, меду, сыру.

95 а. и других явств б. и пр. и пр.

98 а. подавались б. подносились одетыми

97 Все эти сс камердинерами: Два камердинера

98 Вписано на полях: быстро и молча [исполняли] предупреждали наши малейшие желанья. — [Мы завтракали в кабинете].

99 Вписано: мы сидели на [отличном] невысоком [персидском] турецком диване

100 а. черная <ч> шаровары б. широкие шелковые [панта] шаровары, черная бархатная куртка.

'0| а. небольшие красные б. китайские желтые

102 а. поглаживал усы б. пил чай

103 Вписано карандашом: и вообще чувствовал себя в отл(ичном) — расположении) духа; *Далее вписано:* Позавтракавши плотно и с видимым удовольствием

104 а. ну б. Ведь я тебя спрашиваю

105 Вписано: спокойно

108 и не сказал — *зачеркнуто, затем восстановлено.*

107 Вписано: задумчиво

— ———————————

щаясь ко мне108. Ну… ступай, прибавил он после небольшого молчанья. — и позвонил.

Вошел человек толстый [с большим брюх] пухлый109 черноволосый с низким лбом и совершенно заплывшими глазами. — На счет Федора… распорядиться — проговорил 110 А<ркадий> П<авлович> 111

— Слушаю-с, отвечал толстый и вышел. Voila, mon cher, les desag- rements de la campagne, весело [про<говорил>] заговорил 112 А<ркадий> П<авлович> — Куда 113 же Вы? останьтесь, посидите еще немного.

— Нет, отвечал я, мне пора.

— Всё на охоту! Ох уж эти мне охотники! Да вы куда теперь едете.

В [Глухово] Рябово114.

В Рябово? Ах боже мой! да в таком случае я с вами поеду. [Рябово ведь] Рябово всего в 5 верстах от моей Шипиловки. — А я 115 давно [там] в Шипиловке не бывал. Всё некогдаИб- не мог. — Вот как кстати пришлось. — Вы сегодня в Рябове поохотитесь — а на вечер ко мне117. [Я и ужин] Мы вместе поужинаем. Я тотчас же велю118 повару119 собираться120. Вы у меня переночуете… Прекрасно! Прекрасно! — прибавил он не дождавшись моего ответа. C'est arrange! — Эй! Василий121! Коляску мне велите заложить — да поскорей. — Вы в Шипиловке не бывали? Я бы посовестился 122

предложить вам провести ночь в избе моего бурмистра — да вы, я знаю, не прихотливы и в Рябове — в сенном бы сарае ночевали. — [Едем!] [Едем.] Едем! Едем! И Ар<кадий> П<авлы>ч запел какой-то французский романс.

Ведь вы, может быть, не знаете, продолжал он, покачиваясь на обеих ногах, — у меня там мужики на оброке. — {Здесь я, как говорится, ро- tentat absolu, а там] Конституция, что будешь делать? Впрочем 123 оброк мне платят исправно. Я бы их 124 давно на барщину ссадил, да земли мало. Я и так удивляюсь, как они концы с концами сводят. Впрочем — c'est leur affaire. Бурмистр у меня там — молодец, une forte tete. Государственный человек! Вы увидите. — Как право это хорошо пришлось!

— ———————————

10в а. обращаясь ко мне б. дружески коснувшись рукой до моего колена и снова уставился на камердинера *100 а.* пухлый б. смуглый

110 а. проговорил б. тихо проговорил

111 Вписано (первоначально карандашом): в полголоса и с совершенным само- обладаньем

112 а. заговорил б. заметил

ш а. Куда б. Да куда

114 а. В [Глухово] Рябово б. За 40 верст отсюда,

в Рябово.

115 а. А [я1 б. Я там

116 а. некогда б. не собрался *в.* времени улучить

117 Вписано: Ce sera charmant

n а.* велю б. [прикажу]

119 а. повару б. повара

<2° Вписано: [пошлю вперед] *Снова вписано:* Мы возьмем с собою повара.

121 а. Василий б. Кто там

122 посовестился — *зачеркну то, затем восстановлено*

125 а. Впрочем б. Однако

124 Вписано: признаться

— ———————

Делать было нечего. Вместо 9 часов утра мы выехали в 12 i25..< Охотники поймут мое положенье 42в А<ркадий> П<авлыч> любил [ком] как он выражался127- побаловать себя — и [на [т] двухдневное путешествие] забирал 128 с собой такую бездну белья, припасов, платья, духов, [и про<чих>] подушек и429 несессеров, что иному экономному130 немцу хватило бы131 на год. — При каждом спуске с горы А<ркадий> П<авлыч> энергически*32 [напоминал кучеру об его обязанности], [обращался к кучеру не без сильных

выражений] [напоминал кучеру необходимость осторожности] 43\ из чего я мог заключить, что мой [новый] знакомец — порядочный трус. Путешествие 434 совершилось 135 благополучно; только 130 на одном недавно починенном мостике телега с поваром завалилась и 137 колесом ему [ело] придавило живот438, [что "впрочем 139 не лишило его ио необходимых [нужных] для его занятий способностей] 444. [Между тем ехали] [Со всем тем мы ехали очень долго] Аркадий Павлович, при виде падения доморощенного Карема испугался 142 и тотчас велел спросить целы ли у него руки и143 получив144 утвердительный, немедленно44> успокоился. Со всем тем ехали мы до вольно долго [по при<чине>] [вероятно по причине] [и так как] я сидел в одной коляске с Ар<кадием> П<авлычем> то44® под конец путешествия [пришел] впал 447 в тоску148, тем более что в теченьи нескольких часов мой знакомец окончательно 149 выдохся и начинал уже либеральничать. Наконец мы приехали но 450 но не в Рябово, а 454 в Шипиловку В тот же день я и без того уже бы не успел бы453 и потому скрепя сердце, покорился своей участи.

— ———————————

1125 а. 12 б. 2

126 а. положенье *б.* нетерпенье

127 Вписано: при случае

128 Исправлено: забрал

129 Вписано: разных

130 а. экономному б. бережливому; *далее вписано:* к владеющему собою

131 Вписано: а. с благодарностью *б.* всего этого добра *в.* всей этой благодати

132 Вписано: [не без сильных выражений |

133 Вписано: держал краткую но сильную речь кучеру

134 о. Путешествие *в.* Впрочем, путешествие

135 Вписано: весьма

i3e а. только *б.* правда е. только

157 Вписано: задним

138 Исправлено: желудок

139 я. впрочем б. однако же

140 а. его б. доморощенного Карема

141 Вписано: [Барин велел спро(смть)]

142 Вписано: не на шутку

145 а. и б. но

145 а. немедленно б. немного понегодовал *в,* немедленно

J4e а. то б. и

147 а. впал в тоску б. почувствовал (смертельную]

148 а. тоску б. тоску смертельную
448 а. окончательно б. совершенно
150 а. но б. только
**5! Вписано:* прямо
152 Вписано: как-то оно так вышло
155 а. не успел б. поохотиться не успел бы
— ———————

Повар со своей телегой 154 несколькими минутами ранее нас {приехал в] и [вид<имо>] по-видимому уже успел m предупредить кого следовало, потому что мыі5S при157 въезде в околицу встретил1158 староста (сын бурмистра) ам? верхом [на] UQ и без тапки, в новом армяке на распашку. — Л где же Софрон? спросил его Аркадий Павлович.Му] Староста ш сперва поклонился барину в пояс, промолвил: Здравствуйте, батюшка Аркадий Павлович, — потом приподнял голову, встряхнулся и доложил, что Софрон отлучился в Перово, во к вечеру будет ви. [Ст| Ну ступай за нами, возразил Ар<кадий> П<авлыч> — Староста отвел из приличия [свою небольшую] лошадь в сторону, взвалился на нее и пустился рысцей за [нам\и>] коляской, держа*®3 шапку4*4 в руке… Мы поехали по деревне. — Несколько мужиков в пустых телегах попались нам на встречу; они ехали с гумна и пели песни но при виде нашей

коляски и старосты внезапно замолкли[и н) сняли шапкиS6S и приподнялись как бы ожидая приказанья. Аркадий Павлович милостиво им поклонился. 469 — Бабы в [сини<x>] клетчатых напевах [загоняли] швыряли щепками в собак неп0; мужик оторвалш недопоенную лошадь472 от водопая*73, неизвестно даже за что174 ударил ее574 m по боку? а там уже поклонился 177 [и загоняли] мальчишек m [которые впрочем и без т] 479 с воплем бежали [с 180 улицы] в избы i8i [и достигнувши

— ———————————

154 а. со своей телегой б. приехал

155 Вписано: распорядиться и i5e о. мы б. [нас!

457 Вписано: самом

458 Вписано: нас

459 Вписано на полях: а. дюжий и рыжий б. мужик в косую сажееь ростом *seo Вписано:* [на крошечной лошадке]

181 *Вписано:* [поклонил(ся)] проворно соскочил [свалился] с лошади

182 а. к вечеру будет б. что за ним уже послано *568 Начато и недописано: [1 нрзб.]*

164 шапку — *зачеркнуто и восстановлено.*

®в а. замолкли б. умолкли

,67 Вписано: свои зимние

168 Вписано: (дело было летом)

Далее вписано: тревожное волнение, видимо, распространялось по селу.

170 а. собак не б. недогадливых собак е. в недогадливых или слишком усердных собак

17* а. мужик оторвал б, мужики отрывали *в.* хромой старик с бородой начинав шейся под самыми глазами оторвал

т а. недопоенную лошадь б. недопоенных лошадей

475 а. водойб. колодезя

474 а. даже за что б. за что

**75 а.* ее б. их

178 а. неизвестно даже за что ударил ее б. ударил их неизвестно за что *477 а.* поклонился б. кланялись *в.* поклонился. —Мужнк оторвал сс поклонился* <*sписано на полях.*

178 а. мальчишек *б.* мальчишки;

т Вписано: [с большими брюхами] в длинных рубашонках

430 Вписано: пыльной *ш а.* избы б. домой в избу

— ———————————

высокого роста порога радимо[го]й избы] ложились на высокий порог брюхом182 и пользуясь большим удельным весом головы183 перекатывались за дверь [при чем так что одне их]

в темные 184 сени, откуда уже и не показывались185. Даже курицы [беж] [пуск] пускались188 ускоренной рысью в подворотни; один бойкий петух с чорной [о] грудью похожей на атласный жилет, и 187 хвостом закрученным на самый гребень, остался было на [дор<оге>] [ули<це>] дороге и уже совсем собрался кричать, да вдруг сконфузился и тоже побежал. — Изба бурмистра [находилась] стояла в стороне от других, посреди густого, [и] зеленого ко- ноплянника. Мы остановились перед воротами188. — Бурмистрова жена встретила нас с489 поклонами [до того непринужден<ными>] и190 подошла 191 [Аркадию Павловичу] и г-ну Пеночкину192 к ручке. Аркадий Павлович дал ей [о] [поцеловать] нацеловаться в волю и [пошел на] взошел на крыльцо. — В сенях в темном углу стояла старостиха [и с] и только издали193 поклонилась [Одна, две], но к ручке подойти не дерзнула. — В [так] 194 «холодной» избе195 уже возились две другие бабы19в: выносили оттуда всякую дрянь197, подметали банными вениками сор… Аркадий П<авлы>ч выслал их всех и поместился на лавке под образами. — Камердинер Пеночкина Федор начал198 вносить сундуки, ларцы и прочие удобства, [ступая словно по] и удаляясь, ступая словно по лицам

199. Поднялись нескончаемые приготовления к ночлегу и ужину.

Между тем Аркадий Павлович [свободно разговаривал со старостой о разных д<елах> хозяйстве] распрашивал старосту об урожае, посеве и пр.200 Староста отвечал удовлетворительно, [но хотя язык у него] но

— ———————————

182 на высокий порог *и* брюхом — *переменены местами*

189 а. и пользуясь <ч> головы б. свешивали головы, закидывали ноги кверху в [весьма ловко] [искусно] таким образом весьма проворно

184 темные — *зачеркнуто, затем восстановлено.*

185 а. уж и не показывались б. самые [(1 *нраб.)]* робко выставляли свои [кудрявые] взъерошенные головы в. уж и не показывались.

188 а. пускались б. стремились

187 Вписано: красным

188 Вписано: Г-н Пеночкин встал, живописно сбросил с себя плащ и [сошел с] вышел из коляски, приветливо [оглядываясь] озираясь кругом.

189 Вписано: низкими

190 Вписано: [боком]

191 подошла — зачеркнуто и восстановлено

192 а. *Далее вписано*: к г-ну Пеночкину б. барской

1,8 а. только издали б. тоже [нам]

194 Вписано: так называемой

495 избе — *зачеркнуто, затем восстан.; далее припис.:* [назначенной] из се- лей на право

198 Вписано: оне

198 а. камердинер оо начал б. кучера начали

199 а. и удаляясь со лицам б. [и уда(ляясь)] всячески стараясь умерить стук своих [пудовых] тяжелых сапогов…

200 а. и пр. б. и других [предметах)] хозяйственных предметах.

— ———————————

как-то вяло и [сте] неловко; словно 'замороженными пальцами кафтан застегивал, — [В сенях бурмистрова жена] [из-за] [молча поколот <ила> за что-то] Он стоял у дверей [и то] и дело отодвигался для свободного пропуска камердинера201. Из-за его 202 плечей увидал я 203 как бурмистрова жена за что то 204 молча 205 приколотила 206 [свою] 207 другую бабу. Телега 208 [засту] застучала 209 остановилась перед крыльцом; и вошел бурмистр.

Этот, по словам Аркадия Павловича, государственный человек был роста небольшого,

плечист 210, и плотен, с красным носом, крошечными глазками и бородой в виде веера. [Еще] Заметим кстати, что211 не бывало еще на Руси212 примеру 213 раздобревшего214 человека без окладистой бороды215. Откуда волос берется! Бурмистр видно216 в Перове подгулял [потому что от] и лицо-то у него отекло порядком да и вином от него попахивало. — «Ах, вы отцы наши, милостивцы вы наши [закричал] заговорил он на распев и с таким умилением на лице, что вот вот — казалось -слезы брызнут: — насилу-то изволили [по] жаловать. Ручку, батюшка, ручку, прибавил он [убедительным] [убедитель] уже загодя протягивая губы. Аркадий Павлович удовлетворил его желащ>е. Ну что брат, Софрон, каково у тебя идёт? 217 спросил он [ласково и] ласковым голосом-«Ах вы отцы наши», возразил Софрон -да какже [не] им худо идти, [то] делам то! -Да ведь вы наши отцы; милостивцы 21\ деревеньку нашу просветить изволили, приездом-то своим; осчастливили по гроб дней. — Слава тебе господи, Аркадий, Павлович; слава тебе господи; благополучно обстоит всё; милостью вашей» — ТутСоф<рон> помолчал, поглядел на барина и как быу невольно219 увлеченный порывом чувства 220 [загово] [опять] 221 попросил руки и

[опять] запел пуще прежнего: ах вы отцы наши; милостивцы., и.. уж что! — Ей богу

— ———————————

201 а. отодвигался со камердинера б. сторонился и оглядывался, давая дорогу проворному камердинеру

202 Вписано: могущественных

203 а. увидал я б. удалось мне увидеть

204 а. за что то б. в сенях

205 а. молча б. безмолвно *в.* в совершенном) *г.* в тихомолку

206 а. приколотила б. колотила

207 Вписано: какую-то

208 а. Телега б. Вдруг телега

209 а. телега [засту] застучала б. Вдруг застучала телега

210 Вписано: сед

211 Вписано: с той поры как Русь стоит

212 е. Руси б. ней

213 примеру — *зачеркнуто и восстановлено*

244 Вписано: и разбогатевшего

245 Далее вписано на полях: Иной весь свой век [хажива<л>] носил бороду жидкую, клином; вдруг смотришь — обложился кругом, словно сияньем.

218 а. видно б. должно быть.

217 а. идет б. дела идут?

218 а. милостивцы б. вы милостивцы
220 Припис.: (притом же и хмель брал своё)
221 Припис.: в другой раз
— ———————————

совсем дураком от радости стал: ей богу; гляжу 222 да не верю… Ах вы отцы наши! [Ведь] Аркад<ий> П<авлыч> глянул на меня [и] усмехнулся и спросил: N'est. — ce pas, que c'est touchantX — «Да, батюшка, Аркадий Павлович, продолжал неугомонный бурмистр — как же вы это? [Где] [Ночевать то ка] Сокрушаете 223 меня совсем224 Как 225 же 226 ночку проведете? [Не] Ведь тут нечистота, сор. —«Ничего, Софрон, ничего» — с улыбкой отвечал А<ркадий> П<авлыч>227 Хорошо. — [Да ведь отцы вы мои, для кого хорошо? Для нашего брата мужика хорошо; а ведь вы — ах вы отцы мои, милостивцы, ах вы отцы мои! Простите меня дурака… [ей богу] С ума спятил, ей богу; одурел вовсе…» Между тем подали ужин. Аркадий Павлович [принялся] кушать. ~ Сына своего Софрон прогнал — дескать духоты напущаешь, — Ну что? размешивались 22'\ спросил г-н Пеночкин 229. «Размешивались, батюшка, все твоею милостью: [все вчера сь] третьего дня сказку подписали. Хлыновские то сначала поломались; поломались, отец; точно; требовали…

требовали… и бог знает чего требовали; да ведь дурачье, батюшка; народ глупый. А мы, батюшка, милостью твоею благодарность заявили 230; все по твоему приказу, батюшка231; действовали — и с ведома Егора Дмитрича 232. «Егор мне докладывал, важно заметил А(ркздий) П<авлы>ч. —Как же, батюшка233, как же». —«Ну и стало быть теперь довольны? — Софрон только того и ждал. «Ах вы, отцы наши 23\ [ах] милостивцы наши, запел он опять — да помилуйте вы меня! да ведь мы… [и детям то зака… денно «j за вас, отцы наши, [госно<ду>] богу 235 молимся…23® Пеночкин перебил его. Ну хорошо, хорошо, Софрон, я знаю — ты мне усердный слуга. —Ну 237 что как [хлеба], [хороши] умолот? — Софрон вздохнул. «Ну, [отцы вы] [батюшка] отцы вы наши, умолот-то не больно хорош. Да что, батюшка, Аркадий Павлович, позвольте вам доложить: Дельце какое вышло. [Ведь мерт<во>] Тут он приблизился 238 к г-ну Пеночки ну239, нагнулся и прищурил один глаз: Мертвое тело… на нашей земле оказалось»… —«Как так?» — Да так2i0, видно враг попутал. [Не зна]

— ———————————

222 с. гляжу б. смотрю
223 Припис.: вы

224 Приписано: батюшка. Известить меня не изволили.

229 Вписано: вы

227 Приписано: [и так] здесь

229 а. размежевались б. размеживался, старина?

229 Вписано на полях: который явно желал подделаться [под] [к бурмист] (любе] [рад] под [бурмистрову] мужицкую речь и мне подмигивал

250 Вписано: и Миколаи Миколаича удовлетворили;

232 Вписано: всё действовали

235 Вписано: Егор Дмнтрич…

254 а. наши б. [мои]

235 Вписано: денно и еощно

23® Далее вписано: земли конечно маловато…

237 а. Ну б. А

2М а. приблизился б. нагнулся в. приблизился

239 Вписано: разводя руками,

240 а. Да так, б. *ш* сам ума ее приложу, батюшки, отцы вы наши.

— ———————————

[Я сейчас] Да благо [бы] подле чужой межи оказалось241. Я его242 [туда] на чужую-то еа землю243 да караул приставил [да] и своим' заказал:

молчать! говорю. —А становому то на всякий случай объяснил; [как] йот какие порядки, говорю; да чайком его, да благодарность, Ведь 244 что, батюшка, думаете? (Осталось] [Ведь] Осталось у чужаков, [то] на шее; [тело] а ведь мертвое тело — что245 двести рублев [как ни крас] как калач. — Г-н Пеночкин много смеялся выдумкесвоего* бурмистра и несколько раз сказал мне, указывая еа него головой: Quel gaillard? а? Между тем [ночь уже] на дворе совсем стемнело247, нам принесли 248 сена. Камердинер г-на Пеночкина уложил своего барина 249.

Я долго заснуть не мог [Аркадий Павлов<ич>] Софрон ушел к себе 250;: Аркадий Павлович254 [спа] [за] еще потолковал немного об отличных качествах русского мужика и 252 заметил25:' мне, что со времени управления Софрона за Шипиловскими мужиками не водится ни.гроша недоимки... — Сторож заколотил в доску... мы заснули 254.

На другой день утром [рано] [Со<фрое>] [бурмистр] мы встали довольно рано... Я было хотел тотчас отправиться в Рябово 25\ но Арк<а- днй> Пав<лыч> [упросил меня остаться у него] [с ним хоть час] желал мне показать свое именье и упросил меня остаться. 250 Я и сам хотел посмот-

реть257 [на хозяйство Софрона] государственного человека Софрона. Явился бурмистр. На нем был синий [короткий] армяк, подпоясанный 258 кушаком. Говорил он гораздо меньше вчерашнего, глядел25?" пристально в глаза барину, отвечал складно и дельно. [Другой] [В1 [Вместе с Аркадием Павловичем отправились] [пошли осматривать]

— ———————————

24! Вписано: а [на] только на нашей земле…

243 я. на чужую-то на землю *б.* еа чужой-то клин; *далее приписано:* и приказал стащить пока мочно было;

244 Ведь — *зачеркнуто и восстановлено*

245 что зачеркнуто и восстановлено

246 а. выдумке б. уловке

247 Далее вписано: Арк(адий) Шавлыч) [приказал] велел со стола прибрать и

248 а. нам принесли *б.* принести [нам] в комнату

249 а. Каммердннер со барина б. Каммердинер послал нам простыни; разложил» тюфяки [и] одеяла, подушки. Мы легли.

250 Вписано: получив приказание на следующий день

251 Вписано: засыпая

252 Вписано: тут же

253 а. заметил 6. объявил *в.* заметил

254 Далее приписано: Ребенок, ввдео, еще ве успевший проникнуться чувством [подобострастия к своему господину] должного самоотвержения, запищал где-то в избе.

255 а. хотел тотчас отправиться в Рябово б. собрался иоежать в Рябово

258 Далее вписано: [Впрочем, признаюсь!

257 а. хотел посмотреть б. [был не прочь] был не прочь убедиться [своими глазами] в отличных качествах [подлинного)]

258 Вписано: красным

25(5 Вписано: зорко и

— ———————

Мы260 пошли2*1 на гумно. [Софрон ши… шел за нами;] Сын2*2 его268 также нас провожал 2в4. Да еще присоединился к нам земский [отставной] Федосеич, отставной солдат с огромными усами [и бакенбардами] и с таким странным285 выражением лица2бв, [словно он] как будто287 он весьма давно чему-то необыкновенно удивился да с самых288 тех пор (так] уж и не пришел в себя. — Мы осмотрели гумно, ригу, овины, сараи скотный двор, зеленя, конопляники; [ходили и по крестьянским избам, разумеется, не по всем]. Все было 270 действительно в отличном порядке271.

— Кроме полезного Софрон [обра] [думал еще] заботился еще о приятном; все канавы обсадил ракитником; между скирдами на гумне дорожки провел и песочком посыпал 272 к скотному 273 двору прилепил нечто в роде греческого фронтона и [надпись белилами пост] под фронтоном белилами надписал «Пастроен вселе Шипиловке втысеча восем сод сорокавом году. Сей скотный двор». Аркадий Павлович2П давал бурмисгру советы на счет садки 275 картофель, как [с кормо<м> для скотины] [солить] для278 скотины корм заготовлять; [хороши ли, худы ли были его советы, судить не могу, но] Софрон выслушивал их277 со вниманием, иногда возражал 27в, уже не величал Аркадия Павловича ни отцом, ни милостивцем и все напирал на то, что земли де у них мало27і, прикупить бы не мешало. «Что ж, купите: отвечал 280 Аркадий Павлович; на мое имя; я не прочь. — На [т] [б] эти слова Софрон не отвечал ничего, только бороду поглаживал, [словом видно было] 281 (В полу версте от деревни находился лес] [небольшой лес], [единствен

— ———————————

280 Приписано: [с Софроном] Вместе с ним
2в| а. пошли б. отправились
262 а. Сын б. Софронов сын

209 Вписано: трехаршинный староста, [дол] по всем признакам человек весьма глупый

2в4 а. нас провожал б. пошел за нами

265 а. с таким странным б. престранным

200 а. выражением лица б. выражением на лице *в.* выражением лица

287 а. как будто б. точно

286 с самых — *зачеркнуто, восстановлено и вновь зачеркнуто.*

289 Вписано: ветреную мельницу

270 с. было б. находилось

271 Далее вписано: Одни унылые лица мужиков приводили меня в некоторое аедоумение [но впрочем] [С другой стороны оно было довольно понятно]

272 Далее вписано: на ветряной мельнице устроил флюгер в виде медведя с разинутой пастью и красным языком;

273 а. скотному б. кирпичному *в.* кирпичному скотному

274 Далее вписано: [пришел в прият(еое>] [вначале под] разнежился совершенно, потом пустился излагать мне на французском языке выгоды [и невыгоды] оброчного состоянья, причем однако заметил, что барщина для помещика [выгоднее] удобнее, да мало чего нет;

275 а. на счет садки б. как сажать
278 для — *зачеркнуто и восстановлено.*
277 а. их б. барскую речь.
278 Вписано: но
219 а. мало б. маловато
280 а. отвечал б. говорил
281 Вписано: [«Мастер своего дела, в полголоса шептал мне Л(ркадий) Шав~ яыч), и я не мог с ним не согласиться.]

— ———————————

ный «лес] лес [мы и в лес] Теперь бы 282 надо 283 съездить в лес [за- г<оворил>], сказал 284 Арк<адий> П<авлыч> 28\ [За нами] Тотчас привели нам верховых лошадей; мы поехали в лес — или как у нас говорится в «заказ». — В [лесу] этом заказе [глушь и дичь] нашли мы глушь, и дичь страшную, за что Аркадий Павлович похвалил Софрона 28в, ибо287 придерживался на счет лесоводства русских понятий и [тут же на обратном пути в деревню Ш<ипиловку>] тут же кстати рассказал мне анекдот 288 об одном помещике 289. который [рассер] [рассердясь на лесника, подрубившего] 290 вразумил своего291 лесника, [подрубившего кой где- молодые отпрыски] выдрав у него [поло] около половины бороды, в доказательство [что. от] того, что от подрубки лес

гуще не [пойдет] вырастает. — Впрочем в других отношениях как 292 Софрон и Аркадий Пав- лыч, оба не чуждались нововведений; [бурмистр] по возвращении [из] в деревню, бурмистр повел нас 293 смотреть 294 веялку, недавно выписанную 295 из Москвы. Веялка точно действовала хорошо; но если бы Софрон знал, какая неприятность ожидала и его и барина на этой последней прогулке — он бы вероятпо [не упо] [остался] остался с нами: дома...298 Выйдя из сарая, [в котором находилась 297 выписанная веялка] увидали мы следующее зрелище... В нескольких шагах от двери подле грязной лужи, в которой беззаботно плескались две 298 утки, стояло на коленях два мужика2", один старик лет шестидесяти, другой малый 300 лет сорока301 в замашных заплатанных рубахах й лаптях 302. [На лицах их смуглых, худых] Земский Федосеич 303 хлопотал около» них [с явным] и вероятно успел бы уговорить их удалиться, если б мы [заме<шкались>] [еще немного] замешкались в сарае 304, [Аркадии Павлович нахмурился] По другую сторону 305 стоял староста с разину

— ———————————

282 а. Теперь бы б. Однако теперь бы
263 а. надо б. не мешало

284 а. сказал б. прибав<нл> *в.* заговорил г. продолж<ал) *д.* заметил.

285 а. Арк<адий> П(авлыч) б. Г-н Пеночкин

288 Вписано: и потрепал его по плечу. *Далее вписано на полях:* Бла-а-дарю, братец, бла-а-дарю, повторил он не раз

281 а. ибо б. Г-н Пеночкин *в.* Мой знакомец

288 а. анекдот б. презабавный по его словам случай

289 а. об одном помещике, который б. как один шутник-помещик

290 Вписано: [наставили]

291 Вписано: [упрямого]

292 а. как б. и

293 Вписано и зачеркнуто: для закуски

294 а. смотреть б. посмотреть

295 Вписано: им

298 Далее вписано: Вот что случилось

297 а. в котором находилась б. где хранилась

298 а. две б. три

299 Вписано: бледных и взъерошенных

300 малый — *зачеркнуто и восстановлено*

301 а. сорока б. двадцати

302 Вписано: *а.* оба босые б. На босу ногу и подпоясанные веревками

303 Вписано: усердно

304 Вписано: но увидев нас вытянулся в струнку и замер на месте.

305 а. по другую сторону б. тут же

— ———————————

тым ртом… Аркадий Павлович нахмурился [пос] закусил губу, [однако 306 дал знак земскому посторониться] и подошел к мужикам 307. Оба молча поклонились ему в ноги.

Что Вам надобно? О чем просите? спросил он их строгим голосом 308.

Мужики переглянулись 309 и не отвечали 3i0.

Нузи? продолжал Аркадий Павлович и не дождавшись ответа31г, обратился к Софрону [?] — Из какой семьи? —

— [Из] [Антипов] Тоболеевой343 [отвечал спокойно] 314 возразил Софрон315 [Ну] Что же вы, заговорил опять г-н Пеночкин, — говорить что ли не умеете316? Ну357 ты, чего тебе надобно? прибавил он качнув головой на старика 318.

Старик вытянул свою темно-бурую, сморщенную шею319 разинул посиневшие губы, сиплым голосом произнес: «Заступись [государь] государь» — и снова поклонился 320 в землю. Молодой3Zi тоже поклонился. — Аркадий Павлович322 посмотрел на их затылки закинул голову 323.

Что такое? Кто тебя? 324

Помилуй, государь… Дай вздохнуть. Замучены совсем.325

Кто тебя замучил?

Да Софрон Яковлевич, батюшка. Аркадий Павлович помолчал. Как тебя зовут?

Антипом, батюшка.

А это кто? [Пеиочк<ин>]

А сынок мой, батюшка.326

Ну так чем же тебя мучает? 327

— ———————————

30й Вписано: [просил]

307 а. мужикам б. просителям

308 Вписано-, и несколько в нос

309 а. переглянулись б. взглянули друг на друга

340 а. не отвечали *6*. словечка не промолвили; *далее вписано*: только прищурились словно от солнца да [руками] да поскорей дышать стали.

3,1 Вписано: что ж

312 а. не дождавшись ответа *б.* тотчас же

313 Вписано: семьи

3U а. спокойно б. медленно

3,5 а. Софрон *б.* бурмистр

3ift а. говорить что ли не умеете б. языков у вас что ли нет m а. Ну б. Сказывай

m Вписано: Да ее бойся, дурак.

359 Вписано: криво

320 а. поклонился б. стукнулся лбом

321 Вписано: мужик

322 Вписано: с достоинством

328 а. закинул голову *б.* и выдвинул немного шею *в.* и расставил немного ноги е, закинул голову и расставил немного ноги

324 а. кто тебя? б. на кого жалуешься?

325 Вписано: [У стари<ка>| Старик говорил с трудом.

32 ® Вписано: [Аркадий Павлович] Г-н Пеночкин помолчал опять и усами повёл.

327 а. тебя мучает? *б.* он тебя замучил? *Далее вписано:* [за] проговорил ое [выставив <1 *нрзб.)]* глядя на старика сквозь уем.

— ———————————

Батюшка, раззорил в конец. — Двух сыновей, батюшка, без очереди в рекруты328 отдал, а топеря и третьего отнимает. Вчера, батюшка, последнюю коровушку со двора свел и хозяйку мою избил — вон 32J его милость… Он указал на старосту.330 [Недоимку за меня в] [Избенка]

Что же это значит такое, Софрон, спросил [Арк<адий>] Пеночкин 334, с недовольным видом.

Пьяный человек-с, отвечал бурмистр. [И] Не

работящий. [Не] [во] Недоимка за ним числилась за несколько годов 33'\ Аркадий Павлович, Софрон Яковлевич 333 за меня недоимку взнес, батюшка, продолжал старик; вот пятый годочек подошел334 как взнёс;-[а с той поры] [той] а как взнёс, в кабалу меня и забрал, батюшка… — [Уж я, батюшка] [Как гонит] [раззоряет] да вот и,..

А отчего недоимка за тобой завелась? 335 Старик понурил голову. Чай пьянствовать любишь? — По кабакам шатаешься? Старик разинул было рот. — Знаю я вас, с запальчивостью продолжал А<ркадий> Жавлович) [Вам] Ваше дело — пить да на печи лежать, а хороший мужик за вас отвечай. — И грубиян тоже [первой руки] ввернул бурмистр в господскую речь, — Ну уж это само собой разумеется. Это всегда так бывает. Это уж я не раз заметил… Целый год распутствует,336 а теперь в ногах валяется? —

[Ба] Батюшка Аркадий Павлович, с отчаяньем заговорил старик; заступись за бедного хрсстьянина. За что терплю. 337 Как перед господом богом говорю, не в моготу приходится… Не взлюбил меня Софрон Яковлевич, за что не взлюбил, господь ему судья… Раззоряет в конец, батюшка, последнего вот сыночка., и того., [у ст<арика>] на желтых и сморщенных глазах старика сверкнула

слезинка… Помилуй [те], государь [помилуй] заступись.

Да и не нас одних — вдруг заговорил 333 молодой мужик. Арк<адий> ПХавлыч) вдруг вспыхнул.33® Тебя не спрашивают так ты молчи. Это что такое? — [Бунтовать] Молчать, говорят тебе но. — Да это просто бунт. Нет, брат, у меня… бунтовать не советую. У [тебя] меня… Аркадий

— ———————————

328 а, рекруты *б*. некруты

329 а. вот б. бон

3301 Вписано на полях: Гм, [сказал] [заметил] произнес Арк(адий) Павл(ыч>. Г-н Пеночкин опять помолчал. — Не дай в конец разориться, кормилец.

334 а. Пеночкин б. он бурмистра в пол-голоса

332 а. Недоимка за ним числилась за несколько годов б. Из недоимки на выходит вот уже пятый год.

333 Вписано: точно

334 а. подошел б. пошел

333 Вписано: Грозно спросил г~н Шеночкин)

336 а. распутствует, б. распутствует, грубит

337 а. заступись за бедного хрестьяеина. За что терплю, б. помилуй, заступись,., [батюшка] Какой я грубиян?

338 а. вдруг заговорил, б. начало было
3391 Вписано: А тебя кто спрашивает?.. А?
540 Вписано: Молчать! Ах боже мой
— ————————————

Павлыч) шагнул вперед, — да вероятно вспомнил обо мне341, положил руки в карманы [и]… Je vous demande bien pardon, mon cher, сказал он с принужденной улыбкой; значительно понизив голос; c'est 1e mauvais cote de la medaille…

Ну хорошо, хорошо, продолжал он не глядя на мужика, я распоряжусь, я прикажу, хорошо, ступайте…

Мужики не поднимались…

Ну да ведь я сказал вам… хорошо ступайте 342, я прикажу, говорят вам. [И) Аркадий Павлович обернулся к ним спиной 343 и пошел344 весьма345 недовольный к себе домой34в…

Просители [удалились] постояли еще немного на месте, взглянули347 друг на друга и [пошл<и>] поплелись во свояси 348.

[Через час] Часа два спустя я уже был в Рябове [у одного знакомого)] и вместе с Анпадистом знакомым мне мужиком, собирался на охоту. [Этот Анпадист принадлежал к несметному числу тех добрых, бойких, веселых и смышленных мужиков, в которых у нас на Руси] 344 [водятся

сотнями] 350. —Заговорил я с ним351 о Шипиловских крестьянах, о г-не Пеночкине, спросил его не знает ли он тамошнего бурмистра? — «Софрона-то Яковлевича? Вона! Да [кто] его на сто верст кругом всяка<я> душа знает. —[Но] А что он за человек? [Он -то] Собака, а не человек; такой собаки другой 352 [не] [и не бывало] 353 — А что? — Да ведь Шипиловка только что числится за [Аркад.] тем, как бишь его за Пенкиным — то, ведь он ей владеет 354 [Ой] Неужто? — [Он] Как своим добром владеет. Крестьяне ему кругом должны; работают на него словно батраки: кого с обозом посылает, кого [по] [на] куды;… [Да] [Что хошь с ними делает.] Затормошил [их] совсем. — («Да ведь у них са] 355 Да земли у них, кажись 356, немного. — Немного! Он у одних Хлыновских 80 десятин нанимает да у наших сто 357 ан всего будет 35*

— ———————————

341 а. обо мне б. о моем присутствии, отвернулся и

342 а. ступайте б. Ступайте же

343 Вписано на полях: Вечно недовольствня, проворчал он сквозь зубы — и [мы пошли] пошел большими шагами домой. [Софрон по крайне] Софрон отправился вслед за ним. Земский выпучил

[на мепя] глаза, словно куда-то далеко прыгнуть собирался. Староста уток выпугнул из лужи.

344 а. пошел б. удалился *в.* пошел

345 а. весьма б. крайне

348 а. к себе домой б. в сопровождении бурмистра, старосты и земского 347 я. взглянули б. посмотрели

346 а. оо свояси б. во свояси, нэ оглядываясь в. не оглядываясь во свояси

349 Вписано: [нет недостатка]

350 а. Этот Анпадист оо сотнями б. (До самого моего отъезда Пеночкин дулся на Софрона.)

351 а. с ним б. с Анпадистом

352 Вписано: [сыска <ть>]

353 Вписано: до самого Курска не найдешь

354 Вписано: Софрон владеет

355 Вписано: а. А б. Да

350 а, кажись б. кажется

357 а. сто б. сто двадцать

[1] а. аы всего и будет б. вот те и целых

— ———————————

полтораста десятин, — Да он не одной землей промышляет: и лошадьми359 и скотом и дегтем, и маслом и пенькой и чем чем; умен, больно умен.360 Он с господами-то знается.391 Да вот чем плох; дерётся. Зверь сущий 362. Да (как же] чтож

они на него не жалуются, — Экста! Барину то что за нужда. Недоимок [нетути так и] не бывает — так ему что…

Да поди ты, прибавил он после небольшого молчанья, пожалуйся-ка… Нет он тебя… да; поди-ка. Нет уж он тебя! Вот как того. Я вспомнил про Анти на и рассказал ему, что видел. Ну [ска<зал>] промолвил Аннадист, заест он его теперь. [Сов<сем>] заест человека совсем. — Староста теперь его забьёт. [Да еще что староста-то бы ничего] [всё] Экой бесталанный, подумаешь, бедняга! — И за что терпит? На сходке с ним повздорил, [шашни его выводить] с бурмистром-то не в терпеж знать нришлось — велико дело. С тех пор363 он его 364 клевать и начал и начал. [И] Теперь доедет. Ведь он такой пес, собака, прости господи мое прегрешенье, знает на кого налечь. Стариков то, что по богаче да по семейней не трогает [еще за одно с ним] [а вот] лысый черт! [а бедного да старого3®5 забить, сыновей в некруты] Ведь он Антиповых-то сыновей без очереди в некруты отдал, мошенник беспардонный, — подавиться ему совс<ем> 36в.

[Признаюсь в тот день — я на охоте больше думал об удобствах и выгодах оброчного устройства чем о [выводках] тетеревах.367

— ———————————

359 Вписано: промышляет

360 Вписано: Неча сказать;

301 Вписано: и богат тоже бестия

362 а. сущий б. не человек; сказано, собака, пёс, как есть пёс

363 а. с тех пор б. Вот

364 Вписано: Антнпа-то

385 а. а бедного, да старого б. а тут вот и расходился

368 а. подавиться ему совсем б. Пес, прости, господи, мое прегрешенье

387 Вписано: Мы отправились на охоту. (*карандашом).*

КОНТОРА

Дело было осенью [в] с утра* бродил я 2 по полям и вероятно прежде вечера не вернулся бы в постоялый двор на большой Курской дороге, где ждала меня моя тройка, если бы чрезвычайно мелкий и холодный дождь, который словно [стар] [злая] старая девка [с утра безшумно] терзал меня с утра 3 — не заставил бы меня наконец искать [по] 4 по

— ———————————

1 а. с утра б. уже несколько часов

2 Вписано: [один] с ружьем

3 а. терзал меня с утра б. с самого утра неугомонно и безжалостно приставал ко мне

4 Вписано: где-нибудь

— ———————————

близости хотя временного убежища. [Полуслепой и разбитый параличом «старик] Пока яа соображал куда бы направить шаги свойв, [увид] глазам моим внезапно представился низкий 7 шалаш возле поля засеянного горохом. Я подошел к шалашу8 [и увидел]9 заглянул туда10 и увидел старика до того дряхлого, что мне тотчас пришёл в голову" •тот [престарелый] умирающий козел, которого Робинсон нашел в одной из пещер своего острова. [Этот] Старик сидел на корточках, жмурил свои [потухшие] пожелтевшие, маленькие глаза и торопливо, но осторожно 12 жевал сухую и твердую горошину, беспрестанно перекатывал ее со стороны на сторону. Он [так] до того погрузился в своё занятие, что и не заметил моего прихода.

Дедушка! А дедушка, проговорил [он] я. Он сперва 43 поднял брови, [от чего] и 14 открыл глаза.

— Чего? прошамкал он наконец 4\ Где тут деревня близко? спросил я. Старик опять пустился жевать. Он видно " меня не расслушал. Я повторил свой вопрос 17.

— Да тебе что надо? 18

А вот от дождя укрыться.19 Да. Он почесал свой загорелый 20 [темно красный] затылок Ну — ты — тово — ступай 21... — вот как мимо меня пойдешь, вот как пойдешь — тут же будет дорога; ты ее то брось22, да все направо забирай, всё [всё] 23 [Ну, тут по] Ну тут же и будет [Анань] Ананьево. — А то и в Ситовку пройдешь.24 [Да] Ты откуда 25? спросил я его.26

— Из Ананьева. Чтож ты тут делаешь? 27

А сторожем сижу.

— ———————————

5 Вписано: еще

6 а. куда бы оэ шаги свои б. в какую сторону пойти

7 Вписано: соломенный

8 шалашу — *зачеркнуто и восстановлено.*

9 Вписано: [нагнулся]

10 а. туда б. в отверстие *в.* под соломенный намет

и а. пришел в голову б. вспомнился

12 Вписано на полях: наподобие зайца (у бедня-

ка не было ни одного зуба)

15 а. сперва б. перестал жевать, [с] высоко

14 Вписано: а. чуть-чуть *б.* с усилием (*карандашом>*

15 а. наконец б. сиплым голосом

,в а. видно б. [должно быть]

17 Вписано: громче прежнего

18 а. Да тебе что надо? б. Деревня… Да тебе что надо?

19 Вписано: Чего? — От дождя укрыться.

20 загорелый — *зачеркнуто, затем восстановлено.*

21 Вписано: заговорил он вдруг, беспорядочно размахивая руками… во…

22 Вписано: дорогу-то

23 Вписано: забирай, все забирай

24 Вписано на полях: а. Я с трудом понимал старика, усы ему мешали, да и язык плохо повиновался б. старик говорил с трудом *{карандашом)*

25 Ты *и* откуда — *переменены местами, затем восстановлено по-старому <карандашом)*

2в Вписано: Чего? — Откуда ты?

27 Вписано: Чего? Что ты делаешь тут?

— ———————————

…Да что ж ты стережешь?

А горох.

Я не мог не рассмеяться, — Да помилуй — сколько тебе лет? 28

А бог знает. [Да ты видишь ли] Чай ты плохо видишь?

Чего?

Видишь плохо, чай..?

Плохо. — Бывает так, что и ничего не слышу.

Так где же тебе сторожем быть, помилуй?

А про то старшие знают.

[Старшие, подумал я. Человеку сто лет…]

[Старик] Не без сожаления поглядел я на бедного29 старика. Он 3" достал из 31 [разор] [дырявого кузова] кусок черствого хлеба и принялся сосать как дитя, с усилием втягивая и без того впалые щеки. Я пошел в направлении «леска» — повернул на право, забирая, все забирал, как мне советовал старик и [действительно] [взойдя] добрался наконец до большого32 села с каменной церковью в новом вкусе т. е. с колоннами и обширн<ой>ыш господск<ой> им усадьбой33. Издали34, сквозь частую сетку дождя бросилась мне в глаза 35 [большая] изба 36 [с] трубами куда я и направил шаги свои, в надежде найти 38 самовар, чай сахар и не совершенно кислые [кислые] сливки. — В сопровождении моей продрогшей собаки, взошел я на крылечко, в сени,

отворил дверь — но [к изумлению моему] вместо обыкновенных принадлежностей избы увидал несколько столов, заваленных бумагами, два39 шкапа40, чернильницы, оловянные песочницы в пуд веса 4\ перья…

На одном столе 42 сидел малый лет 20-ти с пухлым 43 лицом желтоватого44 [цвета], крошечными глазками [и жирным] жирным лбом и бесконечными висками. Одет он был, как следует, в [д] серый нанковый кафтан с глянцем на воротнике и на желудке.

— ———————————

28 Вписано: Чего? Сколько тебе лет?

29 бедеого — *зачеркнуто, затем восстановлено*

30 Вписано: а. обернулся, пощупал кругом б. ощупался

31 Вписано: за пазухи ъг большого — *зачеркнуто, затем восстановлено. Первоначально вписано вместо зачеркнутого: <1 нрзб.)*

33 а. усадьбой *б.* домом тоже с колоннами

86 а. Издали б. Еще издали

55 а. бросилась мне в глаза б. заметил я й® а. изба б. избу с тесовой крышей к двумя *в.* избу повыше других с тесовой крышей м двумя

37 Вписано: по всей вероятности жилище

[управляющего] старосты

— *Вписано:* у него

59 Вписано: краевых

40 Вписано: забрызганные

4 Вписано*: [длиннейшие]

42 а, столе б, из столов

62 Вписано: и болезненным

а. желтоватого *б.* [серого]

— ———————————

Что вам надобно, спросил он меня, дернув45 лицом 4\ как лошадь, которая не ожидала, что ее возьмут за морду.

Что47 здесь приказчик48 живет… или…

Здесь главная господская контора, перебил он меня 4®,

Разве [вы не] вы [не] вывеску не видали? На это вывеска прибита.

А [где бы] [у к<ого>] где бы тут обсушиться?, Самовар у кого-ни- будь50 есть?

Как не быть самоваров, с важностью ответил 51 малый в [сю<ртуке>] сером кафтане. — Ступайте к отцу Тимофею [или в] а не то в дворовую избу, а не то к Назару Тарасычу, а не то к Аграфене-птишнице…

С кем ты это говоришь [?], — болван ты эдакой, спать не даешь, болван? раздался голос из сосед-

ней комнаты.

А вот господин какой-то зашел, спрашивает, где бы [того] обсушиться? —

Какой там господин?

А не знаю. С собакой и ружьем.

В соседней комнате заскрипела кровать… и дверь отворилась и вошел человек52, толстый, низкого роста53 с бычачьей шеей, глазами на выкате, необыкновенно [красны] круглыми щеками и с лоском [на лице] по всему лицу54.

Чего вам угодно? спросил он меня [и] [Самовара] [чаю] [Чаю что ли] [я повторил] [не дождавшись моего] [Самоварчик [Чаю что ли?] [Обсушиться] 55

Я [не] не знал, что здесь контора, [заговорил я]… [Я]А [бы] впрочем готов заплатить.

Оно пожалуй — можно и здесь, возразил толстяк. — Вот не угодно ли56 сюда. — Он повел меня в другую комнату, только не в ту, из которой вышел. — Хорошо ли здесь вам будет? — Хорошо. А нельзя ли чаю [?] да сливок57. — Извольте, сейчас. — Вы пока извольте раздеться и отдохнуть, а [я] 58 сею минутою будет готов м.

Он вышел. Я оглянулся [от конто] Вдоль стены-80 стоял огромный кожаный ди

— ———————————

46 а. лицом б. головою

47 что — зачеркнуто, затем восстановлено

48 Вписано: что ли <*карандашом*>, затем зачеркнуто.

49 Вписано: Я вот дежурным сижу

50 Вписано: на деревне

51 а ответил б. возразил

52 Вписано: лет пятидесяти

5$ Вписано: [небритый]

54 Вписано карандашом: [это лицо] [это лицо представ <…>]

55 Вписано: Обсушиться? Здесь не место.

56 Вписано: [за пер<егородку>]

57 а. да сливок б. со сливками

58 Вписано: чай

59 Вписано на полях: А чье это именье? Госпожи Лосняковой, Елены [Ва] Николаевны.

60 а. стены б. перегородки, отделявшей мою комнату от конторы.

— ———————————

ван; два стула тоже кожаных с высочайшими спинками стояли возлев| единственного окна, выходившего на улицу. На[сте] стенах, заклееных зелеными обоями с розовыми разводами висели [разные картины] [четыре] три®2 [картины] 03 [два портрета] [Архиреев] [Портрета] картины; на

одной изображена была лягавая собака с голубым ошейником и надписью: «вот моя отрада». У ног собаки текла река, а по другой стороне реки в кусте64 сидел заяц непомерной величины ®5, — на другой картине два старика ели арбуз; из-за арбуза виднелся в отдалении гре~ ческий портик с надписью: храм удовольствиявв, — на третьей картине представлена была женщина®7 с косыми грудями [и] красными коленями и очень толстыми пятками, что, как известно, в глазах русского человека [не малое достоинство] [не] достоинство не последнее. Собака моя, ни мало не медля, с сверхъестественными усилиями залезла под диван, и по-видимому нашла там много пыли, потому что [несколько раз] расчихалась страшно. — Я подошел к окну. Через улицу от господского дома до конторы в косвенном направлении лежали доски; предосторожность весьма полезная м [без этой предосторожности] [не было] потому что кругомб®, благодаря нашей черноземной почве и продолжительному дождю грязь была70 страшная. Около господской усадьбы, стоявшей к улице боком71 происходило — что обыкновенно происходит около господских усадьб: девки в полинялых ситцевых платьях, шныряли взад и вперед; дворовые люди брели по грязи, останав-

ливались и72 чесали свои спины73 [на крылечке] [индейки] [ту] курицы кудахтали; чахоточные индейки беспрестанно перекликались; на [пороге] крылечке темного и гнилого строения [по всей веро] вероятно бапи, сидел дюжий парень с гитарой и пел 74 (не во [в] весь голос однако) 75.

Э я фа пасатыню удаляюсь

Ата прекарасаных седешенеха мест.

[Мой] Толстяк78 вошел [в] ко мне в комнату и пр77 — вот [батю]

— ———————————

01 а. стояли возле б. торчали *далее вписано на полях карандашом* по обеим сторонам

62 Вписано: старинн(ые)

83 Вписано: писанные масляными красками.

64 а. а по другой стороне реки в кусте б. а на противоположном берегу реки под сосною [синего цвета]

65 Вписано, зачеркнуто, затем восстановлено: с поднятым ухом

ее а. удовольствия б. удовлетворения

87 Вписано, в лежачем положении и в raccourci

68 предосторожность весьма полезная — *зачеркнуто, затем восстановлено*

в® потому что кругом- *зачеркнуто, затем восстановлено*

70 а. была б. растворилась *в.* была

71 *а.* боком б. задом *карандашом*

72 Вписано: задумчиво

73 Вписано карандашом: привязанная лошадь десятского лениво махала хвостом

74 я. пел б. не без удали пел *в.* не без удали напевая

75 Вписано: а. известную песню б. известный романс

70 Вписано: [(главный конторщик, как я узнал потом)]

77 Далее вписано карандашом: я еще осе стоял у окна

— ———————————

вам чай несут-с78. — Малый в сером кафтане, дежурный79 поставил на80 столе самовар, чайник, стакан с разбитым блюдечком, горшок сливок и связку болховских котелок, твердых как кремень.

Толстяк вышел.

Что это — спросил я дежурного, прикащик?

Никак нет-с, был главным кассиром-с; а теперь главным конторщиком называется 81.

Да разве у вас нет прикащика?

Никак нет-с. Есть бурмистр, Михайла Викулов; а прикащика нету.

А 82 управляющий есть?

Как же есть, немец, Линдамандов 83; только он не распоряжается.

Кто же у вас распоряжается?

Сама барыня.

Вот как..* Чтож (он) у вас в конторе много народу сидит? Малый задумался. Шесть человек сидит. Кто да кто?84 [А] [Вj [вопервы] 85 Василий Николаич, главный кассир — а то Петр конторщик, Иван конторщик, другой Иван конторщик, [Савелей] 86 Наркизов, тоже конторщик. — я вот, [да] Да всех не перечтешь.

Чай, у вашей барыни дворни много?

[Довольно, довольно] Нет не то, чтобы много…

Человек, пожалуй, [что] полтораста набежит.

Однако, сколько?

Мы оба помолчали.

Ну что же ты хорошо пишешь, начал я опять. Малый улыбнулся во [всю ширину] весь рот — [вышел ни слова не говоря] 87 [вышел в контору] 88 и [тотчас же вернулся] 89 [с листком бумаги в руках] 90

Вот94 — мое писание, промолвил он, [с] не переставая улыбаться. [Я по] Я посмотрел: На четвертушке белойег бумаги93 был написан следующий: [прик< аз>]

— ———————————

78 Вписано: *а.* сказал он мне с улыбкой б. сказал он мне с. приятной улыбкой

79 а. дежурный б. конторский дежурный

80 а. поставил на б. расположил на старом ломберном

81 а. главным конторщиком называется, б. в главные конторщики произведен

82 а. А *б*. Так

и Вписано: [Ф] [Андрей] Карло Карлыч;

и Вписанр: спросил я

85 Вписано: А вот кто: сначала будег

8,5 Вписано: а. Константин б. Коскеитин

84 Вписано: сходил в контору

60 Вписано: [вышел] [и вынес из конторы]

— *ВЬисано:* и принес исписанный листок.

— *Вписано:* можете посмотреть

— а. белой б. сероватой е. белой

95 Вписано: красивым и крупным почерком.

— ———————————

Приказ.

От Главной Господской Ананьевской Конторы № 209 94. Бурмистру Михайле Викулову.

Приказывается тебе немедленно по получении сего розыскать: Кто в прошлую ночь в пьяном

виде95 прошел по саду9® и гувернантку мадам 97 француженку разбудил и обеспокоил? И почему98 сторожа глядели и кто сторожем в саду сидел [?] и таковые беспорядки допустил? Обо всем вышепрописанном [немедленно] приказывается тебе99 разведать и немедленно конторе донести.

Главный конторщик Николай Куприянов 10<\

К приказу была приложена огромная 101 печать [с] с надписью402: Печать Главной [Анаиьев<ской>] J03 Ананьевской конторы — а внизу стояла приписка [Елена] [Сему верь] 1104 Елена Лоснякова.

Это, сама барыня приписала, что ли? спросил я*05.

Прикащик

— Как же-с, сами, [Без эт] so® А то и приказ действовать не может.

— Ну что ж вы бурмистру пошлете этот приказ?

Нет-с. — Сам придет — да прочитает*07.

Дежурный п[р]омолчал.

А что-с, прибавил он, — ведь хорошо написано-с.

Хорошо.

[Сочиеять-то] 108 [не я] Сочинял fi0®. На то Петр

110 мастер.

Как? разве эти m приказы сперва сочиняются?

А как-же-с. — [Сперва начерно; напишут а там] 112

Не прямо же набело писать. — [Этого] 113

— ———————————

94 Вписано: 1

95 Вписано: и с неприличными песнями

96 а. саду б. аглицкому саду

97 Вписано: Эжени

98 а. почему б. чего

99 Вписано: в подробности

100 а. Куприянов б. Хвостов

108 Вписано: гербовая

102 Вписано, зачеркнуто и восстановлено: кругом

w Вписано: господский

104 Вписано: В точности исполнить

Ю5 Толстяк вышел сс Это сама барыня приписала, что ли? снросшл я: *вписано на полях*

106 Вписано: Оне всегда сами

107 Вписано: а. То есть ему прочтут, он грамоте у нас не знает, б. То есть ему мрочтут. Он ведь грамоте у нас ее знает.

а08 Вписано: [Правду сказать]

809 а. Сочинял б. Сочинял-то, признаться, не я-с

uo a, Петр б. Коскенкин

111 а. эти б. у вас

112 Вписано: [кажинный приказ сперва начерно]

us После зачеркнутого слова знак вставка текста-(.), повторяющийся в нача

ле следующей реплики. Текст вписан на поляхі

А сколько ты жалованья полу чаешь (Х) или вот еще барышни…

— ———————————

А сколько ты жалованья получаешь? спросил я.

Тридцать пять рублев и пять рублев на сапоги.

И [доволен] ты доволен?

[А какже-сj Известно — доволен.

[М] [Не] В контору-то у нас [попасть] не всякий попадает… [Мне-то] 114 [Да спасибо] у меня дядюшка [прикащиком] [в] [в ком- мисарах] дворецким служит115. Правду сказать"®, продолжал он со вздохом — у купцов-то нашему брату — лучше. У купцов оченно нашему брату хорошо, — Вот к нам [вечор] приехал купец та Веиева; так мне его работник сказывал. Хорошо, неча сказать хорошо.

А что — разве жалованье купцы большое 118 [дают] назначают?

Сохрани бог! Да он те в шею прогонит, коли ты жалованья у него запросишь т. Нет, ты у купца живи на веру да на страх. — Он те и кормит и поет и одевает к всё; угодишь ему -еще больше даст, что твое жалованье, ме надо его совсем, — И [но простоте-с] живет-то онпо по простоте121; поедешь с ним в дорогу — он пьет чай ж ты пьешь122 чай; что он кушает, то и ты кушай. Купец, как можно; купец не то что барин. Купец не блажит: <1 *нрзб,*> 423 осерчает — [ну] побьет, да и 124 [дело в нек] 425 все ту 426 не мозжит, не шпыняет! А барин то и 127 [по] [фр] туда и сюда;*26 подашь129 стакан с водой или кушанье: Ах вода воняет! Ах кушанье воняет! [в те] вынесешь за дверью постоишь — да принесешь опять — ну вот теперь хорошо, ну вот теперь не воняет. А уж барыни, скажу вам, а уж барыни что, или вот еще барышни… 130

Федосюха! 134 раздался голос [толст<яка>] толстяка в конторе. Дежурный поспешно вышел і3\ Я напился чаю, лег на диван и заснул. — Я спал часа два. Проснувшись — [услышал я за перегородкой в конт- <оре> следующий разговор, на который я сперва [было] не обратил было

— ———————————

Вписано: д. Мне-то, правда *б*, Мее то првзнаться и сам господь бог велел *И5 Вписано:* й хорошо те-

бе. [Ну чтож] Хорошо-с JiS я. Правду сказать б. Ну правду сказать *т Вписано: а.* вечор 6'. намеднись

т а. жалованье купцы большое б. большое жалованье купцы иэ е. жалованья у него запросишь б. у него запросишь жалованья. *420 а. от б.* купец

122 а. пьешь б. пей аз® *Вписано:* ну

— *Вписано:* [дело]

— *Вписано*: да и дело с концом: i2S д. все ту б. а i2° а. А барин то и б. А с барином-то... беда!

12fi Вписано карандашом: <2 нрзб.) Далее вписано: всё не по нем; и то-то не хорошо, ж тем не угодил

S2S Вписано: ему азй А сколько ты жалованья получаешь со а уж барыне что, или вот еще барыш *ті вписано на полях.*

т а. Федосюха! б. Федюшка!

Вписано карандашом: ме докончив своей филипп(ики)

— ———————————

внимания...] Я захотел было подняться*33 и опять закрыл глаза [отягченные дре] 134 За перегородкой в конторе 135 разговаривали [в]... [Сначала я не обратил внимания] Я 138 стал прислушиваться

Тэк-с, тэк-с, говорил один голос, Николай Яко-

влевич — тэк-с. — Эвта- го нельзя в соображение не принять; нельзя, точно. Гм. — Говорящий кашлянул. Уж поверьте мне!37, ответил голос моего толстяка138. Уж мне ли не знать здешних порядков Сами посудите.

Кому же и знать, Николай Яковлевич. Вы здесь, можно сказать, первое лицо 139. — [Что это кажется] Ну так, как же, продолжал первый голос, чем же мы порешим, Николай Яковлевич? Позвольте полюбопытствовать?

Да [что?] чем порешим Гаврила Антоныч [Ничем не порешим]. От вас [за] дело зависит. Вы кажется, не того… а только так, чтобы того140. Помилуйте, Н. Я.141 Наше дело торговое142, наше дело ку- пить-с. Мы на том стоим-с. [И при том малым барышком довольствуемся] 143

Семь рублев, проговорил с расстановкой толстяк. Послышался вздох. — [Ах] Николай Яковлевич, много больнoт просить изволите 145 [Как] Нельзя Гаврила Ант<оныч> — иначе поступить; как перед 446 богом говорю нельзя.

Наступило небольшое молчание. Я тихонько приподнялся147… и сквозь 148 трещину в перегородке 149 посмотрел в контору [Перед] Толстяк сидел ко мне спиной. — [Перед ним] К нему лицом сидел купец, лет сорока, [довольно худой с

бледным] [с весьма подвижными чертами лица] 15°. Он [беспрестанно] беспрестанно шевелил у себя в бороде и очень проворно151 моргал и подергивал губами15\ [А] Удивительные [по д] [зеленя] можно сказать, зеленя в нынешнем году153 заговорил

— ———————————

133 Вписано: да лень одолела

134 Вписано: но но заснул опять

135 Вписано: тихонько

136 Вписано; невольно

137 Вписано: [Сергей Сергеич] [Максим] [Никита Петрович] Гаврила Антоныч;

138 а. ответил <х> толстяка *б.* возразил голос главного конторщика

139 а. лицо б. лицо — с *карандашом*

140 а. но того того б. не охотствуете

141 Вписано: что вы говорите-с!

142 Вписано: купецкое-с

143 Вписано: Н. Я. можно сказать —

144 а. много больно б. больно много

145 а. изволите б. изволите-с — *карандашом*

,4в Вписано: Господом

147 а. приподпялся б. приподнял голову

148 Вписано: [приложил]

149 а. [сквозь трещипу в перегородке] б. [пере-

городка в одном месте треснула]

150 Вписано: сухощавый и бледный

151 Вписано: [гля<дел>]

152 Подергивал *и* губами — *переменены местами*

153 а. году б. году-с — *карандашом*

— ———————————

он опятьОт самого [Венева] Воронежа-с [пошли] удивительные пошли 15\ Первый сорт-с, можно сказать |5в.

Точно зеленя не дурны, отвечал приказчик, да ведь вы знаете Гаврила Антоныч, осень всклочит, да как весна захочет. Действительно так457 Николай Яковлевич158. Совершенную истину изволили сказать-с… А никак ваш гость проснулся.

Толстяк обернулся… вслушался l5i. Нет, спит. А впрочем можно [то и] того… Он подошел к двери [Я поскоре<е> пр] нет спит, повторил он и вернулся на место.

Ну так как же Н<нколай> Жковлевич) [заново] начал опять купец. Надо ведь160 покончить-с. Так!в| и быть162 две серењких и беленькую — а там шесть с половиной. По рукам что-ли-с? — [По] Четыре, [проговорил] отвечал приказчик. Ну три!.. Четыре…

Три Николай Яковлевич. [Тр] С половиной

три — меньше ни копейки [решительно] Три, Николай Яковлевич. — И не говорите, Гаврила Антоныч.

Экой несговорчивый какой пробормотал купец. — Эдак я лучше с барыней сам покончу. [Она мн<е> пред]

Как хотите, отвечал толстяк. — Давно бы так! Что в самом деле со мн<ой> вам беспокоиться [со мной] [тут] И гораздо лучше Ну полно, полно, Николай Жковлевич) 163 Я так это сказал. Нет, что ж в самом деле…

Полно же говорят… Говорят пошутил. — Ну возьми свои три с половиной! Что с тобой будешь делать!

Четыре бы взять следовало, [отв] да я дурак поторопился…m [только что приятель то, вон что]

Там шесть с полтиной, Николай Як<овлевич> Шесть с полтиной… уже сказано.

[Ну хорошо, ну хорошо] Ну так по рукам Н. Я-в…165 [Они ударили др.] 166

— ———————————

154 Вписано: я все ехал да любовался

155 д. пошли б. пошлн-с — *карандашом*

156 д. сказать б. сказать-с — *карандашом*

157 д. так б. так-с

458 Вписано: всё в божьей воле-с

1581 а. вслушался б. прислушался

Вписано: дельце-то

Ui Вписано: уж

а. быть б. быть-с; *вписано: а*. Шиколай) Жковлевич), так и быть: ~ б. Николай) Жковлевич), так и быть: — произнес он с расстановкой. *Вписано:* уж сейчас и рассердился!

Вписано: а. возразил првкащнк б, возразил главный прикащнк *в*. возразил [толе] толстяк

Вписаноі и с богом!

fl®® Далее вписано на полях:

— ————————

Николай Яковлев 187 подошел к [окну и] [у] стене и сколько я мог заметить, начал разбирать бумажки [данные купцом]… Из двери высунулась 468 голова с густыми бровями470 [и весьма рыжая] [и вся покрытая]

Ну что? спросила толова. — Всё как следует?

Всё как следует!

Гм. Сколько?

[Главн] Толстяк с досадой махнул рукой и указал головой на мою комнату.

А! хорошо! — возразила голова и скрылась. Толстяк [походил по] подошел к столу, сел, раскрыл книгу [и] достал [перо и начал и] щёты и начал [считать, водя! [действуя не] откидывать и

прикидывать костяшки, действуя не указательным i7\ но третьим пальцем правой руки.™ Оно приличнее.

Вошел дежурный.

Чего тебе?

[Пришел] Софрон 872 приехал из [Жи] Голоплёк. [Посмотри] А. ХорошоS73, Позови его… [Только сперва] Постой, постой,… поди 474 посмотри [пожалуйста], что тот чужой-то, барин спит всё или проснулся.

Дежурный осторожно вошел475 в комнату. Я положил голову на [подушку] якташ, заменивший мне подушку — и закрыл глаза.

Спит [шепотом вы] [шепотом] прошептал дежурный, вернувшись в контору.

— ————————————

Купец встал. — Так я батюшка, Николай Яковлевич, теперь пойду к барыне об себе доложить велю; и так уж я и скажу Николай Яковлевич. — Дескать 6 с полти- яой порешили.

Так и скажите Гаврила Антоныч.

Хорошо. Н. Я. Хорошо-с. — А чтож на счет [того-то] того-с, рощицы-то березовой?

Евсей Евсеич [ме] много велел, дескать, просить-с как, дескать, ответ… будет-с?

Будет, будет, сказано будет. Только вы сами

знаете,

Гавр. Ант. — двух дел в ©дне день не кончают, не так ли?

Оно конечно [-с], Конечно-с…

[Приходите еще]

А теперь извольте получить.

[Оба купец и прикащик нагнулись под столом. Приказчик сунул] Купец вручил приказчику [бумаги] небольшую пачку бумаги, поклонился, тряхнул головой, взял свою шляпу [при чем] двумя пальчиками, передернул плечами, придал своему стану волнообразное движение и вышел, прилично поскрипывая сапожками.

167 д. Николай Яковлев б. Николай Федотов

168 д. данные б. врученные ему —*карандашом se® Вписано*: [рыжая]

170

а. густыми бровями б. густыми бакенбардами!7fl действуя ее указательным — *зачеркнуто, затем восстановлено.*

172 д. Софрон б. Сидор

175 а. хорошо б. [Ну] Ну

174 Вписано: сперва

175 Вписано: ко мне

— ———————

Толстяк поворчал немного 176 сквозь зубы. Ну

позови Софрона 177 прибавил 178 он наконец

Вошел мужик [пребольшого! огромного роста, лет 30, здоровый, краснощекий с курчавыми180 волосами и небольшой курчавой бородкой. Он [сперва] помолился на образ, поклонился Николаю181 контор- щику [и вытянулся] взял свою шляпу в обе руки и [остал] выпрямился.

Здравствуй, Сидор, проговорил толстяк [ирродолжа<я>] постукивая щетами.

Здравствуйте, Николай Яковлевич [Давно приехал?] Ну что, какова дорога?

Хороша Жнколай) Жковлевич),856. Сидор говорил не скоро и ее громко

Как вас там бог милует. Живем помаленьку ш

Мужик вздохнул и [отстав<ил>] ногу выставил Чтож — зачем приехал?

[Оброк привез] Да слышь, Николай Яковлевич, с нас плотников требуют, Ну чтож? Нет их у вас, что ли?

Как1184 не быть15 дача леснаяis®. Да вот что187 рабочая, Ник- <олай) Яковлевиче

Рабочая пора. То-то вы охотники на чужих работать. — А на свою госдожу работать не любите? Всё едино!

Работа-то всё едино, точно; [д] Н<иколай> Жковлевич) да [плата-то] что, Шиколай) Жковлевич)

188,

Мало чего нет! Вишь *вы* как избаловались! Поди ты! Да и то сказать, Шиколай) Жковлевич) работы [-то] всего на деньі8; а продержат неделю190. — То материалу не хватает, h то 104 в сад пошлют дорожки чистить.

— ———————————

47й немного — *зачеркнуто, затем восстановлено*

177 а. Софрона б. Сидора

178 а. прибавил б. промолвил

т Вписано: Я снова приподнялся.

180 а. курчавыми б. русыми

ш а. Николаю б. главному

182 Вписано: грязновата маленько

*й3 а. помаленьку б. но вшей милости *в.* жена зодорова. Что ей деется? *(на по- мх)«Далее ' вписано:* Шиколай) Ф(едосеевич) [продолжал] заложил перо за ухо

**м Вписано:* им у нас

188 Вписано: Шиколай) Жковлевич)

іт Вписано: известно *й7 й. вот что б. пора-то

188 Вписано: Ну что? Блата-то больно того

т а. педелю б. месяц

191 Вписано: и

— ———————————

Мало ли чего нет. Сама барыня изволила приказать192 так тут|М рассуждать нечего. Сидор помолчал m [видно было, что он собирался 195 что-то сказать да не решался! 496

Нашиі97, Николай Яковлевич і98? заговорил [он] наконецзапинаясь на каждом слове… приказали — вашей милости… вот тут… будет… [того],.. Он [пол] запустил свою ручищу за пазуху [сер] армяка и начал [было! вытаскивать оттуда [тщательно] завернутое 200 [в] полотенце с красными разводами…

Что ты, что ты, дурак, с ума сошел, что ли, поспешно перебил его толстяк… Ступай [ступ] ступай ко мне в избу201, продолжал он почти выталкивая изумленного мужика — там спроси жену, — она тебе чаю даст, я сейчас приду, ступай. — Да небось, говорят 202, ступай. Сидор вышел вон. Экой,..29Л — [проговорил в] пробормотал ему вслед главный конторщик…»"

[В] Крики205: Купря! Купря! Купрю не сшибешь! раздались на улице206 — и через несколько мгновений 207 в контору вошел 208 человек низенького роста с209 необыкновенно длинным носом, [и чрезвычайно) ва…] большими неподвижными глазами и весьма горделивой осанкой.

[Носил] [На нем] Одет он был в старый изорванный сюртук цвета Аделаида или как у нас [иногда] говорится Оделлоида, с плисовым воротником и [чре] [не] крошечиыми пуговками. Он нес связку дров за плечами [и]. Около него толпилось человек пять дворовых людей;250

— ———————————

<9Я изволила *и* приказать — *переменены местами*

Вписано: мам с тобой 194 а. помолчал 6. замолчал

194 Вписано: [с духом]

1186 Вписано: а. и помялся на месте б. начал мяться на месте, краснеть и потеть *в.* качал переступать ногами. *Далее вписано:* Николай Федосеев [сов] скрутил голову на бок к усердно стучал костяшками. *Промежуточный вариант: вместо:* стучал *стало*: застучал

ш Вписано:… мужики

1М а. Яковлевич б. Федосеевич

т Вписано: Сидор а. завернутое 6. завернутую

281 а. в избу б. в дом

2fta Вписано JJ зачеркнуто: хорошо;

205 Вписано: медведь

204 Вписано: ж [за] оглянулся… *(далее — карандашом)* покачал головой *ш* снова юрхшялся

за щёты

й Kjmkh *6*. Вдруг крики гов а. На улице б. на улице и на крыльце

ш а. через несколько мгновений б. немного спустя *<зачеркнуто, затем восста- новлено)* гощ 1» контору *и* вошел — *переменены местами*

{- карандашом)

Вписано на полях: [невидимому привадлеж] к sea кричали: Купря. Купрю m сшибешь! В истопники Купрю произвели! в истопники!

— ———————————

Один довольно высокий2И с лицом усеянным прыщами, завитой и намасленный 2*2 по имени Анпадист Марчуков камердинер213, [другой Константин конторщик] 284 [плут] и белокурый [и] [и] с красным галстуком на белой шее [лакей стоял сзади]

[Купря] 2*® Человек в сюртуке с плисовым воротником остановился 247 [оста] [и дошел] и ни сколько не изменялся в лице 218, он дошел до печки, сбросил свою ношу, приподнялся, достал из заднего кармана табакерку, [и] вытаращил глаза и начал набивать себе в нос [какую-то дрянь пепельного цвета]. [Главный] [Толстяк вст] тертый донник, смешанный с золой.™ [Мой толстяк] [Николай Фаддев] [Главный конторщик] При

входе шумной ватаги, толстяк нахмурил было брови и [с] [и] подеялся с места, но увидев в чем дело, улыбнулся и только велел ее шуметь 219 в соседней 220 комнате помещик почивает 22S.

А 222 пусть 223 шумят, — перебил его224 [Куприян или Купря как его называли] человек с плисовым воротником. Мне что за дело? Лишь бы меня не трогали. — В истопники меня произвели [точно]... В истопники, в истопники 225 подхватила ватага 228 [А] Барыня приказала, продолжал он227. А вы — погодите — вас еще в свинопасы произведут. — Чего раскричались? 228 А что я портной и хороший 229 портной, у первых мастеров в Москве обучался 230 — этого у меня никто не отнимет. А вы дармоеды, тунеядцы, больше ничего. Меня [на волю] отпусти на волю, я с голоду не умру, я не про

— ———————————

ni а. довольно высокий б. высокого роста худощавый *Вписано*: [росту]

213 а. по имени оэ камердинер б. должно быть камердинер. *Далее вписана на полях строка, не относящаяся к тексту:* поднимал его волосы в виде хохла

234 Вписано: рябой

215 Вписано: и разорванными локтями; *Далее*

вписано: слегка подталкивал его сзади, *Вся фраза:* Один довольно бойкий oq сзади — *обведена пером, что означает перенос отдельных частей другие места рассказа*

2S® Вписано: Но

217 *а.* остановился б. ее обращал [на них] ни малейшего — *карандашом* — внимания [на своих мучителей] на буйство своих товарищей.

218 Вписано: Мерными шагами

2S9) а. шуметь б. кричать

220 Вписано: дескать

— я. помещик почивает б. охотник спит; *Далее вписано:* [Какой] Какой такой охотник? [в один голос спросили два] [Купрю ее сшибешь вскричал человек Лет двадцати с очень толстым лицом] в один голос заговорили все —*последние два cjbo-<ва — карандашом* — Помещик…

222 а«А б. Чтож

— я. пусть б. пускай

— я. перебил его б. промолвил

225 Вписано: [Ватага переб]

226 я. подхватила ватага б, завопила тол на *е.* загудела — *карандашом* — толпа

227 Вписано: цожав плечами

228 я. Чего раскричались й Чего [расхорохорились] храбритесь, чего? [Чего?] Из господской

воли вышли, что ли?

228) я. хороший б. настоящий е. хороший

250 Вписано: ш на генералов шли

— ———————————

паду; я — мне пачпорт, я оброк хороший взнесу; а вы231 дармоеды, скажите, дармоеды, всех бы вас 232

Вот ты и соврал, [заговорил] [заметил] подхватил Константин конторщик 233. Ты и по пачпорту ходил, да [не ток] от тебя копейки оброку господа не видели; [а наконец и сам] насилу ноги домой приволок, [[в] чуть живой…] и себе гроша 234 не заработал;235

А что будешь делать, возразил Куприян, — влюбился человек и пропал; и погиб. Ты сперва с мое поживи, Константин Наркизыч; — [а уж то<гда>] тогда и осуждай меня.

И в кого нашел влюбиться? В урода сущего.

Нет, этого ты не говори, Константин Наркизыч.

[вы ее] Да кого 236 ты уверяешь? Я ее видел — [И нос у ней попорчен] 23\

В последствии 238 прошлом году она действительно попортилась маленько, заметил Куприян.

Нет, вот 239 нам [лучше] Куприян Афанасьевич свою песенку споет, — [про Венеру прекрас] за-

говорил презрительным и небрежным голосом [выдвигаясь впер] малый 240 — Нутка, пачните, Куприян Афанасьевич)

Здесь не место петь, с твердостью возразил Куприян. Здесь господская контора. Да тебе [что] то что за дело? Чай в конторщики сам метишь? — с грубым хохотом241 [подхватил] подхватил 242 Константин. Должно- быть!

[Кому] какая 243 [должность назначена, так тому уж]

Все в господской власти состоит [возразил] заметил бедняк.

Вишь, вишь, куда метит, вишь. Каков! [не] У! У! а!

И все расхохотались 244 Более 245 всех потешался 248 один мальчишка лет [15-ти] пятнадцати [пу] пухлый с 247 должно быть сын

— ———————————

231 Вписано: Что? [Что?]

232 а. дармоеды вас б. пропадёте словно мухи, вот и всё!

233 Вписано: парень *и далее знак переноса части текста, обведенного пером:* рябой и белокурый ОQ локтями

234 а. гроша *б.* на сапоги *в.* гроша медного

235 Вписано: да с тех пор всё в одном кафтаниш-

ке живешь

239 а. кого *б.* кому

237 а. попорчен б. такой *Далее вписано:* в прошлом году в Москве своими глазами видел.

238 а. В последствии б. В прошлом году

239 а. вот б. вот господа что, пускай

240 Здесь знак переноса части текста, обведенного пером: один высокого ростам камердинер

241 а. с грубым хохотом б. с грубым смехом

242 подхватил — *зачеркнуто и восстановлено*

243 а. какая б. что

244 Вписано и зачеркнуто: пальцами на него указывали; *далее на полях:* [прыгали] иные запрыгали

245 а. Боле© б. Громче

248 а. потешался б. заливался

247 Вписано и зачеркнуто карандашом: с красным лицом

— ———————————

[б] [двор] [богатого] 248 [потому что] 249 он носил жилет25® и брюшко258 успел отрастить. —

А что признайся, Купря, самодовольно заговорил Федосеев* [ведь не приятная] которого [видимо [по] всё время] {эта своего рода травля] видимо [потешала] 253 ведь [неприятная

должность — истопник] плохо в истопниках-то. Пустое, чай, дело, вовсе!

Да что Николай Федосеич, заговорил Кузяриян. Вот вы теперь главным у нас конторщиком, точно; [и в главных кассирах состояли;] спору в том, точно, нету; а ведь и вы под опалой находились и в [Голо- плекн] ^ [вас отсылали] 255 собирались [на жительство высланы были] 25в.

Ты смотри у меня однако не забывайся, с запальчивостью перебил его толстяк; [шутка шуткой — а то я ведь, пожалуй] с тобой, дураком, шутят; тебе бы [благодарить] дураку [должно чувствовать] чувствовать следовало и благодарить, что с тобой 257 занимаются..

К слову пришлось Николай Яковлевич 2Ь\ извините.

То то же.., к слову…

Дверь растворилась и вбежал казачок.

Николай Федосеич, барыня вас к себе требует.

Толстяк поспешно встал и начал застегмв*ь я [Сейчас, Сейчас], Кто у барыни, спросил он казачка.

Аксинья Иикнтишна и купец из Веиёва.

[Я сей] Сею минутою явлюсь, [прод] *А* вы, братцы, продолжал он [обращаясь к] 259 ступайте ка лучше отсюда вон с вашимистопником-то; [а

не то] неравно немец забежитш нажалуется мотом Толстяк поправил [волосы] у себя на голове волосы, кашлянул в руку, почти совершенно закрытую рукавом сюртука м [вышел. Остальные] отправился к барыне. Остальная ватага поплелась за ним, вместе с Куп- рей. Остался один мой старый знакомый, дежурный.

[Он] Принялся было чинить перья 2®3 да сидя m яасеул |с раскрытом] j Й двери] Несколько мух тотчас воспользовались его оплошно

— ———————————

248 Вписано: аристократа между дворней: 2W а. [нотому что] б. ибо

250 Вписано: с бронзовыми пуговицами, галстук лилового цвета **51 Вписано:* уже

252 а б. послушай-ка

253 а. которого с» потешала б. распотешенный *ж* развежсзшый

254 [Голоплеки] — *зачеркнуто карандашом*

255 а. отсылали б. отсылать собирались

256 Вписано: в мужицкой избе тоже пожили — *тоже ™ карандашом 2Г,Т Вписано:* дураком

25fi а. Яковлевич *б.* Федосеевич

259 Вписано карандашом.: убедительным голосом

280 а. вашим б. иовопожаловаипьш

281 Вписано: как раз

7m а. мотом б. ^его доброта

%ы *а. I*Он | cq перья б. Принялся было чинить ом перья — *тршдшиюм 284 Вписано карандашом:* я

— ———————————

стью 265 и облепили ему рот. — Одна из них несколько раз заглянула ему в ноздрю2®6, но он даже не пошевельнулся. — [Из двери высунулась яр] Прежняя рыжая голова с бакенбардами снова показалась из-за двери, поглядела, поглядела и вошла267 вместе со своимтуловищем [облаченным] —

Федюха! А Федюха! вечно спишь! проговорила голова.

Дежурный раскрыл глаза, и встал со стула,. — [Вздремн] [Извините, Василий Николаевич, пробормотал он…]

— [Гм.] Николай Федос<евич> к барыне пошел?

К барыне пошел, Василий Николаич.

— [К барыне пошел] А! А! Подумал я — вот он, главный кассир.

Главный кассир [походил] начал ходить по комнате. Впрочем, он более крался, чем ходил; и таки вообще походил269 еа кошку. На [пл] спине270 его болтался старый черный фрак с очень узкими фалдами; одну руку он держал на груди,

а другой беспрестанно брался за свой высокий и [очень] тесный галстук из конского волосу 27S, Сапоги носил он козловые без скрипу и выступал очень мягко. Сегодня вас [помещик] Якутакин спрашивал помещик промолвил дежурный.

Гм. Спрашивал? [Чтож] [Точно спрашивал?] 278

Говорил, что дескать сегодня[буд] [ждать вас будет] к Тютю- реву вечером заедет и вас будет ждать. Нужно дескать мне с Василием Н-ъ об275 деле переговорить [а об] [уж,] а о каком деле, не сказал — уж Василий Н<иколаич> говорит, знает.

Гм — возразил главный кассир и подошел к окну.

Что — Николай Федосеев в конторе? раздался в сенях громкий голос — и человек высокого ростаг™ с лицом неправильным, но выразительным и сильным, довольно опрятно одетый, вошел в контору271.

— Нет его здесь? Спросил он, [ша] быстро глянув кругом.

— Николай Федосеевич у барыни… отвечал кассир278. Что вам надобно, скажите мне… Павел Андрееч, вы мне можете сказать. [Мне его.] Вы чего хотите?

— ———————————

2ei *а.* его оплошностью *б.* счастливым случаем

2в<5 а. Одна со ноздрю комар сел ему на лоб, правильно расставил свои ножки *ш* медленно погрузил в [него] его мягкое тело всё свое жало (правильно — *карандашом).*

— *s7 Вписано*: в контору

26ft Вписано: довольно некрасивым

265 *а.* походил б. смахивал — *карандашом*

270 а. спине б. плечах

271 Вписано: и [то и] с напряжением вертел головой. —

272 а. вас с» помещик б. по утру Якуткин, помещик, вас спрашивал — *карий датам*

213 Вписано и зачеркнуто: Ну а еще что?

274 сегодня — *зачеркнуто карандашом*

275 Вписано: одном

т Вписано: видимо рассерженный

277 а, вошел в контору б. шагнул через ворог

278 (На полях вписано и зачеркнуто: Мет его? Ну хорошо, я подожду

— ———————————

[Я хочу] [Чего я] Чего я хочу 279? Проучить я его хочу, толстого борова 280, наушника 281. Я ему дам наушничать!

Что вы, что вы, Павел Андреич! Успокойтесь — Как вам не стыдно? Вы не забудьте, про кого 282 говорите, Павел Андреич.

Про кого! А мне что за дело, что его в главные конторщики произвели 283. Вот, нечего сказать, нашли кого [произ] пожаловать! Вот уж точно можно сказать — пустили козла в огород!

Полноте, полноте, Павел Андреич, полноте! бросьте это… что за пустяки такие!

Ну, Лиса Патрикевна, отстань<те>! Хороши и вы 284 Я его дождусь, — прибавил 285 Павел и ударил рукой по столу. — А да вот он и жалует, прибавил он, глянув 286 в окно — Легок на помине. — Милости просим. — Он встал.

Николай Федосеев вошел 28Т. Лицо его сияло удовольствием… Но при виде Павла он несколько смутился, [и замялся на месте]. Здравствуйте, Николай Ф<едосеич> — значительно проговорил Павел, медленно подходя 288 к нему 289. — Здравствуйте.

' Главный конторщик не отвечал ничего. В дверях показалось лицо купца…

Чтож вы мне не изволите отвечать?.. продолжал Павел… Впрочем, нет. Нет, прибавил [не дело] он. Этак не дело. — [Вы] Криком да бранью ничего не возьмешь290. Вы мне лучше скажите

Н<иколай> Ф<едосеич> за что вы меня преследуете? За что вы меня погубить хотите? 291

Здесь не место с вами объясняться проговорил 292 главный конторщик. В другое 293 время. [Мы с вами Пер] Только я признаюсь, [с удивл] одному удивляюсь: с чего вы взяли, что я вас погубить желаю? [Да и как я могу] или преследую? Да и как 294 могу я вас" преследовать? Вы не у меня в конторе состоите.

Еще бы! отвечал Павел. Этого бы только не доставало. —' [Т] Но зачем же вы притворяетесь, Николай Федосеевич? Ведь вы понимаете!

Нет, не понимаю.

Нет, понимаете.

— ———————————

279 Вписано: Вы хотите знать, чего я хочу! Кассир болезненно кивнул головой

280 а. толстого борова *б*. брюхача негодного *2Й* Вписано*: подлого

262 Вписано: вы

— *а.* произвели б. пожаловали

— *а.* отстаньте! Хороши и вы б. пошла хвостом вилять…

— *а.* прибавил б. [отстаньте] крикнул не говор (…) *г.* с сердцем проговорил *2в® Вписано*: наскоро (?)

— *Вписано:* в контору…

— *а.* подходя б. подвигаясь *28f Вписано:* навстречу

29й Вписано: нет

281 Вписано: А? [скажите] Ну говорите, говорите

292 а. проговорил б. в полголоса проговорил *в** не без волнения возразил

29S а. В другое б. Да и не

294 Вписано: наконец

— ———————————

Нет, ей богу, не понимаю.

Еще божитесь! Да уж коли на то пошло — скажите, ну не боитесь вы бога? Ну за что вы бедной девке жить не даеге? Что вам надобно от нее?

Вы о ком говорите, Павел Андреич? с [изум] притворным изумлени ем спросил его толстяк.

Эка! Не знает, небось! [Об] Я об Татьяне говорю. Побойтесь бога! 295 Вы человек женатый; дети у вас уже с меня ростом… а я ничто другое… я жениться хочу; я по чести поступаю.

Чем же я тут виноват, Павел Андреич. — Барыня вам жениться не позволяет, господская воля! Я-то тут что?

Вы что? А вы с этой старой ведьмой, с ключницей не стакнулись, небось? Небось не наушни-

чаете, не жалуетесь29в, а, скажите, не ваша тут работа2,7. Небось не по вашей милости ее из прачек в судомойки [раз] произвели2?в [В черн] [и жалованье сбавили, и последнее пл] 299 тоже не по вашей милости? Стыдитесь, стыдитесь, старый вы человек! Ведь вас [скоро] паралич того и гляди разобьет… [Бог] Богу [за гре] отвечать придется

— Ругайтесь, ругайтесь, Павел Андреич, Долго ли 300 вам придется ругаться-то301.

Что? Грозить мне вздумал? 302… Ты думаешь я тебя боюсь [ли] [что ли?] Нет, брат, не на того наткнулся… Чего мне бояться? Я везде себе хлеб сыщу, я не то, что ты 303 Тебе только здесь и жить, да наушничать, да взятки брать, да воровать… [а]

Ведь вот как зазнался, перебил его [Николай] конторщик, который тоже начал терять терпенье; фершель просто, фершель, [больше ничего, даже не] лекаришка 30\ а послушай 305 его и бог его знает308 какая важная особа.

Да, фершель; а без этого фершеля, ваша бы милость теперь на кладбище гнила; и я дурак что вылечил 307.

Ты [меня сабур] 308 Нет, ты отравить меня хотел309 сабуром меня опоил.

— ———————————

its *Вписано:* За что мстите… *Вероятно к этому месту относится вписанное на полях:* Подумайте — Стыдно, Стыдно.

299 Вписано и зачеркнуто: не шепчете?

297 Вписано: а. взводите клеплете на н<ее> б. не взводите на [нее] всякую небылицу *в.* не взводите на беззащитную девку всякую небылицу.

2,1 а. произвели б. разжаловали — *карандашом*

288 Вписано: и бьют ее, и в затрапезе держат и жалования последнего лишили

— *Вписано на полях:* Павел вспыхнул

802 Вписано: а. с сердцем заговорил Павел б. с сердцем заговорил он;

— *а.* я не то, что ты, б. чего мне бояться *в.* Вот ты другое дело

— *Вписано:* пустой

205 а. послушай б. послушай-ка

208 а. и бог его знает б. фу ты

207 а. и я дурак, что вылечил б. Дернула же меня [черт] нелегкая его вылечить, прибавил он [словно просил] сквозь зубы

208 Вписано: Меня вылечил… подхватил толстяк

208 Переменено местами: меня отравить хотел

— ———————————

Да чтож, коли на тебя, кроме сабура, ничего

и действовать не могло? [Ведь ты посмотри на себя.]

Сабур врачебной управой запрещен, [св] продолжал [тол] конторщик; я еще на тебя пожалуюсь,.. Ты отравить340 меня хотел, вот что! Да господь не попустил 34\ Очень нужно мне… Слушай [продолжал] Николай Федосеев, в последний раз тебе говорю… [вынудил ты меня мри людях] [с тобой об] [мне] 342 не в терпеж приходит343 Оставь меня, оставь314 нас в покое, понимаешь? А то, ей богу, не сдобровать кому-нибудь из нас 315, *я.* тебе говорю31в.

Я тебя не боюсь, закричал он 31\ слышишь ты, молокосос. Я и с отцом твоим справился. Я и ему рога сломил [ты этого не забудь] тебе пример, смотри! —

Не напоминай мне про отца, Николай Федосеев, не напоминай!318 А [что] девке Татьяне по делом. — Погоди не то ей еще будет… Павел ринулся вперед [и] с поднятыми руками — и конторщик [тяжело] [ринул..] покатился на пол… Бросились их разнимать. —. В кандалы его, в кандалы, кричал 319 Николай Федосеев…

Конца этой сцены я не берусь описывать, я и так боюсь не [слишком] оскорбил ли. я чувство читателя. — В тот же вечер я вернулся на посто-

ялый двор 320…

В теченье месяца число дворовых 32 людей г-жи Лосмяковой уменьшилось двумя — мужчиной и женщиной. Читатель вероятно угадает их имена.

И. Т.

— ———————————

310 а. отравить б. уморить

311 Вписано на полях: Иолко вам, полно, господа — заговорил кассир. Отстань, крикнул конторщик [Именно] [от] Он меня отравить хотел! Понимаешь ты ефто?

312 Вписано: вынудил ты меня *а.* приходит б. мне стало *в.* мне становится, меня, оставь — *зачеркнуто и восстановлено а.* кому-нибудь из еа с. б. тебе *Вписано:* Толстяк расхохотался *а.* он б. конторщик — *карандашом Вписано на полях:*

Бона! Что ты мне за [зак] уставщик [Павел] Говорят тебе не напоминай!

А тебе говорят — не забывайся… Как ты там барыне не нужен по твоему, а [меж нами двумя] коли из нас двух ей придется выбирать, не тебя она оставит! Бунтовать никому не позволяется — смотри!

Павел дрожал от [зло] бешенства…

316 *а.* кричал б, застонал — *карандашом*

320 а. на постоялый двор *б.* домой — *карандашом*

и восстановлено карандашом,

— ———————————

БИРЮК

Я ехал с охоты* один, на беговых дрожках, — До дому еще было верст восемь; моя добрая лошадь2 бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая ш шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная 3, ни на шаг не отставала от задних колес.4 -5 Огромная [пелена] лиловая туча медленно поднималась [с] |на] [позади меня] [на нее] из-за леса [мне на встречу -] ® ракиты тревожно шевелились и лене- тали. — Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я стал понукать свою лошадь \ спустился в овраг, переехал высохший ручей 8, весь заросший лозниками — поднялся в гору и въехал в лес. [Не успел я проехать версты по дороге] Дорога ползла передо мною как змея* между густыми [ор] кустами орешника, уже залитого мраком; [мимо] 10 сухие могучие14 корни столетних дубов и лип пересекали ее [бесп<рестанно> на каждом шагу] беспрестанно ее пересекали 1213 продольные рытвины, следы [телег] тележ-

ных колес; лошадь моя начала спотыкаться и фыркатьи. — Не успел я проехать версты как сильный15 ветер внезапно загудел в вышине 16, крупные капли дождя застучали по листьям, сверкнула молния и гроза [началась] разразилась [Кругом сделалось так темно] [Скоро] Дождь полил ручьями [Я продолжал [<1 *нрзб.>]* 118 п] [Лошадь моя пошла шагом] Я поехал шагом — и скоро принужден был остановиться. — Лошадь моя вязла, [темнота] 19 я не видел ни зги. [Кое-как приютился] Кое-как приютился я [в сторонке] к широкому кусту. Сгорбившись на дрожках 2\ [ждал] ожидал я терпеливо конца ненастья — как вдруг [показалась]

— ———————————

1 Вписано: вечером

2 а. лошадь б. рысистая кобыла *2 Вписано:* [к дрожкам]

4 Вписано: Гроза надвигалась.

5 Вписано: Впереди

8 Вписано: прямо надо мною [тихо] неслись 1*2 нрзб.*\ длинные серые облака!

7 а. стал понукать свою лошадь б. ударжл возжой по лошади

8 а. переехал высохший ручей *б.* перебрался через сухой ручей

9 а. ползла передо мною как змея б. вилась передо мною *Вписано:* Я подвигался вперед с трудом.

14 а. сухие могучие б. твердые

12 а. пересекали б. пересекавшим *(недокончен-ная правка) 12 Вписано:* глубокие

14 а. спотыкаться и фыркать б. спотыкаться 85 а. Не успел ею сильный б. Сильный

16 *а.* загудел в вышине б. [загудел] в вышине, деревья*(1 нрзбслово прочитано как* загудели *в публикации «Исторического вестника») в.* загудел в вышин©, деревья забушевали

17 д. гроза [началась] разразилась б, началась гроза

48 В публикации ((Исторического вестника» прочитано: валились *(в текст не вставляется)*

19 *Вписано:* дрожки то и дело [падали] на бок

20 д. на дрожках б. и закутавши лицо

— ———————————

при блеске молнии21 почудилась мне на дороге22 высокая фигура, — [Я стал ждать] другой молнии (как говорил г. Виктор Гюго) 4* — я стал пристально глядеть в ту сторону 23… [Но] Та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

Кто это? спросил звучный голос. А ты кто? отвечал 24 я.

Я здешний лесник, отвечал [лес] голос.

Я назвал себя. — Домой 25 едете? —

Домой. Да вот [теперь не знаю как] видишь какая гроза.

Да. Гроза, отвечал голос 2в.

Белая молния [озарила [его с <1 *нрзб.У]* все кругом] [высве <?>] озарила лесника с ног до головы… резкий27 и короткий удар грома [разразился] [над нами] тотчас вслед за нею. — [Собака] Дождик хлынул с удвоенной силой.

Не скоро пройдет, продолжал лесник. Что делать! отвечал я.28

Я вас пожалуй в свою избу проведу… [возразил] отрывисто прогово рил он.

Сделай одолжение.

Извольте сидеть… Он подошел к голове лошади, взял ее за узду [[и]. Лошадь тронулась. — Я едва различал…] и сдернул с места. Мы тронулись 29. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались «как в море челнок» — и беспрестанно кликалго собаку. Бедная моя лошадь 31 тяжко шлепала ногами по грязи, скользила направо и налево32; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево словно привидение. [Внезапно очутились мы] [Залаяли собаки. Путешествие] Мы ехали довольно долго. Наконец он остановил-

ся…33 Калитка34 заскры- пела, собаки 35 залаяли [… и] и при свете молнии увидел я небольшую избушку посреди большого двора обнесенного плетнем. — [Лесник] Из одного окошечка тускло светил огонек. — Лесник довел лошадь до [двери]

— ———————

21 Вписано: а. на дороге, [в нескольких шагах от меня] впереди от меня б. на дороге, в нескольких шагах от меня — впереди

21 а. мне на дороге *б.* мне

23 а. пристально глядеть в ту сторону б. *<2 или 3 нрзб.) в.* пристально глядеть

а ту сторону и опять

2i а. отвечал б. возразил

25 а. Домой б. А! знаю! Вы домой

24 а. Гроза, отвечал голос, б. Гроза.

27 а. резкий б. трескучий

28 а. Что делать! отвечал я. *б.* Что делать! [за]

2t Вписано и зачеркнуто: Путешествие наше продолжалось около четверти часа

30 а. беспрестанно кликал б. кликал

31 а. моя лошадь б. моя кобыла

32 а. скользила направо и налево б. спотыкалась

33 Вписано: Я поднял голову *далее вписано*: Вот

мы и дома, барин [промолвил <1 нрзб.)] промолвил он спокойным голосом

34 Вписано и зачеркнутоі 1 нрзб.

35 а. собаки б. две (?) собаки *в.* три собаки *г.* несколько <?) щенков дружно

— ———————————

крыльца и застучал в дверь… Сичас, сичас, раздался тоненький голосок — послышался топот босых ног, засов заскрыпел и девочка лет двенадцати, в рубашке 36 [осветила <?>] с фонарем в руке, показалась на пороге.

— ———————————

se а. в рубашке б. в рубашонке, подпоясанная покромкой

— ———————————

ДВА СОСЕДА 1

Я уже имел честь представить вам, о благосклонные читатели, некоторых моих 2 соседей 3; позвольте же теперь кстати 4 (для нашего брата рассказчика все кстати) познакомить вас еще с двумя помещиками у которых я [неоднократно] [р] часто охотился, людьми весьма почтенными 5 и пользующимися, [как] как говорится в, всеобщим уважением нескольких уездов.

Сперва опишу вам отставного генерал-майора, Степана7 Илларионовича Хвалынского. Представьте себе человека довольно плотного 4 и несколько 9 обрюзглого [и с небольшими изъянцами на счет зубов, волос и икр, неизбежными], но далеко не дряхлого, даже не устарелого — человека зрелого возраста10. Точно: черты его некогда правильного лица|й несколько 12 изменились; щеки повисли, [лоб покрылся [мног] частыми морщинами] частые морщинки легли на лбу 13, лучеобразно расположились около глаз, [иные зубы] иных зубов уж нет, как говорит 14 Саади, по уверению Пушкина, русые волосы — по крайней мере все те, которые остались15 — превратились в лиловые, благодаря [элик<сиру?>] составу, купленному16 на Ромёнской конской ярмарке у жида, выдавшего

— ———————————

1 а. соседа б. помещика

2 а. моих б. из моих *в.* моих

2 а. соседей *б.* господ-соседей *в.* соседей *г.* господ-соседей *(каранд. правка)*

4 *а.* теперь кстати *б.* кстати *в.* мне теперь кстати *(каранд. правка)*

5 Вписано: благонамеренными

• а. и пользующимися, [как] как говорится б. и

пользующимися

7 а. Степана б. Вячеслава *(каранд. правка)*

8 а. довольно плотного б. высокого и некогда стройного *в.* высокого и в кои-то зеки стройного

8 а. и несколько б. теперь же несколько *в.* теперь же немного *(каранд. правка)* г. теперь же несколько

10 а. но далеко не дряхлого, даже не устарелого — человека зрелого возраста *б,* но вовсе не дряхлого, даже не устарелого — человека в зрелом возрасте *далее вписано:* в самой как говорится поре.

11 а. черты его некогда правильного лица б. некогда правильные и теперь еще приятные черты лица С(тепан)а Илларионовича *в.* некогда правильные и теперь еще приятные черты его лица

12 а. несколько б. немного *в.* несколько *г.* немного *(каранд. правка)*

12 легли на лбу *вычеркнуто карандашом*

3 а. говорит б. сказал *(каранд. правка)*

4 Вписано: в целости

18 Исправлено из ошибочного: купленного

— ———————————

себя за армянина; но Степан17 Илларионович выступает бойко позвякивает шпорами, носит

19 усы и в веселый час не без удальства мигает правым глазом 20. Носит он обыкновенно сертук, застегнутый доверху, высокий галстух с накрахмаленными21 воротничками22, шляпу надевает прямо на лоб, оставляя весь затылок [наружи] открытым23. Человек он очень добрый, но с поеятьями 24 довольно странными; например (он не мож<ет>] несмотря на свою доброту, он не может 25 обращаться с людьми ниже его чином как с равными 26; разговаривая с ними, он обыкновенно глядит на них сбоку, сильно опираясь щекою в накрахмаленный 27 воротничок; даже слова иначе произносит, и не говорит напр<имер>: Благодарю, Павел Васильич; или — пожалуйте сюда, Михаил28 Иваныч — а Волл-дарю, Палл'Асильич; или Па-ажалуйте сюда, Михалл' Ваеычь. С людьми же стоящими на последних ступенях общества |<1 *нач. нрзб.У]* он обходится еще страннее: вовсе на них не глядит, и прежде чем объяснит им свое желанье или отдаст приказ, несколько раз сряду повторит: Как тебя зовут? как тебя зовут? — необыкновенно резко ударяя на первом слове: как — [до того] а остальные произнося скороговоркой 29, [так что все получает довольно] [вследствие чего] что придает всей [фразе довольно] поговорке довольно близкое

сходство с криком самца-перепела. Когда же ему случается играть30 с губернатором или с другим сановным31 лицом — удивительная происходит в нем перемена. И [в глаза-то] улыбается-то он, и головой кивает и в глаза-то им глядит — мёдом так от него и несет 32. В обыкновенное же время говорит [рез] отрывисто и резко. Читает Степан Илларионович мало и при чтении беспрестанно поводит усами и бровями, сперва усами, потом бровями, словно волну снизу вверх по лицу пустит 33. Особенно замечатель

— ———————————

17 а. Степан б. Вячеслав *(каранд. правка)*

50 Вписано: смеется звонко

19 а. нос*шт б.* крутит

20 а. и в веселый час не без удальства мигает правым глазом б. ж в веселый час ее без удальства пройдется *в.* и поволочиться любит г. и называет себя старым кавалеристом *д.* наконец выдает себя за старого кавалериста *(каранд. правка) далее вписано: а.* известно что настоящие старики сами никогда себя не называют стариками б. между тем как *(каранд. вставка)* известно что настоящие старики сами ни- корда себя не "называют стариками.

21 а. накрахмаленными *б.* твердыми белыми *в.*

накрахмаленными

22 Вписано: п панталоны серые с искрой военного покроя; ss *а.* оставляя весь затылок [наружи] открытым б. несколько на бок, *(1 нрзб.)* затылок открытым *в.* оставляя весь затылок открытым *г.* оставляя затылок весь наружи (*каранд. правка)*

24 Вписано: и привычками

25 а. несмотря на свою доброту, он не может б. он никак не может

а. с людьми ниже его чином как с равными б. с дворянами небогатыми или ш® виновными как с равными себе людьми

27 а. накрахмаленный б. твердый и белый и а. Михаил б, Мнхайла

2® а. скороговоркой*(в автографе описка:* скороворкой) б. очень быстро

8Ф Вписано и зачеркнуто; или <?> так просто рассуждать

82 Далее вписано: Даже проигрывает — и не жалуется.

" а. пустит б. пускает

— ———————————

но это волнообразное движение на лице С<тепана> И<лларионови>ча, когда ему случается (при гостях34) пробегать столбцы какого-ниб<удь> Journal des Debats.

Хозяин он35 довольно плохой [,хотя];зв взял к себе в управители старого вахмистра и отдал ему в распоряжение все свое именье37. зв Впрочем в [хозяйстве] отношении39 хозяйничанья [его] никто еще у нас не перещеголял одного петербургского сановника — который, усмотрев из донесений своего управляющего, что овины у него в именье часто горят 40, при чем много хлеба пропадает, отдал 44 строжайший приказ — сперва овин вытопить, а там уж и снопы сажать42. Тот же самый сановник вздумал было засеять все свои поля маком, вследствие весьма по-видимому, простого расчета: мак де дороже ржи, следовательно, мак сеять43 выгоднее. Он же приказал44 бабам носить кокошники, по высланному из Петербурга образцу; и действительно, [У него в именье] до сих пор в именьях сановника бабы носят кокошники45 сверху кичек. Но возвратимся к Степану Илларионовичу 4\ Ужасный он 47 охотник до прекрасного пола — и если48 завидит у себя в уездном городе на гулянье 49 хорошенькую бабенку50, тотчас51 побежит52 за нею вслед; но тотчас53 захромает — вот что замечательное обстоятельство. — В карты любит он играть -54 но только с людьми [низшими] звания низшего 5\ которых56 пушит и распекает 57.

— ———————————

34 Вписано: разумеется

36 Вписано: он *(каранд. правка)*

37 д. и отдал ему в распоряжение все свое именье *далее вписано*: где все *ши* военную ногу б. [Хохл] Малоросса, необыкновенно глупого человека.

40 а. горят б. подвергаются пожарам

41 Вписано: на будущее время

42 д. сперва овин вытопить, а там уж и снопы сажать б. впредь до тех пор по сажать снопов в овин, пока совершенно не обуглится (?) *в.* впредь до тех пор не сажать снопов в овин, пока совершенно огонь не погаснет.

43 а. мак сеять б. сеять мак *(каранд. правка), далее вписано*: хозяину

44 Вписано, а.* своим б. своим крепостным *(каранд. правка)*

45 Вписано: только *(каранд. правка)*

47 а. Ужасный он б. С<тепан> И<лларионович> ужасный

48 а. если б. как *в.* как только *(каранд. правка)*

49 а. на гулянье б. на улице

50 а. бабенку б. особу

51 а. тотчас б. немедленно

52 а. побежит б. пустится

53 а. тотчас б. в ту же минуту *в.* почти всякий раз *г.* тотчас же и

54 д. любит он играть б. играть он любит *далее вписано:* всласть

55 Вписано: а. Они то и дело говорят: Ваше Пршссшство б. Они-то ему: Ваше Пршссшство

50 д. которых б. а он их

57 Вписано, вычеркнуто и восстановлено: сколько душе угодно

— ———————

На выборах играет он 58 довольно значи<тельн>ую роль; но от почетного звания предводителя, по скупости, отказывается 59. — Господа, говорит он обыкновенно приступающим к нему дворянам и говорит голосом исполненным [дос<тоинства>] покровительства и самостоятельности, много благодарен за честь; но я решился посвятить свой досуг уединению.. И сказавши эти слова, с достоинством поведет в0 головой на право и на лево и61 [обопре<тся>] наляжет подбородком и щеками на гал- стух. — Был он ®2 в молодые годы адъютантом у какого-то довольно знатного лица, которого иначе не называет как по имени и по отчеству; говорят, будто бы он… да не всякому слуху можно верить63. Живет С<тепан> Илла<рионович>в4 в неболь-

шом домикеодин; [он] супружеского счастья он в своей жизни не испытал, и поюму до сих пор еще не. вышел из числа жениховвв, и даже выгодных женихов®7; но ключница w у него, женщина лет сорока черноглазая, чернобровая, полная, свежая, и с усами -70 ходит в накрахмаленных платьйх, а иногда71 и с кисейными рукавамиХорош бывает С<тепан> Жлларионович) на больших 73 обедах, даваемых богатыми помещиками в честь губернаторов 74 и других властей; тут он, можно сказать, совершенно в своей тарелке. Сидит он обыкновенно, в таких случаях, если не по правую руку губернатора, то и не в далеком от него расстоянии; [изредка] в начале обеда более придерживается чувства собственного достоинства и75 не оборачивая76 головы, изредка пускает взор вниз по головам77 много

— ———————————

58 а. играет он б. Г-н Хв<алынски)й играет (*каранд. правка)*

58 Следующий далее текст Господа на галстух *записан в автографе на полях со знаком вставки*

80 Вписано: несколько раз

41 а. и *б.* [с До(стоинст®ом>] а потом с достоинством (*каранд. правка)*

82 а. Был он *б.* Состоял он

сз Вписано: [Против обыкновенья] [с неменьшим достоинством] [Правда он] впрочем и сам С. <*исправлено карандашом на:* В.) И. о своем служебном поприще не [очень] любит говорить — что вообще довольно странно; на войне он тоже кажется не бывал…

•*4 а.* С(тепан) Илла(рионович) б. Г-н Х(валынски>й (*каранд. правка)*

82 а. домике б. доме

88 а. не вышел из числа женихов б. ее выключен из списка женихов *в.* считается женихом

87 а. выгодных женихов б. выгодным женихом

81 а. но ключница б. зато ключница *в.* Ключница

89 а. сорока б. 35

70 Вписано: по буднишним дням

71 а. иногда б. по праздник(ам)

72 а. с кисейными рукавами б. кисейные рукава надевает *далее вписано:* [Руки *у* ней очень белые и в особенности очень мягкие, — что [тоже] по сужденью дворовых людей и девок С(тепан)а И(лларионович)а — [выгода не] все-таки не худо]. *(Вычеркнуто карандашом)*

72 Вписано: званых

74 а. губернаторов б. губернатора

73 Вписано: закинувшись назад, но

78 Вписано: собственной
77 а. головам б. затылкам *вписано карандашом:* и стоячим воротникам я круглым спинам
— ————————————

численных гостей, [прикрытым и не прик<рытым>] по большей части прикрытым широкими воротниками штатских мундиров78 но79 к концу стола80 развеселяется, [приходит] 81 а иногда даже предлагает тост в честь прекрасного пола. — Также не дурен С<тепан> И<лларионович> на всех торжественных и публичных актах, экзаменах, церковных освя- щеньях, собраньях и [т] выставках82. На всех разъездах 83, переправах и других тому подобных местах 84 [лакеи его] лакеи 85 не 86 кричат [поговорят] (кричать неприлично) но87 говорят [басом и несколько в] [горло] легким88 горловым басом89: Генерала Хвалынского экипаж. Экипаж, правда90, формы довольно старинной; на лакеях ливрея — довольно потертая (о том что она серая с красными выпушками, кажется* излишне было бы91 упомянуть;) лошади тоже довольно пожили и послужили на своем веку; но на щегольство С<тепан> И<лларионович> притязаний не имеет — и даже не считает нужным92 пыль пускать в глаза. — Вертопрахов и модников не любит и

казнит при всяком удобном случае. Особенным93 даром слова С<теиан> И<лларионович> 94 не владеет, или может быть не имеет случая выказать свое красноречие, потому что не только спора но всякого 95 возражения 96 [избег] не терпит и [избегает] [потому не разговарива] оттого всяких длинных разговоров [повода не хо] 97 избегает. — Оно вернее, выразился он однажды98; а то с нынешней молодежью99 беда, как раз 100 [из уважения] из повиновения выдет и уважение потеряет. — [Когда то ему] Перед лицами

— ———————————

78 а. по большей части оо мундиров б. по затылкам, прикрытым разнородными, но большей частью стоячими <?> воротниками '

79 а. но *б.* зато

80 Вписано карандашом: обыкновенно

81 Вписано: начинает улыбаться во все стороны (в направлении губернатора ов и с начала обеда улыбался)

82 Вписано карандашом: Под благословенье он тоже мастер подходить.

83 а. всех разъездах б. разъездах, мостах

84 Вписано: а. в случае нужды, а иногда и без нужды б. *зачеркнуто*

85 а. лакеи б. люди С(тепана) И(лларионовича)

80 Вписано: шумят и не

87 а. (кричать неприлично) но б. но *далее вписано:* раздвигая народ [или] или вызывая карету

88 а. легким *б.* приятным

89 а. басом б. бар<итоном?> *в.* басом *далее вписано:* Позвольте, позвольте — дайте- пройти генералу Х<валынском)у; или:

91 а. излишне было бы б. едва ли нужно

92 *а.* даже не считает нужным б. даже не считает званью приличным *в.* не считает приличным, с званьем *г.* не считает приличным званью своему

93 а. Вертопрахов Особенным б. Вертопрахов и модников не любит и казнит на всяком шагу. Особенным *в.* Вертопрахов и модников он не любит и казнит. Особенным *г.* Особенным *(каранд. правка)*

94 а. С(тепан) Шлларионович) б. г. Х(валынский) *(каранд. правка)*

95 а. всякого б. вообще всякого

98 а. возражения б. возражений *(каранд. правка)*

97 Вписано: особенно с людьми молодыми — тщательно

98 а. вернее, выразился он однажды б. действительно вернее

а. с нынешней молодежью *6.* с нынешним на-

родом

100 а. как раз *б.* того и гляди что

— ———————————

высшими он108 большей частью безмолвствует; а к102 низшим которых по видимому презирает, но с которыми только и знается — [выражается, как мы] держит речи, как мы уже сказали выше m короткие и резкие; беспрестанно употребляя слова l0S: Это однако, вы пустяки говорите, или Наконец, *вы ш* знаете, с кем говорите^* шли: Я, наконец, вынужденным нахожусь вам поставить на вид и пр.109 Дома он у себя никого не принимает и живет, как слышно, скрягой. Со всем тем он прекрасный человек5" [и] [в особенности] «Старый служака, [человек] |строгий] человек"2 строгий, с правилами [un] vienx grognard» говорят про него соседи. Один прокурор губернский позволяет себе [по- -змеиваться] слегка улыбаться, когда при нем упоминают об отличных и солидных качествах Г-а Хвалын<ского>, да чего ее делает зависть! А впрочем перейдем теперь к другому п<омещик>у. Мардарий Аполлонович Стяжкин нисколько не походит на Г-а Х<ва- лынског>о; он едва ли где-нибудь служил и никогда красавцем не был"3. Мардарий Апол<лонович> старичок низенький, пухленький114, с двойным

подбородком, [с] мягкими ручками, [брюшком] и порядочным брюшком,"™ Он [и зиму и лето] [стро<?>] большой хлебосол и балагур зиму и лето ходит в полосатом шлафроке на вате. В одном он только сошелся1" с г-м Х<валынским>: он холостяк. Увидав его в первый раз я невольно сказал самому себе "8: Вот он наконец, помещик [старого] прежнего веку. И точно: радушнее, веселее его нет человека на светеиз. Живет он220 совершенно на старинный лад; [и дом у него]

— ———————————

ш *а.* он б. г. Х(валъшский) *{каранд. правка)*

402 Вписано: лицам

803 б. к низшим б. говоря с низшими

504 как мм уже сказали выше *вычеркнуто и восстановлено; далее вписано*: отрывистые *05 а. слова б. следующие выражения *в.* выражения подобные следующим

20й вы вычеркнуто и восстановлено

,fl? Вписано: должны *(недоконченная правка)*

i0b а, говорите б. можно Говорить?> *в.* дело имеете

109 На полях против реплик Хвалынского записано: Милссвый сдарь [Ссдарь] мой

'по Вписано: Исправник и становые очень его боятся *добавлено карандашом ® качало:* Особен-

но m а. человек б. помещик

п'г Вписано: бескорыстный

1,3 я, не был б. не почитался

т Вписано: лысый

485 Вписано: а, впрочем, живет, как у нас говорят, по простоте; но щеголем тоже отроду ее бывал б. любит, как *у* нас говорится, прохлаждаться *в.* живет, как говорится, в свое удовольствие

а. он только сошелся б. только сошелся г-н Стяжкин *в.* только он сошелся *т Вписано:* тоже

т а, сказал самому себе *б.* подумал

1JS9> а. Увидав на свете, б. У него пять, сот душ. [Он] М. А.

своим именьем [мож- шо сказать вовсе ее] [мало] довольно поверхностно занимается, купил, чтобы не отстать от веку, лет [двадцать] десять тому назад у Бутеяо на в Москве молотильную машину, задер ее в сарай да я успокоился *далее приписано карандашом:* Разве в хороший летний день велит заложить беговые дрожки *ш* съездит в поле на хлеба посмотреть да васильков парватз».

520 е. ш б. М. А.

— ———————————

[в том же доме] и дом у него старинной постройки. — В переднейm как следует пахнет квасом, салом и сальными свечами; [в буфете] ту *т* же

направо буфет с прусаками и утиральниками; в столовой фамильные портреты, мухи, [горшкис] большой горшок ерани и фортепианы,. кислые на вид; а уж на слух, помилуй господи 122; в гостиной три дивана, три стола и два зеркала и [часы] сиплые часы с почерневшей эмалью и бронзовыми 124 стрелками; [на которых] в кабинете стол с бумагами, [этажерка, полки] ширмы перлового125 цвета с наклеенными [ка] картинками, вырезанными из разных книгш прошедшего столетия, шкапы с 127 книгами и пауками 128 и черной пылью, пухлое кресло с [вид] наглухо заколоченной дверью129 в130 сад… словом, все, какг водится. Людей у него множество, и все одеты по-старинному [. — По]* — [кушает}431 в длинные синие кафтаны [т] с [невыразимо — ин- дифференциальными] [пуговицами] высокими воротниками панталоны мутного колорита и сапоги132 коротенькие [жилеты] желтоватые жи- летцы 13\ Хозяйством у него заведывает староста,134 домом старуха<3* [с] [повязанная] повязанная платком, желтая, сморщенная и скупая. На конюшне [у] у М<ардария> А<поллонович>а стоит [30] тридцать [лошадей, в] разнокалиберных 136 лошадей; выезжает он в домоделанной коляске в полтораста пуд; [ходит в церковь каждое воскресение] [Обед]

Гостей он принимает 137 очень радушно; [но от его обедов] [невыносимо жирным и тяжелым обедом] и угощает на славу — т. е.: благодаря одуряющим свойствам русской кухни, [приводит затем их] [дает им возможность по собственному опыту судить об 138 онеменье змеи известной под именем Boa Coo stridor] лишает их вплоть до [всякого] самого вечера 139 — 140 возможности заняться чем-нибудь кроме преферанса 141. Но

— ———————————

121 Вписано: [у Мар<дария> А<поллонович)а]

122 д. горшки б. горшок

123 а. фортепианы сч> господи 6. фортепианы, уже на вид кислые; а уж на слух, помилуй господи *в.* кислые фортепианы

184 Вписано: резными

12 а.* перлового б. синеватого

126 а. книг б. сочинений

127 Вписано: вонючими

128 а. книгами и пауками б. книгами, пауками

**29 а.* с [вид] наглухо заколоченной дверью б. италнапское окно да наглухо заколоченная дверь

130 Вписано: [заброшенный]

131 Вписано: [а именно]

133 Вписано: гостям говорят: батюшка

184 а, староста, б. бурмистр из мужиков с бородой [в] во весь тулуп;

135 а. старуха б. старая ключница *в.* старуха

|3* «. разнокалиберных б. разнохарактерных *в.* разнокалиберных

137 е. он принимает б. принимает М(ардарий) А<полловович> *в.* принимает он

138 е. по собственному опыту судить об б. судить по собственному опыту оJ

139 В автографе описка: вереча

но Вписано: всякой

141 Вписано: Сам же никогда ничем не занимается — и даже сонник перестал читать.

— ———————————

таких, помещиков у нас на Руси еще довольно много; спрашивается* [зач<ем>] с какой целью я заговорил о нем; и напрасно 442 познакомил читателя с лицом вовсе для него не новым и не интересным 443? [А вот с какой целью?] [Я бы мог…] [Но вместо того чтобы [отвечать] пуститься в рассуждения, которые большая часть читателей не любит и очень хорошо делает] А вот позвольте, любезный читатель 144 рассказать вам 145 одно из моих посещений у М<ардари>я А<поллонович>а.

Приехал я к нему летом, часов в 7 вечера. У

него только что отошла всенощная и священник, молодой человек по видимому весьма робкий [,сидел] и недавно вышедший из семинарии, сидел 446 возле двери [передней] на самом краюшке стула. — Увидевши меня, Мардарий Аполлоныч 147 по обыкновению чрезвычайно обрадовался148; он точно149, радовался каждому гостю — да и человек он был, точно 15°, предобрый. Священник [хотел] встал [и] [уже хотел было151] взяться за шляпу.

Погоди, погоди, батюшка, заговорил Мардарий Аполлоныч 152 не выпуская еще 153 моей руки — не уходи; я тебе велел водки принести.

Я [водки] не пью [вин<а>]с, с замешательством возразил154 священник) и покраснел до ушей.

Что за пустяки! как в вашем звании не пить водки! отвечал М<арда- ри>й А<поллонович>. — Ер.! 455 Юшка! водки батюшке.

Юшка, высокий и [худой] [седой] и худощавый старик лет семидесяти, вошел с рюмкой водки на [т] 456 подносе, испещренном пятнами телесного цвета.

Священник начал отказываться.

Пей, батюшка, не ломайся; нехорошо — заметил помещик с укоризной. Бедный молодой человек повиновался.

Ну теперь хорошо157, батюшка, можешь идти 15\ Прощай. Прекрасный человек, продолжал [обращаясь ко мне] он 159, глядя ему вслед 160.

— ———————————

142 а. напрасно б. зачем

143 а. интересным б. любопытным

144 а. любезный читатель б. вместо ответа

145 В автографе описка: нам

146 Вписано: в гостиной

147 а. Увидевши меня, Мардарий Аполлоныч б. Мардарий Аполлоныч

148 а. чрезвычайно обрадовался б. чрезвычайно и непритворно обрадовался е. чрезвычайно ласково меня (принял)

149 а. точно б. действительно *в.* точно *далее вписано'*, непритворно

150 а. он был, точно, б, был [вооб<ще>] нечего сказать *в.* был вообще

151 а. уже хотел было б. *3 нрзб. в.* уже хотел было удалиться

152 а. Пименович <?> б. Аполлоныч

153 а. не выпуская еще б. не выпуская

154 а. возразил б. пробормотал

155 а. Ер.! б. Малый!

156 Вписано: темном крашеном

157 а. теперь хорошо б. теперь

158 Вписано: Священник начал кланяться. Ну хорошо, хорошо.

159 а. он *б.* М(арДарий) А<поллонович> *(каранд. правка)*

!®° Вписано: Недавно ко мне поступил (?)

— ———————————

Очень я им доволен Молод еще. Все проповеди хочет держать да вот вина не пьет. [Ну] Перемелется, мука будет. Ну вы 183 как, мой батюшка, что вы? как вы? — Пойдемте-ка на балкон. Вишь, вечер какой славный.

Мы вышли на балкон, сели и начали разговаривать. Вдруг, М<арда~ рий) А<поллонович> взглянул вниз и пришел в ужасное волнение. Чьи это куры? Чьи это куры? закричал он — Чьи это куры по саду ходят. Юшка! Юшка! поди узнай сейчас чьи это куры по саду ходят, чьи это куры? Сколько раз я запрещал! Сколько раз говорил! Юшка побежал. Что за беспорядки — твердил М<ардарий> А<поллонович>, который впрочем в душе то вовсе не сердился. Это ужас! iU — [А] Несчастные куры, как теперь помню, две крапчатые и одна белая с хохлом, преспокойно продолжали ходить под яблонями 465, [и] [ни] вероятно нисколько не подозревая, какую тревогу причинили… и не побежали [тогд<а>] даже

тогда когдаfi®6 Юшка без шапки [и] с [палк<ой>] огромной палкой467 в руках, [ринулся на них] — в сопровождении двух или трех 160 совершеннолетних 469 дворовых, ринулся на них 17V- Пошла потеха: курицы прыгали хлопали крыльями/74 кудахтали; дворовые [споты] люди [падал] спотыкались бегали, ловили 472 [пре] падали; барин с [крыльца] балкона кричал как исступленный; [Чьи это] [Чьи] Лови лови лови; лови лови лови; чьи это куры?.. Чьи это куры? — [Но] [В] [это] [самый] Наконец одному дворовому человеку удалось поймать одну курицу, придавив ее грудью к земле — [в] и в то же самое время через плетень сада с улицы перескочила девочка лет 11-ти -вся перепуганная и473 с хворостиной в руке. [А вот чьи куры, закричал помещик; — Ермила кучераi74; вон он свою [внучку] [дочь] Наталку выслал, загнать их 475. —~ Эй Юшка, брось куриц-то; поймай ко мне Наталку. — Но прежде чем запыхавшийся Юшка успел добежать до [несчастной] перепуганной девчонки, откуда ни возьмись ключница, схватила ее за руку и не

— ———————————

184 Вписано: Правда

182 а. хочет держать б. держит

163 а. Перемелется, мука будет. Ну вы б. Ну

вы-то

184 а. который <%) ужас! б. Это ужас!

J®5 Вписано: [и лишь] изредка выражая свое [удовольствие] чувство продолжительным крехтаньем

166 а. вероятно сч) тогда когда б. но с страшным криком обратились в бегство, когда *в.* как вдруг *г.* но потом *д.* как вдруг

187 а. огромной палкой б. палкой

168 а. в сопровождении двух или трех б. и двое других в, ш трое других

169 Вписано: и [взрослых] [пожил(ых?>]

170 а. ринулся на них. б. все вместе дружно ринулись на них

174 *Вписано*: оглушительно

172 а. спотыкались бегали, ловили б. бегали спотыкались

J73а. вся перепуганная и б. схватила и *в.* видимо перепуганная вся растрепаи= еая и

874 Вписано: куры

175*а.* выслал, загнать их б. загнать их выслал *далее вписано:* {Еще бы] [Хоть] Небось Параши не выслал, [прибавил] присовокупил М<ардарий) А(поллонович) м значительно ухмыльнулся.

— ———————————

«сколько раз шлепнула [по] [сп] ее 176 по

спине… вот тек, вот тек, под- хватил помещик, те те те; те те те; [Отв] [А] [Отб] кур,то отбери, Авдотья, прибавил он громким голосом — и с светлым лицом обратился ко мне. Какова, батюшка, травля была? Ась? 177 [Дворовые люди вернулись в дом, старух]

Мы остались на балконе. Вечер действительно был необыкновенно хорош.

Нам подали чай.

Скажите ка, М<ардарий> А<поллонович> начал я, ваши это дворы вы- селены, вот тут 178 на дороге, [воз<ле>] [около Шадур<…>] за оврагом?

Мои, — а что?

Как же вы это, М<ардарий> А<поллонович>? [поселили] Ведь это грешно. Избенки179 скверные, старые180; [пруда нет] Сажелки даже нету i8t; [деревца кругом не ув<идишь>] колодезь один и тот плохой 182. Неужели вы другого места найти не могли? И говорят, вы у мужиков и старинные конопляники отняли.

А что будешь делать с размежеванием? [н] ответил М<ар- Л арий) А<поллонович>. Уж мне это размежевание вот где сидит. Он указал на свой затылок. — И никакой пользы от [него] этого размежевания я не предвижу. А что я конопляники у них отнял, — и [там] сажелки что ли, там

у них не выкопал, — уж про это я, батюшка, сам знаю. Я человек простой, по старому поступаю; по-моему коли барин, так барин; -а коли мужик, так мужик. Вот что.

На такое [ясное] ясный и убедительный довод отвечать разумеется было нечего

Да признаться 185, продолжал он, и мужики то плохие, опальные,86. Особенно там одна семья 187: еще батюшка, покойник, дай бог ему царство небесное, ее188 больно не жаловал и выселить собирался18д, У меня батюшка190 скажу вам, такая есть примета19!: коли отец вор то и сын вор, уж там как хотите. — Уж такая кровь, кровь великое дело,

— ———————————

176 а. ее б. бедняжку

177 Вписано: Вспотел даже, посмотрите. И Мардарий А<поллонович> расхохотался,

178 а. вот тут *б.* вон там

179 Вписано: а. поставлены б. отведены мужикам

180 а. старые *б.* тесные

181 Вписано: деревца нигде не увидишь.

185 а. плохой б. никуда не годится

183 а. мужиков б. них

184 Последующий текст Да нризнаться^про-

клятые!.. *вписан на следующей, последней странице автографа.*

185 а. признаться *б.* притом (*каранд. правка)*

186 а. опальные *б.* негодные *в.* опальные

187 а. од на семья б. две семде

188 а. ее б. их

185 а. больно не жаловал и выселить собирался б. не жаловал; больно не жаловал (*каранд. правка)*

ш а. У меня батюшка б. А у меня

ш а. есть примета б. примета

— ———————————

как вы ни рассуждайте|9\ Я признаться вам*93 из texm двух семей — и без очереди 495 отдавал и так рассовал 196 кой-куды; да не переводятся, что будешь делать? плодущи проклятые!..

Между тем воздух затих совершенно. Лишь изредка m ветерок набегал струями, и в последний раз замирая около нас198 донес до мое го199 слуха звук мерных и частых ударов, раздававшихся в направлении кошошни. Мардарий А<поллонович> поднес было 200 к губам блюдечко налитое чаем204 и уже расширил было ноздри, без чего как известно не так приятно втягивать 202 горячий глоюк чая 203 — но остановился, прислушался, кивнул головой, хлебнул и ставя блюдечко

на стол произнес, с задумчивой204 улыбкой и словно про себя Чюки чюки чюкт чюки чюк, чюки чиж. — [Он] Это что такое? — спросил я с изумлением.

А200 шалунишку наказывают, [Петра] Васю [ла<кея>] буфетчика, изволите знать? —

Какого Васю? росту такого высокого? Да вот что с такими большими бакенбардами ходит mf Самое лютое негодование не устояло бы против ясного и кроткого взора М<ардария> А<поллоновича>. — [Он то] Что вы, молодой человек, что вы? Заговорил он, качая головой. Что я злодей -что ли? Что вы на меня так глядите 208? «Любяй да наказует» жов.

Через четверть часа я [уехал] простился с М<ардарием) А<поллоно~ вичем). Проезжая через деревню, [вст<ретил>] увидал я буфетчика Васю. — Он шел по улице и грыз орехи. Я велел кучеру остановить лошадей и подозвал его.

Что брат, тебя сегодня наказали? спросил я его.

— ———————————

492 а. Уж<*>пи рассуждайте б. О, кровь великое дело в. О, кровь, кровь великое дело

193 Вписано карандашом: откровенно

194 а. из тех б. из тех-то

195 Вписано: в солдаты

198 а. рассовал б. рассовывал

197 а. Лишь изредка *б.* Изредка *в.* Лишь изредка

194 а. нас б. балкона *в.* дома

5931 а. моего б. нашего

200 а. поднес было б. подносил *в.* поднес было *г.* только что поднес

201 а. блюдечко налитое чаем б. налитое чаем блюдечко

202 а. не так приятно втягивать б„ ии один коренной русак <не) втягивает в себя

205 а. горячий глоток чая б. чая

204 а. задумчивой *б.* добрейшей

205 а. и словно про себя б. невольно вторя ударам [[как] словно шаловливый ребенок]

писано: а. по моему приказу б. там по моему приказу *207 а.* с такими большими бакенбардами ходит б. еще такие большие бакенбарды отпустил *в.* намедни за обедом нам служил (*каранд. правка)* еще такие большие бакенбарды отпустил

808 а. глядите б. уставились *2оа Вписано:* Вы сами знаете.

— ———————————

А вы почем знаете, отвечал он мне с веселой улыбкой 21°.

Мне твой барин сказывал.

А! Барин? 241

За что же тебя он велел наказать.

А поделом212. — У нас [не такой барин 243, чтоб] по пустякам не наказывают. Такого заведения [да] у нас нету ~14. Нет; у нас барин не такой — у нас барин. Такого барина еще215 в целой губернии не сыщешь.

Пошел! сказал я кучеру. Вот она, старая-то Русь — думал я на возвратном пути.

И. Т.

— ———————————

2,0 а. отвечал он мне с веселой улыбкой б. отвечал Вася *(каранд. правка)*

211 а. А! Барин? б. Барин?

212 а. А поделом, б. А что ж поделом, *в.* А поделом, батюшка, поделом.

213 а. не такой барин б. барин не такой

214 Вписано: ни ни

215 а. барина еще б. барина

— ———————————

СМЕРТЬ 1

У меня есть сосед,2 молодой [еще неопытный] охотник. В одно прекрасное июльское утро заехал я к нему3 с предложением отправиться вместе

на тетеревов. Он согласился, только, говорит, поедемте [недалеко] по моим «мелочам» к моей березовой роще 4; кстати я посмотрю [свой] -свой лес5. —У меня его рубят — «Поедемте.» — Он 6 надел зеленый кафтан 7 с [б] бронзовыми пуговицами изображающими кабаньи головы, гороховые штиблеты,8 взял9 новенькое10 ружье… повертелся14 перед зеркалом — кликнул12 [своего] свою собаку43, подаренную) ему старой 44 девицей [и прозванную: Сувенир] 15 с отличным сердцем — но

— ———————————

1 Позднейшая запись карандашом.

2 Вписано: молодой хозяин и

s Вписано: верхом

4 а. к моей березовой роще б. к «Зуше» *К этому слову сноска Тургенева:** Река Зуша впадает в Оку. Мценск стоит на Зуше

5 а. [свой] свой лес б. дубовый лес *в.* дубовый мой лес; *далее вписано:* Чаплыгино, — вы знаете

6 Вписано: велел оседлать себе лошадь

7 а. кафтан б. сюртучок

• *Вписано:* вышитый гарусом якташ, серебряную флягу

® а. взял б, накинул на плечо

10 Вписано: французское

и а. повертелся б. не без удовольствия повертелся

12 а. кликнул б. и кликнул

lf а. своего Сувенира б. свою собаку — Эсперанс —

14 а. старой б. кузиной

15 а% вписано: [женщиной] б. *вписано:* [М-11е Нагшапсе]

— ———————————

без волос... Мы отправились»- Десятский Архип4в, толстый и приземй* стый мужик 47 [с бородой] с четвероугольиьщ лицом 48 — недавно 49 нанятого управителя из ост-зейских губерний20, [высокого] худого, белокурого с свислыми плечами и длинной шеей, Готлиба фон-дер-Кока24 [Фондеркока] Мой сосед сам недавно вступил во владение своим именьем. Оно досталось ему в наследство от тетки, статской советницы Капи- толины Кордон-Сысоевой-Салаевой22, необыкновенно толстой женщины, которая даже лежа в постели, кряхтела по куриному 23-. Мы покружили по мелочам24 [не нашли ни одного выводка]... [Артемий] [Ардалион Михайлович] (мой сосед) 24 Немец26 слез с лошади и присел под кустик27; [и до] Архип остался на солнце и в теченьи часа не шевельнулся. [мучительно]

Мы покружили по кустам и не нашли ни одного выводка… А<рдалион> М<ихайлович> объявил мне, что он намерен отправиться в лес. Мне самому2f что-то не верилось в успех охоты..с Я [вызвался сонрово<ждать>] [поехал за] [вызвался провожать его] Я тоже поплелся 29 за ним. Мы вернулись на лужайку 30. Немец [поспешил] 34 положил книгу в карман и32 вскарабкался33 на свою бракованную куцую кобылу, которая визжала и подбрыкивала от малейшего прикосновения. Архип34 задергал разом обоими поводьями, заболтал ногами и сдвинул наконец с места свою ошеломленную и придавленную лошадку. Мы поехали, [в лес] 35

[Дубовый] лес А<рдалиона> Михайловича) был мне знаком с детства36. Вместе с моим гувернером37, [разорившимся)] [отставным] [разорившимся] [marchand de nouveau les] [Г-ном Евгеш], прекра<с

— ———————————

16 а. Десятский Архип б. Мой сосед взял с собою десятского Архипа

47 а. толстый и приземистый мужик б. толстого и приземистого мужика

41 а. вписано и зачеркнуто; и словно осокой прорезанными глазками б. *вписано:* и допотопно

развитыми скулами

19 а. не давно б. да недавно

20 Вписано: юношу лет девятнадцати,

24 Зачеркнуто и восстановлено: фон-дер-Кока

22 а. Кордон-Сысоевой-Салаевой б. Кордон-Салаевой *в.* Кордон-Катаевой

23 Далее вставка:* Вы меня здесь подождите, промолвил А(рдалион) Михайлович) (мой сосед), обратившись к своим спутникам. — *Затем карандашом: а.* на лужайке б. на полянке

24 а. покружили по мелочам б. выехали в мелоча

25 Вписано: [велел своим спутникам подождать его возвращения]

26 Далее вставленор зачеркнуто и восстановлено: поклонился *Затем вставлено:* [приподнял шапку над головой]

27 Вписано: достал из кармана книжку, кажется роман Иоганны Шопенгауер

28 Вписано: в тот день

29 Вписано: вслед

30 а. лужайку б. полянку

34 Вписано: заметил страницу

32 Вписано: не без труда (2 *нрзб.)*

33 а. вскарабкался б. сел

34 Вписано: встрепенулся

35 объявил мне^Мы поехали [в лес] *вписано карандашом с последующей прав- агой чернилами.*

36 а. был мне знаком с детства б. с детства был мне знаком

87 а. гувернером б. французским гувернером

— ———————————

ным> 38 добрейшим человеком, который3* чуть было навсегда не испортил моего здоровья, заставляя меня по вечерам пить лекарство Леруа — часто хаживал я [в Кордон — Катаевский лес! в Чаплыгино.

Весь этот лес состоял из каких-нибудь двух или трех сот великолепных40 [статных] огромных дубов и ясеней. — [Около их] [великолеп] Их статные могучие41 стволы великолепно чернели на золотистой прозрачной42 зелени орешника клена и рябины43 [черные дрозды, иволги кр<ичали>] [С [высоких] их высоких ветвей] 44 внизу45 пели и чирикали малиновки, чижи и пеночки; зяблики проворно бегали по дорожкам; беляк, осторожно «костылял» по опушке46 белки бегали47 подняв пушистые хвостики48 А что за тень в лесу была… В самый жар, в полдень-ночь настоящая; [запах, свежесть,] Тишина, запах, свежесть…

В траве — [возл<е>] около высоких муравейни-

ков, между красивыми вырезными листьями49 папортника50 — росли [земляника прятались] сыроешки, волвянки, [грузди], белянки, [подберезовики], дубовики — возле красного мухомора51; [со все] на полянках 5\ под53 кустами34 алела земляника… Весело проводил я время в Чаплыгине, [лежа грудью на земле и рассматривая букашек]… и оттого, не признаюсь, не без грусти 55 чувства увидал56 теперь [моих ста<рых>] [моих старых знакомых дубов и] в знакомый57 лес.58 — Старые мои друзья, дубы и ясе

— ———————————

38 Вписано: [пленным французом, Мосье [Ф] Флерн. MonsieurFleury.

39 Вписано: впрочем

40 Вписано: старых

41 а. [могучие] б. [прямые]

42 а. золотистой, прозрачной б. золотисто-прозрачной

43 а. орешника клена и рябины б. орешников кленов и рябин

44 Вписано: а. [поднимались выше] — раскидывали сучья, — ястреба со свистом перелетали по их верхушкам: пестрые дятлы стучали но толстой коре; черные дрозды, иволги [изредка кричали], внезапно [надрыв] с вершины. б. поднимались

выше стройно рисовались на ясно [м без]й лазури и там уже [широко] раскидывали [по небу] шатром свои широкие узловатые сучья;-ястреба, кобчики, нестюльги со свистом носились над их [высокими] неподвижными верхушками; пестрые дятлы стучали по толстой коре: [густ] звучный [свист] [гол<ос>] напев черного дрозда внезапно раздавался *(1 нрзб.)* в вышине вслед за переливчатый крик иволги

45 Вписано: в кустах

46 а. костылял по опушке б. прокрадывался по опушке, осторожно «костыляя»

47 а. белки бегали б. прыгали по траве *в.* краснобурая белка резво прыгала и вдруг садилась поднявши хвост над головой в. краснобурая белка резво прыгала по траве г. краснобурая белка резво прыгала от дерева к дереву

48 а. хвостики б. хвосты *Далее отдельные слова, относящиеся по смыслу к последующему тексту*: Грибы земляника

4д а. между красивыми вырезными листьями б. под легкой тенью вырезных красивых листьев

50 Вписано: цвели фиалки и ландыши

51 а. возле красного мухомора б. красные мухоморы

52 а. полянках б. лужайках

56 а. увидал б. въехал
57 а. знакомый б. слишком мне знакомый
58 Вписано на полях: Какая перемена.
— ———————————

ни59; засохшие60, кой где покрытые [болезяен<еой>] чахоточной зеленью, печально [рисовались] высились они над®4 молодой рощей деревьев62, которая сменила их «не заменив»., (Силы®3*64 нашей земли видимо скудеет… вместо прежних [дубов] благородных деревьев, на «заказанных» пустырях сами-собою выростают <1 *нрзб.У* березы да осины…). — [Многие из них тогда] Иные, еще обросшие листьями внизу, [поднимали] словно с отчаяньем65 поднимали кверху свои безжизненные сучьяв6; у других из листвы, довольно 67 густой, хотя не обильной, не избыточной, по-прежнему — торчали толстые, сухие сучья ва… [словно] 6Э; иные совсем70 вовсе повалились и [т] [огромными трупами лежали] 7i, словно трупы на земле… Тени72 — в таком лесу73 — тени нигде нельзя было найти..с Что, думал я, глядя на мертвые 74 деревья, —» чай, стыдно и горько вам… Вспомнился мне Кольцов: Где ж девалась. Речь высокая, Сила гордая, Доблесть царская, Где ж теперь твоя — Мочь зеленая?..

Как же75, Ард<алион> Михайлыч — начал я..

Отчего же эти деревья 76 на другой же год не срубили? Ведь за них теперь77 десятой доли не дадут? [А что ж] Он только плечами пожал. — Спросили бы78 тетушку79... И80 купцы приходили, напрашивались 8\ приставали».. M<ein> G<ott> M<ein> G<ott>! восклицал на каждом шагу ф<он> д<ер> К<окХ- Што са шалость! Што за шалость! — «Какая шалость!»-заме

— ———————

59 а. Старые мои друзья дубы и ясени б. Губительная, бесснежная зима 40-го года не пощадила моих старых друзей, дубов и ясеней

90 Вписано: [треснувшие] обнаженные

81 Вписано: чащей

62 а. рощей деревьев б. рощей

63 К этому месту знаком отнесено примечание Тургенева, вписанное под текстом:* В 40-м году при жесточайших морозах до самого [нового] конца декабря не выпало снегу зеленя все вымерзли на полях — и много прекрасных {лесов] дубовых

лесов искупила (так! т. о.) эта безжалостная зима. —Заменить юг, при современном состоянии лесоводства в России трудно... А иначе разводить рощи у пас пока не умеют... [Заказом называется место,]

64 а. Силы б. производительная сила

65 а. с отчаяньем б, с отчаяньем и упреком

в6 <х. сучья б. обломанные ветви

61 а. довольно б. еще довольно

а. сучья б, мертвые сучья

Вписано на полях: а. иные до того высохли, что кора с ншх <2*нрзб.)* свалилась 6. с иных уже кора долой спадала

70 а. совсем б. наконец

71а. лежали б. гнили

72 а. Тени б. Кто бы мог подумать — тени —

78 а. ш таком лесу б. в Чаплыгине

74 а. мертвые б. умирающие

75 а. Как же б. Как же это *Вписано:* давньш давно (?)

75 Вписано: против прежнего

75 Вписано: [у]

80 а. И б. А

41 а. напрашивались 6. деньги приносили

— ———————————

тил82 А<рдалион> М<ихайлыч> — Так83 исть, как шалко, я скасать хо телл..] Известно что все немцы84 удивительно85 напирают [на наше «люди», словно обрадовавшись что] Особенно возбудили его сожаление лежавшие на земле дубы… И действительно: иной бы мельник дорого

за них заплатил… Но 86 десятский Архип сохранял спокойствие невозмутимое и нисколько не горевал87; он88 [напр! дагже не без удовольствия перескакивал через них89 и кнутиком по ним постегивал. — [Издалёка] Мы пробирались на место порубки, — как вдруг 90 вслед за шумом упавшего дерева, раздался слитный крик 91 нескольких людей92 нам навстречу из чащи выскочил молодой мужик, бледный и растрепанный. — Что такое, куда ты бежишь? — спросил его Ар<далион> М<ихайлыч>. — Он тотчас остановился. — Ах бат<юшка> Ар<далион> Мих<айлыч>. — «- Беда! — Что такое? — Макара, батюшка, деревом пришибло. — Как так93 — Макара? Макара, батюшка. Стали мы ясень рубить — а он сто- ит да смотрит. Стоял, стоял — да и пойди за водой к колодцу. Как вдруг ясень затрещит… да прямо на него. Мы кричим ему — беги — беги — беги… Ему бы в сторону броситься — а он [пр<ямо>1 возьми да прямо и побеги… Заробел знать. Ясень-то его верхними сучьями и накрыл. — И отчего так скоро повалился, господь его знает. Разве сердцевинка гнила была. —»Ну и убило Макара… Убило, батюшка. —До смерти? — Нет, батюшка, еще жив — да [плохо! что! ноги и руки ему перешибло. Я вот за Селиверстычем, [за ле<карем>! бежал, за

лекарем. Ард<али- он> М<ихайлыч> приказал десятскому скакать в деревню за Селиверстычем — а сам крупной рысью поехал вперед94. Я за ним. — Мы нашли бедного Макара на земле. Человек двадцать мужиков стояло около него. Мы слезли с лошадей. — Он почти не стонал, изредка раскрывал глаза, [бессмысленно95 гля<дя>1 словно с удивлением глядел кругом… сжимал засох<шие> 96 посиневшие губы., подбородок у него дрожал 97, щеки ввали [ва] лись98, грудь [поднималась)] высоко99 поднималась 100… [Ар

— ———————————

82 а. заметил б. с улыбкой заметил

83 а. Так б. То

а. немцы б. немцы, одолевши наконец эту букву *в.* немцы, одолевши наконец нашу букву люди

85 а. удивительно б. удивительно на нее

88 а. Но б. Зато

87 а. нисколько не горевал б. не горевал нисколько

88 Вписано: напротив

89 а. перескакивал через них б. через них перескакивал

90 В автографе ошибочно: друг

94 а. раздался слитный крик б. раздались крики *в.* раздался крик и говор

92 Вписано: а. и через мгновение б. и через несколько мгновений

93 а. как так б. Каким это образом? *в.* Подрядчика

94 а. вперед б. вперед на ссечки

95 Вписано и зачеркнуто: остекляневшим

98 а. сжимал засох<шие> б. покусывая

97 Вписано: волосы прилгали ко лбу*

98 Вписано: волосы склеив(ались)

99 а. высоко б. неровно

i0° Вписано: Он умирал *Далее на полях: а.* Легкая тень молодой липы играла на его лице б. Легкая тень молодой липы тихо скользила по его лицу.

— ———————————

далион Михайлыч] Мы нагнулись к нему. Он узнал барина 10… Батюшка, заговорил он едва внятно… За попом… послать прикажите… Господь меня., наказал…102 Сегодня… Воскресенье., а я., а я вот., ребят-то не распустил. Он помолчал… Дыханье ему захватывало103.. Да деньги мои. [батюшка] жене.. [Онис<им> А] 104 [А] за вычетом… Вот Онисим [вам] скажет -кому я., [что] должен… Мы за лекарем послали, Макар, заговорил мой сосед — может ты еще не умрешь.. [Нет умру] Он закрыл было глаза и с усилием открыл 105 их снова: Нет 106 — умру.. Вот… вот подступает… вот

она.107 — Простите меня, ребята, коли в чем… Бог тебя простит, Макар Андреич — заговорили108 все109 в один голос — и шапки сняли… прости ты нас. — Он вдруг110 отчаянно головой [и] поднял111 грудь..112 [«Попа»] 113… — «Нельзя же ему однако тут умирать., воскрикнул А<рдалион> М<ихайлыч>. — Ребята — давайте-ка рогожку 114 — снесем 1,5 его в больницу. — [Бросил<ось>] Человека два бросилось к телеге… Я у Ефима, [заговор<ил>] залепетал умирающий… лошадь вчера купил., задаток дал., так лошадь-то моя… жене., ее., жене…» Стали его класть на рогожку… он 116 затрепетал весь как [птиц<а>] застреленная птица — и [умер]… выпрямился.. Умер, пробормотали мужики… Мы молча Јели на лошадей и отъехали…

[Удиви<тельно>] Смерть бед<ного> Мак<ара> [неверо<ятно>] меня сильно поразила117. Удивительно умирает русский человекИ8! Состоянье его перед [сме<ртью>] кончиной нельзя назвать ни спокойствием, ни равнодушием, пи тупостью… Он умирает, словно обряд совершает, холодно и просто. — Несколько лет тому назад, у меня 119 в деревне мужик 120 обгорел. — Его вытащили полуживого. — Я зашел к нему в избу. [Хо] Темно в избе, душно, дымно. Спрашиваю:

где больной? — [На полати] А вон, батюшка, на [печи],121 отвечает мне нараспев подгорю-нив- шаяся баба. Подхожу. Лежит мужик под122 тулупом — [т] дышит тя

— ———————————

101 а. барина б. моего сос(еда) *в.* Ар(далиона) М(ихайлыча)

102 Вписано: а. ноги пере<биты> не чувствую… руки тоже… все б. ноги… руки… перебиты

103 а. захватывало б. спирало [в горле хрипело]

104 Вписано: <1 *нрзб.)* долг

105 а. открыл б. растаращил *в.* вытаращил *г.* открыл

106 Вписано: (1 нрзб.)

107 Вписано: вот.

103 а. заговорили б. глухо заговорили

109 Вписано: мужики

110 Вписано: потряс

111 а. поднял *б.* выпятил

112 Вписано: [и опустился опять.]

1,3 Вписано: [простонал он]

114 Вписано: вон с телеги

115 а. снесем *б.* снесемте

1,6 Вписано: вдруг

117 а. сильно поразила б. заставила призадуматься

И8 а. человек б. [мужи<к>] *в.* мужик
119 а. у меня б. у другого моего соседа
120 Вписано: в овйне
421 Вписано: а. <1 *нрзб.) б.* лежанке
122 а. под б. закрылся
— ———————

жело. — Что? как ты себя чувствуешь? — Завозился больной на лежанке 423, подняться хочет 424. «Лежи, лежи, лежи… Ну что как? — Плохо, говорит.125 — Не нужно ли чего? — Молчит. — Не прислать ли тебе чаю, что ли? — Не надо. — Я отошел от него и присел на лавку, — Сижу128 полчаса, сижу час… Гробовое молчанье в избе. — В углу на лавке 127 сидит 428 девочка лет пяти 429: мать изредка грозится на нее130. В сенях ходят, стучат, разговаривают; братнина жена 131 [раза два зашла в избу шагнула через порог да в изб<у> за <1 *нрзб.У* да за полотенцем]. — Аксинья, проговорил наконец больной. — Чего? — Квасу дай. — Подала ему Аксинья квасу. Опять молчанье. — [Причастили его] [Спрашиваю шепотом: причастили его? Причастили] — 132 Ждет смерти — да и только. — Я не вытерпел и вышел. А то помнится, в другой раз <3 *нрзб.У* 133 я 134* 435 к [фер<шелу>] знакомому мне фершелу43в, страстному охотнику, начальнику

Больница эта состояла из бывшего господского «флигеля» 437. — Устроила ее сама помещица; т. е. велела прибить [по] [ст] над дверью [красивую] голубую доску с надписью белыми буквами: Красногорская больница и подарила138 <1 *нрзб.}* Анфиногену красивый альбом 439 для записывания имен больных. Фершел на свои деньги купил шесть кроватей и принялся, благословясь, лечить народ божий. [В услужении при] Кроме его при больнице состояло140 [временно] подверженный сумасшествию резчик 444 и сухорукая баба142 [занимавшая должность кухарки].143- 144 Они же укрощали [больных] горячешных больных. — Сумасшедший резчик на вид был угрюм 445 и скуп на слова. Пел по ночам 446 песню о «прикрасной Венере и к каждому проезжему подходил 447 с просьбой

— ———————————

123а. на лежанке б. на печи

124 Вставка: а при смерти

ш Вписано: Больно ли? — Молчит, —

128 Вписано: четверть

127 а. на лавке *б.* за столом *в.* за столом под образами

128 а. сидит б. прячется

129 Вписано: ест хлеб

130 а. грозится на нее б. на не© грозится

131 Вписано: капусту рубит

132 Вписано: Ну стало быть все в порядке

133 Вписано: завернул

434 Вписано: однажды

135 Знак вставки:* в больнице села [Вы] Красногорьи

138 Вписано: Анфиногену

137 К этому месту автографа отнесена вставка на полях:[<i *нрзб.)* брать, <1 *нрзб.)* нельзя. Так таки и нельзя]

138 а. подарила б. сама вручила

139 а. красивый альбом б. конторскую шнуровую книгу

140 Вписано: а. два челов(ека) б. два помощника *в.* два человека

141 Вписано: Павел

142 Вписано: а. Митридора б. но имени Меликитриса *в.* Меликитриса

143*а.* <1 *нрзб.) б.* <1 *нрзб.)*

144 Вписано: Оба они приготовляли лекарства, сушили и настаивали травы;

us а. на вид был угрюм *б.* был на вид угрюм

148 а, пел по ночам б. по ночам пел *i4T а.* подходил б. заходил

— ———————————

позволить ему жениться на148 девке М а ланье [довольно давно умершей]. Сухорукая баба его [больно] била [и назыв<ала>] и заставляла стеречь индюшек; [Больные (?) однако несмотря на присмотр] [больные ее боялись]149 [Вот] и сижу я однажды у фергпела Анфиногена, — Начали мы было разговаривать о [б поездке в Комар] 150 Теплиискоое болото 151 -как вдруг на двор въехала телега — запряженная необыкновенно толстой сивой лошадью, какие бывают только у мельников. С телеги слез152 толстый мужик [лет со] в армяке, с разноцветной бородой, — А — Василий Дмитрич, закричал из окна Анф<иноген>, — Милости просим 153. — Мужик154 слез с телеги — [Что, батюшка?] — [«Да что, начал мужик Анфиноген не спас ли м<еня> Пожалуйста] вошел в ферше- лову комнату, поискал глазами образа, перекрестился.,155 Да что, Анфиноген [П] Тимофеич — не ладно что-то, — Что с Вами?» 16® — Да вот [с недельку] что157: [стал я себе] <1 *нрзб.У* купил я в городе жернова, ну привез их домой — стал 158 их с телеги-то выкладывать — [да] понатужился, знать, что ли — в черёве-то у меня так и иокнуло, словно оборвалось что… да вот с тех пор все [хуже хуже] нездоровится… Сегодня даже больно [что-то] неладно»- Гм, про-

молвил Анф<иноген> и понюхал табаку…159 а давно это с вами160 приключилось? — Да десятый денек пошел. — [Фершел] Десятый? — Фершел потянул в себя 161 воздух 162, и головой покачал 163 Дай — я 164 себя пощупать, — Ну, Василий Дмитрич, промолвил он наконец — жаль мне тебя 16\- а делать-то нечего. Ты болен не на шутку; оставайся-ка здесь у меня [в больнице;] я 166 все [свое] старание приложу; а впрочем ни за что не ручаюсь, — Будто так худо — пробормотал с изумленьем мельник,. Да [брах] 187 Да [брат] Василий Дмитрич, [приш<ли>, так-то] 468… пришли бы ко мне днями четырьмя 169 пораньше — и ничего бы, как рукой снял — а теперь

— ———————————

148 Вписано: какой-то

149 Вписано: <2 *нрзб.)*

**50 Вписано:* о последней нашей охоте в

154 а. Теплинское болото *б*. Теплинском болоте *Далее вписано:* «площадя»

*52 С телеги слез б. В телеге сидел

153 Вписано: «Любовшинский мельник- шепнул он мне.

154 Вписано: покрахтыван

155 Вписано: Ну что В(асилий) Д(митрич) <1 *нрзб.)*

156 Вписано: начал он
557 Вписано: А(ифиноген) Т<имофеич>
158 а. стал *б.* да как стал
Вписано: значит, грыжа…
4(80 а. Это с вами б. с вами это
JSS Вписано: сквозь зубы
162 Вписано: крякнул
163 Вписано: <2 нрзб.) крехть <?)
iU а. Дай — я б. Позволь-ка
185 Вписано: сердечного
1вв Вписано: с своей стороны
ш Ты болен не на шуткуДа [брат] — *вписано карандашом на последней странице рукописи,*
1И Вписано: худо
*«» а. четырьмя б. двумя
— ———————————

[2 *нрзб.]* i7°; Антонов огонь 1Ti, вот что. Да быть не может, А<нфиноген) Т<имофеич>. — Уж я вам говорю. [Да вы с меня деньги возьмите, А<нфи- ноген) Т<имофеич>] — Да как же 172… [Что делать, брат], фершел плечами пожал. [Нельзя, поверьте] И умирать мне из-за эдакой дряни! — [Анфи- ноген руки ра] [плечами пожал] 173 Мужик 174 [начал уже] 175 на пол, потом на нас 176 да взял шапку [и пошел к двери]. — Куда же вы, В<асилий) Д<митрич> — Куда? [Куда] Вестимо куда

— Домой 177 178 — Распорядиться следует — коли так. [Да-с, да-с, жалко е, твердил мой фершел. Жаль, В<асилий> Д<митрич>. Жаль мне тебя сердечного] Да вы себе беды наделаете, В<асилий> Д<митрич>, — 178 — Я и так удивляюсь как вы досюда доехали. Останьтесь. — Нет брат А<нфиноген> П.. — уж умирать — так дома умирать. А то что ж я здесь умру — [а] у меня дома 180 и господь знает что приключится. — [Право, останьтесь] Еще 181 неизвестно, В<асилий> Д<мит- рич> как дело-то пойдет. [Я надеюсь] Конечно опасно182, очень опасно…183 Пропишите лекарствецо, [А<нфиноген> П.,] заговор<ил> му- ж<ик>184 [Да приезжай что ли ко мне] 185 Как186 хочешь — изволь пропишу. Анф<ин)оген Фершел оторвал 487 [лист] из шнуровой книги188 и прописал рецепт. — Мужик взял бумажку, дал фершелу полтинник, вышел 189 — Мельник [сел] [отвязал лошадь] сел на телегу. Ну-с — Т<имофеич> — прощайте — не поминайте лихом 190 — Он выехал Я вышел вслед со двора 192 Я поглядел ему вслед. — [Мельник] Дорога была грязная и ухабистая; мельник ехал осторожно, не торопясь, пра

— ———————————

170 Вписано: а. [2 *нрзб.] б.* [1 *нрзб.] в.* у вас воспаление

172 Вписано: это

173 Вписано: Этого я не говорю… а только оставайтесь здесь. [Мы посмотрим?

174 Вписано: подумал, [подумал]

175 Вписано: посмотрел

170 Вписано: взглянул, почесал в затылке

177 Зачеркнуто и восстановлено: Домой

178 Вписано: — коли так плохо

178 Вписано: помилуйте

180 а. дома б. там

184 а. Еще б. Да еще

182 Зачеркнуто и восстановлено: конечно опасно

183 Вписано: а. спору нет б. спору нет. Оттого-то вам и следует остаться… Мужик головой покачал. Нет В(асилий) Д(митрич), не останусь — [а по]

184 Вписано: лекарство одно не поможет…; *вероятно к этому месту относится вставка:* О Я [могу] пожалуй Вам лекарство пропишу — да что толку? *с последней страницы автографа.*

185 Вписано: (2 нрзб.) не останусь, говорят

186 а. Как хочешь б. Ну как хочешь

187 а. оторвал б. вырвал

188 Вписано: страницу

189 Вписано: из комнаты

490 Знак вставки:* да сироток моих не забы-

вайте, коли [что случи<тся> [что] случится. Эй, останьтесь, В(асилий) Д(митрич>

491 *а.* он выехал б. Мельник головой тряхнул, ударил возжой по лошади и съехал со дв(ора)

192 а. вслед со двора б. на улицу

— ———————————

вил193 как следуетт… Через два дня он умер195. Да196 — удивительно) умир<ают> русские люди.197 [И вот] — вспомнил я о тебе198, старинный мой знакомый недоучившийся студент Авенир Сорокоу- мов, прекрасный 200, благороднейший человек! Вижу снова твое чахоточное [подернутое] зеленью 20|~2П2 лицо, твою [добру<ю>] кроткую улыбку, — [твою впалую грудь] твои длинные члены, <1 *нрзб.}* твой [бы] [добрый] [в] [откры<тый>] умный 203 взгляд; слышу твой слабый ласковый голос. Жил ты [учителем русского] у великорусского помещика Гура Крупяникова, учил его детей, Фофу и Зхозю — русской [грамо<те>] языку 204, географии и истории: терпеливо сносил [его] тяжелые шут- ки 205 206 прихоти его супруги 207; [злые <1 *нрзб.}* придирки пресыщенных] — грубые [придирки] любезности [управителей] и дворецкого, злые 208 шалости тупоум<ных> крикливых барчуков 209; зато бывало, как ты отдыхал, как блаженствовал, [когда

в маленькой твоей комнате, пропитанной] [в летний вечер сидел по целым часам перед открытым окном, задумчиво покуривая трубку] вечерами, после ужина, когда отделавшись наконец от всех [твоих] обязанностей и занятий, ты садился перед окном, задумчиво покуривал2,0 трубку 211 или с жадностью читал 212 номер толстого журнала, занесенный213 добрым приятелем 21'\ Как215 нравились тебе [все стихи] [всякий] стихи и повести — как легко 216 навертывались слезы на твои глаза — [как ты сам легко дышал и] с какой [люб<овью>] [неопределенно] искренней любовью [глядел 217 на небо и на землю проник] каким благородным сочувствием ко

— ———————————

193 правил б. ловко правил

194 а. как следует б. лошадью (2 *нрзб.)*

195 И умирать мне из-за этакой дряни~он умер — *вписано на последней странице рукописи.*

196 а. Да б. Вообще

197 Вписано: а. Много покойников проходит [у] мне на память б. Много покойников приходит теперь мне на память.

198 а. вспомнил я о тебе б. вспоминаю я тебя

199 а. знакомый б. приятель

200 а. прекрасный б. прекраснейший

201 а. зеленью б. зеленоватое

202 Далее вписано: [простое]

202 а. умный б. восторженный [упр]

204 а. языку *б.* грамоте

205 Вписано: самого Гура

206 Вписано: а. не без внутренней улыбки — но и без ропота исполнял б. не без тайной, горькой улыбки, но и без ропота исполнял

207 а. прихотн его супруги б. прихотливые требования скучающей барыни

208 а. злые б. пошлые

209 а. тупоумных крикливых барчуков б. барчуков *в.* тупых мальчишек *г.* злых мальчишек

210 а, покуривал б. закуривал

2И а. трубку б. трубочку

2,2 а. читал б. перелистывал

213 Вписано: из города [твоим]

214 Вписано: [чиновником уездного суда], таким же бездомным как и ты

215 Вписано: [легко]

216 Зачеркнуто и восстановлено: легко

217 Вписано: на свет

— ———————————

всему доброму и прекрасному — проникалась-218 вся [детская<?>] 213 твоя душа! — Должно сказать правду: [способностями] не отличался

ты 220 [умом], не одарил тебя господь221 и 222 [способностями] ни памятью ни прилежанием 223, [ты] в университете [недаром] считался224 одним из самых плохих студентов; ты спал на лекциях 225, на экзаменах молчал торжественно; — но у кого сияли радостью глаза226 как не у тебя 227 — от успеха, от красноречия 228 товарища?229 Кто слепо верил в [друзей, в их тала<нт> способности) ученость] высокое призвание друзей своих, посвящая им всего себя 230, защищая их с ожесточением? — Кто не знал ни зависти231, ни самолюбия — 232 кто охотно подчинял себя людям 233 не стоившим развязать «ремень от са- погов» его? Всё он 23\ всё он 235 наш добрый Авенир! 236 С сокрушенным 237 сердцем расстался 238 ты с товарищами 239, [со слезами] 240 — тяжело тебе было в деревне 241, [точно — но 242 от того 243 плохо244 — что некого было любить, некому удивляться — некого [прослушивать] благоговейно выслушивать! Даже здоровья твоего не поправил сельский воздух; истаял ты, как свечка, бедняк, — Правда, комната твоя 245 в сад; [утром] на столе [твоем, заваленном синими тетрадками переписанных стихов ты находил не раз] 246 на чернильницу, переп<исанные> ст<ихи> 247 свои белые 248 пахучие249 цветы; на

стене 250 висела голу

— ———————————

248 *Вписано:* тогда

*220 Вписано: а*ь остроумием б. особенным остроумием

221 а. не одарил тебя господь б. природа не одарила тебя

222 а. и б. ни

223 а. прилежанием б. излишним прилежанием

224 Вписано: ты

225 а. ты спал на лекциях б. на лекциях ты спад

228 Вписано: заливались слезами

227 а. как не у тебя б. у кого захватывало дыханье

228 а. красноречия б. удачи

230 а. посвящая им всего себя б. кто превозносил их с гордостью

231 Вписано: [и не знал что]

232 Вписано: кто бескорыстно жертвовал собою

233 Вписано: [далеко его]

234 а. он б. ты

235 а. он б. ты

*236 Знак вставки:**

,237 *а.* с сокрушенным, б. *Помню:* с сокрушен-

ным

238 а, расстался б. расставался

/241 е. тяжело тебе было в деревне б. в деревне тебе при [ходи] шлось плохо.

242 я. но б. и

243 Вписано: в деревне

244 а. плохо б. тяжело

245 Вписано: выходила

246 Вписано: черемухи, яблони, липы сыпали на стол

247 Вписано: книгу [и тетрадки нер<еписанных> стиХ<ов>]

248 а. белые б. легкие

249 Зачеркнуто и восстановлено: пахучие

250 Вписано: [у тебя]

— ———————————

бая шелковая подушечка для цветов 25\ подаренная тебе в прощальный час доброй любящей немочкой, — гувернанткой; иногда заезжал к тебе старый друг, из Москвы, читал 252 [тебе новые свои стихи] 253 своими [стихами] новыми стихами 254… но одиночество но мучительное 255 рабство учительского звания, невозможность освобождения,гъш но болезнь неотступная…257 Бедный, бедный — Авенир!

Я посетил его 258 незадолго259 до его смерти280

— Помещик Гур Крупяников не выгонял его из дому — но жалованье перестал ему давать 261 и уже нанял другого учителя — [в очках и] Зезе 2в2«. Фофа поступил в военное учебное заведенье 263. [Аве<нир>] [Дело было осенью] Авенир сидел [пер<ед>] возле окна в старом вольтеровском кресле 264. — Ясное 285 осеннее небо весело синело над темной бурой268 [гря<дою>] 287 лип; кой-где шевелились268 [оживленной] 269 последние) [оста<тки> <?> золотыми листьями 270. —[Остальные грудами лежали по дорожкам.] — Прохваченная271 морозом земля потела и оттаивала на солнце; [краснозобые снегири попрыгивали] его косые, румяные лучи били 272 вскользь по 273 траве 274; синицы звонко [кричали] посвистывали 27\ [в бере] [каждый звук медленно и] ясно [проходил] 276 [каждый звук] звучали [голо<са>] в саду голоса работников. — На Авенире был старый277, бухарский шлафрок 278 [на шею он

— ———————————

251 а„ цветов б. часов

254 а. стиха(ми б. романом е. романом в трех частях, с неестественным заг- лавьем

155 а. мучительное б. невыносимое

158 Вписано: но бесконечные осени и зимы

257 Вписано: [настроения (?>, воспоминания и надежды… и ожиданья…,]

258 а. его б. Сорокоумова

259 Вписано: [очень в прос<?>]

280 Вписано: он уже почти ходить не мог

281 а. давать б. выдавать

262 Вписано: [300 руб в год

281 а. Фофа поступил в военное учебное заведенье, б. Фофу отдали в кад(етский> корпус.

264 а. вольтеровском кресле б. вольтеровских креслах *Далее вписано:* Погода была чудесная

268 а. темной бурой б. темно-бурою

287 Вписанof зачеркнуто и восстановлено: обнаженных

288 Зачеркнуто и восстановлено: шевелились

289 Вписано: и лепетали

270 а. золотыми листьями б. ярко-золотые листья *871 Вписано*: [легким утренним]

272 Вписано: били

271 а. по траве б. по бледной зеленой траве

274 Вписано: в воздухе [словно трещал слегка] чудился легкий треск

275 а. синицы звонко посвистывали б. звонко посвистывали синицы

278 Вписано: и внятно

277 а. старый б. [нечистый <?)] в. ветхий

*7® а. шлафрок б. халат

— ———————————

нам<отал>] 279 синий шарф280 [на шее еще более] бросал [какой-то] мертвенный оттенок на его без того исхудавшее] 28J лицо. — Он обрадовался мне 282, протянул руку, хотел было заговорить 283 и раскашлялся. — Я дал ему успокоиться, подсел к нему… На коленях у него284 лежала тетрадка стихотворений Кольцова, тщательно списанных 285; он с улыбкой постучал по ней рукой. — Вот поэт — прошептал он — и пустился было декламировать едва внятным голосом:

Аль у сокола крылья связаны? Аль пути ему все заказаны Я остановил его… Ему запрещено было говорить286 Я знал чем ему угодить. Он 287 никогда, как говорится, не следил за [науч<ной>] наукой; но любопытствовал знать что дескать, до чего дошли теперь великие умы? Бывало, поймает товарища [за] где-нибудь в уголку и начнет его расспрашивать; слушает, удивляется — верит ему на слово — и уж так за ним и повторяет. Особенно немецкая философия его 288 занимала. Я сообщил ему что знал и как умел 289. — Он [слушал] качал головой, поднимал брови, улыбался., шептал: Понимаю… Понимаю.. А! 290 — [Э брат мой, думал я]… Детская любознательность

умирающего, [недоучившегося студента], бесприютного и заброшенного бедняка — меня291 трогала. Должно заметить, что Авенир, в противность всем [больн<ым>] чахоточным, нисколько не обманывался на счет своей болезни; но 292 [он] не [упомянул] 293 [ни о своей] [близкой смерти своей] 29\ [ни о том, какое ему лекарство дают, ни вообще о смерти]… [Он] Собравшись с силами заговорил он о Москве, о товарищах 295, о Пушкине296, о русской литературе; — вспоминал наши пирушки, [наши] жаркие прения нашего кружка, с сожаленьем [вспомянул] произнес имена двух, трех умерших приятелей.. Помнишь Дашу — произнес297 он наконец… вот золотая была душа, вот было сердце! [Эх… чай] 298 Что с ней теперь? Чай иссохла, исчахла, бедняжка. Я [уваж]

— ———————————

279 Вписано: [пгарок<ий>?]

280 а. шарф б. гарусный (?) шарф *в.* вязаный платок *г.* шейный платок

281 Вписано: [уж и так] исхудавшее

282 а. обрадовался мне б. весьма мне обрадовался

28S а. хотел было заговорить б. заговорил

284 а. у него б. у Авенира

285 а. списанных б. переписанных

286 а. Ему запрещено было говорить б. Ему лекарь запретил разговаривать

287 а. он б. Сорокоумов

288 Вписано: сильно

289 а. сообщил ему что знал б. начал ему толковать о Гегеле (дела давно минувших дней, как видите).

290 Вписано: хорошо… хорошо.

291 а. меня б. признаюсь, [меня] до слез

292 Вписано: и что ж — он не вздыхал, не сокрушался

29S Вписано: [ни разу] намекнул даже пи разу

294 Вписано: ни о своем положении

295 Вписано: [о своих]

296 Вписано: о театре

297 а. произнес б. прибавил

298 Вписано: Как она меня любила!

— ———————————

не посмел 299 разочаровать больного…300 [Я не хотел его] [ему] [зачем ему] что301 знать, что Даша его теперь поперек себя толще [белится и р<умянится>] белится и румянится 302 [и 303 пользуется покровительством] 304 [в тесной] [связью с] водится с купцами, братьями Подо- п он 305 Однако, подумал я глядя на его [потухающее] изнеможенное лицо — нельзя ли [бы]

его вытащить отсюда? — Может быть, еще [не совсем] [еще] есть возможность его вылечить? — Но [он] Авенир не дал мне договорить 306 мое предложение, [и тотчас же свел] 307 Нет308 брат, спасибо [зам<етил)в] заметил 309 он…Все равно — где умирать 310. 311 [Что попустому312 беспокойств] людей313 беспокоить!314 Я к здешнему дому привык… Одно меня несколько признаюсь огорчает315… [Никого не успел я здесь к себе привязать<?>] [даже ученики мои., да что… Да что…] 316 Злые, что ли — подхватил я.. Нет, не злые — деревяшки какие-то.. А впрочем я на них не могу пожаловаться… [И тотчас же о] [Есть]. Соседи есть… У [Лихачев<а>] помещика Касаткина 317 дочь [пре] образованная, [пре] [пр] любезная, добрейшая девица… [Я с ней] Сорокоумов поступился и опять раскашлялся…

Все бы ничего, прибавил он наконец — кабы трубочку выкурить позволили! — Да ты бы хоть к родным написал?., возразил я.. «Что к родным писать? — [Что он<и> их огорчать] Ведь они помочь мне не могут… Умру — узнают… [Давай-ка лучше] [Да ч<то>] Да что об этом говорить… Расскажи ка мне что ты за границей видел. К вечеру я уехал, а [к веч<еру>] дней через пять 318 получил следующее письмо от г<осподи)на Крупяникова:

Сим честь имею известить Вас, М<илости-вый> ГЧосударь) что приятель Ваш, [ГСосподин) Ав<енир>] в доме у меня319 проживавший32® Г<осподи)н Ав<енир>] Сорокоумов четвертого дня в 2 часа пополудни 324

— ———————

299 а, не посмел б, не хотел

300 Вписано: [и к чему?] [смешно (?) и не раб]*Далее вписанot зачеркнуто и восстановлено:* И в самом деле

301 а. что б. было

302 а. белится и румянится б. что она белится и румянится, пищит и бранится

303 Вписано: [что она]

304 Вписано: [состоит, находится]

305 а. Подоп он б. Кра *в.* Ж. г. Чесноковыми

30в а. договорить б. докончить

308 Зачеркнуто и восстановлено: Нет

309 л. заметил б. прибавил *в.* промолвил

310 а. умирать б. умереть

311 Вписано: а. А я до зимы не доживу б. Я ведь до зимы не доживу

312 а. попустому б. понапрасну *в.* К чему по-напрасну

3,3 *а.* людей б. 1 *нрзб. в.* друзей *г.* людей

314 Вписано: 1 нрзб.

315 Одно меня~огорчает *зачеркнуто и восстановлено*

310 Вписано: Правда господа-то здешние [но но здесь…]

317 а. Касаткина б. Миро *в.* Соб *г.* Карза *д.* Касаткина

31 а а. пять *б.* десять

319 а. в доме у меня б. у меня в доме

320 Вписано: студент

321 Вписано и зачеркнуто: приобщась свя(тых),

— ———————————

скончался и сегодня у меня 322 в приходской церкви похоронен. Просил он меня переслать к Вам приложенные при сем книги и тетради. — Денег у него оказалось 22 р. с полтиной, которые [также] вместе с прочими его вещами доставятся по принадлежности родственникам. Скончался Ваш друг в совершенной памяти и можно сказать с таковою же бесчувственностью, не изъявляя никаких знаков сожаления — даже когда мы 323 с ним прощались, [сын мой жена моя,] Клеопатра Александровна Вам кланяется. [Сей] смертию 324 [сей случай] Вашего приятеля не могла не подействовать на ее нервы; что ж до меня касается, то я [совершенно] 325 здоров и честь имею пребыть

Вашим покорнейшим слугою

Г. Крупяников

Много других еще примеров32в мне в голову приходит… да все не перескажешь.327 — Старушка помещица при мне умирала.. Священник стал читать 328 отходную- [не закончив молитвы по] да вдруг заметил, что она 329 действительно отходит и поскорее подал ей крест. — Помещица 330 отодвинулась — Куда спешишь, батюшка, про [лепета] говорила она коснеющим языком… Успеешь… [Потом] Она приложилась, засунула было руку под подушку — и [скончалась] испустила последний вздох. Под подушкой лежал целковый… Она хотела заплатить священнику за собственную свою отходную»…

Да — удивительно умирают русские люди.

Ив. Тургенев

— ———————————

322 а. у меня 6. на мой счет
323 Вписано: целым семейством
324 а. Смертию 6. Смерть
325 Вписано: слава богу
326 Вписано: у
327 Вписано: Ограничусь одним
328 Вписано: над ней
329 Вписано: больная-то
330 Вписано: с неудовольствием

— ———————————

ПРИТЫННЫЙ КАБАЧОК

Цал Ник. Ив.
Жена его дочь — 9 лет.
Моргач —
Обалдуй. —
Дикий барин
Яков Турок
Рядчик
Серый мужичок

Изумительно раззоренное сельцо Колотовка, принадлежавшее некогда помещице — [за бойко] за лихой и бойкий нрав прозванной1 Спрыганихой — (настоящее имя ее никогда не было в подлинности словно2 известно) а ныне [неизв] состоящее за каким-то [отдаленным] немцем — [отличается двумя] лежит на скате холма3, сверху до низу разсечен- ного страшным оврагом4, который зияя как бездна, вьется разрытый и [об] размытый5 между двумя рядами дрянных6 избёнок7 — [деревушки] 8. Несколько тощих ракит боязливо спускаются9 по песчаным его бокамі0; на самом дне его [лежат] сухом и жолтом11 [в летние дни] [весной] лежат огромные [изве] [камни] плиты [известняк] глинистых кам-

ней. [Не весело глядеть] зрелище представляет Колотовка 12, когда июльское солнце13 затопляет своими неумолимыми лучами и [зем] бурые полуразметанные крыши домов и вызженный зеленоватый 14 выгон, по ^которому печально скитаются15 худые16 курицы [и запы

— ———————————

* а. прозванной б. прозванной в околотке

2 *а.* никогда не было в подлинности словно б. осталось не

3 *а,* холма б. голого холма

4 а. оврагом б. широким оврагом *в.* оврагом

5 *Вписано:* по самой середине улицы,

6 я. дрянных б. [не плохих]

1 а. между двумя рядами дрянных избёнок б. делит бедную на две части — [пуще] е. пуще реки, потому что через реку можно по крайней мере навести мост — разделяет бедную деревеньку на две части, г. пуще реки, через реку можно по крайней мере навести мост — разделяет бедную деревеньку на две части. в й» [деревушки] б. [бедной деревушки] sя. спускаются б. *(нрзб)* спускаются *10 Вписано:* [через него и] [через него] и а, жолтом б. жолтом как мед

12 а, зрелище представляет Колотовка б. Признаться сказать, отрадного зрелища Колотов-

ка не представляет, но особенно грустное чувство возбуждает [она] *в.* Признаться сказать, ни в какое время года отрадного зрелища Колотовка не представляет, во особенно грустное чувство возбуждает [бедная деревушка] *аз а.* солнце б. сверкающее солнце

14 *а.* зеленоватый б. серо-зеленоватый *в.* запыленный

15 а. скитаются б. скитаются [вслед за петухами] *а.* худые б. худые длинноногие

— ———————————

ленные овцы] — и чорный17 пруд, [от которого вместо свежести] с [полур] сбитой на бок плотиной и этот [ужасный] унылый оврагі8. И между тем всем89 окрестным жителям хорошо знакома20 дорога в Колотовку 21 — они ездят 72 [туда] охотно и часто. — 23

У самой головы оврага в нескольких шагах от той точки где он начинается 24 узкой трещиной стоит небольшая [избепка] четвероугольная избёнка, стоит одна, отдельно от других, — Она крыта соломой, с трубой; одно окно обращено25 к оврагу, и в зимние вечера, освещенное внутри 26 далеко виднеется27 и не одному проезжему мужичку мерцает путеводною звездой. — Над дверью избенки28 прибита голубая дощечка

— Эта избёнка29 кабак, [он зна] [неизвестно почему] прозванный притынным. — В этом кабаке 30 вино продается вероятно со всеми окрестными заведениями31 — но посещается он гораздо [охотнее] [прилеж] [бол] прилежнее других32. Привлекает посетителей туда <1 *нрзб.*> *33* цаловальник Николай Иваныч. Ник<олай> Ив<аныч>, некогда стройный и ловкий парень34, теперь же необычайно толстый и жирный 35 мужчина 36 [пять] [пятьдесят лет], уже более 20-и лет проживает в Колотовке. — Это37 человек расторопный и сметливый [себе на уме] как большая часть цаловальников; — [он] не отличаясь ни особенной любезностью, ни говорливостью, обладает 38 даром привлекать и удерживать у себя гостей, которым как-то

— ———————————

17 а. чорный *б.* мелкий чорный *в.* мелкий чорный неподвижный, словно раскаленный

18 Вписано: и серый ст>уб с дырами вместо окон, остаток прежнего барского дома, кругом заросший [пол] крапивой, бурьяном [и] полынью Г и зо] конопляником и [невеселое местоположение] невеселый вид нечего сказать. [Узенькая пыльная тропинка вьется ниткой по кручам его через] и соединяет две стороны деревни

а. всем б. (1 *нрзб.)* всем

20 а. знакома б. известна

21 а. в Колотовку б. туда *в.* в эту деревеньк(у) *г.* в Кол(отовку)

22 а. они ездят *б.* ездят они

23 Вписано: и этот [де] угрюмый (?)

24 а. начинается *б.* начинает разветвляться

25 а. обращено б. словно зоркий глаз обращено

26 а. внутри б. изнутри

27 а. виднеется б. (1 *нрзб.)* тумане [ночного] мороза

28 а. избенки *б.* избушка

29 а. избёнка б. избушка

30 а. кабаке *б.* [<1 *нрзб.}]* [ст]

31 а. со всеми окрестными заведениями б. по одинаковой цене со всеми окрестными заведениями *в.* не дешевле положенной цены і

32 а. других б. чем все окрестные заведения такого же рода.

33 а. Привлекает посетителей туда *(\ нрзб.) б.* Причина этому

34 Вписано: кудрявый [как барашек] и румяный

35 а. жирный б. жирный уже поседевший

36 а. мужчина б. мужчина, с заплывшим лицом и жирным лбом перетяпутьш морщинами

как нитками *в.* с заплывшим лицом, хитро-добродушными проницательными глазами и жирным лбом, словно перетянутым морщинами как нитками *г.* мужчина с заплывшим лицом, хитро-добродушными глазами и жирным лбом, перетянутым морщинами словно нитками

37 а. Это б. Н(иколай) Ив(аныч)

38 а. обладает б. он обладает

— ———————————

весело сидеть перед его стойкой, под спокойным и приветливым, хотя зорким его взглядом39. —У него [очень] много здравого смысла40- в трудных случаях он может41 подать умный42 совет; но как человек осторожный и дорожащий своим спокойствием43, он предпочитает оставаться в стороне и разве только отдаленными [намекам<и>], словно без всякого намеренья произнесенными намёками наводит своих гост<ей>44 на путь истины. — Он обыкновенно45 сидит46 словно мешок перед дверью своей избы — подвернув под себя свои тонкие ножки — и перекидывается 47 словцами со всеми проезжающими. — Много видал [з] он на своём веку — пережил не один десяток помещиков48, заезжавших к нему за очищенным — знает всё что делается на 100 вёрст кругом — и никому49

не пробалтывается, не показывает даже виду, что [ему слишк<ом> всё известно] ему и то известно, чего даже самый большой 50 становой не подозревает51. Его уважают52; <3 *нрзб.У 53* он однажд<ы>54 конокраду55 заставил возвратить лошадь, которую он свел со двору одного из лучших 56 [его] знакомых. — [Соседей его <2 *нрзб.У* 57 — Впрочем не должно думать чтобы он это делал из любви к ближним58 — нет; он 59 [делал 60 это для того, чюбы по мере возможности сохранить в окрестности порядок и тишину и те] старался предупредить всё, что могло бы как-нибудь его нарушить — ну да и если кстати можно сделать кому-нибудь добро — отчего же и нет. —

— ———————————

39 а. его взглядом б. взглядом флегматического хозяина

40 Вписано: ему хорошо знаком и помещичий и крестьянский и мещанский [и купеческий] быт.

41 а. может б. мог бы

42 а. умный б. не глупый

43 а. дорожащий своим спокойствием б. ленивый *в.* огоист

44 а. гост(ей) б. <1 *нрзб.) в.* <1 *нрзб.)* и то любимых им [гост<ей>] (1 *нрзб.)*

45 а. обыкновенно б. обыкновенно когда у него

нет посещения

48 а. сидит б. сидит на земле

47 а. перекидывается б. ласково перекидывается

48 а. помещиков б. дворянчиков

49 а. никому б. никогда

50 а. большой б. проницательный

51 Вписано: [<1 *нрзб.)]* помалчивает себе да посмеивается да стаканчиками пошевеливает.

52 а. Его уважают б. Его соседи уважают

53 Вписано: [генерал] [важный] штатский генерал *[(нрзб.)]* первый [помещи] по чину владелец уезда всякий раз снисходительно кланяется ему проезжая мимо его домика. Н(иколай) Ив(аныч) человек с влиянием.

54 а. однажд(ы) б. одному *в.* одного

55 а. конокраду б. конокрада

56 а. лучших б. близких

57 Вписано: [заста] и образумил мужиков, соседней деревни, не захотевших принять нового управляющего, и пр.

58 а. к ближним б. к справедливости, из усердия к ближним

59 Вписано: а. как чел(овек) люб(ивший) спокойствие б. как чел(овек) дороживший спокойствие <м>

60 а. делал б. просто делал

— ———————————

Н<иколай> Жваныч) женат, у него быстроглазая время несколько отяжелела Он на нее 62 полагается у ней под ключом» Дети его еще малы почти все перемерли, но оставшиеся пошли в родителей лисята личики

Был невыносимо жаркий июльский день когда я медленно передвигая ноги, вместе с моей собакой поднимался вдоль оврага в направлении Прит<ынного> кабачка ®3, Солнце яростно64 сверкало и разгоралось85 [на потемневшем от зноя небе] Воздух был весь пропитан тонкойвв пылью — вороны67 разинув носы глядели68 на вас с боку69. Одни воробьи не унывали70 -и распуша перушки, [чир] [<1 *нрзб.У]* 71 по- прежнему чирикали и дрались по заборам72, тучками73 взлетали с [дорог] пыльной дороги, неслись74 [веселые] через темно-зеленые ко- ноплянники 75„ Жажда меня мучила. Воды не было близко — в Колотовке 78 мужики, за неименьем ключей и колодезей, пьют какую-то жидкую грязцу из пруда — но кто же назовет это отвратительное питье 77 назо вет водою? — Я хотел спросить у Н.<иколая> Ив.<аныча> стакан вина или квасу 7\ Усталыми шагами приблия^ался я наконец

к его жилищу, возбуждая, как водилгся, в ребятишках изумление доходившее до [тупого и] напряженно-бессмысленного созерцания — в собаках негодование выражавшееся лаем до того хриплым и злобным, что казалось [при каждом возгласе] у них отрывалась вся внутренность79 — как вдруг на пороге

— ———————————

61 Участок текста; Шиколай) «> личики—*записан карандашом почти стершимся; поддаются прочтению не все слова.*

62 а. на нее *б.* на нее во всем

63 Слова: Солнце яростно°® темно-зеленые коношмнншш *вписаны на полях.*

64 а. яростно б. мучительно *в.* [свирепо]

85 а. Солнце яростно сверкало и разгоралось б. разгоралось словно свирепея *Далее вписано: а.* жгло и пекло неотступно словно если хотело зажечь наконец землю б„ парило и пекло неотступно

66 а. тонкой б. душной

67 а. вороны б. грачи и вороны

86 *а.* разинув носы глядели б. [(1 *нрзб.)* глядели] с разинутыми носами жалобно глядели

в® а. на вас с боку б. на проходящих словно прося его участья, *в.* на проходящих словно прося

у них участья.

70 а. унывали б. горевали

7 Вписано:* они голосисто

72 Вписано: [<1 *нрзб.)* коноплянником]

73 д, тучками б. дружно

74 а. неслись б, бросались *в.* серыми тучками носились

75 а. через темно-зеленые конопляники б. над темно-зелеными конопляниками

78 а. в Колотовке *б.* в Колотовке как и во многих степных деревнях

77 а. питье б. пойло

78 Далее поставлено: П.<ризнатьси> с.(казать) *и специальным значком показано, что сюда следует вставить слова* Признаться сказать ооунылый овраг *(см. с. 863 наст, изд.). Далее приписано:* и сбитую на бок плотину, подле которой на мелко вызжеи- ной, пепеловидной земле черные н белые овцы едва дыта [или] и чихая от жара печально теснятся друг к дружке и с унылым терпеньем [вертят] наклоняют головы как можно ниже, словно выжидая когда ж пройдет наконец этот невыносимый зной… [<4 *нрзб.)}*, [торжественно по]

19 Вписано: и они сами потом кашляли и задыхались [словно у]

— ———————————

кабака показался мужчина80 выс.<окого> роста, худой и неб81 во фризовой старой шинели подпоясанный82 голубым кушачком. — На вид он казался дворовым; [он был очень худ] волосы83 в беспорядке вздымались над жолтым84 сморщенным и невыбритьш85 лицом — он торопливо размахивал руками86, которые [очевидно не слушались его и раз- махи] размахивались гораздо далее чем он [думал] предполагал. — Видно было что уже он успел выпить.

Об<алдуй>.

Морг<ач>.

Иди, иди же, залепетал он, глядя куда-то вправо87 — иди — эк ты братец, ползёшь, — право слово, [ползёшь]. Это нехорошо, братец. Тут тебя ждут. — а ты вот ползёшь. — Иди!

Ну иду, иду — раздался [другой] сиплый голос — и из-за избы направо показался человек низенький толстенький и хромой. — На нем была довольно опрятная чуйка88, вдетая в69 один рукав; довольно высокая 90 шапка, прямо надвинутая на брови придавала его круглому пухлому лицу лукавое выражение. — разделенному надвое91 необыкновенно тонким и прямым92 носом93. [Губ и подбородка] потому что нельзя было себе

представить более крошечного подбородка94. [Тоже не]

Иду, люб<езный> иду, прод<олжал> он, ковыляя в направлении питейного заведения. Зачем ты меня зовешь? Кто меня ждет?

Зачем я тебя зову? возразил с укоризной человек в фризовой шинели. — Экой ты [братец], Моргач, чудной, братец. — [Идешь] зовут95 в кабак — а ты96 спрашиваешь [зовут] зачем 97. — А ждут тебя всё люди добрые. — Турок Яшка, да Дикий барин, да рядчик с Жиздры. — Яшка-то с рядчиком об заклад побились, осьмуху пива поставили — кто кого лучше споёт? 96

— ———————————

80 а,, мужчина *б.* мужчина худой

81 а. худой и неб б. без шапки

82 а, подпоясанный б. низко подпоясанный

м *а.* волосы б. густые <1 *нрзб.)* седые волосы

84 а. жолтым б. сухим и

85 а. невыбритым б. его

®® *а.* торопливо размахивал руками б. звал кого-то торопливо действуя руками

87*а.* глядя куда-то вправо *б. с* усильем поднимая густые брови

88 а. чуйка б. суконная чуйка

89 а. в б. на е. <1 *нрзб.)*

м а, довольно высокая б. высокая остроконечная

91 а„ разделенному надвое б. сверху до низа разделенному

92 а. прямым б. длиным

98 Вписано: а. Именно надвое — б. Именно сверху до низу —

94 а. нельзя было себе представить более крошечного подбородка б. нельзя было себе представить более крошечных губ и подбородка *в.* подбородок у него был такой крошечный, как у кошки

95 а. зовут б. Тебя зовут

9в а. а ты б. а ты ещё

97 Вписано: [Ч<едовек> в ф<ризовой) ш(инели) распо]

98 а. Кто кого лучше споёт? б. Кто кого одолеет, лучше споёт то-есть. Понимаешь?

— ———————————

Яшка петь будет, с живостью возразил человек, прозванный Моргачём. — Да ты все врешь, Обалдуй

Я не вру, с достоинством возразил Обалдуй — [Ты врёшь] ты брешешь — Говорят тебе 100 будет петь, да ещеі01 об заклад побился, понимаешь? Божий ты 102.

Ну пойдем 103, возразил Моргач.

Ну поцалуй же меня по крайней мере, зелепетал Обалдуй, [раскры] протянув руки…104

[Цить] Вишь Иезоп105 отвечал106 Моргач, отталкивая его локтем, и оба [вошли в заве] нагнувшись, вошли в дверь |07. Слышанный мною разговор возбудил108 моё любопытство. — Я уже не раз слыхал109 об Яшке Турке как о лучшем певце в околотке — и вдруг мне представлялся случай услышать его в состязаньи с другим мастером. — Я удвоил шаги и вошел в кабак. Вероятно не многие из моих читателей имели случай заглядывать в [сельские] деревенские кабаки11С. — Устройство их чрезвычайно просто. — Они состоят [из бел] обыкновенно из сеней 111 и [изб] белой избы, разгороженной112 надвое перегородкой — [называемой] за которую никто из посетителей не имеет право [пере] заходить. — В этой перегородке проделано [дверь и] большое продольное отверстие над [столом] широким столом из. —На этом столе [продается] или стойке — продается вино. — [За п], которое в бочках, вёдрах и штофах хранится за перегородкой 114. В передней части избы, предоставленной посетителям — находятся лавки, две-три пустые бочки, стол 115. Вообще вся комната 118 [большей

частью] довольно темна117 и редко118 увидите вы на сте

— ———————————

99 а. Да ты всё врешь, Обалдуй б. И ты не врешь, Обалдуй?

100 а. Говорят тебе б. Стало быть

101 а. да ещё б. коли

402 а. Понимаешь? Божий ты б. божья ты коровка эдакая, плут ты эдакий, Моргач. [После этого может быть не]

103 а. пойдем б. пойдем, простота

104 а. протянув руки., б. широко раскрыв объятья…

105 а. Вишь Иез он б. Вишь [ты] Иез он изнеженный

108 а. отвечал б. презрительно ответил

107 а. дверь б. низенькую дверь

408 а. возбудил б. сильно возбудил

409 я. Я уже не раз слыхал б. Уже не раз доходили до меня слухи

410 Вписано: Но наш брат олотник куда не заходит.

4 44 а. сеней б. тёмных сеней

412 а. разгороженной б. разделенной

443 а. столом б. дубовым столом

4 44 а. которое в бочках, вёдрах и штофах хра-

нится за перегородкой, б. Запечатанные штофы разной величины рядком стоят на полках, прямо против отверстия, [как бы маня и вызывая искушение].

445 а. стол б. [др] угловой стол

448 а. Вообще вся комната *6,*. Все [сельские] дер(евенские) кабаки

447 а. темна б. темны

448 а. редко б. не редко *в.* почти никогда не

— ———————————

нах119 какие-нибудь [кр] ярко раскрашенные лубочные картины 42\ без которых [обходит] редкая обходится изба.

Когда я вошел в П<ритынный> к<абачок> — в нём действительно находилось 121 довольно многочисленное общество. — За стойкой как водится стоял122 Николай Иваныч123 а за ним [вид] в угле [межд] возле окна виднелась его жена 124. — Посередине комнаты стоял Яшка Турок* худой и стройный человек лет 23-х [с белокурыми волосами остриженными в кругом] — одетый в долгополый [голубой] ситцевый 125 кафтан голубого цвета. — Он смотрел удалым фабричным человеком126 и казалось не мог похвастаться отличным здоровьем. — Его впалые щеки, большие серые глаза на выкате127 покатый128 лоб

с закинутыми назад, белокурыми129 кудрями большие подвижные130 губы, тонкий131 нос с тонкими и беспокойными 132 ноздрями — всё его лицо изобличало человека впечатлительного и страстного, [хотя не веселого]. Он был в большом волненье 133; руки его дрожали как в лихорадке — да у него и точно была лихорадка — та лихорадка134 которая так знакома всем людям говорящим или поющим перед собраньем. [Его соперник, рядчик из Жиздры] Подле него стоял мужчина лет 40 13\ смуглый 13в, широкоскулый 137 9 с низким лбом138 и чорными курчавыми139 волосами. — Выражение его лица140, особенно его крупных141 бледных губ можно было бы назвать почти свирепым, еслиб оно не было так спокойно-задумчиво. — Он почти не шевелился и только медленно поглядывал кругом кдк бык из-под ярма. Одет он был в какой-то поношенный сюртук с медными гладкими пуговицами; старый чорный шелковый платок [не

— ———————————

119 а. на стенах б. на их бревенчатых стенах

120 а. какие-нибудь ярко раскрашенные лубочные картины б. каких-нибудь ярко раскрашенных лубочных картин

121 а. действительно находилось *б.* уже собра-

лось

122 а. стоял б. почти во всю ширину отверстия (СТОЯЛ

123 Вписано: а. в пестрой ситцевой рубахе и наливал дв стакана вина вошедшим приятелям, Моргачу и Обалдую, б. в пестрой ситцевой рубахе и с [улыбкой на губах] ленивой усмешкой на пухлых щеках, своей полной и белой рукой наливал два стакана вина вошедшим приятелям, Моргачу и Обалдую.

124 а. жена б. востроглазая жена [повязанная ярким жолтым платком].

125 а. ситцевый б. нанковый

126 а. человеком б. малым

127 а. серые глаза на выкате б. беспокойные [голубые] серые глаза

128 а. покатый б. белый покатый

129 а. белокурыми б. светло-русыми

130 а. большие подвижные б. крупные но красивые

131 а. тонкий б. дли(нный) *в.* прямой

132 а. и беспокойными б. Подвижными

133 Вписано: [он] мигал глазами, неровно дышал

134 а. лихорадка б. тревожная [быстрая] [глубокая] внезапная лихорадка

135 Вписано: [<1 *нрзб.*>] широкоплечий

136 а. смуглый б. с свинцовым отливом

137 Вписано: [дурно выбритый]

133 Вписано: узкими татарскими глазами, коротким и плоским носом, четверо- угольным подбородком

140 а. лица б. татарских узких глаз е. смуглого с свинц(овым) отливом лиц

141 а. крупных б. полных

— ———————————

брежно] окутывал его огромную шею. — Звали его Диким бариномі42. [Из двух] Прямо против него на лавке 143 сидел соперник Яшки, рядчик из Жиздры; это был невысокого роста широкоплечий144 мужчина лет 30, рябой и курчавый, с вздернутым 145 носом, [и весел] живыми 146 глазками и жидкой бородкой. — Он беспечно147 поглядывал кругом и постукивал ногами148, [и] обутыми в щегольские сапоги с оторочкой. — [Он был вообще о] На нем был новый тонкий армяк из серого сукна с плисовым воротником [и] от которого резко отделялась |ала<я>] край алой рубахи, плотно застегнутой вокруг горла. — В проти- вуположном углу сидел за столом какой-то мужичок в [сером] желтоватом изношенном армяке 149. — [Я не успел] [Свет] [Жидко] Солнечный свет,

струившийся150 [жидкой] жидким потоком151 сквозь темные и запыленные152 стёкла453 [осве] [оза] казалось154, не мог победить обычной темноты комнаты: и потому155 все предметы были освещены скупо [и], словно пятнами. [Так что] За то в ней [бы] [не] было [жарко] почти прохладно — и 156 словно бремя [спадало с плеч] сваливалось 157 с плеч, как только я переступил порог…

[Мой приход] — я это мог заметить — сначала несколько беспокоил 158 [присутствие] гостей Николая Иваныча — но заметив 159 что он поклонился мне, как знакомому человеку они тотчас успокоились и перестали обращать 160 на меня вниманье Я спросил себе пива и сел в уголок возле мужичка в изорванной свитеiel. — Обалдуй первый нарушил молчанье182 выпив стакан163 [крякнул] и сопровождая своё восклицание тем странным размахиваньями рук, без которых он по-видимому 164 не произносил ни одного слова — чего еще ждать? — Начинать! 185 так начинать. — А? Яшка 166?

— ———————————

142 а. барином б. сударем *в.* человеком

543 *а.* на лавке б. в углу, под образами *в.* на лавке, под образами

444 а. широкоплечий б. плотный

и5 а. вздернутым б. тупым и вздернутым

146 а. живыми б. живыми [гор] карими

147 а. беспечно б. бойко

148 а. и постукивал ногами б. подсунув под себя руки и беспечно болтал и постукивал [свешенными с лавки] ногами

150 а. струившийся б. струился

151 *а.* потоком б. [ст] *в.* желтоватым потоком

152 *а.* темные и запыленные б. темноватые и запыленные *в.* запыленные

354 а. казалось б. и казалось

455 а. и потому б. отчего

458 Вписано: чувство духоты и зноя

157 а. сваливалось б. свалилось у меня

458 а. беспокоил б. смутил

459 а. заметив б. увидев

480 а. перестали обращать б. уже более <не> обращали

184 Вписано: [и начал жд<ать>]

182 а. Обалдуй первый нарушил молчанье б. Ну чтож! возопил вдруг Обалдуй

183 а. стакан б. духом свой стакан е. духом стакан вина

484 е. по-видимому б. <1 *нрзб.) в.* по-видимому

485 Слова: так начинать «^произнес [заи] Яков *вписаны на поле.*

4в® а. Яшка б. Яша

— ———————————

Начинать, начинать, одобрительно [заметил] подхватил Николай Иваныч.

Ну начинать так начинать1в7, [зам<етил>] хладнокровно и с самоуверенностью а68, промолвил рядчик. — Я готов.

Ну подходи, произнес [заи] Яков,в9.

Ну начинайте, ребятки, начинайте, пропищал Моргач. Но несмотря на [то, что все170 присутствовавшие изъявили желанье начинать] единодушно изъявленное желанье, никто не «начинал» — [до] рядчик даже не? приподнялся с лавки.., все словно ждали чего-то…

«Начинай!» угрюмо и резко проговорил Дикий Б<аринХ

Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся. — Яков вздрогнул 17\ Кому172 начать? спросил рядчик173 у Д<икого> Б<арина> — который всё продолжал стоять неподвижно посередине комнаты [не шевеля] рас- тавив174 ноги 175 и засунув могучие руки в карманы шаровар.

Тебе тебе [теб<е>] залепетал Обалдуй — тебе братец.

Дикий Чел<овек> из подлобья взглянул176 [из подлобья] на Обалдуя 177… Обалдуй [замолчал

и как говорится,] замялся, глянул куда-то» в потолок [и покрутил гол<овой>] повел плечами и замолчал т.

Жеребий кинуть, [продол] произнес 479 Дикий Человек. — Да осьмуху [поставить] на стойку» Николай Иваныч нагнулся, достал [ведерку с пивом] осьмуху и поставил ее на стол. Д<икий> Ч<еловек> глянул на Якова и промолвил. — Ну. Яков торопливо [достал из] зарылся у себя в карманедостал грош и наметил его зубом182. Обалдуй подставил свой [п] картуз 183

— ———————————

167 а. Ну начинать так начинать *б.* Начнем пожалуй

168 а. с самоуверенностью б. с беспечной самоуверенной улыбочкой*в. с* самоуверенной улыбочкой

189 а. Ну подходи, произнес [заи] Яков. б. Ну с волненьем произнес Яков. И я готов.

170 а. все б. [все пож]

174 а. Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся. —Яков вздрогнул, б, Яков вздрогнул. Рядчик встал, осунул кушак и откашлялся.

172 а. Кому б. А кому

173 а. рядчик б. слеша изменившимся голосом рядчик е. рядчик слегка изменившимся голосом

174 а. расставив б. широко расставив

175 а. ноги б. короткие и толстые ноги е. толстые ноги

176 а. взглянул, б. посмотрел

177 а. на Обалдуя б. на него

178 е. и замолчал б. слабо пискнул и умолк

479 а. произнес б. с расстановкой [помо] произнес

180 а. осьмуху б. с полу осьмуху

181 а. в кармане б. в карманах

182 Вписано: а. Рядчик поднял вынул из-под полы своего кафтана новый кожаный кошелёк распустил шнурок с той же самоуверенной улыбочкой, и высыпав мно жество мелочи на руку, выбрал новенький пятак [ярко]}кр} б. Рядчик вынул из—

под полы кафтана новый кожаный кошелёк, не торопясь распутал и раснустшз

шнурок с прежней самоуверенной улыбочкой, и высыпав множество мелочи на

руку, выбрал новенький грош„<?„ Рядчик вынул из-под полы кафтана новый ко

жаный кошелёк, не торопясь распутал и распустил шнурок и высыпав множество—

мелочи на руку, выбрал новенький грош.

189 а. картуз б. истасканный картуз в. затаскан-

ный картуз

— ———————————

с обломанным и отставшим козырьком. [Оба гроша] Яков кинул свой грош — рядчик свой. — Тебе выбирать, проговорил Д<икий> Ч<еловек> — обратившись к Моргачу. — Моргач самодовольно хмыкнул184, взял картуз в руки185 и начал [им] его встряхивать186, Гроши звякали*87, [стуча др] ударяясь друг о друга — [среди] [все зати] [прит] [все лица] я поглядел 188 кругом [даже] Мой сосед мужичок в изорванной свитке189 с любопытством вытянул шею — Моргач наконец запустил руку в картуз и достал рядчиков грош. — Все вздохнули. — Яков покраснел — а рядчик провёл рукой по волосам.

Ну ведь я190 говорил что тебе; [заборм] воскликнул Обалдуй. Я ведь говорил! —

Ну-ну — не цыркай, заметил 194 Д<икий> Ч<еловек> — Начинай, продолжал он, качнув головой на рядчика.

Какую же мне песню петь? возразил рядчик, приходя в волненье. Какую хочешь, [возр] отвечал Моргач. Какую вздумается, ту и пой. Конечно, какую хочешь, прибавил Н<иколай> Ив<аныч> сложив192 руки на груди. В этом тебе указу нету. — Пой какую хочешь, да только пой хорошо. — А

мы уж потом решим по совести.

Разумеется, по совести, подхватил Об<алдуй>.

[Ну хорошо.] Дайте, братцы, откашлятьсяі93 заговорил Рядчик, перебирая [рука<ми>] пальцами [по кафта<ну>] [во] вдоль воротника кафтана.

Ну ну, не прохлаждайся, начинай! — решил Д<икий> Человек и потупился. Рядчик подумал немного, встряхнул головой, выступил вперед. Яков впился в него глазами…

Но прежде чем я приступлю к описанию194 самого состязания, не считаю лишним [сказ] [описа] сказать несколько слов о каждом из действующих лиц моего рассказа т. — Жизнь некоторых из них была уже

— ———————————

**14 а.* хмыкнул б. усмехнулся

885 а. в руки *б.* в обе руки

188 Вписано: а. [Настал] Воцарилась глубокая тишина все лица выражали напряженное ожиданье — один Дмк(ий) Человек прищурился б. Мгновенно воцарилась глубокая тишина все лица выражали напряженное ожиданье — сам Дикарь прищурился

187 д. звякали б. слабо звякали

188 д. поглядел б. пристально поглядел *в.* внимательно поглядел

889 Вписано: fдаже и тот — он] даже

— 490 д. Ну ведь я б. Ну ведь же я вот *в.* Ведь я же

191 д. заметил б. презрительно заметил

192 а. сложив б. складывая *в.* медленно складывая

195 д. откашляться б. откашляться маленько

194 д. описанию б. изложению в. описанию

195 Вписано: [и обстоя]

— ———————————

мне известна когда я увидал их196 в Прит<ынном> каб<ачк>е; о других я собрал сведения впоследствии.

Начнем с Обалдуя. — Настоящее имя этого человека было Евграф Иванов — но никто в околотке 197 не звал его иначе как Обалдуем, и он сам величал себя тем же прозвищем, так хорошо оно к нему пристало 198. Это был загулявший дворовый человек199, от которого собственные господа давным давно отступились и который, не имея ни должности, ни получая ни жалованья 200, [ни пла] [одежды ни даже от] находил однако средство [гюк] каждый день покутить на чужой счёт, У него было201 множество знакомых, которые его поили202 сами не зная зачем, потому что он не только не был забавен 203, но даже всем надоедал

204 своим 205 криком бессмысленной болтовней, лихорадочными телодвижениями и несносным [вмешат] навязчивостью20в [качеств] 207 Он не умел ни петь ни плясать 208; — знай себе 209 «лотошил» да [на] вмешивался 210 прямой Обалдуй! — И между тем ни одной попойки на [дв] 40 вёрст кругом не обходилось без его присутствия 211 — так уж к нему привыкли и переносили его присутствие как необходимое212 зло. — [С ним] Правда обходились с ним презрительно — но укрощать его умел один Д<икий> Ч<еловек>. — Моргач был человек совсем другого рода213. [Это был челове<к>] [Моргач был] Его» тоже не даром прозвали Моргачём214 — Несмотря на мое старанье

— ———————————

196 а. увидал их б. встретился с ними

197 а. в околотке *б.* во всём околотке

198 Вписано: Оно действ(ительно) шло как нельзя лучше к его незначительным, вечно встревоженным чертам.

199 а. человек б. холостой человек

200 а. ни должности, ни получая пи жалованья б. никакой должности, не получая гроша жалованья

201 а. У него было б. [Об я] *в.* У [него водилось]

202 а. поили б. поили вином и чаем

205 а. забавен б. забавен в обществе *в.* в обществе забавен

204 а. всем надоедал б. надоедал всем *в.* напротив всем надоедал

205 а. своим б. своей

206 а. лихорадочными телодвижениями и несносным [вмешат] навязчивостью б. несносной навязчивостью, лихорадочными телодвижениями

207 Вписано: а. и громким, невыносимым беспрестанным хохотом, б. и громким нарочитым беспрестанным хохотом, *в.* и беспрестанным неестественным хохотом.

208 Вписано: а. отроду не сказал [двух] умного или хотя путного слова б. отроду не сказал не только умного, даже путного слова

205 а. анай себе б. всё

а. вмешивался б. болтал что ни попало… *в.* врал что ни попало…

2И д. без его присутствия б. без того, чтобы его <1 *нрзб.)* фигура тут же не вертелась между гостями *в.* без того, чтобы его долговязая фигура не вертелась тут же между гостями

212 а. необходимое б. неизбежное

2,3 а. был человек совсем другого рода б. ни-

сколько не походил на Обалдуя

244 а. Его тоже не даром прозвали Моргачём б. К нему тоже шло прозвище Моргач — хотя он [и мо] и ее моргал глазами более других. Русский народ на прозвища мастер, *в.* К нему тоже шло прозвище Моргач — хотя он и глазами не моргал более других людей. Известное дело — русский [челове(к>] народ на прозвища мастер.

— ———————————

узнать215 обстоятельно21е его прошедшее247 в жизни его остались для меня — и вероятно для других218 — темные пятна21Э. Я узнал только, что он некогда был кучером у старой бездетной барыни бежал с вверенной ему тройкой лошадей, [и будучи] пропадал целый год. И вероятно 220 убедившись221 в [бедст<виях>] невыгодах 222 бродячей жизни, вернулся сам, но уже хромой, бросился в ноги своей госпоже — и в теченьи нескольких лет примерным поведеньем дошел до того, что заслужил ее полную доверенность 223 [и] попал в приказчики, а по смерти своей барыни 224 оказался 225 отпущенным на волю, приписался в мещане, [снимал у] начал снимать у соседей бакши — разбогател и живёт теперь припеваючи. — Это был человек хитрый, смышленый226, себе на уме 227, осторожный 228 и229

тонкий 23°, как лисица;231 впрочем232 хотя он и не притворялся 223 простачком, как234 иные хитрецы 235 — да ему и трудно было бы [прикинуться] притворяться. Я никогда не видывал более проницательных и набл<юдательных> умных глаз как его — говоря по-орловскому230 — лукавые «гляделки»* — 237 Его вообще не лю

— ———————————

215 а, узнать б. выведать

218 а. обстоятельно б. пообстоятелънее

а. его прошедшее б. [вс] прошедшее этого человека

а. Других б. многих Других

219 а. темные пятна б. темные пятна, места, покрытые, как выражаются книжники, глубоким мраком неизвестности

222 а. невыгодах б. невыгодах и бедствиях

223 а. дошел до того что заслужил ее полную доверенность б. загладив свою вину, понемногу вошел в милость, заслужил наконец ее полную доверенность *в.* загладив свое преступление, понемногу вошел к ней в милость, заслужил наконец ее полную доверенность

224 Вписано: [стал откуп]

227 Вписано: а. Он знает людей [и обстоят(ельства)] и умеет ими пользоваться, б. не злой и не

добрый, а более расчетливый; это тертый калач, [и под его] [его] который знает людей [и обстоятельства] и умеет ими пользоваться, [в одно]

224 а. осторожный б. Он осторожен

229 д. и б. и в то же время

230 а. тонкий б. предприимчивый

231 Вписано: а. болтлив — и никогда Ее проговаривается б. болтлив как старые женщины- и никогда не проговаривается, а вот другого заставит высказаться, в. болтлив как старые женщины -и никогда не проговаривается, а всякого другого заставит высказаться

232 а. впрочем б. но в. впрочем

233 а. притворялся б. прикидывался

234 д. как б. как это делают

235 а. хитреца б. ему подобные хитрецы *в.* хитрецы того же десятка

236 а. гбворя по-орловскому-б. крошечные* Орловское названье: глаз *(Прим-ечь И. С. Тургенева)*

237 Вписано: они [кажется] никогда не смотрят просто, всё высматривают и М.(оргач) [иногда по целым] неделям обдумывает какое-нибудь [выгодное] по-видимому простое предприятие — и вдруг решится на смелое ш отчаянное дело — [слов] кажется тут ему *ш* голову сложить — смотр®шь — [всё пошло] как по маслу всё

пош—

— ———————————

бят — потому что и ему ни до кого дела нет — но уважают, — Всё его семейство состоит из одного сынишки, в котором он души не чает и который 238 пойдет далеко… [Его уже] А Моргачёяок выдёт в Мор- гача 239 уже теперь толкуют 240 в полголоса старики, сидя на завалинках и толкуя меж собой в летние вечера — и все понимают что это значит, и уже более не прибавляют ни слова…

Об Якове Турке и Р<ядчик>е нечего долго распространяться. — Яков, прозванный Турком потому что действительно происходил от плен<ной> турчанки был по душе художник в полном смысле слова 241 — а по [сословию] званию черпальщик на бумажной фабрике у купца; [снявшего её на аренду] Что же касается рядчика, которого [ж] судьба менее всех других мне известна 242, показался мне 243 изворотливым русским244 городским мещанином. — Но об Диком Барине стоит поговорить несколько подробнее.

Первое впечатление, которое производил на Вас вид этого человека, было чувство какой-то грубой, тяжелой, но неотразимой силы. Сложён он был неуклюже — но как говорят у нас — «сбит-

нем»; но от него так и несло несокрушимым здоровьем 245. Трудно было решить246 к какому сословию принадлежал он 247; но он не походил ни на дворового человека ни на мещанина 248 ни на обедневшего чиновника в отставке ни на мелкопоместного дворянина, псаря и. драчуна. Он был уж точно сам по себе. — Никто не знал откуда он свалился к нам в уезд; [говорят} поговаривали что происходил он от однодворцев и состоял дажеи* где-то на службе; но ничего положительного об этом не знали, да и от кого [пр] и было узнавать? [Сам он был молча] Не от него же самого. — Не было человека более молчаливого и угрюмого. — Никто 250 не мог так251 сказать чем он жил; он ничем 252 не занимался253, а деньш у него водились — правда небольшие, но водились. — [Вёл себя] Вёл он

— ———————————

ло, всё удалось. Он счастлив и верит в своё счастье, верит в приметы. Он вообще очень суеверен.

238 а, который б. который, воспитанный таким отцом, вероятно

239 а. ведёт в Моргача б. весь в Моргача вышел

240 а. толкуют б. говорят о нём

241 а. в полном смысле слова б. во всех смыслах

этого слова

242 а. которого [ж] судьба менее всех других мне известна б. судьба которого мне, признаюсь, <1 *нрзб.)* менее других *в.* <судьба> которого, признаюсь, осталась неизвестной

243 а, показался мне б. то он мне показался

244 а. русским б. бойким

245 Вписано: — и странное дело! его [гла] медвежеватая фигура не была лишена какой-то своеобразной грации, — происходившей — может быть — от совершенно- спокойной уверенности в собственном могуществе

246 а. решить б. решить с первого разу

247 а. принадлежал он б. он принадлежал *в.* принадлежал этот Геркулес

248*а.* мещанина б. раззорившегося мещанина *в.* мещанина

249 а. даже б. будто прежде

250 а. Никто б. Также никто

251 а. так б. положительно

252 а. ничем *б.* никаким ремеслом

253 Вписано: ни к кому не ездил — не знался почти ни с кем

— ———————————

себя не то чтобы скромно — [слово] это слово никак не может 254 — по тихо; он жил словно

[не замечал] никого вокруг себя не замечал — и решительно ни в ком не нуждался. —Д<икий> б<арин> пользовался огромным влияньем во всём округе; ему повиновались [без] тотчас и даже с охотой — хотя он не только не имел никакого права приказывать кому то бы ни было — но и 255 сам [не изъ] никогда не изъявлял малейшего притязанья на [покорно] послушание других 256 — он говорил: ему покорялись Он почти не пил вина, не знался с женщинами — но страстно любил пение… В этом человеке было много загадочного; казалось, какие-то громадные силы [угрюмо] [преда] угрюмо покоились в нём, как бы зная что поднявшись 258, — сорвавшись 259 раз на волю, оне в состояньи 260 разрушить и себя и всё до чего ни коснутся — и я сильно261 ошибаюсь, если в жизни этого человека не было262 уже подобного взрыва — и он, наученный опытом 263 теперь неумолимо держит самого себя в руках 26\ Особенно поражало меня в нем смесь какой-то врожденной природной свирепости и такого же [прир] врожденного благородства, смесь, которую я не встречал ни в ком другом…

И так — рядчик выступил вперед, закрыл [глаз] до половины глаза-и запел высочайшим фальцетом. — Голос у него был [тенор] довольно

приятный, хотя несколько сиплый; [он его] он играл и вилял у него 265 как юлой, беспрестанно переливался 286 с верху вниз и беспрестанно возвращался к верхним нотам, которые выдерживал и вытягивал с особенной удалью 267. Его переходы были иногда довольно смелы иногда довольно забавны ученому музыканту 268 [уже наслушавшему] [знатоку — не педанту] — они бы доставили много удовольствия — немец пришел бы от них в негодованье26®. — Пел 270 он [ме] веселую,

— ———————————

254 а. это слово никак не может б. это слово никоим образом уж не может *в* это слово уж никак не может к нему идти к его [фи] лицу *г.* это слово уж никак не может к нему идти к его суровому лицу, наружности — к его *д.* [к одной] в нем вообще не было ничего скромного —

255 а. и б. даже

256 а. других б. людей, с которыми случайно сталкивался

257 Вписано: Сила всегда своё возьмёт.

258 а. поднявшись б. раз поднявшись

259 а. сорвавшись б. что сорвавшись

260 а. в состояньи б. должны

261 а. сильно б. жестоко

262 а. было б. случилось

263 а. наученный опытом б. наученный опытом и едва спасшись от гибели

264 а. в руках б. в железных руках *в.* в ежовых рукавицах

265 а. играл и вилял у него б. играл им и вилял *в.* играл и вилял им *г.* играл и вилял этим голосом

26в а. переливался б. заливался и переливался

267 а. с особенной удалью б. с особенным стараньем, почти совсем умолкал и потом вдруг подхватывал свой напев с залихватской удалью *в.* с особенным стараньем, умолкал на мгновенье и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой- то залихватской отчаянной удалью г. с особенным стараньем, умолкал и потом вдруг подхватывал прежний напев с какой-то залихватской удалью

2б§ я ученому музыканту б. знатоку

269 Вписано: Это был [tenore] русский tenoredigrazzia—

270 а. Пел б. Запел *в.* Пел

— ———————————

плясовую песню — слова которой, сколько я мог услышать271 сквозь бесконечные украшения, прибавленные восклицанья 272, [и зали- ванья] — были следующие:

Распахаю 273 я, молода молоденька
Землицы маленько
Я посею, молода молоденька,
Цветика аленька. —

Он пел, все слушали его с большим вниманьем. — Он видимо чувствовал что имел 274 дело с знатоками и потому, как говорится, лез 275 из кожи. Действительно, в наших краях знают толк в пеньи, и не даром село Сергиевское на большой Орл<овской> дороге славится во всей России своим особенно приятным и согласным напевом. [Я бы не одному 276 музыканту посоветовал [поеха<ть>] съездить послушать хор Сергиевских мужиков; я ему отвечаю что он бы не раскаялся 277 и может быть вынес 278 оттуда не одну мысль и не одно замечание.] Долго рядчик пел, не возбуждая слишком сильного сочувствия в своих слушателях наконец при одном [удачн] особенно удачном переходе, [Обалдуй] заставившем улыбнуться самого Д<икого> Ч<еловека> — Обалдуй не выдержал и вскрикнул от удовольствия — все встрепенулись. — Обалдуй с Моргачем начали вполголоса подхватывать, подтягивать 279 — Н<иколай> Ив<аныч> из-за стойки одобрительно закивал головой на право и на лево — Обалдуй

[наконец] наконец затопал и засеменил [плеч] ногами и задёргал плечом 280 — Д<икий> Ч<еловек> [с] Один Д<икий> Ч<еловек> [сохранял] не изменился в лице и по-прежнему спокойно стоял среди комнаты 281; у Якова глаза сверкали 282 как уголья, и он невольно улыбался 283. Одобренный [зн] всеобщим участьем 284, Рядчик совсем завихрился — и [уже] начал отпускать 285 такие завитушки, так защёлкал и

— ———————————

271 а. услышать б. уловить

272 а. восклицанья б. согласные и восклицанья

273 а, Распахаю б. Распашу

274 а. имел *б.* имеет

275 а. лез б. [пр] так и лез

276 а. не одному б. каждому

277 я. не раскаялся б. не раскаялся в своей поездке

278 а. вынес б. вынес бы

279 а. подхватывать, подтягивать б. подтягивать, подхватывать, покрикивать: лихо! — забирай, шельмец, забирай — вытягивай, аспид, вытягивай, еще, еще — родительницу твою и прочие побранки — *в.* подтягивать, подхватывать, покрикивать: лихо! — забирай, шельмец, забирай — вытягивай, аспид вытягивай, еще,

накаливай еще — собака ты эдакая — погуби Ирод твою душу

280 а. плечом б. плечиком

281 а. спокойно стоял среди комнаты б. не двигался с места; но взгляд его устремленный на рядчика, [смягчился и] [изобличал спокойствие] несколько смягчился [хотя остал<ся>] [ласкове], хотя выражение губ оставалось презрительным по-прежнему

282 а, сверкали б. так и сверкали

283*а*, невольно улыбался б. весь дрожал улыбался *в.* весь как лист дрожал улыбался

284 а. всеобщим участьем б. знаками всеобщего удовольствия

285 а. отпускать б. отделывать

— ———————————

забарабанил языком, так неистово заиграл горлом — что когда наконец* утомленный2Й® и облитый горячим дотом он пустил 287 [такой] последний замирающий [крик] стон, общий слитный крик [в] отвечал ему неистовым взрывом — Обалдуй бросился ему на шею и стал душить его своими длинными 288 руками, у 288 Ник<олая> Ив<аныча> — выступила краска 290, Яков как сумасшедший закричал — молодец, молодец! — и даже мой сосед, мужик в изорваной

свите — не выдержал и ударил кулаком по столу — воскликнул: а-га! хорошо! — Чорт возьми!291 и292 плюнул в сторону.

[А! закричал вдруг Обалдуй -]

Ну брат потешил — закричал 293 Обалдуй, [усажи] не выпуская изнеможенного рядчика из своих объятий — потешил, нечего сказать. Выиграл, брат, выиграл…294 Осьмуха твоя. — Яшке до тебя далеко. — Уж я тебе говорю. Ты 295 мне верь29в.

Да пусти [ж] его 297 [ви] дай ему присесть на лавку-то. Вишь он братец 298: ты 299 чудак право. Садись, голубчик, садись, Рядчик300 сел на лавку, достал из шапки полотенце и начал утирать лицо, Хорошо, — поёшь брат, хорошо, заговорил301 Н<иколай> Ив<аныч> — Ну теперь твоя очередь Яша. — Смотри, не робей. — Посмотрим кто кого, посмотрим. — А хорошо поёт Рядчик, ей Богу хорошо. Очинна хорошо — заметила Ник. Ив. жена — и поглядела 302 на Якова.

Хорошо-га! проговорил вполголоса [мой сосед] [серный м] А — заворотень полеха!* завопил вдруг Обалдуй, услышав восклица

— ———————————

286 а. утомленный б. утомленный, бледный

287 а. пустил б. пустил перекинувшись назад

всем телом

288 а. длинными б. длинными неуклюжими

289 д. у б. на жирном лице

290 а. выступила краска б. выступила краска, и он словно помолодел и

291 Вписано: хорошо

292 а. и б. и с решительностью

293 а. закричал б. кричал

294 Вписано: поздравляю!

295 а. Ты б. А ты *в.* Так ты

296 Вписано: [бол] [говорил] [хриплый] — И он снова прижимал рядчика к своей

груди.

297 Вписано: а. с досадой заговорил Моргач [с] б. с досадой заметил Моргач — метла неотвязная эдакая… *в.* с досадой заговорил Моргач — неотвязная эдакая…

298 д. Вишь он братец б. Вишь он устал

299 а. ты б. экой ты

300 а. Садись, голубчик, садись. Рядчик б. Ну что ж пусть садится, возразил Обалдуй, — а я за его здоровье выпью и подошел к стойке. На твой счет брат, прибавил он обращаясь к Р[ядчик>у — Тот кивнул головой в. Ну что ж пусть садится, а я за его здоровье выпью, воскликнул Обалдуй и подошел к стойке. На твой счет брат, прибавил

он обращаясь к Р<ядчик>у — Тот кивнул головой

30* а. заговорил б. одобрительно заметил в. ласково заметил

302 а. поглядела б. с улыбкой поглядела *в.* с улыбочкой поглядела* т. е. житель Полесья. Полесьем называется длинная полоса земли, почти вся покрытая лесом, которая [тянется с границ] Начинается на границе Болховского и

— ———————————

ние моего соседа серого мужичка и подойдя к нему 303, уставился на него пальцем — запрыгал и залился дребезжащим хохотом. — Полеха! Полеха! — Га**. Баде паняй (2)! — Заворотень! (3) 304 Бедный мужик смутился и уже собрался было встать и 305 уйти [поскорей] как вдруг раздался медный голос Д<икого> Ч<еловека> — Да что ж это такое за несносное животное? — произнес он скрыпнув зубами… Обалдуй быстро повернулся… Я ничего, [я ничего] — пролепетал он… Я так…

Ну хорошо — молчать, возразил Д<икий> Ч<еловек> — [тебе] Яков, начинай. Яков [провёл ру] взялся рукой за горло. — Что, брат 306, того; что-то гм… не знаю, право, что-то того…

Ну полно, не робей. — Я тебе говорю: не робей 307. — И Д<икий> Б<арин> потупился 308.

Яков [закр] помолчал, взглянул кругом, закрыл

глаза 309 рукой — все [взгляды] так в него и впились глазами — особенно рядчик, [на лице которого] у которого на лице сквозь обычную самоуверенность и торжество успеха проявилось-310 легкое311 беспокойство. — Он прислонился к стене и [пол] опять положил под себя обе руки но уже не болтал ногами., — Когда же наконец Яков открыл свое лицо, оно было бледно как у мертвого — глаза едва мерцали сквозь опущенные ресницы. Он глубоко вздохнул и запел…

Первый звук его голоса был слаб и неровен, [ело] и казалось не выходил из его груди но принёсся издалека312. — [странно] [и словно задрожал] странно подействовал этот звук313 на всех нас- мы все оглянулись314 друг на друга — а жена Николая Иваныча выпрямилась 315. — За первым316 звуком последовал другой, более силь

— ———————————

Жиздренского уездов тянется через Калуж(скую) Тульск(ую) — Московскую) губернии и оканчивается Марьиной рощей, под самой Москвой. —Жители [это] Полесья отличаются особенным образом жизни, [язык] нравом и языком. Особенно замечательны обитатели Южного Полесья, [столицами которого] около Плохина

и Сухинича, двух [чрезвычайно] богатых и промышленных сел, [служащих средою] средоточий тамошней торговли. — Мы когда-нибудь поговорим о них подробнее. *(Примеч. И. С. Тургенева.)*

303 а. услышав восклицание моего соседа серого мужичка и подойдя к нему б. и подойдя к серому мужичку с дырой на плече**[Жители Полесья] Полехи прибавляют почти к каждому слову восклича<ния> га и баде. [Баде] паняй вместо погоняй! — Полех зовут заворотнями за их подозрительный и тугой нрав. *(Примеч. И. С. Тургенева.)*

304 Вписано: кричал он сквозь смех.

305 а. и б. да и

306 а. брат б. сударь *в.* брат

307 Вписано: Стыдись. Чего вертишься. Пой как бог тебе велит.

308 а. потупился *б.* потупился, словно выжидая *в.* потупился, выжидая

309 а. закрыл глаза *б.* закрыл лицо *в.* и закрылся

310 а. проявилось б. проступило

314 а. легкое б. невольное легкое

3!2 а. издалека б. откуда-то издалека. —Словно прилетел внезапно в комнату»

313 а. звук б. дрожащий, звенящий звук *в.* тре-

пещущий, звенящий звук

314 а. все оглянулись б. взглянули

315 а. выпрямилась б. так и выпрямилась

316 а. первым б. этим первым

— ———————————

ный 317 — за вторым третий — и понемногу [раз] понемногу, разгорячаясь и расширяясь полилась заунывная песнь:

— При дояинушке стояла

Калинушку ломала

пел он — и всем нам сладко становилось и жутко… Я, признаюсь, редко слыхивал подобный голос; он был слегка разбит и звенел как надтреснутый; 318 но в нем была и неподдельная глубокая страсть и молодость и [сладо] сладость319 и какая-то увлекательная грусть 320 — русская, правдивая, горячая душа звучала и дышала в нем и так и хватала вас за сердце321. Чахот. [Надлом<?>] [переливы этого] голос его почти перестал дрожать322. Помнится, я видел однажды вечером 323 на плоском песчаном берегу моря грозно 324 шумевшего вдали — большую белую чайку — она сидела [мол] неподвижно, облитая 325 сияньем зари и только изредка медленно расширяла [огр] свои большие крылья

навстречу морю320 и 327 низкому багровому солнцу — [она пришла] Я вспомнил о ней, слушая Якова. — Он пел, совершенно позабыв [а между тем] тJ своего соперника 32\ но видимо поднимаемый как бодрый пловец волнами — нашим молчаливым, [глубоким] страстным участьем. Глухие, сдержанные рыданья внезапно поразили меня: я оглянулся — жена цало- вальника плакала, уткнув голову на окно 329. — Все тихо вздрогнули 330 — Он пел; и каждый звук его голоса веял чем-то родным и необо

— ———————————

317 а, сильный б. сильный и протяжный *в.* сильный и протяжный, но всё еще дрожащий как струна когда прозвенев под пальцами — она колеблется *г.* сильный и прртяжный, но всё еще видимо дрожащий как струна когда быстро прозвенев под несильным пальцами -она колеблется последнее [трепетание] колебание *д.* сильный и протяжный, но всё еще видимо дрожащий как струна когда быстро прозвенев под сильным пальцами — она колеблется последним колебанием

318 Вписано: а. он сначала отзывался чем-то болезненным; б. он даже сначала отзывался чем-то болезненным;

31<> *а.* сладость б. сила и сладость

320 а. грусть б. беспечная грустная скорбь

321 а. за сердце б. за сердце, хватала прямо за его русские струны. Песнь росла, развивалась. *Далее вписано: а.* Яковом видимо овладело упоение; [робо<сть>] Он уже не робел, но отдавался [и] весь собственному счастью — идрожью страсти, которая сообщается прямо в сердце слушателю — и беспрестанно рос, крепчал [<1 *нрзб.)]* и тихо расширялся, б. Яковом видимо овладело упоение; он уже не робел, он отдавался весь своему счастью — и дрожью страсти, которая стрелой вонзается прямо в душу слушателю — и беспрестанно крепчал, твердел и тихо расширялся.

322 а. почти перестал дрожать б. не трепетал более. Он словно дрожал, но той [незамет] едва замет(ной) внутренней [прав]

323 я. вечером б. вечером во время отлива

324 а. грозно б. грозно и тяжело

325 а. обливая б. облитая [ее]

326 а. морю. б. далекому морю в. знакомому морю

327 а. и б. навстречу

328 а. соперника б. соперника и всех нас

329 а. уткнув голову на окно б. положив голову на окно *е.* припав всей грудью к окну

330 а. Все тихо вздрогнули б. — а Яков всё пел… пуще прежнего *в.* — Яков бро—

— ———————

зримым331 — словно [бесконечная] знакомая степь раскрывалась перед вами 332, уходя 333 в бесконечную даль… У меня, я чувствовал, закипали на сердце и поднимались к глазам слезы334 — Н<иколай> Ив<аныч> потупился, Моргач отвернулся, Обалдуй 335 стоял глупо разинув рот и 336 [под] [слезливо приподняв брови] — серый мужичок тихонько всхлипывал в уголку337 — и по железному лицу Дикого Б<ари- на> — из-под совершенно нависших 338 бровей медленно покатилась [слеза] тяжелая слеза. Рядчик поднес сжатый кулак ко лбу и не шевелился…339 [Наконец] Не знаю чем бы кончилось [наше] всеобщее томление, если б наконец Яков вдруг не [встряхнул] кончил на высоком, необыкновенно сладком 340 звуке — словно голос у него оборвался… Никто не крикнул, даже не шевельнулся — все как будто ждали, не будет ли он ещё петь — но он оглянулся 34\ словно удивленный нашим молчаньем [и] вопрошающим взглядом обвёл нас всех кругом… Он не мог сомневаться в своей победе 342.

Яша, [сказал] проговорил Д. [Б.] — положил ему

руку на плечо — и смолк. Мы все стояли словно оцепенелые.

Рядчик встал 343 и подошел к Якову… Ты… [она] твоя… [ты] ты выиграл — произнёс он наконец с трудом и 344 бросился вон из комнаты… Его быстрое, решительное движенье [словно] как будто нарушило очарованье — все вдруг заговорили шумно — радостно. Обалдуй подпрыгнул [даже] к верху, [б] залепетал 34\ Моргач ковыляя подошел к Якову и стал с ним цаловаться. Николай Иваныч торжественно 346 объявил что прибавляет от себя свою347 осьмуху 348, Д<икий> Б<арин> посмеивался каким-то добрым смехом, какой349 я никак не ожидал [встр]

— ———————————

сил на неё быстрый взгляд и залился ещё звонче, слаще прежнего *г* — Яков бросил на неё быстрый взгляд и залился ещё звонче, ещё слаще прежнего

331 а. необозримым б. необозримо-широким

332*а.* вами б. глазами *в.* вами

333 а. уходя б. разбегаясь *в*. уходя

334 Специальным значком показано, что сюда следует отнести слова: Глухие, сдержанные рыданья^Все тихо вздрогнули (с *вариантами). Эти слова в рукописи отчеркнуты сбоку.*

335 а. Обалдуй б. Обалдуй, весь разнежепный

336 а. и б. й медленно [ещё глупее] [белки]

337 а. в уголку б, в уголку покачивая головой *в.* в уголку с горьким шопотом [покачивая] головой

338 а. нависших б. надвинувшихся

339 Вписано: [а Яков] [а Д-е. Г.]

340 а. сладком б. тонком

341 а. оглянулся б. широко раскрыл глаза

342 а. Он не мог сомневаться в своей победе б. и увидал, что победа была его

343 а. встал б. тихо встал

344 д. и б. и вдруг в. и

345 а. залепетал б, залепетал, замахал руками как мельница крыльями

346*а.* торжественно б. торжественно приподнялся и *в.* приподнялся и торжественно

347 а. свою б. ещё

34® а. осьмуху б. осьмуху пива

349 а. какой б. которого

— ———————————

[найт] встретить на его лице [а] серый мужичок то и дело твердил в своём уголку, утирая обеими руками 350 глаза, лицо35* и бороду — а хорошо, ей Богу хорошо, ну вот [ей же] право слово 352 хорошо — а жена Николая Иваныча, вся раскрасневшаяся [<3 *нрзб.У* быстро вышла вон из

комнаты…353 удалилась. баню нсЛтопмтьХ Кука — горячий песок.

Яков наслаждался своей победой как дитя…354 Его потащили к стройке 355 — и началась попойка35в… пир… Ты ещё нам споёшь, до вечеру петь нам будешь, твердил Обалдуй, высоко поднимая руки.

Я ещё раз взглянул на [всех] [них] на всех 357 — и вышел. — Я не хотел остаться — я боялся испортить [в] своё впечатление. Но зной был [всё еще] нестерпим по-прежнему. — Он как будто висел 358 густым [слоем] неподвижным 359 слоем — на тёмном синем 360 небе, казалось, крутились какме-то мелкие, светлые огоньки 36\- Я добрался до сеновала и лёг на только что скошенную едва завядшую 362 траву. Долго я не мог заснуть383; долго звучал у меня в ушах [голос] 364 неотразимый голос Якова; наконец однако жара и усталость взяли своё — и я заснул [крепким] мертвым сном. —Когда я проснулся зв5 — всё уже стемнело366 — сквозь жерди полураскрытой 387 крыши мигали388 звездочки Я вышел, — [заря угасала] Заря уже давно погасла и чуть- чуть белел на небосклоне ее последний след; но в воздухе 370 сквозь ночную свежесть чувствовался ещё [д] теплота [и в л] и [в] лицо371

— ———————————

350 а. руками б, рукавами

351 а. лицо б. щёки

382 а. право слово б. ей ж© ей е. будь я собачий сын,

353 а. вышла вон из комнаты»., б. встала и

354 Вписано: а. Все его лицо преобразилось, [его] особенно его глаза сияли счастьем. б. Все его лицо преобразилось, особенно глаза его так и сияли счастьем.

355 Вписано: а. он подозвал заплаканного серого мужичка- послал цаловальнико- ва сынишку за рядчиком, которого однако тот не сыскал б. он подозвал к ней заплаканного серого мужичка — послал цаловальннкова. сынишку за рядчиком, которого «однако тот не сыскал

358 а. началась попойка б. начался

357 а. всех б. Якова

358 а. висел б. висел в воздух©

359 а. неподвижным б. тяжелым

380 а. тёмном сиием б. тёмно-синем

381 Вписано: а. и тончайшая, темно-серая пыль. — Всё молчало круг(ом) Было что-то безнадежное, [д] придавленное в глубоком молчании обессиленной природы б. сквозь тончайшую, почти [не] чорную пыль. — Всё молчало [кругом]. Выло что-

то безнадежное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы

362 я. едва завядшую б. и уже почти высохшую

363 а. заснуть б. задремать

364 а% [голос] б. [этот голос]

365 а. проснулся б. открыл <1 *нрзб.)* проснулся

366 а. стемнело б. потемнело вокруг

387 а. полураскрытой б. шлуразме(тайной) *е.* полураскрытой

зев а. мигали б. слабо мигали

389 д. звездочки б, бледные звездочки

370 а. воздухе б. недавно раскаленном воздухе

s7ia, лицо б. грудь

— ———————

[ещё] невольно372 ещё искала 373 ветра 37\- По деревне мелькали огоньки; из недалёкого, ярко освещенного кабака несся нестройный., смутный гам, в котором S7\ казалось37в, я узнавал голос Якова… Ярый смех [подни] ко временам поднимался оттуда взрывом… Я подошел к окошку и приложился лицом и окошку 377… Я увидел невеселую* хотя пеструю и живую картину. — Всё было пьяно — всё начиная с Якова. — Он сидел развалясь378 на лавке и379 перебирал 380 струнами381 гитары; [его лицо] [обнаженная] 382 по середине комнаты395 Обалдуй, совершенно

«готовый» 384, выплясывал 383 <1 *нрзб*Уш* с [сер] мужичком в сероватом армяке; который 387 с бессмысленной важностью на лице, свойственной человеку 588 [всеоб] топотал 389 ослабевшими ногами и 390 изредка помахивал одной рукой, [при чем бес- смыР91

392 [Лицо его] Ничего не могло быть смешнее его лица [прав армяке] Как он ни силился поднимать кверх<у> брови 393 — отяжелевшие веки не хотели подняться 394 и он [<1 *нрзбУ]* едва-едва [м] Он [был]

— ———————————

372 а. невольно б. всё

373 а. искала б. жаждала

374 а. ветра б. свежего холодного дуновенья. Но ветра не было. Небо стояло чистое и прозрачно-тёмное над неподвижной [надобно было] землей… [Надоб] *в.* холодного дуновенья. Но ветра не было и н© было туч. Небо стояло кругом всё чистое к [темно-] прозрачное [как неосвещенное стекло] над неподвижной землей…

375 а. в котором б. среди которого

376 а. казалось б. мне казалось

377 а. окошку б. стеклу

378 а. Он сидел развалясь б. С Обнаженной грудью он сидел

379 а. и б. и напевал разбитым и осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песнь, *в.* и напевал дребезж<ащнм> *ш* осиплым голосом какую-то плясовую, уличную песнь,

380 д. перебирал б. лениво перебирал и щипал

581 а. струнами б. струны

382 Вписано; а. — мокрые волосы клочьями висели над [г] потухшими глазами б. — мокрые волосы клочьями висели над потухшими его глазами *в.* — мокрые волосы клочьями висели над страшно побледневшим его лицом

383 а. комнаты б. кабака

384 а. «готовый» б. развинченный *в.* развинченный и без кафтана

385 а. выплясывал б. выплясывал вперепрыжку

388 а. <1 *нрзб.)* б. перед

387 д. который б. сам мужичок в. мужичок

388 а. бессмысленной важностью на лице, свойственной человеку [выпив] б. в свою очередь с трудом

389 а. топотал б. топотал и шаркал

390 д. и б. и бессмысленно улыбаясь сквозь взъерошенную бороду преувеличенно приподнял брови

391 Вписано: как бы желая сказать: куда ни шло,

— [Лицо его]

392 Слова: [Лицо его] Ничего не могло®0хорош. *— вписаны на полях.*

393 а. силился поднимать кверх(у> брови б. силился вздергивать вверх свои брови в. силился вздернуть вверх свои брови г. вздергивал кверху свои брови

394 а. подняться б. его слушаться и так и [лежа] падали на [глаза] посоловевшие глаза, *в.* его слушаться и так и лежали на едва [ме] заметных, сладчайших его глазках г. его слушаться ш так и лежали на едва видных заметных, посоловелых, но сладчайших его глазках

— ———————————

находился в том состоянии39J когда [з] всякий зритель396 невольно и вслух говорит т: Хорош, брат, хорош.

Моргач один 398 [сохранял злоб] [язвит] весь красный как рак язвительно посмеивался из [угла]; один Николай Ив<аныч> как настоящий 400 цалов. сохранял своё неизменное хладнокровье. — В комнатку набралось много новых лиц — но дикого Барина яw не увидал. Я отвернулся — и быстрыми шагами стал спускаться с холма, на котором лежит Колотовка. — У подошвы этого холма расстилается широкая равнина — и те-

перь, залитая вечерними туманами 402 казалась ещё необъятней — и как будто сливалась с небом ®03. — Я [бы] сходил большими шагами по дороге вдоль оврага, как вдруг, далеко 404 в равнине [прозвенел] раздался звонкий голос мальчика. — [Он беспр<естанно>] Антроп- ка! Антропка… Антропкаа — кричал он с каким-то упорным и слезливым отчаяньем — [бе] [бесконечн] сильно напирая на 405 последний слог. Он умолкал на мгновенье 406 и снова принимался кричать. [Звук так и стоял] Голос его звонко разносился в неподвижном 407 воздухе. 30 раз по крайней мере [произнёс] прокричал он имя Антропки — [как и] вдруг, с противуположного конца поляны, словно с другого света принесся едва слышный ответ: Чего-о-о-о-о? — Мальчик 408 тотчас с удвоенным 409 озлоблением возразил: Иди сюда, чорт лешийии-ий… Зачем4!0… ответил тот [через добрых] спустя долгое время… А затем что тебя тятя высечь хочиииииит — тотчас4И прокричал первый голос… Второй голос более не подал ответа412… и [пер] мальчик снова принялся взывать к Антропке…

Клики его, [всё] более и более редкие и слабые долетали ещё до меня когда я уже413 обгибал край леса разделявшего414 мою деревеньку и лежащего в 4 верстах от Колотовки — [а ночь]

— ———————————

395 а. состоянии б. состоянии окончательно подгулявш<его> человека

396 а. зритель б. прохожий

397*а.* невольно и вслух говорит б. взглянув на него непременно скажет *в.* заглянув ему в лицо непременно говорит

398 а. один б. [лишь один]

399 ас как рак б. как рак, и широко раздув ноздри *в.* как рак, широко раздувая поздри

400 а. настоящий б. и следует истинному

404 а. я б. я в ней

402 а и теперь, залитая вечерними туманами б. затопленная мглистыми волнами

вечернего тумана она

403 а. небом б. потемневшим небом

404 я. далеко б. где-то далеко

405 а. сильно напирая на б. долго, долго бесконечно вытягивая *в.* долго, долго вытягивая

406 а. на мгновенье б. на несколько мгновений

407 а. неподвижном б. неподвижном чутко дремлющем

408 а. Мальчик б. Голос мальчика

409 а. удвоенным б. радостным

410 а. Зачем б. Зачееем

411 а. тотчас б. поспешно

412 а. не подал ответа б. не откликнулся

413 а. когда я уже б, когда [уже почь соверше] уже стало совсем темно и я

414 а. разделявшего б. разделяющего *в*. Окружающего

— ———————————

Антропка-а-а! — всё еще чудилось в [густом] [но] [мр] [ночно] воздухе, [з] наполненном тенями ночи.

Ив. Тургенев

Описать как мальчики гоняют лошадей в пустыри на Бежин луг.

СВИДАНЬЕ

Я сидел в молодой березовой роще осенью — около половины сентября — С самого утра перепадал мелкий дождик, сменяемый по временам теплым солнечным сияньем; была непостоянная погода. Небо — то всё заволакивалось рыхлыми белыми облаками -то вдруг местами расчищалось на мгновенье -и тогда из-за раздвинутых туч показывалась1 ясная и ласковая как прекрасный умный глаз. Я сидел и глядел кругом и слушал. — Листья шумели 2 над моей головой; по одному их шуму можно было узнать какое тогда стоя-

ло время года. То был не веселый, смеющийся трепет весны, не мягкое шушуканье, не долгий говор лета — не робкое и холодное лепетанье поздней осени — но едва слышная, дремотная болтовня. — Слабый ветерок чуть-чуть тянул по верхушкам. — Внутренность рощи, влажной от дождя беспрестанно изменялась, смотря по тому, светило ли солнце или закрывалось облаком; она — то озарялась вся, словно вдруг в ней всё улыбнулось; — [и] тонкие стволы не слишком частых берёз внезапно принимали нежный отблеск белого шелка, лежавшие на земле мелкие листы вдруг пестрели и загорались червонным золотом а красивые стебли высоких кудрявых кустарников уже окрашенных в свой осенний цвет, подобный цвету переспелого винограда — так и сквозили, бесконечно путаясь и пересекаясь перед глазами; то вдруг опять всё кругом слегка синело, яркие краски мгновенно гасли, березы стояли [кругом] все белые, без блеску, белые как только что выпавший снег, до которого ещё не коснулся холодно играющий луч зимнего солнца 3. — Листва на берёзах была ещё почти вся зелена, хотя заметно побледнела; лишь кой-где, стояла одна, молоденькая, вся красная или вся золотая — и надобно было видеть как она ярко вспыхивала

на солнце, когда его лучи внезапно пробивались, скользя и пестрея, сквозь частую сетку тонких веток, только что смытых сверкающим дождём. Ни одной птицы не было слышно; все приютились и замолкли; лишь изредка звенел колокольчиком насмешливый голосок синицы. Прежде чем я остановился в этом березовом леску, я с своей собакой прошел через высокую осиновую рощу. Я, признаюсь, не слишком люблю это дерево — осину — с ее бледно-лиловым стволом и серо-зеленой, [мелкой] металлической

— ———————————

1 а. показывалась б. показывалась лазурь

2 а. шумели б. чуть шумели

3 Вписано: и украдкой, [словно] лукаво, начинал сеяться и шептать по лесу мельчайший дождь.

— ———————————

листвой, которую она сильно 4 вздымает как можно выше и [веер] жидким5 веером раскидывает на воздухе; не люблю я вечное качанье ее круглых неопрятных листьев, неловко прицепленных к длинным стебелькам; она бывает только хороша в иные летние вечера, когда, возвышаясь отдельно среди низкого кустарника, она приходится в упор красным лучам заходящего

солнца — и <1 *нрзб.* > е и дрожит, с корней до верхушки облитая одинаковым жолтым багрянцем — или когда в ясный ветреный день, она вся шумно струится ж лепечет на синем небе — и каждый лист ее, подхваченный стремленьем, как будто хочет сорваться, слететь, и умчаться в даль. — Я7 не люблю этого дерева и потому не остановясь в осиновой роще для отдыха, добрался до берёзового леска — угнездился под одним деревцем, у которого сучья начинались низко над землей и могли 8 защитить меня от дождика — и полюбовавшись видом вокруг меня заснул тем безмятежным и кротким сном, который знаком одним охотникам…

Не могу сказать сколько я времени проспал — но когда я открыл глаза — вся внутренность леса была наполнена солнцем и во все направления, сквозь радостно шумевшую листву сквозило и как бы искрилось ярко- голубое небо — облака скрылись разогнанные взыгравшим ветром — погода расчистилась — и в воздухе чувствовалась та особенная, сухая свежесть, которая, наполняя сердце каким-то бодрым ощущеньем, почти всегда предсказывает мирный и ясный вечер после ненастного дня. Я собирался 10 было встать и снова попытать счастья, как вдруг глаза мои

остановились на неподвижном человеческом образе… Я вгляделся: то была молодая крестьянская девушка. Она сидела в двадцати шагах от меня задумчиво потупив голову и уронив обе рукм на колени; на одной из них, до половины раскрытой лежал густой пучок полевых цветов — и при каждом ее дыхамьи тихо скользил на клетчатую панёву. Чистая белая рубаха, застёгнутая у горла и [около] кистей разбегалась широкими складками 11 около ее тонкого стана; крупные жолтые бусы в два ряда спускались с шеи на грудь. Она была очень недурна собой. Густые белокурые волосы прекрасного пепельного цвета расходились двумя, тщательно расчесанными12 полукругами из-под узкой алой повязки, надвинутой почти на самый лоб, белый как слоновая кость; остальная часть ее [<1 *нрзб.У]* лица слегка 13 загорела тем золотистым загаром, который принимает одна тонкая кожа. — Я не мог видеть ее глаз — она их яе поднимала — но я ясно видел ее тонкие высокие брови, ее длинные

— ———————————

4 а. сильно б. [комично]

5 а. жидким б. дрожащим ® *а.* <1 *нрзб.)* б. блестит

1 а. Я б. Но вообще я 8 а. могли б. потому могли

• *а.* видом вокруг меня б. окрестным видом 10 а. собирался б. собрался

и *а.* разбегалась широкими складками б. <3 *нрзб.)* складками *в.* ложилась короткими мягкими складками

12 а. расчесанными б. причесанными *18 а.* слегка б. едва

— ———————————

ресницы 14; они были влажны и на одной из ее щек 55 блистал на солнце высохший след слезы, остановившейся у самых губ, слегда побледневших. Вся ее головка была чрезвычайно пленительна; даже немного толстый и круглый нос ее не портил. — Мне особенно нравилось выражение ее лица; так оно было просто ж кротко — так грустно — и так полно детского недоуменья перед собственной грустью. — Она видимо ждала кого-то — в лесу что-то слабо хрустнуло — она выпрямилась 30 подняла голову и оглянулась — передо мной блеснули*7 ее глаза18, [большие,] [из] [серо- голубые] — большие, светлые и пугливые как у лани… [Она] несколько мгновений прислушивалась она не сводя глаз с места, где раздался слабый звук, вздохнула, повернула тихонько голову [и] ещё ниже наклонилась — и

принялась [з] медленно перебирать цветы… Веки ее [слегка покраснели, горько шевельнулись губы — и новая слеза прокатилась 20, останавливаясь и сверкая24, по [еще] щеке 2\ Так прошло довольно долго времени; она23 не шевелилась. Лишь изредка, тоскливо поводила руками и слушала — всё слушала… [Наконец] Снова что-то зашумело [в отда] по лесу; она встрепенулась… шум не переставал, становился явственней, приближался — послышались 24 шаги Z5.„ Она [вся всп| вздорогнулаи снова устремила внимательный взор27 зажегся23 ожиданьем 29 сквозь чащу замелькала30 высокая фигураS1… — она вгляделась, вспыхнула вся 52 — радостно 33 улыбнулась, хотела было встать — и тотчас опять поникла вся — [опять в одно мгнов] побледнела вдруг34 и только тогда подняла трепещущий35 взгляд на пришедшего человека* когда тот остановился рядом с ней…

— ———————————

14 *а.* ресницы б. золотистые ресницы *в.* ресницы

55 *а.* щек б. бледных щек *в.* девственных щек *г.* щек

16 а. выпрямилась б. тотчас

17 а. передо мной блеснули б. в прозрачной те-

ни блеснули *в.* в прозрачно^ аи быстро блеснули передо мной

58 а. глаза б. голубые глаза

19 д. глаз *б.* широко раскрытых глаз

20 а. прокатилась б. медленно прокатилась по щеке е. прокатилась из-под ресниц

21 а. сверкая б. лучисто сверкая

22 *а,* по щеке б. по ее щеке б. на щеке

23 *а.* она б. бедная девушка а. девушка

24 а. послышались б. наконец послышались *в.* послышались

25 *а.* шаги б. решительные, проворные шаги

26 *а.* вздрогнула б. выпрямилась ж как будто оробела»,.

27 *а.* внимательный взор б. зажёгся е© внимательный взор ее внимательный взор

28 а. зажегся б„ задрожал

29 а. ожиданьем *б.* пугливым ожиданьем в. сбывающимся ожиданьем г. ожиданьем

30 а, замелькала б. быстро замелькала

81 *а,* высокая фигура б. фигура мужчины

Я2 а. вся б. вдруг

33 *а.* радостно б. радостно и счастливо

34 Вписано: смутилась

35 а. трепещущий б. трепещущий, померкший *в.* трепещущий, робко взирающгш г, трепещу-

щий, почти молящий

— ———————————

Я с любопытством посмотрел на него из своей засады… Признаюсь — он не произвёл на меня [пр] приятного впечатления — [и нисколько не оправдывал подобного ожиданья.] — Это был по всем признакам, камердинер 36 молодого богатого барина.

Его одежда отличалась щегольской небрежностью37. [Его красивое, но] [Его одежда отличалась изыскан] На нем были38 [клетчатые панталоны,] тёмный пальто39, розовый40 галстучек41 и картуз42 с галуном 43, надвинутый на самые брови. — [Рукавчики] 44 [его] белой накрахмаленной)45 рубахи [доход] закрывали46 всю [его] руку вплоть до [толстых и коро] красных кривых пальцев, украшенных [коль] серебряными и стальными47 кольцами48. [Его] Лицо49, румяное, свежее и нахальное, принадлежало к числу лиц, которые, сколько я мог заметить, весьма редко нравятся мужчинам50 и очень часто51 женщинам. — Он видимо старался придать своим чертам2 выражение презрительное53: морщил 54 глазки, морщился, опускал углы губ, зевал 55 без всякого желанья, [щип] проводил56 руками по57 [длинным] беловато-белокурые виски, то щипал

редкие усы58 закрученные59 [п] торчащие60 [рыжими] [жел] на [его] толстой верхней губе. — 61

Он проделал все эти «любезности» 62, как только увидел [моло] [пр] его ожидавшую крестьянскую девушку63, [и] медленно, развалистым

— ———————

36 а. камердинер б. избалованный камердинер

37 а. отличалась щегольской небрежностью б. изобличала притязание на вкус <и> щегольскую небрежность

38 а. были б. был

39 а. тёмный пальто б. коротенький застегнутый доверху пальто бронзового цвета, вероятно с барского плеча

40 а. розовый б. бледно-розовый *в.* розовый

41 Вписано: [клетчатые панталоны]

42 а. картуз б. бархатный чорный картуз

43 а. галуном б. золотым галуном

44 Вписано: Круглые воротнички его б<елой> т<уго> н<акрахмаленеой) рубашки немилосердно подпирали ему уши и резали щёки. —

45 а. накрахм<аленной> б. туго накрахм(аленной)

46 а. закрывали б. рукавчики закрывали

47 а. стальными б. золотыми

48 а. кольцами б. кольцами с незабудками из

бирюзы. —

49 а. Лицо б. Лицо его

50 а. весьма редко нравятся мужчинам б. почти всегда возмущают мужчин

51 а. очень часто б. <1 *нрзб.)* часто *в.* к сожаленью часто *г.* часто нравятся

52 а. чертам б. грубоватым чертам

53 а. презрительное б. презрительное и скучающее *в.* презрительное

54 а. морщил б. беспрестанно щурил свои без того крошечные, молочно-серые

55 а. зевал б. неестественно вздрагивал, зевал *в.* принужденно зевал

56 а. проводил б. и с небрежной, хотя не совсем [естествен] ловкой развязностью поправлял

57 а. по б. свои

59 о. закрученные б. ухарски закрученные

80 а. торчащие б. редко торчащие в. торчащие

т Вписано: словом- «ломался» нестерпимо.

62 а. Он проделал все эти «любезности» б. Начал он ломаться '

63 а. крестьянскую девушку б. крестьянку

— ———————————

шагом подошел к ней постоял 6\ равнодушно65 глянул на неё6в, запустив 67 обе руки в карманы пальто — и сел68 наконец рядом с ней, зевая 69.

А что, начал он, продолжая глядеть [вв] куда-то в сторону и зевая — давно ты здесь? —

— Девушка [едва] не тотчас могла ему ответить

Давно-с, Виктор Николаич, отвечала70 она, едва71 [переводя] [заи- кающи] [едва вн] наконец едва внятно 72.

А! — возразил73. А я было совсем и позабыл.74

Он опять зевнул. — Дела пропасть — за всем не усмотришь — а тот ещё бранится. — Мы завтра едем! — ты ведь знаешь?

Завтра — [про] трепетно произнесла девушка — и устремила на него испуганный взгляд.

Завтра. — Ах 75 пожалуйста подхватил он поспешно и с досадой, увидев что она затрепетала вся и тихо наклонила голову — пожалуйста Акулина, не плач. Ты знаешь я этого терпеть не могу. — И он гадливо наморщил тупой и курносый76 нос. — А то я сейчас уйду. — Что за глупость. Ну не буду, не буду — торопливо пролепетала77 Акулина, глотая7в слёзы. — Так вы завтра едете, прибавила она после небольшого молчанья. — Когда-то Бог приведёт [увидеть] опять увидеться с вами, В<иктор> Н<иколаич>! —

Увидимся, увидимся. — Не в будущем году — так после. Барин-то7* в Петербурге на служ-

бу поступает80 — а может быть и за границу уедет. —

Вы меня забудете, В<иктор> Н<иколаич> — произнесла 81 Акулина —

— ———————————

64 а. постоял б. постоял [над] перед ней *в.* постоял

65 а. равнодушно б. [встретил равнодушно]

66 а. глянул на неё б. [посмотрел в ее] распод

67 а. запустив б. запустил

68 а. сел б. зевая сел *в.* бросился *г.* посвистал и растянулся рядом *д.* мельком взглянул на неё *е.* [мельком равнодушно взглян] [уронил] [бросил] взглянул на [неё] «ее [замир] поникшую головку *ж.* сел

69 а. рядом с ней, зевая б. на землю, не удостоив девушку [другим] вторым взглядом *в.* едва удостоив её вторым и снисходительным взглядом *г.* едва удостоив бедную замиравшую девушку взглядом

70 «. отвечала б. проговорила

71 а. едва б. [с трудом]

72 а. едва внятно б. чуть слышным голосом

73 а. возразил б. [возразил он]

74 Вписано: а. Притом дождик… же б. Притом вот дождик… же

75 а. Ах б. Ну ну ну

76 а. тупой и курносый б. свой тупой

77 а. пролепетала б. произнесла

78 а. глотая б. с усильем глотая

79 а. Барин-то б. Барин кажется

80 а. поступает б. поступить хочет — продолжал он говоря небрежно и несколько в нос *в.* поступить хочет — продолжал он выговаривая слова небрежно и несколько в нос

** *а.* произнесла б. печально произнесла

— ———————————

Нет, отчегож. — Я тебя не забуду. — Только ты будь умна, не дурачься, слушайся отца. — А я тебя не забуду. — Не-ет. — И он спокойно потянулся и [поправил] [на земле] опять зевнул.

Не забывайте меня, В<иктор> Шиколаич) — продолжала она унылым голосом., — Уж кажется я на что Вас любила, всё кажется для Вас… Вы говорите, отца мне слушаться, В. Н.s? — Да как же мне отца-то слушаться.

А что? — Он произнёс эти [ело] два слова, лёжа83 — на спине и подложив руки под голову.

Да как же, В<иктор> Н<иколаич> — Вы сами знаете… [Она умолкла. —J

Виктор посвистал Ты, Акулина, девка не глупая, заговорил он приподнимаясь85, и потому вздору не говори. Ты86 [слушайся] Я твоего же добра

желаю — понимаешь ты меня? Конечно — ты не глупа, не совсем, то-есть 87, мужичка 88 — всё же ты без образования — стало быть — должна слушаться, когда тебе говорят89. — Что это у тебя, прибавил он, пододвинувшись к ней — цветы?

90 Это я полевой рябинки нарвала, продолжала она, несколько оживившись. — Это для телят хорошо9|. А вот92 я для Вас — не хотите ли 93 прибавила она, доставая из пучка94 жолтой рябинки [пуче] [нескол] неболь <шой> пучок голубеньких васильков, журавлиного гброху, Ивана да Марьи-95 [да], перевязанных травкой96 — хотите?

Виктор [принял] равнодушно97 протянул руку, взял цветы, [по] небрежно поднес их к носу98 — [и начал вертеть] и начал вертеть их в

— ———————————

82 а. В. Н. б. В. А.

83 а. лёжа б. уже лежа е. как бы желудком, лёжа *г.* как бы из желудка, лёжа

84 а. посвистал б. поплевал *е.* запел вполголоса г. поиграл стальной цепочкой своих часов

85 а. приподнимаясь б. наконец

86 а. Ты б. А ты

87 а. не совсем, то-есть б. не вовсе так сказать

88 Вписано: [видно] твоя мать тоже не всегда мужичкой была

89 Вписано: а. Да, В„ Н. страшно, страшно, В. Н. как тут скрыть? И-и — какой вздор, моя любезная! — стерпится, слюбится, б. Да, В. А. страшно, страшно, В. Н. как тут скрыть? И-и — какой вздор, моя любезная! —

эо — Вписано: а. Цветы сказала Акулина печально б. Цветы печально отвечала Акулина

м Вписано: а это вот череда — против золотухи. Вот посмотрите какой чудный цветик; такого чудного цветика я еще отродясь не видала; вот незабудки, — а вот маткина душка.

89 а. вот б. вот это

89 а. не хотите ли б. [она]

89 д. из пучка б. из-под

®5 а. журавлиного гороху, Ивана да Марьи б, Ивана да Марьи, журавлиного гороху

89 а. травкой б. тонкой травкой

89 а. равнодушно б. лениво

89 а. взял цветы, [по] небрежно поднес их к носу б. взял, небрежно понюхал цветы

— ———————————

руках". — Акулина глядела на него… [и] в ее [взгляде] [гр] [влажном, слегка] грустном взоре было столько любви [безгранич] преданности 10і, покорности102 и любви… Она любоваласьі03 им — [и] в последний раз… — а он…104

Я, признаюсь, глядел на него с негодованьем 105 его [ну] самолюбивую 106? [н] пресыщенным удовлетворенным107 лицо, на котором [так возмутительно изображалась] 108 самодовольное109 лицо, на котором сквозь презрительное110 равнодушие проглядывало111 удовлетворенное 112 пресыщенное самолюбие… Акулина была так хороша в это мгновенье 113 — а он…

114 Он достал 1,5 из бокового кармана пальто стёклышко 116 [оправленное] в бронзовой оправе и начал 117 втыкать 118 его в глаз; — но как он И9 ни старался удержать его бровью i2° нахмуренной [щекой] бровью [и] приподнятой щекой121 — стеклышко122 всё вываливалось и падало ему в руку. — [Акулина в изумленье]

— Что это? спросила наконец Акулина 123 [в вел <*нрзба*> Стеклышко 42\ отвечал он с важностью Для чего?

А чтоб лучше видеть. —

— ———————————

99 а. в руках б. в пальцах с задумчивой важностью посматривая вверх

100 а. любви б. [нежности]

101 а. преданности б. нежной преданности

102 а. покорности б. благоговейной покорности

103 а. любовалась б. и прощалась с ним [се]

— жаждала ласкового слова е. и прощалась с ним — и жаждала хоть одного ласкового слова г. и прощалась с нем и боялась-то его — и не дерзала плакать — и

104 а„ а он… б. а он лежал как султан — и великодушно [по] с великодушным терпеньем позволял обожать себя. *в.* а он лежал как султан — *ж* с великодушным терпеньем и снисходительностью сносил ее обожанье.

105 а. глядел на него с негодованьем б. с негодованьем озирал

100 а. самолюбивую б. незначительную *в.* [незначительное]

107 а. пресыщенным удовлетворенным б. удовлетворенное пресыщенное <?. пресыщенное;

108 Вписано: самолюбие

109 а. самодовольное б. с таким самодовольст(вом) *в.* красное

110 а. презрительное б. притворно-презрительное

111 а. проглядывало б. противно проглядывало

112 а. удовлетворенное б. такое [зак] удовлетворенное е. удовлетворенное

113 Вписано: а. Вся ее душа доверчиво, страстно раскрывалась перед ним, тянулась и ластилась к нему — б. Вся душа ее доверчиво, страстно

раскрывалась перед ним, тянулась и ластилась к нему —

114 Слова; Он достал<*>об<ратно> в кар<ман> — *вписаны на отдельном листе.*

— *а.* достал б. уронил пучок в(асильков) на траву, достал

и® *а.* стёклышко б. круглое стеклышко *в.* лорнетку *г.* круглое стёклышко

— а. начал б. принялся

— *а.* втыкать б. тыкать и втискивать *и*® *Вписано:* [он ни втискивал его]

420 а. его бровью б. [щекой стеклышко]

ш а. щекой б. щекой и даже носом

122 а, стеклышко б. оно в. стеклышко

128 а, Акулина б. изумленная Акулина

**24 а.* Стеклышко б, Занятн(ое) стеклышко *в.* Лорнет

— ———————————

Покажьте-ка. — Виктор дал 125 ей стеклышко. — Она робко поднесла его к глазу… Я ничего не вижу, проговорила 126 она. Да ты глаз-то зажмурь, возразил он голосом недовольного наставника 127. — Она зажмурила глаз, перед которым держала стеклышко. — Да не тот, не тот — глупая! Другой… воскликнул Виктор и отнял 128 у ней [стекл] [лорнет] лорнетку129. Ак<улина> покрас-

нела, засмеялась и отвернулась. [Видно это не но] Нам не годится, промолви<ла> она. Он ничего не отвечал. — Ах В<иктор> Н<йколаич> прибав<ила> она130 помолчав и вздохнув глубоко. Тяжело нам будет без Вас!

Виктор в<ытер> л<орнет> п<олой> и п<оложил> его об<ратно> в кар- <ман>.

Да, да, заговорил он [в] наконец — тебе сначала будет тяжело. Точно. — Он 131 потрепал снисходительно 432 её по плечу — она достала 133 с своего плеча его руку — и поцаловала 134 её… Да, ты 135 точно девка добрая136. — Но что же делать? Ты сама посуди. — Нам137 нельзя же остаться здесь 138 [зимо] [с б<арином>]. В деревне зимой ты сама знаешь — очень скверно139. То ли дело в Петербурге. — Там просто такие чудеса, каких ты, глупая, и во сне [н] [ув] себе 140 представить не можешь. — Дома какие, улицы141 — [а впрочем] Акулина внимательно слушала142 [он слушала] 143. — Впрочем, прибавил он, заворочившись на земле — зачем144 я тебе это говорю… Ведь ты этого понять — [наконец] — не можешь…145

— ———————————

125 а. дал б. [поти] подумал ое дал *в.* поморщился но дал

126 а. проговорила б. невинно проговорила

127 а. голосом недовольного наставника б. недовольным голосом [ст] наставника

128 а. и отнял б. и не давши ей поправить свою ошибку отнял

,129 Вписано: [с <1 *нрзб.)* положил] вытер его полой и положил [обратно в карман]

130 а. она б. бедняжка

131 Вписано: [уронил пучок васильков на траву и]

132 а. потрепал снисходительно б. снисходительно потрепал

133 а. достала б. тихонько достала

134 а. поцаловала б. робко поцаловала

135 а. Да, ты б. Ну да, да, ты

136 а. добрая б. добрая я знаю *в.* добрая я знаю, продолжил он, как бы улыбнувшись г. добрая я знаю, продолжил он, самодовольно улыбнувшись

137 а. Нам б. Нам с барином

138 а. остаться здесь б. здесь оставаться

139 а. очень скверно б. просто скверность

140 а. себе б. просто себе

141 а. улицы б. а общество — просто удивление *в.* а обчество — просто удивление

142 а. слушала б. [его] слушала

143 Вписано: не спускала с него глаз и слегка

раскрыв губы как ребёнок

144 а. зачем б. к чему

145 Вписано: а. Отчего же, В. Н. — я понимаю Вас, В. Н. Он усмехнулся. Вишь какая! — Прежде Вы не так с<о> м<ной> гов<аривали> В. Н. проговор<ил>а подняв глаза. Прежде! Прежде! возразил он с укоризной. Вишь ты… прежде! прибавил он как бы негодуя, б. Отчего же, В. Н. — я понимаю Вас, В. Н. Он усмехнулся. Вишь какая! — Прежде Вы не так с<о> м<ной> гов<аривали> А. Н. проговор<ил>а не поднимая глаз. Прежде! Прежде! возразил он с укоризной. Вишь ты… прежде! прибавил он как бы негодуя.

— ———————————

Они оба помолчали.

Однако — мне пора 146 — прогов<орил> вдруг Виктор и уже оперся было на локоть чтобы приподняться 147.

Подождите еще немножко, умоляющим голосом произнесла Ак<улина>

Чего ждать? — Ведь уж я простился с тобой…

Подождите… повторила Акулина.

Виктор опять улёгся и начал свистать 148.

Акулина всё не спускала с него глаз

Я видел что она [немного] понемногу приходила в волненье..,44Э бледные ее щеки зарделись150

— она [стала скор] [начала скорей дышать]. — Виктор Николаич 151, заговорила она наконец, отрывистым152 голосом, [<1 *нрзб.У]* Вам грешко, Вам грешно, В<иктор> Н<иколаичХ Ей богу. Что такое [загор] грешно возр<азил> он нахмурив брови и слегка <повер> приподнял и повернул к ней голову.

Грешно В<иктор> Н<иколаич> — хоть бы словечко 153 мне сказали на прощанье. — Хоть бы словечко сказали мне горемычной сиротинушке…

Да что я тебе скажу?

Я не знаю. — Вы это лучше знаете, В<иктор> Н<иколаич>. — Вот Вы уедете 154 — и хоть бы словечко. — Чем я [это] заслужила? —

Да какая же ты странная — Что ж я могу…

Хоть бы словечко, печально повторили она.

Ну зарядила одно и то же — промолвил он с досадой и [приподнялся до] выпрямился 155.

Не сердитесь В<иктор> Н<иколаич) — поспешно прибавила она, едва сдерживая слёзы.

Я не сержусь — а только ты глупа. Что ты хочешь? Ведь я на тебе жениться не могу? Ведь не могу? Ну — так чего ты хочешь? — Чего? Он уткнулся лицом — как бы выжидая ответа и растопырив руки.

Я ничего… не хочуS5e… ответила она заикаясь — а так хоть бы словечко — на прощанье… И слезы полились у ней ручьем. — Бог с Вами157, В<иктор> Н<иколаич>. Ну пошла плакать, хладнокровно промолвил Виктор — надвигая сзади рукой картуз на глаза…

Я ничего не хочу, продолжала она всхлипывая и закрыв лицо обеими руками… но каково-то мне теперь — в семье — каково же мне — и что же

— ———————————

*ii6a.*пора б. пора идти

147 а. и уже оперся было на локоть чтобы приподняться б. собираясь приподняться, и уже оперся было на локоть *в.* и уже оперся было на локоть

148 а. начал свистать б. стал посвистывать в. принялся посвистывать

149 Вписано: ее губы подёргивало- [брови <1 *нрзб.)*|

150 а. зарделись б. слабо заалелись

151 а. Николаич б. А<лександрыч>

452 аг отрывистым б. прерывающимся

**5S а.* словечко б. доброе словечко

151 д. уедете б. едете

151 а. выпрямился б. встал

*5в а. не хочу б. я ничего не хочу

S5T a. Бог с Вами б. Я ничего не хочу
— ———————————

со мной будет, [сиро] с горемычной — [зо] выдадут за немилого158 меня, сиротиночку… Бедная моя головушка

Припевай, припевай — вполголоса пробормотал Виктор, переминаясь на месте. А вы i5S — хоть бы слово i6C — хоть бы одно — дескать, Акулина, дескать — я… Судорожные, надрывающие грудь161 рыданья [не дали ей про] не дали ей докончить речи — она повалилась лицом на траву — и горько162 заплакала, [в] [подёргивая плечами] 163 ее [во] [судо- дорожно] взволновалось164 — затылок так и поднимался у ней… долго сдержанное горе [так и] хлынуло наконец потоком i6\

Через 166 несколько мгновений.».

Она поднялаm голову, вскочила, оглянулась и всплеснула руками, хотела было побежать — [но] ему ©след — по ноги у ней подкосились — она упала на колени. Я не выдержал и бросился к ней — но [услышав] (уставясь<?> что] [она] не успел168 [я сделать] она вгляделась в меня — как откуда взялись силы — она поднялась ш и [побеж] исчезла за деревьями, оставив разбросанные цветы на земле…

Я 470 вышел из рощи в поле 17*. — Солнце стояло низко в 172 бледно- ясном небе; [от которого ос] 173 И хотя до вечера оставалось 174 не более часа, лучи его [лучи его] 175 и похолодели176; [до вечера о] [но заря] [заря ещё не за] [едва] заря едва 177 [заалелась] [начинала] едва зажигалась: через жолтое высокое жневье ветер178 весело179 мчался мне навстречу1ао, [покрытое тонкими] нитями [блестящих] осенних

— ———————————

<J5а. выдадут за немилого б. за немилого выдадут л. Вы б. ОЕ *а,* слово б. словечко*61 й. Судорожные, надрывающие грудь б. Внезапные, разрывающие 182 д. горько б. горько горько **€3 Вписано:* [до тог<о) — что ее вело д] ее тело

164 д. взволновалось б. волновалось

465 Вписано: Виктор постоял над ней, постоял, пожал плечами повернулся в ушол большими шагами…

**68 а.* Через б. Прошло

187 а, подняла *б.* притихла, подняла

J8S а. успел б., успела

169 а. подеялась б. с слабым криком поднялась

170 а. Я *б.* Я положил несколько из тех цветов в свой [(1 *нрзб.)]* ягташ

ш Вписано: а. [встал, <1 *нрзб.)]* Как я ем глядел

издали, но б. оглянулся издали, но *в.* Как я ни озирался кругом, ни В<иктора> ни Ак(улины) нигде не было видно.

172 а. в б. на

т Вписано: а, лучи его тоже как будто поблекли они не [сверкали] сияли прозрачным и разливались кругом в воздухе воздух, весь был наполнен ровным, почти белым светом б. лучи его тоже как будто поблекли они не смяли прозрачным разливались в воздухе ровным, |не ярки(м)] почти водянистым светом

474 а. И хотя до вечера оставалось б. До вечера оставалось

175 Вписано: а. они не горели на нем, а разлились б. [они не горели на нем, он® разливались]

т Вписано: [спелым блеском] ma. едва 6. едва едва

m *а.* ветер б. свежий ветер *в.* порывистый ветер

т а. весело б. быстро

т Вписано: [полно] [вшшуя] (2 *нрзб.)* ж волновались.

— ———————————

паутин. Сторона березовой рощи181 вся дрожала и сверкала мелким сверканьем [на ветре] чётко но не ярко182 [Прямо под солнцем на растянутом поле стоял длинный лес;] [и] торопливо,

[сл] вздымались перед ним и мчались183 мимо!84 редкие сухие185 листья 486. Я остановился; мне [стало] [Бог знает почему, стало грустно…] 187 как [я ни смотрел] [вглядывался] высоко над ней виднелась 188 [СJ тяжело и резко свистя189 крылами, [промчался] пролетел через [меня] вороні90, [и] повернул голову, посмотрел на меня боком891 [из -за рощи] [разд] [своим] и коротко и редко192 каркая, скрылся за лесом…193 мужик194 проехал стуча телегой 19\

Я вернулся домой — но [п] [образ Акулины долго m не выходил из моей головы…]

— ———————————

181 а. Сторона березовой рощи б, Сторона рощи обращенная в поле

182 *Отдельно выписаны варианты:* поле; всюду [на траве]; блестели на солнце

183 а. и мчались б. стремились

184 а. мимо б, мимо через пыльную дорогу, вдоль опушки рощи *в*. мимо через дорогу, вдоль опушки леса.

185 а. редкие сухие б. первые сухие *в.* покоробленные *г.* маленькие покоробленные

1*86 Вписано:* на короткой траве, на былинках, на соломенках бронзовая цепочка

187 Вписано: а. стало грустно, перед этой хо-

лодной веселостью увядающей природы [чув] чуялись отдаленные угрозы зимы. б. стало грустно, сквозь невеселую^ хотя свежую улыбку увядающей природы чуялась грозная близость зимы. *в.* стало грустно, сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы чуялся страх недалекой зммы. *г.* стало грустно, сквозь невеселую, хотя свежую улыбку увядающей природы [мне] казалось, прокрадывался унылый страх недал.(екой) зимы.

188 а. виднелась б. кругом нигде не *в.* [мне <2 *нрзб.}*

1*89 а,* свистя б. разрезая воздух *в.* рассекая воздух

190 а. ворон б. осторожный ворон

т а. боком б. сбоку

192 а. коротко и редко б. отрывисто

193 Вписано: а. стадо голубей вдруг принеслось, перегрел и кружась с деревни *ш* расселось на поле б. большое стадо голубей резво принеслось [с дер(евни)] с неда декого гумна, пестрея и хлопотливо рассеялось на поле в. большое стадо голубей принеслось с недалекого гумна и, внезапно закружившись столбом пестрея и хлопотливо расселось на поле признак осени!

194 а. мужик б. кто-то

195 а. стуча телегой б. за холмом, громко стуча пустой телегой

аэ6 а. долго б. долго долго

— ———————————

ОБЕД

На одной из моих поездок получил я приглашение отобедать у богатого помещика, [Гна Та] [Галынского] псового охотника \ [Г] Александра Михайлыча [Кал] [Ма] Галынского. [Я надел фрак] Его село находилось 2 верстах в пяти от небольшой деревенки, где на ту пору3

— ———————————

[на 5 л. [Гва Та] [Галынского] б. псового охотника *в.* и охотника? находилось б, [лежало] *s а.* где на ту пору б. где я на ту пору

— ———————————

ходилась моя генеральная квартира] [Я] поселился. Я надел фрак, без которого не советую никому выезжать даже на охоту — и отправился к Ал<ександр>у М<ихайлыч>у. Обед был назначен к шести часам — я приехал в пять и застал уже великое множество дворян, в мундирах и в партикулярных платьях \ Хозяин встретил меня ласково — но тотчас же побежал в официантскую

Он ожидал важного сановника — и [находился)] чувствовал волненье.5 Ал-ъ М-ь(никогда женатым не был и не любил женщин… Общество у него собралось6 холостое7. Он жил на большую ногу, выстроил8 и отделал дом 9 великолепно, выписывал ежегодно из Москвы тысяч на пятнадцать вина — [следовательно)] и вообще!0 пользовался уваженьеми. [Что же заставляло] [Он] 12 Александр) М<ихайлыч) давным-давно вышел в отс<тавку> и никаких почестей не добивался. Что же заставляло его [прих<одить)] [волнов<аться>] напрашиваться на посещенье сановного гостя и волноваться с утра13 в день [пр<иезда>] торжественного обеда? [Неизвестно,] [реши] Это остаётся покрыто мраком неизвестности, как говаривал один мой знакомый стряпчий, когда его спрашивали, берёт ли он взятки с доброхотных дателей. Расставшись с хозяином, я начал расхаживать по комнатам. — Почти все гости были мне совершенно незнакомы: иные14 уже [уселись за] сидело за карточными столами, [и] 15 с важностью подбирали карты я боком вскидывали 16 глазами на подходивших. — В числе их17 было два полковника с благородными, но 88 <1 *нрзб.У* лицами, несколько штатских особ19 [в] и с20 усами, какие только бывают у людей сте-

пенных и благонамеренных21; пять или шесть уездных чиновников с22 брюшками, пухлыми23 ручками [и круглым] скромно-неподвижными ножками;

— ———————————

4 а. в мундирах и в партикулярных платьях б. в мундирах, в партикулярных платьях и [просто в казакинах] других, менее определительных одеждах

5 а. чувствовал волненье б. чувствовал некоторое волненье, [вооб<ще>] вовсе несоответствующее его независимому положению в свете и богатству. Но что прикажете делать! *в.* чувствовал некоторое волненье, вовсе несообразное с его независимым положением в свете и богатством

6 а. у него собралось б. у него собиралось *в.* принимал

7 Далее начато: Дом у него

8 а. выстроил б. увеличил

9 а. дом б. отцовские хоромы в„ дедовские хоромы

10 вообще — *зачеркнуто и восстановлено.*

11 а. уважением б. всеобщим уваженьем *в.* величайшим уваженьем

12 Вписано: [он давным]

13 а. с утра б. с самого утра

14 а. иные б. человек двадцать

15 Вписано: (эти б(дагонамеренны>е люди

16 а. боком вскидывали б. вскидывали сбоку

i1 а. их б. этих любителей преферанса

Вписано: а. несколько б. слегка

19 Вписано: а. в тесных высоких галстуках и б. средних лет в тесных высоких галстуках и

20 Вписано; висячими крашеными

21 а. степенных и благонамеренных б. решительных, но благонамеренных

22 Вписано: круглыми

25 а. пухлыми б. пухлыми бледными и потными *в.* пухлыми *ж* потными

— ———————

эти господа 24 улыбались на все стороны, держали карты 25 у самой манишки — и [не стукали] козырями по столу26 как прочие дворяне — а напротив волнообразно роняли карты на зеленое сукно <1 *нрзб Л* и складывали27 взятки [с] производили легкий [скрыл], [как бы желая извиниться], весьма учтивый и приличный скрып. — [На диванах] Прочие дворяне сидели на диванах, разговаривали кучками 28 в дверях и подле окон; один, уже немолодой, но по наружности своей совершенно женоподобный 29 помещик стоял в уголку30 и с замешательством

вертел31 [золотой] печаткою своих часов, хотя никто не [заме<чал>] обращал на него вниманья; [нек<оторые>] иные господа в круглых фраках [ро] и клетчатых панталонах работы московского портного, вечного цехового мастера Клюхина — рассуждали необыкновенно развязно и бойко32, молодой человек лет 20, белокурый33 с ног до головы одетый в черную, [но довольно] одежду34, [как] язвительно улыбался…35 в окно.

Ко мне присоседился36 некто [Ольхин] Войницын, недоучившийся студент, проживавший в доме А<лександр>а М<ихайлыч>а в качестве… мудрено сказать, в каком37 качестве. Он [отлично] стрелял отлично и умел дрессировать собак. — Я его знавал ещё в Москве. — Он принадлежал к числу [сту<дентов>] молодых людей, [одаренн<ых>] которые38 на всяком экзамене — играли «столбняка», т. е„ не отвечали ни слова на вопросы профессора39. Вот как это делалось. Вызывали напр<имер>: Вой- ницына! — Войницын, который до того времени сидел неподвижно40 на своей лавке41, обливаясь потом42 и медленно [поглядывая] [вращая] 43

— ————————————

24 Вписано: говорили мягким голосом, [мягко] кротко

25 а. карты *б.* свои игры

26 а. козырями по столу б. козыряя не стучали по столу

27 а. складывали б. складывая

28 а. разговаривали кучками б. кучками стояли

29 а. по наружности своей совершенно женоподобный б. женоподобный по наружности

30 Вписано: вздрагивал, краснел

31 Вписано: у себя на желудке

32 Вписано: а. свободно поворачивая жирными и голыми затылками б. свободно поворачивая своими жирными и голыми затылками;

33 а. белокурый б. подслеповатый и белокурый

34 Вписано: видимо робел, но

35 Вписано: правда: *далее зачеркнуто и восстановлено:* в окно

36 а. ко мне присоседился б. *Вписано над строкой:* ко мне [вдруг] присоседился в. Однако я начинал слегка скучать… как вдруг ко мне присоседился

37 Вписано: именно

38 Вписано: — бывало —

39*а*. профессора б. негодующего профессора *Далее вписано:* а. (Дела давно минувших дней, как изволите видеть) б. Этих господ [также], для

красоты слога, называли также бакенбардистами (Дела давно минувших дней, как изволите видеть)

4® а. сидел неподвижно б. неподвижно и прямо сидел

4J Вписано: а. [беспреста<нно>] б. с ног до головы

42 а. потом б. испариной

43 а. медленно [поглядывая] [вращая] б. медленно но бессмысленно поводя кругом

— ———————————

глазами — вставал, застёгивал 44 свой виц-мундир 45 — и пробирался 46 к [столу] экзаминаторскому столу. —Извольте взять билет, — говорил47 ему профессор. — Войницын протягивал руку, трепетно касался48 пальцами кучки билетов, [и]… — Да не извольте выбирать — [извольте вот 4S этот]замечал50 какой-нибудь постороннийи старичок, [имевший однакож голос и место] профессор из другого факультета, внезапно раскрыв глаза и подняв брови52. Войницын покорялся своей участи, брал билет53 и шёл садиться к окну, пока предшественник его отвечал на свой вопрос. — У окна Войницын не спускал глаз с билета, разве только для того, чтобы по-прежнему 54 посмотреть кругом — а вообще 55 не

шевелился ни одним членом. — [Вот однако предшественник)] Вот однако предшественник его кончил5®, говорят ему: хорошо, ступайте, или даже хорошо-с, очень хорошо-с, смотря по его способностям57 — вызывают Во<йницын>а. — В<ойницын> встает и твердым шагом приближается к столу. Прочтите билет е 58, говорит ему профессор голосом нисколько не одобрительным59. В<ойницын) читает60. — Ну [чтож вы]-с, извольте отвечать, [повт<оряет>] [не без] лениво произносит профессор, закидывает туловище назад и скрещиваетруки. Воцаряется гробовое молчанье. — Что же вы-с? — Войницын молчит63. — Да однако скажите же что-нибудь 64.~~ Молчит мой Войницын, точнов замер… Стриженый его затылок круто и неподвижно торчит на встречу [всем] 66 взорам 67. —

— ———————————

44 а. застёгивал 6. торопливо застёгивал
Вписано: до верху
40 Вписано: боком
47 а. говорил б. с приятностью говорил
48 а. касался б, проводил *в,* прикасался
Вписано: [хоть]
50 Вписано: дребезжащим голосом
51 Вписано: и раздражительный

ьг *а.* внезапно раскрыв глаза и подняв брови б. внезапно обиженный появлением его бледного лица е. внезапно возненавидевший несчастного бакенбардиста. *Второй вариант вписан над строкой, третий — на поле.*

53 Вписано: показывал номер

54 Вписано: медленно

55 а. вообще б. впрочем

5Ц Вписано: [ему]

57 а. его способностям *б.* его ответу *в.* его способностям *Далее вписано:* Вот

58 Вписано: сухо

59 а. говорит ему профессор голосом нисколько не одобрительным б. говорят

ему

60 д. читает б. медленно читает *в.* подносит к самым глазам *г.* подносит обеим® руками билет к самому своему носу — медленно читает и медленно опускает руки,

61 Вписано: тот же

62 Вписано: на груди

63 Вписано; а. Постороннего старичка дергает б. Постороннего старичка начинает дергать

64 а. что-нибудь б. что~нибудь~с

65 а. точно б. словом в. словно

68 а. [всем] б, любопытным

37 Вписано: всех товарищей *К этому месту на полях вписано: а* У постороннего старика глаза точно выскочить хотят б. У постороннего старнчка' глаза выскочить аз головы хотят.», Он ненавидит Войницына.

— ———————————

Однакоже это странно, — замечает другой [профессор] экзаминатор, — что же вы как немой стоите… Ну не знаете, что ли? так68 скажите. — Позвольте другой билет взять — глухо произносит несчастный. Профессора переглядываются. — Ну извольте, махнув рукой, отвечает главный экзаминатор. — В<ойницыи> снова берет билет, [по сторонам] снова идет к окну, снова возвращается к столу и снова молчит как убитый, — Посторонний старичок в состоянии съесть69 живого… Наконец его прогоняют и ставят [как] 70 ноль. — Ну вы думаете, теперь, он по крайней мере уйдет: как бы не так! Он возвращается на своё место [сидит до конца и] также неподвшкно сидит до конца78, а уходя восклицает: Ну баня! Экая задача! — И ходит он целый 72 день по Москве, изредка хватаясь73 за голову и горько проклинает свою бесталанную участь»., За книгу он разумеется, не берется — а [точно] на другой день 74 та же повторяется история. Вот этот-то

В<ойницын> и присоседился ко мне. Мы™ поговорили о [б] Москве, об охоте… Не хотите ли, шепнул он мне вдруг78, я вас познакомлю с первым здешним остряком?

Сделайте одолженье.

Войницын подвел меня к человеку, маленького роста77 в коричневом фраке [и] пестром галстухе. — Его жолчное подвижное лицо73 [оживленные черты], [оживленное парой чорных] действительно дышало умом и злостью. —Беглая беспокойная 79 улыбка [крив<ила>] беспрестанно кривила его губы, чорные (глазки] прищуренные глазки дерзко поглядывали из-под неровных ресниц. — Подле него стоял помещик [из числа], широкий, мягкий80, сладкий [из числа], настоящий — «Сахар Медович» — и кривой. Он заранее смеялся остротам маленького человечка и словно таял от удовольствии. Войницын представил меня острячку, которого звали [Разо] 8i, Мы познакомились и обменялись первыми приветствиями.

[А вот] позвольте [вам] [в мое] представить82 моего лучшего приятеля, заговорил83 [он] [сухим] резким голосом [после первых приветст

— ———————————

68 Вписано: так и
69 Вписано: его

70 Вписано: ему
71 Вписано: экзамена
72 Вписано: тот
73 Вписано: [обеими руками]
74 а. а на другой день б. и на другое утро
75 Вписано: с ним
76 Вписано: [глянув в сторону]
77 Вписано: с хохлом и усами
7Й а. жолчное подвижное лицо б. тонкие подвижные черты в. желчные подвижные черты
79 а. беспокойная б. едкая
80 Вписано: [надушенный]
81 а. [Разо] б. [Пари] *в.* [Ка] г. [Рус] *д.* [Вырубовым] *е.* [Следовым] *ж.* [Лат- ковым, Иль <ей>] *г.* Лапихиным Петром Петровичем
®*2 Вписано:* вам
83 Вписано: вдруг Л(апихин)

— ———————

вий] [Он] [И] схватил сладкого помещика за руку. —Да не упирайтесь же [Jlap] [<1 *нрзб.У]* 8\-прибавил он. —Вас не укусят. Вот-с, продолжал он между тем как смущенный Кирила Селифаныч 85 неловко раскланивался 86, рекомендую-с, — превосходный дворянин. [Был здо<ров>] Пользовался отличным здоровьем до 50-ти летнего возраста — да вдруг вздумал лечить себе глаза.

Вследствие чего окривел. С тех пор лечит своих крестьян. — С таковым же успехом…87

Ведь эдакой… пробормотал Кирила Селифаныч, и засмеялся. [Десять лет] 88 Договаривайте, друг мой! Эх, договаривайте!89 Ведь вас, чего доброго, в судьи могут избрать 9\- Ну за вас будут думать заседатели, положим; ну да ведь надобно ж[е] [при] на всякий случай хоть чужую- то мысль уметь выговорить. Неравно, заедет губернатор [Вам бы] спросит: отчего судья не говорит? 91 Ну положим, скажут: паралич приключился; — так пустите 92 ему, скажет, кровь. А оно в вашем положении,93 неприлично.

Сладкий помещик так и покатился.

Вишь, смеётся, продолжал Лупихин, злобно глядя на колыхающийся живот К<ирил>а С<елифаныч>а. —И отчего ему не смеяться — прибавил он, обращаясь ко мне. Сыт, здоров, детей нету — мужики не заложены — он же их лечит — жена с придурью (Кирила С<елифаныч> [сквозь смех покоробился] отвернулся 9\ будто не расслыхал [и] всё продолжал хохотать). —Смеюсь же я… а у меня [ни кола ни двора] жена с95 [обергиттенфервальтером] убежала [да это бы еще ничего] — Он оскалился. — А вы этого не знали? Как же, как же9в. [Вам, может быть, моя откровенность]

Вы удивляетесь? Вот, дескать, откровенный человек. И боже мой! Наш брат степняк так правду матку и режет… И письмо мне оставила: Любезный, дескать Петр Петрович, извини, увлеченная страстью, удаляюсь с другом моего сердца. А о<бер>г<иттен> ф<ерваль- тер> только тем и взял, что не стриг ногтей97. — Однако, отойдемте-ка в сторону… что нам подле будущего судьи стоять-то…

Он взял меня под руку и отвел меня к окну.

— Я слыву здесь за остряка, продолжал он98. Вы этому не верьте. Я просто озлобленный человек. [Оттого] и ругаюсь вслух; [говорю, что

— ———————————

84 а. [Лар] [<1 *нрзб.)] б.* [Лука Ку] *в.* Кирила Селифаныч

85 Вписано карандашом: так

86 Вписано карандашом: а. как будто у него живот отваливался б. как будто у него отваливался живот

87 Вписано: Ну а они [крестьяне] — разумеется, с таковою же преданности!©

88 а. [Десять лет] б. [Целых десять лет]

89 Вписано карандашом: подхватил Лупихин

90 Вписано: и изберут, посмотрите

91 а. не говорит б. заикается

92 и. пустите б. *вписано карандашом:* бросьте

93 Вписано: согласитесь сами

94 а. отвернулся б. немножко отвернулся в сторону

95 Вписано: [на]

96 Вписано: так-таки взяла, да убежала

97 Вписано: да панталоны носил в обтяжку

98 а. продолжал он б. сказал он мне в тече(ние) разговора

— ———————————

мне вздумается]. [Я отроду] Оттого [мне легко] я так и развязен. Что9® мне церемониться в самом деле? Я ничье мнение в грош не ставлю и ничего не добиваюсь. — [Приро<да>] Я зол по природе и по убеждению 10°; [и] ума не нужно. — А как оно освежительно, вы не поверите. Ну вот, напр<имер>, ну вот посмотрите на нашего хозяина — ну 101 чего- он бегает 102, [на ча<сы>] то и дело на часы смотрит 403, нас с голоду морит… Эка невидаль — сановное лицо! [Ну] Вот-вот, опять побежал* заковылял даже, посмотрите.

Лупихин высунул вслед язык и 104 засмеялся.

Одна беда: барынь нету105. Холостой обед… А то, вот где нашему брату любо106. — [А] Посмотрите, посмотрите107, идет кн<язь> Козельский…108 вот этот высокий мужчина, с бородой, в желтых

перчатках 109* Глуп, скажу я вам, как целая110 пара купеческих лошадей… а [как] изволили бы вы посмотреть, как снисходительно он с нашим братом заговаривает! Как великодушно изволит улыбаться на [остроты] любезности наших111 матушек и дочек112. И сам иногда острит, даром что проездом здесь живёт. Зато как острит…113 Он меня не любит И4. Пойду поклонюсь ему. — [Я]

И Лупихин побежал [князю] навстречу князю.

Вот 115 мой личный враг идёт — прибавил116 он вдруг*17. Видите этого толстого человека с желтым 118 лицом и щетиной на голове? [Вот, что] 119 что [подходит к] [хозяину] шапку сгрёб в руку, да к дверям 12<р пробирается и на все стороны озирается как волк? — Я ему продал за 200121 р. лошадь, которая стоила 1000… [Ну помилуйте] И это бессловесное существо имеет122 полное право презирать меня [теперь] [?]!

— ———————————

99 а. что б. И зачем

100 Вписано: злому человеку

101 Вписано: из

102 Вписано: [из чего он] помилуйте

103 Вписано: улыбается, потеет, важный вид принимает

104 а. высунул вслед язык и б. язвительно

105 Вписано: продолжал он с глубоким вздохом
106 а. любо б. пожива
107 Вписано: [заговорил] [продолжал он опять]
108 Вписано: [пр<одолжал>] загов<орил>]
— *Вписано:* [сейчас] Видно, что за границей побывал. И всегда так поздно* приезжает
— *а.* целая б. одна
111 а. наших б. наших голодных [и жадных]
112 Вписано: воскликнул он вдруг
113 Вписано: а. словно тупым ножом бечевку пилит б. ни дать ни взять тупы*» аожом бечевку пилит
114 а. не любит б. терпеть не может
115 а. Вот б. А! Вот, вот
118 а. прибавил б. промолвил
117 Вписано: вернувшись ко мне
118 а. желтым б. бурым
119 Вписано: вон
120 а. к дверям б. по стенке
421 а. за 200 б. за 400
122 Вписано: теперь
— ———————————

А между тем сам до того лишон способности соображенья, [что каждое утро] особенно утром до чая или тотчас после обеда, что ему скажешь: здравствуйте — а ом отвечает: чего-с?

[Вот] А вот генерал идёт, продолжал Лупихин, штатский генерал» отставке 123. У него [есть сад] дочь из свекловичного сахару и завод в золотухе… То бишь — я не так сказал… Ну да вы понимаете.™ [Вот землемер] А! и землемер [Крокусов] сюда попал! Немец — а с усами и дела своего не знает. — Удивительно! 124 А впрочем на что ему [дело] и знать своё дело-то..4 Лишь бы взятки брал…125 Лупихин опять захохотал.

Тревожное m волненье — распространилось по всему дому. [Сановник] [Карета] Сановник- [в виду] приехал. Хозяин [в сопровождении)] так и хлынул в переднюю. За ним устремилось несколько усердных 127 домочадцев и усердных гостей… Шумный разговор превратился в мягкий и приятный говор, подобный 128 жужжанью пчел в ульях 129 [на заре]. Одна 130 оса, Лупихин и великолепный трутень Козельский — не [смяг- чи<ли>] понизили голоса… И вот вошла наконец матка — [то есть я [хот<ел>] хотел сказать]: сановник вошел 431. Сердца понеслись к нему навстречу — головы наклонились… сидящие туловища приподнялись 13Я- помещик133, [обману<вший>] дешево купивший у Лупихина лошадь 434 — уткнул [себе] подбородок [себе] 135 в грудь. — Сановник (с достоинством] поддержал

свое достоинство совершенно130: покачивая головой назад, будто кланяясь, [и улыбаясь] [произнес] 137 несколько [слов] одобрительных слов, из которых каждое начиналось буквою а, [весьма] 138 произнесенной139 в нос… с негодованьем, доходящим до голода, посмотрел на бороду кн<язя> Козельского и дал 140 разоренному 1генера<лу>] штатскому генералу с заводом и дочерью — указательный палец левой руки. —Через [четверть <1 *нрзб.У]* несколько минут, в теченье которых сановник успел заметить два раза что он очень рад, что не опоздал к обеду — всё общество отправилось в столовую, тузами

— ———————————

525 Вписано: а. да греческие портики лепить б. да колонн побольше ставил для ваших столбовых дворян

т а. Тревожное б. Но вдруг тревожное

т а. усердных б. приверженных

i2ft Вписано: весеннему

129 а. в ульях б. в родимых ульях i3° а. Одна б. Но одна неугомонная

13* а. сановник вошел б. вошел сановник

112 а. головы наклонились… сидящие туловища приподнялись б. сидящие туловища приподнялись, головы наклонились ш а. помещик б. даже

помещик

1134 Вписано: даже он

135 а. подбородок [себе] б. себе подбородок

ий а. совершенно б. как нельзя лучше ш с. [произнес] б. он выговорил

т а. (весьма] б. [(1 *нрзб.)}*

ш Вписано: протяжно и

140 а. дал б. подал

— ———————

вперёд. — Нужно ли рассказывать читателю, как посадили сановника на первое место между 141 уезднымU2 предводителем, человеком с свободным 143 выраженьем лица [и жилете], совершенно соответствовавшим его [чистому белью] 144 [и] необъятному жилету145 — как хозяин хлопотал [бегал] 146 около стола, потчевал гостей U7, [на бегу] мимоходом улыбался спине сановника и [на лету перехватывал], стоя в углу, как школьник 148 перехватывал [ложку] 149 кусок говядины [и] [ложку и] тарелочку супу 15°, как дворецкий151, суровые на вид 452, приставали к каждому дворянину то с малагой то с дреймадерой — и как почти все- дворяне, особенно пожилые, словно нехотя покоряясь |св<оей><?>] чувству долга, выпивали рюмку за рюмкой…153 Всё это вероятно слишком известно читателю.154

— Особенно замечательным показался мне один анекдот, рассказанный самим сановником средь всеобщего, радостного молчанья*- Кто-то, кажется разоренный генерал, человек, ознакомленный с новейшей словесностью — упомянул о влиянь женщин вообще, на молодых людей в особенности..Да, да, подхватил сановник, да, это правда. Но молодых людей должно в строгом повиновении держать, а то они — пожалуй! от всякой юбки [так и заго] с ума сойдут5155» (Улыбка 156 промчалась по лицам всех гостей… у одного помещика 157 благодарность [даже] показалась45? во взоре) 459 Вот у меня напр<имер> н сын Иван, прод<олжал> сановник 3ei. — 20-й год 462 дураку пошел, а он

— ———————

141 Вписано: штатским генералом

142 а, уездным, б. губернским

143 Вписано карандашом: и достойным

544 а. [чистому белью] б. накрахмаленной манишке

143 Вписано: и круглой табакерке с фран(цузским) табаком

146 бегал — *зачеркн у то и восстановлено, далее вписано;* суетился [шага<л> <?)|

147 д. гостей б. дворян *в.* <1 *нрзб.*> *г.* гостей

148 Вписано: наскоро

14Э Вписано: или

**50 а.* кусок говядмны [и] тарелочку супу б. тарелочку супу [и] кусок говядины *Вписано: а.* как дворецкий подал рыбу в поларшина длины *ж* с букетом во рту б. полтора аршина00

951 *а.* дворецкий б. камердинеры *в.* слуги в ливреях

152 Вписано: угрюмо

153 Вписано: а. как наконец захлопали [ш] бутылки шампанского и провозглашались заздравные тосты б. как наконец захлопали бутылки шампанского и начали провозглашаться заздравные тосты

154 Вписано: Но:

155 а. сойдут б. сходят

13® а. Улыбка б. Весёлая улыбка в. Детски веселая улыбка

157 Вписано; даже

158 а. показалась б. заиграла

159 Вписано: Ибо молодые люди глупы *Приписано на полях: а.* [сверх того] сановник изменяя [принятые] ради важности принятые ударенья — [говоря нпр<и- мер): вместо ибо- ибо] во [многих словах] [изменял общепринятые) | ударенья б. сановник вероятно ради важности [<1 *нрзб.)]* изменял общепринятые ударенья во многих [<1

нрзб.}] случаях *в.* сановник вероятно ради важности часто изменял общепринятые ударенья слов

160 а. у меня напр<имер> б. хоть бы мой

461 а. сановник б. он

Вписано: всего

— ———————————

вдруг мне говорит: позвольте батюшка, жениться. Я ему говорю: дурак, послужи сперва. — [Он сначала] он 463 отчаянье, [как пр<?>] слезы… да164 [я на своем насто<ял>] у меня… того… Слово того генерал165 произнес более животом, чем другою частью тела166, помолчал и467 [поглядел на свои] величаво взглянул на своего соседа генерала, гораздо более притом подняв брови 168, чем бы следовало ожидать. — Генерал 169 наклонил голову170 [в знак согласья] 171 И что ж… заговорил сановник опять, — теперь [мне] он мне сам пишет, что спасибо дескать, батюшка, что дурака научил. — Так вот как172 Все гости, разумеетсm вполне согласились с рассказчиком…174 После обеда [и кофея] 175 общество [с громом] поднялось и двинулось в гостиную с большим, но все таки 176 приличным и словно на этот случай разрешенным шумом….

Сели за карты.

К обеду.

Кое-как дождался я вечера177 — и [поручив] моему человеку178 [разбудить меня] 179 на другой день в 5 часов утра и отправился на покой. Но мне предстояло еще в тече<ние> того же самого дня познакомиться) 180 с 181 весьма [любоп<ытным)] 482 человеком. Вследствие множ<ества) наехавш(их) гостей, никто не спал в одиночку. — В небольшой,183 сыроватой комнате, куда [ме<ня>] привел меня дворецкий N-а N.N.184 — [я] уже [нашёл] находился другой дворянин, совершенно раздетый, [в колпаке…] Увидев меня, он проворно нырнул под одеяло, закрылся им до самого носа [и], повозился немного185 и притих, зорко [и побо<?)] [бо] выглядывая186 из-под187 каймы своего

— ———————————

163 а. он б. Ну

164 а. да б. но

165 а. генерал б. сановник

166 а. другою частью тела б. какою другою частью тела *в.* губами

— *Вписано: а.* неожиданно б. [вдруг]

168 а. гораздо более притом подняв б. причем подняв брови гораздо более

169 Вписано: приятно

171 а. согласья б. [уваженья]

172 Вписано: надо поступать
173 Вписано: [тотчас]
174 Вписано: и как будто оживились от полученного удовольствия и наставленья
175 Вписано: всё
178 а. все таки б. все же
177 а. вечера б. ночи *в.* вечера
178 а. человеку б. кучеру
т Вписано: [велел] заложить мою коляску
!80 Вписано: кроме Лупихина
181 Вписано: другим
182*а.* [любо<пытным>] б. [неб] *в.* замеч(ательным)
183 Вписано: зеленоватой и
184а. N-aN.N. б. Ал(ександр)а М(ихайлыч)а
185 Вписано: на рыхлом пуховике
— *Вписано*: [и <1 *нрзб.)* моргая]
187 Вписано: круглой
— ———————————

бумажного колпака. Я подошел к друг<ой> кровати (их всего было две в комнате) — [и начал раздеваться] разделся и лёг в сырые простыни. — Мой сосед заворочался на своей постели… Я ему пожелал доброй ночи, Прошло полчаса. — [Сон не только не] Несмотря на все мои старанья, я никак не мог заснуть… бесконечная вереница

[ненужных и] [мыслей упорно и лени<во>] тянулись друг за другом ненужные и неясные мысли, упорно и лениво188 словно вёдра водоподъёмной машины. Кривойim помещик, лечивший от слепоты своих людей 190 [<1 *нрзб.У],* не давал 491 мне покоя…

А вы, кажется, не спите? — проговорил мой сосед.

Как видите [не сп <лю>] 192 Да и вам не спится.

Мне никогда не спится. Как же так? —

Да так. Я засыпаю, чорт знает отчего. Лежу, лежу да и засну, {А спать никогда]

Зачем же вы ложитесь1вз, [коли вам пока] прежде чем вам спать захочется?

А что же прикажете делать?

— Я не отвечал на вопрос моего соседа. [Он помолчал].

Удивляюсь я, — продолжал он после недолгого194 молчанья, отчего здесь блох нету? Кажется, где б им и быть?

[А что ж] Вы 195 о них сожалеете, [спр<осил>]

Нет, не сожалею; — но я люблю последовательность во всём i9e.

Вот как, подумал я, какие слова употребляет!

Сосед опять помолчал.

Хотите со мной об заклад побиться? Заговорил

он вдруг [и] довольно громко.

— Об чем?.. Меня 497 начинал забавлять. Гм… Об чем?.. А вот о чем: я уверен, что вы меня принимаете за дурака…

— Помилуйте -пробормотал я с изумленьем.

За степняка, за невежу… Сознайтесь. — Я вас не имею удовольствия знать, возразил я. — Почему вы |ду<маете>] могли заключить…

Да я по звуку 198 вашего голоса [я] [заметьте] [за] Вы так неохотно, так небрежно мне отвечаете… А я совсем не то, что вы думаете…

— ———————————

— *а.* лениво б. однообразно

— а. Кривой б. [И] Сладкий Кривой

— *а.* от слепоты своих людей б. своих людей от слепоты

— *а.* не давал б. особенно не давал

— *Вписано:* отвечал я *195 Вписано:* в постель

194 а. недолгого б. небольшого *1,5 Вписано:* словно

198 а. люблю последовательность во всём б. во всём люблю последовательность

197 Вписано: мой сосед

198 а. Да я по звуку б. Почему… да по одному звуку

— ———————————

Позвольте…

Нет, вы позвольте. Во-первых, я говорю по-французски как вы 49% а по-немецки200 лучше [вас] 2,0\ во-вторых — я три года был 202 за границей, в20а Берлине прожил год 20\ я [там] Гегеля изучал 205, знаю Гёте наизусть206, я [влюбился] 207 в дочь [ве<мецкого>] германского профессора [и] а женился на русской [барышне] чахоточной барышне 808 [с которой состоял в переписке…] Стало быть, я вашего поля ягода; я не помещик и не степняк, как вы полагаете; извините — я тоже заеден «рефлексией» — ж непосредственного нет во мне ничего! Прошу не прогневаться..,

Я [с удивлением! поднял голову и [пристал<нее>] с удвоенным вниманием посмотрел на чудака. При тусклом свете ночника я [с<трудом)] едва мог различить его черты.

Вот вы теперь смотрите на меня, продолжал он, поправив свой колпак, и вероятно самих себя спрашиваете: как же *я* его209 [его] не заметил 210 сегодня вечером? Я вам скажу, отчего вы меня не заметили: оттого что я не возвышаю голоса 2i\ прячусь за других, стою за дверями, [оттого] т не разговариваю с девицами, оттого что дворецкий с подносом, проходя мимо меня, заранее [упирает меня] направляет2i3 свой локоть в уровень

моей груди... А отчего всё [это] происходит? От двух причин: во первых, я беден; во-вторых, я смирился. —Сказг"^ правду — ведь вы меня не заметили?

Я действительно, не имел удовольствия... Ну да, ну да, перебил он меня — я это знал. Он приподнялся и скрестил руки. —Тень214 его колпака перегнулась со стены на потолок, — [Послушайте] 215,~ прибавил оимв, взглянув на меня сбоку: |признайтесь — вы меня считаете]. Я должен вам казаться большим чудаком, как говорится, оригиналом — или может быть, пожалуй, ещё чем- нибудь похуже: может быть вы думаете, что я прикидываюсь оригиналом 217?

— ———————————

199 а. как вы б. не хуже нас

200 Вписано: даже

1Qi Вписано: [по английски понимаю]

201 а, был б. провел *2,53 Вписано:* одном

204 а. год б. восемь месяцев

205 Вписано: МЧилостивый) г(осударь)

205 Вписано: сверх того

201 Вписано: а. [выбрал (?) по] б. [наконец] *в.* долго был влюблен

208 Вписано: [несколько] лысой, но весьма замечательной личности

809 а. я его б. это я
210 Вписано: его
211 Вписано: оттого что я
212 Вписано: нн с кем
?л5 а. направляет б. возвышает
214 е. Тень б. Длинная тень
2,5 Вписано: А признайтесь-ка
Вписано: вдруг
217 а. оригиналом б. чудаком
— ———————————

Я вам опять-таки должен повторить, что я вас не знаю.

Он на мгновенье потупился. — Почему я с вами218 так219 разговорился, — да ещё ночью. Господь-господь один ведает.220 — Не вследствие* же родства наших душ!.. И вы и я — мы оба порядочные люди, т. е.: эгоисты. Ни вам до меня ни мне до вас нет ни малейшего дела 22\ Но нам обоим не спится- отчего же не поболтать? Я же в ударе. А это- со мною редко случается. — Я, видите ли, робок 222 — [ш] не в ту силу, что я провинциал, помещик223, бедный 224, а в ту силу, что я страшно самолюбивый человек. Но иногда, под влиянием благоприятных обстоятельств [или] случайностей, которых я впрочем ни определить ни предвидеть не в состоянии — робость моя

исчезает совершенно: вот теперь напр<имер>: да 225 поставьте меня лицом к лицу с Далай-Ламой,. я у него попрошу табачок 226 понюхать. — Или может быть, вам спать* хочется?

Напротив 22Т7 возразил я, — мне очень приятно с вами разговаривать.

Т. е.: я вас потешаю, вы хотите сказать. Тем лучше. И так-с, доложу вам, меня здесь величают оригиналом — т. е.: величают те, которымгш [нечего] [другого] между прочей дребеденью придёт и моё имя на язык. — «Моей судьбою очень никто не озабочен». — Они думают уязвить меня… О несчастные!.. 220 Если б они знали… Да я именно и гибну оттого, что во мне решительно нет ничего оригинального… ничего, кроме •таких выходок, как напр<имер> мой 230 разговор с вами… да ведь231 эти выходки гроша медного не стоят. — Это самый дешёвый и самый низменный род оригинальности.

Он повернулся ко мне лицом и взмахнул руками:

М<илостивый> г<осударь>! — Я того мненья, что вообще — одним •оригиналам житье232 -они одни имеют право жить. Mon verre n'esfc- pas grand, mias je bois dans mon verre — сказал кто-то. (Видите ли, прибавил он вполголоса, как я чисто

выговариваю французский язык)... Что мне в том, что у тебя и голова велика 231 что понимаешь ты [много] всё,

— ———————————

218 Вписано: а. с "человеком мне [во»<се>] незнакомым б. с вовсе незнакомым мне- человеком

249 Вписано: неожиданно

220 Вписано: Он вздохнул.

22S Вписано: не так ли?

122 Вписано: и робок

223 а. помещик б. невиновный

224 а. бедный б. бедняк г25 да — *зачеркнуто и восстановлено*

228 а. попрошу табачок б. табачку попрошу

227 Вписано, — поспешил

228 Вписано: случайным образом

223 а. О несчастные!., б, О боже мой!..

230 Вписано: теперешний а. да ведь б. но ведь,

Вписано: а. в а свете б. на земле

2Я8 Вписано: ж уместительна и

— ———————————

много знаешь 234 — да твоего 235-то 236 в [ней] ничего нету? Какая выгода 23' [Кому выгода от такого] складочного 238 места 239 общих [умных] мест 240 Какая 241 кому от этого выгода 24z. Нет,

ты будь хоть глуп — да по своему! Запах свой имей, [вот] собственный 243 — вот что 244! [И] таких оригиналов пропасть… Да я-то в их число не попал. И не думайте, чтобы [я] требования мои насчёт этого запаха были велики… Сохрани бог! Куда ни погляди — оригинал… всякий живой человек 245 оригинал…

— А между тем, продолжал он после небольшого молчанья — в молодости моей какие возбуждал я ожиданья!.. Какого высокого мненья 246 [о] питал я сам247 о своей особе перед отъездом за границей — да и в первое время после возвращенья! Ну за границей я [как водится] держал ухо востро; [да] всё особнячком пробирался 248?

Оригинал… оригинал…249 Зовут меня оригиналом… А на деле — то оказывается, что нет на свете человека менее оригинального вашего покорного слуги 25°. Я должно быть и родился-то в подражанье другому. — Ей богу, [право.] Живу я 251 — словно в подражанье разным изученным мною 252 сочинителям; в поте лица 253 живу 254, учился, влюблялся, женился 255 наконец словно не по собственной охоте, [а исполняя] словно исполняя какой-то, не то долг, не то урок… чорт25е это 257 разберет! —

Он сорвал колпак с головы долой и бросил его

на постель.

— ———————————

254 Вписано: за веком следишь

235 а. твоего б. своего

286 Вписано: особенного, собственного у тебя

237 а. Какая выгода б. велика важность, что *в.* [и что же]

238 а. складочного б. [Ещё] одним складочным *в.* одним складочным

239 а. места б. местом [<2 *нрзб.)]*

240 Вписано: [и что твой] на свете больше…

241 а. какая б. Да какое

242 а. выгода *б.* удовольствие

243 Вписано: свой запах

244 Следующие затем фразы переставлены: И не думайте, чтобы [я] требования мои насчет этого запаха были велики… Сохрани бог! [И] Таких оригиналов пропасть… Куда ни погляди — оригинал… всякий живой человек оригинал… да я то ъ их число не попал…

245 Вписано: [помещик]

246 а. какого высокого мненья б. какое высокое мненье

247 а. питал я сам б. я сам питал

248 Вписано: как оно и следует русскому, который всё смекает себе, смекает — а под конец

смотришь, ни чорта не смекнул

249 Вписано: а. подхватил он с [жаром], качая головой б. подхватил он с укоризной, качая головой

250 а. вашего покорного слуги б. чем ваш покорный слуга

251 Вписано: тоже

252 а. изученным мною б. мною изученным

251 Вписано: батюшка

254 живу — *зачеркнуто и восстановлено. Вписано:* а из чего?

255 *а.* учился, влюблялся, женился б. и учйлся-то я, и влюбился, и женился

258 а. чорт б. кто

257 а. это б. его

— ———————————

Хотите, я вам расскажу жизнь мою, спросил он меня 258 [унылым 259 голосом] — или лучше несколько черт из моей жизни?.. Сделайте одолженье.

Или нет… расскажу-ка я вам лучше, как я женился. Ведь женить» ба — дело важное, пробный камень всего человека; в ней 260 как вги [таи] [фокусе сосредоточиваются] 262… [а] 263 это сравненье уж слишком избито. Позвольте я понюхаю табаку. Он достал из-под подушки табакерку —

раскрыл её — и [заговорил опять] 264, размахивая раскрытой табакеркой.

Вы войдите в мое положенье… посудите сами — какую ну какую, скажите на милость, какую пользу мог я извлечь из энциклопедии Гегеля! [Каким образом] Что общего 265 между этой энциклопедией и русской жизнью? Как 266 прикажете применить её к нашему быту, да не её одну,267 [немецкую] вообще немецкую науку 268?

Он подпрыгнул на постели и заговорил 269 вполголоса 270, стиснув зубы: [и при<том>] [словно обращаясь]

А! — вот как, вот как. Так зачем же ты [за] таскался за границу? Зачем не сидел дома да не изучал русской жизни27і на месте?..272 Да помилуйте, продолжал он 273 переменив голос 27\ словно [робея] оправдываясь и робея — где же нашему брату изучать то, чего ещё никто 275 в книгу не внес 276? Я бы и рад был брать у ней уроки, у русской жизни-то — да молчит она 277 голубушка… Пойми меня, дескать — так. — А мне это не под силу, мне вы книгу подайте, вывод, заключение мне представьте. — [А она молчит…] [А заговорит] 278 [Иной и ведет] Вот [наше] 279 заключение: послушай [те] -ка наших

московских…

— ———————————

258 Вписано: [ид^* j

259 а. унылым б. отрывистым

260 Вписано: [та<к>]

262 а. в [фокусе сосредоточиваются] б. в зеркале отражается

263 а. [а] б. да

204 а. [заговорил опять] б. [продолжил свои рассужденья] *в.* заговорил опять

2в5 Вписано: скажите

266 а. Как б. И как

267 Вписано: а. [на] б. [зн] *в.* энциклопедию, а

268 а. науку б. философию — скажу более — науку

269 а. заговорил б. забормотал

270 Вписано: а. [с бешенством] б. злобно

274 Вписано: её потребностей

272 Вписано: а. ты бы и потребности её узна!л, и будущность, и свое [бы назначенье тоже кстати] б. ты бы и потребности её узнал, и будущность и насчет своего так сказать призвания тоже в ясность бы пришел

273 Вписано: опять

274 Вписано: а. [н <?>] б. [ни <?>]

275 а, никто б. ни один умница

27в а. внёс б. вписал
277 Вписано: моя
278 Вписано: Заключенье?
279 Вписано: тебе говорят мне

— ———————————

что? [не] соловьи, что ли? Да в том-то и беда, что они курскими соловьями свищут -а не по-людскому говорят, — [А28® вот и побежит<?> подумал] Вот я и подумал подумал — ведь наука-то кажись везде одна, и истина одна — [да и махнул] взял да и [мах<нул>] пустился, с богомг к нехристям… Что прикажете? Молодость, гордость обуяла! — [Да притом] Не хотелось, знаете, до времени заплыть жиром28ft… да притом кому282 природа не дала мяса, — [хлопчатой бумагой его не заменить!..! не видать [тебе на себе и жира] тому у себя на теле и (жира!

Однако, прибавил он. подумав немного, я, кажется, обещал вам рассказать, каким образом я женился. — Слушайте же. — Во-первых, доложу вам, что жены моей уже более на свете не имеется. — [к обоюдному нашему удовольствию] во-вторых… а во-вторых — я вижу, что мне придётся рассказать вам мою молодость — а то вы ничего не поймёте. Ведь вам не хочется спать?

Нет, не хочется. И прекрасное Вы послушайте

283.~ вот в соседней комнате помещик 284 Кантагрюхин храпит: как неблагородно! — Родился я от бедных 285 родителей — говорю родителей, потому что по преданию286 был у меня и отец. Я его не помню; сказывают, глупый был человек* с большим носом 287, рыжий и в одну ноздрю табак нюхал; в спальне у матушки висел его портрет в [каком-то] красном мундире с черным воротником по уши, [и] чрезвычайно безобразный. Мимо его, [помнится] — меня288 сечь водили и матушка мне на него в таких случаях289 показывала 290, приговаривая: он бы ещё тебя не так. — Можете представить, как это мне было приятно291. — У меня ни брата292 не было ни сестры — т. е.: по правде сказать, был какой-то братишка завалящий, с Английской болезнью на затылке да293 скоро [больно] умер. — И зачем кажись, Английской болезни забраться в Щигровский уезд Курской губернии 294? Но дело не в том. — Воспитанием моим занималась матушка, со всем стремительным рвением степной помещицы [и таким обра

— ———————————

а. А. б. Ну
281 Вписано: хоть оно, говорят и здорово
282 а. кому б. коли тебе *в.* кому

265 послушайте б. послушайте-ка

284 Вписано: [Коросак <?>]

285 а. бедных б. довольно бедных *в.* небогатых

286 Вписано: кроме матери

287 Вписано: и веснушками

288 Вписано: бывало

289 Вписано: всегда

2901 я. мне на него в таких случаях всегда показывала б. мне в таких случаях всегда на него показывала

291 а. мне было приятно б. меня ужасало *в.* меня поощряло а. У меня ни брата б. Ни брата у меня

29Л Вписано: что-то

296 а, в Щигровский уезд Курской губернии б. Курской губернии в Щигровский уезд

— ———————————

зом я воспитывался 295 до 18 лет] 296 с297 великолепного дня моего рождения- до [16 лет] тех пор, пока мне стукнуло 16 лет293; свезла, меня в Москву, записала в университет, да ж отдала всемогущему свою душу, оставив мне29 на руки родному дяде моему, стряпчему Колту- ну-Бабуре, птице не одному нашему 3190 уезду 301 известной. Родной дядя мой, стряпчий Колтун-Вабура, ограбил меня, как водится — начисто — но дело опять-таки не в том. [Не стану я вам рассказы-

вать моего детства: учился я порядочно], [лениво мечтал] [предаваясь ленивой мечтательности]. В университет вступил я, должно отдать справедливость моей родительнице, довольно хорошо приготовленныйзог. Но недостаток оригинальности уже тогда во мне замечался. — [Но] Детство мое нисколько не отличалось от детства множества других молод<ых> дворян; я также 303 [твердил стихи наизусть] 30\ также рано начал [ки<снуть>] твердить стихи наизусть и киснуть, под предлогом мечтательности305 наклонности к чему бишь ну к чему-то ни было…306 В университете я не пошёл другой дорогой. [Тогда вре<мена>] Я [так и бултыхнулся в саму<ю>] тотчас попал в кружок. — Тогда времена были другие… Вы не знаете 307, что такое кружок? Шиллер 308 сказал где-то G<efahrlich> i<st*s> d<en> L<eu> z<u> w<ecken> U<nd> s<chrecklich> i<st> d<es> T<igers> Z<ahn> D<och> d<as> s<chrecklicstte> d<er> S<chrecken> — D<as> Kst> d<er> M<ensch> i<n> s<einem> W<ahn>. Он хотел сказать 309; Das ist em «кружок» in der Stadt Moskau.

Да что же вы находите ужасного в кружке? —

Мой сосед схватил свой колпак и надвинул его себе на нос. Что я нахожу ужасного? 310 А вот что: кружок — да это гибель всякого самобытно-

го развития; кружок — это безобразная замена общества,

— ———————————

295 а. [и таким образом я воспитывался] б. [и таким образом она меня воспитывала]

296 Вписано: занималась она им

297 Вписано: самого

298 Вписано: и я стал отроковицей то бишь отроком. —[Увид(ав)] [Тут матушка почувствовала]

Вы следите за ходом моего рассказа?

Как же, продолжайте.

Ну, хорошо. Вот как стукнуло мне 16 лет, матушка моя нимало не медля взяла да прогнала моего гувернёра немца Филипбвича из нежинских греков; ни мало не медля — *вписано.*

2931 а. мне б. меня

300 а. нашему б. Щигровскому

301 Вписано: слишком

302 а. приготовленный б. подготовленный

303 Вписано: а. глупо [рос] б, глупо и вяло рос, словно под периной

304 а. наизусть б, назубок (?)

305 а. мечтательности б. мечтательной

306 *а.* ну к чему-то ни было… б. да к прекрасному!.. *Вписано другими чернилами:* и прочая

307 а. Вы не знаете б. Но вы, может быть, не

знаете

308 а. Шиллер б. Помнится Шиллер

309 д. Он хотел сказать б. Он уверяю вас хотел сказать в. Он уверяю вас он хотел ее то сказать он хотел сказать

310 Вписано: вскрикнул он

— ———————————

женщины, жизнизи, кружок312 к ленивому и болтливому житью3iS вместе и рядом314 придается315 значение316 разумного дела317 кружок 3,8 приучает31Ф к 320 болтовне, [лишает] отучает321 [вас] от уединённой единственно полезной 322 работы32а, [с каждого] [самой] лишает вас 324 свежести и девственной крепости души325, кружок — да это пошлость и скука под предлогом 326 братства и дружбы 327 — сцеп- ленье недоразумений 328 — притязаний32ф; [кружок да это всё мелочное <само<любие>] 330 благодаря праву каждого соучастника331 [запускать] во всякое время и всякий час запускать свои неумытые пальцы [во всякое место] 332 душу [в кружке ты] своему приятелю 333 — [у каждого] ни у кого нет чистого, нетронутого места на душе; в кружке — поклоняются пустому краснобаю, [невинно уверенному в собственном 334 глубоком) знаньи] невинному 335 умнику, [старцу] довременному

старцу336, носят на руках стихотворца, [перелагающего)], бездарного 337, [перелагающего избитые мысли на] В кружке — молодые малые 17-ти летние хитро и мудрёно говорят о женщинах и любви — а перед 338 женщиной 339 [либо] молчат, [либо] или говорят с ней 340 словно с книгой — да 341 [из книги…] в кружке — процветает славянский жар…343 красноречье… в кружке — [каждый] наблюдает друг за другом,

— ———————————

11 Вписано:* кружок… о да постойте я вам скажу, что такое кружок

312 Вписано: это

313 а. к ленивому и болтливому житью б. ленивое, [пошлое] вялое житье

314 Вписано: которому

315 а, придается б. придают

316 Вписано: и вид

317 Вписано: [кружок — это уровень, хуже уровня гильотины]

318 Вписано: кружок заменяет разговор монологом рассуждениями

319 Вписано: вас

320 Вписано: бесплодной

32J а. отучает б. отвлекает

322 а. единственно полезной б. благодатной

323 Вписано: прививает вам литературную чесотку,

324 а. вас б. душу *в.* вас наконец

525 души — зачеркнуто и восстановлено

326 а. предлогом б. именами

327 Вписано: [эт<о>]

мв Вписано: [и]

329 Вписано: под предлогом откровенности и участия

330 Вписано: В кружке

331 а. соучастника б. приятеля

332 а. [во всякое место] б. прямо в

533 а. приятелю б. товарищу

334 Вписано: [софи]

335 ас невинному б. самолюбивому

336*а*. старцу б. старику *Вписано: а.* [в кружке] б. в кружке

33? Вписано: но с затаенными мыслями

536 перед — *зачеркнуто и восстановлено*

339 а. женщиной б. женщинам

340 а. с ней б. с ними

544 Вписано: о чем говорят!

а. славянский б. словенский

343 Вписано: хитростное

— ———————

не хуже полицейского чиновника 344 [в круж-

ке] О кружок? да это345 заколдованный круг — [из<?>] которого 346 погибло не одно 347 [дарование)] 348 порядочный человек!

[Вы] Ну это вы преувеличиваете, позвольте вам заметить… перервал я его.

Мой сосед[пос<мотрел>] молча посмотрел на меня.

Может быть… Чорт 349 меня знает. Может быть. — Да ведь нашему брату только одно удовольствие и осталось: преувеличивать. — Вот-с таким-то образом прожил я целых четыре года в Москве. Не в состояньи я описать вам, м<илостивый> г<осударь>, как скоро, как страшно скоро прошло это время; даже грустно и досадно вспомнить. — С утра бывало 350 словно с горы на салазках покатишься — смотришь уж примчался к концу [дня]; смотришь351 уж и вечер; [надеваешь] [и слуга] 352 заспанный крепостной человек напялит 353 на тебя сюртук — и пойдешь 354 к приятелю 355 — трубку курить, пить жидкий чай стаканами да толковать о немецкой философии 356 — и прочих отдаленных предметах. — Но и тут встречал я оригинальных, самобытных людей; иной, как себя ни ломал, как ни гнул себя в дугу, — а всё природа брала своё; [а я] один я, несчастный, лепил самого себя словно мягкий

воск [или 357 другим давал 358 лепить]; подлая 359 моя природа не малейшего сопротивления не оказывала 360, [шельма!] Между тем мне стукнуло двадцать один год. Я вступил во владенье своим361 [именьем] — [подумал, подумал] дал доверенность на управленье всеми моими вотчинами вольноотпущенному дворовому 362 Василию [Ку] Карнкину 363 — и уехал за границу, в Берлин. — За границей провёл я, как я уже имел удовольствие вам донести! — три года. И чтож? И там, и за границей 304

— ———————————

344 а. полицейского чиновника б. полицейских чиновников

345 а. да это б. ты не кружок, ты

346 а. [из <?>] которого б. в котором

347 а. погибло не одно б. погиб не один

348 Вписано: [и не одно даро(вание)]

349 а. Чорт б. Господь

350 а. С утра бывало б. Встанешь бывало по-утру и

352 Вписано: вот уж

353 а. напялит б. напяливает

354 а. пойдешь б. поплетешься

355 Вписано: и давай

356 Вписано: любви, боге

357 а. или б. fане то]

358 Вписано: себя

359 а. подлая б. и гнусная

360 а. сопротивления не оказывала б. не оказывала сопротивления

361 Вписано: а. наследством, или правильнее, [тем остатком] наследства б. наследством, или правильнее, тою частью своего наследства, которую мой опекун заблагорассудил мне оставить *в.* наследством, или правильнее, тою частью своего наследства, которую заблагорассудил мой опекун мне оставить

362 Вписано: человеку

363 а. Карнкину б. Кудряшову

364 а. за границей б. на Западе, как говорят *в.* за границей

— ———————————

я [не изменился] остался тем же человеком 365. Во-первых, нечего и [замеч] говорить, что в сущности немцев 38(3 [герма<нского>] немецкого) 3<iТ быта я не узнал ни на волос 368, [я] читал немецкие книги на36У месте370 [где они были отпечатаны], вот371 вся разница. Жизнь вёл я уединенную, словно монах какой, снюхивался с {разными] отставными русскими поручиками, удрученными жаждой знанья, [тугими] впрочем

весьма 372 тугими [на] 373 м не одаренными даром слова; 374 таскался по кофейным, читал журналы, по вечерам ходил в театр… с туземцами виделсяJ7Й' мало37в, исключая двух или: трёх 377 молодчиков еврейского происхождения), которые то и дело забегали ко мне да занимали у меня деньги. — благо, der Russe глуп37S. Странною игрою случая3,9 попал я 380 однако381 в дом [профессора] одного из моих профессоров; а именно вот как: [я] пришёл к нему [в дом] записаться на курс-а он меня возьми да и пригласи к себе на вечер. — [Я пошел <?>] 3S2 У этого профессора были две дочери лет 25-и коренастые такие бог с ними, носы такие славные383, кудри в завитках и глаза бледно-голубые 38\ Одну звали Минхен, другую Линхен. Я ходил к385 профессору, [ходил] 380 вдруг мне показалось, что я влюбился в Линхен. Надобно вам сказать, что этот профессор был — не то что глуп — а словно ушибен, носил кафтан серый предлинный387 и очки 388 на лбу держал 389; ученейший был человек. [Я признаться, говорил с ней]

— ———————————

365 д. человеком б. неоригинальным существом

366 а. в сущности немцев б. собственно Европы

367 а. немецк<ого> б. европейского

3й8 Вписано; я слуиГал немецких профессоров [на месте]

369 Вписано: самом

370 Вписано: преступленья

371 Вписано: в тем *ш* состояла

372 а. впрочем весьма б. весьма впрочем

373 Вписано: а. [ма <1 *нрзб.)] б.* еа ухо

374 Вписано: а. якшался с набожными семействами из Пензы *ж* других хлебородных губерний б. якшался с [<1 *нрзб.)]* тупоумными*»губерний

375 а. виделся б. знался я

37в Вписано: разговаривал с ними каио *шжршжттто; ш* такого шз *шт„* у себя [никогда] не видал

377 Вписано: а. назойливых б. навязчивых

378 Вписано: и верит

379 а. Странною игрою случая б. Странная игра случая

380 а. попал я б. занесла меня

381 а. однако б, наконец

382 Вписано: [этот]

383 а. носы такие славные б. и с носами великолепными, правильными, «тройными е. носы такие великолепные

384 Вписано: а руки красные с белыми ногтями

385 а. Я ходил к б. Начал я ходить к зев *Вписано:* И что же? *К этому месту авто графа отнесен текст:* Надобно вам сказать®Збыл человек.

387 Вписано: а. с кафедры говорил довольно бойко, а на дому картавил б. с кафедры говорил довольно связно» а ма дому картавил

388 Вписано: всё

389 Вписано: [а] притом

— ———————

[разговаривал с ней мало] 393 иЗ<п целых шесть месяцев382 всё казалось. Разговаривал я с вей правда мало, больше так [гля<дел>] на неё глядел393; [но] [всё таки] [за то мы] [это бы ещё ничего]; [это ведь] но читал ейJU разные сочинения пожимал ей украдкой руки... а по вечерам мечтал с ней рядом ЗЭ5, глядя в небо а9в. Кажется, чего бы ещё [?] [и сам]? Одно меня смущало: в самые [<1 *нрзб.У] 397* блаженные мгновенья у меня всё от чего-то 399 под ложечкой сосало и тоскливая, холодная дрожь [не переставала] пробегала по желудку. *И.* наконец не выдержал такого счастья и убежал. — Целых два года я провёл ещё после того за границей — был в Италии, постоял пред Преоб- ражееьем и перед Венерой во Флоренции тоже постоял; [добился наконец] 400 [восхищалсяш *как* все] 402, по вечерам стихи

403 пописывал, начинал дневник — словом и тут вёл себя как все. — 1Напр<имср>…] [А] А между тем404 как легко [было мне] быть оригинальным: я на- пр<имер> ни черта 405 не смыслю в живописи и ваянии 406: сказать бы 407 это просто вслух — без обиняков [!] [Как освежительно действовало бы на меня теперь это самомненье…] Нет! Как можно: бери Чи- черона, беги смотреть фрески…

Он опять потупился и опять надел колпак..

Вот [я] вернулся408 наконецЬ09, продолжал он [словно] усталым голосом… [и вдруг в] приехал в Москву440 удивительная [вдруг во мне4,1 свершилась] 412 перемена413: [я заговорил] за границей я больше молчал — а тут вдруг444 заговорил [самым]415 неожиданно бойко; и в то же самое время [бог знает] возмечтал о себе бог зна

— ———————————

3S0 Сюда перенесена фраза; вдруг мне показалось, что я влюбился в Лияхен

391 а. и б. да

392 Вписано: эдак

393 д. глядел б. смотрел

394 Вписано: вслух

39й а. в небо. б. на луну, а не то просто вверх… *Вписано:* притом она так отлично зварила кофе!

3S7 Вписано; а. так сказать б. как говорится

398 аг блаженны© мгновенья *б.* мгновенья неизъяснимого блаженства

396 а. всё от чего-то б. от чего-то все

400 Вписано: [хлопотливо]

401 Вписано: [природой и искусством

402 Вписано: а. внезапно [повергался] приходил в восторг б. внезапно повергался в преувеличенный восторг [<1 *нрзб.)]* словно злость на меня находила

403 а. стихи б. стишки

404 Вписано: а. заметьте *б.* посмотрите

406 а. ни чорта б, ничего

40® ваянии — *зачеркнуто и восстановлено.*

407 Вписано: мне

408 Вписано: я

409 Вписано: на родину

4И *а.* во мне б. со мною

412 д. [свершилась] б. -произошла

413 а. удивительная°°перемена *б.* Удивительная произошла со мною перемена

414 вдруг — зачеркнуто и восстановлено

415 Вписано: [да ведь как]

— ———————————

ет 416 что. Нашлись снисходительные люди, которым я ноказ<ался> чуть не гением; дамы [меня] 417 выслушивали418 [по часам] 419 [Однако

обстоятельства мои нахо<дились>] 420 [поездка за границу окончательно истощила мои средства — я уехал421 к себе в деревню] В одно прекрасное утро [кто-то] родилась на мой счёт сплетня; кто её пустил на свет, не знаю 422 [и] 423 [сама собой] родилась и принялась пускать отпрыски и усики словно земляника… я запутался, хотел выскочить, разорвать [п<рилипчивые>] несносные 424 нити -не тут-то было… Я уехал. — Вот и тут я огазался пустым 425 человеком; мне бы преспокойно переждать эту напасть — [и те же] вот как выжидают конца крапивной лихорадки — и, те же снисходительные люди раскрыли бы мне свои объятья, [те же дамы опять…] [да вот] те же дамы снова улыбнулись бы мне 426… да вот в чём беда: неоригинальный я человек. — [Со- вес<ть>] Добросовестность вдруг изволите видеть во мне проснулась: мне что-то стыдно стало болтать, болтать, без умолку болтать, сегодня 427 на Арбате, завтра 428 на Трубе 429 и всё о том же… [А иному] 430 посмотрите 431 [ничего]; двадцатый год работает языком да коли этого требуют! — настоящих оригинальных москвичах 432 им это нипочем, напротив, только этого им и нужно; иной 433- и всё в одно на- правленье 434 [сочинил себе] что значит 435 самолюбие! — И у меня оно

было — да и теперь ещё не совсем уложено <?> 436… Тем 437 то и плохо, что я, опять-таки скажу, неоригинальный человек, на середине остано

— ———————————

116 а. знает б. ведает

417 Вписано: с участием

418 Вписано: мои разглагольствования

419 Вписано: а. [дай бог им здоровья] б. [потом вдруг весь наш <?> *в.* но я не сумел удержаться [в] [их] [милости] [моих знакомых] *г.* по я не сумел удержаться на высоте своей славы

420 Вписано: [притом]

4211 а. уехал б. удалился

422 а. кто её пустил на свет, не знаю б. кто её произвел на свет божий, не знаю — *зачеркнуто и восстановлено*

423 Вписано: долйшо быть какая-нибудь старая девка мужеского пола их на Москве пропасть…

424 а. несносные б. прилипчивые

425 а. пустым б. вздорным

426 а. мне б. на мои речи

427 а. сегодня б. вчера е. сегодня

428 а. завтра б. сегодня

430 К этому месту автографа отнесена фраза: Да коли этого требуют?

43 а.* посмотрите б. посмотрите-ка

432 а. москвичах б. москвичей *Последовательность фраз изменена:* да коли этого требуют! Посмотрите-ка настоящих оригинальных москвичей

433 Вписано: барин *Перенесена часть предшествующей фразы:* двадцатый год работает языком

434 а. одно направленье б. одном напоавленьн

435 Вписано: уверенность в самом себе и

436 а. уложено (?) *б.* угомонилось

437 а. Тем б. Да тем

— ———————————

вился: [либо уж мне] природа 438 бы 439 больше его 440 отпустила 44\ либо вовсе бы 442 не дала 443. Но на первых порах мне действительно круто пришлось; притом и поездка за гран<ицу> окончательно истощила мои средства — а на купчихе молодой 444, но уже [с] отвислым 445 телом 446 — я жениться не хотел, я 447 удалился к себе в деревню. — Кажется, прибавил мой сосед, опять взглянув на меня сбоку — я могу пройти молчаньем первые впечатления деревенской жизни, намёки на [сов] грустные 448 красоты 449 русской природы, [грустн<ую>] тихую прелесть одиночества и пр.Сочее)

Можете 450, возразил я.

Тем более, продолжал рассказчик, что это всё вздор, по крайней мере что до меня касается. — Я4И скучал как щенок взаперти — хотя признаюсь, проезжая 452 в первый раз весною 453 берёзовую рощу, у меня голова закружилась [от 454 нашего золотистого обаянья] и [ожиданья] сердце забилось 455 от 456 смутного, сладкого ожиданья…457 Эти смутн<ые> ожид<ания>, вы сами знаете, никогда не сбываются — а [вот напр<имер>: то, чего я никогда не ожидал, сбылось — а именно: совершенное] 458 сбываются другие вещи, которых 459 никогда не ожидаешь460, как-то падежи, недоимки, продажи с публичного торгу, и прочая, и прочая. — Перебиваясь кое-как со дня на день, при помощи [того же] [десятск<ого>] бурмистра Якова, заменившего вольноотпущенного дворового461 Василья Кудрявцева 462 и оказавшегося впоследствии времени таким же если не большим грабителем, да сверх того отравлявшего моё существование запахом своей бороды и дегтярных сапогов,

— ———————————

438 а. природа б. природе
439 Вписано: следовало гораздо
440 а. его б. самолюбия мне
441 а. отпустила б. отпустить

442 а. бы б. его
443 а. дала б. дать
444 а. молодой б. с молодым
445 Вписано; [и] и дряблым
446 Вписано: вроде желе
448 а. грустные б. печальную но сердцу
449 а. красоты б. красоту
450 а. можете б. можете, можете
451 Вписано: в деревне
452 Вписано: на возвратном пути
453 Вписано: знакомую
454 Вписано: [ней]
455 а. сердце забилось б. забилось сердце
456 Вписано: какого-то
457 Вписано: Но
458 Вписано: а напротив
459 Вписано: [впрочем тоже случаются]
460*а*. никогда не ожидаешь б. вовсе не ждешь *в.* вовсе не ожидаешь
4в1 Вписано: человека
462 а. Кудрявцева б. Кудряшова
— ———————————

вспомнил я 463 об [семействе] одном 464 семействе — состоявшем из ш [одной матери] и трёх4в6 дочерей 467 — велел заложить дрожки и поехал к полковнице 468. — Этот день должен

остаться [навсегда] мне памятным навсегда; шесть месяцев спустя женился я 4в9 на второй дочери полковницы.

Рассказчик опустил голову и поднял руки к небу.

И между тем, — продолжал он [опять] 470 — [прожил<?>] Я бы не желал [чтобы] внушить вам дурное мненье о [моей] покойнице. Сохрани бог! — Это было существо благороднейшее, добрейшее, существо любящее и способное на [самопожертвование] 471 [Все так;] Хотя [<1 *нрзб.)*| я должен472 сознаться, что если бы я не имел несчастья её лишиться — я бы вероятно [никогда бы] не был в состояньи разговаривать сегодня с зами, ибо [я] ещё до сих пор цела балка в грунтовом моем сарае, на которой я 473 собирался 4П повеситься!

Иные груши 475, заговорил476 он опять,477 нужно полежать 478 в подвале, чтобы войти, как говорится, в настоящий 479 вкус; моя [жена] покойница 480 принадлежала к481 подобным482 произведений природы; только теперь отдаю я ей полную справедливость. Только теперь, например) 483, воспоминания об иных вечерах, проведенных нами вдвоем484 втроем с её сестрой] до свадьбы -ие только не возбуждает во мне

ни малейшей горечи 48\ напротив, трогает меня — чуть не до слез. Люди они были небогатые; дом их48в [пре] старинный, деревянный но удобный стоял на горе — между заглохшим садом и заросшим двором.. Под горой текла река и едва виднелась сквозь густые 487 [ветви ра<кит>] листву.

— ———————————

483 Вписано: однажды

4Й4 Вписано: а. соседнем знакомом б. знакомом соседнем

465 *Вписано:* отставной полковницы [Ка] *а.* трёх б. двух

4®7 Вписано: вспомнил

466 а. полковнице б, соседям 409 а. женился я б. я женился

470 Вписано: с жаром

471 а. [самопожертвование] б. всякие жертвы

472 Вписано: между нами [сказать]

473 Вписано: неоднократно

474 собирался — *зачеркнуто и восстановлено* [даю вам честное слово]

475 а. иные груши б. иным грушам

47® я. заговорил б. начал

Вписано: после небольшого молчанья

478 Вписано: некоторое время под землей

482 а. подобным б. подобных
483 напр(имер) —*зачеркнуто и восстановлено*
484 а. нами вдвоем б. мною с пей
485 *Вписано:* но
486 Вписано: весьма
487 а ГуСТШ5 густую (
— ———————

Большой балкон488 вел из дому в сад; перед терассой возвышалась48* клумба, покрытая розами — [а по бокам! обоим бокам 490 клумбы росли две акации, ещё в молодости переплетённые в виде винта покойным полковником. — Немного подальше, в самой глуши, заброшенного и одичалого малинника, стояла беседка491 раскрашенная [вн<утри>], но до того ветхая и дряхлая 492, что глядя на неё, становилось грустно 493… С террасы стеклянная дверь вела в гостиную: 494 [вы зна<ете>] по углам изразцовые печи, кисленькое фортепьяно направо 49\ диван, [круглый] обитый полинялым голубым штофом, с поблеклыми 498 разводами, круглый стол, две горки с [старинными] фарфоровыми497 [про] куклами49в екатерининских временна столе [дв<а>] горшок с свежими цветами 500… Видите, как я подробно описываю. — В этой501 гостиной, на этой-то террасе и разыгралась вся трагикомедия

моей любви. Сама полковница была злая 502 баба, с постоянной хрипотой злобы в голосе, притеснительное и едкое503 существо; из дочерей, одна, Вера 504, не отличалась [оригинальностью)] от обыкновенных уездных барышень; — другая [Н] [В] Софья,, я в Софью влюбился. У обеих сестер была505 другая комнатка, общая их50® спальня, с двумя 507 кроватками, альбомами 508, резедой, [по] с портретами приятелей и приятельниц, рисованных карандашом — довольно плохо 509 — с немецкими книгами, бюстами

Гёте и Шиллера (между которыми отличался один господин с необыкновенно энергическим выраженьем и ещё более энергическою подписью, в юности510 возбудивш[ем]ий несоразмерные ожидания, а кончивший — как все мы — пшиком -) [сухими] высохшими венками и другими предметами, оставленными на память..» Но я в эту комнату ходил редко и

— ———————————

488 а, Большой балкон вёл б. Большая терраса
489 Вписано; а. круглая б. продолговатая
490 а. обоим бокам б. на каждом конце
494 Вписано; внутри прехитро
492 *Вписано*: снаружи
493 л. грустно б. жутко

494 *Вписано; а.* а [вот вам] б. а в гостиной вот что представлялось взору наолю- дателя е. а в гостиной вое что представлялось любопытному взору наблюдателя

495 *Вписано:* заваленное рукописными нотами

4fia. поблеклыми б. белесоватыми е. беловатыми

497 Вписано: и бисерными [птицами]

498 Вписано: игрушками

496 Вписано; а. на стене портрет белокурой девушки б. да стеае известный портрет белокурой девицы с голубком на груди и закатившимися глазами

5,00 а. цветами б. розами

505 Вписано: то

502 а. злая б. скверная

503 а. едкое б, сварливое

504 Вписано: ничем

505 Вписано: еще

*506 Вписано:*fc детства]

507 Вписано: я, белоснежными б. невинными деревянными

508 а. альбомами б. желтоватыми альбомцами

509 Перенесена фраза в круглых скобках; (между которыми<»как все мы — пшиком)

мо Вписано: своей

— ———————————

неохотно. Мне там [бог] — отчего-то дыхание сдавливало. — Притом — странное дело! — Софья мне более всего нравилась, когда я сидел к ней спиной5И, вечером, на террасе [и пожалуй о ней] 512 думал. — Я глядел 513 на зарю, на [верхушки] деревья, на зелёные 514 листья, уже потемневшие, но ещё резко отделявшиеся от розового неба; в гостиной за фортепьянами сидела Софья и беспрестанно наигрывала какую-нибудь любимую, страстно-задумчивую фразу из Бетховена; мать — подлейшая515 похрапывала, сидя на диване; [Вера] в столовой516 Вера хлопотала за чаем; самовар весело517 шипел, словно [тоже] чему-то радовался 518; ложечки звонко стучали по чашкам; канарейка 519 целый день [пе<ла>] [не хуже московского умника] 520, утихала и только изредка чирикала, как будто о чем-то спрашивала…521 А я сидел, сидел, слушал, глядел, сердце у меня расширялось — и мне опять казалось, что я любил 522. Да и теперь — [кажется] пора бы знать — а я ей богу 523 не знаю, любил ли я Софью. — Это было существо юное, доброе, молчаливое, с тёплым сердцем; но бог знает отчего, от долгого ли житья в деревне-в девках, от других ли каких причин — у ней на дне души (если только есть

дно у души) таилась рана или лучше сказать524 ранка, которую ничем [и никогда] невозможно было излечить — да и назвать её [не бы<ло>] [ни] 525 она [сама] не умела — ни я не мог. Об существованьи этой раны я 526 догадался только после брака. — [Я вам забыл сказать, что на другой день 527 после 528 вечера] Уж я [не] бо528 бился над ней!.. Ничего не помогало. У меня в детстве был чиж, которого кошка раз подержала в своих лапах… Его спасли, вылечили, но не оправился мой чиж; дулся, чах, перестал петь… Кончилось тем, что530 в открытую [его] клетку забралась к нему крыса 531, откусила ему нос,

— ———————————

511 Вписано: особенно

512 Вписано: думал или более мечтал о ней

513 Вписано: тогда

514 Вписано: мелкие

515 а. мать — подлейшая б. злая старуха *Вписано:* мирно

516 Вписано: а. залитой алым светом б. залитой потоком алого света

517 а. весело б. затейливо

518 Вписано: с весёлым треском ломались крендели;

519 Вписано: немилосердно трещавшая

520 Вписано: внезапно

521 Вписано: из [мягкого] прозрачного лёгкого облачка мимоходом падали редкие капли…

522 Вписано: а. Под влиянием такого-то вечера я попросил у старухи [её] руку, а через две недели женился б. Вот под влиянием такого-то вечера я однажды попросил у старухи руку её дочери, а через две недели женился [на Софье]. Мне казалось, что я её любил…

523 Вписано: и теперь

524 а. лучше сказать б. говоря проще *в.* лучше сказать сочилась

525 Вписано: ни

526 Вписано: разумеется

527 Д. другой день б. [другое утро]

528 Вписано: одного

529 а. [не] [бо] б. ли не

580 Вписано: однажды ночью

531 Вписано: и

— ———————————

вследствие чего он немедленно умер ft32. Не знаю, какая кошка подержала мою жену в 533 лапах — только и она так же дулась и чахла, как мой [дв] несчастный чиж. — Иногда ей самой 534 хотелось [развеяться)] встрепенуться, взыграть 535 на воле; да на солнце; попробует

— и свернётся в клубочек. — И ведь она меня любила; сколько раз уверяла меня, что ничего, ничего более ей не остаётся желать… тьфу чорт возьми-а у самой глаза так и меркнут. — Думал я, нет ли чего в прошедшем… собрал справки: ничего не оказалось. — Ну вот теперь посудите сами: оригинальный человек пожал бы плечом 536, вздохнул бы537 [пожалуй] — да 538 [и в сторону]; а я, неоригинальное существо, начал заглядываться на балки. Жена моя 539 до того [свыклась] 540 с жизнью541 старой девицы, [с] Бетговен [ом], ночными прогулками, резедой 542 [и] 543 альбомами 544 — что ко всякому другому образу жизни, особенно к жизни хозяйки дома 545 никак привыкнуть не могла… а между тем смешно же [женатой женщи<не>] замужней женщине томиться безымянною тоской и [по] петь по вечерам: Не буди ты её на заре. Таким вот-с 546 образом-с мы блаженствовали три года… На четвертый год Софья умерла в родах 547 и странное дело! мне как будто 548 заранее сдавалось, что она [решительно] не будет в состоянии подарить549 [меня] землю новым, свежим и здоровым обитателем 5Г,°. Мир её праху! Доброе551 было существо — а для себя же хорошо сделала, что умерла! —

[Рассказчик] у [к] рассказчика [ск] раскраснелись щёки и глаза потускнели.

[Помните ли вы, продолжал он описанье 552 первого поцелуя Жуан* и Гайден] [После смерти] Отделавшись наконец от тяжелого унынья, которое овлад<ело) мною — неизвестно почему — после смерти моей

— ————————————

а. немедленно умер б. наконец решился умереть

Вписано: своих

Вписано: видимо

535 Вписано: на свежем воздухе

536 Вписано: может быть

537 Вписано: раза два

538 Вписано: и принялся бы жить по своему

539 а. Жена моя б. В жену мою

540 Вписано: въелись привычки

541 а. жизнью б. [бытом]

542 а. Бетховеном, ночными прогулками, резедой б. Бетховен, ночные прогулки, резеда

543 Вписано: переписка с друзьями

544*а.* альбомами б. альбомы *Вписано:* и пр(очее)

545 Вписано: она [н] пр(ивыкнуть)

547 а. в родах б. от первых родов

548 а. как будто б. словно

549 Вписано: меня дочерью или сыном

550 а. обитателем [существом] [землю] *К этому месту на полях сделано примечание:* (.) Смот(ри) на конце рукописи

551 Вписано: доброе

Вписано: [в Д(он>Жуане у Байрона]

— ————————————

жены — я вздумал было приняться, как говорится — за дело. — Вступил на службу 553, но в [присутственном месте] больших комнатах присутственного места 554 у меня голова разбаливалась, глаза тоже плохо действовали; [притом] другие г'56 подошли причины… Я вышел в отставку. Хотел было 556 съездить в Москву — да во-первых денег недоставало — а во-вторых… Я вам уже сказывал, что я смирился.

Смир<ение> это нашло на меня — и вдруг и не вдруг. — Сердцем 557- то я уже давно смирился — да голова ещё этого не замечала 558.~~ Я [притш<сывал>] принимал*5* скромное настроение моих 560 мыслей [за] влияние [го] деревенск<ой> жизни, [то] несчастья. [Но в одно прекрасное утро — я наконец открыл глаза. Вот как это случилось.]

С другой стороны я уже давно начинал заме-

чать56i, что [помещики] 562 все мои соседи563, запуганные сначала моей учёностью, заграничной поездкой и прочими усовершенствованьями 564- не только [со- вершен<но>] успели совершенно ко мне привыкнуть, но даже начинали 563 обращаться со мной — [старые] не то грубовато не то скондачка, не дослушивали моих рассуждений, а 566 говоря со мной уже словоерика 567 не употребляли. — Я вам 508 забыл сказать, что в течение первого года 509 моего брака я от скуки попытался-было пуститься в литературу-и даже послал статейку в журнал, если не ошибаюсь — повесть; но через несколько времени получил учтивое письмо от редактора в котором между прочим было сказано, что [у] мне в уме невозможно [было] отказать, но в таланте должно, а что в литературе только ум571 и нужен. [Все эти неудачи несколько] Сверх того дошло до моего сведенья, что один проезжий — московский умн<ик> 572 добрейший, впрочем, юноша5Т3, отозвался обо мне 574 у губернатора как о человеке,

— ———————————

553 Вписано: а. в уездном городе *б. п* губернском городе

554 а. присутственного места б. казенного за-

веденья

555 Вписано: кстати

556 Вписано: я

557 а. сердцем б, духом

558 а. голова ещё этого не замечала б, голове моей всё ещё не хотелось нагнуться

539 а. принимал б. приписывал

see *Вписано:* чувств и

361 а. начинал замечать б. замечал

362 Вписано: почти

ш Вписано: молодые и старые помещики

564 а„ усовершенствованьями б. удобствами моего воспитания

565 а. начинали б. начали [грубовато]

566 а. а б. а

Вписано: более

5в8 Вписано: также

569 Вписано: после

670 а. учтивое письмо от редактора б. от редактора учтивое письмо

571 а. ум б. талант

ас московский умеик б, москвич

5"3 Вписано: мимоходом

Вписано: на вечере

— ———————————

в котором все обманулись 575.~~ Но мое добро-

вольное 576 ослепление всё ещё продолжалось-577 — пока наконец в одно прекрасное утр<о> я откр<ыл> глаза. Вот как это случилось. Ко мне заехал исправник с намерением обратить мое внимание на провалившийся мост в моих владеньях, которого мне решительно не на что было починить. — Заедая рюмку водку 578 куском сыру 579 этот580 снисходительный чиновник584 отечески распек меня 502 — [закурил т<рубочку>] впрочем вошёл в мое положенье — и посоветовал только велеть 583 мужикам понакидать на- возцу — закурил трубочку и принялся говорить о предстоящих выборах. Почетного звания губернского предводителя добивался в то время некто [Колло] Орбассанов, болтун, крикун и взяточник в придачу584. Я высказал своё мненье на его счёт 585. Исправник посм<отрел> на меня, ласково потреп(ал) меня по плечу… и 586 промолвил: Эх, [Сергей Серг<еич>] Василий Васильич, не нам 587 с вами об таких людях рассуждать! Где нам? -Знай <1 *нрзб.}58** свой шесток. —«Да помилуйте возразил я с досадой — какая же разница между нами 589 и г-н Орбас- сановым…» Исправник вынул трубку изо рта, поднял брови 530 и так и прыснул. — Ну, потешник, проговорил он591 сквозь [уди] слёзы — ведь экую штуку выкинул…

А! Каков!.. И до самого отъезда он не переставал глумиться надо мною, изредка поталкивая меня локтем под бок — и говоря мне уже: ты.

Он уехал наконец 592. Я прошёлся несколько раз по комнате, остановился перед зеркалом, долго, долго посмотрел на [свою] [самого себя] свое 593 лицо, [покачал головой] — и медлительно высунув язык, с [уко<ризной>] горькой насмешкой покачал головой. —Чешуя 594 спала с глаз моих,. Я увидал ясно, яснее чем лицо свое в зеркале — какой я был пустой, ничтожный и ненужный 595 человек!

— ———————————

575 а. в котором все обманулись б. выдохшемся и пустом

5/8 а. добровольное б. полудобровольное

577 Вписано: не хотелось, зааете, самого себя заушить

578 а. водку б. водки

579 а. сыру б. балыка

580 этот _ зачеркнуто и восстановлено

588 Вписано: и начальник

582 Вписано: за мое неряшество — *зачеркнуто и восстановлено*

583 Вписано: <1 *нрзб.)*

584 Вписано: Притом же он не отличался ни

богатством ни знатностью

585 Вписано: а. и довольно небрежно… я, признаюсь [(1 *нрзб.)* его <1 *нрзб.)*] глядел на г-на 0<рбассанов>а свысока б. и довольно даже небрежно<»свысока

586 Вписано: добродушно

587 Вписано: бы

588 а. <1 *нрзб.)* б. сверчок

589 а, нами б. мною

590 а. поднял брови б. вытаращил глаза

591 Вписано: наконец

592 Вписано: я. этой капли недоставало… б„ Этой капли только недоставало… чаша переполнилась

593 Вписано: сконфуженное

594 а. Чешуя б. Завеса

595 Вписано: неоригинальный

— ———————————

Рассказчик помолчал.

[У Вольтера где] В одной трагедии Вольтера 596, продолжал он, какой-то барин радуется тому, что дошёл до крайней границы несчастья. Хотя в судьбе моей нет ничего трагического — но и я, признаюсь, испытал 597 нечто в этом роде. Я [изведал] узнал ядовитое 598 наслажденье599 [не] 600 отчаянья; я испытал, как сладко, не торо-

пясь -в течение целого утра проклинать лёжа на своей постели601 день и час своего рождения... [да и в сам<ом>] я не мог смириться разом. Да и в самом деле, вы посудите: — безденежье меня приковывало к моей602 деревне; ни хозяйство, ни служба, ни литература — ничего ко мне не пристало; [для] помещиков я чуждался, книги мне опротивели; с603 водянисто-пухлыми 604 и 605 чувствительными барышнями 606 я не представлял ничего занимательного, с тех пор как перестал болтать и восторгаться; уединиться совершенно — я не умел и не мог... Я стал... что вы думаете? я стал таскаться по соседям. Словно опьяненный презреньем к самому себе, я нарочно подвергался всяким мелочным униже- ньям [недоумевающим]... Меня обносили за столом, [встречали] холодно и надменно встречали, наконец, не замечали вовсе; — мне не давали даже вмешаться 607 в общий разговор да и 608 я сам 609 [как] [опять-таки] [увлеченный злобным удовольствием растравливать свои раны] нарочно поддакивал из угла какому-нибудь глупейшему говоруну, который610 в Москве611 [попросил бы у] с удовольствием612 облобызал бы прах ног моих [и] край моей одежды613... Я даже не позволял614 себе думать, что я преда-

юсь [удовол<ьствию>] [таинственному<?>] 615 удовольствию иронии… Да и что за ирония в одиночку… [И так] Вот 618 как я поступал несколько лет сряду — и как поступаю до сих пор…

— ———————————

596 Вписано: уныло

597 а. испытал б. изведал

598 а. ядовитое б. отравленное в. ядовитые

599 а. наслажденье б. радости е. восторги

600 Вписано: холодного

6(И а0 не торопясь — в течение целого утра проклинать лёжа на своей постели *бс* в течение целого утра не торопясь и лёжа на своей постели проклинать [сто раз сряду!

602 а. моей б. ненавистной

603 а. с б. для

604 а. пухлыми б. пухлых

605 Вписано: болезненно

606 а. барышнями б. барышень [мечтатель] встряхивающих кудрями и лихорадочно [повторяющих] слово: Свобода! в. барышень, встряхивающих кудрями и лихорадочно твердящих слово: Свобода!

607 а. вмешаться б. вмешиваться

608 да и б. И

609 Вписано: бывало

6110 Вписано: во время оно
6И Вписано: [вероятно]
612 а. удовольствием б. восхищением
из а0 одежды б„ шинели
614 Вписано: самому
6115 Вписано: а. злобному б. горькому
616 а. Вот б. Вот-с
— ———————————

«Однако -это ни на что не похоже» — проворчал из соседней комнаты заспанный голос617 Кантагрюхина… [кто618 там это кричит, словно] [разговаривает>] [говор<ит> ночью] [Лишь] вздумал ночью разговаривать…

Рассказчик проворно нырнул под одеяло и робко выглядывая [и] погрозил мне пальцем. —[Тс, тс] 6i9 прошептал 620 он [в направлены! к] и словно извиняясь и кланяясь в направлении кантагрю хинского голоса621, промолвил 622: слушаю-с; слушаю-с. Извините-с. — Ему позволительно 62\ ему следует спать — продолжал [та] онш [шоп<отом>] шопотом — ему должно набраться новых сил — ну хотя 625 для того, чтобы с тем же удовольствием покушать завтра. — Мы не имеем права его беспокоить. Притом же я, кажется, вам всё сказал, что хотел — вероятно 626 и вам хочется почивать627. Желаю Вам доброй ночи.

Рассказчик с лихорадочной быстротой [закры] отвернулся и зарыл голову в подушку.

[Но] позвольте 628, возразил я, с кем я имею удовольствие…

Он [бы<ло>] проворно поднял голову… Нет ради бога, прервал он меня, не спрашивайте [меня об] моего имени 629. — Пусть я останусь для вас неизвестным существом, пришибленным судьбою Василием Васильевичем. Притом же я как человек неоригинальный, не заслуживаю особенного имени. — А уж если вы непременно хотите мне дать какую-нибудь кличку — так назовите… назовите меня Гамлетом Чернско го уезда. — Таких Гамлетов в каждом уезде несколько десятков — но может быть вы с другими не сталкивались. — За сим, прощайте. Он зарылся в свои подушки 630 — а на другое утро, когда [я проснулся], [его и] [ку] [кучер] пришли будить меня — его уже не было в комнате. Он уехал до зари.

Ив. Тургенев

(.) Помню я как её хоронили. Дело было весной. Приходская наша церковь не велика631 [с неровным] 632 кирпичным полом 633. [Стар

— ———————————

617 Вписано: г-на

618 а. кто *б.* какой дурак

659 Вписано: [Слушаю-с, слушаю-с] [полно нам, полно, словно]

620 а. прошептал *б.* пролепетал

6211 Вписано: а. так же тихо *б.* шопотом *в.* почтительно

622 Вписано: [едва слышно]

623 Вписано: спать

624 Вписано: снова

625 Вписано: бы

626 Вписано: же (?)

627 а. почивать *б.* спать

628 Вписано: по крайней мере узнать

629 Вписано: ни у меня ни у других

а. свои подушки *б.* свой пуховик

631 Вписано: стара *Далее вписано: а.* с [сумрачным потускнелым] иконостас [ом]. — б. с [сумрачным почерневшим икононостасом] [подсвечниками]

632 Вписано: [из полу, повыб<ит) местами выбит]

633 а. с неровным кирпичным полом б. кирпичный пол повыбит местами; *Далее вписано:* стены голые, на каждом клиросе большой старинный образ.

— ———————————

<1 *нрзб.У]* с [сумрачным тускленьким] — [Гроб

поставили] посередине634 [покрыли] 635 полинялым покровом, поставили кру [чет<ыре>] три стареньких подсвечника. — Дьячок дряхлый 636 [но] с маленькой косичкой сзади — низко подпоясанный 637 кушаком [ша] печально шамкал перед налоем; священник тоже старый 638 в [лил<овой>] ветх<ой> лиловой рясе с жёлтыми разводами [заменял] служил за себя и за дьякошзи [Из родн<ых?>] 639 раскрытых окон шевелились и лепетали молодые840 листья плакучих844 берёз 642„ Пламя свеч<ей> 643 бледнело в весёлом свете весеннего дня в44; воробьи так и чирикали во всю церковь — и изредка раздавался звонкий4545 [крик] восклицание влетавшей ласточки… Я глядел на мертвое тело 646 жены… Боже мой.. И смерть, сама смерть 647 не освободила [ее от] 64S; то же больное64S, робкое, немое выраженье… ей словно и тут 650 неловко…

— ———————————

834 Вписано: перед царскими дверями а. [покрыли] б. одели а. Дьячек дряхлый б. дряхлый дьячек *Вписано:* синим

Вписано: а. с добреньким, слепеньким лицом б. с добреньким слепепькЕШ м маленькой белой бородой *Вписано:* Во всю ширину *а.* молодые б. круглые в". зеленые *г.* свежие *а.* плакучих б. мо-

лодых *в.* старых

Вписано: Со двора несло запахом скошенного <?> сена… е. Пламя евеч(ей) б. Красное пламя восковых свечей

Вписано: тонк<ой) голубоват(ой) струй(кой) бежал дым из отверст<вй>

а, раздавался звонкий б. раздавалось звонкое *а.* тело *6.* лицо моей *Вписано:* её

Вписано: не излечила её раны а. больное б. болезненное ®*50 а,* тут б. в гробу

— ———————————

<ЧЕРТОПХАНОВ И НЕДОПЮСКИН>

Вместе с верным моим Ерм.<олаем> тащился я однажды в мае4 [к] [по просёлочн.<ой> дорожкег из села Голопятова в село Голопле- ки]3. Собаки [дремали] подпрыгивали словно мертвые на дне телеги, кучер, то и дело сгонял кнутом оводов с лошадей, колеса [це<пляли>]

— ———————————

% а. Вместе с верным моим Брм.<олаем> тащился я однажды» мае *б.* Вместе с верным' моим Ерм.<олаем> ехал я однажды летом *в.* В летний жаркий день возвращался я однажды с охоты [вместе]

2 а. дорожке б. дороге

Вписано: Ермолай дремал возле меня и клевал носом.

— ———————————

задевали за кусты4. [Вдруг] Ермолай [оглян<улся>] встрепенулся, глянул кругом — Э! заговорил он — да здесь [долж] тетерева бывают 5 — слеземте-ка.Мы остановились — и вошли в «площадь». —Собака моя нашла8 выводок. — Я выстрелил и не успел ещё7 заряжать ружьё как вдруг позади меня кусты затрещали8 — и [я увидел] [на полянку выехал] |верхов<ой>] [человек верхом] и раздвигая кусты руками* подъехал ко мне [человек в высоком картузе, в зеленом архалуке] верховой.

А позвольте10 узнать, заговорил он [голосом] надменным голосом, ею какому праву вы здесь охотитесьи, милостивый государьfl2? — Я посмотрел ему в лицо. — Отроду я не видал ничего подобного. Вообразите себе13 маленького человечка14 [с огромными] [луп] [глазами на выкате], лупоглазого с красным носом15 и длиннейшими рыжими усами 16. [Он вонзился злым] [закинул] [ру] [голову назад] [На гол] Одет он был в зеленый17 [из ста] архалук с патронами 18 на груди полинялыми 19 галунами по всем швам; через плечо висел у него рог- за поясом торчал

кинжал20. — Чахлая рыжая лошадь [горбоносая и вислоухая] вертелась21 под ним как угорелая; [в руке держал он казацкую нагайку с] две борзые 22 собаки, худые и криволапые [выскочили вслед] вертелись23 у ней [межд<у>] под ногами. — [Но ни одна кисть не в состоянии передать выражение] Лицо, взгляд, голос кажд<ое> движенье незнакомца, всё его существо дышало [не] гордостью24 непомср ной, [невооб] небывалой; во взгляде стеклянных его глаз25 [заме]

— ———————————

4 а. колеса [це<пляли>] задевали за кусты б. Дорога стала ухабистее; колеса начали задевать за сучья

5 а. тетерева бывают б. должны быть тетерева

8 а. нашла б. [ско] наткнулась на

1 а. не успел ещё б, принялся *в.* начал было

8 а. кусты затрещали б. поднялся громкий треск

® *Вписано*: [и нагибаясь]

а. позвольте б. паазвольте

и а. охотитесь б. аажотитесь

12я, милостивый государь б. мюлсбый сударь *в.* мюлсвый сдарь

13 Вписано: а. [<1 *нрзб.] б.* любезные читатели

и а. человечка 6, человечка белокурого

15 а. носом б. вздёрнутым носиком

16 Вписано: а. На голове у него была высокая, остроконечная шапка с красным суконным <1 *нрзб.)* наверху *б.* Высокая остроконечная персидская шайка суконная закрывала ему лоб по самые брови, *в.* Высокая остроконечная персидская шапка с [жолтым] [алым] красным малиновым суконным [в виде] [изыск] верхом закрывала ему лоб по самые брови.

17 а. зеленый б. суконный в. желтый истасканный

18 а. патронами *б.* черными плисовыми патронами

19 а. полинялыми б. полинялыми серебряными

20 Вписано: на <1 *нрзб.)* высокой бывалой лошади <1 *нрзб.)*

21 я. вертелась б. металась

22 Вписано: [пре]

553 а. вертелись б. тут же вертелись

а. гордостью 6. сумасбродной отвагой и гордостью

S5а. во взгляде стеклянных его глаз б. его стеклянные шалелые глаза

— ———————————

разбегались и косились26. Он повторил свой

вопрос. — Я не знал, что здесь <1 *нрзб.У* запрещено охотиться27 отвечал я. —Вы здесь, м<илостивый> г<осударь> продолжал 28 он, на моей земле. — Извольте, — я уйду. — Аа позвольте29 узнать30, [с кем] я с дворянином31 имею честь говорить? 32 — [О] незнакомец произносил слова 33 необыкновенно быстро, отрывочно, и в [горло] нос. —Точно так. — В таком случае, извольте охотиться. — Я сам дворянин и очень рад услужить дворянину. А зовут меня Чертапхановым34. — Он ударил ногайкой по лошади35 — по шее; [гикнул] Она36 взвилась на дыбы37, бросилась в сторону и отдавила одной собаке лапу. Собака завизжала38. — Чертапханов с страшным заклятым ругательством39 ударил [м] лошадь кулаком по голове между ушами, соскочил40 наземь, осмотрел лапу у собаки, <2 *нрзб.У*41 ее ногой в бок, чтобы она не пищала, вскочил в седл<о> 42 и вдел ногу в стремя. —Лошадь бросилась43 в кусты, он за ней44 в припрыжку, однако наконец-таки попал в седло и поскакал45. [Всё это] Не успел я ещё придти в себя от неожиданного появления [незнаком] помещика Чертапхаеова — как46 почти без всякого шума выехал из кустов [человечек] толстенький человечек47 на маленькой воронеекой лошаденке <4 *нрзб.У* [с потупленной шеей]. Он

остановился, снял с головы картуз48 [с огромным козырьком] и вежливым49 и

— ———————————

26 а. косились б. косились, как вообще у людей [вспы] чрезвычайно вспы *в.* как у сумасшедшего [и безг] *г.* как у пьяного *д.* [как чрезвычайно горячего] *Далее вписано: а.* Он до того закидывал голову назад что едва не ронял шапки долой; [словно он произносил] б. Он закидывал голову назад; надувал щеки беспрестанно вздрагивая всем телом [словно] от избытка [собстве] [само] чувства [достоинства] самосознания [подергив] ни дать ни взять индейский петух и [хан]

27 а. охотиться б. стрелять

28 а. продолжал б. возразил *в.* произнес

29 а. Аа позвольте б. А паазвольте

30 Вписано: возразил он

31 а. дворянином б. двааряниным

32 а. говорить б. объясняться

33 а. произносил слова б. говорил

34 Вписано: а. Пантелеем б. [Имя своё] Пан-телеем!

35 а. Он ударил ногайкой по лошади б. Он нагнулся, гикнул, вытянул лошадь аогайкой

36 а. Она б. Лошадь

37 а. взвилась на дыбы б. замотала головой,

взвилась на дыбы

38 а. завизжала б. пронзительно завизжала

39 а. с страшным заклятым ругательством б. заскрежетал зубами, закипел, зашипел,

40 а. соскочил б. быстрее молнии соскочил

44 а. <2 нрзб.) б. поплевал на рану, пихнул

42 а. вскочил в седл<о> б. уцепился за холку

43 а. бросилась б. [уткнулась] задрала морду, подняла хвост и бросилась

44 а. за ней б„ за ней на одной ноге

45 а. и поскакал б. затрубил в рог, [и замаха<л)] завертел ногайкой как бешеный… *в.* как исступленный завертел ногайкой и поскакал

46 а„ как б. как вдруг

47 а. человечек б. человечек лет 40а

49 а. вежливым б. [крадчив] ласковым *в.* [через] тоненьким

— ———————————

мягким голосом спросил меня: не видел ли я верхового на рыжей ло- шаде? -Я отвечал ему что видел. Куда ж50 они изволили поехать? — спросил он меня51. Я указал ему направление52. Покорнейше благодарю вас53, возразил он, толкнул54 лошаденьку [под] [каблу<ком>] под бок [и,] [отправился рысцой вслед за Чертопхановым по направлению 55] и поехал рысцой по указан-

ному56 направлению. — Я посмотрел ему вслед. [Не] Наружностью57 [не] нисколько не походил на своего предшественника; лицо у него было пухлое и круглое58; [Д] глазки [почти] словно осокой прорезанные59; [р] маленький ротик слабо улыбался60;- [Робость и добродушие] [тщательно зачесанные волосики не могли скрыть] [огр] [до половины] [Вся его] [Робкая]Он весь дышал61 застенчивостью, [хладнокр] добродушием и смирением62. [Сер] На нем был дворянский-63 сюртук64 с стоячим воротником и медными пуговицами, весьма поношенный, но чистый; [широкие шаровары)] суконные панталоны вздернулись65, — под желтыми оторочками сапогов виднелись жирненькие икры Кто это? спросил я подошедшего Ермолая. — Это? Недопюскин, дворянин, [Митрофан] [Ива] [Ва] [Ми] Тихон Иваныч… [Был шутом<?> а теперь вот] у Ч-а живет. — Что он бедный что ли66? — Небогатый — да и у Черто-а гроша нету медного. — Так зачем67 он у него живет68. — А вишь подружились. — Друг без друга [жить не может. Где один там ул] никуда… Вот уж подлинно: куда конь с ко-м, туда и рак с клешней

Мы вышли из кустов [с] [Аф<анасием>] [Ер<молаем>] — Вдруг подле нас «затякали» гончие89

— и [беляк] матерый беляк покатил по

— ————————

50 а. Куда ж б. В какую сторону

51 а. спросил он меня б. продолжал он тем же голосом и не надевая картуза

52 а. Я указал ему направление б. Вон туда *в.* — Туда-с?..

53 а. благодарю вас б. вас благодарю

54 а. возразил он, толкнул б. он чмокнул губами, толкнул

55 а. по направлению б. [по указанному направлению]

56 а. указанному б. указанному мною

57 а. Наружностью б. Наружностью этот [новый] второй незнакомец

58 а. круглое б. круглое как шар, на голове не [осталось] оставалось ни одного волосика, сзади торчали жидкие русые косицы;

59 а. прорезанные б. прорезанные ласково мигали

60 а. маленький ротик слабо улыбался б. ласково улыбался маленький приятный ротик *в.* [прият] маленькие и сочные губки *г.* сладко улыбались маленькие и сочные губки и красные *д.* сладко улыбались красные и сочные губки

61 а. Он весь дышал б. Лицо его рыхлое *в.* Так

от него и несло

62 а. Он весь дышал застенчивостью, добродушием и смирением б. Он весь дышал застенчивостью, добродушием и глубочайши(м) смирением *в.* Оно выражало застенчивость, добродушие и смирение. *Далее вписано: а.* нос тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками изобличал человека слабого и сластолюбивого б. нос тоже пухлый и круглый, испещренный синими жилками изобличал сластолюбца

63 а. дворянский сюртук б. воен<ный>

64 а. вицмундир б. сюртук военного покроя

65 а. вздернулись б. высоко вздернулись

е® а. бедный что ли б. бедный человек

67 а. зачем б. зачем же

68 *а.* живет б. поселился

69 *а.* гончие б. две гончие

— ———————————

[зелен] [высоком] овсам, уже довольно высокому Вслед за шш выскочилип собаки, гончие и борзые — а вслед за собаками вылетел72 помещик73 Чертапханов. — Он не кричал, не травил, не атукал;74 из разинутого рта изредка вырывались75 отрывистые [звуки, но] бессмысленные звуки76: бешено [сек] [он] нагайкой бедную77 лошадь, [не]. Беляк повернул 78 и ринулся мимо

меня 79… Бе… реги, береги®0 — с усилием пробормотал81 Чертапханов82… род… —димый, береги… Ермолай выстрелил… Раненый беляк покатился по тр<аве>83 и [спустя мгновенье] жалобно закричал в зубах у борзых 8\ [Турманом] [Кубарем] слетел Чертапханов с коня, поб<ежал>85 выхватил кинжал и [побежал раскар] [растопырив] побежал [раскарякой] растопырив ноги к собакам86, с неистовыми87 вырвал88 [зай<ца>] несчастного89 зайца [и] перекосясь всем лицом погрузил ему90 [весь] кинжал до рукоятки91… — погрузил — и захолкал… Тихон Иваныч по казался в опушке… Холкай же, братец92, возопил вторично Чертапханов. «Го го го го… повторил 93 Недопюскин 94. А вот тоже 95 по-настоящему летом охотиться не следует, заметил я, указывая ему96 на измятый овес. — [«Нет<?>!» спокойно возразил он мне, раздирая] Но помещику было не до тогоОн отпазончил [зайца и] заторочил 98 его99 и роздал [з] собакам лапки. — Тебе, любезный

— ———————————

70 а. высокому б. высоким

а. выскочили б. выскочили из опушки в. выскочили

72 а. вылетел б. вылетел из опушки *в*. вылетел

73 а. помещик б. сам помещик

74 Вписано: он задыхался, захлебывался:

75 е. вырывались б. вырывались у него *в.* вырывались

7С Вписано: а. выпуча глаза он мчался б. он мчался вышуча глаза

77 а. бедную б. несчастную

78 а. повернул б, дал угонку

79 а. мимо меня б. назад, в кусты, мимо [нас с] Ермолая… Борзые пронеслись… [Еще прыжок — и беглец спасен.]

80а. Ве…perH, береги б. Ве…ееги, бееееги

81 а. пробормотал б. словно косноязычный лепетал

82 а. Чертапханов б. замиравший помещик

83 а. по тр(аве) б. по гладкой траве, [при] [под] прыгнул [было] кверху—

84 а. борзых б. подоспевших борзых *в.* кобеля. Гончие подвалились, е. кобеля. Гончие тотчас подвалились.

85 а. поб<ежал> б, [закричал, А-ва-ва]

86 а. собакам б. навалившимся собакам, растолкал их ногами *в.* собакам

87 а. с неистовыми б. с яростными заклинаниями

88 а. вырвал б. вырвал у них

89 а. несчастного б. истерзанного

90 а. ему б. ему в горло

91 а. до рукоятки б, но самую рукоятку

92 а, Холкай же. бра теп б. Го го го го го го го

п а. повторил б. спокойно повторил

95 а. вот тоже б. ведь

96 а. ему б. Чертапханову

97 а. Но помещику было не до того б. «Не мое поле, спокойно возразил, едва дыша, расходившийся помещик

99 а. его б. зайца

— ———————————

мой 100, заговорил он 101, обращаясь к Ермолаю,.. [я по охотничьему пра<вилу>] а вас м<илостивый> г<осударь> продолжал он402, [я очень] [позвольте побла<годарить>] [покорно] благодарю103. Позвольте узнать как имя и фамилию. — Я назвал себя. — А! [надеюсь] Очень рад. — Коли случится [заверну<ть>] — милости просим ко мне, — Да где же этот Фомка? 104 — с сердцем [продолжал] продолжал он. — [Ему след} 405 Без него зайца затравили! —А под ним лошадь пала, [ло] спокойно ответил Тихон Иваныч... «Как! — Пал — Орбассан пал...10® Где он, где — Чертанха- нов [сно<ва>] ударил по лошади нагайкой 107 и поскакал сломя голову. — Тихон

Иваныч опять 108 поклонился мне два раза [как бы желая] [за] словноб 109 за себя и за товарища, и [поплыл110] [потащи] опять потащился за ним И1…

112 Эти две столь разнородные фигуры 113 сильно возбудили мое любопытство. Что могло связать [Что узы интимной дружбы связывали] [связали] два существа столь разнородные…114 [задача для] [и друзья неразрывные… Задача!] Я начал наводить справки. — Вот что я узнал. Помещик Чертапхапов, Пантелей Еремеич 115 слыл во всем околотке человеком опасным и сумасбродным, [но не злым,] гордецом и забиякой первой руки. — Служил он весьма недолгое время в армии и вышел [по «н] 116 в отставку «по неприятности» — с [чином] тем чином, по поводу которого говорят117 что курица не птица. — Происходил он от весьма старинного дворянского рода, некогда богатого; [но] деды его жили пышно 118 [и раз] [ро] [постоянно] по степному; то есть [иногда]

— ———————————

i0Q> а. Тебе, любезный мой *б.* За мною заряд

101 а. заговорил он *б.* проговорил ое тем же отрывистым и резким голосом

102 а. продолжал он *б.* прибавил он *в.* прибавил

он тем же отрывистым и резким голосом

104 Вписано: Тихон Иваныч!

405 Вписано: а. Где же эта бестия, б. Где же эта бесстия. *в.* Где же эта бэсстия г. Где он?

106 Вписано: Пфу… фить…

107 я. ударил по лошади нагайкой б. ударил лошади нагайкой по морде

**08 а.* опять *б.* [сперва]

409 а. словноб б. должно быть

110 а. поплыл б. медленно поплыл

111 а. опять потащился за ним б. поплелся рыс-цой в кусты *в.* опять поплелся рысцой

1,2 Далее весь рассказ об истории отношений Чертопханова и Недопюскина (Эти две столь раз-нородные фигуры <» особенно любил и уважал Марлинского…) *вписан в автографе дополнительно и отнесен к этому месту знаком №.*

113 а. две столь разнородные фигуры б. две столь разнородные фигуры и при всем том столь *в.* два помещика

114 а. Что могло связать два существа столь раз-нородные… б. Что могло связать узами неразрыв-ной дружбы столь разнородные два существа?

115 *а.* Еремеич б. [фр] *в.* [Ром]'г. Артамоныч *д.* Еремеич

ш Вписано: утверждают

117 а, говорят б. распространилось мнение
ш Вписано: [сорили деньгами]
— ———————————

принимали званых и незванных119, отпускали120 четверть121 овса [н] чужим кучерам на тройку 122, держали собак123, в торжественные праздники [поили] выкатывали народу бочки вина 124, — по зимам ездили в Москву [на целых] целой оравой 125 — а иногда по целым месяцам сидели без гроша — и питались домашней живностью. — Отцу Пантелея Еремеича досталось именье уже разорённое126; он [потрудился докончить на] в свою очередь тоже «пожуировал» 127 — и [оставил] умирая, оставил единственному своему наследнику Пантелею, [сельцо] заложенное сельцо Бессоново с тридцатью пятью душами мужеска и семидесятью шестью женска пола, да пустошь128 Колобродово12Э, на которые впрочем никаких крепостей в бумагах покойника не оказалось. [О] [Вообще, отец Пантелею] [Еремей [Саль] Лукич был человек] Покойник, должно сознаться, престранным образом разорился — усовершепствованья его сгубили 130. — По его* понятиям дворянину стыдно было 131 зависеть 132 [протранжирил свое именье]133 [будучи в 12-году предводителем своего уезда, на свой счёт

завёл] [и вообще чудак был необыкновенный]134 — завел у себя все возможные ремесла и мастерские. И между прочим 135- смастерил 136 такую огромную карету 137, что несмотря на дружные усилья согнанных со всего села крестьянских лошадей, вместе с их владельцами — на первом 138 косогоре завалилась и рассыпалась… Еремей Лукич (Панте леева отца звали Ерем. Лук.) поставил 139 памятник на косогоре 140. — Взду мал он строить 141 церковь; разумеется без архитектора 142, сжег целый лес на кирпичи, заложил фундамент-[хоть бы] огромный — хоть бы

— ———————————

119 Вписано: кормили их на убой

120 а. отпускали б. приказывали отпускать

121 а. четверть б. по четверти

122 Вписано: [лошадей]

123 а. собак б. музыкантов, песельников, гаеров и собак

124 а. выкатывали народу бочки вина б. поили православный народ вином и брагой

125 а. целой оравой б. на сорока подводах *в.* на своих, в тяжких колымагах

126 а. разорённое б. сильно разорённое *в.* разорённое

127 а. «пожуировал» б. сильно «пожуировал»

128 а. пустошь б. шестнадцать десятин неудобной земли в пустоши

129 а. Колобродово б. Колобродовой *в.* Колобродово

130 а. усовершепствованья его сгубили б. расчет? его сгубил

131 а. стыдно было б. не следовало

132 Вписано: а. от купцов и прочих разбойников как он выражался, [дворянину] б. от купцов и тому подобных разбойников как он выражался, [вообще от] горожан

183 Вписано: хозяйственные [затр]

134 Вписано: [он все делал сам, сам]

135 а. между прочим б. между прочим выдумками *в.* между прочим затеями

136 а. смастерил б. соорудил он по собственным соображениям

137 а. карету б. «семейственную» карету

138 а. на первом б. она на первом же

539 а. поставил б„ приказал поставить

1140 Вписано: а впрочем [и] нисколько не смутился

14 а.* строить б. также построить

142 а. без архитектора б. без помощи архитектора *в.* сам, без архитектора *г.* сам, как он выражался: я сам, сам, всё сам; без архитектора *д.*

сам, без помощи архитектора

— ———————————

под собор; вывел стены — начал сводить купол… купол завалился!43. Он опять; купол опять обрушился; он в третий раз; купол рухнул в третий раз. Призадумался [наш] мой Еремей Лукич; [думает] — дело неладное, [тут колдовство] колдовство проклятое замешалось — да вдруг и прикажи 144 перепороть всех старых баб [у сел] на деревне; баб пере- пороли: а купол [так] всё-таки не свели. —Избы крестьянам [построил] [пер] по новому плану перестраивал145- по три двора вместе146 — треугольником а по середине шесть [вби] поставить приказал147 со скворешницей 148 и флагом. — [Бабам] [У него как у всякого порядочного помещика — была контора; ежедневно] [А то вдруг обнародовал приказ: собрать, как можно более] Каждый день, бывало [издавал приказы:] придумывал новую затею: то из лопуха суп варил149, то лошадям хвосты стриг и из волос шапки 150 дворовым людям, [шапки из волос] [то заводил рого] хотел151 лён заменить крапивой, [из тыквы огурцы приказывал поливать солёной водой — и] свиней кормить152 грибами 153..154 Вычитал он155 в Московских ведомостях статейку харьковского помещика [Ор] Хряка

Хрупёрского — о пользе нравственности в [хозяйственом быт] крестьянском быту; понравилась ему статейка несказанно156; и друг157 отдал [крестьянам] приказ: всем крестьянам выучить-158 статью Харьковского помещика наизусть — а она вот как начиналась: Усугубленными попечениями благодетельного159 начальства достигнута наконец, возвышенная, каждому [истому] истино- му [чад] сыну160 отечества драгоценная мета» и пр. — Крестьяне выу-г чили статью; барин спросил их: понимают ли они всё 161? Прикащик отвечал что как не понять? — [Несмотря на хозяйстве] В 182 то же время он повелел163 всех подданных своих184 перенумеровать и каждому на

— ———————————

143 а. завалился б. упал

1144 а. да вдруг и прикажи б. сам распоряжусь *в.* да вдруг и приказал

145 а. перестраивал б. перестраивать пустился *в.* перестраивать начал

146 Вписано: а. поставил б. ставил

147 а. шест поставить приказал б. возвышался шест

148 а. со скворешницей б. с раскрашенной скворешницей

149 Вписано: [то все]

450 а. и из волос шапки б. на картузы

151 а. хотел б. то собирался

152 Вписано: [для п]

153 Вписано: и т. д.

154 Вписано: а. Чудак б. Кроме хозяйственных затей за ним водились *в.* Впрочем не одни хозяйственные затеи водились за ним. Он пекся также о благе своих подданных.

155 а. он б. он однажды

156 а. понравилась ему статейка несказанно б. до того понравилась ему статейка1

157 а. вдруг б. на другой день

158 а. выучить б. немедленно выучить

159 а. благодетельного б. сердобольного

460 а. сыну б. чаду

161 а. всё б. всё в ней сказанное *в.* всё в ней прописанное

462 а. В б. Однако

163 а. он повелел б. повелел он

164 Вписано: для порядка и хоз<яйственног)о расчёта

— ———————————

воротнике нашить свой*65 номер. [А где напр<имер> № 19-й спрашивал он по утру на перекличке] — При встрече с барином каждый

был обязан кричать iC6: такой-то № идёт; а бария отвечал ласково: Ступай себе с богом. — Однако несмотря на порядок и хозяйственный расчёт, [к концу] Еремей Лукич [скоро стал] [был] сталш [понем<ногу>] пришел [скоро] в затруднительное 168 положенье; начал сперва закладывать fa там и продавать своих мужичков — J свои деревеньки, а там и к продаже [переселился] приступил; селоия с недостроенной церковью продала уже сама казна, — (к счастью вскоре после] к счастью не при жизни Еремея Лукича — он бы не вынес этого удара — [и] две недели после его кончины. — [Однако он] Он успел умереть у себя в доме, на своей постели, окружепный своими людьми и под надзором своего лекаря.. Но бедному Пантелею досталось одно Бессоново/ [Пантелей] [Воспитанием Пантелея]

Пантелей узнал о смерти170 отца ужem в полкут. Ему только что минуло 18 лет J7\ [Он вырос] До!7~тал<етнего> возраста474 он не покидал175 родительского дома, и под бдительным надзором своей матушкиП6, добрейшей но совершенно тупоумной177 женщины, вырос 178 баловнем и барчуком. — [Пос] Она же 179 занималась его воспитанием 180, наняла ему француза181 ' [М. В] Штенгельмана, пьяного Эльзасца 483 в гувернеры

ш — и до самой смерти трепетала перед ним: ну,

— ————————————

**65 а.* свой б. его

1556 а. каждый был обязан кричать б. [бывало] всяк бывало так уж и кричал

167 а. стал б, постепенно (1 *нрзб.) б*, но немногу стал

188 я. затруднительное б. весьма затруднительное

т а. село б. последнее село *в.* прадедовское гнездо, село

а. смерти б. болезни

i7i Зачеркнуто и восстановлено

т Вписано: а. [... и гусарский] в самом разгаре «неприятности» б. в самом разгаре вышеупомянутой «неприятности». — ' 1

373 а. минуло 48 лет б. пошел 18 год

та. До 17-тмл<етиего) возраста б. До 17-ти лет в. С самого раннего детства з* С самого детства

175 а. он не покидал б. не покидал он

**76 Вписано:* Василисы В<асильевн)ы

177 а. совершенно тупоумной б. до невероятности тупоумной *в.* до тупоумия бессмысленной

т Вписано и зачеркнуто: совершенным

п9 а. же б. одна

380 Вписано: а. (Еремею Лукичу, погруженному

в хозяйственные соображенья, было не до того). Только однажды высек он собственноручно арапельником своего сына за то, что он вместо рщм [употреблял] выговаривал: арцы; [При чем должно принять в соображение, что Ерл'емей) ЛукСяч) был правда] Ер(емей) Лук<ич> был не в духе: у него лучшая собака убилась об дерево. — В<асилиса) В(асильевн)а 4 Еремею Лукичу, погруженному в хозяйственные соображенья, было не до того. Правда однажды собственноручно высек он арапельником своего сына за то, что ов букву рцы выговаривал: арцы; но *ж* тот день Ер<емей> Лук<ич) [страдал] тайно *ш* глубоко скорбел:* лучшая его собака убилась об дерево. —В<асилиса) В<асильевн)а

181 а. ему француза б. немца

182 а. пьяного Эльзасца *б,* пьяного и дюжего Эльзасца *в.* отставного солдата иэ Эльзасцев

183 а. в гувернеры б. в гувернеры Паетюше

— ———————————

думала она, коли откажется! Куда я денусь? [Кс] Где я другого сыщу*84? — Уж и этого на силу на силу [от] сманила у соседки 185! — И Штенгель- ман, — как человек сметливый, — тотчас воспользовался ш: пил мертвую и спал целый день187. По окончании «курса наук» — [Пантелея отдали

в пол] Пантелей поступил в военную службу. — Василисы В<асильевн>ы уже не было на свете. Она скончалась за полгода до этого события188 — от испуга; ей во сне привиделся белый человек верхом на медведе и с надписью на груди: Антихрист. — Еремей Лукич вскоре последовал за своей половиной18э. [Каково же] [Представьте же вы теперь, любезные читатели, положение Пантелея] Но каково было удивление Пантелея i9°, когда он вдруг и совершенно неожиданно из богатого наслед- никк превратился в чрезвычайно мелкого поместногомвладельца! — Не Многие в состоянии вынести такой крутой перелом: Пантелей одичал? ожесточился, [и стал го] Он родился честным 192, как все Чертапхано- вы [из рода в род], щедрым и добрым<эз, — хотя взбалмошного и горячего — он превратился в гордеца и забияку; [он стал] перестал знаться с соседями: стыдился богатых а®\ гнушался бедных; неслыханно дерзко обращался со всеми властями195: я, мол, столбовой дворянин. — Раз чуть-чуть не застрелил станового, вошедшего к нему в к,омнату с картузом на голове. Разумеется [не вк] и ему ее спускали 4S\ но всё- таки бвдлисьт. Да и сверх того, человек он был чистый, [не замешан] ни в чем не замешанныйlss. От малейшего возражения

глаза Чертапханова разбегались, голос прерывался. — «А ва ва ва ва ва» лепетал оя — «пропадай моя голова» — и [что сам себя не помнил] хоть на стену199. Никто к нему, разумеется, не ездил. — ЙГ при всём том человек он был не злой200, даже великодушный201 — по-своему;202 за

— ———————————

[1] а. сыщу б. учителя найду

[1] Вписано: и то за 100 целк(овых)

[1] а. воспользовался б. воспользовался исключительностью своего положенья

п1.а. целый день б. с утра до вечера

[1] а. события б. важного события

[1] Вписано: а. Пантелей не застал его в живых б. Пантелей не застал в живыж своего ро<дителя> *в.* Пантелей не застал родителя в живых

[1] я. Пантелея б. почтительного сына

ш а. чрезвычайно мелкого поместного *б.* мелкопоместного

[1] а. Он родился честным б. Из человека честного

[1] а. щедрым и добрым б. щедрого и доброго *На полях против этого места написано:* враг несправедливости) и притеснения)

[1] а. стыдился богатых б. богатых он стыдился

[1] а. со всеми властями б. со всеми… даже с

установленными властями

т а. и ему не спускали б. установленные власти с своей стороны также [даже] ему не спускали и при случае [вымеща<ли>] дав.али себя знать

[1] а. боялись б, боялись его — потому что горячка был он страшная — и на втором слове предлагал резаться на ножах <?. его побаивались — потому что горячка был он страшная — и со второго слова предлагал резаться на ножах.

[1] а. ни в чем не замешанный б. не замешанный ни в чем

[1] Сюда из предшествующего текста перенесены слова: Да и сверх того «> не замешанный.

[1] а. человек он был не злой б. [серд] е. душа в нем была добрая

[1] а. великодушный б. великодушная

302 Вписано: несправедливости, притеснения он [не терпел] в чуже не выносил, —

— ———————————

мужиков своих стоял 203 горой. Как, говорил он, исступленно стуча кулаком по собственной голове… Моих трогать, моих… Да не бу^ь я Чертапханов…

Дворянин Тихон Иваныч Недопюскин не мог, подобно Щнт<елею> Ер<емеичу> гордиться своим происхождением. [Отец его] [Дед его был

однодворец; отец в поте лица] Отец его 204 сорокапятилетней службой добился дворянства. Г-н Недопюскин-отец принадлежал к числу людей, которых несчастие преследует с ожесточением неослабным, неумолимым, с ожесточением похожим на личную ненависть. — В теченьи 60-летней

[слу<жбы> жизни 205 [боролся он] с самого рождения и до самой кончины — бедняк боролся со всеми нуждами, недугами и бедствиями, свойственными человеческой породе 206; бился как рыба об лед, не доедал, не досыпал, кланялся, хлопотал 207, действительно невинно пострадал по службе — и умер наконец — не помню хорошенько 208 — на чердаке или 209 в погребе, не успев заработать ни себе ни детям куска насущного хлеба210. Человек он был по природе честный211… а брал взятки212—

«по чину» — от гривенника до целкового включительно213… Кто в него бросит первый камень? [Но вечные тревоги, мучительная борьба214 с нуждой и голодом,] У него215 жена была216 худая и чахоточная; были и дети; — к счастью они все скоро перемерли, исключая Тихона да дочери Натальи, вышедшей после многих печальных приключений, за

прикащика, крепостного человека княгини И. И.217 [После смерти отца и матери] Г-н Недопюскин [-отец] успел-было [при] ещё при жизни своей приписать218 [сво<его>] Тихона заштатным чиновником [губерн] в канцелярию… но тотчас после смерти отца219, Тихон вышел в отставку. Вечные тревоги, мучительная, [ежедневная] борьба с нуждой 220, и голодом, [и болезнью] тоскливое221 унынье матери, [бесславное] хлопотливое отчаянье отца, грубые притеснения лавочника 222 — всё [про]

— ———————————

[1] а. стоял б. стоял он

— а. Отец его б. Отец его Иван Тихоныч — из однодворцев в. Родитель его

— а. 60-летней жизни б. 60-летней своей жизни *в.* целых 60 лет

— а. человеческой породе б. человеческой породе вообще и маленьким людям в особенности

— Вписано: унывал [замирал] и томился, [рассчитывал] дрожал над каждой копейкой

— а. не помню хорошенько б. вероятно в. не то

[1] а. или б. не то

280 Вписано: Судьба замотала его словно зайца на угонках

[1] а. по природе честный б. добрый и честный

[1] а. брал взятки б. взятки брал

218 Вписано и зачеркнуто: Скажите у кого подымется рука на него?

[1] а. борьба б. ежедневная борьба

285 а. него б. Недопюскина

[1] а. жена была б. была жена также

[1] а. И. И. б. Турумбаклевой

[1] а. приписать б. поместить

119 а. смерти отца б. его смерти *в.* смерти родителя

[1] а. нуждой б. холодом

[1] Вписано: [бессл]

[1] а. лавочника б. хозяев и лавочника

— ———————

бедственное прошедшее 223 развило в Тихоне робость неизъяснимую; при одном виде начальника он трепетал и замирал как пойманная птичка [...матери 224 его бы] [тоже умерла ещё прежде отца]. Он бросил службу. — «Равнодушная» 225 природа [которая] влагает в свои созданья 226 [при] [на] способности 227 и наклонности, нисколько не соображаясь с их положением и средствами 228; Она, изволите видеть, [на] как настоящий художник, [заботится] занимается искусством 229 для искусства... Она вылепила 230 из Тихона, сына бедного чиновника [и голыша]

— существо, [исключительно] чувствительное, ленивое, мягкое, восприимчивое, существо, исключительно обращённое к наслажденью^ [сибарита] [и «томной неге»…] [существо,] одаренное чрезвычайно тонким [и] обоняеьем и вкусом… а оно выросло231 на кислой капусте и [тухлом сн] тухлой [рыб<е>] [треске] рыбе 232. Судьба неотступно терзавшая Недопюскина-отца, продолжала забавляться сыном, именно забавляться 233. Она никогда 234 не довела 235 его до отчаянья, не заставляла испытать постыдных мук, голода: — она 236 мыкала им с одного конца России до другого 237, из одной унизительной 238 должности в другую; — [из] то производила 239 его в «мажордомы» сварливой 240 и злой241 барыни 242, то в [угхра] нахлебники помещала 243 к купцу староверцу 244 — то 245 в начальники домашней канцелярии у стриженого

— ———————————

[1] а. бедственное прошедшее б. бедственная жизнь *в.* это грязное, ежедневное^ непрерывное горе

[1] а. матери б. мать

[1] Вписано: а может быть и насмешливая

[1] а. свои созданья б. людей

[1] а. способности б. разные способности

[1] а. средствами б. средствами в свете *в.* средствами в обществе

[1] а. занимается искусством б. предается искусству

[1] а. Она вылепила б. Со свойственной ей заботливостью и любовью вылепила она

[1] а. а оно выросло б. Вылепила, тщательно отделала — и предоставило ему вы- ростать е. Вылепила, тщательно отделала — и предоставило своему произведенью» выростать

[1] Вписано: а. И однако он вырос, б. И это произведенье выросло — начало — как говорится «жить»… Пошла потеха *в.* И это произведенье выросло — с трудом; но вырос<ло,> начало — как говорится «жить»… Погла потеха.

[1] а. продолжала забавляться сыном, именно забавляться б. принялась и за сына. Но с Тихоном Иваныче<м> она поступала иначе — variatio delectat -: она им забавлялась *в.* принялась и за сына, видно разлакомилась. Но с Тихоном она [стала поступать] поступала иначе — variatio delectat -: она им забавлялась

[1] а. никогда б. ни разу

[1] а. не довела б. не доводила

[1] а. она б. но

J37 а. с одного конца России до другого б. по

всей России, из Великого-Устюга» Красноярск *в.* по всей России, из Великого-Устюга в Царево-Кокшайск

[1] а. унизительной б. унизительной и смешной

[1] а. производила б. жаловала

[1] а. сварливой б. к сварливой

[1] а. злой б. жолчной

[1] а. барыни б. барыне-благодетельнице

[1] а. в нахлебники помещала б. помещала его в нахлебники

[1] а. к купцу староверцу б. к богатому скряге купцу из староверцев

[1] а. то б. то определяла

— ———————————

на английский лад князя24в; — то247 в полудворецкие, иолу-шуты [поме<щику>] степному248 помещику — псовому охотнику5549…25® СловомТ<ихон> И<ваныч) [по милости свое] испытал на себе252 русскую 253 тяжелую и праздную прихоть[во всех ее видах], [той безобразной прихоти], [он 255] [пелену] [по милости своей звезды,] [праздной] стариков и [помещико<в>] праздных брюхачей258! -барства!*'57 — Сколько раз, наедине, в своей [кануре] комнатке 258 с холодными слезами отчаянья [и] на глазах259

вырваться из этого ада260 [бр] уехать на другой же день убежать тайком, [сыскать] допытать своего счастья в городе, сыскать себе хоть [какое] писарское местечко — или уж умереть261 с голоду на улице… Да во-первых, силы Бог не дал — и во-вторых… к кому пойти просить места? 262 Как себе место выхлопотать? Кого просить? — «Не дадут», шептал гвя несчастный, уныло переворачиваясь на постеле… «Не дадут…» 254 Бог знает205 [чем бы

— ———————————

а. у стриженого на английский лад князя б. у лупоглазого князя, стриженого английский лад

[1] а. то б. то производила

[1] а. степному б. к степному

849 а. охотнику б. охотнику и драчуну

Вписано: а. выпил горькую чашу жизни б. выпрл гореч жизни *в.* Судьба — словно заставила бедного Тихона выпить по капле и до капли весь горький и ядовитый напиток подчиненного существованья, [он как будто]

[1] а. Словом б. Словно мой бедн<ый>

852 а. испытал на себе б. потянул по милости своей звезды, побывал *в.* для того только и родился на свет [божий], чтобы *г.* послужил-таки на своем веку *д.* послужил он на своем веку

263 а. русскую б. славянской

[1] а. тяжелую и праздную прихоть б. тяжелой прихоти

2"15 а. он б. Тихон

[1] а. стариков и праздных брюхачей б. заспанной и [сво] злобной скуке; е. праздной, заспанной и злобной скуке [безчинств <?>, [праздных ба]

[1] а. барства! б. праздного барства!

[1] Вписано: отпущенный наконец [с Богом] натешившейся всласть ватагой гостей,

[1] Вписано: клялся он, весь пылая стыдом,

[1] д. вырваться из этого ада б. вез бросить

[1] я. умереть б. зараз, умереть

[1] а. во-вторых… к кому пойти просить места? б. во-2-х робость разбирала- в-третьих наконец

[1] а, шептал б. шептал бывало

[1] Вписано: И на другой день снова принимался тянуть [ту же] лямку. — *Далее вписано дополнительно: а.* Тем мучительнее было его положенье, что [он] та же заботливая природа не одарила его не малейшими способностями к [ту] ремеслу тута у нас на Руси: он не умел ни петь, ни плясать до упаду, желудок его п@ варил вина смешанного с чернилами и прочею дрянью б, Тем мучительнее было его положенье, что та же заботливая природа [совершенно отказала ему] яе

потрудилась одарить его хотя малой толикой тех способностей и дарований, [так необходимых] 1ио] без которых ремесло забавника у нас на Руси невозможно): он напр(имер) не умел ей плясать до упаду [под'} в медвежьей шубе навыворот, ни балагурить и любезничать [под] в непосредственном соседстве расходившихся арапельников; он простужался; желудок ©го не варил ям вика смешанного с чернилами и прочею дрянью — ни крошеных мухоморов и сыроешек с уксусом… в. Тем мучительнее было его положенье, что та же заботливая ярнрода не потрудилась одарить его хотя малой толикой тех способностей я дарований, без которых ремесло забавника у нас на Руси не

— ———————————

кончилось] что бы стало наконец с Тихоном 266 — если бы один из его «благодетелей» 268 не вздумал в веселый час приписать в своем завещании: — А Зюзе Недопюскину 269 предоставляю в полное 270 и потомственное владение деревню271: Безселендеевку — со всеми угодьями». — Благодетеля 272 [в] прихлопнул паралич. — [раек] [за] 273 [От] Завещание раскрыли… прочли. — Потребовали Недопюскина 27\—

Большая часть собрания знала в каком отноше-

нии он находился к благодетелю275: оглушительные восклицанья, насмешливые восклицанья278 посыпались ему навстречу…277 Деревня Без<селендеевк>а состояла всего из 20 душ мужеска пола и потому никто об ней не сожалел сильно… Отчего же 278 при случае не потешиться? — Недопюскин долго не хотел верить своему счастью… ему показали завещанье… он краснел279, отмахивался, жмурился — и зарыдал наконец 280. Хохот собранья превратился в густой281 рев. — Один только наследник, штатский генерал282 Ростислав Адамыч [Купфер] [Шервен] [В] Шнабель, не вытерпел; [с надменным и небрежны<м>] он подошел 283 к Недопюскину, стал к нему боком 28\ глянул на него через плечо [нео] [и] [небрежно спроси<л>] [с] [презрительно-небрежно спросил его]: Вы, сколько я мог заметить, м<илостивый> г<осударь> — 285 [застаяли] состояли у почтенного Фёодора28й Феодоровича в должности потешного, как гово—

— ———————————

возм(ожно): он напр<имер> не умел ни плясать до упаду в медвежьей шубе навыворот, ни балагурить и любезничать в непосредственном соседстве расходившихся арапельников; выставленный нагишом на двадцатиградусный мороз

он простужался; желудок его не варил ей вина смешанного с чернилами и прочею дрянью — ни крошеных мухоморов и сыроешек с уксусом…

[1] а. Бог знает б. Господь ведает

[1] *а.* Тихоном б. бедным Тихоном *в.* Тихоном Иванычем

[1] а. один б. последний

[1] Вписано: разъевшийся откупщик, некш г-н [Ф] [Подо] [Закидан] Подо- шлюхин

*26*ь *а.* Недопюскину б. Недопюскину ([он же] Тихону тож)

[1] а. полное б. вечное

[1] а. деревню б. благоприобретенную мною деревню

[1] а. Благодетеля б. И что ж? Несколько дней спустя благодетеля за стерляжьей ухой

[1] Вписано: суд [наследство,] нагрянул, опечатали имущество, как следует, съехались родные.

[1] Вписано: а. В то время Тихон проживал в <i *нрзб.}* б. Явился Недопюскин,

[1] а. в каком отношении он находился к благодетелю б, какую должность Тихон Иваныч занимал

216 а. восклицанья б. поздравленья

[1] Вписано: — П(омещи)к! Новый помещик, кричали наследники.

[1] а. Отчего же б. так почему же

[1] аг краснел б. Краснел, бормотал

[1] а. зарыдал наконец б. зарыдал наконец в три ручья

[1] а. густой б. густой и слитный

[1] а. штатский генерал б. довольно видный чиновник из Петербурга

[1] а. он подошел б. пододвинулся боком

[1] а. стал к нему боком, *б.* надменно

[1] Вписано: [заговорил он] нестерпимо правильным и чистым языком

[1] а. Фёодора б. Фёдора

— ———————

рится, прислужника? Генерал 287 [выражался] языком, н<естерпимо> ч<истым> и п<равильным>. [Недопюскин смутился и с и] [Увлеченный стремл] Расстроенный, смущенный, затормошенный 288 Недопюскин не [понял во<проса>] расслышал слов генерала 289… но другие 290 господа тотчас все замолкли… Генерал291 повторил 292 свой вопрос. Недопюскин [раз] с изумленьем [раск<рыл>] поднял глаза и разинул рот. —Ростислав Адамыч снисходительно улыбнулся. — Вот, говорят 293, продолжал он; правда, не всякий, так 294 сказать, согласился бы таким образом [дост<авать>] зарработать себе насущный

хлеб… но degustibusп он estdisputandum; то есть — у всякого свой вкус. — Скажите, подхватил <1 *нрзб.У* [П] г. Шн<абель> сильно поощренный улыбками всего собранья — какому таланту в особенности вы обязаны своим счастьем? — Нет, не стыдитесь, скажите, мы все здесь свои. Может, вы умеете ходить на руках, поднявши ноги [?] так сказать, к верху? — Недопюскин с тоской поглядел кругом… Все лица злобно улыбались, все глаза покрывались влагой неги 295. — Или может быть, вы умеете кричать [по-петушино- м<у>] как петух? — Взрыв веселости 296 [мгн<овенно>] [промчался] раздался кругом и стих тотчас, заглушённый ожиданьем… Или, может быть вы на носу… «Перестаньте, [генерал-97,] перебил 298 Ростислава Адамыча резкий 299 голос [из угла]. Как вым не стыдно мучить бедного человека… Все оглянулись. В дверях стоял Чертапханов. — В качестве родственника 300 покойника 301 — он тоже получил приглашена 302 на чтение завещанья 303… [Он] Во всё время чтения он — по привычке 304, держался в гордом отдаленьи от прочих г<оспо>д помещиков, — и уже собирался уехать 305. [Генерал] Г-н Шмабель быстро

обернулся и увидав человека бедно одетого — не казистого… Кто это?

спросил он в полголоса у соседа?.. 306 Бедный помещик 307... отвечал тот в полголоса 208. [Ростисл<ав>] Чинов<ник> презрительно усмехнулся.

— ———————————

[1] а. Генерал б. Чиновн(ик)

[1] а. затормошенный б. ошеломленный

[1] а. генерала б. чино<вейка> *в.* Шнабеля

[1] а. другие б. прочие

[1] а. Генерал б. [Чинов<ник>]

[1] а. повторил б. потер себе руки и повторил

[1] а. Вот, говорят б. Поздравляю Вас, м(илостивый) г(осударь), поздравляю

[1] а. так б. можно

[1] а. неги б. удовольствия

[1] а. весёлости б. хохота

[1] а. генерал б. вы

[1] а. перебил б. перебил вдруг

[1] а. резкий б. резкий и громкий

[1] а. родственника б. четверою (родного) племян(ника)

304 а. покойника б. покойного откупщика

[1] а. приглашенье б. пригласительное письмо

[1] а. на чтение завещанья б. на родственный съезд

[1] а. по привычке б. как всегда

[1] а. и уже собирался уехать б. Перестаньте, повторил он надменно закинув голову

— Вписано и зачеркнуто: Г-н Шнабель отличался осторожностью.

— а. Бедный помещик б. Чертапханов, бедный помещик

[1] а. тот в полголоса б. ему на ухо сосед

— ———————————

А вы что за командир, заговорил он [внезапно] в нос и прищуря глаза… Вы что за птица…309 [Бочка пороху не с меньшей быстротой] Чертапханов вспыхнул как порох от искры…310 Тррррзашипел он с бешенством312 — Кто я? Кто я? Я столбовой дворянин, Пантелей Чертапханов — мой прапращур царю служил — а ты кто? Р<остислав> А<да- мыч> шагнул313 назад… Он не ожидал такого отпора… — Я птица… я… я… птица! О о о о ">14. Шнабель отскочил назад в большом волненьи. Гости бросились навстречу раздраженному помещику… Стреляться — стреляться — сейчас стреляться — кричал Пантелей… Извините, извините 315… Извинитесь, извинитесь31в, бормотали вокруг Шнабеля перепуганные 317 дворяне — он ведь такой, сумасшедший… готов здрезать. Извините, извините, я не знал, я не знал, залепетал бедный [Ш] ч…ъ… я не знал…

Чертапханов318 усмехнулся; подошел к319 Недопюскину, взял его за руку, в последний раз глянул на [бледного] Р<остислава> А<дамыча> — и торжественно вышел из комнаты вместе с [своим] новым [помещиком и] владельцем деревни Б<езселендеев>ки. —

С того [времени] самого дня они уже почти 320 не расставались321. [Недопюскин почувствовал] Неограниченная благодарность Недопюски- на скоро перешла в совершенное)32? благоговение. [В его глазах 323 не было человека возвышеннее, благороднее, небы] [необыкновенным человеком. Его гордая смелость, гордость,) — Слабый, мягкий [уступчивый, слегка за] не чистый 324 Т<ихон> И<ваныч> склонялся в прах перед [гордым,] нахальным бескорыстным 325 Пантелеем 326. — Он удивлялся ему до недоуменья 327 — почитал его человеком необыкновенным, небывалым 32\ Притом 329 — как ни было плохо310 воспитание Чертапхано—

— ———————————

[1] Вписано: позвольте спросить.

[1] Вписано: [Прилив зл(обы)] Бешенство захватило ему дыханье.

[1] а. Трррр б. Дз дз дз дз

[1] а. с бешенством б. словно удавленный и

вдруг загремел

[1] а. шагнул б. побледнел и шагнул

3114 Вписано: Чер(тапханов) ринулся вперед.

[1] а. Извините, извините б. или проси извиненья

[1] а. Извинитесь, извинитесь б. Просите, просите извннемья

[1] а. перепуганные б. перетревоженные

[1] Вписано: [с тр]

[1] Вписано: [трепе]

[1] а. почти б. более

[1] Вписано: а. Сельцо Н<едопюскин>а Б. Без<селендеевк>а б. От Б<езселен- деевк)и до Бессонова всего было восемь верст… [Недопюскин спе] *в.* Сельцо Б(езсе лендеевк>а [находилось в восьми] отстояло всего на (восемь) верст от Бессонова

[1] а. совершенное) б. подобострастное

[1] а. В его глазах б. Чертопханов в его глазах

[1] а. не чистый б. не совсем чистый

[1] а. бескорыстным б. безбоязненным и бескорыстным

[1] Вписано: а. Легкое ли дело! с губернатором говорит — прямо в глаза ему глядит — [дит] смотрит… словно невиноватый, б. Легкое ли дело! думал он иногда про себя — с губернатором говорит — прямо в глаза ему смотрит — смотрит…

[1] а. до недоуменья б. до недоуменья, до изнеможенья душевных сил

[1] а. небывалым б. небывалым, умным ученым

[1] а. Притом б. И то сказать

[1] а. плохо б. худо

— ———————————

ва, всё же в сравненьи с Тихоновым33i оно могло показаться блестящим. Чертапханов332 чего не читал 333, по-французски говорил 334 до того335 плохо — [что) до того плохо — что однажды на вопрос гувернера из швейцарцев: Comment vons parlez 33®, Monsieur? — отвечал: Же не умею [па] — и подумав 337 прибавил: па… Но всё-таки он помнил что были 338 на свете Вольтер [и Руссо], острый сочинитель; что [Руссо] французы с англичанами много воевали и 339 Фридрих Великий — прусский король на военном поприще тоже отличился. — [И] из русских писателей прочёл Пушкина и 340 особенно любил и уважал Марлин- ского…341

Несколько дней спустя 342 отправился я в сельцо Безсоново, [поместье] место жительство помещика Чертапханова. — [Госп<одский> 343 Небольшой его домик, [скром] стоял 344 на голом месте в полуверсте от деревни, [как] [на виду,]

на юру 345 — словно ястреб на пашне. — [Кругом ни деревца.] — [Состоял этот домик из од] Вся усадьба 346 состояла из этого господского домика 347, конюшни, сарая и бани;348 [каждое] и каждое строенье 349 стояло 350 отдельно, само по себе351; [кругом ни забора, ни] ни плетня 352 [ни ворот] кругом, ни ворот 353. [Словно хозяева вчера переселились — и если бы не ветхое и гнилое] [Перед] [на доро] У сарая 354 собаки 355 терзали 356 дохлую

— ———————

333 а. с Тихоновым б. с воспитанием Тихона 332 *а»* Чертапханов б. Чертапханов правда 333 чего не читал по-русски читал очень мало *в.* по-русски читал мало 334 *а.* по-французски говорил б. а знал по-французски *в.* а по-французски понимал 335 *а.* до того б. очень 336 а. Comment vous parlez б. Vous parlez Francais 337 а. подумав б. подумав немного* 338 я, были б. был *S39' а.* и б. и что ио а. прочёл. Пушкина и б. он *34J Вписано: а. ш* любимую борзую пр(озвал) б. и любимого борзого кобеля прозвал Амалат-Беком… 338 д. спустя б. после первой моей встречи с обоими приятелями 338 *Вписано и зачеркнуто:* Издали виднелся его 338 *а.* стоял б. стоял отдельно е. торчал *г.* стоял *д.* возвышался *е.* торчал 338 *а,* на юру *б.* как говорите (я) на юру *340*

а. усадьба б. усадьба П-а Ч-а *347 а.* этого господского домика б. этого ветхого и гнилого домика *в.* четырех осиновых срубов разной величины — а именно: флигеля, г. четырех ветхих [и гнилых| «срубов разной величины — а именно: флигеля, *368 Вписано и зачеркнуто:* и не 338 а. и каждое строенье б. каждое строенье ветхое и гнилое *в.* каждый сруб 338 *а.* стояло б. сидело *355 а,* само по себе б. сам по себе 332 а. плетня б. забора *353 Вписано: а.* Кучер мой остановился у заглохшего колодца, б. Кучер мой остановился у [загло] [совершенно засорен<ного>] гнилого и засоренного до крайности колодца, я. Кучер мой остановился у гнилого и засоренного1 колодца. *35* а.* У сарая б. Подле сарая 338 а. собаки б. [дв] несколько борзых ш гончих, [паршив(ых)] взъерошенных и паршивых, *в.* несколько борзых худых и взъерошенных щенков*Далее вписано и зачеркнуто*: под надзором 338 *а.* терзали б. терзала

— ———————————

357 а, лошадь б. лошадь, вероятно Орбассаиа

358 а. одна б. один

359 а. полаял б, полаял на меня *в.* торопливо полаял

360 а. собак б. падали *в.* лошади

361 а. глупым б. желтым

362 а. постегивал их арапельиик0м б. постегивал арапельиик0м самых алчных

363 а. почернелой б. черной

364 я, небольшие б. небольшие кривые

а. кисло поглядывали из-под косматой черной соломенной крыши небольшие кривые тускло-сизые окошечки невыносимо б. небольшие кривые, тускло-сизые окошечки невыносимо и кисло поглядывали из-под косматой черной соломенной крыши

366 а„ крыльцу б. кривому и старому крыльцу

367 а, главного дома б. флигеля *в.* главного дома

368 Вписано: а, <1 *нрзб.)* почернели ж покачнулись вперед б. иные [бревна] почернели и высунулись вперёд

370 Вписано: а. Никто [не ответил мне] мне не [отозвался] откликнулся... [Слышалось] [мне как б] Слышался мне говор за дверью: Аз... буки... да шу же дурак, говорил он... аз букжу веди, глагол... есть! да нет — глагол — есть! есть! Ну пиль же, теперь дурак! — Я постучался в другой раз. б. Никто не откликнулся... Однако мне слышались за дверью резко произносимые слова: Аз... буки... да ну же дурак, говорил сиплый голос... аз буки, веди,

глагол… да нет — глагол — есть! есть! Ну пиль же, теперь дурак! — Я постучался в другой раз

371 а. лай б. подавленный) лай

372 а. и громкий б. тот же

373 Вписано: <1 *нрзб.)*

374 а. шлафроке б0 халате, широких шароварах и ермолке в, халате, широких шароварах в красной ермолке

375 л. держал б. стискивал

376 а. пуделю б. молодому пуделю

— ———————————

А! проговорил он с достоинством и не трогаясь с места — милости просим 377. Очень рад вашему посещенью 378. А я вот с Вензором вожусь. — Милости прошу садиться. — Тихон Иваныч, прибавил 379 помещик возвыся голос, пожалуйте 38" —ка сюда. Гость приехал. — Сейчас, сейчас, [раздался] отвечал из соседней комнаты Тихон Иваныч. — Маша, дай381 [по] мне панталоны 382 [, прибавил он в полголоса]. Помещик 383 Чертопханов [про] снова обратился к Вензору 38\ Я глянул кругом. — [Комната] В комнате [не [находил] было почти никакой мё- 'бели] кроме [круглого стола] покоробленного 385 стола на шестнадцати ножках, да четырехсоломенных кресел 386 не было никакой мёбели; [выбелен-

ные)] давным давно выбеленные стены с синими пятнами в виде •звезд — во многих местах облупились; [на] между окнами висело разбитое и тусклое зеркальце в огромной [и] раме под красное дерево, [в уj по углам стояли чубуки; а на потолке висели 387 черные 388 паутины 389. — Чертапханов [видимо] должно быть запугал собаку… Экое глупое животное — воскликнул вдруг Чертапханов. Есть! Есть! Есть!390 Я посмотрел — несчастный391 пудель сидел 392 поджавши хвост и скривив морду уныло моргая и жмурясь 393; [на носу у него лежал кусок хлеба…] Да ешь же пиль! повторял неугомонный помещик. Вы его запугали — заметил я… Ну так чорт с ним… Он пихнул его ногой. Бедняк поднялся, сронил 394 хлеб с носа долой 39\ и пошел словно на цыпочках в переднюю — более обиженный чем [и испуганный] огорченный 396. И действительно: чужой человек в первый раз приехал — а с ним так поступают…

[Но] Дверь из другой комнаты [и] осторожно скрыпнула — и г-н Недопюскин вошел, приятно раскланиваясь и улыбаясь… Я встал и покло

— ———————————

377 а. милости просим б. здравствуйте

378 Вписано и зачеркнуто: Мы обменялись

обычными приветствиями.

379 а. прибавил *б.* где ж е. прибавил

380 а. пожалуйте *б.* пожалуй

381 а. дай *б.* подай

382 а. панталоны б. палталоны

383 Слово Помещик *зачеркнуто карандашом*

384 Вписано: и положил ему кусок хлеба на нос

385 а. покоробленного б. раздвижного покоробленного

387 а. на потолке висели б. с потолка спускались

388 а. черные б. толстые *в.* толстые и черные

389 а. паутины б. нити паутин

390 а. Чертапханов видимо «> Есть! б. А б. в. г. д., А. б. в. г. д. медленно произносил Чертапханов и вдруг воскликнул: Есть! Есть! Есть! Экое глупое животное. в. А. б. в. г. д. медленно произносил Чертапханов и вдруг неистово воскликнул: Есть! Есть! Есть! Экое глупое животное — Есть.

391 а. Я посмотрел — несчастный б. Но злополучный

392 а. сидел б. только вздрагивал и не решался разинуть рот; он продолжал сидеть

393 а. моргая и жмурясь б. моргал и жмурился, словно [сказать] он [хотел] говорил про себя: [Что ж] воля ваша

394 а. сронил б. тихо сронил

395 а. с носа долой б. долой с носа

396 а. более обиженный чем огорченный б. явно [очень] глубоко оскорбленный

— ———————————

нился… Не беспокойтесь, не беспокойтесь залепетал он, — Мы уселись. Чертопханов вышел в соседнюю комнату.

Давно вы пожаловали в наши полестины, заговорил он 397, осторожно кашлянул 398 в руку — и [для приличья] пальцы для приличья подержал 399 перед губами…

— [Да] другой месяц пошел.

— Вот как-с. Мы помолчали. [Чертапханов]

Хлеба, можно сказать, удивительные.400

Я наклонил [в] голову в знак согласия 401

Пантелей Еремеич вчера двух русаков изволили затравить, заговорил опять 402 Недопюскин, явно желавший оживить разговор. Пребольших-с русаков-с.

Хорошие у г-на Чертапханова собаки?

[П] Удивительные, с удовольствием возразил Недопюскин — можно сказать, первые по губернии. Он пододвинулся ко мне. — Да что-с! [у Пантелея] Пантелей Еремеич такой человек-с… Что только пожелает, вот что только вздумает

— глядишь уж и готово — всё уж так и ки- пит-с. — Пантелей Еремеич, скажу вам…403

Пантелей Еремеич 404 вошел в комнату. Мы пустились толковать об охоте, о собаках… Чертапханов позвал человека 405. Вошел дюжий парень [лет двадцати,] [пс] [с] [огромного росту, весь обросший волосами, смуглый и черноволосый 406] — в нанковом кафтане зеленоватого цвета с голубым воротником и ливрейными пуговицами.

— [Фо] [Прик] [Ф] [Чертапханов] Прикажи Фомке, отрывисто проговорил Ч<ертапханов> — привести Амалата да Сайгу — да чтоб [он] того — понимаешь… Автамон улыбнулся во весь рот, издал неопределенный звук и вышел. — Явился Фомка прилизанный 407 и затянутый408 ремнем с собаками409. Я для410 приличья, полюбовался411 глупыми животными (борзые все чрезвычайно глупы)… Чертапханов поплевал

— ———————————

397 а. он б. Недопюск(ин)

398 а. кашлянул б. кашлянув

399 а. пальцы для приличья подержал б. для приличья подержав пальцы

400 а. Хлеба, можно сказать, удивительные, б. Приятная нонеча стоит погода — продолжал Недопюскин и с такой благодарностью посмотрел

на меня, как будто от меня зависела погода. Хлеба, можно сказать, удивительные, в. Приятная нонеча стоит погода — продолжал Недопюскин и с благодарностью посмотрел на меня, как будто погода от меня зависела. Хлеба, можно сказать, удивительные.

401 Вписано: Мы опять помолчали.

**°3 Вписано*: Недопюскин усмехнулся [и] умолк и [только глаза] показал мне на него глазами, как бы желая сказать: Вот вы убедитесь.

404 а. Пантелей Еремеич б. Чертопх(анов)

405 а Чертапханов позвал человека, б. Хотите, я вам покажу свою свору, спросил меня Чертапханов и ее дожидаясь ответа позвал Автамона.

4ов *Начато*: и Криволап(ый)

407 а. прилизанный б. причесанный

408 а. затянутый б. перетянутый

409 а. ремнем с собаками б. [Он вел на зеленой] ленте [двух] собак

410 а. для б. ради

411 а. полюбовался б. похвалил *в.* полюбовался

— ———————————

им418 в самые ноздри, что впрочем, по-видимому не доставило им44а ни малейшего удовольствия. Недопюскин также поласкал 444 [их] Ама- лата. — Мы опять пустились415 бол-

тать. Чертапханов416 смягчился совершенно И7; лицо его приняло выражение почти беспечное, даже доброе 443... он глянул на меня, потом на Недопюски<на.)

Э! воскликнул он вдруг — что ей там сидеть, в задней комнатке 4i9. — Маша! а Маша! Поди-ка сюда.

[Никто] Кто-то зашевелился в соседней комнате — но ответа не •было...

[Говорят] [Ничего] Ма-а-ша, повторил 420 Ч<ертапханов>, подь сюда. Ничего. Гость Не бойся... Не укусит...

Дверь [расп] тихонько' растворилась и я увидел женщину лет двадцати, высокую и стройную, с цаганским лицом421, [смуглую,] [черноволосую,] с изжелто-чорнымя422 глазами и блестящими как смоль волосами 4"3; большие белые зз-гбы так и сверкали из-под тонких 424 и красных губ. На ней было белое платье; голубая шаль [на плечах, янтарные бусы на шее! заколотая [до половины] у самого горла 4М. [Ее] [Тонкий] орлиный нос с открытыми ноздрями 426, смелый очерк высоких и длинных бровей бледные, чуть-чуть впалые щеки, [легкий пушок на верхней губе] — все черты ее 428 выражали (застенчивое сму<щение>] своенравную страсть и беззаботную удаль...

Она шагнула раза два 429 |н] остановилась и потупилась…

Вот рекомендую, заговорил Чертапханов — жена не жена, а почитай что жена,.. Маша? 430

— ———————

442 а. мм. б. Амалату

413 а0 им *б.* ему *в*. этому псу

414 д. поласкал *6.* сзади поласкал

415 а. пустились б, принялись

45й а. Чертапханов б. Чертапханов понемногу, понемногу *в*. Через полчаса Чертапханов

ш Вписано: перестал петушиться [<1 *нрзб.)]* и фыркать;

418 а. лицо его привяло выражение почти беспечное, даже доброе б. лицо его приняло беспечное, даже доброе выражение *в.* выражение лица его изменилось

419 а. в задней комнатке *б.* одной

420 а. повторил *б.*, ласково повторил

421 а. лицом б. смуглым лицом

422 а. изжелто-чорными б. изжелто-карими

423 а. блестящими как смоль волосами б. блестящею как смоль косой е. черною как смоль косой

424 а. тонких б. полных

425 Вписано: *at* красной большой золотой бу-

лавкой прикрывала до половины ее [длинные] красивые тонкие, смуглые руки. — Не часто приходится видеть таких женщин. [Не} б. большой золотой булавкой прикрывала до половины ее тонкие, породистые руки. 426 а. ноздрями, б. полупрозрачными ноздрями

427 а. длинных бровей б. правильных бровей *е.* бровей

429 Вписано: с застенчивой неловкостью дикарки

430 а. Маша? *б,* но так ли Маша?

— ———————————

Маша слегка вспыхнула Я поклонился ей пониже [и заглянул ей в лицо]. Очень она мне нравилась иг.

Она подошла 433 к окну — [и] села.,. Я не хотел увеличить ее смущенье и заговорил с Чертапхановым… Она434 потихоньку 435 повернула голову и начала поглядывать из подлобья 43й… украдкой, быстро 437… Взгляд ее мелькал 438 словно жало змеи 44°. Недопюскин к ней подсел и шепнул ей что-то на. ухо. Она улыбнулась441, [странной улыбкой…] Улыбаясь, она слегка морщила нос ж444 приподнимала верхнюю губу; это придавало ей443 [выражение] не то кошачье, не то львиное выражение… (Угловатые движенья

ее рук]

О дты не тронь меня — подумал444 я в свою очередь посматривая 445 на ее гибкий стан, впалую грудь ш угловатые движенья 44в…

А что Маша, спросил [со] Чертапханов, надо бы гостя чем-нибудь поподчивать? а? —

У нас есть варенье 447… отвечала она,

Ну подай сюда варенье — да уж и водку кстати. — Да послушай, Маша, закричал он ей вслед — принеси-ка 448 гитару. Для чего гитару — спросила она в дверях. Я петь не стану. Отчего? — Не хочется. Э пустяки — захочется, коли., того…

Что? спросила Маша, быстро наморщив брови.

Коли попросят, [прибавил] договорил Чертапханов не без смущенья. А!.. |М] Она ушла — скоро вернулась с вареньем и водкой — и опять села у окна…449 [Над правой бровью ещё не] еще виднелась морщинка 450 — [и] обе брови медленно поднимались и опускались как усики у осы… Знаетеш ли вы, Господа Читатели, какое алое лицо у осы? — Бу — подумал я — собирается гроза… Разговор не клеился; Недопюскин

— ———————————

431 а. вспыхнула б. вспыхнула м с замешательством улыбнулась

432 а. нравилась б. понравилась *в.* нравилась

434 гг. Она б. Маша

435 а, потихоньку б. легонько

438 а. поглядывать из подлобья б, поглядывать на меня из подлобья *в.* из подлобья ва меня доглядывать

437 *а.* быстро б. дико, быстро

438 а, мелькал б. так и мелькал

439 а, словно б. как

440 *а.* жало змеи б. змеиное жало

ш а. ей *бе* ее лицу

444 а, додумал б. думал

445 а. в свою очередь посматривая б. в свою очередь украдкой посматривая в. украдкой посматривая в свою очередь

446 а. движенья б. [то] проворные движенья

ш Вписано и зачеркнуто: и

448 принеси-ка б. принеси тоже

449 Вписано: а. У ней еа лбу б. На лбу у Машм

450 ае виднелась морщинка б. виднелись морщинки 45! я. Знает© б. Заметили

— ———————————

[словно опустился] притих совершенно и [заме] [не] [бессмы<сленно>] напряженно улыбался… Чертапханов поводил усами как прусак и452 [пучи<л>] выпучивал глаза 453. —Маша вдруг с стуком 454 отворила окно — высунула голову

— и с сердцем закричала: Аксинья! Проходившая старуха вздрогнула 455: Аксинья! Старуха вздрогнула, [обернулась] хотела было повернуться — да поскользнулась 456… Маша захохотала как сумасшедшая 457… Чертапханов тоже засмеялся, Недопюскин завизжал от удовольствия… Перелом совершился 458. Гроза разразилась одной молнией. Воздух очистился. [Веселая] [Шумная весёлость сменила] [разом сменило прежнее все]

Полчаса спустя нас бы никто не узнал. Мы [веселились] болтали и шалили как дети. Маша [ож] резвилась пуще всех. Чертапханов так и пожирал её глазами. Лицо у ней побледнело… ноздри расширились, [и] взор запылал и потемнел в одно 459 время.

Недопюскин ковылял за ней на своих толстых и коротких ножках как утенок 460. —Она вдруг461 [выскочил<а>] выпорхнула в другую комнату, принесла гитару, сбросила шаль с плеч долой, тряхнула головой 462 — и запела цыганскую песню. — [Недопюскин] Голос ее, горловой и несколько болезненный 463 — звенел как надтреснувший колокольчик 46\ и больно и сладко и страшно 465 становилось на сердце, — дрожал и вспыхивал и замирал. Ай жги — говори… Чертапх<аков> гикнул и [пошел] пустился в пляс…

Недопюскин затопал и засеменил ногами 466… [Маша выпрямилась] Машу всю поводило как бересту на огне 467… Горло ее медленно приподнималось 468 [кор] [её] под двойным янтар

— ———————————

452 а. и б. краснел и

453 Вписано: Я уже собирался уехать.

454 а. с стуком б. приподнялась,

455 а. закричала: Аксинья! Проходившая старуха вздрогнула б. закричала проходившей старухе

456 а. поскользнулась б. поскользнулась и упала *в.* поскользнулась и тяжело шлепнулась наземь

457 а. захохотала как сумасшедшая б. звонко, звонко захохотала е. опрокинулась назад и звонко, звонко захохотала

458 а. Перелом совершился б. Мы все разом встрепенулись

459 а. одно б. одно и то же

460 а. утенок б. селезень за уткой *Далее вписано*: *а.* Вензор [прыгал] [появился] [пустил<ся>] выполз из-под прилавка в передней и принялся кусать Недопюскину икры. б. Даже Вензор выполз из-под прилавка, постоял на пороге, поглядел на нас и вдруг принялся прыгать и лаять и кусать за икры. *в.* Вензор выполз из-под прилавка в перед-

ней, постоял на пороге, поглядел на нас и вдруг принялся прыгать и лаять.

461 а. Она вдруг б. Маша

462 а. тряхнула головой б. закинула голову

463 а. Голос ее, горловой и несколько болезненный б. Горловой ее голос

464 а. колокольчик б. стеклянный колокольчик

465 а. и больно и сладко и страшно б. любо и жутко

466 а. ногами б. ногами на месте е. ногами

467 Вписано: *а*. Пальцы ее проворно перебирали струны — она сама б. Пальцы проворно бегали по гитаре

468 а. Горло ее медленно приподнималось б. Медленно приподнималось ее горло •*в.* ее смуглое горло медленно приподнималось

— ———————————

ным ожерельем… То вдруг притихала она и469 опускалась 47°. И Чертапханов останавливался, только плечиком подергивал да переминался на месте 471 — а Недопюскин покачивал головой как фарфоровый китаец — то снова заливалась она как безумная — [выпрямливалась] выпрямливала стан и выставляла грудь — и Чертопханов опять приседал до земли, подскакивал под самый

потолок, вертелся турманом 472; вскрикивал: Живой 473!.. Живо, живо, живо, живо, повторял 474 [Ти<хон>] Недопюскин.

Поздно [вечер<ом>] [ночью] вечером уехал я из Бессонова… [После мне сказывали]

— ———————————

469 а. притихала она и б. она умолкала *470* а. опускалась б. опускалась и словно неохотно срывала звуки с гитары *в.* опускалась [как] в изнеможении словно неохотно щипала струны *471* а. переминался на месте б. на месте переминался *472* а. турманом б. юлой *473 а.* Живой б. Жива *474* а. повторял б. подхватывал, зажмурясь *в.* подхватывал скороговоркой ---------—

КОНЕЦ ЧЕРТАПХАНОВА

Тем из моих читателей, которые еще не забыли фигуру Чертапханова в «Записках охотника» (см. отрывок: «Чертапханов и Недопюскин»)-я намерен, если им угодно меня выслушать, рассказать его конец.

I.

Года два спустя после моего посещения у Пантелея Еремеича начались его бедствия — именно

бедствия. — Неудовольствия, неудачи и даже несчастья случались с ним и до того времени — но он не обращал на них внимания — и «царствовал» по-прежнему. Первое бедствие, поразившее его, было для него самое чувствительное: Маша рассталась с ним. Что заставило её покинуть его кров — с которым она, казалось, очень хорошо свыклась, — сказать трудно. Чертапханов до конца дней своих, держался того убеждения, что виною Машиной измены был некий молодой сосед, отставной уланский ротмистр, по прозвищу Яфф, который, по словам Пантелея Еремеича, только тем и брал, что беспрерывно крутил усы, чрезвычайно сильно помадился и значительно хмыкал; но полагать надо — тут скорее подействовала бродячая цыганская кровь J. Как бы то ни было, а 2 в один прекрасный летний вечер, Маша, завязав кое-какие тряпки в небольшой узелок, отправилась вон из Чертапхановского дома. Она перед тем просидела дня три в уголку, скорчившись и прижавшись

— ———————————

1 а, кровь б, кровь, которая текла в жилах Маши

2 а. а б. только

— ———————————

к стенке, как раненая лисица — и хоть бы слово кому промолвила — всё только глазами поводила да задумывалась, да подрыгивала бровями, да слегка зубы скалила и руками перебирала, словно куталась. — Это3 и прежде на них находил — 4 Чертапханов это знал — а потому и сам не беспокоился и ее не беспокоил. — Но когда, вернувшись с псарного двора, где по словам его доезжачего, последние две гончие «окачурились» 5 — он встретил служанку, которая трепетным голосом доложила ему, что Марья мол Викуловна велела им кланяться, велела сказать что желает им всего хорошего — а уж больше к ним не вернется — Чертапханов, покружившись раза два на месте и издав хриплое рычанье, тотчас бросился вслед за беглянкой — да кстати захватил ® пистолет. Он нагнал ее в двух верстах от своего дома, возле березовой рощицы, на большой дороге в уездный город. Солнце стояло низко над небосклоном — и все кругом внезапно побагровело: деревья, трава и земля. Чер- тапханову чудилось — что это у него в глазах — от крови — помутилось. —

К Яффу! К Яффу! простонал он, как только завидел Машу. — К Яффу! повторил он, подбегая к ней и чуть не спотыкаясь на каждом шаге.

Маша остановилась и обернулась к нему ли-

цом. Она стояла спиною к свету — и казалась вся черная, словно из темного дерева вырезанная. Только 1 белки глаз выделялись серебряными миндалями в — а сами глаза — зрачки — еще больше потемнели 10. Она бросила свой узелок 14 — и скрестила руки.

— К Яффу отправилась, подлая! повторил еще раз Чертапханов, — и хотел-быдо схватить её за руку22 — но встреченный ее взглядом, опешил и замялся на месте.

— Я убью его, твоего Яффа, с трудом пролепетал его язык.

— Не к г-ну Яффу Я пошла, Пантелей Еремеич, ответила Маша ровно и тихо; а только с Вами я уж больше жить не могу.

— Как не можешь жить? Это отчего? Я разве тебя чем обидел?

Маша покачала головою. — не обидели Вы меня ничем П<антел>ей Е<ремеич> — а только стосковалась я в Вас. За прошлое спасибо — а остаться не могу — нет!

Чертапханов изумился; он даже руками себя по ляжкам хлопнул — ш подпрыгнул.

— Как же это так? — Жила, жила, кроме удовольствия и спокойствия ничего не видала — и вдруг — стосковалась! Сем-мол, брошу я его.

— ———————————

3 а. Это б. Этакий «стих»
4 Вписано: но никогда долго не продолжался;
5 *Вписано*: [когда]
6 а. захватил б. захватил с собой
7 а. Только б. Одни
8 а. миндалями б. миндалинами
9 а. сами б. самые
10 *Вписано*: — только там в их глубине что-то словно занялось
11 *Вписано*: в сторону
12 е. руку б. плечо
— ———————————

Взяла, платок на голову накинула — да и пошла. —Всякое уважение получала не хуже барыни 13…

— Этого мне хоть бы и не надо, заметила i4 Маша.

— Как не надо? Из цыганки-проходимицы в барыни попала, да: не надо? Как -не надо, цыганское 15 ты отродье?! Разве этому можно поверить? Тут измена кроется, измена!

Он опять зашипел.

— Никакой измены у меня в мыслях нету и не было — промолвила Маша 16; — я 17 уж Вам

сказывала: тоска 18.

— Маша! воскликнул Чертапханов 19 — ну перестань — полно, помучила — ну довольно. Ей Богу20 додумай только что Тиша скажет — ты бы хоть его пожалела!

Тихону Иванычу поклонитесь от меня и скажите.

Чертапханов взмахнул руками. — Да нет, врешь же, не уйдешь! Не дождется тебя твой Яфф!

— Господин Яфф… начала-было Яфф 21 —

— Какой он господин Яфф — вскипел 22 Чертапх<анов>. — Он самый, как есть, выжига — пройдоха — и рожа у него как у обезьяны…

Целых полчаса бился Чертапханов с Машей. Он то подходил к ней близко, то отскакивал, то замахивался на неё, то кланялся ей в пояс, плакал, бранился… Не могу, твердила Маша; грустно мне таково-то 23… тоска замучит. — Понемногу лицо ее приняло такие равнодушное, почти сонливое выражение — [что] Ч<ертапханов> [наконец] спросил ее уж не опоили ли её дурманом?

— Тоска, повторила 24 она в десятый раз…

— А ну как я тебя убью! крикнул он вдруг — и выхватил пистолет из кармана.

Маша улыбнулась; ее лицо оживилось — она словно обрадовалась, увидав пистолет в руке

Ч<ертопханов>а. — Чтож? убейте, П<антеле>й Е<ремеич>; в Вашей воле; а вернуться я не вернусь.

— Не вернешься? [<1 нрзб.У] Ч<ертапханов> [и] взвел курок. Маша еще пуще25 улыбнулась. Двойной ряд белых26 зубов сверкнул под кривыми ее губами

— ———————————

13 а. барыни б. какой барынж

14 а. заметила б. перебила

15 а. цыганское б. хамское

16 Вписано: а. своим певучим цыганским голосом б. своим певучим и четким цыганским голосом

17 я. я б. а я

18 а. тоска б. тоска меня взяла

Вписано: н ударил себя в грудь

20 Вписано: — ну!

21 а. Яфф. б. Маша

22 а. вскипел б. передразнил ее

23 а. таково-то б. таково

24 а. повторила б. проговорила

25 а. пуще б. шире

26 а. белых б. крупных белых

— ———————————

— Экой вы барип! Не вернусь.

— Маша 27! Последнее это твоё слово!

Глаза Маши [опять] раскрылись и вспыхнули.

— Не вернусь, голубчик. Ни в жизнь не вернусь. Слово мое крепко.

Ч<ертапханов> внезапно сунул ей пистолет в руку и присел на землю.

— Ну так убей ты меня! — Без тебя я жить не желаю. Опостылел я тебе — и всё мне стало постыло.

Маша нагнулась, подняла свой узелок [и] положила пистолет на тра- ву, дулом прочь от Чертапх<анов>а 2 \

— Эх, голубчик, [начала она особенным, певучим голосом], что ты убиваешься? Али наших сестер цыганок не ведаешь? Нрав наш таков, обычай. — Коли завелась тоска, отзывает душеньку во чужу-дальнюю сторонушку — уж тут где 23 оставаться [Вы] Ты Машу свою помни — 30 а я тебя не забуду 31 — а жизнь с тобой наша кончена!

— Я тебя любил, Маша, пробормотал Чертапханов в [свои] пальцы, которыми он охватил [ноги] лицо.

— И я вас любила, дружочик П<антеле>й Е<ремеич>..

— Я тебя любил., я люблю тебя без ума без памяти и как подумаю я теперь, что ты эдак, ни с сего

ни с того, здорово живешь, меня оставляешь — да по свету скитаться станешь — ну и представляется мне, что не будь я голяк горемычный — не бросила бы ты меня!

На эти слова Маша только усмехнулась.

— А бессеребренницей меня еще звал! промолвила она и ударила 32 его по плечу.

Черт<апханов> 33 вскочил на ноги. — Ну хоть денег у меня возьми — а то как же так без гроша? — но лучше всего: убей ты меня… Сказываю я тебе толком: убей ты меня зараз!

Маша опять головою покачала. — Убить тебя? а в Сибирь-то, голубчик, за что ссылают?

Черт<апханов) дрогнул. — Так ты только из-за этого… из-за страха каторги…

Он опять повалился на траву.

Маша молча постояла над ним. — Жаль мне тебя, П<антеле>й Е<ремеич>, сказала она со вздохом, человек ты хороший — а делать нечего. — Прощай!

Она повернулась проч — и шагнула раза два.

Ночь уже наступала — и отовсюду наплывали тусклые тени. — Чертапханов проворно поднялся — и схватил Машу 34 за оба локтя.

— ———————————

27 а. Маша б. Машка

28 Вписано: и пододвинулась к нему

29 а. уж тут где б. где уж тут

30 Вписано: а. другой ты подруги не найдешь б. другой ты такой подруги не найдешь

31 а. не забуду б. дружочка не забуду в. не забуду сокола моего

32 а. ударила б. с размаха ударила

33 а. Черт(апханов) б. Он

34 а. Машу б. Машу сзади

— ——————————

— Так ты уходишь… змея… К Яффу!

Прощай! выразительно и резко повторила Маша, вырвалась и пошла.

Ч<ертапхано>в посмотрел ей в след, подбежал к месту, где лежал пистолет, схватил его, прицелился, выстрелил. — Но прежде чем он пожал пружинку курка — он сам дернул рукою кверху: пуля избежала в воздухе и… Маша на ходу посмотрела на него через плечо — и отправилась дальше, в развалочку — словно дразня его.

Он закрыл лицо [руками] и бросился бежать 3\

На следующий день он явился на квартиру Яффа, который, как истый светский человек, не жалуя деревенского одиночества, поселился в уездном городе, «поближе от барышень зв, как он выражался. Ч<ертапхано>в не застал Яффа;

он, по словам его камердинера, накануне уехал в Москву.

— Так и есть! яростно воскликнул Чертапханов у них стачка была — она с ним сбежала. Но постой! —

Он ворвался в кабинет молодого ротмистра, несмотря на сопротивление камердинера. В кабинете над диваном висел портрет 37 в уланском мундире, писанный масляными красками. — А! вот где ты, обезьяна38! вскричал3® Чертапханов, вскочил на диван, и [с размаху] ударив кулаком по натянутому холсту, пробил в нем большую дыру.

— Скажи твоему бездельнику барину, обратился он к камердинеру, что за неимением его собственной гнусной рожи, дворянин Чертапханов изуродовал его писанную; и коли он желает ог меня удовлетворенья — он знает, где меня найти 40 Сказав эти слова, Ч<ертапхано>в соскочил с дивана — и торжественно удалился. Но ротмистр Яфф никакого удовлетворения от него не потребовал; он даже не встретился нигде с ним41 — и никакой истории42 не вышло. — Сама Маша скоро после того пропала без вести. — Ч<ертапхано>в запил-было; — однако — «очувствовался»… Но тут постигло его второе бедствие.

— ————————————

35 Вписано: а. Но он не отбежал еще 50 шагов, как остановился как вкопанный. Знакомый голос поразил его слух — Маша пела… «Век юный, прелестный — etc. Каждый звук так и расстилался в вечернем воздухе — жалостно и знойно — [выражал разгул] Голос уходил да уходил, замирал. [И как приятная <1 *нрзб.)* и расставанье навек Чертапханов (1 *нрзб.)* слушал. — <3 *нрзб.)* — л. ю. — и б. Но он не отбежал еще 50 шагов, как остановился словно вкопанный. Знакомый слишком <?> голос долетел до него — Маша пела… «Век юный, прелестный — etc. Каждый звук (3 *нрзб.)* так и расстилался в вечернем воздухе — жалостно и знойно — Он уходил да уходил, замирал. Это было (1 *нрзб.)* и расставанье навек. Ох! Чертапханов <1 *нрзб.)* слушал. — <1 *нрзб.)* была сила *л.* ю. — и

36 а. от барышень б. к барышням

37 а. портрет б. портрет хозяина

38 а. обезьяна б. обезьяна бесхвостая

39> а. вскричал б. погремел

40 Вписано: А то я и сам его найду.

и Вписано: и Ч(ертапханов) его не отыскивал.

4*2 а.* истории б. истории у них

— ————————————

II.

А именно: закадычный его приятель Тихон Иванович Недопюскин — скончался. — Года за два до кончины здоровье стало изменять ему: он начал страдать одышкой, беспрестанно засыпал — и, проснувшись, не скоро мог придти в себя: уездный врач уверял, что43 с ним происходят «ударчики». — В течение трех дней, предшествовавших удалению Маши, [в течение] этих дней 4\ когда она «затосковала» — Недопюскин пролежал у себя в Бесселендеевке: он сильно простудился. — Тем неожиданнее поразил его поступок Маши; он поразил его едва ли не глубже чем самого Чертапханова. — По кротости и робости своего нрава, он кроме самого нежного сожаления о своец приятеле, да болезненного недоумения, ничего не выказал… но все в нем лопнуло и опустилось. — «Вынула она из меня душу» — шептал он самому себе, сидя на своём любимом клеёнчатом диване и вертя пальцем около пальца. Даже когда Чертапханов оправился — он, ЕКедопюскин), не оправился и продолжал чувствовать, что пусто у него внутри — «вот тут». — Он показывал на грудь45 повыше желудка. Таким образом [он] протянул он до зимы. — От первых морозов его одышке полегчило — за то4в посетил его уже

не ударчик — а удар настоящий. Он не тотчас лишился памяти; он мог ещё признать Чертапханова — и даже не отчаянное восклицание своего друга — «что-мол, как это ты, Тиша, без моего разрешения оставляешь меня — не хуже Маши»!! — ответил коснеющим языком — [что] «Я… Па…а…сей Ее…еич? се…да ад Вас су*..шася»… — это однако не помешало ему умереть в тот же день, дождавшись уездного врача, которому при виде его едва остывшего тела, осталось только, с грустным сознаньем бренности всего земного, потребовать «водочки с балычком». — Имение свое Т<ихон> И<ваныч>, конечно «своему почтеннейшему благодетелю, П. Е. Чертапханову»; но почтеннейшему благодетелю оно большой пользы не принесло, ибо в скорости было продано с публичного торгу, отчасти 48 для того, чтобы покрыть издержки монумента — надгробной статуи 49 — которую Чертапханов (а в нем видно отозвалась отцовская жилка!) решился50 воздвигнуть над прахом своего приятеля. — Статую эту, долженствовавшую представить молящегося ангела, он выписал из Москвы; но комиссионер 5\ [к которому обратился] — сообразив, что в провинции знатоки скульптуры встречаются редко, вместо Ангела доставил 52 ему богиню Флору,

долгое время украшавшую один из заброшен

— ———————————

414 *а.* что б. что это

414 *а.* дней б. трех дней

5 а. «вот тут». — Он показывал ва грудь б. «вот тут», — говорил он показывая на середину груди

414 а. за то б. но за то

414 а. конечно б. завещал конечно

414 а. отчасти б. частью

>49 а. монумента — надгробной статуи б. надгробного монумента — статуи

а. решился б. вздумал

51*ач комиссионер б." отрекомендованный ему комиссионер

ьг а. доставил б. прислал

— ———————————

ных Подмосковных садов Екатерининского времени — благо эта статуя, весьма впрочем изящная, [т. е.] во вкусе рококо, с пухлыми ручками, взбитыми пуклями, гирляндой роз на обнаженной груди — и изогнутым станом — досталась ему — комиссионеру, даром. Так и до сих пор стойт мифологическая богиня, грациозно приподняв одну ножку, над могилой Тихона Иваныча — и с истинной помпадурской ужимкой

посматривает на разгуливающих вокруг нее телят и овец, этих неизменных посетителей наших сельских кладбищ.

III.

Лишившись своего53 друга, Чертапханов опять запил — и на этот «раз уже гораздо посерьезнее. — Дела его вовсе под гору пошли… Охотиться стало не на что; последние денежки перевелись; последние людишки разбежались, — Одиночество для П<антеле>я Е<ремеич>а наступило совершенное: не с кем было слова перемолвить — не то что душу отвести. Одна лишь гордость в нем не унималась. Напротив: чем хуже становились его обстоятельства, тем надменнее и высокомернее и неприступнее становился он сам. — Он совсем одичал под конец. — Одна лишь утеха, одна радость осталась у него: удивительный верховой конь, серой масти, Донской породы, прозванный им Малек-Аделем — действительно замечательное животное.

Достался ему этот удивительный конь следующим образом. — Проезжая однажды верхом по соседней деревне, он услыхал межичий гам и крик толпы около кабака. — Посреди этой толпы, на одном и том же месте, беспрестанно поднима-

лись и опускались дюжие руки.

— Что там такое происходит? — спросил он свойственным ему начальническим тоном у старой бабы, сидевшей у порога своей избы. — Опершись о притолку — и как бы дремля, посматривала баба в направлении кабака. — 54

— А Господь ведает, батюшка — отвечала онаS5; слышно наши ребята Жида бьют.

— Как — Жида? Какого Жида?

— А Господь его ведает, батюшка. — Проявился у нас Жид какой-то; ж отколе его принесло — кто его знает. Так вот его и бьют… Иди, сударик, к маме 5в.

— Как бьют? За что?

— А не знаю, батюшка. — Стало — за дело. Да и как не бить? Ведь он, батюшка, Христа распял!

— ———————————

53 *а.* своего б. своего верного

54 *Вписано:* а. Беловатый мальчик в [гр] ситцевой рубашонке сидел у ее ног б. Беловатый пузатый мальчик в ситцевой рубашонке с деревянным крестиком на голой грудке сидел растопыря ножки и между ее лаптями

55 *Вписано: ш* положила свою [тоненькую <?>] сморщенную руку на голову мальчика.

56 а. Так вот его и бьют… Иди, сударик, к маме. б.

Так вот его и бьют… Вася! Иди, сударик, к маме. *в.* Вася! Иди, сударик, к маме. Так вот его и бьют…

— ———————————

Ч<ертапхано>в ударил 57 лошадь нагайкой до шее — помчался 58 прямо на толпу, и ворвавшись в нее с размаху, начал той же самой нагайкой без разбору лупить мужиков на право и на лево, приговаривая прерывистым голосом: — Само… управство! Само… управство! Закон должен наказывать — а не… част…ные лица! За…кон! За…кон! За…кон! — Двух минут не прошло, как уже вся тол на отхлынула в разные стороны — и на земле, перед дверью кабака, оказалось небольшое, худощавое, чер номазое существо в нанковом кафтане, растрепенное и истерзанное… Бледное зеленое 59 лицо, закрытые глаза, раскрытый рот, смоченные потом волосы, поджатые руки и ноги… Что это? Замирание ужаса — или уже самая смерть?

— Это вы зачем Жида убили? громогласно воскликнул Чертапханов), грозно потрясая нагайкой.

Тол на слабо загудела в ответ. — Иной мужик держался за плечо, другой за бок, третий за нос. — Здоров драться-то, послышалось в задних рядах,

— С нагайкой-то… эдак всякий… промолвил

другой голос.

— Жида зачем убили? повторил Ч<ертапханов> — но тут лежавшее на земле существо проворно вскочило на ноги и забежав за Чертапханова, судорожно ухватился за [его седло] [<1 *нрзб.)]* [его ногу] стремя его седла.

Дружный хохот грянул среди толпы. — «Живуч!» послышалось опять в задних рядах. — Та же кошка!

— Васе благородие — заступитесь, спасите, лепетал меисду тем несчастный жид — всею грудью прижимаясь к Чертопхановой ноге80 — а то они меня убьют — убьют меня непременно!

— За что они тебя? обратился к нему61 Чертапханов.

— Да ей зе богу не могу сказать — [ответил скороговоркой жид — j тут вот у них скотинка помирать стала — так они и подозревают — а я зе…

— Ну это мы разберемся после! перебил Ч<ертапханов> — а теперь ты держись62 за стремя63 — да ступай за мною. — А вы! прибавил он, обернувшись к толпе — вы знаете меняв4! Я455 П<антеле>й Чертапханов) — живу в сельце Безсонове — ну и значит — жалуйтесь на меня, когда заблагорассудится — да и на Жида кстати. — Зачем жаловаться? проговорил с поклономfi6

седобородый67 му

— ———————————

— *а.* ударил б. вытянул
— *а.* помчался б. гикнул, помчался
— *а.* Бледное зеленое б. Зелено-бледное
— а. Чертопхановой ноге б. ноге Чертопханова
— *а.* держись б. держись-ка
— *а.* стремя б. седло
— *а.* знаете меня б. меня знаете
— *а. Я б. Я* помещик

б® а. с поклоном б. с низким поклоном ®7 а. седобородый б. седобородый степенный

— ———————————

жик68. — Мы, батюшка Шантелей) Е<ремеич> тебя ®® знаем70; много твоей милостью довольны, что научил нас!

198 Зачем жаловаться? подхватили другие — а с нехриста того мы свое возьмем! Он от нас не уйдет! п

Чертапханов повел усами, фыркнул, и поехал шагом к себе в деревню, сопровождаемый жидом, которого он освободил таким же72 образом от его притеснителей, как освободил некогда 73 Тихона Недопюскина.

IV.

Несколько дней спустя, единственный уцелевший у Чертапханова казачок доложил ему, что к нему прибыл какой-то верховой и желает поговорить с ним. Чертапханов вышел на крыльцо и увидал знакомого Жидка, верхом на прекрасном донском коне, неподвижно и гордо стоявшем посреди двора. На Жидке не было шапки, ноги он вдел не в самые стремена а в ремни стремян, разорванные иолы его кафтана висели с обеих сторон седла. Увидав Чертапханова, он 74 зачмокал губами и локтями задергал75 — но Чертапханов рассердился7® и... так и вспыхнул77: ему показалось неприличным, что паскудный Жид смеет сидеть еа такой прекрасной лошади — и он повелительным голосом приказал ему тотчас слезть, если [6J не хочет чтобы его силой стащили — с позором!! 78

Жид немедленно повиновался, свалился мешком с седла, и придержи* вая одной рукою повод, улыбаясь и кланяясь, пододвинулся к Чертой* ханову.

199 Чего тебе? с достоинством спросил Жантелей) Е<ремеич>.

200 Васе благородие — каков 79 конёк? спросил80 Жид

201 Лошадь добрая... Ты её откуда достал?

— Украл, должно быть? —

— ———————————

69 *Вписано*: (Жида он впрочем тузил не хуже других). *а.* тебя б. твое благородие

70 а. знаем б. знаем хорошо

78 Вписано: Мы его, значит, как зайца в поле…

72 а. таким же б. таким же точно

73 а. освободил некогда б. некогда освободил

75 Вписано: а. и заболтал ногами б. и ногами заболтал

7в а. рассердился бе не только не ответил на его привет — но даже рассердился

71 а. и… так и вспыхнул б. так весь *ж* вспыхнул вдруг

76 а. и он повелительным голосом приказал ему тотчас слезть, если не хочет чтобы его силой стащили — с позором!! б. и он повелительным голосом приказал ему тотчас с нее слезть, если не хочет чтобы его силой стащили? е. Эй ты рожа!

закричал повелительным) гол<осом> — сейчас с неё слезай он тотчас с нее слезть, если не хочет чтоб тебя силой стащили! *г.* Эй ты эфиопская рожа! закричал пов(елительным) гол(осом) — сейчас с нее слезай, если не хочет чтобы тебя силой стащили! *(В черновике недоправлено.)*

7*'а. каков б. извольте посмотреть каков

80 а. спросил б. промолвил
81 *Вписано*: ее переставая кланяться
— ———————————

Как можно — украсть82! Нет 83 не украл — а для васего благородия достал 84 — уз старался я старался! За то и конь! — Такого коня по все» му Дону другого найти не возможно! — [Это конь.,.] Посмотрите вы 8\ что за конь86! Посмотрите87 сюда… Тпру… тпру… повернись! — Каков! (ж!] вас благородие!

«Лошадь добрая…» повторил Чертапханов с притворным равнодушием ~ а у самого сердце так и заколотилось в груди… Очень уж очень80 был страстный охотник до «конского мяса» и понимал в нем толк.

202 Да вы, васе благородие — его погладьте — по шейке89 его погладьте — вот так…

Чертапханов словно нехотя — положил [ему] руку на шею коняэо потом провел ею" по спине и дойдя до [т] места92 над почками — слегка поводил по-охотницки93 — это местечко, отчего конь немедленно выгнул [спину] хребет — и оглянувшись искоса на Чертапханова94 фукнул и переступил передними ногами. Жид засмеялся95. — Хозяина признает, васе б<лагороди>е, хозяина!..

203 Ну не ври — с досадой подхватил 96 Ч<ертопхано)в — Купить мне у тебя этого коня… не на что — а подарков я еще ни от кого91 не [брал] принимал!

204 Как98 зе я смею Вам дарить", подхватил Жид; — а Вы купите, Васе благородие, — а денежки я подожду. *205* Ч<ертопханов> задумался, — А 100 что возьмёшь? спросил он101.

206 Да что самому стоил і02. — Двести рублей!

Лошадь конечно103 стоила вдвое — а пожалуй что и втрое против этой суммы.

— ———————————

82 а. Как можно — украсть б. Как можно — васе благородие е. Как зе возможно — васе благородие

83 а. Нет б. Я

84 а. достал б. добыл

85 а. вы б. васе благородие

86 а. что за конь б. что за конь такой

88 а. очень б. он

89 а. но шейке б. по сейке

90 Вписано: а. хлопнул раза два б. раза два

м а, ею б. пальцами

92 а. места б. известного местечка

93 я. поводил но-олотницки б. по-охотницки подавил

94 Вписано: а. своим черным как агат глазом б, своим черным и гордым глазом

95 Вписано: [и бил в ла<доши>]

9<vподхватил б. перебил

97 а. ей от кого б. не то что от жида — ни от самого господа бога

98 а. Как б. И как

99 а. дарить б. подарки делать, помилосердуйте В(асе) б<лагороди)е! *в.* стони- будь дарить, помилосердуйте!

100 а. А б. Ты

101 а. спросил он б. промолвил он наконец сквозь зубы. *Далее с абзаца:* Жид пожал плечами.

103 а. конечно б. очевидно

— ———————————

Ч<ертопханов> глянул104 в сторону, потянулся и зевнул. —Лихорадочно. — А когда… деньги? спросил он, насильственно нахмурив брови и не глядя на Жида,

— А когда будет В<ашем)у благородию угодно! 105

— Это не ответ. — Ты говори толком, Иродово племя! Одолжаться у тебя стану что ли? —

— Ну сказем так — поспешно [, заискивающим тоном] проговорил Жид… через шесть месяцев… Согласны?

Чер<топханов> ничего не отвечал.

Жид старался заглянуть ему в глаза i0V- Согласны? Нриказете на конюшню Вам поставить?

— Седло мне… не нужно — [проч] произнес отрывисто Ч<ертонха- но)в. Ты седло возьми 407. — <3 *нрзб.*) 306 [Гордость в нем] никогда так сильно в немі0® не страдала гордостьио, — Явно что подарок — дума- лось ему И1. — И обнял бы он*., и побил бы он Жида и\..из

— [А] вас благородие,114 — надо бы, по русскому обычаю, из полу в полу…

— Вот еще что вздумал! — Васька 445 — возьми лошадь на конюшню Овса ему засыпь…*47

Чертапханов взобрался было на крыльцо — но круто повернулся на каблуках — и подбежав к Жиду — к великому его изумлению — [крепко] крепко стиснул ему руку. — Тот [было] наклонился — и губы уже протянул — но Ч<ертопханов> от скочил назад и промолвив И8: Никому не сказывай! исчез за дверью, —

V.

С самого этого дня главным делом, главной заботой, радостью в жизни Чертопханова — стал Малек Адель, — Он полюбил его так, как едва ли любил самоё Машу [или], привязался к нему

больше чем к Недо—

— ———————————

[1] а. глянул б. отвернулся

[1] Далее вписано с абзаца: Ч<ертоихаеов> голову назад закинул.

soca. глаза б. лицо

[1] а. седло возьми б. седло возьми — слышишь

308 а. <3 *нрзб.)* б. Как зе, как зе, возьму, возьму, залепетал обрадованный Жид… *С абзаца:* А деньги… через 6 месяцев и не 2:00 — а 250 р. За мною! Чертапханов все ве мог решиться взглянуть на [него] Жида. в. как зе, как зе, возьму, возьму, залепетал обрадованный Жид… *С абзаца:* А деньги… через 6 месяцев и не 200 — а 250 р. 250, говорю тебе! За мною! Чертапханов все не мог решиться поднять глаза.

[1] а. так сильно в нём б. в нём так сильно

sso Вписано: [никогда он <1 *нрзб.)* не чувствовал своего унижения]

ш Вписано: Из благодарности, чорт!

И2 *а.* обнял бы он… *ш* побил бы он Жида б. обнял бы он… *я* побил бы он этого Жида е. обнял бы он этого Жида и побил бы он его

из Вписано: [Жид слегка подтянулся <2 *нрзб.)*

И4 Вписано: я. начал Жид — с улыбкою б. начал Жид — приободрившись и ос- клабясь

ий а. Васька б. Эй, Васька

119 а. на конюшню б. сведи на конюшню

[1] а. Овса ему засыпь б. Да овса засыпь… Я сам приду — посмотрю в. Да овса засыпь… Я сам сейчас приду — посмотрю

ш а. промолвив б. промолвив в пол голоса

— ———————————

июскину. — Да и конь же был! — [Порох] Огонь как есть огоньИ9, а степенство как у боярина! 820 Шагом идет — как на руках 421 несет — ровно — что в зыбке качает — а поскачет — так и ветер за ним не угонится 422. — [Отроду] Ноги 123 как 1124 стальные. Чтоб он спотыкнулся 425 — и в помине этого не бывало i2e… Перескочить ров ли, тын ли — это[му] ему нипочем. А427 умница какая! — На голос бежит 128 — прикажешь ему стоять 129 — не ворохнётся — только как станешь возвращаться — чуть-чуть заржет — здесь-мол я. — И ничего-то он не боится — в темноте 430 дорогу сыщет — [в ме<тель>] а чужого ни за что не подпустит зубами [съест] загрызет. И собака не суйся к нему — сейчас передней ножкой её хвать432, только она и жила! — С амбицией конь: плетку 433 только для красы над ним помахивай — а сохрани бог его тронуть.134

[Чертапханов по целым часам] Примется Чер-

тапханов расписывать своего М<алек> А<дел>я — откуда речи берутся! — А уж как он его холил и лелеял! — [описать невозможно!] Шерсть на М<алек> А<деле> 133 отливала серебром — повести по ней ла°донью — тот же бархат. Седло, чепрачек, уздечка — [одним словом] вся сбруя до того была ладно при- гната, в порядке, вычищена — что и сказать нельзя 43в!.. — Чего больше? Чертапханов137 сам собственноручно и чолку ему заплетал и гриву — и хвост мыл пивом и даже копыта бывало 238 мазью смазывал…

[В] Сядет439 он на своего [сос] коня440 — и поедет не по соседям — он с ними по-прежнему не знался, а через их поля — мимо усадеб — полюбуйтесь-мол издали! — А то, прослышит что где-нибудь охота проявилась — в отъезжее поле собрались 441 — он сей час туда — и гар—

— ———————————

и® а. огонь б. огонь просто порох

[1] Вписано: *а.* Неутомимый, выносливый. — Коли нет ничего другого, землю под собой ест. б. Неутомимый, выносливый. — Коли нет ничего другого, рад землю под собой есть. Куда хошь его поверни — [не нужно рук] безответный

821 а. на руках б„ в руках

[1] а. ветер за ним не угонится б. ветру за ним

не угнаться. И никогда-то он не запыхается — потому: отдушин много

823 а. Ноги б. А ноги

[1] а. как б. просто

[1] а. спотыкнулся б. спотыкнулся — помилуй бог в. когда спотыкнулся

12в с. не бывало б. не бывывало

[1] а. А б. А уж

[1] а. бежит б. так и бежит задравши голову

ш а. стоять б. стоять и сам уйдешь — а он

[1] а. в темноте б. в самую темять, в метель

831 а. чужого ни за что не подпустит б. чужому ни за что не дастся

[1] а. хвать б. по лбу тюк!

[1] а. плетку б. плеткой

534 Вписано: *а.* — Да что толковать — сокровищ© а не лошадь! б. — Да что там тол» ковать — сокровище а ее лошадь!

185 а. М<алек> А<деле> б. нем

13® а. что и сказать нельзя б. Бери карандаш и рисуй

13Т а. Чего больше? Чертапханов б. Чертапханов — чего больше? —

538 а. бывало б. яе раз

53® а. Сядет б. Бывало сядет

[1] а. коня б. Малек Аделя

ш а. собрались б. богатый барин собрался
— ———————————

цует на горизонте142, удивляя всех143 красотой и быстротой своего коня — и близко никого к себе не подпуская. Раз как-то охотник даже погнался за ним со всей свитой — и на скаку 144 кричать ему изо всей мочи,45. — Эй! Бери что хочешь за своего коняU6- тысячи не пожалею! — Жену отдам, детей! Бери последнее!» —

Но П<антелей> Е<ремеич>147 остановил коня. — Тот448 подлетел к нему. — 149 Малек Адель стоит, гордо взметнул голову — и взирает и ушами прядёт. —

— Коли ты Царь — промолвил850 Ч<ертопханов> — а он отроду не читал851 Шекспира! — подай152 свое царство.. Да 453 и того не возьму. — Сказал, захохотал, поднял коня на дыбы, повернул им154 на одних задних ногах, как 155 волчком или юлой — и марш марш! Так и засверкал по жневью! А охотник шапку о земь да как грянется сам лицом в шапку! С пол часа так пролежал.156

VI.

Между тем время шло [и] срок платежа [Жиду за) [250 рублей] приближался — а у Чертапханова не только 250 рублей — но 457 и 50 158. — Чтож?

думал он159, коли не смилостивится Жид160, отдам я ему [все имение] дом и землю — а сам отправлюсь [с другом моим] куда глаза глядят! Ноі61Малек-Аделя не отдам! — [Су] Волновался он очень и 162 задумывался; но тут [вн] судьба [-в первый и в последний раз] — словноі63сжалилась над ним, улыбнулась ему: — какая-то

— ———————————

842 а. на горизонте б. в отдалении на горизонте

[1] а. всех б. всех зрителей

[1] а. и на скаку б. видит что уходит от него Чер(тонханов) и начал он

[1] а. изо всей мочи б. изо всей мочи — на всем скаку: Ты! слушай! ты

846 а. своего коня б. свою лошадь

[1] а. Но П(антелей) Е(ремеич) б. П(антелей) Е<ремеич> вдруг

848 а. коня. — Тот б. М(алек> А(деля) и охотник

[1] Вписано: «Батюшка» кричит — отец родной, говори чего желаешь?..

[1] а. промолвил б. промолвил с расстановкой

[1] а. не читал б. не читывал

[1] а. подай б. подай мне всё

[1] а. Да б. Так

854 а. повернул им б. повернул им на воздухе

— а. как б. словно

— Вписано с абзаца: а. И как было Ч<ертопхано>ву не дорожить своим конем? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство — несомненное… последнее над своими соседями? б. Й как было Ч<ертопхано)ву не дорожить своим конем? Не по его ли милости оказалось у него снова превосходство — несомненное… последнее превосходство надо всеми его соседями?

— а. но б. не было

**58 Вписано*: Кошки скребли у него на сердце… А чем помочь?

[1] а. думал он б. решил он наконец

460 Вписано: не захочет еще подождать —

588 а. Но б. С голода умру — а

[1] е. и б. и даже

[1] а. словно б. [нео<жиданно)|

— ———————————

<1 ирзб.> |в\ [чуть не] 4-хородная тетка, имен 1С5 которой ему было не- известно186 — оставила ему по духовному завещанию 2000 рублей — сумма огромная в его глазах — iG7и получил он эти деньги в самый, как говорится, раз168: — за день до прибытия Жида. — Чертапханов чуть не обезумел от радости — по он 169 не подумал о водке — с самого дня как М<алек> А<дель> поступил к нему он капли в рот не [взял] брал. — Он

побежал в конюшню и облобызал своего друга [в о] с обеих сторон морды, над ноздрями — там где кожа так нежна у лошадей 17°, Теперь уж не расстанемся! воскликнул171 он, хлопая его172 по шее, под гривой 373 — [и] Вернувшись домой, [отложил] отсчитал174 и запечатал в пакет двести пятьдесят рублей, — Потом помечтал покуривая трубочку i75, о том, как он распорядится с остальными деньгами П6, побеседовал даже с Филькой, которому обещал новый казакин с [басонами на груди] жолтыми по швам басонами — и лег спать в блаженнейшем настроении духа. —

Перед утром 177 ему привиделся нехороший сон: будто он выехал на охоту, только не на Малек-Аделе — а на каком-то [неизве<стном>] странном животном вроде верблюда; — навстречу ему бежит белая лиса — [и] он хочет взмахнуть арапником, натравить*78 на [<1 *нрзб.У]* неё собак — а вместо арапника у него179 мочалка — и лиса бегает вокруг 180 и зубы на него скалит. Он соскакивает с своего верблюда — и попадается181 в плен182 [Яффу, который] жандарму, в котором он узнает Яффа…

Чертапханов проснулся… В комнате было темно — вторые петухи только что пропели… и где-то 183, далёко-далёко, проржала лошадь…

— ———————————

[1] а. <1 *нрзб.) б.* дальняя

185 а. имен *б.* самое имя

[1] а. ему было неизвестно б. было неизвестно Чертапханову

[1] а. 2000 рублей — сумма огромная в его глазах — б. сумму огромную в его глазах — а именно 2000 рублей в. сумму огромную в его глазах — целых 2000 рублей!

[1] а. в самый, как говорится, раз б. в самую, как говорится, пору

[1] а. он б. и

[1] а. у лошадей б. бывает у лошадей

178 а. воскликнул б. восклицал.

т а. его б. М(алек) А деля

[1] а. гривой б. расчесанной гривой

[1] а. отсчитал б. он отсчитал

i7 а. покуривая трубочку б. лежа на спине, покуривая трубочку *в.* лежа на спине и покуривая трубочку

876 Вписано: а. а именно, каких он раздобудет собак — настоящих костромских, краснопегих! б. а именно, каких он раздобудет собак — настоящих костромских, и не» пременно краснопегих

т а. утром б. самым утром

i7еа. натравить б. хочет натравить

— *а. у него б. у него в руке*

— а. вокруг б. перед ним

[1] а. и попадается б. спотыкается, падает и падает

[1] а. в плен б. прямо в руки

ш а. и где-то б. *С абзаца*: Где-то

— ———————————

Ч<ертопханов> приподнял голову. — Вот еще раз раздалось 484 тонкое- тонкое ржание…

Это Малек-Адель ржёт — подумалось ему — это он 485LНо отчего же так далеко? 186 Не может быть!

Он187 мгновенно соскочил с постели, [как-то] ощупью отыскал сапоги платье 18\ оделся — и побежал в конюшню [который] выскочил на двор.

VII.

Конюшня находилась на самом конце двора; и одной стеной 4Р0 выходила в поле. — Ч<ертопханов> [вложил] не сразу вложил ключ в замок — руки у него дрожали — и не тотчас повернул ключ — а194 постоял молча 19\ приникнув ухом: [в] хоть бы что пошевельнулось193 за дверью! — «Малешка! Малец!» проговорил 494 он в полголоса: то же безмолвие 195! — Он отворил дверь и 498 остановившись на пороге, снова кликнул своего коня — уже mполным [его] именем:

Малек Адель!! — Но не отозвался товарищш — только мышь прошуршала по соломе. — Тогда Чертапханов [пря<мо>] бросился в стойло, где обыкновенно стоял 199 М<алек> А<дель>. — [пусто]. Он попал в него прямо, хотя [ниж] в конюшне 200 такая стояла тьма, что хоть глаз выколи... Пусто! — [Чертапханов] Голова закружилась у Чертапханова201! -Он хотел крикнуть 202 — но только засипел — и шаря 203 кругом вверху, внизу как по—

— ———————————

ш а. Вот ещё раз раздалось б. Ещё раз послышалось

[1] а. он б. его ржание

486 Вписано: Батюшки мои..„

ш а. Он б. Он вдруг весь похолодел в. Ч(ертопханов) вдруг весь похолодел

[1] *а.* платье б. и платье *в.* платье

[1] а. и побежал © конюшню б. и, захватив ключ от конюшни *в.* и, захватив из-под изголовья ключ от конюшни

[1] а. и одной стеной б. одной стеной она

[1] а. а б. Он

т а. молча б. недвижно

195 а. пошевельнулось б. шевельнулось

[1] а. проговорил б. кликнул

[1] а. то же безмолвие б. тишина мертвая

!® а. Он отворил дверь и б. Он отворил дверь наотмашь и е. Чертапханов дернул дверь — она тотчас скрыпнула и отворилась — стало бьиъ-ие была заперта!! — г, Чертапханов невольно дернул ключей — дверь скрыпнула и тотчас отворилась — стало быть — не была заперта!! —

[1] а. уже б. на этот раз

898 а. товарищ б. верный товарищ

[1] а. в стойло, где обыкновенно стоял б. в <1 *нрзб.}* стойло, где обыкновенно етоял *в.* в одно из трех стойл конюшни, в котором помещался *г,* в то из трех стойл конюшни, в котором помещался

[1] а. в конюшне б. кругом

[1] Вписано: а. словно колокол загудел у него в ушах б. словно колокол загудел у него под черепом в. словно колокол загудел у него в ушах

[1] а. крикнуть б. сказать что-то

[1] а. шаря б. шаря руками

— ———————————

лоумный 204 перебрался из одного стойла в другое 205… в третье, почти до верху набитое сеном, толкнулся в одну стену, в другую — и вдруг выбежал 206 обратно 207 на двор…

Васька! Фонарь! Фонарь! Васька! 208 заревел он не своим голосом 209.

[Вась<ка>] Казачок Васька210 выскочил211 тоже как полоумный на этот дикий зов 212.

Как213 пьяные столкнулись оба, и барин и единственный его слуга, посреди двора…284 Барин215 [ничего) не мог [расск<азать>] растолковать в чем216 дело ни тот 247 не мог [его) понять, чего от него требовали… «Фонарь — подай, зажги фонарь» 2<3 — вырвалось наконец из замиравшей груди Чертапханова. Но и фонарь зажечь219, [разв<ести>] добыть огня было не легкое дело 2г0: [спички] серных спичек221 [тогда] в то время считались редкостью 222 — в кухне давно погасли последние уголья. Огниво и трут 223 не скоро нашлись и плохо действовали… Черт<апханов> так дико вырвал их 224 из рук Васьки 225, — стал высекать226. Искры сыпались 227 — а 228 трут не загорался!!! 229 [еще обильнее сыпались проклятия -и даже стоны:] [Наконец кое-как] либо погасал, несмотря на усердное раздувание 230 четырех напряженных щёк

— ———————————

204 *а.* как полоумный б. задыхаясь и спотыкаясь, с подгибавшимися коленками *в.* задыхаясь, спотыкаясь, с подгибавшимися коленками *г.* задыхаясь, путаясь на каждом шагу, с подгибавшимися коленками

205 *а.* в другое б. в другое и обратно *в.* сперва в другое *г.* в другое

206 а. и вдруг выбежал б. упал, приподнялся и вдруг опрометью выбежал

207 *а.* обратно б. через дверь

208 *а.* Васька! Фонарь! Фонарь! Васька! б. Васька! Огня! Васька! Украли! *в.* Украл! Васька! Перфишка! Украли!

209 *а.* не своим голосом б. благим матом

210 а. Васька б. Перф(ишка)

211 *а.* выскочил б. кубарем [выскочил]

212 а. тоже как полоумный на этот дикий зов. б. в одной рубашке из своего чулана в. в одной рубашке из своего чулана, в котором спал

213 а. Как б. Словно

214 *Вписано:* Словно угорелые завертелись они друг перед другом

215 а. Барин б. Ни барин

216 а. в чем б. в чем было

217 я. тот б. слуга

218*Вписано:* Огня

219 а. и фонарь зажечь б. зажечь фонарь

220 *а.* не легкое дело б. не легко

221 а. серных спичек б. серные спички

222 а. считались редкостью б. у нас считались редкостью е. считались редкостью на Руси

223 а ТруТ б кремень

224 *а.* Черт<апханов) так дико вырвал их б. Черт(апханов) со скрежетом зубовным <i *нрзб*> е. Скрежеща зубами, вырвал их Черт(апханов)

225 *а.* Васьки б. Перфишки *в.* оторопелого Перфишки

226 *а.* высекать б. высекать сам

227 *а.* сыпались б. сыпались фонтаном *в.* сыпались

228 *а.* а б. однако *в.* однако еще обильнее сыпались проклятия-и даже стоны:

229 а. не загорался!!! б, либо не загорался

230 *а.* усердное раздувание б. дружные усилия

— ———————

и губ!! — Наконец, минут через пять234, затеплился огарок 232 фонаря 233 и Чертапханов в сопровождении Васьки 234 бросился 235 в конюшню — поднял [огарок] фонарь над головою… [Все] Все пусто 236… Он выбежал237 на двор — обежал его кругом 238… Нет коня нигде!! -Весь плетеньгзэ, окружавший [двор] усадьбу Шантелея) Е<ремеича> давно пришел в ветхость — [и] во многих местах совсем повалился и лежал на самой <?> 240 земле… [но] Ваське показалось, что рядом241 с конюшней он совсем повалился 242 — Васька 243 указал на это место 4<ертапха- нов>у. —

Барин! посмотрите — [воскликнул он] — этого сегодня не было — вон и колья торчат из земли, [слов<но?>] знать их кто вырвал 244.

Ч<ёртапхано>в подскочил с фонарем, повел им по земле. — Копыта, к<опыт>а — следы подков, следы! закричал245 он скороговоркой — тут его [вы(вели>] перевели, тут248!..

Он мгновенно кинулся 247 через плетень348 в поле и мгновенно исчез в густом мраке 249 [ещё] беззвездной и безлунной ночи…

[Только] [И] Всё слабей и слабей раздавались отчаянные возгласы Чертапханова.

VIII.

[Солнце] Заря уже занялась, когда он возвратился домой. — Образа человеческого не было на нем, грязь покрывала его платье, лицо приняло дикий и страшный вид, угрюмо и тупо глядели глаза. Сиплым голосом 250 прогнал он от себя Ваську и заперся в своей комнате. — Он решительно

— ———————————

231 *а.* минут через пять б. минут через пять, не раньше

232 *а.* огарок б. сальный огарок

233 а. фонаря б. [на] кухон(ного) фонаря в. примятого фонаря г. полуразбитого фонаря *д.*

разбитого фонаря

234 *а.* Васьки б. Шерфишк) и

235 *а.* бросился б. ринулся

236 а. Все пусто б. Оглянулся. Все пусто

237 *а.* выбежал б. выскочил

238 а. обежал его кругом б. обежал его во всех направлениях е. обежал его

239 а. Весь плетень б. Плетень

240 *а.* совсем повалился и лежал на самой (?) б. он накренился и приникал (к)

241 *а.* Ваське показалось, что рядом б. Рядом

242 а. повалился б. повалился — на целый аршин в ширину

243 *а.* Васька б. Шерфишк) а

244 *а.* вырвал б. вывернул

245 *а.* закричал б. забормотал

246 а ТуТ ^ ТуТ> ТуТ

247 *а.* кинулся б. перепрыгнул

248 *Вписано: а.* и побежал в поле, Васька остался у плетня в недоумении… б. и е криком: «М(алек) А(дель>, М(алек) А(дель>!» побежал прямо в поле, П(ерфишка> остался в недоумении у плетня…

249 а. в поле и мгновенно исчез в густом мраке б. светлый кружок его фонарж скоро исчез в его глазах поглощенный густым мрак (ом)

250 а. голосом б. шопотом

— ———————————

не мог понять 25\ каким образом ухитрились252 украсть из запертой конюшни М<алек> А<деля> — М<алек А<деля> который и днём никого чужого к себе не подпускал — и <1 *нрзб.У* зубами 253 — вот чего Чертапханов) [решительно понять не мог]И как растолковать что ни одна дворняшка не пролаяла? Правда их было всего две, два молодых щенка — и те от холоду и голоду в землю зарывались — но всё-таки!,.

— И что я стану теперь делать без Малек Аделя? думалось Чертап- ханову. — Последней радости лишился254 — пришла пора умирать. Другую лошадь купить, благо деньги завелись? Да где такую лошадь найти?

Чертапханов молча стучал кулаком себе в темя.

ГКантелей) Е<ремеич> 255 [разда] послышался за дверью робкий го- лос™.

Ч<ертапханов) вскочил на моги. — Кто это? закричал он не своим голосом.

— Это я, казачок ваш Васька.

— Чего тебе? Аль нашелся, домой прибежал?

— Никак нет, Шантелей) Е<ремеич> а тот Жид, что вам его продал

Ну?

— Он приехал.

— <2 *нрзб.У*™ Чертапханов — и разом распахнул дверь. —Тащи его сюда, [Всад<?>] тащи!

При виде. [Ч<ертапханов)а] внезапно появившейся всклокоченной, <1 *нрзб.У* 258 фигуры своего «благодетеля» 25JJЖид, стоявший за спиною [Чертапхан<ова>] Васьки, хотед-было дать стречка, — но Чертапханов в два прыжка догнал 260 его и схватил 263 его за горло.

— [Сказывай,] А! за деньгами пришел!262 ночью украл а днём пришел за деньгами! А?

— По-милуйте — васе… бла… городие… застонал было Жид.

— Сказывай, где моя лошадь? Куда ты ее дел? Куда ты ее дел? 263 — Сказывай! Сказывай! Сказывай же!

— ———————————

25J а. Он решительно не мог понять б. Он едва держался на ногах от усталости — но он не лег на постель — а присел на стул у двери и схватился за голову. Украли! [украли М<алек Аделя).] Но

а. ухитрились б. умудрился вор

[1] а. и (1 *нрзб.}* зубами *б.* украсть его без шума, без стука — взнуздать его, оседлать *в.* украсть его без шума, без стука — да ещё взнуздать и оседлать его е. украсть его без шума, без стука

а, лишился б. я теперь лишился *в.* теперь я лишился

2Ь5 а. ГКантелей) Е{ремеич> б. Шантелей) Е(ремеич), Шантелей) Е(ремеич)

2Г>® а. голос б„ возглас

[1] а. <2 *нрзб.) б.* Гогого! захолкал в. Гогогого! захолкал

5158 а, (і нрзб.) б. [остервенелой]

239 а. своего «благодетеля» б. «благодетеля» *в.* своего «благодетеля»

[1] а. догнал б. настиг

а. схватил б. <1 *нрзб.)* схватил е. как тигр схватил

— Вписано; захрипел он, словно не он душил, а его душили

— а. Куда ты ее дел? 6". Кому сбыл?

— ———————————

Жид уже и стонать не мог — лицо его побледнело 264 — руки повисли 265 и все 266 его тело 207 Качалось как слабый тростник 268.

— Деньги я тебе заплачу сполна» кричал Черт<апханов> до последней копейки — а только я задушу тебя если ты сейчас не скажешь мне…

— Да вы уже задушили его, барин, заметил 269 казачок.

Тут только опомнился Чертапханов. —

Он выпустил Жида — тот так и грохнулся на пол. Чертапханов подхватил его, усадил на скамью и влил 270 ему в горло рюмку271 водки -272 привёл 273 его в чувство — и вступил 274 с ним в [дружескую} беседу.

Оказалось, что Жид, как и следовало ожидать, о краже Малек Аделя не имел ни малейшего понятия. — И с какой стати было ему красть лошадь, которую он 275 сам достал своему <?> «благородию» для Шанте- лея) Е<ремеича> 276?

Тогда Чертапханов повел его в конюшню. —

Вдвоем они осмотрели замок 277, следы копыт на дворе и в поле274 указал на 279 следы копыт у плетня — и вдруг ударил себе 280 по ляжкам.

Стой! воскликнул он. — Ты где его 281 купил?

— В Воронежском 282 уезде, на Верхосенской ярмарке, отвечал Жид»

У кого?

У казака. —

Стой! Казак этот молодой 283 был или старый?

Средних лет — степенный человек.

На вид — плут? 284

Должно-быть 285, плут. —

— ———————————

264 д, лицо его побледнело б. на его лице исчезло даже выражение испуга

265 *а.* повисли б. опустились и повисли

266 а. и все б. все

267 *а.* тело б. тело, яростно встряхиваемое Чертапхановым

268 *а.* качалось как слабый тростник б. качалось из стороны в сторону как тростник *в.* качалось взад и вперёд как тростник

269 *а.* заметил б. смиренно заметил

270 *а.* и влил б. влил

271 а. рюмку б. половину стакана в. стакан

272 *Вписано:* [другой половиной он]

273 а. привёл б, сперва привёл

274 а. вступил б. тогда вступил

275 *а.* он б. он же

276 *а.* П(антелея) Е<ремеича> б. «почтеннейшего» П<антелея> Е(ремеича)

277 а. замок б. [о] стойла, ясли, замок на двери

278 а. следы копыт на дворе и в поле б. перерыли сено, перешли потом на двор* где Чертапханов *в.* перерыли сено, солому, перешли потом на двор, Чертапханов

279 а, указал на б. указал Жиду

280 а. себе б. себя

281 а. его б. коня е. лошадь

282 *а.* Воронежском б. Мало-Архангельском

283 а. молодой б. из молодых

284 я. На вид — плут? б. А каков из себя? На вид каков? — плут небось? е. А из себя каков? На вид — плут небось?

285 а. Должно-быть б. Долзно-быть

— ———————————

И что, как он говорил, лошадь у него давно? 286

Говорил — помнится, давно 287.

— Ну так и некому 288 украсть как именно ему!

— Ты посуди 289. — Как тебя зовут?..290 какая твоя кличка.

— Мошель Лейба.

Ты посуди, Лейба, друг мой — кому, как не старому хозяину дался бы Малек-Адель в руки? Ведь [ты] [он] тот-то злодей 291 и оседлал его и взнуздал 292, попону даже снял. — Как дома распоряжался! 293 Ведь всякого другого он 294 бы зубами 295 изгрыз. Гвалт поднял бы такой, — всех бы разбудил 29в, — Согласен ты со мною?

Согласен-то согласен, васе благородие.

Ну и значит, надо прежде всего отыскать казака того!

Да как 297 отыскать его, васе благородие? Я его всего только раз298 видел — и где 299 он теперь — и как его зовут? Ай-ай-ай 300 прибавил Жид,

горестно встряхивая пейсиками.

Лейба! закричал301 Ч<ертапханов> — [ты выручай меня ты один можешь] я, ты видишь, в страшном положении<?> 302 я руки на себя наложу — если ты мне не поможешь!

— Да как я зе могу…

— Поедем со мною и станем разыскивать 303!

Да куда зе мы поедем?

По ярмаркам, по конокрадам, по городам 304, всюду, всюду! Из денег 305 ты не сомневайся 306 — я. брат, наследство получил! 307 По—

— ———————————

286 *а.* лошадь у него давно? б. лошадь у него была давно? *в.* лошадью он владел давно?

287 *а.* Говорил — помнится, давно б. Помнится, говорил, что давно.

288 *а.* некому б. некому было

289 *а.* посуди б. посуди, слушай

290 *Вписано: а.* Как зовут? — Ну да; Жид встрепенулся, вскинул своими <1 *нрзб.)* черненькими глазками на Ч<ертапханов)а. б. Как меня зовут? — Ну да; Жид встрепенулся, вскинул своими черненькими глазками на Ч(ертапханов)а.

291 *а.* тот-то злодей б. злодей-то мой *в.* он

292 *а.* взнуздал б. взнуздал его *в.* взнуздал

293 *а.* Как дома распоряжался! б. [Зна] Вон она

на сене лежит. Просто как дома распоряжался!

294 *а.* он б. Малек Адель

295 *а.* бы зубами б. зубами бы

296 *а.* всех бы разбудил б. всю деревню переполошил

297 а. как б. как зе

298 *а.* раз б. разочек

299 а. где б. где зе

300 *а.* Ай-ай-ай б. Ай-вай-вай

301 а. закричал б. закричал вдруг

302 *а.* я, ты видишь, в страшном положении б. я, ты посмотри на меня — я ведь рассудка лишился

303 *а.* разыскивать б. вора того разыскивать

304 *а.* по городам б. по городам, по деревням, по большим трахтам, по малым трахтам

305 а. Из денег б. А на счет денег

306 *а.* не сомневайся б. не беспокойся

3*07 Вписано*: [большое наследство!]

— ———————————

следнюю копейку просажу — а уж добуду своего друга! Из-под земли его откопаю! —

Лейба, ты хотя Жид и вера твоя поганая — а душа у тебя лучше иной христианской! Сжалься ты надо мною! Ты, можетг не веришь что у меня деньги есть 308 — Ступай со мною309 — я тебе- и деньги все покажу… Возьми их310 — только от-

дай мне М<алек> А<деля>. Отдай! Отдай!

Чертапханов говорил [два перев<?>] до исступления311 пот градом катился с его лица и мешался со сшезами, терялся в его усах 312.~ Лейба313 попытался-было возражать уверять, что ему невозможно314 отлучиться, что у него дела… Куда! так и понесло его 315 как щепку в половодье 3!б.

На другой день рано Чертапханов вместе с Лейбой выехал из Безсо- нова, на крестьянской телеге. —Жид являл вид317 [скон] [несколько] смущенный, держался за грядку318 и [подпрыгивал] 319 на тряское сиденье; Чертапханов 320 только глазами поводил321 и дышал полной грудью; 322 за поясом у него торчал кинжал — [и казалось, на каждого встречного, на каждого проезжего он]

Ну, злодей, берегись 323, пробормотал он, выезжая на большую- дорогу.

Дом свой он поручил казачку Ваське и бабе-стряпухе, полуживой старухе 32\ которую он тоже призрел 325 из сострадания. —

— ———————————

308 а. не веришь что у меня деньги есть б. не веришь мне откуда у меня деньги есть *в.* сомневаешься откуда мол у него наследство?

309 *а.* Ступай со мною б. пойдем ко мне в комнату

310 *Вписано* (2 *нрзб.)*

311 а. говорил до исступления б. говорил и договорился до исступления, он дрожал как в лихорадке *в.* говорил и договорился до исступления, до идиотства, он дрожал как в лихорадке *г.* потерялся, речь его лилась неудержимо, он дрожал как в лихорадке д. дрожал как в лихорадке

312 *Вписано: а.* Он пожимал руки Лейбе, он чуть не исцеловал его, сдержался б. Он пожимал руки Лейбе, он умолял его, он ему кланялся, он чуть не исцеловал «го, он пришел в исступление

3*13 а.* Лейба б. Тот в. Жид

314 а. невозможно б. никак невозможно

315 а. так и понесло его б. так его и понесло *в.* Чертапханов и слушать его не стал, его так и понесло, так и завертело

316 *Вписано*: Нечего было делать! Он согласился.

317 а. являл вид б. казался *в.* являл вид

318 *а.* держался за грядку б. держался одной ру(кой) за грядку [но деньги у не<го>] За пазухой у него лежали деньги, завернутые в газетную бумагу, *в.* держался одной ру<кой> за грядку другую он прижимал к пазухе, где у него лежала пачка

ассигнаций, завернутая в газетную бумагу,

319 *Вписано*: всем своим дряблым телом

320 а. Чертапханов б. Чертапханов сидел как истукан

321 а. поводил б. поводил кругом

322 *Вписано*: [казалось, на каждого встречного, на каждого проезжего он]

323 *а,* берегись б. берегись теперь

3*24 а.* полуживой старухе б. глухой и старой женщине

325 *а.* тоже призрел б. призрел у себя

— ———————————

Ждите меня 326 на М<алек> А<дел>е — сказал827 он им на прощанье, — или уж вовсе не вернусь!

Ты бы хоть за меня замуж пошла что ли, сострил Васька, толкнув стряпуху в бок 328, — всё равно, нам барина не дождаться 329.

VIII.

Прошел 330 год… целый год; никаких вестей о П<антеле>е Е<ремеи- ч>е не доходило. —Стряпуха умерла; сам Васька331 собирался уж запереть 332 дом, да отправиться в город, куда его сманивал двоюродный брат, живший подмастерьем у Парикмахера, — [как] вдруг распространился слух,

что Шантелей) Е<ремеич> 333 возвращается! — Приходский дьякон получил от него письмо 334, в котором он 335 [<1 нрзб.)] извещал его о своем намерении [вер<нуться>] прибыть в Безсоново и просил его предуведомить прислугу — «для 336 надлежащей встречи». — Встречи [конечно] Васька, разумеется, никакой не устроил 337 так понял 338, что надо-мол пыль339 немножко постереть — а впорчем 340 большой веры в справедливость известия не возымел341. — Пришлось ему однако убедиться что дьякон правду сказал 342 когда несколько дней спустя, П<ан- тел ей) Е<ремеич> сам собственной особой появился на дворе усадьбы — верхом на Малек-Аделе!! Перфишка бросился к барину, и придерживая стремя, хотел-было помочь ему слезть с коня; но тот соскочил сам — и [торжест] кинув вокруг торжествующий взгляд, громко воскликнул: Я сказал, что отыщу Малек-Аделя — и отыскал его! Перфишка подошел к ручке343 — но Чертапханов не обратил внимания на своего слугу 344 — и большими шагами направился к конюшне, ведя за собою М<алек> А<деля> в поводу 34\- Перфишка попристальнее посмотрел на

— ———————————

326 *а.* Ждите меня б. Я к вам вернусь

327 *а.* сказал б. крикнул

328 а. в бок б. локтем в бок

329 *Вписано*: а. [тоски] скуки пропадешь! б. а то от скуки пропадешь! *в.* а то ведь от скуки пропадешь!

330 а. Прошел б. Минул

331 *а.* Васька б. Перфишка

332 *а,* запереть б. бросить

333 а. Шантелей) Е(ремеич) б. барин

334 *а.* от него письмо б. письмо от сам<ого> П(антелея) Е<ремеича>

335 *а.* он б. Шантелей) Е(ремеич) *в.* тот

336 а. для б. для устроения

337 *а.* Встречи [конечно] Васька, разумеется, иикакой не устроил б. Эти слова Перфишка

338 а. так понял б. понял так

339 *а.* пыль б. хоть пыль

340 а. а впрочем б. впрочем

341 а. не возымел б. он не возымел

342 а. дьякон правду сказал б. дьякон-то сказал правду

343 а. к ручке б. к нему к ручке

344 *а.* на своего слугу б. на усердие своего слуги

345 а. большими шагами направился к конюшне, ведя за собою М<алек> А<деля> в поводу б. ведя за собою М<алек> А<деля> в поводу, напра-

вился большими шагами к конюшне

— ———————————

своего барина 346 очень 347 он похудел [в течен<ие>] и поседел 348 -и лицо какое стало строгое и суровое! 349 Чертапханов поставил [своего] коня в прежнее стойло 350, слегка хлопнул его по крупу и промолвил: Ну вот ты и дома опять! — В тот же день был нанят надежный сторож351 из бобылей 352 поселился снова в своих комнатках 353 — и зажил снова прежней жизнью 354… Не совсем однако прежней 3".

На другой день после своего возвращения, П<антелей> Е<ремеич> призвал к себе Перфишку; и [так как он] за неимением другого собеседника, принялся рассказывать ему, не теряя [в], конечно, чувства собственного достоинства, — и басом 356 — каким образом ему удалось35? отыскать [нако<нец>] М<алек>» А<деля>. В течение рассказа Чертапханов) сидел лицом к окну и курил трубку 358; а Перфишка стоял на пороге двери заложив руки [<1 *нрзб.У)* за спину -и почтительно взирая на затылок своего барина, слушал повесть о том, как, после многих тщетных попыток и разъездов, он 359 наконец попал в Ромны на ярмарку, уже один, без Жида Лейбы, который от него бежал зв0; как на пятый день, уже собираясь уехать,

он в.последний раз пошел по рядам телег — и вдруг увидел, между тремя другими лошадьми, привязанного К" коновязи, Малек Аделя!Зв1 Как он тотчас его узнал — и как М<алек> А<дель> его узнал, стал ржать и рваться и копытом рыть землю, — И не* у казака он был — продолжал Черт<апханов> 362 — а у Цыгана-барышника;: я 363 тотчас вклепался в свою лошадь и пожелал силою 364 ее возвратить; но Цыган 365 не уступил 366, стал божиться, что купил её у другого Цыга—

— ———————————

[1] Вписано: и заробел

[1] а. очень б. ух как

[1] а. поседел б. дав(но> поседел *в.* поседел в течение года

[1] а. строгое и суровое! б. суровое и жуткое! А кажется следовало бы ему радоваться — да он и радовался; только Перфишка заробел, *в.* строгое и суровое! А кажется следовало бы Щантелею) Е<ремеичу> радоваться — что вот-мол, достиг-таки своего; да он и радовался, точно; и все-таки Перфишка заробел. — Даже жутко ему стало.

[1] а. стойло б. его стойло [и как бы исполняя обряд]

[1] а. был нанят надежный сторож б. [как] он

нанял надежного сторожа

[1] а. бобылей б. разоренных бобылей *в.* бестягольных бобылей

[1] а. поселился снова в своих комнатках б. поселился снова в своих двух комнатках *в.* занял снова свои комнатк(и)

[1] а. снова прежней жизнью б. по-прежнему

[1] а. прежней б. по-прежнему. — [Почему так — мы увидим дальше]

Э5е а. басом б. говоря басом

[1] а. удалось б. удалось наконец *в.* удалось

[1] а. трубку б. трубку из длинного чубука

[1] а. он б. Шантелей) Е(ремеич)

[1] а. от него бежал б. не вытерпел, бежал от него

3Sia. Малек Аделя! б. — увидел Малек Аделя!

[1] Вписано-, а. все не поворачивая головы и басовым голосом б. все не поворачивая головы и тем же басовым голосом

[1] а. я б. я, разумеется

384 а. силою б. насильно

[1] а. Цыган б. бестия Цыган

368 а. не уступил б. заорал благим матом я. заорал исступл<енно> *г.* заорал кли* кушей *д.* заорал как ошпаренный

— ———————————

на — я заплатил ему деньги: чорт с нимЗб7! Мне главное тозвз, что друга своего я отыскал 369. — А то я вот 370 в [Лебедян<ском>] Карачев- ском уезде по словам Жида Лейбы вклепался-было в казака, за вора371 его принял, всю рожу ему избил; а казак-то оказался поповичем — и бесчестье с меня содрал — сто двадцать рублёв. — Ну — деньги дело наживное — 372 я теперь спокоен 373!374

Так говорил П<антелей> Е<ремеич> [своему слуге] Перфшпке; но374 на сердце 376 у него не было спокойно 377, как он уверял. —

Увы! в глубине души своей он не совсем был уверен, что приведенный им конь был действительно Малек-Адель!

IX 37в.

Настали трудные дни 379 для П<антелея> Е<ремеича> зв0. Иногда возникшее 381 в нем сомнение казалось [иногда] [в нем] ему нелепостью 382 — [и] он отгонял неотступную 383 мысль как неотступную 384 муху 385; но она 386 снова принималась исподтишка точить и скрести его сердце, как мышь 387- и он мучился тайной мукой 388. Пока он ехал домой389 сомнения в нём возбуждались реже 390: они стали [вдруг] сильней и яв—

— ———————————

[1] а. чорт с ним б. чорт с ним совсем

[1] а. то б. то дорого

[1] Вписано: а. и покой прежний получил б. и покой душевный получил

[1] а. я вот б. вот *я*

[1] а. вора б. моего вора

[1] Вписано: а главное: М(алек> А<дель> опять у меня!

[1] а. спокоен б. счастлив и

[1] Вписано: а. а для тебя теперь одна инструкция: как только ты завидишь в окрестностях казака — так сейчас беги и неси мне ружьё — [чтобы я сию же секунду] а я уж буду знать что мне делать! б. а для тебя теперь одна инструкция: как только бы, чего боже оборони, завидишь в окрестностях казака — так сию же секунду беги и неси мне ружьё — а я уж буду знать что мне делать!

[1] а. но б. так выражались его уста, но

[1] а. на сердце б. на душе

[1] а. спокойно б. так спокойно

[1] а. IX б. X

[1] а. Наступили трудные дни б. Наступило трудное время

[1] Вписано: Именно [душевное] спокойствием>-то он наслаждался меньше всего.

[1] а. Иногда возникшее б. Бывали дни хорошие: возникшее *г.* Правда выпадали дни хорошие: возникшее

[1] а. нелепостью б. <1 *нрзб.)* чепухой и нелепостью *в.* чепухой

[1] а. неотступную б. нелепую

[1] а. неотступную б. назойливую

[1] Вписано: а. и даже смеялся над самим собою; но бывали дни — б. и даже смеялся над самим собою; но — выпадали дни дурные: *в.* и даже смеялся над самим собою; но — выпадали также и дни дурные:

[1] а. но она б. неотступная мысль

[1] а. мышь. б. подпольная мышь

[1] а. тайной мукой б. горько и тайно *в.* едко и тайно

[1] а. Пока он ехал домой б. [Во время] В течение обратного путешествия домок (оно продолжалось с неделю) —

[1] о. реже б. редко

— ———————————

ственней как только он возвратился391 в своё Безсоново, как только очутился в том.392 месте, где [он] жил тот 393, несомненный М<алек> А<дель>] 39\ [Он] [Нечего и говорить что] Он берёг394 [в] это про себя; он бы «пополам перервал»

всякого, кто бы [отдаленно на] [хоть] хоть отдаленно намекнул на то что этотS9ftМалек Адель — кажись, не тот 397; он принимал поздравления с благополучной находкой от показавшихся ему соседей 398 — но он не искал этих поздравлений — он [какJеще больше прежнего 399 избегал столкновений с соседями — а это был плохой знак 40°! Он почти постоянно экзаменовал401 М<алек>-А<де~ ля> 402 — уходил тихо в конюшню 403 и по часам его рассматривал404 [<1 *нрзб.У]* его, то радуясь [<1 *нрзб.У*], то недоумевая и — даже смущаясь. — И не столько смущали Ч<ертапханов>а физические несходства Малек-Аделя 405 — с тем- впрочем их [не] было40® немного -у того407 хвост 408 были как будто 409 пожиже и [глаза] уши вострей и бабки короле 410 — но это могло только так казаться — а смущали Ч<ертапханов>а несходства нравственные. — Повадка у того была другая414 все ----------—

[1] а. возвратился б. вернулся

[1] Начато: [са(мом>]

[1] а. тот б. «первый в. тот «первый

[1] Вписано: а. В течение того памятного дня, когда он отыскал М(алек) А<деля) (…). На другое утро, когда он в своей <1 *нрзб.)* под навесом постоялого двора, стал седлать свою <1 *нрзб.)* по-

купку, близ которой провел всю ночь -что-то [его] кольнуло его в первый раз — но он [поспешил] только головой замотал — но семя было заронено… б. В течение памятного дня, когда он отыскал М(алек) А<деля> <…> На другое утро, когда он под навесом постоялого двора, стал седлать свою покупку, близ которой провел всю ночь — что-то кольнуло его в первый раз — он не выказал своей <…) он только головой замотал — но семя быЕло заронено…

[1] а. Он берёг б. Всю эту внутреннюю тревогу он берёг *е.* Всю внутреннюю тревогу он берёг *г.* Всё это он берёг, конечно,

[1] а. этот б. новый

[1] а. тот б. старый

[1] а. от показавшихся ему соседей б. от соседей с которыми ему приходилось сталкиваться

[1] а. еще больше прежнего б. пуще прежнего

[1] а. это был плохой знак б. во всяком случае это был чрезвычайно) плохой знак *в.* знак плохой

[1] а. экзаменовал б. если можно так выразиться, экзаменовал

[1] Вписано: а ставил его на пробу б. уезжал пода лее <?) в поле куда-нибудь подальше — и — ставил его на пробу, или

[1] Вписано: а. запирал за собою дверь и ставши

перед самой головой М<алек> А(деля) — заглядывал ему в глаза, [в почти черный <?)] спрашивал «Ты ли это? Ты ли? — а не то просто его б. запирал за собою дверь и ставши перед самой головой М<алек> А<деля> — заглядывал ему в глаза, спрашивал шопотом «Ты ли это? Ты ли? — а не то — молча его

[1] а. его рассматривал б. его внимательно рассматривал *в.* его пристально рассматривал *г.* рассматривал, да так пристально, пристально, по целым часам

[1] а. Малек-Аделя б. этого Малек-Аделя

[1] а. было б. насчитывалось

[1] Вписано: [их]

[1] а. хвост б. хвост н грива

[1] а. были как будто б. словно были

[1] Вписано: и глаза светлей

[1] а. Повадка у того была другая б. Привычки у того были другие

— ———————————

повадки не те 412! Напр<имер>: тот М<алек > А<дель> всегда оглядывался и тихонько ржал как только Ч<ертапханов> входил в конюшню, — этот413 продолжал стоять как истукан414; тот4!5 шел на голос — этот 4*в продолжал стоять как вкопанный;417 [у того] [там был бег короче]

— зато он418 шагом шел ровнее а рысью трясче; [тот никогда] и иногда хлябал подковами, <1 *нрвб.У* 419 стучал задней о переднюю — а тот [нет], сохрани бог! никогда за ним такого сраму не водилось. Этот 420 всё ушами;, прядёт421 а тот напротив, одно ухо всё назад держит 422, все назад держит! — [Того] Тот, как 423 увидит что около него нечисто — сейчас задней ногой стук в стенку стойла; а этому — ничего? хоть по брюхо навали ему навозу. Тот, если напр<имер>: против ветра ехать 424, непременно 425 всем животом вздохнет42® да отряхнется; а этот знай 427 пофыркивает себе 428; того сырость дождевая беспокоила — а этому429 она ни по чём… Грубее этот — грубее! 430 и приятности нет как у того, что и говорить… Та была лошадь милая… а эта…

Вот что думалось иногда Чертапханову — и горьки были ему 431 эти думы; — зато в другое время — пустит 432 он своего коня во всю прыть по вспаханному полю — или 433 [спус] выскочить 434 [на нём птицей] на самую кручу 435 оврага и выскочить опять 436 — сердце в нем так и заколотится 437 [от восторга] громкое гиканье вырывается из [его]

— ———————————

612 а. не те б. были не те

[1] а. этот б. а этот

[1] а. продолжал стоять как истукан б. [продолжал] себе жевать сено или так стоял, понурив голову; оба не двигались с места как вкопанные, когда хозяин соскакивал с седла *в.* жевал себе сено как ни в чем не бывало или [стоя] дремал потурив голову; оба не двигались с места, когда хозяин соскакивал с седла

[1] а. тот б. но тот откликался и [спе]

[1] а. этот б. а этот

[1] Вписано: а. тот смело сказал [на скор] но прыгал выше и [вольней] дальше б. тот скакал так же быстро но прыгал выше и дальше

[1] а. зато он б. этот

[1] а. <1 *нрзб.)* б. т<о> е<сть>

[1] а. Этот б. Этот, думалось Ч<ертапханов>у

[1] Вписано: всё прядёт

[1] а. одно ухо всё назад держит б. заложит одно ухо всё назад да так и держит

[1] а. как б. бывало как

[1] а, ехать б. едет *в.* пустить *г.* поставить его *д.* его поставить

[1] а. непременно б. так *в.* тотчас

[1] *а.* вздохнет б. так и вздохнет *в.* вздохнет

42г а. знай б. знай только в. знай

[1] а. пофыркивает себе б. пофыркивает

[1] а. а этому б. этому

[1] Вписано: [шептал что себя Ч<ертапханов>]

[1] а. горьки были ему б. горечью отзывались в нем

[1] а. пустит б. запустит ли *в.* пустит

[1] а. или б. заставит ли его *в.* или заставит его

[1] а. выскочить б. соскочить

[1] а. самую кручу б. самое дно

[1] а. выскочить опять б. выстоять по ней опять *в.* по самой круче выскочить опять [(меск. *слов нрзб.)]*

ш а. сердце в нем так и заколотится б. и замирает в нем сердце и [<1 *нрзб.)}*

— ———————————

уст — и знает он, знает наверное что это 436 настоящий несомненный М<алек> А<дель) [под ним] — ибо какая другая лошадь может делать,43® то, что делает эта?..

Однако и тут не обходилось без греха. Продолжительные поиски М<алек) А<деля)440 стоили ему441 много денег, завести собак [как] было не из чего 442 — он продолжал гарцовать и разъезжать443 по окрестностям в одиночку 44\- Вот однажды 445 случилось так что он446 верстав в 5 от [своего] Безсонова наткнулся447 на ту самую

княжескую охоту, которой 448 так молодецки гарцовал года полтора тому назад! и [случалось)] [надо ж было] такое вышло обстоятельство*49: как и в тот день так и теперь — русак возьми да [побеж] вскочи из норы450 ма косогоре! — Ату его — ату! вся охота так ж помчалась — и Чертапханов понесся тоже -- только не вместе с нею — а шагов от нее на двести в сторону — как и тогда 4S2. — Водомоина 453 прорезала 454 косогор и всё поднимаясь 455 выше — [терялась в] пересекала45в путь Чертапха- нову.

[Там] В ней всё ещё было шагов 18 ширины — да сажени две глубины, — Там где ему пришлось перескочить её, — и где он полтора года тому назад действительно её перескочил,.*457 Чертапханов458 загого

— ———————————

[1] а. это б. это под ним

[1] а. делать б. проделать

[1] а. Шалек) А<дедя1) б. за М(алек) А(делем>

[1] а. ему б. Чертапханову

[1] а. завести собак было не из чего б. собак он иметь отказался *в,* завести собак было не на что *г.* на собак он теперь махнул рукой д. о собаках он не думал — *(1 нрзб.)*

[1] а. продолжал гарцовать м разъезжать б.

разъезжал

[1] а. в одиночку б. по-прежнему в одиночку *в.* в одиночку по-прежнему

[1] а. Вот однажды б. Вот в один осенний день *в.* И вот в одно утро

[1] а. случилось так что он б. Чертапханов

[1] а. наткнулся б. наткнулись

[1] а. которой б. перед которой он

[1] а. такое вышло обстоятельство б. надо ж было такому выйти обстоятельству *в.* надо ж было случиться такому обстоятельству

[1] а. из норы б. перед собаками [уже в] из-под межи

45й я. помчалась б. кинулась за ним в. кинулась за русаком г. понеслась

[1] *а.* как и тогда б. точно так же как и тогда

[1] *а.* Водомоина б. Глубокая водомоина *в.* Громадная водомоина

[1] а. прорезала *б.* криво прорезала

[1] *аа* всё поднимаясь б. поднимаясь всё

[1] *а.* пересекала б. постепенно в гору сужаясь пересекала е. постепенно сужаясь пересекала

[1] а. В ней всё ещё было шагов 18 ширины — до сажени две глубины. — Там где ему пришлось перескочить её, — и где он полтора года тому назад действительно её иерескочил… б. Там где ему

приходилось перескочить её, — и где он полтора года тому назад действительно её перескочил, в ней всё ещё было шагов 8 ширины — да сажени две глубины.

[1] а. Чертапханов б. охотник сам скакал, а сам глядел *та* него. В предчувствию торжества Чертапханов *в.* охотник сам мчал я L~а зайцем], а сам не спускал глаз с лихого соседа. В предчувствии торжества, торжества повторенного, Чертапханов

— ———————————

тал — взмахнул 45f ногайкой — конь его несся 460 [пти<цей>] стрелою, [подскочил к] вот уж и водомоина 461 — один прыжок — и он на другой стороне…

Но Малек Адель круто уперся, вильнул в сторону462 — и поскакал вдоль обрыва — как ни крутил 463 ему Чертапханов голову набок4в4.

Струсил, значит — не понадеялся на себя! — [Не перепрыгнет!!]

Тогда Чертапханов, весь пылая стыдом и гневом, чуть не плача464, погнал его 466 прямо перед собою 467, прочь, прочь от тех охотников, чтобы только не слышать как они смеются 468 над ним, чтоб только исчезнуть, поскорее с их проклятых глаз.

[Пот] Весь в мысле 469 прискакал домой

М<алек> А<дель> — и Чертапханов тотчас заперся у себя в комнате.

«Нет это не он, это не друг мой! Тот бы меня не выдал» 470.

X.

Окончательно как говорится «доехал» Чертапханова следующий случай, — Верхом на Малек-Аделе пробирался он однажды коноплянника- ми471 поповской слободки около церкви 472, [к которой] в приходе которой [он был] [Безсо<ново>] состояло 473 Безсоново. [Он] Нахлобучив на глаза [свою] папаху, [он] сгорбившись и уронив на луку седла обе руки, он подвигался вперёд Медленно 474: на душе у него было нерадостно 475.

Вдруг его кто-то окликнул.

Он 476 поднял голову — и увидал своего знакомого 477 дьячка, [который] облеченный 478 в разорванный нанковый47Э, [каких] подпоясан

— ———————————

— *а.* взмахнул б. закрутил *в.* <1 *нрзб.) г.* потряс
— *а.* несся б. [летел]
— *Вписано*перед самым носом
— а. в сторону б. в лево
— а. крутил б. дергал

— а. набок, б. набок, к водомоине!

4в5 а. Вписано: пожерт<вовал> б. не стал заставлять *в.* уже не стал заставлять я. опустил поводья

— я. его б. коня

— *а.* перед собою б. вперёд

— *а.* смеются б. издеваются

ш а. Весь в мыле б. С иссеченными боками, весь облитый мыльной пеной

— *а.* меня не выдал б. голову сломал меня бы не выдал *в.* шею б сломал мен» бы не выдал

— а. коноплянниками б. по задворкам

— а. около церкви б. окружавшей церковь

— я. состояло б. находилось сельцо

— я. подвигался вперёд медленно б. медленно подвигался вперёд

— *а!* нерадостно б. нерадостно и томно *в.* нерадостно и смутно

— я. Он б. Он остановил коня

— *а.* знакомого б. корреспондента)

— *а.* облеченный б. С бурой шляпой на бурых волосах *в.* С бурым треухом на бурых волосах

— *а.* разорванный нанковый б. [гас] жолтоватый *в.* обрезанный жолтоватый

— ———————————

ный 480 голубеньким481 кушачком 482, служитель алтаря вышел проведать свою «<1 нрзб.)»

483 — и улицезрев 11<антеле)я Е<ремеич)а почел долгом выразить ему своё почтение — да кстати хоть что-нибудь у него выпросить… Без этакого 484 рода задней мысли духовные лица, как известно 48\ с лицами светскими не заговаривают.

Но Чертапханову было не до дьякона; он едва отвечал [ем<у>] на его поклон — [и толкнул-было] и промычал сердито 486.

— Какой 487 конь у Вас488 богатейший! поспешил прибавить дьячок 489; 490 вот уж точно можно [каж] чести приписать.491 Одного [коня] живота по навету злых людей лишились — и [тотчас в] [вот ни] ни мало не унывая, приобрели себе другого, нисколько не худшего, или даже 492 и лучшего… потому

— Что ты врешь? сумрачно перебил Ч<ертапханов); какой это493 другой конь? Это тот же самый; Малек-Адель; я его отыскал. Дурак!

Э! э! э! промолвил 494 дьякон — играя пальцами 495 в бороде 496 — как же так, барин 497? — У Вас, помнится, коня-то вашего 498 в прошлом 499 году за две недельки до покрова 500 украли, а теперь у нас [ноябрь на исходе… — не так]

Ну да… что же из этого?

501 Значит, слишком год с тех пор прошел 502 — а конь ваш — как тогда был серый 503 в ябло-

ках — так и теперь — даже словно потемнее стал. — Как же так? серые-то лошади в один год [бел] много белеют!

— ———————————

480 я. подпоясанный б. гораздо ниже тальи подпоясанный

481 а. голубеньким б. дрянным голубеньким *в.* голубеньким

483 я. проведать свою «<1 *нрзб.}% б.* свое «одоньешко» проведать

484 я. этакого б. такого

485 я. духовные лица, как известно б. как известно, духовные лица

488 а. промычал сердито б. промычав что-то сквозь усы, взмахнул ногайкой *в.* промычав что-то сквозь усы, уже взмахнул ногайкой

487 я. Какой б. А какой

488 я. богатейший б. позвольте богатейший

489 я. дьячок б. дьякон

490 Вписано: [Он славнее исчезнувшего особенно <2 *нрзб.)* даже выпивши,]

491 Вписано: Истинно Вы — муж ума [великого] чудного; просто аки лев! — Дья<кон) славился красноречием чем сильно досаждал попу, которому дар слова присущ не был; даже водка не развязывала его язык.

492 а. или даже б. а почитай

493 я. это б. такой

494 я. промолвил б. промолвил с расстановкой

495 я. пальцами б. перстами

496 Вписано: и озирая Ч<ертанханов)а своими светлыми, жадными глазами…

497 я. барин б. господин

498 я. У Вас, помнится, коня-то вашего б. Коня-то вашего, дай бог памяти

499 я. прошлом б. минувшем

500 я. за две недельки до покрова б. недельки за две до спаса *в.* недельки за две до первого спаса г. недельки за две до покрова

501 Вписано: Д(ьякон) всё продолжал играть перстами в бороде.

— а. прошел б. минул те

— я. серый б. темно-серый е. серый

— ———————————

Чертапханов дрогнул 504 — [и] даже похолодел весь [сидя неподвижно] 505 И в самом деле!! Как ему такая простая мысль в голову50* не йришла?

Пучок афанемский! Отвяжись! гаркнул он вдруг, бешено сверкнув очами507 [на дьякона и] вытянув [свою] лошадь нагайкой по шее, мгновенно скрылся с глаз 508 изумленного дьячка. [Теперь уже не] [было] [оставал<ось>] Всякие со-

мнения исчезли 50\ Всё разом рухнуло от одного этого слова: белеют! Серые лошади белеют!

Чертапханов прискакал домой и опять заперся в своей комнате 510. — Что эта дрянная кляча не Малек-Адель, что его обманули и 514 [он] самым пошлым образом обманулся,512 что он нарочно, преднамеренно надул самого себя, — во все этом [уже] теперь уже конечно не оставалось ни малейшего сомнения! Чертапханов ходил взад и вперед по комнате как раненый зверь513; самолюбие514 его страдало невыносимо… но [не одн] он чувствовал не одну боль уязвленного самолюбия 515: злоба душила его, безнадежная отчаянная <1 *нрзб.У*516, жажда мести в нем загорелась… Но против кого? Кому отмстить… Жиду, Яффу517, дьячку» вору-казаку — всему свету?518 самому себе наконец?519 Опять все лопнуло — он опять ничтожнейший, презреннейший, последний из людей, общее посмешище, шут гороховый ьг0! Напрасно он старался унять расходившееся сердце521; напрасно он пытался уверить [самого] себя, что эта… лошадь — хоть и не Малек-Адель — однако всё-таки… добра и может много лет прослужить ему — он тотчас же с яростью отталкивал or себя прочь эту мысль, точно в ней заключалось новое оскорбление для

— ———————————

504 а. дрогнул б. внутренне дрогнул

505 Вписано на полях и обведено чертой (без отнесения к определенному месту): Казалось убили

508 а. в голову б. до сих пор в голову

507 а. очами б. глазами —

508 а. с глаз б. из виду у

512 Вписано: увы!

513 а. раненый зверь б. зверь в клетке

514 Вписано: [его сердито страдал<о>]

515 а. он чувствовал не одну боль уязвленного самолюбия б. не одна боль уязвленного самолюбия терзала его

516 а. злоба душила его, безнадежная отчаянная <1 *нрзб.) б.* отчаяние овладело им, злоба душила его

517 Вписано: Маше,

520 а. шут гороховый б. шут гороховый, зарезанный дурак

521 а. расходившееся сердце б. расходившуюся жолчь

— ———————————

М<алек>-Аделя — перед которым уж ьг% и без того считал себя виноватым: ту клячу 523 он мог прировнять 524 ему! Малек-Аделю? — А

что на счёт службы, которую та кляча могла524 ещё сослужить ему -...да разве он когда-нибудь удостоит <1 *нрзб,У* 526 на неё im верхом? Ни за что., никогда! — Татарам ее 52S, собакам на снедь — другого она 52 не стоит! Да! Эдак всего лучше! Часа два 530 бродил Ч<ертапханов> до своей комнате,., Перфишка! скомандовал он вдруг. —Сию <1 *нрзб.У* 631 ступай в кабак; пол-ведра водки притащи... Слышишь? пол-ведра — да живо! [у меня...] Чтобы водка тут сию секунду532 у меня на столе стояла! Водка не замедлила появиться на столе [у] П<антеле>я Е<ремеич>а — и он начал пить...

XII.

Кто бы подсмотрел Ч<ертапханов)а в это время ьз\ кто бы мог быть свидетелем того сосредоточенного озлобления того безмолвного отчаяния 53\ с которым он осушал стакан за стаканом, наверное535' почувствовал бы невольный страх Он531 продолжал 538 скитаться по комнате 539 [как зверь в]; он [почти постоя<нно>] сидел в углу540 на стуле, весь красный, с помутившимися глазами"1; [он] вставал, наливал себе водки и опят542 садился и опять уставлял глаза 543 и не шевелился [и] только дыхание его учащалось 544. Казалось, в нем созревало какое-то решение.., которое пугало его самого 545 одна и та же

Ь23 а. ту клячу б, еще. бы! тот одёр, ту клячу

524 а. мог прировнять б. [почитай <1 *нрзб.}]* как слепой, как олух прировнял і25 а. та кляча могла б. тот самозванец мог

526 а. (і нрзб.) б. (1 *нрзб.) в,* сесть

527 а. еа неё б. на него *28 а. ее б. его отдать

а. оеа б. с®

530 *а.* Часа два б. Часа два слишком

531 а. (1нрзб.) б. минуту

532 е. тут сию секунду *б.* сию секунду тут

533 а. в это время б. тогда

534 *а.* того сосредоточенного озлобления того безмолвного отчаяния б. сосредоточенного озлобления безмолвного отчаяния *в.* угрюмого отчаяния

535 а. наверное б. тот наверное

536 Вписано: *а.* Ночь давно уже наступила; сальная свечка горела на столе б. Ночь уже наступила; сальная свечка тускло горела на столе

537 *а.* Он б. Чертанх<анов>

538 а. продолжал б. перестал

540 *а.* в углу б. у стены

642 *а.* и опять б, выпивал её и опять

543 а. уставлял глаза бе уставлял глаза в одну точку

544 а. учащалось б. учащалось и лицо всё боле© краснело…

545 *а.* пугало его самого б. его самого пугало, но к которому он постепенно привыкал

— ———————————

мысль неотступно надвигалась всё ближе и ближе — один и тот же образ всё ясней и ясней рисовался [перед его взором]перед ним 546;- и на сердце57, [с] под раскаленным 548 напором [всё прибывавших волн хмельного вина] тяжелого хмеля — [уже] [злоба] [озлобленность] оскорбление549 уже сменялось туп<ым>] чувством тупого зверства 550 и тупая, скверная 5И усмешка появилась 552 на губах…

Ну однако пора, промолвил он каким-то деловым, почти скучливым тоном что 553 прохлаждаться-то!

Он выпил последний стакан водки, [перешел тяжелыми шагами слегка шатаясь в спальню,] достал над кроватью пистолет 554, зарядил его, положил «на всякий случай» несколько пистонов в карман — и отправился в конюшшо.

Сторож подбежал было к нему, когда ое стал отворять дверь; — но он крикнул на него: Аль не видишь 55\ [что] пошел55S! — сторож отошел 557 немного в сторону… Спать ступай 558! опять

крикнул на него Ч<ертапханов> — нечего тебе тут стеречь! 559 — и вошел в конюшню. Малек-Адель… лже 560 Малек Адель лежал на [своей] постилке. Чертапханов] толкнул его ногою, примолвил: [Подним<айся>] Вставай ворона! и561 отвязал недоуздок 562, грубо повернул 563 в стойле послушную лошадь — и 564 вывел её вон на двор — а со двора в поле, к изумлению 565 сторожа, который не мог 566 понять куда это отправляется 567 ночью, с [не взнузданной и] не оседланной лошадью? — Спросить его он разумеется, побоялся — и только проводил его 568 глазами — пока он исчез 569 на повороте дороги, ведущей к лесу 570…

— ———————————

546 а. перед ним б. впереди

547 а. и на сердце б. а в сердце

549 а. оскорбление б. раздражение злобы

550 д. чувством тупого зверства б. чувством холодного зверства *в.* чувством жадного зверства *г.* чувством зверства

551 а. тупая, скверная б. нехорошая

552 а. появилась б. появлялась

553 а. что б. будет

554 а. пистолет б. пистолет, тот самый пистолет, из которого он выстрелил в Машу

555 а. Аль не видишь б. Я это. Аль не видишь *в.* Это я. Аль не видишь

556 а. пошел б. ступай в. отправляйся

557 а. отошел б. отступил

558 а. ступай б. отправляйся

559 Вписано: *а.* эка [<1 *нрзб.)}* невидаль! б. нашел невидаль! *в.* экую невидаль!

560 а. лже б. ложный

561 а. и б. потом

562 а. отвязал недоуздок б. отвязал недоуздок от яслей да сбросив попону — и *в.* отвязал недоуздок от яслей да сбросил на землю попону — и

563 а. повернул б. повернув

564 а. и б. [он]

565 а. к изумлению б. к крайнему изумлению

566 а. не мог б. никак ее мог

567 а. отправляется б. барин отправляется

568 а. его б. Че(ртапханова) *в.* его

569 а. исчез б. не исчез

570 а. к лесу б. к соседнему лесу

— ———————————

XIII.

Чертапханов шел большими шагами [по] не останавливаясь и не оглядываясь; Малек-Адель — будем называть его так до конца — [выступ<ал>] покорно выступал за ним. Ночь была довольно

светлая; Чертапханов мог различить [лес] густое пятно леса 571, шумевший57л впереди 573. Охваченный ночным холодом, он бы наверное опьянел 57\ если бы… [не то] у него не тот, другой, ужасный 575 хмель, которым 576 обуял его всего… Голова его словно 577 отяжелела — [и] кровь резко578 стучала в горло и в уши — вот и всё. — [Он]

Он решился убить Малек-Аделя — [вот] Целый день он только об этом думал 579; — Он шел на это дело не то чтобы спокойно — а [словно исполняя] 580 так как идёт человек, долженствующий исполнить хотя неизбежный долг 581. Ему казалось что другого средства ему не оставалось582 чтобы уж разом покончить 583 «со всем». — он не отдавал себе отчета что он понимал под этим словом 584… — [со всп] [но это не только не заставляло его колебаться] очень заботился о «целом свете» 585 — что с ним шутить нельзя 586. — Как это все укладывалось в его голове и почему это казалось ему так просто — объяснить конечно, трудно 587…

— ———————————

571 а. густое пятно леса б. сплошное пятно леса *в.* опушк(а) леса *г.* лес *д.* зубчатый очерк леса

572 а. шумевший б. шумевшего

575 а. у него не тот, другой, ужасный б. если бы не другой, более сильный

578 а. резко б. раскатисто

579 Вписано: теперь он решился!

580 Вписано: самоуверенно-бесповоротно

581 а. долженствующий исполнить хотя неизбежный долг б. повинующийся чувству долга

582 а. Ему казалось что другого средства ему не оставалось б. Ему почему-то [это бы] эта «штука» казалась очень простою: по его мнению, другого средства ему не оставалось *в.* Ему эта «штука» казалась очень простою: уничтожив этого самозванца он *г.* Ему эта «штука» казалась очень простою: уничтожив самозванца

583 а. чтобы уж разом покончить б, разом покончит е. разом поквитается

584 а. Он не отдавал себе отчета что он понимал под этим словом б. Он не отдавал себе отчета что он собственно понимал под этим словом *в.* [прежде] и самого себя казнить *г.* и самого себя казнит и сердце своё сорвет *д*. и самого себя казнит за свою глупость и сердце своё сорвёт и перед настоящим своим другом оправдается-и всему свету доказывал *е.* и самого себя казнит за свою глупость и сердце своё сорвёт и перед настоящим своим другом оправдается — и целому свету докажет

585 а. очень заботился о «целом свете» б. (он очень заботился о «целом свете») *в.* Черта(пханов) очень заботился о «целом свете»)

586 Вписано: а. а главное: самого себя он уничтожит вместе с самозванцем, потому — на что ему ещё жить? б. а главное: самого себя он уничтожит вместе с самозванцем, ибо — на что ему ещё жить?

— ———————————

На него нашло нечто в роде безумия 588, а нет сомнения в том, что и в самых эксцентрических 589 выходках сумасшедших 590- есть — на их глаза — своего рода логика и даже право… Чертапханов 591 был во всяком случае вполне уверен; он едва ли не чувствовал себя исполнителем приговора 592 над виновным — впрочем он, правду говоря 59\ размышлял мало о том что собирался сделать. Надо, надо кончить — вот что твердил он самому себе — тупо и строго 59\.. Кончить надо!

А бедный59* виновный покорно шел на поводу596 за его спиною597 — [и ни искры жалости] но в сердце Ч<ертапханов>а не было жалости.

XV.

Недалеко от опушки леса, куда привел Ч<ертапханов> 598 свою лошадь, был 599 небольшой

овраг, до половины заросший дубовым кустарником. — Чертапханов спустился туда — Малек Адель спотыкнулся600 и чуть не упал на него. — Проклятый! вскрикнул Черт<апханов> и словно защищаясь выхватил пистолет из кармана… Уже не ожесточение 601 чувствовал 602 он — а ту особенную одеревенелость чувства, которая охватывает 603 человеком перед совершением преступного дела 604. Но собственный голос испугал его — так дико прозвучал он под [сводами леса] навесом темных ветвей, в глухой 605 и спёртой сырости оврага 606! К тому же в ответ на его восклицание, какая-то большая птица груз

— ———————————

медного, с кровью, зажженной вином *г.* не легко, но не совсем невозможно: оскорбленный, одинок<ий>, без близкой души человеческой и без гроша медного, да ещё к тому с кровью, зажженной вином

588 а. На него нашло нечто в роде безумия б. На него нашло некое безумие *в.* Правда на него нашло нечто в роде сумасшествия *г.* Правда на него нашло нечто в роде помешательства *д.* [Он] находился в состоянии близком к помешательству

595 а. бедный б. безвинный

596 а. шел на поводу б. [трусил рысцой]

597 Начато: [но слаб]

598 а. Ч(ертапханов> б. он

599 а. был б. находился *в.* тянулся

600 а. спотыкнулся б. спотыкнулся на обрыве

601 а. не ожесточение б. не <1 *нрзб.) в.* не ожесточение и не злобу *г.* не ожесточение

602 а. чувствовал б. испытывал

603 а. охватывает б. говорят охватывает *в.* охватывает

604 а. преступного дела б. преступления

606 а. оврага б. лесного оврага

— ———————————

но 607 затрепыхалась в [верши] дереве над ним 608 — Чертапханов дрогнул… [Точно] Он разбудил — свидетеля 609 в глухомм0 месте где [казалось] он не [мог ожидать] должен был встретить ни одного живого существа…

— Ступай, чорт, на все четыре стороны — проговорил он сквозь зубы — и выпустив повод Малек-Аделя — с размаху ударил его по шее прикладом пистолета6И. — [Тот помолчал] Тотв12 немедленно повернул назад, выкарабкался из оврага и побежал… Но не долго слышался стук его копыт… [<н/?зб.>] Поднявшийся ветер мешал и застилал все звуки.™

Чертапханов медленно, в свою очередь вы-

брался из оврага — достиг опушки и пошел613 по дороге домой. — он был недоволен собою; — тяжесть, которую он чувствовал на голове, перешла на сердце — он шел, весь сердитый, тёмный, неудовлетворенный614, — словно кто обидел его, отнял [пищу у его голодн] у него добычу, пищу…

[Людям, решившимся на самоубийство] Самоубийце которому помешали в исполнении ®15, знакомы подобные чувства.

Вдруг что-то тронуло его сзади между плечь. Он оглянулся — Малек Адель шел следом за своим хозяином 646 — тронул617 его мордой: здесь-мол я!

А! закричал Чертапханов — ты сам, сам за смертью [пр] своей пришел… Так на же!

В одно мгновение он выхватил пистолет, взвёл курок, приставил дуло ко лбу Малек-Аделя, выстрелил…

Бедная лошадь шарахнулась в сторону, взвилась на дыбы — [носка- к<ала>] отскочила шагов на десять и вдруг грузно рухнула и захрипела, валяясь618 на земле.

Чертапханов зажал себя уши обеими руками — и побежал [домой]. Колени подгибались под ним. — И хмель и злоба и самоуверенность 619 — всё вылетело разом 620, осталось одно чувство стыда — и безобразия621.

— ———————————

607*а.* грузно б, громко *в.* внезапно

608 а. над ним б. над его головою

®0 а. свидетеля б. свидетеля своему делу — и где же?

842 а. Тот б. М<алек> А<дель>

614 а. неудовлетворенный б. неудовлетворенный, голодный

615 а. в исполнении б. исполнить его намерение

616 а. шел следом за своим хозяином б. [<1 *нрзб.)]* стоял перед ним посреди дороги… Он отыскал своего хозяина в. стоял посреди дороги… Он пришел следом за своим хозяином

647 а. тронул б. это он тронул *в.* он тронул

619 а. самоуверенность б. тупая самоуверенность

620 Вписано: [даже легче ему не стало]

621 Вписано: а. да сознавал, сознавал, [больше жить] [<! *нрзб.)}* соображал, что и собой он [точно] покончил бс да сознание, сознание несомненное, что на этот раз он и с собой покончил

— ———————————

XIV.

Недель шесть спустя казачок Перфишка почёл

долгом остановить проезжавшего мимо Безсоновской усадьбы станового пристава. — Чего тебе? спросил блюститель порядка.

— Да пожалуйте 622, Ваше бл<агороди)е,623 отретил казачок 624;- П<антелей> Е<ремеич> кажись умирать собираются — так вот я и боюсь.

— Как — 625 умирать? переспросил становой.

Точно так-с. — Сперва они кажинный день водку кушали [пока] а теперь вот в постель слегли — и уж очень они из себя худы 626. — Я так полагаю -[что уж] они теперь и понимать-то ничего не понимают, — Без языка совсем.

Становой слез с телеги. — Что же ты? за священником по крайней мере сходил? Исповедался он что ли 627?628

— Я 629 их третьего дня и вчера спрашивал, подхватил заробевший казачок — не прикажете ли63Э, Шантелей) Е<ремеич) — за <1 *нрзб.У* священником сходить631? -Молчи, говорит, дурак. —Не в своё дело не суйся… а сегодня только посмотрели на меня да усом повели. И много он пил водки? спросил становой.

Много 632! — Да уж сделайте милость 633 — пожалуйте к нам в комнату. Становой — вслед за Перфишкой вошел в комнату 634. Удивительное зрелище его ожидало. —В задней комнате дома

635, на <1 *нрзб.У 636,* покрытый конской попоной, с буркой 637 под головой 638, лежал639

— ———————————

622 а. Да пожалуйте б. Пожалуйте

623 Вписано: к нам в дом

624 Вписано: с низким поклоном

625 Вписано: [со]

626 а. худы б. худы стали

827 а. он что ли б. твой барин

628 Вписано: а. «Никак нет-с». — «Как же это ты так? Разве так можно? Да ты отвечать будешь!» б. «Никак нет-с». — Становой нахмурился. «Как же это ты так, братец? Разве так можно? Разве ты не знаешь, что ты за это отвечать будешь!» в. «Никак нет-с». — Становой нахмурился. «Как же это ты так, братец? Разве так можно? Иль ты не знаешь, что ты за это отвечать будешь!»

629 а. Я б. Да Я

630 Вписано: говорю

вм а. сходить б. сбегать

®32 а. Много б. Даже много

— *Вписано:* В(аше> б(лагородие)

634 а. Становой — вслед за Перфишкой вошел в комнату, б. Ну ступай веди! проворчал становой и последовал за Перфишкой. *в.* Ну веди! проворчал становой и наследовал за Перфишкой.

взь Вписано: сырой и темной

636 а. <1*нрзб.у* б. кровати *в.* [без] убогой кровати

а. буркой б. лохматой буркой

®*зе а.* под головой б. в головах *в.* вместо подушек

Вписано: [на]

— ———————————

Чертапханов, одетый 640 в неизменный свой архалук с патронами641, в Черкесских шароварах и в папахе 642 с малиновым верхом [надвинутой 643 на самый [лоб] брови] закрывала его лоб до самых бровей.644 — На столике645 возле кровати, стоял пустой штоф [рядом 646 лежала охотничья нагайка]; а в головах [кровати], пришпиленный 647 [четырьмя] булавками к стене виднелись два рисунка 648: один изображал649 толстый человек с гитарой в руке — вероятно Недопюскин; другой изображал скачущего всадника… Лошадь походила на сказочное животное 650, которых рисуют дети на стенах и заборах — но [тщательная] старательно оттушёванные яблоки ее масти и патроны на груди всадника, его папаха 65i и усы 652 не оставляли места сомнению: этот рисунок долженствовал изобразить П<антелея> Е<ремеич>а верхом на Малек Аделе. Становой

остановился в изумлении.653 — Мертвая тишина царствовала в комнате. — Да уж он скончался — подумал он и возвысив голос, промолвил: П<антелей> Е<ремеич>! А Шантелей) Е<ремеич)! — Тогда произошло нечто необыкновенное: глаза Чертапханова медленно раскрылись- [их уже] потухшие зрачки [остановились)] двинулись с права на лево 654 — остановились на посетителе 655 — посиневшие губы криво 656 расклеились и послышался сиплый уж точно гробовой голос: Столбовой дворянин Шантелей) Ч<ертапханов) умирает; кто может ему препятствовать? — Он никому не должен, [никем] ничего не требует… Ос

— ———————————

[1] а. одетый б. бледный как *в.* уже не бледный, а зеленый как мертвецы с закрытыми глазами, с заостренным красным носом под взъерошенными усами;- а лежал он одетый *г.* уже не бледный, а зеленый как бывают мертвецы с закрытыми и ввалившимися глазами, с заостренным но всё еще красным носом над взъерошенными усами; лежал он одетый

[1] а. с патронами б. с патронами на груди *в.* с патронами и

[1] а. в Черкесских шароварах и в папахе б. в

Черкесские синие шаровары, папаха

[1] а. надвинутой б. надвинутая

[1] Вписано: а. В одной руке Ч(ертапханов) держал охотничью нагайку, — в другой шитый кисет, подарок Маши. б. В одной руке Ч<ертапханов> держал охотничью нагайку, — в другой шитый кисет, последний подарок Маши.

[1] а. столике б. столе

[1] д. рядом б. и рядом с ним

[1] а. пришпиленный б. пришпиленные

[1] а. рисунка б. рисунка написанных карандашом *в.* рисунка написанных пером *г.* акварельных рисунка

[1] я. один изображал б. на одном был представлен *в.* на одном, сколько можно было понять, был представлен

[1] д. сказочное животное б. тех лошадей *в.* тех сказочных животных

[1] д. его папаха б. острые носки его сапогов

[1] а. усы б. громадные усы

[1] а. Становой остановился в изумлении, б. Становой не знал, что придумать. *в.* Изумленный становой не знал, что предпринять.

[1] д. с права на лево б. спервa с права на лево — потом с лева на право

[1] Вписано: а. увидели его — подобие взора в

них проявилось, искра в них зажглась, б. увидели его — что-то в них слабо засветилось, взор проявился в них,

[1] а. криво б. постепенно

— ———————————

тавьте его, люди! Губы опять склеились — глаза закрылись и по-прежнему лежал 657 Ч<ертапханов>, вытянувшись как пласт на спине 658.

— Дай знать, когда скончается, промолвил 659 становой Перфиш- ке — а за попом, я полагаю, сходить и теперь можно. Надо ж его особоровать.

Перфишка в тот же день сходил за попом, а на [другой день] следующее утро ему пришлось дать знать становому: Пантелей Еремеич скончался в ту же ночь. — [За гробо<м>] Когда его хоронили, за его гробом шло два человека 660, Перфишка да Мошель Лейба. Весть о кончине П<антелея> Е<ремеича> 661 дошла до Жида — и он не забыл почтить662 своего благодетеля.

Ив. Тургенев

— ———————————

657 *а.* лежал б. лежал на своей жесткой кровати

658 а. на спине б. и сдвинув подошвы

659 *а.* промолвил б. шепнул, выходя из комнаты,

Ufi(> a. за его гробом шло два человека б. гроб его провожали два человека *861 Вписано*: каким-то образом

662 а. не забыл почтить б. не преминул почтить *в.* не преминул отдать последний долг

— ———————————

ЖИВЫЕ МОЩИ

Еще отрывок из Записок охотника И. С. Тургенева

Париж. — Rue de Douai 48 Янв. 1874

Любезн<ый>] Я<ков> П<етрович>!

Желая внести свою лепту в Складчину — и не имея ничего готового ни даже начатого стал*я рыться в своих [з] старых бумагах и отыскал прилагаемый отрывок из «Запи<сок> охотника» 2. — Всех их напечатано 22; но заготовлено было около 30. — Иные [отрывки] очерки я [ос<?>] [бросил] недокончил 3 из опасения что ценз<ура> их не пропустит; другие 4 [мне] показались мне недовольно интересными или нейдущими к делу. [Ж<ивые> м<ощи>] К числу последн<их> принадлежит и5 набросок

— ———————————

659 *а.* стал б. начал

659 *Вписано*: который прошу тебя препроводить по принадлежности

659 л. я недокончил б. остались недокончены

659 *Вписано*: — потому что *1 Вписано*: прилагаемый

— ———————————

«Живые мощи». [Но] [Я был бы] 6 Мне было бы приятно7 внести в Складчину нечто [зна] более значительное8; но чем богат тем и рад — да и сверх того- [уро] указание на «долготерпение» нашего народа — быть может — уместно 9 [в] [именно] в издании подобном «Складчине». Кстати, позволь рассказать тебе анекдот, относящийся тоже к голодному времени [у нас] на Руси. В 1841-м году, как тебе известно10 Т<ульская> и смежные с ней губернии чуть не вымерли поголовно. — Несколько лет спустя, проезжая с товарищем по этой самой Т<ульско)й губернии — мы остановились в деревенском трактире [и начали во время] стали пить чай. —Товарищ м<ой> [стал] принялся рассказывать не помню как<ой> случай из своей жизни и упомянул о человеке 11 худом испитом «как скелет». Позвольте, барин, доложить — вмешался старик хозяин, при-

сутствовав <ший> при нашей беседе, от голода не худеют, а пухнут. — [По] «Как так?» — Да так же-с; человек пухнет — отекает 12 [как склянка] как склянка (яблоко так<ое> бывает вот и мы в 184.м году все пухлые ходили. —[1 *нрзб.]* А[?]! в 1841-м году; подхватил я… [Да] Страшное было время? — Да батюшка, страшное. — Ну и что? спросил я — были тогда беспорядки, грабежи? — Какие, бат<юшка> беспорядки — возразил с изумлением старик. — Ты и так 13 наказан 14 — а тут 15 еще грешить станешь?! —

Мне кажется что [народу с] помогать такому народу 16 священный долг каждого человека.

Прими увер<ения> и пр.

Париж И. Т.

17/29 янв, 1874.

— Французская поговорка гласит: «сухой рыбак и мокрый охотник являют вид печальный». — Не имев никогда пристрастия к рыбной ловле, я не могу судить о том, что испытывает рыбак в хорошую сухую 17 погоду, и на сколько — во время дождя — удовольствие, доставляемое 18 обильной добычей19 перевешивает в [его душе] нем20 неудовольствие

— ———————————

6 Вписано: конечно

7 а. приятно б. приятнее

8 а. внести в Складчину нечто [зна] более значительное б. поклониться общему делу чем-нибудь более значительным *в.* [видеть] прислать что-нибудь более значительное

9 а. уместно б. не совсем неуместно *в.* не вовсе не у места

10 а. тебе известно б, тебе вероятно известно *в.* известно

12 Вписано: весь

13 Вписано: богом

14*а.* наказан б. покаран <?> *в.* наказан

15 Вписано: ты

16 Вписано: когда его постигает несчастие

17 а. сухую б. ясную

18 а. доставляемое б. доставляемое ему

19*а.* обильной добычей б. обилием добычи *далее начато 1 нрзб. в.* обильной добычей

20 а. перевешивает в [его душе] нем б. перевешивает

— ———————————

быть мокрым… [мокрым и неподвижным]. —Но для охотника дождь — сущее бедствие. Именно такому бедствию подверглись мы с Ермолаем в одну из наших поездок за тетеревами в

Волховском уезде 21 [О…й губернии]. — С самой утренней зари дождь не переставал: уж что мы ни делали чтобы от него избавиться! 22 — И под деревья становились — чтобы меньше капало…! 23 Но непрокоемые плащики, не говоря уже о том что они мешали стрелять пропускали воду самым бесстыдным образом; а под деревьями сперва24 как будто точно не капало25- но потом вдруг проливались <?> потоки26 — каждая ветка, [каждый лист] обдавала нас 27 как из дождевой трубы — [внезапно] холодная острая струйка [внезапно] пробиралась 28 под галстух и текла вдоль спинного хребта… а уж это последнее дело! как выражался Ермолай! — Нет, Х. Х., воскликнул он наконец. — [Эдак нельзя.] [Ерм] [Надо] Эдак нельзя. — Нельзя сегодня охотиться. Собакам чучье заливает — ружья осекаются.. — Задача!

— Что же делать? спросил я.

— А вот что. — Поедемте в Алексеевку — вы может быть не знаете-у Вашей матушки есть хуторок2Э, отсюда верст восемь — переночуем там — а завтра

— Сюда вернемся?

Нет не сюда — мне за Алексеевкой места известны — многим лучше здешних для тетеревов! —

Я не стал расспрашивать моего верного спутника — зачем он не тотчас повез меня в эти места30 — и в тот [са<мый>] же вечер 31 мы добрались до [Алексеевки] матушкина хуторка, существования 32 которого, [говоря] признаться сказать, я 33 и не подозревал до тех пор. — В этом хуторке оказался [даже] флигелек, очень ветхий — но не жилой и потому чистый; я провел в нем 31 спокойную ночь.

— ———————————

21 а. в Волховском уезде б. в Волховской уезд

22 Вписано: а. и резинковые плащики на самую голову надевали б. и резинковые плащики чуть не на самую голову надевали

23 а. капало…! б. капало…

24 а. сперва б. точно на первых порах

25 а. точно не капало б. и не капало

26 а. проливались (?) потоки б. накопленная вода прорывалась *в.* накопившаяся в листве влага прорывалась

27 Вписано: водой

28 а. пробиралась б. закрадывалась

29 а. у Вашей матушки есть хуторок б. хуторок такой есть Вашей матушки

30 а. не тотчас повез меня в эти места б. не повез меня прямо в те места

311 а. вечер б. день

32 а. существования б. существование

33 д. признаться сказать, я б. я признаться сказать

34 Вписано: довольно

— ———————————

На другое утро я встал35 ранехонько. Солнце только что встало 36? на небе не было ни одного облачка, все37 блестело38 двойным блеском: 39 молодых40 лучей и вчерашнего ливня. — Пока мне закладывали [мою] таратайку — я. пошел побродить по небольшому, некогда фруктовому, [но] теперь одичалому саду, окружившему 411 флигелек своей зеленой 42, сочной43 глушью 4\ В стороне45, возле низкого46 плетня виднелась крошечная пасека47; узенькая48 тропка49 вела к ней, извиваясь 50 между сплошными стенами бурьяна [и] и крапивы [и отдельных стеблей конопли, занесенной с соседнего] над которыми 51 высились бог ведает откуда занесенные отдельные 52 стебли свежей<?> конопли.

Я пошел 53 по этой тропинке — добрался до пасеки [и] Тут же 54 стоял 55 небольшой56 сарайчик, так называемый «амшаник» куда запирают [на зим] улья на зиму 57.

Я заглянул [в] через раскрытую58 дверь: в са-

райчике59 темно60, пахнет мятой, мелиссой — в углу устроены 61 подмостки и на них лежит [какая-то черная фигура] 62 какое-то черное63 существо64… Я [пошел было отверн] пошел было [назад] прочь.

— ———————————

35 а. встал б. проснулся

36 а. встало б. поднялось *в.* встало

37 Вписано: а. Кругом б. кругом *в.* кругом

38 Вписано: сильным

39 Вписано: блеском

40 Вписано: утренних

41 а. окружившему б. со всех сторон обступившему

42 а. зеленой б. зеленою

43 Вписано: [пахучей]

44 На полях вписан текст, место вставки которого определено по беловому автографу: [Я даже картуз снял, до того] Ах как было хорошо на [этом] этом вольном [чистом] воздухе, под [этим] ясным небом, [откуда] где [сыпались] [тр] [бесконечной трелью сыпались] трепетали [голоса жаворонков] жаворонки [и] откуда [сыпались] сыпался [их[зв] [тонк] серебряный бисео!] серебряный бисер их голосов Я даже шапку снял с головы и дышэл [детски <?>] радостно [всей] всею грудью.

45 а. В стороне *б.* На склоне неглубокого овражка

46 а. низкого б. самого

47 а. крошечная пасека б. небольшая пасека *в.* пасека

49 а. тропка б. тропинка

51 Вписано: кой-где

52 а. отдельные б. остроконечные

53 а. пошел б. отправился

54 а. Тут же б. Рядом с нею

56 а. небольшой б. плетеный

57 а. запирают улья на зиму б. ставят улья на зиму *в.* запирают улья на зиму

58 а. раскрытую б. полураскрытую *в.* отворенную

59 а. дверь: в сарайчике *б.* дверь в сарайчик: *в.* дверь:

60 а. темно б. темным-темно <1 *нрзб.) в.* темно, тихо, сухо

61 а. устроены б. приспособлены

62 Вписано: а. прикрытое одеялом б. прикрытое пестрым одеялом

63 Вписано: маленькое

6*4 а.* существо б. фигура

— ———————————

— Барин! а барин! ХХ! послышался мне голос65,

слабый [и] [слабый] и [см] сиплый как шелест болотной осоки. — Я остановился. — — Барин 66 повторил голос — подойдите, пожалуйста…67

[Он] Я оглянулся [Меня звало] Он шел ко мне 68 из угла, с тех 69 подмостков —

Я подошел к ним — и остолбенел от изумления.

Передо мною лежало человеческое70 существо — [до того] но что это было такое!

Голова совершенно высохшая 7\ темная 72 — ни дать ни взять старинного письма [образ] икона73; иос острый74 как лезвеё ножа -губы74 не видать76; только зубы белеют и глаза — да из под платка выбивают- ся на лоб77 пряди [желтых] 78 золотых79 волос. —Под подбородком 80, на складке одеяла81 — две82 руки, тоже бронзового цвета 83 -…И со всем тем84 — лицо не только не безобразное, даже красивое-но85 страшное… [Стра] [Оно мне казалось еще] [И] Тем8® страшнее казалось мне это лицо, что но нем 87 готовилась<?>, силилась [ра] 88 и не могла распространиться89 улыбка… [Окостенелые щеки, губы] удовольствия 00, привета…

Вы меня не узнаете, барин — заговорил91 опять92 голос — он словно испарялся из неподвижных93 губ… Да и где узнать! Я Лукерья —

— ———————————

65 Вписано: медленный

66 Вписано: XX

68 а. шел ко мне б. доносился до меня

69 Вписано: а. самых замеченных мною б. самых *в.* самых замеченных мною

70 Вписано: живое

71 Вписано: одноцветная

72 а. темная б. коричневая *в.* бронзовая

73 а. старинного письма икона б. икона старинного письма

74 а. острый б. тонкий *в.* узкий

75 а. губы б. губ

76 Вписано: вовсе

77 Вписано: жидкие

78 а. желтых б, жидких

79 а. золотых б. желтых

80 а. Под подбородком б. У подбородка

81 Вписано: а. едва движутся б. движутся, перебирая тонкими пальцами

82 Вписано: крошечные

83 Вписано: как у египетских мумий

84 а. И со всем тем б. Я гляжу *в.* Я вглядываюсь попристальнее

85 Вписано: поистине <?>

86 а. [И] Тем б. И тем

87 Вписано: а. по этим окостенелым щекам б. по окостенелым его щекам

89 а. распространиться б. расплыться [приветная]

90 Вписано и зачеркнуто: улыбка

91 а. заговорил б. зашептал

93 а. неподвижных б. едва шевелившихся

— ———————————

помните — что хороводы водила в Спасском 94 [ведь] [вот что] помните, [голос] я еще запевалой была…

Лукерья! воскликнул я. Ты ли это? 95

Я… да 90… я. — Я Лукерья.

Я не знал что сказать, и как ошеломленный глядел на [коричневое)] темное97, как98 из кипарисового дерева вырезанное лицо с приподнятыми 99 на меня светлыми 100 глазами. Эта мумия — Лукерья, первая красавица во всей нашей дворне, высокая, полная, белая румяная — хохотунья, плясунья, певунья! — Лукерья, [в которую все] за которой ухаживали все наши молодые парни, [в] о которой я сам втайне вздыхал, я 16-ти летний мальчик!

Помилуй,101 проговорил я наконец: — что это с тобой случилось?

— А беда такая стряслась! отвечала она — да

102 Вы не побрезгайте, сядьте вон на кадушечку — поближе — а то Вам 10Я не слышно будет — вишь какая я голосистая стала — Ну уж и рада же я что увидала Вас! — Как это Вы в Алексеевку попали? 104

— Меня Ермолай охотник сюда завез… [Толь<ко>] Но расскажи ты мне…

— О беде то моей Вам рассказать? Извольте. — Случилось это со мной [ночью] уже давно, [ночыо] лет 6 или 7. — [Я] Меня тогда только что за Василия Полякова помолвили — помните, такой был статный, весь в кудрях105, — да Вас тогда уже 406 не было — в Москву Вы уехали — учиться. Очень мы с Василием слюбились — из головы он у меня не выходил — а дело было весной. Вот раз ночью — не спится мне — а слышу я — соловей в саду таково удивительно поет сладко; — встала я и вышла на крыльцо его послушать — [да] [в] И вдруг мне почудилось что будто кто-то меня зовет, Васиным голосом… Я — глядь в сторону — да видно107 [не] с просонья оступилась — [да] так прямо с рундучка и полетела вниз — да о землю хлоп! И кажись не сильно я расшиблась, потому тотчас встала108 и к себе в комнату вернулась… только словно у меня что внутри — в утробе порвалось… С самого того дня стала я сохнуть,

чахнуть109, трудно мне стало ходить — [стоять]

— ———————————

94 а. водила в Спасском б. в Спасском водила у матушки у Вашей *е.* водила в Спасском у матушки у Вашей

95 Вписано: Возможно ли?

96 а. да б. Да, барин

97 Вписано: неподвижное

98 а. как б. словно

99 а. приподнятыми б. устремленными

100 Вписано: и мертвенными

102 а. отвечала она — да б. да

403 Вписано: меня

105 а. был статный, весь в кудрях б. из себя статный был кудрявый *далее вписано:* еще буфетчиком у матушки у Вашей служил

106 Вписано: в деревне

— ———————————

а потом уж и стоять и сидеть110 не могу; даже ни пить ни есть не хочется1И. [Матушка Ваша за док] Матушка Ваша по доброте своей и докторам то112 меня показывала и в больницу меня посылала — [ничего] Однако [больница никакой] облегченья мне никакого113 не вышло никто даже и сказать-то114 не мог, что за болезнь115

у меня [за] такая И6 — совсем я окостенела под конец.

Ну вот и порешили 117 что лечить меня больше нечего а в барском доме держать меня не способно; — ну и переслали меня сюда, потому тут у меня родственники есть. Вот я и живу гут, как видите.

Лукерья умолкла и опять постаралась 118 улыбнуться.

Это119 ужасно-твое положение… воскликнул я… и не зная что [промолвить] прибавить, спросил: Что же Поляков… Василий? 120

— Что — Поляков? — Потужил, потужил — да и женился на другой… на [Аграфене, прачке] девушке из Глинвого знаете Глинное? От нас недалече… Аграфеной ее звали. Очень он меня любил — да ведь121 не оставаться же ему холостым — и какая же122 я ему могла быть жена 123? — А жену он нашел i2i хорошую — и дети у них есть… Он тут у соседа в прикащиках живет: матушка Ваша по пачпор- ту его отпустила. И так ты все лежишь да лежишь!

— Вот так и лежу, барин125. — Летом126 здесь-127 в этой плетушке-а [зим<ой>] как холодно станет — меня в предбанник [кладут] перенесут. Там лежу.

— Кто же за тобой ходит? [Прислужи<ваег>] Присматривает кто?

— А добрые здесь люди128 меня не оставляют — Да и ходьбы за мной немного. — Есть-то я почитай что не ем — а вода… вон в кружке 129 [уж<?>] завсегда припасена130; ключевая, чис!ая вода. До круж

— ———————————

110 а. а потом уж и стоять и сидеть б. а там уж и ногами владеть перестала ни стоять ни сидеть

111 а. даже ли пить ни есть не хочется б. все бы лежала. И ни пить ни есть не хочется.

112 а. докторам-то б. дохтору *в.* лекаря(м)

113 а. облегченья мне никакого б. никакого мне облегченья

117 а. Ну вот и порешили б. вот и порешили господа

118 а. постаралась б. усилилась

119 Вписано: однакоже

120 Вписано: Лукерья отвела глаза немного в сторону.

121 Вписано: человек молодой

122 а. же б. уж

123 а. жена б. подруга

124 Вписано: себе

125 Вписано: Седьмой годок.

126 Вписано: — то я

127 Вписано: лежу

128 а. добрые здесь люди б. добрые люди здесь есть тоже

129 а. вон в кружке б. вон она <*в*) кружке-то

130 а. припасена б. стоит припасенная

— ———————————

ки-то я сама дотянуться могу. — Правая-то131 рука у меня еще действует 132. — Девочка тут есть, сиротка; так она то и дело наведывается 133 — [дай] спасибо ей. — Сейчас тут была… Вы ее не встретили? Хорошенькая такая, беленькая? 134

И не скучно, не жутко тебе, моя бедная Лукерья?

А что будешь135 делать? лгать не хочу — сперва очень томно было; — а потом привыкла, обтерпелась. — Ничего; иным136 еще хуже бывает!

— Это каким 137 образом?

А у иного и пристанища нет 438. — Или139 то взять: иной 440 здоровый человек очень грешить 441 может; а от меня и грех отошел…442

Намеднись отец Алексей — священник как стал меня причащать, да и говорит: [К] [От] тебя 443 исповедывать нечего: разве ты согрешить можешь? Но я ему ответила: [мысленно] а мысленный грех144? Ну, говорит 14\ это грех небольшой 446.

— [Лу] Да я должно быть, и147 мысленным грехом не очень-то грешна 448, продолжала Лукерья — потому я 449 себя приучила: не думать 450 — время [так] скорей проходит. [Как же] Я, признаюсь, удивился45i. [Да ведь ты] Ты все одна 452 — как же ты можешь помешать, чтобы мысли тебе в голову не шли? — Или ты все спишь?

— ———————————

131 а. Правая-то б. Одна

132 Вписано: как следует… Ну

133 а. так она то и дело наведывается б. нет нет да и наведается

134 Вписано: [Она мне цветы] цветы мне носит — я их очень люблю, цветов-то садовых у нас нет — были да перевелись — [так] да ведь и полевые — цветы хорошие — пахнут еще лучше садовых. [Хоть бы] Вот хоть бы ландыши? — На что [лучше] приятнее?

435 Вписано: барин

136 а. иным б. иному

137 Вписано: же

138 Вписано: [а] иной — слепой <*далее вписано:* или глухой); а я слава богу, вижу [отлично] прекрасно — и все слышу — все! [вот] крот под землей роется — [я] и то слышу. И [как] [всякий напр.] запах я [сейчас] всякий [слышу] чувство-

вать могу самый какой ни на есть слабый [Когда] гречиха [зацветает в поле] в поле зацветет мне и сказывать не надо — я первая сей час слышу, лишь бы ветерком [с поля] оттоль потянуло. Нет… многим хуже моего бывает.

340 а. иной б. *зачеркнуто в. восстановлено*

i41 а. грешить б< согрешить

442 а. и грех отошел б. грех понемн(огу?> — сам собой отошел *в.* грех сам отошел

143 Вписано: мол.

144 Вписано: батюшка

445 Вписано: а сам смеется

146 а. небольшой б. не великий

— *Вписано:* этим самым

— *а.* не очень-то грешна б. не часто грешу

— *Вписано:* так

— *Вписано: а.* да пуще всего — не вспоминать… б. [да не вспоминать] а пуще того — не вспоминать…

454 Вписано и зачеркнуто 1 нрзб,

152 Вписано: да одна, Лукерья,

— ———————————

Ой нет, барин, спать-то я не всегда могу… Хоть и болей больших у меня нет — а все-таки ноет у меня там внутри*53 — не дает спать — как следует. — Нет… а так, лежу я себе и не думаю; чую,

что живу 154 — и больше ничего 155. — Смотрю — слушаю i56… [слух у меня такой чуткий] Пчелы157 жужжат [да] гудят158;-курочка зайдет поклевать — а то воробей залетит — или бабочка: а 159 мне 160 приятно 1G\- В позапрошлом году162 ласточка у меня вон в уголку себе гнездо свила и детей вывела163 — уж как164 было занятно — как это они влетят 16\ [в гнездо [слов] прил] ко гнезду [приникнут] припадет — [детки] деток накормят- и вон: а 166 уж на смену ей другая -; [а] иногда только мимо двери пролетит <?> 167 а уж детки пищат [рт<ы>] носы169 разевают… Я их и на следующий год поджидала;-да их170 один здешний охотник171 застрелил. [И] [К] И на что покорыстился: вся-то она, ласточка — та же муха 172.

— А то я молитвы читаю, продолжала, немного отдохнув, Лукерья; да немного я их173 знаю. —И что мною174 юсподу богу наску

— ———————————

153 а. внутри б. в самом нутре
154 а. живу б. жива
155 а. и больше ничего б. дышу — и вся я тут
156 а. слушаю б. да слушаю *в.* слушаю
157 Вписано: на полях
158 Вписано: а. [голуби] голубь на крыше ворку-

ет б. голубь на крышу сядет да воркует

а. а б. *1 нрзб.*

160 Вписано: очень

161 Вписано: а. Зимою хуже… потому темпо; свечку зажечь жалко — да к чему? — Но все слушать [-то] есть что… [сверчка а ли мышь] сверчок затрещит а ли мышь [скребется] где скрестись станет А не то старушка забредет сказки сказывать станет то про Иерусалим, Киев, святые города… ко мне ходют — я смирная, не мешаю… б. Зимою хуже… потому темно; свечку зажечь жалко — да к чему? Я хоть и [грамотная] грамоте знаю и [книги] читать всегда охоча была-да что читать [?]! Как [же мне] я буду держать ее книгу-то да [и] книг [нет] здесь вовсе нету да хоть бы и были — Но все слушать есть что… сверчок затрещит али мышь где скрестись станет <…) Вот тут то хорошо — не думать. *Далее вписано дополнительно:* Раз [так даже] — вот смеху было -заяц забежал. —Собаки что ли за ним [в] гнались-[Какой] только он [высочил] прямо в дверь [да ко мне прикатил] как прикатит. Сел близехонько и долго таки сидел все ушами водил да усами дергал и на меня [глядел] смотрел… понял, значит, что я ему [ничего] не страшна. Наконец встал [и] прыг… прыг к двери [тихонько вышел *{1 нрзб.)]* на пороге обернулся,

да и был таков! Смешной такой!

162 Вписано: так даже

163 а. ласточка у меня вон в уголку себе гнездо свила и детей вывела б. [две] ласточки вон там в углу себе гнездо свили и детей вывели

104 Вписано: оно

165 а. как это они влетят б. одна влетит

166 а. а б. глядишь [тот(час?)]

167 а. пролетит б. пронесется

168 а. пищат б. тотчас пищать станут [все <?) вдруг]

170 Вписано: говорят

171 Вписано: из ружья

472 а. та же муха б. не больше жука

173 а. да немного я их б. только немного я і

— ———————————

чать? — О чем я его просить стану175?.. Он лучше Пб знает, что мне нужнот. Прочту Отче наш да Богородицу!78 — [да] и опять [не дума] лежу 179 — без [думы] слов безо всякой думы 180 —

<*К этому месту относится подстрочная сноска, распространившаяся на две страницы:*>

[В] и ничего! — Лукерья умолкла 181

Знаешь ли что 18\ Лукерья, начал я183. — Какое я тебе предложение сделаю. Хочешь, я распоряжусь: тебя в больницу перевезут, в хорошую 184

больницу?. [Полож] [Хоть] Кто знает, быть может — тебя еще вылечат? Во всяком случае, ты не будешь одна i85<,..

Лукерья чуть чуть [нахмурила брови] двинула бровями. Ох, нет, барин, промолвила она озабоченным шопотом — не перевозите меня в больницу — не трогайте меня. — Я там только больше муки приму186. Намеднись доктор сюда187 приезжал — [лекарь уездный] — осматривать меня захотел: я его прошу — не тревожьте Вы меня Христа ради — Куда! переворачивать меня стал, руки ноги разгинал — говорит — это я [по долгу] для науки делаю 188 на то я служащий человек, ученый189. —Потормошил потормошил меня — да так и уехал — 190, а у меня потом целую неделю все косточки ныли. — Вы говорите — я i9i одна бываю — всегда одна. [Нет не] Не всегда 192 — ко мне ходят — я смирная: не мешаю. — Девушки193 зайдут, поболтают194, странница

— ———————————

175 а. стану б. могу

176 Вписано: меня

177 а. что мне нужно б. чего мне надобно *Далее вписано: а.* Послал он мне крест — значит, любит он меня; так нам велено понимать это. б. Послал он мне крест — значит меня он любит; так нам

велено это понимать.

178 Вписано S нрзб.

179 а. лежу б. полеживаю

**80 а.* думы б. думочки.

181 Вписано: [Я тоже молчал и сидел неподвижно на сво] Я [возле] [тоже сидел] [Я сидел] Прошло минуты две; я не нарушал [несколько ми] молчанья и даже не шевелился, *[нач. нрзб.]* [Перед этой жестокой каменной неподвижностью] Жестокая каменная неподвижность лежавшего передо мною живого существа [словно перешла на меня я [тоже не шевелился] тоже словно оцепенел] [распространилась] [и на меня навела оцепенение] сообщилась и мне: я тоже словно оцепенел на [своей] узенькой кадушке, служившей мне сиденьем.

182 а. Знаешь ли что б. Послушай

183 Вписано: наконец

184 Вписано: городскую

185 а. не будешь одна б. одна не будешь

186 Вписано: а. Вылечить меня нельзя — только мучить меня будут б. Уж куда меня лечить!

187 а. доктор сюда б. вот так-то доктор

188 а. для науки делаю б. для учености это делаю

189 Вписано: И ты, говорит, не моги мне супро-

тивляться, потому что мне за [труды мои] мои труды орден на шею дан — и я для Вас нее дураков, стараюсь!

190 Вписано: [ничего не]

191 Вписано: все

192 а. [Нет не] Не всегда б. Нет не всегда

193 Вписано: крестьянские

— ———————————

забредет — станет про Иерусалим рассказывать, про Киев, про святые города… Да мне и не страшно одной195 быть. — Деже лучше 196. Я уж вам сказывала какую я манеру придумала…497 барин, не трогайте меня, не возите в больницу — Спасибо Вам, Вы добрый — только не трогайте меня, голубчик!

Ну, как хочешь, как хочешь, Лукерья. Я ведь для твоего же добра 498 полагал…

Знаю, барин, что для моего добра199. — Да, барин, барин 200, кто другому помочь может? Кто ему в душу войдет! — Сам себе человек помогай. Вы вот не поверите 201 я иногда [одна] лежу так одна: — И словно никого в свете кроме меня нету — только одна я — живая [на] [и есть]! [То я не думаю… а то] 202 [И возьмут меня тогда думы] И возьмет меня размышление — даже удивительно станет 203.

— О чем же ты размышляешь тогда 20\ Лукерья?

— Л<укерья> 205 помолчала.

Этого, барин, тоже сказать 206 нельзя. Этого не растолкуешь 207. — Да и забывается оно потом. Придет это 208 как тучка, прольется, [да и прой<дет> ет сл] [-Только] [Только [на душе] на душе у тебя [свежо станет] посвежеет] [сл<овно>] [как после дождя] 209 [а уж ее и нет]. —210 И думается мне: будь около меня люди — ничего [бы] этого бы не было — [и] [окром<я>] ничего бы я не чувствовала, окромя своего несчастья. — [Вот]

[Я ничего не отвечал — но]

Лукерья вздохнула — с трудом — Грудь ей не повиновалась — так же как и остальные члены.

[Одна-то] Я смотрю211, барин, на Вас212 -очень [-то] Вам меня

— ———————————

196 а. Даже лучше б. Много лучше *в.* Даже лучше

197 а. Я уж вам сказывала какую я манеру придумала б. Я уж вам сказывала какую я на этот раз манеру придумала *в.* Право

198 а. для твоего же добра б. для твоей же пользы

199 д. для моего добра б. для моей пользы

200 а. барин б. милый

201 Вписано: а

202 Вставка на полях: И [чувствую я] [кажется] чудится мне тогда, [словно] будто что меня [осенило] осенит — [и [уж] не мешаю я тогда [себ(е>] самой себе думать вот <?> этакое разм<ышлеиие>]

205 а. Л(укерья) б. 0<на>

206 я. сказать б. расто(лковать) *в.* сказать никак

210 Вписано: Ну

211 я. Я смотрю б. Как погляжу я

— ———————————

[, я вижу] жалко — а Вы меня не очень213 жалейте!214 Я вам, напри<мер> что скажу <*здесь вставка кончаетсяУ* А 215 иногда…216 что я вам скажу217 — я… песни пою.

Песни?

Да218 наши старые2i9, хороводные, подблюдные, святочные всякие; много я их ведь знала и не заб>ыла. Только вот плясовых не пою… в моем теперешнем звании — оно не годится.

Как же ты их поешь — про себя?

— И про себя — и голосом. — Громко-то не могу — а все понять можно… Вот я 220 Вам сказывала девочка ко мне ходит… — [я ее уже двум] сиротка

— понятливая девочка 221. Так вот я ее выучила… Четыре песни она уж у меня переняла. — Да вот погодите, я Вам сей час спою…

Лукерья собралась с духом… Мысль что это полумертвое существо222 [мож<ет>] будет петь223 возбудила во мне нечто вроде тайного ужаса 224 но прежде чем я мог сказать 225 слово — [над] в ушах моих задрожал [жалобный] протяжпый, едва слышный, но чистый и верный звук — за ним 226 другой, третий… «Во лузях, во лузях» пела Лукерья. Она пела [не шевелясь — и даже тро] не переменяя 227 положепия своего окаменелого ли на — и [даже глаза уставила] уставив даже глаза…228 [И] 229 Жалость [и ст] стиснула мне сердце…

— Ох, не могу! проговорила она вдруг… Духа 230 не хватает… Очень уж я Вам рада. Она закрыла глаза [и].

Я положил руку на [ее пальцы] холодные как лед — и«есткие палочки ее пальцев 231 — [и] [некоторые]

— ———————————

213 а. очень б. слишком

215 Вписано: я

216 Вписано: и теперь… Вы помните, какая я в свое время была веселая? Бой-девка.

2,7 а. что я вам скажу б. знаете что

218 Вписано: песни

219 Вписано: песни

220 а. Вот я б. я е. Вот я

221 а. понятливая девочка б. должно <?) быть понятливая; е. однако понятливая; все сироты [такие] понятливые *г.* значит понятливая

222 Вписано и зачеркнуто: эта *<1 нрзб.)*

223 а. будет петь б. готосится запеть

224 а. нечто вроде тайного ужаса б. невольный ужас

225 а. сказать б. вымолвить

226 Вписано: последовал

227 а. не переменяя б. не изменяя

228 Вписано: а. Уже не ужас чувствовал я… б. Но так ей хотелось всю душу вылить [Уже не ужас] чувствовал я… *в.* Так трогательно звенел этот бедный голосок, так хотелось ей всю душу вылить [Уже не ужас] чувствовал я… г. Но так трогательно звенел этот бедный усиленный, как струйка дыма [колеблющийся (?)] колебавшийся голосок [Уже не ужас] чувствовал я…

229 Вписано: Несказанная

230 а. Духа б. Силушки

— ———————————

Она взглянула на меня и [опять] глаза ее опять

закрылись 232… Спустя мгновенье, [что-то блеснуло [мокр] на [их темной] этих светлых ресницах — это внизу выступила слеза] [они смокли и] 233 заблестели [в темноте…] в полутьме… [опи смокли]. Их смочила слеза 234.

Экая я! проговорила Л<укерья> и раскрыв широко глаза, постаралась смигнуть с них слезу — всплакнула-таки23Г>! Давно этого со мной не случалось. — С самого того времени23в, как Поляков Вася у меня был — [в] прошлой весной. — Пока он со мной сидел да разговаривал -237 ничего; а как ушел он, поплакала я таки 238 в одиночку. Ну 239 да ведь у нашей сестры слезы некуплепные. — Барии, прибавила она 24°, чай у Вас платочек есть — не побрезгайте, утрите мне глаза!

Я поспешил исполнить ее желание — и платок ей оставил. — [под] Она сперва отказывалась241 потом взяла слабыми пальцами платок242 и уже не [выпустила] разжала их более. — Привыкнув к темноте, в которой мы 243 находились — я мог ясно различить ее черты — мог даже заметить как слабый румянец проступил 244 сквозь [ее бронзовую] [бронзовый цве<т>] бронзовую окраску 245 ее лица — [на] и в самом этом лице открывал 246 — так по крайней мере показалось 247 — следы

его бывалой красоты…

— Вот вы, барин, спрашивали меня, начала она опять 248 сплю ли я?.! — Сплю я точно — редко — но всякий раз сны вижу и такие хорошие сны! — Никогда я [в них] во сне больной себя не вижу; — такая я всегда во сне здоровая, да молодая да сильная!249 Раз мне какой сон чудесный виделся 250 — хотите, расскажу Вам? 251 — [Будто] Вижу я, будто стою я в поле — а кругом рожь да такая высокая, высокая да спе

— ———————————

238 а. л таки б. я е. я таки

239 а. Ну б. Откуда бралось!

240 а. она б. Лук(ерья)

242 а. взяла слабыми пальцами платок б. обхватила его своими слабыми пальцами

243 Вписано: оба

244 я. как слабый румянец проступил б. тонкий румянец проступивший

251 Вписано: Ну слушайте барин

— ———————————

лая 252, как золотая! 253 — И будто у меня в руках серп — то есть не серп 254 — а самый как есть месяц -25Л когда он на серп похож бывает — и этим самым месяцем должна я эту самую

рожь сжать 256. Только очень меня от жары растомило и лень на меня нашла — а тут257 кругом всё васильки 258 растут — да такие крупные25. И думаю я, нарву я 260 васильков — Вася прийти хотел261 — так вот я себе венок сперва совью — а жать я еще успеюгв2. И начинаю 263 я рвать васильки-а они у меня [та] в руках тают да тают — и не могу я себе венок свить 264. А 265 слышу уж идет кто-то 266 ко мв 267 и зовет меня288: Луша! Луша! 269 Ну думаю, все равно — надену я себе на голову2/0 месяц — надеваю я [эт] 271 месяц 272 — и так сама273 вся засияла274-и гляжу 275 — по самым [колосам] 276 верхушкам колосьев — [вот как солнце] [когда] [иногда] катит ко мне — скорехонько — только не Вася а 277 сам Христос. — [П] А почему я узнала что это Христос? не могу сказать [написан] таким его не пишут 278 — высокий 279, красивый 28°, весь в белом — и руку281 мне протягивает. Я вся заробела282-а он мне говорит — Пойдем, Луша 283, ты у меня в Ц<арстве>

— ———————————

252 а. высокая, высокая да спелая б. высокая да спелая

253 Вписано: И будто со мной собачка [черненькая] рыженькая, злая презлая все укусить меня

хочет

254 а. то есть не серп б. и не простой серп

255 Вписано: вот

256 Вписано: дочиста

257 а. а тут б. а

258 а. всё васильки б. васильки *в.* всё васильки

259 Вписано: Крупные! И все ко мне [обернулись] головками повернулись* словно [на меня] смотрят на меня

260 Вписано: этих

265 Вписано: между тем я

266 а. уж идет кто-то б. кто-то уж идет

267 Вписано: близко таково

268 а. зовет меня б. зовет

270 Вписано: этот

271 Вписано: а. этот б. [этот]

272 Вписано: а. ровно кокошник б. как кокошник *в.* ровно как кокошник

273 Вписано: сейчас

274 Вписано: а. все поле кругом осветила б. в поле кругом осветила

275 а. и гляжу б. и что это? гляжу *в.* Глядь

276 а. по самым [колосам] б. [катится] катит ко мне [челов] по самым *в.* самым

277 Вписано: кто бы думал:

278 Вписано: а только он!

279 а. высокий б. он такой безбородый мущина *в.* такой безбородый

280 а. красивый б. молодой

281 а. руку б. ручку

282 а. вся заробела б. так вся и сомлела

283 а. пойдем, Луша б. не бойся, говорит, Луша, следуй за мной

— ———————————

Неб<есном> хороводы будешь водить 284 — и я к его ручке как приль- ну и 286 тут мы взвились -Он впереди а я 287 за ним 288 [Собачка моя] и собачка должна отстать от меня и тут 289 я поняла что это болезнь моя -[и что] меня [кусала] кусает 290 -и что в Ц<арстве> Шебесном) ей уже места [не будет] нет 291.

Лукерья [остановилась)] [за<молкла>] [пом<олчала>] умолкла на минутку…

— А то еще был мне 292 сон 293 — начала она снова а быть может это было 294 видение, я уж 295 не знаю. Чудится 296 мне, будто я в этой самой плетушке лежу — и приходят ко мне мои покойные родители — батюшка да матушка — и кланяются мне 297 — а сами ничего не говорят. — И спрашиваю я их — зачем вы, батюшка и матушка, мне кланяетесь? — А потому 298 говорят — что так 299 ты на сем свете много мучишься

— то не только [с своей души] ты свою душу 300 облегчила — но и с нас3011 большую тягу сняла — и нам на том свете стало много способнее. — Со своим грехом ты 302 покончила — теперь наши грехи побеждаешь. — И сказавши это, родители [поклон] опять мне поклонились — и не стало их видно — одни стены видны. — Очень я стала тут сомневаться 30\ что это такое со мною было? Даже батюшке на духу рассказала — только он так полагает, что это 304 не видение — потому 305 видения бывают одним [праведник] [духовным] отшельникам 306.

Батюшке лучше это знать, продолжала Лук<ерья> но только мне в

— ———————————

284 Вписано: песни райские играть

285 а. как прильну б. приложилась *в.* как прильну *далее вписано:* а собачка моя сей час меня [схв] за ноги

286 а. и б. но

287 д. а я б. и я

288 Вписано: а. крылья у него по всему небу острые как у ласточки б. крылья у него по всему небу развернулись да длинные белые как у чайки [и у меня крылья]

289 а. и тут б. тут только

290 а. это болезнь моя — [и что] меня [кусала] кусает б. эта собачка — болезнь
моя
291 а. [не будет] нет б. не будет
292 а. был мне б. видела я
293 Вписано: перевела дыханье и
294 Вписано: мне
295 Вписано: и
296 а. Чудится б. Почудилось
297 Вписано: тут
298 д. потому б. за тем
299 Вписано: как
300 [с своей души] ты свою душу б. ты свою душеньку
301 а. с нас б. с нашей души *в.* с нас
302 Вписано: уж
303 а. стала тут сомневаться б. потом сомневалась
304 Вписано: было
305 Вписано: что
306 а. одним [праведник(ам>] [духовным] отшельникам б. одним монахам да схимникам *в.* одному духовному чину
— ———————————

другой раз [друго] приснилось видение еще удивительнее: будто не родители одни 307 — а много

— много народу 303 — и все мне кричат 305)1 страдай за нас — страдай [за нашу волюшк<у> Лукерья, за нашу волюшку страдай — мы рабы310 -И я будто им всем *[2 нрзб.}* с камня кланяюсь Готова я за Вас страдатьзи, люди господские — коли Вам я этим 312 помочь могу 313 — их — как засмеются, как обрадуются они.

<Далее следует большая вставка:>

А то вот еще был какой314 сон: Сижу я будто 315 на большой дороге под ракитой [на холме] в руке у меня палочка остругaнная и котомка за плечами — [и должна я идти] и голова платком окутана — [богомолка] как есть странница — и идти мне куда-то далеко далеко на богомолье — к316 чудотворной. — И проходят мимо меня всё странники — идут они тихо, словно нехотя [и] всё в одну сторону — и лица у всех унылые и друг на дружку все очень похожи. [Гляну я на них и жутко мне — отчего не знаю.] [Только смотрю вдруг] И вижу я — [останавливается народ] вьется между ними одна женщина, целой головой выше других317 — и лицо особенное [и] [место] — постное лицо, строгое. И будто все другие от нее сторонятся — а она вдруг верть — да ко мне318 — остановилась и смотрит на меня319. — И спрашиваю я ее: Кто ты? [И зачем на ев] А она мне говорит: Я смерть

твоя… [Жаль мне тебя] Мне 320 чтобы испугаться а я напротив рада [и перекреститься] радехонька, крещусь — Только321 говориг мне та жещина, Смерть моя: Жаль мне тебя 322 — но взять я тебя 323 не могу. — Потерпи 324 — Про

— ———————

307 а. будто не родители одни. б. будто не родители пришли ко мне *в.* будто ко мне [уж и] не родители пришли

308 Вписано: а. привалило и всё [раб(ы>] люди крепостные б. привалило и всё [раб(ы>] люди крепостные и конца не видать — голова к голове — а я будто сижу на высоком камне — и никуда сойти нельзя *в.* привалило и всё [раб<ы>] люди крепостные и конца тем людям не видать — голова к голове, как кочаны капусты на огороде — а я будто сижу на высоком камне — никуда мне сойти с этого камня нельзя

309 а. и все мне кричат б. и кричит мне весь народ

310 Вписано: люди господс<кие>

311 Вписано: говорю

312 а. я этим б. я *в. я* этим

313 Вписано: я готова

314 а. был какой б. какой был мне

315 а. Сижу я будто б. Вижу я что сижу я будто

[бы] эдак

316 Вписано: иконе

317 Вписано: и платье у ней особенное словно не наше не русское

318 а. да ко мне б. да к раките *в.* да прямо ко мне

319 а. на меня б. а глаза у нее как у сокола — желтые да светлые, пресветлые *в.* а глаза у нее как у сокола — желтые да светлые [<1 *нрзб.)* четки <?> большие

320 а. Мне б. Я

321 а. Только б. И

322 Вписано: Лукерья

323 Вписано: с собой

324 а. Потерпи б. Погоди!

— ————————————

щай! — [Она от меня прочь — а мне] Господи! как мне 325 грустно стало! Возьми меня, говорю, матушка, голубушка 326 — а 327 смерть моя обернулась ко мне… и говорит мне когда она меня возьмет 328 — да непонятно так, неявственно 329 — с этим я проснулась.

<*Здесь вставка кончается*>

[Вот какие] [И мне] вот какие 330 у меня сны бывают удивительные! — Только вот беда моя — бывает 331 целая неделя пройдет — а я не засну

ни разу. — В прошлом году барыня одна приезжала — увидела меня332 и [такие порошки <?>] мне дала 333 [коробочку с пор<ошками?>] скляночку с лекарством, против бессоницы — по 10 капель надо было334 принимать. Очень мне помогало — и я спала — только теперь [уже] давно та скляночка выпита. — Не знаете ли, что это было <за> лекарство — и как бы [<2 *нрзб.У* достать 335]?

Я понял что проезжавшая 336 барыня 337 дала Лукерье опиума — я обещался 338 достать ей такую же скляночку и [не мог] опять-таки не мог не подивиться 339 ее терпению.

Эх, барин, возразила она. — Что все это? Какое мое терпение?.. Вот Симеона Столпника терпение бьтло 340 великое — тридцать лет на столбу простоял 34\ а другой [свят] угодник себя в землю зарыть велел по [самые плечи] самую грудь — и муравьи ему лицо ели... вот это [так] подвиг!

Сюда предположительно, следуя тексту белового автографа, можно отнести неприкрепленную вставку:

А то" вот еще мне сказывал один начетчик будто одну страну342 агаряне завоевали; жителей убивали 343 и что ни делали жители — освободиться 344 не могли 345

— ———————————

325 Вписано: тут

326 Вписано: возьми!

327 я. а б. И

328 а. и говорит мне когда она меня возьмет б„ и говорит мне — настанет мол твой час в. стала мне выговаривать., понимаю я что назначает она мне мой час

329 Вписано: после, мол, Петровок

330 а. вот какие б. Такие-то

331 а. бывает б. случается

332 а. увидела меня б. да *в*. увидела меня да

333 а. мне дала б. дала мне

334 а. надо было б. приказала

335 а. (2 нрзб.) достать б. его получить

336 а. Я попял что проезжавшая б. Проезжавшая

337 Вписано: очевидно

338 а. обещался б. обещал

339 Вписано: вслух

— ———————————

И проявилась между них девственница 348 и взяла 347 меч 348 и пошла и всех агарян прогнала 349 за море, а 350 прогнавши их, говорит им: теперь вы меня сожгите потому что такое было мое обещание, чтобы мне огненной смертью за свой народ погибнуть351. — И Агаряне- ее 352 сожгли

-а народ навсегда освободился! Вот это подвиг — а я.. *<конец вставки)*

А я… Что мое за терпенье 353!

Сколько тебе лет, Л<укерья>? спросил я. Двадцать девять — а не то тридцать. — Да что их считать… года то!^ Я вам еще вот что скажу…

Лукерья вдруг как-то странно кашлянула — охнула…

— Ты много говоришь, поспешил я заметить ей, это может тебе повредить.

— Правда, прошептала она — [и голос] едва слышно — 354 да куда не шло! — Теперь, как Вы уйдете, намолчусь я вволю. — По крайности, душу отвела…

Я стал прощаться с нею, повторил мое обещание прислать ей лекарство, попросил ее еще подумать 355 — и сказать мне, не нужно ли ей чего…

— Ничего мне не нужно, всем довольна, слава богу 556, [усильн] с усилием 357 проговорила она. — Я 358 подходил уже к двери — она [позв<ала>] подозвала меня опять

Помните, барин 359, какие у меня были волосы3б0? Помните — до самых колен! Я [их] долго [долго] [но где] не решалась…361 — Но где ж их мне 362 расчесывать 363. Так уж я их

364 обрезала… все ~~равно~~! 365 — 366 Простите, барин! —

— ———————————

346 а. между них девственница б. между жител<ями?> святая девственница

347 Вписано: она

348 Вписано: латы на себя возложила

349 а. и всех агарян прогнала б. на агарян и всех прогнала

350 Вписано: только

351 а. погибнуть б. умереть

352 Вписано: взяли и

353 Вписано: «Вот как отозвалась легенда Жанны д'Арк… подумал я молча»,

354 Вписано: нашей разговорке конец

355 а. еще подумать б. подумать *в.* еще раз хорошенько подумать

356 Вписано: дай бог всем здоровья! Все здесь ко мне добры. — А вот вам бы, барин, матушку Вашу [попросить] уговорить, [обр<оку>] *<1 нрзб.)* с крестьян здешних [малость оброку сбавить] бедные, хоть бы малость оброку с них она сбавила! [Землицы ведь] Земли у них [мало] недостаточно… угодий нет [Хорошо <?)] Они бы за вас богу помолились а мне ничего не нужно, всем довольна!

357 Вписано: но умиленно

358 Вписано: дал Л(укерье) слово исполнить ее просьбу и

359 Вписано: сказала она — и чудное что-то мелькнуло у ней (?) в глазах и на губах

— *а.* волосы б. косы

— *Вписано:* Эдакие волосы!

362 а. мне б. было

363 Вписано: в моем-то положении

364 Вписано: и

365 а. все равно! б. Да.

366 Вписано: Ну

— ———————————

В тот же день, прежде чем отправиться на охоту — был у меня разговор о Лукерье с *[нач. нрзб.]* хуторским десятским. Я узнал от него что ее в деревне прозывали: «Живые мощи»; что впрочем от нее никакого не видать беспокойства — ни ропота от нее не слыхать — ни жалоб 367: за все благодарит 368, [ничего] [и издержек на нее нет никаких] — тихоня, так сказать надо, богом убитая, так кончил 369 он 370, стало за грехи; но мы в это не входим — и чтобы, напр. осуждать ее -371 не осуждаем. — — Пущай ее!

[Через] несколько недель спустя я узнал что Лукерья скончалась. Смерть пришла-таки за ней.

— Рассказывают, что в самый день своей кончины — она все слышала колокольный звон хоть 372 [церковь от Алексеевки отс] от Алексеевки до церкви считают [больше] пять верст слишком — да [и в самой церкви] и звону в ней не производили 373. — Впрочем Лукерья говорила 374 что звон шел [к ней] не от церкви — а с верху — [Она] [Она] Вероятно она не посмела сказать: с неба.

Ив. Тур<генев>
Вторн. 8/20го янв. 1874. 5 часов п<о> п<олудни>.
— ———————

367 Вписано: сама ничего не требует а напротив
368 а. благодарит б. благодарна
369 а. кончил б. заключил
370 а. он б. десятский
371 Вписано: — нет — мы ее
372 а. хоть б. хотя
373 а. и звону в ней не производили б. день был будничный
374 а. говорила б. уве(ряла?> *в.* говорила
— ———————

СТУЧИТ!..

Отрывок из «Записок охотника» Ив. Тургенева

начат в Спасском, в пятницу, 7/19го июня 1874. кончен там же — в понедельник 10/22го июня 1874 в 4 часа

№. Нек<оторое> замечание к «Живым мощам» и к «Стучит». Наброски двух отрывков из З<аписок> О<хотника> — Ж<ивые> М<ощи> и Ст<учит>!) были найдены мною в черновых [бу] моих бумагах в 1874м году — и дописаны, один для «Складчины», другой для предстоящего издания. — В первое издание З<аписок> О<хотника> они не были включены по той причине, что не имели никакого 2 отношения к главной мысли, руководившей мною тогда.

«СТУЧИТ»

… Что я Вам доложу. — промолвил Ермолай, входя ко мне в избу — а я только что пообедал и прилег было 3 на походную кроватку — чтобы отдохнуть немного после довольно удачной, по утомительной охоты на тетеревов — дело было в середине июля4 и жары стояли страшные — что я Вам доложу. — у нас вся дробь вышла.

— 5 Как же так! Ведь мы с собой из деревни [чуть не] почитай что фунтов 30 взяли! — Как <-> был мешок!6

— Оно точно; — 7 мешок был большой8; да кто его знает.. Прореха, что ль, в нем [была] произошла — а только нет9 дроби… так, зарядов на десять осталось. Что же мы станеми0 делать? — Самые лучшие места впереди — на завтрашний день нам обещали 6 выводков…

А пошлите меня в Тулу… тут недалече: всего пятьдесят 11 верст. — Духом слетаю и дроби привезу — коли прикажете — целый пуд.

— ———————————

* *Вписано:* тогда же

115 а. никакого б. прямого

115 а. прилег было б. прилег

115 а. в середине июля б. в 10-х числах

115Вписано: Я вскочил с кроватки: Вышла дробь!

115 а. Как <-> был мешок! б. Целый мешок!

115Вписано: и

115Вписано: на две недели бы хватило

115а. нет б. нету в нем теперича *в~* как есть — нету

115 а. Вписано, зачеркнуто и восстановлено: теперь

115 а. пятьдесят б. сорок пять
— ———————————

— Да когда же ты поедешь?

— А хоть сей час.. Чего мешкать? Только вот что.., надо будет лошадей нанять. — Как — лошадей нанять? — А свои то на что?

— На своих ехать невозможно12. — Коренник захромал… так что страсть,3!

— Это с каких 14 пор?

— А вот 15 кучер его ковать водил… Ну и заковал. Кузнец 16 попался неладный. — Теперь просто17 на ногу [не наступит] наступить не может… Передняя нога. — Так и несет ее, как собака.

— Что ж! расковали его по крайней мере?

— Нет — не расковали; — а непременно расковать его надо 18. Гвоздь то ему, чай, в*9 мясо вогнат.

Я велел позвать кучера. —Оказалось, что Ерм<олай> сказал правду20: коренник2S не наступал на ногу. — Я приказал немедленно его расковать и поставить на глину 22. — Что ж? лошадей нанять в Тулу 23? заметил 24 Ермолай.

— Да разве можно здесь25 найти лошадей? воскликнул я26. — Деревня в которой мы находились, была заглазная глухая 27; все мужики

28 казались очень бедными29 — мы с трудом отыскали одну — не то что белую а 30 просторную избу. — Можно — отвечал Ермолай с обычной своей невозмутимостью, — Здесь31 проживал один крестьянин32 — сам-то он номер и33 сын теперь всем орудует; глупая голова34 -а только35 [все] отцовское

— ———————————

12 е. невозможно б. нельзя

13 е. так что страсть! б. страсть!

14 Вписано: же

15 а. А вот б. А вот *[(нач. нрзб.)]* намеднись

16 Вписано: должно

17 а. просто б. даже

18 а. надо б. следует

18 Вписано: самое

20,а. сказал правду б. не солгал

21 Вписано: — действительно —

22 а. Я приказал «> на глину б. Я немедленно распорядился чтобы его расковали т поставили на сырую глину

23 Вписано: прикажете

24 а. заметил б. спросил *в.* пристал было (?) ко мне»

25 а. здесь б. в этом захолустье

20 Вписано: с невольной досадой

27 Вписано: бедная

28 а. все мужики б. крестьяне *в.* все ее обитатели

29 а. очень бедными б. голышами

30 Вписано: мало-мальски

31 а. Здесь б. Оно хоть и чудно — а в самом этом месте *в.* Вы про здешнюю деревню сказали верно — а только [здесь] в самом этом месте

32 а. крестьянин б. мужичок *далее вписано: а.* обстоятельный — 9 лошадей имел умнеющий, богатый — 9 лошадей имел

33 Вписано: а. старший б. старшой

34 а. глупая голова б. человек глупый *в.* человек из глупых глупее

35*а.* а только б. но однако *в.* ну однако

— ———————————

добро все-таки протрясти36 не успел. Мы у него37 лошадь добудем38.

Прикажите, я его приведу? — Братья у него, говорят39, народ толковый 40, — а все-таки он им всем41 голова. — Почему же 42 так?

А потому — старший 43! Значит, они 44 покоряйся! — Тут Ермолай сильно и непечатно выразился45 о младших братьях46. — Я его приведу. — Он простой, с ним — да не сговориться!

Пока Ермолай ходил за простым человеком,

мне пришло в голову47: самому [отпр] съездить в Тулу? — Во-первых — я не [<1 *нрзб.У]* надеялся 48 на Ермолая.. (Он уже наказал мне <меня?> однажды, езди] [Я ему однажды дал одно порученье которое] [Я ему однажды дал одно порученье, денег на покупку, он обязался ее] Я послал его однажды в город за покупками, он обязался все исполнить49 в один день50, пропадал целую неделю, пропил все деньги — и вернулся пеший — а поехал на лошади51; — во-вторых52 — у меня в Туле был знакомый барышник 53; я мог купить у него лошадь на место захромевшего коренника. —

Решеное дело! подумал я — съезжу сам: — а спать смогу я и54 в дороге — 55 тарантас у меня 56 покойный.

Привел! — воскликнул 1/4 спустя Ермолай, вваливаясь в избу. — В след за ним вошел рослый мужик в белой рубахе, синих портках и лаптях — белобрысый подслеповатый, с рыжей [бо] [кл] 57 бородкой 58 [и] длинным59 носом и разинутым большим ртом Он — точно — смотрел «простецом»..

— ———————————

36*а.* все-таки протрясти б. еще протрясти *в.*

протрясти пока *г.* протрясти еще

37 а. Мы у него *б.* у него *в.* Мы у него

38 а. лошадь добудем б. лошадок раздобудем

39 а. говорят б. слышно

40 а. пород толковый б. ребята шустрые

41 а. им всем б. им

42 Вписано: это

43 а. старший б. старшой

44 а. они б. младшие

45 а. выразился б. отозвался

46 Вписано: вообще

47 Вписано: не лучше ли мне

48 а. не [<1 *нрзб.)]* надеялся б. по правде говоря, я не надеялся *в.* наученный опытом плохо надеялся *е.* плохо надеялся *д.* наученный опытом, плохо надеялся

49 а. все исполнить б. исполнить все мои поручения

50 а. в один день б. в теченье одного дня

51а. на лошади б. на беговых дрожках

52 а. во-вторых б. Во-вторых

53 а. знакомый барышник б. барышник знакомый

54 а. смогу я и б. можно и

55 Вписано: благо

56 а. тарантас у меня б. тарантас

37 Вписано и зачеркнуто: жидкой
58 Вписано: клиеушком
59 Вписано: а. кривым б. пухлым
80 а. большим ртом б. ртом *в.* большим ртом
— ———————

Вот извольте — промолвил Ерм<олай> — лошади у него есть — и он согласен.

— То-есть, значит, я., заговорил мужик сиповатым голосом, встряхивая свои [спутанные] густые611 волосы и [моргая глазами сти] проворно перебирая62 пальцами околыш шляпы63, которую держал в руках.» Я, значит..,.

Как тебя зовут? спросил я.

Мужик ноту пился — и словно задумался

— [Филофей, проговори<л>] — Да; как твое имя?

— А имя мне будет — Филофей.

— Ну вот что, братец Ф<нлофе>й; у тебя, я слышал, есть лошади — приведи-ка сюда65 тройку — мы их заложим в мой тарантас66 -«и свези ты меня в Тулу — теперь ночь лунная; светло..67 дорога6R у вас тут какова?

— Дорога?.. Дорога ничего. Да только дороги69 верст 20 будет..70 [а там известно] Одно есть местечко — неладное… а то ничего..71

•- Да разве [Вам] вы сами в Тулу поедете спросил

меня 72 Ермолай.

Да; сам.

Ну! промолвил мой верный слуга и тряхнул головою;

Нну! повторил он, сплюнул и вышел вон.

Эта поездка73 — очевидно — 74 не занимала его: она стала для него чужим и незанимательным 75 делом.

Ты дорогу хорошо знаешь? обратился я к Филофею.

202 Как нам дороги не знать!.. только, право 76, как же эдак 77 вдруг…

Оказалось, что Ермолай [ни слова не упомянул о цене], нанимая

Филофея, сказал 78 ему, чтобы он не сомневался — что ему, дураку, за- плотят 79… Ф<илофе>й этим не удовлетворился80 Он запросил с меня 81

— ———————————

68 а. [спутанные] густые б. жидкие

63 а. проворно перебирая б. перебирая

63 а. шляпы б, шапки

64 Вписано: Как меня зовут-то? [Зовут меня]

65 Вписано: [пару или]

66 Вписано: он у меня легкий

т Вписано: и ехать прохладно.

66 ©с дорога б. Дорога

69 а. дороги б. она

70 Вписано: всего

711 Вписано: Какое такое местечко неладное? — А речку вброд переезжать надоть.

72 а. спросил меня б. осведомился

73 а. Эта поездка б. Поездка в Тулу

74 Вписано: [больше] уже ее представляла ему ничего привлекательного

75 а«незанимательным б. пустым в. незанимательным

76 ас право б. я, значить, не могу… потому *в.* я, значить, воля ваша, не могу… потому

77 эдак б. этак

78 а. сказал б. заявил

79 Вписано: и только!

80 а. этим не удовлетворился б. хоть и дурак, однако не удовлетворился одним этим уверением в. хоть и дурак, по словам. Ермолая, однако не удовлетворился одним этим заявлением.

8$ Вписано: пятьдесят рублей асс.

— ———————

цену громадную — [мы82 поторговались — и дело кончилось тем, что сошлись наконец в цене — и он отправился за лошадьми].

Я предложил ему десять63 — цену очень низкую 8\ Мы принялись торговаться. Филофей85

упорствовал, сдавался86 — но [мало] туго. Вошедший на минутку Ермолай начал87 уверять, что он88 совсем счету никакого не знает -и89 напомнил мне, как90 [однаж<ды>] постоялый двор, построенный <?>9i моей матушкой на бойком месте, на перекрестке двух больших дорог — пришел в 92 упадок оттого, что старый дворовый, которому поручено было хозяйничать в этом дворе93 — действительно не знал цены денег 9\ а ценил их по количеству — т. е.: отдавал95 серебряный [дв] полтинник96 за [десять пя<таков>] шесть97 пятаков 98.

— Эх ты Филофей! Прямой Филофей! воскликнул наконец Ермолай, и уходя в сердцах хлопнул дверью.

Ф<илофе>й ничего99 не возразил, как бы сознавая что [данное ему при крещении имя уже могло служ<ить>] даже упрекать за это можно человека 100. — Наконец мы однако сошлись с ним на двадцати рублях — [и] он отправился за лошадьми — и через час привел их целых четыре 101

С ним102 пришли два его брата 103, нисколько на него не похожих,

— ———————————

82 Вписано: [хорошенько]

83 Вписано: рублей

84 а. очень низкую б. низкую

85 Вписано: а. сначала <?> *б.* сперва

86 а. сдавался б. потом стал сдаваться

87 а. начал б. принялся меня в. начал меня

88 а. он б. этот «дурак» *далее вписано*: Вишь полюбилось слово! заметил в пол голоса Ф<илоф>ей — этот дурак

89 Вписано: [при] кстати

90 Вписано: лет 20 тому назад

94 а. построенный (?) б. устроенный

92 Вписано: совершенный

93 а. которому оэ дворе б. которого посадили туда хозяином

94*а.* цены денег б. и до самой смерти не выучил *в.* счету деньгам

95 Вписано: напр.

96 а. полтинник б. четвертак

97 Вписано: медных

98 Вписано: при чем однако сильно ругался.

99 Вписано: ему

100 а. [данное <*> служ] даже упрекать за это можно человека б. Ф(илофесм) — точно — называться не ладно <?> и что за такое имя даже упрекать можно человека в. называться Ф(илофеем) — точно — не совсем Ловко, и что за такое имя

даже упрекать можно человека *далее вписано: а.* хотя собственно виноват тут поп, которого чем нибудь не ублаготворили как следует б. хотя собственно виноват тут поп, которого при крещении не ублаготворили как следует

408 а. четыре б, четыре на выбор *в.* пять на выбор *далее вписано: а.* с спутанными гривами, с большими растянутыми брюхами б. с спутанными гривами, с растянутыми, как барабан, большими брюхами *в.* Лошади оказались порядочные, хотя хвосты и гривы у них были спутанные, а [брюха] животы растянутые как барабан.

J02 а. С ним б. С Фи(лофее)м

1103 а. пришли два его брата б. пришло двое его братьев

— ———————————

маленьких, быстроглазых, остроносых104 — и уж105 точно казались шустрыми ребятами408 и много говорили407 — лопотали, как выразился Ермолай — но [Ф<илофею>| покорялись Филофею 408.

Они выкатили мой тарантаси — как водится [боль<ше>] около часу ио возились с ним и с лошадьми; — то [прикру<чивали>] отпускали m постромки, то прикручивали их туго112 братьям непременно хотелось Ы заложить в корню чалого

из, но Филофей решил: кудластого. Так кудластого и заложили в корень. [Чел] Тарантас набили сеном; положили в него на всякий случай 414 хомут с хромого коренника — в случае если б пришлось пригонять его 415 ма новую 116 лошадь.

Филофей, успевший сбегать домой и возвратившийся оттуда в длинном, белом тугоподпоясанном 4!7 балахоне, высоком трешневике и смазных сапогах, взобрался 118 на козла; я сел 449; братья [гикнули ему в след] 120, подстегнули под брюхо пристяжных — и тарантас покатился 42\ ръехад со двора,nv из ворот на [прав] улицу — кудластый хотел было махнуть к себе на двор — но Филофей образумил его несколькими ударами кнута — и вот мы уже выскочили из деревни — и катимся 123 по довольно ровной дороге, между сплошными кустами 124 орешника.

Ночь была тихая, [теплая как] не то чтоб прохладная но и не теп

— ———————————

104ас не похожих, малепыших, быстроглазых, остроносых б. ее похожих; маленькие. черноглазые, востроносые

105*а.* и уж б, оно *в.* они

808 а. казались шустрыми ребятами б. производили впечатление шустрых ребят

а. и много говорили б. говорили много и скоро

і08л. покорялись Филофею б. старшому покорялись

sos а. мой тарантас б. тарантас *далее вписано:* из-под навеса

140 а. и как водится, Дболь(ше>] около часу б. да слишком час е. да часа полтора *г.* да час или полтора

4И Вписано: а. возжевые б. веревочные

т Вписано: на туго, обоим

т Вписано: потому он «с горы спущать могит»; —

И4 а, положили в него на всякий случай б. подсунули под сиденье я. я велел подсунуть под сиденье г. подсунули под сиденье

115 Вписано: в Туле

И6 а. новую б. еовокунленную

sna. тугоподпоясанном б. отцовск(ом)

558 Вписано: торжественно

т Вписано: а. Ф<илофей> задергал возжамн и зачмокал тонким-тонким голоском… б. посмотрев на часы: [половина одиннадцатого] [1/4 деся(того)] четверть одиннадцатого.. Ф<илофей> задергал возжами м закричал тонким-тонким голоском..: Эх вы, маленькие! в. посмотрев на часы: четверть одиннадцатого.. Ермолай даже

не простился со мною и принялся за что-то бить своего Валетку. Ф<нлофей> задергал возжами и закричал тонким-тонким голоском.: Эх вы, маленькие!

120 я. братья [гикнули ему в след] б. Ф<илофее> вы братья подск{очили) с пража и ле(ва)

121 а. покатился б. тронулся

122 я. съехал со двора б. свернул

323 а. катимся б. покатились

124 Вписано: густого

— ———————————

лая125; ветру не было126; на небе [высоко] кое-где виднелись неподвижные, белые127 облачка; и высоко стоял месяц128 и ясно озирал окрестность. — Я растянулся на сене — и [собирался] [собрался заснуть] уже вздремнул — было… да [мысль] вспомнил о «неладном месте» и встрепенулся.

72 Что 129 Филофей, до броду далеко?

73 До броду-то? Верст 10 130 будет. *74* Десять і31 верст — подумалось мне — Раньше часу не доедем. — Соснуть пока можно. — Ты, Филофей, дорогу хорошо знаешь? спросил я опять.

Да как ее не знать-то, дорогу-то? Не в [первый] первой едем…

Он еще что то прибавил… но я уже не расслы-

шал его… Я спал.

Разбудило меня не желание 132 проснуться ровно через час как это часто случается — а какое-то странное 133 хлюпанье и бульканье [возл] под самым моим носом. — Я поднял голову.». — Что за чудеса! — лежу я в тарантасе по прежнему — но134 вокруг тарантаса135 водная гладь, освещенная луною, [рябит] дробится и дрожит мелкой четкой рябью.. — Я глядь вперед: на козлах неподвижно, понурив голову 13®, сидит Филофей — а подальше137 над138 водою дуга439 [и] лошадиные головы и спины 14°…

И все так неподвижно, так бесшумно и словно окаменело 441 как в заколдованном царстве, во сне, в сказке!42… Я глядь назад из под балчука тарантаса… Да мы по самой середине реки… берег от нее шагов за тридцать! —

Филофей! воскликнул я.

— ———————————

125ft. [теплая как] не то чтоб прохладная но и не теплая б. славная, самая удобная для езды;

426 а. ветру не было *б.* ветер едва шелестел в кустах *в.* ветер то [<1 *нрзб.)]* тихо прошелестит в кустах, то совсем замрет г. ветер то тихо прошелестит в кустах, закачает ветки, то совсем замрет

127 а. белые б. серебристые

128 а. высоко стоял месяц б. месяц высоко стоял

129 а. Что б. А что

130 а. 10 б. 8

131 а. Десять б. 8

132 а. желание б. собственное намерение

133 Вписано: хоть и слабое

134 а. но б. а

135 Вписано: а. и на 1/2 аршина от его края б. и на 1/2 аршина не более от его края

836 Вписано: а. согнув спину б. согнув спину, как истукан

137 а. подальше б. еще *(2 нрзб.) в.* там дальше *г.* вон там <?) подальше

138 Вписано: журчащею

139 л. дуга б. кривая линия дуги

ш а. спины б. хребты

141 а. и словно окаменело б. словно

142 а. в сказке… б. оцепенело в сказочном сне… *далее вписано:* Что за притча!

— ———————————

Чего? возразил он»

Как: чего! Помилуй! Где же это мы?.» В реке. Я вижу что в реке, — Да мы эдак443 потонем! А тыш переезжаешь? 545 Ты спишь, Филофей! S4e

Маленечко ошибся, промолвил не спеша 447 Филофей148 в сторону, знать, взял маленечко А теперь подождать надоть 150

— Чего же мы будем ждать? —

А вот, пущай кудластый оглядится. — 1Как он оглядится, ворохнется, а куда о] Куда он ворохнется, туда [мы] значить и ехать надоть. [Да] Я приподнялся на сене… Кудластый не шевелился 454 над водою… [Только и видно было] Он поводил одним ухом вот и все 453. *82* Да он 454 спит 1й\ тв<ой> кудластый! —

— Нет, отвечал Ф<илоф>ей — он теперь воду нюхает.

И все опять замолкло — только по прежнему156 хлюпала вода — Я [тоже] тоже [словно] оцепенел.857

Вдруг голова коренника замоталась, хотя Филофей и не думал его трогать158 — он зафыркал, заворошился… Но-но-но-но!459 заорал 460 Филофей и461 [засте] замахал кнутиком. [Тарантаса] Тарантас точно чтосдернуло с места, он двинулсяыз вперед — на перерез

— ———————————

143а. эдак б. сейчас е. эдак сейчас

144«с А ты б. Так-то ты в брод

145 Вписано: А? Да

146 Вписано: Отвечай же!

147 а. промолвил не спеша б. промолвил наконец в. промолвил

448 а. Филофей б. мой возница

149е. маленечко б. — грешным делом…

150 Вписано: Как ждать надоть!

454 а. Кудластый не шевелился б. Голова кудластого не шевелилась <?. Голова коренника не шевелилась

452 Вписано: [Ухом одним]

153 а. Он поводил одним ухом вот и все. б. Все было ясно видно при ярком [свете] сиянии луны» *в.* [При ясном свете месяца] Только и можно было видеть, при ясном свете луны, как одно только ухо слабо двигалось взад… вперед., *е.* Только и можно было видеть, при ясном свете луны8 как одпо его ухо чуть-чуть двигалось то взад., то вперед..

454 Вписано: тоже

455 *Вписано*: [или <?>]

456 Вписано: слабо

157 Вписано: *а.* Лунный свет, да ночь, да река — да мы в ней.. И хоть бы звук какой. Тррах!!! б. Лунный свет, да ночь, да река — да мы в ней.. Это что такое сипит? спросил я Фило(фея). Это? Утята в камыше — а не то ужи е. Лунный свет, да

ночь, да река — да мы в ней.. Это что такое сипит? спросил я Фило<фея>. Это? промолвил он вяло, как сонный0 Утята в камыше — а не то змеи

158 а. хотя с» трогать б. уши навострились

159 Вписано: внезапно

160 Вписано: во все горло

461 Вписано: приподнялся и

462 а. точно что б. тотчас

463 а. двинулся б. рванулся

— ———————————

[стре<?>] речной волне ie\ сперва мне показалось, что мы погружаемся, идем в глубь — однако, после двух трех 165 толчков 186 — [гладь] водная гладь словно опустилась S67, 168 вот уже показались колеса 169, хвосты и копыта лошадей 17°- и вотт, вздымая сильные и далекие172 брызги, [алмазами] алмазными173 снопами разлетавшиеся при174 луне, весело и <1 *нрзб*>. [щеголевато] вывезли175 пас лошади на пологий178 берег — и пошлит, щеголевато переступая глянцовитыми178 ногами. — Что? пришло мне в голову... Скажет он теперь179: А что180, ведь я был прав? или что-нибудь в этом роде? — Но он ничего не сказал. — А потому181 я не почел за нужное упрекнуть его в неосторожности — и уложившись опять на сене, опять попытался заснуть.

Но я не мог заснуть — не потому чтобы182 я не устал от охоты или183 чтобы184 испытанная185 тревога разогнала мой сон — а уж очень красивыми местами нам пришлось186 ехать. То были широкие, травянистые, поемные187 бесконечные луга, с множеством небольших озерец 188, заводей, заросших по концам ивняком и лозами — прямо русские 189 места, подобные тем, куда езжали190 старые богатыри191 стрелять белых лебедей и серых уток. — [Дорога вилась беловатой змейкой] Желтоватой <?> лентой вилась наезженная дорога — лошади бежали

— ———————————

164 *Вписано:* и пошел, дрыгая и колыхаясь

165 *Вписано:* сильных *68 Вписано:* и нырков

167 *а.* словно опустилась б. как будто… вдруг понизилась

168 *Вписано:* Она [опускалась] снижалась все больше и больше, тарантас вы- ш из нее,

169 Вписано: и конские

65 *Зачеркнуто:* и копыта лошадей

65 *Вписано:* [наконец]

65 *а.* и далекие б. и крупные *в.* крупные

65 *Вписано:* нет — не алмазными — сапфирными

65 *Вписано:* [ясн. <?)]

65 *а. <1 нрзб.)* [щеголевато] вывезли б. дружно выхватили

65 *а.* пологий б. песчаный

65 *Вписано:* по дороге в гору

65 *Вписано:* мокрыми

65 а. Скажет он теперь, б. Скажет теперь Ф(илоф>ей

65 а. А что б. Что е. А?

65 а. А потому б. Потому и

65 *а.* чтобы б. чтоб *в.* что

65 *а.* или б. и не потому

65 а. чтобы б. чтоб в. что

65 *Вписано:* мною *88 а.* пришлось б. приходилось

65 а. широкие, травянистые, поемные б. [приволь<ные>] раздольные, травяни-, поемные *в.* раздольные, поемные, травянистые

65 *Вписано:* ручейков

65 *Вписано:* русским люд (ом) любимые

65 а. езжали б. езживали

раст

стые

191 *а.* старые богатыри б. богатыри наших древних былин

— ———————————

легко — и я не мог наглядеться192.. Все это так

мягко193 плыло мимо — под приветливой 494 луной, — [И] [Филофей — и тот почувствовал [это] тоже] Филофея — и того проняло.

— Это у нас прозываются Красноегорьевские луга |95, обратился он ко мне 196: -коренник 197 фыркнул и встряхнулся — *[<2 нрзб.У]* Господь с тобой! прибавил он498 степенно и в пол-голоса. — На что красиво! повторил Филофей 499 и вздохнул раза два а потом 200 крякнул201. Что 202 тут 203 сена [собирается] накосят 204… беда! — [И] А в заводях тоже рыбы — много. — [Какие] Лещи.205- Одно слово — [кр] умирать не надо…206

[Между тем] Так-то 207 мы ехали, ехали… Но вот уж и конец подошел лугам — показались лесочки, распаханные [бугорки] поля — деревушка в стороне мигнула двумя-тремя огоньками — *[нач. нрзб.]* до [пов<орота>] большой дороги оставалось всего верст 5, 6 208.. я заснул.

Снова я не сам собой проснулся… На этот раз меня разбудил голос Филофея…

— Барин, а барин!., слышалось мне 209 [тв]

Я приподнялся… Тарантас стоял на ровном месте по 210 средине большой дороги — и обернувшись211 с облучка ко мне лицом, Филофей, весь бледный и 242 широко раскрыв глаза — (я даже удивился — я

— ———————————

192 а. наглядеться б. довольно наглядеться *в.* сомкнуть глаз — [все глядел [по] да глядел по сто] все любовался… И

193 Вписано: [и] стройно

194 а. под приветливой б. под дружелюбной

195 а. прозываются Красноегорьевские луга б. луга Святоегорьевскими прозываются

196 Вписано: а. Других [чуд] [богат] таких лугов по всей губернии нету., [бо] Уж на что красиво! б. Других таких лугов по всей Расеи нету, а за ними так великокняжеские пойдут.. Уж на что красиво!

197 Вписано: [тут]

198 а. прибавил он б. промолвил <?> Ф(илофей)

199 а. Филофей б. он

200 а. вздохнул раза два а потом б. вздохнул а потом протяжно

201 Вписано: Вот скоро сенокосы [пойдут] начнутся

202 а. Что б. И что

203 Вписано: этого самого

204 а. накосят б. нагребут

205 Вписано: такие… приб(авил) он на распев.

206 Вписано: а. Эва, глядите ка! над озерком-то — аль чапля? Неужто же и она и ночью рыбу

ловит.. Эх ма — сук это, не чапля. Вот маху дал — месяц нас так <*1 нрзб.) б.* Он вдруг поднял руку. Эва, глянь ка! над озером-то аль чапля? Неужто же и она и ночью рыбу ловит… Эх ма — сук это, не чаиля. Вот маху-то дал

207 а. Так-то б. Так

208 а. верст 5, 6 б. версты 4

209 а. слышалось мне б. чудилось мне *в.* слышалось *г.* чудилось

210 Вписано: самой

211 а. дороги — и обернувшись б. дороги. — Обернувшись

212 а. ко мне лицом, Филофей, весь бледный и б. ко мне лицом, Филофей, [побледн] *в.* ко мне побледневшим лицом,

— ———————————

[даже] не воображал, что они у него такие большие) — шепнул мне таинственно и значительно 213:

Стучит!

— Что такое 214 ты говоришь?

— Слышите215… Стучит! Нагнитесь-ка из тарантаса216 да иослухай- те… [Стучит] Слышите?..

Я высунул голову из тарантаса -217 и [усл<ыхал>] действительно услыхал 218 где-то., далеко-далеко за нами — слабый стук 219, как бы 220 кативших-

ся колес. Слышите? повторил Ф<илофе>й.

Ну да, отвечал221 я.. Едет какой-то экипаж. — Что ж из этого? 222 —

— А не слышите… чу! во… бубенцы… и свист тоже…223

И приник ухом. — Ну да… может быть… да что ж из этого? 224

Телега катит… налегке 225, промолвил он и подобрал возжи. — Это., [н] барин… недобрые люди едут. — Здесь ведь, нам известно 226.. шалят… много.

— 227 Почему же 228 ты полагаешь [что] это непременно… недобрые люди 229 [спрос<ил>]

— Уж я знаю 230… [Кому же] С бубенцами… да в пустой телеге…231

— А что <*нач. нрзб.*> до Тулы еще далеко?

— Да верст еще.. 15 232 будет; и жилья тут никакого нет 23\

— Ну так ступай живее — нечего стоять-то.

Филофей [погнал] взмахнул кнутом — и тарантас опять покатился.

— ———————————

213 а. шепнул мне таинственно и значительно б. таинственно и значительно шептал [мне] Ф<илофе>й

214 д. Что такое б. Что

215 а. Слышите б. Я говорю

216 а. Нагнитесь-ка из тарантаса б. Нагеитесь-ка

217 Вписано: притаил дыхание

218 Вписано: там

219 а. слабый стук б. слабый [не непрерывн(ый)] *в.* прерывистый

220 Вписано: от

221 а. отвечал б. ответил

222 Зачеркнуто: Что ж из этого?

223 Вписано: Слышите Да шапку-то снимите — слышнее буде<т>

224 Вписано: а. Ф(илофе)й вздохнул… б. Ф<илофе)й обернулся лицом к лошадям… —

225 Вписано: колеса кованные

226 а. ведь, нам известно б. ведь, вам известно *в.* ведь — под Тулой —

227 Вписано: Какой вздор!

228 а. Почему же б. Почему ж *в.* Почему

229 Вписат: едут?

230 а. Уж я знаю б. [А то] Я верно говорю *в.* Верно говорю

234 Вписано: Кому быть?

232 а. еще.. 15 б. семнадцать

233 а. нет б. нету

— ———————————

Хоть я и не поверил 234 Филофею — однако заснуть уже не мог.

471 А что если в самом деле?.. Неприятное чувство шевельнулось во мне. — Я сел в тарантасе — до тех пор я лежал — и стал глядеть по сторонам. — Пока я спал, на небо набежал туман 235 — 236 и месяц 237 в нем повис беловатым пятном, [видно кни<зу>] словно 238 в дыме; [Книзу было виднее — но] Все потускнело и смешалось — хотя к уизу было словно виднее 239 — [Места] Кругом 240 — плоские, унылые места: поля, всё поля, кое-где кустики241 — и опять поля [да] и больше все пар, <1 *нрзб.}* с редкой сорной травою 242. — Ехали мы таким [образо<м>] манером 243 с полчаса. Ф<илоф>ей то и дело помахивал кнутом и губами чмокал но ни он ни я *(нач. нрзб.)* не говорили ни слова.

472 Вот взобрались мы на пригорок 244 — Ф<илоф>ей остановил тройку-и тотчас же промолвил: Стучйт… напирая на последний слог 245.

[Мне не нужно было] Я опять высунулся из тарантаса — но я бы мог этого не делать 246: до того теперь ясно 247 доносился до моего слуха стук тележных колес и свист 248 и бряцанье бубенчиков и даже топот конских ног — [даже] даже

пенье и смех почудились мне… Ветер, правда, тянул оттуда но не было сомненья 249 что 250 незнакомые проезжие на целую версту или 251 на две стали ближе к нам 252…

Мы переглянулись с Филофеем 253 — он только шапку 254 двинул с затылка на лоб и тотчас же, нагнувшись над возжами [нача<л>] принялся стегать лошадей Они пустились вскачь… [бы] 255 долго скакать 258 не могли — и опять побежали рысью. — 257 Ф<илоф>ей продолжал стегать их.. Надо 258 было уходить!

— ————————————

234 а. не поверил б. не дал веры

235 а. на небо набежал туман б. тонкий [бе-лов<атый?>] туман набежал не на землю, на небо

236 Вписано: он стоял высоко —

237 Зачеркнуто и восстановлено', и месяц

238 а. словно б. как бы

239 а. словно виднее б. виднее

240 Вписано: [тянулись]

241 Вписано: овраги

242 Вписано: пусто.. мертво! [Если бы хоть] Хоть бы перепел где крикнул! —

243 а. таким [образо<м>] манером б. ехали…

244 Исправлено из ошибочного: приговор

245 а. напирая на последний слог б. особенно напирая на последний слог *в*. Стучит, барин!

246 а. этого не делать б. остаться под навесом балчука

247 а. ясно б. явственно *далее вписано:* хотя все еще издалёка

248 а. свист б. посвист

249 Вписано: в том

250 Вписано: [те]

251 а. или б. а может и

252 а. ближе а йам б. к нам ближе

253 а. переглянулись с Филофеем б. с Филофеем переглянулись

254 а. шапку б. шляпу

255 Вписано: но (?) только

256 Вписано: они

— ———————————

Я не мог бы дать отчета почему в этот раз я, не поверивший подозрениям Филофея, вдруг убедился 259 что это 280 за нами ехали точно недобрые люди… Ничего нового я не услыхал… те же бубенцы, {пуст] тот же стук [пуст<ой>] ненагруженной телеги, [тот же] то же посвистывание 261 Но я теперь уже не сомневался… Филофей не мог ошибиться!

И вот опять прошло минут двадцать…262 Фило-

фей трусливо тпрук- нул 263 — лошади мгновенно остановились 264: как бы обрадованные 265 возможности [немного] отдохнуть. — 266 Бубенцы просто ревели 267 за самой нашей спиной — и телега гремела 268 и люди свистели, кричали и пели 269 и лошади фыркали и били землю ногами 270…

271 Нагнали нас они!272

[Филофей] Вида! 273 — с расстановкой вполголоса промолвил Ф<ило- фей> и так же 274 нерешительно чмокнул 275… Но в это 278 мгновенье277 большущая, развалистая телега [кру<то>] запряженная тройкой поджарых лошадей, круто, вихрем обогнула нас, заскакала вперед и тотчас пошла шагом, загородив нам 278 дорогу..

— Самая разбойничья пОвадка.. прошептал Ф<илоф>ей..

[Я] Признаюсь, у меня захолонуло на сердце…279 В телеге [передо <мной>] перед нами сидело лежало 280 человек шесть281 в рубахах,

— ———————————

259 а. почему «> убедился б. почему я — я, сначала [нисколько] не поверивший подозрениям Филофея, вдруг в этот раз получил убеждение

261 Вписано: тот же смутный гам

262 Вписано: а. [Уже] Сквозь стук и грохот соб-

ственного экипажа уже слышался нам другой стук и другой грохот… [Но так и быть надо удостовериться…] Что толку было ехать зря… надо было удостовериться б. В течение последних пяти [минут] из этих двадц(ати) минут — сквозь стук и грохот собственного экипажа уже слышался нам другой стук и другой грохот… Ост(ановись) Ф<илофей> сказал я… все равно один конец!

263 Вписано и зачеркнуто: все равно пропадать, по крайней мере <*3 нрзб.)*

264 а. остановились б. стали

265 а. обрадованные б. обрадовавшиеся

269 а. свистели, кричали и пели б. свистят, кричат и поют

270 а. фыркали и били землю ногами б. фыркают и бьют копытами землю

271 Вписано: а. Кончено! б. Ну!

272 а. нас они! б. нас!

273 а. Вида! б. Биида!

276 *Вписано:* самое

277 Вписано: а. что-то [страшно засту<чало>] резко застучало и б. вдруг что-то

резко застучало и в. что-то вдруг словно сорвалось, рявкнуло — ухнуло — и

278 а. загородив нам б. загораживая

279 а. захолонуло на сердце *б.* на сердце захоло-

нуло *далее вписано:* Принялся

я глядеть с напряжением — в полумрак [застланного лунного света] лунным паром

настланного света

280 а. сидело лежало б. не то сидело не то лежало

281 *а.* шесть б. семь *в.* шесть

— ———————————

в армяках на распашку; у двоих не было шапок 282.. большие ноги в сапогах болтались, свесившись через грядку, — [Пьяные голоса] Руки поднимались и падали 283.. Явное дело: пьяный *[нач. нрзб.]* народ..

[Дв] Иные горланили — так, что попало, один свистал очень пронзительно и чисто 284, на облучке сидел как<ой>-то великан в *<1 нрзб.У* полушубке и правил. Ехали они шагом — и как будто не обращали 285 на нас 288 внимания…

287 Мы ехали за ними шагом 28*… по неволе.

[Таким манером] [мы] с!Д [четверть] версты ехали 289 мы таким манером… Ожидание мучительное… Когда же? Ну — грабьте, что ли? 290 — Спасаться, защищаться — [нечего] где уж тут! — Их 6° а у меня хоть бы палка…291 Вспомнился мне стих Жуковского [о Каменском] [(где он говорит] об убийстве фельдмаршала Каменского:

Топор разбойника презренный292

Эх! скверно!.. А они по-прежнему ехали шагом и по-прежнему не обращали 293 на нас внимания.294

Филофей, шепнул 295 я ему 296 — попробуй-ка, возьми правее — [может они и пр] ступай возьми 297 мимо.

Филофей попробовал, взял 298 правее — но те тотчас 299 тоже взяли вправо — так что проехать было 300 невозможно.

Филофей попытался взять полевее301 — но и тут ему не дали проехать 302 — и даже засмеялись в телеге 303…

— ———————————

282 *а.* не было шапок б. не было шапок на головах *в.* на головах не было шапок

283 *а.* Руки поднимались и падали *б.* Руки поднимались… падали *далее вписано:* зря… тела тряслись.

284 *Вписано:* другой ругался

285 *Вписано: а.* и как будто не обращали *б. <1 нрзб.)* как бы не обращая *в.* как будто не обращая

286 *Вписано:* никакого

287 *Вписано:* Что было делать? [тоже]

288 а. ехали за ними шагом *б.* тоже поехали за ними шагом *в.* поехали за ними тоже шагом

289 а. ехали *б.* двигались

290 а. мучительное… Когда же? Ну — грабьте, что ли? *б.* мучительное… Когда же? — думалось мне (…) Ну — грабьте, что ли? *в.* мучительное…

291 Вписано: Повернуть оглобли назад — но они ведь тотчас [нагонят] догонят.

292 Вписано: а. Хрипи там да бейся как заяц в силке… *б.* Или горло сдавят грязной веревкой, возжой — да в канаву… хрипи там да бейся, — как заяц в силке…

293 а. ехали шагом и по-прежнему не обращали б. едут шагом и по прежнему не обращают

294 Текст [Таким манером] <*> на нас внимания *вписан.*

295 а. шепнул б. обратился *в.* сказал *г.* шепнул

296 а. ему б. своему спутнику

297 а. возьми б. будто

298 Здесь знак вставки (не реализовано)

299 Зачеркнуто и восстановлено: Филофей со тотчас

300 а. так что проехать было б. проехать стало

301 а. попытался взять полевее б. попытался еще… взял полевее

302 а. проехать б. миновать телегу *далее вписано:* Стало <?> быть — не пропускают)

ш а. и даже засмеялись в телеге б. Даже засме-

ялись

— ———————————

— Как есть разбойники — проговорил он мне 304 через плечо.

— Да [что] чего же они ждут?.. [ответа] промолвил 305 я тоже шепотом.

— А вон видите30в, впереди — на ложбине 307 мостик — они нас там… Они всегда эдак., возле мостов. — Чисто наше дело 308!. прибавил он со вздохом — вряд ли живьем 309 отпустят — потому им главное — концы в воду. — Одного мне жаль-310… пропала 311 моя троечка — и братьям-то 312 она не достанется. [И] Подивился313 я тут, как это Филофей в такую314 минуту может еще о315 лошадях жалеть316 но317, признаюсь, мне самому было не до него… Неужто же убьют? 318 Да за что? Я лучше319 им все отдам, что [ему] у.меня есть

А мостик все приближался, все становился видней — да видней…

Вдруг 320 тройка перед нами словно взвилась — помчалась и доскакавши до мостика, разом остановилась как вкопанная, немного с боку321 дороги 322.

Ах 323 брат Ф<илоф>ей, промолвил я 324, едем мы на смерть с тобой 325. — Прости меня, коли я тебя загубил! <1 *нрзб.*>

Что же, барин, делать? 326 Своей судьбы не минуешь.

— Ну кудластый, лошадушка моя верная 327.. Ступай, брат вперед! все равно! Господи бо-слови!

И Филофей 328 пустил свою тройку рысью 329.

— ———————————

304 а. проговорил он мне б. проговорил мне Ф(илофей)

305 а. промолвил *б.* спросил

306 Вписано: там

307 Вписано: над ручьем

308 а. Чисто наше дело *б.* Наше дело чисто

309 а. живьем *б.* живых

310 Вписано: барин

311 Вписано: значит

312 а. братьям-то *б.* братьям

313 Вписано: бы

314 а. такую б. подобную

315 Вписано: своих

316 а. жалеть *б.* заботиться

317 а. но *б.* да

318 Вписано: твердил я мысленно

319 а. Я лучше б. Я уж лучше *в.* Ведь я

320 Вписано: а. кто-то впереди в телеге гикнул б. раздалось резкое гиканье

321 а. немного с боку *б.*,с боку *в.* немного с боку
322 Вписано: Сердце во мне так и упало
323 а. Ах б. Ох
324 Вписано: тут
325 а. с тобой б. с тобою
326 а. Что же, барин, делать? б. Что же, барин, делать-то? *в.* Какая же твоя вина, барин? *г.* Да какая же твоя вина, барин? *д.* И какая же твоя вина, барин?
327 Вписано: обратился Ф(илоф>ей к кореннику
328 а. Филофей б. он
329 а. рысью б. рысцою
— ———————————

Стали мы приближаться к мостику да к той 330 неподвижной, грозной телеге.. — На ней331 все затихло.332 — Так затихает щука,333 всякий хищный зверь — когда приближается добыча. — [И вот — глядим] Вот уже поровнялись мы с телего<й> — и вдруг 334 — великан в полушубке прыг с нее долой — и прямо к нам..

[Филофе] Ничего 335 он не сказал Филофею — а только он тотчас сам 336 натянул возжи и тпрукнул 337 тарантас остановился. Великан положил обе руки на край тарантаса 338 и наклонил вперед свою мохнатую голову и осклабясь, произнес тихим [и сп], ровным голосом 339 следующее:

— [Барин] Господин почтенный, едем мы 340 со свадьбы 344, выпито было много, ребята у нас всё молодые, головы удалые 3*2, а опохмелиться нечем; не будет ли Ваша такая милость 343 — не пожалуете ли нам 344 по косушечке 345 на брата? Выпили бы мы за Ваше здоровье, помянули бы Ваше степенство; а не будет Вашей такой милости346 просим [,по крайности,].. не осерчать.

— Что это такое? 347 Насмешка? глумление? —

Великан [стоя] продолжал стоять, понурив голову <*неск. слов. нрзб.Уий* — ухмылялся 349.

— Я с удовольствием… возьмите, [проворн<о>] [промолвил] поспешно проговорил я — и достав 360 кошелек — достал 351 оттуда — два цел

— ———————————

330 а. да к той б. к той

331 Вписано: как нарочно

333 Вписано: ястреб

334 а. и вдруг б. вдруг

335 Вписано: то

338 а. а только он тотчас сам б. но тот сaутотчас

337 Зачеркнуто, восстановлено и опять зачеркнуто: и тЬрукнул

338 а. край тарантаса б. дверцы

339 Вписано: [и] фабричным говорком

340 Вписано: с честного пирка

341 Вписано: а. [со свадебки] б. нашего молодца женили *в.* нашего молодца значит женили, как есть уложили

342 а. выпито было <v> удалые б. ребята у нас всё молодые, головы удалые, выпито было много

343 а. милость б. *(начато нрзб.) в.* милость

344 Вписано: а. денег самую малость — так, чтоб б. деньж<оно)к самую чуточку — так чтобы

345 а. по косушке б. по косушечке

346 а. такой милости б. милости *далее вписано:* ну…

347 Вписано: подумалось мне

348 а. неск. слов нрзб. б. но месяц чуть-чуть выбрался из тумана [и посветил ему] и осветил его лицо *в.* [как] месяц выбрался в самый этот миг из тумана и осветил его лицо

349 а. ухмылялся б. оно ухмылялось *далее вписано:* это лицо и глазами… и губами *далее вписано: а.* а угрозы на нем не было — да и привета тоже а так… смутное <?> что-то а на телеге ни гу-гу! б. а угрозы на нем не видать — только словно [насторожился он] все насторожилось оно… И зубы какие белые да большие

350 Вписано: из кармана

351 а. достал б. вынул

— ———————————

ковых — в то время серебряные деньги еще водились на Руси — вот, коли этого довольно…

Много благодарны, воскликнул 352 великан и толстые его пальцы мигом выхватили у меня — не весь кошелек — нет, только 353 те два рубля-много благодарны! — Он [бро<сился>] 354 подбежал к телеге… ребята355 жалует нам господин [два ца<лковых>] 356… Те все вдруг заорали 357… великан взвалился на облучок — Счастливо оставаться!

И только 358 мы их [в] и видели! 359 — Лошади подхватили телега загремела в гору — [еще] вон еще раз мелькнула она на [черной] темной черте отделявшей [темную] землю от неба, завалилась за черту, пропала 360.

Вот уж и стука, и крика и бубенцов не слыхать…381

[С минуту оставались] Мы оба с Филофеем — не тотчас опомнились,

Эка… шут! 362 — промолвил он наконец и сняв шляпу, стал креститься. — Право, шут, прибавил он — и [обернувшись] обернулся ко мне весь радостный, — а хороший должен быть человек 363. — Но но но, махонькие, поворачивайтесь! Целы будете 364… Ведь это *он* проехать не давал,

он кучером сидел 365.. Эк<ой> шут 366.. Но но, но-о!! — С бо-гам!..

[X] Я молчал — но и у меня хорошо стало на душе. [Вишь шутники!) Целы будем! повторил я про себя — и разлегся на сене. — Дешево мы отделались!

Мне даже несколько смешным показалось 367 — зачем я это стих Жуковского вспомнил?..

Я стал засыпать., и 368 вдруг мне пришла мысль в голову..

Филофей! спросил я 369

Чего?

Ты женат?

Женат.

И дети есть

— ———————————

352 а. воскликнул б. гаркнул по солдатски

354 Вписано: взмахнул волосами

355 а. ребята б. Ребята

356 а. жалует нам господин [два ца<лковых>] б. два цалковых жалует нам гос~ подин проезжий *в.* крикнул он два цалковых жалует нам господин проезжий

357 а. заорали б. как загогочут

358 а. И только *б.* Только *в.* И только

359 а. видели! б. видели.

360 а. завалилась за черту, пропала *б.* завалилась за ту черту и пропала *в.* завалилась и пропала

361 Вписано: Стала тишина мертвая

362 а. Эка… шут! б. Ах ты… шут эдакой!

363 Вписано: право

364 Вписано: Все целы будем!

365 а. кучером сидел б. лошадьми-то правил

366 Вписано: парень

367 а. смешным показалось б. совестно сделало(сь) *в.* совестно стало

368 а. Я стал засыпать., и б. и

369 а. Филофей! спросил я б. Филофей'

— ———————————

Есть и дети.

Как же ты об них не вспомнил? О лошадях пожалел — а о семье не вспомнил? 370

Да что их жалеть371 Ведь [ме] ворам [<7 *нрзб.У]* они в руки372 не попались. — А <*нач. нрзб.У* в уме я их все время держал., и теперь держу — во-как. — Ф<илофей> помолчал. Может быть из-за них — Господь бог нас с тобой помиловал.

Да коли это 373 не [был] были разбойники?

А почем знать! [Разве] в чужую душу разве влезешь? Чужая душа — те же 374 потемки. —А с 375 богом-то все лучше. —Но 376 — махонькие!

с бо-гам!377

Уже 378 рассветало, заря занималась 379, когда мы стали подъезжать к Туле.

Я лежал в забытье полу-сна…

Барин, сказал мне вдруг Филофей — посмотрите-ка, [эт<о>] вон они стоят у кабака… ихняя телега-то.

Я поднял голову… точно — 380 они, и телега их и лошади. На пороге кабака381 внезапно показался знакомый великан в полушубке. — [Бариц! воскликну] Господин! воскликнул он — помахивая шапкой — Ваши денежки пропиваем! — А что, кучер, прибавил он обратившись к 382 Филофею, чай заробел 383 — а-сь?

— Превеселый человек, заметил Филофей, отъехавши саженей на двадцать от кабака. Приехали 384 мы 385 в Тулу; купил я дроби, да кстати вина и чаю — и даже лошадь у барышника взял. — В полдень мы отправились обратно. Проезжая тем местом, где в первый раз мы услыхали за собою телегу 388 — Филофей — который подвыпил в Туле и оказался 387 весьма разговорчивым человеком — [не без некоторых поэтических наклонно- ст<ей>] он мне даже сказки рассказывал — проезжая тем местом, Ф<и- лоф>ей вдруг засмеялся [- и сказал мн<е>]…

— ———————————

371 Вписано: то
372 Вписано: бы
373 Зачеркнуто и восстановлено: это
374 д. — те же б. известно
375 а. А с б. С
376 Вписано: а. продолжил он возвыся <?) голос б. но… о прибавил он возвыся <?> голос
377 Текст Я стал засыпать <v> с бо-гам! *вписан*
378 а. Уже б. Уж
379 а. рассветало, заря занималась б. почти рассвело
380 Вписано: [это]
381 а. кабака б. питейного заведения
382 а. обратившись к б. качнув головою на
383 Вписано: этта
384 а. Приехали б. Прибыли
385 Вписано: наконец
386 а. телегу б. стук телеги
387 а. подвыпил в Туле и оказался б. подвыпив в Туле оказался
— ———————————

А помните 388, барин, как я Вам 389 все говорил — Стучит… Стучит- мол, стучит!
Он несколько раз повел рук<ой> на отмашь..

Очень 390 ему это слово казалось забавным.

В тот же вечер [я] мы вернулись в его деревню и я рассказал391 бывший с нами случай Ермолаю. Будучи трезвым, он не высказал никакого сочувствия и [даже] только хмыкнул — одобрительно или укоризненно — этого, я полагаю, он сам не знал 392; — но [на след] дня два спустя, он с удовольствием сообщил мне 393, что в ту самую ночь, когда мы с Филофеем ездили в Тулу — и на той же самой дороге, какого-то купца действительно убили и ограбили 394. — Я сперва не поверил этому известию; но оно потом оказалось справедливым 395: справедливость его мне подтвердили Филофеевы братья, которые с особенной торжественностью и уважением встретили своего старшого39®. — Я в их деревне 397 оставался еще дней пять: [и] бывало, как только встречу Филофея 398 — и 399 говорю ему: А? стучит?

Веселый человек — ответит он мне всякий раз — и сам засмеется.

росчерк)

Ив. Тургенев.

С. Спасское.

Понедельник, 22/10 Июня 1874.

4 часа дня.

росчерк)

— ———————————

388 а. помните б. помнишь

389 а. Вам б. тебе

391 а. и я рассказал б. я сообщил

392 а. не знал б. не ведал

393 а. сообщил мне б. известил меня

394 а. действительно убили и ограбили б. ограбили и убили

395 а. оно потом оказалось справедливым б. оно потом оказалось [бы<лью?>] верным *в.* потом пришлось поверить

396 а. подтвердили <*> старшого, б. подтвердил становой ехавший на следствие. *Далее вписано: а.* Уж не с этой ли свадьбы возвращались [ли] наши удальцы и не этого ли молодца они, как выразился их [бо] шутник великан — уложили? б. Уж не с этой ли свадьбы возвращались наши удальцы и не этого ли молодца они, по выраженью шутника великана — уложили?

397 а. в их деревне б. в деревне Филофея

398 а. Филофею <*описка*> б. его

399 а. и б. всякий раз

— ———————————

ЛЕС И СТЕПЬ

Читателю, может быть, уже наскучили мои [отры<вки>] записки; спешу успокоить его обещаньем ограничиться напечатанными отрывка- ми; но расставаясь с ним, не могу не сказать несколько слов об охоте, ^ Охота с ружьем и собакой прекрасна, сама по себе, fiir sich, как говаривали в старину; но положим — Вы не родились охотником… Вы всё-таки любите природу и [волю] свободу; Вы, следовательно, не можете не завидовать нашему брату… Слушайте.

Знаете ли Вы, напр<имер>* наслаждение выехать весной 2, до зари? Вы выходите на крыльцо… на бледно-сером3 небе еще 4 мигают звезды 5; влажный ветер 6 изредка набегает легкой волной…7 Деревья слабо шумят, облитые тенью. — Вот [несут] ковёр кладут8 на телегу9. Лошади10 ежутся и фыркают..пара только что проснувшихся гусей 12 молча и медленно перебираются13 через дорогу i4. Вы сели 15… поехали 16… мимо церкви, с горы на право, через плотину… Пруд начинает 17 дымиться. Вам немножко холодно — немножко… дремотно.18

Вы закрываете лицо19. Вам холодно немножко — дремлется20… Но вот вы отъехали версты

четыре… Край неба краснеет 21… в берёзах просыпаются 22 галки; воробьи чирикают около скирдовгз… Светлеет воз

— ———————————

1 *Вписано*: какое

2 *а.* весной б. ранней весной *в.* весной

3 *а.* бледно-сером б. темно-сером

4 *а.* еще б. кой-где

5 *а.* звезды б. бледные звезды

6 *а.* ветер б. ветерок *в*. ветер *г.* ветерок

7 *Вписано:* Слышится [неясный] сдержанный, неясный шонот ночи.

8 *а.* ковёр кладут б. кладут ковёр

9 *Вписано:* ставят в ноги ящик с самоваром,

10 *а.* Лошади б. пристяжные

11 *а.* ежутся и фыркают… б. ежутся, фыркают и щеголевато переступают но гами;

12 *а.* гусей б. белых гусей

43 а. перебираются б. перебирается

12 *Далее вписано:* За плетнём в саду мирно похрапывает сторож. [Всё тихо.] Каждый звук словно стоит в застывшем воздухе — стоит и не проходит.

12 *а.* Вы сели б. Вот Вы сели

12 *а.* поехали б. Лошади разом тронулись, громко застучала телега… Вы едете, Едете

12 а. начинает б. едва начинает

12 *а.* Вам немножко холодно — немножко… дремотно, б. Холодно, *в.* Вам немножко холодно.

12 *Вписано:* воротником шинели…

12 *а.* дремлется… б. Вам дремлется… Лошади звучно шлепают ногами по лужам… кучер посвистывает — [одобрительно]

12 *а.* краснеет б. алеет

12 *а.* просыпаются б. просыпаются, сонливо перелетывают е. просыпаются, неловко перелетывают

12 *а.* скирдов б. темных скирдов

— ———————————

дух — 24 яснеет небо — белеют тучки25; — В избах [красным] огнём горят лучины — за воротами слышны [голоса] заспанные голоса. [Вот уже пошли по небу] Заря разгарается26… Жаворонки поют27… [воп] Солнце тихо поднимается багровое28… Свет так и хлынет потоком. — Невольно 29 встрепенется — как птица. Свежо… весело… любо.

[Бодро взглян] Далеко видио кругом. —30 Вон лес31 на горе — [чуть-чуть опушённый]; за32 ним болото, куда мы едем33… [Вот] [Вот Вы] Версты три осталось не больше. — Солнце быстро поднимается — небо чисто…34 Вон стадо35 потя-

нулось [из] [через] из деревни3*. Вы въехали37 на гору… Какой вид! — Река вьется верст на десять38; за ней луга39; за лугами40 [холмы] пологие холмы"… чибисы42 с криком вьются над болотом43. Как вольно дышит грудь…44 как крепнет весь человек, охваченный свежим воздухом 45 весны… А летнее, июльское утро? — Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустарнику 46? [В высокой, росистой траве?] 47 — Вот48 раздвигаете куст49 — и так и обхватит Вас50 накопившимся

— ———————————

24 Вписано-, видней дорога

26 а. Заря разгарается б. А между тем заря разгарается… вот уже [золотая кайма п] золотые полосы протянулись по небу… [Снизу весело озарены облака.] [Облака весело озарены снизу.] [По оврагам] <В> оврагах [но] [волнуется] клубится [туман] пары.

27 а. Жаворонки поют б. Первый жаворонок запел звонко *в.* Жаворонки звонко поют. [<1 *нрзб.)]* предрассветный ветер [подул] подул и

28 а. Солнце тихо поднимается багровое *б.* Солнце тихо всплывает багровое *в,* тихо всплывает багророе солнце

29 а. Невольно б. Сердце в вас

30 Далее вписано а: Вон — деревня — подальше другая с белой церковью; *б.* Вон за рощей — деревня [за ов] — Вон подальше другая с белой церковью;

31 а. Вон лес *б.* Вон березовый лесок

32 а. за *б.* под *в.* з.*1*

33 а. мы едем б. Вы едете. Живее, кони, живее… Крупной рысью вперёд.

34 Вписано: Погода будет славная…

35 а. Вон стадо *б.* Стадо

36 Вписано-, к Вам на встречу. Вот

37 а. въехали б. взобрались

38 Вписано: тускло сияя сквозь туман.

39 а. за ней луга б. за ней [тянутся] водянисто-зеленые луга, [испещренные]

40 Вписано: [вздымаются]

41 а. пологие холмы б. пологие распаханные холмы *в.* пологие холмы

42 а. чибисы б. вдали чибисы

43 Вписано: а. Сквозь влажный блеск ясно выступает даль — не то, что летом, б. Сквозь влажный блеск, разлитый в воздухе, ясно выступает даль — не то, что летом.

44 Вписано: Как бодро движутся члены

45 а. воздухом б. дыханьем

46 а. по кустарнику б. между кустарником *в.* по

кустарнику

47 Вписано: Зеленой чертой ложится [за] след Ваших ног по [росистой большой траве темной от росы] побелевшей траве;

48 а. Вот б. Вы

49 а. куст б. мокрый куст

50 а. и так и обхватит Вас б. Вас так и обхватит

51 а. стеной б. вдали стеной

— ———————————

тёплым [ночным] запахом ночи; воздух весь напоён свежей горечью полыни, мёдом гречихи и кашки, [а стен] стеной51 стоит дубовый лес и алеет52 [под косым] на солнце; ещё свежо — но уже чувствуется близость жара, — Голова томно кружится от избытка благовоний53… [Вот заскрыпела] Кустарнику нет конца… кой-где разве вдали желтеет поспевающая рожь… Вот заскрыпела телега… Едет54 мужик [по зеленой дорожке], ставит 55 лошадь в тень…56

[Но] Солнце [вс] поднимается57… быстро сохнет трава… [Зной.] Жарко58. [Вы невольно ищете ветра…] [по краям] Небо темнеет по краям… Проходит час, другой…59 Становится знойно…60 [печет солнце…] — [Пора искать.] — А где61 братец тут напиться? — спрашиваете Вы косаря… А вон в овраге колодезь ®2. — Сквозь густые кусты

орешника перепутанные травой63, спускаетесь вы на дно оврага… точно: под самым обрывом [,прозрачно] таится источник… Большие серебристые пузыри поднимаются64 со дна… [жадно нагнулись] [Широк] дубовый куст жадно [нагнулся] раскинул над водой свои лапчатые сучья. — Вы бросаетесь на землю, Вы напились — но Вам с места не хочется идти65… Вы в тени…66 Вам свежо67… а против Вас кусты [т] словно горят68 на солнце… Но что это? Ветер внезапно подул69 — воздух [словно] дрогнул кругом. Уж не гром ли? — Вы выходите из оврага… Что это за лесом 70 зной ли густеет — туча ли надвигается? — Но вот [слабо и к] слабо сверкнула молнья… Гроза71. — Но кругом ещё [светло] ярко светит солнце…72 Но туча растет… близкий73 ее край вытягивается рукавом… наклоняется сводом…74 Скорей — вон [избушка] сенной сарай…75 [Любо лежать] Каков дождик — каковы молнии… кой

— ———————————

52 а. алеет б. и блестит и алеет

53 а. благовоний б. благоуханий

54 а. Едет б. Шагом пробирается

55 а. ставит б. ставит заранее

56 Вписано: а. Раздается звучный лязг косы за Вами б. Вы поздоровались с ним, >тошли. Звуч-

ный лязг косы раздается за Вами

57 а. поднимается б. всё выше и выше

58 а. Жарко, б. вот уже жарко стало.

59 а. Небо темнеет по краям… Проходит час, другой… б. Проходит час, другой… Небо темнеет по краям…

60 а. Становится знойно… б. Колючим зноем пышет неподвижный воздух.

61 а. где б. где бы

62 Вписано и зачеркнуто: отвечает он, переставая косить и глядя Вам вслед.

63 а. травой б. цепкой травой

64 а. поднимаются б. колыхаясь поднимаются

65 а. с места не хочется идти б. лень пошевельнуться

66 Вписано: Вы дышите пахучей сыростью;

67 а. свежо б. хорошо

68 а. словно горят б. так и раскаляются и желтеют

69 а. подул б. промчался *в.* налетел и промчался

70 а. Что это за лесом б. Что это на небе *в.* Что это там за холмами? *г.* длинная свинцовая полоса на небосклоне

71 а. Гроза, б. Э! да это гроза.

72 Вписано: [Ружьё на] Охотиться еще можно.

73 а. близкий б. передний

74 Вписано: д. Солнце спряталось б. Трава, кусты всё [как] потемнело вдруг!

75 а. сенной сарай… б. кажется виднеется сенной сарай… *Далее вписано:* [Кругом между кустами…] скорее… Вы доехали, вошли заперлись…

— ———————————

где сквозь [навес] соломенную крышу [на] закапала вода на душистое сено… Но вот солнце опять показалось76, гроза прошла. Вы выходите… Боже мой — как весело блестит всё кругом… как воздух свеж и жидок, как пахнет земляникой и грыбами…

77 Но вот наступает вечер… Заря зарделась78 и обхватила полнеба79 Солнце садится. — [Через поляны] Воздух — словно стеклянный80; [покрытая] [высокая тр] [облитая блес] Алый81 блеск [ложится] вместе с росой ложится на поляны82. От деревьев, от кустов83 [бе<гут>] протянулись84 длинные 85 тени Солнце село… В Звезда зажглась и дрожит в огнистом море заката… Вот оно бледнеет; небо синеет 86 — тени87 сливаются88… Пора89 [домой -] в [избу, где] деревню, в избу, где Вы ночуете. — Быстро идете Вы, закинув ружье за плечи90, несмотря на усталость… а между тем наступает ночь91. Вон, за темными92 кустами

[побледнел] край неба вдруг93 белеет… Что это — пожар?94 Нет это всходит луна… А вон внизу95 — [в о] мелькают огоньки [-это] деревни… Вот наконец и Ваша изба. — [Кучер стоит у крыльца] Сквозь окошко видите Вы стол покрытый скатертью9б, горящую свечу, ужин. [У] [на ступеньк<е> крылечка самовар шипит. Кучер сходит с крылечка и идёт Вам на встречу…]

А то, велишь заложить беговые дрожки и поедешь в лес97. Весело пробираться по узкой дорожке, между двумя стенами высокой ржи… Колосья бьют98 Вас по лицу — васильки цепляются за ноги — жаворонки 99 лошадь [тихо] бежит [тихой] ленивой рысью.

— ———————————

76 а. показалось б. заиграло

77 Слова: Но вот наступает вечерев Вам на встречу… — *вписаны на поле.*

78 а. зарделась б. запылала пожаром

80 а. словно стеклянный б. как-то особенно прозрачен, словно стеклянный

81 а. Алый б. Румяный

82 Вписано: еще недавно облитые потоками жидкого золота

83 Вписано: от высоких стогов сена

84 а. протянулись б. растут, растут без по *в.*

побежали

85 а. длинные б. синеватые длинные

86 а. небо синеет б. синеет небо

87 а. тени б. отдельные тени

88 а. сливаются б. исчезают

89 а. Пора б. Воздух наливается [мраком] мглою. Пора

90 а. Быстро идете Вы, закинув ружье за плечи б. Закинув ружье за плечи, быстро идете Вы

91 Вписано: Дорога темнеет. За двадцать шагов уже не видно… Собаки едва белеют во мраке.

92 а. за темными б. над чорными [втор]

93 а. вдруг б. смутно

94 а. Что это — пожар? б. Пожар это что ли?

95 а. внизу б. внизу направо уже

96 а. скатертью б. белой скатертью

97 а. в лес б. через поле в лес на рябчиков

98 а. бьют б. тихо бьют

99 а. жаворонки б. перепела кричат кругом

— ———————————

Вот лес 100. Статные [белые] осины высоко лепечут над вами.., [берёзы] длинные висячие [дуб стоит широко] ветки берез едва шевелятся… могучий дуб стоит i0i подле красивой липы. Вы едете по зеленой дорожке, испещренной тенями 402; жолтые103 мухи [ст] неподвижно стоят

104 в золотистом воздухе и вдруг отлетают…405 [пенье птиц мирно сыплется мелкой] [птицы бе] птицы мирно поют… Золотой голосок малиновки звучит невинной, болтливой радостью..„ он идёт к запаху ландышей. — [Чем далее Вы едете] [Вы едете] далее, далее, глубже в лес… Лес глохнет. — Неизъяснимая 106 тишина западает в душу — Да и кругом так тихо107… [Изредка] Лишь изредка поднимется‌і08 смеющийся трепет в вышине… Но вот ветер набежал — и зашумели верхушки словно [волны] падающие волны. — [Зел] Сквозь прошлогоднюю листву109 растут110 высокие травы; грыбы стоят отдельно как114 монахи под своими широкими шляпами. — [Вдруг] Беляк вдруг выскочит — собака с звериным 112 лаем помчится вслед —

Но как этот же самый лес хорош поздней осенью, [в пору] когда прилетают вальдшнепы. Они не держатся в самой глуши — их надобно искать вдоль опушки. — Ветра нет и нет солнца; ни света — ни тепи.,.И1 воздух влажен и мягок114 [но не] на небе белом как молоком [бурые деревья] сучья деревьев мирно белеет небо И6. Кой-где висят небольшие золотые листья на липах 117 [, сырая земля упруга под ногами]. [Пахнет листвой] Сырая земля упруго118 [прот] под ногами, [бледно]

[за! побледневшая трава усеяна мертвыми листьямиИ9, длинные нити

— ———————————

100 а. Вот лес. б. Вот и лес. Тень и тишина.

101 а. стоит б. стоит как боец

102 а. дорожке, испещренной тенями б. испещренной тенями дорожке

103 а. жолтые б. большие [синие] жолтые

104 а. стоят б. висят

105 Вписано: Мошки вьются столбом [то] светлея в тени;

106 а. Неизъяснимая б. Невыразимая *в.* Неизъяснимая

107 а. тихо б. дремотно ясно и ти>о *в*. дремотно и тихо

108 а. поднимется б. поднимается

109 а. листву б. бурую листву

110 а. растут б. редко растут *ё,.* кой-где растут

111 а. как б. словно *в.* как

112 а. звериным б. звонким

3 Вписано: ни движенья [пй шума];

4 а. воздух влажен и мягок б. в сыром и мягком воздухе *в.* в влажном и мягком воздухе *Далее вписано: а.* с,тоит свой осенний винный запах, тонкий туман… [Ск] [даль тумана] [пахнет листвой] стоит над полями б. разлит осенний запах,

подобный запаху вина… тонкий туман стоит вдали над жолтыми полями

5 а. на небе белом как молоко б. сквозь обнаженные бурые

6 а. небо б. неподвижное, [(1 *нрзб.)]* небо

7 а. Кой-где висят небольшие золотые листья на липах *б.* Кой-где на липах висят последние золотые листья

118 а. упруго б. упруга

119 а. побледневшая трава усеяна мертвыми листьями *б.* Высокие, сухие былинки не шевелятся.

— ————————————

блестят на побледневшей траве… [в багровых кустах] [Грустно и весело] [валдшнеп]

И вот на душу находит120 [Идешь] (Ходить] Идешь по кустам, глядишь за собакой — а между тем [вен душа] любимые образы, любимые стихи121 приходят на память; давно122 забытые123 впечатленья всплывают124… и всё так ясно движется и [проходит] стоит перед глазами…125 Сердце — то вдруг страстно задрожит126, [то] [и] бросится вперёд127, то безвозвратно потонет в воспоминаниях… Вся жизнь развертывается как свиток 128 — [и] всем своим прошедшим, всей своей душою владеет человек,29. — И ничего кругом ему не мешает… нет ни солнца 130, ни

ветра, ни шума…

Но вот Вы собрались в отъеьжее поле, в степь. — Верст десять пробирались Вы по просёлочным дорогам — вот наконец большая.

А осенний, ясный, немножко холодный 131 день, когда берёза, словно сказочное дерево, серебряная с золотыми листьями 132 красиво рисуется на бледно-голубом небе, когда [свежий ветер] солнцеі33 уже не греет но блестит134 ярче летнего,435 свежий ветер [шевелит] тихонько [шелестит упав] шевелит136 упавшие листья весело по реке137 весело138 мчатся синие волныі39. Мельница 140 стучит полузакрытая вербами, го

— ———————————

120 а. И вот на душу находит б. Странное чувство овладевает душой *в.* Вольна дышит грудь — а на душу находит странная тревога г. Спокойно дышит грудь — а на душу находит странная тревога

121 а. стихи б. лица мертвые и живые

122 а. давно б. давным давно

123 а. забытые б. заснувшие

124 а. всплывают б. неожиданно всплывают *в.* неожиданно просыпаются — и полна дивных чар душа; г. неожиданно просыпаются… [сольются <?>] воображенье реет и носится как птица

125 Вписано: *а.* настоящий сон на яву. б. Сон ли это? [Да, con] но с он произвольный, сон [на яву.] [недремлющий] на яву.

126 а. Сердце — то вдруг страстно задрожит б.™ то вдруг забьется задрожит сердце *в.* то вдруг задрожит забьется сердце

127 а. бросится вперёд б. и страстно бросится вперед

128 а. как свиток б, легко и быстро как свиток

129 а. всей своей душою владеет человек б. всеми чувствами [своими], [мыслями], всеми силами всей своей душою владеет человек

J30 а. нет ни солнца б. ни солнца нет

131 а. холодный б. холодный утром морозный

132 а. серебряная с золотыми листьями б. вся золотая

133 а. солнце *б.* низкое солнце

534 а. блестит б. сверкает *в.* блестит

435 Вписано: а. небол(ьшая) осин(овая) роща вся блестит и пестреет насквозь ~ словно ей весело и легко стоять [без листьев] голой — изм<орозь> белеет на дне долины, б, небол(ьшая) осин(овая) роща вся сверкает насквозь — словно ей весело ш легко стоять [без листьев] голой — изм<орозь> белеет на дне долины.

J36а. шевелит б. шевелит и гонит

437 а. весело по реке б. когда по реке

238 а. весело б. радостно

439 Вписано: *а.* тго.о вздымая стада гусей и уток *б,* [беспрестанно] тихо вздымая рассеянных гусей и уток

140 а. Мельница б. Мельница вдали в. Вдали мельница

— ———————————

луби кружатся141 над ней, пестрея Мимо бесконечных обозов, постоялых142 двориков с [навесом] шипящим самоваром под навесом [и] раскрытыми настежь воротами 143, от одного села до другого, через необозримые поля — вдоль зеленых конопляников, [едете Вы] долго-долго едете Вы… Сороки перелетают с ракиты на ракиту — [баб] [бабы] [несколько] бабы с длинными палками в руках, бредут на богомолье; прохожий 144 в поношенном [на] нанковом кафтане с котомкой за плечами плетётся усталым шагом; грузная помещичья карета запряженная шестериком господских рослых и разбитых лошадей плывёт Вам на встречу. — Из окна торчит угол подушки а на запятках, на кулёчке, придерживаясь за верёвочку — сидит14* лакей в шинели, забрызганный до бровей146… Вот уездный городок с пестрым шлагбаумом, деревянными [домам<и>]

кривыми домишками, бесконечными заборами, купеческими,147 каменными строениями и непостижимой мостовой148… Далее — далее… Вот они наконец, степные места149. — Глянешь с горы… какой русский вид! — [Вол] [Широкими волнами] Круглые, широкие и пологие 150 холмы, распаханные [до] и засеянные до верху… [т] [рас] разбегаются волнами151; [между ними вьются] овраги заросшие кустами 152 вьются между ними… [островами] продолговатыми островами разбросаны [ле<са>] рощи153; церкви белеют154; [сверкают пруды…] речка155 [с] в десяти156 местах перехваченная плотинами…157 Но далее, далее едете Вы — холмы [улеглись] всё мельче и мельче — лесов почти не видать158. Вот она наконец, [безг<раничная>] [широкая] безграничная 159 степь — [с своими круглыми прудами:] Поклон тебе, родная! —

— ———————————

141 а. голуби круясатся б. и голуби [стальн] пестрея в светлом воздухе, быстро кружатся

142 а. постоялых б. мимо постоялых

143 а. воротами б. воротами и колодезем

144 а. прохожий б. прохожий дворовый человек

145 а. сидит б. сидит бочком

146 а. до бровей б. до самых бровей

147 а. купеческими б. купеческими необитаемыми

148 а. и непостижимой мостовой б. и старинным [живым <?>] [дерев<янным>) мостом над глубоким оврагом и жесткой мостовой

149 а. Вот они накопец, степные места, б. Пошли степные места.

150 а. широкие и пологие б. низкие

151 а. волнами б. широкими волнами

152 а. овраги заросшие кустами б. заросшие кустами овраги

153 а. рощи б. небольшие рощи

154 а. церкви белеют б. от деревни до деревни бегут узкие [б] дорожки, церкви белеют

155 а. речка б. сверкает речка *в.* словно стальная сверкает речка г. между лоз- яиками сверкает речка

156 а. десяти б. четырех

157 Вписано: далеко в поле гуськом торчат драхвы

158 а. лесов почти не видать б. *Начато*: [последние] *в.* дерева не видать

159 а. безграничная б. [вот] уже безграничная раздольная, разгульная

— ———————————

А зимой? Вы думаете — невесело что ли ходить зимой, в порошу за зайцами? снег

Хороши также летние туманные дни, хотя охотники их не любят. — В такие дни нельзя стрелять — [и] птица, вспорхнув у Вас под ногами, тотчас же исчезает [с] в [белом] [молочн<ой>] белой мгле тумана 1в0. — Но как [всё] тихо, как невыразимо тихо 161 всё кругом! — [Но удивительны] 162 Вы проходите мимо дерева — оно не шелохнется, словно163 нежится. Сквозь тонкий пар, ровно разлитый в воздухе — чернеется [полоса] перед Вами длинная полоса, что это — лес…564 [или] высокая грядка полыни на меже? Небо низко над

И [све] Над Вами и кругом 165 всюду туман [так же] [низко стоит] [вот] [Ни земли не видно] [И вдруг] [<1 *нрзб.У]* — Но вот [вдруг] ветер слегка повеет1б6, [пот] луч солнца 467 [вместе с тол. неб. тол.] ворвётся168 [желтой] [блеск] [струей] как169 врываясь170 в высокое окно 171 и ударит [в] по полю упрётся в рощу — Клочок бледно-голубого неба смутно выступит сквозь редеющий пар И опять всё заволоклось… [И] долго продолжается172 эта борьба — пока173 <1 *нрзб.У* 174 [но] как несказанно великолепен и ясен день 175, когда свет наконец восторжествует — и последние волны тумана 176 то [взвиваются] и скатываются

177 скатертями и поднимаются 178 и исчезают в сияющей 179 вышине…

— ———————————

180 а. тумана б. неподвижного тумана

161 а. тихо б. тихо и тепло

162 Вписано: Всё проснулось — и всё молчит.

163 а. словно б. оно

164 а. что это — лес… б. вы не знаете лес ли это… *в.* вы [дума<ете>] принимаете ее за близкий лес. Вы подходите — лес превращается в

165 а. кругом б. кругом вас

166 д. повеет б. шевельнется

167 а. луч солнца б. веселее заблестел луч солнца *в.* заблестел луч солнца

168 а. ворвётся б. ворвётся вдруг

169 а. как б. словно лиясь *в.* как бы

170 а. врываясь б. врываясь зеленым потоком

171 а. окно б. окно церкви

172 а. продолжается б. продолжается снова [<1 *нрзб.)]*

173 а. пока б. вот

174 а. <1 *нрзб.) б.* уже

175 а. день б. становится день

176 а. тумана б. согретого [и высушен<ного>] [поглощенного] теплого [высушенного]

177 а. скатываются б. скатываются и рассеива-

ются то [пог] [по]

178 а. поднимаются б. взвиваются

179 а. сияющей б. голубой сияющей

ПРИЛОЖЕНИЯ

В. А. ГРОМОВ

СУДЬБА «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»

1

Лучшей рекомендацией любого произведения Белинский считал переиздания. Народ и время — вот непогрешимые ценители, благодаря которым, по словам великого критика, слышанным от него не раз Тургеневым, всякий рано или поздно попадает на свою полочку. Судьба «Записок охотника» подтверждает и еще одну мысль, высказанную вдохновителем их автора, первоначальным истолкователем рассказов и очерков, составивших подлинно народную книгу: «Долее всех живут такие произведения искусства, которые во всей полноте и во всей силе передают то, что было самого истинного, самого существенного и самого характеристического в эпохе. Все же, что не выполняет этих условий или выполняет их неудовлетворительно, — все такое теряет свой интерес в другую эпоху, и мало-помалу навеки

смывается волнами шумно несущейся жизни. И немногое, слишком немногое выносится наверх волнами этого глубокого и безбрежного океана, и как много тонет в его бездонной глубине!..»[174]

«Записки охотника» не потонули, потому что их породила и вынесла наверх сокровенная мысль той эпохи, когда уважение и симпатия к человеку во всяком состоянии и звании сделались неотъемлемыми и определяющими признаками истинно художественного произведения в современном значении слова. Читатели сразу почувствовали новизну взгляда на представителей любого сословия, начиная с «низшего», прежде всего как на людей, рожденных равными в правах, и обусловленную этим самобытную свежесть поэтических средств.

Только при жизни автора и только на родном ему языке «Записки охотника» перепечатывались полностью или по частям свыше 120 раз. Никакое другое произведение Тургенева и всей современной ему литературы не получило столь же массового распространения в России, не вызвало к себе настолько широкого интереса во всех слоях населения, не пользовалось таким

---

174 Примечания: 226

Белинский. Т. 7. С. 214. Далее ссылки на это издание даны в тексте с указанием тома и страницы.

продолжительным и устойчивым спросом, как эта книга, ставшая делом всей жизни писателя. Есть своя логика и несомненная идейно-эстетическая обусловленность и в том, что ни одно другое произведение Тургенева и после его кончины не переиздавалось — как в дореволюционный, так и в советский период — столь же часто, много и разнообразно.

Тут невольно вспоминается замечание Белинского о том, что «если симпатии и антипатии большинства бывают часто бессознательны, зато редко бывают бессмысленны и безосновательны, а, напротив, часто заключают в себе глубокий смысл» (7, 104). Первоисточник этих симпатий — в духе времени, угаданном и образно выраженном в цикле рассказов и очерков, в той новой эстетической и нравственной позиции, когда для художника не существуют ни аристократы, ни плебеи, а только человек, которого, по замечанию Белинского, писатель находит «во всех сословиях, во всех слоях общества, любит его, сострадает ему, гордится им и плачет о нем» (5, 175).

На встрече в 1880 г. с сотрудниками «Русского богатства» Тургенев припомнил, какой, по его мнению, «преувеличенный успех пал на долю „Записок охотника“ именно потому, что там

мужик был представлен таким же человеком, как герои и героини из благородного сословия, с такими же радостями и горестями, муками несчастной любви и страданиями попираемого достоинства, способностью восторгаться и пением птиц, и шелестом прохладной дубовой рощи, и журчанием ручья, там, в степном овраге, между кустами орешника…»[175]

Художественное открытие писателя-гуманиста оказалось вечно современным и актуальным. В отклике на цикл рассказов и очерков, обращенном к автору, Жорж Санд писала: «Это — новый мир, в который вы позволили нам проникнуть; ни один исторический памятник не может раскрыть нам Россию лучше, чем эти образы, столь хорошо вами изученные, и этот быт, так хорошо увиденный вами».[176]

Столь счастливую участь небольших рассказов и очерков, которые воспринимались многими как своего рода воспоминания охотника, его дневниковые записи о невымышленных

---

175 Примечания: 227

Цит. по: *Русанов И. С.* Из литературных воспоминаний // Былое. 1906. № 12. С. 44-45.

176 Примечания: 228

Цит. по: *Алексеев М. И.* Мировое значение «Записок охотника» // «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852-1952): Сб. статей и материалов. Орел, 1955. С. 80.

людях, реальных происшествиях и случаях, действительных местах со своими исконными приметами и названиями, предугадал еще до их объединения в цикл Белинский. Он упредил многие последующие суждения о народности и общечеловеческом значении «Записок охотника», а также высказал во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» пожелание, чтобы нашедший наконец свое дело автор «написал еще хоть целые томы таких рассказов» (10, 346). Через 40 лет Д. В. Григорович в письме к А. П. Чехову от 2 апреля 1886 г. подтвердил этот прогноз: «Если к свойствам Вашего таланта не подходят повесть или роман, — пишите мелкие рассказы, — но обделывайте их до тонкости. Тургенев одними „Записками охотника“ сделал бы себе громкое имя!»[177]

Автор классических повестей «Деревня», предшествовавшей «Хорю и Калинычу», и «Антон Горемыка», появившейся вслед за «Бурмистром» и «Конторой», хорошо, конечно, знал, что корни «Записок охотника» уходят в самую глубь впечатлений его современника от русской жизни и в то же время естественно и неразрывно перепле-

---

177 Примечания: 229
Слово. Сб. второй. М., 1914. С. 202.

таются с корнями всех других его произведений разных жанров. Талант Тургенева не был ограничен тесною сферою одного какого-то рода. Он довольно ярко и самобытно проявился не только в лирике, но и в драматических, а также эпических вещах и сохранил до конца художественную многосторонность. «Дуб и цветок зарождаются одинаково», — писал Тургенев 5 августа 1882 г. В. М. Гаршину, советуя ему не делать ничего «по предвзятым соображеньям» и осуществлять только созревший замысел — большой или малый по объему — «это все равно».[178] Главное для таланта, пояснял он в письме к С. К. Брюлловой от 4 января 1877 г., прибавить «верным, художественным образом» хотя бы «один документ к разработке человеческой физиономии — а, в сущности, вся поэзия, начиная с эпопеи и кончая водевилем, другого предмета не имеет».[179]

В критических статьях и письмах Тургенев называл высшей победой искусства умение художника выразить сущность своего народа и времени, достичь такого совершенства, чтобы читатель мог размышлять о произведении, как о

---

178 Примечания: 230
Письма I. Т. 13. кн. 1. С. 325.

179 Примечания: 231
Там же. Т. 12, кн. 1. С. 58.

жизни вообще. Он не знал «ничего более привлекательного, чем искусство, ставшее природой»[180] и в своем творчестве неизменно стремился к самому полному их слиянию. Еще на магистерском экзамене Тургенев убежденно заявил, что у всякого народа процветает всегда то, что вытекает, как из источника, из его природы, и, напротив, чахнет и еле влачит свое существование все, что не выросло естественно на плодоносной и могучей почве. Почти через 40 лет в речи по поводу открытия памятника Пушкину он назовет одним из коренных свойств человека художество как воспроизведение, воплощение идеалов, лежащих в основах народной жизни и определяющих его духовную и нравственную физиономию.

Правдивая картина русской жизни, художественное схватывание ее характерных черт и порожденных ею типов, точное и сильное воспроизведение истины, «самого образа и давления времени» — вот наиболее часто повторявшиеся им определения целей и задач своего творчества. «Всякая жизнь, правдиво и горячо схваченная, — писал Тургенев Е. Е. Ламберт 31 октября 1860 г., — может издать из себя ту истину, которая

---

180 Примечания: 232
Письма II. Т. 2. С. 377.

положена ей в основание, — в этом-то и состоит так называемая идеализация художества, — а в художестве случайностей и безобразия нет».[181]

Великие и простые движения страстей представляли для него «ту идеальную и подлинную красоту, которая и является истинной, единственной красотой в искусстве». Этими мыслями он делился с П. Виардо во время интенсивной работы над «Записками охотника», подтверждая справедливость своих слов в письме к ней от 30 декабря 1847 г. ссылкой на то, что «сама жизнь, — в редкие мгновения, правда, в те мгновения, когда она освобождается от всего случайного и обыденного, — возвышается до подобной красоты».[182] Как художника-реалиста его преимущественно и даже, как неоднократно подчеркивал он сам, исключительно интересовало одно: народ, человеческая жизнь, правда характеров и вполне достоверная их передача. Никакие риторические фигуры или «фейерверки парадокса, — писал он 7 ноября 1847 г. П. Виардо, — никогда не затмят *ясного солнца* истины. А между тем что может быть обыденнее солнца?.. Прекрасные вещи создаются

---

181 Примечания: 233
Письма I. Т. 4. С. 149-150.

182 Примечания: 234
Письма II. Т. 1. С. 385.

только талантом в соединении с инстинктом; головою и сердцем»,[183] т. е., по его же словам из письма к Л. Я. Стечькиной от 13 января 1879 г., складываются как бы сами собою, полусознательно. «Писатель, — пояснял он в том же году 4 апреля немецкому критику М. Нехелесу, — не облекает в образы предвзятых идей: все вырастает из его души наполовину бессознательно».[184]

Творческая деятельность Тургенева началась в ту пору, когда его предшественники дали уже, по словам Белинского, достаточно убедительнейших доказательств того, что народность нашей литературы состоит прежде всего в верности изображения картин русской жизни и что литература «непременно должна быть народною, если хочет быть прочною и вечною!» (1, 94, 61). Без этих предпосылок невозможно было задумать и создать произведение, положившее «начало целой литературе, имеющей своим объектом народ и его нужды».[185] Помимо нового взгляда на крестьянина как на человека Тургенев полно-

---

183 Примечания: 235
Там же. С. 366.

184 Примечания: 236
Письма I. Т. 12, кн. 2. С. 18, 351.

185 Примечания: 237
Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 9. С. 459.

стью разделял и новое понимание искусства как воспроизведения действительности во всей ее истине, без прикрас.

Правда была для него воздухом, а художество — растением, которое зреет и развивается в этом воздухе. Он сравнивал себя с губкой, впитывающей влагу, и каждое свое пребывание в родной усадьбе, откуда ему лучше всего открывалась на тысячу верст кругом Россия, называл поездкой за товаром. «Я уверен, — делился Тургенев своими размышлениями об этом 15 августа 1877 г. с молодой писательницей Е. И. Бларамберг, поселившейся на лето в его отсутствие в Спасском, — что пребывание Ваше в деревне будет полезно Вам и с литературной точки зрения: набирайтесь как можно больше впечатлений — но не думайте — пока — передавать их. Это придет со временем. Резервуар не может в одно и то же время набирать в себя воду и выпускать ее. *„Записки охотника“ накоплялись во мне целых 10 лет*»[186] (выделено нами. — *В. Г.*).

Одно из многочисленных подтверждений этого находится в черновом автографе «Бежина луга», где первый вариант авторского примечания к

---

186 Примечания: 238
Письма I. Т. 12, кн. 1. С. 198.

словам Феди о «предвиденье небесном» содержит дату реального происшествия, давшего один из поводов для ребячьих фантазий в ночном: «Так мужики называют у нас затмение 1843-го года» (см. с. 291 наст. изд.). «Отчет о полном солнечном затмении по Орловской губернии 26 июня 1842 года» появился в майской книжке «Отечественных записок» за 1843 г., где, как известно, была напечатана памятная Тургеневу статья Белинского о его поэме «Параша». Усомнившись, очевидно, в точности поставленной им даты, он заменил ее общей ссылкой на солнечное затмение, о котором в названном отчете, в частности, говорилось: «Зная, что при кончине мира, как повествует священное писание, солнце потускнеет, простой народ полагал, когда началось полное затмение, что наступает светопреставление».[187] Таким образом, один из реальных источников рассказа, появившегося в 1851 г., связан с подлинным событием почти десятилетней давности.

Как-то в беседе с Генри Джеймсом Тургенев, определяя свою «меру правды жизни» в художественном творчестве, сказал: «А что касается вашего вопроса, откуда берутся семена вымысла,

---

187 Примечания: 239
Отеч. зап. 1843. № 6. Отд. VIII: Смесь. С. 11.

каким ветром их заносит к нам, то кто на это ответит? Пришлось бы возвращаться слишком далеко назад, в свое слишком далекое прошлое. Они падают на нас с неба, они тут как тут за каждым поворотом дороги — вот, пожалуй, и все, что можно сказать. Они скапливаются, мы постоянно их сортируем, производим отбор. Они — веяние жизни, то есть я хочу сказать, что так или иначе навеяны нам жизнью. Они некоторым образом нам предписаны и навеяны — занесены в наше воображение потоком жизни...»[188]

Действительность, по словам Тургенева, кишит случайностями. Отбор характеристических деталей он назвал в письме к А. А. Трубецкой от 15 мая 1880 г. кристаллизацией, без которой «невозможно литературное творчество. С этого оно даже должно начинаться».[189] Обычный для него переход от длительного вынашивания замысла к интенсивному воплощению раскрыт им в процитированном выше письме к Е. Е. Ламберт: «В голове все материалы готовы — но еще не вспыхнула та искра, от которой понемножку все

---

188 Примечания: 240
Джеймс Г. Женский портрет. М., 1982. С. 483.

189 Примечания: 241
Неделя. 1972. 4-10 сент. № 36. С. 12.

должно загореться».[190] Тут имелся в виду роман «Отцы и дети», названный Салтыковым-Щедриным плодом общения с «Современником». Еще с большим правом это можно сказать о «Записках охотника».

2

Тургенев гордился и дорожил своим участием в издании, с которым были связаны последние этапы деятельности двух его учителей: Пушкина, основавшего «Современник», и Белинского, ставшего душой журнала после перехода его с конца 1846 г. в руки Некрасова и Панаева. С возобновлением под их редакцией «Современника» Тургенев всегда соединял начало своей работы над «Записками охотника». Столь сложная и целостная художественная система и не могла бы сложиться вне прогрессивного периодического издания, ставшего основой живой связи и длительного взаимодействия писателя с читателями. Централизующую роль именно этого печатного органа в становлении цикла рассказов и очерков, укреплении их внутреннего единства отмстил Григорович в письме к Чехову от 30 декабря 1887

---

190 Примечания: 242
Письма I. Т. 4. С. 149.

г., советуя ему не разбрасываться, а группировать свои небольшие вещи вокруг какой-либо крупной проблемы и помещать в одном наиболее близком ему по духу толстом журнале: «Мелкими рассказами начал Тургенев; но он их печатал только в „Современнике“, который тогда был для журналистов то же, что Рубини в пении».[191]

Свидетельство Григоровича имеет особое значение, поскольку именно ему, как писал Тургенев в воспоминаниях о Белинском, принадлежала по времени *первая* попытка сближения литературы с народной жизнью, первая из русских «деревенских историй». На ее основании Белинский и предсказал то движение, тот поворот, которые вскоре потом произошли в нашей словесности. В русле этого великого реалистического потока и возник «Хорь и Калиныч», успех которого, по словам автора, породил «Записки охотника», печатавшиеся в «Современнике» с большими или меньшими перерывами свыше четырех лет.

Завершение работы над первым рассказом датируется письмом Некрасова к А. В. Никитенко от 14 декабря 1846 г. Оно подтверждает одновременность осуществления замысла «Хоря и Калиныча»

---

191 Примечания: 243
Слово. Сб. второй. С. 208-209.

Тургенева и «Взгляда на русскую литературу 1846 года» Белинского. Автограф этого критического обозрения, посылавшегося в типографию по страничкам, содержит помету: «NB. Окончание статьи в III-е отделение (январской книжки журнала. — *В. Г.*) набрать поскорее и послать по первой корректуре к г. Никитенко».[192] Третий и четвертый отделы составляли в основном материалы, подготовленные членами редакции или заказанные ими. Рассказ «Хорь и Калиныч» Тургенев писал специально для «Смеси», где находили место прежде всего те произведения, которые, по словам Белинского, были «рождены срочною и дневною потребностью журнала» (8, 47).

Во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» потребность текущего момента раскрыта в словах о повести «Деревня», появившейся в декабрьской книжке «Отечественных записок» и сразу вызвавшей широкий общественный резонанс. Блестящей стороной этого произведения Белинский назвал содержавшиеся в нем очерки крестьянского быта, «изобразить который г. Григоровичу едва ли не первому пришло» на ум (10, 43, 409). Последние слова остались в руко-

---

192 Примечания: 244
ГБЛ. Ф. 21. № 3322а. Л. 49.

писи статьи, но выраженная в них мысль была известна Тургеневу. Большой успех «Деревни», объяснявшийся новизною ее предмета, побудил редакцию обновленного «Современника» дать во что бы то ни стало и в своем журнале, хотя бы в отделе «Смесь» январской книжки, поскольку отдел словесности был уже сформирован и набран, что-нибудь на эту злободневную тему, которая в значительной степени определяла интерес читателей ко всему изданию.

В речи на обеде у Н. И. Тургенева в честь второй годовщины крестьянской реформы автор «Записок охотника», отвечая на добрые слова о нем, рассказал о происхождении своей книги, порожденной успехом «Хоря и Калиныча»: редакция «Современника» попросила у него «*каких-либо очерков о русской деревенской жизни*», т. е., как писал Белинский о повести «Деревня», очерков крестьянского быта. «Я, — вспоминал Тургенев, — так хорошо знал эту жизнь, что мне было совершенно просто описать ее. В одну ночь я написал эпизод (кажется, 1-ю главу „Записок“)».[193] 28 июля того же 1863 г. он повторил свой рассказ в автобиографическом письме к М. Гартману:

---

193 Примечания: 245
ЛН. Т. 76. М., 1967. С. 366 (выделено нами — *В. Г.*).

«Я <…> хотел уже совсем покончить с литературой, как в конце 1846 г. — по просьбе моего друга, Белинского, для его только что основанного журнала — написал первый очерк „Записок охотника“. Он понравился — за ним последовали многие другие — и так я сделался новеллистом и романистом».[194]

Тургенев неизменно датировал «Хоря и Калиныча» 1846 г. Подзаголовок «Из записок охотника», по его же словам, был придуман и прибавлен И. И. Панаевым, но, конечно, не противоречил авторской воле: Тургенев повторил его в наброске титульного листа для отдельного издания рассказов и очерков: «Отрывки из „Записок охотника“», а также в первых публикациях «Конца Чертопханова» (1872) и «Живых мощей» (1874). В рецензии на «Смерть Ляпунова», появившейся в августе 1846 г., Тургенев процитировал примечательные слова Н. А. Полевого: «На русском языке записок появлялось доныне мало; но какие появлялись, те почти все раскупались хорошо и принадлежали к самым ходким книгам». Записки, говорилось в том же «Отрывке из заметок русского книгопродавца» Полевого, «не только ходкий товар,

---

194 Примечания: 246
Письма I. Т. 5. С. 431.

но и действительно полезный: лучше всякого романа бывают они занимательны, лучше всякой комедии исправляют нравы и лучше многих нравоучительных книг поучают премудрости и уму-разуму».[195]

«Хорь и Калиныч» положил начало, конечно, не «мемуарам», а «рассказам охотника», как неизменно называли их Белинский, Некрасов и другие современники Тургенева, который нарисовал «два различных, серьезных поэтических типа русских крестьян. Не привыкшая к этому публика рукоплескала. Поэт выступил со своим вторым рассказом „охотника“, он был превосходен, и так пошло дальше».[196] Не тривиальная простонародность с ее экзотическими приметами, а истинно национальные характеры во всей их поэтической свежести и сложной простоте предстали в рассказе о двух мужиках. В центре внимания автора — человек, его социально-психологическая обусловленность, его бытие и судьба, его связь с другими людьми, с природой. Такая устремленность художника проявляется уже в названиях его рассказов, среди которых

---

195 Примечания: 247
Новоселье. СПб., 1846. Ч. II. С. 493-494.

196 Примечания: 248
Герцен. Т. 13. С. 177.

более половины образованы от собственных имен, прозвищ главных персонажей, рода их деятельности, другие — от названий мест. Именные заглавия выражают намерение автора представить тот или другой тип. Но созданные им образы оказались настолько полнокровными, что «типичность» в узком смысле сразу же отступила на второй план. По словам Гончарова из его письма к Е. А. и М. А. Языковым от 15 декабря 1853 г., при чтении рассказов перед ним заходили просто живые «русские люди, запестрели березовые рощи, нивы, поля…»[197] Талант наполнил новым содержанием весьма распространенный в 1840-е годы жанр «физиологического очерка», раздвинул его границы, раскрыл неизвестные ранее возможности.

Но в то же время не следует забывать, что именно очерки из жизни крепостных оказались в момент их появления гораздо нужнее и убедительнее всякого традиционно беллетристического реквизита, потому что любые условно-литературные элементы и ситуации могли бы увести от существа вопроса, сделать менее художественно впечатляющими но-

---

197 Примечания: 249

Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1980. Т. 8. С. 216.

вооткрытые крестьянские типы. Между тем как непосредственные наблюдения над ними, сгруппированные соответственно самой действительности, становились неотразимыми.

Дело таланта, подчеркивал Белинский, «угадывать форму идеи», «прозревать в фактах идею» (6, 577; 7, 55), быть ее художественным истолкователем. Критик высоко ставил «типические очерки русского простонародья» Даля (10, 260), но постоянно напоминал о необходимости уловить и выразить «идею этой жизни», поскольку «герой искусства и литературы есть *человек*, а не барин и тем более не *мужик*», изображать которого можно и должно отнюдь «не по любви к мужицкому жаргону, не по склонности к лохмотьям и грязи, но для какой-нибудь цели, в которой была бы видна человеческая мысль» (5, 303, 304).

Сдержанность и будто даже нейтральность авторской интонации в «Записках охотника», стремление избирать в качестве предмета повествования отнюдь не помещичьи зверства, а явления наиболее распространенные, повседневные обусловлены не столько цензурными предосторожностями, которые, несомненно, тоже играли свою роль, сколько особенностями художественного метода и творческой позиции

писателя, стремившегося добиваться максимальной достоверности и убедительности. «Что случается часто или нередко, — пояснял Белинский в «Ответе „Москвитянину“», — то не есть явление случайное, исключительное и может служить материалом для художественного произведения <…> Крайняя степень всякого зла тем еще и выносима, что обрушивается всегда на меньшинство, следовательно, если и может принадлежать тому или другому обществу, то никогда не может послужить обвинением всему обществу» (10, 252).

Понимание этого и предопределило не только отбор жизненного материала Тургеневым, но и эстетическую природу «Записок охотника», характер и силу их воздействия на читателей. Автор сознательно «никогда не сгущает краски, не употребляет энергических выражений, напротив, он рассказывает совершенно невозмутимо, пользуясь только изящным слогом, что необычайно усиливает впечатление от этого поэтически написанного обвинительного акта против крепостничества».[198]

Небывалым прежде в литературе образом Хоря

---

198 Примечания: 250
Герцен. Т. 13. С. 177.

писатель утверждал нечто неизмеримо большее, чем только общеизвестную мысль о том, что оброк лучше барщины, свободный труд экономически выгоднее подневольного. Крестьянин изображался Тургеневым как представитель не только самого угнетенного и многочисленного, но и самого сильного, самого крепкого из сословий. Хорь, с его практическим смыслом и практическою натурою, с его грубым, но крепким и ясным умом, как писал Белинский, явил собою «тип русского мужика, умевшего создать себе значущее положение при обстоятельствах весьма неблагоприятных» (10, 346). Это — земледелец, наделенный всеми задатками землевладельца, т. е. полноправного хозяина своей судьбы и своей страны, на развитие которой он смотрит с государственной точки зрения, возвышаясь до уровня одного из величайших преобразователей России — Петра I, а складом лица напоминая Сократа. С такой необычной стороны к русскому крестьянину действительно никто еще не заходил. «Вы, — писал Белинский Тургеневу 19 февраля 1847 г., — и сами не знаете, что такое „Хорь и Калиныч“. Это общий голос <…> Судя по „Хорю“, Вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род <…> „Хорь“ Вас высоко поднял — говорю это не как мое мнение,

а как общий приговор» (12, 336).

Плотность прозы в «Хоре и Калиныче» обусловлена стремлением автора дать в одном рассказе сосредоточенное отражение всего того, что накапливалось в его сознании и памяти за все предшествующие годы наблюдений и размышлений над русской жизнью. Это соответствовало программе «Современника», видевшего свою главную задачу в том, чтобы донести до читателей результаты «изучения России русскими», раскрывать и утверждать чувство народной самобытности, «глубже вглядываться в свою народную физиономию, изучать ее особенности, проникать внимательным оком в зародыши, хранящие великую тайну нашего, несомненно великого, исторического предназначения».[199]

Стремление автора в одном вступительном абзаце, подготовившем встречу с его героями, сжато высказать *все*, что ему довелось за долгие годы узнать об орловском барщинном и калужском оброчном мужиках, о двух формах крепостничества, двух климатических зонах, двух образах жизни и сформировавшихся под их влиянием двух породах людей, было обусловлено, очевид-

---

199 Примечания: 251
Некрасов. Т. 12. С. 121.

но, тем, что продолжения разговора на эту тему, возвращения к ней тогда еще, судя по всему, не предполагалось. Насыщенность повествования приближала прозаический рассказ к стихотворно-поэтической форме речи, которая и придала «Хорю и Калинычу» значение «увертюры» к «Запискам охотника». Появление новых «отрывков» было обусловлено тем, что, как заметил Белинский в седьмой статье о Пушкине, невозможно «в одном произведении исчерпать всю жизнь народа» (7, 464), обнять все ее стороны.

Духовные силы двух истинно народных и вместе с тем общечеловеческих типов оказались настолько безграничными и неисчерпаемыми, что дали толчок к продолжению работы над новыми рассказами и очерками, а также к последующему объединению их в единую художественную систему. Ее первооснову составляет то, что Л. Н. Толстой назвал в предисловии к сочинениям Мопассана «цементом, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни». Это отнюдь «не единство лиц и положений, а единство самобытного нравствен-

ного отношения автора к предмету».[200]

3

Если «Хорь и Калиныч» — своего рода пролог к порожденному его успехом «ряду рассказов охотника» (10, 346), то «Ермолай и мельничиха» — первый из них, написанный как часть или начальная глава будущей книги, т. е. с мыслью о продолжении заинтересовавшей читателей работы, оказавшейся столь органично связанной с периодическим изданием. В майской книжке «Современника» за 1847 г. появились четыре новых рассказа Тургенева, для которых два слова из подзаголовка к «Хорю и Калинычу» были вынесены в отдел словесности в качестве общего заглавия уже ясно определившегося цикла. Идейно-тематическая связь этих небольших по объему произведений была обозначена также в особой сноске, сделанной к цифре II, стоявшей над «Ермолаем и мельничихой»: «Первый отрывок из Записок Охотника, под названием „Хорь и Калиныч“, напечатан в I № Современника, 1847 г. См. отд. IV, с. 55». Сквозная нумерация рассказов и очерков, а также редакционные

---

200 Примечания: 252
Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 30. С. 18-19.

отсылки к предшествующим публикациям для поддержания непрерывной связи между ними как главами продолжающегося произведения дополнялись объявлениями о выходе очередной книжки журнала и о составе следующей, об издании «Современника» в наступающем году. В этих оповещениях рассказы и очерки Тургенева неизменно фигурировали в ряду главнейших статей «по части повестей и романов» и обещалось всякий раз продолжение цикла.

Редакционная информация о планах нередко содержала то, что является частью творческой истории «Записок охотника». Так в № 9 за 1847 г. (Отд. IV. С. 102) издатели известили своих подписчиков: «И. С. Тургенев прислал нам продолжение „Записок охотника“: новые четыре рассказа — столь же оригинальные, поразительные своей естественностью, полные живого интереса; мы поместим их в следующей же книжке…» Два из них появились действительно в октябре. Это были «Бурмистр» и «Контора». Первый был прочитан автором Белинскому во время заграничной поездки критика, который выслушал весь понравившийся ему рассказ с большим вниманием и сказал только о Пеночкине: «Что за мерзавец — с

тонкими вкусами!»[201]

В декабрьской книжке «Современника» за 1847 г. редакция напомнила читателям, что в течение этого года в журнале «напечатаны не все из обещанных статей г. Тургенева, но напечатано семь рассказов г. Тургенева необещанных» (Отд. IV. С. 206-207). Они явились плодом общения автора с лучшим, самым передовым периодическим изданием России.

Большая часть «Записок охотника» была создана за границей, из-за чего журнал, в котором они печатались, являлся для автора своего рода «каналом информации» о родине, живым нервом, связующим с ней. Номера «Современника», писал Тургенев Белинскому 14 ноября 1847 г., «достигли, наконец, берегов Сены. Мы их теперь читаем с волчьей жадностью».[202] В письме от 1 декабря 1849 г. к А. А. Краевскому содержится аналогичное свидетельство: «Без писем, без журналов я совершенно отрезан от России: это очень мне тяжело».[203] Без этих источников Тургенев,

---

201 Примечания: 253
Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1983. С. 326.

202 Примечания: 254
Письма II. Т. 1. С. 229.

203 Примечания: 255
Там же. С. 337.

по его словам из письма к П. В. Анненкову от 19 января 1858 г., не мог щупать «пульс своей страны и общества».[204]

Так, появившийся в № 2 «Современника» за 1848 г. вместе с пятью другими «отрывками» из цикла рассказ «Смерть» находился в непосредственной связи с аналитическим обозрением статистических данных о смертности в России, которым начинались «Современные заметки» в сентябрьской книжке журнала, прочитанной Тургеневым «с волчьей жадностью». Лейтмотивом размышлений публициста над статистикой безвременной смертности людей стали слова: «Смешно и жалко подумать, как не гибнет человек!»[205] Эта горькая мысль стала составной частью и тургеневских раздумий над тем, отчего погибает русский мужик и как вообще «удивительно умирают русские люди». Психологическая достоверность наблюдений писателя приобретала в тех условиях острое социальное звучание.

Хотя название рассказа «Смерть» впервые встречается в «программе», составленной в конце августа 1847 г., однако написан он был в конце

---

204 Примечания: 256
Там же. Т. 3. С. 294.

205 Примечания: 257
Современник. 1847. № 9. Отд. IV. С. 87.

ноября — начале декабря. Толчком к завершению этого замысла стали «Современные заметки». Они дополнили статистические сведения о смертности в России напоминанием о том, что деспот нового времени «не прибегает к кулаку или дубинке, а жарит своего недруга на мелком огоньке, сживает его со свету понемножку и потихоньку <…>, колет булавками, колет неотступно, ежеминутно, или, как городничий Гоголя, кормит селедками и не дает пить, — жертва сохнет, чахнет, умирает».[206] Так умер герой рассказа «Смерть» Авенир Сорокоумов.

Трем рассказам, появившимся в № 2 журнала за 1849 г., предшествовала неучтенная информация о продолжении подписки на «Современник» 1848 г., где впервые было анонсировано «окончание Записок охотника, — четыре рассказа: 1) Помещик Чертопханов и дворянин Недопюскин, 2) Обед, 3) Реформатор, 4) Лес. и степь».[207] Сведение об этом содержалось, очевидно, в одном из несохранившихся писем Тургенева и было подтверждено его пометой в беловой рукописи «Леса и степи», полученной редакцией в конце 1848

---

206 Примечания: 258
Там же.

207 Примечания: 259
Моск. ведомости. 1848. № 26. 28 февр. С. 208.

г.: над заглавием вслед за оставленным местом для порядкового номера публикации, который проставлял Некрасов перед сдачей, в набор, рукою Тургенева заблаговременно прибавлено в скобках: «(И последний отрывок)». Эти слова, не тронутые в рукописи, были все-таки сняты (возможно, в корректуре) и не увидели тогда света, потому что, будучи сохраненной, такая ремарка могла быть воспринята в журнале как редакционная. Между тем «Современник» явно не разделял намерения писателя ограничиться 17 рассказами.

Дальновидность редакции получила вскоре убедительное подтверждение: после возвращения в середине 1850 г. в Россию Тургенев, под влиянием нахлынувших на него новых впечатлений, написал и напечатал в том же году (№ 11) «Певцов» и «Свидание», а в февральской и мартовской книжках за 1851 г. — «Бежин луг» и «Касьяна с Красивой Мечи». Интересно отметить, что начало «Свидания»: «Я сидел в березовой роще осенью, около половины сентября» — перекликается с письмом автора к П. Виардо, посланным во время работы над рассказом из села Тургеневе: «Прилагаю листок березы, под которою я часто думал о вас. Это по-прежнему самое любимое

мое дерево».[208] Писатель испытывал глубокое волнение от новой встречи с родными местами, где пробуждались детские воспоминания и все окружающее волновало и захватывало его.

Первым по времени дошедшим до нас свидетельством о продолжении работы над циклом является письмо И. И. Панаева к Некрасову из Москвы от 13 июля 1850 г.: «И. С. Тургенев написал новый рассказ Охотника для „Современника“, но я еще не читал его».[209] О каком именно рассказе идет речь, сказать трудно. Скорее всего, Панаев услыхал лишь о намерении Тургенева возвратиться к «Запискам охотника», что само по себе имело принципиальное значение: продолжающееся произведение на актуальную тему увеличивало интерес к журналу, редакция которого гордилась и дорожила тем, что эти «прекрасные поэтические эскизы» помещались исключительно в «Современнике», и неоднократно напоминала читателям, что именно «Записками охотника» Тургенев утвердил за собою «место, ныне занимаемое им в русской

---

208 Примечания: 260
Письма II. Т. 2. С. 358.

209 Примечания: 261
Голос минувшего. 1915. № 9. С. 58.

литературе».[210]

Итог почти пятилетнего взаимодействия «Современника» с автором сложившегося за это время на страницах журнала цикла рассказов и очерков был подведен в апрельской книжке за 1852 г.: «В Москве печатаются особым изданием „Записки охотника“, которые появлялись по временам отдельными рассказами в нашем журнале. Эта новость, конечно, будет приятна многочисленным читателям г. Тургенева. „Записки охотника“ не принадлежат к таким произведениям, которые, будучи прочитаны однажды в журнале, не представляют уже никакого интереса для публики при вторичном появлении в свет: не говоря уже о том, что эти рассказы были разбросаны в «Современнике» в течение нескольких лет и что теперь, при полном издании, многое в них пересмотрено, дополнено и исправлено автором, — самое содержание их, так богатое картинами русской природы, русской жизни, представляющее столько типических, мастерски очерченных лиц, ручается, что при вторичном появлении „Записки охотника“ будут встречены по крайней мере с той же благосклон-

---

210 Примечания: 262
Некрасов. Т. 12. С. 185.

ностью, с какою публика постоянно встречала каждый новый рассказ г. Тургенева. „Записки охотника“, как одна из немногих оригинальных русских книг, в которой разбросано множество верных черт русской природы и жизни, по нашему мнению, должны занять почетное место в русской библиотеке каждого образованного читателя, как произведение самостоятельного ума, пробуждающее мысль, дополняющее собственные наши наблюдения и сведения о предмете, который никогда не перестанет быть интересным для русского. На этом основании мы предсказываем этим „Запискам“ прочный успех, который они вполне заслуживают тем добросовестным, полным любви изучением своего предмета и тою талантливою отделкою формы, которых следы встречаются на каждой странице этого произведения. „Записки охотника“ появятся в свет в конце апреля, и тогда мы поговорим о них подробнее».[211]

В середине апреля 1852 г. писатель был посажен на съезжую, а через месяц выслан в деревню. Это обстоятельство и последовавшее за ним тщательнейшее цензурное разбирательство, вызванное

---

211 Примечания: 263
Современник. 1852. № 4. Отд. VI. С. 324.

напечатанием книги Тургенева, исключили возможность публикации сколько-нибудь подробных рассуждений, статей о первом отдельном издании «Записок охотника». Тем большее значение приобретает информация «Современника» об этой действительно главной и центральной литературной новости того времени.

4

Великая литература рождается тогда, когда пробуждается высокое нравственное чувство. Эту свою мысль Л. Н. Толстой подтвердил в 1888 г. ссылкой на «Записки охотника» и другие произведения русских и зарубежных писателей, ставшие знамением времени.[212] Центральной проблемой XIX в. он считал уничтожение того порядка вещей, при котором одни люди владели другими. В черновой редакции трактата «Рабство нашего времени», написанного в начале нового столетия, Толстой напомнил, что в ту пору, когда существовали «рабовладельцы прежнего рабства», явились писатели, которые прямо раскрыли «всю жестокость их жизни,

212 Примечания: 264

Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Изд. 2-е. М., 1960. Т. 1. С. 437.

как это показали у нас „Записки охотника“, Григорович и др., и в Америке Бичер Стоу, и люди рабовладельцы поняли, почувствовали, что они виноваты».[213]

«Записки охотника» служили злобе дня и вместе с тем навсегда сохранили свою поэтическую свежесть, как будто ни в чем не зависели от конкретного исторического момента, породившего их. Главная мысль и эстетическая форма ее выражения оказались настолько естественными и соответствующими друг другу в каждом рассказе и очерке, что между ними, по словам Белинского, «нет ни одного, который бы чем-нибудь де был интересен, занимателен и поучителен» (10, 346), как при своем появлении, так и во все последующие времена.

В 1897 г. В. И. Ленин в работе «От какого наследства мы отказываемся?» напомнил, что в ту пору, «когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками».[214] Автор «Записок охотника» служил

---

213 Примечания: 265

Цит. по: *Гусев Н.* // Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М., 1954. С. 243.

214 Примечания: 266

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 520.

своею книгой исторически назревшей задаче избавления России от цепей крепостничества, а также содействовал освобождению всех людей «от другого рабства — от рабства невежества», как было сказано им в проекте программы «Общества для распространения грамотности и первоначального образования». Помогать просвещению народа писатель считал своей пожизненной обязанностью и всячески поддерживал каждого, кто становился на этот путь. Тургенев был убежден, что учение не только свет, по народной пословице, но что оно также и свобода.

Избавление крестьянства от помещичьего гнета и вековой темноты, эстетическое и нравственное развенчание любой формы насилия над человеческой личностью он называл делом, касающимся всей России. Предметом его художественного исследования в «Записках охотника» стали не только мужик и барин, но дух и характер целого народа и каждого из его слоев в отдельности, поскольку, говоря словами Белинского, «драма новейшей жизни слагалась из лиц всех сословий» (5, 628). Свыше 500 персонажей, населяющих книгу рассказов и очерков, — это социальный спектр того времени, когда «крепостное право стесняло одинаково всех — и

крепостного бурмистра, накопившего деньжонок и желавшего пожить в свое удовольствие, и хозяйственного мужика, ненавидевшего барина за поборы, вмешательство и отрывание от хозяйства, и пролетария-дворового и обедневшего мужика, которого продавали в кабалу купцу; от него страдали и купец-фабрикант и рабочий, и кустарь и мастерок. Между всеми этими людьми только та связь и была, что все они были враждебны крепостничеству: за пределами этой солидарности начинался самый резкий хозяйственный антагонизм».[215]

Свои наблюдения над крепостной действительностью Тургенев стремился добросовестно и беспристрастно изобразить и воплотить в надлежащие типы. Начатая им в середине 1840-х годов художественная летопись современной ему эпохи творчески продолжила традиции Пушкина, Гоголя и других писателей. Произведения Тургенева разных жанров, предшествовавшие «Запискам охотника», имеют самостоятельное значение и в то же время представляют особый интерес как свидетельство длительного и напряженного искания своего истинного пути,

---

215 Примечания: 267
Там же. Т. 1. С. 306.

наиболее соответствовавшего врожденному дарованию и тому высокому эстетическому идеалу, к достижению которого он постоянно стремился.

Об этом с достаточным знанием дела говорилось в самом первом по времени биографическом очерке писателя, появившемся в качестве пояснения к его портрету: «Что же касается до литературной его судьбы, то она, между прочим, замечательна тем, что г. Тургенев, подобно Крылову, долго не мог попасть на свою настоящую дорогу. Он писал и мелкие стихи, и увесистые поэмы, и переводил с иностранных языков и т. п. 1847 год окончательно решил его литературную карьеру: небольшой рассказец „Хорь и Калиныч“, напечатанный в „Смеси“ „Современника“, был принят с большим одобрением в публике и указал автору настоящую его дорогу. С этих пор мало-помалу образовались его „Записки охотника“, оригинальная и глубоко поэтическая книга». Всего через десять лет после начала его печатания «Современником» в той же биографической справке о Тургеневе говорилось: «Автор знаменитых „Записок охотника“, переведенных на французский, немецкий, английский и датский языки, своим талантом и многосторонним образованием сделался так же известен за границей,

как и в России».[216]

Для русских и зарубежных современников Тургенев был прежде всего «автор „Записок охотника“, т. е. один, — как пояснил в 1861 г. Ап. Григорьев это широко распространенное определение, — из первых писателей, с любовию обратившихся к народному быту».[217] Уже после «Хоря и Калиныча» он стал видным представителем новой школы писателей, сформировавшихся под влиянием Гоголя и объединенных современным образом мыслей, живою связью с разумными требованиями эпохи. Смысл этих и других суждений о «Записках охотника», высказанных еще до разрешения их второго отдельного издания в «Очерках гоголевского периода русской литературы», будет раскрыт в «Отечественных записках» (1877. № Отд. II. С. 33), которые напомнят через 30 лет после начала цикла рассказов и очерков, что в этом произведении Тургенева, как и в «Мертвых душах» Гоголя, естественно произошло «совпадение психологической задачи с социальной тенденцией». Правдивое и общедоступное изображение крепостничества со всеми

---

216 Примечания: 268

Рус. художественный листок. 1857. № 34.

217 Примечания: 269

Григорьев Ап. Литературная критика. М., 1967. С. 438.

его отвратительными последствиями, художественная верность действительности сами собою порождали тенденцию, сами в себе заключали «тот общественный смысл, который именно и придает беллетристическому произведению социальное и притом оппозиционное значение».

В «Письмах без адреса» Н. Г. Чернышевского отмечено, что расположение народных мыслей против рабства устроилось долгим ходом событий и «главным пунктом, около которого стало группироваться все остальное», оказалось именно «дело об уничтожении крепостного права».[218] Лучшие люди из дворян сошлись с крестьянством в одном желании, существовавшем с незапамятных времен, — желании раскрепощения мужика.

Направление своего литературного пути Тургенев неизменно связывал с теми ранними впечатлениями, которые приобрел в окружавшей его с детства среде крепостничества с ее вековыми «привычками рабства». В то же время данная им, как и многими другими его сверстниками, в юности Аннибаловская клятва бороться до конца и никогда не примиряться с этим злом имела

---

218 Примечания: 270
Чернышевский. Т. 10. С. 91, 101.

своим источником также идеи просветительства, которые усиливали его непосредственные впечатления от безобразий и противоречий русской действительности. «Записки охотника» накапливались не только в процессе житейского опыта. Главная мысль книги формировалась и под воздействием передового общественного сознания, прогрессивной русской и мировой культуры. Среди отечественных авторов, повлиявших на духовное развитие Тургенева, едва ли не в первую очередь должен быть назван просветитель XVIII — начала XIX в. Н. И. Новиков.

Имя Новикова встречается уже в черновом автографе тургеневских замечаний о русском хозяйстве и русском крестьянине. Ссылка на «Древнюю российскую вивлиофику» сохранилась и в окончательном тексте этой записки. Тургеневу рано стали известны также и другие новиковские издания, проникнутые гуманистическим пафосом, в частности «Детское чтение для сердца и разума», которое, несомненно, укрепляло в нем сызмала уважение и любовь к крестьянам. «Добрые эти люди, — внушал детям журнал Н. И. Новикова, — живут в бедности и отправляют тяжкую работу, для того, чтобы мы

спокойно питались их трудами».[219] В «Переписке отца с сыном о деревенской жизни», принадлежащей, как известно, перу самого издателя первого русского журнала для детей, на страницах второго издания которого имеются пометы будущего автора «Записок охотника», нарисован благородный образ крестьянина, подвергнутого судьбой суровому испытанию: разорившись от разных несчастных случаев, он своим трудолюбием и честностью «привел себя опять в хорошее состояние», восстановил потерянное, закалил характер. «И хотя бы дом его десять раз сгорел, однако сии добрые свойства никогда бы не пропали», — убежденно пишет автор, подкрепляя свою мысль с помощью аналогии: «Я вспоминаю при этом о древнем греческом философе, который назывался Симонидом и с которым произошло такое же приключение». Попав в кораблекрушение и оставшись живым, он не оплакивал вместе с другими пассажирами утерянных ценностей, а был по-прежнему спокоен и весел. В ответ на упреки своих спутников философ сказал: «О чем же мне плакать? Я ничего не потерял; все богатство со мною». Симонид «говорил о своей

219 Примечания: 271
Детское чтение для сердца и разума. 2-е изд. Ч. IV. С. 27.

мудрости, которая была для него дороже всех богатств здешнего мира».[220]

В родовой библиотеке Тургенева, вобравшей в себя книжные собрания не одного поколения, сохранились «Размышления о греческой истории» Мабли в переводе Радищева, январский выпуск «Северного вестника» за 1805 г. с «Отрывком из бумаг одного россиянина», как была названа перепечатанная там глава «Клип» из радищевского «Путешествия» Правда, журнал остался неразрезанным. Мы не располагаем какими-либо другими данными, чтобы ответить на вопрос: был ли знаком Тургенев с этим произведением или отрывками из него до создания «Записок охотника»? Позднее он, конечно, читал «Путешествие из Петербурга в Москву» и говорил о Радищеве в беседе с его внуком А. П. Боголюбовым, как о «первом поборнике освобождения крестьян».[221]

От этих предвестников, первых сеятелей свободы, как называл Радищева и Новикова Герцен, «толк» о необходимости уничтожения крепостного права «перешел к декабристам; он был любимою мыслью лучших людей царствования

---

220 Примечания: 272
Там же. Ч. III. С. 130-132.

221 Примечания: 273
ЛП. Т. 76. С. 459.

Александра I»,[222] к которым относились братья А. И. и Н. И. Тургеневы. Мятежная родословная Тургеневых имела прямое «генетическое» отношение к идейным и нравственным истокам «Записок охотника».[223]

А. И. Тургенев писал в 1820 г. о том, как вместе с братом — будущим декабристом — они клеймили «рачительные следствия рабства» и «воевали против него, а еще злее против его защитников <..> Разве Петр Тургенев отчаивался в спасении отечества, укоряя Гришку <Отрепьева> во лжи и грозно умоляя его отречься от России и царства? И мы будем... умолять соотчичей отречься от рабства. И делом и словом будем друзьями народа».[224] Братьев Тургеневых вдохновляла не только тень далекого предка, но и пример отца — личного друга и ближайшего сотрудника Н. И. Новикова.

Примечательно, что автор «Записок охотника»

---

222 Примечания: 274

Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. М., 1952, Т. 1. С. 663.

223 Примечания: 275

См.: *Тарасова Вс. Ж.* О времени знакомства И. С. Тургенева с Н. И. Тургеневым // Т. сб. I. С. 276-278.

224 Примечания: 276

Учен. зап. Горьковского ун-та. Сер. историко-филологическая. Горький, 1962. Вып. 57. С. 60.

из исторических лиц, принадлежавших к его фамилии, дорожил «особенно двумя: тем Петром Т<ургеневым>, который *обличил* Лжедимитрия и за это *обличение* был в тот же день казнен на лобном месте в Москве, — и тем шутом Петра Великого, Яковом Т<ургеневым>, которому пришлось в Новый 1700-й год обрезывать ножницами бороды бояр: он по-своему тоже служил делу просвещения». Эти сведения он сообщил 17 октября 1873 г. П. Н. Полевому для второго издания «Истории русской литературы в очерках и биографиях». Тургенев вообще видел главное призвание передовых дворян в служении делу просвещения и образования. Концепция демократического просветительства находилась в прямой связи с неустанными призывами Н. И. Тургенева к современникам, особенно к литераторам — обратить свой талант «на самый существенный предмет образованности, то есть на искоренение рабства. Тут всему русскому начало и конец».[225]

Важную роль в дальнейшем развитии и углублении просветительских взглядов Тургенева сыграло его сближение с Н. В. Станкевичем, Т. Н. Грановским. Берлинский кружок, по словам их

---

225 Примечания: 277

ЦГАЛИ. Ф. 198. Оп. 2. Ед. хр. 26 (Письмо Н. И. Тургенева к В. А. Жуковскому от 16 ноября 1850 г.).

общего приятеля Я. М. Неверова, имел немалое влияние на каждого соотечественника, ставшего его членом: Станкевич «вызывал нас посвятить все силы наши на развитие в народе образования, чрез что должно неминуемо пасть крепостничество».[226] Считая неудобным прямо от себя высказывать такое предположение, Неверов написал от лица редактора о том, что воздействие кружка Станкевича, несомненно, «отразилось и на литературной деятельности Тургенева и содействовало к развитию в нем глубокого стремления к освобождению народа от крепостной зависимости, хотя мысль эта могла зародиться в Тургеневе и ранее, в семейном его кружке, так как свойственник его, декабрист Николай Иванович Тургенев, еще при императоре Александре I возбудил этот вопрос».[227]

«Опыт теории налогов», подаренный автором С. Н. Тургеневу — отцу Ивана Сергеевича, — предвосхищал главную мысль «Записок охотника». Не случайно в некрологе Н. И. Тургенева его однофамилец и дальний родственник определил основную цель «Опыта теории налогов» почти в

---

226 Примечания: 278
ГИМ ОПИ. Ф. 372. Ед. хр. 1. Л. 117об. — 118.

227 Примечания: 279
Рус. старина. 1883. № 11. С. 418.

тех же словах, какими во вступлении к «Литературным и житейским воспоминаниям» раскрыл смысл своей Аннибаловской клятвы.

Ее практической реализации в цикле рассказов и очерков способствовало сближение Тургенева с Белинским. В то время, по словам критика, «искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов» и везде были «заняты все участью низших классов» (10, 306, 302).

Начавшаяся именно тогда служба Тургенева в министерстве внутренних дел, на которое была возложена разработка проекта освобождения крестьян, вскоре разочаровала его, поскольку в сводном документе, одобренном царем, Л. А. Перовский писал: «Россия так огромна, что уже по одной этой причине нельзя предвидеть конца бессмысленного владычества черни, если бы она когда-нибудь одержала верх. Посему не столько страшно *дело*, сколько самое слово».[228]

Достигнуть освобождения людей крепостного состояния предполагалось постепенным ограничением их зависимости, причем незаметным для них образом, не возбуждая в народе опас-

---

228 Примечания: 280

ЦРАОР. Ф. 728. Оп. 1, ч. 2. Ед. хр. 2003. Изложение документа см. в кн.: Девятнадцатый век: Ист. сб. М., 1872. Т. 2. С. 185-194.

ных толков и не употребляя даже таких слов, как «вольность» или «свобода». Стремление как-то умерить произвол помещиков, но при этом не ослабить повиновение крестьян имело несбыточный характер. Белинский, узнав о проекте Перовского, отнес его к разряду мыслей, достойных «человека благонамеренного, но ограниченного», и в то же время отметил, что «движение это отразилось, хотя и робко, и в литературе» (12, 439).

5

Вопрос об освобождении от крепостной зависимости 24 000 000 крестьян всегда являлся своего рода подводным камнем для писателей и цензоров, поскольку то, что могло казаться одному благоразумным исследованием истины, другому представлялось неприличным и неуместным рассуждением. С этим связана особая осторожность. Так, А. В. Никитенко представил на рассмотрение петербургского цензурного комитета «из Политической экономии г. Бутовского статью о влиянии рабства на труд промышленный», где попутно говорилось и о том, что «гораздо полезнее для успехов народного богатства обрабатывать землю крестьянами оброчными, чем барщиною».

Комитет нашел, что «подобные рассуждения не составляют ничего нового или могущего подать повод к недоразумениям» и на том же заседании 12 ноября 1846 г. дозволил подписать к печати вызвавшую сомнение цензора А. Л. Крылова сцену прибытия помещика в деревню из одноименной повести Григоровича.[229]

Сведений о каких-либо сомнениях, вызванных «Хорем и Калинычем», не имеется, хотя 28 января 1847 г. Никитенко внес на разрешение цензурного комитета одно затруднившее его место в рассматриваемой им работе «О причинах колебания цен на хлеб в России», где автор «говорит о влиянии обязательной ренты на экономические отношения земледельца и работника и доказывает, что одна из главных причин колебания цены на хлеб в России есть отсутствие свободной платы за труд земледельца, обязанного, как известно, работать на помещика или платить ему оброк не по обоюдному согласию или договору, а в силу произвольных назначений последнего», что является «вредным в земледельческом быту народа». Комитет не нашел в рассуждении автора «ничего противного цензурным постановлени-

---

229 Примечания: 281
ЦГИА. Ф. 777. Оп. 27. 1846, Ед. хр. 39. Л. 132-132 об. — 133.

ям» и дозволил «место это к напечатанию».[230]

Мысли такого рода высказывались и появлялись давно, ибо нетрудно было заметить, что «земля, возделанная вольными крестьянами, дает обильнейшие плоды, нежели земля одинакового качества, обработанная крепостными», что «разность между оброчными крестьянами и задельными (барщинными. — *В. Г.*) чрезвычайная. Первые всегда зажиточны и даже богаты, ежели оброк законный, соразмерный силам крестьянина; вторые всегда недостаточны и даже часто удручены».[231]

Рассказ, открывающий «Записки охотника», продолжает и развивает суждения Тургенева, изложенные им еще при поступлении на службу в полуофициальной записке «Несколько замечаний о русском хозяйстве и о русском крестьянине». Надежды на прямое участие в разрешении крестьянского вопроса довольно быстро рассеялись. Добровольная отставка была вызвана разочарованием Тургенева в службе и объектив-

---

230 Примечания: 282

Там же, 1847 г. Ед. хр. 40. Л. 13 об. — 14.

231 Примечания: 283

Арсеньев К. И. Начертание статистики Российского государства. Часть первая: О состоянии народа. СПб., 1818. С. 106; Часть вторая: О состоянии правительства. СПб., 1819, С. 93-94.

но означала его оппозиционное отношение к официальным властям, открытым выражением которого в художественной форме явились «Записки охотника». Некрологическая передовая статья «Русских ведомостей» содержала верное свидетельство осведомленных современников писателя о том, что его рассказы и очерки «были своего рода красноречивым протестом против крепостного права, — протестом, дозволенным цензурою, но развивавшим нецензурные тогда идеи».[232]

Не выдерживает проверки фактами бытующее и сегодня в научной литературе о Тургеневе мнение, согласно которому царская цензура якобы «проглядела» это произведение в журнале как «безобидное» и спохватилась лишь по выходе первого отдельного издания «Записок охотника». Форма каждого рассказа и очерка в отдельности была, мол, «настолько симпатична и изящна, что тогдашняя цензура не поняла сразу идею художника и обратила на них свое благосклонное внимание только тогда уже, когда почти вся Россия успела прочитать „Записки охотника“. Художник-писатель поплатился за свой небы-

---

232 Примечания: 284
Рус. ведомости. 1883. 25 авг. № 233.

валый успех административной карой, но с тех пор имя его стало одним из самых популярных в России».[233]

Сам Тургенев был гораздо более точен, когда писал библиографу П. П. Васильеву 14 июля 1870 г. о судьбе своей книги: «В исполнение Вашего желания, могу Вам сообщить, что „Записки охотника“ несомненно подвергались страшным исключениям со стороны цензуры при первом их появлении в „Современнике“. (Напр., из „Гамлета Щигровского уезда“ была выкинута чуть не половина.) Исключенные места были восстановлены в отдельном издании кн. Львовым (за что он и пострадал)».[234] В информации «Современника» о приготовлении отдельного издания рассказов и очерков говорилось, что в сравнении с журнальными публикациями многое в них пересмотрено, дополнено и исправлено автором. Читателю нетрудно было догадаться, что тут имелись в виду прежде всего цензурные искажения и купюры.

Цензор В. В. Львов позволил их восстановить и дал согласие на включение в книгу «Двух помещиков», не пропущенных в журнале, литера-

---

233 Примечания: 285
Новости и биржевая газета. 1883. 24 авг. № 143.

234 Примечания: 286
Письма I. Т. 8. С. 252.

турных сборниках, один из которых цензуровал И. М. Снегирев, записавший 27 августа 1852 г. в своем дневнике: «Был я в цензурном комитете, где нашел высочайшее повеление от 22 августа об отрешении кн. Львова от должности цензора за нерадение к должности. Жаль. Правду я говорил ему».[235] По свидетельству их коллеги цензора Д. С. Ржевского, официальные власти подвергали тогда «все мало-мальски замечательное» поистине «химическому разложению».[236] Этой участи, естественно, не избежали и «Записки охотника» как при появлении их в журнале, так и по выходе первого отдельного издания.[237]

По свидетельству Е. В. Львовой, ее отец, будучи цензором, не только пропустил эту книгу, но «с восторгом читал несколько отрывков в кругу близких друзей».[238] В «Записках охотника» он открыл для себя то, к чему давно стремился и как автор очерка «Картина из крестьянского

---

235 Примечания: 287
Рус. архив. 1904. № 1. С. 108.

236 Примечания: 288
ГБЛ. Пог/II.27.84.

237 Примечания: 289
См.: *Оксман.* С. 246-307.

238 Примечания: 290
Новое время. 1910. 25 дек. № 12497.

быта» (Листок. 1831. № 7), а также других произведений о деревне, и как инициатор изданий полезных и дешевых книг для народа. Ему особенно хотелось, чтобы язык в этих сочинениях «был чистый, правильный, без притязаний на подражание народному языку, который почти всегда в устах человека, не принадлежащего к известному сословию, отзывается не подражанием, а передразниванием». Эти и другие соображения, высказанные в докладной записке о создании «комитета для поощрения русской литературы и народных писателей», Львов заключил следующими словами: «Может быть, слишком увлекаюсь я идеею моею, но мне кажется, что исполнение этого предположения озарит новым светом отечественную литературу нашу, произведет прекрасное нравственное действие на массу, представив ей здоровую, полезную умственную пищу <…>, породит и разовьет писателей с хорошим направлением и — уничтожит мало-помалу яд иностранных книг» — «этот ужасный хлам дурно переведенных романов и повестей».[239]

Проект был подан 22 октября 1851 г. А через несколько месяцев Львов получил сначала для

---

239 Примечания: 291
ЦГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2775, Л. 3 об, 5, 8.

неофициального рассмотрения рукопись тургеневских рассказов и очерков, подготовленных автором для отдельного издания в двух частях. Цензор пришел в восторг. Это означало, что произведение могло увидеть свет в своем полном и подлинном виде без искажений. 29 февраля в московском цензурном комитете была зарегистрирована «рукопись: Записки охотника, соч. Ивана Тургенева, в 2 частях», поступившая днем ранее «от коллежского советника Николая Кетчера», который через неделю получил ее обратно одобренной Львовым 5 (1-я часть) и 6 (2-я часть) марта.[240] Для принятия столь ответственного решения, ставшего главным делом всей его жизни, ему понадобилось несколько дней. Но это не было опрометчивым шагом или оплошностью, проявлением недомыслия. Это был поступок человека, убежденного в своей несомненной правоте.

В день возвращения разрешенной им рукописи состоялось очередное заседание цензурного комитета, в журнале которого отмечено, что «с 1 по 7 число сего марта месяца» были, среди других рукописей, одобренных к напечатанию, «Записки охотника, соч. И. Тургенева в 2 частях»,

---

240 Примечания: 292

ЦГИА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 28 об. — 29.

и коллегиально «определено: выдать представившим»,[241] т. е. разрешить печатание,

В журнале того же заседания есть и другая запись: «Возвращена без одобрения к напечатанию г. цензором князем Львовым рукопись: „Князь Луповицкий или приезд в деревню, комедия в двух действиях, с прологом“, соч. К. Аксакова, — по неприличию содержания. Определено: Возвратить представившему без одобрения к напечатанию».[242]

Такая же участь вполне могла постичь и рукопись Тургенева, поделившегося своей радостью 21 марта 1852 г. с П. Виардо: «Говорил ли я Вам, что цензура наконец разрешила издание моих „Записок охотника“, которые появятся в Москве в двух больших томах? Я пришлю их Вам, хотя это будет прорусски. Хорошенько поразмыслив, я решил не давать посвящения».[243] Предосторожность была вызвана пониманием того, что дозволение их к печати вовсе не означало официального признания цикла рассказов и очерков, не избав-

---

241 Примечания: 293
Там же. Оп. 5, Ед. хр. 299. Л. 41 об. — 42 об.

242 Примечания: 294
Там же. Л. 42 об.

243 Примечания: 295
Письма II. Т. 2. С. 388.

ляло автора от репутации человека, склонного к вольномыслию, к недовольству существующим порядком.

В. В. Львов, несомненно, был ознакомлен при вступлении его в должность цензора с конфиденциальным документом, излагавшим высочайшее повеление относительно рассмотрения книг, «назначенных для чтения простого народа»: чиновник цензурного ведомства «обязан мысленно ставить себя на место читателя и, применяясь к его понятиям, определять, какое впечатление будет на него сделано не только господствующим в сочинении мнением или чувством, но и каждою отдельною мыслью и, так сказать, каждым словом». Цензору вменялось в обязанность наблюдать с особой строгостью за тем, чтобы в одобряемых им произведениях «не было не только никакого неблагоприятного, но даже и неосторожного прикосновения к православной церкви и установлениям ее. к властям и законам, «к святости браков», к беспрекословному «повиновению власти родительской». Заключительный пункт этой инструкции, поступившей в московский цензурный комитет 28 апреля 1850 г., был предельно категоричным: «Сочинения, в которых изъявляется сожаление о состоянии

крепостных крестьян, описываются злоупотребления помещиков или доказывается, что перемена в отношениях первых к последним принесла бы пользу, не должны быть вообще разрешаемы к печатанию, а тем более в книгах, предназначенных для чтения простого народа».[244]

Именно сквозь призму этого документа смотрели чиновники главного цензурного управления на вышедшие в Москве «Записки охотника». С нескрываемым беспокойством они отметили и тот факт, что книга может быть прочитана грамотным крестьянином и другими лицами из низшего сословия. Для Львова же «Записки охотника» оказались близки именно своей доступностью для всех. Он увидел в этих рассказах и очерках образное подтверждение тех мыслей и чувств, которые вызывали в нем самом простые русские люди из подмосковной деревни, где он устраивал для них «грамотные избы» и помогал, насколько мог, страждущим.

«Народ наш, — писал Львов П. Я. Чаадаеву 12 июля 1848 г. из своего Спасского, — любит все облекать в осязательный образ — так в этом виде

---

244 Примечания: 296
ЦГМА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 5. Ед. хр. 264. Л. 8-9 об.

дело доступнее ему, понятнее <…> я заговорился о крестьянах, это слабость моя! Я и зимой, и летом люблю изучать русского мужика — Вы это знаете, — а летом только их и вижу, о них и думаю». Он находил в них много нравственного материала и в «списке добродетелей» называл смирение, покорность судьбе: «Стоит только посмотреть, как безропотно переносит русский человек всякое горе, всякую потерю, всякий недуг, как спокойно умирает; как больной и старик говорит о смерти: „Пора на покой!“ — и только <…> Где иностранцам понять русского мужика, когда и мы плохо знаем его».[245]

Эти и другие наблюдения Львова над тем, что для него, как и для Тургенева, было связано с вопросом о будущем России, позволили ему не просто одобрить «Записки охотника», но и отнестись к ним так, как они были восприняты большинством читателей, — непредвзято. Новое идейно-художественное качество, привнесенное в литературу этими рассказами и очерками, квалифицировалось в главном цензурном управлении как нечто противоестественное и потому противоправное: лица из низших сословий

245 Примечания: 297
ГБЛ. Ф. 103. № 1032. Ед. хр. 28. Л. 1-4 об.

«автор до того поэтизировал, что видит в них администраторов, рационалистов, романтиков, идеалистов, людей восторженных и мечтательных (бог знает, где он нашел таких!)».[246] Между тем именно такая вот поэтизация и выражала во всей полноте и во всей силе то, что было самого истинного, самого существенного и самого характеристического в эпохе.

Имя цензора, дозволившего первое отдельное издание «Записок охотника», навсегда осталось близким сердцу автора. 6 июня 1875 г. Тургенев писал Е. В. Львовой: «Я припомнил то обстоятельство, что ваш покойный батюшка пострадал из-за меня. Пожалуйста, сообщите мне все, что в вашей семье известно об этом <…> Мне это очень нужно знать».[247]

Печатание рукописи, одобренной Львовым, началось вскоре после возвращения ее Кетчеру. В «Книге для записывания билетов на выпуск в свет книг, брошюр, картин, нот и т. д.» значится, что 2 мая 1852 г. в цензурный комитет поступили из университетской типографии «Записки охотника» Тургенева в двух частях и в тот же

---

246 Примечания: 298
Оксман. С. 272.

247 Примечания: 299
Письма I. Т. 11. С. 92.

день дозволены к продаже, «оригинал и книгу с билетом получил Логунов»[248] — наборщик. 10 мая в журнале заседаний цензурного комитета была рассмотрена и подтверждена выдача цензором Львовым билета на отпечатанные «Записки охотника».[249] 13 мая, как отмечено в «Реестре исходящих бумаг», нужное количество экземпляров было препровождено в публичную библиотеку, в канцелярию министра народного просвещения, в Академию наук, в Гельсингфорсский университет, в главное управление цензуры.[250]

Книга начала самостоятельную жизнь, хотя ее тираж лежал в типографии, а находившийся на съезжей автор, еще не зная об этом, писал 1 мая 1852 г. Луи и Полине Виардо: «Мой арест, вероятно, сделает невозможным печатание моей книги в Москве — очень жаль, но что же делать?»[251] Лишь по пути из Петербурга в ссылку Тургенев, очевидно, узнал от московских друзей,

---

248 Примечания: 300
ЦГИА г. Москвы. Ф. 31. Оп. 3. Ед. хр. 2355. Л. 29 об. — 30.

249 Примечания: 301
Там же. Оп. 5. Ед. хр. 300. Л. 24 об.

250 Примечания: 302
См.: Там же. Оп. 1. Ед. хр. 67. Л. 44 об. — 45.

251 Примечания: 303
Письма II. Т. 2. С. 391.

как в действительности обстояло дело, и 6 июня 1852 г. писал Аксаковым из Спасского: «Вот и мои „Записки охотника“ совсем готовы, и билет на их выпуск выдан; однако мы с Кетчером решили подождать».[252]

Через два месяца, 7 августа 1852 г., в прибавлении к «Московским ведомостям» (№ 95. С. 860) появилось «по 1-му разу» объявление одной из книжных лавок о поступлении в продажу книги, автор которой писал 10 августа П. Виардо: «Сегодня я получил известие, что мои „Записки охотника“ наконец появились в Москве. Следует надеяться, что их издание не причинит мне вреда — они были совершенно готовы в апреле, и если я ждал до настоящего времени, то для того, чтобы показать, что у меня не было ни малейшего намерения бросать вызов кому бы то ни было. Думаю даже, что все, кто их прочитает, воздадут должное моим патриотическим чувствам. Я поручил моему издателю послать вам экземпляр — держите его в своей библиотеке и знайте, что хотя там и нет посвящения, я отдал этот труд под вашу защиту, как и все, что я думаю и делаю с

---

252 Примечания: 304
Там же. С. 138.

давних пор».[253]

6

На основании устных высказываний царя по поводу результатов рассмотрения «Записок охотника», разрешенных цензором Львовым для отдельного издания, министр народного просвещения информировал соответствующие ведомства, что содержание названного произведения «его императорское величество изволил признать предосудительным».[254] Это обрекло книгу, вызвавшую громадный интерес у читателей, на трудную участь. «Была даже речь, — писал Тургенев 26 августа 1869 г. П. П. Васильеву, — об отобрании экземпляров — но дело обошлось тем, что запретили обо мне говорить и даже объявлять в журналах».[255]

Полулегальное положение «Записок охотника» нашло отражение в деле III отделения, которое было заведено в 1855 г. в связи с обвинением Н. А. Мордвинова в распространении «преступных

---

253 Примечания: 305
Там же. С. 393.

254 Примечания: 306
ЦГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ед. хр. 2881. Л. 20.

255 Примечания: 307
Письма I. Т. 8. С. 81.

статей». Бывший петрашевец, находившийся «под строгим секретным наблюдением полиции», имел неосторожность сказать на допросе, что он читал в кругу своих знакомых лишь такие «вещи, как, например, повести Тургенева „Записки охотника“». Справка III отделения об отдельном издании этого «предосудительного» произведения вызвала следующий вопрос к Мордвинову: «В 3-м пункте показаний ваших вы сказали, что распространение чтением или другим способом преступных сочинений несогласно с вашими мыслями и понятиями. Между тем выше сего показали вы. что иногда читали действительному статскому советнику Мейснеру повести Тургенева „Записки охотника“. Так как *записки эти по содержанию своему весьма вредны и, следовательно, не должны быть распространяемы в обществе*, то чтение ваше сих записок в присутствии других не согласуется с сказанным вами о вашем образе мыслей и понятиях.

Объясните такое противоречие в ваших собственных словах».[256] Ответ Мордвинова отразил широко распространенное недоумение относительно того, каким образом рассказы и очерки,

---

256 Примечания: 308

ЦГАОР. Ф. 109. 1-я эксп. III отд. 1855 г. Ед. хр. 269. Л. 200 об.

появлявшиеся в продолжение почти пяти лет в журнале, могли встретить затруднения при отдельном их издании: «Повести г. Тургенева под заглавием „Записки охотника“ были печатаемы в журнале „Современник“ и потом, кажется, даже изданы отдельною книжкою. Зная, что все, что печатается в России, печатается по предварительному просмотру и по данному от правительства дозволению, — я считал эти повести не заключающими в себе никаких вредных мыслей и при чтении их также не заметил в них ничего более, кроме рассказа различных приключений, бывших с автором их; а потому и не считал чтение их в присутствии других несогласным с образом моих мыслей и понятий».[257]

В сводной справке по этому делу сжато было названо все то, что вменялось в вину автору этой книги и цензору, пропустившему ее:

«О сочинениях Тургенева

В 1852 году Министр Народного Просвещения объявил Московскому военному генерал-губернатору, что государь император, обратив внимание на изданную в Москве книгу под заглавием „Записки охотника“, сочинение *Тургенева*, изволил

---

257 Примечания: 309
Там же.

усмотреть, что значительная часть помещенных в ней статей имеет решительное направление к унижению помещиков, которые представляются вообще или в смешном и карикатурном, или еще чаще в предосудительном для их чести виде. Признавая, что распространение столь невыгодных мнений на счет помещиков послужить может к уменьшению уважения к дворянскому сословию со стороны читателей других состояний, Его Величество Высочайше повелел цензора, пропустившего означенную книгу, князя *Львова*, которому перед тем сделан был выговор за пропуск 1-го тома „Московского сборника“, отставить за небрежное исполнение должности.

В этом же году *Тургенев*, за напечатание в „Московских ведомостях“ такой статьи (наполненной неуместными преувеличениями о Гоголе), которая не была пропущена Санкт-Петербургскою цензурою, был выдержан месяц под арестом и отправлен в имение его, в Орловскую губернию.

По делам 3-го отделения не имеется сведения, что которое-либо из других сочинений *Тургенева* было предосудительно или запрещено.

27 ноября 1855 года».[258]

---

258 Примечания: 310
Там же. Л. 198-199.

За ходом этого дознания внимательно следил новый царь Александр II, который «изволил читать» дело и вполне «одобрил все действия III отделения», благодаря чему становится особенно понятной причина неудач Тургенева и его друзей, пытавшихся добиться разрешения на переиздание «Записок охотника» вскоре после смерти Николая I. «Аттестация», данная им книге как предосудительной и вредной, оставалась в силе и служила главным препятствием к переизданию и обсуждению ее в печати.

1 марта 1856 г. книга поступила в петербургский цензурный комитет для дозволения ее второго отдельного издания, оттуда — в главное цензурное управление, которое, однако, сочло необходимым испросить «высочайшее распоряжение на то». К середине 1856 г. было составлено «всеподданнейшее представление». В нем говорилось, что эти рассказы и очерки, «напечатанные уже два раза, в журнале „Современник“ за 1847-1851 гг. и в московском их издании, и сделавшиеся вообще известными публике даже по переводам иностранным и по разборам иностранных журналов, едва ли могут произвести какое-нибудь вредное впечатление на публику в случае нового их издания». Тем не менее министр народного

просвещения А. С. Норов почему-то медлил, а 8 декабря 1856 г. после бури, вызванной пропуском сборника стихотворений Н. А. Некрасова, предложил главному управлению цензуры «приостановить приведение в исполнение своего определения по сему делу»,[259] т. е. не подавать Александру II заготовленного представления, которое так и осталось нерассмотренным.

14 декабря 1856 г. Тургенев писал Е. Я. Колбасину, который прислал ему в Париж несколько книжных новинок: «А Некрасова стихотворения, собранные в один фокус, — жгутся».[260] Это афористическое суждение можно, конечно, отнести и к «Запискам охотника». Каждый рассказ и очерк, вошедший в цикл, был и сам по себе далеко не безобидным и подвергался при первом появлении в «Современнике» придирчивой цензурой «обработке». Но, собранные в один фокус, они, безусловно, производили еще более сильное впечатление. Недаром И. А. Гончаров, возобновивший в конце 1858 г. в качестве цензора официальное ходатайство о втором отдельном издании цикла, стремился в первую

---

259 Примечания: 311
ЦГИА. Ф. 772. Оп. 1. 1856 г. Ед. хр. 3859. Л. 5, 8 об., 9.

260 Примечания: 312
Письма II. Т. 3. С. 464.

очередь уменьшить подозрительность властей к «зажигающей» книге, как охарактеризовала ее в 1852 г. Е. П. Ростопчина в разговоре с П. Я. Чаадаевым: «В „Записках охотника“ нет преднамеренных желчных описаний отношений крестьян к помещикам: автор <…> более всего <…> рисует типические лица из разных классов народонаселения и имеет в виду поэтически верное воспроизведение характеров, местностей, пейзажей, без всяких натянутых стремлений выставить одни в дурном, другие в выгодном свете».[261]

Более чем десятилетняя, редкая по длительности и драматизму цензурная история «Записок охотника» по-своему выявила и подчеркнула общественно-литературное значение этой книги. Ее популярность в России и за рубежом приобрела столь широкие масштабы, что в 1864 г. Н. А. Милютин пригласил оказавшегося в Петербурге Тургенева на официальный обед в честь третьей годовщины освобождения крестьян и в своей речи пояснил причину, по которой среди тех, кто разрабатывал и осуществлял эту реформу практически, оказался нечиновный, давно оставивший

261 Примечания: 313

Цит. по: *Mazon A.* Un maitre du roman russe Ivan Gontcharov. P., 1914. P. 351

царскую службу человек: «Мы имеем между нами Ивана Сергеевича Тургенева потому, что государь лично объявил мне, что чтению его „Записок охотника“ он обязан в сильной степени своей решимости отменить крепостное право».[262]

Приведенные выше материалы, показывающие истинное отношение Александра II к произведению, которое его отец считал предосудительным и вредным, опровергают эту легенду. Стремление прослыть «либеральным» было заметно в поведении наследника во время репрессии над автором «Записок охотника»: тем, кто хлопотал о его помиловании, он говорил одно, а в письме к Николаю, находившемуся за границей, писал из Петербурга 28 апреля 1852 г. то, что выражало его истинные взгляды: «Арестование Тургенева за напечатание в Москве статьи о Гоголе наделало здесь много шума, — я, как ты знаешь, до так называемых *литераторов* тоже не большой охотник и потому нахожу, *что урок, данный ему, и для других весьма здоров».*[263]

Самодержавие оставалось верным себе и после

---

262 Примечания: 314

И. С. Тургенев. Материалы и исследования / Под. ред. Н. Л. Бродского. Орел, 1940. С. 56.

263 Примечания: 315

ЦГАОР. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Ед. хр. 2056. Л. 212.

смерти Тургенева. Участник похорон писателя князь Бебутов привез от тифлисской городской думы венок, на котором был укреплен обрывок цепи — в ознаменование роли «Записок охотника» в деле освобождения крестьян. О такой эмблеме говорил Э. Абу в речи на проводах тела русского писателя из Франции. В «Дневнике» братьев Гонкур сохранилось высказывание самого Тургенева о том, что слова о содействии цикла рассказов и очерков раскрепощению народа были бы лучшей надписью на его могиле. И вот один из почитателей автора «Записок охотника» попытался напомнить об этом. В конфиденциальном письме министра внутренних дел от 20 октября 1883 г. сообщалось, что упомянутый «Бебутов, которому было поручено возложить венок, заказал его с крайне тенденциозною эмблемою (разбитые цепи). Признавая крайне неудобным возложение венка с этою эмблемой, петербургский градоначальник распорядился снять с венка цепи, а князя Бебутова за его неуместный поступок выслать из столицы».[264]

---

264 Примечания: 316

Там же. Ф. 102. 3-е делопроизводство. Ед. хр. 725. Л. 30-31.

7

Административная расправа над Тургеневым и отстранение от должности цензора Львова, несомненно, усилили читательский интерес к циклу рассказов и очерков. «Мы помним, — свидетельствовал П. П. Васильев, — что после опалы, постигшей „Записки охотника“, они продавались по 25 р. сер. за экземпляр».[265] 8 февраля 1856 г. И. А. Гончаров писал Е. В. Толстой, попросившей у него книгу Тургенева: «Теперь нигде нельзя достать ее, даже за большие деньги: на днях сам автор хлопотал об этом, по просьбе жены одного министра, но без успеха».[266] Запрещение обсуждать в печати опальную вещь также придавало ей дополнительную привлекательность.

И все же замолчать такое произведение оказалось невозможным. О нем ведь в течение пяти предшествующих лет постоянно говорилось не только в «Современнике» по мере появления новых рассказов и очерков, но и в других журналах. Авторы отзывов, при всем разнообразии мнений,

---

265 Примечания: 317
ИРЛИ. Ф. 265. Оп. 2. Ед. хр. 2889. Л. 3 об.

266 Примечания: 318
Голос минувшего. 1913. № 12. С. 247.

сходились в том, что «Хорь и Калиныч» привлек к себе всеобщее внимание и стал блистательным началом цикла, который Тургенев и в последующих отрывках продолжал с равным успехом, что вышедшая в 1852 г. книга «после „Мертвых душ“ произвела самое сильное впечатление на читателей».[267]

До того как было закончено ее рассмотрение в главном цензурном управлении и уволен Львов за «небрежное» исполнение своей должности, некоторые периодические издания, в первую очередь газеты, все-таки успели вслед за «Современником» поместить хотя бы краткие отклики на это нерядовое событие в литературной жизни России.

В рецензии на книгу С. Т. Аксакова «читатель-охотник» В. Журавлев, поставивший под статьей дату «24 июля 1852 г.», выразил попутно свое отношение к «Запискам охотника» Тургенева, которые «обратили на себя внимание читающей публики, но здесь талант автора касался более людей, нежели бекасов и дупелей; г. Тургенев только мимоходом обращался к природе, он более метил не в птиц, а в быт помещиков, и на лету

---

267 Примечания: 319
Сын отечества. 1857. № 19. С. 449.

подмечал промахи и смешные стороны сельских жителей С этой стороны его очерки превосходны, и ими доказывается, как полезна ружейная охота образованному сельскому жителю; помещик с ружьем в руках может проникнуть всюду, видеть и слышать то, чего бы он никогда не услышал, сидя в своем кабинете».[268]

Через неделю в той же газете к числу самых приятных московских новостей был отнесен выход в свет отдельного издания «Записок охотника». Эти рассказы и очерки «очень известны читающей публике. Кто сколько-нибудь следит за движением нашей литературы, тот, вероятно, уже прочитал и несколько раз перечитал записки г. Тургенева. В продолжение трех, четырех лет они выходили отдельными статьями в „Современнике“, постоянно возбуждая самое живое участие; теперь они вновь отпечатаны в двух изящных томиках, которые, вероятно, будут разобраны нарасхват».[269]

Действительно, весь тираж разошелся довольно быстро. «Книга, изданная Кетчером, — писал из Москвы 18 сентября 1852 г. Т. Н. Грановский

---

268 Примечания: 320
Моск. ведомости. 1852. 16 авг. № 99. Лит. отд. С. 1028.

269 Примечания: 321
Там же. 1852. 23 авг. № 102. Лит. отд. С. 1060.

Фроловым, — уже окупилась и дала ему барыши». В недатированном письме того же года Грановский сообщал Фроловым: «Кетчерово издание почти разошлось. Осталось из 1500 экземпляров только 400».[270] На это известие Н. Г. Фролов откликнулся 4 октября 1852 г.: «Ведь утешительный факт — скорая распродажа Кетчера издания — без журнальных похвал и объявлений».[271] «Записки охотника», по словам самого Кетчера, прибавленным им в начале января 1853 г. к письму Анненкова Тургеневу, «идут как нельзя лучше».[272]

Два тома стоили 3 р., с пересылкой — 3 р. 50 к серебром. Между тем 20 февраля 1853 г. Д. Я. Колбасин писал Тургеневу из Петербурга: «„Записки охотника“ продаются уже по пять руб<лей> сер<ебром>».[273] Новое издание цензура не дозволяла, а старое исчезло из продажи.

---

270 Примечания: 322

Грановский Т. Н. и его переписка. М., 4987. Т. 2. С. 429, 430.

271 Примечания: 323

ГИМ ОПИ. ф. 276. Ед. хр. 131. Л. 175.

272 Примечания: 324

ИРЛИ. ф. 7. Ед. хр. 7. Л. 11.

273 Примечания: 325

Там же. Ед. хр. 143. Л. 5. Книга эта имела «огромный успех в публике и покупалась нарасхват» *Хализев А.* Библиография сочинений И. С. Тургенева // Родная речь. 1897. № 8. С. 56).

У всех «на виду стояли „Записки охотника“, а за ними теплились малыми мелькающими огоньками повести»,[274] трехтомное издание которых, вышедшее в 1856 г. без главного произведения автора, отнюдь не вызвало читательского интереса, хоть сколько-нибудь сравнимого с успехом первого собрания очерков и рассказов. «Повести Ваши идут хорошо — слухам не верьте… — писал Тургеневу 5 марта 1857 г. Д. Я. Колбасин и тут же простодушно добавил: — Конечно, будь при этом „Записки охотника“, продажа была бы быстрее».[275] Месяцем ранее, 7 февраля 1857 г., Тургеневу писал о том же, но только гораздо прямее, Е. Я. Колбасин: «Вы, вероятно, помните, что юношество, в том числе и я, всегда стояли горой за „Записки охотника“. Что же случилось? Теперь, когда публика прочитала все Ваши повести, собранные в одно издание, то и сказала: „Нет, это не то!“ <…> Скажу Вам откровенно, что к „Повестям“ осталась публика довольно равнодушна, и в книжных лавках беспрерывно спрашивают,

---

274 Примечания: 326
Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 379.

275 Примечания: 327
Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 329.

когда выйдут „Записки охотника“».[276]

Как и в 1852 г., «Современник» первым известил читателей о том, что приготовляются к печати и скоро выйдут столь полюбившиеся всем рассказы и очерки, «нового издания которых уже несколько лет с таким нетерпением ожидала терпеливая русская публика. Эта новость уже не в предположениях только, а в действительности: мы видели, наконец, экземпляр „Записок охотника“, одобренный цензурою к новому изданию. Месяца через два книга эта появится в свет».[277]

В начале мая она поступила в продажу. «Первое издание, как известно, — напомнил «Московский вестник», — давным-давно разошлось, а уцелевшие немногие экземпляры у некоторых дальновидных книгопродавцев в последнее время продавались по баснословной цене. Само собою разумеется, что второе издание замедлилось по причинам, не зависящем от автора».[278] Оно оказалось возможным лишь в условиях, когда было «снято много шлагбаумов с слова и

---

276 Примечания: 328
Там же. С. 324, 327.

277 Примечания: 329
Современник. 1859. № 2. Отд. III. С. 289.

278 Примечания: 330
Моск. вестник. 1859. № 22. С. 270.

мысли», в частности, утратило силу запрещение обсуждать в печати это произведение, посвящать ему рецензии, статьи.

О давно ожидаемом всеми новом издании «Записок охотника» предполагали высказаться Ап. Григорьев, Д. Писарев, из-за болезни которого рецензию на книгу написал для журнала «Рассвет» А. Скабичевский. Критик напомнил, что именно эти рассказы и очерки «упрочили литературную известность Тургенева, расположили окончательно публику в его пользу, сделали его передовым писателем». Скабичевский соотносил их с «Мертвыми душами» Гоголя — «явлением аналогическим по материалу и строю с „Записками охотника“», в которых «под внешней бессвязностью таится глубокая, внутренняя связь». Читайте, говорилось далее в статье, оба тома один за другим до конца, и «вы увидите, как в голове вашей из отдельных бессвязных очерков будет слагаться стройная, громадная картина».[279]

Появление через год цикла рассказов и очерков в первом собрании сочинений Тургенева нашло в публике горячее сочувствие. Рецензент «Книж-

---

279 Примечания: 331
Рассвет. 1860. № 1 Отд. «Библиография». С. 1-20.

ного вестника» (1861. № 9. С. 7) писал, что «можно ожидать большого успеха этому изданию». В статье М. Лонгинова о 1-м и 4-м томах, отпечатанных ранее 2-го и 3-го, основное внимание было уделено «Запискам охотника», с которых началась в 1847 г. «громкая известность» автора. Ее усилили «гонения на благородную господствующую тенденцию» произведения, представляющего собою «один из самых прочных памятников нашей литературы».

Благодаря почти 15-летнему опыту публикации и перепечаток рассказов и очерков, а также «совершенно переменившимся обстоятельствам» стало нетрудно, говорилось в той же статье, «доказать», что «Записки охотника» — «один из чистейших перлов русской поэзии, одно из капитальнейших творений» отечественной словесности. Когда стали появляться первые главы цикла, «можно было не совсем доверять себе в мнении о безотносительном их достоинстве и подозревать, что мнение это невольно закуплено гуманною тенденцией, так искренне и, можно сказать, невольно высказывавшеюся в этих рассказах, которые тогда казались слишком смелыми и возбудили такое множество нареканий при выходе их отдельною книгой в 1852

году». Но, перепечатанные через семь лет, когда уже «лист перевернулся» и «Записки охотника», естественно, «потеряли прелесть запрещенного плода», они тем не менее «имели тот же успех, а теперь выходят еще новым изданием в собрании сочинений… Тут успех их основан уже именно на высоком их художественном достоинстве».[280]

Далеко не каждое произведение способно выдержать подобного рода испытание. «Записки охотника» между тем не только не старели, но, напротив, становились неотъемлемою частью народного самосознания и, подобно природе, обретали способность вечно возрождаться и развиваться. Для того чтобы влияние книги продолжалось и «не в свое время», необходимо, по словам Белинского, обязательное условие: для своего времени ее воздействие на читателей должно быть «новым, живым, прекрасным и великим» (10, 15).

В судьбе «Записок охотника» наступил такой момент, когда они стали для большинства «безотносительно хороши», и автор «в них так же был сам собою, как сам Жан-Жак Руссо в своей „Исповеди“, как Сервантес в своем „Дон Кихоте“,

---

280 Примечания: 332
Рус. вести. 1861. № 2. С. 911-916.

как Шекспир в своих трагедиях, как Гоголь в своих сочинениях… Тут было все, что нужно для того, чтобы это произведение перешло в века и сделало незабвенным имя Тургенева».[281]

8

Газетная информация об издании его сочинений в четырех томах соответствовала тому, о чем писал Тургеневу Н. А. Основский в августе 1860 г. (письмо не датировано): «„Записки охотника“ печатаются и приводят уже к окончанию; недостает одного „Полесья“, то есть собственно хвостика».[282] Речь идет как будто о составе тома, в который, очевидно, должны были войти в качестве вполне самостоятельных произведений цикл рассказов и очерков и повесть «Поездка в Полесье». Однако письмо Основского от 22 августа 1860 г. позволяет считать возможным то, что оказалось на деле: включение в «Записки охотника» перед «Лесом и степью» очерка «О соловьях» и «Поездки в Полесье», снабженных номерами XXII и XXIII, т. е. расширение цикла

---

281 Примечания: 333
Светоч, 1862. № 4, Отд. «Критич. обозрение». С. 9.

282 Примечания: 334
МРЛИС Фе 7. Ед. хр. 149, Л. 3.

за счет двух не входивших в него ранее вещей: «Все исправления, дорогой Иван Сергеевич, я получил, и все будет исправлено. В первом томе и будут заключаться „Записки охотника“ с прибавлением „Поездки в Полесье“ и „О соловьях“. Под последними выставлены годы их появления в свет» (л. 1).

Письмо Тургенева, ответом на которое являются приведенные выше строки, не сохранилось. Поэтому трудно сказать, содержалось ли в нем авторское указание о расширении не тома, а именно цикла за счет названных произведений. Не вносит окончательной ясности в этот вопрос и письмо Основского от 21 октября 1860 г.: «„Записки охотника“(1-й том) кончены уже давно; в них еще добавлено: „Поездка в Полесье“ и „О соловьях“» (л. 5). Добавлено, конечно, издателем, стремившимся к пропорциональному объему каждого тома, что видно из дальнейшей части того же письма: «Я рассчитывал по „Запискам охотника“, думая, что и повести напечатаю точно таким же шрифтом; но когда начал печатать, то увидел, что, вынув из них „Рудина“ и прибавив „Асю“ и „Первую любовь“, не будет возможности упрятать их в один том, ибо одни они составят 50 листов» (л. 5 об.).

Возможности для таких перемещений были у издателя тем большими, что, как видно из его письма к Тургеневу от 3 января 1861 г., они не заключали письменного договора, имели только «условие на словах» (л. 12 об.). Не было у автора и заранее составленного плана издания. Даже количество томов Основский определял по своему разумению: «Выключая комедии, выйдет 4 тома, потому что повести будут состоять из двух томов». А комедии издатель предполагал «печатать уже особо — пятым томом» (л. 5 об. — 6), который не вышел.

Весьма дурное, по многократным отзывам Тургенева, издание Основского не удовлетворило его. В двух последующих собраниях своих сочинений автор сохранил прежний состав цикла, хотя в письме к А. В. Дружинину от 5 декабря 1856 г. назвал «Поездку в Полесье» неизданным отрывком из «Записок охотника».[283] Очерк «О соловьях», списанный со слов одного охотника, послужившего прототипом Ермолая, также тяготел к циклу. Но для объединения этих произведений с «Записками охотника» не было достаточных идейно-художественных оснований.

---

283 Примечания: 335
Письма II. Т. 3. С. 158.

Прецедент с «Двумя помещиками» имел качественно иной характер, поскольку этот рассказ был задуман и осуществлен в прямой связи со всеми другими. Более трудным оказалось «воссоединение» с «Записками охотника» «Петра Петровича Каратаева», появившегося следом за «Хорем и Калинычем», правда без указания на его принадлежность к циклу, проблематика которого расширялась по мере осуществления новых замыслов. Забытая Россия, Россия бедняков, крестьян, подавшая наконец голос, изображалась Тургеневым во взаимодействии с нею русских людей культурного слоя, всегда служившего предметом его наблюдений. Белинский в обозрении русской литературы за 1847 г. отметил, что хотя «Петр Петрович Каратаев» и не принадлежит «к ряду рассказов охотника, но это такой же мастерский физиологический очерк характера чисто русского, и притом с московским оттенком. В нем талант автора выказался с такою же полнотою, как и в лучших из рассказов охотника» (10, 346-347). Столь высокая и точная оценка рассказа, очевидно, и предопределила его включение в первое отдельное издание цикла.

«Отрывков из „Записок охотника“ напечатано 22; всех их было приготовлено 26», — сообщил

Тургенев П. В. Анненкову 25 октября 1872 г.[284] В письме к Я. П. Полонскому от 25 января 1874 г. он заменил последнюю цифру более общим определением: «около тридцати».[285] Неосуществленные замыслы рассказов, предназначавшихся для «Записок охотника», дают возможность лучше понять сложный и постоянный для Тургенева процесс накопления тех жизненных данных, из которых создавались его произведения. Авторские программы цикла, мемуарные и другие источники, где сохранились названия, иногда лишь имена героев или фрагменты, планы, другие свидетельства работы, подтверждают серьезность намерений Тургенева, которыми он поделился 1 мая 1852 г. с Л. и П. Виардо: «Буду продолжать мои очерки о русском народе, самом странном и самом удивительном народе, какой только есть на свете».[286]

Подобно тому как неожиданный для автора широкий общественный интерес к проблематике и новаторской форме «Хоря и Калиныча» поро-

---

284 Примечания: 336
Письма I. Т. 10. С. 15.

285 Примечания: 337
Там же. С. 191.

286 Примечания: 338
Письма II. Т. 2. С. 391.

дил цикл рассказов и очерков, устойчивый успех «Записок охотника» в целом и даже возрастание с годами их общественно-эстетического значения создали предпосылки для неоднократного возвращения Тургенева к этому произведению. Становление единой идейно-художественной системы совершалось под прямым воздействием читателей и критиков, мнение которых о каждом новом звене цикла стимулировало или тормозило, а подчас даже и вообще останавливало, навсегда прекращало работу над очередным «сюжетом», в иных же случаях предопределяло возникновение новых замыслов.

Так было в 1872 г., через четверть века после начала публикации «Записок охотника». С этой датой совпало 20-летие их первого отдельного издания. Разные печатные органы откликнулись на юбилей произведения, а читатели в своих письмах к редакторам газет заявляли о назревшей необходимости «дать возможность обществу заявить хоть чем-нибудь о том общем сочувствии и уважении, которое оно не переставало питать к литератору-поэту с появления его вечно юных и вечно образцовых „Записок охотника“».[287] Пред-

287 Примечания: 339
Новое время. 1872. 9 марта. № 78; 8 апр. № 95.

лагалось ознаменовать 25-летие «этого поистине великого произведения русской литературы» новым отдельным изданием «Записок охотника», чтобы они стали еще более доступными для всех грамотных людей и независимыми от собраний сочинений автора: «Для публики это будет самый лучший подарок».[288]

«Теперь уже, — говорилось в биографическом очерке Тургенева, — „Записки охотника“ всегда останутся лучшим памятником его деятельности. В этих отдельных небольших, но художественно законченных этюдах он явился честным, трезвым мыслителем. Таким правдивым, честным взглядом на социальные отношения Тургенев приобрел уважение лучших людей России, и огромный, вполне заслуженный успех встретил эти „Записки“, привлекшие и массу художественностью своего изложения. В последнем отношении действительно нельзя в нашей литературе найти другого произведения, которое бы равнялось с „Записками охотника“».[289] Массовый журнал «Нива» (1872. № 2. С. 20) назвал рассказы и очерки, начавшие появляться четверть века

---

288 Примечания: 340
СПб. ведомости. 1872. 17 июля. № 193.

289 Примечания: 341
Воскресный досуг. 1872. № 1.

назад, «утренней зарей таланта» их автора, зеркалом своей эпохи, нужным людям всегда: «Книга эта слишком известна и слишком долго еще останется любимым чтением русской публики».

Тургенев хотя и отказался от предложения почтить его юбилейным праздником, но вовсе не остался безразличным к судьбе «Записок охотника», чутко реагировал на то, как относилась публика к его новым и прежним произведениям, имел представление о различных оттенках литературно-общественного мнения в России. Приглашение на обед по поводу десятой годовщины освобождения крестьян и услышанные им от членов комитета слова в его адрес он расценил как большую и даже единственную честь, которая может его тронуть. Участие Тургенева 27 февраля в литературно-музыкальном утре в пользу французских раненых было горячо встречено аудиторией, «кипящей молодостью». Вечером того же дня он поделился своими впечатлениями с П. Виардо, сообщив ей, что никогда еще не был предметом подобного рода оваций и благожелательного отношения публики.

Такой же нарастающий интерес к автору «Записок охотника» встретил его и в Москве. Литературное утро с его участием, состоявшееся в театре

Солодовникова в пользу приюта при московском обществе гувернанток, вызвало следующий отклик: «Почтенного беллетриста-художника встретили громкими и продолжительными рукоплесканиями, которые не умолкали даже и тогда, когда Иван Сергеевич сел за стол и вынул книгу. Он читал из „Записок охотника“ рассказ "Чертопханов и Недопюскин“ и читал с большим одушевлением и так хорошо, что внимание всей публики было всецело поглощено его чтением: редко, очень редко московская публика испытывала такое высокое наслаждение, какое ей на этот раз доставило чисто художественное чтение нашего высокоталантливого писателя!»[290]

Выбор именно этого рассказа, с чтением которого автор никогда ранее не выступал перед публикой, указывает на то, что он уже думал тогда над его продолжением и очень нуждался в подтверждении правильности своего намерения. Прием, оказанный ему, убедил Тургенева в том, что «Записки охотника» не забыты, что разлад из-за «Отцов и детей» и «Дыма» с демократическими кругами читателей, особенно с молодежью, не мог заслонить того, о чем напомнил Н. В. Шелгу-

---

290 Примечания: 342
СПб. ведомости. 1871. 19 марта. № 78.

нов в статье «Тяжелая утрата»: «Центр тяжести и точка опоры всего литературного служения» писателя — его цикл рассказов и очерков. В этом «капитальном произведении», ставшем «краеугольным камнем всей деятельности» автора «он захватил всю суть русской жизни, и никто до него не умел говорить так хорошо и так просветительно для спавшего до того времени общественного сознания, как высказал свой первый общественный протест г. Тургенев». Никто раньше автора «Записок охотника» не заглянул так глубоко «в душу русского мужика и никто лучше его не сказал: это такой же человек, как и вы!»[291]

Критик отводил возможный упрек в том, что он излишне долго задержал внимание читателей на рассказах и очерках «и даже делал слишком большие выписки из сочинения, утратившего современный интерес». Напротив, заявил он, выписки эти очень малы и в статье содержится лишь половила того, что бы надо было сказать о таком произведении и по поводу его: ведь «следы недавнего былого еще так резки, что они чувствуются повсюду».[292] Критический разбор

---

291 Примечания: 343
Дело. 1870. № 2. Отд. II. С. 11, 12, 43-44.

292 Примечания: 344
Там же. С. 43-44.

сочинений Тургенева и особенно типов из «Записок охотника» цензурный чиновник А. Петров в письме к М. Похвисневу от 8 февраля 1870 г. назвал «тенденциозной картиной крепостного быта».[293] Косвенно это был упрек и писателю, рассказы и очерки которого сохраняли свое идейно-эстетическое значение и были по-прежнему актуальны.

Чуткий к мнениям публики и критики художник воспринял эти и подобные им суждения, отклики как побудительный толчок к дальнейшей разработке тех замыслов, которые по разным причинам оставались долгое время неосуществленными. Продолжение повествования о главном персонаже рассказа «Чертопханов и Недопюскин», впервые напечатанного в феврале 1849 г., было начато более чем 20 лет спустя весьма примечательной фразой, похожей на ответную реплику автора в недавно возобновившемся диалоге с подобревшими к нему вновь соотечественниками: «Тем из моих читателей, которые еще не забыли фигуру Чертопханова в „Записках охотника“ (см. отрывок „Чертопханов и Недопюскин“), я намерен, если им угодно меня

---

293 Примечания: 345
ГИМ ОПИ. Ф. 381. Ед. хр. 18. Л. 278.

выслушать, рассказать его конец…»[294] В письме к Стасюлевичу от 20 сентября 1872 г. он высказал пожелание, что не худо было бы перепечатать в качестве связующего звена между «Записками охотника» и новым текстом тот рассказ, которому он служит продолжением. Пожелание писателя было выполнено, как он и просил, от имени журнала, где, по его словам, самым лучшим образом «ввели в текст» нового рассказа предшествующий, перепечатанный мелким шрифтом «под строкой».[295]

«Конец Чертопханова», говорилось в отклике на него, уже одним своим заглавием возвращает нас в «далекое молодое прошлое» писателя, пожелавшего теперь продолжить «один из самых блестящих отрывков того периода авторской деятельности, между которым и нашими днями легла целая историческая эпоха, полная переворотов и преобразований».[296] В другом отзыве отмечалось, что Тургеневу словно «еще раз хотелось бы по-прежнему произвести такое же

---

294 Примечания: 346
Вестник Европы. 1872. № 11. С. 5.

295 Примечания: 347
Письма I. Т. 9. С. 326. 354.

296 Примечания: 348
Рус. мир. 1872. 11 нояб. № 294.

могучее влияние, какое он производил… Ведь в свое время эти записки весьма нравились публике; может быть, понравятся и теперь; может быть, по ним публика узнает старого ее приятеля».[297]

Современники Тургенева высказывали разные мнения относительно того, что Анненков в письмах к нему называл прибавками и надстройками к «Запискам охотника», всячески отговаривая его от намерения продолжать работу над ними. Другие же, напротив, приветствовали возвращение писателя к лучшим преданиям своей ранней литературной деятельности, к тому роду повествований, которые составили славу его молодости и остались привлекательными для читателей навсегда. Заклинания Анненкова оставить «Записки охотника» в неприкосновенности и покое после того, как они обошли все части света, уподобление этой книги «памятнику, захватившему целую эпоху и выразившему целый народ в известную минуту»[298] имели своим следствием то, что обещанные Тургеневым журналу «Неделя» «Русский немец и реформатор», «Землеед» так и остались в набросках или замыслах вместе с

297 Примечания: 349
Сын отечества. 1872. 7 нояб. № 257.

298 Примечания: 350
Рус. обозрение. 1898. № 5. С. 21.

другими, предназначавшимися для цикла, по не разработанными автором сюжетами. Дело тут, разумеется, не в одной только «уступчивости», а прежде всего в том, что ничего принципиально нового к главной мысли всего произведения они бы уже, пожалуй, и не прибавили, хотя, несомненно, расширили бы и обогатили галерею типов.

По словам Белинского, «великие художники никогда не *доделывают* своих произведений, если не могут их досоздать» (2, 413). «Конец Чертопханова», «Живые мощи», «Стучит!» — это, конечно, заново созданные рассказы, включение которых в цикл оказалось столь же правомерным и естественным, как расширение его 1850-1851 гг. за счет «Свидания», «Певцов», «Бежина луга», «Касьяна с Красивой Мечи». То и другое возвращения автора к «Запискам охотника», а также все прочие случаи продолжения работы над ними подтверждают его неразрывную, органическую связь не только с проблематикой этой книги, но и с новыми поколениями читателей ее.

«Оказывается, что „Живые мощи“ получили „большой преферанс“ — и в России, и здесь, — писал Тургенев 4 апреля 1874 г. из Парижа Анненкову, как бы оправдываясь перед ним в том, что все-таки не сдержал своего обещания

оставить «Записки охотника» после «Конца Чертопханова» в полной неприкосновенности, — я от разных лиц получил хвалебные заявления — а от Ж. Занд даже нечто такое, что и повторить страшно: „Мы *все* должны идти к вам на выучку“; — и т. д. Ничего, оно приятно; странно, но приятно».[299]

В этом рассказе, вызвавшем широкий резонанс, сравнимый с успехом «Хоря и Калиныча», писатель продолжил свои давние раздумья не о частном факте, весьма любопытном в нравственном и художественном отношениях, но обо всем народе — о душе России.

9

Окончательный состав «Записок охотника» определился в издании сочинений Тургенева 1874 г. Три новых рассказа, один из которых — «Стучит!» — был впервые напечатан в этом собрании, расширили цикл до 25 глав. Их общее количество и размещение стали с тех пор каноническими, хотя работа автора над текстом продолжалась и впредь. «С технической точки зрения, — говорил он в конце 1870-х годов И. Я. Павловскому, — мне слабее всего кажутся „За-

299 Примечания: 351
Письма 1. Т. 10. С. 225.

писки охотника“, за немногими исключениями. Я их недавно перечитывал, и несколько раз меня разбирала охота многое исправить и переменить. Но потом я рассудил, что лучше оставить».[300]

Эта книга включалась им во все собрания сочинений, но никогда не сливалась с другими произведениями и занимала среди них особое место, чаще всего — отдельный том. Вероятно, коммерческие соображения лиц, приобретавших у писателя право на издания его сочинений, явились причиной того, что с 1859 по 1879 г. «Записки охотника» не были ни разу выпущены самостоятельно по примеру первого и второго отдельных изданий. Покупать же их вместе с другими произведениями не каждому было по средствам. Об этом не раз говорилось в печати, особенно во время пребывания Тургенева в Москве и Петербурге в феврале-марте 1879 г., когда «вдруг и писатели, и другие наши умственные деятели, и вся масса публики точно открыли заново автора „Записок охотника“ и начали его чествовать и восхвалять».[301]

В приветственной речи, обращенной к нему на

---

300 Примечания: 352
Рус. курьер. 1884. 15 июня. № 163.

301 Примечания: 353
Слово. 1879. № 4. Отд. II. С. 210.

благотворительном вечере 4 марта, было сказано от лица московских студентов и всех молодых людей России: «Они видят в вас творца „Записок охотника“, одного из славного ряда тех, кто впервые проникся живым чувством к угнетенному народу, его горю и страданиям. Они видят в вас одного из тех, кто личным, а не книжным только обращением к народу наметил грядущим поколениям великую цель: обеспечить за народом полную свободу развития. Они видят в вас последний луч славных людей вашего поколения, которое идеалами своими подготовило идеалы будущего…»[302]

Что касается речи известного революционера-народника П. П. Викторова, произнесенной 18 февраля, то, по свидетельству В. Е. Ермилова из его воспоминаний «Я видел и слышал Тургенева!», она кончалась словами: «Не вам, Иван Сергеевич, написать новые „Записки охотника“, но за старые все молодое поколение искреннейше благодарит вас. перечитывая их с восхищением, как великое и благородное творение, полное любовью к великому народу-страдальцу».[303]

---

302 Примечания: 354
Рус. ведомости. 1879. 6 марта. № 57.

303 Примечания: 355
ЦГАЛИ. Ф. 1086. Оп. 1. Ед. хр. 22.

В Москве и затем в Петербурге Тургенев не только выступал с ответными речами, но и читал свои произведения, «выбирая для слушателей исключительно „Записки охотника“».[304] Выбор определяла аудитория, отдававшая предпочтение тем рассказам, которые наиболее соответствовали представлениям демократически настроенной молодежи о главной мысли всей книги и о ее роли в борьбе с крепостничеством. Тургенев разделял такое настроение. Это подтверждается и характером рассказов, и той интерпретацией, какую получали они благодаря авторскому исполнению. Ведь писатель-чтец, по словам Белинского, неизбежно «дополняет сочинение и даже дает ему то, чего в нем нет, но что только желал автор в нем выразить» (2, 440).

Из 11 рассказов цикла, прочитанных Тургеневым перед разными слушателями с 1847 по 1881 г., чаще всего он избирал «Бурмистра», которому было отдано предпочтение и во время чествований в 1879 г. 4 марта его слушали в основном студенты и преподаватели Московского университета. «Должно быть, под влиянием предшествовавших сильных впечатлений чтение

---

304 Примечания: 356
Новое время. 1879. 18 марта. № 1096.

сначала было несколько неровное, торопливое, но не долго. Автор, когда дошел до места, где описывается приезд помещика к бурмистру, взошел в свою роль… и дальше нам показалось, что мы слушали живой разговор действующих лиц. Особенно живо вышел этот бурмистр — Софрон, в первый день свидания постоянно твердивший: „Отцы вы наши родные“. Когда читались слова Антипа-старика, жалующегося на бурмистра, слышался истинный плач в голосе чтеца — и невольно как-то сердце сжималось у нас и хотелось плакать… Кто может лучше передать нам написанное, как не сам автор, который писал с натуры, писал, не выдумывая, и искренне, всей душой любящий своих героев?» — говорилось в отчете об этом вечере.[305]

9 марта чтение автором того же рассказа состоялось в Петербурге на литературном вечере в пользу литфонда. Это выступление Тургенева, как «главный интерес» всей программы, было подробно описано: «Под шестым нумером значилось: „Бурмистр“ из „Записок охотника“ прочтет И. С. Тургенев. По окончании пятого нумера в зале стало заметно какое-то общее движение; все

305 Примечания: 357
Современные известия. 1879. 7 марта. № 65.

устремили взоры на сцену. Наступившая тишина сменилась вдруг громом рукоплесканий, когда на эстраде показался И. С. Тургенев. Публика встала со своих мест и в течение нескольких минут рукоплескала маститому литератору стоя. Дамы махали платками, мужчины шляпами — восторг был неудержимый, всеобщий. И. С. Тургенев начал читать, видимо, взволнованный, но скоро овладел собою. Надо ли говорить о самом рассказе, так хорошо всем известном? К тому же И. С. Тургенев редкий чтец. С тонким юмором оттенены были им речи „безукоризненного“ помещика Пеночкина, слова деспота-бурмистра; скорбью звучали слова несчастных жалобщиков. Короткие, но яркие картины природы, которыми пересыпан рассказ, автор читал бегло, как бы вскользь. Когда кончилось чтение, буря восторгов, сдержанная на время, разразилась с новою силою. Публика бросилась к эстраде, и И. С. Тургенев должен был появляться на требовательные вызовы, повторяющиеся несколько раз».[306]

Резюмируя впечатления, вызванные авторским чтением «Бурмистра», та же газета писала: «Счастливы писатели, на чью долю выпадают та-

306 Примечания: 358
Голос. 1879. 11 марта. № 70.

кие искренние, такие всеобщие знаки уважения и любви, и еще более должны быть они счастливы сознанием того, что все это ими заслужено честным служением родине».[307]

16 марта состоялось второе литературное чтение в пользу литфонда. На этот раз Тургенев избрал «Бирюка». Один из слушателей, Н. А. Соловьев-Несмелов, писал о своем впечатлении 21 марта И. З. Сурикову: «Зал был полон и сидящими и стоящими… Простота, мягкость движений, доброта; убеленная сединой, доходящей до снежного блеска, голова автора высокопоэтических „Записок охотника“ как бы разом своим появлением во весь стройный, хотя несколько сутуловатый, рост на помосте на всю публику навеяли русский дух, русскую жизнь <…>

И нервы массы слушателей от этих слов за чтецом-автором лихорадочно бьют тревогу за человека в образе этого человека <…> Не много слов, а какая сложная драма, как колышет сердце природная гуманность и бьют ум экономические, социальные и бытовые вопросы <…> Дамы и девицы после чтения рассказа «Бирюк» подносят ему громадный венок с адресами и Иван Серге-

---

307 Примечания: 359
Там же.

евич минуты три смотрит на этот венок, почти не шевелясь, только мягко-добродушно качает головой, с улыбкой…»[308]

Тургеневское чтение настолько увлекало слушателей, что казалось невозможным пропустить хотя бы одно слово или интонацию. Он умел охарактеризовать каждое лицо, благодаря чему персонажи любого из прочитанных им рассказов вставали перед публикою как заново рожденные. Автор не просто чувствовал или догадывался, но и видел воочию, какое впечатление производили созданные им образы на его современников. Это заставляло его думать о дальнейшей судьбе своей книги.

14 марта 1879 г. Тургенев в письме к Ф. И. Салаеву по поводу очередного собрания сочинений выдвинул впервые за последние 20 лет один новый «важный пункт» — право отдельного «дешевого народного издания *„Записок охотника“*».[309] Оно было осуществлено в том же году Стасюлевичем. Под влиянием того, что говорилось во время чествований Тургенева о его рассказах и очерках, как их воспринимала публи-

---

308 Примечания: 360
ГБЛ. Ф. 295. Картон 5336. Ед. хр. 2/9.

309 Примечания: 361
Письма I. Т. 12, кн. 1. С. 48.

ка, он писал ему 30 марта: «За „Записки охотника“ мы примемся немедленно — и я уже старательно прочел два первых отрывка. Через две недели надеюсь Вам выслать весь том с окончательными поправками».[310]

Вскоре в печати было высказано пожелание, чтобы это «популярнейшее произведение знаменитого писателя» стало более доступным, поскольку спрос на него «всегда существует, по крайней мере в провинции». Отдельным изданием «Записок охотника» с умеренной платой была бы оказана неоценимая услуга «русской читающей публике, в особенности той большой ее части, которая, по ограниченности средств, не в состоянии приобрести полного собрания сочинений И. С. Тургенева».[311] Писатель сообщил автору этой заметки 17 мая, что стереотипное, т. е. дешевое, издание цикла рассказов и очерков «должно явиться, окончательно исправленное и просмотренное, в августе или сентябре»[312] 1879 г.

---

310 Примечания: 362
Там же. С. 58.

311 Примечания: 363
Российская библиография. 1879. 19 мая. № 20. С. 73.

312 Примечания: 364
Письма I. Т. 12. кн. 1. С. 78.

Действительно, уже 11 июня Стасюлевич писал Тургеневу: «„Запевки охотника“ начались; кажется, будет хорошо».[313] На это Тургенев ответил 18 июня: «Радуюсь началу стереотипа».[314] В объявлении книжного склада типографии Стасюлевича была названа новинка — первое стереотипное издание полного собрания очерков и рассказов с портретом, факсимиле автора и биографической заметкой о нем, составленной издателем.[315] Поскольку все книги, выходившие с 1 октября, помечались следующим годом, то на обложке и титуле значится 1880 г.

В библиографическом листке журнала Стасюлевича сообщалось, что сверх нового издания своих сочинений, печатаемого в Москве, Тургенев на этот раз выпустил в свет особо «Записки охотника». Это доставит теперь возможность всем желающим «иметь ту часть его трудов, которая навсегда останется классическою, в полном смысле этого слова, помимо ее исторического и

---

313 Примечания: 365
ИРЛИ. 5778. XXXб. 68а.

314 Примечания: 366
Письма I. Т. 12, кп. 2. С. 96.

315 Примечания: 367
Вестник Европы. 1879. № 11. Прил. С. III.

общественного значения».[316]

Отношение читателей и слушателей, прежде всего молодежи, к «Бурмистру» побудило автора сделать под ним в стереотипном издании «Записок охотника» ремарку, напомнившую о том, когда и где был закончен и кому впервые прочитал этот рассказ: «Зальцбрунн, в Силезии, июль, 1847 г.» Помета, вызванная овациями, устроенными Тургеневу, и явившаяся своеобразным откликом на эти чествования, дополнялась и разъяснялась предисловием.

В биографическом очерке, основанном на фактических данных, взятых у Тургенева, Стасюлевич впервые в русской печати коснулся связи «Записок охотника» с идеями Письма к Гоголю: проводя лето 1847 г. «в Силезии на водах Зальцбрунн, вместе с больным Белинским и П. В, Анненковым, он написал другой рассказ: „Бурмистр“» (с. V). Эта информация, заимствованная из рукописи воспоминаний Анненкова «Замечательное десятилетие», публикация которых началась в «Вестнике Европы» с января 1880 г., раскрывала внутренний смысл авторской пометы под «Бурмистром».

---

316 Примечания: 368
Там же. Библиогр. листок.

Тургенев таким образом подтвердил и конкретизировал речь, произнесенную им 6 марта 1879 г., в которой говорил о своей верности идеалам 1840-х годов, когда народ, находившийся еще под гнетом крепостного бесправия, особенно «нуждался в деятельной помощи своих счастливых сынов».[317] Упоминание имени великого критика в предисловии к первому стереотипному изданию «Записок охотника» и ссылка под одним из самых социально острых рассказов на место и время создания «письма к Гоголю» были по своей сути равнозначны посвящению первого отдельного издания «Отцов и детей» памяти Белинского.

В биографической заметке, предпосланной полному собранию очерков и рассказов, нашло отражение и еще одно событие, названное Тургеневым в письме к П. В. Анненкову от 26 мая 1879 г. воздаянием за его «труды по освобождению крестьян („Записки охотника“ и т. д.)».[318] Оно по-своему тоже подтвердило справедливость сказанных им в названной выше речи слов о том, что он не изменил «до конца ни своим ху-

---

317 Примечания: 369
Сочинения II. Т. 12, С. 336.

318 Примечания: 370
Письма I. Т. 12, кн. 2. С. 84.

дожественно-литературным убеждениям, ни так называемому либеральному направлению» своего «молодого времени».[319]

11 июня 1879 г. Стасюлевич поздравил Тургенева с оказанной ему в Англии «честью, которая есть и наша честь» и в предисловии к первому — стереотипному изданию цикла отметил, что составляющие его рассказы и очерки, давно уже «переведенные на главнейшие иностранные языки, сделались известными и заграничной публике, а в мае 1879 года удостоились особенного внимания одного из старейших ученых учреждений в Европе, Оксфордского университета, который почтил автора „Записок охотника“ званием доктора обычного (гражданского. — *В. Г.*) права» (с. VII).

Речь профессора гражданского права Джеймса Брайса представляла ректору Оксфордского университета Тургенева как «мужа, который не уступает никому из выдающихся писателей нашего века и, хотя писал преимущественно прозой, заслуживает имени вдохновенного поэта. Действительно, кто когда-либо лучше выразил нравы, дух, всю жизнь своего народа? Чья речь

---

319 Примечания: 371
Сочинения II. Т., 12, С. 336.

была прекраснее? Кто с большей силой раскрыл глубочайшие движения души, вызывая слезы, возбуждая гнев и любовь? <…> Поэтому, если мы уверены, что наша Академия создана не только для самой себя, но для всего мира, то признаем этого друга человеческого рода, этого ревнителя свободы своих соплеменников нашим гражданином, предоставив Ивану Сергеевичу Тургеневу степень доктора гражданского права honoris causa».[320]

Пять стереотипных изданий этого сочинения, сыгравшего большую роль в повороте общественного сознания в пользу освобождения крестьян, «составившего, можно сказать, эпоху в русской литературе и жизни»,[321] потребовалось менее чем в четыре года только при жизни автора. Шестое последовало через два месяца после его смерти. В прибавлении к биографическому предисловию (с. VII-VIII) этого выпуска Стасюлевич засвидетельствовал, что о выходе пятого стереотипного издания автор получил от него извещение за несколько дней до своей кончины; «20 августа он поручил, вспоминая, вероятно,

---

320 Примечания: 372

Русско-европейские литературные связи М.; Л., 1966. С. 398.

321 Примечания: 373

Новости дня. 1883. 7 сент. № 69.

особую цель этого издания, выразить <…> свое великое удовольствие. Это было одним из последних поручений» Тургенева.

«Записки охотника» в те траурные дни были выставлены на видных местах, в окнах книжных магазинов и «на них духовный взор прохожего» видел «ореол обновленной славы и бессмертия».[322]

10

Особая цель дешевых изданий полного собрания рассказов и очерков была разъяснена в близкой Тургеневу газете: «Это издание предназначается главным образом для училищ, которые могут приобретать „Записки охотника“ отдельно, в том случае, когда приобретение полного собрания сочинений И. С. Тургенева было бы не по средствам школьной библиотеке».[323]

Писатель знал, что отрывки из этого произведения помещались в хрестоматиях и других учебно-педагогических пособиях еще с конца 1840-х годов и перепечатывались в 1850-е годы,

---

322 Примечания: 374
СПб. ведомости. 1883. 20 сент. № 253.

323 Примечания: 375
Порядок. 1881. 4 авг. № 231.

обходя запреты и невзирая на цензурные препятствия к новому изданию цикла. Причина такой заинтересованности школы «Записками охотника» заключалась прежде всего в том, что эстетическое совершенство формы, образцовый язык, классическое мастерство обрисовки типов, верность картин природы привлекали к рассказам и очеркам всех: «Их читало, перечитывало, ими зачитывалось и восхищалось несколько поколений русских... По ним детей учили читать».[324] С другой стороны, пристрастное внимание к этому произведению учителей, массовые перепечатки отрывков из него, разного рода переиздания для учащихся окончательно упрочили литературную славу автора «Записок охотника», центральное сочинение которого «становилось, через школу, более известным и почетным».[325]

Вскоре после появления в февральской книжке «Современника» за 1849 г. трех новых рассказов Тургенева один из них, «Лес и степь», был почти целиком перепечатан в «Собрании стихотворений и отрывков в прозе для первоначального

---

324 Примечания: 376
Дело 1881. № 6. Отд. II. С. 24, 39.

325 Примечания: 377
Записки учителя. 1883. № 8. С. 453.

изучения русского языка. Издание Ф. Студицкого» (СПб., 1849. С. 130-140). Это первое по времени использование текста из «Записок охотника» в учебно-педагогических целях положило начало явлению, которое в одном из откликов на смерть Тургенева будет отмечено как «небывалый факт на Руси»: массовые перепечатки в самых разных изданиях для учащихся и учителей фрагментов из произведения автора, активно продолжавшего свою литературную деятельность и в то же время давным-давно включенного в процесс обучения детей «как классический писатель. Этого при жизни еще ни с кем не случалось».[326] Очерк «Лес и степь» в сокращении перепечатывался в первой части «Полной русской хрестоматии» Галахова, начиная с 9-го изд. (1861 г.) Заключительная глава цикла постоянно привлекала внимание и других педагогов как целостная картина «полного годового круга природы в средней России (от весны до весны)».[327]

Опыт прогрессивных педагогов находил распространение и получал поддержку. Включение «Бежина луга» в «Сборник избранных мест из

---

326 Примечания: 378
Россия. 1883. № 1. Особое прил.

327 Примечания: 379
Поливанов Л. Методическая русская хрестоматия. М., 1883. Ч. I. С. 133.

произведений современных русских писателей» (СПб., 1859) наряду с отрывками из «Детства» Л. Н. Толстого, «Антона-Горемыки» Д. В. Григоровича и других Н. А. Добролюбов расценил как «удачный выбор», потому что, «кроме прекрасного и вполне доступного детям содержания, эти произведения могут быть весьма полезны для детей как образчики изящного изложения».[328] То и другое стало главным мотивом широкого и многообразного использования «Записок охотника» в учебно-педагогических целях.

Большая анонимная статья «Бежин луг. Повесть Тургенева. Разбор», появившаяся в январской книжке «Журнала для детей» за 1856 г., содержала не только обстоятельный анализ рассказа, но и большие отрывки из него. Очевидно, из предосторожности в ней не названы ни разу «Записки охотника», на которых еще лежало клеймо николаевского царствования как на предосудительной книге, но отдельный рассказ из этого цикла рассмотрен в качестве произведения образцового: «Это — поэтические уроки, которые сами собой вливаются в душу <…> Автор своею повестью дает живо чувствовать, что простому

---

328 Примечания: 380

Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1962. Т. 4. С. 355.

человеку, лишенному всех средств к образованию, открыты два животворные родника мысли и чувства — предания отцов и природа с своими вечными тайнами и красотами».[329]

Знаменитый, по выражению педагогического листка, не менее самого писателя,[330] этот его рассказ стал незаменимым в хрестоматиях после знакомства детей с народной поэзией. Журнальная публикация «Бежина луга» и первое отдельное издание цикла положили начало их новой жизни на уроках литературы передовых педагогов, а затем и в пособиях. Дальняя родственница Тургенева, одаренная поэтесса Елизавета Шахова, вспоминала о чтении вслух перед ее ученицами «Записок охотника» еще до появления второго отдельного издания книги: «Обаятельная сила живописи в слове Тургенева вызвала в развивающихся сердцах не один восторг к изяществу описания, но чувство симпатии к стране и ее народу, дотоле скрывавшемуся под мрачными тенями, в политическом тумане, от трезвого взгляда впечатлительных нетронутых наукой подростков. Певучая проза автора „Запи-

---

329 Примечания: 381
Журнал для детей. 1856. № 1. С. 73-74, 105.

330 Примечания: 382
Женское образование. 1879. № 3. С. 203-204.

сок охотника“ воспринималась ими живо, как музыка, воодушевляющая и заучивающаяся по страницам: особенно „Бежин луг“ повторялся наперерыв восхищенными воспитанницами».[331]

Не дожидаясь разрешения нового выхода «Записок охотника», а может быть, и не зная о цензурных затруднениях, стоявших на пути этого произведения к читателям, составитель «Практической русской грамматики» П. Перевлесский включил в ее 4-е исправленное издание (ч. III. Начертание синтаксиса. СПб., 1857, с. 53-54) начало рассказа «Ермолай и мельничиха», где дается описание «тяги». В том же году профессор петербургской духовной семинарии М. Архангельский издал свое «Руководство к изучению словесности и к практическому упражнению в сочинениях» (СПб., 1857), где использовались «описания русской природы и русского быта, содержащиеся в сочинении Тургенева под заглавием „Записки охотника“» (С. 171, 184). Добролюбов не согласился с его мнением о том, что «Бежин луг», а также все остальные рассказы и очерки цикла представляют собой не более как ряд описаний. Автор «руководства» заслуживает и других упре-

---

331 Примечания: 383
Рус. старина. 1913. № 1. С. 116.

ков, но книжка его, как и «Практическая русская грамматика» П. Перевлесского, положила начало свободного распространения «Записок охотника» и суждений о них в школьных пособиях.

В качестве «образцов слога лучших русских писателей» К. Д. Ушинский представил в первом издании «Детского мира» (1861) «Охоту на вальдшнепов» (из «Ермолая и мельничихи»), «Июльский день» (из «Бежина луга»), «Рощу осенью» (из «Свидания»), а во втором — «Ермолая и его Валетку» и «Льгов». «В „Хрестоматию“, — пояснял он в одном из примечаний к „Детскому миру“, — я внес несколько рассказов г. Тургенева собственно для той цели, чтобы приучить учеников к обрисовке человеческих характеров, потому что природой они занимались довольно».[332] По мнению Ушинского, «из писателей наших, посвящавших свой талант выражению народной жизни, А. С. Пушкин и И. С. Тургенев более других успели перенести этот родной нам всем элемент в свои художественные создания».[333]

В хрестоматиях А. Галахова, А. Филонова, «Книге для первоначального чтения в народ-

---

332 Примечания: 384
Ушинский К. Д. Собр. соч. М.; Л., 1949. Т. 5. С. 282.

333 Примечания: 385
Там же. Т. 2. С. 472.

ных школах» В. Водовозова, «Классной русской хрестоматии для младших классов средне-учебных заведений» В. Стоюнина, «Учебной русской хрестоматии с толкованиями» П. Полевого, «Хрестоматии для изучения образцов русской словесности» Н. Бунакова, «Книге для чтения, письма и наглядных бесед с детьми» Д. Семенова, «Сборнике повестей, рассказов, стихотворений и популярных статей для детей всех возрастов» Е. Лихачевой и А. Сувориной, «Сборнике беллетристических произведений в прозе и стихах для публичных чтений» В. Бефани и других прижизненных Тургеневу изданиях отрывки из «Записок охотника», а в иных случаях и целые рассказы заняли устойчивое место. Включение «Бирюка» в «Книгу для школ» мотивировалось так: «Простота рассказов, собранных мною в этой книжке, доступна для понимания каждого простолюдина. Почти все рассказы взяты из русского быта и имеют большой интерес не для одних только читателей низшего разряда».[334]

Педагогическая критика еще до цензурного разрешения второго отдельного издания «Записок охотника» назвала «Бежин луг», «Певцов»

334 Примечания: 386

Деркачев И. Книга для школ, составленная из произведений избранных русских писателей. М., 1861. С. 3.

произведениями классическими наряду с такими вещами, как «Сон Обломова», «Детские годы Багрова-внука».[335] «Современник» даже в пору острой полемики с Тургеневым по поводу романа «Отцы и дети» развивал свой прежний взгляд на «Записки охотника» как на одно из капитальных произведений русской литературы. Герой романа А. К. Шеллера «Гнилые болота» учитель Носович из семинаристов, окончивший курс наук в одном из русских университетов, говорит на уроке по литературе своим питомцам: «Хороших сочинений у нас не то чтобы очень много, но и не мало. Зато некоторые превосходны. Мы начнем с отрывков из „Мертвых душ“ и „Ревизора“, прочтем один рассказ из „Записок охотника“, несколько мест из „Кто виноват?“, и чтобы дать вам руководящий взгляд, прочту я отрывки из статей Белинского…»[336]

Таким же путем шел в своей преподавательской деятельности В. Н. Острогорский. Учеников привлекало к нему прежде всего художественное чтение и затем соответствующее толкование прочитанного. Те, кто желает ближе познако-

---

335 Примечания: 387
См.: Атеней. 1858. Ч. VI. С. 8-9.

336 Примечания: 388
Современник. 1864. № 3. Отд. I; С. 21.

миться с Россией, считал он, должны с особенным интересом взяться за изучение «Мертвых душ» и «Записок охотника». Так называемая миниатюрность тургеневских рассказов и очерков отнюдь не помешала ему увидеть и понять их в единстве и целости: «Все громадное значение „Записок охотника“ как картины жизни целой массы русского простого народа до сих пор еще, кажется, не совсем нами чувствуется, может быть, оттого, что явление их слишком к нам близко, совершилось на наших глазах, — и только позднейшему потомству будет принадлежать честь вполне беспристрастной критики, которая поставит их по значению непосредственно за „Мертвыми душами“ и укажет на „Записки“ как на настольную книгу всякого русского человека».[337]

Тайну такого впечатления, производимого этой книгой, он видел прежде всего в общности рассказов, в умении автора «в сжатых типических чертах представить нашу разнообразную массу крепостного народа, и притом так, что за изображением национального, русского, местного, видится человек вообще, отлитый в известные

---

337 Примечания: 389
Педагогический листок. 1874. № 4. С. 251

формы условиями жизни».[338]

Так подтвердилась надежда автора «Записок охотника», которой он поделился вскоре после появления их первого отдельного издания в письме к Анненкову от 14 сентября 1852 г.: «Я рад, что эта книга вышла; мне кажется, что она останется моей *лептой, внесенной в сокровищницу* русской литературы, говоря слогом школьных книг».[339]

11

«Записки охотника» еще при жизни автора узнала и признала безымянная Русь. К этим рассказам и очеркам можно полностью отнести то, что писал в 1847 г. Белинский о произведениях Гоголя: они «в короткое время получили на Руси народность. Их не читают только те, которые ничего не читают» (10, 249). Достоинство такого рода сочинений, как отозвался он в обозрении русской литературы за 1841 г. о баснях Крылова, «безусловно и не зависит ни от времени, ни от моды. Число читателей на Руси прогрессивно умножается и будет умножаться год от году, в

---

338 Примечания: 390
Там же. С. 252.

339 Примечания: 391
Письма II. Т. 2. С. 144.

бесконечность» (5, 542).

Наблюдательность и здравый смысл баснописца позволяли ему, по словам Тургенева из его рецензии на третье издание в Англии книги В. Р. Рольстона «Крылов и его басни», проникать в самый корень вещей, благодаря чему его гениальные творения «всецело вошли в народную жизнь, то есть возвратились к своему первоисточнику. В наши дни литературное честолюбие не может желать более высокой награды, хотя это лишь слабое отражение прошлого величия эпической поэзии — великой именно потому, что она безлична».[340]

Редактор «народного журнала» перепечатал «Бежин луг» со ссылкой на автора: «Статью эту мы заимствуем из сочинений нашего даровитого писателя И. С. Тургенева, с его позволения, как образцовую по своему поэтическому описательному характеру; кроме того, она заключает в себе так много случаев суеверия и предрассудков, которыми, к сожалению, с самых юных лет омрачаются понятия наших простолюдинов, что мы считаем необходимым обратить на них особен-

---

340 Примечания: 392
Сочинения II. Т. 10. С. 268.

ное внимание наставников сельских школ».[341]

Неоднократные заявления Тургенева о том, что он не писал для народа, диктовались трудностью этой задачи, а вовсе не безразличием к ней. Но, как подметил Белинский, «у народа есть какое-то чутье, столь верное, что он никогда не обманывается ни в своих любимцах, ни в предметах своего равнодушия» (1, 343) и всегда умеет отличить «поэзию жизни» от «поэзии кабинета» (9, 282), благодаря чему одни произведения читают и ценят лишь записные литераторы, люди книжные, тогда как другие знает и помнит весь народ.

Автор «Записок охотника», по словам Н. В. Шелгунова, «умел заглядывать в русскую душу и говорить для нее понятным языком». Вот почему, если бы русский крестьянин мог читать эти рассказы и очерки, «Тургенев бы сделался любимцем народа».[342] Во всяком случае, наиболее доступные читателям самых разных возрастов и состояний массовые перепечатки отрывков из этой книги сделали ее известной каждому грамотному человеку.

Особенно отрадно Тургеневу было видеть, как

---

341 Примечания: 393
Грамотей. 1865. № 3. С. 5.

342 Примечания: 394
Дело. 1870. № 2. Отд. II. С. 3.

он писал 29 октября 1880 г. И. Т. Полякову, что его «деятельность заслужила сочувствие в той среде нашего народа, которая всегда стояла близко»[343] к его сердцу. 8 марта 1874 г. в письме к секретарю комитета грамотности при Московском обществе сельского хозяйства В. С. Кашину он «с великой охотой» дал согласие на перепечатку своих рассказов и очерков в изданиях для народа и разрешил делать сокращения.[344]

В том же году ему довелось услышать от незнакомого читателя о всеобщем интересе к его «Запискам охотника». Писатель назвал свой разговор с двумя случайно встретившимися людьми приключением, но воспроизвел его «с радостной улыбкой», как это запомнила одна из самых достоверных мемуаристок Н. А. Островская: «По дороге из деревни в Москву, на одной маленькой станции, вышел я на платформу. Вдруг подходят ко мне двое молодых людей; по костюму и по манерам вроде мещан ли, мастеровых ли, „Позвольте узнать, — спрашивает один из них, вы будете Иван Сергеевич Тургенев?“ — „Я“. — „Тот самый, что написал „Записки охотника“? — „Тот

---

343 Примечания: 395
Письма I. Т. 12, кн. 2. С. 319.

344 Примечания: 396
Там же. Т. 10. С. 210.

самый…“ Они оба сняли шапки и поклонились мне в пояс. „Кланяемся вам, — сказал все тот же, — в знак уважения и благодарности от лица русского народа“. Другой только молча еще поклонился. Тут позвонили. Мне бы догадаться сесть с ними в третий класс, а я до того растерялся, что не нашелся даже, что им ответить. На следующих станциях я их искал, но они пропали. Так я и не знаю, кто они такие были…»[345]

Способность Тургенева относиться к народу с трогательной нежностью всегда находила глубокий отзвук в душе Л. Н. Толстого, умевшего, как никто другой из русских классиков XIX в., писать о народе и для народа. В статье «Что такое искусство?» он назвал «Записки охотника» «народными рассказами Тургенева»,[346] имея в виду, очевидно, не только их тематику, но и судьбу. Это подтверждается включением «Бирюка» в набросок тем для «Новой азбуки» и «Русских книг для чтения», а также текста «Живых мощей» с небольшими сокращениями в «Круг чтения», наконец, многими высказываниями начиная с дневниковых записей, сделанных 27 июля и 26

345 Примечания: 397

Цит. по: Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 86.

346 Примечания: 398

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 30. С. 86.

октября 1853 г.

От первого знакомства с тургеневским циклом рассказов и очерков и до конца своей жизни Толстой неизменно высоко оценивал это произведение, что вполне соответствовало той объективной роли, какую оно продолжало играть в литературно-общественном сознании России от эпохи Белинского до эпохи Горького. Главную заслугу Горького Толстой видел в том, что «он стал в натуральную величину писать мир заброшенных оборванцев, босяков, о котором прежде почти не говорили. Он в этом отношении сделал то же, что в свое время сделали Тургенев, Григорович по отношению мира крестьянского...»[347]

В беседе с Тургеневым, состоявшейся десять лет спустя после появления «Хоря и Калиныча», Толстой говорил, что каждый настоящий художник должен создавать и свои формы, что если содержание художественных произведений может быть бесконечно разнообразным, то не менее разнообразной может быть и их форма. Оба они, в редком согласии друг с другом, припоминали все лучшее в русской литературе, и оказалось, что в этих произведениях форма совершенно

---

347 Примечания: 399

Цит. по: *Гольденвейзер А. Б.* Вблизи Толстого. М., 1959. С. 113.

оригинальная. «Не говоря уже о Пушкине, возьмем „Мертвые души“ Гоголя. Что это? Ни роман ни повесть. Нечто совершенно оригинальное. Потом „Записки охотника“ — лучшее, что Тургенев написал. Достоевского „Мертвый дом“, потом, грешный человек, — „Детство“, „Былое и думы“ Герцена, „Герой нашего времени“...».[348] В том же историко-литературном контексте рассматривал Толстой цикл рассказов и очерков в 1894 г., возвратившись к своей и тургеневской мысли о том, что «это все были новые формы».[349]

Идейно-художественное своеобразие книги, рожденной любовью к людям, желанием помочь им избавиться от любых видов рабства, определялось прежде всего тем, что Толстой называл главным в любом произведении искусства — душою автора, его нравственной точкой зрения на изображаемый им предмет. «Настоящее лучшее его произведение, — говорил он о Тургеневе в 1885 г., — „Записки охотника“. Тут есть прямая

---

348 Примечания: 400

Там же. С. 116.

349 Примечания: 401

Русанов Г. А., Русанов А. Г. Воспоминания о Л. Н. Толстом. 1883-1901 гг., Воронеж, 1972. С. 102.

цель».[350]

К этим рассказам и очеркам можно по праву отнести то, что автор писал в самый разгар работы над ними П. Виардо о времени сильных и здоровых гениев прошлого, которым принадлежат произведения, сделанные не по правилам, но полные мощи и силы. «У меня, — делился он с нею 30 декабря 1847 г., — нет времени заниматься стилем; даже нет к тому и желания. Я хочу только сказать вам то, что думаю».[351]

Таким же страстным желанием поделиться со всеми, кто его прочтет, своим пониманием России и русских были вызваны к жизни и «Записки охотника». Между отдельными рассказами и очерками есть глубокая, внутренняя связь, обеспечившая единство и целостность того, что Тургенев неизменно называл великим делом просвещения родного народа и приобщения его к общечеловеческим идеалам. Он разделял мнение своего идейного наставника и вдохновителя — Белинского о том, что в допетровский период «целый цикл жизни отжила наша Русь и, возрожденная, преображенная Петром Великим, начала

---

350 Примечания: 402
ЛН. Т. 69, кн. 2. С. 50.

351 Примечания: 403
Письма II. Т. 1. С. 369, 385.

новый цикл жизни» (6, 457).

С художественным постижением этого нового периода и связан тургеневский цикл рассказов и очерков. Неизбежность изменений в литературе вместе с ходом времени вынуждены были признать даже некоторые из тех, кто в XIX в. оставался приверженцем «осьмнадцатого», противясь всему непривычному. «Знаю, — писал, например, М. А. Дмитриев, — что ни в карамзинское время, ни в первые десятилетия нынешнего столетия не было и не могло быть таких произведений»,[352] как «Записки охотника».

Эстетическое и, в частности, жанровое своеобразие этой книги обусловлено еще и тем, что история русской литературы со времени Пушкина не только представляет много примеров всякого рода творческих отступлений от общепринятой тогда «европейской формы, но не дает даже ни одного примера противного. Начиная от „Мертвых душ“ Гоголя и до „Мертвого дома“ Достоевского, в новом периоде русской литературы нет ни одного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в

---

352 Примечания: 404

Дмитриев М. А. Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 189.

форму романа, поэмы или повести».[353]

Это утверждение Л. Н. Толстого, высказанное им в статье «Несколько слов по поводу книги „Война и мир“», прямо относилось и к «Запискам охотника» — книге, также представляющей собою «то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось».[354]

Некрасов, другие современники Тургенева, как, впрочем, и он сам, нередко называли это просто формою «Записок охотника», в которых он сумел «возвыситься от формы дневника и записок до художественной формы».[355] О ней М. М. Пришвин писал: «Счастливый человек, кто может обнимать жизнь, как обнял ее Тургенев в „Записках охотника“».[356]

Их особую роль в своей писательской судьбе автор определил в письме к издателю своих сочинений на немецком языке Б. Э. Бере от 16 апреля 1874 г.: «„Записки охотника“ — по-видимому, са-

---

353 Примечания: 405
Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 16. С. 7.

354 Примечания: 406
Там же.

355 Примечания: 407
Пришвин М. М. Собр. соч.: В 8 т. М., 1986. Т. 8. С. 46.

356 Примечания: 408
Там же. С. 349.

мое долговечное из всего того, что я написал».[357]

357 Примечания: 409

цит по: *Тиме Г. А.* И. С. Тургенев в переписке с Б. Э. Бере // Рус. лит. 1988. № 3. С. 172.

А. Л. ГРИШУНИН
О ТЕКСТЕ «ЗАПИСОК ОХОТНИКА»

О тексте «Записок охотника» созданы десятки работ, среди них несколько объемистых диссертаций. Казалось бы, вопрос уж давно исчерпан и ничего нового на эту тему сказать нельзя. Из классиков классик, тончайший знаток языка, блюститель его точности, изящества и чистоты, Тургенев, очевидно, сам установил свои тексты с фармацевтической точностью, до последней запятой.

Тем более это относится к «Запискам охотника» — самому замечательному и любимому произведению Тургенева, издававшемуся при жизни автора и при его участии десятки раз. Текст «Записок охотника» изучен, что называется, «вдоль и поперек», буквально разобран по частям на примеры в учебные грамматики, в диссертации, в школьные диктанты. «Хрестоматийнее», «каноничнее» текст трудно себе представить.

Проверка традиционного текста «Записок охотника» по всем рукописным и печатным источникам, произведенная для IV тома академи-

ческого Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева (1963) Л. М. Долотовой, Л. Н. Смирновой и автором этих срок под общей редакцией С. А. Макашина и Ю. Г. Оксмана, показала, что дело обстоит вовсе не так благополучно.

В текстологическом отношении «Записки охотника» имеют ту особенность, что почти каждый из 25 рассказов, составляющих цикл, имеет по нескольку рукописных и печатных источников, в том числе — черновые рукописи с их чрезвычайно мелким, тесным и неразборчивым почерком. Сверка всех этих источников между собой, совершенно необходимая при подготовке академического издания, — дело на редкость трудоемкое, до которого ни у кого до сих пор не доходили руки, да и не было к тому настоящего стимула, поскольку научные издания не предпринимались.

Сплошная проверка текста «Записок охотника» по всем источникам дала обильный «улов» всякого рода текстовых находок, оказалась плодотворной и поучительной не только для данного текста, но, как представляется, для решения тех насущных вопросов, которые вообще стоят перед нашей практической текстологией.

Как ни странно, сочинения Тургенева — одного

из величайших классиков русской и мировой литературы, за прошедшие со дня его смерти восемь десятилетий до 60-х годов нашего столетия ни разу не были изданы научно, с привлечением всех источников. Это тем более неоправданно, что сам Тургенев к своим текстам относился с большой заботливостью, о чем свидетельствует его настойчивая — при каждом новом издании — работа над произведением, его письма к издателям, тщательно подготовленные рукописи, собственноручно правленные писарские копии, в которых проявляется забота автора даже о пунктуации текста, которая иных крупных писателей вовсе не занимала и передоверялась обычно другим лицам.

За несколько месяцев до своей кончины неизлечимо больной, умирающий Тургенев подготовил последнее прижизненное издание своих сочинений — глазуновское 1883 г. Ему предстояло в короткий срок пересмотреть и подготовить оригиналы десяти томов. Для экономии времени и угасающих сил том второй, содержащий «Записки охотника», он распорядился печатать по отдельному, так называемому стереотипному изданию 1880 г., в котором, как полагал Тургенев, «опечаток нет». Вскоре после этого он указал и

распорядился исправить при печатании «три-четыре опечатки» (какие именно, нам неизвестно). С тех пор повелось перепечатывать текст 1883 г. без основательной критической проверки. Дореволюционные издания осуществлялись фирмами Салаевых, Глазуновых и А. Ф. Маркса без опоры на какую бы то ни было текстологическую теорию и, в сущности, без выверки текста, а в советское время «Записки охотника» редактировали такие видные литературоведы-текстологи, как Б. М. Эйхенбаум и К. И. Халабаев, Н. Л. Бродский, — редактировали *критически.* Но так как сверку между собой всех рукописных и печатных источников никто не производил (хотя почти каждое издание объявляло о выверке текста по всем источникам; анализ текста, однако, этого не подтверждает), никто из них не подозревал, что «Записки охотника» более ста лет печатаются с искажениями, которые выявляются сличением всех источников текста. В результате несистематических и случайных обращений к рукописям и первопечатным текстам удавалось случайно обнаружить только некоторые единичные опечатки; сплошное «прочесывание» текста дает возможность выявить все вкравшиеся в него искажения.

Не было единого мнения относительно того, по какому источнику следует печатать «Записки охотника». Вопрос этот при подготовке разных советских изданий решался по-разному.

В основу первого советского издания «Записок охотника» (Литературно-издательский отдел Наркомпроса, 1918 г.) Б. М. Эйхенбаум положил издания 1852 и 1860 гг. (рассказы 1870-х годов набирались по первопечатным текстам). В этом решении проявилось характерное для начального периода советской текстологии стремление возвращать тексты от последних прижизненных к ранним редакциям. В результате опоры на ранний текст в издании 1918 г. оказалась неучтенной позднейшая авторская работа над текстом.

В следующем советском издании 1923 г. (в серии «Классики русской литературы», Государственное издательство) основой послужил текст стереотипного издания 1880 г. (в отношении выбора текста редакция пользовалась консультацией Н. Н. Сакулина).

В собрании сочинений Тургенева (*Тургенев И. С.* Сочинения, М.; Л., 1929, Т. 1), редакторы его, К. И. Халабаев и Б. М. Эйхенбаум, почетали «Записки охотника» по стереотипному изданию 1880 г., исправляя его по автографам, первопечатным

журнальным публикациям и по тексту 1852 и 1874 гг. Отказ от обращения к другим прижизненным изданиям и неполное изучение привлеченных источников определили случайный характер внесенных «исправлений». Так, в тексте «Бежина луга» восстановлены по автографу слова «до первых шорохов и шелестов утра» (72)[358] случайно пропущенные при издании 1852 г., но десятки других подобных пропусков и опечаток остались неустраненными.

В издании 1949 г. (под ред. Н. Л. Бродского, И. А. Новикова и А. А. Суркова, изд-во «Правда», приложение к «Огоньку») основным источником избран текст глазуновского издания 1883 г. Для исправления этого текста пользовались сочинениями Тургенева 1874 и 1880 гг., наименее авторитетными и изобилующими опечатками. Выбор именно этих изданий для внесения исправлений и в этом случае определялся какими-то непонятными и, очевидно, случайными причинами. История текста, по-видимому, не была изучена редакторами даже приблизительно. В этом издании (с. 297) говорится, что текст «Записок охотника» дается там по вышеназван-

358 Примечания: 410

Здесь и далее в случаях, специально не оговоренных, цифрами обозначены страницы и строки настоящего издания.

ным источникам «без возвращения к ранним текстам, которые сам автор считал „старой манерой“ своей художественной деятельности». Дело представляется так, будто ранние источники «Записок охотника» отражают «старую манеру» Тургенева, а поздние — «новую». Всякий, кто знаком с историей текста, знает, что текст «Записок охотника», будучи раз написанным, вообще мало трансформировался, так что ни о какой разнице в «манерах» внутри «Записок охотника» вообще не приходится говорить; «старой манерой» Тургенев называл свои очерковые произведения конца 40-х — начала 50-х годов (в том числе и «Записки охотника») в отличие от более поздних произведений с более развитой литературной фабулой.

Тот же источник выбран в качестве основного в издании 1953 г. (Гослитиздат. Подготовка текста А. К. Бабореко). Однако в обоснование такого решения указывалось на высокие качества стереотипного издания 1880 г., на которое издание 1883 г. опирается. К тому же там неправильно сообщалось, будто в издании 1883 г. «Записки охотника» были внимательно подготовлены к печати «самим автором» (с. 465-466).

Такую же разноголосицу по вопросу о выборе основного источника наблюдаем в теорети-

ческих трудах о тексте «Записок охотника». В работах О. Я. Самочатовой «окончательным — каноническим» текстом тургеневского шедевра признается стереотипное издание 1880 г.[359] М. А. Шелякин в кандидатской диссертации «Работа И. С. Тургенева над языком „Записок охотника“» (М.: МГУ, 1954) «последним авторизованным» изданием называет издание 1883 г. (с. 28), однако цитировать он предпочел издание 1880 г., заявив, что оно «вместе с изданием 1883 г. является наиболее авторитетным текстом „Записок охотника“» (с. 30).

А. М. Долотова в специальной статье, содержащей обширный материал и указание литературы вопроса, рекомендовала основным источником текста «Записок охотника» считать издание 1883 г.[360]

В основу текста «Записок охотника» в академическом Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева и в настоящей книге положен не «последний прижизненный» текст 1883 г., а текст, в последний раз установленный самим

---

359 Примечания: 411

См.: Учен. зап. Новозыбк. гос. пед. ин-та. Брянск; Орел, 1952. Т. I. С. 36.

360 Примечания: 412

См.: *Долотова А. М.* О тексте «Записок охотника» И. С. Тургенева // Вопр. текстологии: Сб. статей. М., 1957. С. 170-188.

Тургеневым при подготовке первого стереотипного издания 1880 г. Что касается издания 1883 г., то в письме к своему поверенному, А. В. Топорову от 30 октября 1882 г. Тургенев распорядился печатать «Записки охотника» (т. 2) со стереотипного издания, «где опечаток нет»; автор поручил присылать к нему в Буживаль на предварительный просмотр каждый подготавливаемый к новому изданию том, «начиная с 3-го», с тем чтобы после внесения окончательных авторских исправлений пересылать подготовленные таким образом оригиналы томов Глазунову. Таким образом, второй том («Записки охотника») Тургенев не запрашивал на предварительный просмотр, ограничившись распоряжением печатать его по стереотипному изданию. Из дальнейшей переписки Тургенева с Топоровым точно устанавливаются даты получения и отсылки им подготавливаемых для издания 1883 г. томов, среди которых второго тома не было. Вопрос этот детально рассмотрен М. К. Клеманом в книге: *И. С. Тургенев*. Рудин. Дворянское гнездо (М.; Л.: Academia, 1933. С. 459-464). В письмах от 18 и 30 ноября 1882 г. Тургенев сообщал о своем намерении выслать для второго тома «три-четыре опечатки», проскользнувшие в стереотипном

издании, однако об исполнении этого намерения никаких сведений не имеется. 7 апреля 1883 г. Тургенев извещал Стасюлевича о получении уже вышедшего из печати второго тома.

Таким образом, в издании 1883 г. второй том («Записки охотника») был перепечаткой первого стереотипного издания «Записок охотника» 1880 г., и естественно напрашивается вывод, что не он должен быть основой публикуемого нами текста «Записок охотника», а первое стереотипное издание. Издание 1883 г. готовилось в обстановке тяжелой предсмертной болезни автора, исключавшей возможность новой смысловой и стилистической правки, которая, впрочем, и не была обещана. Поскольку Тургенев собирался сообщить для него «три-четыре опечатки», текст 1883 г. должен быть принят во внимание, и все его разночтения должны быть критически оценены. В академическом издании дан полный перечень этих разночтений.

Анализ этих разночтений не показывает в издании 1883 г. никаких заслуживающих внимания признаков дополнительной работы автора над текстом. Разночтения эти совершенно мелочные. В нем действительно исправлены некоторые опечатки предшествующих изданий, но в то

же время допущены новые искажения текста, некоторые грубейшие опечатки 1880 г. повторены. Редкие и незначительные стилистически нейтральные разночтения производят впечатление случайных (например, инверсия: «вся сама» — «сама вся» (67) и т. п.). Перемены в орфографии и пунктуации следует отнести на счет М. М. Стасюлевича, надзору которого Тургенев поручил издание.

Таким образом, при выборе текста «Записок охотника» подготовители настоящей книги опирались как на внешние свидетельства (переписка Тургенева), так и на сравнительный анализ самого текста в изданиях 1880 и 1883 гг. Кладя в основу публикуемого текста стереотипное издание 1880 г., из издания 1883 г. брали только исправление явных опечаток.

В тех случаях, когда за основу выбиралось издание 1883 г. (редакция А. К. Бабореко, работы М. А. Шелякина и А. М. Долотовой), существенную роль сыграл гипноз «последнего прижизненного» текста, которому результаты объективного изучения приносились в жертву. Не случайно все такие решения принимались в середине 1950-х годов, когда «правило» «последнего прижизненного» текста догматически предписывалось с

особенной настоятельностью.

В ходе работы, из сличения всех рукописных и печатных источников, выяснилось, что текст «Записок охотника» более ста лет печатался с грубыми механическими искажениями, которых сам автор при подготовке очередных изданий в большинстве случаев не замечал и которые, таким образом, оказывались как бы «авторизованными».

Бóльшая часть этих искажений восходит к первому отдельному изданию «Записок охотника» (М., 1852). В нашей научной литературе — опять-таки вследствие неизученности истории текста произведения — издание 1852 г. стояло вне подозрений, и более того: к нему относились с известным пиететом. Б. М. Эйхенбаум положил его в основу первого советского издания «Записок охотника», а в издание 1929 г. вносил из него многочисленные исправления.

Между тем издание это делалось в отсутствие Тургенева, который был тогда в Петербурге и, подготовив оригинал (писарскую, так называемую цензурную рукопись), всецело поручил издание Н. Х. Кетчеру.

Из мемуаров Герцена и других источников известно, что за «угловатая, шероховатая, взбал-

мошная, безалаберная, добрая, недобрая, шумная, неукладистая фигура» был Кетчер,[361] и можно себе представить, как мало пригоден человек с таким темпераментом к кропотливой работе сличения текстов, чтения корректур и т. п. Все, что мы знаем о других опытах Кетчера в этом роде, подтверждает эту оценку. В 1836 г. Кетчер оказал медвежью услугу Герцену, напечатав в «Телескопе» его статью «Гофман» с множеством грубейших искажений; портил своими «поправками» «Литературные и житейские воспоминания» Тургенева. Исторической заслугой Кетчера было первое издание сочинений Белинского (1859-1861), но как оно было сделано! Редактор не исправил многие опечатки журнальных публикаций, не сумел правильно воспользоваться рукописями, произвольно подбирал варианты, не придерживаясь никакого принципа, а отдельные части текста, очевидно казавшиеся ему несущественными, вообще изымал.

В издании «Записок охотника» 1852 г. вследствие его вопиющей небрежности возникли пропуски текста, заключенного между повторяющимися словами, — типичная ошибка, в

---

361 Примечания: 413

Герцен А. И. Собр. соч. М. 1956. Т. 9. С. 254.

типографском обиходе называемая «козлом». Например, в рассказе «Чертопханов и Недопюскин» более ста лет печаталось: «Г-н Недопюскин-отец принадлежал к числу людей, которых несчастье преследует с ожесточением, похожим на личную ненависть».

В более ранних источниках читается: «… с ожесточением *неослабным, неутомимым, с ожесточением*, похожим на личную ненависть». Слова, заключенные между повторяющимся «с ожесточением», выпали, что не было замечено впоследствии ни самим автором, ни исследователями его текста. Между тем Тургенев не только не собирался их устранять, но в цензурной рукописи, служившей оригиналом для набора издания 1852 г., собственноручно вписал слово «неутомимым» вместо ошибочно написанного «неуловимым».

Искажения этого и другого характера в издании 1852 г. исчисляются десятками. Это чисто механические ошибки переписчиков и наборщиков. Частая причина искажений — выпадение слога или буквы (*подошел — пошел; светопрестановленье — светопреставленье* — в «Бежином луге» — интереснейший случай «народной этимологии» исчез. Ошибки вследствие графической

близости слов: *резво — резко, присоседился — присоединился, бодро — быстро* и т. п.).

Перечитывая «Записки охотника» для последующих изданий в течение почти трех десятилетий, Тургенев только в очень немногих случаях замечал допущенные ошибки и так или иначе их исправлял. Большая же часть искажений, несмотря на неоднократное обращение автора к тексту, оставалась необнаруженной — Тургенев их не видел. Он читал свои тексты не очень внимательно и всегда без оригинала.

Показательно, что в письме к Стасюлевичу от 2 октября 1872 г. он сообщал, что только «сейчас» заметил разнобой в написании фамилии «Чертапханов» (с «а» и с «о»), тогда как разнобой этот существовал уже в четырех изданиях, готовившихся самим Тургеневым. Без всякого участия ничего не подозревавшего автора написание этой фамилии изменилось по произволу наборщиков начиная с издания 1859 г.

Такого рода «слепота» писателя-художника в отношении своих текстов, которые он читает не по-корректорски и без оригинала, объяснима психологически[362] и имеет прецеденты в прак-

362 Примечания: 414

См. об этом: *Гудзий Н. К.* и *Жданов В. А*, Вопросы текстологии // Новый мир. 1953. № 3. С. 233-236.

тике многих писателей (Л. Толстого, Гончарова, Фурманова). Вероятно, Тургенев и сам чувствовал за собой эту слабость и, может быть, поэтому панически боялся опечаток, взывая о помощи то к Кетчеру, то к Аксакову, то к Стасюлевичу и наделяя их чрезвычайными полномочиями. 19 января 1849 г., предлагая А. А. Краевскому для «Отечественных записок» комедию «Нахлебник», писатель прибавлял при этом: «Только, ради бога, чтобы не было опечаток!!»[363] Умоляя Кетчера взять на себя корректуру издания 1869 г., Тургенев сообщал ему, что в предыдущем издании много опечаток, но: «Ты на них лев». И хотя «лев» и согласился читать корректуры, ошибок в новом издании оказалось больше, чем в предыдущем. Так, в рассказе «Свидание» (180): «Да ты глаз-то, глаз-то зажмурь…» — говорит Акулине ее недостойный возлюбленный «голосом недовольного наставника», и это повторное «глаз-то», передающее нетерпение и досаду Виктора, в издании 1869 г. выпало, — конечно, по явному недосмотру. У автора не было никаких оснований устранять это (тем более что поправки для этого издания почти не делались. С какой стати Тургенев взял бы да

363 Примечания: 415
Письма II. Т. 1. С. 280.

снял слово — не только без всякой надобности, но даже и в ущерб тексту?).

С полным основанием еще в 1921 г. Ю. Г. Оксман писал о «кощунственном извращении в печати интереснейших деталей повествования»[364] в «Записках охотника». Какое бы ни готовилось издание, мы не можем встать на формальную точку зрения и отказаться от устранения подобных искажений, ссылаясь на «волю» самого автора. В художественном произведении даже с «авторизованными» искажениями примириться невозможно. Оно — достояние читателей, многих поколений читателей, а не только «собственность» автора.

Имея дело с литературой, видом искусства, текстологическая работа не может выполняться механически, руководствуясь только формально-логическими или юридическими критериями оценки того или иного текста или варианта. Решение проблем текстологии должно основываться на исследовании творческой истории произведения, с применением филологического метода, опирающегося в своих заключениях не

364 Примечания: 416

Оксман Ю. Г. Секретное следствие 1852 года о «Записках охотника» // И. С. Тургенев: Исследования и материалы. Вып. I. Одесса: Всеукраинское гос. издательство. 1921. С. 5.

только на относящиеся к истории текста внешние обстоятельства и документы (которых может и не оказаться), но и на самые тексты писателя, из которых извлекаются достоверные суждения о творческих намерениях автора и, следовательно, о подлинности, аутентичности текста в целом или отдельных его частей.

Во всех изданиях «Записок охотника» в рассказе «Чертопханов и Недопюскин» более ста лет печаталось (при первом появлении Чертопханова, 201): Чахлая горбоносая рыжая лошадь *шаталась* под ним, как угорелая…» Невозможно себе зримо представить лошадь, которая «как угорелая» «шатается» (не отрывая ног от земли?). Или это комический образ.

В первоначальном (журнальном) тексте и в рукописях читаем: *«…металась,* как угорелая». Это — по-русски и соответствует характеру Чертопханова — человека лихого и вспыльчивого, «взбалмошного и горячего», который все делает с «гиканьем» и свистом. Слово «металась» работает на образ Чертопханова, как он представляется читателю, чего нельзя сказать о слове «шаталась». Соответствует оно и состоянию Чертопханова в описываемый момент. Все поведение лошади в этой сцене свидетельствует о том, что она именно

«металась», а не «шаталась».

Ошибка появилась в издании 1852 г. (с. 262) и оставалась незамеченной до академического издания. Тогда же, в 1852 г., рядом была допущена и другая опечатка: «горбоногая» (вместо «горбоносая»), но она по бросающейся в глаза грубости своей была обнаружена и исправлена потом самим автором, хотя тоже успела продержаться в трех изданиях.

Таким образом, наряду с показаниями формального порядка, при установлении текста «Записок охотника» подготовителями настоящей книги учитывался смысл текста и стоявшее перед автором художественное задание, причем этим критериям придавалось решающее значение. Иначе, если ограничиваться формальными показателями, следовало бы печатать: «шаталась, как угорелая», как это долгое время и делалось.

В том же рассказе, когда речь идет о Недопюскине, говорится, что он предавался отчаянию «наедине в своей *комнатке*» (206). В издании 1874 г. произошло изменение: «…*комнате*». Речь идет о жилище затравленного человека в доме приютившего его на унизительных условиях барина, и у Тургенева не было никаких оснований отказываться от варианта «комнатке». В черновом

автографе первоначально было даже: «в своей кануре» (438). Невозможно предположить, что Тургенев сам внес исправление: «комнате». Для чего бы это? Поэтому мы можем признать здесь текст поврежденным (вследствие случайного выпадения буквы), внести исправление и печатать: «комнатке».

В «Гамлете Щигровского уезда» есть совершенно гоголевская сценка — описание обеда с сановником. Рисуя обстановку этого обеда и собравшихся гостей, Тургенев между прочим замечает, что некоторые были одеты в круглые фраки и клетчатые панталоны «работы московского портного, вечного цехового мастера *иностранца* Фирса Клюхина» (183).

Осмеяние русских мастеров из мещанской среды, выдававших себя за иностранцев, — частый мотив в произведениях Гоголя, Островского, Чехова и др. Когда для издания 1852 г. создавалась «цензурная» рукопись, писец пропустил слово «иностранца», и осталось просто: «работы московского портного, вечного цехового мастера Фирса Клюхина». Получилось нечто компрометирующее Тургенева как художника: имя и фамилия портного (Фирс Клюхин) зазвучали вхолостую, перестали «играть», ни на что уже не работая.

Они бессмысленны, не нужны, потому что единственная причина их приведения состояла в противопоставлении их слову «иностранца». Без слова «иностранца» имя Фирса Клюхина, нигде более не фигурирующее, превращается в «нестреляющее ружье», предосудительное для художника.

В «Касьяне с Красивой Мечи» решительно во всех изданиях «Записок охотника» начиная с 1852 г. печатается: «...мы еще не отъехали и ста шагов, как нашу телегу сильно толкнуло; она накренилась, чуть не завалилась. Кучер остановил разбежавшихся лошадей, махнул рукой и плюнул».[365]

В первопечатном журнальном тексте и в подготовленной для издания 1852 г. «цензурной» рукописи читаем: «Кучер остановил разбежавшихся лошадей, *нагнулся с облучка, посмотрел*, махнул рукой и плюнул». Слова: «нагнулся с облучка, посмотрел» — выпали в издании 1852 г. по явной небрежности, а так как Тургенев, готовя многочисленные последующие издания, читал тексты не по-корректорски и без сверки с рукописями и предшествующими изданиями,

---

365 Примечания: 417
Тургенев И. С. Собр. соч. М., 1953. Т. 1. С. 181.

этот изъян в тексте так и остался незамеченным.

Таким образом, смысловой и стилистический анализ текста в сочетании с исследованием его истории по первоисточникам не позволяет механически принять последний вариант, заставляет подойти к тексту вдумчиво.

Таких примеров из текста «Записок охотника» можно было бы приводить много.

Могут сказать, что это мелочь, не заслуживающая серьезного разговора. Но вся текстология складывается из таких «мелочей» и занимается ими. Это такая же «мелочь», как и всякий мазок, штрих, из которых составляется целое картины. А. М. Пешковский сравнивал подобное потускнение с изменением головы человека, из которой выдернули один волос: человек от этого лысым не стал, но его облысение начинается; точно так же — пусть микроскопически и не очень заметно, но тускнеет литературный образ при исчезновении или изменении хотя бы одного слова.[366]

Могут также сказать, что предлагаемый путь ведет к созданию текста, который в таком сочетании вариантов никогда не существовал; разразятся обвинения в контаминации, рестав-

---

366 Примечания: 418

См.: *Пешковский А. М.* Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930. С. 159-160.

рации и других «смертных грехах» текстологии.

Прежде всего на это надо ответить, что речь идет об относительных мелочах, об исправлении ошибок, так сказать, «местного значения», которые неконцептуальны и не меняют текста по существу. О контаминации здесь не может быть и речи, потому что здесь пропорции совсем не те, которые бывают при контаминации. Надо утратить чувство реальности, чтобы говорить в таком случае о «новом» или даже «совершенно новом» тексте, как это было, например, в 1952 г. при оценке гоголевских «Мертвых душ» в редакции В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур.[367]

Вся текстология, в той своей части, в которой она занимается установлением текста, есть не что иное, как реставрация и консервация произведений искусства, воплощенных в текстовой форме. В этом ее единственный смысл, для того она и существует.

---

367 Примечания: 419

Изучение материалов дискуссии и самой работы В. А. Жданова и Э. Е. Зайденшнур над текстом «Мертвых душ» для академического издания приводит к выводу, что названные исследователи, проведя совершенно необходимую выверку текста по всем рукописным и печатным источникам, допустили некоторые излишества в использовании рукописей (но только не «черновых», как это представлялось иными критиками). Значение этих немногочисленных и мелких погрешностей было чрезмерно преувеличено и раздуто в скандал с обычными для того времени критическими передержками и перегибами. Все это придало вопросу чрезвычайную и отнюдь не оправданную остроту.

Более того: встретились случаи, в которых пришлось возвращаться от принятого за основу текста к более раннему варианту, несмотря на то что, как это вытекает из характера изменения, оно было внесено в текст волею самого автора.

В «Касьяне с Красивой Мечи» охотник зашел в пустую избу: «… голодное мяуканье кошки раздалось за другой дверью. Я толкнул ее ногой; худая *кошка* шмыгнула мимо меня, сверкнув во тьме зелеными глазами» (ср. 78).

До издания 1874 г. слова «кошки» (в первом случае) не было: оно было вставлено в 1874 г. (Корректуру этого издания Тургенев читал, но тем не менее оно получилось весьма небрежным). Возможно, что это слово ввел сюда сам Тургенев, но его следовало бы опустить даже и в том случае, если бы этому имелось точное документальное свидетельство (например, корректура), потому что оно вставлено по недосмотру и нарушает логику текста. (Далее следует: «Я толкнул ее ногой». Дверь или кошку?)

Случаи такого рода, когда правка производится автором на поздней стадии (произведение давно создано), без достаточного ознакомления с контекстом, при отсутствии момента «вдохновения» и т. п., Б. В. Томашевский называл «нарушением

системы».[368] Вопрос о правомерности и границах исправлений, истекающих из этого положения, не ставится в современной текстологии, а его следует ставить.

Об исправлениях, внесенных в текст «Записок охотника», многое еще можно было рассказать. Например, в одном из номеров «Вестника Европы» затерялся перечень опечаток к рассказу «Конец Чертопханова», о котором сам Тургенев забыл и который впервые извлечен на свет божий и учтен только в академическом издании подготовителями данной книги.

Существенная часть работы при установлении текста «Записок охотника» — устранение в нем цензурных искажений. Большую часть цензурных искажений журнального текста Тургенев устранил при подготовке отдельного издания 1852 г. Из новых искажений цензора В. В. Львова в последующих изданиях Тургенев устранил лишь немногие, хотя имел к этому полную возможность, и скорее всего — по памяти. В передаче Г. З. Кунцевича сохранилось следующее свидетельство Н. И. Вейнберга, объясняющее это

---

368 Примечания: 420

Томашевский Б. В. Писатель и книга: Очерк текстологии. М., 1959. С. 176.

обстоятельство: «Я помню, мы говорили с Иваном Сергеевичем, почему он не внесет мест, зачеркнутых цензурой, — слышно было, что кое-что выпущено. Он сказал: „Знаете, это все так мне надоело“».[369]

Освобождение текста от всех цензурных увечий — задача бесспорная. Но мы не сочли возможным вводить в текст доцензурные по видимости варианты автографов, как это делалось в ряде случаев в издании Гослитиздата: помимо цензурных у автора могли быть и другие соображения, заставлявшие его отказываться от восстановления тех или иных доцензурных чтений. «Тупоумная» Василиса Васильевна в рассказе «Чертопханов и Недопюскин» умерла от того, что «ей во сне привиделся белый человек верхом на медведе» (205). В автографах далее было: «…с надписью на груди: „Антихрист“». В цензурную рукопись 1852 г. Тургенев не ввел этих слов, и мы их не вводим (хотя Гослитиздат ввел). В других случаях слово «Антихрист» Тургенев восстанавливал. Вполне вероятно, что эту несколько наивную, могущую показаться безвкусной, не очень остроумную и художественно неправдоподобную деталь автор

369 Примечания: 421

Кунцевич Г. «Записки охотника» И. С. Тургенева по цензурной рукописи // Журнал министерстаа народного просвещения. 1909. № 12. С. 393.

отбросил сознательно, соблюдая свойственное всякому художнику чувство меры и такта.

Такого же типа случай, когда охотник, пришедший к Чертопханову в гости, слышит из другой комнаты голос Недопюскина: «Маша, подай галстук» (210). Доцензурный вариант: «Маша, подай мне пантолоны», но Тургенев его не восстановил, и мы его оставили в «Вариантах» издания.

Восстановление всех подобных мест уводило бы в иных случаях слишком далеко от оставленного самим Тургеневым текста. Так, в «Чертопханове и Недопюскине» печатается: «Человек он был добрый и честный, а брал взятки „по чину“ — от гривенника до двух целковых включительно» (205). Чтобы соблюсти последовательность, следовало бы ввести из автографов не только слова «по чину» (что необходимо для точного понимания смысла фразы), но и последующее: «Кто в него бросит первый камень?» (тоже, вероятно, выброшенные цензурой, как «не к месту» употребленная цитата из Евангелия), на что ни один редактор до сих пор не решался. В очерке «Лес и степь» — в черновом и беловом автографах: «… грибы стоят отдельно, *как монахи*, под своими широкими шляпками…», в «Современнике» сравнения с монахами нет. Это, конечно, цензурное

искажение. Вместо «бабы с длинными палками в руках бредут на богомолье…» в «Современнике» и всюду потом печаталось: «бабы, с длинными граблями в руках, бредут в поле…» (261).

Академическое издание все такие чтения отмечает в «Вариантах», но в текст не берет, исходя из того, что Тургенев сам восстановил все, что хотел и мог, в «цензурной» рукописи и позже, а если чего не восстановил, значит, имел на этот счет свои соображения, о которых и нам можно догадаться. Доцензурные варианты автографов, если они не были восстановлены потом автором, принимались только в тех единичных случаях, когда текст без них недостаточно ясен (например, 205 — «по чину». Без этих слов исчезает ирония и не вполне ясно, много или мало брал Недопюскин-отец, названные суммы этого непосредственно не передают).

Еще один случай — в «Гамлете Щигровского уезда». В рукописи сказано о вдове-полковнице, к дочери которой сватается герой: «Сама соседка была *скверная* баба, с постоянной хрипотой злобы в горле, притеснительное и сварливое существо» (196).

Эпитет «скверная», однако, не был пропущен цензурой, и в «Современнике» печаталось про-

сто: «баба» («Сама соседка была баба…», и т. д.). Восстанавливая цензурное увечье при создании «цензурной» рукописи, Тургенев сделал это неточно: он написал: «злая». Получилось тавтологично: «*злая…* с постоянной хрипотой *злобы…*» И далее, несколько ниже (197) — «*злая* старуха…». Здесь в результате вынужденного цензурой позднейшего вмешательства текст обеднен и нарушена «система»; несколько раз одними и теми же словами говорится об одном и том же. Поэтому нами восстановлен первоначальный вариант: «*скверная* баба…», и это сделано тем более твердой рукой, что в черновом автографе сначала написано «злая», а потом это слово зачеркнуто и сверху рукой Тургенева написано: «скверная» (419).

Иного отношения требуют изменения, внесенные при издании 1852 г. Их цензурный характер и точные чтения устанавливаются документально по цензурной рукописи, в которой они обозначены красными чернилами и текстовыми заменами, произведенными рукой цензора В. В. Львова. Искажения этого рода нами устранялись. Но, разумеется, составители сами изучили весь связанный с этим материал, не доверяясь чьим бы то ни было указаниям, которые могут под-

вести. Так, М. А. Шелякин сообщил, будто слово «свободу» (в очерке «Лес и степь») в цензурной рукописи зачеркнуто цензором.[370] На самом же деле в цензурную рукопись оно вовсе даже не было вписано.

Вследствие того, что все источники текста до академического издания никто не сверял, много ошибочных суждений накопилось вокруг «Записок охотника». Например, придумывали всякого рода «обоснования» того, почему данное место «сам Тургенев» «исправил», изменил так-то и так-то и как это место стало якобы «лучше», тогда как исследование истории текста показало бы, что это вовсе не авторский вариант, а механическое или цензурное искажение текста. Иными словами, технические дефекты и порчу текста выдавали за художественный прием. Или наоборот: ломились в открытую дверь, употребляя невероятные усилия для того, чтобы «доказать» то, что без особого труда выявляется из сличения источников.

«Ревизия» текста «Записок охотника» подтверждает то не раз уже сделанное наблюдение, что

---

370 Примечания: 422
Орл. сб. 1955. С. 418.

без «академической» выверки по всем доступным источникам даже самые «классические» произведения могут в течение многих десятилетий переиздаваться и пребывать с существенными повреждениями в тексте, о которых никто не подозревает. Вполне очевидно, что точно так же, как с «Записками охотника», обстоит дело со всеми произведениями, текст которых не подвергался основательной проверке по всем источникам, — Гончарова, Салтыкова-Щедрина, Лескова и др.

Научное издание романа И. А. Гончарова «Обломов» в серии «Литературные памятники» с учетом черновой рукописи выявило ранее неизвестный науке факт: роман существует в двух редакциях, одна из которых отличается от другой 600 поправками, внесенными в текст самим автором, которые оставались не учтенными в многочисленных изданиях этого романа.[371]

Осуществление академических изданий сочинений всех русских классиков — насущнейшая задача ближайшего времени.

Вопрос о том, как отнестись к тому или иному варианту — ввести ли его в текст или поместить в «Вариантах», решается в зависимости от того,

---

371 Примечания: 423
См.: *Гончаров И. А.* Обломов. М., 1987. С. 5-6.

какого рода причины породили данное разночтение: здесь могут быть причины чисто внешние и могут быть соображения художественного порядка.

Из этого следует, что каждый текстологический казус требует изучения и конкретного подхода, исключающего шаблонные и механические приемы. Игнорирование того положения, что литература — искусство, порождает ремесленнический подход с архивистской, упрощенной методикой.

Признание того положения, что литература — искусство и что текстолог имеет дело с произведениями искусства, означает, что установление классического текста должно базироваться не только на внешних свидетельствах и документах, относящихся к истории текста, но и на историко-стилистическом анализе самого текста. Борьба именно за эти методы в текстологии составляет пафос авторитетнейших специальных трудов.[372] «Для меня, как и для Вас, — пишет Н. К. Гудзий В. Д. Бонч-Бруевичу, — текстология не есть фор-

---

372 Примечания: 424

См.; напр.: *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961; *Лихачев Д. С.* Текстология: Краткий очерк. М; Л. 1964; *Он же.* Эстетическая оценка и текстологическое исследование // Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. Л., 1966. С. 449-455.

мальная отписка, а путь к вскрытию подлинного существа писательской личности в условиях ее исторического бытия. На такой путь не формальной текстологии, а текстологии, принимающей в соображение всю сумму вынужденных обстоятельств, в которые поставлен писатель, я стал еще тогда, когда редактировал „Так что же нам делать?“».[373] Мнение о «субъективности» выводов историко-стилистического, филологического анализа опирается на неверный взгляд, будто эстетические оценки вообще субъективны. Вовсе нет. Есть для их доказательства совершенно объективные критерии. О вкусах — спорят!

Отношение к произведению как к ценности эстетической, выявление и учет всех стилеобразующих факторов составляют обязанность всякого вдумчивого текстолога. Разумеется, опора на смысловые и стилистические критерии для выявления творческой воли автора и мотивов его работы, совершенно необходима в эдиционной практике, ни в каком случае не должна превращаться в стремление дать «лучший» в смысловом и стилистическом отношении текст, хотя бы и в пределах авторских вариантов.

---

373 Примечания: 425

Цит. по: Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. М., 1968. С. 147-148.

Должна выявляться и приниматься во внимание подлинная творческая воля самого автора, а не видимость ее — его пассивность и отсутствие реакции на посторонние изменения текста. В таких случаях мы обязаны восстановить первоначальное чтение, если располагаем для этого достаточной документацией и убедительными доказательствами. Важное условие, при котором возможно исправление текста, состоит в том, что необходимо знать, как и когда произошло искажение. Например, в рассказе «Свидание» говорится, что лицо крестьянки загорело «тем золотистым загаром, который принимает одна тонкая кожа». В издании 1859 г. слово «золотистым» пришлось на переносе и было набрано с пропуском слога: «золо-стым». В следующем издании — 1860 г. — эта опечатка была исправлена неточно: «золотым». Мы вернули текст к первоначальному, эстетически более точному варианту: «золотистым загаром».

Как при выборе основного источника, так и при оценке разночтений необходимо учитывать качество соответствующих источников. При этом опять-таки авторитетность каждого источника должна основываться не только на внешних свидетельствах, но и на изучении его текста.

По странному недоразумению, черновые редакции «Записок охотника» не были напечатаны в академическом Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева — ни в первом его издании (М.; Л.: АН СССР, 1963. Т. 4), ни во втором (М.: Наука, 1979. Т. 3). Их публикация была обещана в одном из сопровождавших издание «Тургеневских сборников»,[374] но и там она не появилась.

Это обстоятельство наложило тень на все многотомное академическое издание и справедливо расценивается в качестве главного его недостатка: черновые редакции третьестепенных сочинений Тургенева публикуются в издании, а «Записок охотника» — нет! Мелочные, лексические варианты печатных изданий «Записок охотника» вошли в том издания 1963 г., а никогда не печатавшиеся, существенные, принципиально важные для исследования тургеневского шедевра черновые его редакции — нет!

Настоящее издание «Записок охотника» в серии «Литературные памятники» кладет конец этому парадоксальному недоразумению.

---

374 Примечания: 426

См.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 391; Вопр. лит. 1970. № 2. С. 205.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание в серии «Литературные памятники» подготовлено на основе изучения и сличения всех рукописных и печатных источников, в том числе и черновых автографов. Выработанный таким образом текст дважды, в 1963 и 1979 гг. был напечатан в Полном собрании сочинений и писем И. С. Тургенева, но черновые редакции рассказов, хранящиеся в СССР и за рубежом, появляются в печати впервые. Публикация черновиков главного произведения Тургенева представляется явлением высокой культурной значимости.

В основу настоящего издания «Записок охотника» положен текст, в последний раз установленный самим Тургеневым при подготовке стереотипного издания 1880 г.

Тексты рассказов подготовили и комментарии к ним написали А. Л. Гришунин («Бежин луг», «Касьян с Красивой Мечи», «Певцы», «Свидание», «Гамлет Щигровского уезда», «Чертопханов и Недопюскин», «Конец Чертопханова», «Лес и степь»), М. Долотова («Бирюк», «Два помещика»,

«Лебедянь», «Татьяна Борисовна и ее племянник», «Смерть», «Петр Петрович Каратаев», «Живые мощи», «Стучит!») и Л. Н. Смирнова («Хорь и Калиныч», «Ермолай и мельничиха», «Малиновая вода», «Уездный лекарь», «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсяников», «Льгов», «Бурмистр», «Контора»). Дополнения к комментариям — Н. М. Чернов.

Черновые редакции подготовили и комментарии к ним написали А. Л. Гришунин («Бежин луг», «Притынный кабачок», «Свиданье», «Чертопханов и Недопюскин», «Конец Чертопханова». «Лес и степь»), В. А. Громов («Обед»), А. М. Долотова («Бирюк», «Два соседа», «Живые мощи», «Стучит!»), Т. И. Орнатская («Порода», «Контора», «Смерть») и Л. Н. Смирнова («Туман и Степушка», «Уездный лекарь»).

Вступительную статью к комментариям и черновым редакциям написали В. А. Громов и А. М. Долотова.

ХОРЬ И КАЛИНЫЧ (с. 5)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 1, отд. «Смесь», с. 55-64 (ценз. разр. 30 дек. 1846) с подзаголовком — «Из записок охотника». Подпись: И. Тургенев.

В подзаголовке этого рассказа нет порядкового номера (все остальные начиная с «Ермолая и мельничихи» последовательно снабжались номерами). Это указывает на то, что, отдавая в печать первый рассказ, Тургенев еще не собирался писать цикл «Записок охотника», сложившийся из 25 очерков и рассказов.

Автографы неизвестны.

Документальных сведений о начале работы над рассказом, о возникновении замысла нет. Окончание работы, по-видимому, относится к ноябрю 1846 г. Именно в это время обновленная редакция «Современника» вырабатывала план первого номера. Позднее, в «Воспоминаниях о Белинском», Тургенев писал, что тогда же Панаев, не имевший «чем наполнить отдел смеси в 1-м нумере», и обратился к нему за материалом (см.: *Сочинения II.* Т. 11. С. 46). Первое печатное упоминание о рассказе «Хорь и Калиныч» появилось в «Современнике» (1846. № 12), где сообщалось о материалах, которые будут напечатаны в 1847 г. (см.: *Заборова Р. Б.* Неизвестное объявление «Об издании „Современника“» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1968. Т. 27, вып. 2. С. 153). 14 декабря 1846 г. Некрасов писал Никитенко: «Препровождаю небольшой рассказ Тургенева для „Смеси“

1-го №» *(Некрасов.* Т. 10. С. 57).

Журнальный (первопечатный) текст отличается от текста издания *1852.* Готовя отдельное издание всего цикла «Записок охотника», Тургенев снял сравнение Хоря с Гёте и Калиныча с Шиллером, риторическое утверждение о непосредственности Калиныча и сатирическое описание внешности помещика-славянофила (см.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 394-395). П. В. Анненков писал впоследствии, что сравнение героев рассказа с немецкими писателями-классиками было снято после замечания кого-то из литературного круга Тургенева (возможно, самого Анненкова) о «неуместности» такого сопоставления (см.: *Анненков*, Воспоминания. С. 390). «Намек на <…> славянофильство» Тургенев убрал после сближения в начало 50-х годов с семейством Аксаковых (см. письмо Тургенева к Ив. С. Аксакову от 28 декабря 1852 г. в кн.: *Письма II.* Т. 2. С. 177). Однако А. Е. Грузинский объясняет это исправление «художественными соображениями». «В очерке „Однодворец Овсянников“, — пишет Грузинский, — имелась та же сатирическая вылазка в более развитом виде, и автор выкинул ее первоначальный беглый набросок, удержав законченную картинку, хотя как раз в это время он все ближе

сходился с семьей Аксаковых и питал искреннее уважение к благородной личности К. С.» (К истории «Записок охотника» Тургенева // Научное слово. 1903. Кн. VII. С. 93-94).

«Хорь и Калиныч», как и все почти рассказы и очерки цикла, построен на впечатлениях Тургенева от реальных событий и людей, с которыми писатель сталкивался в своих охотничьих странствиях. Крепостной крестьянин Хорь — действительно существовавшее лицо. Редактор-издатель газеты «Утро» И. А. Баталин в корреспонденции «50-летие „Хоря и Калиныча“» сообщал, что это был «крепостной крестьянин, выселившийся из общины», хорошо известный в Жиздринском и Волховском уездах. «Лично я, — писал Баталин, — познакомился с Хорем гораздо позже, чем описал его Тургенев. На вид он был уже старик, но мощный, умный, высокого роста и необыкновенно радушный. Так как он был грамотный, то Тургенев прислал ему свой рассказ; старик с гордостью перечитывал его каждому гостю» (Утро. 1897. № 16. 18 янв.).

В 1860 г. познакомился с Хорем поэт А. А. Фет. В «Заметке о вольнонаемном труде» он писал: «В запрошлом году, в сезон тетеревиной охоты, мне привелось побывать у одного из героев тур-

геневского рассказа „Хорь и Калиныч“. Я ночевал у самого Хоря. Заинтересованный мастерским очерком поэта, я с большим вниманием всматривался в личность и домашний быт моего хозяина. Хорю теперь за восемьдесят лет, но его колоссальной фигуре и геркулесовскому сложению лета нипочем» (Рус. вестник. 1862. Кн. V. С. 246). В 1903 г. биограф Тургенева, много ездивший по тургеневским местам, сообщал, что «поселение Хоря разрослось в порядочное селение» *(Рында.* С. 47).

В Ульяновском районе Калужской области в настоящее время находится деревня Хоревка. По преданию, она выросла из хутора Хоря (см.: *Богдановы,* С. 16). До сих пор в этой деревне живет несколько семей по фамилии Хоревы (см.: Заря (Чернь, Тульской обл.). 1977. 3 сент.).

В нынешней Хоревке можно услышать немало интересного об их знаменитом предке, причем воспоминания старожилов давно уже перемешались с фактами, которые известны землякам Хоря по тургеневскому рассказу, с легендами и вымыслами. Однако уверяют, что звали старика Родион Григорьевич и отличался он твердыми правилами, которые никому не позволял нарушать. Когда его внук Евдоким бежал с солдатской службы, Хорь не допустил его домой и связанного

сам представил начальству (см.: *Чернов Н.* Орловские литературные места. Тула, 1970. С. 186). 13 января 1899 г. «Орловский вестник» писал, что Хорь умер примерно в 1873 г. Там же сообщалось о потомках Калиныча (Калининых) из Калужской деревни Голофеевки.

Владелец этой деревни помещик Н. А. Голофеев (см. о нем: *Булычев Н.* Калужское дворянство. М., 1909. С. 196) считается прототипом господина Полутыкина, Дочь соседа по имению В. П. Тургеневой В. Колонтаева в «Воспоминаниях о селе Спасском» писала, что о Голофееве Тургенев впервые услышал из ее уст (рассказ о его неудачном сватовстве). «Случилось, как нарочно, — писала далее Колонтаева, — что Иван Сергеевич охотился в лесах Калужской губернии, недалеко от поместья Голофеева, познакомился с ним и прогостил у него несколько дней» (Ист. вестник. 1885. № 10. С. 64). Сохранился рассказ о том, как козельского помещика Н. А. Голофеева уже в преклонных годах заподозрили в причастности к «каракозовскому делу». Он был арестован, препровожден в Петербург, где сидел несколько месяцев без допроса, после чего сослан в Костромскую губернию (см.: Рус. архив. 1894. № 3. С. 432).

В «Хоре и Калиныче» в той или иной форме

отразились основные социальные концепции и идеологические споры своего времени. Тургенев включается в полемику с ходу, с первых строк описывая резкую разницу «между породой людей в Орловской губернии и калужской породой». Два типа, разительно не похожие один на другой. Автор не вдается в анализ причин этого явления, лишь вскользь упоминает, что орловский мужик «ходит на барщину», калужский же — «оброчный мужик». Тургенев не обрушивается с гневом на систему «барщины» — старинную феодальную зависимость, при которой принудительный труд крестьян с собственным инвентарем и скотом на помещика не оставляет труженику времени на работы на своем скудном наделе. Не воспевает Тургенев и прогрессивность оброчной системы, более терпимой для крестьянина, дающей ему самостоятельность в собственном хозяйстве, возможность сносного существования. Но художественное описание и сопоставление двух типов дают точную характеристику социальному явлению, отрицая экономическую целесообразность «барщины» в пользу «оброка».

Публицистически заостренно звучит в очерке спор между «западниками» и «славянофилами», который велся в среде русской дворянской ин-

теллигенции в середине 40-х годов (см. об этом: *Бродский Н.* Белинский и Тургенев // Белинский — историк и теоретик литературы. М.; Л. 1949: *Ковалев В. А.* «Записки охотника» Тургенева и «западническая» публицистика 1846-1848 гг. // Учен. зап. Ленингр. гос. пединститута им. А. И. Герцена, каф. рус. лит. Л., 1937. Т. 7. С. 127-165: *Ковалев В. А.* «Записки охотника» И. С. Тургенева: Вопросы генезиса. Л., 1980). В трактовке образов двух заглавных героев — в высокой оценке самобытности каждой личности, подчеркнутом чувстве собственного достоинства у крестьянина, отсутствии в них религиозности, в уважении, с которым автор относится к обоим героям, — сказались взгляды на русский народ Белинского и Герцена, которые в то время полностью разделял Тургенев.

Идеологи славянофильства были убеждены в приверженности русского народа к старине, в активном неприятии им всего нового, особенно идущего с Запада, Тургенев же показал, что простой русский мужик Хорь отнюдь не против западных новинок, оценивает их с точки зрения здравого смысла, прикидывает в уме, какую практическую пользу можно извлечь из этого нового. Остро полемически звучало заключение,

сделанное «рассказчиком» после беседы с Хорем, — заключение, что «Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях». Отношение к государственным и хозяйственным реформам Петра I было, как известно, одним из основных вопросов, по которым славянофилы расходились с «западниками». Реформаторскую деятельность Петра славянофилы считали чуждой духу русского народа, а его преобразования — искусственно перенесенными с Запада на русскую почву, в результате чего, по их мнению, было нарушено «самобытное» развитие Руси. Признание Тургеневым *народного* характера петровских преобразований определяло позицию писателя в одном из главнейших идейных споров его времени.

Концепция русского народа, лежащая в основе художественного очерка Тургенева, перекликается с концепцией статьи «западника» К. Д. Кавелина «Взгляд на юридический быт древней России», которая была опубликована в той же книжке «Современника», где печатался «Хорь и Калиныч». По мнению В. А. Ковалева, Тургенев ознакомился со статьей Кавелина через Белинского еще до ее публикации, в марте-апреле 1846

г., т. е. в период работы над своим очерком. См. об этом: *Ковалев В. А.* «Записки охотника» И. С. Тургенева. Л.. 1980. С. 10.

С другой стороны, образ Хоря свидетельствует о том, что Тургенев не разделял официальной точки зрения реакционно-консервативных идеологов о единстве народа и правящего сословия в самодержавно-православной России, о патриархальной гармонии между «отцами-помещиками» и «детьми-крестьянами». Крепостной крестьянин Хорь лишь внешне соглашается со своим барином. На деле же относится к нему с иронией, даже критически. Он сознает свое превосходство над довольно никчемным господином Полутыкиным.

Рассказ «Хорь и Калиныч», первый в цикле «Записок охотника», высоко оценили современная критика и читатели. Друзья и единомышленники из редакции «Современника» сообщали об этом Тургеневу за границу. И. И. Панаев писал 10(22) февраля 1847 г.: «Ваши оба рассказа (второй напечатан во 2 №) очень нравятся, да и не могут не нравиться, потому что они истинно хороши» (цит. по: Тургенев и круг «Современника». М.; Л., 1930. С. 11. «Второй» рассказ — это «Петр Петрович Каратаев», который поначалу не входил в цикл

«Записок охотника»). Вслед за тем Белинский в письме от 19 февраля (3 марта) рассказывал автору о настоящем триумфе его художественной миниатюры: «Вы и сами не знаете, что такое „Хорь и Калиныч“. Судя по „Хорю“, Вы далеко пойдете. Это Ваш настоящий род <…> „Хорь“ Вас высоко поднял — говорю это не как мое мнение, а как общий приговор» (*Белинский.* Т. 12. С. 336).

Развернутый отзыв критик дал в обзорной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года». Белинский определил здесь природу таланта Тургенева, отметил тесную связь его творчества с современной русской действительностью, новый подход к теме народа, в рассказе «Хорь и Калиныч» подчеркнул типичность образов главных героев. См.: Там же. Т. 10. С. 344-346.

Типичность крестьянских образов в этом рассказе отмечал и Герцен. В предисловии к немецкому изданию «Рыбаков» Григоровича Герцен писал в 1857 г.: «Он (Тургенев) наделил, конечно шутки ради, одного — характером Гёте, а другого — характером Шиллера. Но по мере того, как Тургенев приглядывался к господскому дому и к чердаку бурмистра, он увлекся своей темой. Шутка постепенно исчезла, и поэт нарисовал нам два различных, серьезных поэтических типа

русских крестьян» *Герцен*. Т. 13. С. 177).

Очень сочувственно отнесся к «Хорю и Калинычу» Анненков. «В «Заметках о русской литературе прошлого года» он сказал, что этот рассказ — «первый по появлению <…> остается первым и по достоинству» (Современник. 1849. № 1. Отд. III. С. 19).

Новаторский подход художника к образу человека из народа отметил Ап. Григорьев в «Обозрении журнальных явлений». В «Хоре и Калиныче», писал критик, «характер русского человека является с совершенно новой стороны» (Московский городской листок. 1847. № 52. 5 марта).

Были и отрицательные суждения, В. П. Боткин, например, посчитал, что «Хорь и Калиныч» — «идиллия, а не характеристика двух русских мужиков» («…В отношении к этой пьесе, так резко замечательной, ты совсем не прав», — ответил Боткину Белинский 22 апреля 1847 г. *(Белинский.* Т. 12. С. 360)). В идеализации крестьян обвиняли Тургенева также «Отечественные записки». Рецензент журнала особенно упрекал автора за ту сценку, где «один мужик несет в подарок другому (страшно вымолвить!) пучок земляники…» (Отеч. зап. 1848. № 1. Отд. V. С. 23).

Рецензент же официозного «Сына отечества»,

хотя и неодобрительно, отмечал реалистические черты в характере Хоря: «Хорь — очень смышленый, но плутоватый мужик, не доверяющий своему господину, который с ним обходится довольно ласково; невзирая на то, Хорь любит острить насчет своего господина» (Сын отечества. 1847. Окт. Отд. критики и библиогр. С. 21).

С годами менялось отношение к рассказу (а впоследствии и ко всему циклу) идеологов славянофильства — братьев Аксаковых. В 1847 г. в рецензии на «Петербургский сборник» Некрасова К. С. Аксаков, резко отрицательно отозвавшись о стихотворениях Тургенева и его поэме «Помещик», сделал оговорку: «Мы должны указать на появившийся в 1-м нумере «Современника» превосходный рассказ Тургенева „Хорь и Калиныч“. Вот что значит прикоснуться к земле и к народу, в миг дается сила!» (Московский сборник на 1847 год. Отд. II. С. 38. Примеч.).

А через пять лет, в октябре 1852 г., прочитав «Записки охотника», вышедшие отдельным изданием, К. С. Аксаков весьма сурово оценил книгу. Изменил он мнение и о «Хоре и Калиныче». «„Хорь и Калиныч“, — писал К. С. Аксаков Тургеневу, — тот же, и те же в нем достоинства, но, видно, требования выросли, видно — выросло

время: только далеко не так понравился мне этот рассказ, как прежде <…> Ваши „Записки охотника“ вообще — только одно мерцание какого-то света, не больше» (Рус. обозрение. 1894. № 8. С. 481). И. С. Аксаков, критикуя манеру художественного письма в «Записках охотника» и указывая автору на отдельные стилистические промахи, относил «Хоря и Калиныча» к числу лучших рассказов (см.: Там же. С. 476).

Чиновник Главного управления цензуры Е. Волков, который в 1852 г. вел секретное следствие об издании «Записок охотника», обратил особое внимание на антикрепостнический дух рассказа. В рапорте на имя министра он докладывал: «Внушать крестьянину мысли, что на свободе ему будет лучше, чем у своего барина, несмотря даже, что он хороший барин, <…> не следует». (Рапорт опубликован в статье Ю. Г. Оксмана «Секретное следствие о „Записках охотника“ в 1852 г.». См.: *Оксман.* С. 273).

Огромное идейно-художественное влияние рассказа на русскую литературу о крестьянстве отметил современник Тургенева Максим Горький. Как это ни парадоксально звучит сегодня (в нашем сознании имена Тургенева и Горького крепко спаяны с разными столетиями и различ-

ными художественными школами реализма), они были современниками. Горький родился при жизни Тургенева, Тургенев скончался спустя 15 лет после рождения Горького. В 1935 г., включая очерк Тургенева в план издания «Библиотеки „Колхозника“», Горький записал: «...„Хорь и Калиныч“ — легкий, но очень метко сделанный рисунок двух типов „мужика“, этот рисунок, в дальнейшем, является основанием для всех Поликушек и Каратаевых дворянской литературы, для всех Колупаевых и Разуваевых» (Архив А. М. Горького. М., 1965. Т. X, кн. 2. С. 431).

ЕРМОЛАЙ И МЕЛЬНИЧИХА (с. 14)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 5, отд. I, с. 130-141 (ценз. разр. 30 апр.), под № 11. Подпись, общая для четырех опубликованных здесь рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны.

Лишь после неожиданного и громкого успеха «Хоря и Калиныча» у писателя возникла мысль создать цикл охотничьих рассказов. Об этом, со слов Тургенева, сообщил Белинский в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» (см.: *Белинский.* Т. 10. С. 345). Позже об этом рассказывал

и сам Тургенев в «Литературных и житейских воспоминаниях», а также в письме к Анненкову от 4 декабря 1880 г. Именно на создание *цикла* «Записок охотника» с последующим изданием их отдельной книгой ориентировал Тургенева Некрасов. См. об этом: *Громов В.* Ал. Некрасов и «Записки охотника» И. С. Тургенева // Некрасовский сборник. VI. Л., 1978. С. 30-31.

Работа над вторым рассказом цикла — «Ермолай и мельничиха» (в журнальной публикации он идет под номером II) — могла быть начата не раньше середины янв. 1847 г. А уже 15(27) февр. Некрасов писал в Берлин Тургеневу о получении рукописи (см.: *Некрасов.* Т. 10. С. 61).

Здесь впервые появляется Ермолай, постоянный спутник автора-охотника. Многие мемуаристы называли прототипом Ермолая крепостного человека Афанасия Тимофеевича Алифанова, который принадлежал одному из соседей Тургенева. Писатель познакомился с ним на охоте в 1835 г. Судя по письму В. П. Тургеневой к сыну от 30 июля 1838 г., она купила Алифанова у соседа (см.: *ГПБ*. Ф. 795. Ед. хр. 91). Нет документального подтверждения, что он был отпущен на волю, однако И. Ф. Рында утверждает это в своей книге. «Афанасий представлял собою тип, — теперь уже,

кажется, вымерший на Руси, — охотника с ног до головы, всей душой и помыслами преданного охоте» *(Рында.* С. 43).

В письме к Д. Я. Колбасину из Спасского от 14 июня 1861 г. Тургенев писал, что он собирается на охоту «вместе с Фетом и Афанасьем, который сильно постарел, но все еще бодрится». Е. Я. Колбасин (брат адресата) сделал примечание к этому письму: «Афанасий — бывший крепостной Тургенева, выведен в „Записках охотника“ под именем Ермолая. Он фигурирует в целом рассказе „Ермолай и Мельничиха“, целиком взятом из действительного происшествия <…> Как теперь помню этого высокого, стройного мужика в каком-то коротеньком зипунишке до колен, подпоясанного веревочкой и монотонно докладывающего Тургеневу о выводках коростелей, дупелей и т. п. Тургенев слушал его внимательно, не перебивая его плавной речи, вынимал деньги из кошелька и говорил: „Теперь распоряжайся мною, Афанасий, как знаешь“» (Первое собрание писем И. С. Тургенева. СПб., 1884. С. 92).

После смерти Алифанова писатель многие годы помогал его семье. По свидетельству Б. В. Богданова, в Спасском-Лутовинове до сих пор живут потомки Алифанова (см.: *Орл. сб., 1955.* С.

288-289).

Образ Ермолая — первый из созданных Тургеневым фигур, принадлежащих к совершенно особой социальной прослойке. Эта нечто вроде люмпен-крепостного, самая нижняя ступень в общественной иерархии: дворовые люди, по болезни, по старости или полной непригодности к крестьянскому труду и барской службе брошенные помещиком на произвол судьбы, — Ермолай, Степушка, «охотник Владимир», Лукерья, старик из рассказа «Контора».

В характере чувствительной и властной госпожи Зверковой отразились некоторые черты Варвары Петровны Тургеневой, жестокость которой чувствовали и ее сыновья. Воспитанница Тургеневой В. Н. Житова вспоминала, что хозяйка Спасского-Лутовинова запрещала своей любимой горничной держать при себе и кормить ее грудных детей: всякий раз следовал приказ отправлять их в деревню, чтобы мать «не рвалась» к детям и усерднее служила госпоже (см.: *Житова.* С. 43).

Демократическая критика положительно оценила новый рассказ. В упомянутом выше письме Некрасов писал Тургеневу: «Рассказ Ваш я прочел — он очень хорош, без преувеличенья: прост и

оригинален. Завтра дам его Белинскому — он верно скажет то же» (*Некрасов*. Т. 10. С. 61). Четыре дня спустя, 19 февраля (3 марта) 1847 г., Белинский написал автору: «…„Ермолай и мельничиха“ — не бог знает что, безделка, а хорошо, потому что умно и дельно, с мыслию» (*Белинский.* Т. 12. С. 336). Критик оценил «мысль» рассказа, т. е. его основную идею — разоблачение дворянской морали, показного гуманизма, под прикрытием которого помещик топчет человеческое достоинство крепостного. Превосходным назвал рассказ Герцен. См.: *Герцен*. Т. 13. С. 177.

Чиновник Главного управления цензуры Е. Волков воспринял как должное и обыденное ненормальные человеческие отношения в крепостническом обществе. Его взволновало другое. В рассказе он отметил два криминальных момента: «1. Автор словами Ермолая советует не ходить к лекарю, угрожая, что будет хуже! — Подобные советы вредны и пагубны для простого народа. И без того уже невежество и суеверие, не доверяющие просвещенной опытности врачей, к несчастью, очень часто бывают причиной большой смертности в простом народе! 2. Предложение Ермолая Мельничихе погостить у него в отсутствие его жены, которую он нарочно для

сего прогнать хочет из дома, в высшей степени безнравственно» (*Оксман.* С. 274).

МАЛИНОВАЯ ВОДА (с. 22)

Впервые — в журнале «Современник», 1848, № 2, отд. I, с. 148-157 (ценз. разр. 31 янв.), под № VIII. Подпись, общая для шести опубликованных здесь рассказов: Ив. Тургенев.

Сохранился черновой автограф рассказа *(ГИБ.* Ф. 795. Ед. хр. 7). В автографе первоначальное заглавие «Туман» с последующей припиской «и Степушка» зачеркнуто; сверху же написано: «Малиновая вода». Подпись: Ив. Тургенев.

По первоначальному замыслу Тургенев намеревался написать два очерка — «Туман» и «Степушка». Названия их зафиксированы в *Программе V* (см.: *Сочинения* //. Т. 3. С. 377-378), датируемой концом августа — концом сентября ст. ст. 1847 г. Мысль о слиянии их в один рассказ появилась у Тургенева в процессе работы над очерком «Туман», что видно из последовательного изменения названия в черновом автографе.

Рассказ создавался в Париже (отчасти, возможно, в Куртавнеле) в середине сентября — октябре ст. ст. 1847 г. Из письма Тургенева к Белинскому

от 5(17) сентября 1847 г. следует, что в начале сентября писатель был занят доработкой «Бурмистра» и «Конторы». А в *Программе VII* (см.: Там же. С. 380), относящейся к ноябрю 1847 г., очерк «Малиновая вода» входит в перечень 12 уже написанных произведений.

Рассказ интересен своим подтекстом, иносказанием. Так, тщательно зашифрован автором и не сразу постигается читателем образ Степушки, этого изгоя, не имеющего никакого общественного статуса. Тургенев лишь вскользь бросает, что Степушка приходится родственником пленной турчанке, которую «покойный барин бригадир Алексей Романович» привез «из похода». Не трудно домыслить, что Степушка мог состоять только в одной степени родства с пленницей — быть ее незаконным сыном, прижитым с бригадиром, сыном, которого не допустили в барские хоромы, но и не приписали ни к дворне, ни к тягловым крестьянам. Отсюда все странности и необъяснимости его характера. Видно, где-то в тайниках подсознания тлеет у него смутное воспоминание о своей причастности к господскому клану, потому-то в светлый праздник он не кланяется в ноги, не прикладывается к барской ручке, не принимает стакана вина из рук приказчика, предпочитая

милостыню Христа-ради. Отсюда и отношение к нему бывшего графского дворецкого, вольноотпущенного Тумана — отношение снисходительного превосходства, но и признание права быть в его, Тумана, компании. Ведь de-jure Степушка тоже вольный человек, хотя и абсолютно бесправный, не числящийся даже в ревизских сказках,

«Малиновая вода» — один из наиболее острых антикрепостнических рассказов. Именно поэтому в журнальной публикации цензор сделал значительные (по смыслу) изъятия и замены: смягчен рассказ Тумана об издевательствах графской любовницы над крепостными, изъят диалог охотника и Тумана о строгости графа, изменилась реплика Власа о своей голодающей жене, исчезли рассуждения Тумана о непосильном оброке, определенном наследниками графа крестьянам*(Сочинения I* Т. 4. С. 397-398).

Готовя издание 1851 г., Тургенев самовольно отменил все купюры и вынужденные замены цензурного характера. Таким образом, последующие издания воспроизводили первоначальный авторский текст.

Все шесть рассказов, напечатанные во второй книжке «Современника» за 1848 г., вызвали разноречивые отзывы в кругу редакции журнала.

Белинский признавался, что решительно не понял «Степушки», и потому, писал он Анненкову 15 февраля 1848 г., «„Малиновая вода“ мне не очень понравилась» *(Белинский.* Т, 12. С. 466). Не понравились Белинскому также «Уездный лекарь» и «Лебедянь» (см. комментарии к этим рассказам в наст. изд.). Боткин был иного мнения. 17 февраля 1848 г. он писал Анненкову: «„Записки охотника“ Тургенева доставили мне истинное наслаждение, и в этом отношении я совершенно расхожусь с мнением Белинского. Каждый из рассказов прекрасен по-своему, и я в затруднении, которому из них отдать преимущество» (П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. Т. I. С. 554-555).

Высокую оценку дал рассказам Анненков в обзорной статье 1849 г. «Заметки о русской литературе прошлого года»: «Новые рассказы Тургенева (Малиновая вода. Уездный лекарь, Бирюк, Лебедянь, Татьяна Борисовна, Смерть) сохраняют все качества предшествовавших им: разнообразие, верность картин и особенно какое-то уважение ко всем своим лицам. Гуманность эта, доказывающая, между прочим, уже окрепшую мысль в авторе, да сильное чувство красоты природы составляют, как и прежде, их настоящий колорит и вполне объясняют успех

их» *(Современник.* 1849. № 1. Отд. III. С. 19).

УЕЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ (с. 29)

Впервые — в журнале «Современник», 1848, № 2, отд. I, с. 157-165 (ценз. разр. 31 янв.), под № IX. Подпись, общая для шести рассказов: Ив. Тургенев.

Сохранился черновой автограф рассказа *(ГИБ.* Ф. 795. Ед. хр. 6). На полях листа 1 рукою Тургенева набросаны три программы «Записок охотника»: *Программы V, VI и VII.* См.: *Сочинения II.* Т. 3. С. 377-380.

По первоначальному замыслу рассказ назывался «Бедное семейство», о чем свидетельствует *Программа I*. Здесь под номером 7 записано: «Бед. сем.» (расшифровка принадлежит Б. М. Эйхенбауму. См.: *Т. Сочинения.* Т. 1. С. 356) — и обозначено, что рассказ предназначается для 8-го номера «Современника». По дате *Программы I* замысел рассказа можно отнести к началу апреля 1847 г. Название изменилось еще до начала работы. В *Программе III,* датируемой концом июля — началом августа, под № 7 рядом с буквами «Б. С.» стоят «У. Л.», т. е. «Уездный лекарь». Работу над рассказом М. К. Клеман относит к концу августа — началу октября. По его мнению, в числе

рассказов, отосланных Тургеневым в редакцию «Современника» в начале октября, был и «Уездный лекарь» (см.:*Клеман, Программы*. С. 106-107). Эта дата нуждается в уточнении: М. К. Клеман опирается в своем выводе на письмо Тургенева к Полине Виардо 7(19) октября 1847 г. Дата эта (проставленная самим Тургеневым) ошибочна. Исходя из содержания, его следует отнести к 8(20) ноября 1847 г. См.: *Письма II.* Т. 1. С. 226, 365.

В *Программе V* Тургеневым сделана пометка, согласно которой «Уездный лекарь» предназначается теперь в 1-й номер «Современника» за 1848 г. В *Программе VI* это вновь подтверждается и указывается крайний срок отсылки рассказа в Петербург: «…в 1-й <номер> д<олжно> б<ыть> отпр<авлено> отсюда 5-го декабря» (или 23 ноября ст. ст.). Это намерение в двадцатых числах ноября ст. ст. было выполнено. Все четыре рассказа для 1-го номера «Современника» («Бирюк», «Малиновая вода», «Уездный лекарь» и «Лебедянь») к 7 декабря ст. ст. 1847 г. уже находились у Некрасова (см. письмо Некрасова к Тургеневу от 11(23) декабря 1847 г.: *Некрасов.* Т. 10. С. 93. См. также обоснование датировок рассказов «Бирюк» и «Лебедянь» в наст. изд.).

Сюжет «Уездного лекаря» (любовь смертельно

больной молодой девушки к своему врачу) не был новым в русской литературе. Сходная ситуация разработана, например, в повести «Не тронь меня», напечатанной в «Литературных прибавлениях к „Русскому инвалиду“ на 1839 год», № 24 (подпись: А. Городок). Однако Тургенев знал подобную историю, происшедшую в семье Бакуниных. Любовь Александровна Бакунина за месяц до своей кончины горячо и безнадежно полюбила врача П. П. Клюшникова, который тщетно пытался спасти ее от смерти. О последних днях Л. А. Бакуниной Клюшников рассказывал Белинскому, от которого эту историю узнал Н. В. Станкевич. В свою очередь, Станкевич мог рассказать ее Тургеневу, с которым был близок в 1840 г. Воспоминания о Л. А. Бакуниной Тургенев слышал также от ее сестер и братьев, с которыми был очень дружен. И, конечно, этот живой материал, а не литературная реминисценция лег в основу рассказа. Но писатель далеко отошел от жизненных прототипов. Уездный лекарь ничем не напоминает П. П. Клюшникова, умного и талантливого врача, близкого к кружку Бакунина. См.: *Серман И.* К истории создания «Уездного лекаря» // *Орл. сб. 1960.* С. 60-76.

Белинский достаточно резко отозвался о рас-

сказе: «В „Уездном лекаре“, — писал он Анненкову 15 февраля 1848 г, — я не понял ни единого слова, а потому ничего не скажу о нем; а вот моя жена так в восторге от него — бабье дело…» *(Белинский.* Т. 12. С. 466). Возможно, в избыточном «психологизме» рассказа Белинский усмотрел влияние последних повестей Достоевского «Двойник» и «Хозяйка», в которых критик отметил отход от общественной проблематики к проблематике психологической и даже патологической. О влиянии Достоевского на стилевую манеру рассказа «Уездный лекарь» см.: *Виноградов В. В.* О языке художественной литературы. М., 1959. С. 493-506.

МОЙ СОСЕД РАДИЛОВ (с. 35)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 5, отд. I, с. 141-148 (ценз. разр. 30 апр.), под № III. Подпись, общая для четырех рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны.

На рукописи неоконченной драмы «Искушение святого Антония» (писатель работал над ней весной 1842 г.) Тургенев написал фамилию героя будущего рассказа — «Радилов» (см.: *Сочинения II.* Т. 2. С. 688). Не исключено, что это случайная

запись имени реального лица, но, возможно, уже тогда с этим именем были связаны какие-то творческие замыслы.

Имя литературного персонажа нередко было для Тургенева путеводным знаком, который помогал ему сохранить ощущение исторической и биографической конкретности. За этим был скрыт иногда известный лишь ему слой жизненного материала или источник сюжета (см.: *Чернов Н.* Тропинка к «Рудину» // В мире книг. 1975. № 9. С. 86). Радиловы, «по сказаниям старинных родословцев», происходили, как и предки писателя, от мурзы Льва Тургенева (см.: Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 51. С. 79). В 40-е годы прошлого века приставом в соседнем Чернском уезде Тульской губ. служил Семен Никитич Радилов (см.: Адрес-календарь. СПб., 1840. Ч. II.).

15(27) февраля 1847 г. Некрасов писал Тургеневу в Берлин: «Радилова я буду ждать с нетерпением; мне эти ваши рассказы по сердцу пришлись» (*Некрасов.* Т. 10. С. 62). Это был ответ на недошедшее до нас письмо Тургенева от начала февраля ст. ст. 1847 г., в котором, судя по словам Некрасова, Тургенев писал о намерении написать рассказ и, возможно, о начале работы над ним. Завершение

работы можно отнести к началу марта 1847 г., так как уже в середине этого месяца рассказ был у Белинского; 17 марта Белинский сообщил Боткину о получении третьего «отрывка» из «Записок охотника» (см.: *Белинский.* Т. 12. С. 352-353). Под номером III в «Современнике» значился «Мой сосед Радилов».

Тургенев продолжает обличение этических норм господствующего класса. По законам жесткой церковной морали Радилов не может жениться на любимой женщине, так как она сестра его первой (умершей) жены. Их любовь считается «незаконной», брак невозможен, ложная мораль делает несчастными двух хороших людей. Тургенев в художественной форме выражает здесь мысль Герцена о «Дощатом балагане нашей морали», разделяет его негодование против нравственного рабства, предрассудков и условностей, связывающих современного человека. Все это прозвучало в статье Герцена «Новые вариации на старые темы», опубликованной в том же «Современнике» всего двумя месяцами ранее рассказа Тургенева, в мартовской книжке за 1847 год (см.: *Герцен.* Т. 2. С. 98).

Критика обветшалой морали, ложно понимаемой нравственности была в центре внимания

литераторов круга «Современника». Вопросы эти в разных аспектах ставили, например, И. Панаев (повесть «Родственники»), Некрасов (стихотворение «Нравственный человек»), Белинский в своих критических статьях.

В упомянутом выше письме Белинского к Боткину от 17 марта 1847 г. критик очень сочувственно отозвался о рассказе: «Он (Тургенев. — *Ред.)* прислал рассказец (3-й отрывок из „Записок охотника“) — недурен...»

Чиновник же, который вел следствие по «делу» о «Записках охотника», написал в рапорте: «...рассказ этот противен мудрым постановлениям нашей церкви, следовательно, противен и нравственности» (Оксман. С. 275).

ОДНОДВОРЕЦ ОВСЯНИКОВ (с. 40)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 5, отд. I, с. 148-165 (ценз. разр. 30 апр.), под № IV. Подпись, общая для четырех рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны.

Работу над рассказом Тургенев мог начать не ранее середины февраля ст. ст. 1847 г.; в не дошедшем до нас письме из Берлина к Некрасову от

начала февраля ст. ст. 1847 г. Тургенев сообщал о работе лишь над одним рассказом — «Мой сосед Радилов», не упоминая ни об «Однодворце Овсяникове», ни о «Льгове». Иначе в ответе Некрасова непременно прозвучали бы эти названия (см.: *Некрасов.* Т. 10. С. 62). Скорее всего, рассказ был написан после отправки в Петербург рукописи «Радилова» (начало марта) и до начала работы над «Русским немцем» (апрель 1847 г.).

В цензурной рукописи цензор вычеркнул слова «с бессрочными» (С. 48 наст. изд.), которые впервые восстановлены в изд.: *Тургенев И. С.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1953. Т. 1 С. 139.

В цензурной рукописи со слов «Да, да, — подтвердил…» (С. 43 наст. изд.) до слов «Ну, подите вы…» (С. 48 наст. изд.) главный герой называется Вылышковым. В изд. 1852 г. фамилия (как и в «Современнике») — Овсяников. Земля, отнятая у Овсяникова, в «Современнике» и в «цензурной» рукописи называется Дубиновщиной (а не Дубовщиной).

Рассказ «Однодворец Овсяников» связан с замыслом ненаписанного очерка «Размежевание» и с комедией «Завтрак у предводителя» *(Клеман. Программы* С. 119. См. также комментарий к комедии «Завтрак у предводителя»: *Сочинения II.*

Т. 2. С. 623-624).

Исследователи и современники Тургенева не без основания указывали на разных лиц как на прототипы центрального персонажа. Мы располагаем теперь и документальным подтверждением этого. Так, в 1763 г. прадед писателя И. А. Лутовинов хлопотал о записи купчей, совершенной им с Петром Осиповичем Овсяниковым на приобретение у последнего «жеребья деревни Голоплеки, Протасовский починок тож, да жеребья пустоши Овсяниковой на реке на Сальнице» (*ЦГАДА. Ф.* 1209. Ед. хр. 16024. Кн. 28).

Еще одна документальная иллюстрация к рассказу. В 1788 г. Ливонским уездным судом привлекался к иску поручик Николай Лукин за то, что приказал сечь кнутьями однодворца Нефеда Овсяникова и жену его Февронью и отобрал у них скот за якобы взятый у него долг 50 рублей (ГАОО. Ф. 5. Дело 382 нижнего земского суда).

В архиве Государственного музея И. С. Тургенева в г. Орле хранится дело о покупке В. П. Тургеневой земли у помещика И. И. Чертова, ее соседа. В этом деле упоминается и о продаже Чертовым восьми десятин земли однодворцу Овсяникову из села Голоплеки (см.: *Орл. сб. 1955.* С. 290); «В Голоплеках и теперь живут Овсяниковы,

вероятно, потомки тех однодворцев, о которых писал Тургенев» *(Богдановы.* С. 14).

В образе «дедушки» в «батальной» сцене захвата чужой земли угадываются мотивы старой истории, бывшей в семье Лутовиновых. В мемуарной литературе сохранился рассказ о самоуправстве Алексея Ивановича Лутовинова (дяди матери писателя) над однодворцами или экономическими крестьянами, запахавшими спорную землю. По его приказу псари и егеря устроили настоящее побоище, в котором погибло около 15 человек (Тургенев и его время: CS. I. М.; Пг. 1923. С. 315). Однако Н. М. Чернов на основании архивных документов установил, что история эта связана не с А. И. Лутовиновым, а с именем деда писателя Петра Лутовинова. См.: Лит. газ. 1968. 4 сент. № 36.

В рассказе, построенном на ретроспективном материале, явно ощущается злободневность — тема помещика-славянофила Любозвонова.

Вопреки убежденности славянофилов в их близости к народу Тургенев в откровенно сатирической сцене встречи Любозвонова с крестьянами нарисовал картину полного взаимного непонимания между помещиком и его крепостными. В Любозвонове современники усматривали памфлетное изображение Константина Аксакова.

Злободневной была и сатирическая зарисовка сцены размежевания.

Белинский высоко оценил рассказ, поставив его (вместе с «Конторой») на третье место после «Хоря и Калиныча» и «Бурмистра» (*Белинский*. Т. 10. С. 346).

Перечитав «Записки охотника» по выходе их в первом отдельном издании, И. С. Аксаков писал Тургеневу 4 октября 1852 г.: «Послушайте, любезнейший Иван Сергеевич; как могли вы теперь оставить место о г. Любозвонове? Само собою разумеется, что под Любозвоновым вы разумели брата Константина <…> Вы могли это написать в 1847 году, но теперь, для красного словца, вы пожертвовали истиной…» (Рус. обозрение. 1894, № 8. С. 477). 28 декабря 1852 г., отвечая И. С. Аксакову, Тургенев ссылался на забывчивость и невнимательное прочтение рукописи при подготовке издания. Однако это объяснение выглядит как попытка уклониться от откровенного признания, ибо критический анализ «цензурной» рукописи показывает, что Тургенев читал ее, по крайней мере, дважды, внося стилистические исправления, В частности, делались некоторые поправки в отрывке о помещике Любозвонове.

В цитированном письме рассказ в целом И.

Аксаков оценил положительно: «Хорош также, очень хорош „Овсяников“».

В «Былом и думах» Герцен припомнил эпизод с потоплением Лежёня, рассказывая о принудительном купании зимой в лондонском Гайд-парке французского шпиона *(Герцен.* Т. 11. С. 109).

Рассказ Овсяникова (о расправе помещика с его отцом) привлек внимание Н. И. Тургенева. В одной из своих заметок, напечатанной в «Колоколе» 15 апреля 1859 г., Н. И. Тургенев рекомендовал сочинителям «проектов об улучшении быта крестьян с полицейской властью помещиков и с розгами» не забывать об этом случае. Подробнее см. об этом в изд.: *ТСС.* Т. 1. С. 377 (примеч. В. А. Громова).

ЛЬГОВ (с. 52)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 5, отд. I, с. 165-176 (ценз. разр. 30 апр.), под № V. Подпись, общая для четырех рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны.

Документальными данными о начале и окончании работы над «Льговом» мы не располагаем. Предположительно Тургенев мог начать рассказ лишь около середины февраля ст. ст. 1847 г. (см.

основания датировки рассказа «Однодворец Овсяников») и закончить к началу апреля ст. ст. (иначе рассказ не смог бы появиться в майской книжке «Современника»). Второй половиной февраля — мартом ст. ст. 1847 г. датирует рассказ и М. К. Клеман. См.: Клеман. Программы. С. 92.

В феврале-марте ст. ст. 1847 г. (в Берлине) Тургенев работал сразу над четырьмя произведениями из «Записок охотника» — заканчивал «Ермолая и мельничиху», писал «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсяников» и «Льгов». По-видимому, три последних очерка создавались одновременно. Косвенным подтверждением этому служат слова Тургенева в письме к П. Виардо от 13(25) декабря 1847 г.: «…с тех пор как я нахожусь в Париже, я никогда не работал одновременно более чем над одною вещью и многие довел до пристани благополучно» (*Письма II.* Т. 1. С. 245 и 379. Подлинник по-французски), т. е. до Парижа параллельная работа над несколькими вещами была для писателя обычным делом.

В мемуарной литературе существует много указаний на жизненный материал, отразившийся в рассказе. Большое и зажиточное село Льгов (более 300 дворов и около 900 душ мужского населения) находилось в Волховском уезде Орловской

губернии, верстах в 70 от Спасского. «Топографическое» описание Льгова в рассказе довольно точно, но расположено село на берегу реки Вытебеть, а не на Росоте. До наших дней сохранилась древняя церковь, о которой упоминает Тургенев (см.: Богдановы. С. 11). На сельском кладбище Льгова действительно есть могила графа Бланжия, домашнего учителя в семье орловских помещиков Юрасовских, с которыми была знакома В. П. Тургенева. Благодаря этому, как полагает Т. А. Мартемьянов, имя графа Бланжия и попало «в написанный ее сыном рассказ <...> в своем подлинном виде» (Ист. вестник. 1913. № 9. С. 984). Но в основу стихотворной надписи на надгробии, приведенной в рассказе, легла эпитафия с другого памятника — некоему Николаю Этьену, — сооруженного на господском кладбище в Спасском (см.: Рында. С. 51-76). Об этом памятнике и эпитафии, автором которой был, видимо, И. И. Лутовинов, рассказывает М. А. Щепкин в «Воспоминаниях об Тургеневе и селе Спасском» (см.: Ист. вестник. 1898. № 9. С. 908-909). Щепкин воспроизводит и текст эпитафии.

Текст надгробной надписи и стихотворная эпитафия приведены также Л. Н. Афониным (см.: Афонин Л. Н. На родине Тургенева. М., 1968. С. 44).

Они значительно отличаются от текста, введенного в очерк «Льгов». Из эпитафии Лутовинова Тургенев использовал лишь одну строку: «Учил дитя, родителей покоил». По существу, Тургенев заново написал эпитафию, придав всему опусу слегка иронический тон, и отлично стилизовал стих под вирши XVIII в.

Сельский учитель А. И. Замятин, бывший крепостной Тургенева, сообщал, что он «лично знал одного тургеневского героя, именно Сучка Антона, переименованного барыней Варварой Петровной из Козьмы» (Орл. сб. 1955. С. 291). В. Н. Житова также говорила о привычке В. П. Тургеневой менять имена своим дворовым. И. Ф. Рында, который собирал в начале 1900-х годов на родине Тургенева воспоминания людей, лично знавших писателя, рассказывал: «Лет 15 тому назад разрушилась окончательно хатёнка „Сучка“ (которого, кстати сказать, звали и „Крючком“) и унесена кем-то чугунная урна с могилы графа Бланжия» (Рында. С. 52).

Об успехе рассказов, напечатанных в майской книжке «Современника» за 1847 г. («Ермолай и мельничиха», «Мой сосед Радилов», «Однодворец Овсяников» и «Льгов»), сохранились свидетельства в письмах Некрасова к Тургеневу и Гоголя к

Анненкову (см. примеч. к этим рассказам в наст. изд.). 24 июня 1847 г. Некрасов писал Тургеневу: «...эти рассказы сделали такой же эффект, как романы Герцена и Гончарова» (Некрасов. Т. 10. С. 70).

БЕЖИН ЛУГ

(с. 61)

Впервые — в журнале «Современник», 1851, № 2, отд. I, с. 319-338 (ценз. разр. 13 февр.) под № XX. Подпись: Ив. Тургенев.

Беловой автограф хранится в *ГПБ* (Ф. 795. Ед. хр. 18). Неполный черновой «автограф — в *ЦГАЛИ* (Ф. 509. Оп. 2. Ед. хр. 7). Недостающая часть этой рукописи в 80-х годах находилась в Москве, в собрании А. М. Подшивалова (см.: Ист. вестник. 1884. № 1. С. 97-99). По его сообщению, интерес фрагменту придавала «характеристика мальчиков, встречающихся в рассказе. Так, сбоку, в конце, следующие выноски: Федя — красав., смел.; Павлушка — труслив; Илюша — поэтич.; Костя — глупый и мрачный. На одном из листов нарисован портрет Кости» (Там же, С. 98).

Мысль написать рассказ о крестьянских мальчиках пришла к Тургеневу в августе-сентябре

1850 г. в связи с заключительным эпизодом рассказа «Певцы», где эта тема затронута только вскользь: один мальчик монотонно, тоскливо, надсадно и почти без результата зовет другого, «Антропку», чем создается особое настроение грусти и отчаяния, соответствующее общему настроению книги Тургенева. Писателю захотелось развить эту тему, и тут же, в черновом автографе рассказа «Певцы» (см. с. 385 наст. изд.), после своей подписи, Тургенев приписал: «Описать, как мальчики гоняют лошадей в пустыри на ночь. — Огни». И на полях против этого места: «Бежин луг».

Там же, в черновой рукописи «Певцов», набросана очередная программа «Записок охотника», где «Бежин луг» значится под № 21 и отмечен волнистой чертой, которой, по-видимому, обозначались там запланированные, но еще не осуществленные рассказы (см.: *Клеман. Программы*. С. 117). Рассказ писался в Петербурге в начале 1851 г. 16 февраля Тургенев объяснял Е. М. Феоктистову некоторую задержку в переписке с ним тем, что «был очень занят» работой для «Современника», которую закончил «только вчера» (*Письма II*. Т. 2. С. 92). Писатель сообщал далее, что оригинал рассказа он отослал в Москву Н. Х. Кет-

черу (очевидно, для готовившегося отдельного издания «Записок охотника»); по этой рукописи он и предлагал Феоктистову ознакомиться со своей работой, которую цензура «сильно ощипала».

При публикации в «Современнике» цензура изъяла весь рассказ Кости о «Тришке»-антихристе; вместо него в журнале — отточие. Последующее упоминание о «Тришке» заменено словом «Леший». Во всех случаях цензор устранял упоминание бога. Например, вместо реплики: «Ей-богу, сама» — печаталось: «Сама». Была выпущена и заменена строкой точек реплика о леших: «И зачем эта погань в свете развелась? — заметил Павел. — Не понимаю». Вследствие этого становилась непонятной следующая реплика: «Не бранись, смотри, услышит…» Тема разбоя была запретной по цензурным правилам того времени. Поэтому вместо слов: «В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры» в журнале печаталось: «…Аким-лесник утоп». Не была допущена в «Современнике» заключительная фраза — о гибели Павла.

Рассказ «Бежин луг» не случайно создавался вслед за появившимися до него «Певцами». Оба эти произведения означали новый поворот и расширение темы: русский крестьянский мир

и в детских его представителях показан в его одаренности и духовной красоте, и в то же время обнажен трагизм положения.

Непривычность такого изображения получила отражение в первых же отзывах петербургской прессы. В рецензии «Отечественных записок», напечатанной анонимно, «Бежин луг» хотя и был отнесен к лучшим рассказам Тургенева и придано большое значение содержащейся в нем «истинно описательной поэзии», в то же время отмечалось, что портреты выведенных в рассказе мальчиков «несколько польщены» (Отеч. зап. 1851. № 4. Отд. VI. С. 104-105).

О впечатлении, произведенном рассказом в московских литературных кругах, 21 февраля 1851 г. писал Тургеневу Е. М, Феоктистов: «Вчера получен тут 2 № „Современника“. Когда это вы успели кончить и напечатать Вашу повесть — удивительное дело!» Феоктистов сообщал, что прочел повесть писательнице Е. В. Салиас де Турнемир, «и она и я в совершенном от нее восторге. Решительно это одна из лучших вещей, Вами написанных» *(ИРЛИ.* Арх. Л. Н. Майкова. Ф. 166. Ед. хр. 1539. Л. 1а). В новом письме, от 24 февраля, Феоктистов сообщал, что «Бежин луг» усиленно обсуждается «в известных кружках» и «произвел

в Москве огромный эффект на публику», отмечал в рассказе «бездну удивительных подробностей», которых «нет даже у Гоголя». Передавая мнения свое и В. П. Боткина, он в то же время отмечал, что «фигуры мальчиков очерчены очень бегло» и, кроме Павла и Кости, «совершенно незаметны». «Общее впечатление» и «общую нить» Феоктистов нашел недостаточными и выражал пожелание, «чтобы над всею этою картиною лежал какой-нибудь фантастический характер» (Там же. Л. 3-4 об.). 12 марта Тургенев отвечал Феоктистову: «…я вовсе не желал придать этому рассказу фантастический характер — это не немецкие мальчики сошлись — а русские. Самое верное замечание сделал мне Дудышкин — сказав, что мальчики у меня говорят как взрослые люди *(Письма II.* Т. 2. С. 95). Соглашаясь с мнением Феоктистова о недостаточности в рассказе впечатляющей силы, Боткин приписывал это тому, что «во всем рассказе не видно экономии: один рассказ тотчас же прерывается другим и нет отдыху читателю, нет промежутков, которые давали бы опомниться и почувствовать вполне свое впечатление…»

Сходные замечания композиционно-технического характера сделал по поводу «Бежина луга»

Ап. Григорьев. В журнале «Москвитянин» (1851, № 6. С. 278-283) он заявлял, что его ожидания удовлетворены рассказом «менее чем наполовину», и упрекал автора в излишней детализации, щедрости красок и мелких оттенков, которые, будучи сами по себе прекрасными, затемняют целое картины и лишают ее панорамы, так что утонченная живопись «Бежина луга», по мнению критика, «утомляет», создает общее «впечатление чего-то неопределенно пестрого». Рецензент выразил недовольство тем, что народные поверья, вложенные Тургеневым в уста мальчиков, постоянно прерываются автором. Не понравилось Григорьеву «ложное идеализирование характеров — в особенности характера Павлуши», который претил ему своим «скептицизмом». «Прелесть» рассказа Тургенева Григорьев видел в изображении поэтической личности автора, но отказывал ему в верности воспроизведения действительности, считая «фальшью» «*байронического* мальчика», т. е. Павлушу.

Для О. Ф. Миллера рассказ Тургенева служил образцом изображения простонародной детской души, которое он ставил в один ряд со светлой картиной «Крестьянских детей» Н. А. Некрасова (см.: *Миллер.* С. 302). В своей лекции об обще-

ственных типах в повестях Тургенева, отметив объективный способ проведения Тургеневым его антикрепостнической идеи, когда писатель «даже не затрагивает крепостного вопроса, а просто рисует нам такие типы крепостных людей, в которых оказывается гораздо более человеческого, чем во многих типах помещичьих», ученый ссылается на «детский крестьянский мир в „Бежином луге“, со всею налегшею на него с колыбели неприглядною тьмою суеверий, но и со всею бодростью и находчивостью существ, тоже почти с колыбели выведенных на открытое поле жизни и предоставленных почти совершенно самим себе. Есть, однако, и между ними более приголубленные судьбою в лице более зажиточных родителей, но нет между ними таких, которых бы она приголубила до того, чтобы довести до состояния комнатного растения. А вспомните этот яркий, поразительный образ Павлуши, так спокойно готовящегося встретить волка, — и согласитесь, что в эту минуту далеко до него какому-нибудь изнежившемуся барчуку, хотя бы и вовсе не суеверному!» (Там же. С. 4).

Место действия «Бежина луга» Тургенев изобразил со всей топографической точностью. Бежин луг расположен в 13 километрах от Спасского-

Лутовинова, у реки Снежедь, в Чернском районе Тульской области. Там же существовали Парахинские кусты. Деревня Варнавицы находилась в полуверсте от Спасского, а сельцо Шаламово — в трех верстах. Высохший и заросший пруд у прорванной варнавицкой плотины считался крестьянами «нечистым» местом, а об устроителе его, деспотичном и крутом И. И. Лутовинове (1753-1813), сохранилась и после смерти его недобрая слава. Впечатления Тургенева от ходивших о нем легенд и преданий отразились в рассказе о «старом барине» «Иване Иваныче». Возможно, что с личностью И. И. Лутовинова, основателя спасской усадьбы, был связан особый замысел Тургенева: в одной из программ «Записок охотника» значится заглавие: «Иван Иванович».

КАСЬЯН С КРАСИВОЙ МЕЧИ (с. 76)

Впервые — в журнале «Современник», 1851, № 3, отд. I, с. 121-140 (ценз. разр. 28 февр.), под № XXI. Подпись: Ив. Тургенев.

Две рукописи рассказа — черновая и переписанная набело посторонней рукой, с поправками Тургенева, — хранившиеся после смерти автора в собрании московского коллекционера А. М. Подшивалова, до нас не дошли. Краткие сведе-

ния о них Подшивалов привел в «Историческом вестнике» (1884. № 1. С. 98). Он сообщил, что первоначально Тургенев озаглавил рассказ «Касьян Блоха», но потом это заглавие вычеркнул.

Рассказ задуман, вероятно, в конце 1850 г. В программе цикла, набросанной на полях черновой рукописи рассказа «Певцы», «Касьян с Красивой, Мечи» еще не значится, но после «Бежина луга» в этой программе место под № 22 оставлено незаполненным. Вероятнее всего, оно предназначалось для этого рассказа.

В образе Касьяна с Красивой Мечи Тургенев поэтически воспроизвел некоторые черты народной крестьянской идеологии, прикрытой религиозной сектантской оболочкой (см. об этом в работе Н. Л. Бродского «И. С. Тургенев и русские сектанты». М., 1922). Религиозное сектантство было своеобразной формой оппозиции тогдашним общественным устоям со стороны крестьянских масс, и потому оно жестоко преследовалось царским правительством. В 1849-1851 гг. в селе Сопелки Ярославской губернии велось судебное следствие по делу секты «бегунов», или «странников», весьма напоминавших своим мировосприятием тургеневского Касьяна. Одним из участников следствия по этому делу был хо-

рошо знакомый Тургеневу И. С. Аксаков. Автор «Записок охотника» проявил большой интерес к этой секте и через семью Аксаковых, несомненно, ознакомился с материалами следствия.

Характерно одно исправление, которое произвел Тургенев при подготовке отдельного издания «Записок охотника» в 1852 г.: в журнальном тексте Касьян говорил рассказчику: «Случается, так в церкви божией на крылос меня берут по праздникам. Я службу знаю и грамоте тоже разумею». Возможно, И. С. Аксаков указал писателю на несообразность этих слов. «Бегуны» не признавали официальную церковь и, естественно, не посещали ее. Вместо этих слов Касьяна, бывших в «Современнике», во всех последующих изданиях рассказа Касьян говорил только: «Грамоте, однако, разумею».

В полном соответствии с учением «странничества», Касьян не видит в окружающей социальной действительности «правды» и «справедливости». Он не участвует в обычных крестьянских занятиях, которые учители «странничества» называли «вражьей работой» на антихриста, отвергает собственность, деньги, живет в безбрачии. Тургенев наделил своего героя пантеистической любовью ко всякой живущей на земле твари и поэтической

мечтой о сказочной стране, где «живет птица Гамаюн сладкогласная» и «всяк человек» живет «в довольстве и справедливости».

О том, какую важность придавал Тургенев сектантству как социальному явлению того времени, можно судить по дневнику немецкого исследователя и пропагандиста русской литературы Фарнгагена фон Энзе: 25 июля (6 авг.) 1856 г. после беседы с Тургеневым и с его слов автор дневника указал «два основных вопроса» «о внутреннем состоянии России — «рост сектантства и крепостное право» *(Varnhagen von Ense K. A.* Tagebucher. Hamburg, 1870. Bd. XIII. S. 111-112).

На принадлежность Касьяна к религиозной секте указывал И. Делаво в примечаниях к выпущенному им в Париже в 1858 г. французскому переводу «Записок охотника». Эти замечания восходят, очевидно, к самому Тургеневу, советами и указаниями которого пользовался Делаво, работая над французским переводом тургеневской книги. В образе Касьяна, по свидетельству Делаво, «автор представил … сектанта, и если он не говорит этого, то это потому, что этому воспрепятствовала цензура» (*Delaveau*. P. 465). Уклончивый ответ Касьяна на вопрос автора о его родне Делаво комментировал следующим образом: «Сектанты

не признают авторитета официальной церкви, и естественно, что браки, которые они заключают между собой, рассматриваются властью как незаконные. Поэтому они не любят говорить о своей семье посторонним; постоянные преследования, которым они подвергаются, сделали их очень подозрительными» (Ibid. P. 486).

Естественно, что такой рассказ о народном правдоискателе, отрицающем существующий порядок вещей, Тургенев писал с оглядкой на цензурное ведомство, с которым приходилось считаться, и потому спрашивал Е. М. Феоктистова в письме от 12(24) марта 1851 г.: «В главном характере много *поневоле* недосказанного — хочется мне знать, можно ли понять, в чем дело?» *(Письма II.* Т. 12. С. 95). При отсутствии рукописей невозможно конкретно и в полной мере судить о цензурных самоограничениях, на которые вынужден был пойти Тургенев. Известно, однако, что в последующих изданиях «Записок охотника» Тургенев восстановил некоторые доцензурные чтения. Один такой случай есть и в «Касьяне с Красивой Мечи»; в журнальном тексте не было слов Касьяна: «И не один я, грешный… много других хрестьян в лаптях ходят, по миру бродят, правды ищут… да!..» Слова эти

указывают на типичность фигуры Касьяна для тогдашней действительности, и появление их в отдельном издании 1852 г. следует считать не новым авторским вариантом, а восстановлением доцензурного чтения.

Поэтизация в «Касьяне с Красивой Мечи» «странничества» как одной из разновидностей духовной жизни народа стала причиной особенного успеха этого рассказа у славянофилов и «почвенников» со свойственным им патриархально-консервативным взглядом. Журнал «Москвитянин», сурово отозвавшийся о «Певцах» и «Свидании» и скептически о «Бежине луге», новый рассказ «Записок охотника» встретил одобрительно. В рецензии Ап. Григорьева (см.: Москвитянин. 1851. № 7, С. 420-423) выведенные в рассказе образы Касьяна и Аннушки объявлялись созданными «цельно и прекрасно» и принадлежащими «к удачнейшим созданиям г. Тургенева». Рецензент находил, что все детали в рассказе отличаются особенной «прелестью», а описание зеленой ветки на фоне глубокого неба — «прелестная картина истинного мастера».

Сходным образом оценил рассказ анонимный рецензент «Отечественных записок» (1851. № 4. Отд. IV. С. 104-105).

О «Касьяне с Красивой Мечи» О. Ф. Миллер говорил как об одном «из тех характерных представителей в своем роде поэтического начала народной жизни, которые носят название „юродивых“ или „блаженных“». При всей кажущейся детскости и юродстве, они обладают особого рода разумностью и «вовсе не детской способностью к широкоохватывающим обобщениям». Ученый критик противопоставил его «светски-натертым, элегантным представителям нашего благородного класса», «нашим литературным умникам», которые эгоистически занимали нас своими чисто личными и напускными «страданиями».

«Справедливости в человеке нет» — вот чем оканчивает Касьян; и в этом слышится уже затаенный и кроткий, по самой своей обобщенности, жизненный вывод народа из явлений крепостного права» (*Миллер*. С. 5-7).

О впечатлении, произведенном рассказом на московских друзей Тургенева, Е. М. Феоктистов сообщал автору 17 марта 1852 г.: «…Ваша статья о Касьяне — прелесть! Это бесспорно один из лучших Ваших рассказов — и таково общее здесь мнение. Кроме характера, который вышел очень рельефен и понятен, самое описание деревни, пустой в жаркий летний день, наконец описание

самого этого дня, — все это как будто сейчас видишь, как будто сам только что выехал из этой деревни. Вообще весь рассказ — истинно превосходен. Очень хороша также девочка. Право, кроме этого восхищения я не могу Вам передать ничего более, да и едва ли, думаю, и можно что-нибудь критиковать в этом рассказе» *(ИРЛИ.* Арх. Л. Н. Майкова. Ф. 166. Ед. хр. 1539. Л. 10 об. — 11). И в другом письме, от 30 марта: «„Касьян“ всем понравился, „Бежин луг“ тоже, хотя менее „Касьяна“, — но сказать ли Вам общий голос об них в известных московских кружках? Все говорят: „довольно“. Рассказы очень хороши, последний всем ужасно понравился, но все находят, что Вы уже слишком часто выпускаете их и что пора бы Вам переменить род» (Там же. Л. 13-13 об.).

И действительно: «Касьян с Красивой Мечи» оказался последним рассказом цикла, опубликованным в «Современнике». 2(14) апреля 1851 г. Тургенев написал Феоктистову, что считает работу над «Записками охотника» законченной и намерен писать большое произведение в иной манере. См.: *Письма II.* Т. 2. С. 96.

БУРМИСТР (с. 90)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, №

10, отд. I, с. 197-209 (ценз. разр. 30 сент.), под № VI, вместе с «Конторой». Подпись, общая для двух рассказов: Ив. Тургенев.

Сохранился черновой автограф рассказа (*ГПБ*. Ф. 795. Ед. хр. 3). Первоначальное заглавие «Порода» в автографе зачеркнуто. Под ним написано: «6. Бурмистр». На полях рукописи четыре программы «Записок охотника» (см.: *Сочинения II.* Т. 3. С. 374-377), проект обложки отдельного издания, рисунки пером и многочисленные надписи, не относящиеся к тексту. Подпись: Ив. Тургенев.

Писатель мог приступить к работе над рассказом не ранее первых чисел апреля 1847 г., так как *Программа I* на полях черновой рукописи «Бурмистра» не могла быть составлена раньше этого времени (см.: *Клеман. Программы.* С. 95). Вчерне рассказ был написан к середине июня ст. ст. 1847 г. Основная работа над черновой редакцией приходится на конец мая — первую половину июня в Зальцбрунне, куда Тургенев приехал вместе с Белинским 22 мая (3 июня). В середине июня о новом рассказе уже знал Некрасов. В письме от 24 июня (6 июля) 1847 г. он просил Тургенева: «Белинский говорит, что Вы еще написали рассказ; если не думаете скоро написать другой, то высылайте хоть этот; это нам к осени куда хорошо; нас

то и дело спрашивают, будут ли в „Современнике“ еще Ваши рассказы». (*Некрасов*. Т. 10. С. 71). Тургенев предназначал «Бурмистра» для августовской книжки «Современника», о чем свидетельствует пометка в той же *Программе I*. Однако рассказ не был окончен к сроку. В июле работа прервалась из-за поездки в Лондон, откуда Тургенев вернулся уже в Париж 18(30) июля 1847 г. Здесь только к началу сентября рукопись «Бурмистра» была перебелена и отослана в Петербург, о чем Тургенев писал Белинскому из Куртавнеля 5(17) сентября, прося его взять на себя корректуру.

В журнальной публикации были сделаны две цензурные купюры: устранено упоминание о том, что Пеночкин был «гвардейским» офицером, и снято шутливое восклицание его: «Конституция!» Оба слова Тургенев восстановил при подготовке отдельного издания 1852 г., проделав при этом весьма значительную стилистическую правку.

В изд. 1859 во фразе: «…а только на нашей земле…» (с. 96 наст. изд.) — была допущена опечатка, искажающая смысл: «…а только не нашей земле…» В изд. 1860 эти бессмысленные в контексте слова исправил корректор, в результате чего появились строки: «…а только не на нашей земле…»

Этот испорченный, прямо противоположный по смыслу текст воспроизводился в трех следующих прижизненных изданиях (1865, 1869, 1874) и бытовал, таким образом, 20 лет. Тургенев заметил ошибку и устранил ее только при подготовке изд. 1880.

В изд. 1880 Тургенев впервые под текстом рассказа проставил дату: «Зальцбрунн, в Силезии, июль, 1847 г.» Дата не совсем точна (основная работа над «Бурмистром» падает на конец мая — первую половину июня), но она стала традиционной, как авторская. По мнению Ю. Г. Оксмана, Тургенев намеренно проставил именно эту дату, чтобы «подчеркнуть ее связь с точной датой письма Белинского к Гоголю: „15 июля 1847 г. Зальцбрунн“» (*Оксман*. С. 207).

«Бурмистр» — один из самых острых антикрепостнических рассказов цикла. В художественной системе образов, в драматизме основной коллизии заложена идея социального антагонизма двух классов. Здесь появляется и новая для «Записок охотника» тема — зарождение рвача-эксплуататора в крепостной деревне, что писатель мог видеть в действительности, в частности наблюдая за хозяйством В. П. Тургеневой в Спасском.

В рассказе Тургенев затронул многие вопросы, обсуждавшиеся в журналистике 40-х годов прошлого века. В суждениях Пеночкина «об отличных качествах русского мужика», о принципе управления крепостными крестьянами и т. п. писатель сатирически использует основные положения реакционных публицистов. (О связи рассказа с идеологическими течениями 40-х годов писали в названных выше работах Ю. Г. Оксман, Н. Л. Бродский, В. А. Ковалев. См. комментарии к рассказу «Хорь и Калиныч».) В 1846-1847 гг., признавая общий упадок сельского хозяйства в крепостной России, многие газеты и журналы («Северная пчела», «Земледельческая газета». «Журнал министерства внутренних дел», губернские ведомости) печатали статьи с рекомендациями, как управлять крепостными, какими мерами искоренять недоимки, какими способами и в каких размерах наказывать крестьян.

Причины упадка сельского хозяйства в России, массового разорения крестьянства публицисты охранительного лагеря видели в падении нравственности крестьян, в отсутствии должного строгого надзора за ними со стороны помещиков, в недостатке хороших управителей (см., напр.: *А.*

А. О настоящем состоянии хозяйства у крестьян. М., 1846; *Унгерн-Штернберг Ф.* Взгляд на современное состояние сельского хозяйства в России // Сев. пчела. 1847. № 5; и мн. др.). Основные меры по поднятию сельского хозяйства сводились к рекомендации усилить различные виды помещичьего и государственного принуждения. В рассказе «Бурмистр» Тургенев рисует истинное положение дел в крепостной деревне при «образованном» помещике, «умном» бурмистре и при «выгодной для крестьян» оброчной повинности. Именно система крепостнических отношений держит крестьянина в голодной кабале, показывает Тургенев.

О скрытой полемике очерков «Бурмистр», «Два помещика» и «Контора» с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Н. Гоголя справедливо пишет В. А. Ковалев. См.: *Ковалев В. А.* «Записки охотника» И. С. Тургенева. Л., 1980. С. 32-36.

Белинский считал рассказ «Бурмистр» лучшим после «Хоря и Калиныча» (см.: *Белинский*. Т. 10. С. 346). Анненков вспоминал о первой непосредственной реакции критика по прочтении рассказа: «Он (Тургенев) написал в Зальцбрунне своего замечательного „Бурмистра“, который понравился и Белинскому, выслушавшему весь

рассказ с вниманием и сказавшему только о Пеночкине: „Что за мерзавец — с тонкими вкусами!“» (*Анненков. Воспоминания.* С. 334).

Герцен имел в виду, в частности, этот рассказ, когда писал: «У Тургенева есть свой предмет ненависти, он не подбирал крохи за Гоголем, он преследовал другую добычу — помещика, его супругу, его приближенных, его бурмистра и деревенского старосту» (*Герцен*. Т. 13. С. 177. Пер. с нем.).

Современники единодушно признавали художественные достоинства рассказа. Боткин восторженно писал Анненкову 12 октября 1847 г.: «Какая прелесть „Записки охотника“: „Пеночкин“ и „Контора“, помещенные в 10-м № „Современника“! Какой артист Тургенев! Я читал их с таким же наслаждением, с каким, бывало, рассматривал золотые работы Челлини» (П. В. Анненков и его друзья. СПб., 1892. Т. I. С. 553). Даже рецензент «Отечественных записок», скептически отнесшийся к молодому автору и ставивший Тургенева ниже Даля и Григоровича, отметил «Бурмистра» в числе трех лучших рассказов цикла (см.: Отеч. зап. 1848. № 1. Отд. 3).

В 1852 г. самые большие нарекания чиновника Главного управления цензуры Е. Волкова вызвал

именно этот рассказ. В рапорте министру он подчеркивал, что характер помещика описан со «злой иронией», указывал на недопустимость таких слов, как «государственный человек» (в применении к безграмотному мужику), «либеральничать», возмущался рассказом о подкупе посредника при размежевании и станового по делу о мертвом теле. Негодование государственного чиновника вызвал сам факт появления в печати слова «конституция»: «Хотя тут и понятно, что Пеночкин, употребив слово Конституция, хотел выразиться иронически, но тем не менее г. цензор не должен был бы допускать этого слова к печати, вспомнив, что оно повторялось простым народом на Сенатской площади во время страшной катастрофы 14 декабря» *(Оксман.* С. 275).

В 70-е годы Тургенев часто выступал с чтением рассказа «Бурмистр» перед московской и петербургской публикой — на благотворительном концерте А. Г. Рубинштейна, на литературно-музыкальном утреннике в пользу гарибальдийцев, на литературных вечерах в пользу литфонда, на встрече с молодежью и т. п. Повсеместно авторское чтение проходило с большим успехом и сопровождалось бурными рукоплесканиями. См.: *Громов В. А.:* И. С. Тургенев — рассказчик и чтец

«Записок охотника» // Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. Орел, 1971. Т. 74. С. 212-216.

На торжестве по поводу столетия Тургенева Короленко говорил: «…и Пеночкин, человек с прекрасными манерами (из рассказа „Бурмистр“), который хладнокровно приказывает: „Насчет Федора — распорядиться“, и господин Зверков, искренне убежденный в неблагодарности крепостной девушки <…>, все это для того времени обыкновенные явления и обыкновенные люди, которыми была полна тогдашняя жизнь… И ужас был именно в этой обыденности…» (*Короленко В. Г.* Собр. соч.: В 5 т. М., 1961. Т. 5. С. 374).

КОНТОРА (с. 100)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 10, отд. I, с. 210-226 (ценз. разр. 30 сент.), под № VII, вместе с «Бурмистром». Подпись общая для двух опубликованных здесь рассказов: Ив. Тургенев.

Сохранился черновой автограф (*ГПБ*. Ф. 795. Ед. хр. 4), на полях которого рисунки пером (человек в постели, мужской профиль, фигура с кинжалом) и надписи, не относящиеся к тексту. Подпись: И. Т. Концовка рассказа в рукописи отличается от текста «Современника» и последующих изданий. В рукописи читаем: «В теченье месяца число

дворовых людей г-жи Лосняковой уменьшилось двумя — мужчиной и женщиной. Читатель, вероятно, угадает их имена» (см. с. 334 наст. изд.).

Судя по записи названия «Контора» в *Программе I*, замысел рассказа относится к апрелю — июню ст. ст. 1847 г. К работе же над ним Тургенев приступил, вероятно, во второй половине июля в Париже, по возвращении из лондонской поездки. В первом (зачеркнутом) тексте *Программы III*, датируемой второй половиной июля — началом августа, рассказ обозначен как неоконченный. Однако Белинский знал о нем еще до отъезда в Петербург. Окончательная отделка завершена в самом начале сентября 1847 г. В письме к Белинскому от 5(17) сентября Тургенев называет «Контору» и «Бурмистра» *старыми* рассказами и сообщает, что переписал их и отправил в Петербург Некрасову. При этом Тургенев просил Белинского вычитать корректуру рассказов (*Письма II*. Т. 1. С. 225).

Из журнальной публикации цензор убрал строки о «старших», назначивших сторожем древнего глухого старика (см. с. 101 наст. изд.). Слова эти восстановлены Тургеневым в «цензурной» рукописи. А. Е. Грузинский писал еще об одном цензурном вмешательстве в текст

журнальной публикации: «…путем пропуска нескольких маленьких словечек был накинут легкий флер на сцену мошеннического уговора Николая Еремеича с купцом насчет покупки хлеба у барыни, так что самый смысл сцены утратил ясность» (Научное слово. 1903. Кн. VII. С. 96). Однако сопоставительный анализ текста чернового автографа, журнальной публикации и «цензурной» рукописи позволяет отвергнуть это утверждение. Некоторая смысловая неясность указанной сцены в публикации «Современника» происходила от недостаточно четкого авторского изложения. В «цензурной» рукописи Тургенев тщательно исправил и устранил неясность. См.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 416.

В «цензурной» рукописи из речи Куприяна цензор вычеркнул слова о «господской власти» и «воле» (с. 108 наст. изд.). В прижизненных изданиях они не восстанавливались. В том же источнике Тургенев проделал значительную стилистическую правку, которая продолжалась и в изд. 1852.

По требованию предварительной цензуры Тургенев исправил в тексте изд. 1859 два места: снял сравнение осеннего дождя со «старой девкой» и некоторые детали в описании фривольного

сюжета третьей картины, висящей в конторе (см.: *Оксман.* С. 284-285). Однако, готовя изд. 1865, писатель вновь вернулся к этим сценам, внес стилистические исправления и частично восстановил первоначальный текст.

В окончательном тексте рассказа остались две неточности, не замеченные и не исправленные автором: дважды (с. 106 наст. изд.) Николай Еремеич назван *приказчиком*, хотя из разговора охотника с дежурным (с. 103 наст. изд.) выясняется, что приказчиков в системе управления Лосняковой не было.

В рассказе «Контора» Тургенев разоблачает одно из «нововведений» в помещичьем управлении крепостными крестьянами. Учреждение господских контор было чрезвычайно модно в середине XIX в. (такая контора была и у В. П. Тургеневой). В результате этого новшества над крестьянами появился еще один хозяин и притеснитель — конторщик. Пагубно отражалось это и на самих «управителях», вчерашних дворовых, лакейской аристократии, получивших «узаконенную» помещиком и развращавшую их власть над крепостным мужиком.

Контора у Тургенева — символ бессмысленной и нерациональной формы помещичьего управле-

ния хозяйством, уродливый гибрид бюрократии и крепостничества. Главное действующее лицо — барыня Лоснякова — остается за кадром. А перед читателем — многоликая галерея типов, относящихся к тому особому паразитическому слою, который сам, будучи жертвой крепостнической системы, служит ей, приумножая слепую гнетущую силу.

В драматическом финале рассказа Тургенев впервые — с явной симпатией — показал крепостного, «фершеля» Павла, в котором зреет активный протест против унижения человеческого достоинства и произвола. Павел бросается с кулаками на главного конторщика, своего притеснителя, чье самодурство «узаконено» и покрывается благорасположением госпожи. В черновом автографе эта сцена звучала острее: Павел грозился убить конторщика; а в заключительной фразе автор сообщал о побеге Павла и девки Татьяны (см.: *ГПБ.* Ф. 795. Ед. хр. 4. Л. 4). Предвидя цензурные осложнения, Тургенев смягчил концовку.

Белинский чрезвычайно высоко оценил рассказ, отнеся его к числу лучших наряду с «Хорем и Калинычем», «Бурмистром» и «Однодворцем Овсяниковым». См.: *Белинский*. Т. 10. С. 346.

Антикрепостнический дух рассказа возмутил

чиновника Главного управления цензуры Е. Волкова. Он писал в своем рапорте: «В означенной главе автор, верный своему плану, снова насмехается над помещиками, выставляя их пошлыми глупцами и какими-то сумасбродами» *(Оксман.* С. 276).

БИРЮК (с. 112)

Впервые — в журнале «Современник», 1848, № 2, отд. I, с. 166-173 (ценз. разр. 31 янв.), под № X. Подпись, общая для шести рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны. Об утраченном черновом автографе можно судить только по его краткому описанию, сделанному прежним владельцем рукописи А. М. Подшиваловым, и факсимиле 1-го листа (см. с. наст. изд.). Рукопись воспроизведенного листа сильно правлена; последний слой близок к первопечатному тексту.

Время написания рассказа определяется на основании анализа программ «Записок охотника». Название рассказа обозначено начальной буквой в двух программах «Записок охотника», набросанных на полях чернового автографа рассказа «Уездный лекарь» и датируемых концом августа — началом сентября 1847 г. (см.: *Сочинения.* Т. 4.

С. 468-469); «Бирюк» предназначался для первого номера «Современника» 1848 г. (см.: Там же). В следующей программе, записанной на полях того же чернового автографа (ноябрь 1847 г.), впервые указано полное название рассказа, но отличающееся от окончательного, а именно: «Битюк» (см.: Там же. С. 469). Слово «битюк», по В. И. Далю, означает «крепкий ломовой конь», человек «крепкий, плотный, здоровый, сильный» и вместе с тем — «бирюк, сердитый, угрюмый, молчаливый». Так как слова «бирюк» и «битюк» употреблялись в тогдашнем языке в синонимическом значении, нет оснований думать, что за названием «Битюк» скрывался другой, неизвестный нам рассказ «Записок охотника». Скорее всего, так был озаглавлен первоначальный набросок рассказа «Бирюк», предназначавшийся для первого номера «Современника» 1848 г. Окончательное название — «Бирюк» — появилось в программе «Записок охотника», записанной на утраченном черновом автографе рассказа «Лебедянь» (вторая половина ноября 1847 г. См.: Там же. С. 470). Там же озаглавлен и черновой автограф рассказа «Бирюк», от которого сохранилось только факсимиле 1-го листа. Очевидно, Тургенев не успел перебелить и отправить рассказ 5 декабря 1847 г. — в

срок, определенный для рассказов, предназначавшихся в январскую книжку «Современника» 1848 г., и «Бирюк» пошел в февральскую.

Белинский, ставя в целом рассказы из «Записок охотника», напечатанные в «Современнике» № 2 за 1848 г., ниже опубликованных ранее, отметил среди них два. «Больше других мне понравились „Бирюк“ и „Смерть“», — писал он П. В. Анненкову 15(27) февраля 1848 г. (*Белинский*. Т. 13. С. 467).

В километре от Спасского-Лутовинова, поблизости от оврага Кобылий Верх, действительно была раньше избушка лесника (см.: *Богдановы.* С. 10). Из воспоминаний сельского учителя Ардалиона Ивановича Замятина, бывшего крепостного Тургенева, известно о судьбе лесника, послужившего прототипом героя рассказа: «Бирюк, которого в лесу убили свои же крестьяне» *(Громов В. А.* Из воспоминаний крестьян о Тургеневе // *Т. сб. II.* С. 298). В Государственном архиве Орловской области сохранились дела о «самовольной порубке», о «буйстве противу лесной стражи, покушении на жизнь лесничих», аналогичные случаю, описанному в рассказе. См.: *Громов В. А.* У истоков «Записок охотника» // Рус. лит. 1960. № 1. С. 147-148.

Сохранились воспоминания современников

Тургенева о публичном чтении писателем рассказа «Бирюк» в 1879 г. в Петербурге. «16 марта, в зале Благородного Собрания, был вторично дан с участием И. С. Тургенева литературный вечер в пользу „Литературного фонда“ <…> Самое драматическое и лучшее место этого рассказа, как известно, представляет заключительная сцена мольбы пойманного лесником Бирюком порубщика отпустить его на свободу, так как он решился на воровство „с голодухи“. Его крики „Пусти!“ — „Богом прошу!“ и вообще вся эта сцена была переда<на> автором с такой правдой, что производила на слушателей чрезвычайно сильное впечатление. После чтения последовал ряд шумных вызовов, во время которых группою молодых особ И. С. Тургеневу поднесен был большой лавровый венок с свернутым при нем адресом» *(П. В. (Васильев. П. П.)*. Описание торжеств, происходивших в честь И. С. Тургенева, во время пребывания его в Москве и Петербурге в течение февраля и марта 1879 г. Казань. 1880. С. 29-30). О том же чтении «Бирюка» Тургеневым 16 марта 1879 г. см. в письме Н. А. Соловьева-Несмелова к И. З. Сурикову от 21 марта 1879 г. (приведено в статье В. А. Громова «И. С. Тургенев — рассказчик и чтец „Записок охотника“» в кн.: Третий

межвузовский тургеневский сборник. (Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та. Т. 74. Орел, 1971. С. 216-217) и в воспоминаниях Н. Я. Стечькина (см.: Литературно-библиологический сборник. Пг., 1918. С. 30-31).

ДВА ПОМЕЩИКА (с. 119)

Впервые — в отдельном издании «Записок охотника» 1852 г., с. 21-40.

Сохранился черновой автограф рассказа *(ГПБ.* Ф. 795. Ед. хр. 5). Первоначальное, зачеркнутое название — «Два соседа»; подпись: И. Т. Автограф содержит полный текст рассказа с густой стилистической правкой; последний слой близок к тексту изд. 1852 г.

Впервые название «Два помещика» появляется под № 8 в *Программе I* «Записок охотника» (на черновом автографе рассказа «Бурмистр»), которая была составлена в промежуток от начала апреля до середины июня ст. ст. 1847 г. *(Сочинения I.* Т. 4. С. 464). Приблизительно к этому же времени позволяет отнести возникновение замысла «Двух помещиков» и тот факт, что для окончания чернового автографа рассказа использован лист с зачеркнутым заглавием «Русский немец», а чер-

новой набросок начала «Русского немца» сделан Тургеневым на листке с датой начатого письма: «Берлин, 13-го/1-го апреля 1847 г.» *(Сочинения II.* Т. 3. С. 520).

Цифра 7, которая стоит в черновом автографе «Двух помещиков» перед заглавием, говорит о том, что Тургенев намеревался закончить этот рассказ вслед за «Бурмистром» и опубликовать в № 8 «Современника» за 1847 г. На полях чернового автографа «Бурмистра» сделана запись: «Палл Асилич», «Михалл Ваныч», — представляющая собою деталь речевой характеристики Хвалынского; это также говорит о том, что работа над «Двумя помещиками» совпала по времени с окончательной отделкой текста «Бурмистра» (см. примеч. к этому рассказу в наст. изд.). Рассказ «Два помещика» предназначался затем для № 10 «Современника» 1847 г., а потом уже для № 1 1848 г. *(Сочинения I.* Т. 4. С. 467).

Острота антикрепостнического содержания рассказа, который был начат Тургеневым в месяцы совместной жизни с Белинским в Зальцбрунне (июнь-июль 1847 г.) и написан под воздействием знаменитого письма Белинского к Гоголю, определила его судьбу. Редкий в творческой истории «Записок охотника» разрыв во времени

между написанием и публикацией «Двух помещиков» объясняется цензурными репрессиями в России после революции 1848 г. *(Оксман.* С. 260). В объявлении о подписке на «Современник» «Два помещика» названы в числе произведений, предназначенных к опубликованию в 1848 г. (Моск. ведомости. 1847. 25 дек. № 154). Однако в позднейшей информации «Два помещика» уже указаны в составе «Иллюстрированного альманаха», который должен был выйти как бесплатное приложение к «Современнику» (Современник. 1848. № 2. Вкладной лист без пагинации; перепечатано в кн.: *Некрасов.* Т. 12. С. 118). В феврале 1848 г. рассказ Тургенева, очевидно, находился в редакции «Иллюстрированного альманаха», так как сделанный для этого рассказа рисунок П. А. Федотова «Два помещика» в мельчайших деталях опирается на тургеневские портретные характеристики (гравюра с рисунка воспроизведена в книге «Литературный сборник с иллюстрациями», изданной редакцией «Современника» (СПб., 1849), между с. 176 и 177).

В марте 1848 г. альманах был отпечатан (ценз. разр. 26 февр. 1848 г.), но в свет не вышел. Редакция «Современника» представила издание в цензуру для вторичного рассмотрения. 20 ок-

тября оно было запрещено, а затем уничтожено (*ЛН.* Т. 55. С. 458). В уцелевших экземплярах «Иллюстрированного альманаха» «Два помещика» отсутствуют; кем и на какой стадии был снят рассказ, не установлено. Из письма Тургенева к Н. М. Щепкину от 18 октября 1850 г. видно, что рассказ «Два помещика» должен был быть опубликован в альманахе «Комета». Тургенев и здесь ожидал цензурных затруднений; предлагая Н. М. Щепкину для «Кометы» комедию «Две женщины» («Месяц в деревне»), «Разговор на большой дороге» и «Два помещика», он прибавлял: «Авось что-нибудь пройдет» (*Письма II.* Т. 2. С. 60). Альманах вышел в свет весной 1851 г., но без тургеневского рассказа.

Рассказ «Два помещика» обратил на себя особое внимание в самом начале секретного следствия о первом отдельном издании «Записок охотника», проходившего в Главном управлении цензуры. Причиной этого пристального внимания цензора было кроме реального антикрепостнического содержания рассказа то, что он, единственный из всего состава отдельного издания «Записок охотника» 1852 г., не был ранее напечатан и потому не проходил цензуры в «Современнике». В своем рапорте от 25 июня 1852 г. коллежский

советник Е. Е. Волков отметил как предосудительное стремление автора изобразить «в смешном виде» генерал-майора Хвалынском и выставить петербургского чиновника «пошлым дураком и сумасбродом» *(Оксман.* С. 267). Точно так же были отмечены цензором места, рисующие пренебрежительное отношение помещика к священнику и осуждение правительственных мер по размежеванию.

Концовка рассказа — «Вот она, старая-то Русь!», — полемически направленная против славянофильской идеализации патриархальных отношений между помещиками и крестьянами, вызвала возражение И. С. Аксакова. В письме от 4(16) октября 1852 г. он писал Тургеневу: «Это восклицание, обличающее очень поверхностный взгляд, еще понятно в 1847 году, но теперь оно устарело. Вы знаете, что „дворовый человек“ есть скорее явление петровской Руси, нежели древней, что Алексей Михайлович запрещал брать из крестьян в дворовые и что Петр, уничтожив различие между крестьянами и холопами, сделал их всех холопами» (Рус. обозрение. 1894. № 8. С. 476-477). Тургенев, отвечая Аксакову 28 декабря 1852 г. (9 янв. 1853 г.), ограничился общими словами благодарности за замечания и оставил

текст без изменений. В полемике о якобы сохранившихся на Руси патриархальных отношениях между помещиками, крестьянами и сельским духовенством Тургенев был не на стороне славянофилов и автора «Выбранных мест из переписки с друзьями», а на стороне Белинского с его письмом к Гоголю. «В этом отношении не случайны были, конечно, и элементы пародической интерпретации „Выбранных мест из переписки с друзьями“ в „Двух помещиках“» *(Оксман Ю. Г.* Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та. 1952. Т. 31. С. 116).

Характерные для автора «Записок охотника» наблюдения над обиходными формами российской крепостнической жестокости прочно вошли в русскую литературу; звукоподражательное «чуки-чук!» употреблялось как понятный каждому читателю намек на телесные наказания (подробнее об этом см.: *Громов В. А.* «Записки охотника» И. С. Тургенева в оценках П. С. Лескова // Творчество Н. С. Лескова. Курск, 1977. С. 126-127. Науч. тр. Курского пед. ин-та; Т. 76(169)).

Сохранились воспоминания об авторском чтении рассказа «Два помещика». Е. В. Панаева-Дягилева пишет: «Видели мы его тогда <в 1876

г.> в Париже еще раз на концерте, ежегодно им устраиваемом у себя в пользу русской молодежи, учащейся в Париже <…> Тургенев прочел свои „Два помещика“. Начал он будто нехотя, но потом воодушевился, читал просто, хорошо» (Рус. лит. 1972. № 4. С. 122). О публичном чтении в 1879 г. того же рассказа пишет Д. Городецкий: «Тургенев не менял голоса, как другие чтецы, и даже не регулировал его, а тем менее играл им, — он читал от начала до конца, так сказать, в одном тоне. И все-таки впечатление получилось громадное. Хотя с тех пор прошло около 15 лет, но у меня до сих пор звучит в ушах этот громкий, ясный, отчетливый, певучий и чрезвычайно симпатичный голос. И до сих пор я слышу, как Иван Сергеевич произносит, захлопывая книгу и обводя взором присутствующих: „Вот она, старая-то Русь! — думал я на возвратном пути“» (цит. по: *Громов В. А.* И. С. Тургенев — рассказчик и чтец «Записок охотника» // Третий межвузовский тургеневский сборник. Орел, 1971. С. 211 (Учен. зап. Курского гос. пед. ин-та; Т. 74).

ЛЕБЕДЯНЬ (с. 125)

Впервые — в журнале «Современник», 1848, № 2, отд. I, с. 173-185 (ценз. разр. 31 янв.), под № XI. Под-

пись, общая для шести рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны. Краткие сведения об утраченном черновом автографе были сообщены его бывшим владельцем А. М. Подшиваловым: «Лебедянь на листе писчей бумаги, исписанном кругом. На последней странице Тургенев, вероятно для издания „Записок охотника“, составил порядок последовательному расположению рассказов…» (Ист. вестник. 1884. № 1. С. 97-98). Далее приведена так называемая *Программа VIII* «Записок охотника»; текст ее, с расшифровкой сокращенных названий и с датировкой см.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 170.

Время возникновения замысла «Лебедяни» определяется приблизительно сроками составления программ «Записок охотника». Первоначальное название этого рассказа — «Рракалион и Ситников» — введено под № 15 в программу на черновом автографе «Уездного лекаря», датируемую концом августа — сентябрем 1847 г. (Там же. С. 467-468). К этому времени следует, по-видимому, отнести зарождение замысла. Как видно из следующей программы (на том же автографе), рассказ намечался Тургеневым к публикации в «Современнике» № 5 за 1848 г. Расширение авторской задачи, сводившейся первоначально

к очерку двух характеров, зафиксировано еще в одной программе, набросанной на том же автографе «Уездного лекаря» (Там же. С. 469); здесь «Лебедянь» фигурирует уже под названием «Ярмарка» (В. А. Громов связывает замысел рассказа с «Сорочинской ярмаркой» Гоголя, (см.: *ТСС.* Т. 1. С. 382). Окончательное название рассказа стояло, очевидно, в тексте утраченного чернового автографа «Лебедяни» и в программе, набросанной на его последнем листе.

Рассказ «Лебедянь» был отправлен в редакцию «Современника», очевидно, около 1 декабря ст. ст. 1847 г. 11(23) декабря 1847 г. Некрасов писал Тургеневу: «Все рассказы ваши уже у меня — на днях увижу, будет ли возможность поместить их в 1-ую книжку, ибо я от вас 4-й рассказ и желание о помещении их в 1-м номере получил только седьмого числа» (*Некрасов.* Т. 10. С. 93). Слова Некрасова о четвертом рассказе могли относиться только к «Лебедяни». С одной стороны, оформление замысла «Лебедяни» затянулось по сравнению с рассказами «Бирюк», «Малиновая вода», «Уездный лекарь»; с другой — остальные два рассказа из шести опубликованных в «Современнике» № 2 за 1848 г., а именно «Смерть» и «Татьяна Борисовна и ее племянник», были

написаны позднее «Лебедяни» (см. ниже).

В рассказе нашли отражение личные впечатления Тургенева от его охотничьих странствий по Лебедянскому уезду Тамбовской губернии и от конных ярмарок, которыми славилась Лебедянь (см.: *ТСС.* Т. 1. С. 381-382). В конце лета — осенью 1839 г. Тургенев мог посещать Лебедянскую конскую ярмарку вместе с братом, Н. С. Тургеневым, в ту пору полковым ремонтером. Вблизи Лебедяни проживала в своем именье родная тетка Тургенева — Е. Н. Веневитинова. Образ барышника-плута, по всей видимости, вобрал впечатления Тургенева от встреч с управляющим А. И. Анненковой, в течение ряда лет снимавшей московский дом Тургеневых на Самотеке. Этот управляющий, по имени Чернобай, был известен тем, что нажил себе в Москве несколько домов, обобрав свою госпожу (см.: Былые чудаки в Орловской губернии. Орел, 1909. С. 93). В письмах В. П. Тургеневой к И. С. Тургеневу то и дело встречаются поручения для передачи Чернобаю: «Ежели паче чаяния, за дом денег Чернобай не отдал, то ты отдай ему мое письмо и требуй денег» *(ГПБ.* Ф. 795. Ед. хр. 91. 9 окт. 1841 г Сообщено Н. М. Черновым).

При публикации в «Современнике» рассказ «Лебедянь» вызвал неодобрительный отзыв Бе-

линского, который увидел в нем отход писателя от задач общественного обличения. «С чего Вы это, батюшка, так превознесли „Лебедянь“ Тургенева? — писал он П. В. Анненкову 15(27) февраля 1848 г. — Это один из самых обыкновенных рассказов его, а после Ваших похвал он мне показался даже довольно слабым. Цензура не вымарала из него ни единого слова, потому что решительно нечего вычеркивать» *(Белинский.* Т. 12. С. 466). Осудил Белинский и натуралистические приемы речевой характеристики Хлопакова: «Да воздержите Вы этого милого младенца от звукоподражательной поэзии — *Рррракалиооон! Че-о-эк»* (Там же. С. 467). Анненков, очевидно, не согласился с Белинским, так как в «Заметках о русской литературе прошлого года» поставил «Лебедянь» наравне с другими рассказами из «Записок охотника», назвав их «*этюдами* многоцветного русского мира, исполненными тонких заметок и ловко подмеченных черт» (Современник. 1849. № 1. С. 19). Из этой статьи видно, что в основе высокой оценки «Лебедяни», которую Анненков дал ранее, лежало признание им права художника и на такие «этюдные» зарисовки русской жизни, достоинства которых определялись преимущественно «силой наблюдения» и «литературной и

житейской опытностью автора».

Высоко оценил рассказ «Лебедянь» анонимный рецензент «Северного обозрения»: «Из шести очерков г. Тургенева <…> помещенных в нынешней книжке „Современника“, лучшие, по нашему мнению, это „Лебедянь“ и „Смерть"; последним оканчивает г. Тургенев покуда свои „Записки охотника“. Барышник Ситников, барышник Анастасий Иванович Чернобай, князь Н. и отставной поручик Хлопаков такие пластические, такие живые и ощутительные лица, что они как будто дышат и движутся пред вами, — вы встречались с ними, вы знаете этих людей, рассеянных по разным захолустьям Руси, вы не забудете их, потому что они естественны, верны сами себе; и если встретите что-либо подобное, пред вами невольно воскреснут и оживут разнообразные герои, действующие в „Записках охотника“, и вы определите их каждого, если заметите ту, какую-нибудь резкую особенность, которую умел придать г. Тургенев каждому из выводимых им лиц, как ни кажутся эти лица бесцветными и общими с первого взгляда» (Журнальные заметки // Сев. обозрение. 1848. № 2. Отд. «Критика и библиография». С. 54-55).

Н. К. Михайловский, подводя итоги литератур-

ной деятельности Тургенева, отнес «Лебедянь» к числу тех рассказов из «Записок охотника», которые отличаются «протестом не то чтобы именно против крепостного права, а против всей болотности тогдашнего склада помещичьей жизни; протестом, смягченным кровными связями автора с этим бытом и акварельного манерою писания» (Посторонний. Письмо в редакцию // Отеч. зап. 1883. № 9. С. 84).

ТАТЬЯНА БОРИСОВНА И ЕЕ ПЛЕМЯННИК

(с. 134)

Впервые — в журнале «Современник», 1848, № 2, отд. I, с. 186-197 (ценз. разр. 31 янв.), под № XII. Подпись, общая для шести рассказов: Ив. Тургенев.

Автографы неизвестны.

Возникновение замысла рассказа «Татьяна Борисовна и ее племянник» относится, очевидно, к концу августа — сентябрю 1847 г., судя по программам «Записок охотника» на черновом автографе рассказа «Уездный лекарь» *(Сочинения I.* Т. 4. С. 467), рассказ предназначался для «Современника» № 3 за 1848 г. Осуществление замысла было на некоторое время отложено, так как в

следующих двух программах, представляющих собою перечни законченных очерков, «Татьяна Борисовна и ее племянник» не значится (Там же. С. 469-470). Написание рассказа в его черновой редакции можно отнести к самому концу ноября — с ним связано, очевидно, упоминание в письме Тургенева к П. Виардо от 2(14) декабря 1847 г. об отправке материала в редакцию «Современника»: «Третьего дня я прочел одну из только что оконченных мною вещей двум моим русским приятелям; они хохотали до упаду <…> недостаточно окончить вещь, надо еще ее переписать (вот мука-то) и отправить» *(Письма II.* Т. 1. С. 240 и 375). Так как предназначенный для февральского номера материал должен был поступить в редакцию «Современника» по условию за месяц до выхода в свет, рассказ «Татьяна Борисовна и ее племянник» был перебелен и отправлен Тургеневым из Парижа, вероятно, не позже декабря ст. ст. 1847 г.

Замысел рассказа «Татьяна Борисовна и ее племянник» связан с личными впечатлениями и переживаниями Тургенева в начале 1840-х годов. В исследовательской литературе неоднократно отмечалось, что в рассказе отразился «философский роман» Тургенева с сестрой М.

Бакунина Татьяной Александровной Бакуниной, относящийся к 1841-1842 гг., и что в образе «старой девицы» были пародированы черты ее душевного облика. См. статьи: *Бродский Н. Л.* «Премухинский роман» в жизни и творчестве Тургенева // Центрархив: Документы по истории литературы и общественности. М.; Пг., 1923. Вып. 2. С. 107-121; *Крестова Л. В.* Татьяна Бакунина и Тургенев // Тургенев и его время: Первый сборник под ред. Н. Л. Бродского. М.; Пг., 1923. С. 31-50.

Конечно, значение эпизода со «старой девицей» не сводится к прямой пародии на Т. Бакунину. Костюм, манеры, вообще весь внешне комический облик этого персонажа следует отнести за счет творческого воображения Тургенева. Татьяна Бакунина по масштабу личности несомненно была значительнее и интереснее того персонажа, который осмеян в рассказе. Она не поверхностно, а самым серьезным образом разделяла философские увлечения и занятия членов премухинского кружка, кроме того, по-видимому, обладала достаточным умом для того, чтобы верно понять натуру молодого Тургенева; в ситуации неравного чувства она проявила собственное достоинство.

Вместе с тем пародийный элемент несомненно

присутствует в рассказе. Возник он от несовместимости Тургенева с миром «премухинской гармонии», в который он окунулся ненадолго. Пародированы черты внутреннего, душевного мира Т. Бакуниной, свойственные и ее ближайшему окружению: постоянное соотнесение индивидуальной жизни с философскими категориями, логизирование жизни, при котором самое непосредственное чувство подвергалось рационалистическому анализу; патетика в простых душевных переживаниях и романтически-напыщенная фразеология. Сравнение в этом плане обнаруживает несомненное типологическое сходство между образом «старой девицы» и Т. Бакуниной. В письмах к Тургеневу Т. Бакунина стремилась растолковать Тургеневу его собственное значение: «…я бесконечно молю для Вас от Вас же самих — знаете ли вы все что вы можете — все что лежит в Вас! не правда ли Вы дадите жизнь всему? О будьте только сильны…» (Центр. архив: Документы… С. 135; письма Т. Бакуниной цитируются с соблюдением ее неупорядоченной пунктуации). Т. Бакунина всячески подчеркивала бескорыстность своего чувства к Тургеневу, претендуя лишь на роль сестры: «…если б я могла окружить Вас всем, что жизнь заключает в себе

прекрасного — святого великого — если б *я* могла умолить бога — дать Вам все радости — все счастье — мне кажется — я бы позабыла тогда требовать для самой себя…» (Там же. С. 138); «О говорите мне — будьте совсем откровенны и — если я точно не чужда Вам — докажите мне это — и будьте со мною как с сестрою…» (Там же. С. 124).

Рассказ полемичен и в той его части, которая не имеет пародийных черт, а, напротив, выдвинута на первый план как норма восприятия жизни и жизненного поведения в лице Татьяны Борисовны. «Философичности», надуманности чувств, рефлектированию противопоставляется сердечность, непосредственность, здравый смысл, свобода чувств и мыслей. По письмам Тургенева к Татьяне Бакуниной и отзывам о Тургеневе в письмах Белинского легко установить, что 1843 год был отмечен у Тургенева поисками выхода из кружковой замкнутости и философского романтизма, выработкой реалистического восприятия действительности, В письме В. П. Боткину от 3(15) апреля 1843 г. Белинский писал о Тургеневе: «Во всех его суждениях виден характер и действительность. Он враг всего неопределенного…» (*Белинский*, Т. 12. С. 154). К этому кругу идей и настроений и восходит генетически замысел

рассказа «Татьяна Борисовна и ее племянник»; проблематика его близка к повести Тургенева «Андрей Колосов» и не теряет своего значения до романа «Рудин». Полемично определение круга чтения «старой девицы», которая в письмах «упоминала о Гете, Шиллере, Беттине и немецкой философии»: Тургенев подверг осмеянию не сами по себе явления литературной и философской жизни Германии, а лишь исключительную ориентацию на них в жизненном поведении. Всего резче была ирония Тургенева по адресу немецкой писательницы Елизаветы фон Арним (Беттины), книга которой «Goeihes Bnefwechsel mit einem Krnde» (1835) приобрела мировую известность (ср. отзывы о Беттине у Тургенева в «Письмах из Берлина» 1847 г. и в «(Записке о Н. В. Станкевиче)» 4857 г.). И М. Бакунин. переводивший в 1838 г. эту книгу, и его сестры, помогавшие ему, видели в ней образец напряженной умственной жизни, экзальтированности чувств. У Тургенева же увлечение этой атмосферой было кратковременным и сменилось критическим отношением к ней.

Белинский дал высокую оценку образу героини рассказа. «Богатая вещь — фигура Татьяны Борисовны», — писал он П. В. Анненкову 15(27) февраля 1848 г. *(Белинский.* Т. 12. С. 467). Образ

«старой девицы» был воспринят Белинским, по-видимому, как обобщенный, без связи с личностью Т. Бакуниной, и оценен как «недурный» (Там же).

В том же письме П. В. Анненкову Белинский указал на два прототипа третьего персонажа рассказа: «…племянник мне крайне не понравился, как список с Андрюши и Кирюши, на них не похожий». При подготовке первого академического издания собрания сочинений Тургенева Ю. Г. Оксман в устном разговоре предложил следующую расшифровку имен «Андрюша» и «Кирюша» в отзыве Белинского: «Андрюша» — издатель «Отечественных записок» Андрей Александрович Краевский, «Кирюша» — художник Кирилл Антонович Горбунов. Мнение это было высказано Ю. Г. Оксманом в лаконичной форме, без аргументации, оно не было в ту пору безусловно принято автором комментария и потому не вошло в научный оборот. Между тем с течением времени при изучении приемов работы Тургенева на пути от прототипа к образу выяснилась справедливость предположения Ю. Г. Оксмана, на первый взгляд парадоксального. Белинскому, конечно, не могло понравиться соединение в одном малосимпатичном персонаже черт, восхо-

дящих к К. А. Горбунову, с которым он находился в приятельских отношениях (в письмах Белинского — «Кирюша»), с чертами А. А. Краевского, который, по справедливому определению В. Н. Орлова, уже в 1840-е годы приобрел репутацию «неразборчивого в средствах предпринимателя, литературного барышника, бессовестного эксплуататора Белинского и других своих сотрудников» *(Орлов В. Н.* Молодой Краевский. // Орлов В. Н. Пути и судьбы. Л., 1971. С. 449).

Но Тургенев, не связанный с Горбуновым дружескими, а с Краевским — столь обостренными деловыми отношениями, свободно пользовался человеческим материалом для лепки образа. Полигенетичность в смысле опоры на два и большее число прототипов с ранних пор стала одной из характерных особенностей работы Тургенева над образом. Восприятие Белинским образа племянника говорит и о схваченном в каких-то чертах сходстве («список»), и о нежелании Белинского признать это сходство («непохожий»), и тем более признать образ художественным созданием.

В чем же обнаруживаются эти черты сходства и непохожести? Очевидно, прототипы и персонаж могут быть сближены не по линии судьбы: Краевский считался человеком «темного

происхождения», Горбунов же был крепостным чембарских помещиков Владыкиных, — но из этого у Тургенева не могла родиться характеристика отрицательного свойства. Всего больше близости с Краевским обнаруживается по части склада характера, особого уменья входить в доверие к людям с корыстными целями, чтобы затем паразитировать за их счет. Самые разные современники Тургенева Белинского характеризовали Краевского именно таким образом: «Краевский… так и *льнул* к пушкинской партии и хотел *втереться* к самому Пушкину» *(Панаев И. И.* Литературные воспоминания. С. 156; курсив наш. — *А. Д.*). Другой современник Тургенева аттестовал Краевского в сходных выражениях: Краевский обратился к Н. И. Гречу, «прося помощи и покровительства <…> вошел в доверенность Давыдова <…> Льстя Одоевскому <…> вкрался в дружбу генерала Ростовцева» (Записка Ф. Булгарина о цензуре и коммунизме в России: Прил. к письму его Л. В. Дубельту от 6 марта 1848 г. // Голос минувшего. 1913. Кн. 3. С. 224-225). Ср. в рассказе о «подобострастии» Андрюши.

Душевный облик К. А. Горбунова был, по отзывам современников, привлекателен. Но помимо того, что герой рассказа — художник, какие-то

черточки были подмечены у него и перешли в рассказ: например, пристрастие к романсам Варламова или манера исполнения их (см.: *Эфрос Н. Д.* К. А. Горбунов — портретист Белинского // *ЛН.* Т. 57. С. 363). Всего больше на образе племянника сказалось, очевидно, неприятие Тургеневым художественных приемов Горбунова как портретиста. По-видимому, в эстетическом отношении Тургенев был его антагонистом, для Тургенева это был ложный, дутый талант. Во всяком случае, отзыв Тургенева о портрете Белинского работы Горбунова однозначно отрицателен (см.: *Сочинения I.* Т. 14. С. 24); итоговая оценка — в письме Д. В. Григоровичу от 21 августа (2 сент.) 1882 г. по поводу своего портрета: «…этот портрет <…> был написан Горбуновым довольно скверно, как все портреты этого художника» *(Письма I.* Т. 13, кн. 2. С. 11).

Наличие двух прототипов не исключает возможности использования Тургеневым литературного источника; автором комментария уже было ранее отмечено сходство Андрея Беловзорова с героем повести П. В. Анненкова «Кирюша» (см.: Современник. 1847. № 5). Оба героя обнаруживают пристрастие к эффектным чувствам и выспренным фразам; но Тургенев в этом образе,

кроме того, иронизирует над вульгарно-романтическими представлениями о призвании художника, его вдохновении и труде.

СМЕРТЬ (с. 142)

Впервые — в журнале «Современник», 1848, № 2, отд. I, с. 197-208 (ценз. разр. 31 янв.), под № XIII. Подпись: Ив. Тургенев.

Сохранился черновой автограф рассказа (*ГИБ* Ф. 795. Ед. хр. 8). В нем присутствуют все основные эпизоды первопечатной редакции; стилистическая правка густая и многослойная, текст последнего слоя близок к первопечатному. На л. 3 перед рассказом об Авенире Сорокоумове зачеркнуто название «Смерть», из чего можно заключить, что сначала были набросаны две группы эпизодов, а потом уже окончательно определена их последовательность. Подпись в автографе: Ив. Тургенев.

Замысел рассказа «Смерть» относится, по-видимому, к августу 1847 г., так как впервые его название встречается в программе «Записок охотника», набросанной на черновом автографе «Уездного лекаря» *(Сочинения I.* Т. 4. С. 467). Исполнение замысла было отложено Тургеневым: из

следующей программы название «Смерть» после вычерков и замен выпало и некоторое время не упоминалось вовсе (см.: Там же. С. 468-470). Написание рассказа относится ко второй половине ноября — началу декабря ст. ст.: для чернового автографа «Смерти» Тургенев использовал листки почтовой бумаги с датами начатых писем: «Paris. 1e 24 Novembre 47» (т. е. 12 ноября ст. ст.) и «Paris, 1e 7 Decembre 47» (т. е. 25 ноября ст. ст.). Очевидно, в середине декабря Тургенев отослал рассказ в редакцию «Современника»: к 7 декабря у Некрасова было четыре рассказа из шести опубликованных в «Современнике» № 2 за 1848 г. (см. комментарии к рассказу «Лебедянь»). 17(29) января 1848 г. Некрасов писал А. В. Никитенко, что «почти уже набраны и „Записки охотника“, которые пойти должны в эту же книжку» (т. е. февральскую. *Некрасов.* Т. 10. С. 102); по условию рассказы присылались в редакцию не позже чем за месяц до набора.

В рассказе «Смерть» нашли отражение семейные воспоминания и реальная топография окрестностей Спасского. Река Зуша — один из притоков Оки, протекает в пяти километрах от Спасского-Лутовинова; в числе рощ и урочищ, расположенных недалеко от села Тургенева,

называют Чаплыгино (см.: *Новиков В.* По тургеневским местам. Тула, 1971. С. 30). История барыни, собиравшейся заплатить священнику за свою отходную, извлечена из семейных преданий и относится к матери В. П. Тургеневой: «Катерина Ивановна Сомова жила в Холодове; там же она и умерла. В рассказе „Смерть“ („Записки охотника") описаны ее последние минуты: барыня, заплатившая сама священнику за свою отходную, была родная бабка Ивана Сергеевича» *(Житова.* С. 23). Указан, по воспоминаниям Н. Сперанского, прототип и другого персонажа рассказа, Авенира Сорокоумова, — Авенир Мартынов, который жил «на кондициях» у родственников Тургенева (см.: *Громов В*. Учитель Авенир Мартынов // Орловская правда. 1968. № 242. 15 окт.; *Бартрам Н. Д.* Избр. статьи. Воспоминания о художнике. М., 1979. С. 64).

Существует точка зрения на «Смерть» как на рассказ, генетически связанный со стихотворением Некрасова «Еду ли ночью по улице темной…» и с обозрением статистических данных о смертности в России в «Современных заметках» — и то и другое было опубликовано в журнале «Современник» № 9 за 1847 г. (см.: *Громов В. А.* Некрасов и «Записки охотника» И. С. Тургенева (1846-1852)

// Некрасовский сборник. Л., 1978. Вып. VI. С. 30). Тематически рассказ «Смерть» предвосхищает некоторые из «Стихотворений в прозе» (см., напр., «Завтра! Завтра!» и «Что я буду думать?»).

Сосредоточенность на обрисовке национальных черт характера и отсутствие в рассказе прямой социально-обличительной тенденции дали повод «Северному обозрению» к истолкованию рассказа в том «религиозно-патриотическом духе», которым отличался журнал, перешедший в 1848 г. в руки известного профессора-востоковеда В. В. Григорьева. «Рассказ „Смерть“, — писал анонимный рецензент «Северного обозрения», — <…> замечателен верною, тонкою и глубокомысленною характеристикою одной из самых замечательных черт нашего народа — нашей преданности воле бога <…> г. Тургенев изображает в нем такие черты нашего характера и нашей жизни, которые могут порадовать даже тех, кто привык описывать, видеть и читать лишь все наше худое и ругать его, не замечая, что, может быть, еще более грубые недостатки таятся в других нациях» (Журнальные заметки // Сев. обозрение. 1848. № 2. Отд. «Критика и библиография». С. 55).

Рассказ «Смерть» был отмечен Белинским сре-

ди других рассказов цикла, опубликованных в «Современнике» № 2 за 1848 г., и вместе с «Бирюком» положительно оценен (см. комментарии к рассказу «Бирюк»).

ПЕВЦЫ (с. 150)

Впервые — в журнале «Современник», 1850, № 11, отд. I, с. 97-114 (ценз. разр. 31 окт.), под № XVIII, вместе с рассказом «Свидание», с общей подписью: И. Тургенев.

Черновой и беловой автографы рассказа хранятся в *ГПБ* (Ф. 795. Ед. хр. 14, 15). На первой странице чернового автографа — предварительный перечень персонажей:

Цел<овальник> Ник<олай> Ив<аныч>
Жена его
Дочь — 9 лет
Моргач.
Обалдуй.
Дикий барин.
Яков Турок.
Рядчик
Серый мужичок.

Этот перечень выдержан в рассказе Тургеневым, за исключением первоначально намеченной 9-летней дочери целовальника, вместо

которой в окончательном тексте представлен его «сынишка». На полях чернового автографа набросана программа отдельного издания «Записок охотника» в двух томах.

В рукописях рассказ назывался «Притынный кабачок». Заглавие «Певцы» принадлежит, вероятно, Н. А. Некрасову: как редактор журнала «Современник», он зачеркнул в беловом автографе первоначальное заглавие и вписал новое — своей рукой. Его же рукой в том же автографе карандашом и чернилами сделаны — по цензурным соображениям — и другие замены, а также выкидки.

Новое заглавие принято было автором не без колебаний. В *ГИМ ОПИ* хранится авторизованная писарская копия «Певцов» (см.: Ф. 276. Собр. Д. М. Щепкина. Ед. хр. 37884. Арх. № 3702). Она датирована 1850 г., исправлена автором, снабжена его подписью и дарственной надписью сыну артиста М. С. Щепкина: «Дмитрию Михайловичу Щепкину на память от любящего его автора». Искажения и пропуски цензурного характера, произведенные при печатании в «Современнике», здесь устранены. Заглавие «Певцы» перечеркнуто и сверху написано: «Притынный кабачок».

«Певцы» писались в с. Тургеневе в августе и

сентябре 1850 г., когда Тургенев, публикуя заключительный очерк «Лес и степь» (1849), объявил уже о своем намерении «ограничиться напечатанными отрывками». «Певцы», таким образом, оказались первым рассказом, продолжившим цикл после того, как автор в 1849 г. уже посчитал его законченным.

Первое известное нам письменное упоминание о «Певцах» содержится в письме Некрасова к Анненкову от 30 сентября 1850 г., в котором редактор «Современника» извещал о присылке Тургеневым из деревни «небольшой вещицы»: «хороша, да неудобна» *(Некрасов.* Т. 10. С. 155; здесь это сообщение ошибочно отнесено к «Свиданию»). В письме из Петербурга к П. Виардо от 26 октября 1850 г. Тургенев сообщал, что прибавил к «Запискам охотника» новый рассказ, в котором, «слегка его приукрасив», изобразил состязание двух народных певцов, очевидцем которого он сам был «два месяца тому назад». «Там было много своеобразных личностей, — писал Тургенев, — которые я пытался нарисовать в духе Тенирса» *(Письма II.* Т. 2. С. 365. Подлинник по-французски). Прототипом Якова-Турка автору послужил Яков Пасынков, работавший на бумажной фабрике брата писателя, Н. С. Тургенева (см.: *Шумский И.* О

прототипе Якова-Турка в «Певцах» И. С. Тургенева // Рус. лит. 1959. № 3. С. 198-200). По воспоминаниям бывшего крепостного Тургенева, сельского учителя А. И. Замятина, «Яшка-турчонок, сын пленной турчанки» — реально существовавшее лицо (см.: *Замятин А. И.* Мои воспоминания об И. С. Тургеневе: Рукопись из фондов Государственного музея И. С. Тургенева в Орле // *Орл. сб. 1955*. С. 291).

О том, как протекала работа над «Певцами», сохранилось следующее свидетельство мемуариста: в 1870-х годах в Париже, в доме Е. С. Рахмановой «Тургенев доказывал, что вдохновение не исключает долгой, кропотливой, черной работы, исправления написанного. „Как, неужели рассказ „Певцы“ (из „Записок охотника“) вы написали не сразу, по вдохновению?“ — воскликнула одна из дам. Как сейчас во всей точности помню ответ Тургенева: „Певцы“? Как мозаику составлял“» *(Олсуфьев Дм.* Тургенев. Воспоминания и заметки // На чужой стороне. XI. Прага, 1925. С. 56).

Из сличения белового автографа с журнальным текстом выявляются разночтения цензурного характера. Слова «дворяне», «помещики», «становой», «штатский генерал» повсюду заменялись социально нейтральными: «гости», «другие» и

т. п. Систематически устранялось определение «русский», к чему бы оно ни прилагалось: вместо «русский tenore di grazia» — «tenore di grazia», вместо «русского человека» — «деревенского жителя». Были устранены слова «во всей России». Всякие указания на прямые или косвенные протесты крестьян по поводу их бедственного положения цензором изымались. Так, в журнальном тексте не оказалось слов, относящихся к целовальнику Николаю Иванычу: «…образумил мужиков соседней деревни, не хотевших принять нового управляющего». Вместо слов (о Моргаче) «бежал со вверенной ему тройкой лошадей» печаталось: «Вдруг пропал с вверенной ему тройкой лошадей». Сильно пострадала от цензуры характеристика Дикого-Барина: исчезло важное указание на громадные силы, угрюмо покоившиеся в нем и готовые прорваться «со взрывом»; подробности, относящиеся к его прошлому, и несущее в себе большую идейную нагрузку сравнение «поглядывал кругом, как бык из-под ярма». Из носителя главной идеи рассказа стараниями цензора этот персонаж превратился в некое социально неопределенное и действительно дикое существо. Не случайно критика того времени отмечала, что это лицо «совершенно непонятно

и вышло как-то неудачно таинственно» (Москвитянин. 1851, № 3, С. 389).

Заметно старание цензуры сгладить картину ужасающей бедности Колотовки. Вместо слов: «было что-то безнадежное, придавленное в этом глубоком молчании обессиленной природы» — в «Современнике» напечатано: «было что-то истомленное в этом глубоком молчании обессиленной природы». Выброшены были реплики, казавшиеся цензору грубыми или богохульными: «Иди сюда, черт леши-и-и-ий!»; «пристал, словно банный лист»; вместо «будь я собачий сын» печаталось: «будь я баран». Отовсюду изымалось слово «бог». Вместо «Пой, как бог тебе велит» печаталось: «Пой, как умеешь».

В «цензурной» рукописи 1852 г., по которой печаталось первое издание книги, Тургенев устранил почти все внесенные в текст «Певцов» при первой публикации изменения. Однако начальные слова: «Небольшое сельцо Колотовка», вероятно, больше удовлетворили писателя в художественном отношении, чем доцензурный вариант: «Изумительно разоренное сельцо». В «цензурной» рукописи этот вариант сначала был восстановлен, но затем снова зачеркнут.

16 ноября 1850 г. Некрасов сообщал Анненко-

ву: «Приехал Тургенев (уже давно), написал два рассказа, которые найдете в XI № „Современника“. Один из них, „Певцы“, — чудо! И вообще это отличная поправка бедному „Современнику“, который в нынешнем году не может таки похвалиться беллетристикой» (*Некрасов.* Т. 10. С. 158). Сам Тургенев 24 ноября сообщал П. Виардо о «большом успехе» «Певцов» в Москве *(Письма II.* Т. 2. С. 369). Еще ранее, 26 октября, он писал ей же, что работа его над рассказом удалась лучше, чем он ожидал.

Примечательным оказалось обсуждение рассказа также и в критике. Представители различных общественных групп и направлений по-разному отнеслись к рассказу Тургенева.

Революционно-демократическая критика безоговорочно приняла обличительный реализм «Певцов». В анонимном «Обозрении русской литературы за 1850 г.» журнал «Современник» отнес «Певцов» к лучшим произведениям 1850 г. и к тем рассказам «Записок охотника», в которых «природа и человек сливаются в одно целое», *«неистинного* характера нет ни одного» (Современник. 1851. № 2. Отд. III. С. 57-63).

Напротив, П. В. Анненков в письме к Тургеневу от 12/24 октября 1852 г. определил рассказ как

«сочинительство» (см.: Рус. обозрение. 1894. № 10. С. 488).

Тема художественной одаренности и духовного богатства простого русского человека, естественно, импонировала и литераторам-славянофилам. И. С. Аксаков причислял «Певцов» к лучшим произведениям Тургенева. Показательны, однако, дружные выступления критиков-славянофилов против изображенной вслед за состязанием певцов сцены пьяного разгула в кабаке, которая казалась им вредным проявлением этнографического натурализма, дисгармонирующим с общим тоном рассказа. Сцена эта при публикации в «Современнике» не была пропущена цензурой и появилась в печати только в издании 1852 г. В письме к Тургеневу И. С. Аксаков замечал: «Можно было бы обойтись без последней сцены пьяных в кабаке» (Там же. № 8. С. 476). Для Тургенева, не разделявшего славянофильской идеализации русской народной жизни в период крепостничества, сцена разгула была необходимой частью его замысла, художественным выражением трагической судьбы талантливого русского человека. О своем расхождении с критикой славянофильского толка Тургенев писал К. С. Аксакову 16 октября 1852 г. и 16 января 1853 г.: «Я вижу трагическую

судьбу племени, великую общественную драму там, где Вы находите успокоение и прибежище эпоса…»; «…по моему мнению, трагическая сторона народной жизни — не одного нашего народа — каждого — ускользает от Вас — между тем как самые наши песни громко говорят о ней!» *(Письма II.* Т. 2. С. 151, 186).

Симптоматично восприятие рассказа «почвенником» Ап. Григорьевым, который расценил как фальшь «одностороннюю заунывность, простирающуюся до трагизма», «болезненный серый колорит», наброшенный автором даже на самую природу, в которой ощущается, по словам критика, «какое-то истомление, обессилие». Этот мотив, играющий в замысле Тургенева существенную роль, более всего раздражал критика и был, по его мнению, следствием власти над писателем «личной хандры» (Москвитянин. 1851. № 3. С. 389; ср.: Рус. слово. 1859. № 5. Отд. II. С. 18), Взгляд на «Певцов» как на произведение, в котором Тургенев будто бы отошел от реализма в изображении духовной жизни народа, укрепился в дореволюционной критике и литературоведении. Произвольный смысл придавался словам Тургенева из письма к П. Виардо о «немного прикрашенном виде», в котором он изобразил состязание певцов.

Народнической критике «Певцы» дали повод для суждений об эксцентричности героев «Записок охотника», о нетипичности их для крестьянской среды. Отголоски подобных мнений имели место и позже, в том числе в некоторых работах советского времени. См. об этом: *Азадовский М. К.*«Певцы» И. С. Тургенева // Он же. Статьи о литературе и фольклоре. М.; Л. 1960. С. 407-413.

Заключительный эпизод «Певцов» — с призывом к «Антропке» и перекличкой детских голосов — Ф. М. Достоевский использовал в «Дневнике писателя» 1873 г. для аллегорического изображения яростной перебранки двух столичных изданий, в которой тоже «среди темной ночи, объявшей нашу литературу», слышится нечто «антроповское». «Сия вещь любимого писателя публики поистине гениальная», — говорит о «Певцах» подставное «одно лицо», от имени которого Достоевский ведет свой разговор. «Сей гениальный возглас к Антропке и — что главное — бессильный, но злобный надрыв его может повториться не только среди провинциальных мальчишек, но и между взрослыми, дошедшими до почтенных седин, членами современного, но взволнованного реформами общества» *(Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21.

С. 65-66).

Один из основных мотивов «Записок охотника» — изображение сдавленных, скрытых и не находящих выхода могучих сил русского народа в условиях крепостнического строя — находит в «Певцах» наиболее яркое выражение.

Обладая выдающимися идейно-художественными достоинствами, рассказ Тургенева приобрел огромную популярность и оказал существенное влияние на последующую русскую литературу. Будучи первым в русской литературе художественным изображением исполнения народных песен и искусства народных певцов, он начал собою целую галерею подобных изображений в произведениях Левитова, Мамина-Сибиряка, Эртеля, Короленко, М. Горького. «Певцы» чаще, чем какой бы то ни было другой рассказ «Записок охотника», подвергались инсценировкам; первые опыты относятся к 1867 г. В юбилейном 1918 г. в постановке «Певцов» на сцене Александринского театра в Петербурге принял участие Ф. И. Шаляпин. См.: *Данилов С. С.* и *Альтшуллер А. Я.* «Записки охотника» на сцене // *Орл. сб. 1955.* С. 296-303.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ КАРАТАЕВ

(с. 164)

Впервые — в журнале «Современник», 1847, № 2, отд. I, с. 197-212 (ценз. разр. 30 дек. 1846 г.). Дата цензурного разрешения установлена в ст.: *Громов В. А.* Журнал «Современник» и «Записки охотника» // Пятый межвузовский тургеневский сборник. Тургенев и русские писатели. Курск, 1975. С. 97 (Науч. тр. Курского госпед. ин-та; Т. 50(143)).

Подпись: Ив. Тургенев.

Название «Петр Петрович Каратаев» сопровождено здесь подзаголовком «Рассказ» и эпиграфом: „Вот благородное угасло сердце!“ «(Горацио в „Гамлете")» (подзаголовок был снят в «цензурной» рукописи, эпиграф — в изд. 1860 г.). Текст рассказа в «Современнике» разделен на две части; каждая как главка обозначена римской цифрой.

Автографы неизвестны. В момент публикации рассказа Тургенев находился за границей и в последующие месяцы, по-видимому, беспокоился, как бы оригинал набора не затерялся в редакции «Современника». 24 июня (6 июля) 1847 г. в письме, адресованном Белинскому, Тургеневу

и Анненкову в Зальцбрунн, Некрасов заверял Тургенева: «…оригинал „Каратаева“ сохраню» (*Некрасов.* Т. 10. С. 71).

История замысла и написания рассказа затруднена отсутствием автографов и малочисленностью сохранившихся писем Тургенева 1846 г. (всего 5). В общих чертах она рисуется следующим образом. По-видимому, «Петр Петрович Каратаев» был написан ранее других рассказов, ранее возникновения самой идеи цикла и без связи с нею. Рассказ был обещан Белинскому для литературного альманаха «Левиафан», составлявшегося на протяжении 1846 г. (см.: *Ванюшина М. А.* Белинский в работе над организацией альманаха «Левиафан» в 1846 г. // Учен. зап. Саратовского гос. ун-та, 1952. Т. 31, Вып. филол. С. 268; *Оксман Ю. Г.* Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. М., 1958. По именному указателю). Из письма Белинского Герцену от 2 января 1846 г. известно, что Тургенев намеревался дать для «Левиафана» «повесть и поэму» (*Белинский*. Т. 12. С. 254). Обозначение «повесть» применимо к «Петру Петровичу Каратаеву»: объем, развернутая фабула и членение на две части, сохранившееся в тексте «Современника», согласуются с этим жанром. Первое документальное свидетельство

о рассказе содержится в объявлении «Об издании „Современника“ в 1847 году» (см.: *Заборова Р. Б.* Неизвестное объявление «Об издании „Современника“» // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1968. Т. 27, вып. 2. С. 153). В числе произведений, заготовленных для «Современника» 1847 г., начиная с февральской книжки, здесь назван «Русак, рассказ» Тургенева. Это название проходит и через десятую программу «Записок охотника», и через письма Белинского к Тургеневу (см. ниже), обозначая рассказ «Петр Петрович Каратаев». Дата цензурного разрешения объявления о «Современнике» 1847 г. — 8 декабря 1846 г. — говорит о том, что к этому времени рассказ был написан и, очевидно, уже находился в редакции «Современника». (Следует отметить, что в более раннем объявлении о материалах, заготовленных для «Современника» 1847 г., опубликованном в ноябрьской книжке «Современника» за 1846 г. (ценз. разр. 1 окт. 1846 г.), рассказ «Русак» еще не значится. См.: *Некрасов.* Т. 12. С. 112.)

При публикации в «Современнике» текст пострадал от цензурного вмешательства. 15(27) февраля 1847 г. Некрасов писал Тургеневу: «Ваш рассказ («Каратаев») напечатан в 2-ой книжке: он всем понравился очень, Белинскому тож; два-три

места досадные (хоть и небольшие) выкинуты, да что же делать! если б и весь уничтожили, так нечему бы удивляться» *(Некрасов.* Т. 10. С. 61). На полях «цензурной» рукописи Тургенев восстановил места, направленные против произвола помещиков, взяточничества должностных лиц, а также рисующие «непочтительное» отношение крепостной к своей барыне, которые были вычеркнуты цензором при публикации рассказа в «Современнике» (см.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 434-435).

Намерение включить рассказ в цикл возникло у Тургенева не сразу. Рассказы из «Записок охотника», опубликованные в пятой книжке «Современника» за 1847 г., имели нумерацию II-V. Таким образом, из двух напечатанных до этого рассказов только один — «Хорь и Калиныч» — был отнесен к циклу. Рассказ «Петр Петрович Каратаев» не обозначен ни в одной из *Программ* «Записок охотника», вплоть до последней, записанной на черновой рукописи рассказа «Певцы», составленной осенью 1850 г. и представляющей собой, по существу, первую *Программу* отдельного издания цикла *(Сочинения I.* Т. 4. С. 472-473). В ней рассказ «Петр Петрович Каратаев» фигурирует под названием «Русак». Так же называет его и Белинский в письме к Тургеневу от 19 фев-

раля (3 марта) 1847 г.: «Ваш „Русак“ — чудо как хорош, удивителен, хотя и далеко ниже „Хоря и Калиныча“» *(Белинский.* Т. 12. С. 336). То, что оба названия относятся к одному и тому же рассказу, подтверждается поправкой, которую внес Тургенев, цитируя в «Воспоминаниях о Белинском» письмо Белинского: вместо «Русак» он поставил известное читателю «Каратаев». На решение Тургенева включить рассказ в цикл повлиял, очевидно, успех рассказа и восприятие его читателями в одном ключе с рассказами из «Записок охотника».

Белинский поставил «Петра Петровича Каратаева» в один ряд с «лучшими из рассказов охотника». В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский писал: «Хотя рассказ г. Тургенева „Петр Петрович Каратаев“, напечатанный во второй книжке „Современника“ за прошлый год, и не принадлежит к ряду рассказов охотника, но это такой же мастерской физиологический очерк характера чисто русского, и притом с московским оттенком» (Там же. Т. 10. С. 346). Тургеневу Белинский писал 19 февраля (3 марта) 1847 г,: «Не только „Хорь“, но и „Русак“ обещает в Вас замечательного писателя в будущем» (Там же. Т. 12, С. 336). Известны также положительные от-

зывы В. П. Боткина и Н. П. Огарева. Первый писал Белинскому 27 марта (8 апр.) 1847 г.: «„Каратаев“ мне нравится лучше всего им написанного» (Лит. мысль. Пг., 1923. Вып. II. С. 191); Огарев считал, что один этот рассказ «скрасил» неудачную, по его мнению, книжку «Современника» (см.: *ЛН.* Т. 61. С. 756). Ап. Григорьев особенно отметил, что в характере героя «развита *гибель* от обстоятельств самого лучшего чувства, озарившего небогатую, чисто помещичью природу» *(А. Г.* Обозрение журнальных явлений за январь и февраль текущего года // Моск. городской листок. 1847. 5 марта. № 52).

Некрасов в «Заметках о журналах» за сентябрь 1855 г. обратил внимание на эпигонов Тургенева в изображении «широкой русской натуры»: «Эту натуру, как многое, чем пробавляется теперь беллетристика, пустил в ход г. Тургенев своим Каратаевым <…> С той поры ее трепали, трепали и не перестают трепать, схватывая только внешние приемы и нисколько не понимая сущности характера, так верно подмеченного и художнически поставленного г. Тургеневым» (*Некрасов*. Т. 9. С. 320).

СВИДАНИЕ (с. 174)

Впервые — в журнале «Современник», 1850, № 11, отд. I, с. 114-122 (ценз. разр. 31 окт.), под № XIX, вслед за «Певцами», с общей подписью: Ив. Тургенев.

Беловой и черновой автографы в *ГПБ* (Ф. 795. Ед. хр. 17, 16). Первоначально в черновом автографе герой именовался Виктором Николаевичем. На беловом автографе — надпись Некрасова, сделанная красным карандашом: «XIX. Набрать и послать вместе с рассказом „Певцы“ к г. Крылову. Некр<асов>)».

Замысел «Свидания» впервые отразился в *Программе* цикла «Записки охотника», набросанной в черновой рукописи рассказа «Певцы» («Притынный кабачок») и представляющей собой план двухтомного издания цикла. В этой *Программе* «Свидание» отмечено волнистой чертой, которой, по-видимому, обозначались задуманные, но еще не осуществленные рассказы. См.: *Клеман*. Программы. С. 117.

Время написания рассказа определяется датировкой письма Тургенева к актрисе Н. В. Самойловой, черновик которого сохранился на обороте

вставки в черновой автограф «Свидания» (эта вставка учтена при переписке рукописи набело). На основании содержания письмо к Самойловой датируется октябрем 1850 г. (см.: *Письма II.* Т. 2. С. 436). К этому же времени относится перечень действующих лиц комедии «Провинциалка», набросанный на последнем листе чернового автографа. Таким образом, «Свидание» если и было написано вчерне до приезда в Петербург в начале октября, то отделано и перебелено могло быть только уже в Петербурге.

Цензура изъяла из рассказа при публикации в «Современнике» намеки на беременность Акулины. Вместо тургеневского: «…а он лежал, развалясь, как султан…» — в журнале печаталось: «…а он стоял, как султан…» Слово «обожанье», производное от слова «бог», заменялось в «Современнике» словом «ласки». Некоторые изменения произведены были Некрасовым в предвидении цензуры: в беловом автографе его красным карандашом зачеркнуты слова: «а тот еще бранится» и «благоговейной». В текст «Современника» эти слова не попали и, как и другие изъятые по цензурным причинам слова, восстановлены автором в «цензурной» рукописи 1852 г.

В «Обозрении русской литературы», помещен-

ном в № 2 «Современника» за 1851 г., «Свидание» наряду с «Певцами» причислялось к тем рассказам «Записок охотника», которые отличаются почти осязаемой «картинностью». Возникающее сначала при чтении рассказа впечатление утрированности и идеализации образа Акулины сменяется вскоре, по словам анонимного автора, ощущением художественной убедительности и психологической правды. Однако характер Виктора представлялся ему нарисованным преувеличенно и «чересчур резко», вследствие чего «Певцы» ставились в статье «гораздо выше» «Свидания».

11 ноября 1850 г. Тургенев сообщал П. Виардо, что «Певцы» и «Свидание», появившиеся в «Современнике», «имеют большой успех» (Там же. С. 369). И. С. Аксаков в письме к Тургеневу от 4 октября 1852 г. назвал «Свидание» в числе лучших, по его мнению, рассказов «Записок охотника» (см.: Рус. обозрение. 1894. № 8. С. 476). Критически отозвался Ап. Григорьев, который нашел героиню «идеализированной» и «мелодраматичной». Из рассказа он вынес «свинцовую тяжесть впечатления», которую объяснил присутствием в произведении «задней мысли», т. е. определенной общественной тенденции (см.: Москвитянин.

1851. № 3. С. 390).

Д. И. Писарев в статье «Народные книжки» (1861) отметил в «Свидании» «живой и своеобразный колорит», выгодно отличающий этот рассказ Тургенева от других попыток изображать внутреннюю сторону народной жизни, лишенных художественной убедительности и правды (см.: *Писарев Д. И.* Сочинения. М., 1955. Т. 1. С. 60).

Идейно-тематической, но в значительной мере полемической по приемам творчества реминисценцией «Свидания» является рассказ А. П. Чехова «Егерь» (1885). См. об этом: *Долинин А.* С. Тургенев и Чехов: Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова // Творческий путь Тургенева. Пг., 1923. С. 277-318; *Семанова М. Л.* Тургенев и Чехов // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1957. Т. 134. С. 177-223.

ГАМЛЕТ ЩИГРОВСКОГО УЕЗДА (с. 182)

Впервые — в журнале «Современник», 1849, № 2, отд. I, с. 275-292 (ценз. разр. 31 янв.), под № XV, вместе с рассказами «Чертопханов и Недопюскин» и «Лес и степь». Общая подпись: Ив. Тургенев.

Беловой автограф рассказа неизвестен. Черновой автограф хранится в *ГПБ* (Ф. 795. Ед. хр. 9). В черновой редакции рассказ назывался «Обед»,

так как первоначально содержание его ограничивалось описанием обеда «у богатого помещика и охотника Александра Михайлыча Г***». Позднее дописана остальная часть, помеченная в черновике: «К „Обеду“».

«Гамлет Щигровского уезда» создавался весной 1848 г., после некоторого перерыва в работе над «Записками охотника» (последний предшествовавший ему рассказ «Смерть» написан в конце 1847 г.). Рассказ закончен вчерне не ранее последних чисел мая 1848 г. (на последнем листе автографа — начало письма с датой: «Paris, Dimanche. 28 Mai 48»). В конце лета или в начале осени рассказ был прислан в Петербург, в редакцию «Современника». 12 сентября 1848 г. Некрасов сообщал Тургеневу свое впечатление от «Гамлета», а также «Чертопханова и Недопюскина»: «Ваши два последние присланные рассказа принадлежат к удачнейшим в „Записках охотника“» (*Некрасов*. Т. 10. С. 115).

Публикация рассказа в журнале «Современник» пришлось на самый разгар цензурных гонений, связанный с революционными событиями во Франции и в других европейских странах. О цензурных увечьях, по словам Э. Гонкура, сам Тургенев говорил Ф. Бюлозу (см.: Дневник Гон-

куров. М., 1964. Т. 2. С. 429, 682), что пришлось уступить цензуре, изъяв из рассказа «четыре или пять фраз, придававших произведению своеобразие». Была опущена вся первая часть — сатирическое описание дворянского обеда с сановником. Оставшееся от первой части начало рассказа было присоединено к остальному тексту неуклюжей связкой: «Однако я начал не с тем, чтобы описывать гостей Александра Михайлыча и его обед. Дело в том, что кое-как дождался я вечера...» В результате цензурного вмешательства в ряде случаев саркастический смысл текста исчезал. Так, в описании двух военных «с благородными, но слегка изношенными лицами» печаталось: «с весьма благородными лицами»; устранено было насмешливое противопоставление качеств людей «решительных, но благонамеренных».

Рассказ о тупом студенте Войницыне не был пропущен в «Современник» в связи с тем, что в начале 1849 г. ожидались новые меры правительства по ограничению социального состава студенчества сыновьями дворян. Университетская тема вызывала в этих обстоятельствах особую настороженность цензуры. По журнальной редакции герой «Гамлета...» поступал не в

университет, а в «пансион».

Цензура выкинула из рассказа Тургенева описание бедной обстановки сельской церкви и богослужения в ней. Слово «шамшил» в отношении дьячка не было допущено и до 1865 г. заменялось словом «читал». Определение «русский» отовсюду устранялось или заменялось, слова «дворяне», «помещики» заменялись социально обезличенным «гости». Устранялись приурочивания действия к Москве и другим русским городам: слова «in der Stadt Moskau» были изъяты; вместо «один проезжий москвич» печаталось: «один проезжий». Цензурные искажения вносились в текст в отсутствие автора, который жил тогда за границей и не имел возможности сглаживать наносимые цензурой увечья. Доцензурные чтения не были восстановлены потом Тургеневым.

Тематически в «Записках охотника» «Гамлет Щигровского уезда» стоит несколько особняком. Это рассказ не на крестьянскую тему, как большая часть других. Здесь говорится о судьбах русской дворянской интеллигенции, вынужденной в условиях политического бесправия уходить в скорлупу замкнутых кружков, деятельность которых, при большой идейной напряженности,

носила умозрительный характер, не оказывала никакого влияния на практику жизни.

Критика Тургеневым московских философских кружков 30-х и 40-х годов, со многими участниками которых он поддерживал тесные дружеские отношения, соответствовала взглядам Белинского, Герцена, молодого Салтыкова, остро критиковавшего «кружковую замкнутость» в своих первых повестях. «…Я от души рад, — писал Белинский М. Бакунину 26 февраля 1840 г., что нет уже этого кружка, в котором много было прекрасного, но мало прочного; в котором несколько человек взаимно делали счастие друг друга и взаимно мучили друг друга» (*Белинский*. 11. С. 486). «Хуже всего то, — писал он Н. А. Бакунину 9 дек. 1841 г., — что люди кружка делаются чужды для всего, что вне их кружка» (Там же. Т. 12. С. 77). В переписке Белинского содержится много таких суждений о «москводушии», как он называл увлечения кружковых идеалистов, и все они почти буквально повторяются отзывами о кружке тургеневского героя, прототипом которого послужил И. П. Клюшников — «Мефистофель» кружка Станкевича. Н. Л. Бродский в работе «Белинский и Тургенев» (см.: Белинский — историк и теоретик литературы. М.; Л., 1949. С. 323-342) убедительно

показал, что как самая тема «Гамлета…», так и ее разработка были подсказаны Тургеневу Белинским, возглавившим в 40-е годы борьбу против кружкового идеализма, романтизма и узости.

Затронутая в «Гамлете…» тема вызвала в литературных кругах современников живые и разнообразные отклики. Н. А. Некрасов 27 марта 1849 г. сообщал Тургеневу, что напечатанные в № 2 «Современника» рассказы «изрядно общипаны, но весьма понравились публике» *(Некрасов.* Т. 10. С. 129). Одобрительно отозвался о них И. С. Аксаков в письме к Тургеневу от 4 октября 1852 г. (см.: Рус. обозрение. 1894. № 8. С. 476, 482).

Автор «Обозрения русской литературы за 1850 г.» (см.: Современник. 1851. № 2. Отд. III. С. 57, 61) отмечал высокую цельность, резкость и глубину выведенного здесь характера. По отзыву Ап. Григорьева, «столько же комическое, сколько трагическое» лицо Гамлета изображено Тургеневым «так истинно и просто», что «вызывает на многие вопросы» (Отеч. зап. 1850, № 1. Отд. V. С. 18). Анонимный рецензент «Москвитянина» выразил свое недовольство стремлением Тургенева представить в одном лице «современное болезненное развитие в крайней степени», неправдоподобной «уродливостью героя» (Москвитянин, 1851, № 1.

С. 137). Однако типичность Гамлетов для русской действительности отмечал Н. Г. Чернышевский в статье о «Губернских очерках» Щедрина, где в роли Гамлета выступал Буеракин: «Видно, немало у нас Гамлетов в обществе, когда они так часто являются в литературе, — в редкой повести вы не встретите одного из них, если только повесть касается жизни людей с так называемыми благородными убеждениями» *(Чернышевский.* Т. 4. С. 290-291). По свидетельству П. В. Анненкова, «старый Гизо, прочитав „Гамлета Щигровского уезда“ Тургенева, увидал в этом рассказе такой глубокий психический анализ общечеловеческого явления, что пожелал познакомиться и лично поговорить о предмете с его автором» *(Анненков.* Воспоминания. С. 338). Создание «Гамлета Щигровского уезда» воспринималось как творческий подвиг писателя. «Надо быть чрезвычайно большим художником, — писал в 1883 г. Н. К. Михайловский, — чтобы с таким блеском, как это сделал Тургенев, написать несколько новых вариаций на тему, эксплуатированную гигантами творчества» *(Михайловский Н. К.* Сочинения. СПб., 1897. Т. 5. С. 812).

О. Ф. Миллер причислял «уездного Гамлета» к тургеневскому же типу Рудина, самое суще-

ственное в котором — «это даром пропадающая жизнь в сущности умного человека». Миллер вспоминал, что «привычка пользоваться уже готовым, чужою умственною работою» в «кружке» вводила в те времена в заблуждение даже Белинского, который «только высокой своей даровитостью снова был выведен на свободу, снова стал говорить не с чужого голоса». Отправляясь за наукой на Запад, герой рассказа не знал, что наука возникает непосредственно из самой жизни, и остался в результате «тем же неоригинальным существом».

Как ни мало похож тургеневский Гамлет на других орловских помещиков, выведенных в «Записках охотника», О. Ф. Миллер объяснял закономерность появления его в цикле: «…если вдуматься, то и Щигровский Гамлет окажется тесно связанным с тою барской средой, которая раскрывается перед нами в „Записках охотника“. Ведь самое это отвлеченное направление мысли, самое это ученье помимо жизни возможно только в барской среде, где не имелось живой, насущной потребности *дела*, а потому-то все, даже самое знание, могло обратиться в *безделье*, в какой-то возвышенный способ коротать время» *(Миллер.* С. 15-19).

ЧЕРТОПХАНОВ И НЕДОПЮСКИН (с. 201)

Впервые — в журнале «Современник», 1849, № 2, отд. I, с. 292-309 (ценз. разр. 31 янв.), под № XVI, вместе с рассказами: «Гамлет Щигровского уезда» и «Лес и степь». Общая подпись: Ив. Тургенев.

Черновой и беловой автографы хранятся в *ГПБ* (Ф. 795. Ед. хр. 10, 11).

Первое упоминание рассказа находим в программе «Записок охотника», записанной на полях рукописи рассказа «Уездный лекарь» (авг. — сент. 1847 г.). В этой записи заглавие рассказа претерпело несколько изменений в такой последовательности: *а.* «Иван Иванович»; *б.* «Пом<ещик>»; *в.* «Дворянин Чертапханов»; *г.* «Помещик Чертапханов <и> дворянин Недопюскин». Последним вариантом озаглавлен рассказ в черновой и беловой рукописях. Вариант «Иван Иванович», возможно, не относится к данному рассказу, а отражает особый замысел, который в ранних программах «Записок охотника» обозначался как «Помещик Иван Бессонный». Из другой *Программы*, на полях рассказа «Уездный лекарь», представляющей собой календарный план работы над циклом, можно заключить, что

«Чертопханов и Недопюскин» предназначался для № 3 «Современника» за 1848 г, Автор намеревался направить его в редакцию 1 февраля 1848 г. вместе с рассказами «Русский немец», «Смерть» и «Человек екатерининского времени». Срок этот не был, однако, выдержан. Рассказ писался в Париже весной 1848 г. В программу, набросанную на полях черновой рукописи рассказа «Обед» («Гамлет Щигровского уезда») и представляющую собой перечень произведений, которые Тургенев предполагал завершить для проектировавшегося издания «Записок охотника» отдельной книгой (лето 1848 г.), «Чертопханов и Недопюскин» включен не был, из чего можно заключить, что рассказ этот был к тому времени уже написан. К сентябрю 1848 г. рукопись его была уже в Петербурге, о чем свидетельствует письмо Некрасова к автору от 12 сентября 1848 г. *(Некрасов.* Т. 10. С. 115).

Публикация в «Современнике», совпавшая с обострением политической обстановки в стране, сильно пострадала от цензуры. Беловой автограф рассказа дает об этом наглядное представление: изменения цензурного характера помечены в его тексте карандашом. Вносились изменения, видимо, и в корректуры. Начиная с заглавия цензор последовательно изымал слова «поме-

щик», «дворянин», и это наносило произведению тем больший ущерб, что существенную черту героя составляет непомерная гордость своим столбовым дворянством. Местами в результате цензурного вмешательства текст обессмысливался. Устранялись указания на то, что Чертопханов служил в армии; опущены подробности того, как глумились над Недопюскиным распоясавшиеся помещики, и т. п.

В 1859 г. член главного управления цензуры А. Г. Тройницкий, рассматривавший вопрос о разрешении второго издания «Записок охотника», изъял из рассказа то место, где помещик, приписывая свои неудачи в строительстве церкви проискам «нечистой силы», приказал перепороть всех старых баб на деревне. Это место Тройницкий нашел «оскорбительным для народного религиозного чувства» (цит. по: *Оксман.* С. 284). Сделанная купюра была восполнена только в издании 1865 г.

Искажения, внесенные цензорами в текст «Современника», автор устранил при изготовлении цензурной рукописи 1852 г. Однако некоторые доцензурные варианты Тургенев не восстановил. Редакторы настоящего издания не сочли возможным вводить в текст из автографов эти варианты,

к которым сам автор не вернулся. Исключение сделано только для слов «по чину» (с. 205 наст. изд.), без которых контекст может восприниматься как не вполне ясный. Не восстанавливается и доцензурное заглавие: «Помещик Чертопханов и дворянин Недопюскин».

Когда история о Чертопханове была дополнена вторым рассказом — «Конец Чертопханова», — в письме к М. М. Стасюлевичу от 20 сентября (2 окт.) 1872 г. Тургенев распорядился опустить слова, которыми прежде рассказ заканчивался: «Историю самой Маши я когда-нибудь в другой раз расскажу снисходительным читателям».

Рассказ «Чертопханов и Недопюскин» Некрасов причислял к «удачнейшим в „Записках охотника“» *(Некрасов.* Т. 10. С. 115). Ап. Григорьев ставил его по художественным достоинствам в один ряд с «Хорем и Калинычем» и усматривал в нем «печать свободного творчества» (Москвитянин. 1851. № 3. С. 387; Отеч. зап. 1850. № 1. Отд. V. С. 18). Особенно по душе критику пришелся образ цыганки Маши, в котором, как и в образе Чертопханова, он не находил «болезненного взгляда», присущего, по его мнению, другим персонажам тургеневского цикла.

Прочитав «Записки охотника» в первом отдель-

ном издании, 6 октября 1852 г. А. К. Толстой писал о Тургеневе С. А. Миллер: «Какую великолепную вещь он мог бы сделать из Чертопханова! Если бы только он разработал этот характер артистично, не удовлетворяясь лишь одним наброском, он мог бы совершить литературный и философский фокус, — он мог бы заставить всех преклоняться перед человеком без воспитания, неумным, грубым, грязным, пьяным, вращающимся в кругу неинтересном… Он мог бы возбудить к этому человеку общий энтузиазм.

Что до меня касается, я восхищался этим человеком — таким, каким он его сотворил, — одна только „присядка“ в конце мне испортила картину.

Чертопханов может быть пьян и груб, но не должен плясать, ему это не идет.

Когда я встречаю что-нибудь подобное, — я чувствую, что энтузиазм подымается к голове, по спинному хребту, так же, как когда я читаю прекрасные стихи.

Многие из его характеров — драгоценные камни, но необтесанные» (*Толстой А. К.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 59).

О. Ф. Миллер приводил образ Чертопханова в качестве примера того, что Тургенев не хотел

представить в невыгодном свете и помещиков. Зло, заключал О. Ф. Миллер из истории Чертопханова и Недопюскина, не в грубости отдельных помещиков, а «в неестественности самых отношений, самой этой неразрывной связи между людьми с неограниченными правами и людьми совершенно бесправными» *(Миллер*. С. 14).

14 марта 1871 г., незадолго до начала работы над «Концом Чертопханова», Тургенев читал рассказ на литературном утре в пользу приюта гувернанток в московском театре Солодовникова (СПб. ведомости. 1871. № 78. 19 марта).

КОНЕЦ ЧЕРТОПХАНОВА

(с. 213)

Впервые — в журнале «Вестник Европы», 1872, № 11, с. 5-46, с подзаголовком: «Из „Записок охотника“». Подпись: Ив. Тургенев.

Черновой и беловой автографы рассказа — в парижском архиве И. С. Тургенева (BN), известные прежде только по краткому описанию их А. Мазоном (*Mazon.* P. 80-81). Во время подготовки академического Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева из Парижа были получены фотокопии чернового автографа (*ИРЛИ*), и чер-

новая редакция рассказа впервые публикуется в настоящем издании.

Замысел «Конца Чертопханова», писавшегося в 1870-х годах, связан с своими корнями с первыми произведениями цикла. В конце чернового автографа рассказа «Чертопханов и Недопюскин», относящегося к 1848 г., было начато и зачеркнуто: «После мне сказывали…» В беловом автографе вместо этого значится: «Историю самой Маши я когда-нибудь в другой раз расскажу снисходительным читателям». Этими словами завершался рассказ «Чертопханов и Недопюскин» во всех изданиях до 1874 г., когда впервые был включен в цикл «Записки охотника» рассказ «Конец Чертопханова».

Чтение И. С. Тургеневым рассказа «Чертопханов и Недопюскин» на литературном утре в Москве 14 марта 1871 г. могло натолкнуть писателя на мысль о давно обещанном продолжении. Чтение это произвело на слушателей сильное впечатление (см. об этом сообщение Ф. Д. Нефедова в письме к М. М. Стасюлевичу; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1913. т. V. С. 270-271). 13 августа 1872 г. Тургенев писал Анненкову о своем намерении «высидеть небольшой рассказец к октябрьской или ноябрьской

книжке „Вестника Европы“» *(Письма I.* Т. 9. С. 310).

Точные даты начала и окончания работы над «Концом Чертопханова» указываются пометой Тургенева на черновом автографе: «Конец Чертопханова, рассказ Ив. Тургенева. Начат в понедельник 22/10 мая 1871 г. в Лондоне, 16, Beaumont Street. Кончен в середу 11-го сент. / 30-го авг. 1872 в St. Valery sur Somme, maison Ruhaut (36 стр.) N. Писался с огромными промежутками („Вешние воды“ были написаны в это время). Напечатан в ноябрьской книжке „Вестника Европы“ за 1872 г.» Дата окончания повторена в конце чернового автографа — с уточнением: «…в половине четвертого пополудни». На беловом автографе — место и время перебеления: «Сен-Валери сюр Сомм, сентябрь, 1872». Рассказ предназначался для «Вестника Европы», и М. М. Стасюлевич ожидал присылки рукописи еще в июне 1872 г. Но в письме к нему из Москвы от 14(26) июня 1872 г. Тургенев известил, что, уезжая за границу, рукопись оставить не сможет, так как в России он над ней не работал, и обещал «с несомненностью» выслать ее до осени: «Ведь и кончить ее — всего стоит присесть на день…» (Там же. С. 287). 27 августа (8 сент.) 1872 г. Тургенев

сообщал Стасюлевичу, что рассказ окончен и переписан, но не «отсылается ввиду намерения автора прочитать его до печати Анненкову, чтобы, воспользовавшись его замечаниями, внести в текст нужные поправки (см.: Там же. С. 318). Болезнь, однако, помешала Тургеневу встретиться с Анненковым за границей. 20 сентября (2 окт.) 1872 г., высылая рукопись из Парижа, Тургенев предложил Стасюлевичу перепечатать в «Вестнике Европы» и первый рассказ о Чертопханове — «Чертопханов и Недопюскин»: «(о том, что за него платить нечего, и речи быть не может, это само собой разумеется), — а для читателя это будет удобство, нечто в роде prevenance»[377] (Там же. С. 326). Тургенев предлагал в связи с этим поместить от имени редакции небольшое примечание и дал указание убрать из «Чертопханова и Недопюскина» последнюю фразу, т. е. обещание рассказать «историю Маши». Так как Анненкова, правившего обычно корректуры тургеневских произведений, в Петербурге не было, корректуру Тургенев просил держать А. Н. Пыпина. «Я сейчас заметил, — писал далее Тургенев, — что в „Конце Чертапханова“ я везде пишу „Чертапханов“, — а

377 Примечания: 429
Предупредительности *(фр.)*.

в „З<аписках> о<хотника>“ стоит „Чертопханов“. Надо это уравнять — и принять одну форму: либо о, либо а».

В соответствии с желанием Тургенева, вслед за вступительной фразой «Конца Чертопханова» в «Вестнике Европы» печаталось: «Наши читатели не посетуют, конечно, на нас за то, что мы прервем почтенного автора в самом начале и поставим рядом то, что было разделено значительным промежутком времени. Вот начало того рассказа, который занимает в „Записках охотника“ несколько страниц, под заглавием „Чертопханов и Недопюскин“». Далее следовала перепечатка мелким шрифтом рассказа «Чертопханов и Недопюскин», после чего редакция поясняла: «И. С. Тургенев прервал тогда на этом месте рассказ, заключив обещанием досказать конец „когда-нибудь в другой раз“. — Ред.» Получив от Стасюлевича оттиск первого листа, 11(23) октября 1872 г. Тургенев одобрил такую организацию материала. Следующим письмом, от 21 октября (2 нояб.), он сообщал, что не нашел в публикации «*ни единой опечатки!*» но на другой день опечатки все же нашлись: «Две незначительны, — но третью надо исправить — а то, пожалуй, как-нибудь корреспондент „Московских ведомо-

стей“ станет доказывать, что я до того потерял всякий смысл, живя за границею, что полагаю, что русские *чихают* ртом. — Если возможно, сделайте маленькое „erratum“[378] в конце ноябрьской книжки». *(Письма I.* Т. 10. С. 12). Та страница письма, на которой Тургенев указал эти опечатки, осталась неизвестной; по-видимому, Стасюлевич передал ее в типографию, где она и затерялась. Стасюлевич не успел поместить поправки в № 11 журнала, вследствие чего Тургенев писал ему 31 октября (12 нояб.): «Вы напрасно горюете об опечатках; они слишком незначительны — и пусть Чертопханов *чихает* до следующего номера» (Там же. Т. 10. С. 19). Опечатки были указаны в № 12 «Вестника Европы» за 1872 г. (с. 881) и сообщены П. В. Анненкову в письме от 31 октября (12 нояб.). Наиболее грубая опечатка состояла в том, что вместо слова «гиканье» в журнале напечатано «чиханье», вследствие чего получалось абсурдное в данном контексте чтение: «громкое чиханье вырывается из уст». В двух других указанных Тургеневым поправках вместо слов: «Лошадь, известно, стоила вдвое» — предлагалось читать: «Лошадь, очевидно, стоила вдвое»

---

378 Примечания: 430
Исправление ошибки *(лат.).*

(«очевидно» — и в черновом автографе) «только что» — «только когда» («только когда станешь возвращаться, чуть-чуть заржет…»; в черновом автографе — «только как»). Однако при последующих переизданиях (начиная с 1874 г.) эти поправки Тургенева, затерявшиеся на страницах журнала, не были учтены: первая опечатка, бросающаяся в глаза своей грубой нелепостью, была исправлена, очевидно, по памяти; во втором случае слово «известно» устранено без замены его другим, а третья поправка осталась неучтенной.

Одновременно с первой публикацией в России Тургенев совместно с П. Виардо подготовил перевод рассказа на французский язык для № 12 «Revue des deux Monses», о чем он ставил в известность Стасюлевича 1(13) октября 1872 г. (см.: Там же. Т. 9. С. 341), и дал согласие на перевод рассказа для немецкой «Speher Zeifcung» (см. письмо Ю. Шмидту от 1(13) января 1873 г.: Там же. Т. 10. С. 55).

Сам Тургенев не был уверен в результатах своей работы. «Напишите мне Ваше мнение о „Конце Чертопханова“, — просил он С. К. Кавелину в письме от 2(14) октября 1872 г., — но прошу прочесть эту штуку без предупреждения, т. е. без хорошего, в мою пользу — а напротив, строго

и объективно. Продолжения большею частью бывают неудачны — и может быть — и я напрасно потревожил прах Чертопханова» (Там же. Т. 9. С. 343). Посылая 7 ноября экземпляр «Конца Чертопханова» Вильяму Рольстону, Тургенев прибавлял также: «Может быть, вы его одобрите. Продолжения большей частью являются тем, что французы называют „une chose scabreuse“»[379] (Там же. Т. 10. С. 356-357).

Журнальные оттиски были посланы за рубеж П. В. Анненкову, который нашел, что «вторая часть Чертопханова написана тем же тонким психологом, как и первая», но уступает ей в «свежести юмора», яркости красок, «да и Lust zu fabulieren[380] у автора маленько послабел». Анненков не одобрил обращения писателя к старому образу, который, по его мнению, в своем повторении уже не имеет живости первого впечатления. «Я прежде думал, — писал далее Анненков, — что вы пустите „Чертопханова“ в эмансипацию крестьянскую и покажете, как он сумасбродно с ней примирился и нелепейшим образом сделался выше и гуманнее филантропов и народолюбцев.

---

379 Примечания: 431
Трудным делом *(фр.)*

380 Примечания: 432
Интерес к сочинительству *(нем.)*.

Но у вас вышла другая дорога, и, кажется, лучшая, потому — проще и более примыкает к „Запискам охотника“». Анненков убеждал Тургенева не прибавлять ничего более к «Запискам охотника» (см.: Рус. обозрение. 1898. № 5. С. 20-21). В следующем письме Анненков подкреплял эту оценку мнением других русских, живших тогда в Висбадене (граф М. А. Корф и др.): несмотря на то что рассказ всем пришелся по вкусу, с «Записками охотника» он «составляет диспарат совершенно видный и ощутительный. Где же свобода изложения, обилие черт, теней, отливов, из которых составляются портреты „Записок“, веселость мастера, ходящего развязно в своем сюжете, и мастерство намеков, которые говорят гораздо больше того, что написано. Психолог вырос, писатель если не поник, то накренился в сторону: угол еще красив, да все же угол. То же будет и со всеми другими рассказами из цикла „Охотника“, еще не дописанными…» (Там же. С. 23).

Соглашаясь с его советом не прибавлять более ничего к «Запискам охотника», Тургенев писал Анненкову 25 октября (6 нояб.) 1872 г.: «Я хочу вам только сказать, как мне эта штука пришла в голову: с моим соседом Чертовым (настоящее имя Чертопханова) именно случилось то, что

я рассказал; мне это сообщила собственная его дочь, которая, пожалуй, будет теперь негодовать на мою нескромность…» *(Письма I.* Т. 10. С. 15). В архиве Государственного музея И. С. Тургенева в Орле хранится дело о покупке матерью Тургенева у И. И. Чертова 100 десятин земли, примыкающей к угодьям Спасского. См.: *Орл. сб. 1955.* С. 290 и примеч. к рассказу «Чертопханов и Недопюскин» в наст. изд.

«Конец Чертопханова» отличается от других рассказов «Записок охотника» иной формой повествования: в нем нет рассказчика («охотника») — очевидца и участника описываемых событий, передающего читателям от первого лица свои непосредственные впечатления. Рассказ получился длиннее прочих и разбит на нумерованные главки, чего нет в других рассказах цикла. Видимо, ощущая это различие и желая натолкнуть читателя на его объяснение, под первопечатным текстом в изданиях 1874 и 1880 гг. Тургенев выставлял под рассказом дату: «Сентябрь, 1872». Стасюлевичу он писал 1(13) октября 1872 г.: «Радуюсь, что Вам мой рассказ понравился. Я боялся растянуть его, чтобы не выпасть из пропорции. Голова (т. е. рассказ из „Записок охотника“) была бы большая, а туловище и ноги предлинные»

(Письма I. Т. 9. С. 340).

Высокую оценку художественных достоинств «Конца Чертопханова» дал известный немецкий критик и историк литературы Ю. Шмидт. См. его статью «Iwan Turgenjew» (Westermanns Monatshefte. 1877. B. 43. S. 83). Отвечая на одно из суждений Шмидта, Тургенев писал ему 10(22 янв.) 1873 г.: «Я рад, что сцена убийства лошади понравилась вам. В описании качеств лошади — которое, конечно, чересчур длинно — я не имел намерения дать блестящую картину; я просто хотел перечислить все добрые свойства казацкого коня, их я прямо описал со слов одного старого казацкого офицера. Это была излишняя тщательность» (Там же. Т. 10. С. 60).

О других газетно-журнальных отзывах по поводу «Конца Чертопханова» см. работу В. А. Громова «„Конец Чертопханова“, „Живые мощи“, „Стучит!“ в цикле рассказов и очерков Тургенева» в сб.: Творчество И. С. Тургенева. Курск, 1984, С. 78-98.

ЖИВЫЕ МОЩИ (с. 238)

Впервые — в кн.: «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в

Самарской губернии», СПб., 1874, с. 65-79 (дата выхода: 28 марта 1874 г.). Подпись: Ив. Тургенев. Рассказ был сопровожден подзаголовком «Отрывок из „Записок охотника“» и следующим подстрочным примечанием:

«Рассказ этот получен Я. П. Полонским, для передачи в сборник, при следующем письме И. С. Тургенева:

„Любезный Яков Петрович! Желая внести свою лепту в „Складчину“ и не имея ничего готового, стал я рыться в своих старых бумагах и отыскал прилагаемый отрывок из „Записок охотника“, который прошу тебя препроводить по принадлежности. — Всех их напечатано двадцать два, но заготовлено было около тридцати. Иные очерки остались недоконченными из опасения, что цензура их не пропустит; другие — потому что показались мне не довольно интересными или нейдущими к делу. К числу последних принадлежит и набросок, озаглавленный „Живые мощи“. — Конечно мне было бы приятнее прислать что-нибудь более значительное; но чем богат — тем и рад. Да и сверх того, указание на долготерпение нашего народа, быть может, не вполне неуместно в издании, подобном „Складчине“.

Кстати, позволь рассказать тебе анекдот, от-

носящийся тоже к голодному времени у нас на Руси. В 1841 году, как известно, Тульская и смежные с ней губернии чуть не вымерли поголовно. Несколько лет спустя, проезжая с товарищем по этой самой Тульской губернии, мы остановились в деревенском трактире и стали пить чай. Товарищ мой принялся рассказывать не помню какой случай из своей жизни и упомянул о человеке, умиравшем с голоду и худом, как скелет. „Позвольте, барин, доложить, — вмешался старик хозяин, присутствовавший при нашей беседе, — от голода не худеют, а пухнут.“ — „Как так?“ — „Да так же-с; человек пухнет, отекает весь как склянка (яблоко такое бывает). Вот и мы в 1841 году все пухлые ходили“. — „А! в 1841 году! — подхватил я. — Страшное было время?“ — „Да, батюшка, страшное“. — „Ну и что? — спросил я, — были тогда беспорядки, грабежи?“ — „Какие, батюшка, беспорядки? — возразил с изумлением старик. — Ты и так богом наказан, а тут ты еще грешить станешь?“

Мне кажется, что помогать такому народу, когда его постигает несчастие, священный долг каждого из нас. — Прими и т. д.

Иван Тургенев.

Париж. 25 января 1874 года».

В цикл «Записки охотника» рассказ «Живые мощи» вошел впервые в издании 1874 г. (с. 494-508). При этом отпал подзаголовок первой публикации; пространное подстрочное примечание было заменено кратким указанием: «Наброски двух отрывков из „Записок охотника“: „Живые мощи“ и „Стучит!“ — были найдены автором в черновых его бумагах в 1874 году и тогда же дописаны, один для „Складчины“, другой для предстоящего издания. В первое собрание „Записок охотника“ они не были включены по той причине, что не имели прямого отношения к главной мысли, руководившей тогда автором».

Несмотря на то что это подстрочное примечание подписано «Примечание издателя», принадлежность его Тургеневу доказывается почти дословным совпадением текста издания 1874 г. со строками, набросанными Тургеневым на заглавном листе чернового автографа рассказа «Стучит!» (см. с. 505 наст. изд.).

Сохранились два автографа рассказа — черновой и беловой (*BN*; фотокопии — *ИРЛИ*). Краткое описание их впервые дано А. Мазоном. См.: *Mazon.* P. 85-86.

Беловой автограф содержит только текст рассказа (без письма к Я. П. Полонскому), который

близок к окончательному слою чернового автографа и отличается от него дополнительной стилистической правкой. Кроме того, в беловом автографе появился эпиграф и был развернут рассказ Лукерьи о ее сне, в котором она предстает народной заступницей, впоследствии вычеркнутый.

Сохранилась авторизованная копия рассказа, служившая оригиналом набора для «Складчины» (см.: *ИРЛИ*. 4976. XXVIб. 68). Заглавие, текст предисловия (письмо к Я. П. Полонскому) и отдельные поправки в тексте — рукой Тургенева. Подпись рукой Тургенева: Ив. Тургенев.

Время возникновения замысла рассказа определяется приблизительно. Сам Тургенев в приведенном выше предисловии к первой публикации называет «Живые мощи» «отрывком» и «наброском», найденным «в старых бумагах». В письме к П. В. Анненкову от 19(31) января 1874 г. он также говорит, что воспользовался для написания рассказа «уцелевшим наброском и оболванил его» (*Письма I.* Т. 10. С. 189). В подстрочном примечании к изданию 1874 г. Тургенев объясняет причину, по которой «Живые мощи» и «Стучит!» не вошли в первое издание «Записок охотника», — следовательно, относит замысел этих расска-

зов ко времени до 1852 г. К начальному периоду сложения цикла позволяет отнести замысел «Живых мощей» и письмо Тургенева к Л. Пичу от 10(22) апреля 1874 г., в котором он называет все рассказанное в «Живых мощах» «истинным происшествием» (Там же. С. 230, 435). Действительно в рассказе просматриваются автобиографические элементы.

Действие происходит в одном из владений В. П. Тургеневой. «Вы, может, не знаете — хуторок такой есть, матушке вашей принадлежит…» — поясняет Ермолай. «Я Лукерья… — говорит героиня рассказа. — Помните, что хороводы у матушки у вашей в Спасском водила…»; «Случилось это со мной уже давно, лет шесть или семь <…> Да вас уже тогда в деревне не было, в Москву уехали учиться». Здесь проступают факты личной биографии писателя, относящиеся ко второй половине 1830-х годов, и, если считать, что встреча действительно состоялась через шесть или семь лет, речь может идти о первой половине 1840-х годов. Автобиографичность внутренней хронологии рассказа позволяет предположить, что замысел его, возникший под впечатлением встречи, сложился в конце 1840-х — начале 1850-х годов, в пору оформления цикла.

В основе образа Лукерьи, очевидно, по крайней мере два прототипа. В письме к Л. Пичу (цит. выше) Тургенев сообщает «настоящее имя» героини «Живых мощей»: Клавдия. Из того же письма видно, что Тургенев «посетил ее летом», что «плоть несчастного существа стала такой же твердой, как бронза», — совпадения с текстом рассказа в этих подробностях очевидны, Тургенев Клавдию ранее, по-видимому, не знал, так как в письме к Л. Пичу речь идет о том, что ее имя сообщил ему староста. Вместе с тем намек на былое романическое чувство — «Лукерья» <…> по которой я сам втайне вздыхал, я — шестнадцатилетний мальчик!» — говорит о том, что в сложении образа мог участвовать и другой прототип — «калека Евпраксея», некогда красавица, с которой семнадцатилетний Тургенев был близок (см.: письма к Н. А. Кишинскому от 9(21) октября 1867 г. и 7(19) мая 1868 г. *(Письма I.* Т. 6. С. 328. Т. 7. С. 138); «Мемориал» за 1837 год (*ЛИ.* Т. 73, кн. 1. С. 342); *Понятовский Л. И*. Тургенев и семья Лобановых // *Т. сб. I.* С. 274-275). Из сопоставления с реальностью выясняется, что автор обдумывал с разных сторон меру возможной приближенности к действительным фактам, опуская интимную сторону дела и физиологические подробности

жизни больной.

К старому замыслу Тургенев вернулся в конце 1873 г., когда он получил предложение участвовать в сборнике в пользу крестьян, пострадавших от голода в Самарской губернии. 18(30) декабря 1873 г. он писал Я. П. Полонскому: «Придется покопаться в старых бумагах. Есть у меня один недоконченный отрывок из „Записок охотника“ — разве это послать? Очень он короток и едва ли не плоховат — но идет к делу, ибо в нем выводится пример русского долготерпения. Во всяком случае пошлю я его через тебя с маленьким предисловием — с оговоркой» (*Письма I.* Т. 10. С. 182). С января (н. ст.) началась работа над рассказом, который был окончен вчерне 8(20) января 1874 г.

Дней через десять была готова беловая редакция рассказа и, по-видимому, к этому же времени снята с нее копия: 19(31) января 1874 г. Тургенев послал П. В. Анненкову рукопись с просьбой прочесть и незамедлительно вернуть, высказав свое мнение. Письмо Анненкова по этому поводу неизвестно, но смысл его совета ясен из ответного письма Тургенева. Сообщая Анненкову 26 января (7 февр.) 1874 г. о том, что возвращенная им рукопись «уже отправлена в Петербург», Тургенев далее писал: «Как только я зачитал ту часть Ва-

шего письма, в которой Вы выражаете сомнение насчет одного пассажика, я тотчас же подумал: это он говорит de la tartine ssir Emancipation[381] — так оно и оказалось — и результат был тот, что вышеозначенный пассажик немедленно вылетел вон» (Там же. С. 193). Так рассказ Лукерьи о сне, в котором она видела себя заступницей народной, был вычеркнут Тургеневым одновременно и в беловом автографе, и в авторизованной копии. См.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 455.

Следующие, уже незначительные изменения были внесены, по просьбе Тургенева, в тот момент, когда авторизованная копия находилась в редакции «Складчины»: в тексте рассказа устранен, по предложению Я. П. Полонского, эпитет «умный» и в предисловии сняты слова «ни даже начатого» после «и не имея ничего готового» (цит. выше). По поводу эпитета «умный» Тургенев писал Полонскому 5(17) февраля 1874 г.: «Хотя слово „*умный*“ в смысле „*умственный*“ везде употребляется священным писанием („умные очи“ и т. д.) и слышалось мною не раз в устах простых людей — но для избежания недоразумения прошу тебя этот эпитет выкинуть. Тем легче это сделать, что

381 Примечания: 433
По поводу тирады об освобождении *(фр.).*

Лукерья говорит: „А мысленный, умный, грех, батюшка?“ Оставь один эпитет: „мысленный“» (*Письма I.* Т. 10. С. 196).

Сборник «Складчина» вышел в свет 28 марта (9 апр.) 1874 г. (объявление о выходе в свет и поступлении в продажу см.: СПб. ведомости. 1874. № 86. 28 марта).

Отзывы о рассказе в русской критике оказались разноречивыми. Были отзывы хвалебные, но бессодержательные: «Рассказ „Живые мощи“ крайне талантлив и, как по языку, так и по манере, принадлежит к лучшей эпохе „Записок охотника“. Язык, пожалуй, не имеет того изящества, того поэтического оттенка, которым отличаются все позднейшие произведения г. Тургенева, но зато грациозная простота его не менее привлекательна» (Голос. 1874. № 87. 28 марта. С. 1-3. Подпись: W. <М. Г. Вильде?>).

Благотворительные цели сборника «Складчина» обусловили в какой-то степени его характер: было специально договорено между участниками издания, что следует избежать цензурных придирок, чтобы не задержать выпуск книги. Этот общий характер «Складчины» сказался и на оценках сборника критикой радикально-демократического лагеря. Н. К. Михайловский

определил «Складчину» как «идеал бестенденциозного сборника», как вынужденное обращение писателей «к пройденному уже» (Отеч. зап. 1874. № 4. С. 409). Эта же оценка была повторена Н. В. Шелгуновым (см.: *Радюкин Н.* (Шелгунов Н. В.) Литературная благотворительность // Дело. 1874. № 1. Отд. «Современное обозрение». С. 48). Но если Михайловский, ввиду особых целей сборника, отказался от детального разбора «Складчины», Шелгунов дал резко отрицательную оценку рассказу «Живые мощи»: «…рассказ не только слаб, но в нем очень часто звучат фальшивые ноты». Существует мнение, что под «фальшью» Н. В. Шелгунов имел в виду строки из письма Тургенева к Полонскому об отсутствии «беспорядков» во время голода 1841 г. и что именно поэтому Тургенев устранил впоследствии это пространное подстрочное примечание — предисловие (см.: *Соколов Я.* Н. В. Шелгунов о литературном сборнике «Складчина» // Рус. лит. 1966. № 3. С. 157). В этом же плане представляет интерес критическое замечание И. Н. Крамского в письме к И. Е. Репину от 29 октября 1874 г. по поводу предисловия: «…мне кажется, он (Тургенев) не совсем знает Россию, судя по предисловию к своей повести, помещенной в „Складчине“» / Переписка И. Н.

Крамского. М., 1954. Т. 2. С. 321). «В „Живых мощах“ недостает непосредственности и сердечности. Рассказ писан под диктовку головных чувств и доброжелательных мыслей — и больше об нем сказать нечего. Г-н Тургенев, конечно, поступил хорошо, что не напечатал „Живых мощей“ в „Рассказах охотника“…» — писал Шелгунов. Однако вместе с тем Шелгунов отметил, что по-прежнему глубокая гуманность составляет «строй всей души г. Тургенева», «ее резонанс» (Там же. С. 63).

Тургеневский рассказ был использован критикой консервативного лагеря для прославления характера русского народа в духе христианских добродетелей терпения, смирения и всепрощающей любви. Анонимный критик писал: «Подобный образ терпеливого смирения, неиссякаемой покорности судьбе, и вместе с тем любви, можно встретить только в русском народе, вынесшем вековой гнет всяких зол и не пошатнувшемся под ним мощным духом…» (Спб. ведомости. 1874. № 90. 3 апр. Разд. «Новые книги». Б. п.). Б. Маркевич также поставил Тургеневу в заслугу изображение русского характера, представляющего «резкий контраст с теми бесчисленными типами протеста и отрицания, что почти исключительно создавались нашею литературой в течение целой

четверти века» (М. Три последние произведения г. Тургенева // Рус. вестн. 1874. № 5. С. 386).

Развернутый отзыв о рассказе «Живые мощи» дал А. П. Чебышев-Дмитриев, чрезвычайно высоко оценив его: «один из перлов русской литературы», «лучший рассказ из „Записок охотника“» *(Экс.* (Чебышев-Дмитриев А. П.) Письма о текущей литературе // Биржевые ведомости. 1874 № 142. 29 мая). В оценке Чебышевым-Дмитриевым рассказа «Живые мощи» сказалась полемика с «направленческой» критикой. Холодность к рассказу критики Чебышев-Дмитриев объясняет тем, что «наша современная критика, в погоне за направлением, потеряла чувство художественности и понимания той жизненной правды, которая не укладывается в узкие рамки одного из трех катехизисов, по которым распределяются наши критики — крайнего левого, умеренно либерального и ретроградного». Критик считает, что смысл рассказа и образа Лукерьи не отвечает и славянофильской доктрине: «Я думаю, что и наши славянофильствующие критики глядят на „Живые мощи“ неодобрительно, ибо Лукерья — этот русский Иов многострадальный — не соответствует тому понятию, которое они составили себе об идеальной русской женщине. В тургенев-

ской Лукерье нет того духовного просветления, какое требуется по их символу литературной веры». А. П. Чебышев-Дмитриев предположил, что на литературной судьбе рассказа сказался односторонний взгляд на «Записки охотника». В то время как истинная, «первая заслуга Тургенева» заключалась, по мнению критика, в «расширении литературной компетентности», в том, что «Тургенев первый дал русскому мужику право гражданства в литературе», — «та литературная партия, к которой в то время принадлежал Тургенев, не понимала этой художественной его заслуги, а ценила в „Записках охотника“ только публицистическую их сторону — протест против крепостного права. Вероятно, так смотрел на „Записки охотника“ и сам Тургенев. Очень может быть, что по этой причине „Живые мощи“ остались в свое время ненапечатанными. Чтобы придать этому рассказу raison d'etre,[382] Тургенев испортил его, заставив Лукерью ходатайствовать перед Петром Петровичем о льготах для крестьян. Но это насильственно введенное, нарушающее общую гармонию ходатайство Лукерьи едва ли прошло бы сквозь цензуру; а, за исключением

---

382 Примечания: 434
Право на существование *(фр.)*.

этого места, рассказ мог показаться Тургеневу „не идущим к делу“». Чебышев-Дмитриев устанавливает в своей статье генетическую связь между «Живыми мощами» и одним из ранних рассказов «Записок охотника»: «Составляя пандан к рассказу „Смерть“, он стоит гораздо выше его».

Были высокие оценки, не получившие выражения в печати; так, Я. П. Полонский в письме 1883 г. к Н. Н. Страхову, по поводу его биографии Достоевского, поставил Тургенева как художника и поэта «несравненно выше Достоевского», прибавив: «И один рассказ его „Живые мощи“, если б он даже ничего иного не написал [ставит его выше в глазах моих], подсказывает мне, что так понимать русскую честную, верующую душу и так все это выразить мог только великий русский писатель» (*ЛН* Т. 86. С. 554).

Косвенным образом высоко оценил «Живые мощи» Л. Толстой, включив рассказ в «Круг чтения»; Л. Толстой сделал в тексте сокращения — в соответствии с его пониманием целей сборника для народного чтения. Рассказ начат со слов «На следующий день…»; снят первый сон Лукерьи и легенда о Жанне д'Арк с последующими размышлениями автора.

«Живые мощи» тотчас же после опубликования

их в «Temps» (1874. № 4741. 8 апр. Пер. Э. Дюрана) были высоко оценены во французских литературных кругах. 4(16) апреля 1874 г. Тургенев писал Анненкову: «Оказывается, что „Живые мощи“ получили „большой преферанс“ — и в России, и здесь: я от разных лиц получил хвалебные заявления — а от Ж. Занд даже нечто такое, что и повторить страшно: *Tous* nous devons aller à l'école chez Vous»[383] *(Письма I.* Т. 10. С. 225). Отзыв Ж. Санд в письме к Тургеневу от 13 апреля 1874 г. был восторженным и более пространным: «Что за шедевр „Лукерья“! какая душа и какая глубина правды! и какой язык, простой и обаятельный! *Все* должны были бы учиться у вас, без исключения, даже великий лама В. Гюго…» (подлинный фр. текст см. в ст.: *Silberstein L.* Du nouveau sur les rapports de George Sand avec Ivan Tourgueniev et la famille Viardot // Cahiers. Ivan Tourgueniev. Pauline Viardot. Maria Malibran. N 3. Oct. 1979. P. 118) с Отвечая Ж. Санд 3(15) апреля 1874 г., Тургенев написал о своем первоначальном намерении посвятить ей «Живые мощи».

Хвалебный отзыв был получен Тургеневым также от И. Тэна. 30 марта (11 апр.) 1874 г. Тур-

---

383 Примечания: 435
Все мы должны идти к Вам в школу *(фр.).*

генев сообщил Анненкову: «Перевод „Живых мощей“ появился в „Temps“ — и по этому поводу Тэн (Taine) написал мне энтузиастическое письмо!!!» Тэн писал Тургеневу: «…какой шедевр! <…> Какой урок для нас, и какая свежесть, какая глубина, какая чистота! Как это делает явным для нас, что наши источники иссякли! Мраморные каменоломни, где нет ничего, кроме лужиц стоячей воды, а рядом неиссякаемый полноводный ручей. Какая жалость для нас, что вы не француз! <…> Я прочел „Лукерью“ три раза кряду» *(Zviguilsky A.* Les ecrivains francais d'apres leur correspondence inedite avec Ivan Tourgueniev // Cahiers. Ivan Tourgueniev. Pauline Viardot. Maria Malibran. N 1. Oct 1977. P. 23). Оценка рассказа «Живые мощи» дана Тэном также в книге «Старый порядок»: «Что касается современных литературных произведений, состояние средневековой верующей души великолепно обрисовано <…> Тургеневым в „Живых мощах“» (*Taine H.* Les origines de la France contemporaine. T. 1: L'ancien regime. 2e ed. P., 1876. P. 7-8).

П. В. Анненков писал Тургеневу в 1876 г. по поводу этого отзыва И. Тэна: «Встретил, к немалому моему удовольствию, на первых же страницах Тэна ссылку на „Живые мощи“: вот что значит

истинно поэтическая вещь. Бабенка из Орловской губер<нии> может служить пояснением склада мыслей у средневекового человека» (цит. по:*Письма I.* Т. 10. С. 600-601).

О восприятии творчества Тургенева, и в частности рассказа «Живые мощи», передовыми французскими писателями в период реакции и духовного кризиса после подавления Парижской коммуны см.: *Алексеев М.* Я. Мировое значение «Записок охотника» // Творчество И. С. Тургенева: Сб. статей. М., 1959. С. 102.

СТУЧИТ!

(с. 248)

Впервые — в кн.: Сочинения И. С. Тургенева (1844-1874). М., 1874: Изд. бр. Салаевых. Ч. I. С. 509-531; вышло в свет в конце сентября ст. ст. 1874 г.

Сохранился черновой автограф — *BNy* фотокопии — *ИРЛИ*. Название рассказа сопровождено в нем подзаголовком «Отрывок из „Записок охотника“ Ив. Тургенева». На заглавном листе обозначено время работы над рассказом: 7(19) — 10(22) июня 1874 г. Текст «Нек<оторое> замечание к „Живым мощам“ и к „Стучит!“», набросанный на заглавном листе чернового автографа, в изда-

нии 1874 г. был отнесен к «Живым мощам».

Замысел рассказа «Стучит!» возник у Тургенева, по-видимому, в начальный период сложения цикла. В примечании, сформулированном на заглавном листе чернового автографа рассказа «Стучит!» и отнесенном в издании 1874 к «Живым мощам», сказано, что «„наброски“ этих двух отрывков <…> были найдены автором в черновых его бумагах в 1874 году и тогда же дописаны, один для „Складчины“, другой для предстоящего издания» (Сочинения И. С. Тургенева (1844-1874). С. 494). Известно, что «Живые мощи» были обдуманы и написаны Тургеневым в декабре 1873 — январе 1874 г. в Париже. Возможно, тогда же Тургенев возвратился к старому замыслу рассказа «Стучит!». В предисловии к изданию *1874*, датированном «Москва. Май (ст. ст.) 1874 года», Тургенев сообщает о включении в состав «Записок охотника» рассказа «Стучит!», который «не был нигде напечатан и является в первый раз» взамен обещанной и ненаписанной статьи «Семейство Аксаковых и славянофилы». В письме к П. В. Анненкову от 12(24) июня 1874 г. из Спасского-Лутовинова Тургенев пояснял историю этой замены: «…так как Аксаковы перепугались (!) моему намерению написать статью об их от-

це и семействе (точно я памфлетист какой!), а Салаев требовал чего-нибудь inedit[384] в свое новое издание на место той статьи — то я для него написал здесь в Спасском, руководясь (как для „Живых мощей“) клочком найденной здесь старой рукописи, небольшой рассказ под заглавием: „Стучит!“ Это анекдот из моей охотничьей жизни — особенного он значения не имеет…» *(Письма I.* Т. 10. С. 250). Сходная авторская оценка приведена в воспоминаниях Н. А. Островской; Тургенев назвал рассказ «пустяком» и пояснил: «Это одно из тех личных приключений, которые я, бывало, записывал для собственного удовольствия, никак не воображая, что кто-нибудь, когда-нибудь захочет это напечатать» (Цит. по: Тургеневский сборник (Тургеневский кружок под руководством Н. К. Пиксанова). Книгоиздательство «Огни». Пг., 1915. С. 121).

Автооценки «анекдот из моей охотничьей жизни», «одно из тех личных приключений» говорят об автобиографичности рассказа. В жизни Тургенева был случай, когда он вместе со своим кучером В. Н. Серебряковым, возвращаясь из Мценска в Спасское, подвергся нападению

---

384 Примечания: 436
Неизданного *(фр).*

разбойников. Об этом со слов отца рассказывает дочь В. Н. Серебрякова в своих неизданных воспоминаниях, отрывок из которых приведен В. А. Громовым в издании: *ТСС.* Т. 1. С. 391.

Французский перевод рассказа «Стучит!» появился в газете «Le Temps» (1874, 16 декабря) под названием «Ja fait du bruit». С него, помимо воли автора, был сделан обратный русский перевод: Новый рассказ И. С. Тургенева «Стучит». Из «Записок охотника». Перевод с французского (из газеты «Temps»). М., изд. А. Михайлова, 1875. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу 31 января (12 февраля) 1875 г. из Парижа, уполномочивая его на протест против этого (*Письма I.* Т. 11. С. 17).

Художественные достоинства рассказа «Стучит!» были оценены высоко, но немногими современниками Тургенева. Г. И. Успенский, присутствовавший 15(27) февраля 1875 г. при авторском чтении рассказа на литературно-музыкальном утре в салоне П. Виардо, отметил мастерство Тургенева еще на репетициях чтения: «Тургенев на<ча>л читать свой рассказ „Стучит!“ удивительно» — и затем во время публичного чтения, в особенности в передаче ритма и нарастающей опасности: «Стучит — стучит — потрясло меня и всех, как быстро приближалась телега с

шайкой разбойников. Впечатление до сих пор не прошло во мне» (Отрывок из автобиографии и мемуарная запись «Мои дети» // *Успенский Г. И.* Полн. собр. соч. Л., 1954. Т. 4. С. 585, 589).

А. П. Чебышев-Дмитриев отметил, что критика обошла молчанием этот тургеневский рассказ: «...так-таки ни один из печатных рецензентов и не отозвался ни единым словом. А между тем что за прелестная вещь этот очерк!» Критик с восторгом писал о мастерстве автора и «глубоко художественной правде», заключенной в рассказе»: «Трудно представить, чтобы художник мог еще сильнее владеть читателем! Прибавьте, что вся эта жанровая сцена нарисована на ночном фоне русской природы, в мастерстве изображения которой Тургенев не имеет себе соперника, — и вы поймете, что этот рассказ (вместе с другим новым очерком из „Записок охотника“ — „Живыми мощами“) должен быть причислен к лучшим перлам русской литературы» *(Экс.* Письма о текущей литературе и еще кое о чем // Новое время. 1875. 8(20) марта. № 55).

ЛЕС И СТЕПЬ (с. 258)

Впервые — в журнале «Современник», 1849, № 2, отд. I, с. 309-314 (ценз. разр. 31 янв.), под № XVII,

вслед за рассказами «Гамлет Щигровского уезда» и «Чертопханов и Недопюскин»; общая подпись: Ив. Тургенев.

Черновой и беловой автографы — в *ГПБ* (Ф. 795. Ед. хр. 12, 13). На обороте первого листа чернового автографа набросана, очевидно, программа очерка:

В. У.
Л. У и Д
В. Н.
Л.
Л. ос. д.
Л. о. св. д.
Поезд<ка> в степь

Запись эта поддается только гипотетической расшифровке («Весеннее утро», «Летнее утром и день» и т. д.). Р. Б. Заборова предполагала, будто запись эта представляет собой программу неосуществленных очерков из цикла «Записки охотника» (см.: *Орл. сб. 1955*.С. 399; Рукописи Тургенева. Л., 1953. С. 15). Предположение это, по нашему мнению, лишено убедительности.

Заключительный очерк такого характера был задуман Тургеневым с самого начала, как только в его творческом сознании обрисовался цикл. Во всех *Программах* «Записок охотника» «Лес

и степь» как заключительный очерк ставился в конце. В беловом автографе перед заглавием значится: «XVII (и последний отрывок)». После создания «Леса и степи» Тургенев написал и включил в «Записки охотника» еще восемь рассказов, но названный очерк неизменно печатался последним — как заключительный.

Очерк был обозначен в первой же из *Программ* «Записок охотника», набросанной в черновом автографе рассказа «Бурмистр». Сразу же он получил и свое заглавие: «Лес и степь». Предназначался он для № 12 «Современника» за 1847 г., но в связи с расширением цикла работа над очерком была отложена до завершения всех задуманных рассказов. В *Программе*, набросанной на полях чернового автографа «Уездного лекаря» и представляющей собой календарный план работы над «Записками охотника», очерк «Лес и степь» назначался уже в № 5 «Современника» за 1848 г. Писатель предполагал отправить его в Петербург вместе с тремя другими рассказами в марте 1848 г. Однако и этот срок выдержан не был. Не был готов очерк и летом 1848 г., когда Тургенев внес «Лес и степь» в *Программу*, записанную на черновике рассказа «Обед» («Гамлет Щигровского уезда»), представляющую собой перечень расска-

зов и очерков, которые надо было написать или закончить для проектировавшегося отдельного издания «Записок охотника».

Очерк писался в Париже в ноябре 1848 г. и в декабре направлен в редакцию «Современника». 17 декабря 1848 г. Некрасов извещал Тургенева о получении «последнего», «маленького рассказа» (*Некрасов*. Т. 10. С. 121).

Стихотворный эпиграф принадлежит самому Тургеневу. В рукописях он был пространней и продолжался еще на 9 1/2 строк. Впервые стихотворение опубликовано целиком Н. Л. Бродским (см.: Свиток. № 2. М., 1922, С. 117). По предположению Н. Л. Бродского, эпиграф был сокращен редакцией «Современника» по той причине, что в нем была «некая обвеянность славянофильством, чувствуемая в облике русского простолюдина, нарисованного Тургеневым, представление его аполитическим, не стремящимся к „разумной воле“». С большей вероятностью можно предположить цензурное или автоцензурное происхождение этого усечения: в беловом автографе слова: «другой, разумной воли» зачеркнуты карандашом и заменены отточием.

Цензурные увечья, нанесенные очерку при публикации его в «Современнике», хорошо вид-

ны при сличении автографов с окончательным текстом. Устранено было сравнение грибов с монахами. Вместо: «бабы с длинными палками в руках бредут на богомолье» пришлось печатать: «бабы с длинными граблями в руках бредут в поле»; снято упоминание «пестрого шлагбаума (как символа государственной власти) и определение весны как «поры возрождения, молодости и надежд…». После слов: «вы все-таки любите природу» (с. 258 наст. изд.) в автографах читается: «и свободу». Цензура не пропустила в журнал описание «помещичьей» кареты с торчащей из окна «пухлой» подушкой и с забрызганным грязью лакеем на запятках. Из всех этих искажений в «цензурной» рукописи для отдельного издания 1852 г. Тургенев устранил только последнее (за исключением слова «пухлой»). Все другие доцензурные чтения им не восстанавливались. Не восстанавливаются они и в настоящем издании, в том числе слова: «и свободу», вводившиеся во многие прежние советские издания. Указание М. А. Шелякина, что вариант «и свободу» будто бы зачеркнут в «цензурной» рукописи цензором Львовым *(Орл. сб. 1955.* С. 418), ошибочно: в очерке «Лес и степь» Львов не сделал ни одной помарки, а слова «и свободу» в «цензурную» рукопись даже

и не были вписаны.

Гениальная пейзажная лирика Тургенева, наполняющая заключительный очерк книги и ставшая хрестоматийной, не могла оставить равнодушными читателей и критику. Анонимный автор «Обозрения русской литературы за 1850 г.» относил «Лес и степь» к таким рассказам Тургенева, в которых «вы до того сочувствуете истине всего рассказываемого, до того верите каждому малейшему описанию природы, что кажется, будто вы сами проходили по всем описываемым автором местам, чувствовали то же, что и автор, и поручили ему записать ваши ощущения» (Современник. 1851. № 8. Отд. III. С. 57). Сочувственным был и отзыв Ап. Григорьева: «…особенно замечательны у г. Тургенева три превосходные страницы, названные им „Лес и степь“» (Москвитянин. 1851. № 6. С. 279). Эти страницы критик считал проникнутыми «истинно поэтическою симпатиею к природе» (Отеч. зап. 1850. № 1. Отд. V. С. 18).

ДОПОЛНЕНИЯ

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ

Большая часть уцелевших черновых и бело-

вых автографов «Записок охотника» хранится в отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. В «Отчете императорской публичной библиотеки за 1885 год» (СПб., 1888. С. 70-71) они перечислены в разделе «Приобретения библиотеки», куда поступили «от П. М. Третьякова в Москве» (Там же. С. 72). Сведениями же о том, когда и каким образом оказались эти рукописи у знакомого Тургеневу собирателя картин, никто до настоящего времени не располагал.[385] «Старый портфель с разными ненужными бумагами», среди которых, по словам автора «Записок охотника», сказанным им в беседе с Н. А. Островской в 1873 г., находилось и несколько набросков незавершенных рассказов и очерков,[386] — реальность, упомянутая под другим названием в письме Тургенева из Москвы в Спасское-Лутовиново к управляющему Н. А. Кишинскому от 21 июня (3 июля) 1872 г.: «Еще одно: отворите брату ящики моего письменного стола; он возьмет оттуда рукопись „Записок охотника“,

385 Примечания: 437

См.: *Заборова Р. Б.* Рукописи И. С. Тургенева: Описание. Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1953. *Она же.* Рукописи «Записок охотника» в Ленинграде // *Орл. сб. 1955*. С. 387-405.

386 Примечания: 438

И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 63.

которую я обещал г. Маслову». О каком автографе — черновом или беловом — и какого именно рассказа (одного или нескольких) идет тут речь, сказать затруднительно.

Судьба других автографов «Записок охотника», остававшихся в «старом портфеле», также неясна. Ни один из них не упомянут среди 35 рукописей Тургенева, вывезенных Я. П. Полонским из его усадьбы.[387] Нет никаких сведений о «старом портфеле» и в той части спасско-лутовиновского архива писателя, которая оказалась у его наследницы и дальней родственницы О. В. Галаховой, а затем в Тургеневском музее.[388]

Некоторые неучтенные данные об автографах «Записок охотника», часть которых была приобретена после смерти их автора П. М. Третьяковым в Москве и затем поступила от него в Публичную библиотеку, приводятся в настоящем сообщении.

Выходившая в Москве газета «Русский курьер» поместила 21 сентября (3 окт.) 1883 г. (№ 187) на

---

387 Примечания: 439

См.: *Проц Е. В.* Судьба спасского архива И. С. Тургенева // Рус. лит. 1982. № 2. С. 119-124.

388 Примечания: 440

См.: *Понятовский А. И.* Описание материалов Государственного музея И. С. Тургенева. I. И. С. Тургенев. Орел, 1968.

первой странице крупным шрифтом следующее объявление:

«Собственноручная рукопись
(автограф)
И. С. Тургенева
Продается 4 рассказа из записок „Охотника“, в библиотеке бывшей Лебедевой, на Малой Дмитровке, угол Дегтярного переулка, дом Хотинского. 1-0-140».

На другой день, 22 сентября (4 окт.) та же газета (№ 188. С. 3) под рубрикой «Московский дневник» прокомментировала это сообщение и тем самым как бы переместила его из отдела объявлений в широкий поток печатных откликов на смерть великого русского писателя и вызванных этим размышлений о судьбе его литературного наследия:

«В настоящее время в библиотеке, бывшей Лебедева, на Малой Дмитровке, продаются четыре собственноручные рукописи И. С. Тургенева. Одна большая «Касьян с Красивой Мечи» наполовину написана самим автором, а наполовину переписана другой рукой. Внизу собственноручная помета И. С.: „отсюда печатать по черновой“. Другой отрывок составляет черновую „Бежина луга“, на третьем вверху пометка XII, четвертый

составляет черновую «Бирюка». Письмо замечательно характерное, мелкое и перепутанное, со вставками и выносками. На полях находятся рисунки пером. Один изображает чрезвычайно смешную фигуру лошади, далее женская головка и у ее шеи сапоги, дальше недурно сделанные мужские головки. Кроме того, поля еще сплошь зачернены тонкими линиями. Листы рукописей очень стары, бумага от времени пожелтела, но письмо сохранилось очень хорошо. Под текстом «Касьяна из Красивой Мечи» находится собственноручная надпись И. С. Цена каждой рукописи назначена в 10 руб. Желательно бы было, чтобы эти рукописи попали в какой-нибудь из исторических музеев и сделались достоянием всех, а не одного какого-либо частного лица».

Информация, представлявшая собою первое по времени описание четырех автографов рассказов из «Записок охотника», была повторена 24 сентября в «Петербургской газете» (№ 262) под рубрикой «К погребению Тургенева» и на следующий день — в «Петербургском листке» (№ 217), причем в том и другом случае без указаний на то, что это перепечатки. В «Русском курьере» объявление и пояснение к нему не получили отклика, поскольку они быстро дали практиче-

ский результат, представление о котором дает публикуемая ниже переписка.

«Москва 1883, 3/X.

В редакцию Истори<ческого> вестника.

На днях мною была приобретена черновая рукопись «Бирюка» Тургенева с его пометками и набросками на полях рисунков.

Я буду очень рад, если редакция не откажется поместить ее в своем журнале и готов буду выслать снимок с нее. Интересна первая страница рукописи.

Имею честь быть вашим покорным слугой А. Подшивалов.

Близ Мясницкой части д. Корниловых, Алексею Матвеевичу Подшивалову».[389]

«16 окт<ября> 1883 г. СПб.

М. г. Алексей Матвеевич!

Очень Вам благодарен за Вашу любезность. Я не прочь воспроизвести и приложить к «Историческому вестнику» факсимиле рукописи Тургенева, если это обойдется недорого. Экземпляров нужно будет 4000 и факсимиле следует делать непременно в размер подлинника, а никак

---

389 Примечания: 441

ГПБ. Ф. 874. Оп. 1. Ед. хр. 26. Л. 19. Далее указываем в тексте публикации номера листов этого дела.

не в уменьшенном виде, иначе это уже не будет точным снимком. Будьте так добры, сообщите мне немедленно, во что может обойтись 4000 экз. подобного снимка и тогда, судя по стоимости, я и буду в состоянии решить это дело.

Кстати, не пожелаете ли вы продать подлинник рукописи Тургенева, и если да, то назначьте за него цену».[390]

В ответ на это письмо С. Н. Шубинского Подшивалов писал 19 октября: «С большою готовностью уступил бы я Вам рукописи Тургенева, но пока еще на это не имею права. Здесь появились еще часть рукописей его; если мне придется их иметь, то постараюсь сделать все, чтобы они перешли к Вам. Прошу Вас уведомить, каким способом желаете Вы получить снимки с рукописи «Бирюка», фотолитографией или цинколитографией? Первым способом все печатание в количестве 4000 экземпляров, считая бумагу и пересылку, обойдется <в> 65 р<ублей>; второй способ дешевле, а именно: клише будет стоить 18 р. 35 к., которое я и перешлю Вам.

Само собой, что первый способ передает тоньше, нежнее всякий штрих, но работы за ним

---

390 Примечания: 442

ГБЛ. Ф. 178. Муз. собр. № 8304. Ед. хр. 23. Л. 1.

больше. Мне кажется, что цинкография, пожалуй, лучше в том отношении, что она дешевле и скорее сделает<ся>. Право печатать Вам в четырех тысяч<ах> экземпляров я даю полное и, разумеется, не буду требовать никакого материального вознаграждения ради памяти великого художника-писателя» (Л. 25-25 об.).

Неделею ранее, еще до получения ответа Шубинского на свое первое письмо, Подшивалов отправил ему снимок с тургеневского автографа, сопроводив его следующим письмом:

«Москва, 1883, 13/X.

Милостивый государь Сергей Николаевич!

Посылаю Вам фотографический снимок с первого листа рукописи Тургенева „Бирюк“. Я не вижу причины невозможности поместить ее как факсимиле в редактируемом Вами журнале. Самый удобный способ — цинкография, который я берусь сделать и переслать в каком угодно количестве. Цена будет за все по соглашению. Рукопись уменьшена в 1 3/4 раза.

Занимаясь историей Босфора, я буду очень благодарен, если Вы не откажете мне поместить в Вашем журнале кое-что из моих работ» (Л. 18).

Как видим, рукопись Тургенева заинтересовала ее нового владельца, чуждого литературе, не

столько сама по себе, сколько в качестве благоприятного предлога для установления деловых связей с «Историческим вестником» ради своих основных занятий.

25 октября Подшивалов сообщил Шубинскому: «Цинковое клише не удается хорошо, а потому я должен был без Вашего позволения прибегнуть к фотографии <…> такого фотографа-художника, как Панов <М. М.>.

Объяснительную записку к рукописи вышлю вместе со снимками» (Л. 20).

31 октября: «Посылаю Вам разобранную рукопись „Бирюка“ и некоторые сведения об остальных рукописях И. С. Тургенева. Я вполне был уверен, что Вы не будете в претензии за мое своевольное распоряжение в избрании способа печатания копий, а потому и постараюсь сделать все, чтобы снимки удались как можно лучше. Вышлю я их Вам ранее назначенного Вами срока, но не позднее 9-го ноября, а потому о своевременном их доставлении прошу не беспокоиться» (Л. 21).

9 ноября: «Вчера послал Вам ящик со снимками с рукописи Тургенева. Я сделал все, чтобы они вышли по возможности лучше, не знаю, как найдете Вы. Высылаю Вам счет и квитанцию. Все, считая

пересылку, обошлось 50 р. с<еребром>» (Л. 22).

14 ноября: «Уведомляю Вас, что Панов, при отсылке копий, просил передать, что число их свыше 4000 экз. Во всяком случае, если окажется недостача, то прошу уведомить. Со своей стороны я ему дам это знать» (Л. 23).

21 ноября Шубинский писал Подшивалову: «Автографа (т. е. снимков с рукописи. — *В. Г.*) Тургенева прислано 4017 экземпляров. Между тем мы решили печатать в 1884 году «Ист<орический> в<естник> в количестве 4025 экз. Кроме того, некоторые любители просят у меня этот автограф отдельно. А потому прошу Вас сделать мне одолжение прислать мне еще 25 экз. автографа. Что они будут стоить, я заплачу с удовольствием. Кстати, получили ли Вы 50 р. с<еребром> для передачи г. Панову».[391]

22 ноября Подшивалов писал: «Прошу у Вас извинения, что медлил ответом о получении 50 р. с., что не позволила мне сделать моя болезнь. То, о чем Вы просите в письме, будет непременно сделано и выслано Вам по изготовлении копий, <…> Счет Панова вышлю со снимками» (Л. 24).

5 декабря в сопроводительном письме к по-

---

391 Примечания: 443

ГБЛ. Ф. 178. Муз. собр. № 8304. Ед. хр. 23. Л. 2.

сылке Подшивалов сообщил: «Посылаю Вам 30 экз. снимков с рукописи Тургенева, за которые заплачено, считая и пересылку, — два руб<ля> сер<ебром>. Панов просил передать, что он бы ничего не просил, если бы печатались вместе с теми 4 т<ысячами>, но теперь он берет за «приправку».

Пользуясь случаем, считаю нужным предложить Вам поместить в Вашем журнале портрет Гоголя, писанный на слоновой кости» (Л. 26).

Письма Подшивалова Шубинскому от 13 и 19 января 1884 г. касались расчета журнала с фотографом. «Я, — говорилось в последнем из них, — счел необходимым передать г. Панову, что Вы очень недовольны снимками с рукописи и требованием еще 2 р<ублей>. Он очень удивляется этому заявлению и просит Вас уведомить, во сколько Вы оцениваете его плохую работу, чтобы он смог переслать обратно ту сумму, которая взята им, по Вашему мнению, сверх достоинства его работы и труда» (Л. 17). Отметим, что фотографию И. С. Тургенева, сделанную в последний его приезд на родину М. М. Пановым, писатель подарил Ж. А. Полонской и в письме к ней от 25 августа (6 сент.) 1881 г. назвал этот снимок хорошим.

Факсимиле первой страницы чернового авто-

графа «Бирюка», изготовленное Пановым, было воспроизведено в январской книжке «Исторического вестника» за 1884 г., где появилось также сделанное Подшиваловым по просьбе Шубинского описание рукописей этого и еще трех рассказов из «Записок охотника»: «Лебедянь», «Бежин луг» (начало), «Касьян с Красивой Мечи». В редакционном предисловии к этой публикации сообщалось: «Московский собиратель автографов, А. М. Подшивалов, приобрел недавно от г. Лаврова несколько собственноручных рукописей И. С. Тургенева, именно рассказы: «Бирюк», «Лебедянь», «Бежин луг» (первая половина) и «Касьян с Красивой Мечи» (в двух видах). Г. Лаврову рукописи эти достались случайно, вместе с разными книгами, от одного знакомого Тургенева» (Ист. вестн. 1884. № 1. С. 97).

Случайный характер покупки тургеневских рукописей и непрофессиональные пояснения к ним подтверждают письма Подшивалова к Ив. Ив. Толстому о нумизматике (1884 г.),[392] а также его расписка от 18 марта 1885 г.: «Я, нижеподписавшийся, подпоручик запаса армии Алексей Матвеевич Подшивалов, продал мою коллекцию

---

392 Примечания: 444
См.: *ГПБ.* Ф. 781. Ед. хр. 1176.

босфорских монет, означенных в рукописном каталоге моем, Х. Х. Гиль за 7300 рублей серебром».[393]

Московский корреспондент «Нового времени» сообщил 12(24) октября 1883 г. (№ 2738) о Подшивалове, не называя его: «Недавно один из любителей приобрел от некоего г. Лаврова три собственноручные рукописи Тургенева, представляющие собой оригиналы рассказов из „Записок охотника“: „Бежин луг“, „Касьян из Красивой Мечи“ и „Бирюк“. Рукописи эти остались у прежнего владельца потому, что он переписывал их для печати. Некоторые из них замечательны по характерному письму и рисункам, сделанным на полях рукою И. С. Так, в одном месте изображена женская головка, окруженная сапогами, дальше чьи-то роскошные локоны и некоторое подобие лошади с длинной уродливой шеей. Рукописи подписаны Тургеневым». Эта информация была перепечатана в первом издании «Новостей и биржевой газеты» 13(25) октября (№ 193).

Дальнейшая судьба коллекции Подшивалова неизвестна. Остальные утраченные рукописи «Записок охотника» не оставили даже следов.

---

393 Примечания: 445
ГПБ. Ф. 904. Ед. хр. 279. Л. 2.

Черновые автографы могли быть использованы Тургеневым при подготовке текста «Записок охотника» к первому отдельному изданию, в котором автор восстановил многое из того, что не увидело света на страницах «Современника». Лавров, продавший Подшивалову четыре автографа, возможно, и был одним из тех писцов, кто готовил «цензурную» рукопись цикла рассказов и очерков в первые месяцы 1852 г.

14(26) октября 1883 г. «Русский курьер» (№ 210) поместил сообщение об автографах других рассказов из «Записок охотника»: «Мы получили следующее письмо о рукописях И. С. Тургенева:

„Вероятно, у многих является мысль: где хранятся рукописи покойного писателя и хранятся ли они где-нибудь? С особенным удовольствием могу сообщить, что некоторые рукописи из сочинений Ив<ана> Сергеевича, как, например „Свиданье“, „Лес и степь“ из „Записок охотника“ и др<угие> до сего времени целы; но находятся они в руках гешефта, оценившего все эти рукописи в 60 рублей.

Вчера я видел эти пожелтевшие листики (и сейчас они взяты мною на время). Я думал было их приобрести, но, к моему прискорбию, цена, назначенная за них, мне непосильна. Не худо

бы, думаю, было, если бы почитатели идеалиста-художника, хотя бы как-нибудь в складчину, приобрели эти рукописи и поместили их на память, куда следует.

Примите <…> Митрофан Ив. Семаков

(Адрес в редакции)

12 октября 1883 г.“»

Эта «любопытная справка о рукописях Тургенева» была перепечатана в «Новостях и биржевой газете» (Первое издание. 1883. 16 окт. № 196). В тот же день «Русский курьер» (№ 212) сообщил дополнительные сведения о характере и судьбе названных автографов: «Немедленно после напечатания письма некто Н. М. Чукмалдин заявил, что он желает приобрести их в пользу сибирского университета. Переговоры между г. Чукмалдиным и г. Я., в руках которого находятся рукописи, происходили в редакции. Мы видели рукописи только „Свидания“ и „Леса и степи“. Они представляют из себя переписанные набело экземпляры рукою самого Тургенева и несомненно получены из типографии, где печатались эти „Записки охотника“. Г. Чукмалдин желает приобрести все рукописи, но опасается недоразумений, которые могут возникнуть из-за прав на них, так как г. Я. не может представить никаких докумен-

тов. Он утверждает, что приобрел их от бывшего служителя И. С. (Тургенева). Ввиду этого продажа рукописей на время отложена, а редакция предложила напечатать настоящую заметку в надежде, что благодаря огласке выяснятся права на эти рукописи».

4 ноября в той же газете (№ 231) появилось извещение: «Редакция „Русского курьера“ вызывает г. Я., продавшего рукописи Тургенева, для объяснений». Владельцем автографов, приобретенных г. Я. „от бывшего служителя“ автора „Записок охотника“, стал П. М. Третьяков. Это подтверждается тем, что среди поступивших от него в Публичную библиотеку рукописей оказались и беловики двух рассказов, впервые кратко описанные в газете «Русский курьер»: «Свидание» и «Лес и степь».[394]

В настоящем издании публикуются тексты черновых автографов «Записок охотника», хранящихся в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР и в Парижской Национальной библиотеке.

До последнего времени исследователи обра-

---

394 Примечания: 446

Отчет императорской публичной библиотеки за 1885 год. СПб., 1888. С. 71.

щались к этим автографам эпизодически — при изучении *Программ* «Записок охотника»,[395] в процессе наблюдений за характером авторской работы,[396] для восстановления доцензурных вариантов, а иногда и для уточнения окончательного авторского текста. В 1955 г. появилось обстоятельное, научно-комментированное описание всех автографов «Записок охотника», хранящихся в государственных архивах СССР, выполненное Р. Б. Заборовой и М. А. Шелякиным.[397] При подготовке т. 4 академического собрания сочинений И. С. Тургенева, изданного в 1963 г., все эти автографы были прочитаны подготовителями данной книги и результаты этой работы учтены в критике текста первого стереотипного издания 1880 г., выбранного в качестве основного. Тогда же в Институт русской литературы (Пушкинский дом) начали поступать фотокопии автографов «Записок охотника», хранящихся в Парижской Национальной библиотеке и из-

395 Примечания: 447

Клеман. Программы. С. 88-126.

396 Примечания: 448

См.: *Клеман М. К.* Стилистическая работа Тургенева // Лит. учеба. 1934, № 7. С. 89-95.

397 Примечания: 449

См.: *Заборова Р. Б.* и *Шелякин М. А.* Рукописи «Записок охотника // *Орл. сб. 1955.* С. 385-427.

вестных до этого лишь по описанию проф. А. Мазона.[398] В полном виде, с последовательными слоями авторской правки, тексты черновых автографов публикуются впервые.

Автографы «Записок охотника» дошли до нас не в полном составе. Сохранилось 15 черновых автографов, причем один из них — неполный, беловых известно только 7. Местонахождение рукописей 9 рассказов в настоящее время совершенно неизвестно. Наглядное представление о рукописном фонде «Записок охотника» дает таблица, где обозначено наличие автографов каждого рассказа с указанием места хранения:

	Черновые	Беловые
Хорь и Калиныч	—	—
Ермолай и мельничиха	—	—
Малиновая вода	*ГПБ*	—
Уездный лекарь	*ГПБ*	—
Мой сосед Радилов	—	—
Однодворец Овсяников	—	—
Льгов	—	—
Бежин Луг	*ЦГАЛИ* (неполный)	*ГПБ*
Касьян с Красивой Мечи	—	—
Бурмистр	*ГПБ*	—

---

398 Примечания: 450
Mazon P. 80-85.

Контора *ГПБ* —
Бирюк — —
Два помещика *ГПБ* —
Лебедянь — —
Татьяна Борисовна и ее племянник — —
Смерть *ГПБ* —
Певцы*ГПБ ГПБ* и *ГИМ* (авториз. копия)
Петр Петрович Каратаев — —
Свидание*ГПБ ГПБ*
Гамлет Щигровского уезда *ГПБ* —
Чертопханов и Недопюскин*ГПБ ГПБ*
Конец Чертопханова *BN BN*
Живые мощи *BN BN* и *ИРЛИ* (авториз. копия)
Стучит! *BN* —
Лес и степь*ГПБ ГПБ*

Всех автографов было не менее 50 — по черновому и беловому каждого из 25 рассказов. Можно с уверенностью сказать, что сразу набело Тургенев не написал ни одного из них — так велика работа по отделке стиля, поискам нужного слова, которая заключена в известных нам черновых автографах «Записок охотника». Для рассказов «Живые мощи» и «Стучит!», написанных в 1870-е годы, кроме того, существовали заготовки, сохранившиеся в архиве писателя с 1840-х годов. Начальные страницы «Живых мощей», «Свиданья»

и особенно рассказа «Стучит!» были, очевидно, отработаны Тургеневым в ранних набросках, поэтому первые листы черновых автографов этих рассказов похожи на перебеленный черновик. В целом же для черновых автографов «Записок охотника» характерна необычайно густая правка по всему тексту. Это при том, что Тургенев приступает к писанию рассказа, когда в его сознании определилась линия развития действия, основные эпизоды и сложились характеристики персонажей. Композиционные перестановки не столь часты в черновых автографах «Записок охотника»; они встречаются там, где изложение строится при помощи нанизывания звеньев, как, например, в рассказе «Живые мощи», где перемежаются случаи из жизни Лукерьи, ее сны и сказания, или, например, в рассказах «Бежин луг», «Смерть», «Лес и степь», где все изложение построено на нескольких эпизодах. В тех же случаях, когда содержание рассказа составляют образные характеристики, как, например, в рассказе «Два помещика» («Два соседа»), изложение наиболее близко к беловому автографу и даже к окончательному тексту, что, впрочем, мало облегчает прочтение чернового автографа, как правило, многослойного и сложного. Тургеневу

свойственно стремление добиваться возможного совершенства в черновике. Потому его беловые автографы близки к текстам первопечатных публикаций. Черновые автографы «Записок охотника» — все полные, в том смысле, что нет обрывов авторской работы с возвращением по нескольку раз к ее началу. Тургенев пишет иногда с промежутками, как, например, «Бежин луг», «Гамлет Щигровского уезда», «Конец Чертопханова», но доводит рассказ до конца и правит его сплошь и постоянно в процессе писания. Это работа напряженная, кропотливая и кружевная по тонкости. Она в высшей степени отмечена печатью индивидуальности Тургенева, его писательской неудовлетворенности и взыскательности к себе. Самая трудность автографов «Записок охотника» для прочтения, мельчайший почерк, неразборчивость правки — это как бы преграда, воздвигнутая автором для того, чтобы сделать сокровенным первоначальное несовершенство создания и процесс творческих поисков. Но, обнаженная впервые, эта работа знакомит читателя с мастерской художника слова.

В разделе «Черновые редакции» сохранившиеся черновые автографы 16 рассказов из цикла «Записки охотника» публикуются по их пер-

воначальному слою, насколько он поддается выявлению.

Варианты, образованные последующими наслоениями на этот первоначальный текст (замены, дополнительное вписывание, изъятие части текста, не требующее восполнения), приводятся подстрочно, с обозначением последовательных слоев литерами: *а, б, в* и т. д. Под литерой *а* печатается часть публикуемого первоначального текста, точно соответствующая по объему приводимым подстрочно вариантам. В отдельных случаях вставки из-за их большого размера включены в связный текст, разумеется, с соответствующей оговоркой; приведение их под строкой лишило бы возможности раскрыть многослойную правку внутри этих вставок и, кроме того, вызвало бы чисто технические затруднения.

Текст воспроизводится в основном в соответствии с орфографическими нормами нашего времени, но с сохранением написаний и колебаний, отражающих явления языка. Пунктуация по возможности точно передает автографическую, за исключением случаев, когда эта последняя существенно осложняет и затрудняет понимание написанного.

ТУМАН И СТЕПУШКА

(с. 263)

Черновой автограф рассказа «Малиновая вода» *(ГПБ).*

Писано чернилами на двойном листе писчей бумаги большого формата с обеих сторон каждого листа. Первоначальное заглавие автографа — «Туман» с последующей припиской: «и Степушка» — изменено автором: «Малиновая вода». Подпись: Ив. Тургенев.

Начиная со слов «спустился с обрывистого берега» (см. с. 263 наст. изд.) писано более светлыми чернилами. Такими же чернилами сделаны исправления в предыдущем тексте, что свидетельствует о внесении в рассказ исправлений не только в процессе писания, но и при последующем прочтении. Очень мелкий почерк (местами буквы достигают одного мм), многослойная правка некоторых частей текста, не всегда законченная автором, и специфическая графика отдельных букв чрезвычайно затрудняют чтение автографа.

Правый нижний угол 1-го листа оторван еще до того, как Тургенев приступил к работе: строки

тщательно огибают кромку обрыва. Сведения о повреждении текста этим обрывом («Нижний правый угол, с текстом, оторван»), приведенные в описании рукописей И. С. Тургенева (*Заборова Р. Б.* Рукописи И. С. Тургенева: Описание. Д., 1953. С. 12), не верны.

Рассказ писался в Париже (возможно, частично в Куртавнеле) в середине сентября — октябре ст. ст. 1847 г. (см.: *Сочинения II.* Т. 3. С. 454) и опубликован в «Современнике», 1848 г., № 2 (ценз. разр. 31 янв.).

УЕЗДНЫЙ ЛЕКАРЬ

(с. 273)

Черновой автограф рассказа *(ГПБ).*

Писано чернилами на двойном листе писчей бумаги большого формата с обеих сторон каждого листа.

Начиная со слов «Не знаю, чем я заслужил…» запись сделана более светлыми чернилами и более тонким пером. Правка обильная, но не многослойная, местами неоконченная. Лишь в отдельных случаях появляется третий слой исправлений.

На полях 1-го листа — наброски *Программ V,*

VI и VII «Записок охотника» (см.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 467-469), повторяющаяся много раз надпись: «Гоголь, Gogol, Н. В. Гоголь» и арифметический (видимо, денежный) расчет:

1
4
2
5
4
4

---

20 мар

На оборотной стороне 1-го листа — рисунки пером: два мужских профиля, кинжал. Надписи: «Victor Hugo; Charles X, Макгда, Холера». На полях лицевой и оборотной сторон 2-го листа дважды написано слово «женится» (или «женился»), не связанное непосредственно с контекстом. Вероятно, Тургенев записал его для памяти, чтобы не забыть упомянуть в финале рассказа о женитьбе лекаря. Подпись: «И. Т.»

Рассказ писался в Париже (возможно, частично в Куртавнеле) с конца августа до середины ноября ст. ст. 1847 г. (см.: *Сочинения II.* Т. 3. С. 556) и опубликован в «Современнике», 1848 г., № 2 (ценз. разр. 31 янв.).

БЕЖИН ЛУГ

(с. 283)

Черновой автограф рассказа *(ЦГАЛИ).*

Писано чернилами на 8 листах синей писчей бумаги с обеих сторон каждого листа. Листы 1-2 и 5 не сохранились. Сведения о несохранившейся части приведены А. М. Подшиваловым (см.: Ист. вестн. 1884. № 1. С. 97-99), в собрании которого была только «первая половина» чернового автографа «Бежин луг». По сообщению А. М. Подшивалова, интерес фрагменту придавала «характеристика мальчиков, встречающихся в рассказе. Так, сбоку, в конце, следующие выноски: Федя — красав., смел.; Павлушка — труслив; Илюша — поэтич.; Костя — глупый и мрачный. На одном из листов нарисован портрет Кости» (Там же. С. 98).

Многочисленные поправки автографа произведены более светлыми чернилами; ими же записана значительная часть рукописи («Ну да знаем, — проговорил он наконец». — с. 287-291 наст. изд.), имеющая поправки более темными чернилами, из чего можно заключить, что работа над произведением протекала с перерывами.

В *ЦГАЛИ* рукопись поступила из Государственного Литературного музея, который приобрел ее в свою очередь в одном из книжных магазинов Москвы (см.: И. С. Тургенев. Рукописи, переписка и документы: Бюллетени Литературного музея, М., 1935. № 1. С. 10). На переплете — экслибрис: «Comte Michel Keller».

Рассказ писался в Петербурге в начале 1851 г., о чем автор сообщал Е. М. Феоктистову 16(28) февраля 1851 г. (см.: *Письма II.* Т. 2. С. 92), и помещен в № 2 «Современника» за 1851 г. (ценз. разр. 13 февр.).

ПОРОДА

(с. 299)

Черновая рукопись рассказа «Бурмистр» *(ГПБ).*

Писано чернилами на 4 листах бумаги без водяных знаков, 355Х214 мм, с обеих сторон каждого листа (кроме последнего). Первоначальное заглавие «Порода» в автографе зачеркнуто и заменено другим: «6. Бурмистр».

В автографе — многочисленные поправки теми же чернилами; реже встречается правка карандашом, вероятно, поздняя, о чем свидетельствует вписанная тем же карандашом фраза: «Самые <*нрзб.*> робко выставляли свои [кудрявые]

взъерошенные головы». В большинстве случаев карандашная правка обведена чернилами.

На полях 1-го листа — пробы пера, росчерки; под нарисованной пером маской с широченным носом и растянутыми в улыбке губами надписи: «Mariquita», «D. Pablo»; рядом: «D. Pablo Sitches», «feuille», «Pauline», «Bacounine. 1840. 1842»; цифровые обозначения: 40/2.32. 24/г 700. Здесь же — *Программа I* «Записок охотника» (см.: *Сочинения II.* Т. 3. С. 374). На обороте 1-го листа — росчерки пером, надписи: «Ciao!», «Lindloro».

На обороте 2-го листа — росчерки пера, две портретные зарисовки; рисунки: головы лошади и лошади, падающей через голову; рука, держащая на весу (за пояс) человечка, другая рука отталкивает первую; ручка с перьями на обоих концах; надписи: «Joh», «Johannes Ronges», «Buddhism».

На полях 3-го листа надпись: «Jenny Lind».

На обороте 3-го листа — обращения, имеющиеся в рассказе «Два помещика»: «Палл Асиличь, Михалл Ванычь».

На полях 4-го листа — портретная зарисовка с надписью: «due de Prasline», а также *Программа II* «Записок охотника» (см.: Там же). Рядом запись: «Контора»; мужской профиль и рисунок ноги,

согнутой в колене.

На обороте 4-го листа *Программы III и IV* «Записок охотника» (см.: Там же) и проект обложки отдельного издания «Записок охотника» (*Программа IVa:* Там же.). Здесь же — рисунки пером и многочисленные надписи, не относящиеся к тексту рассказа.

В конце текста — подпись: Ив. Тургенев (относящаяся и к рассказу «Контора»).

КОНТОРА

(с. 315)

Черновой автограф рассказа *(ГПБ).*

Писано чернилами на 4 листах бумаги большого формата, без водяных знаков, размером 355Х212 мм (л. 1-3) и 227Х212 мм (л. 4). Первые три листа исписаны с обеих сторон. Цифра 9 возле заглавия соответствует порядковому номеру рассказа «Контора» в первом перечне рассказов из цикла «Записки охотника», как написанных, так и только задуманных, сделанном на полях черновой рукописи «Бурмистра» *(Программа I* «Записок охотника» — *Сочинения II.* Т. 3. С. 374). Подпись: И. Т. Правка сделана в два приема — сначала теми же чернилами, а затем — карандашом.

В правом верхнем углу первой страницы авторская помета: Тургенев. На полях 3-го листа рисунок пером: человек в постели; здесь же надписи: «Mardochee»„ «Judas Machabee», «Ермолай», «Jermolai», «Jeremie», «Victorine», «Part-Henia», «Jermolay». Нижняя часть 4-го листа оторвана. В верхней его части рисунок: бегущий человечек с непомерно большим мечом. На обороте 4-го листа: мужской профиль и нога, согнутая в колене; надписи: «Nicolas», «Наташа», «Tille», «Nicolas», «Henri Pottinger».

Конец черновой редакции «Конторы» существенно отличается от ее печатной редакции. Вместо строк черновика: «В теченье месяца число дворовых людей г-жи Лосняковой уменьшилось двумя — мужчиной и женщиной. Читатель, вероятно, угадает их имена» — в печатном тексте читаем: «Неделю спустя я узнал, что госпожа Лоснякова оставила и Павла и Николая у себя в услужении, а девку Татьяну сослала: видно, не понадобилась».

Рассказ писался в Париже и Куртавнеле со второй половины июля до конца августа 1847 г. и опубликован в № 10 «Современника» за 1847 г. (ценз. разр. 30 сент. 1847 г.).

БИРЮК

(с. 335)

Текст 1-го листа чернового автографа печатается по факсимиле (Факсимиле одной из рукописей Тургенева // Ист. вестн. 1884. № 1. С. 98-99). Нынешнее местонахождение автографа неизвестно.

Некоторые сведения о черновом автографе «Бирюка» содержатся в переписке московского коллекционера А. М. Подшивалова с редактором «Исторического вестника» С. Н. Шубинскнм (см. об этом выше).

В заметке, предваряющей публикацию в «Историческом вестнике», сообщалось о нескольких тургеневских автографах, приобретенных Подшиваловым, и было дано их описание; о «Бирюке» сказано следующее: «Благодаря любезности г. Подшивалова, мы прилагаем к настоящей книжке „Исторического вестника“ точный снимок с первой страницы рукописи „Бирюк“ и присоединяем к нему подробное описание рукописей, сделанное, по нашей просьбе, г. Подшиваловым.

Бирюк на двух отдельных четвертушках листа и на листе почтовой бумаги, исписанных кругом. Первая страница, приложенная здесь,

точно воспроизведена фотогравюрой московским художником-фотографом М. М. Пановым. Стр. 4 (на полях) исписана рисунками нескольких профилей мужских лиц. Тут же сбоку на французском языке выписаны все лица комедии Бомарше „Севильский цирюльник“. Рукопись оканчивается фамилией — Viardot, написанной рукой Тургенева…» (далее описаны автографы рассказов «Лебедянь», «Бежин луг» и «Касьян с Красивой Мечи»).

Вслед за тем в «Историческом вестнике» приведена транскрипция текста первого листа чернового автографа «Бирюка».

Факсимиле, изготовленное более 100 лет назад, представляет для прочтения гораздо большую трудность, чем подлинник; оно не дает отчетливого изображения, волосная линия тургеневского штриха только угадывается; техническое несовершенство всего больше сказывается на зачеркнутых местах. Транскрипция текста обходит самые трудные места и изобилует ошибками, происходящими от прочтения механического, а не осмысленного; например, зачеркнутые слова «ползла» и «как змея» (о дороге) прочитаны как не связанные по смыслу и потому неверно: «глухо» и «шла змеей». Однако нельзя совершенно

игнорировать тот факт, что транскрипция, пусть очень несовершенная, основывалась на недоступном теперь автографе. Поэтому в тех случаях, когда текст факсимиле не поддается прочтению, под строкой приводится соответствующее место из транскрипции Подшивалова.

Первый лист автографа «Бирюка» уснащен разнообразными пометами, надписями и рисунками. На полях — завитки, рисунки женского профиля и женской ножки; дважды повторено: «Théodore Mundt». Поперек полей нарисован мужской профиль, дважды повторено: «*<1 или 2 нрзб.>* culpa», затем стоит имя Sébastien и различные вензели, почти на пол-листа — рисунок лошади. На левой нижней стороне полей — два мужских профиля.

Написание чернового автографа «Бирюка» может быть отнесено ко второй половине или концу ноября 1847 г., поскольку окончательное название рассказа было впервые обозначено в *Программе VII* «Записок охотника».

Записи на полях первого листа автографа, воспроизведенного факсимильно в «Историческом вестнике», и прочие, описанные там же, не имеют более точных примет времени; они расшифровываются предположительно и не могут

быть сведены к узким хронологическим рамкам. «Sebastien» означает, возможно, заметку для памяти об опере Г. Доницетти «Don Sebastien, roi de Portugal»; опера была поставлена в Париже в 1843 г., постановка вызвала критические отзывы; в 1849 г. спектакль был возобновлен, и в письме к П. Виардо от 27 июня (9 июля) 1849 г. Тургенев делился впечатлениями *(Письма II.* Т. 2. С. 293 и 411). Отзывы о немецком писателе и критике Теодоре Мундте были у Тургенева устойчиво негативными на протяжении 1840-х годов (см. в письме Т. Н. Грановскому от 18(30) мая 1840 г. и в письме к П. Виардо от 26 ноября (8 дек.) 1847 г. — *Письма II.* Т. 1. С. 155, 238 и 373). С «Севильским цирюльником» (речь идет, конечно, не о комедии Бомарше самой по себе, как это истолковано в сообщении «Исторического вестника», а об опере Дж. Россини) связано одно из сильнейших музыкальных впечатлений и потрясений в жизни Тургенева. 22, 27 и 29 октября 1843 г. П. Виардо выступила в роли Розины в итальянской опере на сцене петербургского Большого театра; в одном из этих спектаклей Тургенев впервые увидел и услышал ее, и произошло их знакомство. С тех пор Тургенев не пропускал случая слушать П. Виардо в опере Россини. Таким образом, пометы

на полях чернового автографа «Бирюка», сами по себе значимые, не дают возможности свести датировку к *дням* работы Тургенева над рассказом.

** *[Я стал ждать] другой молнии (как говорит г. Виктор Гюго)…* — Из написанного и опубликованного В. Гюго к 1848 г. этим словам отвечает только начало главы XII романа «Ган-Исландец», где речь идет о двух путниках, застигнутых грозой вблизи развалин замка Виглу. Гюго пространно описывает одну вспышку молнии и другую («Un nouvel eclair» — см. Oeuvres de Victor Hugo, Bruxelles, 1836. т. L P. 118). При подготовке текста «Бирюка» к публикации в «Современнике» (1848, № 2) Тургенев отказался от этой литературной реминисценции.

ДВА СОСЕДА (с. 337)

Публикуется впервые, по автографу *(ГПБ)*.

Записано чернилами на двух листах писчей бумаги; первый — двойной, второй — одинарный, с незаполненной оборотной стороной. На полях — вставки, в тексте исправления чернилами и мелкая карандашная правка. В правом нижнем углу последнего листа на полях — мужской профиль. На последнем листе вверху зачеркнутое

заглавие: «Русский немец».

Работа над черновым автографом «Двух помещиков» продолжалась, очевидно, в течение полгода — с апреля до ноября 1847 г., в несколько приемов. Рассказ озаглавлен в черновом автографе первоначально «Два соседа», а в *Программах* он фигурирует уже под названием «Два помещика»; правка в тексте, по крайней мере, двуслойная, чернилами и более поздняя — карандашом. В частности, карандашом исправлено имя «Степан Илларионович» на «Вячеслав Илларионович»; правка не доведена Тургеневым до конца — очевидно, это было сделано при перебеливании; фамилия второго персонажа — «Стяжкин» — была исправлена на «Стегунов», видимо, также при перебеливании или в беловом автографе, неизвестном нам. Тогда же, очевидно, была вычеркнута и фраза, лишний раз подчеркивающая принадлежность Стегунова уходящим временам: «Увидав его в первый раз, я невольно сказал самому себе: „Вот он, наконец, помещик [старого] прежнего веку“».

В остальном черновой автограф «Двух помещиков» насыщен густой мелкой правкой по всему тексту — лексической, синтаксической, стилистической. Несомненно, что Тургенев начал

писать рассказ, когда в его сознании сложились образные характеристики, определилась последовательность эпизодов. Черновой автограф «Двух помещиков» не фрагментарен, он не имеет композиционных перестановок, но отмечен напряженной, кропотливой работой над словом. В воспоминаниях Я. П. Полонского причина изобильной мелкой правки в черновых автографах Тургенева объясняется особенностями его творческой индивидуальности: «Тургенев сознавался нам, что он не может продолжать писать, если не доволен фразой или местом, которое не удалось ему. — Другие на это не обращают никакого внимания, пишут все, с начала до конца, вчерне, потом постепенно отделывают по частям, иногда с начала, иногда с конца. Так писал Диккенс. Одни пишут отрывками и потом сводят их» (И. С. Тургенев у себя в его последний приезд на родину: Из воспоминаний Я. П. Полонского // Нива. 1884. № 4. 28 янв. С. 90). Такой способ был для Тургенева неприемлем; ему было свойственно добиваться возможного совершенства в черновике.

СМЕРТЬ (с. 348)

Черновой автограф *(ГПБ).*

Писано чернилами и карандашом на 5 листах белой почтовой бумаги (без водяных знаков) с обеих сторон каждого листа (кроме 4-го и 5-го). На л. 1 и 4 об. сохранились даты: «Paris le 24 Novembre [18]47» и «Paris, le 7 Decembre [18]47». Большая часть текста написана чернилами черного цвета, с последующей густой и многослойной правкой теми же и более темными чернилами. На л. 1-1 об. небольшие части текста: «А<рдалион> М(ихайлович) объявил«>Мы поехали» и «В траве«>Весело проводил я время в Чаплыгине» — писаны карандашом; лишь на л. 5 карандаш наряду с чернилами применен для правки.

В автографе содержатся все основные эпизоды первопечатной редакции; отсутствуют лишь отдельные детали. Например, в описании Красногорской больницы еще нет текста: «На первом листке этого альбома <*>Gean Kobyliatnikoff»; в характеристике Авенира Сорокоумова нет абзаца: «И степняки и образованные помещики ∞ заикался»; в портрете немочки-гувернантки отсутствует зарисовка: «с белокурыми кудрями и синими глазками».

На л. 3 перед эпизодом об Авенире Сорокоумове вновь введено заглавие: «Смерть».

На л. 5 надпись «Likhatchoff», имеющая, вероят-

но, отношение к поискам фамилии помещика с дочерью (в эпизоде об Авенире Сорокоумове).

На обороте 4 л. помета (по всей вероятности, И. Бычкова) «1885.86/7».

Рассказ писался в Париже с 24 ноября по декабрь 1847 г. и опубликован в № 2 «Современника» за 1848 г. (ценз. разр. 31 янв.).

ПРИТЫННЫЙ КАБАЧОК (с. 363)

Черновой автограф рассказа «Певцы» *(ГПБ).*

Писано чернилами на 6 листах писчей бумаги с обеих сторон каждого листа. Размер: 272X212 мм. Подпись: Ив. Тургенев.

На с. 1 автографа небольшая часть текста («Н<иколай> И<ваныч> женат ∞ личики» — с. 366 наст. изд.) писана карандашом, почти совершенно стершимся; в этой части текста поддаются прочтению только отдельные слова.

На полях, против того места, где содержится описание пения Якова, написано: «Чахот.» (вероятно, для памяти — чтобы внести в текст указание на чахоточный склад или болезненное состояние Якова Турка, чего, однако, сделано не было). На полях также несколько рисунков пером (профиль человеческой головы, рука) и 13 строк цифр — даты дней недели по новому и старому

стилям.

На первой странице автографа — предварительный перечень персонажей рассказа:

Цел<овальник> Ник<олай> Ив<аныч>
Жена его
Дочь — 9 лет.
Моргач.
Обалдуй.
Дикий барин.
Яков Турок.
Рядчик.
Серый мужичок.

На листе 3 — *Программа X* «Записок охотника» (см.: *Сочинения II.* Т. 3. С. 382-384).

В конце рукописи, после подписи Тургенева, его же рукой написано: «Описать, как мальчики гоняют лошадей в пустыри на ночь. — Огни». На полях против этого места: «Бежин луг».

Ниже — рукой И. А. Бычкова: «Шесть (6) листов. Библиотекарь И. Бычков. 1885. 86/8».

Рассказ создавался в августе-сентябре 1850 г. в с. Спасском и напечатан в № 11 «Современника» за 1850 г. (ценз. разр. 31 окт.).

СВИДАНЬЕ (с. 385)

Черновой автограф рассказа «Свидание» *(ГПБ).*

Записано чернилами на 6 листах писчей бумаги; к 4-му листу сделана вставка, написанная на обороте письма Тургенева (черновик) к Н. В. Самойловой, датированного на основании содержания октябрем 1850 г. (см.: *Письма II.* Т. 2. С. 436). Этим же временем следует датировать и публикуемый автограф. Рассказ опубликован в № 11 «Современника» за 1850 г. (ценз. разр. 31 окт.).

Судя по характеру почерка и незначительности правки, рукопись (первые три страницы) была начата как беловик, вероятно, с не дошедших до нас набросков и затем продолжалась как первоначальная черновая рукопись.

Заключительные абзацы (начиная со слов: «Я вышел из рощи в поле») испещрены густой сетью правки и значительно расширены по сравнению с первоначальным слоем более темными чернилами. На нижнем поле предпоследней страницы написано слово «напев», не приуроченное точно ни к какому конкретному месту текста.

На полях рукописи — цифровые расчеты:

104 18 19

— — — =8; 13=18

108 6 18

На последнем листе — рисунок пером (мужской профиль) и набросок списка действующих лиц комедии «Провинциалка».

ОБЕД

(с. 395)

Черновой автограф рассказа «Гамлет Щигровского уезда» *(ГПБ).*

Записано чернилами на 7 листах писчей бумаги 273Х242 мм (л. 1-2), 271Х212 мм (л. 3-6) и 252Х185 м (л. 7).

На оборотной стороне 1-го листа снизу: «Борис Вязовнин, Роман».

Первый и второй листы, содержащие описание «обеда», сдвоены. Качеством бумаги и форматом они отличаются от последующих листов (четырех сдвоенных и одинарного), на которых изложена исповедь героя, имеющая подзаголовок «К обеду». Обе части рукописи разнятся также плотностью записи и густотою чернил, что особенно заметно при сличении л. 1-2 и 3-4. Все это позволяет предположить имевший место перерыв в работе над произведением, вчерне законченным не ранее последних чисел мая 1848 г., на поле седьмого

листа выставлена дата, которую можно принять за начало письма: Paris. Dimanche, 28 Mai 48.

Рукопись имеет авторскую пагинацию: 1 (л. 1-2), 2 (л. 3-4), 3 (л. 5-6). Текст многослойный. Исправления, дополнения, вставки сделаны в основном теми же чернилами, какими написан первый слой, и частично — карандашом.

На полях рукой Тургенева набросаны *Программы VIIIa* и *IX* «Записок охотника» (см.: Сочинения 11. Т. 3. С. 381-382) и проект обложки отдельного издания цикла — на л. 5 (см.: Там же. С. 383), несколько портретных зарисовок гротескного характера, главным образом мужских голов, и другие рисунки, цифровые вычисления дней и месяцев, а также надписи: Евгений Андреич <Пол> Задорсский, Е. А. Б., Eugene Baratynnski, Eugene Viviere, Евгений Bubie, Eugene Parisine Viviere (л. 1); Гр<аф> Васильский, Кн(язь) Васильчиков, Граф Блудов, Граф Уваров, Григорьев, Georges Herweg, Grigorieff, Pauline Viardot, Tourgueneff, Tnier (л. 1 об.); А позвольте вам, Милостивый государь, заметить, Пропал, Провалился (л. 2); Фидуцио, Н. Р., P. V. (л. 3); the, Fantom, Day, loe Deel, L. G. Bentinek (л. 4 об.); Conack, Gsllon (л. 5 об.); Pauline, Parisiene (л. 6 об.); guten morgen (л. 7); cholera, холера (л. 7 об.).

< ЧЕРТОПХАНОВ И НЕДОПЮСКИН> (с. 426)

Черновой автограф рассказа (ГПБ).

Писано чернилами на 4 листах писчей бумаги (без водяных знаков), с обеих сторон каждого листа. Размеры: 330X247 мм (л. 1) и 373X233 мм (лл. 2, 3, 4).

На л. 1, в правом верхнем углу: «Лист 1-й»; здесь же рисунок пером — чей-то профиль; в левом нижнем углу — другой профиль. На обороте первого листа — начало очерка «Несколько дней в Пиренеях» (см.: *Сочинения II.* Т. 1. С. 413-414). На полях надписи: «Бумага удивительная. Тургенев», «Продолжение Пом<ещик> Черт<опханов> и Двор<янин> Нед<опюскин>». Дата: «15 av... 1849» и денежный расчет: 8000X6=48 000.

На л. 2 в правом верхнем углу рукой Тургенева: «2-й лист»: на л. 3 в правом углу: «3-й лист».

Рассказ писался в Париже весной 1848 г. и опубликован в № 2 «Современника» за 1849 г. (ценз. разр. 31 янв.).

КОНЕЦ ЧЕРТАПХАНОВА (с. 449)

Черновой автограф рассказа *(BN).* Печатается по фотокопии с автографа (*ИРЛИ).*

Писано чернилами на 36 листах, с обеих сто-

рон каждого листа. Начало рукописи, вероятно, представляет собой перебеленный текст с неизвестной черновой записи, обращенный потом в черновик.

Во многих случаях поправки вносились более бледными чернилами или карандашом.

На полях — рукой Тургенева — календарные и другие расчеты. На титульном листе:

В. 28
Суб. — 27. Июня. — П. 29
1 Суб. — 4 -ля Вт. 30
2 Суб. —11, — С. 1
3 Суб. — 12 — Ч. 2
4 Суб. — 25 — П. 3
5 Суб. 1 авг. С. 4
6 Суб. 8 авг.
7 Суб. — 15 авг.

На листе 1:

90
3
— ———
270
45
— ———
315.

На листе 36:

1. — 19.
7 — 27.

Надпись на л. 1: «Бумага хорошая. Бумага очень хорошая».

Надпись Тургенева на титульном листе: «Travaille. Конец Чертапханова, рассказ Ив. Тургенева. Начат в понедельник, 22/10-го мая 1871. в Лондоне, 16, Beaumatstrcet, кончен — в середу — 11-го сент./30-го авг. 1872. в S. Valery sur Sommet mais du Ruhaut. (36 стр.). NB. Писал с огромными промежутками. — „Вешние воды“ были написаны в это время). Напечатан в ноябрьской книжке „Вестника Европы“ за 1872-й г.»

На последнем листе, за текстом рассказа: «Ив. Тургенев. Сен-Валери сюр Comm. (mais du Ruhaut). Середа, 11-го сентяб./30 августа 1872, в половине четвертого по полудни».

ЖИВЫЕ МОЩИ (с. 486)

Черновой автограф рассказа *BN).* Печатается по фотокопии с автографа *(ИРЛИ).* Описание подлинника дано в кн.: *Mazon.* P. 85-86.

Записано на 8 листах писчей бумаги. На обороте заглавного листа — набросок письма к Я. П. По-

лонскому. Остальные листы, кроме последнего, также заполнены с обеих сторон, что составляет, по авторской нумерации, 13 страниц.

На 1-м, заглавном листе в верхнем правом углу — рисунок: мужской профиль в парике XVIII в. и несколько стилизованных подписей Тургенева. Листы разделены вдоль на две половины, из которых одна использована для исправлений и вставок. На л. 2 (с. 1 по авторской нумерации) в верхнем углу проба бумаги: «Хороша ли бумага? Да» — и ниже, росчерком, проба пера. На л. 7 об. (с. 12 по авторской нумерации) в левом нижнем углу рисунок — мужской профиль.

Время работы над черновым автографом рассказа определяется датами на заглавном листе автографа — «Париж. Rue de Douai 48. Янв<арь> 1874.» — и в конце его: «8(20) янв(аря) 1874. 5 часов п<о> п<олудни>». Дата черновика сопроводительного письма к Я. П. Полонскому: «Париж. 17(29) янв<аря> 1874 г.»; под окончательным текстом письма к Я. П. Полонскому, опубликованным в «Складчине», стоит дата: «Париж. 25 января 1874 года». Как парижская дата, эта последняя должна, казалось бы, означать 25 января по новому стилю, т. е. 13(25) января. В то же время она не могла опередить дату черновика — 17(29) января.

Это заставило автора настоящего комментария высказать в излишне категоричной форме сомнение в правильности прочтения А. Мазоном даты черновика письма к Полонскому (см.: *Сочинения I.* Т. 4. С. 604). Однако проверка даты подтвердила чтение Мазона. Объяснение заключается в следующем: Тургенев, датируя письмо к Полонскому, в его окончательной редакции имел в виду русского читателя «Складчины», поэтому он проставил дату старого стиля, которая, таким образом, означает: Париж, 25 января (6 февраля) 1874 г.

Хронология работы Тургенева над «Живыми мощами» в январе 1874 г. такова: Январь — до 8(20). Тургенев пишет рассказ. 8(20) января. Дата окончания чернового автографа. 8(20) января — 17(29). Работа над беловым автографом рассказа. 17(29) января. Написано предисловие к публикации в «Складчине» — черновик письма к Я. П. Полонскому.

19(31) января. Отправляет П. В. Анненкову рукопись рассказа *(Письма I.* Т. 9. С. 189-190). Всего вернее, это был не беловой автограф, а писарская копия его. В ней, как и в беловом автографе, присутствовал «пассажик», снятый затем Тургеневым по замечанию Анненкова (см. выше примеч. к рассказу «Живые мощи»).

7 января (6 февр.). Получив от Анненкова письмо (оно неизвестно) и копию рассказа, Тургенев правит ее и перебеляет черновик письма к Полонскому.

7 января (7 февр.). В письме к Анненкову Тургенев сообщает, что возвращенная им рукопись «уже отправлена в Петербург» *(Письма I.* Т. 9. С. 193).

Палеографический анализ текста чернового автографа, конечно, затруднен недоступностью подлинника. Однако о почерке Тургенева можно судить и по фотокопии. Можно с уверенностью сказать, что первоначальный слой чернового автографа — не ранний набросок, а текст, написанный на его основе в декабре 1873 г. и затем поправленный и дополненный. Почерк Тургенева во вставках на полях несколько отличается от почерка первоначального слоя — убористостью, скорописными начертаниями и наклоном; но это не является основанием для отнесения его к более раннему времени. Он совпадает с почерком Тургенева в письме к Я. П. Полонскому от 17(29) января 1874 г. и, с другой стороны, разительно отличается от почерка Тургенева в черновых автографах «Записок охотника» 1840-х годов.

СТУЧИТ! (с. 505)

Печатается по фотокопии чернового автографа, хранящегося в *BN*; фотокопия — *ИРЛИ.* Р. 1. Оп. 29. № 170.

Автограф, насколько можно судить по фотокопии, занимает 8 листов, заглавный лист — с чистой оборотной стороной, остальные 7 листов заполнены с обеих сторон (по авторской нумерации 14 страниц — ср. описание в кн.: *Mazon*. P. 82).

Листы разделены вдоль на две половины, одна из них предназначена для исправлений и вставок. На л. 2 (по авторской нумерации — стр. 1), против текста «Что же мы станем ∞ и дроби привезу», на полях столбцом перечислены отрезки пути:

45 до Тулы
20 до боль<шой> д<ороги>
8 до броду
12 от броду д<о> б<ольшой>
25 по б<ольшой> дор<оге>

Время работы над рассказом обозначено автором на заглавном листе чернового автографа: «Начат в Спасском, в пятницу 7(19) июня 1874, кончен там же — в понедельник 10(22) июня 1874

в 4 часа». Ту же дату окончания повторяет помета в конце автографа, после подписи «Ив. Тургенев» — «с. Спасское. Понедельник, 22-го/10 июня 1874. 4 часа дня».

Черновой автограф содержит полный текст рассказа. В результате обильной кропотливой правки со вставками окончательный слой текста приближается к первопечатному. Промежуточный текст — беловой автограф — неизвестен.

ЛЕС И СТЕПЬ (с. 524)

Черновой автограф рассказа *(ГПБ).*

Писано чернилами на двух листах бумаги без водяных знаков, размером 270X210 мм, с обеих сторон каждого листа. Автограф не подписан.

На полях 1-й страницы — арифметический расчет: цифра 34 из четырех слагаемых — 9, 12, 5 и 8.

На обороте 1-го листа — набросок программы очерка (расшифровки в угловых скобках условны):

В.<есенне> У.<тро> Л.<ес> ос.<енний> д.<нем>

Л.<етнее> У.<тро> и Д<ень> Л.<ес> о. св. д.

В.<ечернее> Н.<ебо> Поез<дка> в степь.

Л.<ес>

Предположение Р. Б. Заборовой, будто запись

эта представляет собой перечень названий некоторых еще только задуманных очерков «Записок охотника» (*Орл. сб. 1955.* С. 399), лишено оснований.

Очерк писался в Париже в ноябре и декабре 1848 г. в *ГПБ* хранится его беловой автограф (наборная рукопись). Опубликован в № 2 «Современника» за 1849 г. (ценз. разр. 31 янв.).

ПЕРЕВОДЫ ИНОЯЗЫЧНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ К ЧЕРНОВЫМ РЕДАКЦИЯМ

стр. 299 — le gros bon sens — грубый здравый смысл *(фр).*

— il faut prendre cela en consideration — надо принять это во внимание *(фр.).*

стр. 301 — mais c'est delicieux! Mais comment donc! — забавно! Как же! *(фр.).*

— impayable — бесценно *(фр.).*

стр. 302 — Pardon, mon cher — Извините, дорогой *(фр.).*

стр. 303 — Voila, mon cher, les desagrements de la campagne — Вот, дорогой мой, неприятности деревенской жизни *(фр.).*

— C'est arrange! — Все устроено! *(фр).*

— potentat absolu — неограниченный властелин *(лат.).*

— Ce sera charmant — Это будет прелестно *(фр).*

c'est leur affaire — это их дело *(фр.).*

— une forte tete — умная голова *(фр.).*

стр. 308 — N'est-ce pas, que c'est touchant? — Не правда ли, это трогательно? (*фр*.)

стр. 309 — Quel gaillard? — Каков молодец? *(фр.).*

стр. 314 — Je vous demande bien pardon, mon cher — Прошу извинить меня, дорогой мой *(фр.).*

— *с*'est le mauvais cote de la medaille… — это оборотная сторона медали… *(фр.).*

стр. 343 — Boa Constrictor — удав*(лат.).*

стр. 349 — marchand de nouveau les — торговец молодым лесом *(фр.).*

стр. 414 — der Russe — русский*(нем.).*

стр. 437 — variatio delectat — разнообразие радует*(лат.).*

стр. 440 — de gustibus non est disputandum — о вкусах не спорят*(лат.),*

стр. 442 — Comment vous parlez, Monsieur? — На каком языке Вы говорите, сударь? *(фр.)*

— Vous parlez Français — Вы говорите по-французски *(фр).*

стр. 453 — etc — et cetera — и так далее *(лат.).*

стр. 524 — fur sich — для себя *(нем.).*

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

[] — в прямых скобках печатается текст, зачеркнутый в рукописи.

<> — в ломаных скобках печатаются слова, пропущенные в рукописи, части недописанных слов, восстанавливаемых по смыслу, и другие редакторские добавления. В тех случаях, когда в рукописи остаются неразобранные слова, в ломаные скобки заключается цифра, указывающая количество этих слов, и сокращенное слово *нрзб.*

? — вопросительный знак в ломаных скобках ставится после предположительно прочитанного слова.

… — тремя точками в ломаных скобках обозначаются пропуски в тексте, сделанные редактором.

* — звездочкой обозначаются подстрочные примечания без специального указания на принадлежность их Тургеневу.

Анненков. Воспоминания — Анненков П. В. Литературные воспоминания. М., 1960.

Бакунин — Бакунин М. А. Собр. соч. и писем / Под

ред. Ю. М. Стеклова. М.: Изд. Всесоюз. общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934-1936.

Белинский — Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1953-1959. Т. 1-13.

Богдановы — Богдановы Л. и В. Родной край в произведениях И. С. Тургенева. Орел, 1959. (Гос. музей И. С. Тургенева).

ГАОО — Государственный архив Орловской области.

ГБЛ — Государственная Библиотека СССР им. В. И. Ленина. Отдел рукописей.

Герцен — Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР. 1954-1965.

ГИМ ОПИ — Государственный Исторический музей. Отдел письменных источников

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея

Житова — Житова В. Н. Воспоминания о семье И. С. Тургенева. Тула, 1961.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР. Рукописный отдел.

Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., [1917]. Вып. II, ч. 1; М., 1929. Вып. II, ч. 2.

Клеман. Программы — Клеман М. К. Програм-

мы «Записок охотника» // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та. Сер. филол. Т. 76, вып. 11. Л., 1941. С. 88-126.

ЛН — Литературное наследство. М., 1931-1987. Т. 1-93.

Миллер — Публичные лекции Ореста Миллера. 2-е изд., дополненное шестью лекциями, не вошедшими в первое издание. СПб., 1878.

Некрасов — Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: М.: Гослитиздат, 1948-1953. Т. 1-12.

Оксман — Оксман Ю. Г. От «Капитанской дочки» А. С. Пушкина к «Запискам охотника» И. С. Тургенева. Саратов, 1959.

Орл. сб. 1955 — «Записки охотника» И. С. Тургенева (1852-1952): Сб. статей и материалов. Орел, 1955. (Гос. музей И. С. Тургенева).

Орл. сб. 1960 — И. С. Тургенев (1818-1883-1958): Статьи и материалы / Под ред. акад. М. П. Алексеева. Орел, 1960. (Гос. музей И. С. Тургенева).

Письма I — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма: В 13 г. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961-1968.

Письма II — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., Наука, 1982 — издание не закончено.

Рукописи «Записок охотника» — Заборова Р. Б. и *Шелякин М. А.* Рукописи «Записок охотника» //

«Записки охотника» И. С. Тургенева. 1852-1952: Сб. статей и материалов. Орел, 1955. С. 385-427. (Гос. музей И. С. Тургенева).

Рында — Рында И. Ф. Черты из жизни Ивана Сергеевича Тургенева. СПб., 1903.

Соболевский — Великорусские народные песни. СПб., 1896. Т. II; СПб., 1897. Т. III.

Сочинения I — Тургенев И. С.. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.: В 15 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960-1968.

Сочинения II — Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. М.: Наука, 1978-1986.

Т. сб (Кони) — Тургеневский сборник / Под ред. А. Ф. Кони. Пб.: Коопер. изд-во литераторов и ученых, 1921. (Тургеневское общество).

Т. сб. I — V — Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева. I-V. М.; Л., 1964-1969.

ТСС — Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т. М., 1975-1979.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов.

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

ЦГИА — Центральный государственный исторический архив СССР.

ЦГИА г. Москвы — Центральный государственный исторический архив г. Москвы

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград)

Чернышевский — Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. М.: ГИХЛ, 1948-1953. Т. 1-16 (доп.).

Delaveau — Recits (Tun chasseur par Ivan Tourguenef / Traduits par H. Delaveau. Seule edition autorisee par Tauteur. P., 1858.

Mazon — Manuscrits parisiens d'lvan Tourguenev / Notices et extraits par Andre Mazon. P., 1930.

BN — Bibliotheque Nationale (Национальная библиотека, Париж).